

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

QCA

31.12.1919

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

1919
10-11
1-12
1-12

Историческая
Истина
1919
10-11
1-12
1-12

Историческая
Истина
1919
10-11
1-12
1-12

ИИ

1866.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18⁶⁵₆₆

КНИЖКА X.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи А. К. Курьера.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
648500 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1933 L

Доволено Ценсурою 31 Мая 1866 года. Вильна.

ХРОНИКА
1866
ВИАРА

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА:

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

ВЪ ВУДУЩЕМЪ ЕГО 18⁶⁶/₆₇ ГОДУ.

Вмѣсто всѣхъ прелюдій, нерѣдко самовосхваленій, которыми переполнены объявленія подобнаго рода и въ которыхъ мы нисколько не нуждаемся, — мы скажемъ кратко, что посильное служеніе наше дѣлу русской вѣры и народности продлится до тѣхъ поръ, пока Богу угодно будетъ поддерживать наши силы на этомъ поприщѣ, или пока обстоятельства, отъ насъ независящія, не поставятъ насъ въ печальной необходимости прекратить изданіе. Къ такимъ обстоятельствамъ мы относимъ, съ обычною намъ откровенностью, преимущественно возможность оскудѣнія матеріальныхъ средствъ; но мы вѣримъ, что люди русскіе не допустятъ насъ, или точнѣе — русское дѣло въ западной Россіи, до этой печальной возможности. Съ такою вѣрою и молитвою къ Богу, мы смѣло пу-

скаемся въ открытое предъ нами поприще
новаго нашего года.

Всеголихъ остается крѣпко верить своей программѣ :

Отдѣлъ I.

Здѣсь будутъ помѣщаться сокращенныя въ разнѣхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народнобытовой исторіи западной Россіи, въ *бухгалтерскіхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводомъ на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, — съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ, и съ приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Открыты и разныя изъ собою процедуры быта и нравовъ, на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ, и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи западной Россіи, — труднымъ изслѣдованіемъ вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, — біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, — свѣденія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и списаніи абсолютной историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ западной Россіи и заслуживающихъ вниманія владокъ на Вѣстникъ, — опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и гражданство, диспропорціонныхъ почтено врагами нашего отечества за границей, а не рѣд-

во и у насъ, — общечислю ихъ во вѣдомъ вѣдомомъ фаворъ, — вообще вѣдомъ со вѣдомъ, что вѣдомъ къ вѣдомомъ благого-
стольнѣ и вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ и вѣдомъ.

Отдѣлъ IV.

Повѣсти, разсказы, очерки, выписки и извлеченія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ связи съ ея прошед-
шею исторіею, — свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ
вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде
къ Россіи, — о русской грамотности и распространеніи ея въ обла-
стяхъ западной Россіи, — новыя государственныя постановленія и
иногда административныя распоряженія, исключительно каса-
ющіяся сихъ странъ, — извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ
журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Рос-
сіи, — библиографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и
брошюрахъ, и тѣхъ предметовъ эти страны, — некрологи и раз-
ныя мѣстныя статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ
рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденція. Объявленія,
и проч.

ВѢСТНИКЪ

Выходитъ съ іюля мѣсяца, еженеделно, количествомъ отъ 13—16
листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ВИЛЬНѢ, — въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ
г. *Семковскаго*.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, — у комиссіонера „Вѣстника“, книгопро-
давца *А. Θ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Каза-
нскаго моста, въ домѣ Ольхиной.

ВЪ МОСКВѢ, — у такоюжъ комиссіонера, книгопродавца *А. Н.*
Серапютова, на Никольской улицѣ, во флигелѣ Законодатель-

скаго монастыря; у книгопродавца г. *Черемна*, на Никольской улицѣ, и въ книжномъ магазинѣ г. *Базунова*.
ВЪ ВАРШАВѢ,— у книгопродавца г. *Кожанчикова*, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

для жителей *Вильны*, безъ доставки **6** р. **50** к., съ доставкой на домъ **7** руб. **50** коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи **8** руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала: „**Вѣстникъ западной Россіи**“, *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю „**Вѣстника**“ Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать „**Вѣстникъ**“ за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за **18⁶³/64** годъ, для жителей *Вильны*, по **5** руб., для иногородныхъ по **6** руб.; за **18⁶³/64** годъ—для первыхъ по **6** руб., для послѣднихъ по **7** руб., за **18⁶⁴/65** годъ для первыхъ по **7** руб., для послѣднихъ по **7** руб. **50** коп. Для выписывающихъ „**Вѣстникъ**“ за *истекшіе* годы не менѣе 10-ти экземпляровъ дѣлается **5**% уступки въ цѣнѣ, не менѣе **25—100**%,—**50—15**%—**100—20**%.

Редакторъ-Издатель **К. Говорскій**.

Редакторъ-Сотрудникъ **И. Эрмичъ**.

Дозволено Ценсурю 22 іюня 1866 года. *Вильна*.

Въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія.

1.

№ 15-й.

**МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.**

1.

**Выпись изъ книгъ земскихъ воеводства минскаго фондушевой записи, данной Анною изъ Огинскихъ Стеткевичевою православному Прилуцкому монастырю на разныя угоды, земли и имѣнія.
1636 г. (*)**

Лѣта отъ нароженя Сына Божого тысяча шестьсотъ тридцать шестого месаца Генваря двадцать первого дня.

На рокахъ (срокахъ) теперешнихъ судовыхъ земскихъ потрехъ кроляхъ святе Римскомъ въ року выписаномъ припалыхъ и порядкомъ статutowымъ судовне въ Минску отпрованыхъ передъ нами Мартиномъ Володковичомъ судью Самуелемъ Немстою Подсудкомъ а Кристофомъ двориномъ его королевское милости и писаромъ врадники судовыми земскими воеводства Минскою постановившисе очевисто у суду ее милости пани Анна Огинска Вильгельмова (по другому списку Веніамина — что и вѣротнѣе) Стеткевичова Подкомориная Браславская покла-

(*) Документъ свидѣтельствующій православіе и ревность къ нему предковъ, ополячывшихся въ послѣдствіи западно-русскихъ дворянъ Огинскихъ, Стеткевичовъ и князей: Заславскихъ, Вишневецкихъ и Горскихъ.

дала и признала листъ свой добровольный водле правъ справлений фундушъ на речъ меновите въ томъ листе описанную и просила абы тотъ листъ ее милости до книгъ справъ вечистыхъ земскихъ воеводства Минского былъ вписанъ которого того листу фундушу мы судъ оглядавши и читаного выслухавши, казали есмо его до книгъ земскихъ вечистыхъ вписать, который вписуючисе въ книги слово отъ слова такъ се въ себе маеть: я Анна Огинская Вильгельмовая (Веніяминова) Стеткевичова Подкомориная Браславская чиню явно и сознаваю симъ моимъ добровольнымъ листомъ вечистымъ фундушомъ кому бы то ведати належало нынешнимъ и напотомъ будущимъ людемъ, ижъ я по небошкю покойномъ его милости пану Вильгельму Стеткевичу Подкоморымъ Браславскимъ малжонку моею маючи доживотне на маетности Прилукахъ въ воеводстве Минскомъ лежащей, въ которой-той маетности съ давныхъ часовъ церковь се находовалажъ противко воротъ дворныхъ заложеня Святое-Троицы: въ которой церкви тѣлъ зацныхъ (знатныхъ) барзо много, яко-то княжихъ Заславскихъ, Вишневецкихъ, Горскихъ и иншихъ звароду шляхецкого поховано, гдѣ тежъ и я милаго малжонка моего его милости пана Вильгельма (Венямина) Стеткевича Подкомораго Браславскаго и сына своего его милости пана Яна Стеткевича Хоружаго Оршанскаго поховала, тамъ же и я сама, хочу абы при миломъ малжонку и сыну моему тело мое по смерти было положено, гдѣ тежъ замыслю, если ми Господь Богъ живота продолжить и мурованую (каменную) выставить. А же помененая Церковь жадное фундаціи немела, про то я хочечы, абы въ той церкви хвала Божая и молитва уставичная якъ за души змарлые, такъ тежъ и за здоровье живыхъ домовства нашего Окгинскаго и Стеткевичовскаго николи не уставала на што маючи себе даного отъ чесного Отца Теофилакта Игумена Минского зъ Монастыря и Церкви светыхъ Апостоль Петра и Павла чесного господина отца Юсифа Груковича на игуменство и побожныхъ иноковъ благословеніе ясне въ Бозе превелебнейшаго его милости отца Петра Могилы архіепископа митрополита Кіевскаго и Галицкаго и всея Руси Екзархы трону Константинопольскаго, архимандрита Печерскаго

стверженныхъ упатриламъ на выховане тыхъ иноковъ селко Сухочичье, въ которомъ-то селе мешкаючи те-перь Кашинскій, а маючи доживоте на трехъ волокахъ трехъ тежъ подданныхъ держать въ певной границы одъ села Шпилекъ подданныхъ княжаты его милости Радивиля на той границы концовъ чотыри, концемъ однимъ одъ села Тимошкевичъ, а другимъ концемъ отъ гостинца што идетъ зъ Минска до Слуцка презъ Гайчино, тые три волоки што Кашинскій держать достал-нее отъ княжаты его милости Радивиля ей милости пани маршалковой небощицы свекрови моей заменою. Также подъ Лепаргомъ волока одна подданные-зась три, которые никому суть незаведены держатъ волокъ три Омелянъ, Семень, Иванъ Годиловичи, на три волоки тые сеножать надъ рекою Пчычомъ, прозываемае Сер-ковка, зъ одное стороны съ сеножатыми села Лецков-щизны; а зъ другое села Тимошкевичъ конецъ до реки Пчыча (Птича), до четвертое волоки сеножати не машь. (нѣтъ) на высокомъ полю для пашни дворца Мона-стырскаго волокъ чотыри, до тыхъ волокъ сеножать заразъ не подалеко того мейсца, гдѣ дворець маетъ быть монастырскій въ полъ зъ ее милостью панею Нарушевичевою, и другая сеножать Поповка противъ сто-долы, которые то помененные волоки за всемъ на всемъ, якъ тые, што Кашинскій, Лепартъ и подданные держатъ зъ будованемъ строеніями и зо всеми принадлежностями, такъ-тежъ и што на дворную пашню отделены, на монастырь свой прилуцкій даю и записую, и гору, на которой колись была церковь Успенія Пречистое Бого-родицы, названую германовскую съ двема огородами вко-ло тое горы; которая лежитъ почавши отъ дороги, што идетъ зъ Минска до Гритчина подъ самымъ дво-ромъ аж до реки Пчыча, зъ другое стороны дорога де-литъ, которая идетъ до Лецновщизны, зъ трети сто-роны дѣлятъ сеножати села Подгая надъ рѣкою Пчы-чешъ, зъ четвертое стороны копцы усыпаны три, на монастырь, въ которомъ мешкати будутъ чернцы дала есни зъ будованемъ; а на церковь прилуцкую мона-стырь и селко Слухочичи, въ которомъ волокъ два-дцать зо всеми принадлежностями зъ свое власное

сумы маючи пять тысячей злотыхъ съ которыхъ одну тысячу на погребъ себе оставивши, а чотыре тысячи на тое селко Служочычи вношу, въ млине тежъ мерки и заплаты жадное, если на монастырскую потребу будутъ молоть, арендарь мой братъ не маеть николи, тое все якъ церковь, монастырь и село Служочыцы разъ въ моць и держане отцу Иосифу Игумену и брати его, которыхъ маеть быти пять, подаю. А же по смерти моей тая маетность моя Прилуцкая спадеть на его милость папа Христофора Стеткевича сына моего, такъ-тежъ и на внуки мои, а дети годное памяти небощика его милости папа Яна Стеткевича хоружаго оршанского, теды якожь сама устне упросила его милости папа Христофора Стеткевича сына моего абы тоей фундаціи моей не нарушалъ, который ми то не тылько самъ за себе але и за потомки свои прирекъ фундаціи моей не нарушать и уни не вправажать, такъ-тежъ, если бымъ взросту внучковъ моихъ, а детокъ небощика папа Яна Стеткевича сына моего недочекала; теды оныхъ отожь тылько прошу. Еслибы тежъ, чего Боже уховай, который зъ нихъ такъ неуважнымъ знаполсе, на котораго часть съ подѣлу тотъ кгрунтъ, на которомъ тая Церковь стоитъ, такъ-тежъ и село служочычи названое, а схотѣлъ бы тотъ фундушъ мой нарушить, теды таковый повинень будетъ чотыри тысячи золотыхъ до рукъ отца Игумена минскаго церкви святыхъ апостоль Петра и Павла такъ-тежъ и Игумена моего Прилуцкаго и брати его отдать, а самага еднанкъ такового предъ справедливого судью Милостиваго Бога позываю. Церковь еднанкъ и монастырь, же зъ давнихъ часовъ на тыхъ кгрунтахъ бывали теды немають быти жаднымъ способомъ порушены. А помененный отецъ Игумень Минскій и мой Прилуцкій за тые гроши повинны будутъ, упатривши себе кгрунтъ и фолваркъ, купить на выховане. Отецъ Игумень тежъ мой Прилуцкій, якъ теперь, такъ и въ потомные часы маеть быти подаваный каждый и дозированный зъ братією своею и суженый отъ отца Игумена Минскаго, ведле листу на благословеніе данаго отъ его милости въ Бозе велебнаго отца Петра Могилы митрополита Кіевскаго

въ не уніи будучаго. А тая церковь съ початку своего до сего часу, якъ не знала уніи съ костеломъ римскимъ, такъ и въ потомные часы вечно zostавати масть подь послушенствомъ митрополиты Кіевскаго, который послушный будетъ патриархи Константинопольскаго, яко и теперешній. До которое то церкви и монастыра штомъ-колвекъ за живота моего справила и надала, а што еще надамъ, або отпишу теды то маеть вечно zostавати при церкви волугъ инвентару, который есть написанный отъ отца Игумена Минскаго, а въ тое вже а ни я сама, а ни панове сынове мои и внукове, а ни жадень (ни одинъ) съ кривныхъ и повинныхъ моихъ вступатисе не маеть и мочи не будетъ вечными часы, едвакъ, абы тая фундація моя вечно трвать могла, теды по животе моемъ въ опеку и оборону тотъ монастырь мой Прилудкій его милости папу Богдану Стеткевичу подкоморому мстиславскому сыну моему милому якъ единовѣрному въ послушенстве всходнемъ найдуючемуся зо мною послолу злецаю (поручаю), а по животе его милости въ томъ дому пановъ Стеткевичовъ якъ-то: его милости папа Христофора Стеткевича подкомораго Браславскаго его милости папа Богдана подкомораго мстиславскаго и небощика его милости папа Яна Хоружаго Оршанскаго, сыновъ моихъ милыхъ если зъ ихъ потомства будутъ тогожъ вызнаня и послушенства, теды старшая леты и близшая до дедицтва маеть быти една персона опекуномъ того монастыря Прилудкого, а чого боже не дай, если бы въ тымъ дому стеткевичовскомъ тое веры и вызнаня не стало персоны теды тая опека спадати маеть на братство Минское светыхъ апостоль Петра и Павла вечными часы, которое не есть въ уніи. А для лучшее твердости того вечистаго фундушу моего печать свою притиснуть велевши рукою моего подписаламъ до которомъ тежъ упросила людей задныхъ обывателей воеводства минскаго, абы печати свои притиснувши руки свои подписали, которыхъ имена и прозвиска нижея руками ихъ милостей суть выражены: Деялосе въ Минску року отъ нароженя Сына Божого тысяча шестесть тридцать пятаго мѣсяца декабря двадцать осьмого дня. У того листу фундушу печатей при-

весистыхъ чотыре и подпись рукъ письмомъ польскииъ, тыми словы: Анна Окгинская Стеткевичова рукою властною. Яко упрошенный Христофъ Стеткевичъ подкоморой Брацлавской рукою властн. Яко упрошенный печатникъ Федоръ Друцкй Горски войтъ Мински рукою властною. Илья Володковичъ рукою властною. Который тотъ листъ фундушъ на речъ въ немъ въ середине описанную прозьбою ее милости папи подкомориное брацлавское до книгъ справъ вечистыхъ земскихъ воеводства Минскаго есть вписанъ и сесь выпись съ книгъ подъ печатями нашимъ врадowymi велебному отцу Юсифу Груковичу Игумену монастыря Прилуцкаго и по немъ настоятелемъ его есть выданъ писанъ у Минску.

Мартинъ Володковичъ судья земскй мѣнскй рукою властною.

МШ. МЦ.

Христофъ Володковичъ писарь.

Року тысяча шестсотъ шестдесять четвертаго мѣсяца маія двадцать шестого дня тотъ экстрактъ въ Бозе веленый его милость отецъ Германъ Высоцкй наместникъ монастыря Минскаго на враде кгородскомъ минскомъ до актъ покладалъ.

Александръ Такаевскй писарь Кгородскй наместникъ воеводства Минскаго.

Сей документъ заимствованъ изъ архива Пинскаго Боголюбленскаго монастыря.

№ 16-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ УНІИ ВЪ ЗАПАДНОЙ
РОССІИ.

1.

Квитъ возпаго виленскаго Яна Кильбора, которыгъ объявлено митрополиту Упатію Поцью, что онъ зовется на судъ сейма вальнаго королевскаго, православнымъ братствомъ. 1605 года, октября 22 дня.

Я Янъ Венцславовичъ Кельборъ возный господарскій воеводства виленскаго сознаваю тымъ моимъ квитомъ ижъ року теперъ идучого тысяча шесть сотъ пятого мѣсяца октебра двадцать втораго дня, маючи я возный пры себѣ сторону двоухъ шляхтичовъ землянъ господарскихъ воеводства виленскаго пана Мартина Вонюша а пана Яна Павловича Восовскаго, позвы господарскіе Виленскіе, суду господарскому его королевской милости на соймъ вальный зъ радою его королевской милости и всеми станы сойму вальному судити належачіе, не скробаные (подскобленны), не мазаные, въ датѣ (числѣ), въ речи и во всѣхъ пунктахъ згодливые и передъ тою стороною шляхтою скорыкгованые (проверенные) и вычивенные положилъ есми въ мѣстѣ господарскомъ столечномъ Виленскомъ въ монастырь заложения светое пречистое Божое Матеры въ дворѣ мешканью его милости въ Бозѣ велебного, въ Бозѣ достойного отца Ипатія Поцѣя, митрополита Кіевскаго Галицькаго, въ томъ монастырѣ заложения светое Пречистое лежачомъ у ворота великіе уѣздные того монастыря двора мешканья его милости митропольего увоткнулъ и враднику и челеди его милости будучой, которую ходячую на томъ дворѣ его милости видѣль, ока-

заль, оповѣдать и обволать есмь тое положене позву писаные тые позвы господарьскіе земскіе на сеймъ вальный по его милости отца Ипатія Потѣя, митрополита Кіевьского и Галицкогю, въ жалобѣ старостѣ брацтва церковного, въ мѣстѣ господарьскомъ Виленскомъ лежачого, пана Василя Харевскаго а пана Петра Илича, землянь господарскихъ у великомъ князствѣ Литовскомъ осѣдлыхъ, и именемъ иныхъ ихъ милостей князей, пановъ и всего стану рыцарскаго обоего народу и стану посполитого, почавши одъ високого духовного и свѣтскаго чоловѣка въ томъ брацствѣ Виленскомъ релии Греческое трону патрыархи Костантинопольскаго ажъ до на нижшого стану изъ мѣста господарьского Виленского въ томъ брацствѣ сполку будучого о нарушенье одъ отца Ипатія Потѣя релии старожитное Греческое и о знесенье и звонтпленье декретовъ судовъ головныхъ трибунальныхъ за прыпозваньемъ отъ его милости двѣма мандаты (указами) задворными. О чомъ ширей и подостатку вся речъ и жалоба ихъ, на тыхъ позвехъ господарьскихъ на сеймъ належачихъ, по его милости отца митрополита положонныхъ, описана и доложона есть. За которыми тыми позвы господарскими и рокъ на соймѣ вальномъ передъ его королевскою милостію и всеми станы сойму належачими, который соймъ на першій по положенію тыхъ позвовъ зложенъ и отправанъ будетъ, становитисе обѣюмъ сторонамъ, поводовой и отпорной, симъ квитомъ моимъ складаю и ознаймую и для вѣдомости положеня позву, року певны, вѣдомы и пильны были; елинь сесь квити мой подъ печатю моею и подъ печатями стороны шляхты, при мнѣ на тотъ часъ будучое пры позвѣ въ томъ монастыру въ дворѣ мешканя его милости у воротахъ оставилъ и у воткнулъ, а другій такий-же квити мой слово въ слово писанный пры позвѣ противномъ у старостѣ брацтва Виленского релии стародавное Греческое подъ печатю моею и тоижъ стороны шляхты для довоженя позву и року оставилъ есмь. Писанъ у Вильни, року дня и мѣсяца верху на датѣ помененого.

На оборотъ листа помѣты: Dowod na pierszy pozev odschismatykov. Pozev po Ie M. X. Pocieia metrop. 0

unia od bractwa Wilenskigo y caley wuzmy. 1605, die 22 Oktobra.

Religio Wilno.

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ при свят. прав. синодѣ, подѣ № 20 лит. А.— писанъ на $\frac{1}{2}$ лис. обыкновенной писчей бумаги, мелкою, неразборчивою скорописью. Въ концѣ подлинника приложены три перстневья печати: вознаго и двухъ шляхтичей, имена которыхъ въ текстѣ рукописи, написаны другими чернилами, что доказываетъ, что имена ихъ были вписаны въ послѣдствіи времени. Печати оттиснуты на красно восковой мастикѣ въ рядъ, подѣ бумажкою.— Края листа сгнили и разорваны.

Сообщ. Н. Григоровичъ.

2.

Жалоба, записанная въ главныя книги минскаго трибунала, православныхъ монаховъ Павла и Пафнутія на унитскаго митрополита Ипатія Потѣя, который преслѣдуетъ ихъ и наноситъ разнымъ лицамъ нестерпимыя обиды, — 1609 года, октября 29 дня.

Видымусь сѣнигъ головныхъ трибунальныхъ у Менску отъ православныхъ.

Лѣта отъ нароженя Сына Божяго тысеча шесть сотъ девятого месяца Октебра двадцать девятого дня.

Передъ нами судьями головными на трибуналъ у великомъ княжестве литовскомъ зъ воеводства, земель и поветовъ на рокъ теперешній тысеча шесть сотъ девятый обраными, отъ правъвуючы намъ справы, суду головному належачые, у Минску, постановившисе очевисто у суду отцове духовные *Павелъ, Пафнотій* еромонахи, покладали жалобу свою на писмѣ на его милость отца Ипатя Потя въ тые слова писаную:

„Милостивые панове судовые! Оповедаемъ се ваш-
 ностямъ вамъ обтежливе тяжко жалуюемъ, я Павелъ и
 я Пафнутій еромонахи, глирики патрiархи костанты-
 нопольскаго, сами отъ себе и именемъ ихъ милостей
 въ Бозѣ велебныхъ епископовъ, архимандритовъ и игу-
 меновъ и всего духовенства, священническаго и кли-
 рошанскаго стану такъ въ коронѣ польской, яко и у
 великомъ княствѣ литовскомъ рели старожытное гре-
 ческое послушнства патрiархи костантынопольскаго
 на его милость отца Ипатея Потея, менуючаго се
 быть митрополита Кіевскаго и Галицькаго, владыку
 Володымерскаго и Берестейскаго послушенства коста-
 ла Римскаго, отомъ ижъ его милость перво сего, то
 есть въ семь року тисеча шесть сотъ девятомъ меся-
 ца іюня петнадцатого дня оповедалъ и пофалку, (хваст-
 ливость) право и покой посполитый взрушаючы, въ
 месте *Новгородскомъ*, презъ посланца сего *Антонія Гре-
 ковича* дьякона збѣга брацтва виленскаго учынилъ, гро-
 зечы тымъ всимъ, которые бы его за пастыра своего
 признавать и слухать не хотели, такъ духовнаго яко
 и свѣтскаго стану людей не только лапанемъ хватаніемъ,
 изловленіемъ визенемъ, арестомъ битемъ и мордованемъ
 (мученіемъ,) але и самимъ на горлѣ каранемъ (наказа-
 немъ) и съ панства его королевское милости выволанемъ
 (изгнанемъ.) Которую то пофалку и прдесевзятъе (пред-
 пріятіе) свое skutкомъ на самомъ дѣлѣ надъ нами вы-
 полняючы, впродъ (прежде) насъ духовныхъ которые
 подъ послушенствомъ его, яко намъ неналежнаго пас-
 тыра, не естесьмо, да его королевское милости, нашо-
 го милостиваго пана, за бунтовники и взрушители по-
 кою посполитаго вдаль.— А потомъ за тымъ уданемъ
 (доносомъ), въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ
 девятомъ, месяца августа разныхъ дней нашодши на
 церкви, въ мѣстѣ Виленскомъ стоячы (находящіеся),
 зъ людомъ служебнымъ до войны належачимъ, презъ
 колько сотъ челоувѣка гайдуковъ, а меновите на цер-
 ковъ светое Пречистое соборную, тамъ-же въ той церкви
 зажки поодбивавши, скарбъ въ той церкви будучый и
 дворъ митрополій мощно кгвалтовне насильно въ мощь
 свою взявши, отцъ *Василія Вербовецкаго*, протопопу го-

роденскаго, и отца Федора дьякона соборнаго, которые на тотъ часъ набоженство (богослуженіе) водлугъ порядку церкви Восточное, утруню у той церкви соборной отпращивали, побравши, въ томъ-же дворѣ митрополемъ до везеня (тюрьмы) осалити казаль (велѣлъ): а потомъ, тогожь дня, кгда (когда) отецъ Пречистенскій священникъ троецкій, посланный будучы отъ брата духовенства до того двора митрополего и церкви соборное, доведующысе, хто бы таковой кгвалтъ насиліе чинилъ, зъ вознымъ прышоль, то пакъ его милость отецъ Ипатей и того священка Троецкаго осадить розказаль.— По которомъ взятъи церкви соборное и осаженю тыхъ духовныхъ, не досыть (довольно) на томъ маючы, тогожь року и мѣсяца августа нашедшы съ тыми-жь гайдуками на церковь Перенесеня светого Николы, въ томъ-же местѣ Виленскомъ подле рынку стоячое, въ небытности на тотъ часъ отца Вареоломая Жежковскаго, протопопы Виленскаго у Вильни, дверы до двору и цвинтара (кладбища) церковнаго выбившы и ушодшы у цвинтаръ, замки поодбивавшы, а дверы церковные штурмомъ военнымъ выбившы, вси скарбы въ той церкви будучые зобраль, и протопопиную зъ дѣтьми малыми зъ дому выкидавшы и всю челядь выгналь, а маетность всю, въ томъ дворе протопопиномъ будучую зобраль; а взявшы церковь и дожь, также и всю маетность, ишоль съ тымъ-же людомъ служебнымъ до церкви Воскресеня Христова, на рынку стоячое, а приходшы до церкви, впродъ дверы колодою до дому отца Леонтея Бобрыковскаго, священника Воскресеньскаго, выбилъ, а выбивши дверы до дому, тоюжь колодою и дверы церковные выбившы, церковь, и дворъ отца Воскресенскаго и всю маетность, скарбъ церковный и его власную забравшы, въ мощь и въ держане свое презъ кгвалтъ взялъ.— А не досыть еще на томъ маючы, ижъ такъ великіе а не слыханые кгвалты церквамъ божымъ и духовнымъ почынилъ, ещо надъ то (сверхъ того) важилсе, на взграду (униженіе) нашу и зельживость (оскорбленіе) всего духовенства рускаго реліи старожитное Греческое, того отца протопопу Городеньскаго человека старого, и отца Троць-

ваго и отца Федора дьякона соборного презъ рынокъ якъ однихъ злочынцовъ (алодѣвъ) отъ светое Пречистое до светое Тройцы монастыра гайдукомъ до бою зготованымъ провадить и имъ се уругать, а потомъ пришедшы до светое Тройцы у турьму подъ звоницу, смродомъ исполненую, осадить росказаль, мордуючы и везеньемъ неслыханнымъ ихъ трапечи, абы его пастыра надъ собою признавшы а записы на себе ему давшы, поприседали, же ему послушни быти мають.— Якожь въ томъ тяжкомъ везеню презъ недѣль тры ихъ державшы, а видечы, ижь они ему поклону яко пастыру отдать и записатисе не хочуть, зъ везеня выпустившы, прочъ зъ монастыра ити росказаль.— По которомъ выпущеню тыхъ духовныхъ зъ везеня, мстечисе надъ тымъ протопопою, баницюю (указъ объ изгнаніи) съ кан-целярии его королевское милости надъ право и звычай хрестіанскій одержавшы, публиковати у Вилни и у иншихъ мѣстахъ даль; чымъ самымъ оказалось, ижь онъ водле пофалки своее такое прыкрости (непріятности) и морды (истязаня) чынить; адотого не тыхъ духовныхъ, але и насъ такимъ-же зневоленемъ до послушенства своего приводить, Якожь и теперь, удавшы мене Пафнотея до его королевское милости за бунтовника якогось, за которымъ то уданемъ и листъ съ канцелярии его королевское милости року теперешнего шесть сотъ девятого, мѣсяца августа двадцать шестаго дня безъ суду и права жадного вынесшы, тутъ до мѣста Мѣнского прислаль, абы мене въ мѣстѣ его королевское милости Мѣнскомъ жаденъ (никто) въ домехъ своихъ не держаль и со мною сполитованя (сообщенія) не мѣль подъ зарукою десетьма тисечъ золотыхъ полскихъ яко то шырей въ листѣ его королевское милости описуеть.— За которымъ то уданемъ и вынесенемъ листу съ канцелярии его королевское милости, я Пафнотей, яко чловѣкъ невинный правомъ у жадного суда не перекопанный отъ его милости отца Ипатея будучы въ станѣ поволаню моемъ духовномъ барзо уражоной то все часу своего прыстойне зъ себе знести и невинность свою показать не занежаю.— Ктому такъ я Павелъ еромонахъ яво первый тотъ часъ и теперь оповедаю его королевское милости отца Ипатея—же его королев-

ское милости и мене удавшы (сдѣлавши доносъ) невинне неслухне и непристойне до его королевское милости пана нашего милостиваго яко бытъ я некакне бунты и седычы вместе Новгородскомъ (заговоры) узрушеню покою носполитаго чинити и его королевское милости помазанпу Божью пану моему милостивомъ што непристойного на казаню (въ проповѣди) мовити мѣль и инными разными способами на учтливой славѣ моей шарпаючи и станъ мой духовны и шляхетскій лжечы (клеветуци) и мажучи (марая).— За котрымъ то уданемъ яко дошла меня вѣдомость язь его милость отецъ Ипатій, давшы вину человеку невинному, николи ни въ чомъ не подеязроному мещанину Новгородскому на име Тихону Баткелевичу, якобы онъ мнѣ Павлу тыхъ бунтовъ и седычый допомагати мѣль, за котрымъ то омыльнымъ (ошибочнымъ) и непристойнымъ уданемъ и декретъ отъ суду его королевское милости асесорского на горло всказаня того Тихона Баткелевича одержалъ, зваснившысе (разсердившысе) на его за то только само, же старожитое вѣры своей благословенства звыклыхъ пастырей своихъ Восточныхъ патрярховъ отступити и его, отца Ипатя за пастыра мѣти не хотѣль; за котрымъ то декретомъ приѣхавшы до Новогородка року теперъ идучого тисеча шесть сотъ девятого, мѣсяца сетебра двадцать третего дня, до везеня мѣсткого до турмы яко на горло всказаного осадити давъ; въ котромъ везеньи оный Тихонъ часъ немалый седечы такъ острый его поступокъ и декретъ презъ него отца Ипатя въ невинности его одержанный а не могучы далѣй такъ срокъого везеня терпеть мусель (долженствовалъ) ему отцу Ипатю мемрамъ (росписку) голый въ томъ везеньи строкгомъ на себе за пастыра его признаваючи, дать, покотромъ даньи мамраму, его Баткелевича его милость отецъ Ипатей зъ везеня выпустить розказалъ.— А выѣзжаючи зъ мѣста Новгородского року теперешнего шесть сотъ девятого, месеца сентебра двадцать семого дня, отца Тихона Гутора, дякона Новгородскаго, который послушенство ему давно выповѣдилъ и до церкви соборное Борыса и Глѣба, которая подъ послушен-

ствоиъ его есть, не ходилъ, то пакъ его милость отецъ Ипатій, просивши его до себе на розмову до дому митрополего, наулицы кгда ишлоъ до него поймати розказалъ, и оковавши его, зъ собою зъ Новгородка, яко единого злочыну, пры возѣ повель, прымушаючы его подъ послушенство костела Рымскаго. Якожь еще не досить на томъ маючы такъ острыхъ а праве (почти) неслыханыхъ мусовъ, (принуженій) которыми всихъ насъ подъ послушенство свое прыволить хочеты, вдаль огорожаючы себе и указуючи невинность свою, зъ насъ духовныхъ на учтливой славѣ мажучы, книжку до друкарни (типографіи) Левона Мямонича, мѣщанина и райцы Виленскаго, на выдрукованье змышленныхъ помовискъ (клеветъ) на насъ въ невинности нашої, межы которыми иньшими змышленными речмы и мене Павла іеромонаха опскалевагъ (оклеветалъ) бунтовникомъ и изброднемъ нѣякимъ безыменнымъ поменягъ напротивъ которому змышленому и зтвореному потвару (клевета) и книжцѣ той, которая безъ тытулу отъ кого и кому належить выдана, за часомъ своимъ я, або ли другіе брате наши которые пры благочестю стародавномъ, отмовить не занехаеиъ (непреинемъ), а теперь, впродъ забѣгаючы небеспечности здоровья своего такъ тежь и иншихъ духовныхъ, брати своее, которые отъ его милости отца Ипатя за пофалками и турбацыями (безпокойствіями) надъ прыстойность свою духовную небеспечни суть, терпечы великіе а неслыханные опресые (притѣсненія) и пренагабана (наругательства) а взрушеніе покою всее Речи Посполитое покой въ рели нашої старожитной Греческой варовать, абы отъ жадное особы— отъ тыхъ, которые унію съ костеломъ Рымскимъ прыняли, оппресый пренебрегана не поносили, упевнити рачыгъ (изволилъ) нижи теперь и надъ тые констытуцыи намъ кгвалтъ и зневоленье се дѣеть.

Што все впродъ забѣгаючы, протестуемосе передъ вашими милостыями, своими милостивыми паны.

Если бы и который кольвекъ духовный, немогучи вытрывати (выдержать) такъ сродкого везена и прес-

ядования у вѣры своей презъ его милость отца Ива-
тія, любь тежь презъ отнятье маестностей и выгнаше
съ церкви якійкольвекъ поклонъ учинилъ и запись на
себе яко приневоленный и страпный (измученный) его
милости даль, абы потомъ намъ и релиа нашой не
шкочило (не вредило), о которые такъ теперь учи-
венные експесы (проступки), яко и потомъ будущые
гдѣ и въ которомъ колвекъ мѣстѣ или селѣ надъ
духовными дѣючыи будутъ мовить и передъ его королев-
ское милостю и всимъ сонатомъ, такъ тежь и всю Речью
Посполитою обоихъ народовъ короны Польское и вели-
каго княжества Литовскаго, указуючы тые вси утиски,
пренагабана, кгвалтъ, мукъ и тяжкое зневоленя до-
незвычайныхъ намъ набоженствъ, вѣры вызваня и по-
слушества самаго, которое ново утворено и намъ надъ
каноны постановлено презъ его милость отца Патей
являться освѣтъчити не занежаемъ, и просимъ вашихъ
милостей, своихъ милостивыхъ пановъ, абы тая на-
ша протестація до книгъ вашихъ милостей головныхъ
трибунальныхъ принята была.

Которая до книгъ есть записана, съ которыхъ и
сесь видимусь подъ печатю земскою воеводства Мѣн-
скаго его милости отцу Ипатю Потю митрополиту
Кіевскому и Галицкому есть выданъ. *Писанъ у Минску.*

Петръ Грыбышскъ скорыковалъ.

На оборотъ листа помѣты „Schizmatycka protestatia Pav-
liskava у Pafnociszova на mit . . . N tribunalu.

Contra metropolitum.

Religio.

Копія.

Protestatia Pavła у Pafnistego zakonnikov Syzmatykov на Po-
cieia oto że pogrozki czyni na syzme, udaie przed krolom, oto że
cei kiev Vilenska Przechystey odebrał у Bazylego Verbavickiego
protopope Gr. dzienskiego z Theodoreм dyakonem osadził в тур-
mie. kaplana Troickiego od bratva cumexpustula przystanego
wieził а potem ich przez rynek prowadzil у przez trzy tygodnie і od
dzwonnicy wieził, Bartlamieia Sasskarskiego protopope Vilenskiego
u condemnate upravit Pafnutego do krola удаł у zeby go u Minsku
nie przyjmowano list odpravit, oto że Pavła за бунтовника przed
kr. l. m удаł, ze на Tychona Batkelevicza mieszczanina Novgo-
r dskiego dekret Assessorycy otrzymał на gardło в Novgrodku go
złapał, poty wieził poki skryptu на vnią nie dał; Tychona Hutora
dyakona złapał у okovavszу z soba poviozł у ziegi podrukovał

и Leona Mamonicza buntownikami nazywaiac; v Minaka die 29 Ubra Anno 1609.—Religio Vilna.

Копія хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. пр. сводѣ, подѣ № 40 лит. А; писана на двухъ листахъ обык. пис. бум. мелкою скорописью.

Сообщ. Н. Григоровичемъ.

3.

Выпись изъ кгородскихъ Владимирскихъ книгъ жалобы дворянки Анны Колпытовской на владимирскаго уніатскаго епископа Іоанна Мороховскаго, выбросившаго изъ соборной церкви тѣла нѣкоторыхъ православныхъ дворянъ, въ томъ числѣ и ея мужа, умершихъ до уніи. 1618 года.

Лѣта Бже нароженіа тысяча шестсоть осмнадцатого Месеца Септембра третого дне.

На вrade Кгородскомъ в Замку Его Королевской Милости володимерскомъ передомною Томашомъ Кгозимирскимъ Вурграбимъ и наместникомъ подстаростье Володимерскаго Ставши очевисто урожоная Ея Милость пани Анна Костюковичовна Хобултовскаго першаго малженства (супружества) Ивановая Сенютова Ляховецкаго а теперешнего Константиновая Колпытовская обтяжливе и праве плачливе ускоржающисе (жалуясь) оповедала и жаловаласе на велебнаго в бозе Отца Іоакима Мороховскаго Епископа Володимерскаго и Берестенскаго ижъ онъ в року не давно прошломъ 1616 не паметаючи на Станъ свой Духовный на котори поволянъ будучи мель и повиненъ былъ и есть повиненъ того остерегать розрученя гробовъ Хрестіянскихъ Шляхетскихъ не только в церкви Головной Епископства Его але инде где в деоезии (епархіи) Его не деялисе вины въ приве описанные мѣсто таковые повинности своее и перестереганя того чога повиненъ онъ самъ в церкви Головной Володимерской Заложена Светои пречистое гробъ мал-

жонка (мужа) моего зешлого (покойного) пана Ивана Романовича Сенюты Ляховецкаго роскидать и склепъ того малжонка моего где тело лежало отъ 30 летъ отворивши остатки человиченства кости зешлого пана Ивана Сенюты не ведать где выкинулъ на котормто малжонку моею быль ланцугъ (цѣпь) золоты за 100 червоныхъ Золотыхъ перстень Золоты з дьяментами за 100 золотыхъ червоныхъ шабля серебромъ злоцистая за 60 золотыхъ а тамъ матку свою невесту (женщину) простую предмещанку лвовскую которое имена ее и назвиска неведаю положить ошто помененая пани Колпытовская оферуючисе (вѣдаясь) З Велебнымъ отцемъ Якимомъ Мороховскимъ такъ и о тое розрученъе гробу не видати где кости подеваль яко и о выны правныи в суде належномъ за тыи походячие праве чинити и тую протестацію внесли которую я протестацію принявши до книгъ Кгродскихъ Володимирскихъ записати казалъ и есть записана.

Сія выпись изъ актовыхъ владимирскихъ книгъ съ подлинникомъ вѣрна: владимирскій протоіерей Севастіанъ Коссовичъ.

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ

ПОСЛѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ ОТЪ УНІЯТОВЪ, ВЪ
ПЕРІОДЪ ЕГО ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ.

(Съ 1637 по 1652-й.)

(Продолженіе).

Вскорѣ, послѣ освобожденія Выдубицкаго монастыря отъ уніатовъ, войсковый мозырскій Обуховичъ, въ отвѣтномъ письмѣ на просьбу Петра Могилы, о доставленіи документовъ на права Выдубицкаго монастыря, между прочимъ писалъ, что, незадолго предъ тѣмъ, онъ объ этомъ говорилъ съ игуменомъ мозырскимъ, бывшимъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Выдубицкому монастырю, и этотъ послѣдній, будто бы, сказывалъ ему, что монастырь Выдубицкій тогда лежалъ впускъ и не имѣлъ уже нужды ни въ какихъ правахъ. Несомнѣнно, что въ приведенномъ показаніи игумена мозырскаго о современномъ ему безпадежномъ положеніи Выдубицкаго монастыря проглядываетъ ипербола, сомнительнаго достоинства. Но несомнѣнно также и то, что на первыхъ порахъ пустота освобожденнаго отъ уніатовъ Выдубицка о монастыря для современниковъ не могла не быть паразитическою. Мы сказали выше, что изгоняемые изъ Выдубицкаго монастыря уніаты постарались опустошить его, какъ могли; по ихъ милости, монастырь былъ и опущенъ, и обобранъ, начиная отъ монастырской казны до послѣдняго клочка бумаги, который чѣмъ нибудь могъ бы послужить монастырю въ будущемъ, при его возстановленіи; разумѣемъ старинные документы на владѣнія Выдубицкаго монастыря и дѣловую переписку о спорныхъ его грунтахъ. Но какъ ни печально было положеніе Выдубицкаго монастыря, ему можно было

пророчить скорое и успѣшное возстановленіе; потому что онъ былъ взятъ подѣ опеку, заинтересованнымъ его судьбою, великимъ патрономъ православія, ревностнымъ архипастыремъ Кіева, Петромъ Могилою, съумѣвшимъ пайти для него и достойнаго игумена, каковымъ былъ Игнатій Оксеновичъ Старушичъ.

Въ виду близкой смерти болѣзненнаго Вельямина Рудкаго, Петръ Могила уже начиналъ приводить въ исполненіе планъ возстановленія Выдубицкаго монастыря; согласно опредѣленію главнаго варшавскаго сейма 1635 года, онъ упрѣплялъ его за собою и прочилъ сюда своего коадьютора, какого, впрочемъ, въ дѣйствительности, при немъ никогда и не было. Привѣтствуя пророчески въ близкомъ будущемъ возвращеніе Выдубицкаго монастыря православію, онъ, еще за два мѣсяца до смерти Рудкаго, подарилъ древней обители въ благословеніе потиръ и лжицу, (1) которые благоговѣнно хранятся и до нынѣ въ этомъ монастырѣ. Безъ сомнѣнія, этотъ благословенный даръ архипастыря былъ отданъ монастырю уже въ то время, когда онъ былъ совершенно очищенъ отъ уніатовъ. Какъ извѣстно, Петръ Могила, во все продолженіе своего архипастырскаго служенія Кіеву, съ извѣстными цѣлями, особенно заботился о возстановленіи древнихъ кіевскихъ православныхъ храмовъ; потому, лишь только Выдубицкій монастырь былъ окончательно переданъ въ руки православныхъ, Петръ Могила сейчасъ же приступилъ и къ возстановленію Выдубицкой монастырской церкви: стѣны ея немедленно были исправлены и росписаны. Недоставало еще Выдубицкому монастырю церковныхъ утварей и другихъ богослужебныхъ принадлежностей; Петръ Могила и въ этомъ вспомоществовалъ древнѣйшему Выдубицкому монастырю, какъ не отказывалъ въ подобныхъ жертвахъ и другимъ древнимъ храмамъ кіевскимъ. Памятни-

(1) На подножій потира находится такая надпись: „Сей потиръ дарова монастырю Выдубицкому ко храму архистратига Михаила Петръ Могила архіепископъ митрополіи Кіевской Галицкій и всея Россіи въ молитву себе и родителямъ своимъ. Въ лѣто 1637, мѣсяца генваря, 13 дня.“ А на лжицѣ надпись такая: „Лжица дарована Выдубицкому монастырю Петромъ Могилою митрополитомъ кіевскимъ, въ лѣто 1737, генваря, 11 дня.“

ками подобной благотворительности Петра Могилы для Выдубицкаго монастыря и до сихъ поръ остаются тутъ, пожертвованные имъ въ 1642 году, на престольное евангеліе, большой на престольный крестъ (1) и бархатная тиколая риза, вышптая золотомъ. Словомъ, благодаря заботамъ и жертвамъ Петра Могилы, Выдубицкая обитель мало по малу возстановлялась, число монашествующихъ въ ней увеличивалось. Нужно было еще позаботиться объ источникѣ содержанія монастыря, о вторичномъ закрѣпленіи за нимъ и объ устройствѣ его богатыхъ имѣній,—тѣмъ больше, что могущественный въ то время папизмъ усиливался всевозможными средствами отнимать отъ православныхъ монастырей ихъ имѣнія. Какъ оказалось въ послѣдствіи, документы Выдубицкаго монастыря на владѣніе разными имѣніями, унесенные изгнанными уніятами, были переданы разнымъ лицамъ, далеко неблагопріятствовавшимъ православной обители, а часть владѣній монастыря была оспариваема сосѣдними владѣльцами. Петръ Могила, съ первыхъ же дней возвращенія Выдубицкаго монастыря православнымъ, началъ хлопотать о правахъ монастыря на его прежнія владѣнія: онъ розыскивалъ его документы, и поэтому поводу велъ переписку съ тѣми лицами, у которыхъ предполагалъ найти ихъ; старался прекратить миролюбно давніе споры о грунтахъ съ сильными сосѣдними владѣльцами; употреблялъ зависѣвшія отъ него мѣры къ тому, чтобы никто не обижалъ Выдубицкаго монастыря въ его владѣніяхъ,—чтобы аренды были законны и доходны,—и лица, дававшія извѣстныя обязательства монастырю, исполняли бы ихъ ненарушимо и свято.

(1) На евангеліи, на нижней доскѣ, обложенной серебрянымъ рѣшетчатымъ бордюромъ, вокругъ рѣзнаго изображенія архангела Михаила находится такая надпись: „Сіе евангеліе оковано повеленіемъ преосвященнаго митрополита кievскаго Петра Могилы и дано есть въ монастырь Выдубицкій въ лѣто 1642 мая 27 дня“. На крестѣ внизу, на подножіи, находится такая надпись: „Въ лѣто 1642, мѣсяца мая 27, сей крестъ сооруженъ бысть повеленіемъ преосвященнаго митрополита кievскаго Петра Могилы и данныйъ есть въ монастырь святаго архистратига Михаила Выдубицкаго кievскаго во славу Христа распятаго, и въ память его и родителей его.“

При выходѣ уніатовъ изъ Выдубицкаго монастыря, цѣлая связка правъ монастырскихъ кѣмъ то была занесена въ Мозырщину, и очутилась тамъ у войсковаго Мозырскаго пана Обуховича. Объ этомъ скоро узналъ Петръ Могила и, въ началѣ 1637 года, письменно просилъ Обуховича возвратить монастырю эти права. Но оказалось, что онѣ попали не въ такія руки, чтобы можно было такъ легко ихъ возвратить. Обуховичъ хитро отказывалъ митрополиту въ этой просьбѣ, сваливая вину неисполненія ея, какъ обыкновенно еодится въ подобныхъ случаяхъ, на другаго. «Не отрекаюсь отъ того, что я имѣлъ значительную связку правъ Выдубицкаго монастыря, писалъ онъ въ своемъ отчетномъ письмѣ къ митрополиту, отъ 7 апрѣля 1637 года, и съ искреннимъ сочувствіемъ просилъ отца игумена монастыря нашего мозырскаго, чтобы онъ донесъ о нихъ вашей милости и увѣдомилъ бы меня, на случай эти права оказались бы вамъ нужными; но получилъ тогда отрицательный отвѣтъ; отецъ игуменъ мнѣ сказалъ, что этотъ монастырь давно лежитъ впустѣ, и ему нѣтъ нужды въ этихъ правахъ. Получивши такой категорическій отвѣтъ, и сомнѣваясь въ томъ, чтобы когда нибудь была нужда въ этихъ правахъ, я отдалъ ихъ одному своему пріятелю, по настойчивой его просьбѣ.» Такъ прятались концы въ воду. Далѣе слѣдуетъ въ письмѣ евино оправданіе: «Теперь не моя вина, писалъ Обуховичъ, что я не могу услужить вельможному пану, а скорѣе тѣхъ, которые, заботясь объ интересахъ церковныхъ и имѣя эти права въ рукахъ, признали ихъ ненужными.» (1) Безъ всякихъ коментаріевъ виденъ смыслъ этого письма и характеръ того, кѣмъ оно было писано. Изъ дѣлъ Выдубицкаго монастыря не видно, чтобы Петръ Могила продолжалъ больше переписку съ этимъ лицомъ о документахъ монастырскихъ; вѣроятно, архипастырь счелъ за лучшее, не терять понапрасну своихъ трудовъ и выжидать случая, когда эти права очутятся въ другихъ, болѣе доступныхъ, рукахъ. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего, кое какія права Выдубицкаго монастыря оказались у Александры Чайковской Марциновой—Корсаковой. Нѣсколько разъ писалъ и къ ней Петръ Могила о возвращеніи при-

(1) Выд: мон. кн. ак. 1, стр. 44.

надлежавших Выдубицкому монастырю документовъ, и вынулъ у нее записку на возвращеніе этихъ правъ; но, не смотря на то Чайковская—Корсакова таки не присылала правъ. Наконецъ Петръ Могила, въ 1644 году, послалъ къ ней въ Почаевъ нарочитаго отца Валендыковича. Корсакова уже на этотъ разъ была благосклоннѣе: она возвратила Выдубицкому монастырю кое какія права его на Кальный лугъ, — съ хитрымъ и вмѣстѣ деликатнымъ изворотомъ, какой видѣнъ въ ея письмѣ по этому случаю къ Петру Могилѣ. «Я давно возвратила бы Выдубицкому монастырю эти права, исполняя мое обязательство, данное вельможному пану (czyując dosć zapisowi temu, Vmm Panu danemu), — писала она; но самъ вельможный панъ, пустивши дѣло на проволочку, не приказывалъ ихъ отобрать у меня. Теперь же, когда вельможный панъ изволилъ нарочно прислать ко мнѣ отца Валендыковича для отобранія этихъ правъ; то я, заискивая себѣ на дальше милости вельможнаго пана, непротивясь твоей волѣ, возвращаю всѣ права на владѣніи Выдубицкаго монастыря, то есть на Кальный лугъ, какія только имѣла у себя.... Чтоже касается до другихъ правъ, то я оныхъ не имѣю, потому что я должна была отдать ихъ, вслѣдствіе позва, митрополиту Селявѣ, отъ котораго имѣю и квітацію. (1)» Итакъ, и на этотъ разъ Петръ Могила почти ничего не добился; опять были спрятаны концы въ воду. Какъ увидимъ впоследствии, документы на владѣніи Выдубицкаго монастыря оказались — было въ уніятскомъ виленскомъ Троицкомъ монастырѣ; но вскорѣ опять канули въ бездну неизвестности. Вѣроятно, дальновидный архипастырь, послѣ такихъ неудачныхъ поисковъ, понялъ, что нужно навсегда разстаться съ мыслию о возвращеніи правъ Выдубицкаго монастыря отъ такихъ и подобныхъ пріятелей, — и рѣшился розыскивать ихъ въ разныхъ судахъ и въ преданіяхъ старины.

Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ давніе искатели сосѣднихъ Выдубицкихъ владѣній, князья Корецкіе, владѣльцы Рожновскіе и другіе подняли было голову, несмотря на то, что, незадолго предъ возвращеніемъ Выдубицкаго монастыря православнымъ, судъ рѣшалъ ихъ спо-

(1) Выд. мон. кн. ак. 1, стр. 44.

ры въ пользу монастыря, налагалъ на нихъ владѣнія банницію, (1) и прочее; они продолжали теперь вести споръ съ Выдубицкимъ монастыремъ и дѣлать нападенія на его владѣнія. Послѣ неудачныхъ попытокъ къ миролюбивому соглашенію, и Петръ Могила принужденъ былъ наконецъ взяться за то оружіе, каковымъ противъ него сражались его противники, — формою суда. Въ 1639 году, декабря 30, чрезъ своего Выдубицкаго намѣстника отца Сильвестра, онъ протестовалъ на «урядѣ вгородскомъ замку кievскаго напротиво вельможнаго пана Юрія Глѣбовича сына Марцебеллы княжны Корецкой и урядника Гоголевскаго, пана Николая Булгака, которые препомнивши права посполитаго, съ слугами з боярами и поданными гоголевскими и поданными рожновскими з оружіемъ войне нележачимъ мощно кгвалтомъ челоувѣка до 300 наслали на свиноедскіе кгрунты церковные монастыря Выдубицкаго прилеглые ко кгрунтамъ гоголевскимъ, забралъ ихъ и разные кривды чинилъ на сумму до 5000 злотыхъ польскихъ. (2)» Позывъ на пана Глѣбовича за свиноедскіе кгрунта былъ возобновленъ Петромъ Могилою и въ 1642 году; — Ероша (Юрій) Глѣбовича и Стефана Аксакъ судъ звалъ, чтобы они, въ назначенный срокъ, непременно явились въ любелскій трибунальскій судъ. Но какое тамъ состоялось рѣшеніе суда — невзвѣстно; только чрезъ два года послѣ сего, панъ Стефанъ Аксакъ опять причинилъ немало обидъ свиноедскимъ поданнымъ Выдубицкаго монастыря. — Отъ 27 іюля 1644 года, Петръ Могила опять протестовалъ и противъ этихъ обидъ къ кievскомъ городскомъ замкѣ (3); и наконецъ таки достигъ своей цѣли: въ 1645 году, 28 іюля, была заключена между паномъ Аксакомъ и Выдубицкимъ монастыремъ миролюбивая сдѣлка, (4) послѣ которой споры о кгрунтахъ свиноедскихъ уже не повторялись. Такимъ образомъ Петръ Могила окончилъ миромъ почти полувѣковой споръ между Выдубицкимъ монастыремъ и рожновскими владѣльцами.

Чуть чуть неудалось было Петру Могилѣ покончить тоже полувѣковой споръ Выдубицкаго монастыря и съ князьями

(1) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 53.

(2) Выд. мон. кн. ак. 1, стр. 165.

(3) Выд. мон. кн. ак. 1, стр. 168.

(4) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 54.

Корецкими за грунта Гнилецкіе. Въ 1644 году іюня 15, игумень Выдубицкій Игнатій Оксеновичъ Старушичъ «съ вритомностію ясне въ Бозѣ превелебнаго Его милости Петра Могилы, заключили на трибуналѣ съ князаты Корецкими и паномъ Голубомъ роспись, по которой обѣ стороны предъ судомъ не припущаючи до розсудку правнаго назначили себѣ терминъ взаимной угоды и пріятельскаго померкованья». (1) Но видно пріятельское померкованье неудалось,—и Петръ Могила долженъ былъ все—таки судебнымъ порядкомъ правоваться съ Корецкими за Гнилецину. По рѣшенію главнаго трибунальскаго суда, кievскій городской судъ опредѣлилъ учинить разборъ дѣла на мѣстѣ, и приглашалъ сюда обѣ стороны для инквизиціи на 11-е августа 1646 года; но, къ сожалѣнію, и эта инквизиція не удалась: въ актѣ инквизиціи только записаны «контроверси» съ обѣихъ сторонъ и «покоры» свидѣтелей. Такимъ образомъ дѣло затягивалось—тѣмъ болѣе, что и главный трибунальскій судъ своимъ постановленіемъ, отъ 27 сентября 1647 года, откладывалъ справу о гнилецкихъ грунтахъ на другіе сроки. Спорный узелъ о гнилецкихъ грунтахъ, какъ увидимъ ниже, суждено было разрубить уже Богдану Хмѣльницкому.

Кромѣ сказанныхъ великихъ тяжбъ, Выдубицкому монастырю теперь приходилось вести еще и другіе тяжebные споры; но, благодаря участию Петра Могилы, они были не продолжительны и рѣшались всегда въ пользу Выдубицкаго монастыря. Такъ, противъ захвата игнатовскихъ выдубицкихъ земель трипольскими владѣльцами, кievскій подкоморскій судъ, вслѣдствіе протеста отъ Выдубицкаго монастыря, учинилъ въ 1644 году (февраля 11) разграниченіе, послѣ котораго споры уже не возобновлялись. (2) — При Петрѣ Могилѣ Выдубицкій монастырь не имѣлъ никакихъ спорныхъ дѣлъ съ своею сильною сосѣдкою Кіево—печерскою Лаврою, что составляетъ рѣдкость въ жизни Выдубицкаго монастыря; безъ сомнѣнія и въ этомъ случаѣ Выдубицкій монастырь былъ обязанъ своему великому патрону—митрополиту—архимандриту Лавры.

Въ рассматриваемое нами время Петру Могилѣ при-

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 173.

(2) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 75.

ходилось не мало хлопотать и на счет мозырскихъ угодій Выдубицкаго монастыря, особенно на счетъ его здѣшнихъ медовыхъ даней. Правда, здѣсь дѣло не доходило до продолжительныхъ исковъ, но, тѣмъ не менѣе, стояло настойчивой переппски и не однократныхъ внушеній. Волосовичане и нестановичане вообще издавна неохотно платили дань Выдубицкому монастырю. Со времянь Выдубицкаго игумена Каликста до Антонія Грековича, они уже не доставляли въ монастырь, ни десятины збожья, ни медовыхъ даней. Около 1612 г., Антоній Грековичъ входилъ по этому случаю съ просьбой къ владѣтельницамъ Волосовичъ и Нестановичъ Софїи Сапезанктъ-Пацовой, — и она, подъ угрозой денежнаго штрафа, требовала отъ своихъ подданныхъ непременно давать дани по старинѣ, — требовала даже вознаградигъ монастырь за прежнїе годы. Удалось ли Грековичу восстановить мозырскїя дани, или нѣтъ, этого мы не знаемъ; знаемъ только, что со времени зовращенїя Выдубицкаго монастыря православнымъ до 1640 годовъ, дани мозырскїя не шли монастырю. Около 1642 года, Петръ Могила и на этотъ разъ вступился за интересы монастыря: онъ посылалъ нарочно своего намѣстника Выдубицкаго іеромонаха Панкратїя Ступницкаго съ письмомъ къ бывшему въ то время владѣльцу Волосовичъ и Нестановичъ, пану Самуилу Казиміру Звнковичу, въ когоромъ просилъ его не отказать въ содѣйствїи его намѣстнику для полученїя дани. Помогъ ли чѣмънибудь панъ Зенковичъ намѣстнику Выдубицкому, или нѣтъ, — только его подданные нестановицкіе за прошедшїй 1641 годъ заплатили медовую дань деньгами, а на будущее время дали письменное обязательство не отказывать и впредь въ дани Выдубицкому монастырю. „Мы мужеве нестановицкіе, N. N. N., писали они въ своемъ актѣ, чинимъ вѣдомо и визнаваемъ симъ нашимъ листомъ, ижъ мы честному господину отцу Панкратїю Ступницкому намѣстнику выдубицкому монастыря сватаго Архистратига Михаила вмѣсто дани медовой до монастыря належачее отъ насъ, подалисьмо за единъ рокъ 1641 за едно ведро грошей готовыхъ золотыхъ десять, а за рокъ чetyредесять второй и третїй повинни будемъ отдать двѣ ведрѣ меду, прѣснаго, у въ осень року чetyредесять третяго, если самъ отецъ игумень прїеде, або мы посланцовъ своихъ пришлемъ подъ виною

на его милости пана нашего пана Самуеля Зенковича записанною копъ десяти, и на томъ даемо сей нашъ листъ». (1) Но и это обязательство, какъ оказалось впоследствии, почему то не исполнено: въ 1643 году Выдубицкій монастырь не присылалъ за данью, а сами нестановичане, вопреки обязательству, тоже не думали выслать ее чрезъ своихъ посланцовъ. Потому, въ 1644 году, Петръ Могила опять посылалъ въ Мозырщину нарочитаго іеродіакона Онисима за полученіемъ даней, — а между тѣмъ отъ себя писалъ и письмо къ какому то честному господину отцу Іоанну Богушу, тоже съ просьбою о содѣйствіи посланному получить дань: «Велебный господинъ отецъ игумень, Выдубицкій, говорилось въ письмѣ къ Богушу, маючи отъ насъ порученный себѣ монастырь святаго Архистратига Михаила кіевскаго, посылаетъ на тотъ часъ по звычайную дань въ край мозырскій, которая жъ нѣякуюсь для давности часу маеть препону, — tedy постарайся, проше, велебность твоя, справу тую очистити, жебы земля монастырская не гивула и абыся дань сполнала, до чего лацно велебность твоя можетъ приступити, порадившися пановъ правныхъ тамошнихъ, въ которой справѣ, если бы и протестацію потреба было, tedy велебности твоей пришлемо (2).» Іеродіаконъ Онисимъ имѣлъ теперь полный успѣхъ: жители Нестановичъ и Волосовичъ уплатили дань Выдубицкому монастырю, и дали опять письменное обязательство платить дань, пока будутъ пользоваться выдубицкимъ островомъ Сельцомъ. «Мы мужеве нестановскіе подданные его милости пана Самуеля Казимира Зенковича, N. N. N., чинимъ вѣдомо и визнаваемъ симъ нашимъ листомъ, писали первые, иже мы мужеве изъ села Нестановичъ господину отцу іеродіакону Онисиму Стефановичу, высланному отъ его милости въ Бозѣ велебнаго отца митрополите пана а пана и пастыря нашего Петра Могилы и отъ его милости пречестнаго господина отца Игнатія Оксеновича игумена выдубицкаго святаго архистратига Михаила, ижъ есмо отдали дань зъ острова Селецкаго ведерець двѣ меду прѣснаго за рокъ 1643 и 1644..... а поки будемъ тотъ островъ Селецкій уживати, повинни завжды що рокъ

(1) Выд. мон. Кн. ак. IX. стр. 439.

(2) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 441.

данъ давати по единому ведру меду до святаго Архистратига Михаила выдубицкаго и почетъ тымъ посланцамъ выражати (1) » Жители села Волосовичъ дали такое жъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ обязательство Выдубицкому монастырю (2). Такимъ образомъ, благодаря вліятельному участию Петра Могилы, и мозырскія дани теперь кое какъ доставлялись выдубицкому монастырю. Не то было, какъ увидимъ ниже, по смерти этого незабвеннаго патрона выдубицкаго.

Розыскивая, защищая и укрѣпляя права Выдубицкой обители на тѣ ея владѣнія, которыя подлежали спору, Петръ Могила экономически—благоразумно пользовался владѣніями монастыря безспорными. Не подлежали спору въ это время владѣнія осокорскія, звѣринскія и бажиновскія, Петръ Могила отдавалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ аренду и притомъ за значительныя суммы. Такъ, напр., въ 1641 г., онъ арендовалъ на три года владѣнія осокорскія-село Осокорки съ озерами, кривицами, сѣножатами и шинками своему слугѣ Константію Браминскому, за что онъ «Браминскій аренды въ каждый рокъ на початку року по копъ десять до монастыря Выдубицкаго отдавать повиненъ былъ.» Въ началѣ этого арендоваго листа, вѣроятно, позднѣйшею рукою прибавлено, что «се Могила яко митрополить, а не яко архимандрить арендовалъ.» Дѣйствительно, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и на этотъ разъ, вся арендная сумма за Осокорки должна была идти единственно на пользу Выдубицкаго монастыря. Для себя Петръ Могила удѣлялъ при этой арендѣ только «третью часть вины, состоящую изъ трехъ копъ, которую должны были вносить Выдубицкому монастырю сегобочные жители Двѣпра, на случай, еслибы кто изъ нихъ вздумалъ покуцать въ осокоркахъ горѣлку кварть сто, або пятьдесятъ въ ущербокъ аренды печерской (3).»

Въ 1646 г. іюня 15, игумень выдубицкій Игнатій Оксеновичъ Старушичъ, не безъ воли своего владыки, «завелъ поданному выдубицкому мельнику и его дѣтямъ вѣчно въ продажу бываемой зъ лыбедской монастыря Выдубицкаго мельницы третьей части размыру за сумму отъ него въ монастырь данную семдесятъ золотыхъ польскихъ (4).» Того же

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 442.

(2) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 443.

(3) Выд. мон. кн. акт. 1, стр. 100.

(4) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 8.

года февраля 8, игуменъ выдубицкій тоже, не безъ воли Петра Могилы, арендовалъ жителю печерскому Прокопу Шевелю собственныя того Выдубицкаго монастыря озера Гнилецкіе Заспу, Корнчу и пр. Бажиновщина же, съ прежняго еще времени, оставалась въ арендѣ у пана Хрушлинскаго, который, видно, спокойно пользовался этими угодьями и добросовѣстно выполнялъ свой долъ въ отношеніи къ монастырю.

Къ концу 1646 года, многотрудная и много-полезная жизнь знаменитаго патрона выдубицкаго начала угасать; однако же и на смертномъ ложѣ великій святитель не забылъ Выдубицкаго монастыря. Избравши въ числѣ другихъ душеприказчиковъ и игумена выдубицкаго Игнатія Оксеновича Старушича, онъ, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, писанномъ 22 декабря, отдѣлилъ Выдубицкому монастырю изъ своего имущества 500 злотыхъ наличныхъ (1). 31 декабря 1646 года, великій первосвятитель нашъ передалъ душу свою Богу. Безъ сомнѣнія, грустно было ему разставаться съ тѣми широкими планами, которые онъ чертилъ и по возможности выполнялъ на различныхъ поприщахъ своей жизни, — но онъ могъ утѣшаться тѣмъ, что вездѣ оставлялъ по себѣ достойныхъ, испытанныхъ пресмниковъ. Въ Выдубицкомъ монастырѣ онъ оставилъ по себѣ ближайшимъ патрономъ его игумена Игнатія Оксеновича Старушича, — мужа «богомудраго», хотя и «многоболѣзненнаго» (2). Онъ былъ переведенъ въ Выдубицкій монастырь на игуменство изъ монастыря Братскаго, гдѣ былъ до 1642 года тоже игуменомъ и ректоромъ collegiи. При Петрѣ Могилѣ, дѣятельность его на пользу Выдубицкаго монастыря была второстепенная и какъ будто незамѣтная; но, со смертію Петра Могилы, имя Игнатія Оксеновича Старушича заняло видное мѣсто въ исторіи Выдубицкаго монастыря. По смерти Петра Могилы, нѣкоторые недоброжелатели Выдубицкаго монастыря, его сосѣди по владѣніямъ, подняли было опять голову: въ окрестностяхъ Кіева противъ Выдубицкаго

(1) Оп. Кіев. Лавр. стр. 36 приб.

(2) Игнатій Старушичъ въ свое время славился даромъ проповѣдничества. Изъ проповѣдей его дошла до нашего времени только одна 1641 года, изъ того времени, когда онъ былъ ректоромъ collegiи и вмѣстѣ игуменомъ братскаго монастыря, — это: „казанье погребовое надъ тѣломъ асено освѣднаго князя Ильи Святополка на четвергаѣ Четвертеискаго, ротмистра войска Кварцянаго, — отправанное въ Тишиновчѣ.“ Вид. мон. I, 1, стр. 337.

монастыря вызвалась съ своими интересами Кіево-Печерская лавра, а па Мозырщизнѣ портилъ дѣло извѣстный уже намъ панъ Зенкевичъ. Игнатій Старушичъ по возможности ратовалъ, и иногда не безъ успѣха, противъ той и другой стороны.

Въ самомъ началѣ 1647 года, въ актахъ разныхъ судовъ, умыленно, или неумыленно, стали называть добрами монастыря Печерскаго мельницу выдубицкаго монастыря, стоявшюю на дорогѣ изъ Кіева къ Триполю, и нѣкоторыя гнилецкія угодья, лежавшія въ окрестностяхъ Веты. Провѣдалъ это Старушичъ и, 17 августа того же года, занесъ было въ гродскія книги воеводства Кіевскаго протестъ на архимандрита лавры Іосифа Тризну. Протестъ имѣлъ свою силу: 28 сентября того же года, архимандритъ Тризна обращался съ письмомъ къ игумену выдубицкому, въ которомъ просилъ извиненія за неумыленную обиду, — и извинялся между прочимъ тѣмъ, что это дѣлалъ ихъ «пленѣпотентъ обмилкою (2).» Въ 1650 году 4 февраля, Игнатій Оксеновичъ Старушичъ арендовалъ мѣщанину Кіевскому Андрею Ѳедоровичу Шкорунѣ на три года собственный Выдубицкаго монастыря лыбедской паромный перевозъ, съ двумя паромами и лыбедскою корчмою, за извѣстную сумму. Чрезъ нѣсколько дней, послѣ этого, Лавра объявила и свои претензіи на этотъ паромъ, и занесла въ гродскія книги протестъ, по которому, 25 апрѣля того же года, состоялся декретъ, въ силу котораго обѣ спорящія стороны въ продолженіи слѣдующихъ трехъ лѣтъ должны искать въ свою пользу „слушнѣйшихъ правъ“; а въ это время Выдубицкій монастырь пользовался бы двумя частями доходовъ съ того перевоза, а Печерскій одною третью. Очень не нравилось Старушичу такое постановленіе, бывшаго въ то время Кіевскаго воеводы, Адама Киселя, и онъ поспѣшилъ рѣшить дѣло грунтовне, испросилъ, при содѣйствіи митрополита Сильвестра Косова, у польскаго короля Яна Казимира привилей на лыбедскій паромный перевозъ. Въ этой замѣчательной привиллегіи (отъ 4 октября 1650 года), Янъ Казимиръ, подтверждая привиллегію Сигизмунда III, отъ 24 августа 1628 года, такъ писалъ: „Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ въ обещъ и каждо-

(2) Вид. мон. кн. ак. IX, стр. 175.

му зъ особна, кому тоє вѣдати налѣжитъ, ижъ што предъ тымъ святой памяти король его милости Жигмондъ III панъ отецъ нашъ любезнѣйшій, особливимъ своимъ привилеемъ русскаго писанья перевозъ паромовый на рѣцѣ Днѣпрѣ на Лыбедѣ за Кіевомъ... на власномъ грунте выдубицкомъ митрополицкомъ до монастыря Выдубицкаго заложенья святого Михаила Архангела отъ древнихъ часовъ фундованномъ, а превелебнымъ митрополитомъ кіевскимъ, яко право защитительства до тогожъ монастыря маючимъ, тутъ же и велебнымъ игуменомъ выдубицимъ яко поссессоромъ нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ на оздобу и поправку того монастыря и на выживленье въ немъ обитающихъ слугъ церковныхъ, законниковъ, милостивно надати и фундовати изволилъ. Такожде и мы, ко усердному прошенію превелебнаго отца Сильвестра кіевскаго и галицкаго всея Россіи въ уніи небудучого митрополиты, намъ донесенному, охотне селонившися а найпаче во всемъ до богоугоднаго намѣренія и воли святобливаго родителя нашего стосуючися, ласкове на тоє наданье перевозу паромоваго позволили и при спокойномъ держанью и уживанью оногужъ вышереченный монастырь, и его нынѣшнего поссессора велебнаго отца Игнатія Оксеновича игумена выдубицкаго до живота его, а по отшествіи изъ сего свѣта наслѣдниковъ его игуменовъ выдубицкихъ *неуніатовъ*, въ послушаніи превелебнаго митрополиты кіевскаго будучихъ, въ цѣле заховати умыслилисьмо яко же позволяемъ, зоставуемъ и заховуемъ сямъ листомъ нашимъ, имѣеть убо предреченный отецъ Игнатій Оксеновичъ и по немъ наступаючіе игуменове выдубицкіе перевозъ паромный на рѣцѣ Днѣпрѣ будучій..... держати всякихъ пожитковъ, доходовъ и прибушей зъ того перевозу приходячихъ кождо го часу заживати и на свой пожитокъ оберегати, зъ которыхъ то пожитковъ и доходовъ тагъ всякія дѣла до уграшенья и направи монастыря выдубицкаго валежачіе яко и до выживанья слушною братію тамошней законной и слугъ церковныхъ въ томъ же монастырю жительствоющихъ выше реченный игумень выдубицкій и по немъ наступуючіе выдубицкіе неуніаты тщательно радѣти и промыслиати мають и должны будутъ: а отъ перевозенья всякихъ вещей, товаровъ, коней, быдла, также отъ возовъ тяжкихъ наложистыхъ, тагъ много взымати должно, яко на перевозахъ нашихъ Королевскихъ, т. е. вышегородскомъ, кіевскомъ и иныхъ по написанному

праву и обычаю древнему ведется, общаючи за насъ самихъ и наяснѣйшихъ послѣдниковъ нашихъ королей ихъ милостей польскихъ, што мы отъ спокойнаго держанья и уживанья перевозу поромоваго нынѣшняго поссессора, и наслѣдниковъ его по немъ наступуючихъ игуменовъ выдубицкихъ неуніатовъ подь правомъ и послушенствомъ митрополитовъ кievскихъ неуніатовъ будучихъ никогда же не отдадимъ, и отдалити никому не допустимъ; что и наяснѣйшіе наслѣдники наши сотворятъ, что до вѣдомости всѣхъ въ обещъ кому сіе вѣдати теперь и на потомъ будетъ належало, а особливо воеводамъ, подвоеводамъ, ихъ намѣстникомъ, также городовому и мѣскому кievскимъ и инымъ прилеглѣйшимъ всякимъ урядомъ, яко же и всякаго сана людемъ доносачи, повелѣваемъ, абы въ уживанью того паромоваго перевозу, и въ отбиранью вольномъ доходомъ, оттолъ приходячихъ монастыреви выдубицкому и его поссессорови нынѣшнему вышешомененному и на потомъ будучимъ игуменомъ выдубицкимъ всякаго часу жадной прешюды нетворили, и никому по должности урядовъ своихъ творити недопускали (1)». Однако же, какъ ни силенъ былъ этотъ документъ, онъ, кажется, мало урезонилъ братью печерскую. Чрезъ два года послѣ сего, какъ увидимъ ниже, нужно было перемнику Игнатія Старушича опять протестовать въ кievскомъ градскомъ судѣ противъ прежняго декрета воеводы Киселя.

По смерти Петра Могилы, и въ Мозырщинѣ дѣла Выдубицкаго монастыря начинали разстраиваться: жители Волосовичъ и Нестановичъ, подь разными предлогами, стали отказывать въ дани монастырю. Оксеновичъ Старушичъ и тутъ старался поддержать интересы своего монастыря. Извѣстный панъ Зенькевичъ теперь явно сталъ удерживать мозырскую монастырскую дань; противъ его то Игнатій Старушичъ и ратовалъ теперь главнымъ образомъ: онъ неоднократно писалъ къ нему приватные упоминательные листы, а наконецъ принужденъ былъ дѣйствовать противъ него и формою суда. Въ началѣ іюля 1647 года, онъ выхлопоталъ противъ него упоминательный листъ Владислава IV. Отъ іюля, 1647 года, король польскій писалъ Зенькевичу: «донесено есть намъ чрезъ нѣкоторыхъ пановъ радъ и урядниковъ нашихъ немемъ велебнаго Игнатія Оксеновича игумена и всѣхъ закон-

(1) Вид. мон. кн. ак. VI, стр. 62.

никовъ монастыря Выдубицкаго, что вѣрность твоя изъ острова Селець названнаго до веси Выдубицкаго монастыря Нестановичъ и Волосовичъ належащаго въ повѣтъ мозырскомъ лежащаго, дани медовой и десятины збожа (хлѣба) подлугъ фундаціи и давнаго звычайу подданнымъ своимъ помененныхъ весей выдавати до монастыря Выдубицкаго заказуешь, (запрещаешь) зачимъ великую за зиму тыхъ провентовъ (продуктовъ) поносить никуда (убытокъ). Хотячи мы тебѣ абы провента здавна помененному монастыреви належащіе законникомъ (монахамъ) тамошнимъ цѣло доходили и побожне фундаторовъ намѣреніе ненарушени заставляли, напоминаемъ дабы вѣрность твоя изъ помененныхъ добръ своихъ яко дань медовую, такъ десятину збожа поданнымъ своимъ повсягодно выдавати и потомъ въ выдаванью оной волокиты и трудностей жадной чинити не вазаль; иначе твоей милость съ повинности своей для ласки нашей не учинилъ“ (1). Но этотъ королевскій упоминательный листъ не принесъ монастырю никакой пользы. Октября 5 тогоже года, выдубицкій повѣренный іеромонахъ Онисимъ Радкевичъ, отъ лица своего игумена и всѣхъ законниковъ своего монастыря, заявлялъ этотъ листъ въ мозырскомъ городскомъ судѣ,—а 11 октября представлялъ оный и самому Зенкевичу. Отвѣтомъ на это со стороны Зенкевича было то, что онъ привазаль своимъ поданнымъ нестановицкимъ никакихъ даней Выдубицкому монастырю не давать и не обѣщать. 20 ноября, отецъ Онисимъ Радкевичъ опять упоминался предъ Зенкевичемъ о тотъ чиншъ, «жебы его милость позволилъ поданнымъ своимъ выдать дань за уживанье (пользованіе) острова монастырскаго», представлялъ ему опять и упоминательный листъ королевскій и реляціонный листъ суда мозырскаго; но и «тебѣ его милость панъ Зенкевичъ не тылько жебы позволилъ давать, але еще... отповедь и похвалку на отца игумена монастыря Выдубицкаго кievскаго и на всѣхъ законниковъ того монастыря въ немъ мешкающихъ учинилъ, а наветь (даже) отцу Онисиму Радкевичу огледать того острова похвалки и отповеди чиничи не позволилъ и заборонилъ.» (2) Черезъ нѣсколько дней послѣ того, отецъ Онисимъ Радкевичъ, съ генераломъ (вознымъ) мозырскимъ Криштофомъ Соколовымъ и двумя другими шляхтичами, обращался къ самимъ

(1) Выд. мон. кн. ав. IX, стр. 447.

(2) Выд. мон. кн. ав. IX, стр. 445.

подданнымъ волосовичскимъ и нестановицкимъ съ просьбою о дани, за пользование выдубицкимъ островомъ Сельцомъ. Волосовичане оказались болѣе уступчивыми, чѣмъ нестановичане. «Ураднигъ владѣльца Чайка повѣдилъ на представленный ему приватный (частный) листъ отъ отца Игнацега Оксеновича Старушича и всей братіи и капитулы (собора) выдубицкаго монастыря, что онъ невозбраняетъ подданнымъ своего пана давать до монастыря дань, которую они прежде давали съ того острова; а сами волосовичане зобравшись поведили,» Боже заховай, бысь мы мѣли церковнаго таить, яко предкове нами по чему давали съ того острова и теперъ мы готовы давать. «За что о. Овисиму Радкевичу оставалось только поблагодарить ихъ. Не то сказали нестановичане; на ласковую просьбу отца Радкевича о дани, войтъ отъ лица нестановичанъ сказалъ, что, они имѣютъ такое розказаніе отъ милостей пановъ своихъ пана Зенкевича и пани Зенькевичевой, ижъ въ монастырь не тилько збожжа и десятины, але и меду ведра не дадутъ». (1) Постѣ этого отцу Радкевичу оставалось только протестовать противъ пана Зенкевича; и въ самомъ дѣлѣ, 2 декабря, отецъ Овисимъ Радкевичъ внесъ въ гродской мазырскій урядъ пространную протестацію противъ пановъ Зенькевичей. Вѣроятно, дѣло о мазырской дани, особенно о дани подданныхъ пана Зенкевича, окончилось бы ничѣмъ, при всемъ стараніи выдубицкаго игумена, если бы въ этомъ дѣлѣ не принималъ живаго участія комисаръ повѣту мазырскаго панъ Миткевичъ и митрополитъ кievскій, патронъ Выдубицкаго монастыря Сильвестръ Коссовъ. Благодаря ходатайству преосвященнаго Сильвестра и содѣйствію пана Миткевича, при всѣхъ недоброжелательствахъ пановъ р. католиковъ противъ Выдубицкаго монастыря, этотъ полугодовой процессъ окончился въ пользу Выдубицкаго монастыря. Въ своемъ отвѣтѣ на письмо митрополита Сильвестра, панъ Миткевичъ, отъ 7 декабря 1647 года, писалъ ему чрезъ отца Радкевича: «Не сдино написаніе точію и на всякія розказанія Вашей милости моего милостиваго пана въ услугахъ моихъ неодмовныхъ слугою застаючи, зѣло радъ былъ и до конца служилъ и допомагалъ посланному законикови отъ его милости отца игумена святаго Михаила Выдубицкаго, точію же въ сему краи

(1) Вид. мон. кн. ак. X, стр. 448.

нашемъ столица римска взяла гору, зачимъ яко духовнымъ такъ и свѣдкимъ нашой старой Русѣ зъло соутѣсненіемъ, которыхъ подъ такимъ числомъ нахожуся; обаче поручивши себе Господу Богу и Его святому призрѣнію хотя бы и умираги при отчизнѣ каждому сынови учтивому дѣло есть удобное; на тотъ часъ, что не все за потребою, точію какъ быти мусѣло сдѣлалось, что временемъ неизбѣжить. (1) Какъ бы то ни было, но Игнатій Старушичъ успѣлъ таки сослужить службу своей обители и въ Мозырщинѣ. Памятникомъ его усердія въ Выдубицкому монастырю и до сихъ поръ служить наданный имъ сюда, въ 1648 году, сребровызолоченный погиръ (вѣсомъ около двухъ фунтовъ.).

Игнатій Старушичъ былъ игуменомъ Выдубицкаго монастыря съ 1641 по 1650 годъ, въ этомъ же послѣднемъ году онъ былъ посвященъ въ санъ епископа; но по причинѣ болѣзни, онъ все таки не выѣзжалъ въ свою епархію изъ Выдубицкаго монастыря, гдѣ и скончался въ 1651 году, 30 октября и погребенъ при Всеволожей Михайловской церкви. (2) Достойнымъ преемникомъ Игнатія Оксеновича Старушича по игуменству выдубицкому былъ родственникъ его по плоти и

(1) Выд. мон. кн. ав. IX, стр. 450.

(2) На мѣстѣ его погребенія, на одной изъ боковыхъ стѣнъ Михайловской церкви, была сму такая эпитафія.

Живъ свый созда свбѣ гробъ, дабы мое тѣло,
 Отдавши духа Богу, покой въ немъ имѣло.
 Ты же не хоци мене мертва обидѣти
 Необыкша живуща кого оскорбити
 Хочеши ли знати, кто былъ живый въ мірѣ
 Игнатій монахъ священъ, православный въ вѣрѣ
 Славы Божія въ църквѣ, бѣхъ азъ проповѣдникъ
 И на судахъ духовныхъ судьямъ сосѣдникъ
 Ректоръ бѣхъ братства, иже въ кіевѣ градѣ
 Тежъ въ выдубицкой, игуменъ оградѣ
 Идѣ же безплотныхъ силъ церковь воеводы
 Погружающа въ камень при архиппѣ воды
 На его же душею крилъ возложихся
 А тѣломъ въ семъ Его храмѣ положихся
 Се уже о мнѣ, всякъ знати возможе
 Бѣхъ иногда еже бѣхъ, нынѣ же ничтоже
 Но азъ тя знати не могу, обаче молися
 Моли о мнѣ, да правый на судѣ явлюся.

по духу Климентъ Овсеновичъ Старушичъ. Его имя для Выдубицкаго монастыря тѣмъ особенно памятно, что при немъ и при его содѣйствіи Выдубицкій монастырь сталъ самостоятельнымъ, вышелъ изъ подъ патронатства кievскихъ митрополитовъ, хотя это патронатство въ послѣднее время ни въ какомъ отношеніи не было для него тягостнымъ. Честь великодушнаго отреченія отъ своихъ правъ на Выдубицкій монастырь принадлежитъ преемнику великаго патрона и возстановителя Выдубицкаго монастыря Петра Могилы, митрополиту Сильвестру Коссову. Подобно своему предшественнику, и просвященный Сильвестръ въ матеріальномъ отношеніи нисколько не пользовался отъ Выдубицкаго монастыря, а напротивъ, какъ мы видѣли изъ спорнаго дѣла о мозырскихъ даняхъ, еще и благодѣлствовалъ ему своимъ участіемъ. При немъ оставалась только едва замѣтная тѣнь зависимости Выдубицкаго монастыря отъ кievской митрополіи, а онъ наконецъ отказался и отъ этого, не отказавшись впрочемъ отъ права благодѣлствовать монастырю, чѣмъ только могъ. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1652 года, митрополитъ Сильвестръ далъ Выдубицкому игумену съ печатью и за подписомъ своей руки листъ, въ которомъ писалъ, что «самы монастырь Выдубицкій и церковь заложенья святаго архистратига Михаила, также всѣ добра и вгрунты того монастыря Выдубицкаго, такъ здавна, яко и теперъ належачіе подданне тягле и нетягле и ихъ повинность: пущи добры, лѣса, дубрави, пасеки, нивы, поля ораніе и неораніе, сеножати, ставы, озера, млины, реки, речки, перевозъ льбедскій на рѣчи Днѣпри изъ ловы вольными доходами вшелягими до того монастыря належачими, въ спокойную и доживотную посессію подаетъ и интронитуетъ». Это право судебнымъ порядкомъ было немедленно заявлено возному генералу воеводства кievскаго Мелетию Бобницу, который, свѣрившись объ этомъ на мѣстѣ съ людьми вѣры годными шляхетными (Феодоромъ Предриширскимъ и паномъ Степаномъ Духаничемъ) 15 апрѣля того же года, занесъ этотъ актъ въ кievскія городскія книги; между прочимъ онъ писалъ, что при его разслѣдываніи, «никто противно тое интрониссіи не контродиковалъ изъ жаднымъ правомъ не отзывалъ, але заразъ подданіе вси тамъ на тотъ часъ будучіе и до того монастыря принадлежачіе яко пану своему отцу игумену монастыря Выдубицкаго и церкви святаго Михаила, вшелякое по-

слушенство, повинности и подданства отдали и отдавать субмитовались». (1) Правда, митрополитъ Сильвестръ, какъ видно изъ его акта, отдавалъ теперь Выдубицкій монастырь въ посессию только игумену Климентію Старушичу въ пожизненное его владѣніе; но этимъ самымъ онъ давалъ нѣкоторымъ образомъ обязательство на независимость Выдубицкаго монастыря и за своихъ преемниковъ, по крайней мѣрѣ эта пожизненная посессія Выдубицкаго монастыря почему то переходила отъ Климента Старушича къ дальнѣйшимъ его преемникамъ, игуменамъ выдубицкимъ незамѣтно, сама собою, безъ всякихъ протестовъ съ чьей бы то нибыло стороны. Такою самостоятельной жизнью, съ нѣкоторыми перерывами и отгѣнками, Выдубицкій монастырь продолжаетъ жить и до нашего времени.

ВРЕМЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ВЫДУБИЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

(Съ 1653 года до нашего времени (2)).

Этотъ длинный, болѣе чѣмъ 200 лѣтній, періодъ самостоятельнаго существованія Выдубицкаго монастыря самъ со-

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 36.

(2) Называя этотъ періодъ періодомъ самостоятельности Выдубицкаго монастыря, или его независимости отъ кievской митрополіи, мы разумемъ здѣсь независимость только патронатскую, а не іерархическую. Въ іерархической зависимости отъ кievской митрополіи Выдубицкій монастырь, подобно другимъ (неставропигіальнымъ) монастырямъ кievскимъ, былъ всегда какъ прежде, такъ и теперь; особенно же это право было утверждено за кievскими митрополитами со времени подчиненія ихъ московскимъ патриархамъ. Въ настоятельной грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, данной на нихъ преосвященнаго Гедеона Четвертынскаго, въ 1686 г. декабря 15, между прочимъ такъ говорилось: „Впредь... судамъ митрополита кievскаго въ своей епархіи быти и отправлятися по прежнимъ обычаямъ. Также всѣмъ высокимъ и низкимъ духовнымъ особамъ... игуменомъ вышшимъ и по нимъ впредь будущимъ... епископіямъ, архимандріямъ, игуменствамъ, братствамъ, монастырямъ, церквамъ, которые издавна належаи къ оной митрополіи, непремѣнно и нынѣ повиноватися и послушаніе отдавать ему богомольцу нашему преосвященному Гедеону митрополиту и по немъ будущимъ кievскимъ митрополитамъ“... Опис. кiev.-соф. соб. приб. стр. 92—93.

бою распадается на два большіе отдѣлы эпохою отобраніи всѣхъ южно-русскихъ монастырскихъ имѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣній Выдубицкаго монастыря въ 1786 году. И такъ, мы представимъ исторію самостоятельной жизни Выдубицкаго монастыря: А) до отобранія его имѣній и Б) послѣ этого времени.

А.

Время самостоятельности Выдубицкаго монастыря до отобранія его имѣній, (съ 1652 по 1786 годъ).

Въ этотъ болѣе чѣмъ столѣтній промежутокъ времени, который мы назвали временемъ самостоятельности Выдубицкаго монастыря до отобранія его имѣній, былъ однакоже краткій 15-лѣтній періодъ, въ продолженіи котораго Выдубицкій монастырь опять былъ подчиненъ кievской митрополіи, впрочемъ болѣе номинально, чѣмъ на дѣлѣ; это было съ 1690 по 1706 годъ. Потому мы представимъ судьбу Выдубицкаго монастыря 1) до времени его вторичнаго, такъ сказать, случайнаго подчиненія кievской митрополіи (съ 1652—1690 г.) 2) во время подчиненія (съ 1690—1706 г.) и наконецъ 3) послѣ подчиненія (съ 1706—1786 г.).

1) Время самостоятельнаго существованія Выдубицкаго монастыря съ 1652 по 1690 годъ.

Съ 1652 по 1690 годъ въ Выдубицкомъ монастырѣ начальствовали два знаменитые игумены Климентъ Оксеновичъ Старушичъ и Θεодосій Углицкій. Каждый изъ нихъ усердно послужилъ своей обители.

Климентъ Старушичъ, заботясь о прочности правъ Выдубицкаго монастыря на его владѣнія, старался также, какъ и Петръ Могила, розыскивать старинныя его документы на эти владѣнія. Онъ провѣдалъ было отъ какого то законника (монаха), что связка правъ Выдубицкаго монастыря какимъ то образомъ очутилась у перемышльскаго епископа Проконъ Хмѣлевскаго.—Климентъ Старушичъ немедленно обратился къ этому епископу съ письменною просьбою о возвращеніи правъ по принадлежности; но хитрый епископъ отбивался: по іезуитской поли-

тѣхъ онъ отсылалъ просители къ другому, который, вѣроятно, также отослать бы его еще къ третьему; словомъ, перемышльскій епископъ, подобно извѣстнымъ уже намъ пану Обуховичу и пани Корсаковой, также, какъ говорится, пряталъ концы въ воду. «Не можеть навѣрное сказать законникъ вашей милости того, писалъ онъ отъ 22 марта 1662 года Клименту Старушичу, что тѣ права онъ видѣлъ у меня. Если бы онъ были у меня, я не хотѣлъ бы безъ нужды такъ долго скрывать ихъ къ униженію занимаемаго мною мѣста. Правда, давно я видѣлъ ихъ въ монастырѣ, кажется, виленскомъ Свето-Троицкомъ (уніятскомъ); но гдѣ онъ теперь находятся, не знаю. Совѣтую однакоже, чтобы ваша милость написала объ этомъ къ его милости епископу Хелмскому, который тешеръ считается прото-архимандритомъ этого монастыря; я думаю, что онъ вашей милости о всемъ этомъ расскажетъ. А за то, что я не могъ услужить вашей милости по вашей просьбѣ, прошу извиненія; послужить вашей милости въ другомъ случаѣ я готовъ буду, на сколько это будетъ возможно» (1). Послѣ такого отвѣта, выдубицкіе игумены, кажется, навсегда отказались отъ розыскиванія оригинальныхъ документовъ на владѣнія Выдубицкаго монастыря, а между тѣмъ спѣшили хлопотать у современныхъ имъ верховныхъ властей гетмановъ малороссійскихъ и государей русскихъ подтвержденій на давнія владѣнія монастыря. И Климентъ Старушичъ успѣлъ получить одну царскую подтвердительную грамоту на всѣ владѣнія Выдубицкаго монастыря и нѣсколько подтвердительныхъ грамотъ гетманскихъ на нѣкоторыя его владѣнія въ отдѣльности. Нужно замѣтить при этомъ, что какъ теперь, такъ и въ будущія времена, Выдубицкій монастырь вообще пользовался самымъ сочувственнымъ покровительствомъ со стороны и государей московскихъ, и гетмановъ малороссійскихъ.

Вскорѣ, послѣ совершенія присяги малороссійскаго народа на подданство московскому государю, (это было въ Переяславѣ, 8 генваря 1654 года, и въ Києво — печерской лаврѣ, 14 генваря того же года) и выдубицкій игумень, подобно другимъ настоятелямъ кievскихъ монастырей, обращался съ всеподданнѣйшею просьбою къ великому государю московскому о пожалованіи грамоты въ подтвержденіе старинныхъ правъ

(1) Выд. мон. кн. акт. 1 стр. 45, на польск. языкѣ.

Выдубицкаго монастыря. Въ непродолжительномъ времени такая грамота и была пожалована монастырю. Отъ 11 августа 1654 года, Алексѣй Михайловичъ тагъ писалъ въ этой грамотѣ: «Пожаловали есмь нашего царскаго величества Богомольца кievскаго, Архангельскаго Выдубицкаго монастыря игумена, Клементія Старушича съ братією, что въ нынѣшнемъ въ 7162 году былъ челомъ намъ великому государю, нашему Царскому Величеству, онъ игумень Клементій съ братією, чтобъ намъ Великому государю, нашему Царскому Величеству пожаловати его Клементія прежние привилія строенія, которые отъ великихъ князей русскихъ и королей польскихъ имѣють, велѣти подтвердить нашими Царскаго Величества жалованными грамотами. И мы Великій Государь Царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя Россіи самодержецъ пожаловали его игумена Клементія съ братією велѣли на ихъ маестности, которые имъ даны отъ великихъ князей русскихъ и королей польскихъ по привиліямъ. И нынѣ онъ Клементій съ братією тѣми маестностями владѣють, дати бѣ нашу царскаго Величества жалованную грамоту, что имъ игумену Клементію съ братією нашей государской милости тѣми маестностями владѣти и доходы всякіе, которые съ тѣхъ маестностей збирываны и нынѣ збирають имати по прежнему. Дана ся наша царскаго Величества жалованная грамота въ мѣсце, на нынѣшнемъ царскаго Величества стану подѣ Смоленскомъ» (1).

Находясь подѣ сильнымъ покровительствомъ государей московскихъ и гетмановъ малороссійскихъ, Выдубицкій монастырь теперь самъ собою и безъ участія кievскихъ митрополитовъ большею частью успѣшно отстаивалъ свою собственность. Одно изъ богатыхъ угодій Выдубицкаго монастыря теперь былъ — льбедскій перевозъ черезъ Днѣпръ, съ окрестными мѣстами и строеніями; аренда этого перевоза теперь давала Выдубицкому монастырю ежегодно дохода отъ 1400 до 1600 злотыхъ польскихъ, что составляло по тогдашнему счету очень значительную сумму. Между тѣмъ теперь, какъ и прежде, этотъ перевозъ оспаривала Киево-печерская Лавра. Мы уже знаемъ, что по этому дѣлу кievскій воевода Кисель постановилъ было, до рѣшенія дѣла, Выдубицкому монастырю пользоваться изъ доходовъ отъ этого перевоза двумя частями,

(1) Выд. мон. кн. акт. 1 стр. 89.

а Лаврѣ третьемъ. Но Климентъ Старушичъ, радѣя о польгѣ своего монастыря, не боглашался на это: съ самаго начала своего игуменства онъ арендовалъ льбедскій перевозъ отъ имени только своего монастыря и для своего монастыря, а между тѣмъ въ 1652 г. іюля 5, занесъ въ кievскія гродскія книги протестъ противъ декрета воеводы пана Киселя. Когда въ одно время Лавра допустила насиліе противъ Выдубицкаго монастыря, учинила «гвалтовное» нападеніе на подданныхъ монастырскихъ при льбедской пристани «съ многолюдствомъ и ружейною пальбою»; Климентъ Старушичъ, запротестовавши противъ этого въ городскихъ книгахъ (іюля 7 1653 года), рѣшился обратиться съ просьбою о скорѣйшемъ и правильнѣйшемъ рѣшеніи дѣла въ гетману Богдану Хмѣльницкому. Хмѣльницкій принялъ въ этомъ дѣлѣ живое участие и высылалъ на самое мѣсто спора своихъ повѣренныхъ генеральнаго судью Антона Ждановича и Феодора Виговскаго, которые, отъ 17 ноября 1656 года, постановили таковой декретъ, что они нашли по документамъ «близшую къ посессіи того льбедскаго поромнаго перевоза сторону кievо-выдубицкаго монастыря, въ подкрѣпленіе чего. кievо-выдубицкаго монастыря игумень Климентъ Старушичъ съ двома монашествующими учинилъ и присягу». Впрочемъ, по просьбѣ, будто бы, обѣихъ тяжущихся сторонъ, окончательное рѣшеніе спора отсрочивалось на шесть лѣтъ, въ продолженіи которыхъ обѣ стороны должны были пользоваться доходами отъ перевоза по полямъ «безъ жадной перешкоды одинъ другому, подѣ утраченемъ перевозу» (1). Каково было окончательное рѣшеніе суда о льбедскомъ перевозѣ чрезъ 6 лѣтъ, неизвѣстно; знаемъ только, что еще незадолго предъ тѣмъ, какъ повѣренные Хмѣльницкаго разслѣдывали это дѣло на мѣстѣ, митрополитъ Сильвестръ (4 октября 1656 г.), въ предупрежденіе дальнѣйшихъ споровъ между двумя монастырями, предлагалъ Выдубицкому монастырю уступить Лаврѣ половину доходовъ отъ льбедскаго перевоза, а въ замѣнъ того получить отъ Лавры три рыбныхъ озера подѣ Вышельками (2). Пользовался ли цотомъ Выдубицкій монастырь этими тремя озерами, или нѣтъ, а доходами отъ перевоза долженъ былъ дѣлиться съ Лаврою:

(1) Вид. мон. кн. ак. 1 стр. 29.

(2) Вид. мон. кн. ак. IX стр. 44.

уже въ 1657 г. этотъ перевозъ арендовали вмѣстѣ Климентъ Старушичъ и архимандритъ Лавры Иннокентій Гизель (3). Однако же и при такой уступчивости для Лавры со стороны Выдубицкаго монастыря, согласіе между этими монастырями на счетъ льбедскихъ грунтовъ не долго продолжалось: въ 1661 году Климентъ старушичъ жаловался архимандриту Лавры на законника (монаха) печерскаго Ананію, который, неизвѣстно по какимъ причинамъ, засыпалъ было колодець одного выдубицкаго подданнаго Терешкова и вырубилъ на неводничихъ верды Выдубицкаго монастыря (2). Заведенное объ этомъ Климентомъ Старушичемъ спорное дѣло продолжалось нѣсколько лѣтъ еще и послѣ его смерти.

Кажется, Климентъ Старушичъ былъ счастливѣе въ охраненіи правъ Выдубицкаго монастыря на владѣнія гнилецкія, тоже подвергавшіяся въ его время нападеніямъ съ разныхъ сторонъ. При Климентѣ Старушичѣ дѣло съ князьями Корецкими о гнилецкихъ грунтахъ было навсегда покончено, но не судебнымъ порядкомъ, а военнымъ правомъ. Съ возстаніемъ Хмѣльницкаго противъ р.-католическаго панства, многіе вельможные паны, владѣльцы Украины, слабо охраняемые польскимъ оружіемъ, должны были бѣжать изъ своихъ владѣній, оставляя все свое на произволь судьбы, или лучше, въ руки своихъ враговъ. Тоже было и съ князьями Корецкими, владѣльцами Лѣснигъ. Несправедливо владѣя вотчиною лавскою и дѣлая частыя нападенія на владѣнія Выдубицкаго монастыря, князья Корецкіе успѣли вызвать противъ себя сильную антипатію въ православномъ населеніи, и не могли оставаться ни минуты въ своей вотчинѣ, во время возстанія козаковъ за правду и святую вѣру. Воцѣна же Корецкихъ теперь перешла въ распоряженіе гетмана-освободителя Богдана Хмѣльницкаго; тутъ, какъ и въ другихъ вотчинахъ бѣжавшихъ пановъ, были поставлены гетманскіе урядники, судьи и др. Такъ не предвидѣнно Выдубицкій монастырь освободился отъ давнихъ коварныхъ своихъ сосѣдей грабителей, съ которыми болѣе полстолютія велъ тяжбу, и, при всей своей справедливости, терявшій надежду на выигрышъ процесса. При новыхъ порядкахъ вещей, Вы-

(1) Выд. мон. кн. ак. I, стр. 106.

(2) Выдуб. мон. кн. ак. X, стр. 11.

лубицкій монастырь былъ совершенно спокоенъ на счетъ своихъ гнилецкихъ владѣній. Правда, и теперь иногда находились такія лица, которыя, по старой памяти, порывались было своевольничать на счетъ монастыря; но они были немедленно останавливаемы козацкою старшиною и самими гетманами. Такъ, по случаю кое какихъ обидъ, чинимыхъ Выдубицкому монастырю въ Гнилетчинѣ со стороны жителей лѣсницкихъ, именно по случаю лова ими рыбы, въ озерахъ выдубицкихъ, безъ вѣдома выдубицкаго монастыря, въ концѣ 1653 года, сюда, по жалобѣ монастыря, немедленно, почти въ одно и то же время, писали къ уряднику лѣсницкому Шевелю съ строгимъ приказаніемъ остановить своеволие и наказный кievскій и дворецкій, — первый отъ 10 октября, а второй отъ 15, а потомъ чрезъ нѣсколько времени и самъ гетманъ писалъ строгій наказъ полковнику кievскому, чтобы онъ не допускалъ обидъ Выдубицкому монастырю. «Пане полковнику кievскій, писалъ ему Богданъ Хмѣльницкій, отъ 25 мая 1654 года, дошла намъ скарга (жалоба) отъ велебного въ Бозѣ господина отца Клементія Старушича, игумена монастыря Выдубицкаго, на атамана лѣсницкаго и ходосовскаго и всѣхъ обывателей тамошнихъ, же тамъ въ Калиновщинѣ, Кальномъ лугу, Гнилецинѣ и въ озерѣ Глушцу отъ давнихъ часовъ до монастыря Выдубицкаго належачихъ своленствомъ возбужены, никого се необъявляючи, великія шкody чинять, и оные чинячи церквѣ Божой игвалть (пасиліе) частымъ ловленьемъ рыбъ въ нѣвечъ (въ ничто) оборочають. Пильно тебѣ вашей милости жадаемъ исурово напоминаемъ, абысте того пильне стерегали и ничимъ неуводячися своольниковъ тыхъ сурово безъ фольги (безпощадно) карали, якобы найменшая кривда и перешкода такъ въ маестностяхъ, яко и въ озерахъ до монастыря Выдубицкаго належачихъ не дѣлалосе, иначе не чинячи такъ якобы намъ болшь о томъ скарга не доходила, бо вѣдай певне, (вѣрно) ежели бысь таковымъ своольникомъ фольговалъ самъ зъ ними, посполу каранна нашего не уйдешъ (1)». Но, при тогдашней вольности козацкой, и послѣ того иногда бывали случаи воровской ловли рыбы въ гнилецкихъ озерахъ Выдубицкаго монастыря; потому и гетманъ Виговскій давалъ подобный преждему строгій наказъ старшинѣ и черни козацкой о не-

(1) Отдѣл. свя. арх. В. мон № 7.

чиненіи малѣйшой кривды монастырю. Отъ 4 апрѣля 1658 года онъ писалъ въ своемъ универсалѣ: «Ознаймуемъ симъ писаніемъ нашимъ старшинѣ и черни войска его царскаго величества запорожскаго, всякого стану и кондиціи людемъ и кому оно колвекъ сее наше показано будетъ писаніе, ижъ маючи мы особливый взглядъ на отцовъ монастыря выдубицкаго святаго архистратига Михаила позволилисьмо онимъ Глушець озеро зо всеми до того озера принадлежностями, такъ яко и передъ тымъ заживати въ спокойне держане и уживане, на што и права данни мають. За чимъ пыльно напоминаючи приказуемъ, абы жаденъ (никто) з козаковъ такъ з старшины, яко и черни найменшое кривды помененнымъ отцамъ монастыря выдубицкого въ держаню и въ живаню того озера чинить не ваялся: бо хто бы колвекъ мѣлъ тамъ што надъ заказъ нашъ починити, таковый за найменшою скаргою с'рого войскового одъ насъ не уйдетъ караня (наказанія)». (1) Такого же содержанія универсалъ данъ былъ старшинѣ козацкой и Юріемъ Хмѣльницкимъ въ 1660 году, 3 мая (2).

Климентъ Старушичъ, благодаря содѣйствию свѣтскихъ и духовныхъ властей, сумѣлъ удержать за Выдубицкимъ монастыремъ и мозырскія дани. Отправляя сюда въ 1656 году «законника» своего монастыря о. Данила Сапоцкаго по «звычайную дань», игуменъ выдубицкій, для большей прочности дѣла, просилъ и митрополита Сильвестра съ своей стороны сдѣлать «притверженіе» кому слѣдовало о дани. Митрополитъ, хотя и отказался прежде отъ патронатства надъ монастыремъ, не отказалъ теперь въ просьбѣ игумену; отъ 19 сентября 1656 года, онъ писалъ атаманамъ волошовицкому и нестановицкому и всей громадѣ: «Вѣдомо вамъ чинимъ, ижъ за благословеніемъ нашимъ велебный отецъ игуменъ выдубицкій посылаетъ брата законного до васъ отца Данила Сапоцкаго по звычайную дань медовую и по десятину зъ власного ихъ острова, которую абысте безъ вшелякой звлоки оному до рукъ отдали и его тамъ вшелякими достатками ведлугъ давного звычайу подняли и тую дань зе вбожемъ ведлугъ повинности своей до Кіева припрводили...; а гды десятины тому высланному брату сполно не огдасте,

(1) Вид. мон. кн. акт. IX, стр. 200—201.

(2) Вид. мон. кн. акт. IX, стр. 199.

гидайте о томъ, же за всѣ тѣ лѣта на своей маестности шкодовати не задолго мусите; то вамъ предложивши и ознаивши напоминаю, абысте иначей нечинили, гдѣжь васъ никто не оборонить». (1) Посылая сюда за данью въ слѣдующемъ 1657 году законника своего Савву, игумень выдубицкій и огъ себя снабжалъ его тавимъ же строгимъ листомъ, какой писалъ и митрополитъ Сильвестръ, только еще прибавлялъ, что если они откажутъ посланному въ дани, то онъ самъ будетъ у нихъ зимою «и тые поля зъ островомъ ввшимъ якимъ людемъ зичливымъ церкви Божой отдасть» (2); между тѣмъ на зтотъ же случай онъ испросилъ было и у гетмана Богдана Хмѣльницкаго универсалъ, которымъ послѣдній приказывалъ *залозь* мозырскому содѣйствовать «выбраню дани». «Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, писалъ гетманъ, старшини и черни войска его царского величества запорозского, а особливо залозе' нашому мозырскому также мещаномъ и всему посполитству въ Волосовичахъ и Нестановичахъ встающимъ, и каждому, кому только показано будетъ, нѣжь якосъ то перше позволили въ Богу велебному отцу игуменови и всей братіи монастыря святаго архистратига Михаила Выдубицкаго, такъ и теперь позволяемъ, абы они дань медовую для расходу выбрали; прето сурово приказуемъ, абы жаденъ зъ старпни и черни найменшою перешкою отцу игумену албо отъ его высланному о выбраню дани медовое въ селахъ Волосовичахъ и Нестановичахъ не былъ, и о тое все невтручалъ подъ срогимъ каранемъ войсковымъ иначей не чинячи». (3) Бывшій въ тс время залога мозырскій, Матвѣй Гаврилловичъ, получивши такой наказъ отъ гетмана, и съ своей стороны писалъ въ такомъ же духѣ войтамъ волосовидкому и нестановицкому и всѣмъ жителямъ поименованныхъ сель: «Доношу вамъ, писалъ онъ, нѣжь тамъ до васъ едетъ законникъ монастыря святаго архистратига Михаила Выдубицкаго съ посланія старшого своего и всее братіи того монастыря для выбераия дани медовое, яко тежь и зъ пашни зъ поль тому монастырю зъ давныхъ часовъ належачое, такъ зъ универсаломъ, нѣжь особливимъ писанемъ въ Бозѣ велебного его милости отца игумена того мо-

(1) Тамъ же стр. 450.

(2) Вид. мон. кн. акт. IX, стр. 451.

(3) Тамъ же.

пастыря себе даннымъ, за чимъ и я тогожъ универсалу войскового зъ владѣ мое владовое за залозе въ мозыру будучи, пилю повишь того потребую и грозно росказую, абысте ни въ чомъ тому вышереченному законникови единому отцу Сави не были противными, але яко новинность ваша давная по васъ вытгала, барзей теперъ туу винность слою, безъ жадного затрудненія и наименшее проволокки конечно подъ срогимъ каранемъ, ведлугъ унверсалу войскового нечинечи иначе (1)». Безъсомнѣннѣ, посланецъ выдубицкїй, снабженный такими приказами, имѣлъ полный успѣхъ. То, что мы свазали о дѣлахъ Выдубицкаго монастыря въ Мозырщинѣ въ продолженіи двухъ лѣтъ, 1656 и 1657, — то же самое, съ вѣрностію, можемъ сказать и объ оставшемъ времени игуменства Климента Старушича въ Выдубицкомъ монастырѣ, — именно, мы можемъ свазать, что теперъ мозырскія дани шли въ Выдубицкїй монастырь безостановочно, хоть и не безъ особыхъ напоминаній и внушеній со стороны монастыря и его покровителей. Такое внушеніе дѣлалъ Волосовичамъ и Нестановичамъ въ свое время, къ концу времени игуменства Климента Старушича, и Юрій Хмѣльницкїй. Отъ 3 мая 1660 года, онъ писалъ своей старшинѣ: «Ознаймуемъ снмъ писанемъ нашимъ паномъ полковникомъ, асауломъ, сотникомъ, атаманамъ и всему старшому и меншому войска Его Царскаго Величества запорозского товариштву, меновите пану полковникову кїевскому и залогамъ отъ его на Погѣсю будучимъ, ижъ видилисмо листь еще короля четвертого Владислава польского, зъ которого выразумели, же зъ острова Селець названого и зъ села Волосовичъ и Нестановичъ въ повете мозырскомъ лежачихъ святой обители Выдубицкой кїевской ишла дань медовая и десятина збожа, що и мы не иначе хотячи мѣти пилю и сурово всѣмъ обывателямъ въ помененныхъ селахъ мешкающимъ приказуемъ, аби заразъ ведлугъ давного звычайу належную дань медовую и десятину збожа святой обители Выдубицкой за лѣтъ двѣ, поневажъ за розными не брано заверухами (смятеніями), отдавали и на потомъ пуцтовалися (?). Чому старшое и меншое войска Его царского Величества запорозского товариство ани самъ панъ полковникъ кїевскїй ни залогги его перешкодою быти не мають ани

(1) Вид. мон. кн. ае. IX, стр. 452.

важною трудностію. Кто зася будетъ противній воли на-
шой и сему писаню, таковій безъ жадного баченя срокового
не уидеть караня» (1).

Послѣ продолжительнаго спора съ владѣльцами рожнов-
скими, князьями Корецкими и ихъ наслѣдниками, панами Гле-
бовичемъ и Аксакомъ, Выдубицкій монастырь съ 1650 года
наконецъ успокоился на счетъ своихъ свиноедскихъ владѣній.
Во время козацкаго возстанія и наслѣдники Корецкихъ рож-
новскихъ такъ же точно бѣжали изъ своихъ владѣній, какъ и
наслѣдники Корецкихъ лѣсницкихъ. Рожны тогда перешли
во владѣніе малороссійскихъ гетмановъ, которые, какъ мы уже
знаемъ, не позволяли своимъ подданнымъ своевольничать въ
сосѣднихъ монастырскихъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ, на-
живши себѣ добрыхъ сосѣдей, Выдубицкій монастырь, повто-
ряемъ, спокойно пользовался своими свиноедскими владѣніями
до 1660 года. Въ этомъ же году судьбѣ угодно было неочи-
данно вознаградить Выдубицкій монастырь сугубо и за тѣ его
прежнія потери, которыя онъ несъ въ продолженіи больше
полстолѣтія отъ вельможныхъ пановъ рожновскихъ р.-католи-
ковъ. Гетманъ Виговскій, которому, наконецъ, по преемству
достались Рожны, около этого времени, оказался измѣнникомъ
русскому правительству и лишенъ былъ своихъ правъ и вла-
дѣній. Сосѣднія выдубицкимъ свиноедскимъ владѣніямъ села
Рожны и Лѣски не имѣли владѣльца. Выдубицкій монастырь
удачно воспользовался этимъ случаемъ: не теряя времени, вы-
дубицкій игуменъ съ братією послѣдшне обратился съ просьбою
къ великому государю московскому о пожалованіи Выдубицко-
му монастырю сосѣднихъ его владѣніямъ деревень, прежде
бывшихъ гетманскихъ, Рожновъ и Лѣсокъ. Алексѣй Михайло-
вичъ склонился на ихъ просьбу, и отдалъ имъ эти владѣнія.
Въ своей дарственной царской грамотѣ, данной Выдубицкому
монастырю отъ 31 декабря 1660 г., онъ писалъ: «Пожаловали
есми архангельскаго Выдубицкаго монастыря игумена Клемен-
тія Старушича зъ братією, что въ нынѣшнемъ во 7168 г., били
челомъ намъ Великому Государю пожаловать ихъ велѣтъ имъ
на прокормленіе и на монастырское строеніе дать двѣ дерев-
ни Ражны да Олешковичи, а тѣ деревни смежны къ ихъ
монастырскому селу Свиноедову, а напередъ сего тѣ-

(1) Выд. мон. кн. а. к. IX, стр. 470.

ми деревнями владѣль измѣнникъ нашъ Выговскій, и на тѣ деревни дать имъ нашу Великаго Государя жалованную грамоту. И мы Великій Государь Царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ Архангельскаго Выдубицкаго монастыря игумена Клементія съ братією пожаловали тѣми деревнями Рожнами да Олешковичами со всѣми доходи буде они нынѣ впусти и никто ими не владѣть, и челобитья и спору впредь отъ козаковъ не будетъ, владѣть имъ велѣли. И по нашей царской милости Архангельскаго Выдубицкаго монастыря игумену Клементію съ братією и кто по немъ въ томъ монастырѣ иные игумены и братья впредь будутъ тѣми деревнями владѣть и доходи всякіе збирать по прежнему, какъ имано напередъ сего (1). Такъ, повторяемъ, Выдубицкая обитель за свои прежнія обиды была сугубо вознаграждена отъ щедротъ православнаго государя. Приобрѣтеніе для Выдубицкаго монастыря было большое: рожновскія и лѣсковскія владѣнія отличались богатствомъ природы также, если не больше, какъ и осокорскія, гнилецкія и свиноедскія. Стоить только припомнить, сколько тутъ было рыбныхъ озеръ... напр., въ селѣ Рожнахъ и его окрестностяхъ были слѣдующія озера: Спаское, Пурьино, Езпица, Панское, Плоская долина, (?) озеро Гоголево, Жерево Песоцкихъ, озеро Дудкино, Подтополя, криница Котовская, Парня, Плоское и Роговицкое; а въ селѣ Лѣсковичахъ: Подомирка, рѣчка Глушица, Волуецъ, Старая Деспа, Колодоватая Долина, Нехлебенковъ перекопъ, Долина гончаровка (?), Долина Росоховатая, Долина Подорли на добовой грядѣ, Боклинское, Вубчое, Тихое жерло, Крутое жерло, Мочалища Брингица, Загота, Тетерино озеро, Довгая Сахнова, Карачовка, плоская Долина, Резоваха подъ грядою, Гусинець, Рубцувская великая, Рубцувская малая, Заспа, Пиружная, Васкова Долина Гусинець, Романовыхъ Долина Гусинець Деснице, Вершина Деснице Восковы домини вершина Получервяковскихъ, ставокъ Лозянскій, болото Чапища (1).

(1) Выд. мон. кн. акт. I, стр. 118.

(1) Выд. мон. кн. акт. I, стр. 106. Чтобы представить богатство природы в другихъ владѣній Выдубицкаго монастыря, припомнимъ тутъ кстати и ихъ рѣки и озера. Въ селѣ, напр., Осокоркахъ были слѣдующія озера и рѣки: Придушная,

Честь и хвала Клименту Старушичу, который, во время своего игуменства въ Выдубицкомъ монастырѣ и выхлопоталъ для своей обители самостоятельность, и сберегъ въ цѣлости ея прежнія владѣнія и еще успѣлъ приобрѣсть для нея новыя вотчины. Покончилъ ли Климентъ Старушичъ свое игуменство въ Выдубицкомъ монастырѣ вмѣстѣ съ жизнію, или онъ еще гдѣ нибудь трудился въ такомъ же, или въ высшемъ санѣ, что нерѣдко бывало съ его предшественниками и преемниками, когда онъ окончилъ жизнь свою и гдѣ погребенъ, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно; знаемъ только, что съ 1662 года его имени уже не встрѣчается въ дѣловыхъ бумагахъ Выдубицкаго монастыря. Въ Выдубицкомъ монастырѣ до нашего времени не сохранилось никакихъ особенныхъ пожертвованій Климента Старушича; изъ его же времени тутъ хранится только напрестольное евангеліе, пожертвованное полковникомъ миргородскимъ Григоріемъ Лышницкимъ (2).

Криница теллячая, рѣчка Позняковская, Грузная, Гачища, Плоское, Вубчое, Подбурная, Сепятинъ, Клешня, другая Подбурная, криница Думна, Речище осокорекое, Вирица, Речище Сухоє, Татарка малая, Порубежьє, Калита, Татарка великая, Миколаевъ. Подъ хуторомъ багряновскимъ: Лукарецъ; подлѣ Лыбиди—Запѣсочъ, другая Запѣсочъ противъ Жуковка, Святища, Стадное. Въ Кальномъ Лугѣ озера и рѣки: Подвять, Шчатково, Резоватая, Подбурная, Кривое пролузное, Бѣловудъ, Корица рѣки, Гутаєво, Глушець, Быстриць, Потяжь, Засна, Плоское, Кривуша, Турць, Порубежье; у Вышеневкати: Гачища, Берваца, Калвухи; въ селѣ Свиноєдахъ: Деснище, Быцакъ, Астаскій Перекопъ, Довбенское, Резучое, Осокорь, Хранее, Черная Лоза, Довгая, Отверница, Сухая кобылка, Половица Вубчого, Вироль, Остивая, Череваль, Подсѣвноє, половица Бѣлаго озера, половица Кривого Рогу, часть Скудного, Старая Десна Пещаница и озеро Иваня.

(2) На немъ, въ кругѣ нижней серебряной доски, находится такая рѣзная надпись: „Въ лѣто отъ созданія міра 7168, отъ спасительнаго же воплощенія Госиода нашего Исуса Христа 1660, мѣсяца декабря 6 дня, сооружися сіе пречестное евангеліе напрестольное, иждивеніемъ благочестиваго раба божія Григорія Лышницкаго, полковника миргородскаго въ зранѣ св. архистратига Михаила чуда еше его, въ Хіонѣхъ обители Выдубицкой во вѣчную его память. Тщаніемъ во іеромонашѣхъ смиренного Климента Старушича, игумена тоя же обители“. Опись Выд. мон. стр. 22.

Достойнымъ преемникомъ Климента Старушича по игуменству выдубицкому былъ одинъ изъ знаменитыхъ воспитанниковъ кievской коллегии, впоследствии архіепископъ черниговскій Θεодосій Углицкій, «иже бысть мужъ разуменъ и благотворящъ кievскому братскому монастырю», по замѣчанію современниковъ. Θεодосій Углицкій былъ игуменомъ Выдубицкаго монастыря едва ли не долѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Если допустить, что его предшественникъ Климентъ Старушичъ окончилъ свою службу Выдубицкому монастырю въ 1661 году, а его ближайшій преемникъ Пахомій Подлузскій принялъ игуменство выдубицкое въ 1690 г., то окажется, что Θεодосій Углицкій служилъ Выдубицкому монастырю въ званіи его игумена, около 28 лѣтъ. Въ его время, какъ и во время его предшественника, Выдубицкій монастырь былъ совершенно независимъ отъ кievскихъ митрополитовъ; но, странно, Θεодосій Углицкій, не извѣстно по какимъ причинамъ (не по скромности ли?) часто титуловалъ себя намѣстникомъ кievскаго митрополита, хотя и управлялъ монастыремъ безъ всякаго участія со стороны кievскихъ митрополитовъ, совершенно самостоятельно. Первые годы служенія Θεодосія Углицкаго Выдубицкому монастырю ничѣмъ особеннымъ не отмечены въ его исторіи; даже не отыскивается теперь въ монастырѣ ни какихъ памятниковъ его управленія до 1667 года. Съ этого же времени (по документамъ монастырскимъ) онъ становится извѣстнымъ, подобно своему предшественнику, и какъ умный распорядитель имѣній своего монастыря, и какъ ревностный защитникъ его правъ, и какъ сильный ходатай на счетъ его интересовъ, и какъ благотворитель стороннимъ монастырямъ.

Отъ времени Θεодосія Углицкаго сохранилось до нашего времени въ Выдубицкомъ монастырѣ нѣсколько документовъ на счетъ того, какъ онъ (Θеодосій Углицкій) арендовалъ разныя выдубицкія владѣнія на пользу монастырскую. Говоря объ его распорядительности, касательно монастырскаго имущества, стоитъ упомянуть особенно о томъ, что по его распоряженію, построены были какимъ то паномъ Максимомъ Васильковскимъ двѣ монастырскія мельницы, одна на рѣчкѣ Ветѣ при впаденіи ея въ Корнчу, а другая тоже на Ветѣ въ лѣсницкихъ владѣніяхъ, на очень выгодныхъ для монастыря условіяхъ.

Осокорскія и багриновскія владѣнія Выдубицкаго монастыря граничили между прочимъ и съ владѣніями кievо-печерскаго Троицкаго больничнаго монастыря. Въ этихъ владѣніяхъ, до временъ Θεодосія Углицкаго, не было прежде никакихъ столкновений между обоими монастырями, а теперь, къ сожалѣнію, онѣ начались. Такъ опять возникъ споръ Выдубицкаго монастыря съ Лаврою, который, во время патронатства кievскихъ митрополитовъ надъ Выдубицкимъ монастыремъ, нѣсколько было пріутихъ. Споръ былъ начать со стороны Троицкаго больничнаго монастыря на Осокорскомъ островѣ: «игумень троицкій презъ такъ веле лѣтъ въ близкомъ суседствѣ мешкаючи, любо вѣдалъ о кгрунтахъ Здавна монастыреви Выдубицкому належачихъ, однакоже подобно зъ ранкуру якогось, въ року 1668 ноембра 27 дня, запесочъ въ острове осокорскомъ законникомъ своимъ и подданымъ троицкимъ злогити розказалъ. Посланные пріѣхавши човнами, зловили тутъ неведомъ рыбъ свѣжихъ великихъ 7 возъ. Игумень выдубицкій подалъ скаргу архимандриту лавры на троицкаго игумена. Въ началѣ декабря, на мѣсто спора высланы были съ обѣихъ сторонъ значныя особы и свѣдки для розезнанья и пріятельскаго померкованья.» Монахи троицкіе были уличены въ своемъ самоправствѣ самымъ яснымъ образомъ; но вмѣсто того, чтобы покориться правдѣ, (1) они заставили выдубицкаго свидѣтеля поскорѣе убираться изъ того острова. Послѣ такого насильственнаго поступка, игумену выдубицкому оставалось только занести протестацію въ урадовыя гродскія книги. Протестація немедленно была занесена и при ней было приложено показаніе «вѣрогодныхъ свѣдковъ» (2), Послѣ такой протестаціи, троицкіе законники, кажется, было одумались и прекратили свои несправедливыя притязанія на Осокорской островѣ; по крайней мѣрѣ продолженія этой тяжбы не видно по документамъ монастырскимъ. Только чрезъ три года опять возникли «контроверсіи» между этими монастырями за сосѣднія осокорскія границы. 13 мая 1672 года опять высланы были на мѣсто спора свидѣтели съ той и другой стороны «для пріятельскаго померкованія;»

(1) Выд. мов. кн. ак. VI. стр. 89. 90.

(2) тамже стр. 91. 92.

туть присутствовали въ качествѣ третейскихъ судей игуменъ Николаевскаго Пустыннаго монастыря Германъ Кердановскій и отъ каведры Панкратій Филимоновичъ. Здѣсь Феодосій Углицкій, между прочимъ, «выличалъ опрессію (пересчитывалъ обиды) свои отъ велебныхъ отцовъ троицкихъ и отъ отцовъ печерскихъ не поеднокротъ починенныхъ разными часы». За тѣмъ, свидѣтели съ той и другой стороны, «стали опредѣлять границы; но отцы троицкіе, видячи тое, нме не ведуть ихъ мысли граница указана, упоромъ, гдѣ хотѣли, тамъ копцѣ посынали» (1). И теперь дѣло кончилось тѣмъ, что Феодосій Углицкій, 19 іюля того же года, занесъ въ троецкія книги показанія «вѣрогодныхъ свидѣтелей подъ присягою и подъ сумненемъ (совѣстью) добрымъ о певвыхъ границахъ Осокорского борку» (2). Между тѣмъ троицкіе и печерскіе законники старались насильно удержать за собою свои границы въ Осокоркахъ. Насиліе съ ихъ стороны вызвало насиліе и со стороны Выдубицкаго монастыря. 23 іюня 1672 года, игуменъ троицкій Іосифъ Копоновичъ опять протестовалъ на Феодосія Углицкаго, что «онъ своевольствомъ своимъ привлацалъ троицкія озера, осокорскія сѣножати, поля, луги.» Отъ 3 декабря 1673 года въ кievской ратушѣ протестовалъ на Феодосія Углицкаго съ братьею самъ архимандритъ печерскій Иннокентій Гизель за то, что Выдубицкій монастырь, будто бы, несправедливо завладѣлъ хуторомъ Черкасчиною, что игуменъ выдубицкій, по смерти слуги печерскаго Ивана Черкаса, взѣхавши на его грунтъ съ бртіею и людьми своими, «учинилъ признаи на дубахъ, нма свое рисуючи и копцы сыпалъ, дороги старые засыпалъ и старые границы попортилъ, и дѣлалъ свои вновь границы и до грунтовъ печерскихъ голо-сѣвскихъ приближился, и тамъ на тѣхъ же грунтахъ голо-сѣвскихъ черезъ дорогу багриновскую поля чрезъ поданныхъ своихъ посасевалъ и нивы старожитные у феодосевскаго попа отнялъ. Въ показаніяхъ печерскихъ монаховъ на Феодосія Углицкаго не обошлось и безъ чудесностей. Такъ, они писали въ томъ же документѣ, что, когда игуменъ Выдубицкій выѣхалъ однажды съ своею дворнею къ

(1) Выд. мон. кн. ак. 1, стр. 110, 111.

(2) Выд. мон. кн. ак. VI, стр. 33.

спорный багряновскимъ грунтамъ и тутъ самовольствомъ на одномъ дубѣ учинилъ границы, а по учиненіи той границы только отъ дуба назадъ отбѣжалъ, подѣ тотъ часъ ударилъ громъ, и тотъ дубъ разбилъ.» (1) Неизвѣстно, чѣмъ покончили теперь обѣ спорившія стороны свои контроверсіи; только уже съ 1674 года не встрѣчается въ выдубицкомъ архивѣ документовъ о продолженіи спора; онъ былъ возобновленъ, какъ увидимъ ниже, чрезъ 20 лѣтъ послѣ того.

Вѣроятно, и при Феодосіи Углицкомъ случались иногда, какъ и прежде, своевольныя нападенія на гнилецкія владѣнія Выдубицкаго монастыря со стороны „товариства козацкаго и псполства“; потому что и гетманъ Дорошенко, подобно своимъ предшественникамъ, предостерегалъ всѣхъ и каждаго чинить обиды Выдубицкому монастырю. „Ознаймуемъ симъ писанемъ нашимъ всей старшинѣ и чернѣ войска запорожскаго и каждому, кому о томъ вѣдати належить, писаль Дорошенко въ своемъ универсалѣ, отъ 19 декабря 1670 года, нѣмъ стосующися до универсаловъ автецесоровъ нашихъ гетмановъ запорожскихъ кгрунта Калиновщизну, Кальный зугъ, Гнилецщизну и островъ Глушець во всѣмъ по нихъ найдуочинися угодыми (яко здавна до монастыря святаго архистратига Михаила Выдубицкаго кievского слушнымъ правомъ належыме) превелебному господину отцу Феодосію Углицкому игумену Выдубицкому и при всей его братіи цале заховуемъ. А жебы въ тыхъ кгрунтахъ превелебному отцу игумену и всей братіи монастыря Выдубицкаго не было наименшое перешкоды и наименшого ни отъ кого утисненя, яко симъ универсаломъ нашимъ пильно варуемъ. Такъ, кгдабы они отцове законники выдубицкіе игуменъ и вся братія въ тыхъ кгрунтахъ своихъ вышней речоныхъ одеймованемъ или посѣдаемъ поля, кошенемъ сѣножатей, рубанемъ пуши, зловленемъ озѣръ и иншимъ яковымъ способомъ пайменшую отъ кого узнали кривду вложитеса за ихъ кривду помагаю нашею и кождого сподручныхъ нашихъ карати сронго декларуемъ (2)“; послѣ этого, не было уже никакихъ оффиціальныхъ жалобъ со стороны Выдубицкаго монастыря на притѣсненія въ гнилецкихъ грунтахъ.

(1) Выд. мон. кн. ак. VII, стр. 61.

(2) Выд. мон. кн. акт. IX, стр. 200.

И въ новопріобрѣтенныхъ грунтахъ лѣсковскихъ при Феодосіи Углицкомъ, съ самаго начала его игуменства, не обходилось безъ притѣсненій со стороны обрестныхъ жителей и ратныхъ государственныхъ людей. Заботливый игумень, при такихъ обстоятельствахъ, просилъ разновременно гетмана и кіевскаго воеводу о защитѣ интересовъ монастырскихъ. Вслѣдствіе такой просьбы, гетманъ Демянъ Игватовичъ (Многогрѣшный), отъ 25-го марта 1670 года, давалъ универсалъ, въ которомъ разныхъ чиновъ людямъ, а особенно лѣтковскому атаману съ товариствомъ строго притверждалъ, «дабы тому выдубицкому игумену и впредь по немъ быть имѣющимъ игуменамъ и братіи въ спокойномъ мѣстѣмъ Лѣсковичами съ принадежностями владѣніи нимаѣйшихъ перешкодъ не чинили»; (1) а воевода кіевскій Петръ Васильевичъ Шереметьевъ, отъ 19 мая 1681 года, тоже посылалъ отъ себя кому слѣдовало листъ о томъ, „чтобы ратніе государственніе люди въ мастиности того Кіево-Выдубицкаго монастыря въ мѣстечку Лѣсковичахъ никаковымъ добрамъ, яко то борямъ, лѣсамъ, озерамъ, хлѣбу и сѣнокосу и прочимъ опустошеній подѣ тяжкимъ наказаніемъ не дѣлали.“ (2).

Феодосій Углицкій старался поддержать интересы своего монастыря и въ Мозырщинѣ, откуда по разнымъ обстоятельствамъ, монастырь Выдубицкій не получалъ дани въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ 1676 году, онъ высылалъ туда своихъ повѣренныхъ „велебнаго отца“ Гснадія Пержхала и нѣкоего отца Антонія; но эти посланцы не имѣли никакого успѣха: подстароста мозырскій наотрѣзъ отказалъ имъ въ дани и къ самому игумену отнесся съ колкимъ и уклончивымъ письмомъ. „Удивительно мнѣ имѣеть быть, писалъ подстароста Григорій Волкъ Феодосію Углицкому, что Ваша милость, мой милостивый панъ, припомня подобно баталіи козацкіе, московскіе и татарскіе, венгерскіе и нинныхъ, которіе по сіе времена находились, не могучи не тылько отбирати надлежащую собѣ квоту (часть) и десятину, но и переслати не могучи отъ нахождения непріятельскаго, теперича упоминатися союзвоаемъ за такъ много лѣтъ въ острова Селецкого, зъ котораго давнихъ временъ когда была въ покою речь-посполитая доброволне мужички на хвалу Божию союзвоали да-

(1) Вид. мон. кн. ак. X, стр. 41.

(2) Вид. мон. кн. ак. X, стр. 41.

вати по ведру меду до года,—чего и теперь я незащищаю, хотя десятая часть тихъ людсѣй сумнительно чтобъ осталась, якъ было предъ тѣмъ,—а за прошлія лѣта соизволь Ваша милость въ Москви и у козаковъ упоминались, которіе все забрали и до щенту (до тла) зруйновали.“ (1) Чрезъ годъ, послѣ того, Θεодосій Углицкій опять посылалъ въ Мозырщину законника своего монастыря отца Іова Опалинскаго; но и этотъ посланецъ также не имѣлъ успѣха, какъ и прежніе, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ тогда же, послѣ отказа, занесъ въ судовыя мозырскія книги права Выдубицкаго монастыря на разныя мозырскія угодья. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1679 году, Θεодосій Углицкій опять посылалъ въ Мозырщину того же монаха съ письмомъ къ войтамъ волосовицкому и нестановицкому и тамошнимъ громадамъ, въ которомъ уже съ угрозою требовалъ дани. „Маючи я на васъ взглядъ, писалъ онъ, предъ лѣтъ кильканадцать належности отъ васъ монастырси зашому звѣчной неупоминаемся, лечъ (но) слушного ожидаемъ часу, а дождавшисъ якого такого той рокъ одозваемся до васъ и упоминалемся належитой данѣ, вы засъ немаючи готовой просили о пождане до прошлой осени, я и на тое позволивши быаемъ терпѣливый. Теперь теды зъ умыслу посылаю до васъ брата монастыря нашего честного іеромоваха Іова Опалинскаго и приказую вамъ, абысте ничимъ неотмвляючися дань сегорочную медовую, и той рочную и позатойрочные дани и десятины зъ поль отдали сему посланному нашому, и ему вшелякую честь и пошановане выражали и подводъ незабороняли, а если бысте иначей учнили будетъ тое васъ за прінздомъ дастъ Богъ въ тые край моимъ большею коштовати и пеменшой узнаете турбаціи“... (2). Какъ подействовало это письмо Θεодосія Углицкаго на кого слѣдуетъ, не извѣстно.

При Θεодосіи Углицкомъ, благодаря его заботливости, владѣнія Выдубицкаго монастыря не только сохранились въ цѣлости, но и увеличались прибавленіемъ нѣкоторыхъ угодій и другихъ доходныхъ статей. Мы видѣли, что Выдубицкій монастырь за свои продолжительныя потери въ свиноедскихъ грунтахъ отъ владѣльцевъ рожновскихъ и лѣсковскихъ, былъ вознагражденъ, благодаря какому то разумному стеченію обсто-

(1) Вид. мон. кн. ак. IX, стр 450.

(2) Тамъ же стр. 458.

ладельствъ, наданьемъ ему самыхъ Рожновъ и Лесковичей. То же случилось, хотя нѣсколько и позже, въ грунтахъ гнилецкихъ. Долгое время Выдубицкій монастырь здѣсь терпѣлъ потери отъ сосѣднихъ владѣльцевъ лѣвническихъ-князей Корецкихъ; но наконецъ, какъ бы въ вознагражденіе за свои давнія потери, онъ получилъ во владѣніе и самые Лѣвники. Ихъ надалъ монастырю, безъ сомнѣнія, не безъ просьбы Θεодосія Углицкаго, гетманъ Петръ Дорошенко, которому, по преемству отъ прежнихъ гетмановъ, достались все владѣнія бѣжавшихъ пановъ р. католиковъ. Отъ 19 декабря 1670 года, гетманъ между прочимъ такъ писалъ въ своемъ универсалѣ, данномъ Выдубицкому монастырю: «Респектуючи на знищене святого мѣста монастыря Выдубицкаго кофирмуемъ тамошнимъ отцомъ игуменови и всей братіи село або нѣкыдысь бывшее мѣстечко Лесники зо всеи приваажностями. Позволяючи имъ отцомъ и людей тамъ збирати, насаживати, и всякіе оттоль отбирати повинности и пожитки, зачимъ срокго приказуемъ, абы жаденъ зъ старшины и черни войсковое имъ отцомъ законникомъ выдубицкимъ такъ владѣнію Лесникъ яко и въ отбиранию зъ нихъ всякихъ пожитковъ найменшее не чинили перешкоды, людямъ зась въ лесникахъ будучимъ и быти хотячимъ пригрожаемъ, абы всякое отцу игуменови выдубицкому и всей его братіи отдавали послушенство“ (1). Въ подтвержденіе правъ Выдубицкаго монастыря на Лѣвники, и въ предупрежденіе здѣсь какихъ нибудь обидъ, чрезъ 18 лѣтъ послѣ того, и гетманъ Мазепа снабдилъ Выдубицкій монастырь своимъ универсаломъ. „Ознаймуемъ сими нашимъ универсаломъ каждому, кому о томъ вѣдати належитъ всей старшинѣ и чернѣ войска ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества запорожского, писалъ гетманъ, и жъ не нарушаючи мы универсаловъ антееесоровъ нашихъ превелебному въ Богу его милости отцу Θεодосію Углицкому игуменови монастыря Выдубицкаго и братіи его на село Лесники выданныхъ, заховуемъ тое село съ принадлежностями при немъ превелебному господину отцу игуменови и при братіи того монастыря позволяючи имъ надъ тамошними посполитыми людьми вѣдѣти и всякое отъ нихъ послушенство и повинности на вспартье (поддержку) монастыря отбирати, за чимъ мѣти хотимъ и приказуемъ, абы имъ пререченымъ отцомъ игумену и братіи его въ владѣніи того

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 200.

себя и въ отбиранию зъ него пожитковъ чинить перешкоды ни-то неважился (1)«. Кромѣ Лѣвниковъ, Θεодосій Углицкій выхлопоталъ въ пользу монастыря отъ гетмана Юрія Хмѣльницкаго, „скудости ради монастыря“, двѣ мельницы на Деснѣ, вблизи Свиносововъ и Рожновъ (2) и приобрѣлъ, неизвѣстно какимъ образомъ, въ самомъ Кіевѣ на Подолѣ, въ спаскомъ приходѣ „длѣць зъ будынкомъ пѣкоей пани Пелагій Войничевой (3)“. Кромѣ этихъ приобретений, Θεодосію Углицкому удалось попросить у государей московскихъ еще особенную милость для своего монастыря: по его челобитью, отъ имени великихъ государей московскихъ, Юзина и Петра Алексѣевичей, дана была Выдубицкому монастырю, отъ 11 февраля 1685 года, жалованная грамота, которою дозволялось „игумену выдубицкому Θεодосію Углицкому и впредь по нему имѣющимъ быть игуменомъ и братіа“ чрезъ каждыя пять лѣтъ присылать въ Москву трехъ или четырехъ человекъ для подачи челобитья о милостыни. Въ этомъ же году, въ начатокъ такихъ царскихъ жертвъ, выслана была въ Выдубицкій монастырь чрезъ іеромонаха выдубицкаго Веніамина щедрая царская милостыня (4). Таково было служеніе Θεодосія Углицкаго пользамъ Выдубицкаго монастыря.

Но, заботясь о пользахъ своего монастыря для славы Божіей, Θεодосій Углицкій не отказывался пособлять по возможности и другимъ соседнимъ монастырямъ. Въ архивѣ выдубицкомъ сохранилось нѣсколько писемъ отъ наместника Лавры іеромонаха Антонія Радзивиловскаго къ Θεодосію Углицкому, въ которыхъ первый просилъ позволенія вырубить въ дачахъ Выдубицкаго монастыря то такого, то другаго лѣса, (5) и мы не имеемъ никакого основанія думать, чтобы Θεодосію Углицкій отказывалъ печерскому монастырю въ такихъ и подобныхъ просьбахъ. Не чему другому, какъ только особенной любви Θεодосія Углицкаго къ монастырской жизни и особенной ревности его къ славіи Божіей мы должны приписать то, что онъ основалъ въ Мозырщинѣ, на выдубицкомъ Михайловскомъ островѣ „монастырецъ или монашескій скитъ“. Вотъ обстоятельный

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 200.

(2) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 41.

(3) Вл. мон. кн. ак. IX, стр. 49.

(4) Вл. моч. кн. ак. X, стр. 1. кн. IX, стр. 23, 24.

(5) Тамъ же стр. 35.

документъ этого учрежденія. „Усмотривши мы въ иночествѣ искуснаго и обителя нашей привязнаго, въ речахъ зась врученныхъ тщаливого брата нашего честнаго іеромонаха Іова Опалинскаго, писалъ игумень, отъ 1 марта, 1680 года, поручилисмо ему звѣчный грукъ монастыря нашего правокъ доконалымъ обварованный и никому незаведевый въ повѣтъ мозырскомъ лежачій, названный островъ Михайловщина.... а поневажъ положене того острова на скитокъ и монастырець барзо згодное, прето здецилисмо (поручали) вышменованному честному Іову Опалинскому, абы скитокъ любъ и монастыроць зъ помочи горлявыхъ (ревностныхъ) и побожныхъ церкви святы и сыновъ фундавалъ, въ которомъ маеть и будетъ зостанати до конца живота своего на мѣстцу вашомъ памѣтникомъ, братиъ зась сколько можная держати ему волно будетъ, а жебы тагъ ему самому яко при немъ будучимъ слушное выживенне было, даемо въ моце и завѣдоване поблизь другой островъ Селець зъ полями и сеножатями, зъ лѣсомъ и боромъ, зъ отчинами и всѣми приналежностями такъ же вольно будетъ для помочи собѣ и послуги поддавныхъ килка осадити, такъ тежъ и вшелякие промыслы мѣти, т. е. орати, сѣяти, рыбъ ловити, млины будовати, котлы горѣлачные для своеѣ потребѣ держати.... Прилучасмо до тихъ же острововъ и въ заживане даемо іеромонаху Іову и иншіе приналежности и пожитки монастырю нашему служачіе.... Яко то зъ Водовичъ каменей три меду, зъ села Матвы каменей также три меду, зъ села Михновичъ, а зъ оstarола Котошнскаго, кадь меду широкая, гдѣ есь землѣ зъ зарослями на мѣроць шестпадцать, тамъ же и островъ Солонтзскій и озеро прозывается Печерское, по близу которого и село Ивашковичи на грунтѣ монастыря нашего осажено; тые грунта вышменованный памѣтникъ нашъ въ пиломъ дозорѣ своемъ мѣти будеть и вшелякихъ пожитковъ безъ жадноѣ одъ насъ перешкоды презъ лѣтъдесять поживаты маеть, а по выстюдесять лѣтъ если кто осядетъ на отчинѣ и поле будеть пахати, повипенъ будеть давати двѣ ведерки меду, а хто горѣлку будеть робити, отъ казана по талюру и тысячу грибовъ поседѣлины маеть давати, що тежъ вышменованій повипенъ будеть увшелякого права и суду ставати и порученыхъ себѣ грунтовъ боронити, а если того потреба укажетъ, и мы обещуемъ коштомъ и старанемъ нашимъ его въ процесяхъ правнихъ вспомогати; долженъ тежъ есь до конца живота своего табъ онъ самъ, яко и по немъ наступа-

мчѣ на тыхъ грунтахъ намѣстники честь и послушенство монастырю святаго архангела Михаила на Выдубичахъ кievскому и въ немъ зостающому предстателю отдавати подъ его юрисдикцію быти и до него во вѣсѣмъ рефероватися (относиться) грунтовъ никому не заводити авѣссей кому чинити а нѣ сукцессора посебѣ безъ воли и вѣдомости его ставовити (1)«. Такъ Выдубицкій монастырь навсегда порѣшилъ съ своими старинными мозырскими вотчинами, которыя, находясь вдали отъ монастыря, всегда стоили ему не мало безпокойствъ. Такой славный памятникъ своей ревности „къ помноженю славы Божіей“ оставилъ по себѣ Феодосій Углицкій изъ времени своего долговременнаго начальствованія надъ Выдубицкимъ монастыремъ.

Феодосій Углицкій былъ игуменомъ выдубицкимъ, какъ мы и прежде замѣтили, вѣроятно, до 1690 года, хотя его имени и не встрѣчается въ дѣловыхъ монастырскихъ бумагахъ 80-хъ годовъ XVII вѣка (2). Изъ Выдубицкаго монастыря онъ былъ переведенъ въ черниговскій Елецкій монастырь, гдѣ, въ званіи архимандрита, былъ его настоятелемъ до 1693 г.; а потомъ былъ хиротописованъ въ Черниговскаго архіепископа, въ какомъ санѣ онъ и скончался 7 генваря 1696 г. (3).

Свящ. II. Троцкій.

(Окончаніе впрѣдъ).

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 465—468.

(2) Изъ времени игумена Феодосія Углицкаго въ Выдубицкомъ монастырѣ до нашего времени сохранилась впитрахий плотнаго малиноваго бархата съ шитыми на ней золотомъ и серебромъ изображеніями Божіей Матери, трехъ серафимовъ, архангела Гавріила и др. На ней также вышито: „1674 г. 23 февраля“. И еще: серебряная кружка, вѣсомъ въ 1 фунтъ и 36 золотниковъ, и двѣ столовыя серебряныя ложки самаго Феодосія Углицкаго. На кружкѣ написано въ одномъ мѣстѣ: „Феодосій Углицкій“, а въ другомъ: „sine iniosra“; а на ложкахъ написано: „Фео. Угл.“

(3) Здѣсь онъ и погребенъ. Мощи его остаются вѣданными до нашего времени.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

до и во время послѣдняго польскаго мятежа 1931—33 г.

(Продолженіе).

Г Л А В А 13-я.

Ламберовъ отель и общество польской молодежи—Хлопоты старой эмиграціи ввязаться въ дѣло—Временная комиссія—Временный комитетъ—Маркизь Велепольскій—Комитетъ соединенія—Разладъ между Мѣрославскимъ и ренегатами.

По теоріи заговоровъ, послѣ достаточной пропаганды, усиленная дѣятельность всѣхъ пригодныхъ органовъ, возбуждая къ уличнымъ демонстраціямъ и манифестаціямъ, должна поставить населеніе въ явную и открытую оппозицію правительству и торопливо доводя распаленіе страстей и настроеніе толпы къ буйствамъ до невозможно—большей степени азарта, перейти окончательно къ открытому мятежу; но эта наука, названная *Лелевелемъ* наукою *заговора массъ*, не доставляла полякамъ вполне желаемыхъ результатовъ.

Два года почти длился такъ называемый манифестаціонный періодъ, пока коноводы рѣшились перейти *Рубиконъ*. Они чувствовали, что для дипломатическихъ сношеній имъ было необходимо представить залогомъ въ легкости побѣды и въ силѣ мѣстной крамолы; городское населеніе было подготовлено; но собственно масса народа, поселяне далеко не изъявляли той же готовности; оставалось дѣйствовать на него страхомъ, терроромъ т. е. руководствоваться правиломъ польскихъ эмигрантовъ, принятымъ для производства мятежей: „съ народомъ должно обращаться суровѣе, нежели обращаются правительственныя власти“.

Существенная же причина замедленія была та, что на сцену дѣйствія предстояло выдти первыми, самимъ творцамъ проектовъ огамечтаемъ конфедеративнаго *славяно-польскаго* или *общеславянскаго* государства, съ новымъ устройствомъ гражданскихъ обществъ, основаннымъ на „взаимныхъ симпатіяхъ, уваженіи, согласіи, довѣ-

ренности, братствѣ, и самоотверженіи“. Но столбы *великаго будоуванья* — изгнанники и туземцы, ни поляки, ни къ нимъ прикнувшіе *ренегаты съ того берега*, никакъ не могли стовориться по этому предмету.

Отъ Парижа до Петербурга, отъ Лондона до Генуи, предтечею мятежа была возникшая самая ожесточенная борьба между партіями, которая, конечно, подземно длится и понинѣ. Когда *власть* показала близкою добычею, то на эту добычу, съ дружнымъ озлобленіемъ, накинулись все соперники-сотрудники польской sprawy. Эта междуособица стоитъ на первомъ планѣ въ бывшемъ мятежѣ, она была источникомъ всехъ *совершившихся фактовъ*, влиявшихъ на весь его ходъ. Описаніе этой борьбы принадлежитъ къ изображенію послѣднихъ польскихъ событій; мы приведемъ только нѣсколько свѣдѣній, дабы ознакомить съ этимъ періодомъ дѣятельности *польской эмиграціи* и довести ее до предполагаемаго нами времени.

Польская эмиграція, послѣ утраты въ ея рядахъ, сдѣланныхъ амнистіею, представляла множество разныхъ кружковъ, мало вліятельныхъ и физически мало способныхъ къ веденію мятежа. Вся сила сосредоточилась въ монархическомъ *Ламберовомъ отелѣ*, и въ диктаторѣ *Мьрославскомъ*. *Ламберовъ отель* былъ могучъ средствами землевладѣльцевъ-туземцевъ, содѣйствіемъ клерикальных партій и своими ультрамонтанскими связями; *Мьрославскій* располагалъ руками для дѣйствія, и общество *товарищества польской молодежи* приобрѣло все прежнее значеніе общества *демократическаго товарищества*. Диктаторъ *Мьрославскій*, кинувъ своихъ старыхъ товарищей *централициковъ*, ко всемъ ударамъ, понесеннымъ *централизациею*, прибавилъ еще свой. Вербуя новыхъ сторонниковъ, онъ изъ нея сдѣлалъ пугало; онъ изобличалъ *централизацию* въ томъ, что она источникъ всехъ безобразныхъ принциповъ, предъ тѣми, которыхъ не устраивало ученіе коммунизма, но которыхъ онъ хотѣлъ оттянуть отъ Ламберова отела. *Мьрославскій*, предъ послѣднимъ мятежемъ, дѣйствовалъ по тойже тактикѣ, по которой дѣйствовали эмигранты централизаціи въ Галиціи, предъ мятежемъ 1846 года. Онъ, то пародировалъ Прудона, то изъ подтишка выставлялъ своего пріятеля *Высоцкаго*, человека права нерѣшительнаго и робкаго, тѣмъ ярымъ коммунистомъ, который не иначе какъ воровствомъ считаетъ чужую собственность; на дѣлѣ *Мьро-*

славскій, признавая себя челоѣкомъ политическимъ, постоянно держался своего изрѣченія, что *правда въ политикѣ — успѣхъ* (*).

Въ то время какъ, по постановленіямъ Ламберова отеля и *Мърославскаго*, разыгрывались польскія манифестаціи въ Польшѣ и Западной Россіи, остальная эмиграція, ожидая близкой мятежъ и считая верховное руководство мятежемъ ей принадлежащимъ по праву, начала готовиться въ этомъ смыслѣ. Раздавались рѣчи, писались статьи о необходимости соединенія партій и согласія въ дѣйствіяхъ; но къ большому удивленію польской эмиграціи, никто къ ней не обращался ни за начальствующими, ни за руководителями, ни за совѣтниками; не только она не получала донесеній, но кромѣ газетныхъ, получала одни только скудныя свѣдѣнія изъ края; мѣстныя секціи демократическаго товарищества туземцевъ обратились въ самостоятельныя кружки, которые, на скорую руку, умножали свои силы новыми заговорщиками и готовили ихъ въ дѣятелей; тремъ послѣднимъ центральщикамъ: Людвигу *Булевскому*, Антонію *Жабицкому* и Михаилу *Домагальскому*, нечѣмъ было наполнять свои протоколы; имъ оставалось на засѣданіяхъ только, въ дружеской бесѣдѣ, передавать о слышанныхъ ими новостяхъ. Централизація. въ сороковыхъ годахъ гремѣвшая именами *Мърославскаго*, *Ворцеля*, *Дараша*, *Гелтмана*, *Зепрковскаго*, *Высоцкаго*, шумливая соперница молчаливаго Ламберова отеля, въ началѣ 1862 года исчезла; все общество *товарищества демократическаго* было уже въ разбродѣ, или, по выраженію поляковъ, „*развязалось*“ (розвіонзалосе).

Польская эмиграція, въ теченіи тридцати лѣтъ достигла полного убѣжденія, что она цвѣтъ и представительница польской націи. Не зная всей громадности подземныхъ новыхъ работъ ея рожденныхъ дѣятелей, эти *отцы* не догадывались, что ихъ *дети*, идя по ихъ стопамъ, въ своихъ замыслахъ и ихъ, старыхъ эмигрантовъ, причислили къ своимъ противникамъ, какъ поколѣніе отжившее, ни къ чему уже не способное, и только своимъ вмѣшательствомъ задерживающее дѣло. Старые эмигранты убаюкивали себя пріятными надеждами что время настанетъ имъ принять кормило власти; изъ разныхъ партій вызвались представители для начертанія согласныхъ дѣйствій и обсуждения предстоящихъ и, въ концѣ 1861 года, образовалась *временная коммиссія*, изъ 7 чле-

(*) Mensongel!—Mais savez vous se que c'est que la vérité en politique?— C'est tout bonnement la victoire. Débat pg. 38.

новъ, подъ предѣдательствомъ Леона *Чеховскаго*, съ секретаремъ Леономъ *Мазуркевичемъ*. (*) Подобная инициатива отъ личностей, игравшихъ второстепенныя роли, подстрекнула другихъ, считавшихъ себя столбами эмиграціи, 12 Января 1862 года, явилось новое учрежденіе для согласенія дѣйствій старой эмиграціи, подъ именемъ *временнаго комитета*, тоже въ составѣ семи человекъ, подъ предѣдательствомъ извѣстнаго самодура Графа Яна *Ледуховскаго*; членами были: такъ называемый патриархъ демократической партіи Янъ Непомуценъ *Яновскій*, служащій при кабинетѣ принца Наполеона Эдмундъ *Хосикій*, Адольфъ *Кристовскій*, Янъ *Чинскій*, Эдмундъ *Карабьевичъ*; секретаремъ былъ Леонъ *Зенковичъ*. *Яновскій*, *Кристовскій* и *Зенковичъ* были прежде *центральщиками*.

Члены *временнаго комитета*, собравшіеся для согласованія мнѣній и проектовъ, съ трудомъ могли сговориться, а еще большаго труда стоило имъ сговориться съ временною комиссіею; даже панегиристъ эмигрантовъ, авторъ брошюры *Эмиграція Польска*, и тотъ подтверждаетъ слова подсудимыхъ: „*Временный комитетъ*, пишетъ онъ, достигъ *цѣли соединенія*, не безъ упорной и продолжительной борьбы (не безъ упорчивей и длугей вальки) съ *временною комиссіею*„.

Старые эмигранты, пребывающіе на западѣ, соединились, въ числѣ около 1400 человекъ, признали *временный комитетъ*; но не могли соединиться съ истинными, настоящими дѣятелями, которые, своими подземными путями, вели дѣло мятежа. Добыча казалась близкою и подзадоривала къ усиленной работѣ, но тѣ, у кого въ рукахъ была заговорная власть и сила, тѣ вовсе не желали къ дѣлежу допустить еще другихъ, однажды уже подсѣченныхъ *столбовъ великаго будованія*.

Принципы фамильной программы, правила систематически выработанныя вѣковою тактикою *Чарторыйскихъ*, руководили Ламберовымъ отелемъ; хотя многолѣтній строитель воздушныхъ замковъ, до maximum, усовершенствовавшій искусство интриги, князь *Адамъ* сошелъ въ могилу, но вмѣстѣ съ фамильными традиціями, завѣщанныя имъ наставленія могли еще быть съ полнымъ успѣхомъ прямо, слѣпо приимѣяемы, пока новые удары не сбили съ колеи

(*) Остальные члены были: Руфинъ *Пютровскій*, Юліанъ *Михайловскій*, Александръ *Вампурскій*, Игнатій *Бодановичъ* и Валентинъ *Левандовскій*.

преемника псевдо-королевской власти, его сына *Владислава* и представленнаго къ нему менторомъ графа *Владислава Замоискаго*.

Ламберовъ отель, держа бразды крамольныхъ работъ бѣлыхъ и направляя ихъ къ мятежу, вѣстѣ съ тѣмъ отрекался отъ всякаго участія. Князь *Владиславъ* отзывался на всякія приглашенія, что онъ не хочетъ повторить опрометчивый шагъ, (*le pas de clere*), своего отца въ 1846 году, и, посвоивъ традиціямъ и по значенію своей партіи, дая сохранить полную независимость дѣйствій, до крайности довелъ озлобленіе противниковъ открытымъ провозглашеніемъ, что онъ не признаетъ существованія ни положительнаго приготовленія къ возстанію, ни положительнаго, революціоннаго ржондоваго (правительственнаго) комитета. Подобно тому и диктаторъ *Мьрославскій* отрицалъ возможность существованія какой либо заговорной силы, вѣ своего *товарищества польской молодежи*.

Наконецъ, во время предшествующее мятежу, явился третій—уже мѣстный источникъ польской дѣятельности—маркизъ *Велепольскій*, прежній сторонникъ *Чарторыйскихъ*, но который, казалось, подымалъ проекты, забракованные Ламберовымъ отелемъ. Ламберовъ отель озлобился въ свою очередь, полагая что маркизъ *Велепольскій* силится образовать между туземцами русскую партію и пошелъ по давнимъ стопамъ *Чарторыйскихъ*, но вовсе не на пользу Ламберова отеля. Соперникъ становился со дня на день страшнѣе, и степень, до которой достигла наконецъ тревога въ Ламберовомъ отелѣ выясняется тѣмъ, что въ критическое для мятежа время недоумѣній о послѣдствіяхъ иноземнаго вмѣшательства, Ламберовъ отель сдѣлалъ отважный шагъ: на свѣтъ вылетѣли первыя строки изъ завѣтныхъ рукописей князя *Адама Чарторыйскаго*. Ламберовъ отель поручилъ самому искусному своему перу, статью, напечатанною въ Маѣ 1863 года: „*Опытъ русскаго либерализма*“ (*), предостеречь туземцевъ отъ всякихъ полюбовныхъ соглашеній съ Россією.

(*) Essai d'un libéralisme russe въ *Revue de deux mondes*, mai 1863 première livraison. Шарль де Мазадъ, черпая изъ рукописныхъ твореній князя *Адама*, доказываетъ изъ событий первой четверти нынѣшняго столѣтія, что въ Россіи постоянно существуетъ старая русская партія, съ которою, для восстановленія Польши, ничего подѣлать нельзя. Ламберову отелю, для силы аргументовъ, было необходимо выставить Императора Александра Павловича совершенно преданнымъ какъ полякамъ, такъ и ихъ интересамъ.

Три лица собственно стали представителями польской sprawy, въ новозъ для нея наступающемъ фазисѣ *Чарторыйскій*, *Мѣрославскій* и *Велепольскій*, „три злые генія Польши,“ воспламяетъ Владиславъ *Мицкевичъ*, (*) и за тѣмъ продолжаетъ: „*Чарторыйскій* ненавидитъ *Мѣрославскаго*, а *Мѣрославскій* ненавидитъ *Чарторыйскаго*; оба они питаютъ непримиримую злобу къ *Велепольскому*, который обоимъ имъ платитъ тою же ненавистью.“

Но пока эти три дѣятеля, названные *Мицкевичемъ* злыми польскими геніями, раставляли по крайнему своему разумѣнью, паруса на томъ кораблѣ, который несъ судьбы Польши съ ея вѣковыми соперничествомъ, ненавистью и озлобленіемъ къ Россіи, что дѣлали другіе геніи, пребывающіе за границею? Видя, что дѣятеля ихъ оттираютъ отъ дѣла, они наступали тѣмъ съ большимъ рвеніемъ, совѣдальсь, обнаруживали ими принимаемыя основанія, всякими тонкими ухищреніями заманивали молодежь, бѣгали за иноземнымъ милосердіемъ, выпрашивая складчины, сочиняли эксцентрическія статьи и закупая наводняли ими иностранную журналистику. Они раздували, для назиданія туземцевъ, свои заслуги, провозглашали объ огромныхъ, ими собранныхъ капиталахъ на возстаніе такъ, что и самый Варшавскій ржондъ поставили въ недоумѣнье, провозглашали о животрепещущей симпатіи, вливаемой статьями и X. и Y. и Z. въ европейскую публику и таинственно сообщали о громадномъ приобрѣтаемомъ ими дипломатическомъ вліаніи. Парижская секція, такъ называемой *Батиньольской школы*, особенно надрывалась, чтобы выказать все свое значеніе и свое патріотическое усердіе. Покровительство, которое принцъ Наполеонъ оказывалъ польской школѣ, служило конькомъ, на которомъ выѣзжала *Батиньольская школа*. Къ этому кружку принадлежали докторъ *Галензовскій*, директоръ школы, возвратившійся съ огромнымъ состояніемъ изъ Америки, а по темнымъ слухамъ, ходившимъ въ эмиграціи, присвоившій себѣ часть казны, вывезенной въ 1831 году изъ Варшавы, — *Ордема*, прежній центральщикъ, вхожіи въ Пале-рояль, и котораго жена, на бывшемъ тамъ балѣ, по польскимъ извѣстіямъ, удостоилась пройти

(*) *В. Мицкевичъ*, хотѣлъ познакомить публику послѣдовательно съ дѣяніями всѣхъ этихъ трехъ личностей сочиненіемъ: „*Czartoryski, Mieroslowski et Wielopolski.*“ Доселѣ вышла только первая часть, еще въ 1863 году, о *Чарторыйскихъ*. *Мѣрославскій*, откупился отъ продолженія, говорить за 30,000 франковъ.

кругъ польскаго съ Императоромъ Наполеономъ, *Хосецкій*, служащій при Принцѣ Наполеонѣ, *Эльзановскій*, редакторъ польской газеты „*Прислѣиондъ ржечи польскій*.“ Было время, но быстролетное, въ которое, казалось, партіи соединились, эмигранты и туземцы, за исключеніемъ развѣ по имени самаго Ламберова отела; тогда составилъ новый комитетъ соединенія изъ 9 членовъ: въ него поступили секретарь временной комиссіи *Мазуркевичъ*, изъ временнаго комитета графъ *Ледуховскій*, *Яновскій*, *Кристовскій*, *Карабьевичъ*, изъ батиньольскій секціи, вѣрный товарищъ *Герцена*, журналистъ *Эльзановскій*, отъ польской молодежи воспитанникъ генуезской школы *Стефанъ Бобровскій* и еще были приглашены *Иосифъ Высочкій*, начальствовавшій въ 1849 г. легиономъ въ Венгріи, и *Антоній Жабинскій*, одинъ изъ трехъ послѣднихъ центральщиковъ. Комитетъ 12 Августа 1862 года издалъ выводъ своихъ соображеній: „Возстаніе собственными силами, это пробный камень и точка исхода нашей новой жизни. Современное настроеніе Польши и событія заявляютъ себя развитіемъ внутреннихъ силъ для добытія политической независимости, сознаниемъ этой обязанности всѣми частями нашей раздробленной ойчизны, обывательскимъ управленіемъ всѣхъ сословій и исповѣданій; вмѣстѣ съ надѣломъ крестьянъ землею.

„Демократичныя начала, во всей ихъ полнотѣ, были уже объявлены угнетенному народу. Подъ столь видимымъ штандартомъ мы обязаны всѣ соединиться и дѣйствовать; онъ указываетъ безошибочный путь къ возстановленію нашей независимости.

„Возстаніе собственными силами, такова главнѣйшая и святѣйшая обязанность народа. Собраніе и въ данный моментъ соотвѣтствующее употребленіе этихъ силъ могутъ быть достигнуты только внутреннею работою; потому краю, которому были разъяснены основанія къ его спасенію и все могущее ихъ осуществить, принадлежить начать и направлять приготовленія къ возстанію.

„Мы представимъ это на видѣ народамъ Европы, представимъ всю святость нашей народной sprawy, ея требованія и значеніе, дабы приобрѣсть ихъ сочувствіе и дѣятельную помощь. Имѣя въ виду эту цѣль, должно дѣйствовать на общественное мнѣніе, освѣщая его журналистскою, и на сколько возможно стараться завязать сношенія съ правительствами свободныхъ народовъ; но прежде всего намъ не нужно забывать угнетенный людъ (русскихъ); мы обязаны ему давать постоянныя доказательства непоколебимой нашей вѣры въ народную солидарность.“

Эмановскій, для послѣдней фразы, воспользовался первою возможностью, чтобы въ первомъ декретѣ новаго подземнаго офиціальнаго польскаго міра, заявить *Герцену* свою благодарность за помѣщеніе въ декретѣ „Колокола“, отъ 15 февраля 1862 года, столь утѣшительныхъ и польской справѣ столь много обѣщавшихъ словъ: „старый императорскій міръ валится, съ нимъ вмѣстѣ валится и вся казенная Россія, дворянство, чиновничество, казенная армія, кабаки, остроги и казенная церковь.“ За этии приговоромъ, ренегаты съ того берега далѣе постановили: „прежде всего подать руку оскорбленнымъ братьямъ полякамъ.“ Комитетъ закончиваетъ свой декретъ отъ 12 августа словами:

„Комитетъ не удовлетворитъ своему назначенію, если онъ не будетъ имѣть довѣрія своихъ товарищей по изгнанію и довѣрія всѣхъ тѣхъ мужей, которые въ угнетенномъ отечествѣ, среди тысячъ препонъ и опасностей, работаютъ къ приближенію времени избавленія ойчизны. Соотчичи и вы, товарищи по изгнанію, отъ вашего нравственнаго содѣйствія и отъ матеріальной помощи, которую вы намъ дадите, зависитъ успѣхъ всѣхъ нашихъ усилій.“

Въ этой кукольной комедіи, разыгрываемой польскими эмигрантами и ренегатами съ того берега, декретъ повторялъ тоже, что въ теченіи тридцати лѣтъ объявляла эмиграція; соотчичи могли узнать новаго только то, что они должны позаботиться въ польскомъ смыслѣ и о русскихъ, и что за границею образовался комитетъ, который всѣхъ ихъ принимаетъ подъ свою ближайшую опеку.

Но поляки не несли своихъ средствъ къ подножью *комитета*, а его члены не догадывались, что у нихъ, представителей партій, за собою партій уже не было; партіи были уже всѣ разобраны людьми въ интригѣ болѣе ловкими; члены не догадывались, что и самъ ихъ комитетъ былъ созданъ только для того, чтобы истиннымъ двигателямъ помѣрять свои силы; то былъ приступъ къ обходу одинъ другаго.

Комитетъ, пока его занимали китайскими фонарями, недоумѣвалъ, отчего власть и значеніе, какъ тѣнь, ускользали у него изъ рукъ и не только донесеній, но онъ не могъ добиться даже и какихъ нибудь положительныхъ свѣдѣній; всѣ члены полскихъ секцій, въ русской администраціи, обратились въ корреспондентовъ *Колокола*. Не по днямъ, а по часамъ, среди польской эмиграціи, росло значеніе *Герцена*, даже *Цверцкевичъ*, по кончинѣ централизаціи,

главный работникъ эмиграціи въ Лондонѣ, и тотъ обращался за свѣдѣніями въ редакцію *Колокола*.

Ламберовъ отелъ одержалъ рѣшительную побѣду въ Италіи и у себя въ Парижѣ, поведя далекими путями свои подступы. Съ возвращенія *Оурыки* изъ Познани, весной 1862 года, началась та колоссальная интрига, которая выказала все превосходство *петербургской* секціи передъ *батиньольскою*; она оттерла *Мьрославскаго* и выказала все искусство на этомъ поприщѣ *Чарторыйскихъ*. Ближайшія подробности этого *дѣла мастера* принадлежать самому мятежу, здѣсь скажемъ только то, что Ламберовъ отелъ ловко создалъ такой сундуръ, такіе сапоги въ смятку, что, за изытіемъ одного *Мьрославскаго*, всѣ дружно принялись на него работать, не исключая и *ренегатовъ съ того берега*. Повидимому, согласно заявленію *Колокола*, они были одни, которые при своихъ связяхъ, были посвящены въ эту громадную подземную мистификацію.

Герценъ, начавъ сношенія съ европейскими геростратскими знаменитостями, какъ то: съ *Мадзини*, *Кошутомъ*, *Мьрославскимъ*, *Ледрю-Роленомъ*, *Прудомомъ*, *Луи Бланомъ*, хотѣлъ приназаться къ варшавскимъ удалцамъ. *Потебня*, стоя во главѣ тамошнихъ *герценистовъ*, набираемыхъ подъ знамя „*Земля и Воля*“, применилъ къ *Хмьленскому*. *Хмьленскій*, промотавшійся панъ, ярый ультракрасный, трибунъ трактирный, искалъ своего значенія и опирался на имя *Мьрославскаго*, догадываясь, по событіямъ предшествовавшимъ, что у диктатора не хватитъ отваги пріѣхать въ Варшаву, ссаживать его съ предводительства разгульной, имъ набираемой ватаги. Плоды работъ *Хмьленскаго* были покушенія на жизнь сперва генерала Лидерса, потомъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича и наконецъ графа Берга.

Пока *Потебня* усердствовалъ передъ *Хмьленскимъ*, ренегаты съ того берега, ревнуя участвовать въ конспиративныхъ польскихъ работахъ, обратились къ *Мьрославскому*. *Герценъ* поручилъ дѣло *Бакунину* и, вѣроятно, предлагалъ заключить договоръ, какъ равный съ равнымъ. Но *Мьрославскій* едва ли не лучше самого *Герцена* зналъ суть герценизма въ Россіи; великій столбъ петербургской секціи *Спраковскій*, перебѣжавшій въ лагерь противниковъ, незадолго еще предъ тѣмъ былъ изъ самыхъ пламенныхъ поклонниковъ диктатора, потому его оморочить силою герценизма было трудно. *Мьрославскій* былъ слишкомъ опытенъ въ дѣлѣ мятежей и безъ

всяких увлеченій называлъ вещи по имени: работниковъ для мятежей, подзадоренныхъ философовъ-мыслителей, настроенныхъ для благоденствія человѣчества идти на баррикадные подвиги, онъ просто называлъ „лигянными героями, которыхъ должно, не теряя времени, обжечь пороховымъ огнемъ, а герценистовъ онъ называлъ не болѣе какъ *молодыми людьми, совращенными польскими интриганами.*“ Произвести одновременно мятежъ въ Россіи и Польшѣ было предметомъ постоянныхъ мечтаній поляковъ, но диктаторъ вовсе не располагалъ себѣ набирать сотоварищей, а ему нужны были исполнители. *Герцену* съ компаніей было давно очень желательно поворочить изъ себя тоже людей, озабоченныхъ высшими революціонными заботами и работами, не терпящими отлагательства; теперь эта возможность для нихъ наступала, а какъ *Мпрославскій* зналъ, что чадъ, напущенный *Герценомъ*, поляки въ Россіи сдуютъ раздувать далѣе и безъ него, то онъ не много и церемонился съ *Бакунинымъ*. Тутъ дѣло шло на чистоту, а не о симпатіяхъ. *Бакутинъ* не почелъ себя вправѣ подчиниться условіямъ, требуемымъ *Мпрославскимъ*, и они разошлись. *Герценовская* компанія за то отомстила и напакостила диктатору въ самое щекотливое для него время. Она напечатала въ *Comptier de l'Europe*, когда была ведена горячая интрига противъ *Мпрославскаго*, что онъ въ разговорѣ съ *Бакунинымъ*, выразился что „только съ нимъ можно заключить договоръ отъ имени революціонной Россіи, а ни съ кѣмъ изъ поляковъ эмиграціи и даже туземцевъ; потому что въ его и его нѣсколькихъ друзей, ничего серьезнаго нѣтъ, даже и въ Польшѣ.“ Для большей убѣдительности, было приложено и письмо *Мпрославскаго* къ нимъ—ренегатамъ, въ которомъ сказано: въ край учрежденъ высшій совѣтъ, за его границами извѣстный только мнѣ одному, котораго я единственный представитель и отвѣтственный уполномоченный.*

Послѣ подобныхъ сношеній между проектерами федеративныхъ славянскихъ земель, трудно было рассчитывать на дальнѣйшую взаимную симпатію, довѣренность и братскую любовь. *Герценовская* компанія примкнула къ комитету соединенія и преимущественно къ членамъ батиньольской секціи, уже дѣйствовавшихъ самостоятельно.

III

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

къ уроженцамъ и жителямъ юго-западной и сѣверо-западной Россіи, называющихъ себя поляками.

Любезные братья!

Самое горькое лѣкарство, если только оно спасительно, больной непременно долженъ принять, если хочетъ быть здоровымъ. Въ противномъ случаѣ, отвращеніе больного отъ такого лѣкарства будетъ похоже на самоубійство, непрощаемое ни въ сей, ни въ будущей жизни. А потому, любезные братья, какъ бы ни горьки были для васъ эти *нѣсколько словъ*, предлагаемыхъ вамъ отъ доброжелательнаго сердца для вашей сугубой пользы,— вы примите ихъ, какъ цѣлебный пластырь къ вашимъ сердцамъ, больнымъ ненавистью къ Россіи.— Не притворяйтесь здоровыми: мы знаемъ, что вы не любите насъ, русскихъ, какъ-бы вы ни притихли въ вашей злобѣ, и какія горячія добзанія ни расточали бы намъ. Только *физическая невозможность продолжать революцію* прекратила вашу усобицу; но наши сердца затаили въ себѣ старинную ненависть къ вамъ. Мы даже не сердимся на васъ за это, потому что мы вашу ненависть къ намъ считаемъ *бользною*,— а на больныя можно ли сердиться за то, что они больны?— Мы искренно сожалѣемъ объ васъ и, по чувству человеколюбія, предлагаемъ вамъ лѣкарство отъ этой нравственно-политической проказы, развѣвшей все ваше существо. Грѣхъ самоубійства падеть на вашу душу, если вы не примете этого лѣкарства и не постараетесь очиститься отъ вашего проказенія.

Допустивши даже ту непростительную историческую ошибку, будто настоящіе, *родовитые* поляки имѣютъ какую-нибудь причину ненавидѣть Россію, мы предъ лицомъ неба

и земли воздвигаемъ вамъ, уроженцамъ Западной Россіи, что вы *вовсе не поляки, и следовательно вы не имѣете никакой причины ненавидѣть насъ. ВЫ НЕ ПОЛЯКИ!*— Читайте исторію Польши, рассмотрите генеалогическіе списки вашихъ родовъ, рассмотрите метрики вашихъ предковъ, соберите ваши собственные воспоминавія, и вы самымъ очевиднымъ образомъ убѣдитесь, что вы, по своему происхожденію, и по своему родоначалію, и по мѣсту рожденія, принадлежите къ чистому русскому племени. Вы—коренные русскіе и должны искренно обижаться, если бы кто-нибудь, по своему невѣжеству, называлъ васъ поляками.— Страна, гдѣ вы родились и живете, во всѣхъ польскихъ (замѣтьте: не только въ русскихъ, но и во *всѣхъ польскихъ*) хроникахъ всегда называлась *«Русью,» «Бѣлою Русью,» «Червоною Русью,»* и *«Литвою.»* Споры нѣтъ, что эта исконно-русская страна, по причинѣ нѣкоторыхъ историческихъ превратностей, находилась нѣсколько времени подъ игомъ исчезнувшей польской Рѣчи Посполитой; но и подъ этимъ игомъ сама Польша постоянно называла ее *«Русью,»* или *«русскими провинціями.»* И *весь народъ* этой русской страны никогда не переставалъ быть русскимъ и — посмотрите сами, до сего времени остается русскимъ!— Поляки несправедливо называютъ теперь эту страну *«забраннымъ краемъ»:* это край, возвратившійся къ Россіи, *возвращенный, а не забранный!*— Теперь остается только неразрѣшенный вопросъ: по какой причинѣ вы, коренные жители, аборигены этого русскаго края, называете себя поляками? Кто заклеймилъ васъ этимъ именемъ? Кто и когда наложилъ на васъ постыдное польское *тавро?*..

Можетъ быть, вы скажете, что вы—переселенцы изъ бывшей Рѣчи Посполитой, поселившіеся въ этихъ *«русскихъ провинціяхъ,»* что вы не аборигены здѣсь, но колонисты, зашедшіе сюда изъ *«крулевства»* польскаго, а потому, принадлежа по своему происхожденію къ польскому племени, вы не видите никакой разумной причины отречься отъ польскаго происхожденія и отъ имени поляковъ?— Исторія допускаетъ такихъ польскихъ переселенцевъ и колонистовъ въ нашихъ *«русскихъ провинціяхъ,»* равно какъ переселенцевъ—нѣмцевъ, французовъ и даже татаръ; но всѣ эти переселенцы не составляютъ, и въ общей сложности, въ

жить провинціяхъ даже такого контингента, какой составляютъ евреи, живущіе тамъ, — не говоря уже о сплошномъ русскомъ народоваселеніи, съ которымъ польскіе переселенцы, по своей малочисленности, не могутъ идти ни въ какое сравненіе, и — следовательно — по своему ничтожному числу, должны сидѣть смиренно, и не мечтать о сочиненіи польскаго юсударства въ русскомъ краѣ. Повторяемъ: родовитыхъ поляковъ, поселившихся въ русскомъ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ, очень мало, — и мы не ихъ спрашиваемъ, но васъ, почтеннѣйшее большинство господъ, называющихъ себя поляками въ этомъ краѣ русскомъ: по какому праву или заблужденію, и изъ какихъ видовъ, вы — старинные и коренные русскіе жители этого русскаго края называете и считаете себя поляками?!? — Всѣ ваши княжескія фамиліи (1) происходятъ, по прямой линіи, или отъ равноапостольнаго русскаго князя Владиміра и другихъ древнихъ русскихъ князей, или отъ православныхъ русско-литовскихъ князей Ольгерда и Витовта. Всѣ древнѣйшія ваши дворянскія фамиліи (2) такъ же искони были русскія. Какимъ же образомъ могло случиться такое диво, что русскіе превратились въ поляковъ? Развѣ яблонь можетъ превратиться въ грушу, или дубъ можетъ превратиться въ березу?!? Наконецъ — пора же когда нибудь избавиться вамъ отъ этой, привитой къ вамъ, противоестественной уродливости нашего племеннаго быта. Человѣкъ русской крови, русскій отъ пяты до макушки, вдругъ ни съ того ни съ сего, называетъ себя полякомъ, и... даже страшно подумать... не любить, — мало того, — даже ненавидитъ свою отчизну, свою мать — Русь святую!... Воля ваша, а тутъ произошло что-то

(1) Князья Радзивиллы, Вишневецкіе, Полубенскіе, Четвертинскіе, Яблоневскіе, Любецкіе, Воронецкіе, Чарторыйскіе, Сапегы, Огинскіе, Збаражскіе, Массальскіе, и остъ другіе.

(2) Барановичи, Крживицкіе, Оскѣрки, Горваты, Тышкевичи, Островскіе, Мочульскіе, Мядзвѣцкіе, Малиновскіе, Богуславскіе, Балькевичи, Вишневецкіе, Волловичи, Поцѣи, Вѣржицкіе, Глозацкіе, Волчанскіе, Шумлянскіе, Смогоржевскіе, Тулькевичи, Држевинскіе, Желиборскіе, Залѣскіе, Зарембы, Калиновскіе, Терлецкіе, Казачинскіе, Круковскіе, Чарнецкіе, Чайковскіе, Конарскіе, Корсаки, Красинскіе, Рагозы, Саковичи, Солтаны, Ходкевичи, Массалскіе, Топальскіе, и безчисленные другіе. См. Вѣстникъ Запад. Россіи 1864. кн. 3, и 4. Отд. II. Алфавитн. спис.

необъяснимое, противоестественное, зловерное. Вы, например, отец семейства или мать семейства, имѣете дѣтей; вдругъ—вы замѣчаете, что ваши дѣти не уважаютъ васъ, потому вы еще болѣе удостовѣряетесь, что ваши дѣти не только не любятъ и не уважаютъ, но даже ненавидятъ васъ, и притомъ самую злою ненавистью—даже до посягательства на вашу жизнь.... Пожалѣемъ о горькомъ состояніи родителей, которые имѣютъ такихъ дѣтей, но... какое жъ чувство ужаса и отвращенія всякій честный человѣкъ, со стороны, долженъ имѣть къ такимъ извергамъ—дѣтямъ, дышущимъ смертельною злобой противъ своихъ родителей?! Найдется ли на языкъ человѣческому довольно проклятій, чтобы заклеймить имя такихъ дѣтей—матереубійца?! Не продолжимъ сравненія, очень грустнаго, но очень похожего на нѣкоторыя современныя событія. Въ вашей самовольной отверженности отъ вашего древняго русскаго отечества и отъ вашей природной русскаго національности, а равно и въ вашей «заклятой» (тоже что *проклятой*, —вы сами выдумали это слово!..) ненависти къ нимъ, кромѣ преступленія матереубійства, обнаруживается и нѣчто самоубійственное,—и это очень естественно, потому что, послѣ посягательства на жизнь матери, нельзя уже ожидать ничего другаго. Будучи русскимъ, добровольно отречься отъ имени русскаго и отъ русскаго національности—это одно и то же, что отречься самого себя, отъ своего я, терять разумное самосознаніе, т. е. быть въ состояніи какого-то опьянѣнія, или нравственно убивать самого себя... Нѣтъ, любезные жители западной Россіи, *вы—не поляки, вы—русскіе!* Мы искренно любимъ и уважаемъ въ васъ ваше русское происхожденіе и позволяемъ себѣ надѣяться на силу вашей природы русскаго, что вы, наконецъ, прозрите сквозь этотъ напущенный на васъ туманъ невѣжества и злобы и убѣдитесь всѣми очевидными доказательствами, генеалогическими, историческими и логическими, что вы не поляки, но коренные русскіе въ этомъ издревле-русскомъ краѣ сѣверо-западной и юго-западной Россіи.

Если бы—не дай Богъ—вы не убѣдились въ этой спасительной для васъ истинѣ и, вмѣсто выпитыя вашей ненависти къ намъ, если бы вы съ искреннимъ раскаяніемъ и любовью не бросились въ открытыя для васъ объятія вашей

натири—Россіи, то съ великою болѣзнию родственнаго вамъ сердца мы должны будемъ сказать, что вы... погибшіе люди. Больно намъ говорить это; но для васъ еще болѣзненнѣе и пагубнѣе будетъ ваше злорадство, съ которымъ вы отречетесь отъ вашего русскаго отечества и отъ вашей природной русской національности... Подумайте объ этомъ, любезные братья: дѣло идетъ объ исторической справедливости и вмѣстѣ о счастіи вашемъ и вашихъ дѣтей. Попирать исторію въ грязь, не вѣрить ей и плевать на нее, а потомъ возненавидѣть свое русское отечество и свой русскій родъ... это—самое жалкое, самое постыдное безуміе, самая отвратительная нравственная болѣзнь, отъ которой да исцѣлитъ васъ Богъ и истина.

Можетъ быть, вы потому *называете себя поляками*, что ваши предки, сами совратившись и за собою увлекши свое потомство изъ православной христіанской вѣры въ папскую вѣру, послѣ такого преступленія уже совѣстились и не смѣли называться русскими, но *изъ укрывательства отъ укоризны своей совѣсти за отступничество отъ православія начали называться поляками*, и вамъ передали это имя?—Дѣйствительно, слова: *русскій и р.-католикъ*, или *русскій папистъ*, суть слова несоединяемыя между собою, равно какъ и „железное дерево,“ „огненный ледъ,“ или „добрѣйшій злодѣй.“ *Русскій и православный*: это синонимы. Тому не пригоже украшаться именемъ русскаго, кто *измѣнилъ православію*; а потому, понимая стыдъ своей измѣны, ваши предки совратившись въ папизмъ, перестали называться и русскими. Но—*зачѣмъ же они назвались поляками*, и вамъ передали это прозвище? Не ужели *полякъ и папистъ* такіе же синонимы, какъ русскій и православный? Ничуть не бывало! Въ Россіи есть католики—нѣмцы, католики—французы, которые, исповѣдая папскую вѣру, не видятъ никакой необходимости, по этой причинѣ, переименовываться въ поляковъ. Тутъ что-то да не такъ.—Папскіе миссіонеры, отторгнувши вашихъ дѣдовъ отъ православія въ папскую вѣру, вмѣстѣ съ тѣмъ постарались отторгнуть и отъ природной русской національности, т. е. совершили надъ ними двойное убійство. Польша, вѣрившая въ папу и преданная ему всей душою, была слабымъ и малолюднымъ государствомъ, которому угрожало ничтожество. Надобно было

выдумать средство усилить ее людьми: вотъ и начали польскіе ксендзы совращать русскихъ людей въ папскую вѣру, и вмѣстѣ съ такимъ совращеніемъ клеветали на нихъ польское клеймо. Такимъ образомъ, начиная отъ перваго совращеннаго ксендзами отступника, в. князя литов. Ягеллы, и начались въ Польшѣ безчисленныя другія совращенія, такъ что вся церковная исторія Польши можетъ сокращенно быть изображена въ трехъ словахъ: „исторія совращеній въ папизм.“ Кто не знаетъ теперь этого? Кто не читалъ этихъ кровавыхъ страницъ объ отнятіи у православнаго народа всѣхъ гражданскихъ, и даже человѣческихъ правъ, объ этихъ вытѣкахъ, убійствахъ, грабежахъ, насиліяхъ, объ этомъ глумленіи польскихъ папистовъ надъ православною вѣрою, — обо всемъ томъ, чему было бы приличнѣе всего называться *разбоемъ и душегубствомъ*, но для чего польскіе ксендзы богохульно и святотатственно придумали имя „*святой уни*“?.. Вотъ какими путями дошло до васъ, любезные братья, и вотъ какими средствами навязано вамъ имя *поляковъ!* — Не можетъ быть, чтобъ папская вѣра такъ же запрещала вамъ читать исторію Польши, какъ, для укрывательства своихъ вымысловъ, запрещаетъ вамъ читать святое Евангеліе. А потому мы совѣтуемъ вамъ и просимъ васъ: читайте польскія хроники и польскую исторію. Какъ бы ни пристрастно было перо польскаго историка, какою бы злобою онъ дышалъ онъ противъ Россіи; но вслѣдствіе изъ нихъ (говоримъ рѣшительно: *всѣмъ*, не указывая на добросовѣстнѣйшихъ), при всей своей изворотливости и при всемъ іезуитскомъ криводушіи, невольно проговаривается, что православная вѣра была страшно гонима въ *русскихъ провинціяхъ*, бывшихъ подъ игомъ Польши, и что — слѣдовательно — ваши предки были насильно олатинены и ополячены.

Изучивши исторію Польши, вы сами убѣдитесь, что весь этотъ, *возвращенный* къ Россіи, а не *забратый*, край есть коренная *Русь*, со сплошнымъ русскимъ народонаселеніемъ, къ которому и вы принадлежите, а потому вы *вообще не поляки, но родовитые, коренные русскіе.*

Все такъ, можетъ быть, вы скажете, но мы все-таки римскіе католики и не можемъ перестать быть ими. — Кто же васъ заставляетъ отрекаться отъ р.-католичества? Не клеветите, будто русское правительство принуждаетъ васъ

къ этому. Такой религиозной терпимости, какъ въ Россіи, нѣтъ нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ, даже во Франціи. Насъ, русскихъ, скорѣе можно обвинить въ излишнемъ религиозномъ индифферентизмѣ, нежели въ нетерпимости. Никто не насилуетъ вашу совѣсть; оставайтесь себѣ хоть и р.-католиками; но, для собственнаго вашего спасенія, старайтесь быть, сколько возможно, истинными христианами, т. е. вѣруйте больше въ Господа нашего Иисуса Христа, нежели въ римскаго папу, о которомъ ничего не сказано даже въ вашемъ символѣ вѣры (Skład Wiary), и считать котораго неогрѣшимымъ, значить богохульствовать. Римскаго папу считайте архіепископомъ римскимъ, а не намѣстникомъ Христовымъ. Господь нашъ Иисусъ Христосъ не имѣетъ нужды въ намѣстникѣ для себя; ибо *намѣстникъ поставляется обыкновенно тамъ, гдѣ самъ господинъ находится въ отсутствіи*, или, по многосложности занятій, не можетъ съ ними самъ управиться, а Господь Иисусъ Христосъ Самъ сказалъ намъ такъ: *се Я съ вами есмь до скончанія вѣка; гдѣ двое, или трое соберутся во имя Мое и Я посреди ихъ.* (1) Онъ, всемогущій и всемилосердый, никогда не отлучается отъ своей церкви и постоянно присутствуетъ въ ней не только своєю благодатію, но и тѣлесно въ божественномъ таинствѣ Евхаристіи. Онъ Единъ Глава Своей церкви, которую стяжалъ безцѣпною кровію Своею; а выдумывать для Христовой церкви другаго главу въ Римѣ, или гдѣ нибудь, — противно евангелію. Отъ такого противоевангельскаго двоецарствія произошло вотъ какое, достойное слезъ, зло: *Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ повелѣлъ вамъ читать священное писаніе, а римскій папа запрещаетъ читать!!!* Спаситель говоритъ: *вспомните писанія, ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную и онѣ свидѣтельствуютъ о Мнѣ; ученики Спасителя, святые апостолы говорятъ, что св. писаніе новаго завета написано ими для того, дабы мы вѣровали, что Иисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и дабы вѣруя, имѣли жизнь во имя Его, дабы мы научились отъ нихъ не умствовать больше того, что написано ими, и не превозносились другъ предъ другомъ, потому что все писаніе боговдохновенно и полезно для наученія, для обли-*

(*) Матѣ. XXVII. 20. Матѣ. XVIII. 20.

ченія, для исправленія, для наставленія въ праведности (1). А римскій папа запрещаетъ вамъ читать священное писаніе и позволяетъ читать только ксендзамъ!.. Почему такъ? Какое онъ имѣетъ право запрещать вамъ читать то, что св. апостолы и евангелисты написали *именно для васъ*!.. Вотъ такимъ же точно образомъ, вскорѣ послѣ сошествія Святаго Духа на апостоловъ въ Иерусалимъ, іудейскіе первосвященники, книжники и саддукеи запрещали апостоламъ проповѣдывать слово Божіе; но апостолы отвѣчали имъ такъ: судите сами, справедливо ли предъ Богомъ—васъ слушать болѣе, нежели Бога? Надобно больше повиноваться Богу, нежели людямъ (2). Отвѣчайте и вы такъ всякому (хотя бы даже самому папѣ), кто осмѣлится запрещать вамъ чтеніе евангелія, дѣяній и посланій апостольскихъ?—Здѣсь не мѣсто и не время рассказывать подробно, *для чего* папа запрещаетъ вамъ это, *равнымъ образомъ и для чего* онъ узаконилъ служить божественную литургію (*миссу*, или *мшу*) на непонятномъ для васъ латинскомъ языкѣ. Мы только повторяемъ вамъ слова св. Апостоловъ Петра и Іоанна, примѣнительно къ папѣ: „справедливо ли палу слушать болѣе, нежели Бога? Надобно больше повиноваться Богу, нежели людямъ,—въ томъ числѣ и папѣ.“ И на основаніи этихъ апостольскихъ словъ, мы просимъ васъ, любезные братья, и советуемъ вамъ читать святое евангеліе, дѣянія св. апостоловъ и посланія апостольскія. Изъ этого святаго чтенія вы узнаете и убедитесь, что Богъ есть любовь, и что пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, а ненависть къ людямъ и фанатизмъ, съ которымъ иногда ваши наставники проповѣдуютъ и внушаютъ вамъ преступную ненависть, напримѣръ, къ русскому правительству и къ русскому вѣроисповѣданію, совершенно противны духу Христову. А кто не имѣетъ духа Христова, тотъ уже не Христовъ, т. е. не христіанинъ. Изъ чтенія евангелія вы узнаете, что христіанинъ долженъ любить *и враговъ своихъ*,—а вамъ нередко (можетъ быть, правильнѣе сказать: *всегда*) внушаютъ ненависть къ единокровнымъ вашимъ братьямъ—къ русскимъ. Вы узнаете, что подданные должны повиноваться правитель-

(1) Іоан. V. 39. XX. 31. 1. Кор. IV. 6. 2. Тим. III. 16.

(2) Дѣян. IV. 19. V. 29.

ству даже и невѣрному, — а вы приучены не повиноваться единоувѣрному съ вами, т. е. христіанскому русскому правительству. Вы узнаете изъ евангелія, что наша божественная, христіанская вѣра и церковь получила свое начало въ Иерусалимѣ, а не въ Римѣ, и что ежели Римъ поставляетъ себя въ великую заслугу и привилегію то обстоятельство, что въ его стѣнахъ (впрочемъ не извѣстно, *идѣ именно?*) находятся гробы святыхъ апостоловъ Петра и Павла, то въ Иерусалимѣ находится святыня, драгоценнѣйшая всѣхъ святынь — гробъ Господа нашего Иисуса Христа: следовательно говорить, будто кромѣ римской церкви нѣтъ нигдѣ спасенія — не сообразно ни съ духомъ евангелія, ни съ исторіей христіанской церкви. Читайте, опять скажу, слово Божіе, и вѣруйте Богу болѣе, нежели палѣ. Святый апостолъ Павелъ не о палѣ, но даже объ ангелахъ, говоритъ вотъ что: *хотя бы ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы (т. е. апостолы) вамъ благовѣствовали, да будетъ анаема* (*).

Богъ и Господь нашъ Иисусъ Христосъ всеиъ Своими апостоламъ, а чрезъ нихъ всеиъ епископамъ и священникамъ, далъ право разрѣшать кающихся грѣшниковъ отъ содѣланныхъ ими грѣховъ; и таинство покаянія установлено въ христіанской церкви для исправленія грѣшниковъ, а не для поощренія ихъ къ новымъ злодѣаніямъ. А потому вы должны, съ искреннимъ сокрушеніемъ сердца, исповѣдываться у вашихъ ксендзовъ, между которыми, безъ сомнѣнія, есть благочестивые священники, не обагрившіе своихъ рукъ кровію своихъ ближнихъ, и не принимавшіе участія, ни словомъ ни дѣломъ, въ постыдномъ и богомерзкомъ возмущеніи противъ законнаго русскаго правительства. Но если бы — не дай Богъ — какой нибудь ксендзъ на исповѣди, или даже и въ частныхъ домашнихъ разговорахъ, началъ внушать вамъ *ненависть къ людямъ*, на примѣръ — ненависть къ русскому правительству, или къ русской православной церкви и вообще ненависть къ русскимъ, — если бы онъ поощралъ васъ къ клятвенному преступленію противъ вашихъ вѣриноподданническихъ обязанностей, къ противленію правительству, и вообще къ коварству противъ вашихъ русскихъ братьевъ, — бѣгите отъ такого нас-

(*) Галат. I. 8.

тавника, какъ отъ волка, и ищите себѣ другаго духовника! Внутренній голосъ собственной вашей, христіанской совѣсти скажетъ вамъ, что такіа законопреступныя внушенія противны святому евангелію Господа Іисуса Христа.— Но если бы, къ несчастію, могло случиться и такъ, что всякій ксендзъ, котораго бы вы ни избрали своимъ духовникомъ, внушалъ вамъ, такъ или иначе, прямо или косвенно, чувства и понятія противныя Евангелію и вашей христіанской совѣсти, въ такомъ случаѣ уже вамъ не предстоитъ ничего больше для вашего вѣчнаго спасенія, какъ оставить испорченную латинскую церковь, и прибѣгнуть подъ покровъ издревле—православной всероссійскоѣ церкви, которая была матерью вашихъ предковъ, и для васъ охотно открываетъ свои материнскія объятія. Приндите, вкусите и видите, яко благо Господь въ Своей православной церкви!

Любезные братья! изучайте прилжно исторію вашего рода и святое евангеліе; тогда вы сами убедитесь, что вы не поляки, и что ненависть къ Россіи, привитая къ вамъ духомъ злобы, есть постыднѣйшее противорѣчіе здравому смыслу, исторіи, евангелію и собственному вашему счастью.

Русскій.

IV.

НА ЮГО-ЗАПАДЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ 3-хъ ДѢЙСТВІАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Вирный, старый крестьянинъ.

Степанъ, его сынъ.

Панъ Павловскій, богатый помѣщикъ.

Пани Павловская.

Емилія, ихъ дочь, 18 лѣтъ.

Станиславъ, ихъ сынъ, 22 лѣтъ.

Брониславъ, молодой человекъ, товарищъ Станислава.

Панъ Сурскій.

Панъ Криницкій.

Панъ Дубовскій.

Кравскій, экономъ Павловскаго.

Лейба, старый жидъ.

Ксендъзъ Гилары.

Становой.

Крестьяне, повстанцы, жида, жидята и жидовки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляет обширный дворъ помѣщичьяго дома; на крыльцѣ лавки, стулья, столы, въ перспективѣ рѣка, за рѣкой роща и поле съ высокой рожью.

ЯВЛЕНІЕ I.

Панъ Павловскій, пани Павловская и слуга.

Панъ Павловскій. И эти хамы, эти схизматики вопреки моей волѣ, вопреки волѣ моего пана, дѣдича, осмѣлились не выйти на жниво? (*слугъ*) Я тебѣ говорю, — ну что же ты молчишь?

Слуга. Точно такъ, ясне вельможный пане, глупые мужики осмѣлились не исполнить приказанія ясне вельможнаго пана.

Пани Павловская (*мужу*). Что же ты на это скажешь?

Панъ Павловскій (*не отвѣчая женѣ, къ слугѣ грозно*). Такъ ты говоришь, что это было (*) и впрямь осмѣлилось не послушать меня?

Слуга. Не послушались, ясне вельможный пане.

Пани Павловская. Ты бы написать исправнику.

Павловскій. Повзвать Кравскаго.

(*Кравскій робко выглядываетъ изъ за дверей дома*).

Павловскій. (*Увидя Кравскаго*) Ну, коханку! пойдика сюда на росправу.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Кравскій.

Павловскій. (*Строго Кравскому*). Вчера, во время вечернихъ приказаній, какія работы я приказывалъ?

Кравскій. Ясне вельможный панъ приказывалъ жать. Но не моя вина, ясне вельможный пане...

Павловскій (*перебивая*). Сколько я заказывалъ жнецовъ?

Кравскій. Двѣсте, ясне вельможный пане. Моя-ль вина.

Павловскій. А сколько жнецовъ есть въ полѣ?

Кравскій. Только сорокъ человекъ. Ясне вельможный пане, виновать ли я?

Павловскій. Сорокъ человекъ! А кто твой панъ? Кто?

Кравскій. Ясне вельможный панъ.

Павловскій. Чей хлѣбъ ѣшь?

Кравскій. Ясне вельможнаго пана.

Павловскій. Кому, слѣдовательно, ты обязанъ повиноваться?

Кравскій. Ясне вельможному пану.

Павловскій. И ты это чувствуешь?

Кравскій. Чувствую, ясне вельможный пане. Но виновать ли я, что мужики сунтовались.

(*) Быдло—скогъ.

Павловскій. А! Сбунтовались. А нагайка,— старая, добрая знакомая для хамской шкуры,— куда дѣлась?

Кравскій. Что я сдѣлаю одинъ?

Павловскій. А гайдуки мои?

Кравскій. Десятокъ гайдуковъ тоже не сладятъ съ сотнею сбунтовавшихся крестьянъ.

Павловскій. Кто зачинщикъ?

Кравскій. Юзько Гуменюкъ, Павлюкъ, Кравчукъ, Мартинюкъ, Савчукъ, Твачукъ, и еще старый хрѣнь Иванъ Вирный и его сынъ Степанъ.

Павловскій. Позвать ихъ всѣхъ. Черезъ четверть часа, чтобы были здѣсь. Ступай! (Кравскій уходитъ). А! бунтоваться! (Служъ). И ты убирайся. Вотъ я вамъ покажу мой панскій судъ и росправу!

ЯВЛЕНИЕ III.

Павловскій и Павловская.

(Павловскій гнѣвно и скорыми шагами ходитъ возлѣ крыльца).

Пани Павловская. Что ты намѣренъ дѣлать, мой другъ? (Павловскій, не отвѣчая женѣ, продолжаетъ ходить).

Павловская. (Послѣ минутнаго молчанія, робко). Другъ мой, Казиміръ!— отвѣчай мнѣ, что ты намѣренъ дѣлать? Ради Бога, ради дѣтей нашихъ, которыхъ ты можешь осиротить, не мучь меня, ты вѣдь знаешь, какъ я смертельно боюсь всѣхъ этихъ шумныхъ сценъ.

Павловскій. (Отрывисто). Пустое, нервы, спазмы.

Павловская. Не ужели ты хочешь уморить меня?

Павловскій. Не бойся коханаая, не умрешь. Старая пѣсня!... Сотню разъ ты уже хоронила себя, не одна сотня моихъ педовъ (*) перешла къ этимъ живодерамъ— докторамъ, а между тѣмъ, по милости Господней, мы съ тобою доживаемъ уже шестой десятокъ.

Павловская. Право, ты бы лучше написалъ исправнику.

Павловскій (грозно). Безумная! сумашедшая! Убирайся съ своими глупыми бабскими совѣтами! Мнѣ, мнѣ—Казиміру Павловскому, магнату, богачу, бывшему превесу,— обращаться съ жалобой на моихъ хлоповъ, на мое быдло, къ какому нибудь московскому чиновнику? Чтобы мнѣ, привыкшему отъ отца, дѣда и прадѣда, повелѣвать тысячами этихъ хамовъ, не справиться съ сотнею бунтовщиковъ безъ пособія исправниковъ? Не даромъ говорить пословица, что у бабъ волосъ длинень, а умъ коротокъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Кравскій.

Кравскій. Мужики собрались, ясне вельможный пане.

Павловскій. Гдѣ они?

(*) Педъ—полумперіалъ.

Кравскій. За воротами, ясне вельможный пане.

Павловскій. Всѣ на лицо?

Кравскій. Всѣ, ясне вельможный пане.

Павловскій. Позвать гайдуковъ, кучеровъ, лакеевъ,—приготовить розогъ, батоговъ!

Павловская. Казиміръ! Ради Христа!...

Павловскій. Пустяки, коханая! Нервы, спазмы. Старья штуки. (*Кравскому*) А ну-ка! Поворачивайся живѣй.

Кравскій. Мигомъ, ясне вельможный пане.

Павловскій. Постойка,—постой! А что, струсили?

Кравскій. Смертельно перепугались, я. в. п.

Павловскій. А вотъ я имъ еще разъ покажу, что умѣю быть паномъ! Позвать людей изъ конюшни! позвать гайдуковъ!... батоговъ!... нагаекъ!... розогъ!... Ну, живѣй, Кравскій!

Слуга. Все готово, ясне вельможный пане.

Павловскій. Позвать сюда быдло! (*Кравскій бѣжитъ за ворота.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же, Иванъ Вирный, Степанъ, крестьяне, гайдуки.

(Впередѣ крестьянъ Иванъ Вирный и его сынъ. Крестьяне сумрачно глядятъ на Павловскаго. Гайдуки одѣты въ бѣлые, широкіе, холстяные шаравари и въ сѣвыя суконныя куртки.)

Панъ Павловскій. (*Грозно*) И вы хамы, осмѣлились бунтоваться сами и бунтовать другихъ?...

Крестьяне. (*Въ одинъ голосъ, кромъ Вирного и его сына*). Мы не бунтовались, ясне вельможный пане. Какъ Богъ святъ, не бунтовались. Мы пойдемъ на жниво. И какъ намъ не исполнять вашей панской воли? Вѣдь вы нашъ панъ, нашъ батька. (*Иванъ Вирный дѣлаетъ нестерпливое движеніе*).

Павловскій. (*Замѣтивъ жестъ Вирного*). И ты, старый пѣсь, тоже осмѣлился бунтовать мужиковъ?

Вирный. Я не бунтовалъ мужиковъ.

Павловскій. Молчать! А знаешь-же ты, что я съ тебя шкуру сдеру, а твоего сына отдамъ въ рекруты?

Вирный. Воля панская.

Павловскій. (*Кравскому*). Ты замѣчаешь, какъ онъ дерзко говорить со мной.

Кравскій. Нужно отодрать его батогами.

Вирный. Не зачто, панъ экономя. Не моя вина, что мушкетеры, поработавъ пять дней на панскомъ полѣ, въ одной недѣли, не захотѣли идти на работу еще и въ субботу. Нужно подумать и о своемъ хлѣбѣ, который уже перезрѣлъ и спадаетъ съ колоса. Не голодать же намъ и нашимъ дѣтямъ цѣлый годъ.

Павловскій. (*Въ бѣшенствѣ*). Слышишь, Кравскій, слышишь? А, такъ это ты первый бунтовщикъ? такъ это ты зачинщикъ!—нагаекъ! батоговъ! розогъ!—скорѣй, хлопцы, скорѣй! скорѣй!

В и р н ы й . Воля панская.

С т е п а н ь . Инвентарными правилами не велѣно бить стариковъ.

П а в л о в с к і й . Кравскій!—слышишь? Гей хлопцы, бато-
говъ! розогъ!—скорѣй! скорѣй!

С л у г и . Розги готовы, яснѣ вельможный пане.

П а в л о в с к і й . (*Гайдукамъ*). Начинайте со стараго, не-
вѣрнаго пса Вирного, берите, тащите его, хама, въ смерть бей-
те! убьете,—не бѣда; я отвѣчаю. Узвѣтъ исправникъ— тоже
не бѣда, дамъ сто пецовъ и концы въ воду. Бейте его, бейте
въ смерть, бейте! (*Мечется по сценѣ, реветъ, топаетъ но-
гами, багровѣетъ. Мужики, кромѣ Вирного и его сына,
спасаясь бѣгствомъ отъ батогаговъ, опрометью кидаются
къ рѣкѣ; нѣкоторымъ изъ нихъ удается кинуться въ рѣ-
ку и переплыть на ту сторону; а другихъ панскіе гай-
дуки ловятъ и приводятъ назадъ къ мѣсту экзекуціи.*)

П а в л о с к і й . Ловите ихъ псовъ, хамовъ! Тащите ихъ ко мнѣ!
Бейте ихъ, бейте, рѣжьте, четвергуйте!

Я В Л Е Н І Е IV .

Тѣ же и Станиславъ.

(*Станиславъ въ охотничьемъ костюмѣ.*)

П а н ь П а в л о в с к і й . Тащите прежде всего стараго пса
Вирного.

П а в л о в с к а я . (*Станиславу*). Я не могу вынести этихъ
спецъ,—я умру.

С т а н и с л а в ь . Неужели будутъ бить и стариковъ? (*Въ
сторону*). Попробую убѣдить отца. (*Шавловскому*). Отецъ! ради
Бога, ради вашихъ же собственныхъ сѣдинъ пощадите стари-
ковъ.

П а в л о в с к і й . (*Не слыша сына, гайдукамъ*). Ну что
же вы, олухи?—берите Вирного. (*Гайдуки приближаются къ
Вирному и, нерѣшительно, поглядывая другъ на друга,
толпятся возлѣ старика*).

П а в л о в а к і й . Чтоже вы, скоты? Или не слышите моего
приказа? Или хотите, чтобъ я и васъ батогами? (*Перепуган-
ные гайдуки кидаются къ Вирному*).

С т а н и с л а в ь . Опомнись, отецъ! не гнѣви Бога,— не
бей старика! (*Услышавъ слова Станислава, гайдуки ос-
тавливаютъ Вирного*).

П а в л о в с к і й . (*сыну*) Что? Что ты врешь?

С т е п а н ь . Инвентаремъ не приказано бить стариковъ.

П а в л о в с к і й . Слышишь, слышишь! И это мой рабъ, пѣсь,
было осмѣливается говорить мнѣ въ глаза! Я убью его, убью!

П а в л о в с к а я . Я умру!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же, Емилія и Брониславъ.

Емилія. Отецъ! ради Бога, ради нашей матери, отпусти людей.

Павловскій. И ты тудаже, моя коханая? А кто вамъ дать право вмѣшиваться въ мои дѣла? А?.. кто? Это вѣрно она (*указываетъ на жену*) научила васъ?

Павловская. О, Боже!

Емилія. Сжался, отецъ, надъ нашею бѣдною матерью! (*обнимаетъ отца*).

Павловскій. (*Отталкивалъ дочь*). Ну, что пристава? Развѣ не знаешь, что всѣ эти нервы, спазмы, не болѣе, какъ ваши бабы штуки.

Брониславъ. Пане презесь! Пошадите хоть дочь вашу!

Павловскій. А вацьпану какое дѣло? Какъ вацьпанъ смѣешь дѣвть ко мнѣ съ не прошенными совѣтами! (*Брониславъ, Емилія и Станиславъ окружаютъ Павловскаго*).

Станиславъ. Ради человеклоубія, сжался надъ бѣднымъ старикомъ!

Емилія. Пошадн нашу бѣдную мать!

Брониславъ. Неужели васъ не трогаютъ мольбы вашей дочери?

Павловскій. Что это? Какъ вы смѣете приставать ко мнѣ! Такъ по вашему я уже не долженъ наказывать бунтующихся моихъ хамовъ, не смѣю распоряжаться въ моемъ домѣ? Вы думаете, что меня можно заставить плясать по вашей дудкѣ! Гей гайдуки, берите Вирного! (*Дѣтляме*). А вы, коханые мои, убирайтесь по живу, по здорову, а то я и за васъ примусь. (*Брониславу*) И вацьпану достанется. А ну-же, скорѣй, гайдуки скорѣй. Ты, Петръ, первый бери Вирного! — ну, живѣй! (*Гайдуки кидаются къ Вирному*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Сурскій. (*Сурскій въ дорожномъ платьѣ*).

Сурскій. Кто здѣсь хозяинъ?

Павловскій. Что вацьпану нужно?

Сурскій. (*Строго*) Что у васъ за исторія? Я догадываюсь! Такъ то егомосць исполняетъ распоряженія правительства?!

Павловскій (*въ сторону*). Видно судовой. (*Сурскому*). А вацьпану какое дѣло?

Сурскій (*грозно*). А вотъ я вамъ сейчасъ же покажу, какое мнѣ дѣло.

Павловскій. Эй, не финти и не рисуйся панъ! Возмешь съ десятокъ педовъ и еще поклоннись.

Сурскій. Какъ панъ смѣетъ говорить мнѣ подобныя вещи!

Павловскій. Да кто же панъ?

Сурскій (важно). А вотъ, посмотрите, кто я (подаетъ бумагу).

Павловскій (прочитавъ бумагу). Панъ комиссаръ! Ахъ, дорогой гость. (Кривскому). Уведи поскорѣй мужиковъ. (Гилло Вирилому). Я еще съ тобою раздѣляюсь. Гайдуки и служба убирайтесь!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же, кромѣ крестьянъ, гайдуковъ и слугъ.

Сурскій. Такъ-то у васъ, на Руси, исполняютъ распоряженія народоваго жонда?! Такъ-то вы поступаете, пане Павловскій! Выесто того, чтобы ласками и одолженіями привлечь руссиновъ на нашу сторону во время близкаго возстанія, вы иль тиранитѣ и даже обижаете въ своемъ домѣ представителя правительства, народоваго-комиссара?!?

Павловскій. Я не зналъ, что вы комиссаръ, а теперъ прошу у васъ прощенія.

Сурскій (перерезывая Павловскаго). Прошу прощенія... прошу прощенія. Что же у васъ соломенная голова, или вы украинскій воль, чтобы не догадаться кто я? Шутите.... не такъ то легко вы отъ меня отдѣляетесь.

Павловскій. Виновать, пане комиссаръ.

Сурскій. А! теперъ виновать! Да, да, вы виноваты и будете наказаны. Я васъ проучу! Вишь его, какой брикливый руссинскій медвѣдь!

Станиславъ. Пане комиссаръ! Мнѣ кажется, что вы присланы для того, чтобы дѣло дѣлать, а не обижать уважаемаго во всемъ околodкѣ старика и магната?

Сурскій (Павловскому). Кто это?

Павловскій. Мой сынъ. Станиславъ!—не суйся не въ свое дѣло!

Сурскій (Павловскому). Прикажете женщинамъ и молодежи удалиться, я хочу поговорить съ вами на единѣ.

Павловскій. Уйдите всѣ!

Станиславъ. Неужели вы позволите обижать себя?

Павловскій. Убирайся!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Павловскій и Сурскій.

Сурскій (отводя Павловскаго подальше отъ дому). Вы получили распоряженія жонда?

Павловскій. Получилъ.

Сурскій. И не смотря на запрещеніе, колотите вашихъ крестьянъ?

Павловскій. Увѣраю васъ, пане комиссаръ, что съ того времени, какъ я получилъ распоряженіе правительства, ни до одного изъ этихъ хамовъ даже и пальцемъ не дотронулся.

Сурскій. Вы ждете.

Павловскій. Слово гонору.

Сурскій. Пожалуй, вы осмѣлитесь сказать мнѣ въ глаза, что и сегодня не имѣли намѣренія бить нашихъ будущихъ союзниковъ.

Павловскій. Сегодня эти каналіи вывели меня изъ терпѣнія. Впервыхъ они не хотѣли жать моеѣ пшеницы, а потомъ наговорили мнѣ тысячи дерзостей. Согласитесь, можно ли было мнѣ, старому, привыкшему съ дѣтства повелѣвать, спокойно переносить ихъ ослушаніе и грубости! *(Водушевляясь.)* У меня, благодаря Бога, течетъ въ жилахъ не вода, а благородная шляхетская кровь.

Сурскій. Такъ вы сознаетесь. Ну, хорошо. Теперь послушайте, что я вамъ скажу. По распоряженію жонда, вы должны заплатить офяры пятьдесятъ тысячъ злотыхъ, а за то, что вы не исполняете распоряженій жонда, я налагаю на васъ штрафъ двадцать тысячъ; эти семьдесятъ тысячъ панъ немедленно уплотитъ мнѣ.

Павловскій. Семьдесятъ тысячъ! Гдѣ мнѣ взять такую сумму?

Сурскій. Не притворяйся панъ! Мы хорошо знаемъ, что вы богаты какъ жидъ.

Павловскій. Слово гонору, у меня нѣтъ столько денегъ.

Сурскій. Эй не лги, панъ,—а то плохо будетъ!

Павловскій. Ей Богу, я не лгу.

Сурскій *(грозно подходя къ Павловскому)*. Такъ вы отказываетесь?

Павловскій *(пятясь)*. Не могу, ей Богу, не могу.

Сурскій. *(оглядываясь боязливо кругомъ и показывая изъ подъ пальмъ стуртука пистолетъ)*. А эту штуку панъ знаетъ.

Павловскій. Змилуйся, панъ комиссаръ!

Сурскій Или деньги—или убью какъ пса.

Павловскій. *(Изъ сторону)*. Ну, что мнѣ дѣлать?

Сурскій. Не задумывайся, панъ, отвѣчай—да или нѣтъ. Рѣшай жить ли тебѣ, или умереть, т. е. погибать ли подобно скрягѣ жиду,—или отдать свои деньги для славы и благоденствія ойчизны.

Павловскій. Берите пятьдесятъ тысячъ офяры, а отъ штрафу увольте.

Сурскій. Ну, ну быть по вашему; бѣгите скорѣе въ домъ и несите деньги.

Павловскій. Деньги со мной; съ тѣхъ поръ, какъ начались эти смуты, я всегда ношу при себѣ бумажникъ, *(подаетъ Сурскому билетъ)*.

Сурскій. *(Считая деньги)*. Ну, вотъ и хорошо; ну, вотъ мы и помирились съ вами, пане Павловскій,—эхъ вы старый скряга, заупрамились было *(весело треплетъ Павловскаго по животу)*.

Павловскій. Я радъ, что заслужилъ расположеніе пана комиссара.

Сурскій. Ну хорошо, хорошо; на радости, я сообщу пану приятную вѣсть. Вскорѣ будетъ всеобщее возстаніе, и мы, въ нѣсколько дней, перебьемъ всѣхъ москалей. Что?—очень обрадовались, пане Павловскій?.. Не правда-ли—хорошія вѣсти?

Павловскій. Очень хорошія, пане комиссаръ?

Сурскій. Мнѣ бы хотѣлось сообщить эту приятную вѣсть вашимъ дамамъ,—пригласите ихъ сюда.

Павловскій. Съ удовольствіемъ, пане комиссаръ (*отходить*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Сурскій (*одинъ*).

Заупрямылся было старшій скряга, да я его порядочно пугнул! Однакожь я, кожется, немного погорячился; ну что, еслибъ у меня увидѣли оружіе и если бы объ этомъ донесли? Впрочемъ, что я вру? Имѣя пятьдесятъ тысячъ въ карманѣ, я бы удралъ за границу, и дѣлу конецъ! Какъ бы только не попасться полиціи... правда, можно бы и откупиться, да все таки много хлопотъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Сурскій, Павловскій, Павловская, Емилиа, Станиславъ и Брониславъ.

Павловскій (*женъ*). Рекомендую тебѣ пана Сурскаго.

Сурскій. Комиссаръ народоваго жонда.

Павловскій (*Сурскому*). А это моя дочь.

Сурскій (*подавая Емилии руку*). О! да, прехорошенькая панна,... какія у васъ чудныя глазки. Премиленькая у васъ, пане Повловскій, дочь.

Брониславъ (*въ сторону*). Какой наглець!

Павловскій (*указывая на Станислава*). Мой сынъ, Станиславъ.

Сурскій. Молодой человекъ, какъ кажется, немного горячъ. Впрочемъ, я вамъ прощаю пане Станиславъ, ваше обращеніе со мной ради вашей молодости и уваженія къ вашему почтенному отцу. Надѣюсь, что вы будете служить вѣрой и правдой нашей дорогой ойчизнѣ?

Станиславъ (*гордо*). Я полякъ!

Сурскій. Молодецъ, молодецъ!

Павловскій. Да, малый не дуракъ; жаль только, что иногда не въ свое дѣло суется.

Сурскій. А вамъ бы слѣдовало остановить панича... (*шутливо*) розочкой бы его, розочкой!

Пани Павловская (*перепугавшись*). *Иезусъ, Марія!* Пани комиссаръ, нашъ Стась еще такъ молодъ!

Сурскій. Успокойтесь пани Павловская, я шучу. Но, говоря по правдѣ, все таки лучше было бы, чтобы панъ Павловскій посѣкъ сына, чѣмъ, вопреки воли жонды, сѣчь крестьянъ. Это опасно. Жондъ шутить не любитъ. Впрочемъ, я вамъ скажу, пане Павл вскій, по дружбѣ, по секрету, что когда все кончится, все устроится, т. е. когда мы перерѣжемъ москалей и восстановимъ вашу любовную ойчизну,—то, не смотря на обѣщанную жондою, нѣтъ политическихъ цѣлей, мужикамъ свободу и надѣлъ даровой земли, мы не только еще больше наляжемъ на шлоговъ, усилимъ панцизну, но и закасадимъ всѣмъ вольно живущимъ въ Польшѣ москалей.

Павловскій. Дай то Богъ! Дай то Богъ!

Пани Павловская. Я не понимаю васъ, пане комиссаръ. Неужели записана будетъ въ подданство и русская шляхта?

Сурскій. Русской шляхты не существуетъ. Шляхтицами могутъ называться тѣ только, которые имѣютъ грамоты польскихъ королей, а до царскихъ указовъ намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

Павловская. Такъ таки и запишемъ въ сказки и становыхъ и исправниковъ?

Сурскій. И запишемъ непременно!

Павловскій. Ха, ха, ха! Ну, впрочемъ, эти москали народъ хитрый, и вѣрно улизнуть въ Россію.

Сурскій. Нѣтъ, не всѣ улизнуть; конечно, останутся тѣ, которые приобрѣли здѣсь имѣнія; но мы со временемъ и отъ нихъ какъ нибудь отдѣляемся и отъ московскихъ имѣній въ панствѣ польскомъ.

Емилиа. Ха, ха! Вотъ было бы забавно, если бы нашихъ сосѣдей, вадльцеу, Агупова, Ивановыхъ, записали въ число нашихъ крестьянъ! Ха, ха! Вотъ было бы забавно, если бы Мише Иванова—такая тонкая, такая хорошенькая и образованная, очутилась моею горничной!.. Впрочемъ, я была бы къ ней снисходительна и не употребляла бы ее для черныхъ работъ.

Сурскій. Вы слишкомъ великодушны, панна Емилиа; отразу видно, что вы благородная полька! Да и можетъ ли не быть образцомъ добродѣтели такое очаровательное, какъ вы, существо?

Брониславъ (въ сторону). Ужасный нахаг!

Емилиа. (Не отвѣчая Сурскому). Ха, ха! Вотъ была бы комедія! Неужели и помѣщики русскіе будутъ нашими крестьянами?

Станиславъ. Стыдись, Емилиа. Панъ комиссаръ вѣротно шутить, а ты и вѣришь.

Сурскій. Нѣтъ, не шучу. Впрочемъ я говорилъ собственно о крестьянахъ.

Станиславъ. Я никогда не повѣрю, чтобы нашъ жондъ былъ такъ вѣроломный,—далъ самъ свободу крестьянамъ, а потомъ нарушилъ свое слово.

Павловскій (Сурскому). Слышите? Вотъ онъ всегда такъ, вѣчно суется не въ свое дѣло, и вѣчно заступается за крестьянъ.

Емилія. Ахъ, папа, не сердитесь на Станислава!

Сурскій. Да, да, молодой человекъ слишкомъ торопливъ; его можно простить и потому, что онъ имѣетъ такую прелестную заступницу. Дайте ручку, панна Емилія.

Брониславъ (*дѣлаетъ движеніе*). Кто-то ѣдетъ къ намъ. Кажется становой приставъ.

Сурскій. Становой приставъ!.. Боже мой!—я погибъ! Пана Павловскій, ради Бога, *ратуйте* меня! (Емилія и Станиславъ съ удивленіемъ смотрятъ на Бронислава, который имъ *дѣлаетъ выразительные жесты*).

Павловскій (*глядя въ даль*). Да, да—вижу! Кто-то ѣдетъ. Но полиція всегда ѣздитъ съ колокольчикомъ, а колокольчикъ я не слышу. (Станиславъ *подходитъ къ столу на крыльцѣ стулку и незаметно для другихъ звонитъ стулкою объ графинъ*).

Сурскій. Ахъ! слышу, слышу!.. колокольчикъ слышу!.. это полиція!.. я погибъ! погибла наша святая справа! Пана Павловскій, ради оичивны, укройте меня!

Павловскій. Укрывать васъ, пане комисаръ, опасно; лучше бѣгите.

Сурскій. Куда же мнѣ бѣжать? Неужели; на встрѣчу къ становому, или что тоже—на встрѣчу крѣпости, а тамъ и въ Сибирь?

Павловскій. Бѣгите въ садъ, потомъ спуститесь оврагомъ къ рѣкѣ, а я вышлю вамъ къ мельницѣ лошадей.

Брониславъ. Я проведу пана комисара,—скорѣе, скорѣе, панъ!

Сурскій. О, благородный юноша!—оичивна никогда не забудетъ вашей услуги.

(Брониславъ *перепрыгиваетъ плетень, Сурскій тоже и оба быстро скрываются между деревьями. Емилія смѣется.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, кромѣ Сурскаго и Бронислава.

Павловскій. А я все таки не слышу колокольчика. Старость, вѣрно, въ союзъ съ глухотой.

Емилія (*придвигая смѣяться*). Это не становой ѣдетъ, а нашъ арендаръ, Берко.

Павловскій. А, Берко!—я то и говорю, что не слышно колокольчика. Станиславъ! нужно бы увѣдигъ оъ оликъ пана Сурскаго, (*подумавъ*) впрочемъ, Богъ съ нимъ—пусть себѣ убирается подальше. Чего добраго!—чтобъ и въ самомъ дѣлѣ не важить хлопотъ. (*Опять, подумавъ*) Уйдите, мои боханы, а хочу остаться одинъ. (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Павловскій (одимъ). Пятьдесятъ тысячъ золотыхъ я долженъ былъ дать этому сорванцу. Да чтожь дѣлать!—неужели дожидаться, чтобы этотъ головорѣзъ влѣпилъ мнѣ пулю въ лобъ?.. Правда, видно по всему, что онъ трусъ и не сдѣлалъ бы этого, но все же, по его доносу, могли бы прислать изъ Варшавы другаго пана похрабрѣе Сурскаго. Впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ мои пятьдесятъ тысячъ и не пропадутъ даромъ? Вѣдь же грозитъ московское правительство, что освободить крестьянъ, такъ нужно всѣмъ дружно помочь нашему жонду, чтобъ освободиться отъ москалей и не допустить ихъ до освобожденія хлоповъ. Панъ Сурскій правъ!... никогда того не будетъ, чтобы паны остались безъ хлоповъ,—этихъ хамовъ, каналий,—будь они прокляты, чертовы дѣти! Напримѣръ, Вирный и его сынокъ! (*задумывается*). Нѣтъ, я не могу простить имъ! Ни за что, ни за что! Гей, Кравскій!

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Павловскій и Кравскій

Кравскій. Что прикажетъ ясне вельможный панъ?

Павловскій. Завтра, чуть свѣтъ, созвать на гумно крестьянъ, и чтобы въ числѣ ихъ непременно былъ Вирный и его сынъ. Слышишь?

Кравскій. Слушаю, ясне вельможный пане.

Павловскій. Позвать на гумно гайдуковъ и приготовить побольше розогъ; чтобы все было готово пока у меня въ домъ спать еще. Понимаешь Кравскій?

Кравскій. Какъ мнѣ не понять ясне вельможнаго пана? Вѣдь, благодаря Бога, уже двадцать лѣтъ ясне вельможный панъ мнѣ панъ; двадцать лѣтъ я привыкъ быть послушнымъ ясне вельможному пану; двадцать лѣтъ ѣлъ хлѣбъ ясне вельможнаго пана! (*Занимивсь опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ довольно значительное время. Декорацинъ тѣ же, что и въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНИЕ I.

Павловская, Емилія, Брониславъ и Станиславъ.

Емилія. Ну, начинайте, маменька.

Павловская. Постой—постой, пусть приготовлюсь (*откашливается*).

Брониславъ. Смѣлѣй, смѣлѣй, вельможна пани презесова! Я буду считать: разъ, два, три,—и когда скажу три, то и начнемъ. Ну—разъ, два, три!

(*Поютъ хоромъ гимнь? „Z dymem rozarów“.* Павловская издаетъ нестройные плаксивые звуки, а Брониславъ фальшивитъ).

Емилія. Фальшиво, фальшиво, пане Брониславъ! Пойте вотъ такъ. (Показываетъ какъ пѣть и всѣ приобщаются. Кравскій выглядываетъ изъ за дверей передней и улыбается. Брониславъ жестами приглашаетъ Кравскаго, который выходитъ на крыльцо, присоединяется къ хору и подтягиваетъ. Павловскій приходитъ изъ сада, но его не замѣчаютъ).

Емилія. Опять сфальшивили, пане Брониславъ. Говорятъ вамъ пойте вотъ такъ (Поютъ. Павловскій подходитъ къ Кравскому и слегка ударяетъ его ладонью по лысинѣ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Павловскій.

Кравскій. Ясне вельможный панъ! (Хоръ умолкаетъ). Павловскій (Кравскому). И ты тудаже, коханку?

Кравскій. Увлекся ясне вельможный пане.

Павловскій (передразнивая Кравскаго). Увлекся, увлекся! (Женъ) Сколько разъ я твердилъ имосци, что я вовсе не желаю, чтобы въ моемъ домѣ пѣлись подобные гимны и чтобы вообще не затѣвалось что либо подвергающее насъ отвѣтственности предъ московскимъ жондомъ!

Станиславъ. Неужели намъ бояться москалей даже и теперь, на канунѣ возстанія?

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло! (Женъ). Имосць всегда дѣлаетъ наперекоръ мнѣ. Имосць вѣроятно хочетъ погубить меня. Неужели вы забыли о томъ, что происходило въ Житомирѣ, и какъ тамъ за гимны, эти варвары хватили нашихъ и ссылали въ Сибирь?

Павловская. Виновата, Казимиръ! каюсь, — молодежь увлекла меня.

Кравскій. И меня тоже!

Павловскій. Молчи, старый дурню. (Женъ). Вы не подумали о томъ, что можетъ вдругъ явиться исправникъ и арестовать меня. Прежній вѣдь смѣненъ, а отъ теперешняго не откупимся.

Брониславъ. Напрасно вы опасаетесь, коханный пане презесь. Если бы даже васъ и арестовали, то нашъ панъ Криницкій собралъ бы насъ, и мы бы васъ освободили.

Павловскій. А если бы меня конвоировали козаки?

Брониславъ. Мы бы побии козаковъ.

Павловскій. А еслибъ ихъ было много?

Брониславъ. А насъ развѣ мало?...

Павловскій. Храбритесь, храбритесь! Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Не хвались вѣдучи на рать.

Станиславъ. Отецъ! Это наконецъ не выносимо! Неужели вы такъ мало любите ойчизну, что даже къ храбрѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ сынамъ ея такъ мало имѣете довѣрія?

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло! (*Брониславу*). Не слушайте этого блязна.... Какъ мнѣ не любить ойчизны, когда ойчизна—все таки ойчизна, и когда только при возстановленіи Польши мы можемъ надѣяться, что мужики, незаконно уволенные москалями, опять будутъ нашими рабами?

Кравскій. Простите мнѣ ясне вельможный пане, что я глудыи *пихолдкэ*, увлеченный краснорѣчивыми и чудными словами ясне вельможнаго пана не утерплю и выскажу свою мысль. Не даромъ я при моихъ сѣдыхъ волосахъ увлекся и запѣлъ гимнъ. Мы всѣ должны молить Бога, чтобы возстановлена была Польша, потому что только при Польшѣ можетъ быть надежда на возвращеніе барщины и подданства, а безъ барщины и безъ подданства произойдетъ Содомъ и Гоморъ, вавилонское столпотвореніе, а наконецъ и конецъ свѣта! Всѣ сословія неминуемо должны погибнуть: безъ барщины и подданства, паны заскрипятъ и завязжать, какъ колеса безъ мази; нашему брату—эконному, тогда нельзя будетъ, по волѣ панской, дѣйствовать *гаранникъ* (1), и при дѣтса его голубчика повѣсится на гвоздикъ,—то и житья не будетъ, и безъ старой доброй пріятельницы мужицкой шкуры, безъ шляхетской нагайки, эта галайстра (2) пуситса на воровство и грабежь, сохнетса, подохнетъ съ голоду—и будетъ конецъ свѣта! Такъ то, такъ, ясне вельможный пане!

Павловскій. Вотъ, Кравскій и глупъ, а какъ хорошо разсуждаетъ!

Станиславъ (*въ сторону*). О, тстрога о тстрогах!

Брониславъ. Панъ презесъ, панъ презесъ! Взгляните, вотъ возлѣ роши толпа всадниковъ.

Павловскій. Ахъ, Боже мой! ужъ не козаки ли?

Станиславъ. Нѣтъ, это не козаки,—это наши. Вотъ и панъ Криницкій впереди на бѣломъ конѣ.

Брониславъ. И Сурскій.

Емилія. И ксендзъ Геляры верхомъ на вороной лошади.

Павловскій. Неужели рухавка уже началась? Вѣдь срокъ сбора не сегодня?

Павловская. Однакожъ мнѣ нужно позаботиться о томъ, что было было чѣмъ накормить гостей. Шлавскій, бѣги скорѣе на кухню и распорядись.

Павловскій. Выкатить бочку стараго венгерскаго.

Станиславъ. Вотъ они уже въ селѣ.

Брониславъ. Спустились въ долину.

Емилія. Черезъ минуту будутъ здѣсь.

Станиславъ. Въѣзжаютъ на дворъ!

(1) гаранникъ—кнутъ.

(2) Галайстра—шуваль.

Я В Л Е Н И Е III.

Тѣ же, Сурскій, Криницкій, ксендзъ Гиллары, Лубовскій, паны, эконома, шляхта (*Паны здороваются съ хозяевами, а эконома и шляхта стоятъ въ почтительномъ разстоянїи*).

Сурскій. Вотъ я и опять у васъ, пане Павловскій! И при какихъ, благодаря Бога, обстоятельствахъ!

Павловскій. Привѣтствую васъ, пане комиссаръ.

Сурскій. Мы къ вамъ по важному дѣлу. Прежде всего представляю васъ вашему сосѣду, пану Криницкому, какъ начальнику здѣшняго отряда. Панъ Криницкій произведенъ въ полковники. (*Павловскій кланяется Криницкому*).

Криницкій. Надѣюсь, что отрядъ нашъ будетъ доволенъ моими дѣйствіями.

Сурскій. Здравствуйте, пане Брониславъ! Помните, какъ мы съ вами?... Благодаря Бога, не тѣ уже теперя времена! Пана полковникъ! рекомендую вамъ сего благороднаго юношу и назначаю его къ вамъ адъютантомъ.

Павловская (*въ сторону*). Почему же не нашего Станислава?

Брониславъ. Благодарю васъ, пане комиссаръ, за честь и надѣюсь, что срублю не одну баранью московскую башку. (*Емилии тихо*). Видишь, какъ скоро я дослужился; надѣюсь, что тебѣ прїятно будетъ быть паней адъютантовой; впрочемъ, я скоро буду генераломъ!

Емилиа (*тоже тихо*). Дай то Богъ!

Сурскій. Я прибылъ къ вамъ, пане Павловскій, для того, чтобы, собравъ сосѣднихъ вамъ благородныхъ пановъ и храбрую шляхту, совершить у васъ обрядъ присяги.

Павловскій. Слушаю, пане комиссаръ.

Сурскій. А между тѣмъ пошлите за здѣшними мужиками, а пока они соберутся мы успѣемъ присягнуть. Мы должны пригласить руссиновъ быть нашими союзниками, а вы, пане Павловскій, подарите имъ въ вѣчное, потомственное владѣніе нѣкѣ земли и всё угодія.

Павловскій. Я не понимаю васъ, пане комиссаръ.

Сурскій. Ну-ну, не притворяйтесь. Дѣлай-ка то, что вамъ велятъ. Посылайте за мужиками!

Павловскій. Панъ комиссаръ шутить. Неужели вы забыли ваши же слова?

Сурскій (*въ замѣшательствѣ*). Какіе слова?!... Я ничего пану не говорилъ.

Павловскій. Вы забыли? А помните—послѣ того, какъ я вручилъ вамъ офару, вы увѣрили что.....

Сурскій (*поспѣшно перебиваетъ*). Какъ ващпанъ смѣетъ разглашать то, что я говорилъ по-секрету? Какъ вы смѣете открывать государственныя тайны?!

Павловскій. Я не разглашаю государственныхъ тайнъ. Теперь же можете объявлять моимъ крестьянамъ все, что вамъ

угодно, а я буду молчать какъ рыба; я даже уйду, когда крестьяне соберутся. Дѣлайте себѣ, что хотите, ваша воля,— а я все таки вамъ скажу въ глаза, что вы обманули меня, обѣщавъ....

Сурскій (*перебивая Павловскаго*). Я ничего не обѣщаль пану, (*запальчиво*) я только предполагалъ... Теперь же объявляю вамъ, что если вы не исполните распоряженія жонды, то я прижажу васъ повѣсить!

Кривницкій. Не горячитесь, пане комиссарь! Ради Бога, успокойтесь! (*Между панами слышится ропотъ*).

Сурскій. Повѣшу,— непременно повѣшу!

Павловскій. Змилуйся, пане комиссарь! Я готовъ, я не отказываюсь. Но все таки, мнѣ бы казалось, что лучше было бы, еслибъ не я лично объявлялъ крестьянамъ, что дарю землю, а отъ моего имени кто либо другой.

Кривницкій. По моему мнѣнiю, панъ презесь правъ. Ежели онъ самъ объявитъ, что дарить крестьянамъ землю, то на случай чего.... какъ бы сказать?—ну хоть бы на случай.....

Павловскій. Да, да, на случай неудачи....

Кривницкій. Нѣтъ, нѣтъ, пане презесь, вовсе не неудачи. Какъ можно предполагать неудачу? Но все-таки, на какой бы то ни было случай, ежели панъ презесь лично объявитъ крестьянамъ, что дарить имъ землю, то москали могутъ придраться; если же вы будете объявлять, то дѣйствiе будетъ одно и тоже, а панъ презесь будетъ въ сторонѣ.

Сурскій. Какъ я вижу, панъ полковникъ, вы не только искусный воинъ, но еще и тонкiй дипломатъ. Ну, ну, быть по вашему,—я самъ объявляю крестьянамъ. Посылайте, пане Павловскiй, за мужиками.

Павловскiй (*съ неудовольствiемъ*). Хорошо, хорошо,— объявляйте, объявляйте! — Кравскiй! созвать мужиковъ!

Кравскiй. Слушаю, ясне вельможный пане.

ЯВЛЕНIЕ IV.

Тѣ же, безъ Кравскаго.

Сурскiй. Теперь приступимъ къ присягѣ. Приготовляйте свѣцъ, ксендзъ Гилары. Подать свѣчей!

Павловскiй. Сейчасъ, пане комиссарь.

(*Слуги приносятъ четыре восковыя свѣчи. Сурскiй покрываетъ столъ чернымъ покрываломъ, ксендзъ ставитъ распятiе, а Кривницкiй достаетъ изъ сумки нѣсколько длинныхъ черныхъ рубашекъ*).

Сурскiй. По установленной формѣ, присягающiе, въ доказательство, что они охотно пожертвуютъ оичивнѣ, въ случаѣ надобности, достоинiемъ и живнiю, должны быть одѣты въ эмблему смерти, т. е. въ саваны. Одѣвайтесь, паны! Вы первый, пане хозяинъ. (*Паны надѣваютъ рубашки*).

Ксендзъ Гиллары. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ столь важному обряду, какова присяга, я долженъ сказать вамъ, панове, нѣсколько поучительныхъ словъ—для того, чтобы вы приготовились въ душѣ къ святому таинству, которое скоро совершите. Слушайте же, вельможные паны, вельможныя пани, и храбрая шляхта! *(Откашливается)*. Наша ойчизна, наша Богомъ любимая Польша, погибала; какъ вдругъ, духъ святой раздулъ святой огонь въ душѣ, Богомъ избраннаго императора французовъ Наполеона, и онъ братски подаль намъ руку помощи. Милліоны французскихъ штыковъ скоро явятся къ намъ на помощь, и мы всѣ возстанемъ и неминуемо свергнемъ ненавистное и жестокое московское иго. Всѣ, всѣ возстануть; и вельможные паны и вельможныя пани, и храбрая шляхта, возстануть и сѣдые старцы, и бевбородые юноши, и наши союзники руссины; возстануть наконецъ и живые и мертвые! Да, да, возстануть и живые и мертвые, и мы загонимъ москалей туда, гдѣ и трава не растетъ, т. е. за Уралъ и за Бѣлое море! Теперь же падемъ всѣ на колѣна и вознесемъ теплую мольбу къ Всемогущему, чтобы Онъ Своею преблагою, всевышнею десницею помогъ намъ совершить святой подвигъ и перерѣзать и переколоть москалей. *(Становится на колѣна, и въ слѣдъ за нимъ паны и пани и тихо молятся)*. Теперь запоемъ гимнъ *(поютъ хоромъ гимнъ: Woże! coś Polske)*.

Сурскій. Ну, теперь, ксендзъ, читайте присягу. Панове станьте чинно—въ ордынокъ (*). Живѣй, живѣй! *(Шины толпятся въ кучу)*. Не такъ, не такъ!—порядкомъ, рядами! Панъ полковникъ, постройте пановъ и шляхту,—это ваше дѣло. *(Криницкій строитъ пановъ рядами, Сурскій достаетъ пистолетъ и хочетъ приставить дуло ко лбу Павловскаго)*.

Павловскій *(въ испугѣ)*. Ой, ой—смилуйся, панъ комисаръ! И за чтоже?... за что?... я на все готовъ! Ей богу, на все! Ой, ой—смилуйся панъ!

Павловская. Пощадите моего мужа! Дурно, дурно!

Емилія. Не губите моего отца!

Сурскій. Чего перепугались? Я и не думаю убивать его. По установленнымъ правиламъ, присягающимъ прикладывается дуло пистолета ко лбу. По настоящему, всѣ должны присягать подъ пистолетомъ; но такъ какъ теперь присягающихъ много, а я одинъ, то эту честь я предоставляю пану Павловскому, какъ хозяину дома.

Павловскій. Благодарю за честь. Но такъ какъ панъ Криницкій старше меня чиномъ и выше общественнымъ положеніемъ, то эту честь слѣдовало бы предоставить ему.

Криницкій. Я присягать не буду, потому что я уже присягалъ.

(Сурскій приближается къ Павловскому съ пистолетомъ).

(*) Въ ордынокъ—рядамъ.

Павловскій. *(пятья отъ Сурского)*. Право, я не заслужилъ этой чести.

Сурскій. Да не бойтесь же, пане Павловскій,—я право не убью васъ.

Станиславъ. Не бойтесь, отецъ, право стыдно!

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло! Я не боюсь, право не боюсь. Чего мнѣ бояться. *(Сурскій прикладываетъ дуло ко лбу Павловского)*.

Павловская. Осторожно, пане комиссаръ, чтобы какъ нибудь случайно не спустить курокъ.

Павловскій. Ой, осторожно, осторожно!

Брониславъ. Можетъ быть панъ комиссаръ только для фации говорить, что не застрѣлитъ пана презеса, а между тѣмъ возьметъ да и бащъ въ лобъ.

Павловскій *(Шопшино отходя отъ Сурского)*. Нѣтъ, какъ хотите, а я не въ состояннн выносить даге эту пытку! Я лучше пожертвую ойчизнѣ еще пять тысячъ злотыхъ.

Сурскій. Ну, ну, хорошо! Давайте деньги. *(Павловскій достаетъ бумажникъ и даетъ деньги)*.

Станиславъ. Позвольте мнѣ заступить мѣсто отца.

Сурскій. Хорошо, хорошо! Видно, что вы будете храбрымъ воиномъ.

Нѣсколько голосовъ. Храбрець! храбрець!

Павловская. Вы не повѣрите, какъ онъ храбрь.

Павловскій. Жаль только, что часто суется не въ свое дѣло.

Сурскій. Я жалую васъ, пане Станиславъ, капитаномъ.

Станиславъ. Благодарю, я не заслужилъ еще.

Криницкій. Благородный юноша! позволь обнять себя. *(Обнимаетъ Станислава)*.

Сурскій. Ну, къ дѣлу. *(Прикладываетъ дуло ко лбу Станислава)*. Чего гваете впередъ, пане Дубовскій,—ордынкомъ! *(тычетъ пальцемъ въ брюхо Дубовскому)*. Ксендзь Гиляры!—читайте присягу, а вы пане повторяйте за ксендвомъ.

Ксендзь Гиляры. *(Пане повторяютъ за ксендвомъ)*. Клянемся Богомъ всемогущимъ, что не пощадимъ жизни нашей для избавленія ойчизны отъ ненавистныхъ изувѣровъ москалей. Клянемся, что будемъ дѣйствовать противъ нихъ всѣми явными и тайными средствами. Клянемся, что будемъ поступать сообразно съ нашимъ катихизисомъ. Клянемся, что лишь только сбросимъ иго московское, то объявимъ войну Австрiи и Пруссiи и отберемъ отъ этихъ державъ наши провинци. Клянемся, что будемъ чтить законы рѣчи послполитой. Наконецъ клянемся, что будемъ уважать слугъ Божіихъ и будемъ исправно платить имъ установленную десятину. А кто сѣи клятвы не исполнитъ, на того пусть падеть гнѣвъ Божій, да будетъ тотъ проклятъ на землѣ и на небѣ. Присяга кончена.

Сурскій. Поздравляю васъ, панове! „Нѣтъ жье Польска!“

Криницкій. Смерть, смерть москалямъ!

Брониславъ. Всѣхъ перебьемъ, переколемъ, перерѣземъ, перевѣшаемъ!

Криницкій. Начнемъ съ губернатора!

Павловскій. Убьемъ и исправника!

Одинъ изъ пановъ. Убьемъ и попа моего, если онъ на меня доносъ посылать.

Павловскій. (*лукавъ*). Подать вина! (*Слуги приносятъ вино, паны пьютъ*).

Дубовскій. Кохаймысь браця! (*Паны и шляхта обнимаются и цѣлуются; одинъ изъ экономовъ подходитъ къ Павловскому и хочетъ обнять его*).

Павловскій. Куда лѣзешь дурню? Цѣлуйся съ своимъ братомъ—съ экономомъ!

Экономъ (*сконфузившись*). Вотъ тѣбѣ и рувнось, не подлеглосць! (*)

ЯВЛЕНИЕ V

Тѣ же, Вирный, Степанъ, Кравскій и толпа крестьянъ.

Павловскій. (*Въ сторону*). Уберусь я поскорѣй. (*Жемъ*). Уйди и ты съ Емилией.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же, кромѣ Павловскаго, Павловской и Емилиі.

Сурскій (*Кравскому*). Ты, панъ, здѣсь экономомъ?

Кравскій. Точно такъ, ясне вельможный пане.

Сурскій. А въ повстанье пойдете?

Кравскій. Ну, разумѣется, что пойду. Какъ мнѣ не любить ойчизну, когда я увѣренъ, что при возстановленіи Польши, возвращено будетъ панамъ и подданство.

Сурскій. Не ври старикъ, не ври, не бунтуй крестьянъ. Крестьяне всѣ собрались?

Кравскій. Всѣ, ясне вельможный пане.

Криницкій. Ну, начинайте рѣчь, пане комиссаръ.

Сурскій. Гей, экономъ! позови мужиковъ поближе.

Кравскій (*въ сторону, подходитъ къ крестьянамъ*). Чтобъ тебѣ подохнуть! (*съ грустью*). Охъ, панство, панство! Куда ты дѣлось!.. Но нѣтъ!.. это не можетъ быть! Польша возстановитъ панщизну и хлопство! (*Крестьяне приближаются къ Сурскому, впереди Вирный и его сынъ*).

Сурскій (*обращаясь къ крестьянамъ*). Мы васъ собрали, коханные братья...

Кравскій (*въ сторону*). Коханные братья! Чтобъ ты лопнуть, краснобай!

Сурскій. Мы васъ созвали для того, чтобы объявить вамъ, что, при помощи Божіей, москали изъ Варшавы прогнаны, зна-

(*) *rowność niepodległość*—равенство и независимость, — эмблемы Рачиславской.

чительная часть ихъ перебита; а теперь, чтобы довершить побѣду, намъ остается только перебить находящихся здѣсь москалей.

Одинъ изъ крестьянъ (*обращаясь тихо къ Степану*). Что онъ говоритъ?

Степанъ (*тоже тихо*). Онъ наговариваетъ намъ перебить москалей. О, трасца его матери! (*)

Сурскій. Мы надѣмся, что вы, благородные руссины, не откажетесь помочь намъ.

Кравскій. (*Въ сторону*). Надѣйтесь на нихъ, надѣйтесь!

Степанъ. (*Тоже съ сторону*). Щобъ ты сказывся (**)!

Сурскій. Въ награду же за вашу помощь мы даримъ вамъ ваши земли, ваши хаты, ваши огороды, на вѣки вѣчныя увольняемъ отъ всѣхъ помѣщичьихъ повинностей.

Кравскій (*въ сторону съ ужасомъ*). Гезусъ, Марія!

Степанъ (*тоже въ сторону*). Ври, ври!

Сурскій. Отнынѣ, не будете платить ни оброковъ, ни податей; наконецъ увольняетесь отъ рекрутства. Довольны вы? Соглашаетесь идти съ нами?

Вирный (*выразительно*). То есть, соглашаемся ли мы рвать москалей?

Сурскій. Да, да,—мы ихъ всѣхъ перебедемъ. Ну что—съ нами?

Вирный. Вы спрашиваете, сбунтуемся ли мы противъ царя?

Сурскій. И что вамъ царь?

Вирный. Что намъ царь? Что намъ тотъ царь, который любитъ насъ, какъ дѣтей, который подарилъ намъ свободу?...

Сурскій (*разтерлявшись*). Что ты врешь? Что ты врешь?

Вирный. Нѣтъ, я не вру пане. Мнѣ уже семьдесятъ лѣтъ, и мнѣ все ровно какъ ни умереть.—Вы можете убить меня, но я скажу вамъ въ глаза правду. Во вѣки вѣчныя не бывать тому, чтобы наши керестьяне помогали вамъ, не то чтобы противъ царя, объ этомъ даже и рѣчи не можетъ быть,—но даже хотъ бы противъ кого бы то ни было, хотъ бы противъ бурсурмана и турка. Скажу вамъ еще, паны, что вамъ не сдобровать, москали перебьютъ васъ,—а чего добраго, и мы имъ поможемъ.

Криницкій. Пане комиссарь! какъ это вы позволяете врать ему?—прикажете его арестовать.

Сурскій (*опомнившись, въ бѣшенствѣ*). Берите его! Вайте его, каналью!—повѣсите его, повѣсите!

Криницкій (*тоже Сурскому*). Не горячитесь, не вѣшайте, жондомъ приказано не раздражать руссиновъ. Такъ только постражайте—арестуйте.

Сурскій. Гей, шляхта! Уведите старика, я съ нимъ послѣ раздѣляюсь. (*Шляхта кидается къ Вирному и увлекаетъ его*).

(*) Обыкновенная брань Юго-Западныхъ крестьянъ трасца—диорадка.

(**) Сказаться—сбѣситься.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Вирного.

Кравскій. (*Сурскому насмѣливо*). Вотъ вамъ и „ко-
лани браця“.

Сурскій. Это ты сбунтовалъ его,—я видѣлъ по твоей за-
машкѣ, что ты бунтуешь крестьянъ.

Кравскій. Я бунтовалъ этихъ хамовъ? Чтобы я брался
съ мужицъемъ....

Сурскій. Нѣтъ ты, ты бунтовалъ. Гей, шляхта! Взять
эконома и дать ему сотню нагаекъ.

Кравскій. Пане Сурскій! Я шляхтичъ.

Сурскій. А! Ты шляхтичъ! Я не зналъ этого. Шлях-
та! Когда будете съчъ пана эконома шляхтича, то, согласно
съ нашимъ древнимъ обычаемъ, подослать подъ него коверъ.
Ташите его!

Кравскій. Вотъ до чего я дожилъ на старости лѣтъ!

Станиславъ. Пане комиссаръ, прошу васъ, оставьте
Кравскаго!

Сурскій. Къ сожалѣнью, я долженъ отказать вамъ, па-
не капитане. Субординація необходима и Кравскій будетъ на-
казанъ нагаями. (*Шляхтъ*). Дать ему сто нагаекъ. (*Кравскій
упирается,— шляхта силой уводитъ его*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же, кромѣ Кравскаго.

Криницкій (*крестьянамъ*). Глупый вы, глупый народъ.
Дарятъ вамъ поля, хаты, огороды, и все вы еще недовольны!
Говорите, однакожь, откровенно,— идете ли съ нами или нѣтъ?
(*Воздушевяясь*). Если кто изъ васъ посмѣетъ хоть пикнуть
противъ насъ, сейчасъ же тому розможу лобъ. Не забудьте,
что у насъ оружіе, а вы безоружены. Ну что,— съ нами? (*Му-
жики хрюкаютъ угрюмое молчаніе. Криницкій подходитъ къ
одному изъ крестьянъ*). Ты съ нами?— отвѣчай!

Крестьянинъ (*поглядывая на пистолетъ Криниц-
каго*). Съ вами.

Криницкій (*обращаясь къ другому крестьянину*).
А ты съ нами?

Крестьянинъ. Съ вами, паны, (*въ сторону*) трасця
вашей матери!

Сурскій. Да что тутъ толковать,— они всѣ пойдутъ.
(*Крестьянамъ*) Черезъ три дня назначено всеобщее возстаніе;
съ вашей деревни должно собраться пятьдесятъ человекъ. Во-
оружитесь цѣпами, косами и явитесь въ пятницу къ полудню
въ Вѣлицкую карчму;—слышите?

Крестьяне. Слушаемъ.

Сурскій. Ну, теперь отправляйтесь по домамъ. (*Крестья-
не уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же, кромѣ крестьянъ.

Сурскій. Кажется, они убѣдились.

Криницкій. Да, кажется.

Дубовскій. Несомнѣнно, что они убѣдились. Вотъ - то зададимъ москалямъ. Вивать Польша! Подайте вина! (*Маны пьютъ*). Кохаймысе браця!

Криницкій. Смерть москалямъ!

Всѣ въ голосъ. Смерть, смерть москалямъ!

Сурскій. Вивать сицилійскія вечерни!

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Площадь еврейскаго мѣстечка, кругомъ ее еврейскія корчмы. Вправо нѣсколько краковскихъ брячекъ съ провизіей, при нихъ часовые.

ЯВЛЕНИЕ I.

Сурскій, Криницкій, Павловскій, Дубовскій, Брониславъ, Станиславъ, Лейбка, ксендзъ, шляхта, жида, жидовки и жидята; въ отдаленіи Вирный, Степанъ и крестьяне. (*Маны и шляхта вооружены пушечными, саблями и кинжалами, а мужики косами, топорами и цѣпами.*)

Сурскій. Такъ ты съ нами, Лейбка?

Лейбка. Якже! съ вами, съ вами, ясне вельможны пане.

Сурскій. Цѣлымъ кагаломъ.

Лейбка. Да, да, цѣлымъ кагаломъ, коль Богъ святъ, цѣлымъ кагаломъ!

Сурскій. А обѣдъ будетъ хорошій?

Лейбка. Хоросій ясне вельможный пане, оценъ хоросій!

Сурскій. Ну, помни-же, что если покормишь насъ такъ какъ вчера—гнилой говядиной, то мы тебя повѣсимъ.

Лейбка. Ой вей, я. в. п! Какъ Богъ святъ, обѣдъ будетъ прекрасный; вола только сегодня зарѣзали.

Сурскій. Москалей побьемъ?

Лейбка. Побьете, я. в. п., ей Богу побьете. Всѣхъ перебьете: и губернатора, и исправника, и генераловъ, и офицеровъ, и простыхъ солдатъ.... всѣхъ, всѣхъ.

Сурскій. Вина довольноно?

Лейбка. Для слыхты боцка вина, а для музыковъ двѣ боцки водки.

Сурскій. Хорошо, хорошо.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и еще нѣсколько человекъ шляхты и становой.

Сурскій. Ведутъ становаго.

Брониславъ. Ха-ха-ха! Вотъ то будетъ комедія!

Станиславъ. (*Въ сторону*). Комедія недостойная насъ!

Сурскій. (*Становому*). Какъ вацпанъ смѣлъ держать сторону москалей. Вѣдь вацпанъ полякъ.

Становой. Я истый полякъ,—но что же мнѣ было дѣлать,—меня могли сослать въ Сибирь.

Сурскій. А вотъ мы вацпана накажемъ.

Криницкій. (*Тихо*). Панъ комиссаръ! намъ неприлично быть свидѣтелями этой комедіи. Оскверняетъ вашу честь и дисциплину въ арміи.

Сурскій. Да это будетъ такъ забавно. (*Паны и шляхта скружжаются станового*).

Криницкій. (*Опять тихо*). Какъ хотите, а намъ—главноначальствующимъ, неприлично оставаться здѣсь; вѣдь весь отрядъ знаетъ, что этотъ подлець становой самъ же придумалъ всю эту комедію для того, чтобы, въ случаѣ опасности, не отвѣчать предъ русскимъ правительствомъ.

Сурскій. Не хотите оставаться—то, можете уйдти, а я остаюсь.

Криницкій. Я удаляюсь.

Станиславъ. И я тоже. (*Сба уходятъ*).

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣ же, кромѣ Криницкаго и Станислава.

Сурскій. А вотъ мы пана станового за то, что держалъ сторону москалей, сейчасъ же, въ примѣръ прочимъ, проучимъ. Геи, шляхта! Достать бидку. (*)

Становой (*съ притворнымъ ужасомъ*). Панъ комиссаръ!—что вы хотите дѣлать со мной? Смилуйтесь пане!

Сурскій. Вотъ сейчасъ увидите, что мы вамъ сдѣлаемъ.

Брониславъ. Ха, ха! Вотъ будетъ весело! (*Шляхта привозитъ двухколку*).

Сурскій. Возмите, шляхта, станового и привяжите его брюкомъ внизъ къ бидкѣ.

Становой. Смилуйся панъ!

Сурскій. Нѣтъ тебѣ пощады. (*Шляхта привязываетъ станового къ бидкѣ*). По ниже, по ниже!—ноги пускай танутся по землѣ! Вотъ такъ.—Теперь запрягите въ бидку коня и везите бидку вмѣстѣ съ становымъ церемональнымъ маршемъ по мѣстечку. (*Шляхта запрягаетъ коня*). Ну, маршъ!—и бейте станового по спинѣ!

Становой (*тихо шляхтѣ*). Только, пожалуйста паны, не бейте больно. Вы вѣдь знаете, что это дѣлается для того только, чтобы жида и мужики донесли объ этомъ москалямъ.

Нѣсколько голосевъ. Не будемъ бить больно. (*Бидку везутъ по мѣстечку и показываютъ видъ, что бьютъ станового*).

Сурскій. Ха, ха! Вотъ комедія!

(*) Бидка-двухколка.

Брониславъ Вотъ весело! *(Въ азартъ крѣпко колотить становаго).*

Становой. Ой, больно, панове! больно! *(Шляхта увлеченная прижрѣмь Бронислава тоже сері зно бьетъ становаго).* Ой, ой — смилуйте паны! Вѣдь это должно быть только для формы! Ой, ой, больно! Эй ратуите, пане комиссаръ!

Сурскій. Ха, ха! А ну его! *(Шляхта продолжаетъ бить).*

Дубовскій. Вы этакъ, пожалуй, убьете его. Хорошія шутки! Панъ комиссаръ, прикажите, ради Бога, оставить становаго, оль хорошіи человекъ и всегда помогаль намъ.

Лейбъа. *(Турски му).* Ясне вельможный пане, онъ былъ прекрасный человекъ. *(Турски).* Пане становой! Я за васъ прошу пана комиссара!

Сурскій. Ха, ха! Его вовсе не бьютъ больно; онъ нарочно такъ кричитъ.

Лейбъа. Охъ нѣтъ, ясне вельможный пане. Пана становаго крѣпко такъ бьютъ. Взгляните, вотъ и одежу уже на немъ порвали.

Сурскій. А правда. Ха, ха! Ну хорошо же напугали! Гей, шляхта! отвяжите становаго! *(Становаго отвязываютъ отъ бидки, на немъ порвали платье).*

Становой *(почесывая спину).* Ухъ! Хорошо шутили! Помяли же мнѣ бока!

Сурскій. Ну теперь на мировую, пане становой.

Становой *(кричитъ).* Но помните, что вы меня силой вяли!

Сурскій. Разумѣется, силой. Теперь когда вы уже были наказаны за дружбу съ москалями, мы вамъ прощаемъ, а въ знакъ мѣра, выпьемъ вина! Гей, шляхта! Вино, доставленное жидами, сами можете выпить, — вѣрно дрянъ; намъ же достать нѣтъ обова старку пана Павловскаго и вино, подаренное княземъ Витольдомъ Крезомъ! Князь нашъ старый пріятель, такъ вѣрно прислать славное вино! *(Шляхта достаетъ изъ криковъ мѣра бичекъ старку, вино и закуски; паны пьютъ и ѣдятъ).*

Дубовскій. Кохаймысь браца!

Нѣсколько голосовъ. Кохаймысь! Кохаймысь. *(обнимаютъ я).*

Сурскій. Благодаря Бога, мы пошутили, повеселились, выпили и закусили, такъ пора приняться и за дѣло! Панъ адъютантъ! — Пойдите и пригласите пана полковника, скажите ему, что пора начать военный совѣтъ. *(Брониславъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ Бронислава.

Сурскій. Пока прійдетъ панъ полковникъ выпьемъ по стаканчику за дорогую оичизну. *(Паны опять пьютъ).*

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же, Крилицкій, Станиславъ и Брониславъ.

Сурскій. Пора начать совѣтъ, пане полковникъ.

Крилицкій. Давно пора, пане комиссаръ.

Сурскій. А между тѣмъ, не угодно-ли вамъ выпить и закусить.

Крилицкій. Пожалуй. *(Пьетъ, а съ нимъ Сурскій и прочіе паны).*

Сурскій. Теперь примемся за дѣло. Предсѣдателемъ совѣта, конечно, буду я, вице-предсѣдателемъ—панъ полковникъ; членами—панъ подполковникъ Павловскій, ксендзь Гиляры, панъ майоръ Дубовскій, панъ капитанъ Станиславъ, а секретаремъ панъ адъютантъ Брониславъ. Гей, шляхта! принесите столъ, стулья, перо и чернило! *(Паны садятся кругомъ стола, предсѣдательское мѣсто занимаетъ Сурскій).* Совѣтъ начать.

Крилицкій. Панове шляхта! прошу не шумѣть.

Сурскій. Вамъ, пане Павловскій, какъ старшему изъ насъ лѣтами, слѣдуетъ начать рѣчь. Говорите ваше мнѣніе.

Павловскій. По дошедшимъ до насъ слухамъ, московская рота солдатъ находится не вдалекѣ отъ насъ. По моему мнѣнію, нашему отряду слѣдуетъ немедленно отступить въ со-сѣдній Ловицкій лѣсъ, укрыться тамъ и ожидать подкрѣпленій...

Станиславъ *(перебивая отца)*. Какъ! намъ отступить предъ москалями?

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло. *(Обращаясь къ совѣту)*. Потому намъ слѣдуетъ перейти австрійскую границу, ожидать въ Галиціи нападенія москалей, и тамъ разбить ихъ на голову. Мнѣ-же старому, съ Станиславомъ, съ Кравскимъ и еще со многими изъ моихъ сосѣдовъ слѣдуетъ возвратиться въ м. Дудковцы и тамъ, образовавъ аріергардъ арміи, слѣдуетъ устроить лазаретъ для нашихъ раненныхъ и караулить плѣнныхъ москалей.

Станиславъ. Если наши отступятъ въ Галицію, а мы останемся въ Дудковцахъ, то мы будемъ не въ аріергардѣ, а въ авангардѣ арміи, и тогда, чего добраго, по малочисленности нашей, москаль насъ разобьютъ.

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло. Не слушайте его, панове,—онъ вздоръ мелеть. Москаль насъ не разобьетъ, потому что мы будемъ поступать хитро, дипломатически; мы и виду не покажемъ предъ москалями, что мы повстанцы, и будемъ себѣ сидѣть тихонько, какъ будто бы ничего и не бывало, а между тѣмъ будемъ дѣло дѣлать.

Крилицкій. Я не согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, пане Павловскій, потому что вы вздоръ мелете. А вы панъ комиссаръ?

Сурскій. Я тоже не согласенъ.

Павловскій. Право, голушались бы меня, паны!

Крилицкій. Вздоръ, вздоръ!

Сурскій. Чистѣйшая галиматья!

Станиславъ. Я тоже отвергаю мнѣніе моего отца.

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло!

Станиславъ. Нѣтъ, ужъ извините, батюшка, я тоже членъ совѣта.

Павловскій. Хорошій совѣтчикъ! Давно ли у васъ, паничъ, молоко подъ носомъ обсохло?

Сурскій. Какъ бы то ни было, но мнѣніе пана подполковника отвергается. Пана Дубовскій, говорите теперь ваше мнѣніе.

Дубовскій. Шановные панове! Вы вѣдь знаете, что я не военный человѣкъ.

Станиславъ. Нѣтъ вовсе надобности быть военнымъ для того, чтобы знать стратегію. Стоить только имѣть здравый смыслъ.

Сурскій. Правда, правда! Храбрый молодой человѣкъ разсуждаетъ очень логично, я вѣдь тоже никогда не служилъ въ военной службѣ, а между тѣмъ, благодаря Бога, не ударю лицомъ въ грязь на военномъ совѣтѣ и въ схваткѣ съ москалемъ.

Криницкій. Говорите ваше мнѣніе, пане маіоръ.

Дубовскій. Сейчасъ, сейчасъ! (*зудумывается*).

Сурскій. Да говорите же скорѣй. Неужели вы лишены дара слова и логики?

Дубовскій. Нѣтъ, благодаря Бога, природа не отказала мнѣ въ здоровомъ смыслѣ. (*Послѣ минутнаго молчанія*). И такъ, шановный панъ предсѣдатель совѣта, шановный ксендзъ Гиляры, шановный панъ вице-предсѣдатель и прочіе шановные панове члены, намъ предстоить освободить ойчизну, т. е. ниспровергнуть ненавистное московское иго. Не такъ ли, панове?

Криницкій. Такъ, такъ, говорите далѣе!

Дубовскій. Чтобы достигнуть нашей цѣли, т. е. чтобы достигнуть полного успѣха, я предлагаю при встрѣчѣ съ москалями стрѣлять по нимъ дружно, вотъ такъ—пафъ, пафъ, пафъ! Потомъ рубить ихъ саблями и колотъ кинжалами, а ежели который либо изъ нихъ будетъ кричать: пардонъ! пардонъ!—т. е. ежели захочетъ сдаться въ плѣнъ, то и брать его въ плѣнъ. Потомъ намъ слѣдуетъ... Впрочемъ намъ болѣе ничего не слѣдуетъ дѣлать—бить да бить москалей, да и дѣло съ концемъ. Я уже высказалъ свое мнѣніе, собирайте голоса другихъ членовъ.

Станиславъ. Ну, много же вы сказали!

Дубовскій. Не взыщи, коханный пане Станиславъ. Чѣмъ богаты тѣмъ и рады... Впрочемъ, какъ кажется, мое мнѣніе очень основательно, потому что все дѣло въ томъ, чтобы какъ можно болѣе бить москалей.

Криницкій. Однанакожь, какъ я вижу въ совѣтѣ мало толку.

Ксендзъ Гиляры. Позвольте мнѣ, покорному слугѣ Божьему сказать нѣсколько словъ.

Сурскій. Говорите, говорите, ксендзъ Гиляры.

Ксендзь Гиляры. По моему мнѣнію все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно болѣе истреблять москалей и чтобы какъ можно менѣе подвергать нашихъ опасности и подставлять свои лбы подъ московскія пули.

Сурскій. Правда, правда!

Павловскій. Какъ Богъ святъ правда!

Ксендзь Гиляры. Чтобы достигнуть этой цѣли, я предлагаю слѣдующій планъ:—мы выступимъ изъ мѣстечка и оставимся въ двухъ верстахъ отсюда, въ Петровской рошѣ, а передъ выступленіемъ убѣдимъ нашихъ союзниковъ—евреевъ, чтобы они, когда прійдутъ москали, предложили имъ, будто бы изъ рвенія къ московскому дѣлу, водки и закусокъ, въ которые конечно, подсыпано будетъ достаточное количество яду. Голодная саранча—москали, какъ жадныя собаки, кинутся на даровой пирь. Найвшись мышьяку, стрихнины вскорѣ москали начнутъ околѣвать, а въ то время, когда они будутъ терзаемы предсмертными муками мы явимся изъ роши и, при помощи Божіей, начнемъ докалывать умирающихъ и перебьемъ тѣхъ изъ москалей, которые по какому либо случаю, не отвѣдали нашего гостеприимства.

Брониславъ. Вотъ то будетъ картина!

Вирный (въ сторону вдали). Трасця вашей матери.

Степанъ (тоже въ сторону). О, бисовые ляшки!

Сурскій. Чудный, чудный вашъ планъ, ксендзь Гиляры! Я вполне съ нимъ согласенъ и душевно радуюсь, что добрый геній вамъ внушилъ подобную, гениальную мысль.

Павловскій. Видно ксендзь Гиляры, что вы усердно молитесь Богу что провиденіе оваряетъ васъ вдохновеніемъ свыше.

Дубовскій. Да, да—планъ великолѣпный.

Криницкій. Планъ, конечно хорошъ, но гдѣ, ксендзь пробошь, евреи возмутъ столько яду? Я думаю, что у нихъ нѣтъ запаса, а до ближайшей аптеки сорокъ верстъ, да въ аптекъ и не выдадутъ яду.

Сурскій. Пустое, пане полковникъ! Въ аптекъ ядъ возьмемъ силой.

Криницкій. Для того, чтобы взять ядъ силой, нужно снарядить въ Черниговъ, гдѣ ближайшая аптека экспедицію, а для этого потребуются времени не мнѣе двухъ или даже трехъ сутокъ, москали же могутъ явятся здѣсь даже чего добраго и завтра, и намъ не слѣдуетъ ослаблять себя.

Сурскій. Правда.

Ксендзь Гиляры. Но можетъ быть у евреевъ есть ядъ.

Сурскій. А вотъ, спросимъ. Лейбка! Лейбка!

Лейбка. Слушаю, ясне вельможный пане.

Сурскій. Есть у васъ ядъ?

Лейбка. Ядъ? Ой, вей! Къ чему вамъ ядъ?

Сурскій. Послѣ узнаешь, теперь же отвѣчай—есть ли у васъ ядъ, или нѣтъ?

Лейбка. Нѣтъ, ей Богу, нѣтъ! Къ чему вамъ ядъ?

Сурскій. Да видишь ли, мы хотимъ предложить вамъ въ награду за ваше усердіе весьма выгодную аферу. Мы выступимъ изъ мѣстечка, а когда прійдутъ сюда москаля, то вы, будто бы изъ усердія, предложите имъ водку и закуски и подсыпите яду. Мы будемъ недалеко, и когда москаля начнутъ околѣвать, то мы явимся и доколотимъ ихъ. Потомъ, въ награду за вашъ подвигъ, одежду, все имущество и московскую казну мы даримъ вамъ, а себѣ возьмемъ только оружіе.

Дейбка (въ сторону). Славно было бы, да портъ возьми, опасно. (Сурскому). Ахъ, какъ заль, что у насъ нѣтъ яду! Вотъ то славно было бы! Паны побѣдили бы, а намъ была бы славная пожива. Я себѣ воображаю, какъ бы это было хорошо: москаля мрутъ и лисъ только который либо изъ нихъ испустить духъ, я уже тутъ какъ тутъ, засовываю руку въ карманъ умерсаго и достаю вотъ этакій толстѣйшій бумазникъ, а въ бумазникѣ все сѣринкя, да сторублевня (вздыхаетъ) а позалуй я кошельки полные червонцевъ и полунимперяловъ! Ой, ваи! Пойду-ка я дождѣюсь, нѣтъ ли у кого изъ насихъ яду! (Ипожнвшисъ). Впрочемъ напрасный трудъ!—нѣтъ у насъ въ мѣстечкѣ яду. Ой, вей нѣтъ, нѣтъ!

Сурскій. Жаль, очень жаль.

Ксендзъ. Не вретъ ли жидъ?

Сурскій. Къ чему ему врать,—ихъ же была бы пожива.

Дубовскій. Правда, правда.

Павловскій. Жиды никогда не откажутся поживиться.

Криницкій. И такъ, хотя мнѣніе ксендза Гилараго и весьма достохвально, но на этотъ разъ, къ сожалѣнію, отъ его плана мы должны отказаться. Впрочемъ мы его будемъ имѣть въ виду и сейчасъ же сообщимъ эту богатую мысль въ Варшаву. Между тѣмъ, пока что, намъ нужно обдумать какимъ образомъ уничтожить москалей, которые, по слухамъ, находятся теперь не вдалекѣ отъ насъ.

Сурскій. Да что тутъ долго толковать! Завтра прійдетъ къ намъ на помощь отрядъ изъ Кременецкаго уѣзда, а послѣ завтра пойдемъ прямо на москалей, разобьемъ ихъ и дѣлу конецъ.

Станиславъ. Я согласенъ съ мнѣніемъ пана комиссара.

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло. Панове! Къ чему торопиться?

Дубовскій. Двумъ смертямъ онъ бывать, а одной не миновать!—пойдемъ на москалей!

Сурскій. И такъ большинствомъ голосовъ рѣшено, что послѣ завтра мы покончимъ съ москалями.

Станиславъ. Рѣшено, пане комиссаръ.

Павловскій. Дуракъ!

Криницкій. Мы это давно знаемъ, что нужно бить москалей; но нужно рѣшить какъ именно это сдѣлать, т. е.

нужно составить стратегическій планъ, опредѣливъ въ точности кому быть въ арьергардѣ, кому въ авангардѣ и такъ далѣе.

Сурскій. Вы военнопочиникъ, такъ это ваше дѣло. Распоряжайтесь, какъ знаете.

Криницкій. Нужно написать диспозицію; это принято во время военныхъ дѣйствій. Панъ адъютантъ! берите листъ бумаги и пишите.

(Брониславъ беретъ бумагу и перо).

Сурскій. Диктуйте, пане полковникъ.

Криницкій. Пишите, пане адъютантъ. Панъ Станиславъ съ пятидесятью отборными войнами будетъ въ авангардѣ.

Станиславъ. Отъ души благодарю васъ, пане полковникъ, за честь; надѣюсь доказать, что люблю ойчизну.

Павловскій *(въ сторону)*. Дуракъ,— дуракъ!

Криницкій. Я никогда не сомнѣвался въ вашей храбрости, благородный молодой человекъ. Панъ Павловскій съ частью пѣхоты будетъ начальствовать на правомъ крылѣ.

Павловскій *(въ сторону)*. Ахъ, обрѣжутъ мнѣ крылья! *(Сурскому)* Я не могу начальствовать крыломъ, я имѣю на то основательныя причины.

Криницкій. Какъ!—вы отказываетесь?

Павловскій. Увѣряю васъ, что я имѣю основательныя причины. Позвольте мнѣ объясниться. Известное дѣло, что во всякомъ дѣлѣ центръ, т. е. средоточіе, есть дѣломъ первой важности и что всѣ дѣйствія нужно принаравливать къ центру; а же старъ и подслѣповать, а такъ какъ крылья обыкновенно бывають далеко отъ центра, то я не только не въ состояніи буду принаравливаться къ центру, но даже не увижу его.

Дубовскій. Правда, правда!

Павловскій. Я пожертвую въ пользу ойчизны еще пять тысячъ, но позвольте мнѣ быть въ арьергардѣ.

Сурскій. А вѣдь панъ подполковникъ имѣетъ резонъ! Дѣйствительно, онъ не можетъ успѣшно распорядиться крыломъ, не видя центра.

Криницкій. Ну, хорошо;—правымъ крыломъ будетъ командовать панъ Дубовскій.

Дубовскій. Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать, хорошо—я буду командовать правымъ крыломъ.

Криницкій. Лѣвымъ крыломъ не хотите ли командовать вы, ксендзь Гилары? Мы дадимъ вамъ всадниковъ.

Ксендзь Гилары. Охотно.

Криницкій. Центромъ я буду командовать. Въ арьергардѣ, подъ начальствомъ пана Павловскаго, будутъ русины. Что же касается пана комиссара, то, по моему мнѣнію, ему слѣдуетъ быть въ арьергардѣ, обозрѣвать орлинымъ окомъ поле битвы, и въ тоже время писать въ Варшаву рапортъ о побѣдѣ, и представлять къ наградамъ болѣе отличившихся въ бою.

Сурскій. Хорошо, хорошо, пане полковникъ! Я напередъ обѣщаю представить всѣхъ въ генералы.

Криницкій. Покорнѣйше благодарю. Теперь я изложу вкратцѣ дальнѣйшій ходъ компаніи. Покончивъ съ незначительнымъ отрядомъ, который находится теперь не вдалекѣ, поидемъ въ Житомиръ, завоюемъ этотъ городъ, повѣсимъ тамъ губернатора, потомъ поидемъ въ Кіевъ и приступомъ возьмемъ эту крѣпость. Въ Кіевѣ оставимъ гарнизонъ и сами поидемъ помогать нашимъ отрядамъ, воюющимъ въ Литвѣ, гдѣ московскій главный начальникъ дерзаетъ не на шутку препятствовать нашимъ планамъ. Возьмемъ Брестъ и Бобруйскъ. Потомъ образуемъ три арміи: одну возлѣ Кіева—и завоюемъ Малороссію, вторую возлѣ Смоленска—и возьмемъ Москву, третью пошлемъ за Двину и будемъ угрожать Петербургу, а ежели москали будутъ продолжать упорствовать, то возьмемъ и этотъ городъ. Прогонимъ москалей за Волгу.

Ксендзъ Гиллары (*подсказывая*). И за Бѣлое море.

Криницкій. Не мѣшайте, ксендзъ Гиллары. И такъ, прогнавъ москалей за Волгу, мы великодушно предложимъ имъ миръ, откажемся отъ завоеванныхъ московскихъ провинцій—на чорта намъ эти кацапы—и восстановимъ Польшу только въ предѣлахъ 1612 года.

Станиславъ. Великолѣпный планъ! Вивать! Да здравствуетъ Польша!

Брониславъ. Вивать, вивать!

Дубовскій. Кохаймысь браця!

Сурскій. Вивать! подайте вина! (*Паны пьютъ и обнимаются*).

Станиславъ. Я вижу пыль столбомъ возлѣ роши.

Брониславъ. Вѣрно стадо гонять изъ пастбища.

Станиславъ. Не можетъ быть,—еще рано.

Павловскій. Гдѣ ты видишь? Я ничего не вижу.

Станиславъ. Это толпа пѣвшихъ людей.

Сурскій. Ужь не москали ли?!

Павловскій. Москали?—пане полковникъ, не лучше ли намъ отступить?

Дубовскій. Право, лучше отступить.

Станиславъ. Стыдно вамъ, стыдно!

Павловскій. Не суйся не въ свое дѣло!

Криницкій. Это москали,—я вижу, какъ блестятъ ихъ оружье. Къ оружью! Къ оружью!

(*Все прихдитъ въ движеніе, на площади страшная суматоха, жидаы и жидята прячутся въ корчмы*).

Дубовскій. Ахъ, Боже мой! Какъ шибко они приближаются!

Павловскій. Даже уже и я ихъ вижу (*Кричитъ что есть мочи*). Спасайся, кто какъ можетъ!

Криницкій. Такъ егомосьцъ подговариваетъ къ бѣгству! Сейчасъ же застрѣлю васъ.

Павловскій. Смилуйся, пане полковнику! (*Блѣжитъ*).

Криницкій. Жаль, что со мной нѣтъ моего револьвера. (*догнѣваетъ Павловскаго*).

Брониславъ. Я слышу выстрѣлы.

Станиславъ. Мимо меня пролетѣла пуля.

Дубовскій. Ой, ой, пули, какъ мухи лѣтають!... Ой, ой! жужжать, какъ комары!

Сурскій. Панове, умираю! (*падаетъ раненный*).

Ксендзь Гиллары. Въ самомъ дѣлѣ, намъ слѣдуетъ отступить; ихъ штуцера бьютъ за версту, а наши дубельтувки, известное дѣло, не хватають и трехсотъ шаговъ.... Іезусъ, Марія, Іузефъ свѣнты!... Я тоже раненъ! (*падаетъ, а вслѣдъ за нимъ еще нѣсколько человекъ*).

Брониславъ. Бьютъ нашихъ, какъ мухъ. Убѣжимъ, Станиславъ!—убѣжимъ скорѣй!

(*Криницкій, поймавъ Павловскаго тащитъ за воротъ на авансцену*).

Павловскій. Кругомъ смерть!

Криницкій. Только ради жены вашей и дѣтей дарую вамъ жизнь!

Павловскій. Охъ, не жартуйте, пане Криницкій, а лучше и сами спасайтесь. (*Опять хочетъ блѣжить*).

Вирный. Погодите, пане Павловскій! Не торопитесь! Гей, хлопцы! Вяжите-ка ихъ милость.

Степанъ. Всѣхъ перевяжемъ, всѣхъ до одного!

Вирный. Сдадимъ ихъ москалямъ.

Павловскій. Охъ Вирный, голубчикъ, смилуйся! Сто карбованцевъ дамъ.

Вирный. (*Не отвѣчая Павловскому*). Вяжите его! (*Крестьяне кидаются къ Павловскому и связываютъ ему назадъ руки*).

Станиславъ. (*Криницкому, который находится въ ольяннѣи*). Мы погибли! Коваки заняли мостъ и намъ отрѣзали путь къ отступленію!

Криницкій. (*Опомнившись*). Къ оружію, къ оружію! Перебьемъ прежде измѣнниковъ руссиновъ, а потомъ поидемъ на москалей.

Вирный. Свяжите, хлопцы, и старшину. (*Криницкій сопротивляется, но крестьяне обезоруживаютъ его, одолеваяють и вяжутъ*). Ахъ вы ляшки—панки съ вашими пустыми, соломенными головами! Не предсказывалъ ли я вамъ, что васъ скрутятъ? Теперь же, когда уже сбылось мое предсказаніе, такъ знайте, что отнынѣ и во вѣки вѣчныя народу нашему: ляшки—враги, москали—родные братья, а царь—нашъ отецъ и благодѣтель!

(*Занавѣсъ опускается*).

Н. Д. Шугаринъ.

НѢТЬ БОЛѢЕ ПОЛЬШИ! (1)

Отъ переводчицы.

Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1865 года во французской литературѣ появилось сочиненіе одного изъ участниковъ — любителей въ послѣднемъ шляхетско-польскомъ мятежѣ, француза, Луціана Фука. Для каждаго изъ русскихъ интересъ этой книги несомнѣненъ: это чуть-ли не первое сочиненіе во французской литературѣ, которое имѣетъ правдивый и вѣрный взглядъ на мятежъ, на край и на польскую народность. Забудьте, что это пишетъ бывшій инсургентъ, а слѣдовательно бывшій сторонникъ поляковъ, не имѣвшій, конечно, побужденій говорить объ нихъ неправду и льстить ихъ непріятелямъ. Въ предлагаемомъ нами извлеченіи изъ этого сочиненія, мы старались сохранить всѣ основныя мысли автора, выбирая мѣста, рельефнѣе обрисовываемыя, стараясь въ то же время выбрать самыя несомнѣнныя факты, приводимыя въ подтвержденіе, и за тѣмъ пропши молчаніемъ обыкновенное французское резервство и болтовню.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

3-го апрѣля 1864 года въ газетѣ «La Presse» было напечатано: «Мы получили отъ г-на Луціана Фука, служившаго майоромъ въ рядахъ польской инсургенціи отъ апрѣля до сентября 1863 года, слѣдующее письмо:

Марсель, 25 марта 1864 г.

«Возвращаюсь изъ Польши, гдѣ я сражался съ москалями отъ апрѣля до сентября 1863 г. Опасно раненный 8 сентября при Туробинѣ, когда былъ убитъ Лелевель, я остался плѣнникомъ у русскихъ до октября, пока здоровье не позволило мнѣ

(1) Послѣ тѣхъ лжей и клеветъ, которыми переполнена была французская пресса на счетъ польскаго бунта, для насъ и частью для всѣхъ Европы имѣетъ особенное значеніе сочиненіе Луціана Фука, а намъ вѣроятно для началецъ, послѣ безпристрастнаго отзыва англичанина Вилькинсона, помѣстить полный же отзывъ о Польшѣ и ея мятежѣ французъ Фука. Гармонія возвращеній ихъ на предметъ, окончательное его изученіе, ручаются за несомнѣнность истины, неискаженной, подобно другимъ отзывамъ французской и англійской прессы, купленнымъ или безмязднымъ вострастеніемъ или невѣдѣніемъ.

возвратиться во Францію. Проѣзжая Галицію, я былъ взятъ австрійцами и посаженъ въ краковскую крѣпость; но въ ноябрь того же года мнѣ удалось однако вернуться въ отечество. Прибывъ во Францію, я былъ пораженъ невѣжествомъ отечественной журналистики: между всѣми писателями не нашлось ни одного, который бы честно и открыто разъяснилъ положеніе дѣлъ,—напротивъ почти всѣ безъ исключенія старались запутать и скрыть его передъ глазами публики, и изъ всѣхъ многочисленныхъ журналовъ только одна La Presse осмѣливается говорить правду. Все, что до сихъ поръ было писано въ пользу польскаго народа, есть въ сущности собраніе ложныхъ взглядовъ и убѣжденій, происходящихъ отъ невѣрныхъ данныхъ. Парижскій инсurreкціонный комитетъ принялъ за правило удалять всѣхъ иностранцевъ, которые могли бы вблизи присматриваться къ польской націи и печатать потомъ результаты своихъ наблюденій. Небольшое число французовъ, прибывшихъ въ Польшу, должны были содержаться въ бандахъ на свой счетъ, что и ставило ихъ въ необходимость тотчасъ-же возвращаться.

Я оставался однимъ изъ послѣднихъ, слѣдовательно могу скорѣе чѣмъ кто-либо дать точныя свѣдѣнія и доказать ихъ самими неопроверженными фактами, а потому я рѣшился издать свои записки, раздѣливъ ихъ на семь отдѣльныхъ частей:

- 1) Общій взглядъ на край и на дѣла въ немъ происходящія.
- 2) Подробное изученіе всѣхъ классовъ польскаго народа, разборъ понятій, надеждъ, обычаевъ каждаго изъ нихъ и связывающія ихъ общественныя отношенія.
- 3) Цивилизація поляковъ въ настоящемъ положеніи и въ положеніи, которое они сами ей приписываютъ.
- 4) Что такое въ сущности инсurreкція.
- 5) Далѣе, доказываю, что польская нація ограничивается нѣсколькими тысячами дворянъ съ фанатико-деспотическими и отсталыми убѣжденіями, тогда какъ въ Россіи идеи лучшихъ мыслителей положительно демократическія, и что потому Польша не можетъ быть въ числѣ европейскихъ государствъ.
- 6) На основаніи предвѣдущаго, я дѣлаю значительныя выписки, съ ясными доводами истины моихъ положеній, не боясь нападенія и заранѣе принимая на себя отвѣтственность за все, мною сказанное.
- 7) Наконецъ я окончиваю свои записки историческою за-

мѣткою, въ которой провожу параллель между Польшею и Россією.

Рукопись мою передать вамъ одинъ изъ служившихъ въ Польшѣ постоянно подъ моимъ начальствомъ

Примите и т. д.

Луціанъ Фукс.

Это письмо заключало въ себѣ основную мысль моего труда. На другой день газета Siecle отвѣчала между прочимъ, что ни рассудокъ, ни честность не должны позволить газетѣ La Presse «задѣвать уважаемыхъ людей, составляющихъ польскій комитетъ, и называть лживыми журналами тѣ, которые съ самаго начала возстанія (напрасно русскіе пробуютъ подавить его) не выставили ни одного факта бездоказательно» и т. д. Едва-ли найдутся сочувствующіе такимъ восклицаніямъ.

Любопытно было-бы знать: поднимется ли еще когданибудь польскій вопросъ. Но если поднимется, то и необходимо, чтобы всѣ тѣ, которые сколько нибудь знакомы съ Польшею, доставляли свѣдѣнія о настоящемъ положеніи этого края, какъ стараюсь дѣлать это я, рѣшаясь напечатать свои замѣтки, дабы разъ навсегда этотъ вопросъ былъ окончательно обсужденъ и рѣшенъ, въ виду его дѣйствительной важности. Конечно, необходимо, чтобы эти свѣдѣнія были непреложною истиною и основывались на личныхъ наблюденіяхъ; чтобы понять духъ народа, оцѣнить его врожденныя побужденія и наклонности, необходимо жить тою жизнью, которая двигаетъ этотъ народъ, дѣлать его привычки и подчиняться мѣстнымъ обычаямъ. За свой трудъ я могу поручиться, потому что, какъ инсургентъ—иностранецъ, я не могъ не жить народною польскою жизнію, а слѣдовательно имѣлъ возможность пристально приглядѣться ко всему. Далѣе, кромѣ бытности моей въ Польшѣ, я ранѣе перешелъ чрезъ всѣ строгія инсurreкціонныя испытанія въ Италіи, а слѣдовательно былъ въ этомъ дѣлѣ не повичекъ, и если у меня составилось непоколебимое убѣжденіе, то значить оно имѣетъ прочное основаніе.

Послѣ напечатанія начала моего труда, появились въ разныхъ газетахъ порицанія его, а потому, въ видѣ предисловія къ моему сочиненію, не лишнимъ считаю передать отрывки замѣчательнаго письма, помѣщеннаго 12 апрѣля въ газетѣ la Presse однимъ изъ ревностныхъ моихъ защитниковъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ.

Парижъ, 4-го апрѣля 1864 г.

«Несправедливо было бы утверждать, что я сдѣлалъ польскимъ волонтеромъ, единственно увлекшись передовыми статьями нѣкоторыхъ журналовъ: я всегда думалъ, что польская нація угнетена и, воскреснувъ рано или поздно, должна смѣло идти подъ знаменемъ свободы по пути прогресса и либерализма. Но я не зналъ тогда исторіи этой націи и, надѣясь на восстановленіе ея, сталъ въ ряды инсургентовъ. Въ самомъ началѣ, я былъ пораженъ однимъ обстоятельствомъ: парижскій комитетъ не только не снабдилъ меня необходимыми свѣдѣніями, но, напротивъ, всѣми мѣрами старался отвлечь отъ моего предпріятія, говоря, что Польша не нуждается въ помощникахъ. Далѣе, я узналъ, что болѣе 7,000 наемниковъ, записанныхъ въ комитетѣ г. Аркуръ, не отправились въ Польшу, по причинѣ очень понятной: польскій народный жондъ, стремясь къ одной цѣли, т. е. восстановленію деспотической власти, не могъ окружить себя такими либеральными людьми, какъ парижане. Въ Краковѣ я былъ не менѣе удивленъ: вмѣсто того, чтобы застать громадную дѣятельность и видѣть во всемъ вліяніе учредительной комиссіи, я встрѣтилъ только сотни пролетаріевъ различныхъ націй, венгерцовъ, молдованъ, итальянцевъ и т. д., шатающихся по кабинетамъ, а нелѣпный комитетъ ошупью работалъ по составленному заранее плану, не соображаясь съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Тогда грубая политика краковского комитета стала мнѣ вполнѣ понятна: почти каждый мѣсяцъ имъ собирались сотни наемщиковъ, вооружались ружьями и бросались на границы, откуда послѣ незначительной стычки, разбитые и разсѣянные русскими войсками, возвращались снова въ Краковъ, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ возобновить свои нападенія; цѣль комитета между тѣмъ была достигнута: слѣдовало, во чтобы то ни стало, сдѣлать какую нибудь демонстрацію на границахъ, чтобы затѣмъ послать телеграмму въ Парижъ съ извѣстіями о баснословныхъ побѣдахъ и дать возможность журналамъ разсыпаться въ восклицаніяхъ: «Какова сила возстанія?! Не смотря на жестокость москалей, инсurreкція не прекращается, и храбрые поляки снова одержали блистательную побѣду!!!»

И дѣйствительно, національное польское правительство, дѣлая вызвать вмѣшательство Франціи тщательно старается какъ можно болѣе поддержать возстаніе, и надо правду ска-

заявить, что учредивъ центръ инсurreкціи въ Галиціи, г. е. внѣ русскаго вліянія, дала тѣмъ ей всѣ средства къ продолжительному существованію: польскимъ мужикамъ никогда не приходило въ голову съ оружіемъ идти на русскихъ и разорять самихъ себя въ виду интересовъ своихъ пановъ. Часто въ деревняхъ мужички не давали намъ даже куска хлѣба и ополчались на насъ съ крикомъ: «Экіе псы, а еще благородные!» Польскіе волонтеры дурно вооружены, находятся подъ управленіемъ самыхъ неспособныхъ начальниковъ, и всѣ усилія правильно организовать эти шайки остались тщетными. Говоря исключительно о жизни мятежниковъ, не лишнимъ считаю прибавить, что ни одинъ походъ не продолжался болѣе восьми дней сряду. Послѣ первой встрѣчи съ русскими, сопровождаемой обыкновенно пораженіемъ, мы разбѣгались. Далѣе надо-ли еще прибавить, что знаменитые польскіе косичеры и зуавы существовали только на картинкахъ различныхъ журналовъ и въ плодovitомъ воображеніи ихъ достопочтенныхъ корреспондентовъ. Народъ польскій вовсе не сочувствовалъ движенію пановъ, и очень понятно почему: со временъ феодалнаго управленія, когда еще самое невыносимое иго тяготѣло надъ несчастными крѣпостниками вплоть до 17 столѣтія, когда мужикъ уподоблялся животному, съ тѣхъ еще поръ произошелъ окончательный нравственный разрывъ польскихъ крестьянъ съ ихъ владѣльцами и, естественно, что мужики страшатся инсurreкціи, прямымъ слѣдствіемъ которой будетъ возобновленіе прежняго порядка вещей, т. е. возвращенія барщины, притѣсненія и жестокаго, безграничнаго деспотизма. Вотъ почему я утверждаю, что крестьянъ-инсургентовъ нѣтъ, и что послѣдніе не болѣе какъ наемники выходцы изъ венгерцовъ, немцѣющихъ средствъ возвратиться на родину, французовъ, чиловъ не болѣе пятнадцати, зарпѣе предназначенныхъ на полицейскія мѣста, и служащихъ подъ вымышленными именами, какъ и самъ Делевель (1), и наконецъ изъ мелкихъ польскихъ дворянъ шляхты, для которыхъ возстаніе не болѣе какъ средство къ поживѣ. Я часто задавалъ себѣ вопросъ: что станетъ съ этими инсургентами, когда совершенно погаснетъ возстаніе? и приходилъ къ тому заключенію, что они

(1) Делевель тщательно скрывалъ свое настоящее имя и оно до сихъ поръ неизвѣстно.

волокительно умереть съ голода. Если прибавимъ нѣсколько тысячъ дворянъ, которые составляютъ комитеты, закупаютъ и перевозятъ оружіе и боевые запасы,— то передъ нами *ося польская инсurreкція*. И эту горсть дворянъ называютъ *польской націей*, тогда какъ сотрудники ихъ и русскіе, и австрійцы, и пруссаки, и кто хотите, но только не народный польскій элементъ.

Напрасно думаютъ, что глава народоваго жонда живетъ въ Варшавѣ; мы ежедневно видѣли курьеровъ, снабженныхъ инструкціями и бумагами, выѣзжающихъ изъ Польши и призывавшихъ затѣмъ приказанія высшаго подземнаго правительства. Да и къ чему было-бы жонду подвергать себя опасности, скрываясь въ Варшавѣ, когда во всѣхъ вонцахъ Европы, онъ могъ расположиться совершенно покойно. Конечно, въ Варшавѣ, какъ и въ другихъ городахъ, собирались комитеты, но главные зачинщики были внѣ отечества. Изъ всего сказаннаго выводимъ заключеніе, во 1) польская нація — мечта, во 2), что восстановить Польши, или правильнѣе сказать, передать господство русскихъ на польской землѣ панамъ, невозможно.

Теперь становится ясно, что это *пробужденіе народа*— не что иное какъ искусно устроенный хитрыми и алчными людьми заговоръ, очень вѣрно названный интригою дворянъ и ксендзовъ. Послѣдніе въ Польшѣ имѣютъ громадное вліяніе надъ женщиною, въ свою очередь польская женщина держитъ въ рукахъ и управляетъ мужскимъ поломъ, и такимъ образомъ возстаніе, возбужденное главнымъ образомъ фанатиками-ксендами, имѣетъ характеръ чисто религіозный. Чрезвычайно странно, что Франція, сочувствуетъ людямъ совершенно ложнаго направленія и принимаетъ ихъ за особую національность.

Русскимъ приписываютъ жестокость, но въ сущности русскіе, какъ и другіе народы, были поставлены въ необходимость исполнять жестокія обязанности войны, которая не можетъ обойтись безъ кровопролитія. Нельзя оправдывать того, что достойно порицанія: преслѣдованіе женщинъ существуетъ, по употребленію кнута—сушая выдумка. Въ жестокости поляки превосходили русскихъ; если къ намъ въ руки попадались непріятельскіе солдаты,— мы ихъ вѣшали и вообще, если кто стѣснялъ насъ, будь онъ даже полякъ, мы находили средства отъ него избавиться. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ членовъ Краковского комитета точилъ ножъ, ч.оы зарѣзать главнаго

начальника австрійской полиціи *Сістовскаго*. При мнѣ также разстрѣляли во дворѣ одного замка поляка-начальника, за то, что онъ заявилъ жонду какія-то претензіи. *А. Калавазз.*

Но этимъ письмомъ мои соперники не удовольствовались и 13 апрѣля, мы прочли слѣдующія письма въ газетѣ *Siecle*:

І-е ПИСЬМО.

«Надѣюсь, что намъ, какъ служащимъ въ отрядѣ Лелевеля офицерамъ позволено будетъ передать въ точности тѣ факты, на которыхъ г. Луціану Фуку измѣняетъ память. — Я служилъ капитаномъ, въ качествѣ адъютанта Лелевеля, отъ начала до конца инсurreкціи и лично зная весь составъ его отряда, могу засвидѣтельствовать, что ни одного француза подъ именемъ *Фукъ* у насъ не было, и что 8 септября сраженіе при Туробинѣ не могло быть, такъ какъ 6 числа, въ моемъ присутствіи, Лелевель былъ убитъ при Баторзѣ, и весь отрядъ его тотчасъ разбѣжался. Я отвѣчаю честью за справедливость моихъ показаній. Въ концѣ моего письма выставлены мое имя и мой адресъ; но такъ какъ у меня въ Польшѣ есть родные, то мнѣ хотѣлось, чтобы фамилія моя не была напечатана, дабы этимъ не подвергнуть родственниковъ преслѣдованію русскихъ властей.»

II-е ПИСЬМО.

Я командовалъ отдѣльною частью отряда Лелевеля, и послѣднее время находился вблизи отъ главнаго корпуса. 6-го септября при Баторзѣ бой начался съ моего отряда, и въ началѣ сраженія я былъ опасно раненъ; гораздо позже я узналъ, что въ то же время былъ убитъ Лелевель. Утверждаю также, какъ и товарищъ мой *S.*, что ни въ корпусѣ Лелевеля, ни въ цѣлой Галиціи не было француза Луціана Фука. Мы принуждены скрыть то чувство, которое намъ внушаетъ только что прочтенное нами отъ 3 апрѣля письмо, но надѣмся, что представится случай вполне выразить это чувство тому, кто возбудилъ его.

Подпись-же мою я позволяю всюду печатать.

Командующій отдѣльнымъ отрядомъ резервнаго корпуса г. Лелевеля

Владиславъ Островскій.

P. S. Мы находимъ лишнимъ отвѣчать на письма, такъ какъ готовы подтвердить свои показанія въ присутствіи господъ *Калаваза* и *Фука*.

Не смотря однако на такія рѣзкія выходки господъ поляковъ, у меня тотчасъ появились защитники въ газетѣ «le Nord», а Presse посѣщала изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное этою пошlostью, напечатавъ слѣдующее: «Мы могли бы тотчасъ опровергнуть показанія господъ поляковъ такъ какъ г. Калавазъ, служившій постоянно псдъ начальствомъ г-на Фука въ Польшѣ, теперь находится въ Парижѣ; но мы ожидаемъ отвѣта изъ Марсеи и надеемся, что получимъ подробное описаніе сраженія 8 сентября 1863 года, которое уже разъ было напечатано въ 1863 году въ Presse, и не вызвало никакихъ возраженій. На правдивость г. Фука пало подозрѣніе, но мы увѣрены, что онъ сумѣетъ присыдтить тѣхъ, которые бездоказательно обвиняють его во лжи.»

Надо замѣтить, что, во время войны, мои письма помѣщались въ разныхъ журналахъ, но никто не думалъ опровергать ихъ, на томъ основаніи, что я писалъ въ духъ польскихъ партизановъ, и въ случаѣ надобности нашелъ бы подтвержденіе всему, о чемъ я ни писалъ, хотя бы даже и прогивъ убѣжденій. Хорошо знакомый съ тактикою поляковъ, я не былъ удивленъ случившимся, но тотчасъ посѣщилъ отвѣтить и оправдать себя, говоря, что, какъ иностранецъ, я легко могъ ошибиться названіемъ мѣста сраженія, потому что въ Польшѣ имена мѣстъ не такъ точно обозначены какъ во Франціи. Противуположные концы Туробина и Баторза находится на разстояніи 7 французскихъ лье. Сраженіе происходило въ юго-восточной сторонѣ Баторза и послѣдніе солдаты были захвачены въ Туробинѣ, такъ какъ русскіе пресѣкли отступленіе въ лѣсъ, составляющій границу Галиціи. Я принадлежалъ къ шайкѣ К..., разсыпанной за нѣсколько дней до пораженія Лелевеля. Сопровождаемый нѣсколькими иностранцами, которые впоследствии были всѣ убиты, я прибылъ на мѣсто сраженія, не смотря на то, что имѣлъ еще время скрыться, тогда какъ всѣ бывшіе съ нами поляки не послѣдовали нашему примѣру, а сочли за лучшее бѣжать куда глаза глядятъ. И такъ, возвращаясь къ мѣсту сраженія, я подтверждаю, что не въ одномъ только этомъ случаѣ одно и то же сраженіе обозначалось нѣсколькими различными названіями; да вдобавокъ и сами эти господа развѣ не могли ошибиться. Допуская, однако, что вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ, память могла измѣнить мнѣ,— и я ошибся числомъ, позволяю

себѣ однако совершенно основательно замѣтить, что это обстоятельство не могло нисколько измѣнить положенія дѣлъ въ Польшѣ, и что для общества все равно былъ-ли я маіоромъ или чѣмъ другимъ служилъ тамъ. Правду сказать, я очень мало горжусь этимъ титуломъ, потому что въ толпѣ возставшихъ, названныхъ *польскою армією*, большая часть генераловъ не была бы въ состояніи выполнить обязанности капрала, и даже не отъ незнанія дѣла, а отъ неспособности. Въ этомъ случаѣ припоминаю старинную французскую пословицу: «въ царствѣ слѣпыхъ и кривой будетъ королемъ.»

И такъ весь вопросъ заключается въ томъ дѣйствительно ли я былъ участникомъ въ польской инсургенціи, что я берусь доказать неоспоримыми фактами, припоминая вмѣстѣ съ тѣмъ господамъ полякамъ, что всѣ французы, какъ я говорилъ выше, служили не подъ своимъ именемъ. Если-же отвѣтъ мой не удовлетворитъ господъ поляковъ, то они могутъ адресоваться прямо ко мнѣ для личнаго объясненія. Обращаюсь къ панамъ С. и Островскому. Господа! по видимому серьезное нападеніе ваше вызываетъ съ моей стороны положительное оправданіе. Вамъ, быть можетъ, было легко получить черезъ ваши связи, удостовѣреніе въ томъ, что вы дѣйствительно служили подъ началомъ Лелевеля, и что послѣдній былъ убитъ не 8-го числа въ Туробинѣ, а 6 въ Баторцѣ. Далѣе вамъ, конечно, хорошо извѣстно, гдѣ произойдетъ дѣланіе фальшивыхъ документовъ, которые въ послѣдніе три года обманываютъ всю Европу; что-же касается меня, то мнѣ рѣшительно невозможно обвинить васъ во лжи въ такомъ мелочномъ обстоятельстве и я ограничусь ясными доводами того факта, что къ несчастію принималъ участіе въ польской инсургенціи. Если-бы въ тотъ день, когда я былъ взятъ въ плѣнъ русскими, я послѣдовалъ общему примѣру и обратился въ бѣгство, то у меня и до сихъ поръ сохранились бы многія приказанія и документы, объясняющія до мельчайшей подробности даже самые маловажные факты! Къ несчастію, обычная храбрость неопытныхъ французовъ много помедлила намъ: когда герои патріоты обратились въ постыдное бѣгство, мы послѣдними оставались на полѣ сраженія и, очень ясно, — попадали или въ плѣнъ или платились жизнью за свою храбрость. Однако документы, говорящіе о моей личности, не лишены нѣкоторой важности, и такъ

какъ я намѣренъ приступить къ изслѣдованію этого вопроса, то вотъ изъ чего они состоятъ:

1. Три письма г. Казимира Остоѣа, секретаря парижскаго польскаго комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Брандзаго.

2. Письмо отъ г. Восяжели, президента цюрихскаго комитета, въ Швейцаріи.

3. Письмо изъ канцеляріи одного значительнаго лица, имя котораго я обязанъ скрыть для приличія.

4. Письмо г. Вавина, вице-президента французскаго комитета, подъ предсѣдательствомъ герцога Аркуръ.

5. Приказы комиссаровъ варшавскаго комитета, въ люблинскомъ палатинатѣ, и предписанія мѣстнымъ жителямъ — снабжать меня лошадьми и экипажами.

6. Биѣтъ, открывающій мнѣ доступъ въ одному изъ членовъ революціоннаго комитета и маршрутъ подписанный всѣма извѣстною личностію въ Галиціи.

7. Письма гг. Мезонъ, Артинь, Калавазъ, Дагеза, Бакъ и другихъ, которые могутъ формально заявить о томъ, что звали меня и служили въ одно со мною время въ Польшѣ.

8. Письмо отъ г. Каминскаго, изъ парижскаго комитета.

9. Списокъ инсургентовъ, завербованныхъ въ Краковѣ.

10. Множество писемъ со штемпелями польскихъ почтъ, адресованныхъ или на мое настоящее имя, или на вымышленное, подъ которыми я скрывалъ свое происхожденіе. Между этими письмами было одно отъ должностнаго чиновника, состоящаго на австрійской службѣ, которое я подвергаю суду публики.

Милостивый Государь,

Посылаю вамъ саблю вашу по почтѣ. Это вѣрнѣе чѣмъ всякимъ другимъ путемъ. Неужели вы рѣшились насъ совсѣмъ оставить? Если-бы я (ничтожный атомъ польской націи) могъ удержать васъ здѣсь, то считалъ бы себя счастливейшимъ человекомъ, зная какъ вы можете быть полезны въ правомъ дѣлѣ нашего несчастнаго отечества. Мы находимся нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ людей безчестныхъ, называющихъ себя патриотами, и къ несчастію это горькая истина! Вы жалуетесь на то, что видѣли, но не думайте, что эгоизмъ и недоброжелательство — въ характерѣ поляковъ. Вы напали на людей тупоумныхъ, которые не сумѣли оцѣнить вашего само-

отверженія; но простите имъ: они не патріоты. Надѣюсь, что вы перемѣните еще свое рѣшеніе. Прошу васъ принять и т. д.
Р. М.

Я получилъ это письмо въ то время, когда собирался перейти границу, для присоединенія къ одной изъ бандъ. Р. М. намекалъ на одинъ разговоръ, въ которомъ я высказалъ ему мое намѣреніе возвратиться во Францію и сдѣлаться врагомъ польскаго вопроса, что и случилось. Молодой-же человекъ, проповѣдующій мнѣ, разбитому тѣломъ и терпящему всевозможныя лишенія, о моемъ эгоизмѣ и о большемъ самоотверженіи, былъ свѣжій и здоровый малый, который за цѣлос царство, не пожертвовалъ бы своимъ домашнимъ благосостояніемъ. Онъ не сдѣлалъ для отечества и сотой части того, что дѣлаетъ всѣкій иностранецъ; да правду сказать, всѣ они были схожи между собою.

11. Мой паспортъ, засвидѣтельствованный и скрѣпленный русскою полиціею, которая не забыла приложить къ нему неслгладимое клеймо своего герба.

12. Наконецъ, ко всему этому можно присоединить медицинское свидѣтельство того доктора, который меня лѣчитъ, и удостовѣреніе всѣхъ лицъ перписывавшихся со мною во время компаніи (1).

Изъ всего приведеннаго выше вы можете удостовѣриться, господа, что я сражался въ виду интересовъ вашего отечества. Вы утверждаете, что не знаете меня. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? То, — что и я васъ не знаю. Вы отталкиваете волонтеровъ-иностранцевъ, которые были на столько глупы, что честно служили вамъ? За то теперь во Франціи всѣ скоро поймутъ окончательно, изъ за-чего вы бѣгаете, и такъ какъ мы болѣе всего любимъ наше отечество и наши граждане не захотятъ жертвовать спокойствіемъ его, какъ это дѣлаютъ польскіе вельможи, то и понятно, что положеніе ваше и роль, которую вы до сихъ поръ играете передъ французами, выясняясь болѣе и болѣе, становится не совсѣмъ завидною. Правду ска-

(1) Страннымъ можетъ показаться, что, прослужа въ оберъ-офицерскомъ чинѣ польской арміи, я не прилагаю грамоты отъ начальства, но онѣ были конфискованы русскими. Всѣ бумаги съ гербомъ подзѣмнаго правительства не имѣли большой силы, такъ какъ, при первой опасности, мы должны были уничтожать ихъ.

затѣ, я весьма доволенъ, что вы услышали обо мнѣ только во Франціи, гдѣ оружіемъ владѣютъ честно, и гдѣ изъ за угла неубиваютъ, здѣсь жондѣ не отравить меня, какъ опъ это сдѣлалъ съ отцемъ Павловскимъ, не зарѣжетъ, — какъ Куцпинскаго, и не поразитъ топоромъ какъ генерала Трепова. Рано или поздно правда всплыветъ, не смотря на всѣ ваши старанія скрыть ее, и общество удостовѣрится, что оно было долгое время обманываемо вашимиъ іезуитизмомъ. Однако пора прекратить этотъ щекотливый разговоръ. Какъ только здоровье позволитъ мнѣ возвратиться въ Парижъ, я буду имѣть честь лично съ вами объясняться, и если тогда вы будете считатьъ себя еще не удовлетворенными, — мы найдемъ средство съ вами расквитаться.

Въ ожиданіи пріятнаго свиданія, прошу принять увѣреніе въ совершенной готовности и т. д.

Луціанъ Фукъ.

Черезъ нѣсколько времени я увѣдомилъ гг. С. и Островскаго, что не намѣренъ оглазить безъ послѣдствія начатаго дѣла. Къ несчастію, глубокая рана въ груди, требующая ежедневной перевязки, лишаетъ меня возможности пріѣхать въ Парижъ. Кромѣ того, на нѣкоторое время закрывшаяся рана въ правомъ бедрѣ, нанесенная штыкомъ, снова открылась, и я не въ состояніи перенести 20-ти часовой переезда. Эти обстоятельства хорошо извѣстны жителямъ Марселя, которые всѣ меня знаютъ и уважаютъ. На слѣдующій день въ газетѣ „Presse“ было напечатано, что въ редакціи получено много писемъ, утверждающихъ, что въ польской арміи дѣйствительно служитъ Луціанъ Фукъ, и что представленный мною документъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній въ справедливости (1). Но „Siecle“ этимъ не удо-

(1) Я передаю здѣсь мое благодарное письмо, г. Эмилю Мезонъ, за его благородное заступничество въ моемъ дѣлѣ: „Мы встрѣчались съ вами два раза: въ Италіи и Польшѣ, т. е. въ двухъ противоположныхъ концахъ Европы, гдѣ думали найти угнетенные народы, которые справедливо домогаются своихъ правъ. Въ первый разъ — мы не ошиблись, потому что въ Италіи движеніе было вызвано самою жизнью. Во второй-же разъ мы положительно были въ заблужденіи. Польскій народъ, или точнѣе говоря, шляхта, домогался не возстановленія, а конституціи. Безпечность, фанатизмъ и нерадѣніе поляковъ-дворянъ, вслѣдъ объясняютъ преданность и въру крестьянъ

вольствовалась, и напечатала, что въ отвѣтъ на представленныя мною документы, она имѣетъ таковыя-же, и готова представить ихъ на судъ общества. Это общество давно убѣдилось въ недобросовѣстности газеты „Siècle“ конечно, стоитъ только быть немного способнымъ или проумѣть поболтать, и пачканіе бумаги несравненно будетъ удѣнѣе, чѣмъ подвергаться опасности участвовать въ компаніи въ видахъ демократическихъ партій. Въ качествѣ французскаго гражданина, я всемъ пожертвовалъ, что у меня было для польскаго вопроса, и даже болѣе чѣмъ могъ; но въ неурядицѣхъ этой войны мнѣ ничего не доставило. Однимъ словомъ... я обѣднѣлъ..., и хотя это не безчестно, но въ иныхъ случаяхъ очень неурядицѣхъ. Изъ всего предъидущаго я

въ русское правительство, неутомимо старающееся соединить поляковъ и сформировать изъ нихъ народъ. Мы не увлекаемся самолюбіемъ и эгоизмомъ, и по мѣрѣ возможности стараемся выказать французамъ вещи въ ихъ действительномъ видѣ, къ несчастію цѣль наша дурно понята, и правда съ трудомъ выплываетъ. Отчаиваться не стоитъ! Рано или поздно истина восторжествуетъ, если такіе благородные люди, какъ вы, будутъ о томъ стараться. Не странно-ли, что всѣ истинные поляки возвращаются изъ Польши, и совершенно одинаково судятъ о насъ? И не странно ли еще тогда кажутся тѣ претворенія, которыя встрѣчаютъ ихъ.

Еще разъ приношу вамъ душевную благодарность, и при случаѣ разсчитывать на меня.

Луціанъ Фукъ.

Говоря о письмѣ я долженъ признаться, что г. Э. М. разстался съ инсurreкціею не потому, чтобы его личныя устремленія измѣнились, напротивъ цѣль для него остается та же, но онъ не одобряетъ средства къ достиженію ея, и въ этомъ мы съ нимъ не сходимся. Онъ желаетъ и считаетъ возможнымъ освобожденіе сословія съ содѣйствіемъ крестьянъ, а главною цѣлью остается по-прежнему защитникомъ польской національности. Тѣмъ болѣе его отзывъ обо мнѣ имѣетъ силу и тѣмъ меньше можно заподозрить въ пристрастіи ко мнѣ. Впрочемъ, до того самаго долгое время былъ такихъ убѣжденій и уже впоследствии отказался отъ нихъ, когда опыты довольно ясно показали мнѣ, что среднее сословіе не могло существовать подъ вліяніемъ папства и р.-католическаго духовенства. Характеръ М. Ляковъ и евреевъ до того схожъ между собою въ отсталыхъ взглядахъ, что, казалось бы, этимъ народамъ суждено было быть рука объ руку. Это фактъ, который признанъ не однимъ мною.

нѣ такое заключеніе: во 1-хъ, что надо себя вести чрезвычайно осторожно относительно журналовъ, защищающихъ интересы національности, и во 2-хъ, что господа поляки потому такъ серьезно обратили вниманіе на мой трудъ и такъ кричатъ обо мнѣ въ журналахъ, что я первый выказалъ горькую истину объ ихъ отечествѣ. Но не думаю, чтобы подобная система газетныхъ криковъ могла много затронуть инсуррекцію. Во всякомъ случаѣ я заявляю, что тогда я сойду съ каеедры, когда противники поставятъ меня въ возможность дѣйствовать физически и морально. Пора, чтобы всѣ узналъ наконецъ, что дѣйствительно происходи́тъ въ Польшѣ: люди безпристрастные сознаютъ, гдѣ истина, въ моемъ рассказѣ, или въ басняхъ газеты Siecle.

Въ то время, какъ я кончалъ предисловіе въ которомъ хотѣлъ объяснить читателямъ права мои на разбирательство скаго вопроса, дошло до моего слуха, что соперники мои заговариваютъ противъ меня какую-то интригу. Пробовали даже разпустить слухъ, что Фукъ не существовалъ въ Польскаго полку, говорили, что есть Фукъ, служащій офицеромъ въ Императорской гвардіи, но что онъ все время находится безвѣстно въ полку. На это возразили, что у гвардейскаго офицера г. Евгенія Фукъ есть братъ, который въ апрѣлѣ 1863 г. явился въ Польшу. Тогда поляки стали говорить, что, конечно, какой нибудь интриганъ врался въ Польшу подъ именемъ Фука; спрашивается, какимъ-же образомъ гг. С. и П. утверждаютъ, что имя Фукъ не было извѣстно въ Польшѣ? Для разъясненія такихъ недоразумѣній, всѣ возвращающіеся изъ Польши французы намѣрены прислать адресъ за подписью противъ польской партіи (1). Нечего, по-

Ихъ участникомъ—иностраницевъ въ польской инсуррекціи, особенно замѣчательнъ г. Рошебрюнъ, который скрылся въ Польшу въ апрѣлѣ 1863 года, какъ извѣстно по слухамъ, вѣдѣнтіе много же моему разочарованію во взглядѣ на польскій вѣкъ. Напечатанная въ газетѣ Presse прокламація генерала Рошебрюнъ къ полякамъ служить доказательствомъ, что онъ чувствовалъ демократическую партію, въ главѣ которой стоялъ Мѣрославскій. Вотъ эта прокламація.

Парижъ, 14 апрѣля 1863 года.

Поляки!

Послѣ арестованія диктатора Лангевича я съ мною коленомъ, думая присоединиться къ Мѣрославскому. Но, погово-

слѣ всего представленнаго читателямъ, и говорить, что всѣ обвиненія противъ меня идутъ отъ поляковъ. Навѣрное въ журналахъ, защищающихъ польскій вопросъ, на дняхъ будутъ напечатано, что авторъ статьи «Нѣтъ больше Польши!» не кто иной, какъ убійца президента Пуанево! и тому подобное. Но такъ какъ здѣсь меня нельзя умертвить ни стрихниномъ, ни кинжаломъ, то пусть жондъ довольствуется тѣмъ, что бросаетъ мнѣ грязью въ лицо: онъ замѣтитъ, быть можетъ ужъ поздно, что грязь пачкаетъ руки. Видно мои статьи весьма обличительнаго свойства и не по вкусу полякамъ: что они такъ ихъ опасаются.

Май 1864 года.

(Продолженіе впереди).

ПИСЬМА О ПАПСТВѢ.

П И С Ь М О 2-е.

Папа и его подданные.

Сколько бы римскіе писатели не усиливались доказать миру, что папа любитъ своихъ подданныхъ, какъ дѣтей, а подданные любятъ своего папу государя, какъ отца, — какъ бы ни идеализировали они состояніе Церковной области, — они не передѣлаютъ исторію, которая говоритъ намъ а., что не проходило столѣтія безъ того, чтобы папамъ не пришлось

ривъ съ нимъ четверть часа, я достаточно его понялъ и смѣло могу сказать, что онъ всегда принесетъ отечество въ жертву своему самолюбію и гордости. Съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ во Францію, партизаны вербуютъ солдатъ отъ моего имени. Поляки! знайте, что въ тотъ день, когда Мѣрославскій стане въ главѣ революціи, я вложу саблю въ ножны, потому что тогда дѣло польское будетъ проиграно. Скоро я возвращусь и, съ помощью людей благородныхъ, для которыхъ единственная цѣль — освобожденіе отечества, я снова перейду границу; и буду храбро сражаться. Солдаты! вы меня всюду встрѣтите, гдѣ можно будетъ драться съ москалями и всегда впереди всѣхъ. До скораго свиданія! (*)

Генераль-майоръ, начальникъ смертоносныхъ зуавовъ.
Рошебрюнъ.

(*) Не зачѣмъ было такому храбрѣму увеличивать и безъ того длинный списокъ генераловъ — цѣлководовъ! Известно, какъ г. Рошебрюнъ исполнялъ свое хвастливое обзвѣщеніе.

бѣжать безъ оглядки изъ Рима, спасаясь отъ ярости своихъ «любезныхъ дѣтей» (1) и б., что только штыками иноземныхъ государей папы могли прокладывать себѣ дорогу обратно въ Римъ. Правда римскіе писатели всегда стараются показать, что инициатива возстанія выходила не отъ народа, всегда довольнаго папскимъ управленіемъ, что всевозможныя революціи суть не болѣе какъ продѣлка отъявленныхъ демократовъ революціонеровъ и т. п., или же прямо дѣло врага человеческого рода, который хочетъ нанести этимъ вредъ церкви римской, «этой хранительницѣ свободы церковной, проповѣдницѣ цивилизаціи христіанской» и пр. и пр., но вѣдь мало ли что могутъ сказать ретивые защитники свѣтской власти папъ?.. Оставимъ ихъ въ покоѣ, пусть они восторгаются прелестями свѣтскаго папскаго управленія—и обратимся къ фактамъ исторіи.

Нельзя сказать, чтобы подданные папы были слишкомъ требовательны. Когда Пій IX въ 1846 г. объявилъ амнистію политическимъ преступникамъ и только высказалъ намѣреніе быть болѣе либеральнымъ правителемъ, чѣмъ были его предшественники, восторгъ подданныхъ папы не вмѣлъ предѣловъ. Когда Климентъ III, жившій воѣ Рима, вслѣдствіе революціи, далъ обѣщаніе признать существованіе римскаго сената, который долженъ былъ избираться ежегодно и расходовать третью часть доходовъ на благоустроеніе Рима и только,—подданные папы чуть не на рукахъ внесли его въ Римъ. (1848 г.). Можно было бы привести много подобныхъ фактовъ. Но и изъ приведенныхъ вы можете уже видѣть, что не требовательность римлянъ, не увлеченіе ихъ край-

(1) Замѣчательно, съ одной стороны то, что революціи въ Римѣ возникаютъ и ниспровергають папское правительство чрезвычайно скоро;—такъ, напр., въ февралѣ 1831 г. революція положила конецъ папскому правительству въ теченіи *четырехъ дней*, а съ другой—то, что нигдѣ народъ не высказываетъ такой ненависти къ падшему правительству, какъ въ Римѣ. По оставленіи, напр., Рима Піемъ VI, подданные папы преслѣдовали всѣхъ слугъ своего бывшего государя и все то, что имѣло хоть какую нибудь связь съ римскою куріей и грозили смертью всякому, кто рѣшился бы объявить себя приверженцемъ папы. Особенно жестоко поступали съ папскими приверженцами въ Авиньонѣ: вице-легатъ папскій былъ убитъ и выброшенъ изъ окна третьего этажа.

не резолюціонными, демократическими тенденціями были причинами столь частыхъ революцій въ Церковной области. Есть другая причина этого явленія: причина эта заключается въ самой системѣ папскаго управленія Церковной областію.

Я не буду пускаться въ мелкія подробности касательно устройства Церковной области. Для моей цѣли достаточно указать на нѣсколько крупныхъ и характеристическихъ фактовъ.

Вы совершенно будете согласны со мной, когда скажу, что одна изъ главнѣйшихъ заботъ каждаго правительства должна заключаться въ томъ, чтобы съ одной стороны не обременять подданныхъ большими налогами, а съ другой, чтобы эти налоги разпредѣляемы были какъ можно равномерно. Это такая истина, понять которую, кажется, нетрудно; а между тѣмъ папское правительство какъ будто рѣшительно не въ состояніи понять ее. Фактовъ въ подтвержденіе этой мысли не мало. Укажу хоть, напр., на хлѣбную продажу, введенную Иннокентіемъ X. (1644-55). Система продажи хлѣба, введенная этимъ папой, состояла въ томъ, что онъ предоставилъ себѣ монополію продажи хлѣба. Крестьянинъ не имѣлъ права самъ продавать хлѣба ни своимъ землякамъ, ни иностранцамъ, а долженъ былъ вести свой хлѣбъ, за исключеніемъ нужнаго для его самаго количества, въ папскія кладовыя и продать его по опредѣленнымъ самимъ папой цѣнамъ. Хлѣбопеки въ свою очередь не могли покупать хлѣба внѣ Церковной области, а должны были закупать его въ папскихъ кладовыхъ, при чемъ папы естественно могли брать цѣну, какую имъ было угодно. Можно представить себѣ, какіе доходы приносила папамъ эта монополія и какъ она разорала народъ! Папа Климентъ V. (1305—16) поступилъ еще лучше. Онъ продалъ проклятію Венецію за то, что она не хотѣла принять на извѣстное время въ ленную отъ себя зависимость разоренную провинцію Феррару съ платой папѣ 20,000 дукатовъ еже-

(1). Такъ, напр., однажды въ городѣ Фано (въ области Анконской) нужно было поправить стѣны городскія (это было въ 1271 г.) и такъ какъ денегъ у города на этотъ предметъ было мало, то городское управленіе предложило богатымъ монастырямъ помочь городу. Чго же духовенство? Епископъ запретилъ оказывать какую либо помощь городу.

годно. Т. е. лишь бы было у папы 20,000 дукатовъ, а что будетъ съ разоренной провинціей,— до этого ему мало было дѣла. За чѣмъ же впрочемъ уходить въ сторону— развѣ вынѣ не тоже дѣлается? Тоже, совершенно тоже. Въ папскомъ бюджетѣ на 1866 г., утвержденномъ финансовой консултой, доходу предполагается 6,489,962 скуди или на паши деньги около 8,663,239 р. 20 к. Сколько же приходится каждому подданному папы? Всѣхъ жителей въ папской области 690,000 но изъ этого числа нужно исключить по крайней мѣрѣ 90,900 неплатящихъ никакихъ податей: духовенство (66,000) и другихъ лицъ привилегированныхъ, принадлежащихъ къ высшему сословію. Стало бытъ 8,693,239 р. должны уплатить 600,000 человѣкъ, Поэтому расчету приходится платить каждому жителю среднимъ числомъ болѣе, чѣмъ по 14 р. Но это еще не все. Изъ предполагаемаго дохода нельзя употребить ни копѣйки на дѣйствительныя нужды, потому что однихъ процентовъ на государственный долгъ причитается около 6,700,000 скулъ. Чтожъ тутъ дѣлать? Не обложить же духовенство податями: этого допустить нельзя. Трудно надѣяться и на то, чтобы духовенство само предложило пособіе государству: папское духовенство не любитъ жертвовать,— оно любитъ только брать. (2.) Остается, слѣдовательно, обратиться къ народу. Такъ и дѣлаютъ. Поступаютъ при этомъ двоякимъ образомъ: или прямо взыскиваютъ съ народа деньги, какъ, напр., взыскиваютъ *млсачную долю* торговой пошлины *14 разъ* въ годъ, или же обращаются къ его благотворительности. Трудно, повидимому, ожидать хорошихъ результатовъ отъ обращенія къ благотворительности народа разореннаго правительствомъ, но только повидимому... Дѣло въ томъ, что призываютъ къ благотворительности приходскіе священники, а отказать своему приходскому священнику, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ,— значить нажить себѣ въ его лицѣ злѣйшаго врага и вызваться на множество неприяностей, иногда очень—очень чувствительныхъ.... Чтожъ удивительнаго послѣ всего этого, если поданнымъ «святаго отца» очень хочется пос-

(2)., Замѣчательно при этомъ то, что чинвники изъ духовныхъ получаютъ несравненно болѣе жалованья, чѣмъ свѣтскіе. Духовные среднимъ числомъ получаютъ по 4838 франковъ, а свѣтскіе по 514 фр.

корѣ раздѣлаться съ этимъ любвеобильнымъ правительствомъ, которое умѣетъ только разорать своихъ поданныхъ.

Изъ министерства финансовъ отправимся въ министерство юстиціи. Не веселыя картины встрѣчаютъ насъ и здѣсь и не много нужно употребить времени для убѣжденія себя, что и въ этомъ отношеніи подданнымъ папы крайне плачевно. Вся почти Церковная область сверху до низу управляется священниками и монахами. Способно ли извѣстное духовное лицо занять извѣстную должность (по закону всѣ высшія мѣста должны быть заняты непременно духовными: прочія могутъ быть заняты и свѣтскими) объ этомъ въ Римѣ не спрашиваютъ. Такъ напр. судная кардинальская палата только на половину состоитъ изъ правовѣдovъ, другую половину составляютъ духовные, которые объ юриспруденціи не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Далѣе. Въ числѣ трехъ высшихъ судей по дѣламъ гражданскимъ только одинъ ученый юристъ, остальные два члена духовные, тогда какъ нѣтъ даже никакого опредѣленнаго кодекса, которымъ можно было руководиться при сужденіи о гражданскихъ преступленіяхъ. Значить, что судьи скажутъ, то и вѣрно. Мало и этого. Каждая корпорація, каждый значительный владѣлецъ имѣетъ еще привилегіи, по которымъ онъ, совершивъ преступленіе даже уголовное, имѣетъ право отказаться отъ обязанности оправдываться предъ обыкновеннымъ судомъ. Особенно этимъ правомъ хорошо пользуются духовные. Совершивъ преступленіе, монахъ, или священникъ могутъ требовать, чтобы ихъ судилъ не обыкновенный судъ, а судъ священный, члены котораго только духовные, — а кто не знаетъ, что свой своему по неволи брать? И случаются такія, напр., вещи, что священнику, обвиненному въ умысленномъ убійствѣ, запрещаютъ только священнодѣйствовать извѣстный періодъ времени... Наковецъ есть въ Церковной области и такія присутственныя мѣста, которыхъ не отыщешь ни въ какомъ другомъ государствѣ. Такъ напр. «Трибуналъ Св. Петра». Это присутственное мѣсто имѣетъ право прежде опредѣленнаго закономъ времени «тайно» разсматривать завѣщаніе каждаго умершаго р. католика, чтобы видѣть не отказалъ ли онъ чего нибудь Св. Петру и его церкви, или нельзя ли внести въ это завѣщаніе безвредно для наследниковъ чего либо такого что было бы выгодно для церкви....

Таково судоустройство въ Ц. области. Прибавьте къ этому еще то обстоятельство, что въ Церковной области не можетъ быть и рѣчи о личной свободѣ, что тамъ всякій сборъ и полицейскій имѣетъ совершеннѣйшее право, безъ всякаго взысканія свыше, подъ своей только отвѣтственностію, арестовать и засадить въ тюрьму всякаго, кого ему угодно, и вы поймете хорошо ли живется подданнымъ папы. А что я говорю правду; это не трудно доказать.

Въ числѣ 683 плѣнныхъ, заключенныхъ 31 августа 1855 г. въ тюрьму болонской крѣпости, было не менѣе 124 такихъ преступниковъ, которые не могли быть обвинены ни въ какомъ преступленіи и засажены, какъ говорила тюремная записъ, только «въ предосторожности». А какъ содержать заключенныхъ въ тюрьмахъ, объ этомъ ужъ лучше и не спрашивайте. И самыя-то помѣщенія этихъ несчастныхъ таковы, что одно помѣщеніе можетъ свести съ ума. Это кануры, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни свѣжаго воздуха, или глубоко въ сырой землѣ, или высоко подъ раскаленной крышей, кануры, съ такимъ убійственнымъ воздухомъ, въ которомъ и самый здоровый человѣкъ чрезъ нѣсколько дней заболѣетъ. Прибавьте къ этому самое жестокое обращеніе съ узниками, истязанія и пытки, которымъ подвергаются эти несчастные по произволу судей, и вы будете имѣть хоть слабое понятіе о римскихъ тюрьмахъ. Но хуже всего, конечно, участь политическихъ преступниковъ. Когда судятъ бандитовъ и убійцъ, тогда соблюдается еще по крайней мѣрѣ внѣшная форма суда; для политическихъ же преступниковъ нѣтъ и этой милости. Политическіе преступники судятся особымъ судомъ, такъ называемой «св. консультой», въ которой засѣдаютъ только духовные, въ этомъ судѣ не существуетъ очныхъ ставокъ; здѣсь обвиненный не можетъ представить ни одного защитника. Чего же можно ожидать отъ подобнаго суда?... На этотъ вопросъ отвѣчаютъ факты. Извѣстно, что въ первые три года по возвращеніи папы Пія IX въ Римъ, казненно 1,644 политическихъ преступника.

Посмотримъ теперь на полицію. Увы и здѣсь не увидишь ничего отраднаго. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ въ настоящее время государства въ Европѣ, гдѣ бы личность и имущество гражданина были менѣе гарантированы, чѣмъ въ папской области, которая, можно сказать стонетъ отъ воровъ и

разбойниковъ. Въ правленіе папъ Іііа VII, Льва XII, Піа VIII, Григоріа XVI разбойники приобрѣли еврейскую знаменитость и самое папское правительство увидѣло себя вынужденнымъ заключать съ ними формальные договоры, какъ съ законной властію. Что же дѣлала полиція? Преслѣдовала она бандитовъ? Нѣтъ! Это было не ея дѣло. Напротивъ духовенство папской области нерѣдко состояло (да это бываетъ и нынѣ) въ тайной связи съ разбойниками для достиженія своихъ политическихъ и другихъ цѣлей. И случалось, что начальники разбойниковъ не только уводили того или другаго богача, или знатнаго человека для того, чтобы получить огромный выкупъ, но что они сожигали, или разушали среди бѣлаго дня тѣ деревни и города, чрезъ которые проходили. Разъ въ Болоньѣ—случилось даже такое обстоятельство. Въ одинъ вечеръ собралось множество болонцевъ въ театръ—послушать новой оперы. Открывается занавѣсъ. Публика смотритъ на сцену и что же видитъ? На сценѣ—человѣкъ сорокъ разбойниковъ. Всѣ они съ ружьями, дула которыхъ прямо направлены на сидящихъ въ партерѣ и ложахъ. Что это значитъ? Вѣрно такъ начинается новая опера думали зрители, появленіемъ разбойниковъ на сценѣ? Эоть вопросъ скоро, впрочемъ, разрѣшился. На сценѣ появляется начальникъ разбойниковъ. Онъ читаетъ списокъ людей знатныхъ и богатыхъ, находившихся въ театрѣ и предлагаетъ имъ внести разбойникамъ извѣстную сумму денегъ за всю собравшуюся въ театрѣ публику, если они не хотятъ, чтобы городъ былъ сожженъ. При этомъ начальникъ прибавилъ, что если ктонибудь осмѣлится сдѣлать попытку выйти изъ театра (двери котораго были заперты разбойниками) или закричать о помощи, то онъ прикажетъ стрѣлять въ присутствующихъ. Что тутъ было дѣлать? Чтобы не быть перестрѣлянными, рѣшились отдать деньги. Но опять затрудненіе... Чтобы отдать деньги, необходимо было отправиться въ квартиры, потому что на лицо требуемой суммы не было. Но начальникъ разбойниковъ былъ человекъ предусмотрительный. Онъ приказалъ имъ отиривиться домой. А чтобы они поскорѣе воротились и не подняли крика на улицѣ, онъ окружилъ ихъ разбойниками, которымъ приказано было убивать всякаго, кто сдѣлаетъ попытку просить помощи у проходящихъ. by А. публика между

тѣмъ должна была сидѣть въ театрѣ и смотрѣть на направленныхъ въ нее ружья... Наконецъ посланные возвратились, передали начальнику разбойниковъ требуемую сумму и разбойники скрылись, сдѣлавъ ту учтивость, что прежде, чѣмъ ушли, открыли запертые двери театра. Послѣ этого, нужно ли говорить о томъ, защищена ли въ папской области сколько нибудь личность гражданина и его собственность отъ разбойниковъ.

Говорить ли о состояніи образованности въ папской области, о развитіи промышленности и т. подоб... Пожалуй, скажу нѣсколько словъ. Въ папской области считается 7 университетовъ,—но что въ нихъ, когда ни одному ученому не позволяютъ преподавать въ университетѣ, если онъ не обязана защищать папскій обскурантизмъ. Что касается до первоначальныхъ школъ, гдѣ могли бы обучаться дѣти поселенцевъ, то, увы! ихъ нѣтъ. Папа думаетъ, что заводить эти школы излишня и пожалуй, не безвредная роскошь, потому что, по его казуистикѣ, народомъ управлять такъ, какъ управляютъ папы можно только тогда, когда онъ погруженъ въ грубомъ невѣжествѣ. Потому все первоначальное воспитаніе предоставляется монахамъ и монахинямъ, умѣющимъ учить народъ только ханженству, да лицейбрію. И результаты всего этого вотъ какіе: а) изъ всѣхъ поданныхъ папы только 5-я часть можетъ кое какъ читать и писать и в) что нигдѣ нѣтъ столько преступленийъ, какъ въ папской области. Такъ къ 30 іюня 1855 считалось преступниковъ 4133 человека. Изъ нихъ на 25 убійцъ приходится по 1 отцеубійцѣ... Судите сами, хороша ли у поданныхъ (в. отца нравственность... О промышленности и земледѣліи и говорить нечего. Не смотря на то, что Ц. область обладаетъ безмѣрными естественными богатствами,—и нужно не много только приложить труда, чтобы онъ вознаградила великолѣпнѣйшею жатвою, не смотря на то, что она орошается чудными рѣками, которыя такъ сказать напрашиваются на устройство фабрикъ; не смотря на то, что она владѣетъ великолѣпными гаванями; не смотря, говоря, на все это, Церковная область въ настоящее время есть одна изъ самыхъ бѣднѣйшихъ странъ Европы... Да иначе и быть не можетъ при такомъ отеческомъ управленіи Ц. областію.

Изъ всего сказаннаго не трудно понять, какъ живетъ подданнымъ папы. Но есть еще одна сторона дѣла, которой я не касался и сторона очень важная. Папа, какъ вы знаете не только государь, но и епископъ. Какъ епископу, ему нельзя не позаботиться о томъ, чтобы его пасомые не только были ограждены отъ всякой возможности измѣнить своей вѣрѣ, но чтобы еще и увеличивалось число вѣрующихъ... Папа объ этомъ и заботиться, но какимъ образомъ... Прежде меня всегда удивляло то обстоятельство, что въ числѣ подданныхъ папы только человекъ 200 не католиковъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ положеніемъ иновѣрцевъ въ папской области, это обстоятельство меня ужъ не удивляетъ. Въ самомъ дѣлѣ обратите вниманіе на положеніе, напр. евреевъ. Ни одинъ еврей не можетъ жить въ Римѣ нигдѣ, кромѣ еврейскаго квартала и сообщеніе съ христіанами имъ рѣшительно воспрещено. Если будетъ доказано, что еврей торгуетъ предметами, принадлежащими богослуженію, напр., богослужебными книгами, то онъ подвергается штрафу въ 200 скуди и тюремному заключенію въ теченіи года. Точно также строго поступаютъ съ каждымъ, кто безъ дозволенія правительства удалится изъ Рима, а о комъ два, хоть и наемные, свидѣтели сказали, что онъ или словомъ, или жестомъ оскорбилъ католическую религію или ея служителя, тотъ осуждается на смертную казнь. Однимъ словомъ еврей въ церковной области существо безправное, беззащитное. Нынѣ еще существуетъ постановленіе инквизиціи, по которому врачъ, коль скоро будетъ позванъ къ больному еврею, долженъ, прежде прописанія рецепта, сдѣлать опытъ обратить его въ христіанскую вѣру, если еврей будетъ упоренъ, оставить его тотчасъ, не заботясь о немъ болѣе. Говорятъ еще, будто каждый повѣдѣльникъ хватаютъ въ Римѣ двухъ—трехъ еврейскихъ мальчиковъ и тащатъ ихъ въ католическую церковь, чтобы сдѣлать христіанами (1). Не лучше жить и христіанъ не католическаго вѣроисповѣданія. Кто читаетъ газеты, тотъ знаетъ, что за ужасы происходили недавно въ Барлеттѣ. Но если подобныя ве-

(1) Что обычай похищать еврейскихъ мальчиковъ существуетъ, это несомнѣнно: всѣмъ памятна еще исторія похищенія Мортары. Я не могу только сказать навѣрно: точно ли каждый повѣдѣльникъ дѣлаются эти похищенія.

ни приходится терпѣть протестантамъ внѣ Римской области, то что сказать объ ихъ житьѣ въ Церк. области, гдѣ монахи-фанатики могутъ распоряжаться, какъ имъ угодно.... Вотъ отношеніе, въ какомъ стоимъ папа къ иновѣрцамъ. Посмотримъ теперь какъ предохраняетъ онъ своихъ подданныхъ отъ возможности увлечься какой нибудь ересью. Эта цѣль достигается посредствомъ инквизиціи. Я не буду говорить объ инквизиціи въ прежнее время: это вещь общезвѣстная. Я скажу лучше объ инквизиціи въ настоящее время. Инквизиція возстановлена папой Піемъ VЦ въ 1814 г, т. е. въ первый годъ по возвращеніи его въ Римъ. Въ этомъ году назначенъ былъ генераль-инквизиторъ и возстановленъ весь знаменитый институтъ подъ названіемъ «Sanctum officium». Вслѣдъ за тѣмъ вездѣ распространились шпионы этого судилища, и всякой кто казался подозрительнымъ папѣ, былъ арестуемъ и сажаемъ въ мрачныя темницы этого ужаснаго трибунала. Преступленія, подлежащія суду инквизиціи слѣдующія: богохульство, безнравственность, неприличное поведеніе по отношенію къ церкви, непразднованіе праздниковъ, нарушеніе постовъ и особенно отступленіе отъ вѣры. Но въ 1829 г. 14 мая былъ уже разшривъ списокъ преступленій, подлежащихъ суду инквизиціи. Въ это время было объявлено, что между отпадшими отъ вѣры надобно считать и всѣхъ тѣхъ, которые или держатъ и держали, или берутъ и брали отъ другихъ книги еретическаго содержанія или даже такіа, которыя лишь составлены писателями, считающимися за еретиковъ, хоть бы и ничего еретическаго въ этихъ книгахъ не было. Можно даже заключать отсюда, какой широкій просторъ данъ былъ этимъ указомъ дѣятельности инквизиторовъ. Но это еще не все. Въ томъ же самомъ эдиктѣ сказано, что подлежитъ суду инквизицій и каждый, кто или оскорбитъ служителя инквизиціи, свидѣтеля, обвинителя, шпиона, или погрозитъ только оскорбленіемъ поименованнымъ лицамъ, тотъ же указъ повелѣваетъ своимъ сбиррамъ, жандармамъ и всѣмъ должностнымъ лицамъ помогать служителямъ инквизиціи ловить подобныхъ преступниковъ. Наконецъ, папа Пій VIII, опредѣлитъ, что каждый, кто услышитъ слово худое объ инквизиціи, или будетъ случайно свидѣтелемъ преступленія, подлежащаго суду инквизиціи и не донесетъ объ этомъ инквизито-

рамъ, тотъ будетъ наказанъ такъ, какъ бы онъ самъ совершилъ преступленіе.. Однимъ словомъ, папани вызванъ въ жизни въ повѣдѣніе время тотъ самый ужасный трибуналъ, который пугалъ человечество въ средня вѣка. Костровъ только что теперь, теперь наказываютъ отлученіемъ отъ церкви, отнятіемъ имѣній, изгнаніемъ изъ отечества, пожизненнымъ заключеніемъ и въ некоторыхъ случаяхъ, говорятъ, тайной казнію

Такъ управляетъ св. отецъ своимъ государствомъ, чтожъ удивительнаго, если «папскія владѣнія, какъ говорилъ недавно Бонтозь кардиналъ—архіепископъ руанскій въ сенатъ французскомъ, представляются въ настоящую минуту государствомъ уродливымъ,—государствомъ, у котораго огромная голова, израненное тѣло и вовсе нѣтъ членовъ?»—Что жъ удивительнаго, скажу и я, что Церковная Область представляетъ собой аномалію въ ряду прочихъ европейскихъ государствъ, не исключая отсюда и Турціи.

Чтожъ ожидаетъ свѣтскую власть папы въ будущемъ?—Если по прошедшему можно заключать о будущемъ, то нельзя не видѣть, что свѣтская власть папы близка къ надевію, что ходячая мысль, будто съ выходомъ изъ Рима французскихъ войскъ придется бѣжать и папѣ,—мысль очень вѣроятная.

Въ самомъ дѣлѣ, можно предположить только единственное условіе, при которомъ папа, неохранный даже иностранными войсками, можетъ оставаться въ Римѣ въ качествѣ свѣтскаго государя. Условіе это радикальная реформа всей системы папскаго управленія въ Церковной Области. Но выполнимо-ли это условіе? кажется нѣтъ, —и вотъ почему.

Каждая реформа требуетъ прежде всего денегъ. А гдѣ взять папѣ денегъ, когда обыкновенныхъ доходовъ не хватаетъ на покрытіе процентовъ государственнаго долга?

Но это еще неважно. Есть поразнѣе причины, почему нельзя ожидать, чтобы папы перемѣнили систему своего управленія. Въ самомъ дѣлѣ.

а). Обратите прежде всего вниманіе на то лицо, которое управляетъ папскою областію. Лицо это — папа, глава западной церкви, непогрѣшимый намѣстникъ Божій на землѣ. Согласитесь, что это лицо можетъ управлять очень хорошо маленькимъ «насажденіемъ св. Петра,» если оно можетъ *непогрѣшимо* у-

правлять всей р. католической церковію. Правда, что въ римскомъ катихизисѣ нѣтъ еще догмата о непогрѣшимости папы, какъ свѣтскаго государя, но уже все, кажется, подготовлено къ тому, чтобы сфабриковать этотъ новѣйшій догматъ. Что раздѣлять его сами папы, это несомнѣнно. Осуждая въ своемъ окружномъ посланіи 1864 года всѣ тѣ начала, на которыхъ видѣтся политическая и общественная жизнь государствъ Европы, папа говоритъ тономъ не свѣтскаго государя, а тономъ главы церкви. Призывая свѣтскихъ государей на судъ, въ среднія вѣка, папы всегда рисовались предъ народомъ, какъ непогрѣшимые, безапелляціонные судьи даже въ свѣтскихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, папы не прочь расширить свою непогрѣшимость и на дѣла свѣтскія. Что взглядъ папъ раздѣляютъ и многіе изъ западныхъ христіанъ, это тоже нисколько не удивительно. Мысль о непогрѣшимости папъ въ дѣлахъ политическихъ представляется неболѣе, какъ выводомъ изъ догмата о непогрѣшимости папской въ дѣлахъ религіозныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ управлять пятью деревнями, и управлять не погрѣшимо, ужели не можетъ управлять хорошо одной деревенькой? Кто можетъ управлять непогрѣшимо всею римскою церковію, тому нельзя, логически разсуждая, отказать въ способности управлять также хорошо и маленькимъ государствомъ. Правда, римскіе богословы толкуютъ, что папа непогрѣшимъ только тогда, когда онъ говоритъ „*de fide et ex cathedra*“, но вѣдь это одна изъ тѣхъ схоластическихъ тонкостей, на которую не стоитъ и обращать вниманіе. Дѣло въ томъ, что въ сферѣ общественной есть много такихъ дѣлъ, которыя имѣютъ такое или другое отношеніе къ дѣламъ чисто религіознымъ, и о которыхъ можемъ говорить, какъ *de fide* и именно *ex cathedra*. Таково, напр., народное образованіе, общественная и домашняя жизнь и пр. и пр. По этимъ дѣламъ папа можетъ поставочивать свои законы — и какъ обыкновенный свѣтскій государь, и какъ непогрѣшимый глава церкви. А такъ какъ свѣтскій государь не можетъ противорѣчить папѣ — непогрѣшиму епископу, то и выходитъ, что (въ дѣлахъ общественныхъ, на сколько, покрайней мѣрѣ, онъ имѣютъ отношеніе къ религіи) папу и какъ свѣтскаго государя, слѣдуетъ признавать непогрѣшимымъ. Такимъ образомъ, когда онъ лишаетъ своихъ подданныхъ

образованія, когда онъ отнимаетъ у евреевъ и протестантовъ всѣ гражданскіе права, когда онъ учреждаетъ чудовищную инквизицію, — онъ поступаетъ непогрѣшимо! Какъ бы впрочемъ ни было, вздумаютъ ли въ Римѣ сочинить новый догматъ о непогрѣшимости папы, какъ свѣтскаго государя, или не рѣшатся, — во всякомъ случаѣ государь Церковной Области есть лицо, имѣющее претензіи быть государемъ непогрѣшимымъ. И вдругъ этому государю предлагаютъ радикально измѣнить систему управленія Церковной Областию?! Можетъ ли, смѣетъ ли онъ это сдѣлать, не отказываясь отъ принципа папства? Ему, непогрѣшиму главѣ церкви, предлагаютъ ввести въ жизнь своихъ подданныхъ тѣ начала, которыя онъ осуждаетъ, какъ ереси! И вотъ мы видимъ что всѣ совѣты, какіе даютъ папѣ, касательно реформы управленія Ц. Областию остаются безплодными совѣтами. Правда, нынѣшній пана Пій IX вздумалъ было сначала полиберальничать, но онъ теперь ужъ исправился и либеральничать болѣе не намѣренъ. Теперь онъ твердитъ только: *non possumus, non possumus!*

b.) Кому же хорошо живется въ Церковной Области? Конечно, духовенству. Податей оно никакихъ не платитъ, жалованье получаетъ большое, судей оно никакихъ не знаетъ, кромѣ своихъ собратій, — завидная жизнь! И вдругъ бы потребовали отъ духовенства, чтобы оно отказалось отъ всѣхъ своихъ правъ и привилегій!. Духовенство римское не такъ просто и самоотверженно, чтобы согласилось добровольно подчиниться такимъ требованіямъ. Оно лучше угоститъ ядомъ слишкомъ рыскательнаго папу, какъ и сдѣлали иезуиты съ Климентомъ XIV, — и выберетъ другаго папу, — а разстаться съ такой привольной жизнью, какъ нынѣшняя жизнь духовенства, едва ли оно рѣшится.

Такимъ образомъ ждуть, что папы согласятся на радикальную реформу системы управленія Ц. Областию, — значить ждуть напрасно.. Что же будетъ? Увидимъ, что будетъ, когда французскія войска оставятъ Римъ....

А. Елецкій.

КЪ ДѢЛУ О НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ.

«Народныя школы» и «сельско—приходскія школы» — вотъ два современные предмета, о которыхъ, къ стыду нашему, мы не имѣемъ опредѣленнаго, яснаго, точнаго и правильнаго понятія, а потому мы—тѣ и другія школы не считаемъ тождественными, но относимъ къ двумъ различнымъ категоріямъ и у насъ составилось какое — то странное мнѣніе, что сельско—приходская школа, открытая духовнымъ лицомъ—вовсе не народная школа, и что такъ—называемая официально *народная школа* должна быть совсѣмъ что—то другое, нежели „*эти*“ школы, открытыя духовенствомъ. Бѣда намъ съ неопредѣленностью нашихъ понятій, убежденій и дѣйствій! Сутисня, говоря и пишемъ очень много, переливаемъ изъ пустаго въ порожнее, ссоримся со всякимъ благонамѣреннымъ противорѣчіемъ, а дѣло все—таки не идетъ на ладъ, подобно тому какъ не шло въ извѣстномъ квартетѣ Крылова, или говоря еще образнѣе—дѣло наше такъ идетъ, какъ мокрое горитъ.

Боясь многословія, запутывающаго дѣло, мы хотимъ на сей разъ предложить вниманію читателей нѣсколько фактовъ, относящихся къ дѣлу о народныхъ сельско—приходскихъ школахъ. Эти факты очевиднѣе и лучше всякаго резонерства и умнчавья покажутъ намъ: что мы обязаны дѣлать въ настоящее время для истиннаго просвѣщенія меньшихъ нашихъ братьевъ, т. е. нашего простонародья?

Отъ начала Россіи до нашихъ дней, наше православно—русское духовенство всегда шло и идетъ впереди народнаго образованія: доказательствомъ тому служилъ вся исторія нашего отечества, и—противорѣчить этой истинѣ можетъ развѣ только тотъ, кто готовъ отрицать все, даже собственное свое бытіе. Такъ точно случилось и теперь: еще не было исторически незабвеннаго и славнаго манифеста 19—го февраля 1861 года; еще вся Россія находилась только въ благоговѣнномъ ожиданіи этого вѣковѣчнаго благодѣянія народу отъ нашего благосердаго Царя—Освободителя; еще училищное начальство и не приступало къ серьезному распоряженію открытія народныхъ школъ, но только допустило существованіе такъ—называемыхъ воскресныхъ школъ, въ которыхъ, вмѣсто ожидаемаго просвѣщенія народа, подготавливалось полное помраченіе здраваго его смысла, а наше православное духовенство уже

подняло знамя народнаго просвѣщенія и повело народъ вперёдъ къ истинному христіанскому образованію!— Не знаемъ подробно, какъ это происходило въ другихъ мѣстностяхъ, но расскажемъ о знакомой намъ мѣстности юго-западнаго края Россіи. Здѣсь первоначальная мысль о просвѣщеніи простаго народа возникла у бывшаго кievскаго (нынѣ петербургскаго) митрополита Исидора, при обозрѣніи имъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1859 года, епархіи (*). Владыка, по возвращеніи въ Кіевъ 31-го августа далъ предложеніе кievской консисторіи слѣдующаго содержанія: „принимая во вниманіе настоящее состояніе Россіи, стремящейся къ образованію, я нахожу нужнымъ, чтобы сельское духовенство не было чуждо сего общаго движенія, и по возможности старалось бы содѣйствовать, въ сельскихъ обществахъ, распространенію полезныхъ знаній. Для сего предлагаю Консисторіи распорядиться: 1) чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и селахъ были открыты въ самыхъ домахъ священниковъ школы, если таковыя не будетъ устроено со стороны сельскаго общества; 2) чтобы въ школахъ сихъ учили чтенію и письму и преподавали Законъ Божій примѣнительно къ понятію сельскихъ дѣтей, и т. д.... Денежныхъ средствъ для открытія и содержанія этихъ школъ не было рѣшительно никакихъ, только покойный генералъ-губернаторъ кievскій, князь Васильчиковъ далъ 500 р. сер. для покупки букварей,— только! Какъ же пошло сельское—шольное дѣло? А вотъ какъ: къ августу мѣсяцу 1863 года въ кievской епархіи было уже 1164 школы и въ нихъ было учащихся мальчиковъ 24,822, и дѣвочекъ 6,905, итого всѣхъ учащихся 31,727 (**).

Въ другихъ сосѣднихъ епархіяхъ это благодѣтельное предпріятіе нашего умнаго и добраго духовенства имѣло такіе же блистательные успѣхи: на примѣръ въ каменецъ—подольской епархіи къ марту мѣсяцу 1863 было такихъ школъ 1,316, и въ нихъ учащихся было: мальчиковъ 25,619, и дѣвочекъ 6.005, и того всѣхъ учащихся 31,624. (***)

(*) Въ Минской епархіи тогда уже считалось болѣе 300 церковно-народныхъ школъ.

(**) См. Вѣстникъ Юго-зап. и Западной Россіи за Августъ 1862 г., статьи: о Церковно-приходск. училищахъ, стр. 126, 127, 131.—

(***) Вѣстникъ Юг. и Зап. Россіи за февраль 1863. г. Вѣдомость объ усѣбахъ народн. просвѣщенія въ подольской епархіи.

Во вѣсть прочихъ епархіяхъ Россійской Имперіи сельско-приходскія школы пошли такъ же успѣшно, чему служить доказательствомъ извѣстное циркулярное отношеніе бывшаго г. оберъ—прокурора св. синода, графа Д. А. Толстаго, отъ 5-го марта текущаго 1866 года, ко всемъ предѣдателямъ уѣздныхъ земскихъ управъ. Изъ этого монументальнаго циркуляра видно, что на всемъ пространствѣ Россіи нынѣ имѣется школъ, открытыхъ православнымъ духовенствомъ, *болѣе двадцати тысячъ*, и въ нихъ состоитъ учащихся *болѣе четырехъ сотъ тысячъ!!*

Отъ начала существованія Россіи до нашихъ дней, нѣодно вѣдомство у насъ не имѣло у себя такого количества школъ и съ такимъ числомъ учащихся и никогда нигдѣ не были школы такъ скоро, такъ охотно и усиліишно открываемы и наполняемы учащимися!! Эгого достопамятный фактъ исторія запишетъ на своихъ страницахъ вмѣстѣ съ достодожною благодарностью нашему православному духовенству.

А вотъ и другой замѣчательный фактъ: всѣ эти школы открыты духовенствомъ безъ пособія отъ казны и отъ земства, своими собственными скудными средствами; большая часть школъ помѣщается въ собственныхъ домахъ священниковъ,— многія не имѣютъ ни приличнаго и удобнаго помѣщенія, ни школьной мебели, ни учебныхъ пособій, и... почти никакого матеріальнаго вознагражденія за труды преподавателей.

Сопоставивши эти два факта и безпристрастно взвѣсивши существенную ихъ важность, всякій здравомыслящій русскій человѣкъ самымъ естественнымъ образомъ доидетъ до слѣдующаго заключенія: народныя школы уже есть въ Россіи; ихъ у насъ болѣе 20 тысячъ; учащихся въ нихъ около полумилліона. А какъ у насъ въ Россіи обязанность просвѣщенія народа лежитъ, кромѣ духовенства, еще на училищномъ начальствѣ и земствѣ,— то послѣ прекрасной и благодѣтельной инициативы духовенства, теперь училищному начальству не останется ничего болѣе дѣлать, какъ всеми зависящими отъ нихъ средствами поддержать эти двадцать с лишкомъ тысячъ народныхъ школъ, открытыхъ уже духовенствомъ, упрочить ихъ и привести ихъ въ цвѣтущее состояніе, а не такъ распоряжаться, какъ совѣтуютъ нѣкоторые наши публицисты, которые поощряютъ земство къ открытію

какихъ—то новыхъ *народныхъ школъ*, противопоставляя ихъ, безъ всякаго логическаго основанія, уже открытымъ и готовымъ *сельско—приходскимъ школамъ*,— какъ будто эти послѣднія вовсе не народныя школы потому только, что открыты духовенствомъ!!

Двадцать тысячъ сельско—приходскихъ школъ съ полу-милліономъ учащихся,— вотъ готовое поле: воздѣлывайте и удобряйте его, вмѣсто того, чтобъ искать другихъ, отдаленныхъ невоздѣланныхъ клочковъ земли и разчищать ихъ надъ поле, по вашему своенравному усмотрѣнію!— Пусть земство постарается, чтобы для всякой сельско-приходской народной школы было приличное помѣщеніе съ отопленіемъ, съ необходимою школьною мебелью и съ учебными пособіями, да сверхъ того пусть учителю каждой такой школы дастъ приличное жалованіе. Пусть не беспокоится земство открывать свои собственныя „учительскія семинаріи“ для приготовленія учителей въ народныя школы: духовенство и въ этомъ дѣлѣ идетъ впереди всѣхъ,— оно при каждой духовной семинаріи уже открыло педагогическіе курсы съ теоріей и практикой. Смѣло можно поручиться, что наши духовныя семинаріи будутъ рассадниками и превосходнѣйшихъ сельско-народныхъ учителей.— А учивающее свѣтское начальство пускай, совмѣстно съ духовенствомъ, займется регламентаціей сельско-приходскихъ школъ и снабдитъ ихъ учебными книгами—вотъ и все!— Очевидно, что это дѣло, уже *начатое* и благоразумно совершающееся, требуетъ и ожидаетъ только благоразумнаго *конца*, а не перевершенія его *опять съ начала*; и всѣ истинные сыны отечества надѣются, что г. оберъ—прокуроръ св. сввода, соединяющій теперь въ своемъ лицѣ и должность министра народнаго просвѣщенія, увѣнчаетъ это великое дѣло благоуспѣшнымъ окончаніемъ.

Стыдно тому, кто подобно публицистамъ и корреспондентамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Голоса“ и „Современника“, не понимаетъ этого дѣла, не благопріятствуетъ ему!— Въ недавнее время компрометировали себя на всю Россію непониманіемъ этого дѣла и недоброжелательствомъ къ нему слѣдующіе №№ газетъ: № 88, 93, 112, и 113-й С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, и № 110-й Голоса. Изъ уваженія къ публицистамъ и корреспондентамъ, *отличившимся* въ этихъ померахъ, мы не хотимъ выставять на позоръ все пустосло-

вѣе ихъ и всю безлогичность резонерства ихъ,—только обнародываемъ слѣдующія требованія ихъ, которыхъ нелѣпость сама напрашивается на всеобщее осужденіе: 1., они совѣтуютъ земству югозападныхъ губерній Россіи не подчинять свои (будущія) народныя школы училищному начальству, но самому „регламентировать“ ими; 2., предлагаютъ учить въ народныхъ школахъ югозападной Россіи не славяно-русскому чтенію, но чтенію, на бывшемъ вѣкогда, а теперь почти исчезнушемъ малороссійскомъ нарѣчій, которое южнорусскій народъ уже забылъ, какъ тягостное воспоминаніе о бывшемъ польскомъ вѣгѣ, и которое охотно перемѣнилъ на родной себѣ общерусскій языкъ, по которому эти умные публицисты хотятъ возстановить подъ именемъ „особаго малороссійскаго языка“; 3., они совѣтуютъ учить въ народныхъ школахъ „безъ всякаго систематическаго преподаванія“, чему—нибудя, и учить дѣтей не псалтыри, не катихизису и священной исторіи, а только малороссійскимъ сказкамъ и пѣснямъ, напечатаннымъ въ *Запискахъ о южной Россіи Кулиша* и въ *Разсказахъ (оповѣданьяхъ) М. Вовча*... Можетъ быть, наши читатели не повѣрятъ такой безпримѣрной нелѣпости, и подумаютъ, будто мы выдумываемъ напраслину на петербургскихъ публицистовъ: такъ пусть же они сами вмѣютъ терпѣніе прочесть по крайней мѣрѣ одинъ, 93-й № С.-Петербургскихъ Вѣдомостей,—тогда читатели удостовѣрятся, что мы не обманываемъ ихъ.

Теперь мы заняты психологическимъ вопросомъ: какимъ образомъ такія нелѣпости могутъ выходить изъ головы и изъ—подъ пера этихъ публицистовъ, и—вообще: что это такое? легкомысліе ли и невѣжество? или — злорадство?... Приглашаемъ нашихъ читателей заняться рѣшеніемъ этого печальнаго вопроса.

И. К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ОДЕССЫ.

Право не знаешь, когда наше отечественное воспитаніе потеряетъ свою бездѣятельность въ религіозномъ и народномъ отношеніяхъ,— скоро ли мы дождемся того благодатнаго времени, когда у насъ семейство будетъ выпускать въ школу дѣтей

съ началами не „обще-европейскими“, а коренными православно-русскими; когда, наконецъ, школа будетъ выпускать въ жизнь своихъ птенцовъ съ разумно сознанными убѣжденіями касательно своей православной вѣры и русской народности?... Скоро ли наступитъ то время, когда наши воспитатели будутъ по виду не только официальные представители родныхъ началъ, но проповѣдниками ихъ, по сердечному убѣжденію?... Много разныхъ вопросовъ западаетъ въ душу и въ результатъ ихъ выходитъ, что мы воспитываемся почти не по православному и не по русски; а такъ—себѣ, какъ случится. Удивительно ли послѣ этого, что у насъ нѣтъ того элемента въ характерѣ, который называется постояннымъ, священнымъ патріотизмомъ? Давно уже говорятъ и пишутъ о воспитаніи, а все что—то теорія расходится съ практикой. При такомъ объемистомъ вопросѣ, каковъ вопросъ объ общественномъ воспитаніи, невольно задаешь себѣ новый вопросъ: да откуда же зайти, чтобы начать исправленіе его въ православно-русскомъ духѣ? Не знаю почему, при подобной мысли, останавливаемся на слѣдующемъ: чтобы начать исправленіе зла, нужно прежде всего поставить во главу учебныхъ заведеній (не смотря на категоріи оныхъ) людей всецѣло православно-русскихъ. Много значатъ главы въ организамахъ. Пока же сбудутся наши желанія касательно нашего отечественнаго воспитанія, всякій разъ, съ болью сердца намъ приходится встрѣчаться съ такими явленіями отечественной общественной жизни, въ которыхъ проглядываетъ вышепоименованная безизвѣстность нашего воспитанія... Ну, какъ не поскорбѣть душою, читая въ „Віленскомъ Вѣстникѣ“ за текущій годъ статьи, подъ заглавіемъ: „Съ береговъ Волги?“ Пишущему настоящія строки извѣстны многія очень больныя уголки нашего обширнаго отечества, не безъизвѣстно также и то, какъ поживаютъ тамъ паписты, считающіе себя (не вѣдомо почему) поляками и вѣдыхающіе „о своихъ странахъ“, называя такъ западно-русскія губерніи. Представьте себѣ, что въ какой-либо городъ, положимъ М.М. (не западной Россіи) по какому-либо случаю, забрался на жительство яшечкъ. Сейчасъ онъ отыскиваетъ своихъ, которые встрѣчаютъ его съ распростертыми объятіями. Этого мало. Они вво-

дать этого новичка въ кругъ своихъ знакомыхъ. Общество же наше, воспитанное въ духѣ „гуманности“, „общечеловѣчности“, „европеизма“, „прогресса“, „цивилизациі“, „вѣротерпимости“ и пр. т. под., не чуждается новымъ членомъ, хотя этотъ членъ для него тоже, что моль для гардероба. Танцы, музыки, волокитство сближаютъ молодыхъ людей между собою; а людей пожилыхъ сближаетъ съ пожилыми людьми бесѣда о политикѣ, хозяйствѣ, вино и карты. Однимъ словомъ, жизнь новаго члена—ляшка течетъ помаслу въ великорусскихъ и малорусскихъ городахъ, потому что тамъ почти всѣ *овичи, евичи, емьскіе* и пр. крѣпко сидятъ на своихъ мѣстахъ и въ обществѣ имѣютъ большое значеніе, какъ „хорошіе люди“... А какъ присмотрѣться къ этимъ хорошимъ людямъ, то право можно затрудниться въ выборѣ названія и для нихъ и для того русскаго общества, которое (извините за выраженіе) такъ близоруко, или гнѣвно мыслить о многомъ.... Мы, напр., слышали даже, что въ одной изъ гимназій средней полосы Россіи былъ младшимъ учителемъ географіи заклятый ляхъ, всѣми признанный за образцоваго учителя. (1) Что же позволялъ себѣ дѣлать этотъ образцовый учитель?.. Онъ, неизвѣстно почему, считалъ своимъ долгомъ вычеркивать изъ учебника географіи Россійской Имперіи всѣ тѣ историческія и другія примѣчанія, которыя говорили воспитанникамъ о свѣтлыхъ и величественныхъ сторонахъ нашего отечества? Мало того, что все это слодило ему съ рукъ, но однажды произошло даже слѣдующее недоразумѣніе: его (младшего учителя и ляшка) назначили въ одинъ классъ на экзаменъ предсѣдательствующимъ, а мѣстнаго православнаго законоучителя (съ академическимъ образованіемъ и къ тому же магистра богословія) назначили на тотъ же экзаменъ ассистентомъ!... Ну, какъ ляхамъ не смѣяться надъ нами, какъ имъ оставить свои фантасіи „объ ойчизнѣ“, когда мы сами постоянно подаемъ поводъ къ этому.... Слава еще Богу, что въ години испытаній мы (какъ показалъ опытъ), безъ различія званій и состояній, окружаемъ своего Отца—ГОСУДАРЯ и готовы сложить головы за свое. Это, безспорно,

(1) Въ одной изъ придѣлѣвскихъ малороссійскихъ губерній.

великая черта нашего народа. Но затѣмъ же въ невоенное время мы такъ ленивы и безпечны, что допускаемъ разнымъ червямъ точить нашу дорогую Россію.... О, невольно скажешь то, что сказано нами около десяти лѣтъ назадъ въ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“: хорошее, или дурное воспитаніе есть причина добра или зла впоследствии.

Грустно, господа!

К. Ин.....овъ

СЕПАРАТИСТЫ.

(Басня.)

Посвящается Учителю, автору «Педагогическое значеніе малороссійскаго языка» въ № 98 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

Либерализма духъ повѣялъ на лѣса,—
 И по лѣсамъ пошли различны толки:
 Объ автономіи заговорили Волки,
 О земствѣ начала витійствовать Лиса,
 На что уже Ослы,— и тѣ свой носъ подняли,
 И о судѣ присяжныхъ толковали.—
 Но Обезьяны, всѣхъ бойчѣй,
 На разсужденьяхъ не остановились,
 Но хлопотать рѣшились
 О полной сепарациі своей
 Отъ всѣхъ звѣрей.
 На двухъ окраинахъ они издавна жили,—
 Одна окраина чухландіей звалась,
 Другую всѣ хохландіей честили.
 „Ну, можно ль насъ,
 Чухландцевъ и хохландцевъ такъ бевславить,
 Чтобъ въ категорію одну насъ ставить
 Съ другими жителями здѣшнихъ мѣсть?
 Вѣдь намъ не позволяеть наша честь
 Считаться на ряду другихъ четвероногихъ:
 Такія ли у насъ, смотрите, ноги?
 Такія ль головы? такіе ли умы?..“

Особыхъ царства два устроимъ мы,
Чуладское одно, холландское другое!

Тогда-то будетъ время золотое,

Какъ мы особняками заживемъ

И все по-своему у насъ ужъ заведемъ!“ ...

— Ахъ, вы безмозгля! имъ звѣри всѣ сказали:

Не ужъ ли для того мы васъ въ свой лѣсъ приняли,

Чтобы измѣною вы заплатили намъ? ...

Да и къ лицу ли вамъ

Самостоятельность задуманнаго царства?

Вѣдь вы способны лишь для обезьянства,

Чтобъ передразнивать, смѣшать другихъ,

А положительныхъ достоинствъ никакихъ

Природа вамъ не удѣлила.

Благоразумнаго либерализма сила

Вѣдь состоитъ не въ томъ,

Чтобъ жить особнякомъ:

Тогда бъ легко врагамъ въ добычу вы достались,

Съ либерализмомъ бы навѣки попрощались,

И, родъ за родомъ, всѣ исчезли бъ навсегда.

Другаго, лучшаго плода

Сепаратизмъ вамъ не доставить.

Покайтесь, глупцы! и навсегда

Рѣшитель вы затѣи всѣ оставить,

И откажитесь вы отъ вашихъ бракъ!

Всему извѣстно міру,

Что лишь собаки бьются отъ жиру:

Не будьте же похожи на собакъ.—

И. К.

1-е МАЯ 1888 г. ВЪ Г. ВІЛЬНѢ.

Наконецъ-то, наконецъ,

Въ стародавнемъ русскомъ краѣ,

Что очнувшійся мертвецъ,

Раздается рѣчь родная.

И несется заливная

Наша гѣсня. . . . Съ дальнихъ мѣсть,
 Возносясь подъ небесами,
 Надъ литовскими гѣсами,
 Православный русскій крестъ
 Вновь блеститъ, что солнца лучъ
 Свѣтель, дивенъ и могучъ!
 Здравствуй, Русь! четыре вѣка
 Невидались мы съ тобой,—
 Волей злаго человѣка
 Раалученною сестрой!
 Отъ Ягелла ренегата
 Свой предавшаго народъ,
 Игу римскаго разврата,
 Какъ несчастьемъ ты богата!...
 Но пришелъ и твой чередъ,
 И твое настало время —
 Свергнуть рабства стыдъ и бремя,
 Жизнью новою зажить,
 Зло минувшее забыть.
 Заживемъ-же вмѣстѣ съ нами,
 И по жизненнымъ волнамъ
 Подо всѣми парусами
 Понесемся: Станутъ намъ,
 Сторонясь, дивясь, народы
 Путь давать, для той свободы,
 Къ какой идемъ съ отцемъ —
 Съ русскимъ соколомъ-Царемъ.
 Заживемъ же на просторѣ,
 Сбросимъ съ плечъ бывшее горе,
 Братски-дружной и родной,
 Заживемъ семьей одной,
 Раны старыя залѣчимъ,
 Зло крамолы въ прахъ размечемъ,
 Такъ чтобъ не было слѣда,
 Что была страда-бѣда,
 И съ молитвой чистой къ Богу
 Въ путь-дорогу, въ путь дорогу!

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ПРАВОСЛАВНАГО ВИЛЕНСКАГО СВЯГО-ДУХОВСКАГО БРАТСТВА.

26-го минувшаго мѣся, въ день празднованія воссоединенія униатовъ съ православною церковію, послѣ литургіи въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, совершенной преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, члены свяго-духовскаго братства, проживающіе въ Вильнѣ, собрались въ домъ г. генералъ-губернатора для выбора почетныхъ членовъ совѣта, въ замѣну выбывшихъ изъ совѣта Я. П. Бакланова и В. А. Давыдова. Засѣданіе открылось всеобщимъ пѣніемъ: „Днесь благодать Святаго Духа на съ собра“; затѣмъ дѣлопроизводитель совѣта В. П. Кулинь прочелъ краткій отчетъ о дѣятельности братства за минувшіе 10 мѣсяцевъ его существованія. Этотъ отчетъ помѣщается ниже. Почетными членами братства избраны были единогласно: Д. А. Толстой, П. Н. Батушковъ, С. А. Масловъ, И. С. Аксаковъ и М. О. Колловичъ. Постановлено: просить означенныхъ лицъ почтить братство принятіемъ этого званія. М. О. Колловичъ, въ настоящее время дорогой нашъ виленскій гость, прибывшій на свою родину для ученыхъ работъ, находился тутъ же, въ собраніи; на общую просьбу принять званіе почетнаго члена братства, онъ отвѣчалъ теплымъ задушевнымъ словомъ, которымъ мы и заключаемъ нашу статью. Членами совѣта избраны Н. А. Зубковъ и каедральный протоіерей В. И. Гомолцкій. Послѣ выборовъ началась подписка на сооруженіе братской иконы, въ память чудеснаго избавленія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, 4-го апрѣля, отъ угрожавшей ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ опасности.

Внесли пожертвованіе:

К. П. фонъ-Клаушманъ 50 руб., С. Ѳ. Панютинъ 10 р. о. арх. Іосифъ 10 р., члены совѣта 57 р., П. А. Безоновъ 1 р., Бирюковъ 3 р., Яковлевъ 3 р., Н. И. Соколовъ 2 р., А. Демьяновскій 1 р., Бѣловъ 2 р., Щербинцкій 1 р., Дружининъ 2 р., Меркушевъ 1 р., Шестаковъ 1 р., всего 144 руб. Внесались въ братство слѣдующія лица: А. И. Яковлева 10 р., С. В. Поповъ 6 р., М. Ѳ. де-Пуле, А. П. Стороженко 10 р., И. Меркушевъ 5 р., и К. Цвѣтковъ 5 р.

Собраніе кончилось общимъ пѣніемъ молитвы „Достойно естъ“. Присутствовавшіе оставили залу собранія въ надеждѣ собраться вновь 6-го августа, въ день годовщины открытія братства, и помолиться въ Свято-Духовскомъ монастырѣ за всѣхъ благодѣющихъ братству.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ, ЧИТАННЫЙ ДѢЛПРОИЗВОДИТЕЛЕМЪ СОВѢТА В. Н. КУЛИНЫНЪ.

М.м. 22.

Гг. члены свято-духовскаго братства!

6-го августа минувшаго 1865 года, по архиастырскому благословенію высокопреосвященнѣйшаго Іосифа митрополита литовскаго и виленскаго, и съ разрѣшенія г. главнаго начальника края, его высокопревосходительства Константина Петровича фонъ-Кауфмана, было открыто въ г. Вильнѣ, или вѣрнѣе, восстановлено при свято-духовскомъ монастырѣ православное братство, существовавшее здѣсь съ 1609 года. Черезъ два мѣсяца съ небольшимъ исполнится годъ сему учрежденію, и тогда совѣтъ братства будетъ имѣть честь представить общему собранію подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и объ употребленіи ввѣренныхъ ему суммъ; о дѣятельности братства отчасти уже было сообщено въ „Виленскомъ Вѣстникѣ.“ Нынѣ достопочетному собранію предлежитъ избрать 2-хъ членовъ совѣта, въ замѣнѣ выбывшихъ изъ онаго генераль-лейтенанта Якова Петровича Бакланова и Вл. Льв. Давыдова, и почетныхъ членовъ братства. Совѣтъ братства считаетъ однако своею обязанностію воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы представить вашему, мм. гг., вниманію хотя краткій очеркъ своей дѣятельности за минувшіе 10 мѣсяцевъ и нынѣшнее положеніе дѣлъ братства. Совѣту угодно было предоставить мнѣ честь исполнить это постановленіе.

Относящіяся къ сему предмету данныя заключаются къ слѣдующемъ:

Въ Свято-Духовскомъ братствѣ состоитъ нынѣ 469 членовъ, кромѣ лицъ, поименованныхъ въ спискахъ, препровожденныхъ изъ управленія виленскаго учебнаго округа и отъ бывшаго редактора газеты „День“ И. С. Аксакова, такъ какъ пожертвованія Свято-Духовскаго братства. Званіе почетнаго предсѣдателя братства изволилъ принять избранный въ общемъ собраніи 6-го августа 1865 г., по единогласному желанію всѣхъ членовъ, высокопреосвященнѣйшій Іосифъ митрополитъ литовскій и виленскій; почетные члены—его высокопревосходительство К. П. фонъ-Кауфманъ, графъ М. Н. Муравьевъ и князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ. Суммъ братства къ 24-му сего мая было:

въ приходѣ -	-	-	-	-	9123 р.
— расходѣ -	-	-	-	-	3912 р. 70 к.
за тѣмъ въ остаткѣ	-	-	-	-	5210 р. 30 к.

Въ томъ числѣ:

а) 12 билетовъ внутренняго займа на сумму -	1200 р.
б) 44 серіи съ процентами - - -	2234 р. 74 к.
и в) паличными деньгами - - -	1775 р. 56 к.

Такимъ образомъ братство имѣетъ въ настоящее время чистаго капитала 5,210 руб. 30 к.; сверхъ того ему принадлежатъ три денежныхъ документа: одинъ въ 1,400 руб., пожертвованный г-жею Исползатовой и доставленный въ советъ почетнымъ членомъ княземъ А. П. Ширинскимъ-Шахматовымъ, другой составляетъ заемное письмо въ 200 руб. и третій—10% съ капитала 2000 р., которые требуется взыскать. Советъ братства уже обратился въ подлежащія мѣста съ ходатайствомъ о взысканіи сихъ денегъ.

Кромѣ денежныхъ приношеній, советомъ получены значительныя пожертвованія вещами отъ разныхъ лицъ мѣстнаго виленскаго общества, наиболѣе же изъ Москвы и Петербурга, именно: полныхъ священническихъ облаченій получено 15, священническихъ ризъ 8, подризниковъ 2, епитрахилей 14, поясовъ 11, набедренниковъ 2, чоручей 11 паръ, воздуховъ 25, пелень 12, хоругвей 5, образовъ 8, на престольныхъ евангеліи 9, ковчеговъ 2, ковшиковъ для теплоты 22, сосудовъ 6, лампадки 2, пасхальныя свѣчи 2, паникадильницы 4, трикирія 2, крестовъ 3, кропиль 2, дароносицы 2, подсвѣчниковъ 2, занавѣсъ 1, малыхъ образковъ и крестиковъ 250, и книгъ духовнаго содержанія 175 экз., изъ нихъ 110 евангелій. Всѣ эти предметы уже, большею частію, распределены по нуждающимся церквамъ, преимущественно по новоустроеннымъ въ Виленскомъ уѣздѣ.

Въ продолженіи 10-ти мѣсяцевъ существованія возобновленнаго братства советъ имѣлъ 31 засѣданіе. Предметы занятія совета относились преимущественно къ первымъ тремъ пунктамъ § 3-го устава, т. е., по мѣрѣ имѣвшихся средствъ, онъ занялся: во 1-хъ, о поддержаніи и украшеніи православныхъ храмовъ, во 2-хъ, о судьбѣ лицъ, принявшихъ православіе, въ 3-хъ, по посоліи лицамъ православнаго исповѣданія, находившимся въ крайней нуждѣ, покровительствовать и помогать которымъ советъ считалъ своею обязанностію. Означенныя расходы въ 3,712 р. 10 к. распределяются слѣдующимъ образомъ:

1. Употреблено на приобрѣтеніе церковной утвари и священническихъ облаченій, на устройство склада въ г. Вильнѣ для продажи иконъ, крестиковъ и книгъ духовнаго содержанія, на изготовленіе 100 книжекъ для сбора пожертвованій, на приобрѣтеніе крестниковъ и иконъ, на пособіе ученикамъ народныхъ школъ, на провозъ и содержаніе пѣвчихъ въ новооткрытыхъ приходахъ и т. п. - - 972 р. 86 к.

2. Выдано въ пособіе новоприсоединеннымъ къ православію въ г. Вильнѣ, преимущественно же въ деревняхъ - - - - - 870 р. —

3. Выдано въ пособіе православнымъ священникамъ и причту на новыхъ приходахъ - - - 629 р. 10 к.

4. Выдано вспоможенія православнымъ, по личномъ удостовѣреніи членовъ братства въ крайней ихъ бѣдности	-	-	-	-	634 р.	—
5. Выдано заимообразно нуждающимся изъ духовнаго званія и изъ крестьянъ	-	-	-	-	255 р.	—
6. Выдано для образованія ссудныхъ кассъ въ приходяхъ	-	-	-	-	300 р.	—
7. На устройство народной школы въ м. Шумскѣ, Виленскаго уѣзда	-	-	-	-	200 р.	—
8. На наемъ писаря, изготовленіе канцелярскихъ книгъ и прочіе канцелярскіе потребности израсходовано	-	-	-	-	51 р. 74 к.	

Изъ этого краткаго перечня статей расхода отчасти видна уже дѣятельность совѣта.

Согласно 3-му и 4-му пунктамъ § 3-го устава, опредѣляющаго предметы занятій братства, совѣтъ обратилъ вниманіе и на усиленіе средствъ народнаго образованія: оказано вспомошествованіе ученикамъ виленскихъ народныхъ школъ, состоящимъ, въ хорѣ Благовѣщенской церкви, выдано пособие одному ученику гимназій, пристроенъ одинъ бѣдный милчицъ въ духовное училище, другому выдается ежемѣсячное пособие на воспитаніе, обезпечено существованіе школы въ м. Шумскѣ и приняты въ послѣднее время мѣры къ устройству народныхъ училищъ въ тѣхъ новыхъ православныхъ приходяхъ, гдѣ до сего времени не было школъ. Для продажнаго склада выписано изъ Москвы 25 т. крестиковъ и сдѣлано 10 т. образковъ съ изображеніями Св. виленскихъ Мучениковъ; затѣмъ, заботясь объ участи бѣдныхъ лицъ, принимающихъ привославіе весьма часто нуждающихся не только въ средствахъ къ жизни, но и въ помѣщеніи, совѣтъ нашелъ нужнымъ ходатайствовать у г. главнаго начальника края о предоставленіи въ распоряженіе братства особеннаго для сей цѣли помѣщенія, на что его высокопревосходительство выразилъ совершенное свое согласіе.

Независимо отъ различныхъ предметовъ, входившихъ въ кругъ дѣятельности совѣта, члены совѣта и многіе изъ членовъ братства посвящали свои труды слѣдующему занятію: въ видахъ большаго развитія способовъ для дѣятельности братства, совѣтъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1865 года обратился къ г. главному начальнику края съ ходатайствомъ о предоставленіи въ распоряженіе братства тѣхъ денежныхъ суммъ, которыя выдаются его высокопревосходительствомъ бѣднымъ лицамъ разнаго званія, по прошеніямъ, засвидѣтельствованнымъ мѣстною полиціею. Константинъ Петровичъ сочувственно изволилъ принять таковое заявленіе совѣта, и по его приказанію было препровождено въ совѣтъ разновременно 1280 р. и 245 прошеній. Лососія эти были выдаваемы по личномъ удостовѣреніи членовъ братства на мѣстѣ въ дѣйствительной бѣдности просителей. Съ теченіемъ времени, по увеличившемуся числу про-

шеній и для скорѣйшаго удовлетворенія ихъ, найдено было болѣе удобнымъ, для разбора прошеній и обслѣдованія ихъ на мѣстѣ, образовать особый комитетъ, который въ январѣ мѣсяцѣ сего года и состоялся изъ дамъ мѣстнаго общества и нѣкоторыхъ членовъ братства, подъ предсѣдательствомъ Д. О. Панютиной; вновь поступившіе отъ генераль-губернатора 900 р. были сполна препровождены въ этотъ комитетъ, который и распредѣлилъ ихъ между просителями, по самомъ точномъ и ближайшемъ изслѣдованіи ихъ положенія.

Въ заключеніе, на основаніи имѣющихся фактовъ и заявленій, совѣтъ можетъ выразить увѣреніе, что сочувствіе къ Свято-духовскому братству ревнителей православія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и просвѣщенія, не ослабѣваетъ, но постепенно возрастаетъ, есть лица, искренно преданныя цѣлямъ братства, трудящіяся и жертвующія въ его пользу; достаточно указать на книжки для сбора приношеній, которыхъ, по заявленію лицъ, желающихъ служить дѣлу братства, роздано членамъ братства на мѣстѣ и разослано преимущественно въ Петербургъ и Москву 45 экз.; по 6-ти изъ нихъ уже получены деньги, въ количествѣ 1703 р. 50 к. и много вещей; укажемъ еще на неизвѣстнаго жертвователя, благодѣющая рука котораго вложила въ братскую кружку, находящуюся въ церкви Свято-Духовскаго монастыря 900 руб. Дальнѣйшіе успѣхи братства зависятъ отъ участія и сочувствія къ нему членовъ. Учрежденіе это для насъ еще ново, но десятилѣтній опытъ объяснилъ уже разнымъ сторонамъ дѣла, что, безъ сомнѣнія, послужитъ полезнымъ указаніемъ на будущее время. Совѣтъ питаетъ, мм. гг., глуокое увѣженіе, что братство не оскудѣетъ ни въ средствахъ, въ развитіи своей благотворной дѣятельности; нужно только одно: дабы не оскудѣли сердца наши въ любви и преданности къ основной стихіи нашей жизни, къ святому нашему православію.

РѢЧЬ М. О. КОЯЛОВИЧА *)

„Не могу не высказать передъ братствомъ, что предлагаемая мнѣ честь приводитъ меня въ крайнее смущеніе. Если я что либо дѣлаю для западной Россіи, то дѣлаю съ такою же необходимостію, съ какою дышу воздухомъ, и какъ не могу не дышать воздухомъ, пока живу, точно также не могу не думать о западной Россіи и не дѣлать чего либо по ея дѣламъ. Слѣдовательно, въ моихъ мысляхъ никакъ не можетъ вмѣщаться понятіе о выраженіи мнѣ за это какого либо особеннаго вниманія. Поэтому, я просилъ бы братство взять назадъ сдѣланное предложеніе и оставить меня въ томъ положеніи, въ какомъ я былъ

*) Слова эти сказаны совершенно неожиданно. Въ нихъ естественно есть много недомолвокъ и многія изъ нихъ требуютъ поясненій. Важнѣйшія поясненія сдѣланы авторомъ въ примѣчаніяхъ.

до сихъ поръ, т. е. въ званіи дѣйствительнаго члена братства, тѣмъ болѣе, что по принятымъ обычаямъ почетные члены должны доказывать свое сочувствіе обществу не только особыми нравственными своими силами, но и особенными матеріальными средствами, а я могъ до сихъ поръ быть только передатчикомъ братству чужихъ средствъ, самъ же не могу отвѣчать тому понятію, какое имѣю о матеріальномъ участіи въ дѣлахъ братства почетныхъ его членовъ.⁴

Послѣ того, какъ братство настаивало, чтобы предложенное званіе было принято, Михаилъ Осиповичъ отвѣчалъ:

„Мнѣ остается принять предложенное званіе, но приму я его, если можно такъ сказать, въ особенномъ смыслѣ, который позволю себѣ здѣсь высказать. Я здѣсь изъ числа мѣстныхъ русскихъ людей, сохранныхъ западно-русскою жизнію среди тяжкихъ бѣдъ отъ Польши. Я воспитанъ преданіями нашего славнаго прошедшаго *), трудами преемственныхъ поколѣній **), причѣмъ не могу не вспомнить съ благодарностію перваго въ послѣднее время и самаго мощнаго русскаго строителя здѣшней земли въ самой важной сферѣ—нравственной, удрученнаго теперь послѣ великихъ трудовъ недугами (митрополита Іосифа), я воспитанъ далѣе великою оживляющею силою съ Востока, изъ восточной Россіи, наконецъ долженъ сказать, воспитанъ не мало и отталкивающею силою польской неправды. Въ моей жизни, въ моей дѣятельности, смѣю думать, выражается неразрывное единеніе восточной и западной Россіи, и если бы кто въ состояніи былъ разрушить во мнѣ это единеніе, то это равносильно было бы для меня нравственной смерти ***). Вотъ, во имя этого-то единенія восточной и западной Россіи я позволю себѣ принять предложенную мнѣ честь и остановлю на немъ на нѣсколько минутъ вниманіе братства, потому что, по моему убѣжденію, единеніе это—одна изъ важнѣйшихъ задачъ братства.

*) Разумѣется борьба здѣшнихъ русскихъ людей съ Польшей и по преимуществу борьба братствъ. *Дом.*

**.) Этотъ преемственный трудъ—русскій православный трудъ здѣшнихъ поколѣній до самыхъ послѣднихъ временъ—весьма богатъ фактами, былыми до сихъ поръ болѣею частью въ неизвѣстности. Ихъ можно будетъ отчасти видѣть въ составляемой мною исторіи воссоединенія уліатовъ. *Дом.*

***.) Я совершенно увѣренъ, что единеніе это живетъ въ душѣ даже тѣхъ здѣшнихъ русскихъ людей, въ которыхъ, подъ напоромъ польскихъ влияній, свѣжій человекъ затрудняется видѣть русскихъ людей. Польша лишила насъ нашей русской рѣчи, русскихъ обычаевъ, но загубить въ здѣшнихъ людяхъ совершенно русскую душу ей удавалось далеко не такъ легко и часто, какъ многіе думаютъ. Наши отцы очень часто прогнали Польшу и стремились къ Россіи польскою рѣчью, въ польской одеждѣ, въ домахъ, но польски устроенныхъ, и даже въ ополченныхъ церквяхъ. Многіе изъ насъ помнятъ, какъ въ дѣтствѣ, при совершенномъ видимомъ отсутствіи различія отъ польскихъ дѣтей, мы не разъ воювали съ этими послѣдними за оскорбленіе русскаго имени и руской вѣры. *Дом.*

Въ недавнее здѣсь пребываніе мое я не могъ не замѣтить, сколько сдѣлано въ этой странѣ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ (со времени послѣдняго моего пребыванія здѣсь). Я долженъ сказать, что пораженъ громадностію и разнообразіемъ трудовъ здѣшней администраціи. Здѣсь официальное лицо должно принимать на себя неисчислимое множество дѣлъ и удовлетворять неисчислимымъ потребностямъ страны. Вотъ и мы, братство, собрались въ официальномъ домѣ, должны были воспользоваться гостепріимствомъ перваго здѣсь официального лица. Теперь, я во очію вижу то, что на другія основанія сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что *„здѣсь правительство—все для страны.“* Не думаю, чтобы исторія наша и исторія другихъ странъ могли представить много подобныхъ случаевъ богатства и разнообразія дѣлъ правительства страны. Но да позволено мнѣ будетъ сказать съ тою свободою и независимостію, съ которыми никогда и нигдѣ не могу разстаться, что рядомъ съ этимъ богатствомъ и разнообразіемъ дѣлъ правительства, я пораженъ теперь больше, чѣмъ когда либо, страшною бѣдностію неофициальныхъ, мѣстныхъ силъ и дѣлъ. Правда, на дняхъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ одномъ изъ здѣшнихъ народныхъ училищъ воскресающія уже мѣстныя силы; знаю, что есть здѣсь не мало русскихъ духовныхъ людей, есть и свѣтскіе русскіе люди, давно здѣсь живущіе; но кто же не видитъ, что въ нихъ далеко нѣтъ той полноты, какая нужна для соотвѣтствія полнотѣ вновь прибывшихъ официальныхъ силъ, что между этими мѣстными силами и вновь прибывшими, да и вообще между всѣми нами недостаетъ того полного единенія, которое составляетъ завѣтъ нашей общей жизни. Какъ создать эту полноту мѣстныхъ силъ, какъ утвердить единеніе между всѣми нами? Мнѣ приходилось не мало объ этомъ думать и вотъ мой взглядъ на это дѣло: вѣка были въ разъединеніи восточно-русскіе и западно-русскіе люди, не мудрено, что и полное единеніе между ними должно выработываться трудомъ и временемъ. Для этого дѣла уже много положено матеріальной силы, много положено и ума. Мнѣ думается что завершить его не матеріальная русская сила, ни даже русскій умъ, а *русскіи душа*, та душа, сокровища которой дали намъ наше великое прошедшее и составляютъ упованіе въ будущемъ не только наше, но и всѣхъ славянскихъ народовъ. Внести сокровища этой души въ здѣшнюю страну, воскресить ими бѣдныя здѣшнія силы русскія и привести ихъ къ полному единенію со всею Россіей, мнѣ думается, предстоитъ прежде всего нашему братству. Я не могу при этомъ не гадать, когда будетъ это желанное будущее. Вѣра въ будущее говоритъ мнѣ, что это будетъ скоро. Вѣру эту внушаетъ мнѣ, между прочимъ, и тѣ, что я здѣсь вижу такъ много русскихъ людей, связанныхъ братствомъ. Мнѣ кажется, что вотъ теперь уже радуются это-

му великія тѣни прошедшаго—тѣни князя Острожскаго, Курбскаго, Древинскаго, Ордина-Напокина, Георгія Конисскаго, Мельхиседека Яворскаго, не говорю о множествѣ другихъ людей, особенно великорусскихъ, вкладами которыхъ полны были почти всѣ здѣшнія братства. Эти великія тѣни, безъ сомнѣнія, яснѣе меня видать, какъ близко это другое будущее, то будущее,—когда здѣсь будетъ дѣйствительно единая русская душа и въ ней неизмѣнно будетъ пребывать непоколебимая любовь къ дважды, можно сказать, „Богомъ намъ данному ЦАРЮ-ГОСУДАРЮ“, который, невольно думается, для ближайшихъ нашихъ потомковъ будетъ Владиміромъ нашихъ дней;

когда здѣсь будетъ единая русская семья, конечно безъ тѣхъ фальшивыхъ элементовъ—русско-латинскихъ, жидовско-русскихъ, которые двигаются въ нее не живою дѣйствительностію, а болѣзненными теоріями и болѣзненными личностями нашей интеллигенціи;

когда у насъ будетъ дѣйствительно единая русская земля, безъ притязаній на несомвѣстимыя особенности, но и безъ придирчивости къ тѣмъ русскимъ особенностямъ, которыя живутъ себѣ безвредно.

Всей душой желаю, чтобы это будущее было къ намъ какъ можно ближе, чтобы для него наше братство потрудилося возможно больше и успѣшнѣе и чтобы наши ближайшіе потомки жили здѣсь спокойно и счастливо.

Вил. Вѣст.

МОГИЛЕВСКАЯ ШЛЯХТА.

Въ Могилевской губерніи, какъ и во всемъ западномъ краѣ, существуетъ разрядъ жителей подъ названіемъ шляхты. Подъ шляхтой въ Могилевской губерніи разумѣютъ безразлично и собственно такъ называемую шляхту, утвержденную въ дворянствѣ, или отыскивающую оное, и однодворцевъ, такъ какъ наименованіе однодворцевъ приняли лица изъ той же самой шляхты, которыя не доказали своего дворянскаго званія и еще до указа 1864 года записались въ однодворцы; большая часть однодворцевъ живетъ, по прежнему, въ однихъ околицахъ и застѣнкахъ съ шляхтою. Поэтому въ настоящей статьѣ мы соединили тѣхъ и другихъ въ одно первоначальное и народное названіе ихъ шляхты.

Всей шляхты считается въ губерніи за 1865 годъ 37,506 обоюго пола; шляхта разселена по всѣмъ одиннадцати уѣздамъ губерніи. По уѣздамъ шляхта, распредѣляется въ слѣдующей численности.

	Муж.	Жен.	Обоего.	Всѣхъ жителей	Отношеніе числа шляхты къ общему числу жителей.
1. Въ Сѣнненскомъ уѣз.	1462	1395	2859	85531	I: 30.
2. — Оршанскомъ. —	1275	1312	2587	102759	I: 40.
3. — Горѣцкомъ. —	199	171	370	67205	I: 183.
4. — Могилевскомъ. —	1562	1633	3195	103479	I: 32,74.
5. — Быховскомъ. —	651	599	1250	75867	I: 60,7.
6. — Чаусскомъ. —	882	867	1749	48309	I: 28.
7. — Мстиславльск. —	1246	1249	2495	62435	I: 25.
8. — Чериковскомъ. —	2523	2703	5226	83328	I: 16.
9. — Климовичск. —	1931	1935	3866	84643	I: 22,9.
10. — Рогачевскомъ. —	6064	6100	12164	121627	I: 10.
11. — Гомельскомъ. —	846	899	1745	111006	I: 66.
	18643	18863	37506	941946	I: 25.

Въ итогѣ шляхты не включено еще чиновное шляхетство, состоящее на государственной службѣ по Могилевской губерніи: чиновнаго шляхетства съ ихъ семействами наберется еще служащаго до 500 душъ обоюго пола, и всей шляхты составитса 38000 душъ обоюго пола, $\frac{4}{10}$ всего населенія, или одинъ шляхта приходится въ 25 жителейхъ. По уѣздамъ эта численность идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ наименьшей и оканчивая наибольшой.

1. Въ Горѣцкомъ одинъ шляхта приходится		
	на 183 ж. въ проц.	0,55.
2. — Гомельскомъ	66	1, .1.
3. — Быховскомъ	61	1, .98.
4. — Оршанскомъ	40	2, .0.
5. — Могилевскомъ	32	3, .14.
6. — Сѣнненскомъ	30	3, .24.
7. — Чаусскомъ	28	4, .10.
8. — Мстиславльскомъ	25	4, .0.
9. — Климовичскомъ	22	4, .51.
10. — Чериковскомъ	16	6, .15.
11. — Рогачевскомъ	10	10.

Эта глѣстница показываетъ, что число шляхты постепенно увеличивается съ сѣвера на югъ губерніи отъ Горѣцкаго, Оршанскаго, Сѣнненскаго, Могилевскаго и Быховскаго уѣздовъ къ другой группѣ уѣздовъ Чаусскому, Мстиславльскому, Климовичскому, Чериковскому и Рогачевскому; одинъ Гомельскій уѣздъ изъ южныхъ представляется малочисленнымъ шляхтою и то, потому, что во вторъ мѣ станѣ, самомъ населенномъ, на границѣ къ Черниговской губерніи отъ Вѣтки къ Новозыбкову шляхты совсемъ нѣтъ; только въ самой Вѣткѣ проживаетъ 11 человекъ обоого пола. Посему, если общее число 1745 гомельской шляхты поставить въ отношеніе только къ населенію перваго и третьяго становъ, прилегающихъ къ Рогачевскому уѣзду, то на 60,000 жителей этихъ двухъ становъ придется одинъ шляхта не болѣе какъ на 35 жителей или $3 /$. Гомельская шляхта вся сгруппировала по границѣ къ Рогачевскому уѣзду, и если взять только этотъ пограничный рубежъ, то и Гомельская шляхта составить къ мѣстному порубежному населенію, какъ и рогачевская, около $10 /$. Уменьшеніе числа шляхты встрѣчаемъ на крайнемъ восточномъ рубежѣ къ Смоленской и Черниговской губерніи и въ прочихъ восточныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи: Климовичскомъ, Чериковскомъ и Мстиславльскомъ. Въ первомъ станѣ Мстиславльскаго уѣзда къ Хославицамъ и за ними къ Рославлю шляхты считается только 43 человекъ, такъ, что ставя отношеніе 2450 остальной шляхты во 2 и 3-мъ станахъ ко всему населенію этихъ двухъ становъ въ 42,000, то приходится одинъ шляхта въ 17 жителейхъ, Въ Черниговскомъ уѣздѣ меньшее число шляхты тоже къ предѣламъ Черниговской губерніи въ третьемъ станѣ за Краснополье. Въ Климовичскомъ въ 3 станѣ Костюковичскомъ. Далѣе къ сѣверо-западу отъ Хославицъ и Мстиславлѣ тоже нѣтъ шляхты по всему пространству, прилежащему къ уѣздамъ Смоленской губерніи, Красненскому, Смоленскому и Порѣцкому, которое обнимаетъ собою почти весь Горѣцкій уѣздъ; въ Горѣцкомъ уѣздѣ есть только въ 1 станѣ въ Дѣбру и г. Копысю семействъ 35 съ числомъ 186 душъ шляхты обоого пола, проживающей частію на собственныхъ, частію на арендуемыхъ земляхъ. Затѣмъ въ 4 станѣ Оршанскаго уѣзда отъ

Добавить къ Смоленскому со всѣмъ нѣтъ шляхты. Наконецъ въ Сѣнненскомъ уѣздѣ очень мало шляхты въ 3 станѣ, прилежащемъ къ Оршанскому уѣзду и къ Витебской губерніи. И такъ съ сѣверо-запада къ юго-востоку по всему рубежу къ сосѣднимъ губерніямъ Витебской, Смоленской и Черниговской огibaеть по Могилевской губерніи неширокая полоса: отъ м. Островны чрезъ Бабичевичи, Любавичи, Горки, Хославичи, Костюковичи и Краснополье къ Вѣтѣ, въ которой шляхты нѣтъ.

Изъ общаго числа шляхты очень не много живеть въ городахъ, а почти вся она составляетъ коренное сельское населеніе. Въ городахъ, кромѣ чиновной, служащей шляхты, считается шляхты въ числѣ городскихъ обывателей:

	Муж.	Жен.	Обоего пола.
1. Въ Сѣннѣ	3	2	5
2. — Оршѣ	4	5	9
3. — Горкахъ	22	1	23
4. — Могилевѣ	151	207	358
5. — Чаусахъ	53	49	102
6. — Быховѣ	—	—	—
7. — Мстиславѣ	17	31	48
8. — Чериковѣ	10	9	19
9. — Климовичахъ	—	—	—
10. — Гомелѣ	4	8	12
Итого	264	312	576

Слѣдовательно въ городахъ живеть $1\frac{1}{2}\%$ шляхты, а со включеніемъ чиновниковъ и семействъ ихъ изъ всего шляхетства, проживающихъ въ городахъ не болѣе 3% .

Шляхта группируется съ обонхъ краевъ губерніи, съ западнаго и восточнаго, — составляя двѣ отдѣльныя линіи или группы: сожскую и друтскую. Самое густое и большое населеніе шляхты идетъ по сожскому водоему, начиная съ Мстиславля чрезъ Бичевъ, а за Чечерскомъ и Рогачевомъ, гдѣ сближаются Дѣпръ и Сожь, шляхетскія околицы группируются около обѣихъ этихъ рѣкъ, какъ по берегамъ ихъ, такъ и на разстояніи отъ береговъ верстъ на 30. Срединная линія плотнѣйшаго шляхетскаго населенія сожской группы идетъ отъ Мстиславля къ Чечерску, сперва по Вехрѣ потомъ по Сожу до Гомеля и занимаетъ площадь верстъ по 30 въ ту и другую сторону или 60 верстъ въ поперечникѣ къ Смоленской и Черниговской губерніямъ на востокъ и къ Минской на западъ. На этомъ пространствѣ причитается въ 16 жителей одинъ шляхта, или не менѣе 6% . Въ друтской группѣ, въ Сѣнненскомъ и Оршанскомъ уѣздахъ, шляхта группируется около Сѣны, Черен, Бобра и Толочина, а въ Могилевскомъ по друтскому водоему (въ 3 станѣ) около Друцеа и Балыничъ, и

линія плотнѣйшаго населенія шляхетскаго составляетъ одну дѣль отъ Сѣвна чрезъ Черевъ, Бобръ, Толочинъ и чрезъ Друцкъ, Блнничъ и Озераны къ Рогачеву. Въ этой полосѣ приходится изъ 20 жителей одинъ шляхтичъ, т. е. 5% всего населенія. Это распредѣленіе шляхты указываетъ, что она сгруппирована около двухъ древнихъ княжествъ: Друцкаго въ бассейнѣ Друти и Днѣпра и Мстиславльскаго въ бассейнѣ р. Сожа. Раздѣльная линія этихъ двухъ группъ проходитъ водораздѣльнымъ хребтвомъ Днѣпра и Сожа, отъ Дубровны на Любизъ, потомъ по западной границѣ Чаусскаго уѣзда, за которымъ идетъ на Бахань, Журавичъ, Свержень, Городецъ къ самому устью Друти при г. Рогачевѣ. За Рогачевомъ и Кормой къ Жлобину и Чечерску группы сходятся. Рогачевская шляхта съ гомельской представляетъ при Гомелѣ сводъ или дугу этихъ двухъ группъ, расходящихся къверху по Сожу и Друти. Въ срединѣ между сторонами, на водораздѣлѣ Днѣпра и Сожа, шляхты очень мало: въ уѣздахъ Горѣшкомъ, Чаусскомъ и восточной половинѣ Быховскаго между Днѣпромъ и Сожомъ; почти все, небольшое впрочемъ, число Быховской шляхты живетъ въ западной половинѣ Быховскаго уѣзда за правымъ берегомъ Днѣпра, особенно по Друти.

Эти двѣ группы шляхты сѣверо-западная и юго-восточная различны между собою и въ численности и въ поземельномъ устройствѣ, въ разселеніи и религии, въ бытѣ и обычаяхъ.

Какъ разнообразна численность шляхты, такъ же разнообразна численность и величина шляхетскихъ селеній въ разныхъ мѣстностяхъ Могилевской губерніи. Шляхетскія селенія т. е. тѣ селенія, въ которыхъ живетъ исключительно шляхта обыкновенно называются *околицами* и *застѣнками*. Въ околицахъ и застѣнкахъ шляхта составляетъ болѣе или менѣе значительнаго общества съ числомъ душъ обоего пола отъ 40 и какъ въ Осмоловичахъ Клевовичскаго уѣзда до 850 жителей, кромѣ того шляхта живетъ одиночно: 1) въ деревняхъ между крестьянами; 2) на отдѣльныхъ фольваркахъ. Околицы рѣдко имѣютъ населеніе менѣе 40 душъ обоего пола, но въ застѣнкахъ случается и не болѣе 20 жителей.

Относительно числа и величины шляхетскихъ поселеній сѣверо-западная и юговосточная половины губерніи представляютъ тоже противоположность, какъ и въ численности самой шляхты. Въ сѣверозападной или Друцкой половинѣ шляхта живетъ разбросанно по мелкимъ застѣнкамъ, по деревнямъ, между крестьянами, и по отдѣльнымъ фольваркамъ и очень рѣдко встрѣчается значительная околица. Въ восточной или Сожской, напротивъ шляхта живетъ большими околицами отъ 40 до 850 жителей. Отъ того число селеній, въ которомъ живетъ шляхта, включая и города въ сѣверозападной половинѣ, значительно болѣе, чѣмъ въ юговосточной, между тѣмъ, какъ число самой шляхты гораздо больше въ юговосточной половинѣ.

Соединенное раздѣленіе.

Въ настоящее время шляхта не составляетъ особаго сословія въ губерніи, а приписалась къ разнымъ другимъ существующимъ сословіямъ, именно приписалось душъ одного мужскаго пола по 1-е января 1866 года.

	Могилевъ.	Чаусы.	Чериковъ.	Климовичи.	Мстиславль.	Горки.	Орша.	Сянно.	Рогачевъ.	Гомель.	Бнзовъ.	Итого.
Въ мѣщане и граждане	331	266	134	1971	361	129	34	292	109	1253	285	3248
Въ однодворцы (*)	1544	763	1736	106	951	145	782	705	950	114	524	12561
Въ крестьяне казенные и въ крестьяне собствен- ники	18	1	18	6	28	15	51	37	100	7	29	3100
Въ купцы	10	12	2	2	4	13	6	21	7	77		
А всего	1903	1062	1896	2145	2274	289	860	633	5325	1305	644	18116

Въ дворянствѣ остается изъ количннй шляхты по губерніи не болѣе..... 850

И такъ изъ 38000 шляхты осталось въ дворянствѣ личномъ и потомственномъ около 1712 душъ обоого пола, а остальные 36288 приписались къ разнымъ другимъ сословіямъ и всего болѣе, около 25000 записалось въ однодворцы, за тѣмъ 10500 въ мѣщане и граждане, только 630 въ крестьяне, и всего менѣе 150 душъ обоого пола въ купцы.

Несемельное устройство шляхты.

Переходя къ разсмотрѣнію землевладѣнія у шляхты мы считаемъ нужнымъ снова привести таблицу распредѣленія шляхты по группамъ, съ тѣмъ измѣненіемъ, что въ друтскую группу теперь перечисляемъ изъ сожской группы и ту часть шляхты рогачевской, которая живетъ по Друти и Днѣпру съ водораздѣла отъ Сожи и ту часть гомельской шляхты, которая живетъ по водоему днѣпровскому, такъ что раздѣльная черта двухъ группъ проходитъ отъ Дубровны по водораздѣлу между Днѣпромъ и Сожью до слиянія ихъ при Лоевѣ. Такое раздѣленіе группъ еще рѣзче указываетъ на различіе ихъ между собою. Такимъ образомъ изъ сожской группы перечисляется въ друтскую рогачевской шляхты 1700 душъ въ 24 селеніяхъ, начиная съ Тержета и оканчивая Ходосовичами и гомельской 227 душъ обоого пола въ 9 селеніяхъ, изъ которыхъ только два значительны: Щербовка и Бѣлые берега. Группы являются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Сѣверозападная или друтская группа.

12,188 душъ обоего пола шляхты разбросаны по 521 селенію въ 2090 дворовъ.

Юговосточная или сожская группа.

25,318 разбросаны по 248 селеніяхъ въ 4439 дворовъ.

А всего 37,506 душъ обоего пола разбросаны по 769 селеніяхъ, 6529 дворовъ.

И при этомъ распредѣленіи группъ выводъ тотъ же, что въ друтской группѣ живутъ мелкими селеніями и разбросано, въ сожской крупными околицами и болѣе скученно. Во всей друтской группѣ только двѣ большія околицы съ населеніемъ около 380 душъ—Тертежь и Сѣножатки.

Поземельное устройство шляхты тоже различно въ обѣихъ группахъ: друтской и сожской или мстиславельской. Мы будемъ называть обѣ группы или по рѣкамъ, или по древнимъ удѣльнымъ княжествамъ, въ предѣлахъ которыхъ та и другая группа г. авнымъ образомъ, поселилась. Въ группѣ друтской или дячпровской въ шести западныхъ уѣздахъ могилевской губерніи большинство шляхты не имѣетъ собственной земли, а проживаетъ на арендной землѣ, государственной, помѣщичьей, городской, церковной, или даже совсѣмъ безземельно въ батракахъ и въ должностяхъ при экономіи. Въ сожской же группѣ безземельной шляхты очень мало, а почти вся шляхта живетъ на землѣ собственной. Такое устройство, безземелье однихъ и землевладѣніе другихъ опредѣлило самый способъ расселенія шляхетскаго, разбросаннаго въ одной и скученнаго въ другой, такъ что разбросанность и скученность шляхты прямо пропорціональны числу душъ безземельныхъ и земельныхъ. Тамъ, гдѣ больше шляхты безземельной, она живетъ разбросаннѣе, гдѣ напротивъ больше земельныхъ тамъ она скученнѣе.

Въ друтской группѣ безземельныхъ 8219, имѣющихъ собственную землю 3969, отношеніе безземельныхъ къ земельнымъ какъ 2,07: 1. Въ сожской безземельныхъ только 1420, а имѣющихъ землю 23898, отношеніе 1: 16,83. По губерніи четвертая часть шляхты 9639 безземельныхъ, а три четверти 27867 имѣетъ 76 207,34 десятинъ своей земли, по 5½ десятинъ на душу мужескаго пола.

Хотя впрочемъ мы замѣчаемъ, что у рогачевской шляхты друтскаго водоема большинство, очень небольшое, тоже земельныхъ, въ исключеніе противъ остальной подрутской и поддѣпровской шляхты, у которой большинство безземельныхъ. Но изъ рогачевской шляхты друтскаго водоема въ число имѣющихъ собственную землю включены единственные пять, самыя большія въ группѣ, околицы съ 997 жителей, Тертежь, Вербичевъ, Антуши, Сѣножатки и Марусеньки, у которыхъ землю оснащаютъ.

При томъ надобно замѣтить, что изъ рогачевской шляхты большинство безземельной до 500 душъ находится по Друти отъ Озеранъ до Рогачева, и гдѣ безземельной тоже больше, чѣмъ земельной; послѣдней тамъ не болѣе 250 д. обоего вола. Эту безземельную шляхту сѣвдусть отнести къ Друтской группѣ: тогда на остальномъ пространствѣ узвда придетъ на 10325 земельной шляхты 139 безземельной или на 74 земельныя только 1 беззем.

Земли околчныхъ шляхтичей собственниковъ сожской группы почти всѣ жалованы первымъ шляхтичамъ, родоначальникамъ нынѣшняго шляхетства, отъ которыхъ по наследству они переходили изъ поколѣнн въ поколѣнн. Многие роды Сожской шляхты ведутъ свою родословную, какъ на примѣръ Судзилы и другіе, отъ временъ Метиславльскаго удѣльнаго княжества, начиная съ 15 и 16 столѣтій. Но большинство получило подтвержденіе правъ своихъ въ 17 и 18 уже вѣкъ отъ польскихъ королей. Эта сожская шляхта поселена на такъ называемыхъ княжескихъ земляхъ Метиславльскаго княжества, въ предѣлахъ котораго заключались тогда узвды: Метиславльскій, Климовичскій, Чериковскій и Чаусскій. Въ послѣдствіи заселеныя шляхтой земли переданы были ей въ собственность. Первые роды постепенно разрастаясь, образовали наконецъ изъ одного, двухъ, и рѣдко изъ трехъ или четырехъ родоначальныхъ семействъ, иногда огромныя околицы, которыя и нынѣ состоятъ изъ одной фамиліи, или изъ двухъ, трехъ и много, если изъ четырехъ и пяти. Въ Быховскомъ узвдѣ большая околица Попловичина почти вся состоитъ изъ Оношкови, въ Рогачевскомъ Богдановичи, Громыки, Судзилы, Коротки изъ Богдановичей, Громыкъ, Судзиловскихъ, Короткевичей, — Жабина изъ Курбацкихъ, Гржимбовскихъ, Лашкевичей, — Куракъ изъ Ковосевичей, Курокъ и другихъ, Поплавъ и Шенотовичи изъ Дробышевскихъ. Въ Климовичскомъ огромныя околицы Осмоловскихъ. Праинисекъ, изъ Саковичей, Гриневщина, изъ Гриневичей; присейденныхъ примѣровъ достаточно. На такихъ жалованныхъ земляхъ существуютъ почти всѣ нынѣшнія околицы сожской группы.

Въ гостѣннй Смоленской губерніи также отводились правительствомъ земли предкамъ нынѣшнихъ одноворцевъ обыкновенно четвертями, вмѣсто жалованья за службу. Четверть — полдесятины въ полѣ, или полторы во всѣхъ трехъ поляхъ, и отъ этой прежней поземельной мѣры сохранилось въ Смоленской губерніи названіе четвертнаго владѣнн. Въ Могилевской губерніи, какъ и въ прочихъ, зависѣвшихъ болѣе долгое время отъ Польши, отводились волоками или какъ говорить нынѣ, *уволоками*, по 20 десятинъ или около 39 морговъ въ каждый уволокъ. Какъ жалованье бываетъ не одинаковое, такъ число четвертей въ русскихъ украинныхъ земляхъ и число уволоковъ въ польской Украинѣ, отводимое служилымъ

людямъ, не всегда было одно и тоже. Служившимъ людямъ предоставлялось право передавать отведенныя земли по наследству, даже продавать, но не иначе, какъ служивымъ же людямъ, однодворцамъ или шляхтѣ; наконецъ эти земли были окончательно закрѣплены за потомками служивыхъ людей. Количество земли, въ началѣ отведенное не всегда поровну двумъ или тремъ родоначальникамъ нынѣшняго шляхетскаго потомства, въ настоящее время весьма различно у каждаго домохозяина: отъ перехода изъ однихъ рукъ въ другія дошло до того, что одни имѣютъ по 100 и болѣе десятинъ, у другихъ же остались участки, крайне мелкіе, недѣлимые въ хозяйственномъ смыслѣ, а тѣеги вовсе остались безъ земли, хотя такихъ безземельныхъ, какъ мы видѣли, весьма не много (*).

Другимъ путемъ приобретались земли въ собственность въ друтской или дивпровской группѣ отъ Сѣнна и Бабинича до Рогачева. Въ друтской группѣ первоначальная шляхта помещалась не на государственной и не на казенной землѣ, а на землѣ магнатовъ, или на государственной, но пожалованной въ послѣдствіи магнатовъ, какъ на примѣръ Сѣножатскому, земли гдѣ Вербицень, Тертежъ, Антуши, Марусеньки и Сѣножатки, и Выховскому земли подъ Ходосовичами и проч. Иные магнаты отдавали въ собственность шляхтѣ землю занимаемую сю; по чаще шляхта сама приобретала у нихъ участки покупокою, какъ въ Ходосовичахъ и болѣею частью одиночно, а не цѣлою околлицей. Отъ того въ друтской группѣ рѣдко встрѣчаются большія околлицы на собственной землѣ и еще рѣже, значительныя околлицы изъ одного или двухъ, трехъ родовъ. Потому что эта шляхта, не привязанная къ мѣсту земель, переходила отъ одного магната къ другому, вслѣдствіе чего разные роды переживались въ нынѣшнихъ шляхетскихъ селеніяхъ друтской группы до того, что въ одномъ селеніи почти всѣ домохозяева имѣютъ разными фамили. Отъ того также въ друтской группѣ шляхетичъ собственникъ имѣетъ болѣе земли, приобретателя не успѣло еще распространиться до того, что на каждаго члена участокъ приходился меньше, какъ въ сожской группѣ. Въ друтской группѣ приходится до 10 десятинъ (9,75) на каждую душу м. и, шляхетичей собственниковъ, а въ сожской вдвое меньше, — только 5 десятинъ. Изъ друтской группы составляетъ исключеніе только кружокъ околлицъ Сѣножатокъ, Антушей, Вербицева, Марусенька и Тертежа, которыя также велики и также малоземельны и наконецъ также состоятъ изъ немногихъ фамилій, какъ и околлицы въ сожской группѣ. Въ Сѣножаткахъ на примѣръ преобладаетъ фамилія Жолатокъ.

(*) Срав. сельско-хозяйствен. статистика Смоленской губер. Я Зап. Р. Соловьева стр. 206.

Изъ безземельныхъ шляхтъ почти всѣ имѣютъ въ пользованіи арендную землю и очень не много шляхты, душъ шесть или семь сотъ чисто безземельной и не земледѣльческой, которая живетъ по городамъ и мѣстечкамъ, занимается ремеслами или прокармливаетъ себя наймомъ въ услуженіи, такъ что въ общемъ слѣдуетъ назвать шляхту населеніемъ земледѣльческимъ. На арендной землѣ шляхта живетъ большею частью разбросанно, или совершеннымъ особнякомъ на отдѣльныхъ фольваркахъ и въ уединенныхъ корчмахъ, или домикахъ по два, по три въ застѣнкахъ, иногда—же въ деревняхъ между крестьянами. Что разбросанность шляхты пропорціональна безземелью достаточно поставить въ соотношеніи число безземельной шляхты въ каждой мѣстности съ числомъ и дробностію шляхетскихъ поселеній. На арендной землѣ шляхта очень рѣдко составляетъ не малое селеніе, какъ напримѣ въ Могилевскомъ уѣздѣ въ околлицахъ на государственной землѣ въ Варгутствѣ 182 души, въ Филатовѣ 192 души обоего пола, Чериковскомъ въ Городецкомъ 186, въ Чаусскомъ въ Лапеляхъ пом. Нарышкина 157 душъ, въ Быховскомъ на землѣ помѣщицы Цѣхановицкой и помѣщика Нарышкина отъ 40 до 70 душъ. Но и такъхъ не крупныхъ шляхетскихъ селеній на арендной землѣ очень мало по губерніи, а больше отъ 1 до 6 дворовъ, съ населеніемъ отъ 6 до 40 душъ обоего пола.

На государственной землѣ по аренднымъ договорамъ проживаетъ не болѣе 1000 душъ обоего пола шляхты именно:

Всей земли у нихъ въ арендномъ содержаніи не много болѣе 3000 десятинъ удобной и неудобной (3050 десят.), такъ что на каждую изъ 500 душъ м. и. приходится по 6 десятинъ, даже съ небольшимъ, и за каждую десятину на кругъ приходится платитъ по 61 коп., а за одну удобную по 68 к. за десятину. На казенной землѣ въ сожской группѣ живетъ только 295 душъ обоего пола, въ друкской 316.

Остальная безземельная шляхта около 8000 душъ живетъ на землѣ арендуемой у помѣщиковъ, и на условіяхъ болѣе дорогихъ и невыгодныхъ. На квартирахъ по городамъ живутъ очень не многіе; едва ли псчитывается до 500 человекъ.

У помѣщиковъ арендная плата, взимаемая за землю съ шляхты обыкновенно составляетъ на деньги 20 рублей за участокъ въ 20 десятинъ или по 1 рублю за десятину на кругъ удобной и не удобной земли, даже въ мѣстностяхъ весьма пустынныхъ и на землѣ весьма незавидной, какъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Сенненскаго уѣзда на границѣ съ Борисовскимъ. Только нужда и не возможность подняться съ семействомъ, а также привычка къ мѣсту, удерживаетъ бѣдную шляхту отъ переселеній на болѣе выгодныя удобныя и дешевыя земли.

Способъ землевладѣнія у шляхты издавна существуетъ участковый наследственный какъ на земляхъ собствен-

ныхъ, такъ и на арендныхъ. Иногда только луга и лѣса остаются въ нераздѣльномъ пользованіи всей околицы, при неудобствѣ, почему бы то ни было разбить ихъ на семейныя участки. Въ такомъ случаѣ на лугъ каждый собственникъ выставляетъ во время сѣнокосовъ число косцовъ, пропорціонально владѣмой нивъ земли: одинъ одного, другой двухъ, а третій трехъ косцовъ выставляютъ. Въ лѣсъ же все въѣзжаютъ, и такой лѣсъ скоро становится мелкой зарослью. Но въ отдѣльныхъ участкахъ, часто при самыхъ усадьбахъ, сохраняются рощицы очень хорошаго лѣса, березъ или сосенъ, липъ или дубовъ, смотря по мѣстности. При наследственномъ способѣ владѣнія, и по неимѣнію вѣрныхъ доказательствъ у многихъ шляхтичей собственниковъ, сколько именно они имѣютъ собственной земли, часто у шляхтичей выходятъ за землю, споры, драки и тяжбы; случается, что участокъ, бывший въ прошлое лѣто у одного, на слѣдующее поступаетъ въ другому, иногда просто съ бою, иногда же по добровольному согласію пользоваться по очереди, буде участокъ спорный.

Вѣроисповѣданія шляхты.

Шляхта по вѣроисповѣданіямъ дѣлится на православную и р. католическую; другихъ исповѣданій между шляхтой нѣтъ. Какъ случайность встрѣчается въ Чаусскомъ уѣздѣ въ д. Юровкѣ три особы шляхты реформатскаго исповѣданія. Православное исповѣданіе преобладаетъ въ сожской группѣ, римско-католическое въ друтской, въ общемъ итогѣ перевѣсъ остается православныхъ предъ р. католиками.

Въ Друтской группѣ.

	правосл.		р. кат.		всего.		
Въ Сѣннскомъ уѣздѣ.	9	508	53	2806	2359	1:	53.
— Оранскомъ —	50	421	369	2218	2850	1:	6.
— Горецкомъ —	13	50	123	247	370	1:	3.
— Могилевскомъ—	73	437	499	2676	3'95	1:	5,00.
— Быховскомъ —	62	140	418	882	1250	1:	2.
— Рогачевскомъ—	22	273	136	1564	1700	1:	11,00.
— Гомельскомъ —	20	12	14	84	227	1,00:	1.
Итого	249	1841	1741	10447	12188	1:	6.

Въ Сожской группѣ.

	правосл.	р. кат.	всего.		
Въ Чаусскомъ уѣздѣ	91 242	531 1218	1749	1:	2,00.
— Мстиславльск.—	280 198	1491 1004	2495	1,40:	1.
— Чериковскомъ —	801 189	4197 1029	5226	4,44:	1.
— Климовичск. —	606 95	3524 342	3866	10,81:	1.
— Рогачевскомъ —	1375 344	8509 1955	10464	4,80:	1.
— Гомельскомъ —	145 73	1139 379	1518	3:	1.
Итого	3268 1141	19391 5927	25318	3,8:	1.
А всего	3547 2982	21132 16475	37606	1,8:	1.

Изъ 37606 душъ обоего пола шляхты православной считается 21132 р., католической 16475; православная относится къ католической, какъ 1,28: 1, или въ общемъ числѣ православной 57% католической 43%. Въ частности въ друтской группѣ православной только 1741, р. католической 10447, и отношеніе ихъ какъ 1: 6, то есть на шесть католиковъ приходится одинъ православный; въ сожской на оборотъ православной 19491, а католической только 5927 и отношеніе ихъ какъ 3,3: 1, то есть почти на 10 человекъ православныхъ приходится трое католиковъ.

Р. католическая шляхта составляетъ нѣсколько мѣнѣе $\frac{2}{5}$ общаго числа до 54 тыс: всего католическаго населенія Могилевской губерніи, а остальные три пятыхъ католиковъ: именно 18 т. состоятъ изъ мѣщанъ, помѣщиковъ и частію крестьянъ. Если же принять въ расчетъ, что небольшая часть чиновной шляхты тоже р. католическаго исповѣданія, то составитъ не менѣе $\frac{2}{5}$ или $17\frac{1}{2}$ тыс. шляхты р. католической. По уѣздамъ въ друтской группѣ р. католическая шляхта составляетъ: въ Свинненскомъ 2806 половину р. католическаго населенія, въ Оршанскомъ болѣе третьей части, въ Горьцкомъ пятнадцатую, въ Могилевскомъ нѣсколько болѣе третьей части, въ Быховскомъ двѣ пятыхъ, въ друтской части Рогачевского половину; въ сожской группѣ: въ Чаусскомъ болѣе половины, въ Мстиславльскомъ двѣ пятыхъ, въ Чериковскомъ двѣ пятыхъ, въ Климовичскомъ одинацатую часть, въ Рогачевскомъ по Сожу половину, въ Гомельскомъ осмью часть.

Впрочемъ въ последнее время шляхта начинаетъ переходить въ православіе, возвращать въ лоно древней своей церкви, отъ которой она была насильственно отторгнута польскимъ правительствомъ, кромѣ шляхтичей пришельцовъ изъ сажой Польши, которыхъ число Впрочемъ весьма ничтожное въ общей цифрѣ могилевской шляхты.

Сравнивая обѣ группы между собою видимъ, что сожская шляхта: 1) живетъ скученно, большими околдами; 2)

почти всё илѣютъ свою землю; 3) большинство православнаго исповѣданія. Въ друтской же группѣ на оборотъ, шляхта живетъ: 1) разбросано; 2) большинство не илѣетъ своей земли и 3) значительное большинство католики. Дальвѣйшія различенія ихъ рассмотримъ въ послѣдствіи.

СОСТОЯНІЕ И БЫТЬ ШЛЯХТЫ.

Состояніе шляхты находится тоже въ прямой зависимости отъ поземельной собственности. Околицная шляхта и вообще шляхта на землѣ собственной, достаточнѣе, исправнѣе и безъ той нужды, въ какой живетъ шляхта безземельная. Хозяйственныя постройки, хотя и не роскошныя, не удобныя, уютныя, хаты съ красными окнами и деревянными полами, а не съ земляными; земляной полъ встрѣчается вѣрѣдка въ жилыхъ отдѣленіяхъ. Шляхетская изба раздѣлена на двѣ половины: на жилую и на чистую или горенку. Въ жилой обыкновенно устраивается русская кухонная печь, помѣщается семейство съ своей обыкновенной утварью; и тамъ же воспитываютъ иногда молодыхъ домашнихъ птицъ и животныхъ, овецъ поросятъ и телятъ, а въ горенкѣ или свѣтлицѣ бывають только приемы гостей; потому горенка всегда нарочито убрана лучше жилой избы, иногда стѣны оклеены обоями, обвѣшаны картинками и зеркальцо виситъ на стѣнѣ. Въ переднемъ углу кѣтъ съ чистенькими иконами и съ распятіемъ. Изъ домашнихъ вещей хранятся только болѣе праздничныя, въ сундукахъ или *хублахъ* (круглая кадка съ двумя ушами, въ родѣ ушата) и на вѣшалкахъ наряды; въ шкапахъ за стекломъ, чайная фаянсовая и хрустальная посуда, ложечки и ложки, болѣе оловячныя, рѣже мельхиора, польскаго и новаго серебра и очень рѣдко настоящія серебряныя. На окнахъ иногда цвѣты: бальзамныя, еранъ, гортензія, а также занавѣски бѣлыя или цвѣтныя. Здѣсь же помѣщается у достаточныхъ убранная постель: простоя кровать съ шерпной и съ горой подушекъ, трехъ или четырехъ, въ бѣлыхъ наволочкахъ подъ цвѣтнымъ ситцевымъ одыломъ.

Дворъ и амбары у земельной шляхты тоже устроены съ нѣкоторымъ стараніемъ и содержатся безъ большихъ опущеній. Но общій видъ околлицъ, при въздѣ и первомъ осмотрѣ ихъ, далеко не щеголеватый и непривлекательный, а скорѣе неряшливый и безпорядочный. Неказистый видъ получаютъ околлицы отъ обычнаго расположенія ихъ. Рѣдко можно встрѣтить, даже въ очень большой околлицѣ, правильную улицу. Околлица раскидывается обыкновенно небольшими слободами и даже отдельными хозяйствами и образуетъ съѣтъ небольшихъ улицъ, переулковъ и закоулковъ. Жилыя до-

на выходить не на улицу, а чаще скрываются за заборомъ, и составляютъ или заднюю линію хозяйственныхъ построекъ или которую нибудь боковую, правую или лѣвую, отъ воротъ. Ворота дѣлаются по срединѣ забора, за которымъ между постройками: домомъ съ одной стороны, съ заборомъ съ лицевой и съ хлѣбами съ остальныхъ двухъ сторонъ остается площадка не покрытая навѣсомъ. Постройки изображаютъ такимъ образомъ букву П. Выходящіе на улицу заборы и ворота и самыя надворныя строенія особенно у недостаточной шляхты, не всегда исправно поддерживаются: то крыша разползлась, то заборъ рассыпался, то ворота покосились. Такая лицевая сторона околицъ даетъ имъ видъ непривлекательный, даже неряшливый, который тѣмъ еще незвразчнѣе кажется, что кромѣ заборовъ съ улицъ къ каждой усадьбѣ прилѣгаетъ огородъ, окруженный особой загородью какъ отъ собственныхъ хозяйственныхъ построекъ, чтобъ въ огородъ не заходилъ домашній скотъ, такъ и отъ сосѣдней усадьбы. Отъ того въ околицахъ поражаютъ взглядъ болѣе заборы и пѣтви, чѣмъ дома, которыхъ только трубы и коньки съ частію крыши высовываются изъ заборовъ. Такая раздѣльность частокочами и заборами каждой усадьбы и скрытіе домовъ за заборами даетъ каждому хозяйству видъ, особняка, замкнутости, какъ будто каждый шляхтичъ живетъ отдѣльно отъ остальнаго населенія околицы, скрываетъ за заборомъ въ свою хату, какъ улитка въ свою раковину.

Такое расположеніе дома и двора объясняютъ охраненіемъ въ старыя годы отъ набѣговъ: потому что первоначальная шляхта поселялась однимъ или двумя, тремя домиками и притомъ въ такія времена, когда и населеніе было рѣже, край былъ пустыннымъ и когда всякой неурядицы и нападеній было больше. Отъ заводителя околицы перенимали и перенимаютъ образецъ расположенія домашнихъ построекъ и всѣ послѣдующія поколѣнія, хотя, разумѣется, нынѣ въ этой замкнутости, въ устройствѣ дома на подобіе военной крѣпости, никакой нѣтъ надобности.

Опрятный и веселый видъ чаще имѣютъ отдѣльные шляхетскіе хутора, въ одинъ, два, три и четыре двора. Эти хутора иногда похожи на усадьбы небогатыхъ помѣщиковъ: дома просторныя, въ три и четыре красныхъ окна, крыты тесомъ или гонтомъ, съ прочной надворной постройкой, съ звѣрскими заборами и прямыми огородами. На обширной усадьбѣ хорошо обработанный огородъ, иногда съ садикомъ и почти всегда съ пчельникомъ. Нѣкоторые изъ такихъ одиночныхъ шляхтичей собственниковъ имѣютъ значительные участки съ прекраснымъ лѣсомъ, прилегающимъ къ ихъ хуторамъ; имѣя болѣе 100 десятинами всей земли на домохазяина; но такое обширное земледѣніе шляхтичей преимущественно встрѣчается въ западной группѣ шляхты, въ противоположность безземелью тамошняго большинства шляхетскаго.

Поля и огороды шляхты на собственной землѣ обработаны не умногихъ тщательно, скоть впрочемъ такъ не извуренъ, какъ у крестьянъ, хотя такой же мелкій, а у нѣкоторыхъ въ холѣ, особенно лошади бываютъ коринныя, съ широкимъ крестцомъ и грудью, на видъ казистѣ, дюжѣ, если не рослѣ, мѣстной бѣлорусской крестьянской лошадики. Встрѣчаются лошади покупныя изъ Черниговской губерніи, рослѣ мѣстной породы.

Вообще шляхтичи собственники зажиточнѣе и опрятнѣе окрестныхъ крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ, меньше ихъ пьянствуютъ и гораздо развитѣе, на видъ чище и рослѣе. Пища ихъ готовится опрятно и хорошо, столъ здоровый и сытный, нѣкоторые имѣютъ на случай прїѣзда гостей чай и самоваръ. Всѣ сельскія произведенія ихъ, поступающія въ продажу, лучше крестьянскихъ, каковы масло, свинина, домашняя птица: куры, гуси и утки, мука и медъ. Но и эти шляхтичи далеко уступаютъ въ трудѣ, въ зажиточности, въ смышенности, даже въ красотѣ, чистотѣ и плотности, во всемъ наружномъ видѣ своемъ, въ прочности и опрятности построекъ, великорусскимъ крестьянамъ промышленникамъ и сосѣднимъ старообрядцамъ рогачевскимъ и гомельскимъ и сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи.

Шляхтянки въ лѣтніе праздники одѣваются опрятно; въ бѣлыя какъ свѣгъ, юбки и въ бѣлыя кофточки или рукава, иногда въ цвѣтныя юбки и платья, надѣваютъ перчатки и въ солнечные лѣтніе дни распускаютъ зонтики.

Неутишительный видъ представляетъ шляхта безземельная, проживающая на арендной землѣ. Но и безземельная шляхта въ степени благосостоянія составляетъ двѣ степени. Еще та шляхта, которая на землѣ наняемой образуетъ не мелкія селенія, а болѣе 7 дворовъ съ числомъ жителей выше 40, живетъ не совсѣмъ бѣдно; потому что землевладѣльцы не рѣшаются стѣснять слишкомъ обременительными требованіями за землю не мелкое шляхетское селеніе, опасаясь неумѣренными прижимками лишиться значительнаго числа жителей въ имѣніи, а съ значительнаго дохода. Шляхетское селеніе отъ 8 до 16, дворовъ съ населеніемъ отъ 43 до 86 душъ обоого пола, даетъ землевладѣльцу отъ 160 до 320 руб. доходу, въ видѣ одной арендной платы за землю, и землевладѣльцы правильно рассчитываютъ лучше имѣть постоянный и вѣрный доходъ, чѣмъ разъ или два стѣснивши шляхту, тѣмъ заставить ее выселиться изъ имѣнія, а себя лишити на болѣе или менѣе продолжительное время нѣкоторой части дохода съ имѣнія. Эта шляхта, не имѣя надобности часто мѣнять свои мѣста, тѣмъ самымъ избавлена отъ расходовъ и ущербовъ неизбѣжныхъ при переселеніяхъ и всегда особенно тяжело падающихъ на бѣдныхъ хозяйства, которыя на новомъ мѣстѣ даже при сторонней помощи не скоро оправля-

всех: Проживая изъ рода въ родъ на дѣдовщинѣ, эта вполне осѣдлая шляхта, имѣетъ возможность сдѣлать даже сбереженія и улучшенія въ своихъ хозяйствахъ какъ и шляхта на собственной землѣ. Гораздо невыгоднѣе условія шляхты разбросанной; одиночная шляхта, живущая по одному домику, по два и рѣдко по пяти, шести и семи, разбросанно между крестьянами дошла до крайней бѣдности, до страшной нищеты. У одиночной безземельной шляхты постройки ничѣмъ не отличаются отъ крестьянскихъ. Хата не раздѣляется уже на двѣ половинны, а имѣетъ одну жилую избу съ землянымъ поломъ, и съ узенькими, въ четверть ширины, продолговатыми окнами, въ которыхъ вставлены осколки стеколъ, подпертыхъ лучинками. На другой половинѣ за стѣнами, строится, вмѣсто горенки, изъ тонкаго лѣса, калтушка, часто со всѣмъ безъ оконъ и съ землянымъ поломъ, для склада разнаго домашняго скарбу. Во всемъ крайняя скудость и неряшливость. Крыша на постройкахъ часто, какъ рѣшето, заборы и загороды покосились. Въ хатѣ холмья и грязь; съ семействомъ не рѣдко помѣщаются куры, свиньи и телята; самыя святыя иконы закопчены до того, что иногда невозможно разобрать ликовъ. Въ людяхъ слабосиліе, вялость и болѣзненность; красоты незамѣтно ни въ взрослыхъ, ни въ дѣтяхъ; весь складъ не имѣетъ стройности и кажется, если не вполне безобразнымъ, то и очень не красивымъ. Одежда-лохмотья; въ холодъ и сырость дѣти дрогнуть въ своихъ рубашкахъ. Скотъ домашній, лошади и коровы также изнурены и незвучны. Самое бѣдственное состояніе безземельной разбросанной шляхты, хуже состоянія односельныхъ съ ними бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ и, по сознанію самихъ крестьянъ, происходитъ отъ того, что этой безземельной шляхтѣ приходится часто перевзвѣжать съ нѣста на мѣсто. Шляхтичъ найметъ у пана землю; панъ отведетъ ему гдѣ нибудь нерасчищенную уволоку; шляхтичъ трудится, и когда расчиститъ участокъ, поживетъ на немъ нѣсколько лѣтъ, увозитъ его, панъ возвышаетъ плату или сгоняетъ на другой нерасчищенный участокъ, а на участокъ шляхтича сажаетъ своего тяглаго крестьянина. Шляхтичу приходилось или подчиниться всѣй волѣ пана, или бѣжать, и снова начинать у другаго пана разрабатывать новый участокъ. Панъ не дорожилъ какими нибудь 20 рублями, получаемыми отъ шляхтича, такъ какъ тѣже 20 рублей онъ получалъ съ своихъ крестьянъ за оставленный и разработанный участокъ. Такое безвыходное положеніе довело часть безземельной шляхты до того, что она у нѣкоторыхъ пановъ записалась въ крѣпостные крестьяне ихъ. Достаточно указать на значительнѣйшіе процессы въ послѣднее время объ отысканіи свободы закрѣпощенной шляхты. Иногда закрѣпощеніе дѣлалось и безъ вѣдома шляхты, по ея безграмотству и она узнавала только тогда ко-

гда приходилось идти въ солдаты на ряду съ крестьянами. Закръпощеніе безземельной шляхты началось съ прекращеніемъ сеймовъ и сеймаковъ, по переходѣ всей Могилевской губерніи изъ польскаго владычества въ русское государство, и слѣдовательно съ того времени, когда магнатамъ шляхта болѣе не нужна была для увеличенія вліянія на сеймахъ. Магнаты при существованіи сеймовъ стягивали къ себѣ вольницу изъ разнаго сброду и образовали изъ ней свой дворъ, поселяя въ своемъ имѣніи и давая имъ права шляхетскія. Когда сеймы были окончательно закрыты, а для участія по дворянскому съѣзду съ правомъ голоса требовалось такое количество крѣпостныхъ душъ или земли, какого не имѣла шляхта, то нѣкоторые магнаты предложили шляхтѣ выселиться изъ имѣній: шляхтѣ переселеніе не нравилось и она охотнѣе записывалась въ крѣпостные крестьяне своего патрона, уничтожая всѣ свои бумаги о шляхетскихъ правахъ. Не многіе сохранили документы и возвратили шляхетство: какъ напр. записаны были въ Оршанскомъ уѣздѣ у князей Любомирскихъ, отыскавшіе въ послѣдствіи права свои, Капцен, Докторовичи, Талкевичи, Русьяны, Губскіе, или въ Бабиновичахъ Савицкіе. Отъ графа Соллогуба 44 человекъ, отъ помѣщика Циора 9 человекъ, отъ Толочинскаго костела 3 человекъ. По Свиненскому уѣзду возвратили шляхетство отъ графа Потоцкаго 9 чел., отъ пом. Пославсаго: Шафранскіе и Кучинскіе до 70 чел., въ Могилевскомъ въ Быльничахъ наслѣдниковъ Кожуховскихъ 46 человекъ и теперь еще отыскиваютъ шляхетство, какъ свободные при Огинскихъ, а въ Кругломъ князь Кропоткина 96 человекъ возвратили шляхетство. Въ Рогачевскомъ 1, отъ Озеранскихъ ксендзовъ, въ Мстиславскомъ уѣздѣ и отъ помѣщика Кулака 15 человекъ, бывшего Копыскаго уѣзда отъ помѣщиковъ Дашкевичей 6 человекъ. Много и другихъ примѣровъ закрѣпощенія. Случалось такъ, что часть шляхтичей одного и того же рода и одной и той же фамиліи возвратила чрезъ герольдію шляхетство, а другая осталась въ крестьянствѣ и въ настоящее время получила надѣлъ. Этими надѣлами закрѣпощенная шляхта выиграла передъ своими собратьями, отыскавшими изъ крѣпости шляхетство, но безъ земли. Да и положеніе шляхты незакрепощенной на помѣщичьей землѣ у многихъ пановъ ни чѣмъ не отличалось отъ положенія крѣпостнаго крестьянства. Шляхта на ряду съ крестьянами отправляла всѣ сгоны на пана, даже иногда больше. Участъ безземельной шляхты также тяжела и на земляхъ, арендуемыхъ у своего же брата шляхтича. Случалось, что иной шляхтичъ, проживая въ околицахъ или арендуя фольварокъ у какого нибудь богатаго пана, успѣвалъ скопить деньги и завестись своимъ хозяйствомъ, сдѣлаться полнымъ землевладельцемъ собственникомъ. И теперь еще можно найти въ сѣверозападной группѣ нѣкоторыхъ безземель-

ыхъ шляхтичей, которые арендуютъ по одному, по два и даже по три и по четыре фольварка, у одного или у раз-ныхъ помѣщиковъ. Подобные шляхтичи, хотя очень рѣдко, вышли и выходятъ въ собственники въ сѣверо-западной груп-пы и въ свою очередь сажаютъ на своей землѣ бѣдняковъ шляхтичей. Съ этой арендующей, водворенной шляхтой иной шляхтичь собственникъ обходится весьма жестко и повелитель-но, едва ли не суровѣе, чѣмъ панъ обходился съ своимъ хло-помъ. Онъ вмѣшивается во все дѣла, даже въ семейныя, проживающей на его землѣ шляхты, чинить надъ ней судъ и расправу, собственноручно наказывая признанныхъ имъ провинившимися въ чемъ нибудь. На нашихъ глазахъ лѣтомъ 1865 года случилась подобная расправа, въ Могилевскомъ у-ѣздѣ, въ мѣстечкѣ Кручѣ. На землѣ разбогатѣвшаго шляхти-ча собственника, поселились два шляхетскихъ семейства. Онъ требуетъ отъ нихъ почета. Если ему и особенно его воз-любленной покажется, что оказали мало уваженія къ ея особѣ, то сдѣдуетъ потасовка, даже шляхетскимъ женамъ, пинками, кулаками и за носу. „Чуть шею не свернулъ, окаанный, таская за носу“, жаловалась обиженная сосѣдомъ шляхтянка исправнику на подобную расправу шляхтича хозяина, „да еще поросенка мо-его убилъ“. Шляхтичь хозяинъ, приземистый, коренастый, рабо-ватый мущина, съ виду снать не послѣдней руки, самоувѣ-ренно смотрѣлъ, какъ будто такое самоуправство у нихъ въ порядкѣ вещей и что нечего слушать бабы дуры. „Ну, за поросенка я тебѣ цѣлую свинью отдамъ живую, отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой на слова шляхтянки“. А кто боль изъ бо-ковъ-то вынетъ у меня, чуть ребра не переломалъ, продол-жала она плакливо. „Не привыкать тебѣ къ этому, матушка; давно ли такой нѣженкой стала,“ возражалъ хозяинъ съ пренебреженіемъ.

Впрочемъ есть примѣры, что достатокъ и зажиточность и у шляхтичей собственниковъ зависитъ отъ обычая, отъ тѣхъ порядковъ, какой установился въ жизни изстари въ той или другой околицѣ. Въ одной околицѣ, какъ напримѣръ въ Фенахъ Раевскихъ Мстиславльскаго уѣзда, живетъ народъ воздержный, строгій, трудолюбивый и честный и отъ того зажиточный, между тѣмъ, какъ многія сосѣднія околицы, гдѣ нравы распущеннѣе, народъ разгульнѣе и беспечнѣе, очень бѣдны, какъ въ Тыклинѣ.

Изъ всей безземельной шляхты только тѣ и живутъ не бѣдно, которые служатъ или въ экономахъ на господскихъ фольваркахъ, или сами арендуютъ господскіе фольварки. Да-же шляхтичи корчмари не зажиточнѣе корчмарей евреевъ. Шляхтичь съ корчемствомъ не умѣетъ справиться и скоро отказывается, или ему отказываютъ отъ корчмы.

ВЕЛИЧИНА СЕМЕЙСТВЪ ШЛЯХЕТСКИХЪ.

Безземеліе большинства шляхты въ западной друтской группѣ не осталось безъ вліянія, какъ на численность и составъ шляхетскихъ семействъ, такъ и на численность лицъ по поламъ. У безземельной шляхты превышаетъ численностию мужской полъ, а у земельной женскій. У безземельной шляхты считается 4891 муж., и только 4748 женскаго, а у земельной 13740 муж., и 14127 женскаго. Самые семейства у земельной шляхты крупнѣе чѣмъ у безземельной. Дѣло понятное. Безземельные шляхтичи остаются долго, иногда на всю жизнь, неженатыми, между тѣмъ какъ шляхтянки во всякомъ случаѣ торопятся выдти за мужъ за кого бы ни пришлось. Равно въ безземельномъ семействѣ каждый подроставшій членъ, не находя въ семьѣ прочной опоры для своихъ удобствъ жизни, торопится отдѣлиться и самостоятельно промышлять, а глава семейства тоже не безъ радости отпускаетъ дѣтей своихъ изъ дому, что они сами будутъ прокармливать себя и что на его долю остается меньше заботъ и трудовъ. Такъ какъ безземеліе шляхты совпадаетъ съ латинствомъ ея, то мы и беремъ послѣднюю таблицу для опредѣленія величины семействъ. У р. католической шляхты приходится на семейство пять съ половиною человекъ 5,₁₃ (16475 жителей 2982 семействъ — 5,₁₃), а у православной шляхты и въ то же время наиболѣе земельной приходится шесть человекъ на семейство, 5,₉₆ (21132 жителей 3547 семействъ — 5,₉₆).

Наконецъ, между прочимъ, безземеліемъ и латинствомъ объясняется недавній случай, что подрутская шляхта въ большинствѣ р. католическая и безземельная, наиболѣе замѣшалась въ мѣтежѣ 1863 года. Антуши и Свножатки, принишь крупный. А посожская шляхта, въ большинствѣ православная и земельная, напротивъ выставила своихъ ратниковъ противъ матежниковъ, рогачевскую дружину изъ шляхтичей изъ подъ Чечерска по Сожу. Голяка, бездомнаго, безпріютнаго, голоднаго шляхтича, и въ добавокъ въ полномъ смыслѣ невѣжу, съ остатками одной заносчивости, не трубно сманить на всякую мерзость, за грошъ, за кусокъ сала, за сытное угощеніе, за пару сапоговъ и теплую свитку, чего онъ прежде не вѣдалъ, особенно если даровая кормежка и одѣяніе предлагаются съ лаской, какой прежде бѣдняки шляхтичи не встрѣчали, предлагаются подъ знаменемъ реангін, при одушевленной рѣчи какого нибудь проповѣдника или проповѣдницы полоннама.

Отъ чего бы и къ этой безземельной шляхтѣ не принишь постановленія для вольныхъ людей Царства Польскаго, которые тоже давно считались свободными, но безъ земли, и которыхъ нынѣ русское правительство надѣлило землей, или правила изданныя въ 1848 году для малолѣтнихъ дво-

рять въ некоторыхъ губерніяхъ, предоставить имъ также право водворяться на казенныхъ земляхъ, — отъ чего бы и подрутскую безземельную шляхту обезопасить надломъ земля? Своя хата, свой огорождъ, свое поле, садикъ посаженный своими руками, все свое хозяйство, заставило бы шляхтича любить свой уголокъ правильной любовью, дорожить имъ, какъ опорой своего благополучія и счастья, ограждать и защищать его, а не бродить съ мѣста на мѣсто, какъ теперь бродятъ ежегодно безземельные шляхтичи, перекочевывая изъ мѣстна въ мѣстна, изъ губерніи въ губернію, и бросаться на приключенія, иногда очень опасныя, потому только, что нѣкуда дѣваться, что вся земля въ рукахъ у богатыхъ пановъ или у казны.

Одно уже это различіе двухъ шляхетскихъ группъ указываетъ, гдѣ наиболее нужно поддержать и укрѣпить все русское и гдѣ это русское имѣетъ достаточно силъ само оградить себя отъ враждебнаго полонизма. Днѣпровскій водоемъ съ Друтью нуждается наиболее въ восстановленіи русскаго, а сожскій и самъ достаточно русскій.

Занятія и промыслы шляхты.

Сельское хозяйство составляетъ главное занятіе шляхты, единственную промышленность ея. Другихъ занятій и промысловъ у шляхты нѣтъ. Шляхта не имѣетъ ни фабрикъ, ни заводовъ, ни мелкихъ ремесленныхъ заведеній, даже въ многолюднѣйшихъ околицяхъ. Наконецъ самыхъ простыхъ домашнихъ рукодѣлій не существуетъ у шляхты съ промышленною цѣлю, для продажи на базарахъ. Всѣ рукодѣлія ограничиваются приданьемъ и шитьемъ только для своихъ домашнихъ нуждъ, да еще развѣ вязаньемъ чулокъ для своего семейства. Самое земледѣліе, какъ мы сказали уже, не въ видномъ состояніи, ведется обыкновеннымъ порядкомъ, по крестьянскому, съ трехпольнымъ раздѣломъ, съ белорусской сошкой и проч. Улучшеній никакихъ и нигдѣ въ земледѣліи не введено.

Причины дурнаго состоянія земледѣлія и промысловой дѣятельности вообще у шляхтичей, а отсюда и общаго небогатаго состоянія шляхты, слѣдующія:

Во первыхъ при крѣпостномъ бытѣ шляхтѣ трудно было соперничать въ земледѣліи и въ ремеслахъ личнымъ ихъ трудомъ съ крѣпостнымъ трудомъ крестьянъ у пановъ при сосѣдствѣ плодородныхъ тоже подднѣпровскихъ губерніяхъ: Черниговской, Полтавской и Кіевской, изъ которыхъ хлѣба удобно доставляются въ Могилевскую губернію Днѣпромъ Сошжемъ. Потому производство хлѣбовъ давало имъ одно насундее прожитаніе, но не обогащало ихъ, при относительной щюевизнѣ

сельскихъ произведеній на базарахъ, какъ отъ барщиннаго хлѣба такъ и отъ подвознаго.

На первый взглядъ можетъ показаться, что при экономическихъ естественныхъ условіяхъ страны, по бѣдности почвы нѣстной и по соседству хлѣбородныхъ губерній, а также по дворянскимъ привиллегіямъ, сохранившимся у шляхты, вести торговлю и устраивать фабрики и заводы, не записываясь въ гильдіи и безъ торговыхъ свидѣтельствъ, было весьма легко образоваться у шляхетства торговой и заводской промышленности, какъ у крестьянъ и купечества въ нечерноземномъ поволожіи, въ которомъ промышленность и торговля сдѣлали большіе успѣхи, при всѣхъ поборкахъ съ недворянскаго промысловаго населенія за права торговли. Однако же въ черноземномъ поднѣпровьи не развилось никакой промышленности и торговли, кромѣ земледѣлія, даже у свободнаго шляхетскаго населенія.

Фабрики и заводы у шляхты не могли устроиться, между прочимъ, отъ той же крѣпостной зависимости крестьянъ. Почти всѣ 600,000 крестьянскаго и двороваго населенія крѣпостнаго посаженъ были на барщину и слѣдовательно не было свободныхъ рукъ для производства по найму на фабрикахъ и заводахъ, такъ что оставалось бы только самимъ же шляхтичамъ производить на своихъ фабрикахъ и заводахъ, для чего численность ихъ была бы весьма недостаточна. Изъ 40000 всего служащаго и неслужащаго шляхетства, слѣдуетъ исключить до 400 чиновниковъ и вышедшихъ въ паны лицъ, а изъ остальныхъ 36000 оставалось бы только тысячъ 12 взрослыхъ и свободныхъ для фабричнаго и заводскаго производства, которые при томъ были бы разбросаны по цѣлой губерніи. Мы знаемъ, что лица съ большимъ капиталомъ не находили для заводскаго производства здѣсь рукъ и должны были выписать рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній, или изъ за границы, на учрежденные ими стеклянныя заводы.

Ремесла по той же причинѣ не могли развиваться между шляхетствомъ. Ремесленная дѣятельность ихъ встрѣчала соперничество не въ одномъ производствѣ разныхъ издѣлій дворовыми людьми пановъ, но еще болѣе въ соперничествѣ евреевъ, которые почти не занимаются земледѣліемъ, а единственно ремеслами и торговлей, между тѣмъ какъ численность евреевъ противу численности шляхты втрое больше. Въ настоящемъ 1866 году шляхты менѣе 40 т., а евреевъ болѣе 120 тыс., въ Могилевской губерніи.

Есть и еще болѣе существенныя причины, почему у шляхты не развелось ни земледѣлія хорошаго, ни ремеселъ, ни торговли, а отсюда ни богатства, ни фабрикъ и заводовъ.

Шляхта всегда смотрѣла на себя, какъ на нѣчто высшее предъ крестьянствомъ и евреями и потому всегда желала чѣмъ нибудь отланичить себя отъ тѣхъ и другихъ, всегда

предъявляла права свои на дворянство, на сословіе, привилегированное къ государственной службѣ, а не назначенное къ сельскимъ или городскимъ занятіямъ земледѣльца и горожанина. Шляхтичу казалось не свойственнымъ для его званія заниматься ремесломъ и торговлей, которыми промышленно-ю еврей или крестьянинъ, казалось унизительнымъ. Къ такому направленію шляхты много способствовали и нѣкоторые старыя и позднѣйшія узаконенія. Напримѣръ: на основаніи Литовскаго Статута: *шляхтичъ пока мърлетъ аришиномъ, или занижается ремесломъ, или шинокъ держитъ, не есть шляхтичъ* *). Въ послѣдствіи доказательствомъ дворянства признавалось то, что отецъ и дѣдъ вели благородную жизнь или состояніе или службу, сходственную съ дворянскимъ званіемъ, Св. зак. Т. IX ст. 54 пункт. 13, т. е. не занимались ни торговлей, ни ремеслами, какъ понимаютъ это узаконеніе Могилевскіе шляхтичи, и состояли на службѣ или занимались сельскимъ хозяйствомъ. Наконецъ, согласно статьямъ 241 и 242 того же тома: дѣти дворянъ въ западныхъ губерніяхъ, какъ и однодворцевъ во всѣхъ прочихъ русскихъ губерніяхъ, обязаны были служить, чтобы сохранить свое дворянство. Вслѣдствіе означенныхъ узаконеній о подобныхъ имъ все здоровое и свѣжее молодое шляхетство западныхъ губерній бросилось въ службу или въ учебныя заведенія. Старожилы увѣряютъ, что лѣтъ только тридцать тому назадъ съ трудомъ находили необходимыхъ писцовъ для присутственныхъ мѣстъ, по недостатку грамотниковъ и охотниковъ. Послѣ же приведенныхъ узаконеній, большая часть молодежи шляхетской хлынула въ службу и наполнила собой всѣ канцеляріи. Кромѣ пановъ, все служащее отъ писца до совѣтника, все были шляхтичи. Слѣдовательно лучшія, здоровѣйшія силы въ шляхетствѣ отняты были у земледѣлія и у ремесленной промышленности; земледѣліе начало быстро ослабывать и тѣмъ быстрее ослабвало у шляхты, что многіе, изъ шляхтичей дослуживались значительныхъ чиновъ и должностей, приобрѣтая и достатокъ, даже богатство. Причѣмъ были такъ соблазнительны, что и другіе шляхтичи мечтали, отъ чего имъ не дослужиться до подобныхъ чиновъ и должностей, бросали хозяйство и поступали на службу. Да и самые тѣ шляхтичи домохозяева, менѣе охотно занимались хозяйствомъ, которые оставались дома и которые имѣли въ виду заслуженныхъ или родственниковъ, или односельцовъ своихъ. Противъ своей воли домохозяинъ шляхтичъ зазнавался, когда имѣлъ родственника въ офицерскомъ и еще больше зазнавался, если имѣлъ родственника въ генеральскомъ чинѣ; или чиновника при исправникѣ, губернаторѣ, министрѣ и начи-

*) Szlachcic póki łokelem mierzy, albo rzemiosłem się trudni, albo szynk trzyma, nie jest szlachcicem.

наль важничать вмѣсто того, чтобы работать и трудомъ приобрести себѣ независимость, почетъ и уваженіе въ околицѣ, равно какъ и все семейство его. Хозяйство разстроивалось и упадало до того, что промышляющему службой шляхтичу приходилось содержать своихъ разорившихся родственниковъ.

Наконецъ стремленіе шляхетства къ исключенію себя изъ остальнаго населенія причисленіемъ къ дворянству или къ поступленію на службу отнимало у многихъ шляхетскихъ семействъ не только остатки, но и средства къ безбѣдному существованію, чтобы или выхлопотать дворянство или поступить на службу въ какую нибудь канцелярію; не оставалось средствъ улучшать земледѣліе или открыть новую промышленность.

И такъ соперничество помѣщичьихъ хозяйствъ при барщинныхъ крестьянскихъ работахъ и сосѣдство хлѣбородныхъ губерній, недостатокъ свободныхъ рабочихъ рукъ, вслѣдствіе занятія крестьянъ барщиною, соперничество евреевъ, наконецъ желаніе сдѣлаться скорѣе паномъ и неправильное пониманіе промысловой и торговой дѣятельности, будто бы мало свойственной благородному званію, торопливое стремленіе поступать на службу,— всѣ эти причины вмѣстѣ воспрепятствовали не только развитію торговли, ремесленности и фабричнаго производства въ шляхетствѣ, но сильно остановили даже успѣхи сельскаго хозяйства, а за тѣмъ поставили шляхетство въ то небогатое положеніе, въ какомъ оно находится въ настоящее время.

Языкъ шляхтичей.

Вслѣдствіе того же отдѣленія себя отъ большинства населенія, отъ крестьянства и мѣщанства, шляхетство старалось избѣгать одной съ нимъ рѣчи, старалось говорить языкомъ высшаго сословія, языкомъ панскимъ. Этотъ языкъ пановъ есть языкъ польскій, между тѣмъ какъ коренной мѣстный языкъ есть языкъ русскій въ бѣлорусскомъ нарѣчій; но бѣлорусское нарѣчіе называли здѣсь языкомъ хлопскимъ, какъ и православную вѣру. Потому шляхта, желая стать ближе къ панамъ, старалась говорить языкомъ панскимъ. Но бѣдность рѣдко допускала шляхту въ панское общество, а напротивъ заставляла ее быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ большинствомъ населенія, съ крестьянами, и она должна была сохранять свой родной языкъ—бѣлорусскій. Отъ того нарѣчіе высшаго шляхетства Могилевской губерніи есть смѣсь бѣлорусскаго нарѣчія съ польскимъ языкомъ, въ которомъ однако же бѣлорусское нарѣчіе значительно преобладаетъ.

Панскій языкъ, т. е. польскій, остался у шляхты только въ ихъ молитвенникахъ, еще отъ временъ уни; большая часть даже православной шляхты творить молитвы и молитвенники имѣть на языкѣ польскомъ. Даже многіе православные мо-

лется по обычаямъ, оставшимся отъ уни; крестятся по польски, налагая сперва руку на лѣвое плечо и также, какъ поляки распространяются крестообразно на церковномъ полу.

Тоже стремленіе бѣднаго шляхетства не сходится съ крестьянствомъ, кичливость его, при своей бѣдности, надъ такимъ же бѣднякомъ мужичкомъ, ставила шляхту въ враждебное отношеніе къ крестьянамъ, которые, разумеется, не шли за то охоты ни въ какомъ случаѣ помочь шляхтичу въ нуждѣ, хотя бы онъ жилъ съ ними о бокъ, у одного пана. Вотъ еще особенная причина бѣдности шляхты безземельной.

Чиншное шляхетство.

Государственная служба постоянно привлекала все молодое и взрослое шляхетство, отнимая лучшія рабочія силы у собственнаго шляхетскаго земледѣлія и всякой другой промышленности. Такое расположеніе къ государственной службѣ и отчужденіе отъ земледѣлія и промысловъ было естественнымъ слѣдствіемъ древняго литовскаго учрежденія, которое со временемъ вошло въ привычку у шляхетства. Отъ приведенныхъ выше старыхъ и новыхъ узаконеній, шляхетство смотрѣло на себя, какъ на служилое въ государствѣ сословіе. Отъ того и въ старь и въ новые годы шляхетство оставляло соху, ремесла и торговлю и поступало въ государственную службу гражданскую или военную. Но многіе шляхтичи и на службѣ не оставляютъ земледѣлія. Они, служа въ казенной палатѣ, губернской правленіи, земскомъ судѣ и т. п., въ то же время хозяйничаютъ на своей подгородной усадьбѣ, иногда на разстояніи верстъ 5 и 6, такъ что въ городѣ даже не нанимаютъ квартиръ для себя, а живутъ въ своей околицѣ, откуда ежедневно прѣзжаютъ на службу. Другіе же, если не имѣютъ близко своей земли, то на городской землѣ устраиваютъ хуторокъ и тоже хозяйничаютъ. Такимъ способомъ и мелкіе чиновники при ограниченномъ на службѣ жалованьи, имѣютъ средства содержать себя и семейства свои не только безъ нужды, такъ общей многимъ, особенно мелкимъ чиновникамъ, но даже въ некоторомъ довольствѣ живутъ. Другіе, не имѣя случая или охоты поступить на государственную службу, занимали мѣста управляющихъ или такъ называемыхъ здѣсь экономовъ въ имѣніяхъ пановъ. На служебномъ поприщѣ и въ экономіяхъ нѣкоторые изъ нихъ высоко поднимались и наживали большія состоянія: такимъ образомъ изъ низшаго служилого сословія переходили въ аристократію, въ паны. Значительная часть нынѣшнихъ помѣщиковъ Могилевской губерніи изъ той же бѣдной шляхты.

Наконецъ изъ того же шляхетства образовалось почти все кѣстное православное и р. католическое духовенство, такъ какъ всякая государственная служба, военная, гражданская и духовная, особенно высшіе духовные санцы, составляла по древ-

нимъ польскимъ учрежденіямъ привилегію шляхетства. Исключенія рѣдки и въ такомъ случаѣ шляхетство какъ встарь, такъ и нынѣ съ меньшимъ почтеніемъ, если не сказать съ пренебреженіемъ, смотритъ на духовное лицо не изъ шляхетскаго рода. Еще въ 1607 году на варшавскомъ сеймѣ депутатъ, чашникъ земли Волинской, греко-россійскаго исповѣданія, Лаврентій Древинскій, жалуясь на преслѣдованія униатовъ противъ православныхъ, объяснялъ между прочимъ это преслѣдованіе назначеніемъ въ высшія должности униатскаго духовенства не изъ шляхетства: „Ваше королевское величество, говорилъ Древинскій, *противу справедливости, противу правъ и вольностей нашихъ тлѣхетскихъ и и высокіе саны властей духовныхъ, яко невѣдуиць породы ихъ, производитъ изволите* *). При семъ указала на нѣкоторыхъ униатскихъ епископовъ не изъ шляхты.

Православное шляхетство въ Могилевской губерніи, значительно превышающее численностію шляхту р. католическую, было однако же до послѣднихъ годовъ менѣе численно въ вѣстной государственной службѣ противу чиновниковъ р. католиковъ, а равно менѣе численно и въ частной службѣ по управленію панскими экономіями. Къ 1863 году, напримѣръ, изъ 1715 чиновниковъ по всей Могилевской губерніи, р. католиковъ считалось болѣе 1,000, православныхъ же около 500, кромѣ лютеранъ и евреевъ, то есть чиновниковъ р. католиковъ было вдвое болѣе противу чиновниковъ православныхъ, между тѣмъ какъ всей р. католической шляхты въ губерніи считается, какъ мы видѣли, только до 17 тысячъ, а православной выше 21 тысячи. А если присоединить 4,000 лицъ православнаго блага духовенства, которое происходитъ тоже болѣею частію изъ шляхетства, то православныхъ составитъ 25 т., изъ которыхъ могли бы многіе лица поступать и въ государственную службу и въ службу по экономіямъ. Прилагая же къ р. католической шляхтѣ еще до 3,000 р. католиковъ панскаго рода, все р. католическое служилое сословіе будетъ составлять 20 т., а православное 25 т. Православные шляхтичи, желавшіе быть на государственной службѣ, чаще поступали, кромѣ столицъ, въ великорусскія и малороссійскія губерніи, оставляя на своей родинѣ болѣе простора для шляхтичей р. католиковъ.

Нынѣ эта численность служащаго шляхетства сильно измѣнилась въ отношеніяхъ: въ 1865 году считалось по губерніи 935 православныхъ чиновниковъ, 627 р. католиковъ, 33 лют. и 77 евреевъ. Въ настоящемъ 1866 году еще болѣе убыло чиновниковъ р. католиковъ и прибыло православныхъ, такъ что православныхъ въ настоящее время болѣе 1000, р. католиковъ менѣе 500.

*) Историч. извѣстіе объ униѣ. Вантышъ-Каменскимъ 1796 г. собранное Вально. 1864 г. стр. 69.

Но въ управленіи имѣніями по прежнему преобладаютъ р.-католики, какъ можно приблизительно видѣть изъ слѣдующей, хотя очень неполной вѣдомости, доставленной по всемъ уздамъ губерніи.

Управляющіе и экономы по Могилевской губерніи.

	Прав.	Катол.	Лютер.
По Свиненскому уѣзду	4	65	—
— Оршанскому	4	26	—
— Горьцкому	4	23	1
— Могилевскому	2	18	1
— Быховскому	5	25	1
— Чаусскому	12	13	—
— Мстиславльскому	1	23	—
— Климовичскому	9	24	—
— Чериковскому	10	24	—
— Рогачевскому	8	33	2
— Гомельскому	2	7	—

Итого по губерніи 61 282 5

а всего 348 управляющихъ и экономовъ въ губерніи Могилевской.

Слѣдовательно экономы и управляющіе изъ р.-католиковъ составляютъ болѣе $\frac{1}{5}$ всего числа управляющихъ и экономовъ по губерніи, а православные съ лютеранами вмѣстѣ менѣе $\frac{1}{5}$. На самомъ дѣлѣ всѣхъ управляющихъ и экономовъ по губерніи, включая сюда и шляхтичей арендующихъ фольварки и небольшія усадьбы панскія, простирается до 400, изъ которыхъ до 333 или $\frac{5}{6}$ р. католиковъ и не болѣе 67 или $\frac{1}{6}$ православныхъ съ лютеранами.

Если для управленія экономіями не находилось изъ мѣстнаго р. католическаго шляхетства, то принимались р. католики изъ другихъ западныхъ губерній: Минской, Витебской, Волинской, Гродненской и Виленской; изъ 330 р. католиковъ экономовъ считается пришлыхъ изъ поименованныхъ губерній около 60 человекъ, а мѣстныхъ 270.

Сущестующая несогласность управителей р. католиковъ предъ православными, кажется тѣмъ страннѣе, что въ населеніи Могилевской губерніи считается православныхъ до 775 т., а р. католиковъ только до 44 т., какъ 18: 1. Казалось бы, слѣдовало имѣть управителей въ той же мѣрѣ, какъ состоитъ православное и р. католическое населеніе. Нынѣ впрочемъ съ устройствомъ волостей и самоуправленія крестьянскаго, все крестьянство поставлено независимо отъ управителей и экономовъ, которые уже входятъ съ ними въ добровольныя соглашенія.

(Мог. Губ. Вѣд.).

Но поводу недавняго движенія украинофильской партіи, въ передовой статьѣ 98 № „Московск. Вѣдомостей,“ говорится: „Украинофилы снова выступили на Божій свѣтъ. Началъ *Современникъ* ожесточенною ругнею противъ насъ за наше противодѣйствіе украинофиламъ. Затѣмъ ежедневная петербургская печать вдругъ наполнилась статьями украинофильскаго содержания. Три передовыя статьи въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 88, 93 и 112), одинъ фельетонъ (№ 93) и одна корреспонденція (№ 113) той же газеты посвящены украинофильскому дѣлу. *Голосъ*, кромѣ уже извѣстныхъ нашимъ читателямъ статей г. Мордовцева, выпустилъ длинную статью о значеніи украинофильской партіи (№ 110). И въ языкѣ, и въ приѣмахъ всѣхъ этихъ статей чрезвычайно много общаго. Авторы ихъ точно сговорились между собой.

Прежде всего они спѣшатъ заявить въ одинъ голосъ, что они не хотятъ украинофиловъ, которые жаждутъ политическаго обособленія Малороссіи, что они не хотятъ ни гетманщины, ни союза съ Польшей, что они не принадлежатъ къ числу такихъ исключительныхъ субъектовъ, каковы выставленные въ одномъ изъ современныхъ романовъ (*Маревъ*, г. Ключникова) „правственно и умственно развинченные“ гимназистъ Коля Горобецъ и его родственница Ида, что, наконецъ, они не поддаются призыву сепаратизма, придуманнаго поляками для „безмозглыхъ холмовъ.“ Но въ статьяхъ, принявшихъ личину такого благоразумія, сквозь мягкія и пріятныя рѣчи, очевидно разчитанныя на слабоуміе какихъ-либо извѣстныхъ вышеупомянутымъ газетамъ читателей, ярко выступаютъ наружу заветныя и вмѣстѣ злостныя стремленія апостоловъ этой яввы. Ихъ статьи — не просто только защита отъ какихъ-либо обвиненій, возведенныхъ будто бы напрасно на украинофиловъ ихъ врагами, не одна попытка сложить съ себя отвѣтственность за тѣ послѣдствія, которыя должны неизбѣжно вытекать изъ ихъ стремленій; но и худо скрытая агитація, чтобы начать понемножку и полегоньку тоже самое дѣло, на которомъ застигли украинофиловъ съ небольшимъ два года тому назадъ. Украдкою хотятъ они завладѣть сельскими школами, и интригою въ земствѣ добиться того чего не удалось имъ получить черезъ законодательство.

Какой-то „Учитель“ и какой-то „Членъ черниговскаго земства“ аппеллируютъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* къ обществу имѣнію во имя привычекъ и недосуга меньшихъ братьевъ нашихъ сельчанъ, требуя для нихъ обученія въ сельскихъ школахъ на *малороссійскомъ*, а не на *великорусскомъ* (?) нарѣчій. И такъ, русскій языкъ, органъ нашей цивилизаціи; залогъ нашего національнаго единства, русскій государственный и литературный языкъ, въ составъ котораго главнымъ образомъ вошла церковно-славянская стихія, равно близкая и сѣвернымъ и южнымъ, и восточнымъ и западнымъ русскимъ населеніямъ, языкъ созданный вѣками и трудомъ людей какъ съ юга, такъ

и съ сѣвера, языкъ котораго первый памятникъ есть Несторова Лѣтопись, писанная въ Кіевѣ,— по мнѣнію этихъ господъ, есть только великорусскіе нарѣчіе! Что же касается до малороссійскаго языка, какъ они говорятъ, то мы просимъ гг. защитниковъ мѣстной педагогіи указать намъ этотъ малороссійскій языкъ, который былъ бы общій и населенію по восточную сторону Днѣпра, и населенію губерній нѣкогда находившихся подъ польскимъ владычествомъ, и населенію восточной Галиціи; и венгерскимъ карпатороссамъ, и такъ-называемымъ гуцуламъ и лемкамъ; а равнымъ образомъ просимъ указать великорусское народное нарѣчіе, общее всей сѣверо-восточной Россіи. Если же такія общія нарѣчія нѣтъ, то придется въ каждой губерніи обучать сельскій людъ на мѣстномъ говорѣ, какъ пыталось на примѣръ дѣлать это, въ видахъ германизаціи, австрійское правительство съ небольшимъ чешскимъ племенемъ ганаковъ въ Моравіи. Тогда придется и въ каждой великороссійской губерніи употреблять въ школахъ мѣстный говоръ. Не говоримъ уже о томъ, что мысль учить народъ на языкѣ его избы и хаты есть нелѣпость, и обыкновенно встрѣчаетъ на самой практикѣ множество неодолимыхъ препятствій, большею частію сознаваемыхъ самими же сельчанами. Развѣ мы не знаемъ, какъ недоувѣрчиво слушаютъ крестьяне образованнаго человѣка, который хочетъ поддѣлаться подъ ихъ говоръ?

Изъ сельскихъ школъ, основанныхъ на примѣненіи мѣстнаго нарѣчія къ преподаванію, можетъ выйти только дробленіе народа на мелкіе, безсильные для жизни элементы. Сколько тому примѣровъ представляетъ намъ школьная практика австрійскихъ славянъ! Но и тамъ народныя желанія противятся такой системѣ обученія: ее поддерживаетъ только партія нѣмецкихъ централистовъ, которые въ дробленіи и разъединеніи славянскихъ племенъ ищутъ объединенія государства въ германскомъ смыслѣ. Напѣсано г. членъ черниговскаго земства думаетъ скрыть отъ своихъ читателей тѣ послѣдствія, которые сами собою вытекутъ изъ устройства семинаріи для приготоленія учителей въ мѣстныя народныя школы по украинофильской системѣ. Результаты не подтверждаютъ его легкомысленныхъ или недоосознанныхъ увѣреній.

Г. членъ черниговскаго земства, въ своей корреспонденціи, и *С. Петербургскія Вѣдомости*, въ одной изъ вышеупомянутыхъ передовыхъ статей, говорятъ:

„Земство въ Малороссіи горячо сочувствуетъ дѣлу народнаго образованія. При недостаточности и неопредѣленности средствъ своихъ, оно однакожъ на первыхъ же порахъ высказало готовность ассигновать денежные суммы на это дѣло. Представители отъ казаковъ и крестьянъ настаивали на необходимости немедленно учредить школы, и въ двухъ соображеніяхъ, гдѣ мнѣ случилось быть, защищали мысль о введеніи *окапательнаго* обученія повсемѣстно. Слѣдовательно, нѣтъ

сомнѣнія, что земство въ Малороссіи не откажетъ народнымъ школамъ въ денежной поддержкѣ, а теперь ему остается серіозно *подумать о томъ, какія методы преподаванія* можно будетъ употреблять въ нихъ съ наибольшимъ успѣхомъ.... Тутъ-то вопросъ о малорусскомъ языкѣ выдвигается на первый планъ.“

Итакъ, пользуясь добрымъ настроеніемъ представителей сельскаго населенія, безыменный членъ черниговскаго земства хватается за возможность *обязать* малороссійскія населенія къ обученію по украинофильской методѣ. Онъ беретъ на себя роль законодателя по этому вопросу, и говоритъ: „Постепенное преподаваніе на малорусскомъ, великорусскомъ и церковнославянскомъ языкахъ (sic) мнѣ кажется приемомъ самымъ рациональнымъ и наиболее пригоднымъ для тѣхъ школъ, которыя земство учредить въ Малороссіи“. Но нашъ законъ, слава Богу, не допускаетъ въ общественныхъ школахъ преподаванія на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Языкомъ русскіхъ школъ и учебниковъ можетъ быть только общепринятый государственный и литературный языкъ. Вопросъ объ этомъ рѣшенъ правительствомъ еще въ 1863 году. По какому же праву, земскія учрежденія, или лучше сказать любой изъ членовъ ихъ могутъ изъ своей прихоти навязывать сельчанамъ отвергнутую закономъ систему обученія?

Притязанія земскихъ учрежденій, подобныя тѣмъ какія заявляетъ безыменный членъ черниговскаго собранія, могутъ вести лишь къ самымъ плачевнымъ результатамъ. Прочтите только передовую статью *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* № 93, и вы увидите, до какихъ крайностей могутъ доходить притязанія провинціализма: „черниговскій бытъ, черниговская промышленность, черниговская исторія“— вотъ что должно быть дѣлю народнаго образованія въ Черниговской губерніи, по мнѣнію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, желающихъ образовывать изъ тамошняго населенія какихъ-то специалистовъ по части Чернигова. Далѣе помянутая газета говоритъ еще рѣшительнѣе. „Въ примѣненіи къ вопросу о народномъ образованіи въ южной Руси, названный принципъ („главнѣйшій принципъ новой педагогіи, или педагогическое начало о необходимости приращенія передачи научныхъ свѣденій къ условіямъ мѣстной жизни“— какъ выражаются высоко-ученныя *С.-Петербургскія Вѣдомости*) ведетъ къ узаконенію участія въ этомъ образованіи южно-русскаго народнаго языка и народной словѣстности.“ Кажется этого признанія двстаточно для того чтобы понять, куда мѣтать петербургскіе украинофилы, надѣвая на себя черниговскія или полтавскія маски. Напрасно они говорятъ, что рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы вытѣснить общепринятый литературный русскій языкъ, а только о томъ чтобы подлѣ него ввести мѣстное нарѣчіе. Это только уловка для начала.... Чего же хотять эти непрощенные друзья и

благодѣтели малорусскихъ населеній? „Мы слышали, говорятъ *С.-Петербургскій Видѣлности*, что въ Бѣлоруссiи (прибавимъ: и въ Малороссiи) были случаи, когда крестьяне не хотѣли, чтобъ ихъ дѣтей учили по-бѣлорусски, желали чтобъ ихъ учили *цирковому языку*: иначе, говорили они, мы будемъ всегда въ черномъ тѣлѣ.“ Итакъ, держать сельчанъ въ черномъ тѣлѣ и сдѣлать для нихъ чуждымъ языкъ верховной власти, этого ли желаютъ петербургскіе украинофилы? Черниговское земское собраніе можетъ ассигновать какую ему угодно сумму для учительской семинаріи, можетъ назначить изъ земскихъ средствъ какое угодно содержаніе для народныхъ школъ; но въобщемъ о системѣ обученія, о характерѣ преподаванія въ этихъ школахъ, не можетъ быть рѣшаемъ членами мѣстныхъ земскихъ управъ или собраній. Это вопросъ государственной важности. Въ заявленіи г. черниговскаго гласнаго видно неумѣстное подражаніе тѣмъ требованіямъ, которыя дѣлались русскими депутатами на галицкомъ сеймѣ нынѣшняго года. Но тамъ борьба шла не за преподаваніе на какомъ-либо мѣстномъ нарѣчiи, а за уравниеніе русскаго языка съ польскимъ и нѣмецкимъ. Что же касается до украинофильскихъ теорій въ Галиціи, то онѣ въ настоящее время далеко не обрѣтаются въ такомъ авантѣжѣ, какимъ еще пользуются въ Петербургѣ.

Поощряя галичанъ къ литературному обособленію, наши украинофилы твердятъ, что осуществленіе ихъ теоріи будто создадо бы на югѣ Россiи еще большія силы для борьбы съ польскимъ элементомъ. Но въ Черниговской губерніи нѣтъ опасности отъ поляковъ: зачѣмъ же тамъ большія силы для борьбы съ польскимъ элементомъ?

Нѣтъ, не *Черная рада* г. Кулиша, не *Наймичка* Шевченка дали силу русскому народу въ юго-западныхъ губерніяхъ бороться противъ польскихъ вымогательствъ. Церковь и церковный языкъ, кievская академія и ея ученики, дѣятельность просвѣщенныхъ и проникнутыхъ патріотическимъ духомъ правителей, вотъ опоры русскаго народа въ борьбѣ съ полонизмомъ. Украинофильство, напротивъ, служило и здѣсь польскому дѣлу, какъ оно служитъ ему въ Галиціи. Развѣ украинофилы не ополчивали всячески малороссiйскій говоръ? Употребленіе курдлицы вмѣсто латинскаго письма не можетъ скрыть источника откуда почерпнуты реченія и формы, долженствующія превратить мѣстный говоръ въ особый языкъ. Развѣ украинофилы не измѣняли своихъ отношеній къ общерусскимъ интересамъ, смотря потому выгоденъ или не выгоденъ былъ для нихъ союзъ съ полонофилами и, въ особенностяхъ, смотря по тому къ какой мѣрѣ полонофилы хотѣли пользоваться этимъ союзомъ? А недавніе извѣты г. Мордовцева въ *Стражонудѣ*, какую помощь должны были оказывать они русскимъ галичанамъ въ ихъ борьбѣ съ поляками?

Кстати, г. Мордовцевъ, печатавъ въ № 122 газеты *Голосъ* свои поясненія по случаю уличеннаго нами недобросовѣстнаго извѣта его на газету *Стрихонудъ*, называетъ нашу статью доносомъ. Но чего же другаго могъ ожидать польскій сыщикъ? Неужели онъ думалъ, что мы станемъ молчать о его извѣстїи австрійскому правительству? Или быть-можетъ онъ ждалъ, что мы воздадимъ хвалу его благородству? Этого онъ могъ надѣяться только отъ польскихъ газетъ *Przegląd* или *Gazeta Narodowa*. Уже одна вѣсть о томъ впечатленїи, которое произвели его статьи на славянскихъ читателей въ Вѣнѣ, обязывала насъ указать русской публикѣ на его подвигъ. Невѣднїе г. Мордовцева о приѣмѣ, оказанномъ въ Вѣнѣ его статьѣ, по истинѣ умилительно. Онъ утверждаетъ, что мы сослались на Вѣну наобумъ, что въ Австрїи никто и пальцемъ не шевельнулъ по прочтенїи его донесенїи. Мы поможемъ г. Мордовцеву въ этомъ случаѣ: очевидно ему измѣняетъ его естественная память, отягченная бременемъ благихъ совѣтовъ, которыя онъ такъ усердно продолжаетъ расточать въ поученїе ливчанамъ.

Предъ нами лежитъ письмо изъ Вѣны только что полученное однимъ изъ здѣшнихъ ученыхъ. „Статьи „г. Мордовцева,“ сказано въ этомъ письмѣ, „напечатанныя въ *Голосъ*, „подѣйствовали на нашихъ русскихъ очень дурно, а читатели, приходящіе въ Славянскую Бесѣду, ужасно соблазнились. Ливчакъ приготовилъ было цѣлый рядъ статей въ свой *Стрихонудъ* противъ вашихъ украинофиловъ; но вдругъ онъ получилъ два письма: отъ редакціи *Голоса* и г. Мордовцева,—и также два писма отъ г. Кулиша.... Вслѣдствїе тѣхъ писемъ, Ливчакъ рѣшился подождать и приостановилъ печатанїе „подготовленнаго *Стрихонуда*, потому-то изданїе его омедлилось.“

Голосъ въ своемъ длинномъ панегирикѣ въ честь украинофиловъ говоритъ, что г. Ливчакъ отличается „дѣвственною откровенностью“: мы хотѣли бы знать, какимъ качествомъ отличаются петербургскїе украинофилы? Они говорятъ: мы не хотимъ гетманщины, мы не хотимъ политической самостоятельности для Малороссїи, мы желаемъ только права гражданства для малороссїйскаго варѣчїа (слова *С.-Петербургскихъ Видимостей* и члена черниговскаго земства). Но къ чему можетъ повести развитїе двуязычїя? Оно еще хуже случайнаго политическаго распада. Нѣмецкїй народъ раздробленъ болѣе чѣмъ на тридцать политическихъ организмовъ; но единство языка и культуры обезпечиваетъ его національность, и разрозненныя части его тяготеютъ воедино. Нѣмцы не развивали въ Шлезвигѣ особаго варѣчїа, чтобы противодѣйствовать тамъ датскому влїянїю.

Украинофилы клянута именемъ Шевченка и честуютъ въ немъ свой принципъ. Шевченко глава украинофильства. Украинофилы выставляютъ его какъ противника колонизма и у-

тверждаютъ что поляки чувствуютъ себя не совсемъ ловко, когда при нихъ произносится имя Шевченка. Не угодно ли послушать, что говорятъ поляки (въ № 21 газеты *Dziennik Poznański* за нынѣшній годъ). „Съ того времени, какъ Польша перестала быть государствомъ, и московское владычество распространилось равно надъ ляхами и русскими (малороссіянами), общее стремленіе къ вольности должно было подсказать имъ роль естественныхъ друзей и единомышленниковъ; и мы знаемъ изъ послѣдняго времени одну личность, которая послѣ долгихъ и прискорбныхъ блужданій по окольнымъ путямъ, воплотила въ себѣ украинскую правду, вмѣстѣ съ завѣтомъ о примиреніи съ поляками. Такою личностью былъ живописецъ и поэтъ Шевченко, жертва царскаго деспотизма, горячій украинскій патриотъ, и не менѣе горячій, подъ конецъ своей преждевременно угасшей жизни, защитникъ и апостолъ (zwoleńnik i apostoł) соглашения Украины съ ляхами.“

Что скажутъ истые добрые украинцы, узнавъ, что названные друзья ихъ украинофилы, вступали за нихъ въ „соглашеніе“ съ ляхами? Что скажетъ черниговское земство? (1)

ЛЬВОВСКІЙ СЕЙМЪ 1846 года.

По странному противорѣчію, галицкіе русскіе очутились теперь *неисторическимъ* народомъ: преданія Казиміровъ и Сигизмундовъ заслонили собой величавый образъ галицкихъ Ростиславичей, которые—„сидя на златокованномъ столѣ, своими жемчужными палками подпирали горы Угорскія, заступая путь королю, суды ряда до Дуная“—въ то время, когда въ Польшѣ шли безконечныя усобицы Кривоустовичей. Но потомъ—погромъ татарскій, смуты боярскія, притязательность сосѣдей привели къ тому, что княжество Романа и *королевство* Даниіла досталось въ руки Казиміра Великаго (1320 г.). Земли князей и бояръ были передѣланы въ староства и отданы польскимъ „насельникамъ“: но долго еще Галичь не переставала быть „Червоною“ Русью: какъ медвѣдь въ зимнюю пору, жилъ онъ избыткомъ прежнихъ народныхъ силъ въ ожиданіи лучшихъ временъ.

Не сейчасъ, однако, „насельники“ стали бичами галицкой земли; она помнитъ магнатовъ, сочувствовавшихъ новой своей родинѣ: Язловецкіе, Бучацкіе, Свнявскіе. Живетъ еще въ памяти народа каневскій староста Николай Потоцкій, Галицкій-Острожскій, котораго огромныя помѣстья тонули отъ гра-

(1) Мы сочли долгомъ воспроизвести эту прекрасную статью на страницахъ нашего изданія потому, что она вполне солидарна съ нашимъ возрѣніемъ на предметъ и что она есть какъ бы продолженіе выскандныхъ нами объ немъ убѣжденных и новое пораженіе весьма живучей и опасной партіи самымъ авторитетнымъ и патриотическимъ изданіемъ русскимъ.

ницъ Польши далеко въ горы, до земель венгерскихъ. Онъ любилъ русскій народъ, заводилъ школы, и даже подъ конецъ жизни пострится въ православные монахи. Могиа его и теперь еще показываются въ Почаевѣ. Но потомъ, на развалинахъ магнатствъ размножилась мелкая шляхта: прежніе дворовые стали панами—гордые и задорные. Потеряна политическая независимость страны, утрачена даже народная свобода, но оставалась вѣра и языкъ отцовъ; и пять вѣковъ усиленной пропаганды не могли здѣсь искоренить „Фотіевой схизмы“ и хлопскаго языка. До послѣднихъ временъ народъ не подозрѣвалъ, что они—уніаты, а попираемый языкъ русскихъ хлоповъ выступилъ теперь на гордую борьбу съ языкомъ пана Мицкевича и графа Борковскаго.

Что касается политическихъ отношеній княжества Ростиславичей къ королевству Пястовичей и Янгеллоновъ, то до люблинской уніи 1569 г. они были чисто-федеративныя: отдѣльныя територіальныя границы, особая администрація, и долго еще послѣ уніи, во многихъ мѣстахъ держались „сеймы“. Только высшія инстанціи были общія, Договоръ въ Гадячѣ, 6-го сентября 1658 г., опять гарантировалъ русинамъ всѣ народныя права.

По договору 18-го сентября 1772 года, Станиславъ Августъ принужденъ былъ уступить Австріи „Галицко-Владимірское королевство“. Оно распадалось на двѣ части, обнимавшія: 1) часть воеводствъ Люблинскаго, и Бельзкаго, часть земли Холмской, Червонную Русь и Галичъ, часть Волыни и Подолія: всѣ эти земли населены малорусскимъ племенемъ; 2) польская часть воеводства Краковскаго, Сандомирскаго и герцогствъ Освѣцимъ и Заторъ: тутъ живутъ мазуры—вѣтвь польскаго племени. Патентомъ 14-го іюня 1775 г., въ *видѣхъ административнаго однообразія*, Австрія соединила эти двѣ части, не смотря на коренное различіе происхожденія, языка письменности, вѣроисповѣданія, нравовъ и обычаевъ, и непримиримыя противорѣчія стремленій и интересовъ,

Что касается народнаго образованія, то до присоединенія Галиціи къ Австріи имъ завѣдывали ордена базилианъ, потомъ іезуитовъ и паровъ. Въ 1783 г. Іосифъ II учредилъ во Львовѣ первую русскую народную семинарію, съ преподаваніемъ на народномъ языкѣ. Въ слѣдующемъ году основанъ львовскій университетъ, въ которомъ всѣ предметы на богословскомъ и философскомъ факультѣтѣ преподавались *по-русски*. Но потомъ, нѣмецкій языкъ сталъ вытѣснять русскій: онъ замолкъ въ университетѣ въ 1807 г. на 40 лѣтъ, пока „какъ фениксъ изъ праха“ не воскресъ въ 48 г., съ новой силой для новой жизни, съ лучшею будущностію. Школы среднія и низшія поручены ординаріатамъ—при церквахъ, въ какомъ положеніи онѣ оставались до послѣдняго времени.

Возрожденіе Галиціи въ 48 году поляки называютъ политической композиціей Стадіона: они не хотять приписать русскому народу такой упругости, чтобы онъ могъ своими силами

подняться изъ забитаго, рабскаго состоянія. Тогда образовалась галицко-русская матица, составилась „рада русская“ съ цѣлю соединить въ одномъ фокусѣ умственные силы Галиціи; рѣшенъ вопросъ о литературномъ языкѣ: для народнаго образованія мѣстное нарѣчіе, для ученыхъ же сочиненій—общерусскій литературный языкъ. Но только 14-ть лѣтъ спустя, постановленія эти были утверждены вѣнскимъ рейхсратомъ, въ августѣ 1861 года. Какъ бы то нибыло, галичане рѣшили тогда, что лучше Австрія, чѣмъ польская аристократія. На первый разъ австріянки не забыли услуги и вѣрности: въ 49 году Галиція получила новое политическое устройство. Она раздѣлена на три округа или куріи: одинъ польскій-краковскій, между Карпатами, Вислой и порѣчьемъ Сака; а два русскіе—львовскій и станиславовскій. Въ каждомъ округѣ—свой куріальный сеймъ; общій—во Львовѣ—изъ 36 членовъ. (Буковина составила отдѣльный округъ). Бѣдные поселяне имѣли тогда болѣе представителей, чѣмъ богатыя и образованныя сословія, которымъ правительство не довѣряло. Даже бюрократическій абсолютизмъ Баха былъ для галичанъ менѣе чувствителенъ, можетъ быть потому, что они подъ польскимъ господствомъ прошли хорошую школу терпѣнія и смиренномудрія. Они были совершенно довольны, когда въ 60—61 г. получили право засѣдать въ низшей палатѣ Рейхсрата, ибо они имѣли злорадное удовольствіе видѣть здѣсь униженіе своихъ гордыхъ пановъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое трагическое положеніе! Они—та самая шляхта, что еще недавно, какъ куклой играла королею,—они вмѣстѣ съ хлопамъ сидятъ на скамьяхъ сеймовъ, въ чужомъ городѣ—безъ силы и поддержки! Ужели есть только *Polska przyszłość*, а не *przyszłość*? Еще одно отчаянное покушеніе—и опять напрасно: воля есть, да силы нѣтъ! „Голубушка осмолила себѣ крылышко, и куда дѣвалась прежняя оппозиція!—теперь полякъ русина перещеголяетъ козьяностію“. И Австрія съ распростертыми объятями приняла блуднаго сына.

13-го октября 1864. г. прибыла въ Вѣну депутація русиновъ съ просьбою—„раздѣлить Галицкое королевство въ территориальномъ и политическомъ отношеніяхъ, на двѣ отдѣльныя провинціи: восточная часть съ тремя милліонами сплошная русскаго населенія (за исключеніемъ немногихъ *колонистовъ*—нѣмцевъ, евреевъ, армянъ и *поляковъ*), должна была составить отдѣльное королевство съ древнимъ историческимъ названіемъ Галиціи и Лодомеріи (Владимірской области). Западная польская часть можетъ образовать особую область—Великое Герцогство Краковское съ Великими Герцогствами Освѣцимскимъ и Заторскимъ. А теперешнее соединеніе разнородныхъ частей не основано ни на историческихъ воспоминаніяхъ ни на желаніи нуждахъ населяющихъ эту область различныхъ народностей“. Просьба не была уважена и, статутомъ 26-го февраля 1865 года, двѣ народности были соединены на одномъ Сеймѣ, въ

подтверждаетъ, что „комплексъ этихъ земель составляетъ единородное цѣлое“.

Галичаче убѣдились, что имѣются отношенія къ нимъ правительства. Гдѣ причина? дѣло объясняется очень просто: прежде русскія силы страшно пудомъ противъ буйной Польши. Теперь поляки сумѣли убѣдить Австрію, что „Venedig na h Flornaz Ga'izien na h Osten hin gravi'ig“—Галиція тяготеетъ къ востоку! Еше на Рейхстагѣ, 1863 г. 18-го іюня, галицкій депутатъ графъ Голузовскій указалъ на опасность, которую угрожаетъ Германіи и особенно Австріи „русскій панславизмъ“. Онъ далъ замѣтить, что противодѣйствовать ему можно только возстановленіемъ независимой Польши. Это, конечно, тогда было отвергнуто, но теперь почему-то производить нѣкоторый эффектъ.

Въ мартѣ, польскія и чешскія газеты („Gazeta Narodowa“, „Слав.“ „Nar. d. Listy“) *напечатали* въ Галиціи московскаго эмиссара съ фотографіями графа М. Н. Муравьева и московскими требниками. Заведено формальное слѣдствіе и оказалось, что это—монахъ березнянскаго базилианскаго монастыря, что въ Венгріи, собиравшій пожертвованія на свою церковь. Такъ вотъ они—русскіе агенты! А для поляковъ, такіе слухи или утки очень желательны. Австрія явно теперь на сторонѣ поляковъ, притомъ великаго *историческаго* народа, въ которомъ часто простой шляхтичъ ведетъ свой родъ, если не отъ Августа, то ужъ, конечно, отъ Пяста и—короля Гороха. Напротивъ, закутаные въ чужое имя *русины* опасны: ихъ народныя стремленія громятъ теперешней „Staats-Verfassung“, но главная опасность—здѣсь гнѣздо „московской пропаганды и закордонскихъ агитацій“. А все-таки и теперь поляки называютъ Австрію *мачихой*, а русины—матерью, не смотря на несовсѣмъ нѣжныя отношенія. Если бюрократія душа централизаціи, а аристократія—федераціи, то русинамъ предпочтительнѣе первая. Да оно и понятно: австрійская федерація въ томъ и состоитъ, что одинъ элементъ усиливается на счетъ другаго: мадьяры въ Венгріи, итальянцы въ Истріи и Далмаціи, румыны въ Банатѣ и Седмиградіи, чехи въ Богеміи, поляки въ Галиціи—наслаждаются федераціей на счетъ подчиненія словаковъ, сербовъ, харватовъ, словинцевъ, русскихъ. Даже нѣмцы причисляютъ себя къ страдающимъ народностямъ, и это справедливо, по сравненіи съ временами Шмерлинга: теперь нѣмцы въ оппозиціи, и не перестаютъ плакаться на Белькреді и распускать тревожныя слухи о смѣнѣ министерства и возстановленіи вѣнскаго рейхсрата.

О чемъ же мечтаютъ и къ чему стремятся теперь поляки? Въ упоеніи своего кратковременнаго торжества, въ измѣнчивомъ круговоротѣ австрійскихъ порядковъ они уже забыли, какъ нещадно разбила исторія ихъ недавнія мечты. Они все еще вѣрятъ въ свой идеалъ: „Nad Wisłą i Dnie, gem katolickie w imię Lack — Ruskie Król-ostwo“. Это для нихъ Polska przeszłości и przyszłości. Obiit Polonia, natus est populus Polonus.

На львовскомъ сеймѣ мы увидимъ блистательное подтвержденіе не состоятельности польскихъ теорій несвоевременности развиваемыхъ ими политическихъ началъ. Они гордятся своимъ геройскимъ, неумигающимъ патриотизмомъ; но они не могутъ понять, что самопожертвованіе состоитъ не только въ геройскихъ военныхъ подвигахъ, но еще больше въ безкорыстномъ исполненіи гражданскихъ обязанностей. Имъ все попрежнему недостаетъ способности подняться выше единичныхъ интересовъ—личныхъ и сословныхъ. Они окаменѣли на *statu quo* средневѣковаго феодализма и фанатизма—политическаго и религіознаго: для нихъ нѣтъ историческаго прогресса—слѣдовательно нѣтъ будущности.

Уже до открытія сейма русины могли предвидѣть, что имъ придется играть страдательную роль безсильнаго меньшинства. Выборы (слыи устроены такимъ образомъ, что только $\frac{1}{3}$ депутатовъ пришлось на долю русскихъ. Въ главѣ польской партіи стояли графы Гогоховскій, Борковскій, Потоцкій, Кабатъ, кн. Сапѣга съ многочисленнымъ штатомъ шляхты, мелкаго ополченнаго мѣщанства и услужливыхъ жидовъ. Вожатая народнои партіи—Петрушевичъ, Куземскій, Павлюковъ, Наумовичъ, Кирилловичъ, Добрянскій, Трещаконскій, Качала, Ковбасюкъ и другіе ученые, поселяне; но большинство—священники, которые, собственно, и составляютъ интеллигенцію страны. Галицкое духовенство отличается тѣмъ, что оно—представитель народнаго движенія и историческаго прогресса. Поляки видѣли, что никакія имъ завоеванія не будутъ прочны, пока они не сроятъ этого охранительнаго вала русской народности въ Галиціи; они знали, что если имъ удастся „поразить пастырей, то разбѣгутся овцы“. И вотъ на этомъ пунктѣ сосредоточиваютъ они свои наступательныя орудія, начинаются набѣги. Передовымъ бойцемъ выступилъ графъ Борковскій, „витія съ природы, сатирикъ даровитый, а настроеніемъ своимъ противъ Руси дуже ѣдкій“ („Слово“), тотъ самый Борковскій, которому общественное мнѣніе приписало книгу „Paгаііanszuzna“ (1843 г.)—ѣдку сатиру на высшіе классы львовскаго общества, къ которому онъ и самъ принадлежитъ. Dla Rusi wszystko, dla partyi Klerykałnej — nie! Обрядъ Фотія угрожаетъ русинамъ „змосковщеніемъ“. И какая отсталость—политическое значеніе духовенства! Да вѣдь это левиты, брамины! Самъ папа на тридентскомъ соборѣ изрекъ „анаеема“ Руси, непринявшеі его постановленій. Москва, святоюрцы!.. Долой *терно*: не консисторія будетъ назначать священниковъ: я—коляторъ церкви и фундаторъ пробства—самъ выберу себѣ священника: я имѣю на это право и хочу имъ пользоваться“. Спокойно и умѣренно отвѣчали русскіе депутаты на выходки большинства: Не Русь, а Польша была и есть жреческое государство; у васъ-то слово мира и любви стало революціонной пропагандой, а религіозный гимнъ—политической демон-

страцій. Самъ папа въ 1863 г. сравнивалъ церковныя права русиновъ и поляковъ въ Галиціи. Самъ тридентскій соборъ, постановленія котораго вы исковеркали, обезпечилъ независимость церкви отъ лишнихъ притязаній ея фундаторовъ. Ксендзь Ручка полагалъ, что помѣщики надѣляли церкви *своими* „грунтами“, и потому имѣютъ на нихъ права собственниковъ; но князь Сангушко невзначай сознался, что—не своими, а *рустикальными* грунтами. Развѣ мало колятору, что ему предоставляется выборъ изъ *трехъ*, предложенныхъ консисторіею, кандидатовъ (это и есть *терно*)? Папамъ хочется имѣть въ священника безгласныя и послушныя орудія. Такъ нѣтъ же: въ Буковинѣ есть „москаля старовѣрцы“—и имъ правительство дало всѣ политическія права; а мы, столь же вѣрны Риму и Австріи, какъ самыя вѣрныя изъ поляковъ. Русь пережила монголовъ, Польшу, унію, іезуитовъ, переживаетъ и галицкій сеймъ съ его Борковскими и Голуховскими. Еслибъ даже Австрія, какъ Пялакъ, выдала насъ на пропятаіе, и тогда побѣдоносно воскресилъ бы изъ гроба. Полякамъ мы не дивимся: такой ужъ у нихъ нравъ „*miscere sacra p. fanis*“. Но мы всѣ еще вѣримъ въ политическое благоразуміе, если не въ безпристрастіе Австріи. У поляковъ минутное настоящее, но будущность—наша“. 24-го февраля, большинствомъ голосовъ, положено было уничтожить *терно*. Такимъ образомъ первая формальная побѣда досталась полякамъ, но и они чувствовали, что перевѣсъ убѣжденія остался за русинами.

На очереди стоялъ вопросъ о *реорганизаціи школы*, но тутъ пришлось бы бороться съ нѣмцами, потому-что въ университетахъ и техникумъ, въ реальныхъ школахъ и гимназіяхъ по сю пору господствуетъ нѣмецкій языкъ. Нѣмцы благоразумно *сравнили* русскихъ съ поляками, вполне увѣренные, что только народное безсиліе можетъ поддержать здѣсь значеніе нѣмецкаго языка. Такъ и на этотъ разъ поляки благоразумно уклонились отъ борьбы съ нѣмецкимъ языкомъ. Тѣмъ съ большимъ энтузіазмомъ накинулись они на народныя школы, вполне увѣренные, что только забравши въ свои руки воспитаніе возрастающихъ поколѣній, они могутъ надѣяться на успѣхъ колонизаціи края. Народныя школы въ Галиціи существуютъ только „спорадически“, едва 10^{1/2} изъ обязанныхъ посѣщать школы—учится въ нихъ. Содержаніе—бѣднѣйшее: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ учитель получаетъ годоваго жалованья 10 гульденовъ (8 р. сер.). Эти школы съ 1805 г, существуютъ большею частію нераздѣльно съ церквями; „органисты“ занимаются обученіемъ. Теперешніе „новаторы“ захотѣли вырвать школы изъ-подъ вѣдомства ординариатовъ, чтобы затѣмъ ввести туда польскій языкъ и польскій духъ. Русскіе предвидѣли это и отстаивали право каждаго учиться на любомъ языкѣ. Вопросъ скоро перешелъ въ общую сферу: дѣло шло уже о *равноправности двухъ земскихъ языковъ*. Но прежде, чѣмъ приступить къ преніямъ о равноправности русска-

то и польскаго языковъ, *нужно было рѣшить еще одинъ важный вопросъ: дѣйствительно ли въ Галиціи существуетъ Русь, и даже—существуетъ ли вообще съ высшей, абсолютной точки зрѣнія, какой бы то нибыло русскій языкъ?*—Въ самомъ дѣлѣ, предстояли вопросы громадной важности, и мы съ благовѣріемъ должны преклониться предъ несравненнымъ гениемъ Борковскаго, который на этотъ разъ превзошелъ самаго себя. „Да гдѣ же Русь“, разсуждалъ Борковскій: „вѣдь это польскіе хлопцы, а не Русь. Русскій языкъ!... да вѣдь это исковерканное нарѣчіе польщизны. И кто знаетъ, можетъ быть Несторъ писалъ на польскомъ языкѣ: это очень вѣроятно, даже положительно можно сказать, что Несторъ былъ полякъ. А они—хлопы, укравшіе у насъ лохмотья нашего языка, ужъ размечтались о равноправности! Такъ знайте же, что это *сеймъ польскій*, и что *здѣсь нѣтъ русскихъ*“... Русины однако ухитрились: „Какъ же это *польскій сеймъ*, если въ немъ засѣдаютъ *хлопы*?—изъ исторіи извѣстно, что даже русскихъ *епископовъ* не допускали на *польскій сеймъ*“... Но Борковскій все стоялъ съ лопатою, готовый заживо погребать русскихъ, не смотря на ихъ убѣжденія, что они еще живы. У него оставался еще одинъ несокрушимый резонъ противъ равноправности двухъ языковъ, такой резонъ, который можетъ сравняться развѣ съ извѣстнымъ силлогизмомъ пражскихъ нѣмцевъ: „*парижскій университетъ—нѣмецкій потому что онъ мать всѣмъ нѣмецкимъ университетамъ*“. Съ краснорѣчіемъ, достойнымъ оратора и предмета, Борковскій говорилъ: „*Польскій языкъ развился подъ влияніемъ русскаго (sic.); если же русскому языку дать равноправность, то польскій, — лишенный почвы, изъ которой онъ тянетъ питательные соки, станетъ подлиннымъ экземпляромъ того гербарія, въ которомъ зеленую цвѣты задержаны неподвижно, какъ бы въ дагерротипномъ оттискѣ, и не воссіяютъ больше лучами свѣта и теплоты*“. Это великая истина, только не въ ту сторону, какъ разсчиталъ ораторъ: это „*дагерротипный оттискъ*“ всей исторіи польскаго народа или вѣрнѣе—польской шляхты: какъ *чужелюбное растение*, она можетъ жить только переработанными соками другихъ растений, чужимъ потомъ и трудомъ. Польская *w. Iność* и *niepodległość* немислима безъ рабства и зависимости другихъ, „*чернорабочихъ*“ народовъ. Поэтому-то поляки не могутъ предложить себѣ скромнаго существованія въ тѣсныхъ границахъ *этнографической* Польши: нѣтъ, давай имъ *историческую* Польшу Сигизмунда и Владислава—отъ моря до моря, и отъ Карпатовъ по Днѣпръ.

Когда Борковскому возразили,—„что за невидаль такая этотъ польскій языкъ, который засохнетъ безъ искусственной поддержки, и кто же станетъ теперь поклоняться каменбющему идолу?“ Онъ, спохватившись, что зашелъ въ дебри, сталъ распространяться о незрѣлости народа, о демократическомъ движеніи, московскихъ агитаціяхъ и левитскихъ притязаніяхъ — все совершенно

тоже, что мы слышали въ Прагѣ отъ нѣмцевъ, только съ большимъ нахальствомъ и безцеремонностію. „Нужно полонизировать русиновъ, опять заключилъ онъ, иначе они обмоскоятся“. Но и теперь русины не теряли самообладанія и отвѣчали: „Всѣ ваши возраженія опровергнуты уже на пражскомъ сѣмѣ. Куда дѣнемъ мы вашъ польскій языкъ, который вы такъ великодушно и такъ безкорыстно навязываете намъ, когда мы его не понимаемъ? Въ округахъ, напр., Коломыйскомъ, Станиславовскомъ, Стрысьскомъ, Самборскомъ, по цѣлымъ годамъ не слышно польской рѣчи. Напрасно величаетесь своимъ и презираете наше: при первыхъ Ягеллонахъ русскій и польскій языки были совершенно равноправны въ судахъ и школахъ: только Сигизмундъ II-й и Янъ Казиміръ нарушили доброе согласіе и—закипѣлъ домашній раздоръ. Въ 18 в. русскій языкъ былъ университетскимъ, да и теперь существуютъ двѣ русскія кафедры по правовѣднію. Наша терминологія не установилась, но и польская скована на нѣмецкій ладъ. Что вы перевернулись въ ляховъ, такъ вы и намъ навязываете тѣ же ренегатскія наклонности... Такъ знайте же, что насильная полонизація 12 мил. униатовъ загнала въ схизму: продолжайте свои подвиги—вы только усилите Москву.“ Но все это показалось слабымъ, вялымъ и нисколько не убѣдительнымъ въ сравненіи съ мощнымъ краснорѣчіемъ Борковского и его фаланги. Большинство признало польскій языкъ „единственною оффиціальною: рѣшенія земскаго сейма должны печататься въ оффиціальной „Gazetie Lwowskiéj“ только на одномъ земскомъ, т. е. польскомъ языкѣ.“ Затѣмъ пошли реформы въ данномъ направленіи: преобразованиемъ избирательной системы обезпечено польское большинство во всѣхъ „краевыхъ выдѣлахъ“—помимо податнаго ценза и бывшихъ правъ представительства; отдѣленіемъ мѣстечекъ отъ селъ прибавилось 14 „маломѣщанскихъ“ депутатовъ, которые, конечно, будутъ соревновать полякамъ въ презрѣніи къ хлопству. А когда русины потребовали обезпеченія себѣ извѣстнаго числа мѣстъ въ администраціи, то имъ съ ироніей отвѣчали, что не хотятъ класть межи тамъ, гдѣ все зависитъ отъ способности кандидатовъ, такъ что даже всѣ чиновники могутъ быть русскими.

Но всего казалось мало: нужно было заявить себя чѣмъ-нибудь покрупнѣй, и вотъ—14 марта поступило въ сеймъ предложеніе „просить императора о назначеніи въ Галиціи гофканцлера“— конечно поляка, и вѣроятно — Голуховскаго, того самаго графа Агенора Голуховскаго, который въ 50-мъ году сидѣлъ на намѣстничьемъ столѣ во Львовѣ, въ 60-мъ году былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и скоро затѣмъ государственнымъ министромъ. Но онъ не умѣлъ примирить муниципальной, провинціальной и національной автономіи съ государственнымъ единствомъ. Отсталый отъ требованій современности, онъ, всецѣло сочувствовалъ феодальнымъ учрежденіямъ среднихъ вѣковъ: уже въ слѣдующемъ году онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто

Шмерлингу. Русины видѣли, что они лишаются послѣдней надежды на поддержку правительства: между нихъ станеть канцлеръ. Это будетъ вънцемъ польскаго терроризма и шляхетской автократіи. Когда замѣчательная рѣчь посла Куземскаго (предсѣдателя галицкой матицы) не подѣйствовала, то имъ оставалось одно средство: чтобы не быть свидѣтелями своего поворота, они всѣ до одного оставили залу сеймовыхъ собраній. Поляки сначала было растерялись, но скоро оправившись, составили адресъ императору, въ которомъ просятъ: „о назначеніи въ представители *народа* (!) сына земли, знающаго потребности страны, соединеннаго съ нею однимъ чувствомъ, одними интересами, которые онъ будетъ представлять предъ правительствомъ.“ Русины понимали, чего они хотять: мягко стелютъ—жестко спятъ. Какъ бы то ни было, въ Вѣну отправлена депутація, въ которой приняли участие: маршалокъ кн. Сагѣга, гр. Голуховскій, епископъ Монастерскій, ректоръ Майеъ и нѣкоторые другіе. Императоръ принялъ адресъ милостиво, и обѣщаль „принять его во вниманіе и соединить съ органическими началами государства.“ Ни намека на то, что депутація незаконна, потому что въ ней не было представителей больше двухмилліоннаго русскаго населенія Галиціи. Теперь русины ясно увидѣли, что плохая надежда и на правительство. Имъ оставалось позаботиться, чтобы, въ оставшееся еще для сеймовыхъ собраній время, не постановлено было ничего важнаго. Два дня проволочили на вопросѣ о желѣзныхъ дорогахъ; три дня спорили о назначеніи пособій церквамъ. Долго шли бесполезныя пренія по вопросу о *пособіи русскому театру*. Поляки отговаривались финансовыми затрудненіями, однако нашли средства дать краковскому театру—хотя заимообразно—5000 гульд. На этомъ бы и конецъ, но русскіе послы рады были ухватиться за этотъ предметъ, чтобы протянуть время. Борковскій съ обыкновенною своею рѣзкостію высказался, что русскій театръ такое же частное заведеніе, какъ кофейня, и что удовлетворять капризамъ русиновъ—въ воду деньги бросать. „*Можете ходить и въ польскій театръ, а у васъ нѣтъ литературнаго языка, — только простонародный.*“ Русскіе говорили, что это не частное заведеніе, а ихъ лучшее народное достоиніе, приютъ русскаго языка и народности. За 100 верстъ сѣвзвзаются русины посмотреть свой театръ. „Отказами вы только возбуждаете народныя страсти. Если ужъ на то пошло, такъ раздѣлите поземельный фондъ, на который мы имѣемъ права не меньше вашего; если мы взаимно тяготимся своими отношеніями, такъ чтоже вы боитесь—*раздѣленія Галиціи?* Не *übereinander*, а *nebeneinander*—основаніе федеративныхъ отношеній, которыхъ и вы держитесь. Словинцевъ—съ малымъ милліонъ, а у нихъ отдѣльные сеймы въ Крайнѣ, Каринтіи. Городъ Триестъ и микроскопическій въ сравненіи съ нами Герцкій округъ имѣютъ свои ландтаги: а насъ — *за два милліона!*...“ Понятно съ какою грозой отнеслись поляки къ такому дерзкому требова-

нію. Правительственный комиссаръ, съ своей стороны, сказать, что правительство не намѣрено—въ видахъ экономических (!) назначать двухъ отдѣльныхъ сеймовъ—для Кракова и Львова. Русины съ восторгомъ приняли извѣстіе о предложениіи на пештскомъ сеймѣ посла венгерской Руси, Ад. Добрянскаго: присоединить галицкую Русь къ Венгерскому королевству. Еще разъ улыбался имъ разрывъ съ Краковомъ; но понятно, какъ сомнительны такіа надежды русиновъ въ настоящемъ, хотя онѣ очень возможны и можетъ быть неизбежны въ будущемъ.

Что не московская агитація была причиной такой розни поляковъ съ русинами, видно изъ того, что даже *евреи*, все время бывшіе заодно съ поляками, теперь должны были разочароваться: при концѣ сейма отправилась въ Вѣну еврейская депутація съ жалобой на обидное рѣшеніе сейма по еврейскимъ дѣламъ.

Но приближался конецъ сейма: жалко имъ было разставаться съ нимъ, все откладывали конецъ: съ 16-го марта на 9-е апрѣля, потомъ еще на недѣлку, такъ что только 16-го апрѣля наконецъ закрытъ былъ сеймъ. На двухъ послѣднихъ, 79 и 80-мъ засѣданіяхъ обсуждалось предложеніе Петрушевича о признаніи правъ русскаго языка на сеймѣ и въ судопроизводствѣ, и на этотъ разъ, къ общему удивленію, поляки сдѣлали уступки, конечно, ничтожныя: „русскій языкъ признается официальнымъ, хотя не *автентичнымъ* (подлиннымъ), и на сеймѣ—на русскія рѣчи маршалокъ отвѣчаетъ по-русски.“ Все это даже „*Gazeta Narodowa*“ считаетъ пустой формальностію, неимѣющею никакихъ практическихъ послѣдствій; но для насъ интересенъ фактъ съ психологической точки зрѣнія: на *послѣднихъ* засѣданіяхъ въ *первый* разъ польскіе послы (за исключеніемъ однако 29) перешли на сторону русскаго. Пять мѣсяцевъ дразнили, въ два дня хотѣли успокоить: пусть оставятъ сеймъ въ хорошемъ расположеніи духа. Все рассчитано на русское добродушіе и незлопамятство; но и русины не такъ ужъ наивны, чтобы еще вѣрить въ польское безпристрастіе. Они такъ и поняли, что это стратегическая уловка.

Итакъ, кончился наконецъ галицкій сеймъ: ни за что пропали для страны около 200,000 р., и то въ такую пору, когда народъ питается румфортскимъ супомъ, или даже умираетъ съ голоду. Но онъ поучителенъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) онъ представилъ намъ въ настоящемъ видѣ *поляки на волю*: нѣтъ полемическаго сочиненія, болѣе убѣдительнаго въ несостоятельности польскихъ культурныхъ началъ и отсталомъ анахронизмѣ ихъ средневѣковыхъ стремленій. 2) Польская услужливость для Австріи совершенно медвѣжьяго свойства: булыжникомъ муть обгоняютъ. Довзванный историческій фактъ, что тѣмъ либеральнѣе бывало нѣмецкое правительство, тѣмъ легче подавались славяне германизаціи. Насиліе пробуждаетъ народное чувство

и вызываетъ реакціонное движеніе. Въ началѣ сейма русины говорили: „Рущизна въ Галиціи не есть схизма, ибо она—ка-толицизмъ; не есть Москва, ибо здѣсь не русскіе, а русины.“ А подъ конецъ сейма, земскому управленію Бобрецкаго округа представленъ адресъ народныхъ учителей, въ которомъ сказано, что *„маєтанеть время, когда единоплеменные братья съ сѣвера придуть освободить насъ отъ ига.“* Авторъ не открытъ, но полагають, что главнымъ агитаторомъ святоюрской кривкальной партіи—одинъ членъ львовскаго сейма. X.

(С. Петерб. Вѣдом.)

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ ИЗЪ ЛЮБЛИНА ВЪ «МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ».

Ни одна часть Польши не можетъ возбуждать къ себѣ такого участія и интереса со стороны русскихъ людей и русскаго государства, какъ юго-восточный уголъ Царства, заключающій въ себѣ древнюю „землю Холмскую“, населенную народомъ русскимъ, сохранившимъ русскій языкъ, и исповѣдующимъ греко-уніятскую вѣру. Рѣка Бугъ, отдѣляющая теперь эту страну „внязей галицкихъ“ отъ Волыни, очевидно составляетъ не болѣе какъ границу политическаго трактата; ибо трудно найти населеніе болѣе во всѣхъ отношеніяхъ однообразное, чѣмъ жители по обѣимъ сторонамъ Буга.

Съ небольшимъ два года только тому назадъ, городокъ Холмъ, былъ во власти повстанцевъ. Русскіе владѣли тогда Холмскою землей, такъ же какъ и всѣмъ Царствомъ Польскимъ. во прану, купленному цѣной освобожденія Европы, но въ дѣйствительности намъ ровно ничего не принадлежало въ этой, купленной за такую цѣну, русской же землѣ. Здѣсь, въ самомъ Холмѣ, въ центрѣ русскаго греко-уніятскаго населенія, распоривались банды, и полными хозяевами были шляхта и ксендзы. При безмолвіи народа, греко-уніятское духовенство, съ своимъ свискоюмъ въ главѣ, оставалось, во все время мятежа, самымъ покорнымъ орудіемъ воли своихъ латинскихъ проповѣдывало съ церковныхъ кафедръ войну ненавистному „московскому жовду“ и русскому народу, такъ же благословляло на враномы и злодѣйства какъ самые усердные изъ польскихъ ксендзовъ. Мы, побѣдители, не только были здѣсь чужими между своимъ народомъ, но очутились, наконецъ, въ положеніи пришельцевъ, которыхъ горсть польской шляхты рѣшила выгнать. Если бы можно было отрѣзать отъ нашей исторіи все наше прошедшее, то смотря на положеніе, которое мы вынуждены были занимать здѣсь, два года тому назадъ, можно было бы безошибочно причислить насъ къ выродившимся остаткамъ какой-то отжившей цивилизаціи, къ остаткамъ,

которые, безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія, удаляютъ какъ лишнее бремя и рухлядь, чтобы очистить мѣсто для силъ болѣе юныхъ и здравыхъ.

Пошевельнулись, наконецъ, внутреннія силы русской земли и мы, не ограничиваясь, какъ прежде, расквартированіемъ здѣсь нашихъ войскъ, освободили русскій народъ отъ польской шляхты, устранивъ теперь греко-уніятскія церкви и русскія училища, и готовы приняты за учрежденіе русской администраціи и за болѣе рѣшительныя мѣры къ огражденію народной вѣры отъ насильственныхъ въ нее вторженій латинской пропаганды.

Греко-уніятскія церкви находятся здѣсь, какъ извѣстно, въ самомъ жалкомъ состояніи; но и то, что есть, пріобрѣтено народомъ цѣной отступленія отъ обрядовъ и обычаевъ своей вѣры; потому что ктиторами церквей были по большей части помѣщики-католики, которые если и удѣляли изъ своихъ средствъ кой-какія крохи на поддержаніе уніятскихъ церквей, то устранивали за это церкви не иначе какъ по образцу латинскаго костела, безъ иконостасовъ и безъ малѣйшаго вниманія къ требованіямъ греческой обрядности. Прежде чѣмъ устроить церкви, были приняты повтормъ все необходимыя мѣры для того, чтобы прихожане уніятскихъ церквей избирали изъ своей же среды церковныхъ старостъ, и уніятскіе приходы были поставлены въ положеніе независимое отъ услугъ латинскихъ ктиторовъ. Чтобы судить о размѣрахъ такого предпріятія, какъ устройство для здѣшняго народа церквей, достаточно сказать, что на этотъ предметъ разрѣшенъ уже главному директору комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ кредитъ въ 250,000 рублей, независимо отъ суммы, ежегодно отпускаемой въ количествѣ 21,550 рублей, на возстановленіе обветшавшихъ греко-уніятскихъ церквей. Сверхъ того, для той же цѣли обращаются капиталы упраздненныхъ базилианскихъ монастырей, равно какъ капиталы, принадлежащія приходамъ и образовавшіеся изъ различныхъ источниковъ. При предварительномъ осмотрѣ церквей, многія крестьянскія общества, какъ слышно, выразили готовность принять на свой счетъ нѣкоторую часть расходовъ по устройству ихъ церквей. Наибольшій срокъ для окончательной постройки новыхъ и исправленія ветхихъ церквей положенъ въ пять лѣтъ, и рука, которая ведетъ это дѣло, уже доказала, чего мы можемъ ожидать отъ нея, когда она коснется вопроса, тѣсно связаннаго съ интересами русскаго народнаго дѣла.

При первыхъ слухахъ о возстановленіи греко-уніятской іерархіи въ Польшѣ, въ ея самостоятельномъ, а не въ подчиненномъ католицизму значеніи,—здѣшнее уніятское духовенство сначала, повидимому, сочувствовало этой мысли правительства, тѣмъ болѣе, или, быть-можетъ, единственно потому, что вмѣстѣ съ тѣмъ для него открывались положительныя вы-

ды къ улучшенію его быта какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго. Въ уніятской церкви, въ Варшавѣ, закрылись царскія двери иконостаса, согласно греческому обряду; священники вступали въ горячія разсужденія на русскомъ языкѣ о красотахъ греческаго обряда, о всѣхъ гоненіяхъ, которымъ подвергались со стороны латинскаго духовенства, въ послѣднее время, тѣ изъ нихъ, которые рѣшались охранять чистоту греческаго обряда отъ искаженій латинскихъ; студенты, кончившіе курсъ въ холмской семинаріи и предназначавшіеся къ посвященію львовскимъ митрополитомъ Литвиновичемъ въ священники, склонялись на нѣкоторые компромиссы въ отношеніи къ соблюденію постановленій брестскаго, а не замойскаго собора. . . . Но такое рачіоложеніе, которое завязывалось, повидимому, въ средѣ уніятскаго духовенства, вскорѣ за тѣмъ значительно охладѣло, и въ настоящее время, громадное большинство уніятскаго духовенства не только не представляетъ никакой опоры нашему правительству въ дѣлѣ народнаго и религіознаго образованія страны, но не думаетъ даже и скрывать свои антипатіи къ правительственнымъ распоряженіямъ, либящимъ цѣлю поднять и возбудить къ самостоятельной жизни какъ народъ, такъ и его духовныхъ пастырей, пребывавшихъ такъ долго въ рабскомъ подчиненіи польщизнѣ. Отвращеніе и какой-то страхъ въ отношеніи къ русскому языку и его распространенію выразились очень рѣзко въ уніятскомъ духовенствѣ, по поводу открытія русской гимназій въ Холмѣ. Нѣкоторые изъ священниковъ обращались къ начальству съ просьбами о дозволеніи не присутствовать при торжествѣ открытія гимназій, такъ какъ участіе въ такомъ торжествѣ могло бы навсегда скомпрометтировать ихъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ; другіе усердно просили объ освобожденіи дѣтей ихъ отъ обязательнаго обученія въ гимназій, причемъ находились и такіе, которые высказывали свое желаніе скорѣй вовсе и нигдѣ не обучать дѣтей своихъ, нежели отдавать ихъ въ русскую гимназію; третьи очень просто и ясно выражали свои недоумѣнія, какимъ образомъ могутъ быть преподаваемы нѣкоторые весьма важные научные предметы на такомъ грубомъ языкѣ, какъ русскій; наконецъ гимназическое начальство, не смотря на всѣ свои хлопоты, не могло найти ни одного изъ греко-уніятскихъ священниковъ, который рѣшился бы на подвигъ произнести на русскомъ языкѣ проповѣдь въ день открытія русской гимназій. Двое изъ нихъ послѣ долгихъ колебаній отказывались потомъ наотрѣвъ; третій, приглашенный законоучителемъ въ педагогическіе курсы гимназій, далъ слово приготовить проповѣдь; но въ назначенный для открытія гимназій день не явился, и праздникъ лишился такимъ образомъ одного изъ своихъ необходимыхъ украшеній,—русской рѣчи, обращенной въ церкви къ ученикамъ и ко всѣмъ присутствовавшимъ при богослуженіи въ сборѣ.

Всѣ подобныя выходы относятся къ той весьма малочисленной части уніятскаго духовенства, которая состоитъ изъ людей болѣе образованныхъ и окончившихъ курсъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ; остальная масса отличается глубочайшимъ невѣжествомъ вообще, и въ особенности ко всѣмъ, что касается до предметовъ ихъ собственной вѣры; они слушаютъ съ навнымъ удивленіемъ даже о такихъ событіяхъ, какъ переходъ изъ православія въ унію. Вслѣдствіе уничиженія и постоянной подчиненности, въ какихъ держало р. католическое духовенство греко-уніятскую церковь, служители послѣдней насквозь проникнуты повидимому убѣжденіемъ, что ихъ исповѣданіе, въ которомъ пребываютъ одни лишь хлопы, составляетъ по существу не болѣе какъ ступень къ исповѣданію болѣе чистоту и истинному, каково есть латинство.

Число священниковъ далеко не соотвѣтствуетъ числу убогихъ греко-уніятскихъ церквей и приходоѡвъ. Каждый почти священникъ имѣетъ по нѣскольکو приходоѡвъ, отъ чего богослуженіе въ церквахъ бываетъ однажды недѣля въ три, а иногда и въ пять. Не смотря на такой недостатокъ въ священникахъ, нерѣдко случается встрѣчать уніятскаго священника, говорящаго, въ праздникъ, проповѣдь въ латинскомъ костелѣ, въ то самое время, когда церковь его собственнаго прихода заперта, и его прихожане лишены въ этотъ день богослуженія въ своей церкви. Тамъ, гдѣ богослуженіе отправляется очень рѣдко, по недостатку въ священникахъ, или гдѣ оно совершенно прекращается по случаю окончательнаго разрушенія обветшавшей церкви, а между тѣмъ вблизи находится костелъ, крестьяне посвѣщаютъ послѣдній; въ уніятскихъ церквахъ отправляютъ тогда богослуженіе латинскіе священники; къ нимъ же обращаются въ такихъ случаяхъ крестьяне и за церковными требами, не исключая, разумѣется, и исповѣди. Въ послѣдней „конкордіи, въ отношеніяхъ обоихъ обрядоѡвъ въ Галиціи, греко-католическаго русиноѡвъ и латинскаго поляковъ“, послѣднимъ декретомъ, „священной конгрегаціи о распоространеніи вѣры“, отъ 6-го октября 1863 года, постановлено, между прочимъ, что „вврни обоихъ обрядоѡвъ могутъ важно и „дозволено у священника латинскаго, або рускаго обряда, отъ „своего епископа потвержденнаго, своихъ грехоѡвъ сиовѣдати- „ся, и даръ таинственнаго разрѣшенія отрымовати.“ Такимъ образомъ значительная часть уніятоѡвъ Красноставскаго и Замойскаго уѣздоѡвъ перешла въ латинство, и когда правительство потребовало въ недавнее время отъ уніятскихъ священниковъ списковъ лицъ, исповѣдующихъ греко-уніятскую вѣру, но священники многихъ приходоѡвъ были въ большомъ затрудненіи указать, кто именно изъ бывшихъ уніятоѡвъ остались вѣрными своей церкви. Въ Булгоровѣ, въ послѣдніе два-три года, болѣе двухъ третей уніятоѡвъ перешла въ латинство. Не даде какъ 14-го ноябра, отправлялось въ уніятскихъ цер-

квѣхъ богослуженіе въ память Іоасафата Кунценнича. Самое богослуженіе совершается, какъ извѣстно, съ большимъ разнообразіемъ. Въ однихъ церквахъ сохранилась еще херувимская пѣснь; въ другихъ, вмѣсто того, поются или читаются польскіе гимны и молитвы, которые замѣняютъ нерѣдко и причастный стихъ; въ однихъ приходахъ причащеніе даютъ подъ однимъ, въ другихъ подъ двумя видами. Все вообще вторженіе латинства не только въ обрядность греко-уніятскую, но въ самый духъ этого исповѣданія, остаются до сихъ поръ безъ всякаго отпора со стороны уніятскаго духовенства. Русскіе люди, имѣющіе здѣсь непрерывныя отношенія къ уніятскому духовенству положительно удостовѣряютъ, что его нравственныя силы находятся въ такомъ глубокомъ упадкѣ, что вѣтъ и не можетъ быть никакой надежды къ возбужденію въ настоящемъ поколѣніи этого сословія какого-либо стремленія къ жизни болѣе самостоятельной, независимой отъ р. католицизма, такъ что при видѣ настоящаго положенія этой церкви и ея служителей, мысль невольно склоняется къ заключенію, что уніятское исповѣданіе не содержитъ въ себѣ никакихъ прочныхъ основъ и задатковъ къ дальнѣйшему существованію, но рано ли, поздно ли, должно примкнуть къ одной изъ двухъ главныхъ вѣтвей христіанскаго міра.

Не трудно предвидѣть, какъ могло бы воспользоваться наше правительство такимъ положеніемъ греко-уніятскаго духовенства, для сдѣланія населенія Холмской земли съ населеніемъ Россіи. Неспособное къ жизни самостоятельной, греко-уніятское духовенство тѣмъ болѣе способно покориться силѣ, дѣйствительно, а не номинально господствующей въ странѣ, силѣ, которая поддерживается не одними лишь войсками, но вытекаетъ изъ признанія нравственнаго превосходства надъ окружающею средою, и соответствуетъ потребностямъ элементовъ, успѣвшихъ сохраниться еще невредимо въ народѣ, отъ чуждыхъ и ненавистныхъ имъ вліяній и насилій. Врагъ нашъ былъ здѣсь силенъ потому только, что мы сами были слабы, потому только, что сами топтали въ грязь наши собственныя силы, и возвышались этимъ нашихъ враговъ несравненно болѣе, нежели на сколько сами они могли возвыситься надъ нами. Успѣхъ русскаго дѣла, и здѣсь будетъ зависеть, поглаголю, далеко не столько отъ среды, въ которой приходится намъ дѣйствовать, сколько отъ положенія, какое мы сами займемъ въ ней. Греко-уніятское духовенство не можетъ не примкнуть къ тому, что обнаружитъ въ себѣ болѣе признаковъ дѣйствительнаго могущества въ странѣ; рѣшительныя мѣры къ обезпеченію быта духовенства, и къ отстраненію всякихъ посягательствъ латинства на русскую народность въ этомъ краѣ будутъ, конечно, мѣрами способными болѣе другихъ уяснить дѣйствительному духовенству, какое значеніе готово предоставить ему правительство въ народѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что если мы

сами не будутъ создавать для себя препятствій, въ народѣ ка-кихъ-то „интересовъ“ Польскаго Царства, то уніатское ду-ховенство сознаетъ скоро, гдѣ его собственныя выгоды, и не замедлитъ присоединиться къ дѣлу, котораго основаніа закла-дываются здѣсь русскими людьми. Вышеупомянутыя мѣры, сколько намъ извѣстно, не заставляютъ долго ожидать себя. Тогда, и только тогда, при положительномъ разъясненіи вопроса о по-ложеніи здѣсь мѣстнаго духовенства, и о его отношеніяхъ къ народу и къ Риму,—вопросъ о сельскихъ училищахъ, думаемъ мы, могъ бы быть двигнутъ не на бумагѣ только, но получить значеніе весьма серьезное и жизненное для народа.

Основная мысль въ послѣдней организаціи народныхъ школъ въ Царствѣ Польскомъ заключалась „въ полномъ без-пристрастіи ко всемъ составнымъ стихіямъ тамошняго насе-ленія“, съ тѣмъ чтобы каждое изъ населеній, составляющихъ особое племя съ особымъ вѣроисповѣданіемъ, было „огражде-но отъ всякаго насильственнаго посягательства“ и въ этихъ видахъ „имѣло бы отдѣльныя для своей народности училища.“

Трудно скрыть отъ себя, что задача, нами такимъ обра-зомъ предпринятая, въ отношеніи къ охраненію различныхъ національностей, населяющихъ завоеванную нами издавна стра-ну представляетъ для населенія ея немаловажныя затрудненія.

Какимъ образомъ, наиримѣръ, языкъ правительственный, а слѣдовательно господствующій, поставилъ бы себя наравнѣ съ другими языками, на которыхъ говорятъ различныя пле-мена, населяющія страну? Какимъ же образомъ ожидать, что-бы русское правительство, правительство одной изъ пяти ве-ликихъ европейскыхъ державъ, сохраняя безразличное равно-вѣсіе между требованіями различныхъ національностей, отно-силось безпристрастно къ языку и къ требованіямъ народ-ности русской? И можно ли назвать пристрастіемъ, въ обык-новенномъ смыслѣ этого слова, то, что лежитъ въ натурѣ вещей, что также свойственно правительству, и даже въ выс-шей степени, какъ свойственъ каждому индивидууму его соб-ственный нравъ и обычай? Вотъ почему, думаемъ мы, прави-тельству, какова бы то ни было народа, очень трудно удержи-ваться на степени отвлеченнаго и космополитическаго безпри-страстіа ко всемъ національностямъ, не исключая даже своей собственной, безъ того, чтобы оно не отреклось отъ того, что составляетъ въ некоторомъ образомъ причину его собственнаго бытія, что дѣлаетъ его наконецъ „правительствомъ“, то есть господствующею, а не подчиненною силой въ странѣ.

Цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ по предмету народ-наго образованія въ Польшѣ, и особенно въ русской части Польши, дѣйствительно доказываетъ, что сохраненіе полного безпристрастіа, по всемъ народностямъ, не исключая своей собственной, оказывается не выполнимымъ всякій разъ, когда мы рѣшаемся сдѣлать шагъ на пути политики національной

единственно правильной и возможной, въ интересахъ народныхъ и государственныхъ своей собственной страны.

Указомъ 30-го августа 1864 г., всѣ начальныя училища предоставлены въ дѣлю сельской общины и гмины (волости), въ которыхъ управленіе: по свойству настоящей организаціи и этихъ учреждений, принадлежитъ исключительно крестьянству. Такимъ образомъ въ вопросѣ по устройству народныхъ школъ, правительство стало лицомъ къ лицу съ крестьянствомъ, безъ всякаго посредства и участія въ этомъ дѣлѣ остальныхъ классовъ населенія, не исключая и духовенства, и которые завѣдомо намъ враждебны, и всякое участіе свое въ образованіи народа обратили бы исключительно на пропаганду и всякаго рода козни противъ Россіи.

Уступка въ этомъ отношеніи сдѣлана была въ пользу одной только національности, а именно нѣмецкой. Статья 30 указа о народныхъ училищахъ предоставляетъ „училища для дѣтей евангелическо-аугсбургскаго и реформатскаго исповѣданій исключительно въ вѣдѣніи консисторій, подъ общимъ лишь надзоромъ учебныхъ дирекцій, при чемъ означеннымъ консисторіямъ предоставляется учреждать также и новыя училища сего же рода.“ Если нѣмецкіе крестьяне-колонисты и успѣли сохранить въ Польшѣ свой языкъ и вѣру, то не мѣше того множество лицъ евангелическаго и реформатскаго исповѣданій, не исключая и членовъ консисторій, не принадлежатъ къ классу крестьянъ, и вовсе не причисляютъ себя къ нѣмецкой національности, а напротивъ всѣмъ существомъ своимъ преданы польскому элементу. Доказательствомъ тому можетъ служить тотъ фактъ, что когда была устроена, въ видахъ огражденія нѣмецкаго элемента отъ всякихъ на него посягательствъ, нѣмецкая гимназія въ Варшавѣ, на весьма щедрыя казенныя средства, то нѣмцы отнеслись къ этому учрежденію не только равнодушно, но заявили по этому поводу, что они хотятъ воспитывать дѣтей своихъ въ общихъ гимназіяхъ польскихъ, а отдѣльной гимназіи, въ которой закономъ Божій и всѣ предметы преподавались бы на языкѣ нѣмецкомъ, вовсе имѣть не желаютъ. И заявленіе это выражено было такъ положительно, что псевдо-нѣмцамъ дано было понять, что въ случаѣ, если число учениковъ въ нѣмецкой гимназіи не достигнетъ до удовлетворительной цифры, то образованіе ихъ дѣтей въ гимназіи національной будетъ для нихъ обязательно... Къ такимъ-то неожиданнымъ результатамъ можетъ приводить иногда система охраненія въ русскомъ государствѣ, на казенныя деньги, всѣхъ національностей, отъ всякихъ покушеній на ихъ свободное развитіе.

Но если евангелическимъ и реформатскимъ консисторіямъ предоставлены въ исключительное вѣдѣніе нѣмецкія начальныя училища, то, какъ выше было сказано, первоначальныя школы для всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій,

греко-уніятскихъ, были предоставлены исключительно въ дѣлю сельскихъ и гминныхъ сходоѡ, подъ общимъ надзоромъ учебныхъ дирекцій. Нельзя не сознаться, что школы русскія и всѣхъ національностей, кромѣ нѣмецкой, были поставлены такимъ образомъ въ условія, не совсѣмъ благоприятныя для возможности ихъ развитія. На сельскіе сходы, возложена обязанность не только пріискивать и назначать средства для со-вершенствія школъ, по даннымъ однакоже нормамъ, но даже дривекивать учителей. Распорядительныя же дѣйствія, по за-вѣдыванію училищами, и между прочимъ „наблюденія за по-ведевіемъ учителя и за исправнымъ исполненіемъ его обя-занностей“, отнесены къ непосредственнымъ обязанностямъ гмин-ныхъ войтовъ, лавниковъ и солтысовъ, людей, какъ извѣст-но, въ грамотности безгрѣшныхъ. Сходы имѣютъ право от-крывать школы, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, во первыхъ, они приговорами своими положительно обезпечивали содержаніе сихъ школъ, вмѣстѣ съ жалованьемъ учителю, въ предписан-ныхъ для сего нормахъ, отъ 150 до 210 рублей и во вторыхъ, чтобы избранный сходомъ учитель выдержалъ экзаменъ въ ди-рекціи училищъ.

При этомъ нѣрѣдко, разумѣется, обнаруживалось, что мѣст-ныя сходы о такихъ важныхъ матеріяхъ, какъ учитель и училище, не совсѣмъ согласовались съ мѣстными о тѣхъ же предметахъ дирекцій. Но этия не ограничиваются училищ-ная автономія сельскихъ сходоѡ. Войтъ и солтысы рѣша-ютъ также, при заключеніи условій съ учителями, кто бу-детъ преподавать законъ Божій: тотъ же ли учитель, кото-рый обучаетъ прочимъ предметамъ, и который можетъ быть, надо замѣтить, лицо всякаго вѣроисповѣданія и иностранецъ, или—мѣстный священникъ. Въ послѣднемъ случаѣ, требует-ся особое на то разрѣшеніе директора училищъ, и сходы дол-жны платить законоучителю особое жалованье.

Всѣ вышенчисленные мѣры предполагалось примѣнить и къ русскимъ греко-уніятскимъ школамъ, съ единственнымъ различіемъ, что учителями въ нихъ положено допускать толь-ко русскихъ, и преимущественно греко-уніятскаго исповѣда-нія. Въ общей системѣ безпристрастія ко всѣмъ національ-ностямъ, послѣдняя мѣра, очевидно, нарушала стройность э-той системы, и выразила особенную заботливость о поддер-жаніи народности русской. Но дальнѣйшія мѣры къ устрой-ству школъ греко-уніятскихъ дозволяютъ надѣяться, что рус-ское правительство будетъ охранять народность русскую, ес-ли не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно предъ прочими.

Преимущества предоставленныя русскимъ греко-уніят-скимъ училищамъ (постан. учред. ком. 14-го августа 1865 г.), за-ключаются въ первыхъ и матеріальныхъ нособіяхъ правитель-ства. Въ то время, какъ школы другихъ народностей, имѣ-

ить право на пособие казны, въ случаѣ бѣдности сельскаго населенія, въ размѣрахъ половинной суммы, назначенной на содержаніе училища и учителя, и притомъ въ теченіе только 10 лѣтъ, школы уніятскія получаютъ пособие безъ ограниченія предыдущею нормой, а въ случаѣ нужды, въ размѣрахъ даже всей суммы, требующейся на содержаніе училища и учителя. Въмсто права получать заимообразно изъ казны суммы, необходимыя для возведенія училищныхъ домовъ, уніятскимъ школамъ дана привиллегія получать такія суммы не въ видѣ ссудъ, но безвозвратно. Точно также постановлено отпускать лѣсъ изъ казенныхъ дачъ бесплатно, тогда какъ для другихъ училищъ такой отпускъ производится за плату, по половинной таксѣ. Пособіе казны для одноклассныхъ училищъ уніятскихъ распространяется и на двуклассныя, въ размѣрахъ приблизительно до 400 рублей. Но важнымъ измѣненіемъ, для уніятскихъ школъ, въ пргвилахъ общаго устава, должно считать то, что учителей для этихъ школъ положено избирать не на сходахъ, а назначать начальнику учебной дирекціи, по соображенію лишь съ указаніями мѣстныхъ жителей, и за тѣмъ, преподаваніе закона Божія возлагать непременно на священниковъ; съ особымъ для нихъ вознагражденіемъ изъ казны. Участіе, предоставленное греко-уніятскому духовенству выразилось еще тѣмъ, что „слѣдуетъ не только допускать, но даже привлекать греко-уніятскихъ священниковъ къ завѣдыванію греко-уніятскими училищами, въ качествѣ блюстителей, подъ надзоромъ и контролемъ начальниковъ учебныхъ дирекцій“, и съ особымъ за то отъ казны вознагражденіемъ. При этомъ требуется однакожъ, чтобы священники, назначаемые въ блюстители, принадлежали къ лицамъ, заслуживающимъ полное довѣріе, „какъ люди вполне преданные интересамъ правительствъ, чистотѣ своего исповѣданія и пользамъ народности“.

Совокупность предыдущихъ мѣръ, въ связи съ распоряженіемъ объ устройствѣ церквей и съ ожидаемыми постановленіями о назначеніи духовенству содержанія, равно какъ о верникосновенности греческаго обряда со стороны элтинства, ставитъ вопросъ о народныхъ русскихъ училищахъ на почву болѣе практическую, и завершается устройствомъ русской пяти-классной прогимназіи въ Бялѣ и русской гимназіи въ Холмѣ.

Открытіе гимназіи въ Холмѣ, слухи о предполагаемой также къ открытію особой губерніи холмской, произвели между польскимъ населеніемъ этого края, впечатлѣніе весьма сильное. Стали отзываться что такія учрежденія дѣйствительно соответствовали бы вполне положенію большинства населенія „русскаго“, что русскій языкъ очевидно пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ болѣе господства въ странѣ, и такъ какъ молодые люди безъ русскаго языка не имѣли бы доступа къ

государственной службѣ, то образованіе ихъ въ русской гимназіи ничего не можетъ принести имъ, кромѣ положительной пользы. Какъ ни огорчались поляки за упраздненіе училища въ Краснотавѣ, по поводу основанія гимназіи въ Холмѣ, къ кому ни обращались они съ прошеніями объ оставленіи краснотавскаго училища, но такъ какъ всѣ эти прошенія остались на этотъ разъ безъ послѣдствій, то въ день открытія холмской гимназіи, изъ числа всѣхъ принятыхъ въ нее учениковъ, оказалась половина поляковъ и р. католиковъ. Не малъ толковали и о томъ, что гимназія будетъ не русская, а русинская; потому что языкъ русинскій подходитъ гораздо ближе къ польскому, нежели къ русскому. Вызовъ учителей и выписка книгъ изъ Галиціи, равно какъ и отношенія, которыя завязались по необходимости между варшавскимъ правительствомъ и львовскимъ митрополитомъ, давали поводъ къ предположеніямъ объ основаніи чуть ли не Русинскаго Царства. Гимназія провозглашена была однакоже русскою; а слухи объ учрежденіи холмской губерніи замолкли. Въ предстоящемъ административномъ преобразованіи, Холмъ будетъ возведенъ пока на степень только уѣзднаго города особаго Холмскаго уѣзда.

Открытіе гимназіи, взятое какъ отдѣльный случай изъ обычной и всенедельной жизни страны, не заключаетъ, разумѣется, въ себя ничего особенно важнаго въ общей суммѣ интересовъ русскаго народа и Русскаго Государства. Но въ настоящее время, и въ связи съ событіями, которыя такъ еще недавно всколебали всю русскую землю и всю почти Европу,—открытіе русской гимназіи въ Холмѣ есть фактъ очень крупный и имѣетъ для насъ значеніе, которое отнюдь не ниже значенія многихъ побѣдъ, которыя одерживали мы, въ пресловутомъ возстаніи, надъ бандами, бывшими подъ начальствомъ шутовскихъ генераловъ и бѣглыхъ ксендзовъ. Русскія народныя праздненства по поводу открытія мостовъ черезъ Вислу, съ французскими и нѣмецкими спичками, должны быть, разумѣется очень пріятны туземнымъ жителямъ страны, но едва ли значеніе подобныхъ праздненствъ можно ставить на ряду съ тѣми которыя должны имѣть смыслъ торжества русской народности въ странѣ, принадлежащей намъ и по праву историческому и по праву завоеванія. Каждый изъ русскихъ не можетъ не признать, что основаніе русскихъ училищъ въ холмской землѣ, есть серіозный шагъ къ упроченію нашей народности въ Холмской землѣ, что такое „событіе“ служитъ признакомъ, что мы перестаемъ довольствоваться въ нашихъ собственныхъ интересахъ только тѣмъ, что располагаемъ въ занятой нами странѣ свои войска, какъ будто кромѣ штыка и пушки русская народность и въ самомъ дѣлѣ не обладаетъ никакими другими силами высшаго порядка, чтобы возбудить къ себѣ уваженіе и быть силою

господствующей въ странѣ. Силой въ которыхъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя сопутствовали до этихъ поръ Россіи въ государственномъ развитіи, эти люди пришли къ весьма грустному убѣжденію, что Россія потому только и считается въ Европѣ сильною державою, что до этихъ поръ намъ удавалось обманывать Европу, скрывая предъ нею свое ничтожество и безсиліе за декорациями военныхъ силъ, и что не будь этого ловкаго обмана и всѣхъ необходимыхъ къ нему фокусовъ-докусовъ, Россія давно бы изгнула предъ лицомъ просвѣщенныхъ націй Европы, и была бы низведена ими на степень какой-нибудь киргизъ-кайсацкой орды. Но какъ бы то ни было, какъ ни убога была вышняя обстановка праздненства, имѣвшая столь важное для насъ значеніе внутреннее, какъ ни затруднительны всѣ извилистыя и темныя тропы, которыми вынуждено пробираться русское дѣло, чтобы выдти къ свѣту народнаго сознанія,—русскіе почувствовали уже себя здѣсь дома; первые камни устанавливаются прочно, и при взглядѣ на скорбный путь, которымъ такъ еще недавно были приведены сюда русскіе къ зрѣлищу ихъ собственнаго позора, настоящій порядокъ вещей представляется здѣсь дѣйствительно дѣломъ громаднаго труда и замѣчательнаго успѣха.

Но весь вопросъ въ томъ, обезпечена ли здѣсь для русскаго дѣла возможность его дальнѣйшаго успѣха на столько, чтобы для насъ потеряло наконецъ значеніе праздника открытіе всякой русской деревенской школы и всякой вывѣски на русскомъ языкѣ? Мы знаемъ, что тридцать лѣтъ изученіе русскаго языка было обязательнымъ во всѣхъ училищахъ Польши, и что это {обязательство не имѣло для насъ ровно никакихъ послѣдствій. Очевидно, что всякая изъ подобныхъ мѣръ, принимаемая отдѣльно, безъ связи съ общими предначертаніями внутренней политики, всегда будетъ имѣть характеръ вышшняго насилія или полицейскій, а не истекающій изъ прямыхъ ѓ непосредственныхъ видовъ политики національной. Крестьянскія комиссіи и военно-полицейское управленіе ли здѣсь официальную переписку исключительно на русскомъ языкѣ, но до тѣхъ поръ, пока вообще языкомъ правительственнымъ не будетъ языкъ русскій, наши официальныя школы едва ли могутъ привести къ замѣтнымъ успѣхамъ. Нужно ли говорить о послѣдствіяхъ, какія могли бы ожидать насъ въ случаѣ открытія, напримѣръ, польскаго университета въ Варшавѣ? И безъ содѣйствія университета, въ послѣднее время появилось въ Варшавѣ множество новыхъ періодическихъ изданій, въ которыхъ очень невидно подновляются въ памяти и въ воображеніи поляковъ историческія воспоминанія о Рѣчи Посполитой, тогда какъ съ нашей стороны, всѣ интересы русской народности имѣютъ представителемъ своимъ *Варшавскій Дневникъ*. Осадное положеніе относится въ на-

стоящее время не къ одной Польшѣ, но и къ тѣмъ русскимъ силамъ, которыя работаютъ въ Царствѣ. Мы по прежнему сътрусимъ только о томъ, что „нѣтъ у насъ людей“, а между тѣмъ не доверимъ и пытаемъ опасенія къ тому, что есть у насъ, и замѣщаемъ народныя силы элементами свойства болѣе чужаднаго, нежели истинно-народнаго. Призракъ царства съ его палацами, министерствами и кодексами, продолжаетъ витать надъ нами, становится поперекъ всякой реформы какой бы то ни было отрасли управленія и производитъ польско-русскій дуализмъ, пожирающій безъ остатковъ матеріальныя силы страны, которыя могли бы быть употреблены на цѣли болѣе соответствующія нашимъ интересамъ. Въ настоящую минуту, въ Галиціи поднялись опять всѣ шляхетскія притязанія на владычество надъ русскимъ народомъ. Время не терпитъ и дальнѣйшая съ нашей стороны медленность могла бы быть для насъ весьма небезопасна. (1).

(1) Если эта корреспонденція непогрѣшима во всѣхъ своихъ подробностяхъ, то *благонадежность* малоросовъ-уніатовъ, живущихъ въ Царствѣ, не такъ безусловна, какъ доселѣ думали и писали. Ред.

Вържаніе 10-й книжки „Вѣстника Западной Россіи“ за 18⁶⁵/₆₆ годъ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—

1) Выписъ изъ книгъ воеводства мѣнскаго фундушевой записи Анны изъ Огинскихъ Стеткевичевой, данной Прилуцкому монастырю на разныя земли и нивыя. 1636 г. Стр. 1.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УНІИ.— 1) Письмъ виленскимъ православ-

нымъ братствомъ уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя на судъ генеральнаго варшавскаго сейма. 1606 г. Стр. 7.— 2) **Шалоба** православныхъ монаховъ Павла и Пафнутія на уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя о причиненіи православнымъ разныхъ притѣсненій и обидъ. 1609 г. Стр. 9.— **Шалшесъ** изъ градскихъ владимірскихъ книгъ жалобы Анны Колытовской на уніатскаго епископа Мороховскаго, выбросившаго изъ соборной церкви погребенныя тамъ тѣла православныхъ, въ томъ числѣ и ея мужа. 1618 г. Стр. 16.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ВО-ВЫДУБИЦКІЙ монастырь съ 1637 по 1652 г. Свящ. **Н. Тренцаго**. (Продолженіе). Стр. 1.

ПЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ до и во время послѣдняго матека 1831—63 г. (продолженіе) Глава 13-я. Стр. 42.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

СКОЛЬКО словъ къ уроженцамъ и жителямъ юго-западной и сѣверо-западной Россіи, называющихъ себя поляками. Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ДГО-ЗАПАДЪ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. **Г. Жульминскаго**. Стр. 1.

КЪ БОЛЪЕ ПОЛЬШИ! соч. Луціана **Фуме**, переводъ съ французскаго. Стр. 32.

СЪМА О ПАПСТВѢ. (Продолженіе). Письмо 2-е. Пана и его подданные. **А. Еленцаго**. Стр. 46.

ДЪЛУ о народныхъ школахъ. **Н. В.** Стр. 59.

КРЕСПОНДЕНЦІЯ изъ Одессы **В. Ш...** Стр. 63.

КТОТВОРЕНІЯ: 1) **Семаратметы** (Басня) **Н. В.** стр. 66.— 2) 1-е мая 1866 г. въ г. **Вильнѣ**. Стр. 67.

ВМЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.— Общее собраніе православнаго виленскаго Св. Духовскаго братства, краткій отчетъ братства и рѣчь **М. О. Коляковича**. Стр. 69.— **Негласная шляхта**. Стр. 76.— **Не моведу** новаго движенія украинофильской партіи. Стр. 102.— **Львовскій сеймъ** 1866 г. Стр. 107.— **Корреспонденціи** изъ Люблина въ «Московскія Вѣдомости». Стр. 117.

ВЪЯВЛЕНІЕ о продолженіи изданія «Вѣстника Западной Россіи» въ 1866 г. Стр. 1.

Содержаніе 10-й книжки „Вѣстника Западной Россіи“

за 18⁶⁵/₆₆ годъ.

ОТДѢЛЪ I.

- № 15. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ
1) Выпись изъ книги воссводства мѣскаго фундушевой записи Анны
Огнискіихъ Стеткевичевой, данной Придубскому монастырю итѣ разны
и имѣла. 1636 г. Стр. 1.
№ 16. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УНИИ. — 1) **Позывъ** виленскимъ пра
внымъ братствомъ униатскаго митрополита Ипатія Поцѣя на судъ генер
варшавскаго сейма. 1605 г. Стр. 7. — 2) **Жалоба** православныхъ копахон
ла и Пафнута на униатскаго митрополита Ипатія Поцѣя о причиненіи пра
внымъ разнымъ притѣсеніямъ и обидѣ. 1609 г. Стр. 9. — **Выпись** изъ
скихъ владимірскихъ книгъ жалобы Анны Колытовской на униатскаго
скаго Морохонскаго, выброшеннаго изъ соборной церкви погребеннымъ
тѣла православныхъ, въ томъ числѣ и ея мужа. 1618 г. Стр. 16.

ОТДѢЛЪ II.

- КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ монастырь съ 1637 по 1652 г. Связь **П. Троицкаго**
долженіе). Стр. 1.
ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ до и во время послѣдняго мятежа 1831—63 г. (про
віе) Глава 13-я. Стр. 42.

ОТДѢЛЪ III.

- НѢСКОЛЬКО словъ къ уроженцамъ и жителямъ юго-западной и сѣверо-зап.
Россіи, называющимъ себя поляками. Стр. 1.

ОТДѢЛЪ IV.

- НА ЮГО-ЗАПАДѢ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. **Г. Стулжинскаго**. Стр. 1.
НѢТЪ БОЛЬШЕ ПОЛЬШИ!! соч. Луціана **Фукса**, переводъ съ французскаго. Стр. 2.
ПИСЬМА О ПАЦТВѢ. (и продолженіе). Письмо 2-е. Пана и его подданныя
Г. лецикаго. Стр. 45.
БЪ ДѢЛУ о народныхъ шутахъ. **И. К.** Стр. 59.
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ изъ Одессы **И. Мн...** Стр. 63.
СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) **Семаратметы** (Басня) **И. К.** стр. 66. — 2) **1-е мая**
г. въ г. **Вильнѣ**. Стр. 67.
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ. — **Общес** собраніе православнаго виленскаго (з
ховскаго братства, краткій отчетъ братства и рѣчь **М. О. Колловича**. Стр. 76. — **По поводу** новаго движенія украин
ской партіи. Стр. 102. — **Львовскій** сеймъ 1866 г. Стр. 107. — **Кор**
понженія изъ Люблина въ «Московскія Вѣдомости». Стр. 117.
ОБЪЯВЛЕНІЕ о продолженіи изданія «Вѣстника Западной Россіи» въ
Стр. 1.

ВЕЩЬНИЦА

ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

Она кро-
вою
пошла
закл-
в России

Вильна
и др.

и рече
Олега
Кієва
се буаи

мату
роданиа
русєкиа

ВИЛЬНА

1866.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18⁶⁵₆₆

ВИДѢНІЯ XI.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1866.

Дозволено Цензурою 10-го Августа 1866 года. Вильна.

I.

№ 17.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УНИИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

**Выпись изъ книгъ митрополіи кievской доне-
сенія пресвитера Константина Григоревича
униатскому митрополиту Михаилу Рогозѣ о
томъ, что кievо-печерскій архимандритъ Ни-
кфоръ Туръ отказался принять отъ митро-
полита посвященіе въ этотъ санъ и повинно-
ваться ему, 1595 г. (*)**

**Выпись с книгъ справ духовныхъ Митрополіи
Кievской**

Лѣта божого нароженя тисеча пятсот деведесят чет-
вертаго месеца октебра шостого дня.

Передо мною Михайломъ Рогозою божиею милостию

(*) Документъ доказывающій твердость православія кievо-
черской Лавры, въ лице своего наставителя отказавшейся повинно-
ваться митрополиту, заподозрѣнному въ согласіи на унию.

Архиеписконом митрополитом Киевским галицким и всея
россии. Постановивши на очевисто у дворе нашем архи-
епископовом при церкви соборной светлыя Бориса и Глѣбы
презвитер нашъ тоуж церкви соборное *Константинъ*
Григоревичъ ку записаню до книгъ сознал тыми словы
иъ ездилесми з листом наупоминальнымъ ваше святителское
милости до монастыра печерского Кневского успения пре-
светое Богородици до наречного архимандрита печерского
кневьского Никифора упомннаючи его абы онъ на себе
чин архимандричий принял и посвещенне звыклое отва-
щее святителское милости яко отстаршого своего взял и
кгдамы тамъ приехал року теперешнего тисеча пятсот
деветдесят четвертого месеца сентебра двадцатого
дня Там же есми того дня самого его Ни-
кифора Тура в монастыри печерском застал кото-
рому з листу упоминального списавши под
печатю и с подписом руки моее дал есми и при томъ
оповѣдиломъ ему абыся водле того листу упоминал-
ного заховалъ а безчинне в томъ манастыеру будучи непо-
свещеннымъ не мешкал На што помененный Никифор Тур
миъ на то так повѣдил иъ пан твой митрополитъ тутъ жа-
дного (никакого) вряду и влады (власти) не маєт с тым тебе
и тепер отправую што я слышечи оттуль есми проч оте-
халь. Котороеж то очевистое сознанье помененого през-
витера до книгъ духовныхъ митрополихъ есть записано.

с котор под духовнаго
выдан писан року

М. П.

Черезъ Аполиха з руки
митрополическое писарь.

Изъ архива б. уніятскихъ митрополитовъ, находящагося въ
архивѣ св. сѹнода № 193. Ветхъ. Писанъ древне-русскою скоро-
пизью.

2.

Юслагіе митрополита Михаїла Рагозы и другихъ униатскихъ епископовъ, бывшихъ на рестскомъ соборѣ 1596 года, къ епископу Львовскому Гедеону Балабану о соборномъ глумленіи его отъ церкви и низложеніи съ епископскаго и священническаго сана за слушаніе приказанію митрополита и короля явиться на соборъ и проч.

Юлею Волею Михаїлъ Архіепископъ Митрополитъ
Кіевскій галицкій и вся россіи.

Велебному Гедеону Болобану епископу владыцѣ Львовскому и камешца Подольского ознакомили есмо ти юлею и расказаньемъ его королевское милости зложили есмо собѣ на день шестой мца октября по старому яко изъ универсаловъ его королевское милости тобѣ ведомо яно и ознаймено, якожь тебѣ пріѣхати се здѣ до Бреста на день синоду назначоный зо мною митрополитомъ пастыремъ и старшимъ своимъ на местцѣ синодови звычайное въ церкви сходитись не хотѣлъ але противечись зверхности его корол. милости, также и мне пастырови своему старшому на местцу не звыкломъ и не при въ дому такомъ где схажки геретыческія и казанья блюзнерскіе зыкли бивати особно одного пастыра своего и инныхъ ихъ милости епископовъ брати мое схажки якнесь мѣлъ и тамъ покутне (по угламъ) з геретыками сполковал и з особами до собору не належными, о што неразъ упоминали есмо тебѣ, абысь занехавши тыхъ покутныхъ схажокъ зо мною архіепископомъ старшимъ своимъ и

знными епископы на месту звыкломъ гдѣ перве собори от-
 правованы были засѣдал какъ потреба церкви Божое на-
 мовалъ соборовалъ и радилъ, Аже тисъ и противъ звер-
 хности господарской и мимо волю нашу пастырскую
 учинилъ а згеретыками противъ правъ и каноновъ на-
 шнихъ обдовалъ ино мы зверхностию отъ Бога (есть стар-
 шего) моею мне даною владою соборовою и зверхности-
 ныхъ ихъ милости епископовъ братьи мое при насъ бу-
 дучихъ складаемъ тебѣ з столицы епископства твоего
 абысь не дерзнулъ патрахилъ на выю свою влагати и от-
 нымъ ничего священнодѣйствиа правити вѣчно и не раз-
 рышно отъ Бога а хтобы тебѣ мѣлъ за епископа или за пре-
 свитера отъ насъ выклятаго Самъ да будетъ проклятъ
 домъ его отъ отца, сына и святого духа, о чомъ есмь
 отъ Бога господару своему ознаймилъ абы его королев-
 ская милость яко панъ зверхный тую епископію яко ва-
 куючую иному кому будетъ воля его кор. милости отдати
 рачилъ. Писанъ въ Брестью року Божію нароченія
 мца октября дни.

Михаиль митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея росіи
 рукою власною.

Ивнатій епископъ Володимірской и Берестейскій вл. р.

Кириль Терлецкій Божією милостию *Ексарха* епископъ
 Луцкій и Острозьскій вл. р.

Германъ архіепископъ Полоцкій вл. р.

Діонисій Збируйскій епископъ Хельменскій и Бельскій
 вл. р.

Іона Гоголь епископъ Пинскій р. вл.

Изъ архива б. униатскихъ митрополитовъ, находящагося въ
 архивѣ св. синагода № 192. Ветхъ. Писанъ древлерусскою ско-
 ронисью.

3.

**Жалоба виленскаго протопопа Ивана Пор-
сеновича на Стенана Куколя о томъ, что
онъ безъ дозволенія митрополита и вилен-
скаго магистрата поселился на жительство
въ св. Троицкомъ монастырѣ и произносилъ
здѣсь проповѣди. 1599 года.**

**Выпис с книгъ вѣдъ и справъ духовныхъ
виленскихъ.**

Лета божего нарожденія тысяча пятсотъ девотдесятъ де-
вятаго мѣсяца октября семого дня.

Присылали до мене священноерея Иоанка Парфенови-
ча протопопы и наместника виленскаго отъ его милости
в Бозе велебнаго и преосвященнаго архиепископа митро-
полита киевскаго и галицкаго и всея руси Кир Михайла
Рагозы змерлаго на справы духовныя высажоного их ми-
лость панове бурмистры и радцы и лавники места вилен-
скаго сторона русская сполбратю свою пана Илю Исако-
вича и пана Григоря Федоровича радец и писара своего
русскаго, оповедаючи то иж яко дей и твоѣй милости са-
мому отче прототопа ведомо же Стефан Кукол безъ позво-
ленія и безъ ведома всих нас бурмистров радец и лавни-
ков рускаго стороны вшол в монастыр виленскій светое
Троицы своволене и до того часу выйти з него проч нехо-
чет недбаючи на то же его частокрот сами и поступом
правным з монастыря высылаем. И жодали мене абых
тоѣ ихъ осветчене до книгъ справъ духовныхъ принявши им
с нихъ дати выпису не боронил, якож и я протопопа ач и
первый того ведаючи то сам добре же тотъ Стефан Ку-

кол без ведомости и без позволения панов бурмистров и радец стороны руское в манастыр вшол, Але на болшун веру и свидецтво ещем и дня сегодняшнего вышей в дати менованого посылал до Стефана Куколя священников соборных отца Леонтия Воскре И отца Омелян роского пы (тати) того Стефана Куколя за чинимъ (б) ы позволенемъ тамъ в манас (тыр) (вшол) и в нем мешкает. А он Стефан так им священником з выш. менованым от казал, же дей я не за ведомостю бурмистров и радец, ал за ведомостю и позволенем отца носафа архимандрита троецкого в монасыр тотъ вшол и за его благословенством казани в церкви кажу и непоиду дей з манастыра жадным способомъ, которых сознанемъ тыхъ преречных священников будучи я упевненный тое оповедане и освятчене панов бурмистров и радец стороны наше руское до книг враду духовного вписати позволил, С которых и сей выпис з моею печатью и с подписом руки моее власное паном бурмистром сторонеруской и радцом ест выдан. Писан у виани.

М. П.

Иванъ Парфенович, протопопа виленский влас. р.

Изъ тогожъ архива № 215. Древне русскою скорописью.

4.

Свидѣтельство вознаю виленскаго повета о допросѣ протопопа виленской соборной пречистенской церкви и всего виленскаго православнаго, собравшагося въ этой церкви духовенства, сдѣланномъ членами виленскаго магистрата, о причинѣ внезапнаго прекращенія богослуженія въ виленскихъ церквахъ и позывъ въ митрополичій судъ этаго духовенства за неповиновеніе его митрополиту и отказъ принять унию. 1595 г.

Я Петръ Юревичъ Новоша возный градскій воеводства и повету виленскаго сознаваю то тымъ монмъ квитомъ нжъ в року тепер идучомъ деветдесят пятомъ дня сегоднешнего месяца сентября перьвого дня маючи и при себе сторону людей добрыхъ двухъ шляхтичовъ пана размуса Яновича кимъбара а пана Андрея Поляновскаго ходил есми с панами радцами места виленскаго рочными рускими, а меновите с паномъ Ильею Исаковичомъ а с паномъ Григорьемъ Федоровичомъ до церкви руское соборное виленское названое светое пречистое и тамъ же кгда есмо пришли в церковь нашли есмо в церкви соборной протопопу виленскаго отца Ивана Парфиновича и священника воскресеньскаго Леонтея и священника Спаскаго Малафая, священника роскаго демяна и священника кятницкаго священника ивановскаго Омеляна, и Василья а Ивана дьяконовъ соборныхъ Тамъ же при мне возномъ при стороне людехъ добрыхъ вышей менованыхъ при мне будучихъ, вышей менованые панове радцы пытали отца протопопу и всехъ священниковъ и дья-

коновъ и мовили до нихъ тыми словы и жъ дей днѣя сегодне-
 шнего в пятницу а звлѣща в день постный в которые дни
 люди заждамъ зыкли заживати набоженствъ своихъ ведля
 новинности своей хрестиянское, А васъ отче протопопо со
 всеми священниками соборными виленскими в той голов-
 ной церкви соборной и по всехъ своихъ церквахъ окрест-
 ныхъ виленскихъ днѣя сегоднешнего службъ божьи не слу-
 жили и неотправовали и ведля часовъ замероныхъ ку служ-
 бамъ Божьимъ въ звонъ церковные звонить не казали
 што намъ естъ всемъ зъ немалымъ подивеньемъ же вы по-
 винности своей священнической не чините досытъ, на ко-
 торое таковое запытанье пановъ радецъ рочныхъ отецъ про-
 топопа со всеми священъниками соборными высшей ме-
 нованными передо мною вознымъ и стороною шляхтою
 высшей менованою при мне в тотъ часъ будучою паномъ
 радцомъ отказали тыми словы и жъ, дей мы ведля повинъ-
 ности своей священнической были и готовы естесмы от-
 правоватъ славу милотоу Бога такъ в той церкви соборной
 яко и по церквахъ нашихъ окрестныхъ всехъ, а и жъ ли дей отецъ
 митрополитъ днѣя вчорайшаго прислалъ до насъ всехъ све-
 щенниковъ места виленского листъ свой отвороный и по-
 далъ намъ возный здешний виленьскій Янъ Косинскій при
 стороне шляхте зъ услугою его милости отца митрополита
 А меновите позовъ по всехъ насъ писанный расказуючы намъ
 всемъ абысмы передъ его милостью от поданя того позову за
 шесть недель становилсе а до того часу абысмы никаки
 справъ священничеству нашому належачихъ не отправовали,
 якожь при томъ своемъ отказе тымъ же паномъ радцомъ при
 мне возномъ и при стороне шляхте тотъ позовъ имъ поданный
 отказали и чытать дали и копею с него списавши слово в
 слово паномъ радцомъ дали которая тая копея тамже в цер-
 кви передо мною вознымъ и стороною шляхтою при мне в
 тотъ часъ будучою паномъ радцомъ дамая скорикгована естъ и
 таксе в себе маеть (Волею Божею Михаилъ архиепископъ
 митрополитъ Кневскій и галицкий и всея росии, Бого-
 молцомъ градскимъ протопопе и намеснику моему вилен-

скому Ивану Паръѣновичу Леонтею воскресенскому, Мамъею Спаскому Демяну роскому пятницкому, Омеляну Ивановскому Василью и Ивану дяляконом церковным соборным пречистое Богородицы виленскимъ маемъ ведомость яко бысте возрушаючи покой посполитый сих часовъ збунтовавшыся сполне з некоторыми мещаны виленскими противъ нас пастыра своего протестацыи делаете подписуетеся на нас быти противными, што вам яко духовныхъ окромъ воли нашего пастырства чинити не было належало естли вас страх який зашло яко нам дано справу же церкви печатати хотели зычали бысмо себе на то истотне видети для чого будучи заведени вы смели есте важити против намъ, Про тожь мы зъ зверьхности нашего пастырства сим листомъ позовнымъ всимъ приказуемъ абыся есте о то передъ нами и судомъ нашимъ духовнымъ становили на столицы нашей в новгородку от поданья вамъ сего нашего позву недели за шесть и то што будетъ вамъ задано от инстыкгатора нашего отказовали и усправедливили А дотого часу нижеся намъ того своволенства справите абы есте не смели петрахила на шею свою вскладати и ни якихъ дель священческихъ отпраовати под тѣготою вечнымъ отлученьемъ и клятвою неразрешенною. писанъ в новгородку року Божего нароженя тисеча пятсотъ деветдесятъ пятого месеца августѣ дванадцатого дня в тое копенъ подписе руки писмомъ рускимъ тыми словы григорей протонатарие митрополи кивское по священниковъ виленскихъ а по вычитаню того позву отецъ протопопа со всими священниками то мовили ижъ дей мы несмемъ и не можемъ будучи тымъ позвомъ заложоны такъ в церкви соборной яко и в церквахъ окрестныхъ фалы Божи отпраовати и служить и в звоны казать звонить што все панове радцы иною вознымъ и стороною шляхтою вышей менованю при мне в тот часъ будучою осветчили.

Изъ тогожь архива Н 285. Древле-русскою скорописью.

Прошение уніятскаго духовенства и мѣщанъ г. Ратна уніятскому митрополиту, дабы дозволено было имъ совершать богослуженіе въ церквахъ по древнимъ греческимъ обрядамъ и чтобы не понуждали ихъ ходить къ исповѣди на богослуженіе въ латинскіе костелы, а священникамъ запрещено было совершать въ этихъ костелахъ литургію и ксендзамъ крестить уніятскихъ дѣтей 1614 г.

Выписъ свѣтъ мѣскихъ ратенскихъ року 1614 мѣца октября семогонадцатаго дня.

В бозе достойно преосвященный А намъ милостивый пане и пастыру отче архиепископе всея російскаго языка; Мы убогіе мѣщанове посполу з священниками а духовными нашими покорне просимо милостивое ласки и благословенства вашей милости нашего милостивого пана пастырскаго, абымы убогіе агрѣшныя люде могли быти заховане при всѣхъ стародавнихъ а отъ святыхъ Богоносныхъ отцовъ преданныхъ церемонияхъ, инабоженстве звыкломъ светое восточное церкви яко матки наше, такъбысьмы nigdy ненарушоне вних были и потомъки наше тоестъ Абы намъ милостивый пане и пастыру календарь стародавний и при нимъ мы заховане были, также порядкомъ своимъ свѣта припадающе абы отпраовались мы, до того милостивый пане абы священницы наше вкостелѣ службы неотправовали тилко въ своихъ церквахъ. Также стороны крещенія дѣтокъ абы всовихъ

пароубяновъ наши священники окрещовали а не ксендзъ, кдыж понас того хотять пилю стороны теж исповеди римлянин абы въ своего ксендза исповедалсе а нас абы до того непримушали аде абысмы передъ своимъ духовнымъ исповедали и дары божественные принимовали, а который бы схотѣлъ по доброй воли своее утичисе до ксендза жадаючи иновѣди того волно приняти а што се ткнет сакраментовъ костелныхъ и церкви наше, признаваемо и вѣримо также сторонъ братства намъ скатоликами давно мы ихъ маемо за братня, а не маемо боже уховай ихъ за геретики, прото просимъ покорне милостиваго благословенства вашей милости нашего милостивого пана и пастыра абы есмо притомъ всемъ што есмо верху наменили заховане были, до которого листу и писаня нашего печать наша мѣская есть притиснена данъ на ратушу ратенскомъ.

М. П.

Изъ тогожъ архива.

№ 18.

ДОКУМЕНТЪ КАСАЮЩІЙСЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Жалоба городничаго минского Павла Скоруны на минскихъ евреевъ объ опустошеніи и разграбленіи, арендуемаго ими населеннаго имѣнія Скоруны Острогжчицы называемаго и о причиненіи ими разныхъ насилій, обидъ и нобоевъ крестьянамъ этаго имѣнія. 1637 г.

Выпис с книгъ вгородскихъ замку вгородскаго Минского.

Лѣта от нароженя Сына Божого тисеча шестсотъ тридцат сегого мѣсеца Апрѣля сегого дня.

На вrade кгородскомъ в замку кгородскомъ Передо мною Юремъ Шпенгавьскимъ, Подстаростимъ Минскимъ, жаловал и оповедал Его милост Пан Павелъ Скоруна, Городничій Миньскій, самъ от себе и именовъ малжонъки свое Пани Марины Свидерское, в кривде и довоженю справедливости подданным маестности Острожчыцкое, въ воеводство Минскомъ лежащее именовы нижей, и о речъ поменетую, на жидовъ места гродского Миньского Изака и Марка Давидовичовъ тымъ способомъ, штож в року прошлом тисеча шест сот тридцат четвертом месеца Апрѣля третего дня его милост пан городничій Минскій с пани малжонъкою своею, звыш реченою ее милостью пани Марыною Свидерскою, имене свое названое Острожчыцы, въ воеводстве Минскомъ лежащее, з двором, гумном, оборою, з садами, огородами овощовыми, з ставами, млынами, з кгрунты, сеножатыми, зъ землямы, бояры, подданными тяглыми и осадными, зо всякими их повинностями, з фольварком Дяновскимъ и всею до него належитностью, все по достатку будоване, спрант (рухлядь) домовый, збоже, (хлѣбъ)быдло, всих поданных наиме, приходы и належности з нихъ на особливый инвентар списавши, на три лета по себе идучые, почавши от дня пятого месеца кветня в року прошломъ шест сот тридцат четвертомъ, ажъ до таковогож року и дня пятого в року теперешнем тисеча шест сот тридцат сегом прыпадаючого, за певную (извѣстную) суму пенезей за петнадцет сот и петдесят копъ грошей личбы (счетъ) литовское Давиду Марковичу и сыномъ его Изаку и Марку Давыдовичомъ арендовали были, якож и лист свой арендовный запис правне справивши, з варунками (условіями) въ томъ листе такъ описанными, иж, пры выетю аренды у трех летех, помененые жидове, водлуг реверсалу Его милости со всимъ на все не спустошоное, з будованем и спратом домовымъ такъже и подданных всих на инвентаре с чым назад по вытриманю аренды подат мели, списаннымъ,

а его милост панГородничый вцаде(сполна)все, яко в инвентаре ест поменено, принявши з держаня того имени Острожчич, правне квитоват описат рачыли(изволили); леть(но)перед вытриманем аренды Острожчицкое добре перед рокомъ, тотъ Давид Маркович, отецъ теперешних Давидовичовъ, з сего света смертю зшол, а по нем додерживаючы тое аренды сынове его звыш помененые Изаак и Марко Давидовичи, не справуючысе водълуг листу арендовъного и инвентару, при нем тым жыдамъ даного, але умыслне помененую маетност его милости пана Городничого Минского и малжонки его милости Острожчицкую пустошечы, яко самый двор в немъ, будоване дворное погноили, железа отъ дверей, окон по отдирали, клотки, (висячіе замки) замки, внутренние до себе побравшы, пивницы (погребѣ) за неопатрностью позавалаяшы, млын (мельницу) спустошывшы, около всего двора горожу опалили; сады, в них щепы розные овоцовые (фруктовые) порубали, инышы с кореня побалали; фольварок Дяновскій спустошыли, там же в пушцы и гаех великие и неопашованые(неоценимые) шкоды (убытки) поделали; збожя, (хлѣбъ) быдла и барзо (весьма) много спранту (рухляди) домового забравшы, безправне заграбили и до дому своего до Менска спровадили; его милости пану Городничому Минскому, што тымъ жыдомъ на инвентару подано было и стымъ подати мели некодали. Надъ то (сверхъ того) у землян бояр и поданых много теж быдла и розное маетности безправне побравшы и пограбившы, до себе до Менска спровадили; при том, над повинност, в ынвентару описаную, подданыя до работ притегали, которую они, за прымушенемъ, (принужденіемъ) полнит по два дни через вси тры годы мусели (долженствовали). Надто-битем и мордерством (истязаніемъ) некоторых подданных (што сейчас у права окажетъ) прочъ розогнали; а зла великие и незносные кривды подданным и шкоды в маетности их милостей пана Городничого Минского и малжонки (супруги) его милости Острожчичах и фольварку Дяновском поделали. Которые шкоды, черезъ

тых жидовъ поделанные, чого в ынвентару недоставает и яко в радникъ его милости пана городничого Минского, который перед тым и тепер в радником ест, яко яко тымъ жидом аренда екъспировала (сошла), пан Федор Манчакъ справу даст и далшый довод о спустошене учиненый будет,—меновите тые сут:

На первой—у дворе самом Острожчицком въ воротах великих уезных защепъки (задвижки) с пробоем и гвоздов десети недоставает,—коштывало грошей трыдцат литовских; в дому великом, новом у враты (рѣшетки) до кганку (крылье) защепъки с пробоем, — грошей дванадцат, в коморных дверей—защепки с пробоем нет,—грошей шест; у дверей до коморки защепки нет с пробоем, — грошей десят; у дверей боковое избы завес нет, — грошей двадцат чотыры; в других дверей у коморы завес нет,—грошей трыдцет; в противной избе, в оконницах в ручков чотырох нет с пробоями,—грошей шестнадцать; в алкиру (бокавая комнатка) у шафы завсюв двох нет, — грошей шестнадцать; в столовой избе коминок зопъсованый (испорченъ), до направи дат — грошей трыдцат шест; в домъку старомъ дверей двойга нет, — грошей сорок осмъ; в домъку новомъ, у дверей до избы по правой руке, клямки нет, грошей тры; в другой избе в оконницы завесы и в ручка нет,—грошей шест; въ свирне, на подклетахъ, у дверей клотки привесистей нимашь, коштывала грошей двадцат четверы; в кузни у дверей завес нет, в избе кузенной печи нет, стола дубового нет,—то все коштывало грошей семьдесят два; в домку старомъ у дверей-завес двох; в коморце в сенях—дверей с тарциц (досокъ) и зъ завесами нет, коштывало грошей двадцат чотыры; до избы по правой руке-защепок двох; с тое избы в коморе — защепки, зедля (скамья) в коморе—оболоны шкляное; в коморце—защепъки, — того всего нет, коштывало коп полторы; в пекарни жорон нет и желез жарновых, коштывало грошей сорок осмъ; в стайни (конюшни) переварин нет, на-

правуючы — коштоват будет грошей двадцат чоты
 ры; в обозни клотки привесистей нет, — грошей
 шестнадцать; в пивницы — теж клотки привесистей
 нет, — грошей осмнадцать; в другой пивницы, старой, у
 шерей зацепки нет, пивница за недозором обалиласе,
 столы и балки направуючы, коштоват мусит (должно) болш
 коп трех; в броваре комина нет, направуючы — коштоват
 гусит мѣпу и грошей дванадцать; в дворцы, в пекарни, за-
 цепки нет; в свирне — клотки привесистое, — за то гро-
 шей тридцат; пашни дворное, што им жыдом на инвентаре
 одано было, — не додали; гороху четвертей шести, четверть
 ю два золотых полских; семена лянного бочки купуючы
 а коп чотыры литовских; овса бочокъ десети, бочка по
 ва золотых полских; жыта бочок пети, бочка по коп двох
 грошей двадцат чотырох литовскихъ сена не зоставили
 олко возов с пять, зоставити были мели полторы одрыны,
 озов быти мело большей ста, ценою воз каждый по два зо-
 отых полских; соли подано было бочку, которое не пода-
 и, дано за нее на он час поданя аренды пят коп литов-
 ких; волов дворныхъ не подали осми, которые им жы-
 ом на инвентару поданы были, каждый вол купленный по
 еми копъ литовских; коров неотдали чотырох, купленных
 ю чотыры копы литовских; овец не подали тридцети, ку-
 шеные по два золотых полских; свиней — девятерга, кош-
 товали по полкопы грошей литовских голова у голову;
 приплодку ниякого неподано за лет тры, и от поздыхалого
 быдла скур, яко они жыдове некоторое быдло здохлыми
 быти менили, не оказали ничего; клячу стадную, ноловую,
 оторою што ден до Минска тые жыдове ездечы и посыла-
 очы, — уморили, коштуючую коп дванадцат грошей литов-
 ких; до свирна замок отбившы гуменного, взяли пивных
 ючок сорок осмъ; чопов, кадей не поодавали, водлуг ин-
 вентара, — коштовало то копъ десят; коробей лубенных вели-
 ких двадцат, купленные по грошей дванадцати литовских; до
 обозни колотку (замокъ) отбивши, которая коштовала пол-
 копы грошей литовских, взяли дощокъ липовых, на столы

и наскрынн зготованых, двадцат пять,—коштовала (стола) доска по грошей осми литовских; дубовых дощек—семьнацать, тежъ на столы и иншыя дворные потребности выготованые, каждая коштовала по грошей десети литовских; вангосу дубового на доски—штука трыдцать, каждая штука—купуючи—коштует по золотому полскому; до дому нового, который имъ не поданыи и замкненый был, окномъ влезшы, замки отмыкаючи—попсовали, печи побил; окна, комины потовъкли; желез не мало по отдирали,—учинили шкоды болшь дванадцати копъ литовских; тамъ свое церемонии обрезане отправовали; в саде шкоды немалые почынили—посеченнем некотораго дерева овоцового (фруктового), итьшое с кореня повыворачывали, степы поламали,—на чомъ довод з розсудку судового, вранникъ и лесничые, на шкодах (убыткахъ) в пущы подеданых, учинят сознание в том тых особ, перед которыми з ними жыдамъ ку розсудку выточона будет,—быти маеть; фольварокъ Дяновицзыну вес спустошено,—ворот нет, толко верей стоят; дымокъ—только пекарня; без накрытя, и нечь стаучона; лав, ани окон—нет; толко один ушакъ стоит; а в сенях и ушаков нет, и стены шмат (много) выбрано; в ызбе белой—ушаков, лав, печи и комины, такъже до коморы ушаковъ, ани дверей и столы (потолка),—не маш; присюнек не!покрытый, обаленыи; свирновъ (анбаровъ) чотыры толко в зрубы стоят, дверей ушаков ани помосту нет; лазни (баня) ни одное немаш; хлевов пят ошарпанных (оборваныхъ), ворот жадных (никакихъ) нет; гумно, при нем клет ошарпана, другая—без накрытя, и току нимаш; у одрын (сараявъ) чотырох ворот, ани накрытя—нимаш; свиренок непокрытый; огородовъ благих толко пере-плотовъ тры, городзьбы ни одное жерди нигде немаш,—все пообирано и пошалено, такъ и жбы направуючы тот дворец, яко тымъ жыдом до держания в аренду подано, не направлено бы и двема сты золотых полских; за чым, як тот вранник Острожчицкый пан Федор Манчак справу даеть, въ

тотъ дворцы шкоды почынено—з выпустошенем са-
ду—болшъ ннжли на сто конъ грошей литовских, яко и
въ инвентаре сама реч ест описана, где, чога, як о мно-
го недоставаеть; оказовали тежъ при том спустошеню
лесничые Острожчицкие и тотъ вранникъ Острожчицкый
стосуючнсе (примѣняясь), о выпустошене лесов острож-
чицких и Дяновских, и отнавяючи першыя протестацыи, в
которых имена лесничых номенены сут, вырубано и вы-
пустошено вси гаи и пущы острожчицкие; а яко возный
Ян Филипович з стороною шляхтою спустошена двора
Острожчицкаго огледал при том и фольварку Дяновскаго,
такъ пневя в гаю Дяновщизне што се зличит могло, на
будоване избное на одрыны и на иншыя домовые будоване
наличылося (насчиталось) осмнадцать сот,—каждое дерево
—водлуг права—ценою по шести грошей литовских яко
того много учинит час у права на реестре подано будет з
особна; тыеж жыдове роздаючи розным людям гаи на
пожитокъ свой, чога в инвентаре не подано ани в записе
положено не было, сплосн высечено розного дерева, и тое
местце, где гаи запуцоне были, на тры чверти сеенъя жы-
га полем и пасекою учынено; Надъ то все, убожечи
поданных Острожчицких, выбираючи они жыдове дякло
овсяное и жытное не тоею бочкою, которая подана бы-
ла до отбирания дякла з назначенемъ знаку дворного,
але отменивши бочку, собе на пожитокъ а згубу убогих
поданных болшую раковское меры над каждую бочку дякол-
ную—выносит по чверти жыта, а по другой овса,—а по-
раховавъши за тры годы—жыта чверти сто двадцат, це-
ною торговою каждая чверть по грошей сороку литов-
ских; овса чверти сто двадцать, каждая чверть по грошей
двадцати,—на чомъ поданные далшій довод учинити по-
винны будут; ку тому жалоба в укрывженю (объ обидѣ)
и шкодах (убыткахъ) подданным, от тых жыдов сталым; На
первей, з села Буденичъ, у Павла Лапы взяли пенки каме-
ни два, камен по копе и грошей четырех— коштуючая;
всякие драпества (хищничества) способом грабежу —
побрали, и такъ жалоба розумена быти мает; у тогож Ла-

пы—носатку, за грошей осмь купленную; у Федора Служа взяли корову, за коп. пят купленную; жыта немолочного копу, купуючы вымолоте, дат бы мусело копу и грошей двадцат литовских; Анъдрей Сырогуз робил горелку, приходило ему заплатит за браг—сорокъ, чотыры копы грошей—не дали ничего; у Омеляна взяли деругу, коштовала грошей трыдцат, наметка—грошей дванадцат, полотна кужелного локтій десет, коштовало грошей трыдцет; у Степана Рудого взяли корову, за которую дал коп пят, скур бараних выправовал коп полторы и медведею,—од работы незаплачно копъ пети; кожух взяли, за который дал коп три, полотна локти шестнадцат, давано за не золотыхъ чотыры; у Ониска Понковича взяли сермягу, за которую дал золотыхъ тры; колнер бобровый, за который дал золотыхъ два; сани опъшевни, за которы дал золотыхъ два; меховъ два грошей дано дванадцат; у Ивана Хотеневица така кривда, ижъ робилъ горелку брагъ пятдесят, мели заплатит от каждое по грошей шести,—приходит от тыхъ жыдов копъ пят; у Прокопа Божка взяли деругу, коштовала грошей трыдцат; курицу—за грошей шест; у Кузмы Божка—замок то ест клодечке взяли, коштуючую грошей дванадцать; нагайку, за которую дал грошей дванадцат; у Гаврыла Хотеневица взяли меду кгарцевъ чотыры, не заплачно грошей трыдцати и двох; у Петра Грыневича взяли кокош, купленную за чотыры литовских грошей; у Ларивона Грыневича курицу взяли, за чотыры грошы литовские купленную; у него же мехъ новый взяли коштуючы дванадцат грошей литовских; у Федора Служа взяли меховъ два, коштуючы золотый полскій; другимъ подданымъ Острожьичцкимъ поделанные шкоды—меновите: у Ивана Бурносовича, у которого, менуючи—ижъ, на погожене жолнеров бирал, аниколи жолнеров тотъ жыд Марко и з братомъ своимъ Изакомъ не гожывали, толко на выдерство себе дат розказуючы, а потомъ—з волостиывбравши—никому неотдавали; у поменецого Бурносовича готовыхъ грошей взяли по два разы по коп осми—коп шестнадцат; трети раз—копъ петнадцат; на слонины полет—

лотых тры, пятый раз — коп шест; Копичонькови тотже Марко взял склят—способом грабежу, дано за него коп две; пенки камень—грошей тридцат два; соли безмены два за золотый,—барана взял, за котораго—купуючи—дал грошей тридцат; едучи до Вилна, жыд росказал выдать на мостовое грошей осмъ; Ицку жыду, якобы то панскому брату, дал грошей чотыры; селедцов самому Марку за грошей девет полских купиль: Ицку брату жыда Марка дал четвертку перцу—грошей шест,—не плачоно; кокош—грошей шест пограблена; железа конские взяли, коштуючы грошей сорок Литовских; волы два нет ведома за што у того Ивана пограбили, за которые—купуючи дал коп чотырнадцатъ; у Михаила Бурносовича взяли войлок, за который дал копу грошей литовских; замок взял, за который дал грошей шестнадцат литовских; дров сухих взяли возов шест, каждый, воз коштовал—продаючи—по шести грошей литовских; дощок взял петнадцат, давано за них грошей трыдцат литовских; за посланемъ Марковым до Вилна, мостовое отдали, яко посланцы жыдовские—грошей трыдцатъ два литовских; у Михаля Громыки взял невинне грошей петнадцат; у Андрея Мисюковича Марко жыд выдрал пщолы, набрал з них меду безменов чотыры, купуючы—безмен по золотому; у Овьдея взял барана, купленого за грошей трыдцат литовских; у Андрия Янушкевича взял барана купленого за грошей двадцат литовских; у Янука Волка взял барана, купленого за золотый полскій; у Адама взяли свиню, коштууючую петдесят грошей литовских; кокошы две—по грошей пяти литовских; клотке от клетки взял, купленую за дванадцат грошей литовских; у Ивана Глыдка баропов взяли два, не платили золотых двох; у тогож взял полотна локти шест купленого за два золотых полских; наметку женскую—коштовала грошей дванадцат; у Олисея Шишки взял колесу, со всем купленую за два золотых полских, особе за коло шест грошей литовских; нагайку взял, купленую за золотый полскій; Петр Козич, который повинностъ въ инвентаре описаную им жыдам отдавал, тот Марко жыд,

умовившы за неслугу свою сына Петроваго, мел у себе молодойм колгода, не заплатил мыта умовленого двох кон грошей литовских; у Левона Данилаковича взяли корову, купленную за кон пят; клячу, купленную за кон пят; мелу пуд, купленный за кон две грошей двадцат; у тогож—нешню, купленную за грошей дванадцат; скобли, купленные за грошей шест; у тогож—курыцу, за грошей чотыры; у Олексея Усовича взяли теляцу, за которую давано кон две, у тогож взяли свиню самотретюю с подъсвинками, давано—купуочы кон полторы; мехов два, коштовали золоты; Макгерку взяли, за золотый купленную; настуку дверному мыта умовленого не заплатили грошей сорока, Гречки полчверти, ячменю полчверти,—ценою—купуочы учинит грошей трыдцат; надъ то, починившы такъ много шкод тых подданных грабежами звыш поменеными, невинне зубоживши, несправуючисе водлуг инвентара, в котором толко-по два дни работа означена в каждом тыкготию (недѣли) абы отработали была, тые помененые жыдове, над повинност и инвентар, по чотыре дни в каждой недели работи выганяли, с которое тяжкое работы чотырох поданных ошцицов вроч отогнали; по которых отойстю, у Ивана Божка взял волов двох, купленных за чотырнадцать копъ грошей; корову, купленную за пят кон грошей; свиней пят, контуочы чотыре копы грошей; у Федора Сеньцевича взяли свиней две, коштовали копу и грошей двадцат литовских; у Яска Мисюковича взяли свиней двое, коштуочы копу и грошей двадцат литовских; у тогож—жыта копъ девет нажато, намолочено бочок чотыре и пол бочки, яко тивун справу давал—кажда бочка по кон две и грошей сорок литовских; у Омеляна взял Марко жыд быка, за котораго дано тры копы и грошей трыдцат литовских; ку тому, тыеж жыдове пустки, чрезподданных принятые, готовую ролю завше (всегда) засевали, а прець цыншь платили рассказывали и не которые плачывали; которые в инвентару списаны суть. Над то, рещты (остатокъ) приходу над сумарным в инвентару описаное копъ шестидесят трых, которую

ренту при выстю аренды а уступению того имени Острожничкого Его милости пану Городничому и малжонце Его милости отдад и вернут были повинни— не отдали и не вернули; в чомъ поносечы их милост от помененых жыдов Изака и Марка Давидовичовъ великую шкоду и спустошене маетности и подданныхъ Острожничких, а хочечи з ними жыдами правне мовит, просили, абы тое оповедане и жалоба до книг кгородских Минскихъ записано было, што ест записано. При котором оповеданю, сегож року месеца и дня выш на дате писаного, ставши очевидно возный гродскій воеводства Минского Ян Филиповичъ, квит свой подъ печатю его и сторонними печатми до книгъ признал в тые слова писапый : „Я Ян Филиповичъ, возный гродскій воеводства Минскаго, признаю то сим моим квитомъ, иж року тепер идучого, тисеча шест сот тридцат сегого, месеца Апреля пятого дня, маючи при себе сторону двух шахтичовъ пана Яна Ясколевского а пана Мартана Савингского, съ которыми былемъ я, возный, при отбираниею маетности Острожничкое, въ воеводстве Минском лежащее, которую от Его милости пана Павла Скорупы Дородъничого Менгского, и пани малжонки Его милости, жыдове Минские небощик Давид Марковичъ з сынами Изакомъ и Маркомъ Давидовичами на тры годы от року шест сот тридцат четвертого одедня пятого месеца кветня арендовали были, якож за принадлеженем выйстя аренды даты (числа) вышей поменное термину (сроку), Его милости пан Городничий Минский со мною вознымъ и помсненою шляхтою до помененаго двора Острожниц зъехавшы, за уступенем через тых жыдовъ тое маетности в аренде у себе мающее, кгдамъ я возный з стороною шляхтою и з урядникомъ Острожничкимъ, который тамъ перед тым врадником бывал и тепер заставлены ест; паномъ Федором Манчаком, при приятелях на тот час при Его милости пану Городничымъ будучих, взявши реверсаль тых жыдов инвентар противный, яко и счымъ тую маетност взяли и с тымъ всемъ подати мели, кгдамы верификоват (повѣрять) почали,— впе-

род, о будуваню великая се шкода и спустошене стало, яко реестръ всяких шкод в протестацнн вписаны ест, который при мѣне вознымъ списывано, и я возный всякого на реессре, въ протестацнн помененомъ, огледалемъ спустошеня, и што одноколвекъ въ протестацнн поменено, яко, — спустошене фольварку Дяновского, который вес спустошоный видялем, и сады въ нивеч оберненые, гаи выпустошонны, палычлемъ (насчиталъ) самого пшени на будоване згожого (пригоднаго) осмнадцат сот з особна, на тры четверти жытного сееня гаю до щату (до тла) вырубаню; меновал вранник и лесничые, иж то все выпустошено за держаня жыдовского, с позволеня их и з найму, себе нажитокъ чинили, а Его милости папу Городничому над инвентар незносное и неошачованое шкоды наробили; сена толко возов с пят подали; збожа немало в протестацнн помененого не поодавали; подданнымъ незносные драчества грабежами поделали; быдла — волов, коров, в инвентару што подат мели, — неподали; подданныхъ четырох проч розогнали; быдла в них не мало забрали; и згола великое спустошене, которое се в протестацнн поменило, чогомъ всего доводне огледалъ и пры бытности моеи списывано спустошене и шкоды, тот тамъ реестръ в протестацнн помененый, якомъ пры списаню оногo на каждомъ местцу былем, всякого спустошеня везде огледалемъ; то все сознане, симъ монимъ (квитомъ) до книгъ утвердивши, тую реляцыю за едно с протестацннею ни в чомъ не нарушне и невонтпливе, поневаж незносные от тыхъ жыдовъ в Острожчицахъ поделане суть шкоды, — признаваю, до которое реляцнн и реестру шкод вышей помененого печат моя и стороны шляхты прытиснена ест. Писанъ року, месеца и дня вышь писаного. У того квиту печатей прытисненыхъ тры.

Писано древне-русскою скорописью. Сообщено М. О. Колловчомъ.

II.

КИЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

2) Время вторичнаго случайнаго подчиненія Выдубицкаго монастыря кievской метрополіи.

(Съ 1690 по 1706 годъ *).

(Продолженіе).

По смерти Сильвестра Боссова, въ кievской метрополіи произошли большія замѣшательства, которыя были отраженіемъ тогдашнихъ политическихъ беспорядковъ Украины. Теперь по временамъ кievская метрополичья кафедра оспаривалась тремя или даже четырьмя іерархами, изъ коихъ каждый находилъ поддержку въ той или другой гражданской власти, и преслѣдовалъ своихъ противниковъ всѣми зависѣвшими отъ него средствами. При такой безурядицѣ, Выдубицкій монастырь, хотя и страдалъ отъ политическихъ беспорядковъ, однакоже былъ совершенно спокоенъ отъ вмѣшательства кievскихъ митрополитовъ въ его дѣла, которыя теперь не имѣли ни времени, ни нужды, ни особенной силы къ тому, чтобы посягать на стороннюю обитель, еще такъ недавно освобожденную отъ подчиненія метрополіи. Съ теченіемъ времени, Украина нѣсколько успокоилась, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ іерархическомъ отношеніи, и дѣла ея мало по малу начали приходить въ порядокъ. Такъ какъ въ сказанное бурное время Кіевъ неоднократно подвергался нападеніямъ со стороны разныхъ

(*) Смотри Вѣстникъ западн. Россіи за 1864/65 годъ кн. 7. отд. II, стр. 51; за 1865/66 г. кн. 9, отд. II, стр. 158; кн. 10, отд. II, стр. 1.

неприятелей, и кievскіе митрополиты, спорившіе между собой за власть, болышею частью не жилали въ немъ и не занимались дѣлами своей митрополіи и интересами своего кафедральнаго Софійскаго монастыря, то и тутъ оказались болышіе безпорядки: нѣкоторыя угодья митрополичьей кафедрѣ были захвачены сосѣдними владѣльцами и документы на нихъ совершенно утрачены (*); самая кафедральная Софійская церковь пришла въ крайнее оскудѣніе. По прекращеніи безпорядковъ политическихъ и церковныхъ въ Украинѣ, и съ утвержденіемъ на кievской митрополичьей кафедрѣ Гедесона Четвертинскаго, оказалось необходимымъ надѣлать митрополичью кафедрѣ, по ея бѣдности, новыми угодьями, — и гетманъ Мазепа надѣлилъ ее: мѣстечкомъ Муровскимъ, селомъ Цервовищенъ, мѣстечкомъ Вѣлогородною, селами — Речловичемъ, миломъ Вугаевкою, Снѣтинкою, Крушинкою, Мархелевкою, Желтями и мѣстечкомъ Трипольемъ со всѣми къ нему принадлежностями (**). Выдубицкій монастырь съ его угодьями остался пока на этотъ разъ не привосновеннымъ, хотя о немъ, вѣроятно, и заходила теперь рѣчь, при изысканіи средствъ содержанія митрополита и его кафедрѣ. Высочайшею грамотою, данною на имя митрополита Гедесона въ 1688 году, ему теперь только дозволялось имѣть въ Выдубицкомъ монастырѣ „свои келіи для пріѣзду и отдохновенія“, не касаясь самого монастыря и его имѣній (***). Однакоже и наданнымъ Гедесону имѣніемъ было недостаточно для приличнаго возобновленія и содержанія митрополичьей кафедрѣ тѣмъ болыше, что теперь насильно старался пользоваться митрополичьими имѣніями Іосифъ Шумлянскій, испросившій себѣ у польскихъ королей титулъ администратора кievской митрополіи. Въ 1690 году Гедесонъ Четвертинскій умеръ, не успѣвши привести въ порядокъ кievо-Софійскій монастырь. Избранный въ этомъ же году на митрополичью кафедрѣ, Варлаамъ Яснискій, близко знавшій положеніе своей будущей кафедрѣ, вскорѣ, послѣ посвященія своего въ Москвѣ, заявилъ тутъ всероссійскимъ государямъ нужды своей митрополіи, и между прочимъ просилъ о возвращеніи кievо-Выдубицкаго монастыря подъ

(*) Нѣкоторые изъ утраченныхъ документовъ потомъ оказались въ Лаврѣ, которая и присвоила себѣ въ это время безпорядковъ многія вотчины Софійскаго монастыря. Опис. к. Соф. собора. стр. 205.

(**) Опис. Кіев.-Соф. Соб. стр. 209.

(***) Тамъ же стр. 209.

надѣство кievской митрополіи „въ особливую помощь обители свято-Софійской“. Просьба эта была уважена тѣмъ больше, что она была поддержана ходатайствомъ гетмана Мазепы. Такимъ образомъ съ 31-го августа, 1690 года, Выдубицкій монастырь опять перешелъ въ зависимость отъ кievской митрополіи. Но терпѣнная зависимость Выдубицкаго монастыря отъ митрополіи кievской имѣла характеръ отличный отъ прежней его зависимости. Тогда всѣми дѣлами монастыря заправляли митрополиты, если не непосредственно, то чрезъ своихъ намістниковъ, или же чрезъ выдубицкихъ игуменовъ, которые во всѣхъ дѣлахъ монастырскихъ выходились подъ контролемъ митрополитчьеи власти; а теперь дѣлами монастырскими исключительно заправляли сами игумены выдубицкіе, безъ всякаго контроля надъ ними со стороны митрополита и его властей. Арендовалъ ли игумень какія нибудь угодья Выдубицкаго монастыря, онъ арендовалъ ихъ только отъ своего имени; нужно ли было кому-нибудь чего-нибудь отъ Выдубицкаго монастыря, тотъ обращался прямо къ его игумену, — и игумень самъ собою разрѣшалъ просьбу такъ, или иначе. Вообще, во всѣхъ официальныхъ бумагахъ, касавшихся Выдубицкаго монастыря, знали только его игумена, и къ нему одному исключительно обращались. Быть можетъ, зависимость Выдубицкаго монастыря отъ митрополіи, кромѣ общей всѣмъ монастырямъ юрисдикціи, теперь и состояла только въ томъ, что Выдубицкій монастырь удѣлялъ изъ своихъ доходовъ часть и на митрополитчью кассодру.

Какъ же теперь вели монастырскіе дѣла выдубицкіе игумены? Съ 1690 по 1706 годъ Выдубицкимъ монастыремъ управляли преемственно три игумены: Пахомій Подлускій (1690—1692), Осифъ Янжуровскій (1692—1696) и Варлаамъ Страховскій (1696—1706 и далѣе). При нихъ дѣла Выдубицкаго монастыря шли такъ успѣшно, что и самый Выдубицкій монастырь „побожнымъ строеніемъ милостивыхъ етиторовъ и благодѣтелей пришедъ въ совершеніе и во умноженіе братіи о Христѣ иночествующихъ“, и „Софійская митрополитанская обитель, благодаря нежду прочимъ и матеріальнымъ подмогамъ Выдубицкаго монастыря, была значнѣе обновлена въ своемъ украшеніи“. Пахомій Подлускій, изъ ректоровъ кievской коллегіи, ознаменовалъ свое кратковременное служеніе Выдубицкому монастырю тѣмъ, что испросилъ для него двѣ высочайшія царскія грамоты, — одну съ извѣщеніемъ о милости царской въ пользу Выдубицкаго монастыря, а другую въ подтвержде-

ние всѣхъ его правъ. „Юля, въ 7 день, кнѣзпяго 7198 (1690) года, писалъ въ первой грамотѣ, къ намъ Великимъ Государемъ къ нашему царскому Величеству писалъ ты богомолецъ намъ и прислалъ намѣстника іероманаха Іова Опалинскаго да діакона Пантелеямана, и билъ челомъ намъ великимъ Государемъ нашему царскому Величеству чрезъ нихъ о нашемъ царскаго Величества жалованьи и о милостинѣ да о нашей великихъ Государей нашего царскаго Величества жалованной грамотѣ въ подтверженіе прежнихъ жалованныхъ грамотамъ, отца нашего великихъ Государей блаженныя памяти Великаго Государя Его Царскаго Величества, каковы вамъ даны въ прошлыхъ годѣхъ на вотчины, чѣмъ вы кнѣзь владѣте. И мы Великіе Государи наше царское Величество, слышавъ того челобиты, пожаловали васъ богомольцовъ нашихъ, велѣли къ вамъ въ монастырь послать нашего Великихъ Государей жалованья на милостыню соболями на тридцать рублей, а въ подтверженіе прежнихъ жалованныхъ грамотъ нашего царскаго Величества жалованную грамоту дать указали, — которое наше царского Величества жалованье соболи и жалованная грамота посланы къ вамъ съ намѣстникомъ Іовомъ, — и тебѣ бѣ нашего царскаго Величества богомольцу игумену Пахомію съ братією ту нашу царскаго величества милость къ себѣ вѣдать“ (1). Въ грамотѣ же, данной въ подтверженіе правъ на владѣнія Выдубицкаго монастыря, упомянуты были прежнія царскія грамоты и универсалы гетманскіе на эти владѣнія; въ заключеніе чего говорилось: „прежніе наши государскіе вышномынутые жалованные грамоты мы великіе государи наши царское величество подтверждаемъ и укрѣпляемъ, и быти они имѣютъ въ своей силѣ..., а иныхъ кievскихъ монастырей игуменомъ въ тѣ ихъ вотчины не вступатца, и подданнымъ ихъ монастырскимъ налогѣ и обидѣ и разорѣнію не чинитъ“ (2). При Пахоміи Подлускомъ, не безъ его просьбы, и гетманъ Мазепа, отъ 12 генваря, 1690 года, приказывалъ всякого стану людѣмъ о нечиненіи обидъ Выдубицкому монастырю въ грунтахъ лѣтновскихъ, рожновскихъ и лѣсницкихъ (3), и ближній государственный бояринъ, воевода кievскій, князь Михаилъ Романовскій своимъ листомъ, отъ 31 декабря, 1690 года, на крѣпко заказывалъ всѣмъ полку кievского и прочимъ обывателямъ, чтобы во

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 24.

(2) Выд. мон. кн. ак. I, стр. 75. Грам. 21 іюля, 1690 года.

(3) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 179.

реша переѣздовъ чрезъ мѣстечко Лѣтвовичи, никакихъ обидъ нечинили монастырскимъ подданнымъ (1).

Напродолжительное время игуменства Оеофіла Янжуровскаго ознаменовано особенно споромъ Выдубицкаго монастыря съ Лаврою и звѣриискіе и лыбедскіе грунты. Въ этомъ спорѣ принималъ живое участіе и гетманъ Мазепа, который, для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, назначалъ особую комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей. Въ составѣ этой комиссіи были: отъ золото-верлага Михайловскаго монастыря его игуменъ Сильвестръ Головининъ, отъ братскаго монастыря его ректоръ Іоасафъ Брововскій, игуменъ пустынно-Никольскій; отъ Лавры Троицкій больничный игуменъ Николь, намістникъ Софійскій Варлаамъ Стаховскій, намістникъ печерскій Пансій Клевецъ, экономъ Филаретъ, старшій соборный іеромонахъ Аеанасій Миславскій, палатный Мануилъ Диктовскій, писарь Гавриилъ Филиповичъ, уставникъ Сила, Маркъ Лавришевичъ, Агалинъ дьяконъ печерскій; отъ Выдубицкаго монастыря — намістникъ Филаретъ, іеромонахъ Іоакимъ; отъ Софійскаго монастыря — архидіаконъ митрополитанскій Пахомій Прокоповичъ, Іовъ уставникъ, Іоанннкій экономъ и пр. Со стороны свѣтской, отъ самаго гетмана были посланы: Захарій Шійкевичъ, Яковъ Журавовскій, Василій Гуминскій, сотникъ нѣжинскій и Иванъ Дворецкій, судья кіевскаго полку и др. Изъ самаго численнаго состава этой комиссіи видно, какое значеніе придавалъ гетманъ вышепказанному спору. Что же сдѣлала эта Комиссія? Вѣдали они на самое мѣсто спора, — спорили, спорили обѣ тяжущіяся стороны, и въ концѣ концовъ оказалось, что показанія со стороны Лавры были голословны (2). Вслѣдствіе такого рѣшенія комиссіи, гетманъ Мазепа въ слѣдующемъ 1695 году (7 апрѣля) писалъ листъ къ тогдашнему архимандриту Лавры съ требованіемъ, чтобы „печеряне не входячи въ дальній судъ и право жадныхъ и наименьшихъ шкодъ и кривдъ Выдубицкому монастырю въ лыбедскихъ и иныхъ грунтахъ нечинили“ (3). Такимъ же покровительствомъ гетмана Мазепы пользовался Выдубицкій монастырь и при игуменѣ своемъ Варлаамѣ Страховскомъ, преемникѣ Оеофіла Янжуровскаго. Когда, въ 1704 году, преосвященный кіевскій донесъ гетману „инстанціоннымъ листомъ, что печеряне на Лыбеди выдубицкой пустають лѣсъ и раскапываютъ горы“; то онъ по этому случаю немедленно относился

(1) Выд. мон. кн. X, стр. 42.

(2) Выд. мон. ак. IX, № 55.

(3) Тамъ же № 56.

письмомъ къ архимандриту Лавры съ запрещеніемъ чинить обиды Выдубицкому монастырю, — и объ этомъ извѣщаль письмомъ самаго игумена выдубицкаго, отъ 16 февраля, тогоже года (1).

Время начальствованія надъ Выдубицкимъ монастыремъ игумена Страховскаго ознаменовано новыми пріобрѣтеніями для монастыря и особеннымъ его благоустройствомъ. При игуменѣ Страховскомъ жилъ въ Выдубицкомъ монастырѣ монахъ Андрей Боблянский, житель Олшневскій, котораго родному брату Стефану Боблянскому за особенныя военныя заслуги было надано королемъ польскимъ Михаиломъ Вишневецкимъ, село Дацки и грунта всякіе при селѣ томъ будучіе и многіе на мѣстца, прозываемому Буки (кіевской губерніи, каневского уѣзда). Умирая, Стефанъ Боблянский завѣщаль свои угодья родному своему брату Андрею; а этотъ въ свою очередь, по духовному завѣщанію, отъ 14 мая, 1703 года, передалъ ихъ на вѣчныя времена Выдубицкому монастырю, въ которомъ онъ, согласно своему давнему желанію, „принялъ святой обѣтъ;“ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передалъ Выдубицкому монастырю и всѣ оригинальные документы на эти владѣнія. (2) Вскорѣ послѣ того, игумень выдубицкій обращался къ гетману съ просьбою объ утвержденіи за Выдубицкимъ монастыремъ права на село Дацки и на мельницу, представивши ему на это и королевскія грамоты, — и гетманъ Мазена утвердилъ это право за Выдубицкимъ монастыремъ: своимъ универсаломъ, отъ 1 сентября, 1706 года, онъ между прочимъ писалъ: „Мы гетманъ и кавалеръ; респектуючи на старожитную святую обитель Выдубицкую, стверждаемъ, яко тіе славной памяти короля Михаила универсалы, и добра село Дацки въ полку корсуненомъ лежащее зъ всѣми до его належачими егрунтами и всякими угодьями и илии на рецѣ Роси ниже Кореуна знайтующіися въ вѣчную possessiю надавалъ той обители свято-Михайловской кіевской, позволяючи ему превелебному въ Богу отцу игуменову выдубицкому, сукцесорагъ его и всей о Христвѣ брати, тѣмъ селомъ владѣти, отъ людей непосполитыхъ послушенство отбирати и всякіе користи, изъ илии приходячіе пожитки ку общей монастыря ихъ ползѣ употребляти . . .“ (3) Въ 1705 году Выдубицкій монастырь пріобрѣлъ покупкою за 100 талеровъ отъ инокини Печерскаго Вознесенска-

(1) Выд. мон. кн. ав. IX, стр. 420.

(2) Выд. мон. кн. ав. IX, стр. 420.

(3) Выд. мон. кн. ав. IX, стр. 428.

нъ монастыря Θεодосіи Кондратьевой Хмѣльницкой ея власную дѣлану-насеку и отчину въ Лебединѣ, (1) а въ 1707 году приобрѣлъ тутъ же и пасѣку нѣкоего Василя Вобняря жителя голяновскаго за 200 золотыхъ доброй монеты. (2) Въ этомъ же году, по просьбѣ Выдубицкаго игумена Страховскаго, гетманъ Мазена, 24 мая универсалою утвердилъ обѣ купленные пасѣки за Выдубицкии монастыремъ. Онъ между прочимъ тутъ писалъ: „Мы гетманъ и кавалеръ . . . тіе вышеисписанные пасѣки для спокойнѣйшаго заживана, диспонуваня и владѣнія ствержаемъ, такъ абы никто зъ старшихъ и меншихъ войсковыхъ людей не смѣлъ и не ваялся въ диспонуваню тихъ пасѣкъ монастыреви Выдубицкому жаднымъ способомъ найменшой чинити перешеды, кривды, долежности, утяжеля и спустошена повагою сего же универсала нарушити и владзою нашего гетманскаго накрѣпко приказуемъ.“ (3)

Но самымъ богатѣйшимъ приобретениемъ для Выдубицкаго монастыря было теперь то, что онъ нашелъ щедрого благотворителя въ лицѣ своего старосты, полковника стародубнаго козацкаго поля, Михаила Миклашевскаго. До игуменства Страховскаго, въ Выдубицкомъ монастырѣ была только одна древняя Всеволожева церковь, да нѣсколько деревянныхъ келій; сообразно съ этимъ и число монашествующихъ въ немъ было незначительно. Во время же Страховскаго, въ Выдубицкомъ монастырѣ и нѣсколько церквей прибавилось, келій умножились, и число монашествующихъ значительно увеличилось, — и такая пережѣна тутъ произошла, какъ сказано выше, благодаря незабвенному етитору Выдубицкаго монастыря Михаилу Миклашевскому. Его стараніемъ и иждивеніемъ въ 1700 году выстроена та прекрасная и обширная каменная церковь во имя святаго Великомученика Георгія, которая и теперь красуется посреди монастыря. Вѣроятно, тогда же выстроена была при ней и теперь существующая каменная колокольня, въ нижнемъ этажѣ которой долгое время находилась церковь во имя святаго пророка Давида. Кажется, что до времени пожара и возобновленія этой колокольни, въ концѣ прошедшаго вѣка, видъ ея совершенно соответствовалъ величію самой церкви. Стараніемъ и иждивеніемъ Михаила Миклашевскаго выстроена была тогда же и другая каменная церковь во имя Преображенія Господня съ каменною же тра-

(1) Тамъ же стр. 481.

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же стр. 425.

изомъ, съ нѣкоторыми пристройками, и внизу съ погребомъ. То и другая церковь была освящена въ слѣдующемъ 1701 году, 9 октября, митрополитомъ кievскимъ Варлаамомъ Ясѣнскимъ (*). Вѣроятно, же безъ участія полковника Миклашевскаго выстроены были теперь и игуменскія келіи и келіи для братіи (**). Съ того времени Выдубицкій монастырь обстроивался все больше и больше: такъ, въ 1715 году, въ монастырѣ былъ устроенъ колодезь, вѣроятно тотъ самый, который и теперь существуетъ; (***) въ 1722 г.

(*) Въ одной рукописи второй половины прошедшаго вѣка архива Выдубицкаго монастыря мы нашли списокъ прежде бывшихъ разныхъ надписей монастырскихъ, теперь уже несуществующихъ. Здѣсь между прочимъ пишется, что «надъ западными дверями въ большой церкви было изображеніе чуда св. архистратига Михаила, подъ которымъ подпись такова: «создася храмъ сей чуда св. архистратига Михаила лѣта отъ Рождества Христова 1701.» Надъ южными дверями было изображеніе собора архангеловъ а внизу онаго подписано: «року 1704, мѣсяца іюля, дня 1, монахъ Лазарь наловаль». Надъ сѣверными дѣврями было изображеніе Благовѣщенія Богородицы и надписано унизу: «1704, мѣсяца мая, дня 19.» Надъ царскими вратами по обѣимъ сторонамъ были два столба, подъ которыми подписано съ лѣвой стороны: «создаъ храмъ сей коштомъ и. Михала Миклашевскаго полковника стародубовскаго, а освященъ преосвященнымъ митрополитомъ кievскимъ Варлаамомъ Ясѣнскимъ року 1701;» а по правой сторонѣ: «докончалася иконнымъ писаніемъ сей иконостасъ року 1824 тцаніемъ и живленіемъ монастырскимъ.» Если эти надписи были въ томъ большомъ храмѣ, который теперь стоитъ посреди монастыря и который несомнѣнно построенъ полковникомъ Миклашевскимъ; то, судя по первой надписи, нужно предположить, что этотъ храмъ сначала былъ освященъ не во имя св. великомученика Георгія, а во имя чуда св. архистратига Михаила. Если же эти надписи были въ храмѣ Всеволожемъ, что можно предполагать отчасти по этимъ же надписямъ; то можно думать, что полковникъ Миклашевскій возобновлялъ и храмъ Всеволожъ во имя чуда св. архистратига Михаила. Вопросъ этотъ пока остается нерѣшеннымъ.

(**) Во второй половинѣ XVII вѣка на игуменскихъ келіяхъ была такая надпись: «Божіимъ послѣшествомъ создася домъ сей при игуменѣ выдубицкомъ Варлаамѣ Страховскомъ, року 1700, октонврія 14;» а на другихъ старыхъ братскихъ келіяхъ было написано: «Божіимъ послѣшествомъ создася дому сей року 1696, мѣсяца августа 1, при игуменѣ Варлаамѣ страховскомъ.»

(***) На немъ во 2-й половинѣ XVIII вѣка была такая надпись: «Божіимъ послѣшествомъ создася студенець сей року Божого 1711, мѣсяца Іюля 11, тцаніемъ всечестного отца нашего игумена Лаврентія Горки.»

быть построены амбаръ палатическій (1); въ 1728 году каменныя палатическія (2) и пр. Вообще о благоустройствѣ Выдубицкаго монастыря при Варлаамѣ Страховскомъ достаточно свидѣтельствуютъ слова митрополита Варлаама Ясинскаго, который причиною освобожденія монастыря отъ подчиненія его кievской митрополии между прочимъ выставлялъ то, что этотъ монастырь, нобожнымъ строеніемъ милостивыхъ ктиторовъ и благодѣтелей, принялъ въ совершеніе и во умноженіе братіи о Христвъ иночествующихъ (3).
 Нужно думать, что теперь, при обстройкѣ Выдубицкаго монастыря капитальными каменными зданіями много помогло открытіе въ ближайшихъ выдубицкихъ мѣстностяхъ прекрасной кирпичной глины и устройство тутъ кирпичныхъ заводовъ, частью самымъ монастыремъ, а частью другими лицами, которые предпринимая въ Кіевѣ какія нибудь капитальныя постройки, обыкновенно испрашивали у выдубицкихъ игуменовъ позволенія строить кирпичные заводы на его землѣ, съ условіемъ оставить ихъ за монастыремъ, по окончаніи своихъ построекъ. Такое благодѣяніе для себя и для другихъ сдѣлалъ Выдубицкій монастырь въ 1692 году, когда позволилъ на своей землѣ построить цегельню полтавскому полковнику Павлу Семеновичу Герцику, который поручилъ своему слугѣ Гомарну построить каменную церковь на ближнихъ пещерахъ, во имя Восдвиженія Честнаго креста Господня. Эта церковь была окончена строеніемъ въ 1700 году, а цегельня построенная на этотъ случай господаремъ полковника Герцика на Либеди, осталась за Выдубицкимъ Монастыремъ. Около 1701 года игуменья печерскаго дѣвичьяго Вознесенскаго монастыря (4), мать Мазоны, вздумала была построить въ своемъ монастырѣ каменную церковь во имя Вознесенія Господня; она тоже обращалась выдубицкому игумену съ просьбою дозволить ей построить цегельню на выдубицкой землѣ для предполагаемаго строенія. Варлаамъ Страховскій, изъ уваженія къ пресительницѣ и ея благому предпріятію, не только

(1) На немъ была надпись: «Божіимъ поспѣшествомъ создася палата сія року Вожаго 1722 сентебря 20 дня.»

(2) На немъ была надпись: «Божіимъ поспѣшествомъ создася домъ сей тщаніемъ всечестного отца нашего игумена Θεодосія Холмскаго року 1728, мѣсяца апрѣля 14 дня.»

(3) Вид. мон. кн. ак. IX, стр. 25.

(4) Она стояла противъ лаврскихъ святыхъ воротъ, тамъ, гдѣ теперь зданіе арсенала.

позволять ей построить цегельню на выдубицкой монастырской землѣ, но для ускоренія постройки, помогъ ей и своими цегельяни. Мать наезица за это искренно благодарила игумена, и потомъ писменно передала Выдубицкому монастырю ту цегельню которую, она построила на льбедскомъ выдубицкомъ грунтѣ (1). Кроме этихъ благодѣтельныхъ одолженій со стороны Выдубицкаго монастыря, пещерскихъ-Лавры и Дѣвичьего Вознесенскаго монастырей, можно считать теперь нѣсколько услугъ его и другимъ монастырямъ кievскимъ, изъ коихъ однимъ онъ позволялъ строить цегельни на своихъ грунтахъ, а другимъ снабжалъ, то глиною изъ своихъ грунтовъ, то цеглою, то др. чѣмъ. Такъ 1696 году, бывшій въ то время игумень свято-Никольскій, Иосафъ Краковскій просилъ у игумена выдубицкаго Варлаама Страховскаго позволенія, на построенiе худочасной потребѣ монастыря свято-Николаевскому, именно де змурована трапезы и келейныхъ каминовъ въ новоустроивающейся обители на грунтахъ льбедскихъ выдубицкихъ цегельнѣ“ съ такимъ обязательствомъ, что „оною цегельнею въ вѣчность собѣ привратить грунту монастырскаго свято-Михайловскаго они не имѣють и немыслятъ“ (2). Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, другой игумень свято-Никольскій, Стефанъ Яворскій просилъ у игумена выдубицкаго „глины зъ горы выдубицкой хочѣ на одну пѣчь, цегель для направы ручны трапезы никольской“ (3). Всѣ эти просьбы, безъ всякаго сомнѣнiя, были уважены. Въ 1713 году, по просьбѣ митрополита Иосафа Кроковскаго, выдубицкій игумень Лаврентій Горка позволялъ построить софійской братiи, въ пользу ихъ монастыря, цегельню въ выдубицкихъ грунтахъ между Козовницемъ и Льбедью. Въ томъ же году игумень Золото-верхо-Михайловскаго монастыря Іоанникій Сениютовичъ, „по случаю робленiя тропезы монастырской“, просилъ у выдубицкаго игумена позволенiя брать глину гдѣ нибудь въ выдубицкихъ льбедскихъ грунтахъ для ихъ цегельни, такъ какъ ихъ глинище въ то время было залито водою (1). Съ такими же просьбами неоднократно обращались въ Выдубицкій монастырь золото-верхо-Михайловскiе игумены и въ слѣд-

(1) Вид. мон. кн. акт. I, стр. 20.

(2) Тамъ же стр. 19.

(3) Тамъ же стр. 20.

(1) Вид. мон. кн. акт. I, стр. 21.

видѣхъ годахъ, съ полною надеждою каждый разъ, что имъ не будетъ отказано въ просьбѣ, какъ не было отказываемо прежде (1).

Таковая была жизнь Выдубицкаго монастыря въ періодъ его послѣдней зависимости отъ кievской митрополіи. Съ этого времени до нынѣ сохраняются въ монастырѣ изъ менѣе крупныхъ вещей: серебрянная тарѣлочка, даръ іеромонаха выдубицкаго Исаи Опалинскаго, 1697 г., дарохранительница, сооруженная монахомъ Феодоритомъ въ 1698 году, — колоколь, сооруженный коштомъ пана Тараса Желѣзнаго Гроша въ 1699 года, — икона 3-хъ Святителей въ серебрянномъ окладѣ, пожертвованная паномъ Миклашевскимъ и др. Съ этого же, вѣроятно, времени хранится въ Выдубицкомъ монастырѣ въ настоятельскихъ келіяхъ и портретъ знаменитаго фунда-тора выдубицкихъ церквей — пана полковника стародубскаго Михаила Миклашевскаго, родоначальника ктиторовъ и благотворителей Выдубицкой обители, — пановъ Миклашевскихъ (2).

(1) Тамъ же.

(2) Родъ пановъ Миклашевскихъ, ктиторовъ Выдубицкаго монастыря, какъ значится въ одной рукописи 70-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, былъ такой: «Полковникъ старобратскій Михаилъ Миклашевскій, съ 1766 года тѣломъ почиваетъ въ тропезной церкви, и въ монастыри приснопоминается ктиторомъ. Іоаннъ Андреевичъ Миклашевскій, бунчуковый товарищъ полку стародубовскаго (въ селѣ Бѣломъ володязѣ); жена его Агафія. Семенъ Андреевичъ Миклашевскій, товарищъ бунчуковый полку стародубовскаго (въ селѣ Нижномъ); жена его Анна Гаврилова. Михаилъ Андреевичъ Миклашевскій, бунчуковый товарищъ полку стародубовскаго, въ селѣ Нижномъ живетъ; жена его Наталія Омельянова (сія платокъ прислала шолковый). Павелъ Ивановичъ Миклашевскій, бунчуковый товарищъ полку стародубовскаго (въ селѣ Понуровкѣ живетъ); жена его Елена. Ирина Маркова Миклашевская (1769 г. окт. 9, обѣщала бочку вина или горѣлки и салъ двѣ) живетъ полку нѣжинскаго въ селѣ Кочерахъ, — мати всѣхъ нижеписанныхъ чтирохъ Стефановичовъ (1772 года обѣщала вуфу горѣлки; прислала орѣховъ 3000). Петръ Стефановичъ Миклашевскій нѣжинскаго полку въ селѣ Волокитни живетъ, бунчуковый товарищъ; жена его Анастасія Григоріевна (обѣщала вуфу горѣлки). Иванъ Стефановичъ Миклашевскій, бунчуковъ товарищъ полку нѣжинскаго, въ селѣ Зазеркахъ живетъ. Дочь его за Корбою въ Кіевѣ Татіана Ивановна. (Сей далъ сало большое, сыра дѣжку; обѣщала еще прислать бочку горѣлки. Прислалъ игумену круповъ двѣ торбинки. 1772 года обѣщала вуфу горѣлки). Антоній Стефановичъ Микла-

3) Время самостоятельности Выдубицкаго монастыря съ 1706 по 1786 годъ.

Подчиненіе независимаго Выдубицкаго монастыря митрополитчѣй каедрѣ не могло не тяготѣть совѣсти Варлаама Ясинскаго, несмотря на то, что онъ сдѣлалъ это не изъ за своихъ личныхъ интересовъ, „а въ особливую помощь обители свято-Софійской.“ Особенная ревность митрополита Варлаама къ устройству кievскихъ церквей и монастырей, и особенно къ устройенію погорѣвшаго въ 1697 году Софійскаго собора, увлекла было его не только къ подчиненію Выдубицкаго монастыря своей каедрѣ, но и къ тому, что онъ иногда назначалъ сборы пошлинъ съ неприличныхъ статей. Въ 1699 году, высочайшею грамотою такіе сборы были отиѣнены, а въ замѣнъ того кievской ратушѣ было повелѣно — взять на себя попеченіе объ устройствѣ Софійскаго собора. Кромѣ того, митрополитчій домъ теперь былъ надѣленъ, за исключеніемъ прежнихъ угодій, на данныхъ предшественнику Варлаама Ясинскаго, еще многими другими угодьями (1). Всѣхъ этихъ средствъ, кажется, было достаточно къ то-

шевскій, бунчуковый товарищъ полку нѣжинскаго, въ селѣ Орголі живеть; (обѣщаль бочку гарѣлки, а сверхъ того кобылицу, и саю большое. 1772 г. обѣщаль куфу горѣлки). Михаилъ Стефановичъ Миклашевскій, бунчуковый товарищъ, живеть полку нѣжинскаго въ селѣ Кочерахъ; жена его Марѣа. (Син обѣщали 1769 года, окт. 8, бочку вина и два сала свиные, 1772 г. далъ двѣ куфы горѣлки. Просилъ сдѣлать портретъ дѣда Михаила. Портретъ сдѣланъ и отосланъ). Жена его Марѣа Федоровна (прислала чрезъ іеродіакона Лаврентія платокъ полковный, по концамъ золотомъ и серебромъ шитый и сувецъ полотна). Иванъ Ивановичъ Миклашевскій, сынъ Ивана Степановича, маіоръ полку черниговскаго, въ Орловѣ живеть, (обѣщаль куфу горѣлки). За этими и подобными милостынями неоднократно отправляемы были изъ Выдуб. монастыря къ панамъ Миклашевскимъ нарочитые посланцы, іеромонахи, или іеродіаконы, которые въ этихъ случаяхъ обыкновенно свидѣтельствовали своимъ ктиторамъ уклонъ отъ монастыря, и вручали имъ письма и гостинцы отъ игуменовъ.

(1) Кромѣ мѣстечка Муромскаго, села Церковницъ, мѣстечка Бѣлогородки, села Рославичъ, малой Бугаевки, Спѣшинки, Крушники, Мерхалевки, Желянъ и мѣстечка Триполья, наданныхъ Мазепѣ Гедѣону Четвертинскому въ 1689 и 1690 годахъ, теперь тѣмъ же гетманомъ были поданы и высочайшею грамотою того 1706 года

ну, чтобы благоугодно обстроить митрополичью касседу. Потому, мы думаемъ, что Варлаамъ Ясинскій, подчинивши Выдубицкій монастырь своей касседрѣ, какъ онъ думалъ вначалѣ, „въ особливую помощь обители свято-Софійской;“ впоследствии едвали очень могъ нуждаться въ матеріальныхъ поддежкахъ для своего монастыря, со стороны Выдубицкой обители. При концѣ же дней своихъ, Варлаамъ Ясинскій, вѣроятно, находилъ совершенно излишнюю приписку Выдубицкаго монастыря къ своей Софійской касседрѣ, тѣмъ болѣе, что такая приписка была нарушеніемъ давней свободы древняго монастыря. И вотъ престарѣлый митрополитъ, къ концу дней своихъ, рѣшился исправить свою прежнюю ошибку, — предоставить опять Выдубицкому монастырю такую же свободу, какою онъ пользовался до его времени. Въ 1706 году, отъ 23 и 26 апрѣля, онъ далъ Выдубицкому монастырю двѣ грамоты за подписомъ своей руки и многихъ другихъ лицъ, гдѣ между прочимъ писалъ: „При остатней приволи моей сими писаньемъ кониъ извѣстно творю, иже при избраніи моего недостойнства на митрополию кievскую, видячи я, что обитель свято-Софійская митрополитанская оскудная была на все, билемъ челоуъ пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ Великимъ Государемъ Царемъ и великимъ княземъ Иоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, дабы ми пожаловали въ приписъ монастыремъ свято-Михайловскимъ Выдубицкимъ кievскимъ въ особливую помощь обители свято-Софійской, что и одержалемъ былъ по ихъ милости государской за особливымъ рейментарскимъ яене вельможнаго его милости пана Иоанна Мазепы войскъ запорожскихъ гетмана и кавалера ходатайствомъ. А же благодатию Божию, по милости Его Царскаго Величества и призрѣніемъ митропскимъ рейментарскимъ яене вельможнаго его милости пана гетмана и кавалера обитель свято-Софійская есть значнѣ обновлена въ своемъ украшеніи сими часы такъ церковномъ, яко и господарскомъ,

утверждены за кievскою митрополию слѣдующія угоды: озера— Рясинь, Бабинь и сѣнные покосы луговые задесенные, островъ Бѣловодъ на рѣкѣ Деснѣ, поромы подъ Моравскомъ и подъ Ковчиномъ, село Ковчинъ, Комаровка, Койловъ съ озерами, грунта Дементовичевскіе около села Церковищи и въ самыхъ Церковищахъ, мельницы на рѣкѣ Острѣ, озера и лука трипольскія, Погребки, Заземье, озеро Подцерковье, Лазаревщина и иные грунты надъ рѣкою Либедью, Сычавкою и Борщовкою лежачіе и подъ городомъ вышнимъ кievскимъ, дѣса моравскіе, погребскіе, бѣлогородскіе, трипольскіе и др. Оп. К. Соф. Соб. приб. стр. 153.

той тежъ монастырьъ вышеписованный Выдубицкій побожнымъ строеніемъ милостивыхъ ктиторовъ и благодѣтелей пришедь въ совершеніе и во умноженіе братіи е Христѣ иночествующихъ; прето я той монастырьъ Выдубицкій свободяю отъ приписки свято-Софійской и вольнымъ чиню вѣчными часи, жадаючи того и по мнѣхъ сукцессорахъ пресвященныхъ митрополитахъ кіевскихъ, абы той монастырьъ свято-Михайловскій Выдубицкій при всякой свободѣ и вольности заховывалъ, якъ инне монастырѣ кіевскіе и заднѣпрскіе до митрополита кіевской належачіе“.... (1) Вскорѣ послѣ того игуменъ выдубицкій Варлаамъ Страховскій, представивши гетьману вышеприведенную грамоту митрополита Сильвестра, просилъ его гетьманского на тое сестаніе потверженія: „Мы прето согласуючися во всемъ таковой волѣ и дѣлу ясне въ Богу пресвященного его милости госюдина отца митрополита кіевского, галицкаго и всея Россіи, писалъ гетьманъ, потвержаемъ симъ универсаломъ нанинѣмъ его листъ архипастырскій въ той матеріи выданный, заховуючи непремѣнно оный во всѣхъ пунктахъ, комнатахъ и клязулахъ“ (2). Такъ совершилось окончательное отлѣненіе Выдубицкаго монастыря отъ митрополичьей каеедры, и начался для него новый, намѣченный нами, періодъ самостоятельной жизни.

Этотъ 80-лѣтній періодъ исторіи Кіево-выдубицкаго монастыря, преимущественно предъ другими періодами, богатъ полнотою и разнообразіемъ жизни, равно какъ и богатствомъ письменныхъ памятниковъ. Управление богатыми и обширными владѣніями монастырскими, увеличенными еще и въ этомъ періодѣ то крупными, то мелкими приобрѣтеніями, вызвало въ распорядительныхъ игуменахъ этого времени аккуратную экономическую систему. Рѣшительныя, широкія и постоянныя претензіи Лавры на давнія владѣнія Выдубицкаго монастыря вызвали теперь въ умныхъ выдубицкихъ игуменахъ, и особенную энергію, и юридическое умѣнье защищать свои владѣнія. Между тѣмъ, теперь постигали Выдубицкій монастырь болѣе или менѣе чувствительныя несчастія, которыя вызвали въ немъ энергическія стремленія — поправить свои дѣла и пробуждали иногда нравственныя силы. Въ концѣ концовъ, Выдубицкій монастырь, благодаря покровительству свѣтской власти, энергіи и умѣнью своихъ игуменовъ, и теперь бы вышелъ изъ своихъ тяжелыхъ обстоятельствъ

(1) Вѣд. мон. кн. ак. IX, стр. 26.

(2) Тамъ же, стр. 28.

съ полными торжествами и особенно съ богатством матеріальныхъ силъ; но вдругъ для него, какъ и для всѣхъ южно-русскихъ монастырей, наступилъ роковой 1786 годъ, въ который онъ долженъ былъ окончить свои счеты съ мірскою суетою, которая такъ далеко завлекла его, и такъ много отнимала времени и силъ, имѣвшихъ со-бѣтъ другое назначеніе. Слѣдя за судьбою монастыря въ намѣчен-ной нами промежутокъ времени, мы скажемъ а) какъ онъ теперь при-обрѣталъ и укрѣплялъ за собою новыя владѣнія; б) какъ онъ, по случаю разныхъ обидъ и споровъ, укрѣплялъ за собою свои преж-нія владѣнія; в) какъ онъ пользовался своимъ имуществомъ; и на-конецъ д) какова была теперь его внутренняя жизнь.

а) Преслѣдуя главныи образои матеріальные интересы свое-го монастыря, выдубицкіе игумены, въ разбираемое нами время, очень дѣятельно заботились объ увеличеніи его владѣній; и нужно отдать честь, разными средствами, то просьбами, то покупками, имъ теперь удалось очень достаточно увеличить свои прежнія владѣнія. Рассмотримъ, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ, какія се именно новыя владѣнія приобрѣлъ теперь Выдубицкій монастырь.

Въ первые годы своей самостоятельности Выдубицкій монастырь приобрѣлъ владѣнія курсунскія, нѣкоторыя покупкою, а нѣкоторыя какъ даръ. Въ половинѣ 1707 года имъ былъ купленъ подъ Курсуномъ надъ рѣкою Росью грунтъ Шупивскій, или Кириловъ за 100 та-серовъ. Прежній владѣтель его Шульженко въ своей продажной книгѣ, отъ 3 іюля, вышесказаннаго года, такъ заявлялъ объ этомъ редъ урядомъ курсунскимъ: Я Сава Шульженко, житель мандона-вевскій, полку мѣргородскаго, а сотни омельницкой, писалъ онъ, явчи дѣдизный и отчистый грунтъ подъ мѣстомъ Курсуномъ на-дѣль Роси, прозываемый Шупивское, то есть Кирилово, выше Бар-вчинки лежачій, на мнѣнъ способный, который теперь грунтъ доб-рой моеи воли и безъ жадного принусу продаю и вѣчно легую пре-слюбному господину его милости отцу Варлааму Страховскому игу-мену монастыря Выдубицкаго и всей еже о Христѣ брати, за пер-ую суму личбы литовской талярей сто, одъ которого грунту такъ самъ, Сава Шульженко, кривніе мои близкіе и дальніе отрека-тсѣ и у вѣчную же possessiо попускаю превелебному господину от-цу Варлааму Страховскому, которому волю будетъ яко своимъ влас-нимъ, вѣчно владѣти, дати, продати, даровати и якъ хотѣти на-ожитокъ обители святой оной оберегати“ (1). Черезъ два съ по-

(1) Вѣдъ мон. кн. ав. IX, стр. 407.

воинною ивсада послѣ того, Выдубицкій монастырь купилъ въ Корсунщинѣ и сѣнокосъ у ивсой Палажки Мазничики. Отъ 22 сент. 1707 года, въ своей продажной записи, заявленной предъ корсунскимъ урядовымъ судомъ, Мазничики писала, что она „ввспуи своимъ отчину сѣнокосъ противъ Каменики на томъ боцѣ Роси лежачую поцѣль павской луки у законъ продала добровольно иному иввчонъ незаведенную у вѣчине вѣки безъ жадного принуси подъ ивстомъ Корсуномъ лежачую честному во иеромонасѣхъ превелебному въ Богу его милости господину отцу Варлааму Страховскому игумену кievскому Выдубицкому за готовую и певную суму личбн литовской талерей двадцать (1).“ Черезъ годъ съ лишнимъ послѣ того Выдубицкимъ монастыремъ еще былъ купленъ въ Корсунщинѣ прудъ у ивсой Татины Степаннихи. Предъ урядомъ корсунскимъ, отъ 5 ноября, 1708 года, было заявлено, что „она Татьяна Степанниха изъ снномъ своимъ Иваномъ, жителька корсунская изъ добраго своего позволенья продала ставъ своей въ Богу превелебному господину отцу Варлааму Страховскому игумену монастыря Выдубицкаго презъ отца геродничого дацковскаго Гавриилъ за суму певную готовыхъ грошей за золотыхъ 500, который тебъ то ставъ лежачій на рѣцѣ Сакавцѣ изъ сѣнокоса и во всѣмъ грунтомъ теди варуетъ, ижъ у вѣчностъ продаеть, дабы никто зъ некрвннихъ ея близкиихъ и далеккиихъ не могъ втручатися и дѣти ея. Таковнй да проклятъ будеть, прибавляла она, ктобъ илзъ отъ обители святой отъ архистратига Христова Михаила отдалти и уиратися....“ (2) Черезъ полтора года послѣ того, здѣсь же въ Корсунщинѣ, близъ рѣчки Сокавны, купленъ былъ Выдубицкимъ монастыремъ значительный грунтъ и у монахини печерскаго Вознесенскаго монастыря Феодосіи Мартышенковой Хивльницкой. Въ своей продажной записи, заявленной въ кievской ратушѣ, отъ 3 марта, 1710 года, она писала такъ: „Я на имя Феодосія инокни монастыря Вознесенія Господня дѣвничьяго, печерскаго кievскаго прозываемая Мартышенкова Хивльницкая жителька монастыря того за доброй памяти моеи и разума зуюннаго розправивши дѣти мои горазъ яковій на дѣтой моиъ грунтъ къ уоконтентованно ихъ належалъ зъ перва игрунтовъ лежачихъ въ уѣздѣ корсунскомъ имъ давши, и ихъ уоконтентовавши добре остатни игрунтъ

(1) Тамъ же, стр. 402 обор.

(2) Тамъ же, стр. 411.

ти прозываеміи футоръ неданій надъ рѣчкою текучою Сокавицею, также и млинъ мой власный на рецѣ Росѣ на вышнихъ Букахъ на одной гатъ : зъ Левчинскимъ зъ всѣми до футора того и млина принадлежностями, полями, лѣсами, сѣножатями, гаемъ, ставемъ, лугомъ, власніе мои оніе грунта не певніе ни отъ кого либо дарованіе и никому ни въ чомъ ни мало не заведенніи ни волностію займліе, але власніе мои мужемъ моимъ Кондратомъ Мартышенкомъ, прозываемымъ Хмѣльницкимъ и самою мною вышеупомянутою черницею живши еще за мужемъ моимъ небощикомъ въ мирѣ купленіе, его милости отцу Варлааму Страховскому игуменови святого архистратига Михаила Выдубицкому киевскому и братіи всей монастыра того и по немъ менованнымъ господину отцу игумену и братіи будущимъ за золотыхъ 600 продаю во вѣчность въ уѣздѣ корсунскомъ близъ села прозываемаго Дацковъ маестности тогожъ монастыра Выдубицкаго надъ рѣкою вышъ помянутою Сокавицею лежаціе...“ (1) При этомъ Θεодосія Хмѣльницкая передала Выдубицкому монастырю и всѣ тѣ старинные документы, по которымъ она владѣла проданными грунтами. Въ томъ же 1710 году Выдубицкій монастырь и еще купилъ одинъ грунтъ въ Корсунщинѣ у вѣсковой Татіаны Θεодорихи. Въ своей продажной записи по этому случаю она писала, отъ 27 іюля: „Я Татіана Θεодориха, обывателька корсунская, вѣючи грунтъ свой власный никому нѣ въ чемъ меневній и въ жадніе долги не заведенній, вольній, свободній, яко то луку зъ ставомъ, лѣсомъ и нивами на мисниковои долини будущимъ и пляцъ въ селѣ Дацкахъ лежацій обмежъ кгрунтъ Омелка Небады, умислилемъ зъ доброй моеи воли безъ жадного, уховай Боже, насилія и принусу обители святой Михайловской Выдубицкой киевской за гроши готовіе копѣ двадцать монеты продати и у вѣчній депозитъ попустити, которіе гроши руками моими всѣ зуполно одобравши, яко я сама того проданного помененного кгрунту зречаюся такъ дѣтой и всѣхъ моихъ кривныхъ и близкихъ и далекихъ подъ винами правными отдаляю вѣчисто, а яко добровольне предреченій грунтъ обители свято-Михайловской Выдубицкой киевской продалемъ, такъ теперъ превалебного въ Богу его милости отца игумена и впередъ быти маючимъ зо всею братією вѣчными посессорами чиню, которымъ волно тимъ у мене купленнымъ

(1) Вѣд. мон. кн. ак. IX, стр. 413 обор.

грунтою, якъ хотя владѣти, даровати, продавати и якъ въ най-
лѣпномъ уживаніи держали....“ (1)

Перочисливши такимъ образомъ купленные теперь Выдубиц-
кимъ монастыремъ грунта корсунскіе, документами на нихъ, пере-
числивъ еще и владѣнія, наданныя ему здѣсь въ даръ разными
благодѣтелями Выдубицкой обители. Здѣсь видное мѣсто дол-
женъ занять богатый даръ Выдубицкому монастырю самого гетма-
на Мазепы. Оставляя въ сторонѣ политическіе грѣхи этого зем-
лепача гетмана, мы должны отдать ему справедливость за ту
ревность къ благоустройству монастырей, которая еще и доселѣ
имѣетъ такъ много памятниковъ въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ Ма-
лороссіи. Благотвора святой обители лаврской, — обители жежск-
го печерскаго Вознесенскаго монастыря, гдѣ его мать была игу-
меніею, и монастырями пустынно-Николаевскому и Вратскому (2).
Мазепа, какъ видно, радѣлъ и о монастырѣ Выдубицкомъ. За-
мѣчательна въ этомъ отношеніи его дарственная записка, которую
онъ надѣлалъ Выдубицкій монастырь селомъ Тарасовичами и ху-
торомъ Прутильцами въ Корсунщинѣ. Въ своемъ универсалѣ, пи-
санномъ по этому случаю, отъ 10-го сентября 1707 года, онъ
писалъ: „Симъ универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, какъ мы гетманъ
и кавалеръ, имѣючи владзу по милости Божей и ласке монаршей
его царского пресвѣтлого величества, всякіе порядки въ малой
Россіи по обомъ сторонамъ реки Днѣпра устроивати, яко во
должности ураду нашего горливое о разширеніи и помноженіи оби-
телей святыхъ имѣемъ попеченіе и въ дни житія нашего всегда
за найпервейшій у себе цель тое покладемы, такъ выдачи старин-
ную обитель святую выдубицкую кіевскую любу здавна древини
россійскими князьями уфундованную, однакъ въ общихъ монастыр-
скихъ потребахъ оскудѣлую, къ wsparтю тихъ скудостей для свя-
тыхъ молитовъ надаемъ село прозываемое Тарашичи и хуторъ иже
нуемный Прутильць въ уѣзде корсунскомъ положенемъ знайдучій-
ся, съ гаями, лѣсами, полями, съ захатными сѣнными покосами
и съ всѣми иными до того села и хутора здавна и теперь нас-

(1) Вѣд. мон. кн. ак. IX, 416.

(2) Въ этихъ четырехъ монастыряхъ, какъ извѣстно, онъ по-
строилъ богатые храмы, изъ коихъ три и до сихъ поръ существу-
ютъ, это: 1) церковь во имя всѣхъ святыхъ въ Лаврѣ, 2) храмъ
теперешняго военнаго собора и 3) большая братская монастырская
церковь и пр.

зачини грунтами, добрами и угодыми, той святой обители Михайловской Выдубицкой кievской позволючи и зуполную моцъ даючи превелебному въ Богу господину отцу Варлааму Страховскому игуменови тамошнему и всей о Христѣ братіи и по немъ имѣющимъ быти сукцессоромъ зъ братією жъ таперъ и въ потомніе часы тимъ селомъ и хуторомъ (если въ ономъ посполитіе люди знайдутся) свободне и спокойне владѣти, отъ людей посполитныхъ послушенство належитое, и подданскіе повинности, а зъ грунтовъ и всякихъ угодій користи и пожитки ку общей монастырской пользѣ отбирати; которое наше надане яко ствержаемъ симъ унѣверсаломъ для крѣпости теперешней и потомнихъ часовъ, какъ пиано иѣти хочемъ, упоминаемъ, варуемъ, и грозно приказуемъ, абы панъ полковникъ корсунскій зъ старшиною полковою и сотниками, также староста панъ тамошній, и никто иншій зъ старшины и черни того полку превелебному отцу Варлааму Стараховскому, игумену кievскому выдубицкому зъ братією и сукцессорамъ его въ спокойномъ владѣнію того села и хутора и въ отбиранию отъ людей посполитныхъ послушенства а зъ добръ тамошнихъ корыстей жадной найменшой не сѣлъ и не важился чинити перешкоды, шводы, кривды и перенегабана...., а войтъ тамошній зъ посполитыми людьми долженъ во всемъ монастыреви Выдубицкому кievскому быти послушникъ безъ спреки отдаючи подданскіе належитіе повинности. Если бы зась въ Таращчахъ, альбо въ хуторѣ мененкомъ обискалися такові люди, которіе самовольне надъ войсковое постановленне и нашъ указъ вновь недавно одорвавшись отъ громады въ компутъ казаккій повинсовалися, то таковыхъ позволяемъ знову хочъ и поволие до громады привернути. Таковая наша воля и указъ, абы темеръ и впредь во всемъ все цѣле у всехъ была захована повторне и по десяте пиано упоминаемъ и приказуемъ“ (*). Около того же времени Выдубицкому монастырю еще былъ наданъ въ Корсунцигъ одинъ грунтъ на поминъ души корсунскою попадѣю Агафією Савичною Игнатовою. „Я Агафія Савова Игнатовая попадья и жителка корсунская, писала она въ своей даровой записи, отъ 20-го іюня, 1711 года, вѣдомо чиню сямъ моимъ писанемъ, ижъ живучи иѣ зъ дочкою моею и зъ иншими людьми въ забѣзѣ въ Кіевъ на звѣрницѣ выдубицкомъ, року и мѣсяца вышѣ-писаннаго преставилася тамъ же въ забѣзѣ дочка моя Θεодора Даміаниха,

(*) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 408.

которую на прошеніе мое за благословеніемъ въ Богу его милости отца Лаврентія Горки игумена на тотъ часъ выдубицкаго при монастырѣ Выдубицкомъ за подобающею христіанскою честью похоронена, тогда я за такую учинность тому же превелебному отцу игумену выдубицкому надаю на монастырь футоръ въ корсунскомъ повѣтѣ въ селѣ Ситнигальхъ подлѣ цибоваго грунту, тамъ же и садъ валомъ окопанный и ставокъ и поля лежаціе, и сѣнокати и зъ иными угодьями до того грунту принадлежніе, которое все слышетъ Леска Опанасенка зятя моего, еще и дворъ мой власный зъ грунтомъ нѣкому незаведенный въ мѣстѣ Корсунѣ, недалеко церкви святаго Спаса, и въ Прутильцахъ лѣсъ зъ ставкомъ и зъ греблем и зъ иными угодьями прозиваемыи Шваковъ, моему небожнику господину Игнатію отъ Стецюка на три сорокоусты за душу Стецюкову жони и дочки его наданный, которій Стецюкъ купилъ былъ лѣсъ той у тѣщика Шванки. То е все до обители святой Выдубицкой подаю вѣчными часы за преставленную дочку мою Феодору, при обители той похоронную, аби ей въ поменникѣ выдубицкѣй вписали и отца Игнатія мужа моего, и отца Григорія, Демяна, Леонтія, Ефимія и мене Агафію, а тѣи всѣ грунта и угодья волно уже будетъ отцу игумену выдубицкому яко посессору и всей братіи якъ хотѣти заживати, дати, продати, даровати кому изволятъ, бо я уже всѣхъ тѣхъ грунтовъ зо всѣми своими родичами и повиноватими вѣчно зрекаюся и не маю уже до нихъ а нѣ я а нѣкто инній якъ зъ кривныхъ нашихъ такъ изъ чужихъ нѣколи ни маю втручати подлѣ утратою чести и всей важдаго худобы неотпущкою“ (*). Такимъ образомъ въ 10-хъ годахъ XVIII столѣтія образовались мало по малу значительныя корсунскія владѣнія Выдубицкаго монастыря. Въ одномъ старинномъ описаніи онѣ такъ исчисляются: 1) Въ самомъ мѣстѣ (Корсунѣ), говорится тутъ, былъ дворъ хатъ двѣ противъ святаго Николы на рынку и конора; 2) тутъ было и мѣстце на дворъ на штанской улицѣ, отъ казанное монастырю попадѣю старою Иленскою и на Ситнигахъ ставокъ, садъ изъ лѣсомъ; до того и въ Прутильцахъ ставокъ и лѣсъ; 3) за мѣстомъ противъ пророка Иліи былъ дворъ купленій кошь за сѣмъ; въ томъ двору хата, сѣни зъ воморою рубленов. шона, загорода зъ повѣтками и огородъ; 4) нижей Корсуна по лѣвой сторонѣ Роси было млиновъ два на мѣстцу Чаловскомъ,

(*) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 415.

лѣ права онѣ мають, наданое монастырю зъ мѣстцемъ тамъ же дворовымъ, гдѣ дворъ, келятка, пекарня, комора и повѣтъ; до того двора и млина вступъ по задворомъ оконъ до шляху и хуть, отъ шляху озеромъ съ велею камяною и....., огорненнымъ въ нихъ до перещепини; 5) на правой сторонѣ было мѣстце на млинъ, прозвиськомъ Шупиловщина, до тогожъ мѣстца млинового лука, взявши зъ гори Роси отъ поточка внизъ по за криницею окопомъ до шляху, за що дано копъ сто; 6) еще по нижней млиновъ Бандибинихъ по правой сторонѣ Роси лука купленная за десять талерей, отъ якихъ и чийхъ граничить лукъ, есть въ запису купчомъ; 7) въ томъ же уѣзду корсунскомъ было село Дацки, наданое монастырю зо всѣми принадлежностями ему кгрунтами, гдѣ въ самомъ селѣ двома коморками, третья въ сѣняхъ коморка холодная, пекарня, коморка зъ людовнею, винница зъ свѣтелькою, стая зъ шафою, загорода зъ шафами, лязня и садокъ насаженій щепами, сливами, вишнями и дереномъ, церковь божественная всѣмъ коштомъ монастырскимъ постановлена; 8) въ томъ селѣ ставокъ прежде годовалъ четиромъ господаромъ; измерліе отказали двѣ части небожику протопопѣ корсунскому Рудицеому, а протопопа надалъ тіе части ставу монастырю, третью часть заплатили Андрѣю Кириченку, за которую дали вола, да четвертой еще упоминается Василь Тищенко житель дацковскій; 9) нижей другій ставъ куплений за сто золотихъ и талерей двадцать, на той же рѣцѣ Сакавицѣ, въ племенницы Хмѣльницкой; на томъ ставу млинъ новостроенъ коль три; 10) еще нижей на той же рѣцѣ ставище зъ греблею купленое въ черницѣ Хмѣльницкой за чотириста золотихъ, до того ставища лѣсъ, чай березовій, луки и поле.... стороны той рѣчки поле отъ Стеблева по балку, которая.... (*) и по окопъ первый: отъ корсунской стороны по бобиліювъ лѣсъ поле належить до... кгрунту недановского прозвиськомъ; 11) и еще нижей на той же рѣцѣ было ставище купленое въ стоблювского чоловика прозвиськомъ Татаринца за сто злотихъ, при томъ ставищу хуторъ зъ хатою рубленою и загородами: по надъ хуторъ дуброва и луки по обомъ сторонамъ той же рѣчки; 12) и ещежъ нижей по рѣцѣ по за шляхъ стеблювскій лука надъ самою рѣкою Росью: и устамъ рѣчки Сакавицѣ по лѣвой сторонѣ тоей жъ рѣчки въ гору отъ шляху, якъ окопи показуютъ до поля педанувскую дубро-

(*) Точки означаютъ поврежденныя мѣста рукописи.

ва, куплена у Онисія жителя Корсуна за два золотихъ и осначку жита; 13) долина прозвискомъ митица, зъ лукою, ставкою, лѣсомъ, полемъ по обомъ сторонамъ долины, въ крентѣ дацковскомъ куплена въ старой Ани Приски за вусьмнадцать золотихъ; 14) поле до Дацковъ зданна принадлежное зъ правой стороны по рѣчцѣ отъ Корсуна... до бѣлошапчиного лѣса до востой долины отъ Петрушокъ села; 16) зъ лѣвой стороны по той же рѣчцѣ отъ Стеблѣва до верху лѣса Радчинца до лѣса скибневого и по долину старую отъ Роси по шляхъ стеблевскій ⁽¹⁾. Всѣ эти благопріобрѣтенныя корсунскія владѣнія Выдубицкаго монастыря въ свое время были закрѣплены за нимъ универсалами гетмана Мазепы, а потокомъ, по прозвѣбѣ игумена выдубицкаго Страховскаго, и универсаломъ гетмана Ивана Скоропадскаго. Въ этомъ своемъ универсалѣ, отъ 5 февраля, 1709 года, Скоропадскій писалъ: „Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ, всей его царского пресвѣтлаго Величества войска запорожского старшинѣ и чирѣ и каждому кому колвекъ о томъ вѣдати належати неть, ижъ сулѣковалъ до насъ превелебный въ Богу господинъ отецъ Варлаамъ игуменъ монастыря Выдубицкаго кievскаго зъ братією и презентовалъ антecessора нашего бывшего гетмана подтвержательныи универсалы на млины наданіе подъ мѣстоиъ Корсуномъ на рѣчцѣ Росѣ на мѣстцѣ прозвисаемоиъ Вуки такъ же на купленіе пасѣки, гал, сѣножати, луки, ставки, поля... при которихъ крентахъ и селецѣ найдется три, прозвисаемихъ Дацки, Таращичи и Прутилци, и просилъ насъ, абымы мы нашимъ тие всѣ добра ствердили универсаломъ. Мы tedy гетманъ, давши у себе прошенію превелебнаго господина отца игумена выдубицкаго и всей братіи мѣстце, а стосуючыся до универсалу антecessора нашего ствердилимы симъ нашимъ универсаломъ тие всѣ выраженіе добра и кренты позволивши по прежнему такъ млинами яко и селцами и инниими вишневованними крентами ему превелебному господину отцу игумену выдубицкому владѣти и всякіе пожитки зъ онихъ обирати. Прето мети хочемъ преиментарско симъ нашимъ универсаломъ варуемъ, абы никто зъ старшинъ рейменту нашего и чернѣ владѣнію тихъ добръ и въ отбиранию зъ онихъ всякихъ пожитковъ ему отцу игумену выдубицкому неважился чинити кривди и перешводи. Войти засъ тихъ селецъ зъ посполитини людьми повинни до святой об-

(1) Вид. мон. кн. ак. IX, стр. 426.

или выдубицкой (кроме козаковъ) всякое належитое отдавати по-существу и повинность грозно приказуемъ (1).

Но Выдубицкій монастырь не долго пользовался своими ново-приобрѣтенными богатыми корсунскими владѣніями; вскорѣ онъ долженъ былъ лишиться всѣхъ своихъ владѣній, лежавшихъ по правую сторону Днѣпра, которая вся была уступлена полякамъ по прутско-му договору съ турками 1712 года. Вывшій въ то время игуменъ выдубицкій, подобно настоятелямъ другихъ кievскихъ монастырей, лишившихся своихъ владѣній на правой сторонѣ Днѣпра, обращался съ просьбою къ гетману Скоропадскому о вознагражденіи Выдубицкаго монастыря какими нибудь другими угодьями за его непредвидѣнныя потери по случаю прутскаго договора. Гетманъ нашелъ эту просьбу справедливою, и надѣлилъ Выдубицкій монастырь угодьями на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ козелецкой повѣтѣ. Кроме поданной здѣсь монастырю въ 1709 году третьей части размѣра съ козелецкой юрковской мельницы (2), онъ надѣлилъ выдубицкій монастырь еще обширными владѣніями ярославскими. Въ своемъ универсалѣ, данномъ по этому случаю отъ 9 октября 1713 года, онъ между прочимъ такъ писалъ: „Поноважъ яко иншихъ святыхъ обителей кievскихъ, такъ монастыря свято-Михайловскаго выдубицкаго маестности на сей сторонѣ Днѣпра будучіе, по Монаршому Его царскаго Величества указу за границую въ державу польскую одишли чого ради неменшю, а праве крайнюю тою обители во всемъ скудость доносили намъ въ Богу превелебѣйшій его милость отецъ Лаврентій Горка игуменъ тамошній, и просилъ нашего въ томъ реснектѣ, мы пре то гетманъ, хотячи по нашей ку святимъ обителямъ горливости неменьшой святой обители учинити подъ поможене корнѣрмуемъ оной отъ владѣнія нашего сего Ярославку на той сторонѣ Днѣпра въ полку кievскомъ въ сотнѣ Бобровицкой будучае зъ всѣми до его принадлежны нимъ кгрунтами и угодьями. Мы то пре то хочемъ рейнентарско варуемъ и приказуемъ, абы такъ самъ панъ полковникъ кievскій яко и нѣхто зъ стиршины и черни войсковой и посполитихъ того полку обивателей а особливо панъ сотникъ бобровицкій и дозора нашъ Евминскій несмѣлъ и неважился честнимъ отцемъ выдубицкимъ владѣнію того села наименшого чинити перенагабана и перешкоды, войтъ зазѣ зъ посполитими людьми ярославскими (кро-

(1) Вид. мон. кн. ак. IX, стр. 425.

(2) Вид. мон. кн. ак. X, стр. 72.

иѣ козаковъ, которіе не нарушише при своихъ волностяхъ иѣвѣтъ найдоватися) повинни належитое подданское послушенство обители святой Михайловской выдубицкой отдавати повторно приказемъ“ (1). Съ переходомъ села Ярославки подъ вѣденіе Выдубицкаго монастыря, и ярославскій причтъ долженъ былъ перейти въ вѣдомство игумена выдубицкаго. По этому случаю митрополитъ кіевскій, Іоасафъ Кроковскій, писалъ такой листъ священнику ярославскому, отъ 5 ноября 1713 года: „честному отцу Алексѣю пресвитеру села Ярославки, протопопѣ возелецкой, при благословеніи архіерейскомъ, объявляемъ, писалъ митрополитъ, ижъ превелебный его милость отецъ Лаврентій Горка игумень монастыря свято-Михайловскаго Выдубицкаго одержавши отъ ясне вельможнаго его милости пана гетмана маѣтность сію именуемую Ярославку, просилъ насъ зъ братією, абы честность твоя въ подсудствіи обители святой оставалъ. Пре то мы на прошеніе его отца игумена и братіи склонившися, повелѣваемъ честности твоей монастырю свято-Михайловскому Выдубицкому не посредственно подсудствовати во вѣхъ дѣлахъ и нуждахъ духовныхъ подъ разсужденіе превелебного отца игумена удаватися, и во всемъ власти игуменской повиноватися увѣщаваемъ (2)“. Черезъ нѣсколько времени тутъ оказался одинъ безпокойный сосѣдъ владѣлецъ села Озеранъ, панъ Василь Танскій, знатный товарищъ войсковой, который не только самъ „втручался самоволге и гвалтовне въ отмежованный предѣлъ степу сѣнокосного и пахатныхъ около Чорного Бургана полювъ“ въ урочище Басанщину, — но и другихъ сосѣдей пострекалъ къ этому. Выдубицкій игумень просилъ защиты у гетмана, — и оцъ, 2 сентября, 1716 года, выдалъ кому слѣдовало твой универсалъ, которымъ грозно упоминалъ, „абы нѣкто жадною иѣрою до грунту ярославскаго втручатися не дерзалъ. Особливе тутъ же приказуемъ, писалъ кромѣ того гетманъ, абы подсуѣдки козацкіе въ маѣностехъ монастырскихъ мешкаючіе иѣли свое прислушаніе до обители святой.... И того покрѣпко варуемъ, прибавлялъ гетманъ, абы казаки тамъ же въ маѣностехъ живючіе жадного токового, хтобы зъ власныхъ подданныхъ монастырскихъ ухляючися одъ посполитой тяглости похотѣлъ въ козацтво тиснутися отнюдъ приимати не важлися“ (3). Послѣ этого упоминанія; Выдубицкій мо-

(1) Вид. мон. кн. ак. I, стр. 172.

(2) Вид. мон. кн. ак. I, стр. 172.

(3) Тамъ же, стр. 183.

нать, кажется, безъ всякихъ притѣсненій со стороны сосѣдей надѣлъ своимъ ярославскимъ угодьямъ. Отъ времени до времени въ наданнымъ отъ гетмана ярославскимъ грунтамъ Выдубицкій монастырь пріобрѣлъ тутъ еще нѣкоторыя частныя угодья: нѣкоторые изъ нихъ были наданы Выдубицкому монастырю на поминъ душъ, — а другія были пріобрѣтены покупкою. Такъ, нѣкто Василій Рева отписалъ въ пользу Выдубицкаго монастыря свои три нивы въ Басанищѣ и сагу: отъ 19 іюля, 1716 года, онъ далъ на нихъ Выдубицкому монастырю такую записъ: „Я Василій Рева старобасанскій чиню вѣдомо въ семъ моемъ писаньи, ижъ дарую поле нивъ три на обитель святую отцу Лаврентію игумену выдубицкому съ братією его, а тее поле лежащее вутси (?) отъ Вудровицы и въ сагу отъ сего року небуду интересоватся, а нѣ зъ кривныхъ дабы никто не важился якъ саги такъ нивы упоминалися, нащо и писаніе сіе даю на себе. А за тее честный отецъ игумень велѣлъ ему венкувъ“ (1). Въ тоже самое время Выдубицкій монастырь откупилъ у священника Ярославскаго гай надъ рѣчкою ниже млина шаповаловаго. Отъ 9 іюля, 1716 года, священникъ Ярославскій далъ такую записъ Выдубицкому монастырю: „Я іерей Алекоѣи пресвитеръ ярославскій вѣдомо чиню снѣ моимъ писаннемъ, ижъ по смерти небожика Леска Тумка одержалемъ былъ гай Тумковъ, въ березѣ надъ рѣкою, ниже млина Шаповаловаго застающій, который гай Марія жона Лескова добровольно отдала мнѣ была на сорокоусть на поминаніе мужа своего Леска Тумка, и заводила мене въ гай оный зъ люди зацнными....., а поневажъ такая вышла установа отъ пресвященнаго архипастира нашего, жебы священникъ мнѣній неруконыхъ неважился за душу на поминаніе или инымъ якимъ способомъ собѣ отбирати, теды я іерей Алексѣй гаю вышѣ писанного его милости господину отцу Лаврентію Горцѣ игумену и уступленъ, и въ вѣчную посессію отдалемъ, а на сорокоусть за небожика Леска Тумка гроши отъ рукъ тогожъ его милости отца игумена взялемъ“ (2). Меньше чѣмъ чрезъ годъ послѣ того, Выдубицкій монастырь еще пріобрѣлъ одинъ гай покойнаго пана Леска Тумка по слѣдующей записи его жены: „Я Марія Тумчиха, писала она, отъ 1 февраля, 1717 года, ставши очевисто изъ синомъ моимъ Степаномъ въ такий способъ, ижъ мужъ мой небожикъ Леско завиноватился еще пану

(1) Выд. мон. кн. ав. I, стр. 180.

(2) Тамъ же, стр. 179 обор.

Богдановскому, который панъ Богдановскій свой долгъ пересказалъ на обитель святую, а потомъ и я по мужу неэстася отцу игумену за поволоцину, показаницину, покабаницину золотихъ на сто и белнъ, тогда нехотючи заводити на себе и на дѣтахъ моихъ помененного долгу огдаю за дощъ гай муй и мужа моего, который гай есть поде монастырскаго гая отъ мановала едучи на низъ ажъ до самой монастырскаго греблѣ, а тое чиню при людяхъ зацннхъ и вѣри годнихъ.... на той часъ будучихъ. Я Марія Тумчиха зъ синомъ своимъ и прочину дѣтки оного грунту зрѣваюся и занисую вѣчинни часы на обитель святую, и жебы никто неважился интересоватися въ той гай нѣ я сама, а нѣ дѣти мои отъ сего часу, а яко невинетнн крестомъ святымъ подписуеся“.... (слѣдуютъ подписи (1). Въ томъ же году и того же мѣсяца Марія Тумчиха продала Выдубицкому монастырю и еще одинъ гай ниже плотины монастырскаго въ Ярославцѣ, — и третью часть мельницкую. На первое угодье она дала такую запись Выдубицкому монастырю, отъ 3 февраля 1717 года: „Я Марія Тумчиха зъ синомъ своимъ Стефаномъ добровольно продала гай свой его милости отцу Лаврентію Бгорцѣ игумену свято-Михайловскому выдубицкому киевскому отъ самой греблѣ монастырскаго починаючися изъ болото на низъ, по обонимъ сторонамъ дороги до ворнувъ едучи за талари десять зъ тимъ шматомъ вырубанимъ гая, который продаламъ пану сотникови Васанскому на грубѣ, который шматъ гая повиненъ панъ сотникъ сей земли вырубати, а ежелибы не нѣлъ зрубати за сию зину, тогда болнн не повиненъ утручатися до дерева, которое застанется не вырубаное. И при отбирани грошей дам на себе сию карту при значнихъ козакахъ....., же а не мои дѣти, а нѣкто зъ кровныхъ моихъ яко близкихъ такъ тежъ и далекнихъ не повинни до того гая вѣчинни часы утручатися и жадной турбаціи чинити“ (2). Третью же часть мельницкую за Выдубицкимъ монастыремъ она укрѣпляла слѣдующимъ листомъ, отъ того же мѣсяца и числа: „Я Марія Тумчиха зъ синомъ Стефаномъ добровольно продаламъ до обители выдубицкаго киевскаго его милости отцу Лаврентію Бгорцѣ игумену выдубицкому киевскому третью часть свою мельницкую съ клеткою на монастырскаго греблѣ стоячую за сто золотихъ равно, а одобравши въ цѣлости всѣ гроши дам на себе сию карту при значнихъ козакахъ и при иныхъ вѣри годнихъ людяхъ....“

(1) Вид. мон. кн. ак. I, стр. 184 обор.

(2) Тамъ же, стр. 185.

же а нѣ я, а нѣ мои дѣти, а нѣ тебѣ это съ крѣвнихъ конхъ, лѣ близкихъ, такъ и далекихъ не повинни до тоеи частки или на вѣчныхъ часы утручатица“ (1). Въ послѣдствіи Выдубицкій монастырь еще приобрѣлъ тутъ на вѣчныя время: гай отъ ярославскаго жителя. Медведа за 25 золотыхъ, по записи 11 октября 1721 года, — (2) гай тоже отъ ярославскаго жителя Вурн за полдевятнадцать золотыхъ, и записи его отъ 22 октября, 1722 года (3), и еще грунта жителя ярославскаго Крамара (4) и священника ярославскаго Алексѣя (5), изъ конхъ первый закладываѣ Выдубицкому монастырю свое поле и два гая въ 200 золотыхъ, а послѣдній свои три нивы и другія угоды въ 140 золотыхъ съ обязательствомъ уступить Выдубицкому монастырю заложенные угоды на вѣчность, въ случаѣ неуплаты одолженныхъ денегъ въ назначенные по условію сроки. Въ 1737 году, генваря 26, Выдубицкій монастырь опять купилъ за 7 руб. плацъ съ хатою у ярославскаго жителя Василія Яновскаго (6) и пр. и пр. Для большей же прочности своихъ правъ на новопріобрѣтенныя ярославскія владѣнія, Выдубицкій монастырь чрезъ своего игумена Лаврентія Горку обращался въ свое время съ просьбою къ государю Петру Великому о закрѣпленіи за нимъ этихъ владѣній, — и отъ 20 ноября 1718 года, получилъ на это царскую жалованную грамоту, которою подтверждались всѣ гетманскіе универсалы и другія крѣпости на ярославскіе грунта. Эта грамота въ послѣдствіи для Выдубицкаго монастыря была сильною охраною владѣній ярославскихъ противъ неоднократнаго посягательства тамошнихъ его сосѣдей. Такимъ образомъ, въ замѣну потерь курсуныхъ, Выдубицкій монастырь, въ непродолжительномъ времени, былъ достаточно вознагражденъ пріобрѣтеніями ярославскими.

Кромѣ того, Выдубицкій монастырь приобрѣлъ еще нѣсколько владѣній и въ другихъ мѣстахъ, и въ самомъ Кіевѣ на Подолѣ пріобрѣлъ нѣсколько дворовъ — дворъ Тадриновъ и Астаматьевъ. Въ 1712 году, 12 октября, „Выдубицкій монастырь купилъ на вѣчность половинную часть мельничнаго у нѣкоей пани Анны Мак-

(1) Выд. мон. кн. ак. I, стр. 184 обор.

(2) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 64.

(3) Тамъ же, стр. 65.

(4) Тамъ же.

(5) Тамъ же; стр. 64 и 65.

(6) Тамъ же, стр. 66.

симовичевой съ мельницы, стѣявшей на собственной Выдубицкаго монастыря земли между селами Хотовомъ и Гвоздовомъ“ (1); въ 1714 году, марта 20, онъ купилъ еще у жителя звѣринскаго, своего подданнаго, мельника Максима Максимовича, „принадлежащую ему послѣднемъ по отцу изъ либедской вѣчистой того кievскаго Выдубицкаго монастыря мельницѣ третью часть размѣру вѣчно (2).“ Въ 20-хъ годахъ обозрѣваемаго нами времени Выдубицкiй монастырь „купилъ во вѣчность за 100 таларей монеты доброй, у извѣстной уже намъ инокини печерскаго женскаго Вознесенскаго монастыря Феодосiи Кондратьевой Хмѣльницкой каку то ея власную дѣдичну, пасѣку и отчизну“ (3). Въ 1760 году окт. 1, Выдубицкiй монастырь опять купилъ у гадячскаго полковаго судьи Войны его обширное родовое имѣнiе въ мѣстечкѣ Лѣткахъ за 750 руб. (4). Нѣсколько раньше этого времени, Выдубицкiмъ монастыремъ былъ приобрѣтенъ и дворъ Тадриновъ. Владѣтель его, Иванъ Герасимовичъ Тадрина, какъ значится въ одномъ документѣ, „завиноватился было на обитель свято Выдубицкую двѣсти таларей битихъ, и обязался „тую столповую суму винную предъ себе до обители святой по волѣ сполна вышцати и вышачовати, а за провизiю тое суми уступилъ на вѣчно потомнiе часы пляцъ свой волнiй лежачiй неподалеку ринку въ пароян церкви соборной Успенiя пресвятыя Богородицы кievской прозиваемый предромирскiй, ему пану Ивану Тадриненну по небощiku родичу его въ свѣтскомъ стану бывшему Герасиму Тадринѣ мещанину кievскому а въ мноческомъ чину Григорiю законнику монастыря катедральнаго чернѣговскаго сукцессивне спали и належачiй“. При этомъ еще панъ Иванъ Тадрина обязался, что „ежели бы кто мѣлъ о томъ пляцѣ законниковъ выдубицкихъ турбовати, то онъ будетъ повиненъ о нихъ въ томъ заступати и боронити“ (5). И на самомъ дѣлѣ, въ слѣдъ почти за такимъ обязательствомъ, объявили свои претензи на Тадриновъ дворъ „панъ Романъ Тихоновичъ бурмистръ и панъ Михайло Корпѣвичъ райца старшiй и привернули въ область майстратовую пляцъ прозиваемый Предромировскiй отцемъ честнымъ выдубицкiмъ отъ Ивана

(1) Выд. мон. кн. ав. X. стр. 38.

(2) Тамъ же, стр. 14.

(3) Выд. мон. кн. ав. IX, стр. 484.

(4) Выд. мон. кн. ав. X, стр. 42.

(5) Выд. мон. кн. ав. стр. 563.

Тадриненка за долгъ судомъ по облъку присуженій и отданій“, а привернули къ магистрату этотъ дворъ потому, „что небожикъ Омелько Прохоровичъ того дворника господарь задолжился до майстрату за нашитокъ золотихъ шестьдесятъ и полтора золотого зъ тыхъ же будниковъ священникомъ за похоронъ и насорокоуетъ счетовалъ золотихъ пятьдесятъ также и иншимъ кредиторомъ“. Чрезъ мѣсяцъ, послѣ уступки Иваномъ Тадриномъ своего двора Выдубицкому монастырю т. е. 9 июня, 1714 года, было учинено въ ратушѣ кievской разбирательство претензій на этотъ дворъ. Послѣ разбирательства, рѣшено было, чтобы Выдубицкій монастырь зачиталъ кому слѣдовало всѣ недоимки, числившіяся на тадриномъ дворѣ; Выдубицкій монастырь согласился на это, — и всерѣ, 19 июня, до майстрату пришедши обѣ стороны сознали, що зъ собою полюбовне погодились, — его милость отецъ игуменъ всѣ сполна гроши его милости пану бурмистру и пану райцѣ отдалъ, которые они принявши уступили помененныхъ будниковъ, и уже отъ сего часу такъ до нихъ будниковъ, яко и до пляцу панъ бурмистръ, ни райца не интересовались“ (1). Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года Выдубицкій монастырь учинилъ окончательный расчетъ и съ самимъ Иваномъ Тадриною на счетъ его двора: отъ 10 октября Тадрина далъ Выдубицкому монастырю такую росписку, „что онъ бралъ за дворъ проданій въ Кіевѣ суму належитую отъ отца игумена выдубицкого и отъ братіи тогожъ монастыря золотихъ тристо и талерей десять“ (2). Подобнымъ же образомъ былъ приобрѣтенъ Выдубицкимъ монастыремъ и дворъ Астаматьевъ въ 1719 году. Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года переводчикъ Александръ Гиневскій Астаматій (вѣроятно, служившій при тогдашнемъ кievскомъ генералъ губернаторѣ, князѣ Димитріи Михайловичѣ Голицынѣ), взялъ было, какъ значится въ его обликѣ, „у превелебного господина отца игумена выдубицкого талерей десять, за которіи гроши заставилъ пляцъ свой властный никому въ чемъ незаведеній, лежачій зъ одну сторону о двору тое же обители святой Выдубицкого монастыря, а зъ другія стороны пана Ильи Загорного, которіи кон гроши, писалъ онъ, еслибы нежѣлъ отдать на назначенной термѣнъ до святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, темъ въ вѣчность обители святой да будетъ, а превелебній го-

(1) Выд. мон. кн. ав. IX, стр. 507.

(2) Тамъ же, стр. 508.

сподить отецъ игуменъ нѣ доплатить т. е. талерей десять; шницъ теди той есть нѣ даній въ заслугахъ monkъ отъ сятельнѣйшого князя Дмитрія Михайловича“. Черезъ четыре мѣсяца послѣ того, (20 июля, 1719 года) Александръ Гиновскій Астаматій умеръ, оставивши послѣ себя наслѣдниками двухъ сыновей Стефана и Кирилла; эти наслѣдники получили отъ Выдубицкаго монастыря, по условію, еще 10 талерей и безпрекословно уступили ему свою отцовскую усадьбу „во вѣчную пассессію“. Послѣ того игуменъ выдубицкій Лаврентій Горка съ братією просилъ кого слѣдовало закрѣпить за Выдубицкимъ монастыремъ астаматьеву усадьбу, — и въ скоромъ времени, отъ 11 августа 1719 года, всѣ представляемыя игуменомъ крѣпости на это владѣніе были внесены въ городскія книги, — и исполнѣ были признаны права Выдубицкаго монастыря на сказанный дворъ (1). Черезъ 10 лѣтъ послѣ того, новоприобрѣтенные дворы Выдубицкаго монастыря Тадриновъ и Астаматьевъ были закрѣплены за нимъ гетманомъ Данииломъ Апостоломъ, который, кромѣ того, еще освободилъ ихъ отъ воинскихъ постоевъ. Въ 1729 году 22 декабря, онъ писалъ въ своемъ универсалѣ, что „пречестный отецъ іерехимонахъ Василій намѣстникъ монастыря свято-Михайловскаго Выдубицкаго кievскаго при подающей своей сулгѣдѣ, презентовалъ ему купчие: одну на дворъ Тадриновскій отъ Ивана Герасимовича Тадрины за подписомъ руки его власной при сознаніи добровольномъ предъ кievскимъ майстратомъ року 1714, мѣсяца марта 19 дня данную. изъ книгъ мѣскихъ права Майдебурскою выписю стверженую, и въ року 1720, февралю 9, конфирмованную отъ пана бунчужного а нынѣшного обозного скарпагнаго Якова Лизогуба съ товарищи, которіе отъ покойного антецессора нашего гетмана Скоропадскаго высланы были въ Кіевъ для управления дѣлъ; — другую на дворъ Астаматьевскій отъ Александра и сына его Кирилла Гиновскихъ Астаматьевъ 1719 году мѣсяца марта 24 дня данную и тогожъ 1719 году, мѣсяца августа 15 дня съ канцеляріи кievо-губернскаго по приказу господина губернатора кievскаго и камеръ коллегіи президента князя Дмитрія Михайловича Голицина съ товарищи выписю ствержденную въ которіе дворы мененій отецъ намѣстникъ выдубицкій просилъ и вашой конфирмаціи, — и жьбы на оныхъ дворахъ поставъ поставленю оборанного унѣверсалу. Мы пре то тое отца намѣстника выдубиц-

(1) Выд. мон. кн. ав. IX, стр. 511—513.

это прошение принявши яко помянутіе Тадрички и Астаматѣвскій дворы и по силѣ купчихъ записокъ свято-Михайловской Выдубицкой обители во владѣніе конфирмуемъ, такъ дабы нѣкто законникомъ монастыря свято-Михайловскаго кіевскаго въ спокойномъ тихъ дворовъ владѣніи жадной неважился чинити трудности и перешкоди, и постоєвъ на оіе дворы неставлено, рейментарско упоминаемъ“

(1). Кромя всѣхъ вышесказанныхъ приобрѣтеній, Выдубицкій монастырь, въ 1710 годахъ кажется, закрѣпиль за собою и тѣхъ подданныхъ Кіево-печерской лавры, которые изъ мѣстечка печерскаго были переселены лаврою на звѣринецъ выдубицкій, по случаю, бывшихъ тогда военныхъ тревогъ, „для лучшей обороны крѣпости печерской“. Долго Кіево-печерская лавра несоглашалась выполнить свое обѣщаніе, на счетъ уступки этихъ подданныхъ Выдубицкому монастырю; но наконецъ должна была уступить требованію гетмана Скоропадскаго, принявшаго участіе въ этомъ дѣлѣ. „Содержучи пре то мы, писалъ гетманъ въ своемъ универсалѣ 1713 г., генваря 27, архимандриту печерскому, обоимъ обителямъ свято-печерской Выдубицкой интересъ, жадасяъ вашей превелебности згодное съ ними отцами выдубицкими о помянутыхъ крѣпостяхъ учинити помѣрковано, же бысшо и мы дри уставичныхъ нашихъ публичныхъ забавахъ отъ тоей турбаціи были волни, и ваша превелебность болить неузнавалъ трудности“ (2).

Такимъ образомъ Выдубицкій монастырь, въ разсматриваемое нами время, благодаря экономическимъ и административнымъ способностямъ своихъ игуменовъ и покровительству бывшихъ въ то время малороссійскихъ гетмановъ, успѣлъ прибавить къ своимъ старымъ обширнымъ владѣніямъ еще много другихъ новыхъ, довольно значительныхъ.

б) Содѣйствуя Выдубицкому монастырю, какъ мы видѣли, умножать свои владѣнія новыми приобрѣтеніями и закрѣпляя ихъ своими универсалами, малороссійскіе гетманы постоянно охраняли свою власть и давнія владѣнія монастыря отъ постороннихъ вѣтхательствъ. Недаромъ Выдубицкій монастырь въ своихъ поминкахъ всегда ставилъ на видномъ мѣстѣ имена гетмановъ „своихъ гоинныхъ фундаторовъ и покровителей“. Прослѣдимъ по возможности въ хронологическомъ порядкѣ подтвердительные и охра-

(1) Выд. мон. кн. ак. IX, стр. 496.

(2) Выд. мон. кн. ак. I, 10—13.

нительные универсалы гетманскіе на давнія владѣнія Выдубицкаго монастыря въ разбрасанный нами періодъ.

Гетманъ Скоропадскій, вскорѣ послѣ своего избранія въ гетманское достоинство, именно въ 1709 году 6 февраля, далъ Выдубицкому монастырю, по его просьбѣ, охранительный универсалъ, „съ таковыми въ немъ выраженными срогами притверженіемъ, пишется въ его экстрактѣ, чтобы какъ великороссійскіе, такъ и малороссійскіе разныхъ чиновъ народы переѣзжаючи чрезъ вотчину того кіево-Выдубицкаго монастыря—иѣстечко Лѣтки ни подъ какими видами кварталъ, лошадейного корму и прочихъ издрствъ тамошнимъ обывателямъ нечинили“ (1). Въ 1717 году, ноября 9, былъ данъ Выдубицкому монастырю тѣмъ же гетманомъ Скоропадскимъ универсалъ, „съ прописаніемъ въ немъ всякаго званія людемъ, а особенны Кіевопечерскія Лавры законникомъ о томъ, дабы кіево-Выдубицкаго монастыря въ собственные гнилецкіе, куликовскіе и калиновскіе грунта, и находящіеся тамъ разныя рыболовные озера ни подъ какими видами надъ ииѣющіяся въ томъ монастырѣ документальніе давніе крѣпости ему гетману по усмотренію представляиванне; самоправно не втискалися и въ спокойномъ владѣніи тому кіево-Выдубицкому монастырю препятствія и трудности нечинили, срогаго запрещенія“ (2). Отъ 10 ноября, того же года, данъ былъ Выдубицкому монастырю отъ гетмана Скоропадскаго еще универсалъ, „съ прописаніемъ въ немъ всякаго званія людемъ, а особливо вотчинъ печерского монастыря, дикерскому и рожиновскому городничимъ, о томъ, чтобы въ пуши Выдубицкаго монастыря рожиновскіе и лѣсницкіе не вѣздмил, притверженія, и съ надачею тому же кіево-Выдубицкому монастырю во вѣчное владѣніе сельца Гуты (3)“. Въ слѣдующемъ 1718 году въ одномъ генварѣ иѣсяцѣ, гетманъ Скоропадскій далъ Выдубицкому монастырю три подтвердительные и охранительные универсалы. Изъ нихъ отличаются особенною полнотою и подробностію первый и послѣдній, данные по просьбѣ игумена выдубицкаго Лаврентія Горки въ подтвержденіе правъ на владѣнія озорскія, лѣсницкія, багриновскія и гнилецкія. „Симъ унѣверсаломъ нашимъ ознаймуемъ, писалъ гетманъ въ первомъ универсалѣ, отъ 12 генваря, ижъ висоце въ Богу превелебный его милость отецъ Лаврентій Горка игумень монастыря свято-Михайловскаго Выдубицкаго кіевского съ братією,

(1) Выд. мон. кн. ак. X, стр. 42.

(2) Тамъ же, 3 стр. обор.

(3) Тамъ же стр. 37 обор.

гнучи въ владѣніи нижеименованніе до обители то ей належашіе
мастности и иншіе к грунта т. е. осокорскіе угодыя и селище Бо-
гриново съ принадлежностями, одъ начала привелеями князей россій-
скихъ и королей полскихъ наданными, а потимъ монаршими пре-
свѣтлѣйшихъ государей нашихъ грамотами (за тѣмъ слѣдуетъ под-
робное исчисленіе грамотъ на владѣніа осокорскія, богриновскія и
лѣвчицкія съ подробнымъ указаніемъ ихъ границъ). Мы пре то гет-
манъ по должности уряду нашего особливе о всякихъ монастырахъ
зде въ Малой Россіи сущихъ ку цѣлостному оныхъ и добрь ихъ
содержанію старане и призрѣніе имѣючи, поневажъ въ нихъ еже-
часная за монаршое пресвѣтлѣйшаго государя нашего Его царскаго
Величества достоинство, такожде за насъ въ гетмана и за ввесе
въ православіи христіанскомъ утверждающійся народъ ко обладаю-
щиму всеми Господу Богу приносится офѣра и молба, чого ради
барзей и на обитель Видубицкую кievскую яко зубожалую респек-
тующи выдаемъ сей нашъ по прошенію правителя оного игумена пре-
велебного въ Богу его милости отца Лаврентія Горки и всей братіи
універсалъ, которого повагою и силою, яко всѣ помянутые маестно-
сти, т. е. Сельце Осокорки, селище Вагрѣновъ и село Лѣвчики зо
всѣми оныхъ кгрунтами и угодіями : якъ власне естъ выжей сего вы-
разимъ границъ тихъ добрь до Видубицкого монастыра здавна
належащихъ объясненіемъ изображено ствержаемъ. Дозволяючи его
превелебности отцу игумену зъ братією тамошнею зупелною въ без-
перешкодомъ уживанію имѣти власть и обыкное одъ посполитыхъ
людей въ предречонныхъ маестностяхъ мешкающихъ послушенство и
новинность, з иншихъ тежъ вышше выраженою границею опиреклю-
ванныхъ кгрунтовъ при тихъ маестностяхъ будучихъ всякіе приходи
и пожитки отбирати : такъ абы въ спокойномъ всего того владѣ-
нію нѣкто з старшини и чернѣ войсковыхъ и посполитыхъ рей-
менту нашего обывателей, особливе превелебніе отцеве законники мо-
настирей кievскихъ сусѣдственніе кгрунта з видубицкими имѣючи,
довольствуячися всякъ своими добрами, жадной наименьшой его жъ
превелебному отцу Лаврентію Горцѣ игуменуви монастыра видубиц-
кого кievского з братією, и это по нихъ будетъ тамъ въ потомніе часы
начальникомъ и сожителемъ не смѣли чинити шкгоды, перепоны и
трудности пилно имѣти хочемъ, упоминаемъ и рейментарско прика-
зуюмъ (1)“. Около 1718 года Лавра завладѣла было въ гнилец-

(1) Вид. мон. кн. ав. I, стр. 193—195.

кихъ грунтахъ однимъ будинокъ, принадлежавшимъ Выдубицкому монастырю; игумень его Лаврентій Горка просилъ по этому случаю у гетмана обороны, — и гетманъ отъ 17 января 1718 года далъ Выдубицкому монастырю универсалъ, въ которомъ требовалъ, „абы превелебніе отцове законники печерскіе помянутый монастыря Выдубицкого будинокъ... любъ возвратили, любъ слушною ценою, яка надлежатиметь уплатили, и впредъ бы до ихъ выдубицкихъ кгрунтовъ, прибавлялъ гетманъ, ку обидѣ то я обители нѣякого не мѣли дѣла новаго сегожъ унѣверсалу нашего варуемъ (1)“. На другой день, послѣ того, гетманъ Скоропадскій выдалъ Выдубицкому монастырю еще одинъ универсалъ, которымъ закрѣплялъ за нимъ владѣнія гнилецкія, куликовскіе. Упомянувши въ документѣ о прежде утвержденныхъ правахъ Выдубицкаго монастыря на эти владѣнія и опредѣливши подробно ихъ границы, — гетманъ, въ заключеніе, писалъ: „новагоу универсала нашего пилю варуемъ, и сурово грозимъ, абы нѣхто з старшины и чернѣ войскового и посполитоу чина людей а особливо превелебніи отцове законники Кіево-печерской Лавры надъ древніе правніе крѣпости, паче же надъ препошнѣйшіе монаршіе царскаго пресвѣтлого Величества грамоты и антецессоронъ нашихъ потвершана жадной найменшой отцемъ выдубицкимъ поддугъ прежняго состояніи въ сповоинемъ тихъ всѣхъ кгрунтовъ въ описаннимъ границъ положенемъ владѣнію и заживанію неважмися чинити перенюти, трудности и препятія рейментарскоу упоминаемъ и пилю приказуемъ. Еслибы тежъ по семъ нашемъ унѣверсалѣ, прибавлялъ гетманъ, мѣла одъ кого въ держаню преречаныхъ добръ отцемъ выдубицкимъ дѣятеля кривда и долегливость, такового всякого яко преслушника монаршихъ въ грамотахъ изображенныхъ указовъ, а послядователно и нашоу гетманскоу виразной конфіраціи позволяемъ за тое грабити и забѣрати“ (2). Подобный универсалъ, въ подтвержденіе всѣхъ владѣній Выдубицкаго монастыря — звѣринскихъ, осокорскихъ, гнилецкихъ, багриновскихъ, мѣсницкихъ, санноедскихъ, лѣтвовскихъ, рожиновскихъ, ярославскихъ и селища Гуты — былъ данъ ему и въ 1729 году февраля 5, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Данииломъ Апостолюмъ. Упомянувши въ немъ о прежнихъ подтвердительныхъ гра-

(1) Выд. мон. кн. ае. IX, стр. 203.

(2) Тамъ же стр. 204.

вѣтъ и универсалахъ, данныхъ на эти владѣнія, гетманъ же-
д, прочиѣ писалъ, что онъ, „желаючи дабы обители святиѣ и
православниѣ церкви Божіе всегда въ приличномъ благолѣшии и
добростояніи для хвалы Божой обрѣтались,... велѣлъ видать сей
универсалъ, которымъ все яко выше прописанніе кгрунта, мли-
ш и всякіе угодыя той михайловской видубицкой кievской оби-
тели... въ спокойное владѣніе конфѣрмуемъ, такъ дабы въ ономъ
владѣніи нѣкто зъстаршины и черни войскового духовного и по-
сольского стану.... не смѣли и не важилися чинити жадной труд-
ности и пренятствія; войты засѣ (окрестныѣ) зо всеми посполи-
тими людьми отдавалибъ помянутому монастыреви надлежащее
кодацкое послушенство и повинность, мѣти хоцемъ и реймен-
тарско приказуемъ“ (1). Въ 1745 году октября 8, по просьбѣ
игумена видубицкаго Гавріила съ братією, Выдубицеому монастырю
была дана высочайшая грамота, которою императрица Елисавета
Петровна подтвердила представленныѣ ими прежнія грамоты царскіе,
привилегіи королевскія и универсалы гетманскіе на все владѣніа мона-
стырскія, именно на усадьбу гору звѣринецъ, на перевозъ ли-
бедскій, на поля, острова и сѣнокосы сохорскіе, на грунта ба-
греповскіе, гомлецкіе и кулибовы на кальный лугъ, также на
селаща Лѣсники, Свиноеды, Лѣтковичи и Рожны съ принадле-
жностями, на село Дацки, Таращичи и хуторъ Прутилицы съ
мельницами, полями, гаями, лѣсами, пасѣками и другими угоды-
ми въ Корсунцинѣ и пр. Высчитавши подробно въ этой гра-
мотѣ все владѣніа Выдубицкаго монастыря и документы на нихъ
(до 13), императрица такъ писала: „Того ради мы император-
ское Величество, призирая на тотъ Михайловскій Выдубицкій
монастырь всемилоствѣйше жалуемъ и повелѣваемъ какъ нынѣш-
нему оному монастыря игумену Гавріилу зъ братією, такъ и кто
впредь игуменъ и братія въ ономъ монастырѣ будутъ всеми вы-
ше писанными въ тѣхъ жалованныхъ грамотахъ въ королевскихъ
привилегіяхъ и гетманскихъ универсалахъ маестностями, селами,
деревьями, мельницами, перевозомъ на Либеди и прочими при-
надлежащими тому монастырю угоди, что послѣ за тѣмъ мона-
стырешъ дѣйствительно въ свободномъ и безпрепятственномъ вла-
дѣніи нѣтъся и въ чемъ спору не будетъ“ (2)... Кроиѣ того,

(2) Вид. Мон. кн. ае. IX, стр. 126.

(1) Тамъ же, стр. 206.

въ 1760 году, 31 декабря, была дана Выдубицкому монастырю еще одна высочайшая царская грамота въ подтвержденіе универсала, даннаго гетманомъ Даміаномъ Игнатовичемъ (1670 Марта 25) на мѣстечко Лѣтки и деревню Рожны. Есть одинъ документъ, изъ котораго видно, что, въ рассматриваемое нами время, Выдубицкій монастырь обращался и къ королямъ польскимъ съ просьбою, если не объ утвержденіи его старинныхъ правъ, то по крайней мѣрѣ о засвидѣтельствovanіи подлинности нѣкоторыхъ старинныхъ документовъ на эти права. Такъ, въ 1752 году, 6 сентября, по просьбѣ выдубицкаго игумена, выданъ былъ Августомъ III Выдубицкому монастырю экстрактъ изъ литовской метрики на его звѣринскія владѣнія. Приведши буквально грамоту Сигизмунда Августа, данную имъ на Звѣринскій Выдубицкому монастырю игумену Григорію Швабѣ, съ точнымъ опредѣленіемъ границъ, сдѣланномъ Константиномъ Острожскимъ въ 1568 году, іюля 5, Августъ III въ заключеніе писалъ: „Моя король выше приведенный привилеи велѣли выдать изъ книгъ метрики канцеляріи нашей, — и для большей достовѣрности приказали приложить печать Великаго Княжества Литовскаго (1). Кроме исходатайствованія выше приведенныхъ подтверждающихъ грамотъ и универсаловъ на владѣнія Выдубицкаго монастыря игумены его, въ рассматриваемое нами время, въ охрану этихъ владѣній, дѣлали многочисленныя выписки изъ древнихъ актовъ, — завѣряли ихъ въ судебныхъ мѣстахъ, дѣлали подробнѣйшіе своды документовъ, то на всѣ владѣнія вообще, то на нѣкоторыя изъ нихъ въ отдѣльности, — писали подробныя алфавитныя указатели на самыя незначительныя части изъ этихъ владѣній, составляли подробныя историческія записки о каждой изъ владѣній и пр. и пр. (2). И вся эта многотрудная работа со стороны выдубицкихъ игуменовъ была вызвана тѣми нападками, которые, и особенно теперь, приходилось выдерживать

(1) Вид. Мон. кн. ак. I, стр. 188—190.

(2) Этимъ особенно ретиво занимался дѣятельнѣйшій изъ выдубицкихъ игуменовъ, Іаковъ. Отъ его времени до сего остаются въ архивѣ Выдубицкаго монастыря 10 книгъ разныхъ годовъ въ копіяхъ документовъ на владѣнія монастыря, также множество разнаго рода другихъ официальныхъ бумагъ по дѣлу о спорныхъ владѣніяхъ между Киево-печерскою лаврою и Выдубицкимъ монастыремъ.

въ Выдубицкому монастырю съ разныхъ сторонъ, а особенно со стороны своей давней богатой соперницы — Киево-печерской лавры.

При всѣхъ тѣхъ приобретенiяхъ, которыя сдѣлалъ Выдубицкiй монастырь въ разсматриваемое нами время и при всеобщемъ покровительственномъ вниманiи, которымъ пользовался въ эту эпоху, Выдубицкiй монастырь со стороны верховной власти, — этотъ періодъ въ исторической жизни Выдубицкаго монастыря нельзя однакоже назвать особенно для него счастливымъ. Постоянныя нападенiя со стороны сосѣдей владѣльцевъ почти во всѣхъ его имѣнiяхъ и официальные судебные споры съ ними нарушали спокойствiе монастырской жизни и лишали ее многихъ матеріальныхъ выгодъ, пока наконецъ не привели къ окончательному отчужденiю его владѣній и съ ними соединенныхъ выгодъ. Теперь, въ продолженiи 80-лѣтней своей жизни, Выдубицкiй монастырь вель до 30, болѣе или менѣе важныхъ, тяжбныхъ дѣлъ, изъ коихъ къ 1786 году было окончено около 20, хоть и не всё въ его пользу, а около дѣсятка дѣлъ остались неоконченными (1). Теперь Выдубицкому монастырю приходилось вести тяжбныя дѣла то съ Злато-верхо-михайловскимъ монастыремъ, то съ женскимъ Флоровскимъ монастыремъ, то съ кievскимъ генераль-губернаторомъ Леонтьевымъ и оберъ-комендантомъ Небишевымъ, то съ генераль-порутчикомъ, камергеромъ Дарганомъ, то съ семипольскими владѣльцами, то, наконецъ, съ козацкими старшинами, бунчуковыми, значковыми товарищами и степенными атаманами. Особенно былъ тяжелъ для Выдубицкаго монастыря тяжбный споръ его съ Киево-печерскою лаврою, какъ по его широтѣ и продолжительности, такъ и по неравнобѣрности силъ спорившихъ сторонъ. Какъ намъ уже извѣстно, Лавра и прежде не мирила съ Выдубицкимъ монастыремъ; но то были споры какіе нибудь частныя мѣстныя продолжавшіяся не больше 2-хъ, 3-хъ, 5-ти лѣтъ: теперь же Лавра одновременно подняла протестъ противъ всѣхъ почти владѣній Выдубицкаго монастыря, противъ подлинности его древнихъ документовъ, — и эта обоюдная тяжба велась, съ нѣкоторыми промежутками, съ самаго начала и почти до конца прошедшаго столѣтiя. Этотъ спорный узелъ, кажется, завязывался бы больше и больше, еслибы не былъ разрѣченъ указомъ 1796 года объ отобранiи монастыр-

(*) Выд. Мон. дѣл. № 18 и 19.

скихъ ивѣній. Чтобы видѣть, какъ ловко и глубоко подкапывалась теперь Киево-печерская лавра подъ всѣ владѣнія Выдубицкаго монастыря, приведемъ тутъ нѣсколько словъ изъ ея члѣбятъ, поданнаго Петру Великому на Выдубицкѣй монастырь въ 1718 году 19 іюня; она тутъ писала между прочимъ, что „во время бытности Кіева подъ владѣніемъ польскаго государства кіевская митрополія была подъ правительствомъ митрополитовъ уніятскихъ, которые, по ненависти своей къ Печерскимъ обителямъ православія, непоколебимо держащейся (не могучи ни въ нихъ истребить къ своему привлеченію зловѣрїю) различными способами обиды и разоренія, и безъ всякой причины, старинныя оной обители вотчины и земли, которыя издревле фундаторы ктиторы благочестныя къ оной уступали, а иные покупыныя нагнотымали и на оныя вслѣдствіемъ своимъ неправданимъ и подлогамъ уморлей польскихъ многія привиліи и декреты исходатайствовали и владѣли оными многіе годы напрасно, а въ прошлыхъ годѣхъ по члѣбятю бывшаго Киево-печерскаго лавры архимандрита Елесея Плетенецкаго и по свидѣтельству старинныхъ ихъ крѣпостей и жалованныхъ грамотъ по указу короля польскаго всѣ крѣпостскія крѣпости отставлены и уничтожены, и напрасно завладѣнные вотчины и земли отданы Киево-печерской лаврѣ впрежнему. И какъ оныя уніятскіе митрополиты изъ Кіева изгнаны, и въ то время тѣ уничтоженныя привиліи остались въ Выдубицкомъ монастырѣ, по которымъ того монастыря иудѣи тѣ вышеписанныя вотчины и земли почали сами присвоить къ себѣ, за что съ обѣихъ сторонъ чинилися и нынѣ чинятся многіе споры, а между подданными монастырскими драки и грабежи“ (1). Дѣло было представлено какъ будто правдоподобно; а между тѣмъ въ существѣ его была фальшь. Какъ видно изъ представленнаго нами очерка древняго до уніятскаго періода жизни Выдубицкаго монастыря, — и тогда еще этотъ монастырь назывался тѣми владѣніями, которыя теперь Лавра несправедливо относима къ уніятскому періоду. При томъ же, отъ чего Лавра не протестовала противъ такого мнимаго подлога со стороны Выдубицкаго монастыря въ XVII столѣтіи когда еще преданіе было свѣжо, и легче было открыть и доказать злоупотребленіе, если бѣ оно было въ дѣйствительности? Мы надѣемся, что пред-

(1) Выд. Мон. кн. ак. VII, стр. 1. 2.

ставленная нами исторія Выдубицкаго монастыря послѣ уніятскаго періода совершенно опровергаетъ въ общихъ чертахъ выше приведенный нами протестъ Лавры противъ, яко бы, несправедливаго занятія лаврскихъ владѣній Выдубицкимъ монастыремъ. Въ этому мы еще можемъ прибавить то, что въ грамотѣ Сигизмунда III, данной Кіево-печерской лаврѣ на имя Елисея Плетенскаго въ 1618. году, въ числѣ, возвращаемыхъ Лаврѣ, прежде захваченныхъ уніятами, владѣній, не упоминается ни объ одномъ изъ владѣній Выдубицкаго монастыря. Ставши такимъ образомъ на ложную дорогу, Лавра усиливалась теперь всевозможными способами заподозрить подлинность документовъ Выдубицкаго монастыря на всѣ его владѣнія — и льбедскія, и звѣринскія, и багряновскія, и гнилецкія, и осокорскія (*); слабость же своихъ положительныхъ доводовъ въ этомъ случаѣ она неоднократно оправдывала пожаромъ 1718 года, будто бы истребившимъ почти всѣ документы Лавры. Ходъ этого спорнаго дѣла между Лаврою и Выдубицкимъ монастыремъ такъ охарактеризованъ, въ общихъ чертахъ, въ одномъ рапортѣ Выдубицкаго монастыря, представленномъ въ 1780-хъ годахъ митрополиту кіевскому Гавріилу, по его требованію. „Споры между Печерскою лаврою и Выдубицкимъ монастыремъ о земляхъ багряновскихъ, льбедскихъ, звѣринскихъ и осокорскихъ начались изъ давнихъ временъ еще до 1700 года, — говорилось въ этомъ репортѣ, — и производились въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ до 1718 году, — а того 1718 года игуменъ выдубицкій Лаврентій Горка съ братією, видя частіе — отъ лавры Печерскія нападенія, какъ на монастырь Выдубицкій, такъ и на земли, поданного къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу Самодержцу всероссійскому челобитного просилъ спорныя земли съ Кіево-печерскою Лаврою размежевать, по которому оного Выдубицкаго монастыря игумена Лаврентія Горки прошенію и грамота о размежеваніи оныхъ спорныхъ земель выдана

(*) Выд. Мон. кн. ак. VII, стр. 142—145. Выдубицкій монастырь, оправдываясь, въ свою очередь доказывалъ неподвижность нѣкоторыхъ документовъ на лаврскія владѣнія; такъ, между прочимъ, противъ подлинности известной грамоты князя Китая (Андрея Боголюбскаго) было представлено Выдубицкимъ монастыремъ нѣсколько десятковъ возраженій, довольно сильныхъ. Отдѣл. рук. арх. Выд. Монаст.

была, къ которому размежеванію комиссары назначены были (слѣдуютъ названія комиссаровъ), кои комиссары за выѣздомъ на спорныя земли требовали какъ отъ Лавры Печерской, такъ и отъ Выдубицкаго монастыря крѣпостей, почему отъ Выдубицкаго монастыря 1720 году, августа 4 дня крѣпость представлена, и начали были чинить разборъ, точію неокончено потому, что Лавра видя свою несправедливость просила гетмана Ивана Скоропадскаго 1721 году о наслѣдствіе приостановить яко бы потому что крѣпости письменныя лаврскіе къ той комиссіи потребны въ Москвѣ и по иныхъ малороссійскихъ городахъ еще не всѣповыписываны и исправлены, которая комиссія и приостановлена, а и съ того времени Печерская Лавра разные проски дѣлаетъ дабы оное дѣло въ окончаніе прійти не могло, почему безъ окончанія и продолжалось до учрежденія въ Малой Россіи судовъ земскихъ кгородскихъ, и проч. Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ этого же самаго рапорта Выдубицкаго монастыря, выдубицкіе игумены съ 1750 года больше 15 разъ пытались было миролюбиво покончить свои споры съ Лаврою но это имъ не удавалось по разнымъ отговоркамъ со стороны Лавры, — а въ 1777 году марта 8 дня, на личную просьбу о примиреніи монастырей, предложенную выдубицкимъ игуменомъ Мелхиседекомъ, бывший въ то время намѣстникъ Лавры Каллиевъ, „пришедшій тогда изъ присутствія собору при бытности отца архимандрита Зосимы въ келіи архимандричой прямо сказалъ, что Лавра не намѣрена миролюбиво сходиться ни о какихъ спорахъ, а пусть же суды разбирають, оны же на то устроены“ (*). Послѣ такихъ неудачныхъ попытокъ къ дружескому примиренію съ Лаврою и видѣвъ съ тѣмъ въ виду невыгоднаго для себя судебнаго исхода дѣла, Выдубицкій монастырь былъ вынужденъ въ 1781 году, августа 23 дня, апеллировать въ кабинетъ императрицы Екатерины (**). Между тѣмъ, стали тогда принимать живое участіе въ вѣковомъ спорѣ Лавры съ Выдубицкимъ монастыремъ кievскій Гавріилъ и архіепископъ новгородскій Гавріилъ; оба они старались предотвратить хоть на нѣкоторое время общую великую потерю всѣхъ малороссійскихъ монастырей — отобраніе ихъ имѣній. Въ 1781 году, ар-

(*) Тамъ же.

(**) По этому дѣлу и по 1786 годъ не было никакой Высочайшей резолюціи. Арх. Выд. Мон. дѣл. № 5.

епископъ новгородскій писалъ объ этомъ въ предосторожность и митрополиту кievскому Гавріилу и архимандриту Лавры Зосимъ. Митрополитъ Гавріиль, въ свою очередь, извѣщалъ объ этой опасности архимандрита Лавры съ просьбою скорѣе покончить дѣло съ Выдубицкимъ монастыремъ миролюбиво. Такимъ образомъ завязалась переписка между кievскимъ митрополитомъ и двумя спорившими монастырями, на счетъ ихъ миролюбнаго соглашенія; но она тоже ни къ чему не привела, не смотря на ту энергію, съ которою велась. Отъ 15 сентября, 1781 года, митрополитъ кievскій такъ писалъ архимандриту Лавры: „Пресвященный архіепископъ новгородскій Гавріиль прошедшаго августа отъ 12 числа въ письмѣ своемъ, мною текущаго сентября 10 полученномъ, формально и точно прописываетъ нижеслѣдующее: выдубицкіе монахи опять пріѣхали въ Петербургъ: таковыя просятели только что возбуждаютъ вниманіе къ вотчинамъ вашимъ. Ваше пресвященство (?) можете отвратить нарѣваніе и возстановить безопасность, когда примете трудъ изыскивать у себя къ примиренію средства. И какія могу я сыскать средства, въ дѣла вотчинныя никогда неходя, какъ и въ выдубицкіе съ Лаврою, кромѣ что сообщеніе только съ вашимъ высокопреподобіемъ возымѣть. Выше писанные пресвященного рѣчи какъ въ себѣ предмѣтъ и провѣщаніе содержатъ ваше высокопреподобіе довольно изволите понимать, то есть, какъ и я думаю, отнятіе у насъ всѣхъ вотчинъ. И такъ ежели ваше высокопреподобіе жалуете все духовенство малороссійское и не желаете толь великую потерю всѣмъ претерпѣвать, то и совѣтую чистосердечно по вашему высокопредобію употребить миролюбивыхъ средствій съ выдубицкимъ и съ другими, съ коими споръ Лавры о земляхъ имѣется монастырями,.... дабы предупредить и отвратить оную потерю и нарѣваніе предвѣщаемыя, и что на сіе соблаговолите прошу всеприлежно удостоить меня письменнаго отвѣта неукоснительно, дабы я такожь могъ равно возотвѣтствовать къ писавшему ко мнѣ“ (*). Съ искренними чувствами благодарности и миролюбія отозвался, какъ на это письмо митрополита, такъ и на письмо архіепископа новгородскаго, архимандритъ Лавры Зосима. Онъ просилъ митрополита быть посредникомъ въ этомъ неприятномъ спорѣ, — приказать Выдубицкому монастырю приостановить

(*) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 26.

его апелляцію, поданную незадолго предъ тѣмъ въ кабинетъ Государя, и приступить къ обоюдному миролюбивому соглашенію. На такое требованіе митрополита Выдубицкій монастырь отвѣчалъ, что онъ давно желаетъ примиренія, но остановить въ настоящемъ случаѣ апелляцію не можетъ, потому что она, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, была уже подана въ кабинетъ повѣренныхъ Выдубицкаго монастыря; впрочемъ Выдубицкій монастырь обѣщалъ немедленно подать просьбу куда слѣдовало объ уничтоженіи силы апелляціи, лишь только Лавра приступитъ къ миролюбивому соглашенію. Подъ этимъ доношеніемъ митрополиту подписалось 13 братіи Выдубицкаго монастыря. Но потомъ, кажется, это дѣло заглохло, а чрезъ годъ — другой опять начались споры лаврскихъ подданныхъ съ выдубицкими и обоюдныя грабительства чужихъ владѣній, вызывавшія новые споры между властями монастырскими. Отъ 23 октября, 1784 года, архимандритъ Лавры Зосима уже писалъ игумену выдубицкому Герониму, „о прихвачиваніи лаврскихъ земель выдубицкими подданными,“ — а игумень Геронимъ, въ свою очередь, незадолго предъ тѣмъ, двумя письмами жаловался архимандриту Лавры на то, что „подданные лаврскіе вдираются въ земли Выдубицкаго монастыря.“ Между тѣмъ, тотъ и другой съ жаромъ толковали на бумагѣ о примиреніи, — хотя изъ этого на дѣлѣ ничего не выходило. Въ такомъ положеніи засталъ оба спорившіе монастыря и грозный указъ 1786 года объ отобраніи имѣній всѣхъ малороссійскихъ монастырей въ казну. Такова была внѣшняя исторія Выдубицкаго монастыря въ разбираемый нами періодъ.

Изображая историческую судьбу Выдубицкаго монастыря въ предыдущихъ періодахъ его существованія, мы почти исключительно говорили только о томъ, какъ Выдубицкій монастырь приобреталъ, закрѣплялъ и отстаивалъ отъ постороннихъ вѣшателствъ свои владѣнія, прибавляя иногда замѣчанія и о томъ, какъ онъ пользовался своими владѣніями для выгодъ личныхъ и общественныхъ; словомъ, мы доселѣ изображали почти только внѣшнюю жизнь Выдубицкаго монастыря; и это потому, что въ архивѣ выдубицкомъ мы почти не находили никакихъ памятникъ касавшихся его тогдашней внутренней жизни. Теперь же при обзорѣ намѣченнаго нами періода, мы можемъ сказать кое что и о внутренней жизни Выдубицкаго монастыря; и мы скажемъ

объ этомъ нѣсколько словъ на сколько позволять говорить отрывочныя свѣденія архива выдубицкаго.

Въ разсматриваемое нами время Выдубицкій монастырь представлялъ во всѣхъ частяхъ своего управленія довольно сложную и стройную организацію. Во главѣ всей братіи выдубицкой стоялъ игуменъ, избранный свободными голосами братіи, почти всегда изъ своей среды; только уже къ концу этого періода такой порядокъ сталъ мало по малу измѣняться, уступая централизованной распорядительности высшаго духовнаго начальства, — митрополичьей власти. Вступивши въ права игумена, каждый изъ выдубицкихъ игуменовъ пользовался въ средѣ своей братіи не только совѣщательнымъ, но и рѣшительнымъ голосомъ во всѣхъ монастырскихъ дѣлахъ экономическихъ, судебныхъ и религіозно-правственныхъ: онъ, то утверждалъ опредѣленія монастырскаго духовнаго собора, то измѣнялъ ихъ, — и вообще заправлялъ дѣлами монастыря, хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовалъ не безъ контроля со стороны братіи. Недовольная братія легко могла возстать противъ своего игумена, — судить его своимъ судомъ, — въ случаѣ надобности, отрѣшить его отъ должности и даже удалить изъ своего монастыря. Зависимость же Выдубицкаго монастыря отъ кievской митрополичьей кафедръ, особенно въ первой половинѣ разбираемаго нами времени, была очень слабая: митрополиты только рукополагали въ священныя степени монашествующихъ и другихъ, — и то по представленію игуменовъ и братіи; только уже къ концу этого періода митрополиты кievскіе получали отъ игуменовъ выдубицкихъ все какія вѣдомости о состояніи монастыря. Число монашествующихъ въ Выдубицкомъ монастырѣ теперь было не одинаково; однакоже всегда было довольно значительное. Такъ, напр., въ отчетѣ 1746 года значитса, что тогда было собственно въ монастырѣ постоянныхъ іеромонаховъ 10, іеродіаконовъ 5, монаховъ 5, послушниковъ 25, — насенныхъ монастырскихъ людей 10, — присланныхъ по указу іеромонаховъ безъ священнодѣйствія 4; а внѣ монастыря въ разныхъ монастырскихъ владѣніяхъ тогда было 2 іеромонаха и 6 монаховъ (*). Само собою разумѣется, что съ того времени число монашествующихъ въ Выдубицкомъ монастырѣ увеличивалось прогрессивно. Монастырскія должности въ 1746 году были такія:

(*) Выд. Мон. дѣл. № 43.

игуменъ, намѣстникъ, духовникъ, уставникъ, клирошане, еkkлeсiархъ, шафаръ, пономаръ, трапезникъ, дзигармистръ, палатникъ, писаръ, поваръ, городничіе, начальникъ мельницы, насѣзникъ, гуменикъ, футорной, конюшій, слесаръ, кравецъ и др. (*). Болѣе почетнѣйшіе изъ іеромонаховъ и вообще монаховъ выдубицкихъ составляли духовный соборъ, который имѣлъ засѣданія нѣсколько разъ въ седмицу; его разные опредѣленія записывались въ книги и утверждались игуменами (**). Экономическими дѣлами въ монастырѣ ближайшимъ образомъ распоряжался шафаръ. Къ нему непосредственнымъ образомъ относились разные городничіе, — начальники отдѣльныхъ владѣній Выдубицкаго монастыря; къ шафару они высылали ежегодно свои отчеты, которые повѣрялись соборомъ. Городничіе монастырскіе въ своемъ округѣ сосредоточивали въ себѣ власть и экономическую, и административную, и религіозно-нравственную. Они завѣдывали монастырскими имѣніями тамъ, гдѣ онѣ не отдавались въ аренду, — пахали, жали, косили и пр. и пр. и въ извѣстныя времена доставляли въ монастырь потребное количество собранныхъ ими плодовъ; это были своего рода фермы, подчиненныя центральной монастырской власти. Монастырскіе городничіе слѣдили въ нѣкоторомъ отношеніи и за подвѣдомными имъ монастырскими подданными, — за ихъ матеріальными и нравственными трудами. Требуя отъ монастырскихъ подданныхъ, въ продолженіи года, нѣсколько десятковъ дней работы въ пользу монастыря, шафары предоставляли имъ очень достаточно времени трудиться и на себя, — а кое кого изъ нихъ за усердную службу монастырю снабжали даромъ то тѣмъ, то другимъ; иногда давали имъ даромъ лѣсъ на постройку, а иногда отпускали имъ на извѣстные сроки земли пахатной, или сѣнокосной и пр. Выдубицкій монастырь, чрезъ своихъ городничихъ, заботился и о возможномъ по тому времени благолѣпіи храмовъ въ его вотчинахъ, — при нуждѣ снабжалъ нѣкоторые изъ храмовъ то богослужебными книгами, то священными одеждами, то другимъ чѣмъ нибудь. Приходскіе священники вотчинъ выдубицкихъ подлежали также почти исключительному вѣденію монастыря. *Промогающійся* во священника въ какую нибудь вотчину Выдубицкаго монастыря, долженъ былъ предварительно взять одобреніе отъ

(*) Тамъ же.

(**) Нѣсколько такихъ книгъ изъ прошедшаго столѣтія и доселѣ хранятся въ архивѣ Выдубицкаго монастыря.

своихъ будущихъ прихожанъ, условившись напередъ съ ними о платѣ за требы, — и рекомендацію отъ мѣстнаго монастырскаго городничаго; тогда уже онъ обращался съ просьбою къ игумену монастыря о назначеніи его на мѣсто. Получившему на это согласіе отъ игумена ничего уже не стоило „высвятиться во священника“; потому что рукополагавшій архіерей въ согласіи игумена на посвященіе находилъ достаточный документъ, нужный для рукоположенія. Рукоположенный же священникъ въ какую нибудь вотчину монастырскую, во все время своей службы, былъ всегда подъ ближайшимъ контролемъ монастырскаго городничаго и подъ верховнымъ смотрѣніемъ собора монастырскаго, или лучше, игумена, который управлялъ всѣмъ бѣлымъ духовенствомъ своихъ вотчинъ чрезъ избранныхъ протопоповъ. Зависимость священниковъ монастырскихъ вотчинъ отъ игуменовъ доходила до того, что, безъ позволенія послѣднихъ, первые не должны были никого вѣнчать изъ монастырскихъ подданныхъ.

Въ самомъ монастырѣ Выдубицкомъ теперь было 5 церквей: 1) въ память чуда святаго Архистратига Михаила; 2) въ память Благовѣщенія пресвятой Богородицы (въ одномъ зданіи); 3) во имя святаго великомученика Георгія; 4) Трапезная Преображенская и 5) во имя святаго пророка Даниїла, во второмъ этажѣ колокольни. (Эта церковь, вѣроятно, тутъ была устроена паномъ Миклашевскимъ, строителемъ Георгіевской церкви). Въ одной изъ этихъ церквей богослуженіе совершалось всякій день, а въ остальныхъ, только въ нѣкоторые дни седмицы (*). Что же касается до религіозно-нравственной жизни монашествующихъ этого времени вообще; то едва-ли можно считать ее образцовою. Какъ во всѣхъ монастыряхъ того времени вообще, такъ и въ Выдубицкомъ въ частности, монашествующіе были заражены мірскимъ хозяйственнымъ направленіемъ и сутяжничествомъ (**), и нѣкоторые изъ нихъ не

(*) Выдуб. Мон. дѣл. № 43.

(**) Въ эти времена Выдубицкій монастырь не считалъ неприличнымъ устроить винокуренные заводы, — заводить шинки, и даже назначать монаховъ для выдѣлки водки и ея продажи. Такъ, напр., при игуменѣ Антоніи Почегѣ, говорится въ одномъ документѣ, «монахъ Іосифъ въ Лѣсникахъ, во весь 1756 годъ а въ 1757 года, съ генваря по юль мѣсяць, з монастырскаго и покупнаго борошна дѣлалъ сивуху на чотири казаны и продавалъ; монахъ Іустиніанъ въ 1757 году съ генваря по юль мѣсяць дѣлалъ въ футорѣ с покупнаго и монастырскаго борошна на 4 казаны сивуху и продавалъ;

чужды были такихъ грубыхъ пороковъ, какъ пьянство, бродяжничество и под., что видно изъ протокольныхъ книгъ собора; за то и наказанія за подобныя преступленія были также грубы, напр. биченіе розгами въ трапезѣ или на конюшнѣ, заключеніе въ колоду, или въ куну. Не наводи однакоже укора на тогдашнюю монастырскую жизнь, мы должны сказать, что она совершенно соотвѣтствовала окружавшей ее средѣ, современности и обстоятельствамъ политическимъ. Таковъ былъ общій уровень жизни Выдубицкаго монастыря въ разбираемое нами время. Этотъ уровень однакоже то повышался, то понижался, смотря по тому, кто стоялъ во главѣ монастырской корпораціи.

Вообще объ игуменахъ Выдубицкаго монастыря этого времени нужно сказать, что они большею частью, по примѣру своихъ предшественниковъ, были достойны своего званія; особенно нѣкоторые изъ нихъ отличались умомъ и энергіею, и вполне заслужили для себя добрую, вѣчную память обители. Въ средѣ такихъ достопочтенныхъ лицъ выдается только одинъ недостойный игумень, котораго современная ему монашествующая братія официально обличала и, кажется, по заслугамъ въ небреженіи о монастырскомъ хозяйствѣ и даже въ похищеніи кое чего монастырскаго то въ свою пользу, то въ пользу своихъ родныхъ; это былъ игумень Антоній Почека, начальствовавшій надъ Выдубицкимъ монастыремъ въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ XVIII столѣтія; онъ, кажется, и лишенъ былъ игуменскаго достоинства, по настоянію братіи монастыря (*). За исключеніемъ Антонія Почеки, всѣ почти остальные игумены выдубицкіе, какъ мы сказали выше, были люди очень достойные: каждый почти изъ нихъ, кромѣ обыкновенныхъ заботъ по монастырѣ, еще чѣмъ нибудь особеннымъ служилъ своей обители, и другіе, кромѣ того, еще несли и стороннія

іеродіаконъ Анемнодистъ пататній въ весь 1756 годъ з братерскихъ діюховъ вишневку, сливянку, медъ, пиво продавалъ; іеродіаконъ Іоаникій такожъ шафаръ Лѣсницкій въ 1758 году с генваря по іюль мѣсяць с покупкою и монастырскаго борошна на 4 казаны дѣлалъ сивуху и продавалъ...; монахъ Питиримъ въ футорѣ монастырскомъ с декабря 1758 по 1759 года май мѣсяць на 4 казаны дѣлалъ сивуху и продавалъ; и нынѣ въ томъ же футорѣ монастырскомъ въ тойже должности съ августа находится». И о бо всемъ этомъ говорится въ такомъ тонѣ, какъ будто такъ и слѣдовало быть. Выд. Мон. арх. дѣл. № 11.

(*) Тамъ же.

обязанности по епархіальному управленію, — были, то членами консисторіи, то кафедральными писарями. Нѣкоторые изъ настоятелей выдубицкихъ были въ званіи архимандритовъ, нѣкоторые потому достигли епископскихъ степеней, а одинъ изъ нихъ даже былъ въ послѣдствіи митрополитомъ, сначала кievскимъ, а потомъ московскимъ, — разумѣемъ Тимоѳея Щербацкаго. Въ хронологическомъ порядкѣ выдубицкіе игумены разсматриваемаго нами періода слѣдовали такимъ образомъ: послѣ Варлаама Страховскаго (1696—1711 г.), былъ игуменомъ Лаврентій Горка (1711—1718 г.); потомъ были настоятелями: игумень Аванасій Миславскій (1718—1720 г.), игумень Венедиктъ (1720—1722 г.), игумень Θεодосій Хомѣяскій (1722—1738 г.), игумень Тимоѳей Щербацкій (1738—1740 г.), игумень Гавріилъ Леопольскій (1740—1748 г.), игумень Викентій Велюцкій (1748—1752 г.), архимандритъ Леонтій Злотницкій (1752—1757 г.); игумень Антошій Почека (1757—1763 г.); архимандритъ Митрофанъ Горленко (1763—1766 г.), игумень Снеъ Гамалѣя (1766—1768 г.); игумень Яковъ Воронковскій (1768—1774 г.); игумень Мелхиседекъ Значко-Яворскій (1774—1784 г.) и наконецъ игумень Іеронимъ (1784—1791 г.). Игумень Варлаамъ Страховскій, кромѣ того, что содѣйствовалъ освобожденію Выдубицкаго монастыря отъ подчиненія его кievскимъ митрополитамъ, еще сумѣлъ прибавить, какъ мы уже видѣли, къ его прежнимъ владѣніямъ нѣсколько новыхъ. Тоже самое мы должны сказать и объ его преемникѣ Лаврентіи Горкѣ. Послѣдующіе за ними игумены твердо отстаивали права Выдубицкаго монастыря на его владѣнія, особенно противъ нападокъ со стороны Лавры. Въ этомъ отношеніи, равно какъ и относительно внутренняго благоустройства монастыря, оказали ему важныя услуги: игумень Тимоѳей Щербацкій, архимандритъ Митрофанъ Горленко и игумены — Снеъ Гамалѣя, Яковъ Воронковскій и Мелхиседекъ Значко-Яворскій. При игуменѣ Тимоѳеѣ Щербацкомъ, благодаря между прочимъ и его распорядительности, въ монастырскомъ скарбцѣ было до 13,000 р. Не смотря на то, что Тимоѳей Щербацкій былъ игуменомъ Выдубицкой обители всего только около 2-хъ лѣтъ, онъ такъ полюбилъ ее, что и потомъ не оставлялъ ее своими милостями. Такъ, когда онъ былъ на московской митрополичьей кафедрѣ, — онъ прислалъ этой обители въ 1763 году игуменскую трость „съ золотою головою камушками изъ жемчуга и рубинами осыпанною“, которая была принята братією выдубицкою съ глубокою

благодарностию. Въ своемъ благодарственномъ письмѣ, адресованномъ по этому случаю преосвященному Тимоѳею, отъ 13-го сентября 1763 года, они между прочимъ писали, что „содержуть въ незабвенной памяти достохвальное его преосвященства отъ самаго времени бытности его въ кіево-выдубицкомъ монастырѣ игуменомъ всегда являемое къ оному благопріизрѣтелство и укладчество“... (*). Когда, въ 1760 году, древняя выдубицкая Михайловская церковь потерпѣла отъ пожара, бывшій тогда игуменъ выдубицкій Снѣз обращался (около 1766 г.) и къ преосвященному Тимоѳею за помощію, съ полною надеждою на его „особливое архипастырское благопріизрѣніе“, — и, кажется, не ошибся въ расчетъ, не смотря на то, что тогда, во время своей болѣзни, митрополитъ Тимоѳей раздалъ было безъ остатка все свое серебро и вещи (*). Вообще, по особенной своей расположенности къ Выдубицкой обители, митрополитъ Тимоѳей Щербацкій желалъ и окончить въ ней свои послѣдніе дни, на что однажды, во время своей болѣзни, и испрашивалъ, было Высочайшее разрѣшеніе, хотя и получилъ въ этомъ отказъ.

Въ 1760 году, 16 апрѣля, въ Выдубицкомъ монастырѣ, какъ сказано выше, случился пожаръ, который причинилъ ему много урону: между прочимъ сгорѣла и деревянная алтарная пристройка къ древнему Михайловскому храму, при чемъ не мало было повреждено и все древнее Всеволодово строеніе. Словомъ, послѣ этого пожара, Выдубицкій монастырь представлялъ жалкую картину разрушенія: „церковь св. Архистратига Михаила, огонь разоренная, по современному описанію, представляла единіе только стѣны съ разсѣлинами, и отъ всѣхъ сторонъ въ великую порчь приходила на единую печаль, стенаніе и воздыханіе и сердечное о древности сожалѣніе, — колокольня съ церковію къ близкому наклонялась наденію, келіи начальническіе и братерскіе (кромѣ нѣсколькихъ вновь устроенныхъ) за древность вовсе обетшали и къ прожитію нужному ни почему негодились“; — а между тѣмъ къ этому времени почему то и казна монастырская оскудѣла и средства монастыря значительно сократились. Тогда то высказали свое рѣдкое усердіе къ Выдубицкой обители ея настоятели: Митрофанъ Горленко, Снѣз Гамалѣя и Яковъ Воронковскій. Не считывая

(*) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 39.

(**) Тамъ же.

и средства монастырскія, они обращались къ добротству жертвователей: игумень Снѣъ, какъ мы уже знаемъ, обращался, между прочимъ, къ высокому покровителю Выдубицкой обители, бывшему и игумену, митрополиту московскому Тимоею, а архимандритъ Митрофанъ и игумень Яковъ Воронковскій, съ дозволенія митрополита кievскаго Арсенія и епископовъ черниговскихъ Амвросія Дубенича и Кирила Ляшевскаго, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, тоже испрашивали на этотъ предметъ добротныя подаванія (*); такими средствами они наконецъ успѣли обстроить монастырь. Въмѣсто сторѣваго деревяннаго алтаря въ Михайловской церкви, былъ выстроень на древнемъ фундаментѣ каменный алтарь; испорченныя отъ пожара стѣны были возстановлены, — устроены новыя иконостасы, и пр.; вмѣсто старыхъ обветшалыхъ келій, были построены новыя; кромѣ того, сдѣланы были необходимыя починки и въ церквахъ Георгіевской и Даниловской.

Особенно дѣятельное участіе въ благоустройствѣ Выдубицкаго монастыря принималъ игумень Яковъ Воронковскій (**). Кромѣ

(*) Подробная переписка по этому дѣлу въ дѣл. № 50 арх. Выд. Мон.

(**) Въ современной запискѣ, писанной рукою самаго игумена Якова подъ заглавіемъ: «что сдѣлано за игумена Якова», вычисляются слѣдующія его дѣла: «Церковь старинная домурована отъ половины; гора надъ тою церковю оградою, кирпичевымъ грузомъ и насажденіемъ деревъ вербовыхъ подкрѣплена; ганки за церковю тою деревянныя вновь здѣланы; новая церковь въ фундаментѣ кругомъ подчинены; крышка на ней подъ сходами на церковь здѣлана новая; крыльце подъ церковю на лѣвой сторонѣ вновь здѣлано; въ церкви чтири шафы въ фрамугахъ деревянныя здѣланы и маюваны для складки книгъ и письменныхъ дѣлъ; книги бібліотечныя многія въ переплетъ новый оправлены, а иныя поменьши; звонъ на звоницу 1773 г. декабря купленъ и тогожь декабря 11 освященъ; лампа серебряная въ церковь здѣлана 1773 года; сходы на церковь здѣланы 1775 года; чашка на жертвенникъ зъ седломъ изъ крышкою серебряная здѣлана декабря; броваръ перестроень и вновь покрытъ 1775 года, декабря 10; пекарня вновь построена 1772 года; келіи новія врьдъ зъ трапезою построены 1773 года; горница зъ залемъ на ліоху вновь построена 1771 года и ліохъ подмурованъ тогдажь; дворъ на подолѣ монастырскій новый строеніемъ 1773 года возобновленъ; шинь перекрестный новымъ ліодовнею и новымъ ліохомъ и въ прочемъ 1773 года возобно-

чрезвычайныхъ заботъ по тяжбному дѣлу Выдубицкаго монастыря съ Лаврою на счетъ спорныхъ владѣній, кроиъ обширной переписки, на счетъ изысканія средствъ для устройства Выдубицкаго монастыря, кроиъ постоянныхъ хлопотъ по крупнымъ и мелкимъ постройкамъ монастырскимъ, — игуменъ Яковъ находилъ время слѣдить и за другими сторонами внутренней жизни своего монастыря. Мы знаемъ, что Выдубицкій монастырь теперь владѣлъ значительными имѣніями; а между тѣмъ, когда нужно было приступить къ восстановленію монастырскихъ строеній послѣ пожара, въ монастырской кассѣ денегъ почти нисколько не оказывалось; да и вообще игумены Выдубицкаго монастыря, предшественники Якова, часто жаловались на бѣдность своей обители. Не имѣя основанія не вѣрить искренности подобныхъ заявленій со стороны игуменовъ выдубицкихъ, мы думаемъ объяснять тогдашнюю скудость Выдубицкаго монастыря беспорядочностію монастырской хозяйственной системы. Игуменъ выдубицкій Яковъ Воронковскій, даровитѣйшій и энергичнѣйшій изъ всѣхъ игуменовъ выдубицкихъ, обратилъ особенное вниманіе и на эту сторону монастырской жизни, тѣмъ болѣе, что его вызвали на это открывшіяся во очю нужды трижды разореннаго огнемъ монастыря. Плодомъ его заботливости объ улучшеніи экономіи во владѣніяхъ Выдубицкаго монастыря служатъ между прочимъ двѣ его очень подробныя инструкціи: одна эконому выдубицкому, а другая прикащикамъ, правителямъ или городничимъ имѣній монастырскихъ. Въ первой изъ нихъ, писанной въ чертѣ на 22 листахъ большею частію рукою самаго игумена, изложены со всею подробностію обязанности, какъ эконома монастырскаго, такъ и лицъ къ нему соприкосновенныхъ. Въ писателѣ инструкціи видѣнъ умъ, глубоко знакомый по тому времени съ хозяйственною жизнью, и умъ очень практическій (*). Мы не можемъ удержаться, чтобы не привести тутъ одного весьма пракческаго общаго заключительнаго правила изъ этой инструкціи, которое и теперь пригодилось бы для многихъ учреждений. „А какъ и самыя лучшія уста-

вленъ; шинкъ баясный обновленъ 1773 года; шинкъ малый вновь здѣланъ 1772 года; шинкъ баясный неводницкій.... губернской канцеляріею 176... года запрещенные иноки отъ запрещенія 17... года отстояны. Арх. Выд. Мон. дѣл. № 28.

(*). Эта инструкція замѣчательна во многихъ отношеніяхъ; особенно по ней можно хорошо представить современную монастырскую хозяйственную систему. Арх. Выд. Мон. дѣл. № 27.

исполненія бывають безплодны, писалъ игумень, когда въ точной цѣ силѣ сохранены не будутъ; то для отвращенія всего того, душой Выдубицкаго монастыря соборъ при концѣ каждаго года долженъ имѣть одно, или нѣсколько собраній, въ которыхъ прихода каждый пунктъ сей инструкціи разсматривать всею по оному исполнено, и если что упущено, то оное впредь непременно поправить.“ Въ инструкціи или наказѣ, данномъ городничимъ монастырскихъ владѣній, тоже со всею подробностію изложены были хозяйственныя обязанности городничихъ: здѣсь забыто и того, только перьевъ должно было собирать ежегодно изъ каждой гусиной гарой и молодой, какія должны быть пальцы у боронъ, и пр. и пр. въ этомъ наказѣ также видны практической хозяйственный умъ гусена (*). Улучшилась ли на самомъ дѣлѣ экономія Выдубицкаго монастыря отъ этихъ инструкцій, мы не знаемъ опредѣленно; о, взявши во вниманіе настойчивый характеръ игумена Якова, писавшаго эти инструкціи въ самомъ началѣ своего игуменства надъ Выдубицкимъ монастыремъ (около 1768 года), мы должны думать, что онъ не могли остаться безъ вліянія на улучшеніе хозяйственной части монастыря. До времени игумена Якова и въ началѣ его игуменства надъ Выдубицкимъ монастыремъ до 1774 года очень не исправно велась дѣловая оффиціальная часть Выдубицкаго монастыря; такъ напр., по одной ревизіи у игумена Якова, оказалось, что съ 1768 по 1774-й годъ всѣхъ указныхъ и монастырскихъ дѣлъ поступило въ соборъ на разсмотрѣніе 4,031, а изъ нихъ было рѣшено только 892, не рѣшенныхъ же дѣлъ оставалось 3,192, то есть втрое (слишкомъ) больше рѣшенныхъ. Игумень Яковъ обратилъ вниманіе и на эту запущенную часть монастырскаго управленія: онъ предписалъ нѣкоторымъ соборнымъ іеромонахамъ и іеродіаконамъ Выдубицкаго монастыря непременно каждодневно сходить въ опредѣленное время для рѣшенія прежнихъ и входящихъ дѣлъ (**). Что же касается до самой главной существенной стороны жизни Выдубицкаго монастыря — религіозно нравственной жизни монашествующихъ, то и она не была забыта при игуменѣ Яковѣ. Подавая своею жизнію примѣръ благочестивой и разумно-трудолюбивой жизни, онъ часто и словами старался внушать монашествующимъ строгія правила нравственности. Замѣчательна въ этомъ

(*) Арх. Выд. дѣл. № 34.

(**) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 10.

отношеніи сохранившаяся до нашего времени его резолюція на доношеніе іеромонаха выдубицкаго Виктора, изобличавшаго нѣкоторыхъ своихъ собратій іеромонаховъ въ холодности къ интересамъ монастырскимъ и въ нареканіяхъ на его заботы о выгодахъ монастырскихъ. „Изъ сего доношенія видно, писалъ игуменъ, отъ 14 февраля 1769 года, что кѣмъ пороки невѣжества, лѣности и небреженія возобладеютъ, тотъ желаетъ и заохочуетъ и прочіихъ, чтобъ и они тѣмъ же порокамъ причастны и ему подобны были; и противныхъ порокамъ качествъ людей ненавидитъ, и отъ нихъ уклоняется, да не обличатся дѣла его. Естлижъ по прописанному кн и между нами таковъ имѣется, оного вразумлять, наставлять, исправлять, а дѣламъ его не подражать, и благое творя не унывать. Какая бо, глаголетъ св. Петръ, *похвала, аще согрѣшающе мучимы терпите, но аще добро творяще и страждуще терпите, сіе угодно предъ Богомъ, на сіе бо и званіи бысте. Конечъ же вси единомудрени будите, братомлюбы, мудромлюбы, не воздающе зла за зло, или досажденія за досажденіе. И Христосъ бо укоряемъ противу неукоряше, намъ оставь образъ да не смѣдуемъ стопамъ Его.* Однакъ сіе въ трапезѣ вычитать и сообщать къ дѣлу,“ прибавлялъ игуменъ (*). Въ заслугамъ такой свѣтлой личности, какою былъ въ свое время выдубицкій игуменъ Іаковъ, мы должны сказать еще то, что онъ, кромѣ всесторонняго исправленія дѣлъ своего монастыря, еще занимался также энергически и епархіальными дѣлами по должности кафедральнаго писаря, которому онъ несъ до поступленія въ Выдубицкій монастырь и во все время его здѣшняго игуменства. Какъ человѣку энергическому и ученому, высшее духовное начальство, въ свое время, поручало ему собрать историческія свѣдѣнія о монастыряхъ киево-печеряславской и другихъ сосѣднихъ епархій; и онъ надъ этимъ также не мало потрудился. Этотъ его ученый трудъ, кажется, вошелъ въ сокращенномъ видѣ въ изданіе „Исторіи Россійской іерархіи.“ (**)

(*) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 51.

(**) Игуменъ Іаковъ, вѣроятно, составлялъ записку и о Выдубицкомъ монастырѣ; потому что въ архивѣ выдубицкомъ найдено нами нѣсколько замѣтокъ его времени по этому предмету: напр. найдемъ списковъ настоятелей Выд. монастыря и его ктиторовъ; найдено нѣсколько историческихъ записокъ о вотчинахъ Выдуб. монастыря вообще и о нѣкоторыхъ въ отдѣльности, — правда, не столь

Достойнымъ преемникомъ глубоко уважаемаго игумена Якова Воронковскаго былъ игумень Мелхиседекъ Значко-Яворскій, знаменитый по своей борьбѣ съ латинствомъ и униєю и по тѣмъ злоупоченіямъ, какія испыталъ въ то время, когда онъ былъ еще настоятелемъ заграничнаго Мотренинскаго монастыря. Вступивши, по смерти Якова, въ должность игумена выдубицкаго, Мелхиседекъ долженъ былъ нести и свою прежнюю должность кіево-софійскаго кафедральнаго намістника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и засѣдатель кіевской консисторіи; однако же это не мѣшало ему, какъ и его предшественнику, послужить Выдубицкому монастырю вѣрою и правдою. Подобно своему предшественнику, онъ слѣдилъ какъ за матеріальною экономическою стороною жизни своего монастыря, такъ и за церковно-религіозною. Недовольствуясь прежними подробными инструкціями, данными его предшественникомъ правителямъ и городничимъ монастырскимъ, онъ и самъ составлялъ подобныя инструкціи, примѣняясь къ своему времени, разнымъ мѣстностямъ и другимъ обстоятельствамъ. Такъ, мы нашли его инструкцію, данную для двора монастырскаго ярославскаго, его прикащикамъ и надзирателямъ. Въ этой инструкціи, далеко уступающей по своей вѣнствѣ инструкціи игумена Якова, предоставленныя прежде монастырскимъ правителямъ широкія права значительно ограничены, вѣроятно, вслѣдствіе злоупотребленія ими, и отъ правителей требовалось вмѣстѣ съ хозяйственными достоинствами и достоинствъ

о литературнаго, сколько дѣловаго характера. Очень интересныя для насъ остальные литературныя труды игумена Якова, къ сожалѣнію, неотысканы нами въ архивѣ выдубицкомъ. Послѣ его смерти, у него въ келіи въ 5 сундукахъ оказалось разныхъ книгъ славянскихъ, русскихъ, латинскихъ и польскихъ болѣе 370; между ними было много книгъ рукописныхъ, очень замѣчательныхъ. Кроме того, разныхъ письменныхъ матеріаловъ и историческихъ записокъ тогда нашлось у него болѣе 62 №№. Каждый изъ этихъ №№ имѣлъ важный историческій интересъ, особенно 21 №, въ которомъ считалось болѣе 30 интереснѣйшихъ историческихъ записокъ, касавшихся многихъ малороссійскихъ монастырей. Кому досталось это сокровище послѣ смерти игумена Якова и гдѣ оно теперь хранится?... Неужели все это перешло въ руки, брата покойнаго игумена, священника Кіево-іорданскаго дѣвичьяго монастыря Якова Воронковскаго и погибло безвозвратно?... Намъ не хочется такъ думать, и мы усердно просимъ знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, изъ уваженія къ памяти усерднаго труженика науки, и во имя самой науки, не оставить его трудовъ подъ спудомъ. Арх. В. Мон. тѣл. № 44.

правственныхъ. Въ заключеніе этой инструкціи Мелхиседекъ писалъ: „Приказчику должно быть трезву, честну, постоянну, и взорливу и благоразсудительну.... Съ сосѣдними поимѣнниками ведѣ обходиться дружно, любезно, безъ здоровъ (*) и пр. Отъ временъ Мелхиседека дошло до насъ нѣсколько и другихъ инструкцій, касавшихся разныхъ должностныхъ лицъ монастырски и вообще монастырской жизни. Эти инструкціи не его пера, заимствованы изъ другихъ монастырей; тѣмъ не мѣнѣе заслуга Мелхиседека служить то, что онъ собралъ эти инструкціи и приложилъ ихъ къ дѣлу въ своемъ монастырѣ по всѣмъ отраслямъ монастырской жизни. Таковы инструкціи: 1) трапезному, 2) мну, который погребаетъ съ варивомъ смотрѣть опредѣленъ, 3) монастырскому писарю, 4) парохіальному іеромонаху, 5) всѣмъ и вообще, какъ братіи, такъ и въ братерство монашеское вступая желающимъ“ (**), и наконецъ 6) довольно обстоятельное „чиноположеніе и уставленіе завѣщаніями о собраніи церковномъ и свѣдѣніи за трапезою, притомъ и о должности намѣстника,“ составленное въ ставропитальномъ Саввиномъ сторожевскомъ монастырѣ (***). Всѣмъ этимъ инструкціямъ предпослано отдѣльное вступленіе, въ которомъ изложены многоразличныя причины того, по чему эти инструкціи написаны, или вѣрнѣе, собраны. Кому собственно принадлежить это разумное вступленіе, мы не можемъ опредѣленно сказать за недостаткомъ въ немъ ясныхъ указаній (****). Памятникомъ экономической распорядительности игумена Мелхиседека въ Выдубицкомъ монастырѣ служить то, что при немъ былъ

(*) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 29.

(**) Инструкціи 1, 4 и 5 были взяты изъ пустынно-Харлампіевскаго Скоропадскаго монастыря; на нихъ есть надпись его архимандрита Давида Нащинскаго.

(***) На «Чиноположеніи» въ концѣ находится такая надпись архимандрита торожевскаго Евстафія: «Отдано для исполненія братіи и служителями намѣстнику отцу іеродіакону Саввѣ, которому братіи и служителямъ объявить, и по часту братіи въ трапезѣ прочитывать. 4 апр. 1775 г.» Это Чиноположеніе, равно какъ и нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ инструкцій, во многихъ отношеніяхъ такъ хороши и практичны, что и теперь очень годились бы въ руководство для монастырей. Арх. Выд. Мон. дѣл. № 42.

(****) Не были ли собраны нѣкоторыя изъ нихъ игуменомъ Іаковомъ? Не его ли перу принадлежить и вступленіе къ этимъ инструкціямъ?.. Къ сожалѣнію, на этихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ подписей, и даже неозначены годы.

исправлена каменная колокольня, стоявшая на каменных воротах, въ которой надъ воротами, какъ говорилось прежде, была церковь во имя св. пророка Даниила, — а на верху были суточные часы съ боемъ. Отъ времени, эта колокольня дала трещины въ сводѣ и въ стѣнахъ, съ поврежденіемъ въ самомъ фундаментѣ. Игуменъ Мелхиседекъ, при исправленіи ея, нашелъ нужнымъ упразднить церковь; потому что исправленіе ея было ненадежно, да она находилась и въ неприличномъ мѣстѣ подъ колоколами, и была лишнею въ монастырѣ, при существованіи другихъ 4-хъ монастырскихъ церквей. Такъ было и сдѣлано: съ разрѣшенія митрополита Гавріила, въ 1779 году, Даниловская церковь была упразднена, и все, что въ ней было, перенесено во вновь обстроенную Благовѣщенскую церковь. Для колокольни и часовъ предполагалось построить посреди монастыря искусную деревянную башню на каменномъ фундаментѣ; а на прежней колокольнѣ имѣлось въ виду устроить келии; но это предположеніе не состоялось: въ исправленной старой колокольнѣ были помѣщены по прежнему и колокола и часы (*). Особеннымъ памятникомъ заботъ Мелхиседека о духовныхъ религіозно-нравственныхъ интересахъ Выдубицкаго монастыря служить его письменное предложеніе братіи монастырской — учредить еженедѣльное чтеніе акафиста Божіей Матери въ одной изъ монастырскихъ церквей, и отправлять по пятницамъ, тоже еженедѣльно, панихиды по усопшей братіи. „Въ Выдубицкомъ нашемъ монастырѣ, писалъ игуменъ въ этомъ предложеніи отъ 13-го декабря 1779 года, ранніе службы не отправляются, да и акафистъ Пресвятой Богородицѣ почитай не отправляется, а причины почему бы сему быть я не усматриваю, изъ братіи въ монастырѣ, которымъ бы слѣдовало сіе служеніе имѣть, довольно, воскъ и ладанъ есть доволенъ; для того на общее разсужденіе братіи о семъ предаю; а по моему разсужденію не худобъ ежелибы по пяткамъ и панихиды за ктиторей и братію отправляемы были, какъ въ уставѣ церковномъ положено, ибо ежели мы будемъ отправлять за прежде бывшихъ, то тѣмъ обовяземъ другихъ за насъ по смерти нашей молится (**).“ Не извѣстно, отправляются ли до селѣ въ Выдубицкомъ монастырѣ по пятницамъ панихиды по усопшей братіи и ктиторахъ монасты-

(*) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 47.

(**) Арх. Выд. Мон. дѣл. № 2-й.

ря, а акаеиствъ Божіей Матери и доселѣ здѣсь читается каждае-дѣльно предъ стариннымъ образомъ Ченстоховской Божіей Матери. Если нужно упомянуть о благотворительности Выдубицкаго монастыря въ разбираемое нами время; то мы можемъ указать на крайній мѣрѣ на его неоднократныя вспомошествованія то деньгами, то вещами „бѣднымъ студентамъ сиротинаго училищнаго дому.“ Такъ, между прочимъ, и въ 1775 году нѣсколько изъ такихъ бѣдныхъ студентовъ обращались по тому же предмету къ игумену Мелхиседеку съ просьбою, въ которой прописывали, что они, „живучи въ училищномъ сиротинномъ домѣ изъ давнихъ временъ въ покушѣ дровяныхъ плитовъ для обогрѣванія въ зимнее время избъ ежегодно по милости его высоко-преподобія деньгами снабждаемы были.“ Игумень Мелхиседекъ и въ настоящемъ случаѣ приказалъ выдать просителямъ изъ монастырской казны просимое вспомошествованіе. Тѣмъ больше, по всей вѣроятности, вспомошествовалъ этимъ бѣднякамъ изъ монастырской выдубицкой казны преемникъ игумена Мелхиседека игумень Іеронимъ, который, до назначенія во игумена выдубицкаго, былъ нѣкоторое время „директоромъ сирото-воспитательнаго дома, просто называемаго Бурса.“

Памятниками религіозно-нравственной жизни Выдубицкаго монастыря разсматриваемаго нами періода служатъ, между прочимъ, и разныя церковныя вещи, которыя были наданы ему въ разныя времена, то іеромонахами выдубицкими, то сторонними лицами, особенно уважавшими этотъ монастырь. Изъ такихъ вещей тутъ сохранились до нашего времени: 1) серебряный кубокъ, наданный іеромонахомъ Іоанникіемъ Углицкимъ, въ 1709 году, 2) серебряный дискосъ, пожертвованный іеромонахомъ Василиемъ, въ 1723 году, 3) серебряная лжица, наданная Кузьмоу Петракимонъ, тоже въ 1823 году, 4) серебряный золоченный потиръ, пожертвованный Евдокію Марчихоу, въ 1727 году, 5) серебряный „лѣхтаръ, справленный“ уставщикомъ выдубицкимъ іеромонахомъ Сильвестромъ, въ 1730 году, 6) серебряный вызолоченный потиръ съ приборомъ, наданный уставщикомъ Θεодосіемъ Журковскимъ, въ 1742 году, 7) серебряный крестъ, пожертвованный префектомъ кіевской академіи, іеромонахомъ Михаиломъ, въ 1745 году, 8) серебряная дарохранительница, „справленная“ іеромонахомъ Малетіемъ въ 1761 году, 9) серебряный крестъ, пожерт-

ванный межгорский іеромонахъ Варахиловъ, въ 1786 году, и др.

Но, представляя жизнь Выдубицкаго монастыря по всѣмъ ея сторонамъ, во всѣхъ разобранныхъ нами періодахъ, мы не можемъ не замѣтить того, что въ ней всегда преобладало направле- ніе столько духовно-аскетическое, сколько матеріально-экономиче- ское. Выдубицкій съ своими городничими, подобно другимъ мо- настырямъ того времени, почти всегда представлялъ собою глав- нымъ образомъ экономическую корпорацію. Такой экономико- хозяйственной характеръ жизни Выдубицкаго монастыря, чѣмъ дальше, тѣмъ больше входилъ въ противорѣчіе съ характеромъ монастырскаго аскетизма, и особенно къ концу послѣдняго періода слишкомъ высказалъ свою заинтересованность въ дѣлахъ житей- скихъ вѣбовыми спорами Выдубицкаго монастыря съ Лаврою на счетъ сосѣднихъ земель. Мы видѣли прежде, что, въ такихъ обстоятельствахъ, наконецъ самая современная духовная власть начинала предчувствовать не совсѣмъ завидный исходъ такого рѣз- каго матеріально-экономическаго направленія всѣхъ малороссійскихъ монастырей, и въ частности Выдубицкаго монастыря; урокъ, дан- ный не задолго предъ тѣмъ монастырямъ великороссійскимъ—ли- шеніе ихъ владѣній,—кажется, долженъ бы былъ заставить мало- россійскіе монастыри нѣсколько призадуматься и надъ своимъ лож- нымъ положеніемъ: но они не познали своего времени, скажемъ свя- щенными словами, а можетъ быть они уже тогда и не могли пре- дотвратить силы обстоятельствъ. Какъ бы то ни было; но нако- нецъ и надъ ними совершилась катастрофа, съ одной стороны пе- чальная, а съ другой не безотрадная: Указомъ Императрицы Ека- терины II, отъ 10 апрѣля, 1786 года, Высочайше повелѣно бы- ло стобратъ почти всё поземельныя владѣнія отъ всѣхъ малороссій- скихъ монастырей, и въ частности отъ монастыря Кіево-Выдубицка- го. Съ того времени для Выдубицкаго монастыря, какъ и для всѣхъ монастырей малороссійскихъ, началась новая жизнь, во многомъ от- личная отъ прежней.

(Окончаніе будетъ).

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

до и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—33 г.

(Окончаніе).

Г Л А В А 14.

Польская эмиграція во время мятежа.—Фазисы мятежа.—
Мѣрославскій и Герценъ.—Князь Владиславъ Чарторыйскій
и Шедо-Ферротт.—Заключеніе.

Ламберовъ отель одержалъ полную побѣду въ той громадной интригѣ, которая предшествовала мятежу; онъ подчинилъ своему нравственному вліянію *центральный варшавскій комитетъ*, посадилъ своихъ людей въ *жондъ народовой*, поставилъ своего диктатора *Ланевича* и князю Владиславу *Чарторыйскому*, для польской справы, были ввѣрены международныя сношенія и веденіе дипломатическихъ дѣлъ народоваго жонда, подобно тому, какъ эти обязанности были нѣкогда возложены эмиграціею на его отца, усиленными стараніями князя Адама, при началѣ ея заграничной дѣятельности.

Долго старая эмиграція не хотѣла разочароваться въ томъ, что она была ловко устранена отъ дѣла. Ей было совѣстно сознаться, что мятежъ уже былъ въ полномъ ходу, а на нее смотрѣли, какъ на людей, къ нему вовсе непричастныхъ. Безъ средствъ проникнуть варшавскія тайнства, польскіе журналисты за границею ловили разныя летучія вѣсти, и наполняли свои страницы разною чужь, никакъ не подходящею къ дѣйствительному ходу дѣлъ; они создавали небывалые перевороты, сожалѣли о небывалыхъ расправахъ, соболъзновали, а дѣйствительно бывшихъ и не подозревали.

Старымъ эмигрантамъ было очень досадно, что изъ края являлись сотни агентовъ, искавшихъ подышать безопасностью, съ разными порученіями дипломатическими и по части военныхъ слабженій, что эти агенты сорили деньгами, чванились таинственностью важныхъ на нихъ возлагаемыхъ порученій, и въ газетахъ эмиграціи являлись статьи, строго порицающія жондъ; „этимъ ви-

связаннымъ юношамъ, твердили они, было бы гораздо приличнѣе находиться въ рядахъ бойцовъ за родину, а для порученій ржондъ долженъ искать мужей болѣе опытныхъ, между старыми эмигрантами“. Въ видѣ офира жондъ исторгалъ милліоны изъ кошельвовъ туземцевъ; но чѣмъ грабежъ этихъ милліоновъ становился явственнѣе, тѣмъ громче кричала эмиграція о скандалѣ, забывая то, что *дѣти шли по стопамъ отцевъ*.

Несторъ польской эмиграціи Янъ Непомуценъ *Яновскій*, наконецъ, желчнымъ письмомъ къ князю Владиславу *Чарторыйскому*, изложилъ свое негодованіе, въ концѣ 1863 года, когда уже и въ Царствѣ Польскомъ для мятежа наступала агонія, когда въ сѣверо-западной Россіи оставалось еще нѣсколько человекъ скитавшихся жандармовъ въшальщиковъ, и только мятежъ оставался грознымъ и сильнымъ по однимъ лишь польскимъ журнальнымъ извѣстіямъ.

Въ сочиненіи Моллера, (*) находимъ отрывокъ этого письма Я. Н. *Яновскаго*, откуда его вполне и выписываемъ:

„Мнѣ остается представить вамъ, князь, нѣсколько поясненій на счетъ того, что вы называете недостаткомъ съ моей стороны уваженія къ нынѣ существующему національному правительству.

„По моему мнѣнію, — что я имѣлъ уже случай высказать прежде, — *достоинство всякой власти въ прямой зависимости отъ достоинства людей, ею располагающихъ, а достоинство силъ послѣднихъ зависитъ отъ достоинства ихъ дѣйствій*. По моему, изъ этого слѣдуетъ, что власть можетъ дѣйствовать удовлетворительно и полезно только при условіи ея открытаго существованія, когда она видна. Нынѣшнему жонду не достаетъ этого настоятельнѣйшаго условія; я готовъ его сравнить съ *Консуломъ*, тѣмъ божествомъ римлянъ, которому они поклонялись въ мрачныхъ пещерахъ. Но недовѣріе, которое вселяетъ въ меня нынѣшній жондъ зависитъ и отъ другихъ причинъ, между прочимъ:

1. Онъ, какъ я уже вамъ замѣтилъ, очевидно составленъ со времени распущенія центрального комитета, исключительно изъ личностей, даже противниковъ возстанія.

2. По нынѣ, т. е. въ теченіи семи мѣсяцевъ, онъ не хотѣлъ или не могъ вывести возстаніе изъ того положенія безсилія, которое вынуждаетъ его самаго скрываться; онъ не пользуется никакимъ значеніемъ за границую, если даже пользуется имъ въ самой Польшѣ.

(*) Situation de la Pologne en 1-er Janvier 1865 стр. 337.

„Вамъ угодно, князь, утверждать что вся нація повинуетса этому народному жонду; къ сожалѣнью я не могу вѣрить этимъ словамъ, которыя вѣроятно происходятъ отъ образа воззрѣнїя совершенно противоположнаго моему. Дабы я могъ повѣрить, мнѣ необходимо видѣть или знать:

а) Что театръ возстанїя не уменьшается, но расширяется, охвативъ Жмудь, Литву, Волынь, Подоль и Украину.

в) Что какая нибудь часть территорїи, послѣ одиннадцати мѣсячной борьбы очищена отъ врага.

„Я вижу противное:

„Возстанїе дѣйствительно продолжается, но только на нѣсколькихъ изолированныхъ пунктахъ Царства 1815 года, да и тамъ оно единственно походитъ на то, какъ будто единственная цѣль возстанїя производить демонстраціи (кидать пыль въ глаза), а не изгнаніе москалей.

„За исключенїемъ этихъ изолированныхъ пунктовъ (*), москали по всей странѣ распространяютъ ужасъ и разрушенїе, они заключаютъ въ тюрьму, ссылаютъ, вѣшаютъ и жгутъ.

„Помѣщики, и вообще шляхетство болѣе достаточное, по примѣру своихъ предковъ во всѣхъ прежнихъ возстанїяхъ, бѣгутъ за границу; землевладѣльцы были обязаны привязать сельское сословіе къ народному дѣлу съ 1831 года; а еще болѣе съ 1846; но двухъ лѣтъ еще не прошло, съ тѣхъ поръ какъ агрономическое общество, вмѣсто дароваго надѣла, торговалось съ нимъ объ условїяхъ оброка, и несчастное населеніе, не находя, что возстанїе было предпринято тоже и для его выгоды (†), въ рѣдкихъ мѣстностяхъ ему сочувствуетъ и слегка оказываетъ ему помощь (**); таковы факты, порицающіе нынѣшній жондъ народный, факты которые бросаются въ глаза; потому я не могу ни довѣрять ему, ни питать къ нему глубокаго уваженїя. Не знаю чѣмъ можно доказать готовность цѣлой націи ему повиноваться, на примѣръ, можно ли принять за доказательства литовскїе и лїфляндскїе адреса (***), которые были обнародованы наро-

(*) Ясное указанїе, что старой эмиграціи не сообщали ни какихъ подробностей и она должна была довольствоваться газетными извѣстіями.

(**) Т. е. добываемую терроромъ.

(***) Витебской губерніи. Дѣло идетъ о тѣхъ контръ-адресахъ, которые литовскїй псевдо-диктаторъ *Калитовскїй*, приказалъ

инъ жондомъ въ прибавленіи къ № 10 газеты *Неподтлыосць*, призывающія что папа (вопреки его непогрѣшности) повидимому итасть инѣ болѣе благоволенія къ Польшѣ, нежели въ минувшемъ году (*), и что онъ приказалъ совершать за нее молебствія. Хочу вѣрить, что эти адреса дѣйствительно подлинныи и что они дѣйствительно скрѣплены почтенною цифрою 279,000 подписей; но они не свидѣтельствуютъ ни о дѣятельности народоваго жонда, ни о всемогуществѣ его вліянія на націю; мы не заставимъ русскихъ бѣжать изъ Польши ни афишами, ни молебнами.

„Если бы жондъ народовой дѣйствительно былъ такъ силенъ, то не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, если бы двинулъ противъ москалей половину изъ подписавшихъ, хотя бы съ палками и съ вилами, при недостаткѣ ружей. Покрайней мѣрѣ, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ заслужилъ бы передъ Польшею благодарность, выяснивъ, что ему повинуются и въ тѣхъ областяхъ.

„Если допустимъ, что положеніе дѣлъ дѣйствительно таково, какъ вамъ угодно то утверждать, т. е. что жондъ народовой пользуется полною и всецѣлою довѣренностью націи, замете ли, князь, что по моему все это доказываетъ? Это доказываетъ, что когда обстоятельства тому благопріятствовали, онъ могъ, но не хотѣлъ, поднять поголовно все населеніе (посполите рушеніе), что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одно только оно могло взять перевѣсъ надъ московскими силами, могло освободить какую нибудь часть страны, въ которой можно было бы организоваться. Польская нація обладаетъ большими силами, нежели то предполагаютъ дипломаты (**). Но если народовой жондъ

жѣсткимъ оставшимся ревнителямъ, во чтобы то ни стало, ему доставить, дабы парализировать за границею дѣйствіе адреса, поданнаго туземнымъ дворянствомъ Государю Императору. Въ захваченныхъ бумагахъ находится это распоряженіе *Калиновскою*, отъзы о крайнемъ затрудненіи его исполнить, и если дѣйствительно, какъ пишетъ князь *Чарторыйскій* въ «Affaires de la Pologne», эти контръ-адрессы существуютъ, то этотъ новый подлогъ, для мистификаціи Европы, могъ быть состряпанъ только всендзами, въ чемъ убѣждаютъ подробныя свѣдѣнія о положеніи сѣверо-западной Россіи, осенью 1863 года.

(*) Когда руководство было передано краснымъ, не пользовавшимся благосклонностью Ватикана.

(**) Мнѣніе тѣми же словами высказанное *Бакунинымъ*, поступившимъ работникомъ къ *Герцену*, въ письмѣ къ *Гутри*, поступившему въ работники *Ламберова* отеля.

могъ то исполнить и не исполнилъ, то не слѣдуетъ ли изъ того, что у него одна только мысль утомить и исчерпать силы восстанія, и что подобно 1830 году, у нынѣшняго жонда тоже на вервохъ планѣ были иноземное вмѣшательство и иноземная помощь. Другаго вывода я не могу сдѣлать, князь, изъ всѣхъ вашихъ увѣреній.

Нынѣ подземныя работы по мятежу выяснены вполне, со всѣми подробностями его перехода чрезъ всѣ послѣдовательныя фазисы. Когда настало время польскую справу вести далѣе насильственными средствами, вести далѣе путемъ мятежа, то на практикѣ оказалась вся несостоятельность комбинацій, которыми столбы централизаціи въ безопасныхъ граничныхъ пріютахъ, ублажали себя и своихъ сторонниковъ. *Бѣлые* берегли свои головы и свои имѣнья; посторонаясь, они пустили впередъ пыльныхъ *красныхъ*, которыхъ они и терпѣли и готовили для этого дѣла; они вступили въ *новую партію движенія* (рухъ), которою они могли держать ихъ на возжахъ; *красные* должны были раскинуть мятежъ на возможно большее пространство, дабы предъ западными державами указать всю силу, и на дѣлѣ подтвердить завѣренія, что вся Польша и западная Россія готовы возстать противъ русской власти. Лишь только явилась увѣренность въ *бѣлыхъ*, что вмѣшательство иностранныхъ державъ состоится, они торопливо низвергли *красныхъ* и сами стали во главѣ; дипломатическія ноты шли, пока не разъяснилась суть мятежныхъ силъ; съ сильными ударами, нанесенными краколѣ, начали исчезать надежды на помощь иноземцевъ, *бѣлые* тотчасъ ступевались, а *краснымъ* власть тогда нераздѣльно попала въ руки. Вожаки *красныхъ*, во чтобы то ни стало, хотѣли сохранить власть въ своихъ рукахъ, и повсемѣстнымъ распространеніемъ террора, думали поднять народъ къ ополченію. Вся сила взбалмашныхъ головъ и неопытныхъ юношей была въ *тайнственности* жонда. При отсутствіи всякой превосходной способности, слѣпо придерживаясь теоріямъ революціонеровъ, которыя кромѣ яду, веревки и князя, ничего не придумали для исполненія своихъ эксцентрическихъ ученій, руководители *красныхъ*, тоже жалѣя свои головы, пустили въ ходъ *жандармовъ* вмѣшателей. Нѣсколько тысячъ нестова ими замученныхъ жертвъ изъ туземнаго населенія, остались кровавыми памятниками теорій *централизаціи*, на русской языкъ переложенныхъ *Колоколомъ*. Аристократическій Ламберовъ отель, безопасно сядя въ Парижѣ, вмѣстѣ съ *красными*, не терялъ надежды, что европейскія націи взмилуются надъ страданіями до отчаянія доведен-

ныхъ польскихъ патриотовъ. Князю Владиславу *Чарторыйскому* содѣйствіе къ мятежу было тѣмъ важнѣе, что по фамильной программѣ, имя *Чарторыйскаго* не должно было разставаться съ польскою крамолою. Надѣялись еще до исхода мая 1863 г., и верховные аристократическіе двигатели въ сѣверо-западной Россіи; они вошли въ новыя сношенія съ краснымъ варшавскимъ жондомъ, но аресты пресѣкли дальнѣйшую ихъ дѣятельность. Правительство, испивъ чашу долготерпѣнія и видя, что кроткія его мѣры польская справа принимаетъ за слабость, измѣнило систему дѣйствій и вся сила мятежа рухнула съ своихъ утлыхъ ходулей. Дѣйствія войскъ противъ шаекъ обратились совершенно въ охоту за дикимъ звѣремъ.

Затѣи эмиграціи дорого обошлись полякамъ и ополченными туземцамъ. Изъ однихъ только бюджетовъ приходоу Ланберова отела по мятежу 1863 года, которые не могли быть скрыты, вытекаетъ крупная цифра въ 78,750,000 франковъ; а расходоу можно было набрать только на 27,144,920; и такъ 51,605,080 франковъ остались разхищенными въ рукахъ тѣхъ ревнителей польской справы, которые сумѣли быть у кормила власти и у ключей отъ собираемыхъ милліоновъ. За подавленіемъ мятежа, послѣдовали скандальныя явныя распри между столбами великаго будованія, которые при дѣлѣжѣ оставленнаго мятежемъ наслѣдства, не могли разойтись полюбовно.

Конечно, *Герцену* было очень досадно, что его герценисты такъ далеко отставали отъ патриотовъ поляковъ; въ нумерахъ *Колокола*, онъ хотя и печаталъ подзадоривающія увѣдомленія то о 125 франкахъ, то о 6 ф. стерлинговъ, то о 10 шиллингахъ полученныхъ въ „общій фондъ,“ но съ наступленіемъ лѣта 1863 года, онъ долженъ былъ предупредить, чтобы спасающіеся изъ Россіи герценисты на него не рассчитывали, и что его *касса пуста*. Вѣство поляковъ не должно было имъ служить примѣромъ.

Мпрославскій, мелькнувъ метеоромъ на польской границѣ, бѣжалъ въ безопасный Краковъ и оттуда обратно въ Парижъ; не менѣе того онъ не позволилъ себя оттереть даромъ. Жондъ откупился отъ него, ассигновавъ ему 18 милліоновъ франковъ для вооруженія тѣхъ семи легионовъ, каждый въ 1200 человекъ, съ которыми онъ обѣщался выгнать русскихъ изъ Царства Польскаго и Западной Россіи, вооруживъ легионы колесницами собственнаго изобрѣтенія. Эти колесницы были просто тележки, на подобіе ящиковъ, въ которыхъ перевозятъ бутылки съ кислыми щами; 500

кость составляли ихъ вооруженіе, а 12 человекъ, поставленные въ гвѣзды, должны были ихъ приводить въ движеніе. Въ документахъ, обнаруженныхъ *Мпрославскимъ*, эти колесницы уподоблялись все уничтожающимъ атакамъ конницы и на приступъ идущимъ колоннамъ пѣхоты. Жюндъ, при разгромѣ мятежа, не доплатилъ много милліоновъ *Мпрославскому*, а онъ печатно объявилъ, что князь *Чарторыйскій* и члены жюнда *народоваго*, предатели, изменники и грабители; за то эти въ свою очередь тоже печатно заявили что *Мпрославскій* нахально, во время всего мятежа, навязывался въ распорядители и, трусомъ бѣжавъ изъ Польши, безопасно пріютился окончательно въ Брюссель, откуда хотѣлъ начальствовать.

При той надеждѣ, которую *Герценъ* внушалъ полякамъ о своемъ могуществѣ, они все ждали за границею русской помощи; это обстоятельство давало ренегатамъ съ того берега возможность, едва ли не однимъ, имѣть точныя свѣдѣнія о составѣ и дѣйствіяхъ жюнда *народоваго*. Не преминулъ *Герценъ* указать герценистамъ высокое свое значеніе, и когда какая то газета напечатала извѣстіе о составѣ таинственнаго подземнаго жюнда, перепечатанное „Русскій Инвалидомъ“, тогда *Колоколъ* съ непритворною радостью объявлялъ:

„Журналистовъ, открывшихъ кто члены зловреднаго комитета, тѣхъ же журналистовъ ждетъ еще открытіе—именно то, что члены—то—другіе, если не всѣ, то à peu près. Вотъ сюрпризъ то будетъ.“

Истиннымъ джентельменомъ *Герценъ*, въ отвѣтъ одному поляку говорить: Вы пишете о грубомъ выраженіи въ журналѣ кн. Долгорукова противъ одного изъ вашихъ соотечественниковъ и на насъ выгвѣщаете его неделикатность; князь не состоитъ подъ нашей опекой. Видѣли ли вы въ *Колоколѣ*, бранныя слова? (*) Когда же русскіе не внимали его убѣдительноѣйшимъ доводамъ о симпатіи къ полякамъ, а поляки на дѣлѣ увидѣли, что *Герценъ* о силѣ имъ ведомой молодой Россіи нахвасталъ непоумѣрно, и русскіе принялись умирять мятежъ, тогда, въ безсмысленной злобѣ разочарованія, онъ началъ просто ругаться; русскіе не черпали своихъ убѣжденій изъ руководящихъ статей *Колокола*, и на нихъ посыпались эпитеты мерзавцевъ, негодяевъ, подлыхъ и проч. и проч.

При послѣдовательномъ разборѣ номеровъ *Колокола* съ одновременно веденною конспиративною польскою интригою, нельзя не признать, что *Герценъ* маскировался искусно, съ искусствомъ валь

(*) «Колоколъ» 8 сентября 1862 года.

онъ и общую работу. Какая открывается коварная мистификація русскаго люда при сближеніи лицевой стороны *Колокола*, съ ея подкладкою, съ показаніями и перепискою польскихъ дѣятелей въ слѣдственныхъ дѣлахъ! Труды *Ворцеля*, варшавскаго 1830 года журналиста и десятилѣтняго впоследствии централъщика, специально назначеннаго польскою эмиграціею принять *Герцена* подъ ближайшую свою опеку и въ ученье, не пропали даромъ; *Герценъ* полагъ въ гениѣ, такъ какъ по польской интеллигенціи, основанной на иезуитско-шляхетскихъ началахъ, *сотрудники* вѣковой борьбы Польши противъ Россіи, признаются *великими, гениальными благодѣтелями*; но польской интеллигенціи мы противопоставляемъ русскій смыслъ, а по русскому смыслу, мы именно людей подобныхъ *Герцену*, называемъ тѣми прилагательными, которыми онъ честитъ русскихъ, не пожелавшихъ исполнять желанія ренегатовъ съ того берега, а по крайнему своему разумѣнію, разсудившихъ дѣло по своему.

Грозенъ былъ декретъ *Колокола* отъ 8-го марта 1863 года! Разсерженный ренегатъ, сверху до низу обругалъ всю Россію, за ея негодованіе на вспыхнувшій польскій мятежъ, на поруганіе русскаго имени и чести, за негодованіе на нехотѣла противъ русскихъ воиновъ; *Герценъ* обругалъ Россію за ея непослушаніе многолѣтнимъ увѣщаніямъ ренегатовъ съ того берега — быть солидарною въ дѣлѣ польской справы; въ декретѣ, для травли, опять являются нѣмцы, для сравненія — Стеньки Разины, камеръ-лакеи, гайдамаки; *Герценъ* оповѣщаетъ, что Россія — нѣмецкая Азія; ея правительство — татарское самовластье; усмиреніе мятежа — русскими войсками производимая жакерія; русскіе солдаты — падшіе звѣри, пьяные убійцы, одичалые грабители. Конечно, *усмиреніе польскаго мятежа* было для *Герцена* съ его размахистою самоувѣренностью *сюрпризомъ* большимъ, нежели сюрпризъ русскихъ журналистовъ, когда участники предъ слѣдственными комиссіями, называли истинныхъ членовъ *подземнаго жонда*; конечно его положеніе было щекотливо на супротивъ его польскихъ друзей, которымъ онъ наобѣщаль могучую помощь пресловутаго *герценизма*, а на дѣлѣ оправдался слишкомъ торопливо объявленный насмѣшливый отзывъ *Мпрославскаго* о самихъ *герценистахъ*; но за то въ этомъ декретѣ, онъ грозитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ тѣмъ, что настаетъ пора „*пастъ Россіи*.“

Жидъ кричитъ *валтъ* когда пьяный, имъ напоенный бѣлорусъ, у него отымаешь незаплаченнаго тѣленка, мошенникъ кричитъ *грабежъ*, когда хозяинъ вырываетъ вытаскиваемый изъ его

кармана кошелекъ, шулеръ, поиманный съ фальшивою колодою картъ, кричить *караулъ*, когда на его чело сыплются пощечины и тычками его направляютъ къ окну, чтобы вышвырнуть на мостовую изъ третьяго этажа; такъ и *Герценъ* неистовымъ возгласомъ оканчиваетъ свой декретъ: „*Анаемы! что вы содѣлали изъ всѣхъ усилій нашихъ; все что мы мѣтили по песчинкѣ—смыли вами помои, унесла ваша грязь и чрезъ пятнадцать лѣтъ я снова, идя по улицѣ, боюсь, чтобы не узнали, что я русский*“ (*).

Но чѣмъ же онъ стѣняется? Россія, конечно, не заявитъ на него своихъ правъ, если ему подъ именемъ *Герцена* или *Херцена*, *Искандера*, или даже, по польскому прозвищу, *Сердечкина*, угодно будетъ свою особу сопричислить ко всякой другой національности. *Клячко* изъ жида прикинулся полякомъ, *Утинъ* изъ жида прикинулся русскимъ, почему же ему, съ своими спутниками, не послѣдовать примѣру своего ученика, къ чему навязываться той націи, у которой, по понятіямъ редакторовъ *Колокола*, все прошедшее *отеративно* и *идко*, а настоящее только одна *казенищина*; кому удобнѣе совершать подобныя метаморфозы какъ не самимъ проповѣдникамъ космополитизма и международныхъ симпатій. Чѣмъ объяснить это упорное желаніе *Герцена* продолжать слѣть за русскаго?

Согласно заявленіямъ *Колокола*, Россію составляютъ двѣ части: *казенная* и *общество „Земли и Воли.“* Декретомъ 1-го мая 1863 года, объявляя *друзьямъ юношамъ* новый наборъ подъ своимъ знаменемъ, онъ имъ накрѣпко наказываетъ не справляться сильна ли и многочисленна ли имъ отмежеванная для себя часть нашего отечества; на столбцахъ *Колокола* она могуча; на дѣлѣ, послѣ бѣгства *Утина*, ея оставшіеся представители просятъ у литовскаго обанкротившагося жонда, субсидіи хоть 150 руб. серебромъ, для поддержанія польскаго мятежа; на повѣрку вышло что *Мьрославскій*, этотъ enfant terrible, для своихъ враговъ, опредѣлилъ герценнистовъ вѣрно.

Отрезвленные польскимъ мятежемъ, бывшіе герценнисты инстинктивно поняли, что великій мистификаторъ — предатель, не уступающій Шекспировскому Яго; въ лагерѣ *Земли и Воли* остались только безнадежно — очумленные.

Для разоблачаемаго *Герцена* настало время не хорошее; онъ думалъ пошлою попыткою возстановить свое значеніе между русскими его читателями и нашелъ въ Италіи, въ какомъ то г. *Мечниковъ*,

(*) О чемъ шумите вы народные витіи,
За что анаемой грозите вы Россію?

погучаго руководителя общественнымъ мнѣніемъ русскихъ (*), а что-бы снова задобрить, тоже въ немъ разочаровывавшихся его польскихъ друзей, онъ во время мятежа, на столбахъ *Колокола* помѣщалъ цѣлый рядъ польскихъ побѣдъ и подвиговъ и воспѣвалъ государственную премудрость жонда народоваго, и рядъ пораженій, бѣгства и изувѣрства русскихъ; это сливки, имъ снимаемыя съ польской журналистики того времени, далеко оставляющія за собою французскіе бюллетени большой арміи 1812 года.

Предъ мятежемъ, *Потемня* изъ Лондона возвратился въ Польшу съ инструкціей „собрать русскій отрядъ, сначала пристать съ нимъ къ польскому возстанію, и потомъ идти въ Россію подымать народъ,“ а по подавленіи мятежа *Колоколъ* гудѣлъ: „Проклятіе вамъ, проклятіе и—если возможно—месть.“

Послѣднимъ актомъ польской эмиграціи въ 1863 году былъ отчетъ о польскихъ дѣлахъ истекающаго года, (**), представленный въ Парижѣ княземъ Владиславомъ *Чарторыйскимъ* французскому правительству, для его назиданія по веденію польской sprawy; а для назиданія русскаго правительства, дополненіемъ къ труду *Чарторыйскаго*, влѣдъ за нимъ въ 1864 году, вышло новое сочиненіе г. *Шедо-Ферроти*. (***) Домогательства Ламберова отеля, проводимыя путемъ литературы, остались безуспѣшными; Франція не растрогалась раздражающими картинами, представленными княземъ *Чарторыйскимъ*, съ помощью *Мазада*, въ особо отпечатанныхъ эзешлярахъ, и Россія также не воспользовалась благими совѣтами для преуспѣнія Русской Имперіи, представленными *Шедо-Ферроти*, съ помощью Ламберова отеля. При грубо замаскированной обстановкѣ, Г. *Шедо-Ферроти* старается выяснитъ Россіи то, что выяснялъ покойный *Адамъ Чарторыйскій*, что для основанія благоденствія Русской Имперіи не только Польша, но всѣмъ ея окраинамъ должно быть дано особое самостоятельное управленіе, *полная автономія*. Г. *Шедо-Ферроти* знать не хочетъ, что эти окраины куплены русскою кровью и ему весьма желательно Русскую Имперію уподобить *Австрійской*.

(*) Подъ заглавіемъ „Точка поворота“ *Колоколъ*, отъ 1-го сентября 1863 г. въ передовой статьѣ сообщаетъ письмо изъ Флоренціи, отъ 8 августа, отъ Д. Мечникова, который протестуетъ „противу ложно патриотическихъ чувствъ, замалкивающихъ официальной Россіи по поводу польскаго возстанія“. Мы съ искреннею радостью, пишутъ по этому случаю *Герцекъ*, передаемъ первое слово прокувшейся русской совѣсти.

(**) Affaires de Pologne.

(***) Que fera-t-on de la Pologne?

Любопытна по теоріи Ламберова отела или рисунная картина пересозданной Имперіи: „Великій русскій, за исключеніемъ одного Императора, пишетъ *Шедо-Ферроти*, отправляясь въ Финляндію, въ Лифляндію, въ Польшу или на Кавказъ, отправляется въ иностранную землю; одинъ только Императоръ, посѣщая ихъ, не перестаетъ быть въ своемъ отечествѣ, между своими дѣтьми, которыхъ передъ Богомъ и своею совѣстью, онъ обязался сдѣлать счастливыми. Пусть патриотизмъ поляковъ состоятъ въ томъ, что они любятъ только себя, патриотизмъ русскихъ, покрайней мѣрѣ сторонниковъ г. *Каткова*, — въ ненависти иностранцевъ, патриотизмъ финляндцевъ — въ желаніи удалить отъ себя русскихъ; патриотизмъ Императора Россіи, Царя Польши, Великаго Князя Финляндіи состоятъ въ томъ, чтобы держать одинаково вѣсы для всѣхъ своихъ подданныхъ. Недосытаемый духу партій и національному антагонизму, онъ не можетъ принести Польшу въ жертву крайне — русской партіи“ . . .

Понятно что подобная эквилибристика весьма улыбалась Ламберову отелю и что князь *Адамъ Чарторыйскій*, надѣясь на таму и мѣлу польскихъ дѣлъ, во время своего конспиративно-политическаго поприща, ублажалъ себя подобными мечтами; но на что рассчитывалъ *Шедо-Ферроти*, который при этихъ понятіяхъ о русскомъ народѣ и его назначеніи, подобно *Герцену*, тоже ложится въ русскіе. Онъ выступаетъ съ такою самоувѣренностью, что врядъ ли онъ не былъ вполне убѣжденъ, что, въ апрѣлѣ 1863 года предложивъ *отдѣлить окончательно Польшу отъ Россіи* (*), онъ новымъ своимъ твореніемъ 1864 года, замѣнитъ для Россіи всѣ памятники ея жизни отъ *Несторовой лѣтописи* до исторіи *Соловьева*, а народный разумъ — бреднями *Колокола*. Проводя буквально тѣже самыя идеи, которыя проводилъ князь *Адамъ Чарторыйскій*, когда находился въ русской службѣ, Ламберовъ отель именовъ *Шедо-Ферроти*, на перекоръ семидесяти лѣтнихъ проявленій regrettable mobile польской конспираціи, все еще надѣялся во тамъ и со мѣлу удержать польскія дѣла.

Много истинно курьозныхъ объясненій находимъ мы въ книгѣ *Шедо-Ферроти*, такъ напр. *Владиславъ Чарторыйскій* въ своемъ отчетѣ выставляетъ французскому правительству, что матежъ вспыхнулъ вслѣдствіе назначеннаго рекрутскаго набора: „Эта каша желчи, говоритъ онъ, заставила излиться чашѣ, наполненной горечью.“ Конечно, подобная вѣсть была рогакою для Россіи; *Ше-*

(*) Question polonaise 1863 pg. 120:

до-Ферроти, съ изумительною недогадливостію, въ 1864 году, когда уже послѣдній эмигрантъ зналъ, что съ 1861 года, всякій шагъ въ Польшѣ творился по предварительнымъ совѣщаніямъ съ Парижемъ, пренаивно и почтительно пишетъ: „что князь *Чарторыйскій* высказалъ подобное заявленіе, это должно особенно быть изумительно. Болѣе нежели кто нибудь, князь—въ томъ положеніи, что онъ можетъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Польшѣ, и если онъ утверждаетъ подобный фактъ, несомнѣнно ошибочный, то каждый въ правѣ себя спросить, зналъ ли онъ истину, или нарочно хотѣлъ ее извратить? Извѣстный, столь уважаемый характеръ князя *Чарторыйскаго*, не оставляетъ и тѣни сомнѣнія по этому вопросу; неспособный ни къ какой искусственной неправдѣ, онъ могъ высказать таковую, только потому, что ложными извѣстіями самъ былъ введенъ въ заблужденіе.“

Шедо-Ферроти еще наивнѣе рисуетъ характеръ польскихъ пановъ. Послѣ покушенія $\frac{22 \text{ Іюля}}{4 \text{ Іюля}}$ 1862 года, сволочи *Хмленскаго* на жизнь Его Императорскаго Высочества, „болѣе 300 поѣщивовъ, пишетъ *Шедо-Ферроти*, съѣхались въ Варшаву, по искреннему моему убѣжденію, съ цѣлью протестовать отъ имени польскаго дворянства противъ подобныхъ злодѣйствъ, *не совмѣстимыхъ съ гордымъ и рыцарскимъ характеромъ націи.*“

Въ это время за границую рѣшался важный вопросъ о веденіи мѣтежа; паны медлили, совѣщались, выжидали и когда пришло рѣшеніе—пустить въ первый огонь красныхъ и имъ временно подчиниться, то вмѣсто предполагаемаго адреса, съѣхавшіеся паны написали другой къ графу *Андрею Замойскому*, въ которомъ о злодѣйствѣ *Ярошинскаго* не упоминалось ни слова; но они поручали графу *Замойскому* представить, между прочимъ, Его Высочеству: „Мы поляки, и потому можемъ поддерживать правительство тогда только, когда оно будетъ польское и когда всѣ области, которыя составляютъ нашу ойчизну, будутъ соединены и будутъ пользоваться конституціею и свободными учрежденіями.“

Чему же приписываетъ *Шедо-Ферроти* это измѣненіе въ первоначальныхъ намѣреніяхъ польскихъ пановъ? Преизбытку (*exubérance*), личной храбрости, подчиненной вліянію общественнаго мнѣнія. „Между членами собранія, людьми испытанной храбрости, людьми изъ ста-

Много тысячъ эта «рыцарская нація зарѣзала сонныхъ, отравила, поразила изъ-за угла, повѣсила и проч.!

Ред.

ли и гранита, говоритъ онъ, не нашлось ни одного, который могъ бы устоять предъ руководителями *блмыхъ*, требовавшихъ поднись адреса, или предъ наситѣливымъ взглядомъ женщинъ, преслѣдовавшихъ осторожныхъ и нерѣзительныхъ.“

Книга Шедо-Феррети, заключающая нами разсматриваемую дѣятельность польскихъ эмигрантовъ въ послѣднемъ мятежѣ, довершаетъ и тотъ *общій характеръ, который постояннымъ спутникомъ сопровождаетъ интриги польской sprawy*. Сводъ собранныхъ свѣдѣній о *perpetuum mobile* ксендзовско-шляхетской мятежнической дѣятельности представляетъ собою, какъ бы анатомическимъ ножомъ вскрытый трупъ, и глазамъ наблюдателя представляются дѣйствовавшія нервы и мускулы. Начиная съ 1862 года, при переходѣ отъ одного факта къ другому, являются постоянно ожесточенныя нападки на лица, на распоряженія, на проявленія русской жизни, если они являлись вредными *польской справѣ*, съ цѣлью ввести какъ правительство, такъ и общественное мнѣнiе Европы и Россiи въ заблужденiе; нападенiя были тѣмъ болѣе настойчивы, чѣмъ онѣ были для нея болѣе опасны. Полякамъ трудно разстаться съ убѣжденiемъ, что *тѣма и мля* польскихъ дѣлъ уже разсѣялись, не смотря на то, что правительство своими рѣшенiями имъ доказало, что предъ нимъ польскiй вопросъ уже вполне выяснился.

Пока предъ высшимъ правительствомъ польскiя дѣла были *eo тѣмъ и eo мля*, польская интрига работала между влiятельными личностями и достигала въ теченiи четырехъ предшествовавшихъ царствованiй того, что самыя рациональныя мѣры правительства не приводили къ цѣли, оставаясь мертвою буквою, парализованныя русскимъ ослѣпленнымъ добродушиемъ, или другими свойствами ближайшихъ исполнителей, которые болѣею частью были поляки. Правительство, однажды раскрывъ истинное положенiе вещей, убѣдилось, что польскiя дѣла требуютъ особаго наблюденiя въ точномъ и энергическомъ исполненiи; русскiе люди, всегда готовые содѣйствовать дѣлу родины, сами кинулись, для сознательнаго исполненiя, къ изученiю польскихъ дѣлъ; инстинктивно русскiе люди чувствовали, что крамола кроется въ громаднхъ размѣрахъ, но труденъ былъ путь къ широкому доступу въ этотъ, *тѣмою и млюю* прикрываемый, точно закодированный кругъ (*); русская журналистика явилась тогда полезнѣйшимъ подспорiемъ.

(*) И первый выступилъ на это поприще дѣятельности «Вѣстникъ юго-западной Россiи.»

Польская эмиграція увидѣла грозу и торопливо хотѣла предупредить опасность, пустивъ въ ходъ своихъ работниковъ, пригодныхъ для этого дѣла; накинудся на нее *Герценъ* со всѣми своимъ острословіемъ и ругней. Имѣя постоянно въ виду сбить съ толку русское юношество, сбить съ пути долга членовъ русской семьи, *Герценъ* употребилъ *туже страпанему*, которую поляки употребляли въ офицерскихъ кружкахъ, чтобы молодыхъ русскихъ своихъ товарищей, сдѣлать солидарными съ своими польскими затѣями. Они выработывали въ нихъ впечатлѣнія, вынесенныя со школьной скамьи, что выдать наставникамъ провинившихся товарищей—въ школахъ почитается шпионствомъ; пока мятежъ не выяснилъ дѣла, они имѣли временный успѣхъ среди молодыхъ людей, не утвердившихся еще въ понятіяхъ, что съ эполетами, они стали гражданами русской земли, а нравительство—не сословіе воспитателей надъ недорослями. Поляки смиллись притупить то понятіе, что ревнители польской sprawy, работавшіе къ ниспроверженію общественнаго спокойствія и государственнаго строя, готовившіе кровопролитіе и раззореніе, всю гибель мятежей,—враги отечества; истинный русскій, съ незатемненными польскою интеллигенціею понятіями долга гражданина, конечно несравненно строже смотритъ на нихъ, какъ на поджигателей, убійцъ, грабителей и такихъ преступниковъ, которыхъ каждый честный человѣкъ съѣшитъ указать властямъ, дабы избавить отъ нихъ общество; но такія понятія не были пригодны ни полякамъ, ни Герцену, и онъ, доводами подобными польскимъ, старался уронить въ общественномъ мнѣніи русскую журналистику, разоблачавшую и источники и ревнителей гибельной крамольной дѣятельности *польской sprawy*. *Герценъ* выставлялъ ее *казенною*, и бранью раздражался противъ враждебныхъ ему редакторовъ, разрабатывавшихъ польскія событія; всякія унизительныя сравненія на страницахъ *Колокола*, могли найти всѣ вносившіе свѣтъ во *тьму и мгу* польскихъ дѣлъ, со стороны самаго пламеннаго *на словахъ* поборника свободы слова.

Съ такимъ же озлобленіемъ противъ русской журналистики выступаетъ и *Шедо-Ферроти*; но со всѣми дипломатическими приемами Ламберова отеля, который улажалъ себя надеждою, что путемъ *Шедо-Ферроти*, онъ станетъ руководителемъ высшаго русскаго общества. Онъ высказываетъ, что русская журналистика не имѣетъ *ни корня, ни отолоска въ массахъ*, а также что *общественное мнѣніе не оказываетъ никакого, или*

самое ничтожное вліяніе на журналистику, и вообще, что въ Россіи общественное мнѣніе еще сидитъ на азбукѣ.

Г. Шедо-Ферроти, снѣясь этииъ путемъ доказать всю односторонность и ничтожность вліянія журналистики на теченіе дѣлъ въ Россіи, посвящаетъ однако двѣ трети своего сочиненія истинному предмету своего труда. Русская журналистика для польской sprawy стала вопросомъ не меньшей важности, нежели событія столь нѣкогда ее тревожившія, какъ напр. переселеніе шляхты, проводимое *Державинимъ*; конфискація ииѣиной пановъ землевладѣльцевъ, изобличенныхъ въ стремленіяхъ къ отторженію западныхъ губерній отъ Россіи, проводимая *Сперанскимъ*; уясненія епископа *Крассовскаго*, что уиѣянты — русскіе люди и подѣ русской властью уже не должны подлежать вѣдѣнію латинскаго духовнаго начальства; упорное невѣріе князя *Трубецкаго* въ томъ, что *Бонарскій* былъ простой турнеть, а для него устраиваемыя собранія, были собранія случайно съѣхавшихся гостей. Ламберовъ отелъ всю свою ловкость, всю изворотливость своей интриги изложилъ въ книгѣ *Шедо-Ферроти: Que-fega-t-on de la Pologne?* Въ ней резюмирована вся шестидесятилѣтняя дѣятельность князя *Адама Чарторыйскаго*; книга *Шедо-Ферроти*, это усиленная попытка новаго напуска *мла и тѣма* на польскія дѣла; но часъ приснѣлъ для ихъ разсѣянія; *тѣма и мла* всюду тѣснѣиия гибнуть безвозвратно, вопреки всѣхъ усилій, диктуемыхъ поляками *Шедо-Ферроти* и *Герцелу*. Сколько ни печатай *Герцелъ* о точкахъ поворота, но для нихъ мѣсто только на столбцахъ *Колокола*. Указъ 10 декабря 1865 года ясно опредѣлялъ, что на русской землѣ, землей можетъ владѣть только тотъ, кто въ Россіи видитъ свое отечество, а не тотъ, кто жаждетъ ея ослабленія, дабы плодами русской земли угощать иностранныхъ враговъ и заманивать ихъ гостеприимнымъ приемомъ, по городамъ и мызамъ западной Россіи, какъ въ 1812 году; на этихъ гостей, поляки надѣялись въ 1831 и 1855 годахъ и ихъ нетерпѣливо они поджидали въ 1863. Всего забавнѣе выходитъ сравненіе отзывовъ *Шедо-Ферроти* и *Герцелена* о редакторѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“, г. *Катковъ*. Оба работника польской sprawy признали его въ высшей степени человекомъ *зловреднымъ*, только Ламберовъ отелъ, при шестидесяти двухъ лѣтнихъ своихъ заботахъ о преусиѣяннн Русской Имперіи, заставляетъ своего присяжнаго ходатая по дѣламъ,

доказывать, что *Катковъ* для нея человекъ самый опасный, что онъ смотритъ на свои статьи не какъ на разъясненія *тѣмы и мѣлы* польскихъ дѣлъ, а какъ на декреты, обязательные для правительства; а *Колоколъ* рядомъ статей изображаетъ того же *Каткова*, редакторомъ казеннымъ, закупленнымъ правительствомъ, желающимъ только *выслужиться* передъ нимъ и для полноты *стратагеми*, по теоріи столь пригодной польской справѣ— *допоможкомъ*. Впрочемъ, и поляки *бѣлые* и *красные* сходились въ *желани* только мятежа въ Россіи, и расходились во всеѣмъ остальномъ.

Послѣ мятежа, въ старой польской эмиграціи прикинула новая; *Варшавскій Дневникъ* сообщаетъ свѣдѣнія о томъ; какъ чудить она снова, и по видимому она пошла по дорогѣ, открытой въ 1831 году, а *Герценъ*, нисходя по ея іерархіи, по доставленнымъ свѣдѣніямъ, заключилъ союзъ для согласныхъ дѣйствій, съ партією *Хмьленскаго*,—тою партією, которую, во время мятежа, сами поляки называли *кабачною*.

Многочисленные работники польской эмиграціи, при щедрости сочувствовавшихъ туземцевъ и иноземномъ милосердіи, праздно проживая за границею, ломали голову надъ разными *стратагемами* и *революционными теоріями* и заимствовали что могли отъ заграничныхъ революціонеровъ; такъ для мятежнаго настроенія простолюдиновъ, для *науки заговора массъ*, какъ выразился *Лелевелъ*, отъ *Мадзини* была заимствована мысль о *воскресшихъ школахъ*, изъ Ирландіи—*братства трезвости*. Особенно дѣятельны были *красные*; такъ какъ *бѣлымъ* перепала *власть* по ихъ средствамъ, то *красные* выработали до возможной крайности теоріи коммунизма, дабы, уравнивъ всё состояніа, вырвать у *бѣлыхъ* эти средства къ преобладанію. Прокламаціи диктатора *Тыссовскаго* показываютъ, что теоріи въ 1846 году были уже вполне приготовлены польскою *централизациею*. Краснымъ, по изобрѣтеннымъ ими теоріямъ, было весьма выгодно возбуждать новыя желанія въ народѣ, и указывать на кровавыя средства къ ихъ достиженію. *Централизациа* взяла на себя хлопоты своими теоріями обращать повсемѣстно живущихъ поляковъ въ заговорщиковъ, съ указаніемъ имъ безопасной, легальной обстановки, и вмѣстѣ съ тѣмъ она придумала учебныя, такъ сказать, заговорныя работы, для поляковъ, воспитанниковъ учебныхъ заведеній, съ особою

иэтежническою іерархією; помощью ея юноши должны были легко попадать въ искусство раставленных сѣтн. Въ приложеніяхъ читатели найдутъ плоды заботъ эмиграціи о туземцахъ. Начиная съ приведенныхъ въ 6-ой главѣ прокламацій *Тыссовскаго*, мы найдемъ труды *централизаціи*, въ заботахъ *Колокола* о русскомъ народѣ; по всѣмъ частямъ, труды польской *централизаціи* нашли свое мѣсто на столбцахъ *Колокола*; они дали направленіе дѣятельности *Герцена* и снабдили его своими теоріями новаго государственнаго устройства и принципами новой политической экономіи. Только для общества трезвости *Колоколъ* не даетъ наставленій, но таковыя требовались для пановъ къ благовоспитанному или готовимому мятежу, который вовсе не входилъ въ расчетъ *польско-герценовской справы* для Россіи. Готовясь къ мятежу, наны успѣли нравственно подчинить себѣ и поляковъ, учениковъ *централизаціи*, успѣли произвести въ нихъ расколъ, а ренегаты до конца остались вѣрными ея кореннымъ принципамъ, тѣмъ болѣе, что того требовала и общая программа; эти остались учениками польской *централизаціи* *put-sang*.

Всѣ теоріи, всѣ планы, всѣ стратagemы, всѣ подготовленныя работы, при свѣтѣ фонарей, казались подземнымъ рабочицамъ весьма складно и ладно приспособленными, но лишь только они приступали къ *великому будованію*, то оно тотчасъ обращалось въ *авилонское столпотвореніе*, при которомъ работники никакъ не могли сговориться; впрочемъ трудно имъ было и сговориться, ближайшія подробности мятежа 1863 года указали, что возстановленіе Польши есть такое ея возобновленіе на новый ладъ, при которомъ для равенства *каждый* требуетъ ореола почета и значенія, котораго каждый жаждалъ въ давней Польшѣ, а для свободы каждый требуетъ неподчиненія никакой власти, ограничивающей шляхетское своеволіе, стремленіе бывшее постояннымъ спутникомъ жизни Рѣчи Посполитой. Она пала, но при *тьмѣ и мнѣ* польская интеллигенція свободно могла передаваться отъ одного поколѣнія другому.

Время разрѣшить вопросъ вручать ли туземцы опять свою интеллигенцію польской эмиграціи и будутъ ли снова учитываться ея литературою, декретами, рѣчами, или, раставшись съ нею, станутъ жить собственнымъ смысломъ. Польская эмиграція со всѣми своими партіями, дрязгами была для массы туземцевъ — *terra incognita*; непосвящаемая въ ея тайны масса, поклонялась ей, какъ далекому

лучезарному свѣтлу. Конечно, польское общество не въ произведеніяхъ русской печати будетъ искать свѣдѣній; оно слишкомъ пропитано убѣжденіемъ, что русская книга, не сочувствующая польской справѣ — произведеніе *казенное*, хотя бы документы были приложены въ фотографическихъ снимкахъ; но когда станутъ изпѣляться недавнія раны, стикнуть раздраженіе, тогда сближеніе торжественныхъ, увлекательныхъ возгласовъ польской эмиграціи съ ея дѣлами и событіями, которыхъ современники были очевидцами, не заставитъ ли ихъ серіознѣе взглянуть на сущность дѣла? Перебранка, процессы, споры и даже драки между столбами великаго будованія, съ взаимными озлобленіемъ, бросаемыя на потѣху журналамъ послѣ недавней неудачи мятежа, не выяснятъ ли имъ, какіе люди себя провозглашаютъ *цѣптомъ нации, старшими братьями* и какими они заражаются побужденіями въ неестественной сферѣ эмиграціи?

Время разрѣшить вопросъ: незаглохшіе подъ іезуитскою интеллигенціею оствѣки славянской народности, вступятъ ли съ нею въ борьбу и раздѣлятъ ли чуждый элементъ; водвореніе русскихъ землевладѣльцевъ разобьетъ ли кругъ польской замкнутости и облегчитъ ли борьбу? *Лелевелъ*, съ изображеніемъ всѣхъ правъ и привилегій *польскаго шляхетства*, изслѣдую событія *лоблинской унии*, какъ бы съ удивленіемъ прибавляетъ, что русскому дворянству, подпавшему соединенію съ Польшею, точно *чего то было жаль*, но не это ли *жаль* бессознательно проявляется въ вырывающихся иногда возгласахъ между развитыми туземцами сѣверо-западной Россіи.

Своевоіе сдѣлалось заманкою стремленій шляхетской интеллигенціи; *раздолье*, при которомъ легко дышется и легко живетъ, легло въ основаніе жизни всего русскаго народа, вопреки всѣхъ *Герценовъ* и *Шедо-Ферроти*, вопреки всѣхъ членовъ вольныхъ и невольныхъ Панургова стада, вопреки современныхъ силетель *Колокола*, вопреки всѣхъ іереміевскихъ плачей, нагоняемыхъ на русскую литературу. Ни русскій баринъ, ни русской простолюдинъ не выселяются навсегда добровольно изъ Россіи; всякаго тянетъ домой раздолье русской жизни. Все утонетъ въ этомъ океанѣ. Разложеніе *Польшею Россіи* (*dissolution de la Russie par la Pologne*), какъ выражается *Мпрславскій*, останется одною только польскою мечтою; не остановитъ пигмеямъ развитія нуждающаго молодого могучаго народа, не извратитъ имъ его народнаго разума!

В.

П Р И Л О Ж Е Н И Я.

Къ составленному очерку о тридцати-трехъ лѣтней дѣятельности польской эмиграціи, прилагаемъ два документа и одно свѣдѣніе, изъ знамѣнательнѣйшихъ ея руководствъ для конспиративной дѣятельности туземцовъ. Недавнія событія свидѣтельствуютъ, что прилагаемыя польскія инструкціи имѣли огромное вліяніе, какъ на предшествовавшія обстоятельства, такъ и на самый мятежъ 1863 года; не вѣдая ихъ, сколько русскихъ людей, дѣйствительно, невольно могли попадать въ *Панурого стадо!*

II.

Наставленія Князя Адама Чарторыйскаго къ заговорной дѣятельности туземцевъ,

(изъ рѣчи, произнесенной въ годовщину возстанія 1830 года, 17 (29) ноября 1844 года, въ засѣданіи польскаго историко-литературнаго общества въ Парижѣ).

.....

„Четырнадцатилѣтнее скорбное изгнаніе не могло изъ нашихъ сердецъ изгладить воспоминаній; но не объ этомъ я нагѣревалъ говорить. Истинныя, и если можно такъ выразиться, практическія надежды, каковыя таятся въ груди каждаго изъ насъ, питаютъ огонь высшей жизни. Открыто ихъ высказать было бы и неумѣстно и опасно; но въ моихъ мечтахъ я ничѣмъ не связать.....

„Въ мірѣ фантазій, въ которой я на время васъ перекошу, дозволены разныя предположенія. Мнѣ чудится, что въ Польшѣ въ разныхъ мѣстностяхъ находятся мужи съ пылкимъ сердцемъ, спокойнаго и обдуманнаго ума, непоколебимой твердости и неутомимой настойчивости и что эти люди, издавна чувствуютъ свое призваніе руководить своими братьями въ своей средѣ, и пользуются между ними значеніемъ, въ своемъ повѣтѣ, воеводствѣ или цѣлой области, для святаго дѣла освобожденія всецѣлой общей отчизны.

Это призваніе главная цѣль ихъ существованія, единственный предметъ ихъ помысловъ, стремленій, усилій и пожертвованій.

„Людей такихъ качествъ много, очень много на нашей землѣ; во при способностяхъ, которыя я въ нихъ предполагаю, таковыхъ считаю человекъ двадцать совершенно достаточнымъ; они равномерно размѣщенные, образуютъ тѣ *столбы для фундамента*, на которомъ должно подняться все зданіе освобожденной ойчизны.

„Великая мысль, громадное предпріятіе, начатое во имя Бога и ойчизны, чистосердечная любовь и непоколебимая твердость воли обильно и плодоносно могутъ содѣйствовать дѣлу.

„Они нападаютъ на способы и средства, которые предъ другими проходятъ не замѣченными, попадають на пути, доселѣ еще не проходившіе, встрѣчаютъ неожиданныхъ союзниковъ, которые безсознательно (*), *въ общей работѣ являются усердными сотрудниками и помогаютъ совершенію дѣла.*

„Я мечтаю далѣе что при сообразныхъ трудахъ руководителей, во всѣ стороны они дають цѣлебныя точки, которыми облагораживаютъ нравы, упрочивается вѣра, вызываются полезныя занятія и благодѣтельныя учрежденія; они воздерживаютъ юношество отъ порчи нравовъ и праздности, и прививаютъ любовь къ труду; отъ нихъ исчезаютъ злоупотребленія, ребяческіе расходы; сбереженіе даетъ средства въ руку, для веденія общаго дѣла и къ накопленію наличнаго запаса въ случаѣ неожиданныхъ и, въ рѣшительныя минуты, неустранимыхъ потребностей. Общественное мнѣніе, съ разныхъ сторонъ похвальнымъ образомъ направляемое, усиливаетъ свое могущество, развивается и споспѣшествуетъ своею самостоятельностью желаннымъ переменамъ.

„Каждый руководитель, въ своемъ мѣстѣ пріобрѣтаетъ исподволь довѣренность округа и личностей; онъ избираетъ способнѣйшихъ, обсуживаетъ какими способами и средствами онъ можетъ употребить cadaго; кому въ извѣстное время ему поручить какое либо дѣло, на кого возложить извѣстную роль. Руководитель создаетъ различные планы, есматривается въ событія, предусматриваетъ затрудненія, дабы по возможности избѣжать колебаній; онъ *заблаговременно обдумываетъ какъ ему поступать, при всякомъ возможномъ бытъ случаѣ*, а какъ въ кругѣ своей дѣятельности сохранять добротность и порядокъ. При встрѣчѣ съ способнѣй-

(*) т. е. союзники изъ Панургова стада.

ниги, онъ самъ ему добровольно подчиняется и содѣйствуетъ ему собственнымъ послушаніемъ; тѣмъ онъ подаетъ прекраснѣйшій примѣръ благоразумія и любви къ ойчанѣ. Никто не знаетъ его мысловъ; но не менѣе того всѣ вообще болѣе или менѣе слѣдуютъ по направленію данному руководителемъ.

„Иной разъ руководитель, когда нужда заставляетъ, на нѣкоторое время, удерживаетъ и обуздываетъ слѣное нетерпѣніе неблагоразумныхъ, которыхъ *выходки преждевременныя, не подчиненныя расчету вѣроятности полезнаго умія, только разрушительно вторгаются на путь, уничтожая вѣрнѣйшія польскія надежды.*

„Въ другой же разъ руководитель, сообразнымъ воодушевленіемъ, отрываетъ иныхъ отъ овладѣвшихъ ими опасеній равнодушія, и лѣни. Руководители должны проникать во всѣ слои, во всѣ сословія; между всѣми личностями и націями должны снискивать симпатіи, и преслѣдуя свою мысль питать и оживлять ихъ постоянными и повторяемыми сношеніями. Евреи даже, которые враждебно и вѣроломно противудѣйствовали полякамъ, перейдя на сторону гдѣ сила и золото, и тѣ начинаютъ сознавать свое заблужденіе и свою вину. Преслѣдуемые тѣми, кому они передались, они въ своихъ воспоминаніяхъ возвращаются къ Польшѣ, воспоминаютъ то, что Польша имъ нѣкогда доставляла. Ихъ тоже унесетъ потокъ духа времени; они охотно для польской sprawy применить къ другимъ жителямъ страны, при убѣжденіи что Польша имъ доставитъ болѣе огражденій, болѣе свободы и болѣе выгодъ для ихъ благосостоянія.

„Мысль о возстаніи, никогда громко не произносимая, извивается по всѣмъ направленіямъ, распространяется, утверждается и всюду становится преобладающею; постоянно умалчиваемая, она не менѣе того охватываетъ всѣхъ, паритъ надъ всѣми, и не даетъ никому *ни покоя, ни отдыха*; повидимому самыя обыкновенныя явленія — на дѣлѣ, послѣдствія своеобразнаго, чарующаго обаянія, животрепещущаго участія.

„Я не останавливаюсь на этомъ; я предполагаю чудеса, предполагаю дѣйствительно чудеса, и именно такіе что всѣ руководители, а потому всѣ дѣятельность сосредоточивающіе пункты, по всей странѣ, устремляются къ одной цѣли, согласно признаютъ одно и то же средство сообразнѣйшимъ, на немъ основываются и повинуются *одной власти* слѣду одинаковоу направленію; въ этомъ слу-

чаѣ одно стремленіе не перечить другому; одно пламя не препятствуетъ сосѣдному; всѣ въ затаенныхъ очагахъ направлены въ одну сторону, чтобы произвести общій пожаръ и тѣмъ достигнуть несомнѣннаго успѣха.

„Этимъ путемъ нація достигаетъ самоувѣренности, и убѣжденія въ своемъ высокомъ предназначеніи, и что она до него созрѣла; тогда она не исказитъ наипригоднѣйшій моментъ гибельными, преждевременными вспышками; но внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣлъ, не пропуститъ благоприятное столкновение обстоятельствъ, и вполне и достойно имъ воспользуется.

„Въ одинъ моментъ возстаетъ вся Польша, нѣтъ закоулка, который не выставилъ бы своихъ защитниковъ; изъ каждой шляхетской мизы, изъ каждой хижины, хотѣлъ бы сказать изъ каждаго куста, выходитъ вооруженный воинъ.

„Господь благославляетъ первыя усилія, мгновенно пресѣченны сообщенія врага, его мѣстныя власти низвергнуты, отдѣльныя части войска обезоружены, запасы захвачены.

„Со всѣхъ сторонъ атакованный пришлецъ, будетъ поставленъ въ недоумѣніе, куда направить свои дѣйствія, если одновременно будетъ поднято оружіе по общему плану одной идеи, *одной правительственной власти*, заблаговременно подготовившей движеніе и дальнѣйшее ему направленіе; тогда успѣхъ не сомнѣненъ, но это условіе трудно исполнимо, особенно между нами.

„Частныя даже неудачи воодушевляють еще къ большимъ усиліямъ. Пламя борьбы за независимость, распространяется въ смѣшеніи успѣховъ съ неудачами; но мужество и настойчивость націй сохраняють перевѣсъ. Европа, доведенная до убѣжденія, что въ насъ есть такая сила къ собственной жизни и къ самоуправленію, которую нельзя уже разрушить въ нѣсколько мѣсяцевъ (какъ въ 1831 году), выступить съ своимъ посредничествомъ и придеть къ намъ на помощь, чтобы остановить напрасное кровопролитіе; Европа признаеть и громко провозгласить, то что будетъ само собою вполне выяснено, что Польша — нація самостоятельная и что съ той поры никому уже не принадлежитъ право, у нея оспаривать ея достигнутую самостоятельность, какъ у всякаго другаго независимаго народа.....“

III.

У Ч М Ы С Е Н Ъ

(станемъ учиться).

(Изъ Виленскаго Вѣстника № 23 Января 28—1866 г.).

Последнее возстаніе, послужившее столь отрезвляющимъ средствомъ для русскаго общества, богато множествомъ матеріаловъ, доселѣ извѣстныхъ весьма не многимъ и обрисовывающихъ истинное значеніе польщины въ средѣ нашего общества. Матеріалы эти важны не столько какъ документы историческіе, сколько какъ назидательное поученіе для настоящаго времени, какъ телескопы, которые открываютъ намъ мало изслѣдованныя доселѣ подробности организаціи шляхетскаго міра, вращающагося въ нашемъ обществѣ, снабжающаго насъ Огрызками, Сѣраковскими и Дюбровскими, поджигателями и дѣлателями фальшивыхъ денежныхъ знаковъ и, что всего важнѣе, внушающаго всѣмъ этимъ дѣтелямъ *свѣтлой справы* весьма выгодное для подобныхъ господъ убѣжденіе, что преступленіе относительно Россіи, при всей гнущности его, есть въ сущности дѣло нравственное, высоко-патріотическое.

Знакомство съ матеріалами этого рода намъ необходимо и для насъ самихъ, въ видахъ огражденія себя отъ опасности, и даже для поляковъ, которые тогда только могутъ серьезно подумать о томъ, чтобы сдѣлаться честными гражданами русской земли, когда фактически убѣдятся въ полной несостоятельности завѣтной мечты своей о возстановленіи Рѣчи Посполитой, руками русскаго правительства.

Предлагаемый документъ: „Uczmy się“ (будемъ учиться) включаетъ въ себѣ весьма любопытныя и поучительныя для насъ воззрѣнія польскихъ патріотовъ на то, какъ слѣдуетъ истому поляку пользоваться доставляемыми ему нашими правительствомъ средствами къ образованію; интересъ документа этого возрастаетъ еще болѣе, если мы вспомнимъ, что проповѣдуемая въ немъ теорія была прилагается къ практикѣ.... Онъ найденъ былъ между бумагами одного молодого шляхтича подольской губерніи, С...ска-

го, бывшаго въ некоторое время передъ послѣднимъ возстаніемъ студентомъ университета св. Владимира. Въ маѣ 1863 года, шляхтичъ этотъ задержанъ былъ, по подозрѣнію, въ Могилевѣ (подольской губ.). По слѣдствію оказалось, что онъ занимался *обученіемъ дѣтей* у одного тамошняго пана, не смотря на то, что письменные отзывы и черновыя бумаги учителя доказываютъ крайнюю слабость его въ русской и польской грамотѣ. У него же найдено было и переложеніе на мало-россійскій языкъ извѣстнаго революціоннаго гимна: *«Боже цюсъ Польска.»* По объясненію С....скаго, данному при слѣдствіи, онъ списалъ переложеніе *«по многочисленнымъ побужденіямъ»*, а статью объ образованіи *«единственно изъ любопытства.»*

Печатаемъ послѣдній документъ, въ переводѣ. Мы считаемъ лишнимъ дѣлать къ нему комментаріи. Безобразіе доводовъ, приводимыхъ въ немъ въ доказательство того, что польскіе обязаны пользоваться наукой, преподаваемой на русскія деньги, *какъ средствомъ наноситъ вредъ Россіи*, слишкомъ очевидно, чтобы оставаться на ихъ опроверженіи.

Но какъ ни краснорѣчиво документъ этотъ говоритъ самъ за себя, какъ ни поучительны выводы изъ него, какъ ни очевидна опасность, которой подвергаемся мы вслѣдствіе холоднаго возрѣнія нашего на русское дѣло и допущенія въ среду свою такой гнетворной язвы, какъ польщизна — мы далеко не можемъ покуда похвастаться, чтобы съ нашей стороны приняты были *еще* необходимыя мѣры для предохраненія себя отъ опасности въ будущемъ.

Здѣсь, въ громадной массѣ слѣдственныхъ дѣлъ, хранятся не мало поучительныхъ фактовъ, подтверждающихъ, на сколько зловреденъ для русскаго дѣла инородческій и враждебный элементъ, когда онъ занимаетъ самыя, повидимому, низшія служебныя должности.

СТАНЕМЪ УЧИТЬСЯ.

„Изъ просвѣщенія, управляемаго врагомъ и наклоняемаго къ исключительной его выгодѣ, можно извлечь выгоду и для Польши. Если изъ школъ, стоящихъ подъ прусско-австрійско-московскимъ попечительствомъ, могутъ выходить польскіе писатели, то почему же изъ тѣхъ же самыхъ школъ не могутъ выходить и

польскіе граждане? Мы не говоримъ о великихъ ученыхъ, о генияхъ, о Коперникахъ; напрасно мы выглядывали бы ихъ; чтобы дождаться такихъ плодовъ надобно чтобы народная нива была прежде хорошо воздѣлана попольски. Но мы совершенно въ правѣ отъ образующихся въ нѣмецко-московскихъ школахъ польскихъ юношей домогаться, чтобы они были гражданами, а нигѣ это право, нигѣмъ и обязанность, если не подать, то по крайней мѣрѣ припомнить нигъ способъ, слѣду которому они не будутъ ни нѣмцами, ни русскими.

„Этотъ способъ есть желаніе, съ какимъ пріобрѣтается ученіе.

„Пусть только желаніе будетъ хорошее и польское, то нѣтъ такой науки, которой нельзя было бы приложить непосредственно къ нуждамъ нашего отечества и, что вѣрнѣе, — нѣтъ такой науки, въ которой бы оно не нуждалось; да и самое ученіе пошло бы успѣшнѣе и вѣрнѣе, нигѣ предъ собою цѣль не навязанную, но свою собственную, родную, естественную. Примѣромъ можетъ служить познанская область въ эпоху между 1831 и 1846 годами. Эта небольшая провинція возвысилась вдругъ и просіяла ученостію и литературою на всю Польшу. Чѣмъ это сдѣлалось? Тѣмъ, что въ ея лоно влилось живительнымъ ручьемъ желаніе посвятить себя для Польши. Предъ нею явилась цѣль: Польша цѣлая, свободная и независимая. *Познань составляла заговоры и подземными заговорными работами утучняла нравственный грунтъ.* Тамъ не учились въ то время хлѣба ради только, или же науки ради, не трудились ради личной только выгоды и славы, но именно для восстановления отечества изъ упадка. Когда же доброе желаніе, встревоженное (полагаемъ, временно) неудачами, вздремнуло, Познань, изъ передоваго, сразу низошла на очень, очень второстепенное мѣсто, какъ будто само провинціе хотѣло этимъ показать намъ, что безнаказанно мы не воляемъ ни на минуту переставать трудиться для Польши.

„Въ чемъ состоитъ нигѣ самая важная, главнѣйшая первествующая предъ всѣми другими потреба нашего отечества? Разсматривая все поочередно и взвѣсивая все на вѣсахъ ума, чувства, или просто народнаго только разсудка, нельзя не прийти къ тому окончательному убѣжденію, что въ числѣ многихъ потребъ, первѣйшее мѣсто принадлежитъ народной независимости. Безъ независимости, самое взысканное, самое рациональное удовлетвореніе всѣхъ иныхъ нуждъ непремѣнно будетъ уродливо, не полно и, нерѣдко, вредно. Недостатка независимости нигѣмъ за-

гнать нельзя. Можно вычеркнуть Польшу из карты Европы, но невозможно из сердець и умов поляковъ, из ихъ желаній и стремленій исторгнуть и уничтожить народнаго „я.“ Оно всегда отзовется, сильнѣе или слабѣе, явственнѣе или незамѣтнѣе, но *отзовется всегда.*

„Народная независимость, доколѣ она не осуществится, составляетъ только желаніе, но она не осуществилась бы никогда, если бы оставалась всегда въ отвлеченной сферѣ желанія. Она принадлежитъ къ тому роду хотѣній, которыхъ не иначе, какъ насильствомъ, домогаться должно. А насильство это въ переводѣ на практическій языкъ означаетъ: вооруженное исторженіе ойчизны изъ объятій врага войною, посредствомъ народнаго возстанія.

„И такъ если перенесемъ мысль къ той ступени, которой нельзя миновать, если не хотимъ народную независимость представить милости непріятелей, то намъ сразу являются недостаточность средствъ и препятствія, изъ коихъ одни надобно пополнить, либо опрокинуть. И здѣсь тотчасъ становятся предъ нашими взорами науки, а изъ нихъ тѣ именно *спеціальности*, къ которымъ наклоняетъ врагъ для превращенія насъ въ послушныя ему и вредныя для отечества орудія. Когда мы учимся для врага, то какая бы ни ожидала насъ карьера, либо награда у послѣдняго предѣла ученія нашего, мы учимся нехотя, какъ за барщину, какъ наемные рабочіе. Когда же учимся для отечества, то къ побужденіямъ учиться присоединяется могучій рычагъ, который толкаетъ насъ впередъ и понуждаетъ въ таинствахъ науки выискивать тѣ именно выводы, которые можно прямо примѣнить либо наклонить къ осуществленію главнаго нашего хотѣнія. И вотъ мы закапываемся въ книги и лабораторіяхъ, роемся, ищемъ, *отыскавъ особымъ знакомъ все то, что въ нравственномъ или физическомъ отношеніи можетъ быть передѣлано въ оружіе.* Техникъ замѣтитъ себѣ въ особенности и тщательно разсмотритъ слѣдующіе, напримѣръ, вопросы: какъ выдѣлывать порохъ скорѣйшимъ и дешевѣйшимъ способомъ? какъ и какія ремесла можно передѣлать въ литейныя, въ заводы для приготовления ружей, сабель и боевыхъ снарядовъ? какимъ образомъ дорогіе, либо рѣдкіе матеріалы, необходимыя для сражающихся, можно замѣнить сподручными? *Военный* задаетъ себѣ слѣдующую задачу: человѣка, не имѣющаго малѣйшаго понятія о войскѣ, передѣлать въ кратчайшій срокъ въ солдата, способнаго маневрировать въ

порядкѣ, сражаться и побѣждать непріятельское войско; онъ изслѣдуетъ при томъ *сильныя и слабыя стороны* военной организаціи непріятели, его способы и тайны. И если-бы всякій выдѣлилъ такимъ образомъ изъ своей науки часть, применимую къ возстанію, то возстаніе въ данной время увидѣло-бы въ своемъ обладаніи всесторонніе таланты и средства, которыя обезпечили-бы и ускорили его движеніе и развитіе и обнаружили-бы усиліе. Даже *мкаръ*, даже *ксендзъ*, котораго правительство учитъ тому только, дабы онъ въ извѣстныхъ случаяхъ являлся въ энтрахили и ризѣ и со ступеней алтара наклонялъ къ покорству незаконной власти и язичеству, если-бы они проникнулись навсѣмъ желаніемъ служить отечеству, то дошли-бы вскорѣ до убѣжденія, что для уврачеванія польскаго тѣла и польскаго духа нужны не аллопатія, не офиціозныя облаченія, но одно лишь: „*возстанъ и иряди.*“ Изъ училищъ выходили-бы не недоучки, не противные верхогляды, но граждане, изъ коихъ каждый въ своей сферѣ и мѣрѣ несъ-бы за пазухой какое нибудь приношеніе для Польши.

„Однако на этомъ пути есть одинъ подводный камень, о которомъ мы должны предостеречь учащихся въ непріятельскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Камень этотъ есть *карьеря*. Не одинъ, съ самымъ честнымъ въ началѣ желаніемъ, какъ только увидитъ блестящіе на его плечахъ въ перспективѣ генеральскіе эполеты, не въ силахъ противиться ихъ прелести и стремится къ нимъ съ тою мыслию: что донесетъ честность своего желанія до самой минуты украшенія ими себя и что съ высшаго поста расширится и его дѣятельность. Въ теоріи это кажется справедливымъ, на практикѣ же это чистая ложь. При переходѣ въ непріятельской службѣ со степени на степень, на каждой изъ нихъ теряется часть добраго желанія, а на послѣднюю приходитъ человекъ съ совѣстію, очищенною отъ патріотическихъ намѣреній. *Лучше по этому не заходить далеко на этомъ пути.* Безопаснѣе для тѣхъ, кому ужъ непремѣнно нужна карьеря, выжидать таковой въ освобожденномъ отечествѣ и приспѣшать, торопить его освобожденіе. Нѣтъ такой высокой амбиціи, которой не моглибы удовлетворить столь великое дѣло, каково есть отвоеваніе Польши, и нѣтъ амбиціи благороднѣе той, которая опирается на посвященіе себя отечеству.

«*Станемъ же учиться, но только для Польши, будемъ трудиться, но только для отечества. Пусть оно всегда будетъ*

въ нашей мысли и сердца; когда же доработаемся его, тогда процвѣтетъ въ немъ и наука.... Въ настоящую минуту намъ должно всѣми силами, всѣми добродѣтелями, всѣми умами и талантами совокупиться для высвобожденія Польши. Потребность эта составляетъ нашу политическую специальность, по этому вовсе не будетъ не кстати наламывать къ ней и научныя специальности. Строго судя, это не науки, а ремесла, которыми непріятель вспомогательно окружаетъ важнѣйшее для него ремесло военное, изучая и совершенствуя оное непрестанно. *Военное ремесло теперь и для насъ самое важное.* И для насъ нужны специальности, ближе или далѣе относящіяся къ войнѣ, или же вспомоществующія ей непосредственно. Само военное искусство, по общему мнѣнію, первое здѣсь занимаетъ мѣсто. Рядомъ съ нимъ становится важностию выдѣлка оружія, пушекъ, снарядовъ, а также искусство революціоннаго управленія возстающимъ краемъ. Эти три отдѣла специальности вѣщаютъ въ себѣ рядъ наукъ и прикладныхъ, съ которыми мы обязаны ознакомиться подробно и всесторонне, если хотимъ совѣстливо готовиться къ возстанію, если не хотимъ отдать народныя усилія въ жертву технической недочки либо злоумышленію правителей (*).

III.

Централизація демократическаго товарищества польской эмиграціи, раскинувъ повсемѣстно *секціями*, уставы для единообразной мѣтежнической дѣятельности своихъ сторонниковъ и приверженцевъ, озаботилась и о пригодномъ для польской справы на правленіи подрастающаго новаго поколѣнія, воспитываемаго въ учебныхъ заведеніяхъ. Цѣль была та, чтобы юношество неминус-

(*) Предъ началомъ мятежа 1863 года, революціонный варшавскій центральный комитетъ, собираясь вести правильно организованную войну, хотѣлъ завести тайныя мастерскія и фабрики для исправленія оружія, приготовленія капсулей и пороха и лабораторій. Командированный въ С. Петербургъ съ разными порученіями подземнаго правительства, исключенный изъ гвардейской конной артиллеріи подпоручикъ *Симонъ Падлевскій*, въ декабрь 1862 года, привезъ при возвращеніи увѣдомленіе, что *таковыя техники* по требованію отправятся въ Варшаву.

мо попадало *въ польскіе патриоты*, и на случай мятежа, была готова въ данный моментъ, быть пущенною первою на всякія опасныя предпріятія подготовляющія и рѣшительныя. Устройство, мятежнической организаціи для учебныхъ заведѣній, вмѣстѣ съ распространеніемъ между туземцами, *секцій*, было внесено въ Западную Россію эмиссаромъ Симономъ *Конарскимъ* (въ 1839 году растрѣляннымъ въ Вильнѣ) и имъ привито въ кіевскомъ университетѣ и въ виленской медицинскои академіи. Приведенное свѣдѣніе относится къ состоянію этой мятежнической организаціи въ 1862 году.

Студенты составляютъ особое польское общество, которое для учебныхъ пособій и вспомошествованія неимущихъ товарищей, имѣетъ свою кассу и своихъ кассировъ; эта благонамѣренная цѣль была извѣстна и начальству заведеній.

Ближайшее устройство польскаго студентскаго общества существовало на слѣдующихъ основаніяхъ:

Мятежническая іерархія раздѣлялась на четыре степени, переходъ изъ одной въ другую сопровождался особою клятвою; нижшія степени могли только догадываться о существованіи и предметѣ занятій высшихъ. Польское студентское общество раздѣлялось по мѣсту рожденія на гмины, по давнимъ областямъ Рѣчи Посполитой.

Вновь прибывшій, при поступленіи въ гмину давалъ обѣщаніе вносить 5% изъ своего ежемѣсячнаго прихода и хранить молчаніе о всякихъ могущихъ быть въ его присутствіи польско-патріотическихъ заявленіяхъ, за которые проступки виновный могъ-бы подпасть подъ отвѣтственность. Вступающій въ гмину имѣлъ право пользоваться нужными для занятій книгами изъ особой студентской бібліотеки; гмина заботилась неимущимъ доставлять уроки или другія занятія и въ случаѣ крайности, членъ гмины имѣлъ право на вспомошествованіе изъ общей кассы. Новоприбывшіе снабжались отъ товарищей произведеніями революціонной польской литературы, польско-патріотическое настроеніе давало студенту право на переходъ во 2-й разрядъ; т. е. быть *членомъ съ голосомъ*. Члены съ голосомъ имѣли ежемѣсячныя собранія погмино; на этихъ собраніяхъ избирались *радныи* (совѣтникъ), *кассиръ* и *библіотекаръ*; прежніе должностные могли быть избираемы вновь; *радныи* былъ главный руководитель и распорядитель по дѣламъ гмины, *кассиръ* завѣдывалъ собираемыми деньгами, а бы-

библиотекарь, тою частью общей библиотеки, которая ему поручалась на хранение въ его квартирѣ. Библиотека имѣла два каталога, одинъ книгъ цензурованныхъ, а другой запрещенныхъ. (Въ московскомъ университетѣ первые были подъ буквою Т, а вторые подъ буквою Z).

Радные, кассиры и библиотекари всѣхъ гминъ составляли *третью степень*, такъ называемую *администрацію*, которая изъ среды себя, избирала четвертый, высшій разрядъ—*административный совѣтъ*, состоящій изъ трехъ членовъ: *главнаго раднаго*, *главнаго кассира* и *главнаго библиотекаря*.

Административный совѣтъ, по конспиративной дѣятельности входитъ уже въ сношенія внѣ круга дѣятельности самого заведения.

III.

Отвѣтъ г. Скарятину.

Когда мы писали статью: «Крупные и мелкіе землевладѣльцы,» мы болѣе имѣли въ виду дѣло, чѣмъ газету, крупныя заблужденія которой въ отношеніи къ этому дѣлу заставили насъ взяться за перо; мы не назвали даже этой газеты по имени. Но пословица говоритъ: ударъ по столу и ножницы отозвучатся; такъ случилось и теперь: одинъ изъ дѣятелей этой газеты, которую и теперь женируемся мы, не смотря на наше *семимарство*, назвать по имени, едва только очутился внѣ виленскаго района, какъ разразился надъ нами всею своею спѣсью, не дворянской ругней, жалкимъ остроуміемъ и фальшивыми извѣтами. Г. Скарятинъ догадается теперь, что дѣло идетъ объ немъ, или точнѣе — объ его: «съ дороги» (письмо (*)), и что мы теперь болѣе имѣемъ дѣло съ лицомъ, чѣмъ съ принципомъ. Потому ли, что путевныя впечатлѣнія г. Скарятина находятся еще доселѣ въ хаотическомъ безпорядкѣ, потому ли, что въ ненормальномъ состояніи духа нельзя разсуждать логично, или потому и другому вмѣстѣ, — только въ письмѣ г. Скарятина нельзя встрѣтить ни послѣдовательности, ни серьезнаго взгляда на дѣло, ни доказательствъ тѣхъ обвиненій, которыя онъ, не стѣсняясь, пустилъ въ свѣтъ противъ русскихъ дѣятелей. Поэтому мы вынуждены держаться и въ настоящей бесѣдѣ съ г. Скарятинимъ того же безпорядка, какой царитъ въ его письмѣ.

«Въ Вильно (отъ чего же не въ Вильнѣ?!), всѣ были крайне предупредительны, когда слышали мою русскую рѣчь... однакожь не вездѣ въ Вильно встрѣчаютъ такъ предупредительно русскую рѣчь.» «Всѣ и не вездѣ,» — ужъ не остроуміе ли это *какое либо?* Но въ сторону слова и даже остроуміе. Въ подтвержденіе послѣдняго наблюденія, г. Скарятинъ трагуетъ о томъ, какъ — «въ

(*) Помѣщенное въ 45 № «Вѣсти».

прихожей или кухни» (*) его, самого г. Скарятинъ, козака принялъ, лежа. Въ объясненіе этой невѣжливости, — образчика которой ни мы, и никто изъ нашихъ знакомыхъ не встрѣчали здѣсь въ теченіи трехъ лѣтъ, — знакомые г. Скарятинъ приводили причину болѣе чѣмъ вѣроятную, именно, — что козака принялъ г. Скарятинъ за поляка. «Утѣшительно для поляковъ, вынужденныхъ являться къ русскимъ чиновникамъ,» — восклицаетъ гуманный г. Скарятинъ въ отвѣтъ на это объясненіе. Чтожъ дѣлать, отвѣтимъ и мы г. Скарятину: насильно милымъ не будешь ни кому; а у козаковъ слишкомъ мало причинъ и побужденій гуманичать, ломаться и кривить душою предъ поляками. Отчего вы не предположите, г. Скарятинъ, такой случай, что у этого козака сидѣла въ ногѣ польская пуля, поневолѣ заставляющая его держать ноги вверхъ, или еще проще, — что козака, не знакомый съ столичнымъ этикетомъ и двоедушіемъ, не побезповоился предъ человѣкомъ, идущимъ чрезъ кухню? Но это мелочь; а вотъ что главное: уже ли г. Скарятинъ не могъ найти въ Вильнѣ явленія, болѣе достойнаго русскаго наблюдателя, — уже ли нельзя было прожить въ Вильнѣ нѣсколько дней и написать объ ней письмо — безъ того, чтобы не бросать грязью въ козака и многое другое — чистое-русское? По неволѣ приходишь къ тому убѣжденію, что человѣкъ всегда почти найдетъ то, чего ищетъ, и что можно пропутешествовать очень долго, ничего не находя и не встрѣчая, кромѣ «сору да навозу.» Ищите, г. Скарятинъ, и найдете!...

Откуда г. Скарятинъ почерпнулъ ту сентенцію, что путемъ контрибуціи хотять заставить пановъ продать свои имѣнія дешевле? не изъ польскихъ ли комментаріевъ? Правда, г. Скарятинъ оговаривается, что это ему сказалъ «одинъ изъ защитниковъ здѣшней администраціи.» Положимъ; но развѣ этотъ защитникъ не могъ смотрѣть на дѣло такъ же своеобразно; а еслибъ онъ — предположимъ невозможное — попалъ въ мысль администраціи, уже ли все, что скажетъ, словно на духу, русскій русскому, должно быть профанировано въ печати, переносимо во враждебный лагерь? Причины контрибуціи такъ очевидны, такъ открыто, честно и основательно узаны правительствомъ, что произвольное толкованіе ихъ болѣе чѣмъ не благоразумно.

(*) Развѣ нельзя отличить первой отъ послѣдней и развѣ нельзя было, для убѣжанія неприятныхъ qui pro quo, пойти параднымъ ходомъ?

Въ подтвержденіе «несправедливости и безцѣльности» (*) контрибуціи, г. Скарятинъ приводитъ то личное убѣжденіе, что теперь «изчезла даже всякая тѣнь возможности каковаго либо движенія... беспорядковъ».. и что нельзя «серьезно вѣрить въ возможность заговоровъ.» Дѣйствительно, *теперь* нельзя вѣрить въ возможность беспорядковъ, хотъ и не заговоровъ. Пока status quo продолжается, движеніе повториться не можетъ; но послѣдуйте только совѣтамъ гг. Скарятинныхъ, — отмѣните контрибуцію, снимите военное положеніе, выбросьте лѣтъ на десять изъ головы мысль о «возможности польскихъ беспорядковъ», усните себя оптимизмомъ, что все обстоитъ и будетъ обстоять спокойно и благополучно, не примите тѣхъ мѣръ, которыя должны дать другой характеръ цѣлому краю — и польскій бунтъ упадетъ на западную Россію, какъ мокрый снѣгъ на голову. Гдѣ доказательства, спрашиваетъ г. Скарятинъ? Въ исторіи, г. Скарятинъ, въ характерѣ и тенденціяхъ есендзо-шляхетскихъ. Ужели вы думаете, что этотъ характеръ, эти тенденціи ослабли или измѣнились отъ подавленія бунта, отъ контрибуцій, конфискацій, военного положенія? Мы думаемъ, что отъ такихъ причинъ такія тенденціи не ослабѣваютъ, а усиливаются; только лишь, до поры — до времени, не проявляются въ фактахъ, терзаютъ душу, во глубинѣ которой таятся. Развѣ насъ не обозвали Донъ-кихотами такіе какъ вы, г. Скарятинъ, мыслители въ 62 году, а особенно, когда мы, въ ноябрѣ этого года, пророчествовали о близости польской «рѣзни»? Развѣ въ концѣ 20 годовъ не убаюкивалъ кое-кто себя, а особенно другихъ блаженнымъ оптимизмомъ? Нѣтъ, г. Скарятинъ, плохо вы изучали польскую исторію, мало знаете шляхетско-есендзовскую натуру, закалъ панизма и полонизма, не долго вы жили въ Вильнѣ, когда думаете, — или шутите, — что бунтъ польскій абсолютно — невозможенъ отъ того только, что его *теперь* нѣтъ, или что онъ невозможенъ въ ближайшемъ будущемъ. Но мы даже не ручаемся и за это будущее, если только какія нибудь комбинаціи политическія вовлекутъ Россію въ настоящую европейскую войну... Кое какое движеніе, или точнѣе — сѣзды и разсѣзды, гордая осанка, свѣтлѣющія на фізіономіяхъ надежды, говорятъ, замѣчаются.

(*) Не берете ли вы, г. Скарятинъ, на себя роль, болѣе чѣмъ самозванную, выражаясь такимъ образомъ? Вездѣ контрибуціи взимаются съ Высочайшаго утвержденія.

Перейдемъ къ нежеланію пановъ польскихъ продавать свои имѣнія людямъ русскимъ. Г. Скарятинъ думаетъ, что люди, ищущіе причинъ этого нежеланія въ закахъ политическомъ, «сбиваютъ съ толку, морочатъ, вводятъ въ заблужденіе общественное мнѣніе Россіи, разжигаютъ страсти» и проч. Напрасно такъ думаетъ г. Скарятинъ: все это дѣлаетъ онъ самъ, отыскивая причину этого нежеланія, или точнѣе упорства, въ ариметикѣ. Напрасно г. Скарятинъ такъ легко относится къ такимъ доводамъ своихъ противниковъ, каковы: «польскій патриотизмъ, іезуитская интрига, польскій катихизисъ»; напрасно онъ требуетъ другихъ болѣе серьезныхъ доводовъ. Болѣе серьезныхъ и согласныхъ съ дѣйствительностью доводовъ быть не можетъ. Г. Скарятинъ аргументируетъ такъ: » пусть администрація опубликуетъ находящіеся у нея доказательства, что поляки упорствуютъ продавать имѣнія по причинамъ политическимъ и... поставитъ вопросъ вѣдъ спора». Не знаемъ есть ли у администраціи такіа доказательства, а если есть, то всегда ли ихъ удобно публиковать; знаемъ только то, что г. Скарятинъ, должно быть, слишкомъ наивенъ, когда думаетъ, что пани, не продающій имѣнія по причинамъ политическимъ, такъ-таки нервову ветрѣчному и бракетъ: »я, дескать, не продаю имѣніи потому, что это запрещаетъ 1-й § польскаго катихизиса, что мы надѣемся, при удобномъ случаѣ, возвратитъ себѣ этотъ край «завранний» и принятъ за вождѣнную панцизму и всяческое насиліе» (*). По неволѣ пани, по примѣру г. Скарятина, дѣлать отводъ на причины ариметическія; но ариметика ихъ держится, вѣроятно, такихъ выкладовъ: $2 + 2 = 5$. Чистая арифметика говоритъ, что пани запрашиваютъ за свои имѣнія-то двойную, то тройную цѣну. Въ Могилевской губерніи продано нѣсколько имѣній даже чуть не за четверную цѣну, потому что продана (по расчету на души) ревизская душа по 400 руб., тогда какъ она продавалась тамъ *во время барщины* около ста рублей. Пусть вчитается г. Скарятинъ въ известную статью, перепечатанную изъ Кіевлянина во всѣ газеты, и онъ узнаетъ изъ этой статьи, что, въ началѣ кіевской крещенской ярмарки, охотниковъ продать имѣнія было много, что дѣны были объявлены почти подходящія, что были «серьезные пе-

(*) Не смотря на то, что г. Скарятинъ заданъ причиной ариметической, онъ самъ проговорился о «нѣкоторыхъ исключеніяхъ», почеркнутыхъ изъ бесѣды съ административными чиновниками, и доказывающихъ существованіе причинъ явленія политическихъ.

кушники», но что потомъ, пошумувавъ, конечно, между собою, пани начали ломать за свои имѣнія такія цѣны, которыя отзывались шуткой, и которыя по неволѣ устранили всякую возможность основательной сдѣлки. Напрасно даже г. Скарятинъ думаетъ, что его «пріятель» купилъ имѣніе слишкомъ дешево, заплативъ десятину земли по 12 р. 50 коп. Онъ заплатилъ за имѣніе почти вдвое дороже противъ его стоимости, если купилъ его въ Виленской, или Витебской губерніи, и если продавецъ въ эту цифру не включилъ выкупной суммы за крестьянскій надѣлъ землею. Что бы было дѣло чище, нужно было г. Скарятину назвать имѣніе по имени; въ этомъ не можетъ быть секрета; тогда бы мы, рассчитавъ всю вырученную продавцемъ за имѣніе сумму, примѣнительно къ ревизскимъ его душамъ, могли бы судить основательно о дешевизнѣ, или дороговизнѣ покупки. Нельзя не взять при этомъ въ расчетъ различіе экономическаго труда обязательнаго отъ вольнонаемнаго. За одну только обмолвку г. Скарятину мы ему и благодарны,—это за предположеніе, что «большинство поляковъ рассчитываетъ перенести свои капиталы (вырученные за проданныя имѣнія) за границу». Должно быть г. Скарятинъ входилъ въ интимныя бесѣды со многими панами, когда они были предъ нимъ такъ откровенны, и когда онъ говоритъ о «большинствѣ». И мы когда-то сдѣлали намекъ на опасность утѣва русскихъ денегъ, вырученныхъ панами за проданныя ими имѣнія, за границу; теперь г. Скарятинъ доказываетъ, что этотъ намекъ не былъ напрасенъ, и что противъ этой опасности мы должны взять свои мѣры, состоящія хоть бы томъ, что бы панство получало плату за проданныя имѣнія такими бумагами русскими, которыя не имѣли бы ходу за границей, на которыя можно было бы купить имѣніе въ сѣверовосточной Россіи, Финляндіи, или Царствѣ польскомъ, пускаться въ Имперію во всѣ коммерческія предпріятія, но на которыя нельзя было бы, напримѣръ, формировать «польскихъ легионовъ».

А вотъ и личный расчетъ нашъ съ г. Скарятинимъ. Инсинуаціи свои и фальшивые извѣты г. Скарятинъ начинаетъ нѣкоторыми общими прелюдіями, не лишенными интереса. Изъ этихъ прелюдій видно, что за идеи независимыхъ изданій, проводимыя въ границахъ закона, администрація не несетъ отвѣтственности. Ужели это новость! Было бы очень оригинально, если бы администрація стѣбчала за бредни независимыхъ газетъ! Но дѣло не въ отвѣтѣ администраціи предъ кѣмъ-то за диссонансы какихъ то независимыхъ газетъ, а объ отвѣтственности сихъ послѣднихъ предъ адми-

нистраціей — всякій разъ, когда онѣ резонируютъ не въ «границахъ закона». А что для этихъ изданій, законъ иногда не писанъ, то подтверждается постоянными предостереженіями, прекращеніями и даже закрытіями этихъ изданій. Этотъ мотивъ понадобился въ прелюдіи г. Скарятину для того, чтобы сдѣлать «Вѣстникъ западной Россіи» органомъ официальнымъ и отвѣтственность за его промахи (воображаемые) свалить на администрацію. Г. Скарятину видимо не счастливится въ дѣлѣ истины: Вѣстникъ — органъ независимый; кромѣ обыкновенной цензуры, предъявляющей, въ случаѣ какихъ либо ея недоразумѣній, статьи Вѣстника на усмотрѣніе г. главнаго начальника края, онъ никакой другой зависимости ни отъ кого не испытываетъ. Такимъ образомъ г. Скарятину, къ его огорченію, снова не посчастливилось и въ упрекъ, или вѣрнѣе — клеветѣ на безупречную здѣшнюю администрацію. Но статья: «крупные и мелкіе землевладѣльцы», равно какъ и всѣ статьи Вѣстника и весь Вѣстникъ, такого свойства, характера и направленія, что администраціи ни отвѣчать, ни краснѣть за нихъ никогда не приходилось и не придется. Будьте твердо увѣрены въ этомъ, г. Скарятинъ.

Въ той же прелюдіи, г. Скарятинъ старается, хоть и весьма туманно и непослѣдовательно, поставить въ отвѣтственность администрацію предъ правительствомъ, (*) а Вѣстникъ предъ того и другимъ. Вотъ мотивы, которыми г. Скарятинъ хочетъ достигнуть этой двойной цѣли. Онъ говоритъ: «Въ Россіи всѣ здравомыслящіе люди давно пришли къ убѣжденію, что обрусить западный край (?) возможно только посредствомъ русскаго землевладѣнія. Въ томъ же смыслѣ высказалась и верховная — власть.» А развѣ Вѣстникъ западной Россіи думаетъ иначе и развѣ не здѣшняя администрація ходатайствовала о томъ же? Прочитайте, г. Скарятинъ, статью Вѣстника: «Газетные толки о землевладѣніи въ западной Россіи,» помѣщенную въ 6-й книжкѣ его за настоящій годъ, и вы увидите, какъ изъ этой статьи, такъ равно и двухъ другихъ, что Вѣстникъ далеко давнѣе всѣхъ «людей русскихъ» пришелъ къ тому выводу, что главная сила польскаго вопроса въ польскомъ землевладѣніи, что мы обязаны сокрушить эту силу и стараться обратить земли польскія въ земли русскія, и что, пока мы этого не сдѣлаемъ, подъ нами не будетъ почвы, наши права на обладаніе краемъ будутъ апіорны, мы будемъ подвергаться необходимости укрощать періо-

(*) Какое удачное разграниченіе!

дическіе польскіе бунты и проч., и проч. Эти истины кратко высказаны нами назадъ тому почти три года (*), а окончательно развиты въ томъ же году, спустя три мѣсяца (**), и повторены снова въ названной выше статьѣ.

Попытка г. Скарятина утвердить любимую мечту свою на почвѣ исторической также неудачна. Исторія ни единымъ намекомъ не аккомпанируетъ скарятинскому мечтанію, что «русскій край ополчился отъ того, что *крупное* землевладѣніе попало въ польскія руки.» Исторія, или точнѣе—политико экономическое наведеніе можетъ доказать только то, что одной изъ *второстепенныхъ* причинъ ополченія края былъ переходъ земель русскихъ не къ польскимъ магнатамъ вѣдственности, а къ польской шляхтѣ, или точнѣе—къ Польшѣ вообще; что магнаты меньше всѣхъ лицъ и сословій занимались пропагандою политической и религіозною; что нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, словомъ и дѣломъ стояли за диссидентовъ, за права народныя, унимали ревность не по разуму пропагандистовъ папства и колонизаціи; что, живя большею частію при дворѣ, или въ тѣсномъ и недоступномъ кружку немногихъ равныхъ себѣ по величію избранныхъ, живя для своего удовольствія и фаворитовъ,—магнаты не имѣли ни возможности, ни охоты заниматься скучными дразгами совращеній политическихъ или религіозныхъ; что этимъ дѣломъ по преимуществу озабочивались второстепенныя административныя лица, мелкіе паны, представители буржуазіи, рожонцы, администраторы, экононы и другая челядь панская,—т. е. людъ, съ которымъ ксендзъ жилъ за панибрата, и на котораго содѣйствіе онъ разсчитывалъ несомнѣнно. Да, все это говорить, г. Скарятинъ, та исторія, которой вы не знаете, и на которую, при всемъ томъ, вы опираетесь съ такою самоувѣренностью невѣденія. Прочтите со вниманіемъ 2 выпускъ сборника документовъ, который скоро будетъ нами изданъ, и вы увидите, что исторія говоритъ совсѣмъ не то, что вы пишете. Собственно говоря, колонизація не шла даже отдѣльно, а какъ то плелась издали, припутывалась случайно къ пропагандѣ религіозной,—такъ что, за исключеніемъ двухъ-трехъ декретовъ королевскихъ, трактующихъ о федераціи съ Польшей захваченныхъ его націей, мы не находимъ прямыхъ притязаній *собственно на ополченіе*, особенно

(*) Въ статьѣ: «Слово къ враждебнымъ полякамъ.» Вѣстн. 1863 г., кн. 3 отд. IV, стр. 65.

(**) Книга 6, отд. III, статья: «По поводу корреспонденц. московск. прессы,» стр. 55—60.

со стороны магнатовъ. Короче: легче клеветать на наторю, прикрывать ея тогой свои парадоксы, нежели изучить ея. «Ясно ли это?», спросимъ и мы, вмѣстѣ съ вами, г. Скарятинъ.

Но, положимъ, что польскіе магнаты ополячили край русскій, чтожъ изъ этого? Развѣ это несчастье можетъ повториться послѣ тѣхъ явленій и мѣропріятій, которыя теперь вдохнули новую жизнь въ западную Россію? Развѣ русскіе унизятся до тѣхъ средствъ обрусѣнія края, къ какимъ прибѣгало всендзо-шляхетство (не говоримъ магнаты) для олатиненья его и ополяченья?... Въ статьѣ, противъ которой геройствуетъ г. Скарятинъ, доказано такъ ясно, такъ разносторонно и непоколебимо неудобство обрусѣнія края посредствомъ введенія крупнаго змлевладѣнія русскаго, что нужно больше отваги чѣмъ здравомыслія, что бы упорствовать въ дальнѣйшемъ отстаиваньи парадокса, лишеннаго всякой точки опоры. Г. Скарятинъ имѣетъ незавидную привычку ратовать съ заключеніями и обходить послыши, или что тоже-отвергать итогъ, не отвергнувъ ни одной цифры, изъ которыхъ онъ составленъ. Результаты подобной стратегіи всегда—самые плачевные. Это все равно, что оставлять позади себя неприступныя крѣпости, сильныя арміи и тѣшить себя надеждой, съ крошечнымъ отрядцемъ, взять столицу. Изъ примѣра яснѣе: мы говоримъ: мелкіе землевладѣльцы больше и скорѣе обрусѣютъ край, нежели крупныя,—и приводимъ разные доводы, на которыхъ неизбѣжно опирается эта истина; а г. Скарятинъ упорствуетъ въ противномъ и не приводитъ ни одного доказательства, а только лишь горячится, наушничаютъ, придирается къ непонятнымъ для него словамъ, съ ожесточеніемъ бросается на фразы, оторванныя отъ контекста, и проч. Такая жалкая полемика была бы оставлена нами безъ вниманія, еслибы она оскорбляла только нашу личность; и «соловей улетѣлъ только за тридевять морей,» но не спорилъ съ своимъ критикомъ; и мы бы охотно послѣдовали его примѣру, если бы нашъ критикъ не поглумился надъ весьма важными принципами, не бросилъ грязью въ честную, неутомимую и благонамѣренную администрацію, не резюмировалъ въ интересахъ егомосцей нѣкоторыхъ мѣропріятій правительства, не дѣлалъ вредныхъ для русскаго дѣла внушеній и кривыхъ толковъ законодательства, не замечалъ слѣдовъ, по которымъ нужно отыскивать пути къ подавленію въ странѣ папизма и полонизма (*)

(*) Вчитайтесь только во 2-е письмо—«съ дороги» г. Скарятина (№ 46) объ учрежденіи поземельнаго банка, и вы ясно увидите, чего онъ хочетъ, куда гадеть,—какихъ только тамъ не напутано слѣдовъ для отвода отъ истины!

Съ такою публицистскою, точно, можно достигнуть почтенной цифры подписчиковъ (*), но не въ средѣ людей истинно русскихъ; подписчики эти могутъ составиться на счетъ убыли ихъ въ какойнибудь покалывшейся газетѣ; но такому успѣху, конечно, мы не завидимъ.

Вотъ нѣсколько образчиковъ полемики г. Скарятинъ, — какъ фактическихъ доказательствъ непогрѣшимости нашего ей приговора: «общественное мнѣніе, — выражаемся нѣсколько короче, чтобъ раскутать фразу отъ лишнихъ наростовъ и сберечь мѣсто и время, — общественное мнѣніе хочетъ вѣрить, что администрація рада прибывающему крупному землевладѣльцу, а какіе то (честные, г. Скарятинъ, которыхъ нѣто и ничто не можетъ уклонить отъ сознанія долга и истины) журналисты въ Вильно (а почему вы не говорите: въ Вильнѣ; ужъ не на основаніи ли исторіи?) подъ казенною печатью (какъ это?) провозглашаютъ: «мы даже (слова Вѣстника) не безъ основанія предполагаемъ, что народъ далеко не такъ симпатично отнесется къ магнату, какъ къ мелкому землевладѣльцу русскому». Обратите вниманіе, г. Скарятинъ, должное вниманіе на слова: *предполагаемъ, не безъ основанія, не такъ симпатично*, и вы сами расскажете въ торопливости вашего увлеченія и напрасности дальнѣйшей вашей филиппики. Предположеніе, что русскаго магната народъ встрѣтитъ не такъ симпатично, какъ мелкаго землевладѣльца, опирается на такихъ основаніяхъ, которыхъ никакая сила подкопать, пошатнуть, разрушить не востояніи. А вы, по старой привычкѣ, принялись за итогъ, заключенье, столицу, оставивъ не сподручныя вамъ цифры, послышки, цитадели и арміи. *Vana iŕa sine viribus*, г. Скарятинъ! напрасны дальнѣйшіе ваши возгласы: «вотъ какая встрѣча ждетъ въ краѣ крупнаго землевладѣльца русскаго!» Какая же встрѣча? Къ нему народъ отнесется симпатичнѣе, чѣмъ къ польскому магнату; это у насъ доказано; только лишь не потому что онъ крупный землевладѣлецъ — а что онъ русскій; къ такому землевладѣльцу отнесется народъ не такъ лишь симпатично, какъ къ мелкому; это у насъ тоже доказано, — мы не любимъ горячиться изъ любви къ искусству, или по увлеченію своимъ величіемъ и непогрѣшимостью. Да, г. Скарятинъ, для обрусѣнія края нужны люди чисто русскаго «закала»; люди такого закала какъ, — съ позволенія вашего, — вы, да подобные вамъ, могутъ только понятить русское дѣло на-

(*) Вѣсть, № 45, первыя строки передовой статьи.

задь,—будь они крупные или мелкіе землевладѣльцы. И само правительство даю почувствовать, какому землевладѣнію русскому даетъ оно преимущество въ дѣлѣ обрусѣнія края,—когда постановило раздавать конфискованныя и себестрованныя земли не цѣлыми имѣніями, а участками отъ 400—600 десятинъ, а для отдачи большаго количества земли въ одни руки приваило всякій разъ испрашивать особое разрѣшеніе.

Что бы поставить насъ въ отвѣтственности не только предъ администраціей, но и предъ крупными землевладѣльцами, г. Скарятинъ продолжаетъ: «цѣлыя страницы переполнены злостными выходками и семинарскимъ юморомъ (sic!) противъ высшихъ классовъ» (?). Въ подтвержденіе этой выходки—инсинуаціи (*), г. Скарятинъ цитируетъ слѣдующія выдержки изъ Вѣстника: «зачѣмъ крупному землевладѣльцу, находящемуся (слѣдуютъ слова Вѣстника, отмѣченныя курсивомъ) *подъ обаяніемъ геральдическихъ традицій, слававшихся ея архивъ 17 генерацій*», являться въ западный край. Его вліяніе на народъ *будетъ равняться нулю, если не хуже*». Дальше слѣдуетъ толкованіе слова—*хуже*, которое мы откладываемъ надальше. Эту инсинуацію мы назвали *выдержкой*, и сами чувствуемъ неточность этого слова. Дѣло въ томъ, что г. Скарятинъ, обыкновенно борющійся съ заключеніями, отпилилъ поцитованную фразу отъ контекста, и въ ней осталось столько примѣтъ мысли, изъ которой она вырвана, сколько остается въ ногтѣ или волосѣ примѣтъ того человѣка, которому они принадлежали. Эта фраза обставлена въ Вѣстникѣ такими частностями и оговорками: *можетъ случиться, что какой нибудь крупный землевладѣлецъ, соціальныя идеи котораго развивались... (и проч., какъ сказано выше), спѣсиво отнесетъ къ своимъ сосѣдямъ, и проч.* Все это,—сказано въ заключеніи,—*вещи не невозможныя*. Изъ этого сопоставленія выдержекъ выходитъ, что г. Скарятинъ позволилъ себѣ слишкомъ безцеремонное самоправство и насиліе надъ чужимъ словомъ и мыслию, что весьма случайную частность онъ возводитъ въ общее знаменованіе, и что наше возможное онъ переименовывать въ дѣйствительное,—наше исключеніе въ правило. Мы говоримъ о *возможности* спѣсиваго крупнаго землевладѣльца, а онъ всѣхъ ихъ дѣлаетъ спѣсивыми. Мы думаемъ, что г. Скарятинъ ока-

(*) Употребляеть по необходимости это модное теперь, хоть и неграмматическаму, слово.

заявлять медвѣжьёю услугу тѣмъ, на комъ хотѣлъ обгонять мухъ и въ тоже время поступилъ съ нашей мыслью, по меньшей мѣрѣ, нечестно и нелогично. Если мы и не страдаемъ «предразсудкомъ сословности», то и не относимся ни къ какому сословію не только «злостно», враждебно, но даже презрительно «съ юморомъ». Мы знаемъ, что во всякомъ сословіи есть люди, достойные нашихъ симпатій, дѣлающіе честь своему сословію, равно какъ и люди, которыхъ презирать можно и должно, которые срамятъ родъ свой и званіе. Абсолютное куренье ошіама предъ извѣстнымъ сословіемъ, равно какъ и поголовное его порицаніе, по нашему, равно негѣны. Мы всегда были далеки отъ мысли, тѣмъ болѣе отъ желанія оскорблять поголовно такое почтенное сословіе, какъ русское дворянство; мы лучше г. Скарятину знаемъ услуги, оказанныя этимъ сословіемъ отечеству; при всемъ томъ, никто не можетъ насъ заставить воздавать поголовное раболѣпство недѣлимымъ, составляющимъ это сословіе. Уваженіе наше къ симъ послѣднимъ всегда идетъ обруку съ личными ихъ заслугами и посильнымъ служеніемъ ихъ интересамъ нашей вѣры, престола и отечества. Мы доселѣ твердо помнимъ переведенную Кантемиромъ сатиру Боало: «объ истинномъ благородствѣ», которую зубрили въ дѣтствѣ, и которую совѣтуемъ г. Скарятину прочитатъ со вниманіемъ. Но какъ бы ни было глубоко наше уваженіе къ крупнымъ землевладѣльцамъ, мы все—таки, по причинамъ, указаннымъ въ извѣстной статьѣ нашей, остаемся при томъ убѣжденіи, что край больше и скорѣе обрусится мелкими, чѣмъ крупными землевладѣльцами, и что личное вліяніе на народъ такого крупнаго землевладѣльца, котораго имѣнія простираются на десятки верстъ, и который едва ли даже станетъ жить въ этихъ имѣніяхъ, будетъ равняться нулю. Что касается слова—«не хуже», г. Скарятинъ изобрѣтаетъ такое для него толкованіе: «судя по недосказаннымъ соображеніямъ автора, это (не хуже) значитъ—(,) что полякъ, что русскій *магнатъ* (курсивъ г. Скарятина)—все одно». Нѣтъ, г. Скарятинъ, вамъ также не да-лась герменевтика, какъ исторія, арифметика и логика. Смыслъ слова «не хуже» весьма ясенъ; авторъ вполне высказался; соображенія его очевидны: онъ разумѣлъ *возможною* спѣсиваго барина и считалъ только излишнимъ повторяться. Онъ думалъ, что спѣсивый баринъ *можетъ* взглянуть слишкомъ преувеличенно на свое величіе и ничтожество недавняго холопа, *можетъ* отнестись къ нему, въ случаѣ инерціи, высокомѣрно, репрессивно, какъ *теперь* не можетъ отнестись къ нему магнатъ польскій; *можетъ* сказать ему:

«я вамъ не полякъ, вы у меня держите ухо востро,— не бунтуйтесь, а то я васъ!...» Все это вещи не невозможныя.

Словомъ— *магнатъ* г. Скарятинъ думалъ нанести намъ окончательное поражение и остался при одномъ намѣреніи: онъ хватался нѣсколько разъ за это оружіе, но оно оказалось картошкой и тупѣ всякихъ другихъ орудій изъ арсенала г. Скарятина: оно доказало, что г. Скарятину также далась филологія, какъ исторія, арифметика, логика и герменевтика. Слово «магнатъ» есть слово не польское, а общеевропейское; оно также принадлежитъ польскому языку, какъ дефицитъ, прогрессъ, спеціалистъ, агентъ и безчисленные другія, формированныя изъ классическихъ языковъ, получившія право гражданства во всѣхъ новѣйшихъ языкахъ, незамѣнимыя однимъ словомъ и даже неполнѣ выражаемыя оборотомъ, фразой. Таково и слово магнатъ, означающее вмѣстѣ и крупнаго землевладѣльца, и знаменитаго боярина, а особенно вліятельную на дѣла, вѣскую личность. Такое безразличное и, конечно, безобидное названіе различается въ національномъ смыслѣ прилагательными къ нему эпитетами: магнатъ польскій, магнатъ русскій и проч. И «Вѣсть» чувствовала, что слово магнатъ не совмѣщаетъ въ себѣ идеи польскаго магната, и потому не сказала, что «правительство желаетъ создать въ краѣ партію (русскую), которая могла бы противодѣйствовать партіи магнатовъ», а прибавила: *польскихъ магнатовъ*, и тѣмъ самымъ доказала, что безъ этой прибавки слово магнатъ осталось бы безразличнымъ, понятіемъ неопредѣленнымъ, недоконченнымъ! По поводу только этой прибавки, и мы употребили, отвѣчая на тираду съ этой прибавкой, слово магнатъ, прибавивъ къ нему, какъ для соответствія слововыраженію Вѣсти, такъ и для опредѣлительности идеи, слово— «русскій, православно-русскій». Во всѣхъ другихъ мѣстахъ статьи мы употребляли обороты: «крупный землевладѣлецъ, большой помѣщикъ, крупный помѣщикъ», и однажды слово баринъ, когда оно оказалось сподручнѣе въ контекстѣ всякаго другого (*). Впрочемъ, мы извиняемъ промахъ и придирку г. Скарятина частію его невѣдѣніемъ, частію его положеніемъ: нужно же было придратъся хоть къ чему либо, хоть къ непонятному для него слову, когда нельзя было придратъся къ дѣлу, выпутатъся изъ сѣти діалектики своего

(*) А если назовемъ польскихъ магнатовъ «крупными землевладѣльцами», не оскорбятся ли слова русскіе крупные землевладѣльцы?

противника, найти въ его силлогистикѣ трещины, въ которыя могла бы запустить свои когти логичная критика.

Но, если мы предположили возможность спѣсиваго магната русскаго, за то г. Скарятинъ слишкомъ ужъ часто, поголовно и, можно сказать, непростительно—дерзко относится ко всѣмъ чиновникамъ русскимъ. Кромѣ постоянныхъ, враждебныхъ всей корпораціи, безспорно имѣющей первѣйшее право на всеобщее уваженіе и признательность, выходовъ и оскорбленій,— г. Скарятинъ истощаетъ надъ этой благородной, самоотверженной, трудолюбивой корпораціей всю свою желчь и все свое *гимназическое* остроуміе. Чиновникъ у него синонимъ и «афериста и голыша» (*) (sic!) и т. подобн. Дайте себѣ, г. Скарятинъ, хоть однажды отчетъ въ томъ, что вы пишете. Вы постоянно оскорбляете чиновниковъ, а понимаете ли вы, что такое чиновникъ? Чиновникъ есть человекъ, посвящающій всю свою нравственную дѣятельность разностороннимъ пользамъ своего отечества, есть человекъ, принадлежащій (у насъ) къ одному изъ 14 ранговъ, имѣющій чинъ, отъ котораго онъ и получилъ свое названіе. Такимъ образомъ, въ полномъ объемѣ этого слова, подъ идею чиновника подходятъ всѣ, служащіе престолу и отечеству, начиная отъ канцелярскаго чиновника, до предсѣдательствующаго въ комитетѣ министровъ, отъ прапорщика до фельдмаршала. Только повелитель, глава, *господинъ*, націи выдѣляется изъ группы чиновниковъ, какъ слугъ, — *служащихъ*. Огромное большинство этихъ достоуважаемыхъ дѣятелей исходитъ, какъ и должно быть, изъ той ереды, которая больше всякой другой имѣетъ средствъ къ нравственной подготовкѣ для служенія престолу и отечеству, — изъ дворянскаго, то есть, сословія. Были времена, когда служба считалась обязательною для всякаго дворянина, когда неслужащій дворянинъ считался почти ничѣмъ. Какъ бы то ни было, только то несомнѣнно, что г. Скарятинъ наноситъ самыя непростительныя оскорбленія *всей* корпораціи нравственныхъ дѣятелей Россіи. Быть можетъ, г. Скарятинъ понимаетъ часть вмѣсто цѣлаго, недѣлимыхъ вмѣсто корпораціи; но мы не имѣемъ никакого основанія прибѣгать къ такому нелогичному, хоть и великодушному, толкованію выходовъ г. Скарятина противъ чиновниковъ: идеи чиновника онъ нигдѣ не слу-

(*) Статья, на которую мы отвѣчаемъ г. Скарятину, «Вѣсть», № 45 (1866 г.) стран. 2.

живається добавленіємъ къ ней понятій или эпитетовъ въ родѣ: *которые* чиновники, *есть* чиновники и т. п. Ясно для всякаго, что г. Скарятинъ снова оказываетъ медвѣжью услугу большинству дворянской (служащей) корпораціи и прямо нарушаетъ Высочайшій рескриптъ 13 мая, повелѣвающій—«прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями.» Мы думаемъ, что корпорація чиновниковъ, какъ самое полезное, видное и достойное всеобщей признательности и уваженія сословіе, не исключено изъ этихъ, Богомъ вдохновенныхъ, словъ того рескрипта, который причислить исторія къ группѣ самыхъ славныхъ намятниковъ настоящаго Царствованія.

Г. Скарятину показалось недостаточнымъ поставить насъ въ отвѣтственности предъ администраціей и дворянствомъ,— онъ хочетъ видѣть насъ даже нарушителями Высочайшаго рескрипта 13 мая. «Высочайшій рескриптъ,— пишетъ г. Скарятинъ,... указываетъ, что силы эти (*здравая, охранительная, бобронадежная*) заключаются въ землевладѣніи,— а въ Вильно (Ѣ) какіе-то (уже сказано какіе) журналисты проповѣдуютъ, что въ мировныя учрежденія землевладѣльцевъ пускать не слѣдуетъ» (*). Мы не говоримъ г. Скарятинъ, о томъ, что вы говорите: сказанное вами— сочетание сахару съ дегтемъ,— огня со льдомъ; мы только думаемъ о томъ, что вы хотѣли сказать. Взвѣсилили вы важность вашего фальшиваго доноса, понимаете ли серьезность отвѣтственности, къ которой позовемъ мы васъ, если вы его не докажете?! Мы съ молокомъ матернимъ всасывали въ себя тѣ начала, которыми проникнуть,— опять повторимъ,— вдохновенный Богомъ рескриптъ 13 мая; съ тѣхъ поръ, какъ мы стали лепетать слова: Богъ, Царь, Россія— и доселѣ, мы всѣмъ естествомъ нашимъ служили и служимъ этимъ началамъ, ратуемъ за нихъ со всѣми— чужими и своими нарушителями ихъ; у насъ нѣтъ силъ выразить тотъ восторгъ, тѣ слезы, то блаженство, съ которыми мы читали и лобызали этотъ незабвенный рескриптъ,— а вы, г. Скарятинъ, позволили себѣ какъ бы глумиться надъ нимъ, извращать его богомудрые глаголы, дѣлать изъ святыхъ словъ его кощунственное примѣненіе къ вашимъ грѣшнымъ помысламъ, клеветать,— скажемъ положа руку на сердце,— на однихъ изъ

(*) Возгласы г. Скарятина на счетъ того, будто бы кто либо исключаетъ изъ обязательствъ рескрипта 13 мая западн. Россію не стоятъ никакого вниманія.

благоговѣннѣйшихъ его члителей и провозвѣстниковъ, глумиться надъ нашими слезами, нашимъ восторгомъ, нашею молитвой!!.. Если мы напрасно ставимъ васъ, г. Скарятинъ, предъ судомъ вашей совѣсти, то мы васъ снова поставимъ предъ судилищемъ неумолимой логики— и спрашиваемъ васъ: гдѣ вы нашли въ нашихъ статьяхъ (всѣхъ) хоть тѣнь неуваженія къ праву собственности вообще и землевладѣнiю вчастности? Какую вы нашли связь между землевладѣнiемъ и мировыми учрежденiями, или,— выражаясь въ духѣ вашихъ понятiй,— между чиновникомъ и землевладѣльцемъ? Найдете ли вы хоть одинъ намекъ въ Высочайшемъ рескриптѣ на мировыя учрежденiя и на неотдѣлимость ихъ отъ землевладѣнiя? Когда мы отдаемъ преимущество въ дѣлѣ обрусѣнiя западной Россiи среднему землевладѣнiю предъ крупнымъ, развѣ мы тѣмъ самымъ не ратуемъ за права собственности, за землевладѣнiе? Къ чему жъ вы поставили предъ судомъ Высочайшаго рескрипта людей, для которыхъ нарушенiе его мыслию, не только словомъ или дѣломъ,— есть абсолютная невозможность!? Вамъ, г. Скарятинъ, хотѣлось какъ нибудь приурочить нашъ взглядъ на мировыя учрежденiя къ нарушенiю Высочайшаго рескрипта? Попытка неудачная, доносъ бездоказательный! Не смотря на вашу угрозу, мы снова говоримъ, что землевладѣльцу не приходится быть разбирателемъ спорныхъ дѣлъ между собою и крестьяниномъ, и вполне увѣрены, что не только не противорѣчимъ рескрипту 13 мая, но и вообще провозглашаемъ святую истину. Мировыя учрежденiя— администрацiя посредствующая между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ; отъ того и называется мировой посредникъ *посредникомъ*, что онъ стоитъ *посреди* между стоящимъ по правую его руку землевладѣльцемъ, а по лѣвую руку крестьяниномъ; какъ же этотъ чиновникъ можетъ стоять въ одно и тоже время— посрединѣ и съ правой стороны самаго себя? Если бы даже гдѣ либо и случалось иначе, то мы имѣемъ основанiе смотрѣть на эти случаи, какъ на явленiе не нормальное. Иное дѣло— мировой судья; онъ можетъ быть и землевладѣлецъ, знакомый— въ теорiи, или на практикѣ— съ законовѣденiемъ и судопроизводствомъ. Онъ будетъ судить другихъ; надъ нимъ, въ свою очередь, будетъ судья, а такую переходную службу, какъ мирового посредника и подобн., долженъ вестъ «*homo nullius*» (ничей человекъ), на одинаковое пространство отстоящiй какъ отъ вотчинника, такъ и крестьянина. По нашему мнѣнiю, такимъ посредникомъ, или хоть его помощни-

комъ, могъ бы быть даже заслуженный священникъ (въ своемъ приходѣ), какъ человекъ вполне благонадежный и знакомый болѣе другихъ съ нравственнымъ и экономическимъ бытомъ своихъ сельскихъ сосѣдей. Это даже сообщало бы его миссию сугубое значеніе и вліяніе, на отсутствіе которыхъ, равно какъ и на изолированность священника, раздаются столь частые попреки въ нашей прессѣ (*). Священникъ не хотѣлъ бы быть изолированнымъ, да его изолируютъ и оставляютъ въ званіи почти одного требоисправителя.

Не думая, что бы мы уклонились отъ предмета нашей съ г. Скарятинымъ бесѣды, вводимъ въ нее личности священника, — мы снова обращаемся къ ея продолженію. Тотъ послѣдній ударъ, которымъ г. Скарятинъ «завѣнчалъ свое дѣло», и которымъ онъ думалъ положить насъ на мѣстѣ, гласить такъ: «въ Вильно (Ѣ) печатаются слѣдующія строки: «магнатъ (польскій) почти понизился до степени холопа — раба, а холопъ почти поднялся до уровня магната!... Неужели (,) въ самомъ дѣлѣ (,) произведена такая нивелировка», вопрошаетъ грозно, патетически г. Скарятинъ и скрывается отъ насъ за кулисами. Bravo, пане Скарятинъ! bis — bis, шановный пане Скарятинъ, кричатъ польскіе магнаты и топчутъ ногами отъ восторга, а русскіе еще усерднѣе свистятъ да шикаютъ. Но, играйте себѣ, г. Скарятинъ, для кого хотите, — это ваше дѣло; только не навязывайте пьесѣ того смысла, котораго въ ней нѣтъ, тѣхъ сентенцій, которыя не имѣютъ съ него ничего общаго. Вы говорите: «нивелировка произведена» и восклицаете: «вотъ какъ аттестуетъ *Вѣстникъ* 3 (з) ап. Россіи чиновниковъ (вообще?) западнаго края!» Откуда вы, г. Скарятинъ, почерпнули мысль, что нивелировка *произведена*, и что производство ея *Вѣстникъ* усваиваетъ чиновникамъ? Эта инсинуація есть полнѣйшій, безраздѣльный продуктъ вашей фантазій и вниманія къ *Вѣстнику*; сей послѣдній — ни словомъ, ни даже помышленіемъ — никому не подалъ къ подобной клеветѣ ни малѣйшаго повода; мы утверждали и утверждаемъ, что, по вашему, нивелировка, а по нашему метаморфоза, *произошла*, но отнюдь не *про-*

(*) Весьма было бы полезно, еслибъ и волостныя правленія, и мірскіе сходы поставлены были въ нѣкоторую зависимость отъ священника, или по крайней мѣрѣ въ соучастіе съ нимъ. Тогда меньше происходило бы безобразія на судѣ волостномъ, меньше бы покрывала преступленій и производила кривосудій — волка; этотъ предметъ стоитъ серьезнаго вниманія.

изведена, и что она произошла не от *кого*, а от *чего*, — от неизбежного хода событий. Свобода крестьянъ, обязательный надѣлъ ихъ землею, собственная управа — поставили холопа внѣ всякой зависимости отъ пана, внѣ всякаго вліянія пана на бытъ и дѣятельность холопа. Минувшій мятежъ, во время котораго холопы явились героями, патриотами и мучениками, а паны извѣнниками и убійцами, во время котораго первые ловили, вязали, били кольями послѣднихъ, окончательно разорвалъ ту слабую социальную-экономическую связь, какая могла бы удержаться между ними при другомъ складѣ политическихъ отношеній, — и въ тоже время настолько возвысилъ нравственное и гражданское значеніе холопа, насколько унизилъ здѣшнее шляхетство. Если теперь панъ напрасно расходуетъ всю свою иезуитику, что бы задобрить холопа, а сей послѣдній отталкиваетъ отъ себя и ласки, и ухаживанья, и одолженія (объ угрозахъ не можетъ быть и рѣчи) стародавняго своего мучителя; если теперь иной холопъ скорѣе согласится терпѣть нужду, чѣмъ польститься на богатый заработокъ у пана, если деньги, наконецъ, въ такой же пропорціи приливаютъ къ холопамъ, въ какой отливаютъ отъ пановъ; то что теперь значить для холопа папъ — въ какомъ угодно отношеніи?!.. Не выразились ли мы даже слишкомъ скромно, съ обидой для опытной истины, оставивъ нашу фразу двукратнымъ: *почти*? Мы не утверждаемъ даже, чтобъ это явленіе было для насъ особенно приятно, что бы мы не желали польскимъ папамъ исхода изъ настоящаго положенія; а только обрисовываемъ фактъ совершившійся, какъ онъ есть, и въ тоже время утверждаемъ, что измѣненіе къ лучшему для пановъ зависитъ отъ нихъ самихъ, — отъ сліянія ихъ съ нами душой и тѣломъ, отъ покаянія въ измѣнѣ ихъ предковъ, а не отъ «чиновниковъ западнаго края», не отъ Россіи. Россія дѣлала прежде для панства все, что *могла* сдѣлать, теперь она дѣлаетъ то, что *должна* дѣлать. Не забудьте, г. Скарятинъ, и того, что вы и теперь попали въ австрийскій четырехугольникъ потому только, что ударили на заключеніе, обойдя весьма неосторожно тѣ непобѣдимые доводы, на которыхъ оно опирается.

Заяввшись болѣе серьезными соображеніями и болѣе крупными извѣтями г. Скарятинъ, мы чуть было и не забыли, что у насъ есть маленький съ нимъ счетъ за «семинарскій юморъ.» Въ послѣднее время оиать посыпались попреки и юморъ *безъ названія* на семинарію и семинарское. Нѣкоторые наѣзники то — и дѣло

гарцуютъ вокругъ этой цитадели, уцѣлѣвшей, благодаря Бога, отъ напора окружающаго ее нигилизма, и, со скрежетомъ зубовъ, ведутъ противъ нее упорную канонаду. Выстрѣлы, то летятъ мимо, то перелетаютъ чрезъ цитадель, то разсыпаются въ прахъ отъ прикосновенія къ ея твердынямъ. Гарнизонъ почти не отстрѣливается, не дѣлаетъ вылазокъ; онъ сознаетъ ничтожество врага, безвредность его выстрѣловъ, и только думаетъ: пусть ихъ, *до поры до времени*, забавляются и разоряются... Но что бы ни думалъ гарнизонъ, а на наѣздниковъ нельзя смотрѣть безъ грусти и изумленія. Откуда такое ожесточеніе противъ сословія самаго невиннаго, полезнаго, и безупречнаго? Не потому ли такъ ожесточились эти «медвѣди, рыси, волки на воловъ», что первымъ думается сдѣлать послѣднихъ очистительною жертвою за свои проказы?.. Не для того ли поднялась снова эта баталія, чтобы сбить кого слѣдуетъ съ пути истины и поставить на путь соглашенія или обобщенія принциповъ «здравыхъ, охранительныхъ, добронадежныхъ», какихъ держится «семинарія», съ принципами отрицанія и всяческой разнузданности?.... Уже ли они до того близоруки, что смѣютъ разсчитывать на сочувствіе ихъ инсинуаціямъ мужа испытанной чести и мудрости, котораго они хотятъ искутить?... Уже ли эти господа не чувствуютъ того, что они «сваливаютъ съ больной головы на здоровую, мигаютъ украдкою на Петровъ»? Уже ли они не сознаютъ даже того, что, острясь, тупась и клевета на все семинарское, они вмѣстѣ съ тѣмъ кощунствуютъ надъ тѣмъ разумнымъ, благонамѣреннѣйшимъ сословіемъ, которое всегда было и есть самою сильною опорой Россіи, изъ котораго выходили по преимуществу прославленные церковью угодники Божіи, знаменитые іерархи и учителя народныя, изъ котораго выходили и выходятъ самые надежныя и ревностныя слуги вѣры, престола и отечества, на разныхъ поприщахъ служенія общественнаго, и изъ котораго, при равносильномъ складѣ обстоятельствъ, вышли бы тысячи Сперанскихъ? Проявляя духъ открытой вражды противъ такого сословія, не обнаруживаютъ ли эти наѣзники тѣмъ самымъ вражды противъ русской народности и православія и прямого противленія смыслу всего Высочайшаго рескрипта 13 мая, а особенно тому его мѣсту, въ которомъ говорится о «началахъ здравыхъ, охранительныхъ, добронадежныхъ», и тому, которымъ воспрещаются «второяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями?»

Путешествуя по заднимъ дворамъ Вильны, г. Скарятинъ про-
 нхалъ, что и писавшій статью— «крупные и мелкіе землевла-
 дѣльцы» получилъ первоначальное образованіе въ семинаріи, умол-
 чавъ, съ *обычною ему скромностію*, о высшемъ заведеніи, въ кото-
 ромъ ея авторъ продолжилъ свое образованіе, оконченное въ
 школѣ жизни и саморазвитія. Этотъ авторъ владѣетъ такимъ яс-
 нымъ сознаніемъ самаго себя и своего юмора, что не только не
 оскорбляется юморомъ скарятинскимъ, но и гордится тѣмъ ю-
 моромъ, тѣми нравственными началами, тѣмъ развитіемъ, кото-
 рыя онъ выработалъ въ помянутыхъ школахъ, и которыхъ онъ
 не промѣняетъ на юморъ, начала и развитіе дюжины Скарятин-
 ныхъ.

Теперь, когда вы, г. Скарятинъ, знаете, что Вѣстникъ не есть
 органъ администраціи, что честныя изданія возможны и внѣ пра-
 вительственной опеки, и что наше изданіе нисколько не можетъ
 «компрометировать администраціи» ни теперь, ни тогда, еслибъ
 оно было органомъ правительства,— не угодно ли вамъ сдержать
 свое слово— «поспорить» (*) немножко? Но мы не думаемъ,

(*) Намъ крѣпко не хотѣлось бы спорить съ одной провинціальной газе-
 той, да чтожъ дѣлать, когда *amicus veritas* дороже чѣмъ *amicus Plato*. Эта
 газета разсуждаетъ такъ. «Намъ кажется страннымъ препирательство газетъ
 о томъ, какіе землевладѣльцы (вѣроятно русскіе) нужны въ сѣверо (отъ чегожъ
 и не юго) западномъ краѣ (?)— крупныя (,) или мелкіе, препирательство оправ-
 дывается или совершеннымъ незнакомствомъ съ краемъ, или желаніемъ чѣмъ
 нибудь наполнить лустыя столбцы газетъ. Всякій простой здѣшній житель ска-
 жетъ, что здѣсь *равно* нужны и крупныя (,) и мелкіе русскіе землевладѣльцы.»
 Въ этой тирадѣ очень много промаховъ. Вопервыхъ, вопросъ не въ томъ,
 какіе *нужны* землевладѣльцы, а въ томъ, какіе будутъ *полезны* для обрусѣнія
 края, какіе скорѣе и больше обрусятъ западную Россію,— крупныя, или мел-
 кіе? Вотъ этотъ вопросъ не такъ страненъ, не такъ легокъ и малова-
 женъ, что бы рѣшеніе его было результатомъ или незнакомства съ краемъ,
 или желанія наполнить только пустыя страницы изданія; этой дѣли обыкнове-
 но достигаютъ *инымъ путемъ*. По крайней мѣрѣ, этимъ, весьма важнымъ въ
 дѣлѣ обрусѣнія края, вопросомъ правительство занималось очень сѣрьезно, по-
 ка не выработало истины. Напрасно, втретьихъ, редакція газеты говорить:
 «всякій простой здѣшній житель скажетъ что»,... и проч. (что сказано выше).
 Быть можетъ *простой*, быть можетъ и *здѣшній*. но не *всякій*. Мы болѣе
 здѣшніе, чѣмъ редакція газеты, мы даже и не совсѣмъ прости, а думаемъ объ
 этомъ предметѣ иначе, нежели редакція. «*Равно*» нужны!... Нѣтъ ничего лег-
 че подобнаго отвѣта; но не всякій узелъ разсѣкается и не всякій владѣетъ мечъ
 Александра. Вѣроятно не все *равно*, когда правительство, раздѣливъ
 на мелкіе участки ему принадлежащія, т. е. конфискованныя имѣнія, предо-
 ставило право приобрѣтать ихъ разнымъ небогатымъ чиновникамъ и кол-

что бы всякое слово такъ легко исполнялось, какъ дается, что бы споръ съ нами былъ по плечу г. Скарятину, — особенно, когда на нашей сторонѣ все оружіе истины. Несравненно легче потрясать въ воздухѣ картоннымъ мечемъ, нежели вступать въ бой съ сильнѣйшимъ себя противникомъ.

Не взищите, г. Скарятинъ, за «семинарскій юморъ» и, если вы намѣрены продолжать свои письма «съ дороги», то подписывайте ихъ: Л. Мѣрославскій; будетъ приличнѣе.

да на сторонѣ мелкаго землевладѣнія такъ много шансовъ. Много ли обруситъ, наприм., край землевладѣлецъ, который приобрѣтетъ здѣсь 10—20000 десятинъ, самъ будетъ жить въ Венеціи, или Мадридѣ, а имѣнье и русское дѣло будутъ эсшлотировать, положимъ, хоть египетски? Не покончимъ ли на этомъ, уважаемая нами редакція?....

IV.

ЗАЛИСКИ ПОСРЕДНИКА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Въ февралѣ 1866 пустился я въ путь по витебской и моголевской губерніи.

Первое лицо, съ которымъ пришлось встрѣтиться въ динабургскомъ дву-классномъ приходскомъ училищѣ, былъ законоучитель, священникъ отецъ Ар....въ

Ученики составляютъ элементъ смѣшанный; православные числомъ преобладаютъ. Ксендзъ хотя и рѣдко ходитъ, но его науку поддерживаеъ домашнее воспитаніе. Со священникомъ не то: при смѣшанныхъ бракахъ православное ученіе для дѣтей не имѣетъ почвы въ семьѣ.

Дочь отца Ар....ва наставницею въ женской смѣшанной приходскаго училища. Большинство дѣвочекъ— православныя; въ русскомъ языкѣ особенно трудно успѣваютъ нѣмки, при отсутствіи практики дома.

Отецъ Ар....въ обѣщалъ разузнать и извѣстить о имѣющейся у одного изъ его знакомыхъ королевско-польской граматѣ, воспрещающей евреямъ жить въ Динабургѣ.

Въ дѣвичьемъ пансіонѣ г-на и г-жи Гру....въ нашли мы два класса. Въ старшемъ изъ нихъ, семь дѣвочекъ и одинъ мальчикъ; въ меньшомъ четыре дѣвочки съ дочерью хозяевъ включительно.

Г-жа Гру....ва (такъ письменно называетъ себя почтенная нѣмка), сама преподаеъ русскій языкъ. Особенно успѣшно учатъ

ся и чисто говорят по русски двѣ еврейскія дѣвушки, сестры Левитъ, выросшія въ Ярославѣ и учившіяся въ Смоленскѣ. Въ упомянутомъ классѣ острѣе и понятливѣе своихъ подругъ маленька Гр...ва: ошибки въ письмѣхъ подѣ диктовку — самыя простительныя.

Въ единовѣрческую церковь, далеко за городомъ въ старомъ форштадтѣ, возилъ меня извозчикъ, чисто русскій по облику, одеждѣ, разговору и ухваткамъ. Оказалось, что онъ родомъ курляндецъ, а по вѣрѣ полякъ. По польски ни слова не знаетъ: „ажно смѣшно ему, когда нужно идти къ всендзу на-словѣдъ; а дочка, ходя въ пансіонъ, теперь закрытый, знатно выучилась и по русску и по нѣмецку.“ Любопытно, какіе плоды въ этой парѣ русскихъ людей принесло-бы сознательное изученіе латинскаго догмата, враждебнаго во всѣхъ его приложенияхъ русскому началу?

Единовѣрческая Успенская церковь существуетъ съ 1850 г.

Первымъ изъ священниковъ былъ прежній наставникъ часовни, іеромонахъ Автономъ Анку....вичъ. Нынѣ священствуетъ отецъ Григорій Го...инъ, діакономъ отецъ Константинъ Пи...новъ.

Богослужбныхъ и учительныхъ книгъ много.

Между ними есть замечательныя по рукописи и по печати:

а) Рукописная служебная Минея, на бумагѣ въ два столбца, XV вѣка.

б) На развернутомъ листѣ, съ прекрасными уставными буквами и украшеніями, пѣснь херувимская малаго распѣва, по крюкамъ. Вариантъ въ текстѣ слѣдующій:

„Трисвятую пѣснь приносаше всякую нынѣ житейскую отъ верземъ печаль.“

в) Тетроевангеліе отъ прежде печатанныя 7156 книги вторымъ тисненіемъ..... Новгородскаго сѣверскаго намѣстничества, округа суражскаго въ клинцовскомъ посадѣ..... типографіи..... Якова Желзникава, 7295 (1787).

г) Номоканонъ московскаго изданія 1639 г. Въ немъ глава 30-я оцадотвореніе и обратотвореніе, т. е. о усновленіи и обратарствѣ особый чинъ, въ новѣйшихъ требникахъ нестрѣчаліица.

д) Азбука крюковая, рукописная, съ наименованіями знаковъ: статья, полстатья, сканья, два въ челну, свѣтлый крюкъ, мрачный крюкъ, параклеть, паукъ, змѣйца, голубецъ, сорочья ножа, подфержа, хамла, и проч.

Отецъ діакономъ обѣщаль списокъ этой азбуки выслать въ Вильну.

Я впервые узналъ о такомъ образномъ наименованіи голосовыхъ буквѣвъ; припоминая способъ такого же толковаго преподаванія славянской азбуки въ глубинѣ Болгаріи, около рыльского монастыря: азъ букву вѣдаю; глаголь добро есть (для того чтобъ) живѣти зѣло (на) земли: иже и како люди мыслете нашъ онъ покой?— рцы слово твердо..... понятною становится та вражда, которую сопровождались гоненія латинскаго Рима на славянскую письменность; понятнымъ становится и то недружелюбіе, съ которымъ всякій причастившійся латинскимъ началамъ взираетъ на букву, глаголь, слово, письменность, духъ и обычай славянскіе.

При церкви есть училище, въ которомъ, по складамъ и по верхамъ обучаются двѣнадцать дѣтей мальчиковъ и дѣвочекъ чтенію. Способъ преподаванія большею частію безплодный потому, что оно не остается вѣрнымъ духу науки. А все таки не могу не вспомнить словъ почившаго Иннокентія херсонскаго: „умѣйте взяться за раскольниковъ, и раскольники спасутъ православіе.“ Дѣйствительно, раскольники въ мірѣ православномъ тоже, что евреи въ мірѣ христіанскомъ: при всей невѣрности своей духу исповѣдуемаго ученія, они остаются на почвѣ буквы и письменности (въ несчастію, мертвой), хранящихъ въ себѣ высоко-христіанскую воспитательную и образовательную силу. Недалеко то время, когда христіанская славянская письменность займетъ подобающее ей мѣсто надъ классическими письменностями языческой Греціи и языческаго Рима.

Священникъ и діаконъ динабургской единовѣрческой церкви просили г. попечителя виленскаго учебнаго округа выслать имъ букварей, *часовниковъ* и псалтырей (особо для старовѣровъ печатаемыхъ при московской единовѣрческой типографіи, при Введенско-Троицкой единовѣрческой церкви. Цѣны по дешевому: часовникъ 2 руб. 50 коп., псалтырь 5 руб., букварь 30 коп.)

Въ Динабургѣ я долженъ былъ отыскать помѣщика Ковенской губерніи, Новоалександровскаго уѣзда, титулярнаго совѣтника Моисея Іоакима сына Талать-Бе...ша, который обратился въ виленское свято-духовское братство съ просьбою, о нравственной поддержкѣ, о исходатайствованіи ему службы, на которой онъ могъ бы работать, и ежедневнымъ трудомъ доставлять содержаніе и воспитаніе четыремъ дѣтямъ, сыновьямъ Волеславу 12 лѣтъ, Моисею 10 лѣтъ, Цезарію 9 лѣтъ, и Петру 8 лѣтъ, съ которыми онъ въ 1863 году присоединился къ православной церкви. Братство поручало мнѣ узнать подробно о положеніи просителя и семейства.

Это тотъ самый Ке...нъ, о которомъ я сказалъ въ предыдущей главѣ.

Зимой 1864 года, проѣзжая чрезъ Динабургъ, нашелъ я время навѣстить въ гимназiи старшаго изъ сыновей Ке...ша. Мальчикъ съ глазами умными, но сдержанный въ словахъ и движенiяхъ до послѣдней возможности; ни лакомства, ни дружескія разговоры о дѣтскихъ шалостяхъ и мечтахъ, ничто не расшевелило одиннадцати-лѣтняго мальчика. Въ гимназiю онъ только приходилъ учиться, а жилъ на квартирѣ. Русская его рѣчь порядочно отаивалась акцентомъ.

Теперь, отыскавъ домъ, занимаемый Ке...емъ, самаго хозяина я не засталъ дома; его ждали изъ деревни въ вечеру. Встрѣтили меня трое мальчиковъ и дѣвочка, и объявили, что мама *хора*. Г-жа Ке...ишъ пожелала меня видѣть. Проходя къ ней въ спальню, я сосчиталъ въ сосѣднихъ комнатахъ четырнадцать кроватей. Больная объявила мнѣ, что они содержатъ ученическую квартиру на десять человѣкъ, по сту рублей съ каждаго; что этотъ заработокъ весьма невыгодный, и что приходится приплачивать своихъ денегъ.

Возвратясь въ сумерки въ домъ Ке...ша, на дворѣ еще услышалъ я польскую рѣчь играющихъ въ снѣжки, и отличилъ звонкій голосъ Болеслава. Въ комнатахъ польскій языкъ царствовалъ; дѣти, допивая чай, и готовясь приниматься за уроки, всѣ между собою говорили по польски. Ке...нъ уже возвратился изъ деревни и пошелъ меня отыскивать. Я собирался уйти, когда онъ возвратился. Мы сѣли въ средней комнатѣ; въ двухъ сосѣднихъ, гдѣ повтореніе русскихъ уроковъ еще не началось, переговоры между учениками шли по польски. Въ одной изъ комнатъ громко заспорили; Ке...нъ пошелъ унимать и, послѣ рѣчи его шопотомъ, — все утихло.

Я просилъ Ке...ша высказать мнѣ категорически, чего онъ ожидаетъ отъ ходатайства братства.

Онъ выразилъ желаніе, чтобы ему, какъ принявшему православіе, разрѣшено было покупать въ краѣ игнѣнія и оказана помощь удержать собственное, Мо..ли, описываемое нынѣ къ продажѣ за неплатежъ графу Юсифу Ты.....чу процентовъ по заемному письму въ двѣнадцать тысячъ, срокомъ по 12 декабря 1869 г. (8)

Видѣть съ тѣмъ онъ желаетъ получить мѣсто по службѣ гражданской.

Я спросилъ г. Ке...на какого рода русскую, православную дѣятельность онъ можетъ поставить на видъ правительству, чтобы получить желаемыя льготы?

— Я принялъ православіе, отвѣчалъ г. Ке...шъ, видѣть со старшимъ сыномъ, и остальныхъ *готовлю* къ тому же.

„Такъ эти остаются еще въ латинствѣ?“

— Но они такіе маленькіе.....

„И вашъ сынъ и всѣ ученики говорятъ по польски?“

— Мой сынъ только поддается влиянію товарищей. Ученическая квартира — это такая обуза! Никакъ не могу совладать съ учениками. Прежде у меня было заведено, что молитву предъ обѣдомъ читали по русски; я приказывалъ, чтобы между собою говорили ученики по русски. Но по возвращеніи съ рождественскихъ каникулъ, дѣти, по приказанію своихъ родителей, стали упорнѣе въ польской рѣчи; такъ что вотъ и мои дѣти перестали говорить по русски. Я хотѣлъ-бы получить отъ директора *приказаніе* по-строже, чтобы на квартирахъ иначе не говорили какъ по русски; да чтобы въ томъ обязали меня въ присутствіи учениковъ подпискою..... Изъ учениковъ особенно фанатичны три племянника сосѣдняго ксендза.

„Если гдѣ, то въ западномъ краѣ для дѣтей отъ сѣвѣнныхъ браковъ необходимы были бы закрытыя учебныя заведенія, съ чисто русскимъ и православнымъ характеромъ воспитанія.“

„Помните, г. Ке...шъ, въ 1863, я говорилъ о несостоятельности православія, принимаемаго изъ одной политической необходимости. Гдѣ нѣтъ убѣжденія — тамъ....“

— Но припомните исторію: во время введенія униі, польско-королевская власть всячески поощряла униатовъ; въ русскомъ правительствѣ и обществѣ не видно и малѣйшаго желанія поощрять воссоединяющихся къ православію римско-католическихъ русскихъ.

„Не чувствуется ли вамъ, что это потому, что они воссоединяются не изъ религіознаго убѣжденія, а по одной политической необходимости, чтобы пользоваться гражданскими правами, которыя нетронуты въ здѣшнемъ краѣ со времени польско-королевскихъ привилегій, и къ которымъ правосавная русская натура чувствуетъ такое неодолимое отвращеніе?“

— Но „Московскія Вѣдомости“ такъ убѣдительно доказываютъ, что обрусѣніе края совершенно зависитъ отъ перевода латинско-поль-

скихъ понятій на русскій языкъ. Я и самъ думаю, что сила русскаго языка такова, что она способна поглотить и переварить въ себѣ латинство.

„Отравившись имъ — подумалъ я, но не сказалъ, вспомнивъ изреченіе: не мечите..... (*)

И дисненское дворянство, въ убѣжденіи о необходимости разорвать связь съ Варшавою и Римомъ, собиралось просить правительство перевести для него польскія книги и латинскую литургію на русскій языкъ. И Бе...шъ надѣется, что православное русское правительство вступить на іезуитскій путь, чтобы возвратитъ къ православію заблуждающихся въ латинствѣ чадъ своихъ. Не то думаютъ ксендзы, не тому поучалъ Фелинскій, не о томъ мечтаютъ и дисненскіе дворяне! (**)

Мѣстечко Друя за Двиною, въ Виленской губерніи, съ Придруйскомъ, по сю-сторону въ Витебской, составляютъ одно цѣлое. И тамъ и здѣсь большинство населенія — сыны Евера.

Съ почтовой станціи въ Придруйскѣ, поѣхалъ г. попечитель въ маленькихъ саночкахъ въ Друю — осмотрѣть народное училище. Самаго наставника, г. Вирюковича не нашли мы дома.

Въ тѣсной келліи подоминибанскаго монастыря, занимаемаго причтомъ и училищемъ, застали мы за двумя столами, довольно тѣсно скучившимися, сорокъ трехъ мальчиковъ, за книгами, по которымъ многіе бѣгло и вразумительно читаютъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ помощникъ наставника Малевичъ, а нѣсколько позже отставной юнкеръ, изъ пензенскихъ семинаристовъ, Любимовъ, учащій дѣтей церковному пѣнію. Ученики обращались къ своему наставнику непринужденно и порядочно изъясняли заученныя ими житвы, которыя, всѣ, безъ различія вѣроисповѣданія, хорошо выговариваютъ по русски. Ариѳметическія способности также развиты хорошо; изъ спрошенныхъ дѣтей почти всѣ, а особенно сынъ друйскаго мѣщанина Григорій Грецовъ, быстро рѣшали въ умѣ четыре ариѳметическія правила.

Большое удовольствіе доставили дѣтямъ розданныя имъ на иѣстѣ г. попечителемъ, купленныя изъ училищнаго же склада книги.

(*) Намъ кажется, что русскій языкъ отрезвляетъ поляка, а не отравляетъ. Ред.

(**) Вѣрно ксендзы не такъ думаютъ, если они такъ перепугались и ископѣлись было въ 1864 году, по случаю замѣны польскаго языка русскимъ въ преподаваніи наукъ въ ихнихъ семинаріяхъ, а закона Божія въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ, что дерзнули протестовать противъ этой мѣры, а баскуъ Боровскій прямо таки запретилъ своему духовенству приводить ее въ исполненіе, за что, впрочемъ, полатился денежнымъ штрафомъ. Ред.

Они пропѣли народный гимнъ, крестный тропарь и литургію Василія Великаго довольно стройно.

Въ Друѣ съ Придруйскою три приходскія и одна приписная церковь. Намъ случилось видѣть одну послѣднюю, Петропавловскую. Ни одна несчастная молдавская церковь въ Бессарабїи, ни одинъ изъ болгарскихъ храмовъ, подавленныхъ турецкимъ игомъ не въ состояніи дать понятія о Петропавловской приписной церкви дисненскаго уѣзда. Деревянное зданіе примкнуто къ каменной колокольнѣ, которая издали обѣщаетъ еще что нибудь. Сквозь разохшіяся доски потолка видно отсутствіе большей части крыши. Сягъ завѣялъ иконы и самый святой престолъ, на которомъ покровъ положенъ безконечно небрежно. Богослужбныхъ книгъ много; но самая большая ихъ часть свалена въ кучу въ алтарѣ, возлѣ коннода. Между ними и дорогое изданіе мѣсячной Минеи, въ которомъ, по заявленію предсѣдателя совѣта братства, ощущается такой недостатокъ во всей епархіи.

Намъ сказали, что приходская церковь хуже этой: трудно повѣрить!—Приходская Благовѣщенская починается восьмой годъ на двѣнадцать тысячъ рублей, ввѣренныхъ на сей предметъ помѣщику Мирскому. Костеловъ два приходскихъ и одинъ приписной. Священниковъ три, ксендзовъ пять.

При Петропавловской церкви числится нынѣ два прихода, но въ праздники собирается къ службѣ 3—4 человека, рѣдко-рѣдко пятнадцать.

По исповѣднымъ росписямъ, которыя намъ случилось видѣть здѣсь, у исповѣди въ 1863 году изъ 831 мужчинъ и 619 жен. не было 472 м. и 341 ж., въ 1864 году изъ 883 м. и 646 жен. не было 452 м. и 388 жен.

Изъ этихъ цифръ можно видѣть прогрессъ совратившихся въ теченіе девяти лѣтъ воссоединенныхъ мужчинъ и женщинъ.

Документы по доминиканскаго монастыря запечатаны военнымъ начальникомъ, и хранятся при костелѣ.

Изъ церковныхъ документовъ, хранящихся въ церкви Петра и Павла видѣли мы два; и тотъ и другой по польски.

а) Гродна, на сеймѣ 14 марта 1687 года, Казиміръ Янъ Сабѣга разрѣшаетъ священнику своимъ коштомъ, на указанномъ мѣстѣ, построить Благовѣщенскую греческой благочестивой вѣры церковь. Священнику разрѣшается взимать: отъ крещенія 6 грошей, отъ брака 19; коляды и волочебнаго за молитвы 3 гроша.

б) 12 декабря 1725 года, Николой съ Козельска Огинскій

подтверждаютъ друйскаго базилианаго религіи греческой благочестивой права на церковь Благовѣщенія, и подчиняетъ ихъ юрисдикціи виленскаго Свято-Духовскаго монастыря (доминиканы).

Нынѣшній православный Свято-Духовъ монастырь въ униі никогда не былъ; есть другой, римскій тогоже имени: ему ли, и въ такомъ случаѣ зачѣмъ униатскую церковь подчинять латинскому монастырю? Или и этотъ не былъ-ли *въ 1725 году въ униі*.

Въ Дриссѣ церковь во имя Святителя Николая, при въѣздѣ въ городъ, вновь обнесена красивою рѣшеткою, которую только остается докрасить. Священникомъ при ней отецъ Викторъ За...нъ, діакономъ Ипполитъ Дѣл...вичъ. Приходъ состоитъ изъ четырнадцати домовъ, считая сто четырнадцать душъ обоюго пола. Ученики уѣзднаго училища составляютъ изъ себя хоръ, въ которомъ, вмѣстѣ съ служащими чиновниками бываетъ пятнадцать человѣкъ.

Въ училищѣ, въ обоихъ классахъ, 91 ученикъ; есть и женская смѣна, которою занимается наставница Якубовичева. Говорятъ о недостаточности высылаемыхъ нынѣ книгъ, учитель вспомнилъ, что въ 1859-мъ было ихъ выслано на пять рублей, и въ томъ числѣ пять академическихъ календарей по восьмидесяти копѣекъ. Наемъ дома подъ училище дорогъ. Военный начальникъ Августъ Евгеніевичъ Мер...нъ 16—17 января представилъ о разрѣшеніи ему перевезти въ городъ зданія упраздненныхъ лециловскаго костела и виляновой и таполоцкой капищъ для постройки просторнаго училища.

Объ освѣтскомъ училищѣ, на содержаніе котораго гр. Шакурскій даетъ ежегодно 1200 рублей и хлопочетъ оставить его подъ непосредственнымъ своимъ вліяніемъ, Мер...нъ того мнѣнія, что его или перенести въ Дриссу, или до конца слѣдуетъ преобразовать непремѣнно.

Библиографическихъ и пожалуй археографическихъ рѣдкостей искать слѣдуетъ въ Саріаской библіотекѣ Игнатія Лопатинскаго, проживающаго въ Кайранахъ.

Къ обѣдину въ дѣтской Воскресенской церкви, на день восшествія на престолъ Государа Императора, въ день припоминаній всему православному крестьянству, собрался весь чиновный людъ уѣзднаго города. Единственнымъ представителемъ крестьянства случилась крестьянка, зашедшая съ базара. Пѣлъ весьма стройный хоръ изъ мѣщанскихъ дѣтей, которымъ городъ обязанъ исправляющему должность предводителя дворянства А. А. Вранловскому.

Двукласное уѣздное училище только образовывается. По случаю праздничнаго дня, нельзя было видѣть воиъ его учениковъ:

судя по собравшимся на лицо, мальчики хорошо были приготовлены въ приходскомъ училищѣ: твердо и сознательно отвѣчали на предложенные имъ вопросы о крупныхъ событіяхъ изъ русской исторіи, скоро въ умѣ рѣшали довольно сложныя задачи вычитанія и сложенія по хронологическимъ и географическимъ задачамъ. Въ объясненіи молитвъ слабѣе чѣмъ въ прочихъ предметахъ: этому общему явленію причины нужно искать въ упадкѣ преподаванія церковно-славянскоѣ грамоты и въ развивающемся утилитарномъ методѣ первоначальнаго образованія. Обращая менѣе вниманія на славянскій языкъ и налегая на русскій, мы, конечно, объединяемъ по языку массы народа; но объединяя въ этомъ смыслѣ, разобщаемъ ихъ съ языкомъ молитвы, съ языкомъ богослуженія: отсюда чаще и чаще слышимыя требованія перевода славянскихъ книгъ на русскій языкъ. Переводъ замедляется, и никогда удовлетворительно исполненъ быть не можетъ; ибо никогда языкъ, хотя бы и безчисленнаго великорусскаго племени, не выразитъ вполне всѣхъ красотъ общеславянскаго, обще всѣмъ славянамъ доступнаго языка.

Уже въ краковскомъ университетѣ, по свѣже полученнымъ оттуда извѣстіямъ, успѣхи преподаванія старославянскаго языка такъ значительны, что молодые люди, незнакомые съ русскою рѣчью, изучивъ ея первообразъ, легко понимаютъ хорошо говорящаго по русски.

Дисненское училище терпитъ недостатокъ въ книгахъ за медленностію высылки ихъ отъ Сеньковскаго изъ Вильны.

Еврейское училище переполнено. Мальчики первыхъ четырехъ лавокъ читали по русски очень порядочно, — нѣкоторые даже безъ семитическаго акцента. Остальные считаются вновь вступившими, и едва дошли до складовъ.

Женская сѣбна въ приходскомъ училищѣ радуется успѣхами своихъ ученицъ. Дѣвочки, не смотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ семействамъ полякующихъ, всѣ чисто и твердо читаютъ славянскія молитвы, сознательно говорятъ, и объясняютъ басни Крылова. Жаль что руководѣлье ученицъ представляетъ образцы занятій, необходимыхъ простому быту ихъ семей. Стежарусь, гарусы, цвѣтной шелкъ, бумажная канва суть предметы болѣе роскоши чѣмъ необходимости. Наставница объясняла, что дѣвочки умѣютъ также и бѣлье шить, но ни на ученицахъ, ни въ классѣ намъ не пришлось въ томъ удостовѣриться.

Свиданіе съ патріархомъ православныхъ жителей Дисны, отцомъ Фодоромъ Соловьевичемъ доставляетъ всякій разъ новое на-

слаждёніе. Богатый запасъ свѣдѣній и воспоминаній о краѣ и городѣ, въ которомъ онъ болѣе тридцати лѣтъ священствуетъ, знакомство со всѣми ухищреніями пановъ къ подавленію православія, твердая память подъ восьмидесяти-лѣтняго старца, оживленный расказъ, жаръ и цвѣтъ молодости лица его все даетъ сношенію съ нимъ невыразимое наслаждёніе.

Вотъ обращикъ изъ его повѣствованій, повѣренный мною на иѣсть въ время десятимѣсячнаго пребыванія въ Дисненскомъ уѣздѣ.

Есть верстахъ въ 85-ти отъ Дисны деревня Мосаръ, нынѣ въ тридцать девять дворовъ. При освобожденіи крестьянъ принадлежала она графу Брестовскому, усадьба котораго расположена верстахъ въ двухъ отъ деревни. Съ незапамятныхъ временъ въ деревнѣ стояла церковь, дорогая всѣмъ окрестнымъ жителямъ, по чудотворной въ ней иконѣ Святителя Николая. Къ сороковымъ годамъ храмъ этотъ обветшалъ; къ этому же времени въ сосѣднемъ Вилейскомъ уѣздѣ упраздненъ былъ кляшторъ базилианокъ меделскій, патронъ коего графъ Брестовскій, ѣздившій самъ въ Римъ, поспѣшилъ соорудить между деревней и усадьбой костелъ, въ который перенесъ изъ Медель, что-то закрытое, въ небольшомъ ковчегѣ, названное имъ мощами святаго Іустина, привезенными будто бы изъ Рима. Повалилъ народъ бѣлорусскій, падкій вообще на *чудо*, въ костелъ. Къ 1863 году выросло въ Мосарѣ при костелѣ четыре ксендза, всѣмъ имъ была неустанная работа. Между тѣмъ обветшалый храмъ православный рухнулъ, и въ 1864 г. остатки основанія и нѣсколько сгнившихъ бревенъ видѣлъ я среди крестьянскаго огорода, нанаскомъ противъ волостнаго правленія. Икону Святителя Николая, котораго очень хотѣлось завладѣть ксендзамъ, перевезъ къ себѣ верхнянскій священникъ; и она помѣщена нынѣ въ верхнянской церкви, въ которой ктиторовствуютъ старинные русскіе помѣщики Снитки, до того ополоченные и полякующіе, что въ православномъ храмѣ, родителю своему, коллежскому ассесору и кавалеру, соорудили монументъ съ польскою надписью, кажется, 1854 года. О православномъ происхожденіи мосарской церкви, по какому-то случаю, пришли въ руки отца Соловьевича слѣдующіе документы: одинъ 1763 года, 13 марта, о принадлежности къ церкви трехъ уволокъ (60 десят.) земли, крестьянъ особо надѣленныхъ землею, (которыхъ Снитки поспѣшили продать въ рекруты) и тридцати семи деревень прихожанъ. Другой документъ печатная грамота 1777 года 12 мая, выданная унитскимъ митрополитомъ

Филиппомъ Володковичемъ священнику Іоанну Шостаку, на вступленіе въ сей приходъ.

Еще въ сороковыхъ годахъ понадобились зачѣмъ-то графу Брестовскому эти документы. „Пріѣзжаетъ онъ къ отцу Соловьевичу:“ всенже, отдай мнѣ эти документы“ — Не отдамъ. — „Продай мнѣ ихъ; вотъ тебѣ двѣсти рублей“. — И двухъ тысячъ не возму. — „Ой будешь каяться“. И графъ поѣхалъ въ Вильну. Черезъ нѣсколько времени отецъ Соловьевичъ увидѣлъ въ Диснѣ графа Брестовскаго, который, подсмѣиваясь надъ нимъ, сказалъ ему: а что всенже, не хотѣлъ брать двухъ сотъ рублей: я и дешевле добылъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія, въ мѣстечкѣ Бермановичахъ существовала греко-унитская церковь въ честь Господня Преображенія. Въ настоящее время, зданіе обращено въ костель. Письменное доказательство 1802 года о томъ, что зданіе дѣйствительно принадлежало унитской церкви, — тотъ же отецъ Соловьевичъ въ ту же, литовскую консисторію отправилъ, 26 апрѣля 1845 года за № 314. Но сильнѣе всякихъ документальныхъ и монументальныхъ доказательствъ, о существованіи въ этихъ двухъ мѣстностяхъ православныхъ приходовъ, то, что доселѣ въ обѣихъ, олатиненныхъ парафіяхъ чтутся въ народѣ несуществующія въ римскомъ календарѣ торжества въ честь святителя Николая и праздника Преображенія Господня.

Гораздо позже, въ имѣніи Путятино, помѣщика Глазки, принадлежащемъ теперь Кореневскому, недалеко отъ усадьбы, находилась православная церковь, подавшая, вмѣстѣ съ прочими, уни. За ветхостію она была опечатана. Вмѣсто церковной земли, окружавшей церковь и подходившей къ озеру и усадьбѣ владѣльцевъ Путятина, православному штату сей церкви отведена болотистая мѣстность далеко отъ упраздненнаго храма. Государственные крестьяне, принадлежащіе къ приходу, общими силами построили себѣ маленькую церковь верстахъ въ пяти отъ бывшей — такъ, что священнику приходится, особенно въ весеннюю водополь — и эту дорогу я самъ хорошо испыталъ, — чтобы добраться до церкви, проѣхать верстѣ семь, мимо прежней церкви, которая еще стоитъ бѣдная, безъ оконъ, безъ дверей, униженно нагнувшись къ выстроенной Кореневскимъ жидовской корчмѣ, отъ которой ее отдѣляетъ проѣзжая дорога, да ворота отъ сгнившаго лѣса, приготовленнаго нѣкогда помѣщикомъ Глазкою (за собранныя съ крестьянъ деньги, конечно), на постройку новой церкви. Теперь, вслѣдствіе крайняго неудобства помѣщенія священника, — покосившееся

и протекающее жильё въ шесть квадратных шаговъ, — и, не зная другихъ какихъ соображеній, идетъ, по словамъ отца Соловьевича, ходатайство о совершенномъ упраздненіи путятинскаго прихода. — *„Зонттикъ стоитъ въ углу — следовательно: дождь идетъ!“*

Личныя мои впечатлѣнія на этотъ разъ въ Диснѣ были слѣдующія. Выгорѣвшая недавно часть города быстро отстраивается. Кирпичъ для будущей постройки православнаго собора, по настоянію помощника военнаго начальника, отъ берега Двины, гдѣ онъ подмокалъ, свезенъ на площадь. Военнаго начальника въ городѣ не было, а супругу его, *шестовавшую изъ костела*, я видѣлъ.

Послѣ обѣда у хорошаго знакомаго, видѣлъ я пріѣхавшаго къ нему за какою-то бумагою, знаменитаго помѣщика, отставнаго генерала російской службы, кавалера ордена Св. Георгія, прожотора прозекта извѣстнаго адреса дисненскихъ дворянъ 1864 года, который испускалъ горячіе вопли противъ дѣйствій въ его ижъніи повѣрочной комисіи. Предсѣдатель этой комисіи былъ на лицо и хладнокровно замѣтилъ вопіавшему, что всѣ требуемыя закономъ формальности были исполнены: повѣстки своевременно посланы, показанія прикащика въ ижъніи приняты въ уваженіе.. „Прикащикъ не мой, а матушки, которая живетъ въ моемъ ижъніи.“ — Да вѣдь ижъніемъ она распоряжается. — „А ижъніе все таки мое.“ — Но въ ижъніе посланы повѣстки; и вашему превосходительству, въ теченіе минувшихъ двухъ слишкомъ лѣтъ, пора уже было ознакомиться съ существующими правилами. „Нѣтъ мнѣ дѣла до вашихъ правилъ.“

... Вечеромъ, въ номерѣ у Фалки, разговаривая съ посредникомъ, услышалъ я въ сосѣдней комнатѣ приказанія, отдаваемые на польскомъ языкѣ: „кто тамъ смѣетъ вшипишвишкать?“ громко спросилъ я. — А кто тамъ смѣетъ спрашивать, возразилъ воинственный голосъ, по которому я узналъ знакомаго помѣщика, ротмистра Жабу. И затѣмъ начался въ сосѣдней комнатѣ разговоръ шепотомъ, обратившійся наконецъ въ громкую и чистую русскую рѣчь.

Мировой посредникъ В. Н. Тепловъ сообщилъ мнѣ о знакомыхъ мнѣ въ норвѣчской волости братьяхъ крестьянахъ Тарно. Старшій грамотѣй-самоучка, тольково знаетъ положеніе 19-го Февраля и послѣдующія распоряженія по крестьянскому дѣлу. Онъ теперь помощникомъ писаря, должность свою исполняетъ ревностно и находитъ время читать все, что найти можетъ. Изъ читанаго

дѣлаетъ извлеченія съ зашѣтками, и теперь оканчиваетъ совершенно своеобразное обращеніе къ крестьянамъ, указывая имъ, на го, что латинская вѣра, навязанная имъ панами, задерживаетъ ихъ умственное и нравственное развитіе. Меньшій его братъ, скриначъ самоучка, тоже хорошій грамотѣй, и былъ-бы отличнѣйшимъ кандидатомъ въ молодецкую семинарію. Жаль, что средства ихъ скудны, и оба помогаютъ въ хозяйствѣ отцу, не имѣющему средствъ нанять работника.

Яцковскій бѣлорусъ, развитый чтеніемъ и отвращеніемъ ко всему, чего пришлось ему послушаться во дворѣ помѣщика Зеновича въ тяжкое время мятежа и предшествовавшихъ ему мѣсяцевъ. Брѣвъ того онъ выдержалъ много положительныхъ преслѣдованій отъ мятежниковъ, и безстрашно указалъ на нихъ военной власти.

Многіе дома помѣщиковъ, опустѣвшіе въ 1864, вслѣдствіе арестованія владѣльцевъ ихъ за участіе въ мятежѣ, вновь оживились, по благополучномъ возвращеніи господъ изъ динабургской крѣпости. Въ одномъ изъ нихъ, сестра трехъ возвратившихся, неинтересная фанатичка, говоритъ, что она дошла до убѣжденія, что „въ польскомъ языкѣ все спасеніе дисненскихъ помѣщиковъ.“

Къ Полотску подвѣзжаешь съ запада болотистымъ лѣсомъ, и только за версту показываются на горизонтѣ, во первыхъ, высокія башни бывшей іезуитской коллегии, потомъ св. Софіи, отстроенной въ настоящемъ видѣ во время уніи, уніятскимъ митрополитомъ Флоріаномъ Гребницкимъ. Первое большое зданіе, встрѣчающее васъ въ городѣ, это костелъ бывшаго доминиканскаго кляштора, занявшаго мѣсто у вѣзда на городскую площадь, такъ что крестьяне, пріѣзжая изъ уѣзда въ городъ съ сѣвера и выѣзжая изъ него, первую и послѣднюю въ немъ станцію имѣютъ костелъ. И на такое помѣщеніе кляштора строители считывали не напрасно, потому что весь полотскій уѣздъ по сторону Двины тянется отъ города именно къ сѣверу. А въ праздничные дни такое преобладаніе костела дѣлается постороннему наблюдателю еще виднѣе: въ то время когда въ православныхъ храмахъ, удаленныхъ отъ площади, служеніе къ 12-му часу уже окончено, и храмы затворяются, въ костелѣ, гдѣ можно молиться и поѣвши и выпивши, только начинается эффектное богослуженіе— и, конечно, весь народъ, уѣзжая изъ города не минетъ костела, хоть-бы для того, чтобы послушать музыки;— а въ костелѣ есть къ тому же хорошо обдуманная приманка, о коей подробно расскажем ниже.

Святыня полотская, и духовная и русско-историческая — это древность почти современная одной киево-печерской лаврѣ, церковь Спасо-Евфросиньевской женской обители, на Сельцѣ, бывшемъ въ XII вѣкѣ мѣстомъ загороднаго архіерейскаго дома.

Въ 1833 г. „Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ“ (книжка 3. стр. 326), давалъ свѣдѣніе о современномъ видѣ и состояніи храма говоря: „Сія церковь, именуемая по бѣлорусскому нарѣчію Спасъ-Юрьевичи (Спасъ-Георгіевъ; преподобная княжна Евфросинія была дочь Святослава - Георгія, праправнука св. князя Владиміра)... сохраняетъ доселѣ какъ снаружи, такъ и внутри неизглаженные временемъ признаки священной древности. Образъ построенія, необыкновенная толщина каменныхъ стѣнъ, съ малыми, узкими окнами, иконное и стѣнное писаніе въ старинномъ греческомъ вкусѣ, сохранившееся отъ поврежденія, и древнія русскія надписи, подтверждаютъ истину историческихъ указаній.“

Изъ польскихъ писателей Стебельскій, увѣрявшій, что Россія и до уніи была въ соединеніи съ Римомъ; современный фантазеръ графъ Борхъ, усиливашійся доказать въ извѣстной намъ рукописи, что св. Евфросинія была римской вѣры, — только усиливаютъ историческія указанія о древности и значеніи для насъ Спасо-Евфросиньевской обители, креста, вложеннаго преподобною Евфросинією въ сію обитель, и древняго храма, къ сожалѣнію, въ послѣднее время попорченнаго.

По упраздненіи древней обители послѣ взятія Полотска Баторіемъ, зданія ея и храмъ переданы были іезуитамъ, которые имѣли здѣсь свой загородный домъ. Въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, какъ помнитъ нынѣшняя игуменья, храмъ стоялъ безъ оконъ и дверей; стѣнная древняя живопись, изъ которой ей особенно памятенъ образъ св. Пахомія, которому ангелъ въ образѣ схимника подаетъ уставъ монашескаго житія, да шестокрылатыхъ серафимовъ надъ столбами и алтаремъ; живопись, гдѣ только рука человѣческая могла достать, была попорчена выпарананными по ней іезуитскими воспитанниками надписями именъ, фамилій и ругательствъ въ родѣ „кривоустъ, косоглазъ“. У многихъ святыхъ глаза были выколоты. Слѣды пулъ видны были въ образѣ благословляющаго Спасителя въ главномъ куполѣ и въ образѣ знаменья, въ келліи преподобной Евфросиніи. Однако православные жители Полотска не забывали исторической обители; по праздникамъ нанимали базилианскаго священника и ходили пѣть литургію въ древній храмъ. Поминовеніе папы обычно заглушалось громъ-

кинь и продолжительнымъ „и всѣхъ и вся“. Послѣ литургіи, православные, базилиане и іезуиты оканчивали день общою пирушкою, на травѣ, въ тѣни храма.

Игуменья помнить какъ въ 1827 году, уѣзжая съ родителями изъ Полотска, она ходила проститься съ дорогою ей святынею и видѣла съ сѣвера отъ храма обрушившуюся круглую главу, придѣланную іезуитами, съ желѣзнымъ на ней крестомъ, на которомъ былъ монограммъ имени Іисуса. Въ бывшемъ архіерейскомъ домѣ проживали — то предводитель дворянства, то капитанъ-исправникъ, и совершались всякія шумныя увеселенія.

При этомъ расказѣ я мысленно спросилъ себя: поляки-ли турокъ, или турки поляковъ научили ругаться надъ православною святынею? При расказѣ живо вспомнились мнѣ древніе храмы Тернова, Солуни и Охриды въ Болгаріи, гдѣ точно также завоеватели турки разстрѣливали изображенія святыхъ, выкалывали у нихъ очи; а въ св. Софіи цареградской и доселѣ лики шестокрылатыхъ серафимовъ залѣплены алебастровыми розетками.

Въ 1832 году, по Высочайшему повелѣнію, церковь передана была въ духовное вѣдомство православнаго исповѣданія. Въ 1842 году, въ домъ при церкви переведены отъ свято-Софійскаго собора пять монахинь базилианокъ, обѣщавшихъ воссоединиться съ православною церковью, изъ коихъ еще и теперь двѣ живы. При возобновленіи женской Спасо-Евфросиньевской обители, святѣйшій синодъ имѣлъ въ виду образованіе ея изъ сестеръ хорошо знающихъ уставъ. Прибывшая изъ бородинскаго монастыря съ сестрами монахиня Дегтерева не удостоилась выбора въ игуменья. Выписаны были сестры изъ Орши, и изъ нихъ Клавдія Щепановская была первою настоятельницею возобновленной обители. Ея вѣсто заняла по преемству нынѣшняя игуменья, мать Евфросинія Сербиновичева, поставленная 12 декабря 1854 г., при освященіи теплой церкви во имя преподобной Святой. Такъ сбылись завѣтныя мечты женщины, въ дѣтствѣ, отрочествѣ и юности наполнившей свое воображеніе мыслію объ историческихъ судьбахъ поруганной святой обители и ея святой основательницы!

Храмъ въ настоящемъ своемъ видѣ только внутреннимъ расположеніемъ столповъ и сводовъ, толщиною стѣнъ съ узенькими окнами, хорами съ двумя крестообразными келліями, въ одной изъ которыхъ молилась преподобная Евфросинія, да каменнымъ жертвенникомъ, напоминаютъ о священной старинѣ зданія. Иконавая живопись новѣйшая; стѣнная, старинная, увы! заштукатурена,

и по штукатуркѣ наведены подобія древнихъ образовъ. Въ мѣстахъ, гдѣ эта новѣйшая, 1842 года, подмазка отвалилась, видна гладкая поверхность семисотлѣтней штукатурки, съ красками, напоминающими фрески кievской св. Софіи, и съ царящими по нимъ іезуитскихъ клериковъ. Изъ древняго стѣнописанія сохранились надъ сводами пять изображеній: на сѣверной стѣнѣ — Успенія Пресвятыя Дѣвы и Распятія Христа Спасителя; на южной — Рождества Христова и, неясныя, воскрешенія Лазаря и входа во Іерусалимъ. Но и эти изображенія въ томъ же 1842 году покрыты были свѣжою масляною краскою. Образъ Спаса благословляющаго, въ куполѣ, также древній; но какъ крыша надъ нимъ течетъ, то и штукатурка, вмѣстѣ съ красками, осыпается.

Нынѣшній полъ насланъ очень высоко надъ прежде бывшемъ по древнему обычаю ниже уровня земли. Такъ, что двери въ жертвенникѣ для хода въ усыпальницу, теперь видна только верхняя, малая часть.

Вокругъ монастыря есть слѣды ограды, обнимавшей нѣкогда большое пространство монастырскихъ зданій, съ ясно видимыми утолщеніями въ основаніи для угловыхъ башенокъ. Есть неопровержимыя доказательства, что подъ монастырскою почвою сокрыты значительныя сокровища, закопанныя такъ изгоняемыми іезуитами, которые не теряли надежды возвратиться чрезъ два года. Еще при игуменѣ Щепановской приходилъ изъ Невеля дворянинъ Грибовскій, имѣвшій родственниковъ между іезуитами, и убѣдительно просилъ позволить ему сдѣлать въ извѣстномъ мѣстѣ раскопку. Если раскопки вообще въ Спасо-Евфросиньевской обители и не поведутъ къ открытію сокровищъ денежныхъ, то другаго рода сокровища непременно найдутся: это сокровища археологій, остатки древней, XII вѣка архитектуры. Что же касается до древней стѣнной живописи, нынѣ заштукатуренной, то образецъ работъ академика Солнцева въ кievской св. Софіи надъ возобновеніемъ древнихъ фресковъ, даетъ примѣръ, въ какомъ послѣдствіяхъ привести могутъ: усердіе къ отечественной древности съ умънемъ — полезно употребить ассигнуемыя на работу средства.

Какъ въ XII вѣкѣ преподобная основательница полотской обители распространяла вокругъ себя христіанское просвѣщеніе, списывая священныя книги, и распродала ихъ на пользу нищей братіи, такъ и нынѣшняя обитель, состоя подъ управленіемъ игуменья сомненной основательницѣ, продолжаетъ освѣщать и просвѣщать далеко вокругъ себя мѣстность, забытую латиннопольскимъ игумъ. Чинъ бо-

гослуженія-пустынножительскій, хоры пѣнія и чтецы—безукоризненныя. Въ обители живутъ пріютъ двадцать семь дѣвицъ духовнаго званія, получающихъ основательное воспитаніе и образованіе. Святѣйшій синодъ отпускаетъ на это учрежденіе по тысячѣ рублей въ годъ: сумма едва-едва достаточная на прокормленіе дѣвочекъ,—выходитъ по 37 рублей 3 копейки на каждую. Впрочемъ, обитель готова принять и стороннихъ воспитанницъ по сорока рублей въ годъ. Такимъ образомъ поступила недавно Екатерина Щастновичева, сирота дочь священника, бывшаго за штатомъ въ тадулинскомъ монастырѣ, на сумму внесенную отъ главнаго начальника края К. П. Фокъ-Кауфмана.

Другая древность полотская, Богоявленскій мужской монастырь совершенно утратилъ характеръ старины. Ни въ зданіяхъ, ни въ памятникахъ, ни въ книгахъ его ризницы—нѣтъ, по словамъ настоятеля, отца архимандрита Сергія, ничего—ничего древняго. Монастырь втораго класса; иноковъ въ немъ кромѣ настоятеля, одинъ іеромонахъ и одинъ іеродіаконъ; штатъ до нѣкоторой степени пополняется свѣтскими священниками. Служеніе, благодаря воспитанникамъ уѣзднаго духовнаго училища, отправляется весьма порядочно; но собственные чтецы, одинъ съ бородкою, напоминающій великорусскаго причетника, другой съ бритою бородою, и занимающійся крученіемъ усовъ усердіе нежелезны чтеніемъ, ниже всякой критики.

Приписной къ Богоявленскому задвинскій Борисоглѣбскій монастырь вовсе безъ монаховъ. Тамъ всю братію составляютъ прекрасный священникъ, отецъ Іоаннъ Лузгинъ, обязанный и служить и вести хозяйство съ отчетомъ, да такъ называемый послушникъ изъ мужичковъ, которому очень хотѣлось, по вьюгѣ и подъ ятелицею, пронести изъ дома къ церкви, черезъ свѣжные сугробы, зажженную свѣчу. Церковь, холодный соборъ, зимою безъ служенія, съ воющимъ сквозъ оконныя щели вѣтромъ, съ навѣянными по вѣстамъ свѣгомъ, внушаетъ безотрадное чувство. Въ ризницѣ много одеждъ изъ старинной парчи и штофа; между ними мантія униатскаго епископа съ двойнымъ воротникомъ и источниками, идущими по коричневому фону какъ-то иначе чѣмъ у насъ: ее вложилъ въ храмъ кнѣжскій архіепископъ Василій; тамъ же крестообразная митра униатская. Подъ ризницею, въ усыпальницѣ, стѣны которой очень грозно для всего храма разсѣдаются, видно нѣсколько гробовъ, и въ одномъ изъ нихъ прекрасно сохранившійся трупъ, облеченный въ иноческую одежду. Православная церковь, оставляетъ, спасибо ей, земное земля; и не нарушаетъ покоя усопшихъ для

своекорыстныхъ цѣлей, какъ то случалось, да и нынѣ случается въ костельномъ мѣрѣ.

Отецъ Іоаннъ расказалъ личное воспоминаніе изъ своей молодости, какъ недалеко отъ Полотска, въ Люцинскомъ уѣздѣ, въ имѣніи помѣщика Барницкаго, всендзы *іезуиты*, выкоптивъ въ трубѣ трупъ одного всендза, выдали его за нетлѣнные мощи одного изъ предковъ пана. Панъ какъ панъ, не безъ придури и пыхи, подался на іезуитскую ловушку. Соорудилъ серебрянную раку, построилъ часовню, приказалъ хлопамъ чтить новаго свята; — а народу только скажи святой — и довольно, — и повалила толпа съ грошами, холстомъ, воскомъ и карбованцами. Прислали изъ Петербурга комиссію, — разобрали подлогъ, и закопали въ землю копченаго всендза.

Въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ есть нѣсколько связокъ болѣе или менѣе старинныхъ актовъ: сколько изъ нихъ удалось намъ разсмотрѣть, это большею частью неуплаченные долговныя обязательства сосѣдей монастырскихъ, окрестныхъ помѣщиковъ. Фундушова запись Корсака, о которой говорили мы, не попала въ глаза; а бережется съ особымъ тщаніемъ кусокъ пергаминна 6 вер. длины и 4 вер. ширины, съ привѣсною къ нему восковою печатію, которую разобрать трудно. На пергаминахъ четкимъ почеркомъ написано некрасивымъ полууставомъ:

„Во имя божье стансе: Іа княз Полоцки Іарославъ Ваславовичъ сознаваю сямъ моимъ листомъ....“

Жалованье монастырю... „Лѣта 6904 (1396, — въ подлинномъ такъ Сасотновд).

Неудачны, большею частію, передѣлки въ православные храмы бывшихъ латинскихъ костеловъ, если къ костельной архитектурѣ не сдѣлано примѣненій, требуемыхъ православнымъ богослуженіемъ. Требования костельной архитектуры-особенны. Тамъ удлинненная середина храма, высокіе своды, подъ которыми звучали и дробились бы оглушительные звуки органа и ревъ, безъ словъ, братчиковъ костельныхъ, для олурѣнія молящейся толпы, которой чуждъ языкъ литургіи и латинскихъ пѣснопѣній. Единственное, удобно примѣненное въ нихъ къ потребностямъ слушающихъ мѣсто, это мѣсто проповѣди, — каеэдра, приближенная къ срединѣ, возвышенная, съ которой ораторъ, всѣмъ видимый и слышимый, словами увлекательной рѣчи дѣятельно вліяетъ на своихъ слушателей.

Такия каеэдры, еще ближе къ срединѣ, существуютъ во всѣхъ православныхъ храмахъ юго-востока Европы, у грековъ и болгаръ.

Съ этихъ кафедръ не только произносятся тамъ поученія, но раздается и само слово Божіе Евангелистовъ и Апостоловъ (*). Чтеніе тамъ — отчетливое и общепонятное преподаваніе народу вѣчныхъ истинъ по богослужебнымъ книгамъ; пѣніе — не утонченное подражаніе бездушному органу, а сознательное сочетаніе дивнаго дара слова, отличающаго человѣка отъ животныхъ, съ голосомъ души, выражающимся въ сочувственномъ преизношеніи словъ. Чтецы и хоры пѣвцовъ, стоя на своихъ мѣстахъ, обращены лицомъ къ срединѣ храма; такъ, что и къ молящемуся въ отдаленіи ясно долетаютъ звуки и смыслъ словеснаго служенія.

Мысли эти пронеслись въ моей головѣ, когда я стоялъ въ полотескомъ Николаевскомъ соборѣ, передѣланномъ въ православный храмъ изъ іезуитскаго костела. Стройное длинное зданіе храма, съ легкими сводами, какъ нельзя лучше примѣнилось бы и къ православному богослуженію, если бы клиросы, вѣсто того, чтобы прятаться гдѣто далеко впереди, за массивными столбами, такъ, что звуки голоса чтеца обращеннаго къ олтарю, ударяясь о стѣны иконостаса, возвращаются въ храмъ въ видѣ раздробленнаго гула, въ которомъ даже знакомому съ ходомъ богослуженія трудно уловить живое слово, — если бы клиросы помѣщались ближе къ срединѣ храма, гдѣ, между столбовъ ихъ было бы прекрасное мѣсто.

Латинскій клиръ даетъ мірянамъ то, что онъ считаетъ для нихъ нужнымъ и для себя полезнымъ: одурѣніе и фанатизированіе толпы вѣшними впечатленіями на слухъ, зрѣніе, чувственность, воображеніе; онъ даетъ право молиться сидя, и приобрѣтаетъ легко индульгенціи, съ единственнымъ обязательствомъ — считать слово пастыря закономъ. Словесное служеніе, по преданіямъ и слову Божію, въ латинской церкви отсутствуетъ. Какова же при этомъ могла бы быть сила словеснаго служенія въ православной церкви, когда въ рукахъ ея столь громадное средство какъ общепонятный языкъ богослуженія и общедоступный смыслъ священныхъ обрядовъ!

Въ городѣ остались старинныя названія мѣстностей, не имѣющія въ настоящее время никакого значенія: нижній замокъ, верхній замокъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ верхняго замка, по окраинѣ его вала, у городской, называемою нынѣ кадетской, площади по-

(*) Подобныя кафедры существовали во всѣхъ древнихъ церквахъ и существуютъ нынѣ во многихъ изъ нихъ въ юго-западной Россіи, а въ кафедральныхъ соборахъ и во всей Имперіи. Желательно было бы, чтобы устройство ихъ вошло въ обычай повсемѣстно во всѣхъ церквахъ Россіи.

вѣщается Николаевскій соборъ, съ примыкающими къ нему зданіи военной гимназій, — бывшаго кадетскаго корпуса — и еще прежде бывшей іезуитской полотской коллегіи, центральной для всего края Вѣлоруссіи и Литвы.

О значеніи іезуитовъ въ Россіи много въ послѣднее время было говорено, много писано, такъ что и повторять имени ихъ, притилаго по историческимъ воспоминаніямъ, не слѣдовало бы, еслибъ имя это не встрѣчалось и теперь при памятникахъ, къ которымъ привязаны чувствительнѣйшіе нервы простыхъ сердець бѣлорусскихъ крестьянъ. Однимъ изъ такихъ памятниковъ служить, упомянутый мною въ началѣ, латинскій костель упраздненнаго доминиканскаго монастыря, хранящій въ себѣ наслѣдіе іезуитовъ, переданное туда при изгнаніи ихъ изъ Россіи, — ящикъ съ костями печальной памяти такъ называемаго Андрея Боболи.

При входѣ въ костель чрезъ маленькую дверь справа, вы видите предъ собою алтарь, надъ которымъ помѣщена икона въ серебрянномъ окладѣ святителя Николая, съ словянской на ней, обычною надписью: „Святій Николай чудотворецъ“ (*). Здѣсь икона его помѣщена для привлеченія русскаго народа въ латинскій костель, какъ будто бы никакой разницы съ православною церковью въ ней нѣтъ. Противъ этой иконы, въ задней стѣнѣ костела есть низенькая дверь, ведущая въ неглубокое подземелье, освѣщенное продолговатымъ окномъ, на улицу приходящимся снаружи какъ разъ надъ тротуаромъ, около котораго снуютъ вѣвзажающіе въ городъ и выѣзжающіе изъ него крестьяне.

Въ подземельи, съ лѣвой стороны, огороженный решеткою альковъ. На стѣнѣ его, обтянутой краснымъ сукномъ, посрединѣ черная доска, окруженная множествомъ серебрянныхъ ex-voto всякихъ видовъ. За рѣшеткою, въ альковѣ, изъ дубовыхъ рамъ со вставленными цѣльными стеклами, ящикъ, покрытый большою сѣною рамою, въ которой натянута проволочное сѣтное полотно; сквозь него видно, что-то таинственное. При подъемѣ этой рамы я увидѣлъ подъ стекломъ уложенную въ ящикѣ фигуру слѣдующаго вида: на атласной подушкѣ, рядомъ съ капланскою четырехъ-граннаго скуфья, безобразная голова съ дырками вмѣсто глазъ и носа; въ старческихъ длинныхъ желтыхъ зубахъ недостаетъ двухъ верхнихъ рѣзцовъ. Ниже головы идетъ чистое, бѣлое съ краснымъ, ксендзовское одѣніе изъ подъ котораго выглядываютъ двѣ скрюченныя кисти

(*) Надпись эта по польски. Ред.

рукъ и два ступня ногъ обмочалившюся на концахъ пальцевъ ко-
жею. Фигура внѣтри обвита по поясу бѣлымъ шнуромъ, у узла
котораго печать митрополита Жилинскаго. Концы шнура расхо-
дятся къ верху, проходятъ сквозъ просверленные въ верхней рамѣ
дырки и оканчиваются у соединенія криши съ ящикою, подъ
сургучными печатами, которыя очевидно неоднократно были разо-
грѣваемы, и на которыхъ ни малѣйшаго изображенія не суще-
ствуетъ. Рядомъ съ этими печатами привинчены къ рамѣ криши и
къ верхней рамѣ ящика мѣдныя форточныя петли; паранины на
нихъ и покривленные головки винтовъ тоже говорятъ, что отвертка
не однажды къ нимъ прикасалась. Ксендзъ-деканъ объяснялъ мнѣ
что опечатавъ этотъ предметъ въ 1859 году митрополитъ Жилин-
скій, чтобы охранить ее отъ излишней ревности поклонниковъ, но
акта этому опечатанію никакого не было составлено. Свѣжая одежда
на фигурѣ, изглаженные изображенія на боковыхъ печатахъ, пара-
нины на петляхъ, — все мнѣ говоритъ что есть посторонняя забота о
содержаніи предмета въ должной опрятности, немислимой при весьма
плохомъ состояніи недоистлѣвшихъ частей труппа.

На черной доскѣ такая польская лаколическая надпись: „Ан-
дрей Боболя род. 1591. Вступилъ въ монашество въ Вильнѣ 1611.
Мученъ въ Яновѣ около Пинска 1657. Вынутъ изъ земли 1700.
Принесенъ въ Полотскъ 1808 (*).

Въ подоминиканской библиотекѣ нашелъ я грубую гравюру
in.—12, изъ тѣхъ, очевидно, какія роздаются поклонникамъ, ибо
верхняя надпись гласитъ: „Alligit corpus V. M. Andreae Boboli
S. J.“, т. е. прикоснулся тѣлу блажен. муч. Андрея Боболи,
общ. иезуит.; это аттестатъ, бывшій въ обычаѣ у всѣхъ латин-
скихъ и унитскихъ монастырей, который выдавался поклоннику
чтимою святини. Въ одномъ изъ православныхъ нынѣ монастырей
нашелъ я мѣдную гравировальную доску для печатанія подобныхъ
образовъ другаго извѣрга въ унитскомъ мирѣ, Іоасафата Кунце-

(*) По преданію, ксендзами поддерживаемому, труппъ Боболи
вынутъ изъ болота. А извѣстно, что торфяныя болота Пинскаго
уѣзда, какъ и всякій торфъ, имѣютъ свойство сохранять погру-
женные въ нихъ тѣла въ ихъ первоначальномъ видѣ. Гораздо лучше
Боболева видѣлъ я сохранившимся труппъ Сѣцинскаго, также долго
лежавшій въ Унитскомъ болотѣ Поневѣжскаго уѣзда, и который
до 1865 года включительно хранился въ Унитскомъ востелѣ, безъ
репутаціи святости — напротивъ — какъ воспоминаніе о первомъ
плахтичѣ унитскомъ, прокричавшемъ въ Варшавѣ: «не позва-
димъ!»

нича. Гравюра Боболи говоритъ, что *тѣло* его перенесено къ доминиканамъ 1835 года.

Печатнаго жизнеописанія Боболи я въ Полотскѣ не могъ найти; но у ящика, въ которомъ заключены кости, выдаваемые за Боболевы, ксендзъ-деканъ, на вопросъ мой, кѣмъ былъ замученъ Боболя, отвѣчалъ, скромно потупивъ очи: „казаками, говорить, во время сраженія русскихъ войскъ съ польскими“. Я не буду передавать мнѣній о Боболѣ изъ противнаго ксендзамъ лагера: онѣ или общезвѣстны, или также мало доказательны, какъ и латинская хроника. Для меня достаточно того, что вторгшіеся въ Бѣлоруссію іезуиты, враждебные православію, враждебные Россіи, перевезли съ собою изъ пинскихъ болотъ части тѣла, выдаваемые ими за Боболевы. Я вижу, что по изгнаніи іезуитовъ, чрезъ четырнадцать лѣтъ, кости эти обогащаютъ собою доминиканскій полотскій монастырь. Послѣ мятежа 1863 г., въ коемъ участвовали отцы-доминиканы, монастырь закрытъ и костель его остается приходскимъ. И когда мнѣ говорятъ, что вся святость Боболи заключается въ томъ, что іезуитъ былъ убитъ при стычкѣ казаковъ съ поляками, когда, въ таинственной обстановкѣ, поражающей воображеніе кроткаго и простодушнаго бѣлорусса, я вижу изъ польской литаніи, повѣшенной надъ ящикомъ, что къ нему зываютъ: „Пинскій апостоле! Орудіе Богомъ избранное для повораченія къ едности вѣры святой,—т. е. къ униі,—то для меня непостижимою становится та толерантность, или то равнодушіе, которыя допускаютъ въ сердцѣ Россіи, въ городѣ преподобной Евфросиніи полотской, послѣ изгнанія іезуитовъ, а наконецъ и доминикановъ, послѣ торжественнаго воссоединенія съ православною церковью бѣлорусскаго народа, существованіе столь постыднаго напоминанія о триклятой униі, обезобразившей и продолжающей безобразить бѣдное, лишенное всякаго развитія — и духовнаго и умственнаго — воображеніе русскаго крестьянина.

Изъ подоминиканскаго костела, чрезъ корридоръ, перешелъ я въ помѣщеніе, занимаемое подоминиканскою бібліотекою, разобранною по языкамъ труженникомъ, неизвѣстнымъ полиціи, завѣдующей ключемъ и печатью отъ бібліотеки. Шестъ огромныхъ шкафовъ заключаютъ въ себѣ 8832 тома книгъ, распределенныхъ по языкамъ въ слѣдующемъ отношеніи: латинскихъ 4793, французскихъ 2563, польскихъ 1915, нѣмецкихъ голландскихъ, а также рукописныхъ на разныхъ языкахъ 1265, итальянскихъ 296.

Полиція продавала недавно шкафы, оставшіеся послѣ оо. до-

миникановъ; купилъ ихъ священникъ и, къ удивленію своему, нашелъ въ одномъ изъ нихъ нѣсколько боченковъ съ отличною старою водкою, не вошедшею въ опись.

Изъ подоминиканскаго зданія направился я къ вышнему замку, гдѣ стоятъ: соборъ св. Софіи, зданія бывшаго монастыря и семинаріи іезуитовъ-базиліанъ и деревянное зданіе для монахинь-базиліанокъ.

Зданіе полотской семинаріи, по переводѣ ея въ Витебскъ, продано было въ частныя руки, и нынѣ уже изъ частныхъ рукъ отдается въ наемъ квартирующимъ въ городѣ войскамъ. Любопытны цифры, сообщенныя мнѣ знающимъ дѣло человѣкомъ въ Витебскѣ: проданъ былъ домъ за 40 тыс. руб. (кажется ассигнаціями); въ томъ же году покушникъ половину дома заложилъ за 75 т. руб.; нынѣ владѣлецъ получаетъ изъ суммъ военнаго министерства 1500 руб. сер. въ годъ. Зданіе монахинь-базиліанокъ, по переводѣ ихъ въ Спасо-Ефросиньевскую обитель, поступило подъ помѣщеніе священнослужителей соборныхъ.

Внутренность собора, величественная по размѣрамъ, представляетъ какое то холодное безжизненное пространство, ничѣмъ, какъ то бываетъ въ древнихъ и новыхъ православныхъ храмахъ, не согрѣтое. Очевидныхъ памятниковъ уніятства тамъ уже нѣтъ; капища sanctus Benedictus очищена; но голыя стѣны, рѣдко размѣщенное наслѣдіе латинянъ въ ихъ плотныхъ картинахъ, замѣняющихъ образа, наводятъ на душу какое то стѣсненіе. Я поспѣшилъ обратиться къ стариннымъ книгамъ, которыя обязательно предложилъ мнѣ рассмотреть почтенный протоіерей отецъ Юркевичъ.

1) Рукописная на польскомъ языкѣ книга архибратства Покрова пресвятыя Богородицы при храмѣ св. Софіи, установленнаго царицею Бенедиктою XIII, и веденная съ 1727 по 1838 годъ. Братская же икона псковской Богоматери. Есть другая, такъ называемая, братская икона, складень, на которомъ изображены святитель Николай, св. великомученица Варвара и епископъ, подпись котораго изъ серебрянаго оклада вырѣзана, около лега его надаранане: св. апостоль Іаковъ. Но документовъ о Свято-Никольскомъ братствѣ никакихъ не существуетъ.

2) Апостоль съ предисловіемъ и посвященіемъ Богдану Стеткевичу, подкоролю мстиславскому, печат. въ Могилевѣ гдѣта отъ Рождества Христова 1638. Спиридонъ Соболевъ типографъ.

3) Евангеліе и апостоль въ малую четвертеку; между текстомъ двѣ виньетки, представляющія св. евангелистовъ Маттея и Марка, съ подписью мѣста печати въ Бутайнѣ 1654. Къ нему спереди

приклеенъ заглавный листъ изъ другой книги: „Правило къ божественному причащенію первѣе въ типографіи святой троицкой илинской, черниговской издадеса. Нынѣ же въ типографіи богомыленской братской могилевской коштомъ и накладомъ того-жъ року 1736.“

Въ храмѣ хранится крестъ серебряный, вызолоченный, съ надписью года его сооруженія 1661.

Отецъ Юркевичъ и староста соборный, витебскій мѣщанинъ Михаилъ Потоцкій, положили основаніе собранію библиографическихъ рѣдкостей, предоставивъ въ распоряженіе мое слѣдующія книги:

1) Сводный лѣтописецъ, рукопись полууставомъ въ книгѣ въ малую четвертку, 450 листовъ. На 436-мъ древнее писаніе продолжается до конца позднѣйшею рукою, и въ концѣ страницы значится слѣдующее: „лѣта 7003 (1489) написана бысть сія книга, глаголемый лѣтописецъ въ градѣ Смоленскѣ при Державѣ великаго князя Александра, изволеніемъ Бежинъ и повелѣніемъ господина владыки нашего епископа смоленскаго Іосифа, рукою многогрѣшнаго раба Божія Авраамѣка. Но господіе, отцы и братіе.... и проч. слѣдуетъ обычное извиненіе писца, а затѣмъ снова текстъ лѣтописи, обрывающійся на возвращеніи Ягеллы съ Ядвигою изъ Бракова въ Вильну. На поляхъ много польскихъ замѣтокъ. Не та ли же рука и конецъ оборвала?... (*).

2) Старопечатная, не изъ древнихъ, лѣтопись безъ начала и конца, съ заглавіями вверху страницъ. Первое заглавіе „о народѣ роксоланствѣ и о нарѣчїи его“, послѣднее „о пришествїи въ Чигиринъ войскъ православныхъ,—это отрывокъ исторіи кїевского митрополита Гизелія.

3) Старовѣрческая, почаевского изданія (1781), скитское покаяніе.

4) Семь подлинныхъ документовъ XVI и XVII вѣка, касающихся полотской архїепископїи. 1588—два, 1606, 1619, 1624, 1635 и 1640 годовъ.

Предъ выѣздомъ изъ Полотска не могу не бросить бѣглаго взгляда на все мною тамъ видѣнное и слышанное. Припоминаю заявленное многими у насъ желаніе видѣть перевезенными въ По-

(*) Н. П. Барсовъ убѣдился изъ сличенія, что лѣтопись эта составляетъ подлинникъ той копїи 1820 года, которую издалъ латинскими буквами и съ польскими изъясненїями въ 1827 году Даниловичъ.

лотскѣмъ мѣстѣ препод. Евфросиніи, думаю, что не можетъ быть причиною это перевезеніе, пока не вынесется изъ Полотска трупъ іезуитскаго Боболи и не вывѣтрится воздухъ отъ столь долгаго поруганія его присутствіемъ латинской штуки.

Евреи города Полотска особенно безпобойны и наглѣ: въ нихъ какъ будто живъ духъ привилегій, данныхъ имъ польскими королями, которые въ Вѣлоруссіи ихъ употребляли какъ язву для умерщвленія въ русскомъ народѣ духа его вѣры и народности. Отъ всѣхъ властей пришлось мнѣ слышать жалобы на дерзость ихъ, лукавство и упорство. Къ пріѣзду генераль-губернатора въ еврейское училище собрано было до трехъ-сотъ дѣтей, между тѣмъ какъ ни прежде, ни послѣ ихъ вовсе въ училищѣ не бываетъ.

Всякаго пріѣзжаго поражить отсутствіе зимою въ Полотскѣ нищихъ. Едва ли это не единственный городъ, въ которомъ нищія по истинѣ трудятся. Цѣлый день отъ утра до вечера можете вы видѣть на крутыхъ подъемахъ улицъ, идущихъ отъ Двины, стариковъ, старухъ, дѣтей, которые съ усиліями тащатъ въ городъ салазочки съ мѣшками бѣлаго песка, употребляемаго жителями для усыпанія пола въ домахъ своихъ. И здѣсь не безъ гадостей отъ жиденятъ: я видѣлъ, какъ человекъ пять этихъ маленькихъ оборванцевъ высыпали въ грязь у маленькой дѣвочки до крупинки всѣ четыре мѣшечка, которые она съ такимъ трудомъ дотащила до верха.

Развитіе крестьянъ съ 1839 года воссоединенныхъ изъ униі, весьма слабо. Повсемѣстно господствуютъ униатскіе обычаи. Стремленія привлечь безсознательно латинствующихъ дорого обходится дѣятелямъ. Такъ въ гореплянской волости, прекрасный священникъ съ помощію добросовѣстнаго писаря успѣлъ убѣдить небольшое число латинниковъ, удаленныхъ отъ костела и сжившихся съ православными сосѣдями, дать подписку о воссоединеніи съ православною церковью. По интригѣ ксендза писарь смѣщенъ, назначено дѣзжаніе, при которомъ обязательство крестьянъ, вслѣдствіе отреченія ихъ отъ него, торжественно при нихъ разорвано.... дѣло находится еще въ производствѣ у судебного слѣдователя.... Надежда на училища, которыя шли доселѣ хорошо, но въ нѣкоторыхъ, вслѣдствіе невозможности продовольствовать дѣтей, ученіе пріостановилось.

Городскія церкви народомъ посѣщаются слабо; костель всегда полонъ.

Есть слухъ,—не поручусь за полную достовѣрность его,—

что помѣщики римскаго исповѣданія собираются переходить въ лютеранство, съ цѣлю избѣжать послѣдствій для нихъ Высочайше утвержденнаго 10-го декабря положенія.

Волѣзнь, приключившаяся мнѣ въ Полотскѣ, помѣнала мнѣ видѣть многое изъ памятниковъ православной русской старины, чудомъ уцѣлевшихъ на классической почвѣ уни въ бывшемъ полотскомъ воеводствѣ. Такъ, въ Полотскѣ не видѣлъ я ни Струны, ни Якиманіи, бывшихъ нѣкогда загородными домами полотскихъ архіепископовъ. Проѣзжая мимо первой, видѣлъ я кучу часовенекъ, которыя образуютъ ограду церкви и представляютъ собою, въ миниатюрѣ, конечно, ту кальварію, которая въ окрестностяхъ Вильны столько содѣйствуетъ къ фанатизированію въ латинско-польскомъ смыслѣ новѣжественныхъ массъ крестьянъ, привлекаемыхъ издалека смутнымъ представленіемъ, что они посѣтятъ истинное мѣсто страданій и крестной смерти Искушителя и получаютъ отущеніе грѣховъ чуть ли не цѣлой жизни.

Въ Витебскѣ не видѣлъ я ни Маркова, ни тадулинскаго монастырей, въ последнее время подробно описанныхъ въ памятныхъ книжкахъ Витебской губерніи (*); не могъ посѣтить ни Ильинской ни заручеевской церкви, служившихъ православному люду убѣжищемъ для молитвы въ то время, когда, при введеніи уни, всѣ храмы стояли запертыми и запечатанными; не успѣлъ проникнуть и въ Успенскій соборъ, свидѣтель гибели неукротимаго фанатика Бунцовича. Не видѣлъ ни собранія портретовъ унитскихъ архіепископовъ, ни богатой бібліотеки семинаріи.

Мнѣ случилось встрѣтиться съ просвѣщеннымъ единовѣрческимъ священникомъ, отцемъ Василиемъ Волковичемъ, который обогатилъ мое собраніе слѣдующими предметами:

1) Рукопись въ книгѣ in fol.; тридцать листовъ церковнаго пѣнія по крюкамъ.

2) Рукопись въ книгѣ in 4to; сто тридцать пять листовъ старовѣрческихъ обличеній противу нововведеній:

Гл. 23-я истинное описаніе о отступленіи отъ святыхъ восточныхъ церкви нарицаемыхъ *юнитовъ*.

3) Рукопись въ книгѣ малое in fol., четыреста восемнадцать листовъ мѣсячной Минеи, полные мѣсяцы: Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь, Январь.

(*) Да и прежде въ Витебскихъ Губернск. Вѣд. г. Говорскимъ и въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Западной Россіи“.

Почтенный священник доверительно вручил мне составленный им для единовѣрцевъ Катехизисъ ученія православныя церкви, въ которомъ всѣ тексты заимствованы имъ изъ старопечатныхъ книгъ, не отвергаемыхъ и православною церковію. Достоинство книги считаетъ авторъ особенно въ томъ, что онъ, путемъ доводовъ, основанныхъ на текстахъ, приводитъ нашихъ отщепенцевъ къ убѣжденію о необходимости правильной іерархіи, хранительницы, совершительницы и преподавательницы истинныхъ таинствъ церковныхъ. Книга эта, дважды представляемая на одобрение возвращалась автору безъ успѣха. Въ первый разъ было найдено, что книга не соотвѣтствуетъ всѣмъ нуждамъ единовѣрцевъ, и дано обѣщаніе составить столь потребное руководство. Въ другой разъ книга встрѣтила два противоположныхъ мнѣнія: двое полагали сократить изложеніе, а одинъ распространить оное. Между тѣмъ единовѣрцы остаются безъ вѣрученія, подверженные всей шаткости разнообразныхъ ученій наставниковъ въ русскомъ расколѣ (*). Какъ вводное предложеніе, сообщу извѣстіе радостное и вполне достовѣрное, что могилевскіе старовѣры охотно отдаютъ дѣтей своихъ для общаго образованія въ гимназію, съ единственнымъ условіемъ, чтобы ихъ не принуждали слушать ученіе вѣры: и вотъ, какъ разъ кстати является Катехизисъ, составленный отцемъ Волковичемъ, который пользуется, по словамъ его, одобреніемъ всѣхъ единовѣрцевъ и многихъ старовѣрческихъ наставниковъ.

Я познакомился съ витебскимъ центральнымъ архивомъ чрезъ архивариуса его, почтеннаго труженника Александра Михайловича Сазонова. Собралъ свѣдѣнія объ архивѣ и со стороны; вотъ выводъ ихъ:

Витебскій центральный архивъ долженъ заключать въ себѣ все древнее дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ нынѣшнихъ витебской и могилевской губерній. Ученныя работы въ архивѣ этомъ должны выяснить документальнымъ способомъ духовный, гражданскій и юридическій бытъ русскаго народа, на который столь тяжкимъ гнетомъ начало съ конца XVI вѣка налетать печальной памяти латино-польское иго. Особенно любопытны памятники Полотска, Витебска, Орши, Мстиславля; ибо географи-

(*) Одинъ изъ виленскихъ авторитетовъ выразился, что книга «ведетъ къ сепаратизму, а уніонизмъ лучше.» Впрочемъ единовѣріе нашихъ раскольниковъ, — это синонимъ уніонизма.

ческое пространство этих именно мѣстностей подверглось сильнѣйшимъ нападеніямъ передовой арміи латинскаго папства, іезуитовъ, стремившихся осуществить столь давно желанное римскимъ клиромъ присвоеніе римскому католицизму гражданскихъ правъ въ Россіи среди православнаго ея населенія. Тамъ именно удалось іезуитамъ особенно сильно укрѣпить латинскія вѣрованія и латинскій обрядъ, посредствомъ облеченія ихъ въ бѣлорусское слово (*), посредствомъ приимѣнія ихъ въ бѣлорусскому обычаю. Плоды этого облеченія и такого приимѣнія очевидны всякому, читающему въ народной жизни *не по верхамъ*: плоды эти — въ усвоеніи латинскихъ воззрѣній на главенство папы, всендза, пана; они въ массѣ бѣлорусскихъ кантычекъ, представляющихъ все божественное въ образахъ тривіально-человѣческихъ (**); плоды эти въ томъ, что нигдѣ какъ въ Бѣлорусіи не согнулся такъ низко народъ подъ гнетомъ латинско-польскаго папства, и нигдѣ такъ не трудно ему оправиться отъ минувшаго полнаго безправія при крѣпостномъ состояніи; въ томъ, наконецъ, что нигдѣ какъ тамъ, среди воспитанныхъ и вѣвшихся въ умъ суевѣрій, осо-

(*) Намъ извѣстно только нѣсколько книжечекъ на бѣлорусскомъ нарѣчій:— Катехизисъ, Науки парафіальныя, да пять, шесть пѣсней духовнаго содержанія, переложенныхъ, отчасти съ польскаго, уніятами, для домашняго обихода въ нихъ, хотя уніятскихъ, но все таки въ русскихъ церквахъ, но іезуиты и другіе латинскіе всендзы никогда не облакали свои вѣрованія и обряды въ бѣлорусское слово, они его также не терпѣли какъ и русское, а напротивъ пропаганду свою всегда вели на языкѣ польскомъ (за исключеніемъ только миссій въ царствованіе Александра 1-го, на которыхъ поучали простой народъ домашнимъ польскимъ языкомъ, но ничуть не въ костелѣ, а внѣ его, подъ открытымъ небомъ, чтобъ дескать, не прафанировать русскою рѣчью изъ святиню). Извѣстно, что почти до 18 столѣтія въ уніятскихъ церквахъ поученія произносились на бѣлорусскомъ, т. е. древне русскомъ языкѣ, но поляки, съ дѣлюю ополаченія уніатовъ, навязали имъ употребленіе въ церквахъ польскаго языка, на которомъ уніятскіе всендзы не только стали произносить проповѣди, но читать молитвы и пѣть духовныя пѣсни, такъ, что въ эпоху воссоединенія не было уже въ западной Россіи ни одной уніятской церкви, въ которой бы, кромя славянской литургіи, раздавались звуки русскаго слова. Повсюду въ нихъ все говорилось и пѣлось по польски, а изъ церквей польскій языкъ перешелъ и въ дома уніятской шляхты и духовенства, вслѣдствіе чего уніаты стали называть себя поляками и въ 1830 году приняли участіе въ польскомъ мятежѣ,— какъ истые поляки—патріоты. *Ред.*

(**) Кто здѣсь не слышалъ пѣсню, распѣваемой дѣтьми, путешествующими въ день Богоявленія (по латинопольскому вѣрованію „Трехъ Королей“, нигдѣ изъ священныхъ книгъ неизвѣстныхъ, какихъ-то Каспера, Мельхиора и Бальтазара), гдѣ рожденный Спаситель въ ясляхъ представляется такъ:

Съ одной стараны сапитъ бычекъ,
Съ другой стараны осличокъ

бенно почвенныхъ, при свободно живущихъ памятникахъ Кунцевича, Боболи и другихъ латинопольскихъ святыхъ, — не трудно будетъ привить ростки истиннаго христіанскаго просвѣщенія, которое будетъ постоянно встрѣчать себѣ противника въ усвоенномъ народомъ латинскомъ полу-христіанствѣ.

На полдень обращенный выстулъ архивнаго зданія занять центральнымъ архивомъ. Высотою помѣщенія воспользовались, чтобы устроить два яруса раздѣленные досчатымъ поломъ. Въ нижнемъ живетъ сторожъ и находится комната для занятій архиваріуса, нежилая, впрочемъ, вслѣдствіе дурнаго устройства печей, дымовые ходы которыхъ проведены въ наружной стѣнѣ и неправильно извиваются, повинувся неправильному расположенію въ стѣнѣ булыжника среди кирпича. Въ верхнемъ ярусѣ, въ двухъ первыхъ комнатахъ, расположены на полкахъ систематически девять сотъ пятьдесятъ шесть книгъ присутственныхъ мѣстъ нынѣшней Витебской губерніи, которымъ составлена подробная опись, по числу, по годамъ, по отдѣламъ, по числу листовъ и по языкамъ. Последняя комната далеко не наполнена поступающими весьма туго изъ Могилевской губерніи книгами, которымъ, поэтому и описи никакой составить нельзя.

Помѣщеніе для книгъ не тѣсно, — и если нижнее, для занятій, будетъ исправлено, то работать можно съ успѣхомъ. Но жаль, что весь богатый складъ недостаточно обезпеченъ отъ огня, который, при пожарѣ въ множествѣ деревянныхъ зданій, окружающихъ архивъ, можетъ мгновенно истребить его. Необходимо ко всѣмъ окнамъ сдѣлать желѣзныя ставни и въ жилыхъ помѣщеніяхъ устроить отличныя печи.

Богатство витебскаго архива заключается, какъ я сказалъ, въ 956 книгахъ, которыя, распредѣленныя по мѣсту и времени.

Весь трудъ приема, разбора и описанія сихъ книгъ совершенъ

Грѣтъ Господа Бога своего,
 Суса Христа маленькаго.
 Божа мати поглядаетъ,
 Что нискулъ гостей не маєтъ.
 Пришли къ нему два литвини,
 Принесли горшокъ ботвини
 Ахъ вы глупые литвини,
 Сусъ Христось не ѣстъ ботвини,
 Принесите кашки съ молокомъ,
 Либо съ медовымъ сочкомъ,
 То на васъ Христось ласковъ будетъ.....

однимъ человѣкомъ. При витебскомъ архивѣ нѣтъ археографической комисіи, у архиваріуса нѣтъ сотрудниковъ: А. М. Сазоновъ не жалуется на свое одиночество въ работѣ, хотя ему хотѣлось бы, конечно, начать печатаніе документовъ витебскаго архива. И въ самомъ дѣлѣ важно скорѣе выпустить ихъ на свѣтъ Божій для того, чтобы разсвѣять всю черную тьму латинско-католической польщизны, облекавшую русскую страну, отуманившую русскій народъ, заглянувшую во всѣ полусвѣтлые углы и безъ того темной избы русской деревни, изсушившую народную жизнь, *оцивилизовавшую* русскій городъ, подготовившую раздѣленіе народа на народъ, общество и публику, и наконецъ, произведшую насъ изъ народа въ націю, въ каковомъ качествѣ мы теперь и живемъ честь предстоять суду европейской публики.

Александръ Михайловичъ сообщилъ намъ сорокъ шесть выписей, сдѣланныхъ имъ изъ книгъ полотскаго магистрата. Текстъ ихъ, надѣемся, будетъ изданъ въ теченіи нынѣшняго года. (*)

Предъ выѣздомъ изъ Витебска случилось мнѣ быть очевидцемъ слѣдующей вещи.

Скопчалась въ городѣ старушка, римскаго обряда, сестра всѣмъ уважаемаго православнаго дѣятеля. Собрался къ выносу тѣла чуть не весь городъ, а общество положительно все; начиная съ высшихъ властей, и кончая маленькими чиновниками, подвѣдомственными брату покойницы.

Весь пѣздъ тронулся подъ предводительствомъ мѣстныхъ ескадровъ. Приѣдя въ костель, гробъ поставили посрединѣ, на катафалкѣ, и его обступили русскіе чиновные гости, въ мундирахъ и орденахъ. Разумѣется, что текстъ латинопольскихъ нѣснопѣній былъ чуждъ большинству собравшихся.

Костель не громаденъ, не изященъ, не особенно чистъ и не отличается художественностію отдѣлки подробностей. Особенность его та, что съ правой стороны, на видномъ мѣстѣ, какъ разъ противъ каеэдры для казаній, поставлено изображеніе епископа, въ православномъ облаченіи, съ таковымъ же архіерейскимъ жезломъ въ лѣвой рукѣ; правая рука прижата къ груди, глаза подняты къ небу, а верхняя часть лба закрыта ярею вызолоченнымъ топоромъ, вбитымъ въ голову.

Ва, старый знакомецъ, „душехватъ“ Іоасафатъ Кунцевичъ, подмастерье виленскаго портнаго, воспитанникъ виленскаго іезуит-

(*) Уже изданъ подъ названіемъ «Сборникъ», потому желающимъ ознакомиться съ содержаніемъ этихъ выписей отсылаемъ къ этой книгѣ. *Ред.*

скаго коллегіума, — папское орудіе для ополяченія Вѣлоруссіи посредствомъ униі, — полотскій архіепископъ, который затворилъ въ Полотскѣ, Витебскѣ, Оршѣ, Могилевѣ и Мстиславѣ всѣ православные храмы, — который мучилъ все русское христіанство, и котораго витебскіе мѣщане, выведенные наконецъ, изъ терпѣнія, убили, — за что и былъ по благословенію папы Урбана VIII, и по повелѣнію польскаго короля Сигизмунда III, *омытъ въ крови виновныхъ жителей доблестный мечъ вѣроотступника, Льва Сапѣги: всѣ безъ исключенія, жители Витебска должны были принять унию, такъ, чтобы въ немъ не осталось никакихъ слѣдовъ православія!....*

Протекло двѣсти лѣтъ; „отторгнутое насиліемъ воссоединено любовью.“

Много нужно „любви“, чтобы воссоединеніе достигло полнаго объединенія. Но какъ достигнуть его, когда памятники насилія стоятъ живые въ видѣ образа Кунцевича въ Витебскѣ, въ видѣ костей Боболи въ Полотскѣ, — городѣ Святой Евфросиніи, находя себя незаконный пріютъ въ польскихъ костелахъ, откуда они не отразимо дѣйствуютъ на темный людъ, исподоволь, постоянно фактизируемый латинопольскою, религіознополитическою пропагандою?

Да и одною-ли религіознополитическою! Развѣ просвѣтительныя начала нашего образованія не выхватываютъ ежечасно изъ русскаго народа, цѣльнаго по своему быту и православнаго по строю его жизни, массу личностей, чтобы, обезличивъ ихъ, причастить латинскимъ воззрѣніямъ латинской цивилизаціи, всецѣло корнями своими погруженной въ до христіанское язычество?

Въ русскомъ городѣ латинопольскій костелъ, преисполненный обоготовленіемъ польско-политической идеи, хотя бы то въ лицѣ *святыхъ патронувъ крулевства польскаго.*

Въ костелѣ гробъ польской, по вѣрѣ, женщины, окруженный русскими людьми! Съ каедръ слышна польская проповѣдь; со стѣны глядитъ образъ подвижника латинопольской униі; на капиталахъ колоннъ и за гробомъ алѣютъ знаки ордена Станислава, бискупа краковскаго, друга и единомышленника польской шляхты, врага монархической власти Воцлава Сигизмунда..... Господи Боже, есть ли въ мірѣ страна, кромѣ несчастнаго западнаго нашего края, въ которомъ царилъ бы, на смерть народности, столько аномалій!.....

ПЯТЬ БОЛЕ ПОЛЬШИ.

СОЧ. ФУКА, ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

(Продолженіе) (*).

Глава первая.

ПОЛЬША.

Поверхность Польши представляетъ гладкую равнину, которая, по своей величинѣ, равняется почти Франціи, если только считать Польшу, въ прежнихъ ея границахъ, то есть самое Царство Польское, Герцогство Познанское, Галицію и Литву. Обыкновенно присоединяють къ Польшѣ, Курляндію, Волинскую, Подольскую и Киевскую губерніи. Но это заблужденіе: народъ, насѣляющій эти области—коренной русскій, какъ и большая часть крестьянъ въ Галиціи и Литвѣ, и только богатые владѣльцы могутъ назваться настоящими поляками (**). Польскій край скученъ, однообразенъ, ничего не имѣетъ общаго съ германскими долинами, и хотя хлѣбопашество есть единственно-спеціальное занятіе поляковъ, тѣмъ не мѣнѣе растительность дурная и плоды безвкусны. Скудность почвы происходитъ отъ недостаточно хорошаго управленія имѣніями. Князья и вельможи поручаютъ свои земли управляющимъ, которые ихъ до того окрадываютъ, что, въ теченіи весьма небольшого періода ихъ управленія, прибрѣтають достаточные капиталы для покупки своихъ собственныхъ помѣстій; или же польскіе магнаты сдаютъ имѣнія въ аренду, и въ такомъ случаѣ фермеры истребуютъ почву, требуя отъ нея въ два года столько сколько она не могла бы дать и въ шесть лѣтъ. Шляхта съ своей стороны не имѣетъ достаточно вѣрнаго взгляда на сельскую экономію и алчность, свойственная мелкому дворянству, заставляетъ ихъ жертвовать будущностью, мелкимъ интересамъ настоящаго. Съ другой стороны, данныя крестьянамъ льготы по казенныхъ земляхъ

(*) Смот. кн. 10. Вѣстника зап. Россіи.

(**) Большинство ихъ—тоже ренегаты русской вѣры и народности.

такъ заманчивы, что третья часть народонаселенія сосредоточилась на одномъ пунктѣ, а частныя земли нуждаются даже въ необходимомъ числѣ работниковъ. Къ такому возрастающему бѣдственному положенію, надо прибавить, что такъ какъ въ Польшѣ главныя капиталисты евреи, то помѣщикамъ приходится платить незаконные проценты за необходимый заемъ для пользованія землей; оттого, самыя плодородныя страдаютъ отъ бѣдности способъ, употребляемыхъ при ихъ обработкѣ. Зимой климатъ обыкновенно очень холодный. Случается, что даже въ самыхъ южныхъ оконечностяхъ, морозъ доходитъ до 20 градусо́въ. Густые еловые лѣса, извилистыя рѣки, топкія болота, озера, гористая почва, великолѣпныя пастбища по берегамъ Вислы и Варты, въ другихъ мѣстахъ песчанныя степи, — вотъ общій видъ Польши. Почтовые дороги содержатся отлично; хорошо уравнены, на всемъ протяженіи усажены высокими деревьями и составляютъ оригинальную противоположность съ дорогами, находящимися подъ вѣдомствомъ національныхъ владѣльцевъ. На пути сообщенія, столь необходимые для успѣха въ хлѣбопашествѣ, владѣльцы совершенно не обращаютъ вниманія, и въ нихъ ощущается сильный недостатокъ. Проселочныя дороги вовсе не поддерживаются и въ иныхъ мѣстахъ колеи то расширяются, то суживаются, смотря по шероворотности земли и переѣмчивости погоды. Невозможно себѣ составить яснаго понятія объ этой мукѣ, не проѣхавъ самому, хоть однажды въ туземныхъ экипажахъ, называемыхъ *бричками* (*bruczka*), которые съ трудомъ тащитъ четверка или шестерка лошадей. Въ короткое время такой печальной ѣзды, или лучше сказать, двиганья, путешественникъ, разломанный и разбитый, начинаетъ думать, что онъ попалъ въ необитаемый край и проклиняетъ такое варварство. На рѣкахъ нѣтъ мостовъ и устроенный когда то паромъ, перевозитъ съ одного берега на другой повозки съ лошадьми и людей. Никто не подумаетъ измѣнить издавна введенный порядокъ вещей. Ежели вы попадаете не на почтовую дорогу, то вамъ придется даже небольшіе ручейки переплывать въ лодкѣ или переходить въ бродѣ.

Города дѣлятся на два разряда: на большіе, между которыми замѣчательныя, Варшава, Краковъ и Лембергъ, и на маленькіе, между которыми трудно найти хоть одну точку заслуживающую мажѣйшаго вниманія. Выстроены они дурно, вымощены и освѣщаются скверно, вездѣ грязь, и кого-же въ этомъ винить, какъ не мѣстную національную администрацію? Варшава скучный городъ,

разстилающийся зигзагами по обѣимъ сторонамъ широкой и длинной улицы; здѣсь замѣчательныя предмѣстья, Новый-Свѣтъ (Nowy-Swiat), Александрійское, Краковское и Прагское. Въ отношеніи архитектуры весьма не многія зданія заслуживаютъ вниманіе, но все же нельзя не замѣтить Саксонскаго дворца и Замосць (Zamosć). Есть и общественныя гулянья, какъ напримѣръ, лезенскій садъ; но публика охотнѣе собирается въ саксонскій садъ, единственное мѣсто, гдѣ можно свободно подышать свѣжимъ воздухомъ. За то окрестности Варшавы очаровательны; островокъ Кенпа-Саска (Kępa-Saska) и вилла Вилланово, принадлежащая князю Любомірскому, такъ хороша, что ни въ чемъ не уступаетъ самымъ богатымъ—парижскимъ вилламъ. Краковъ, съ пятидесятью церквами, считается священнымъ городомъ поляковъ, по воспоминаніямъ и многочисленности духовенства; въ окрестности, его болѣе церквей чѣмъ въ Парижѣ. Краковская цитадель—огромной величины и заключаетъ въ себѣ соборъ и нѣсколько часовенъ, въ которыхъ хранятся мощи безчисленнаго множества святыхъ, рожденныхъ польскимъ фанатизмомъ. Дѣланныя австрійцами укрѣпленія придаютъ Кракову какой-то причудливый видъ: это странное смѣшеніе всевозможной архитектуры къ гражданскомъ, военномъ и духовномъ вкусахъ. Укрѣпленіе города не прекращается. На курганахъ Косцюшки и Ванды (Wanda), гдѣ прежде свободно гуляли, вы увидите въ настоящее время грозныя редуты и укрѣпленія, которыя возвышаются одно за другимъ. По поводу кургана Косцюшки замѣтимъ, что въ Краковѣ туземцы разказываютъ проѣзжимъ иностранцамъ будто бы Косцюшко (Kosciuszko) похороненъ именно подъ тѣмъ памятникомъ, который воздвигнуть въ честь его, на юго-западной сторонѣ города; но это только народная легенда, такъ какъ достовѣрно извѣстно что Косцюшко умеръ въ Солотурнѣ (мѣстечко въ Швейцаріи) и могила его сохранилась до сихъ поръ на шуазевильскомъ кладбищѣ. Это четырехугольный камень на которомъ вырѣзана слѣдующая надпись:

Viscera

Thaddei Kosciusko

Deposita die XVII Octobris

MdcccXVIII.

Только сердце патріота, скончавшагося въ изгнаніи, неразлучно съ Краковомъ. Косцюшко былъ единственный полякъ, поклявшійся нуджи своего отечества. Если бы когда либо Польша и могла существовать, то единственно трудами Косцюшки, потому что

онъ любилъ народъ и заботился о крестьянахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Краковъ сдѣлается военнымъ городомъ. Никогда еще военные работы такъ дѣятельно и успѣшно не подвигались какъ въ 1863 году, но не смотря на этотъ фактъ, французская пресса, получающая всегда достовѣрныя свѣдѣнія, утверждала, что въ одинъ прекрасный день, безкорыстная Австрія, великодушно уступитъ Галицію польской національности. Бульваръ которымъ окружили старинныя валы въ Краковѣ, составляетъ приятное гулянье для мѣстной аристократіи, въ особенности въ лѣтніе вечера, когда она собирается слушать австрійскую музыку на плантаціяхъ. Мѣнѣе же избранное общество посѣщаетъ охотничій садъ и другія общественныя гулянья. Польское воображеніе поляковъ, пробовало сравнить варшавскія и краковскія гулянья съ Пратеромъ въ Вѣнѣ, но въ сущности между ними нѣтъ ничего общаго. Лембергъ, городокъ новенькій, выстроенъ въ болѣе благородномъ стилѣ и особенно кидается въ глаза путешественнику, привыкшему встрѣчать въ Польшѣ, болѣею частію развалины. Пребываніе въ этихъ городахъ и большихъ и малыхъ неприятнѣе чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда; заводить знакомство трудно, а если вы и попадете въ общество, то въ каждомъ кружкѣ замѣтите одно и то же, педантизмъ, язвительный тонъ, ненависть и мелочность, свойственныя пустымъ людямъ.

Деревней называютъ собраніе большого или меньшаго числа избъ, сгруппированныхъ въ предѣлахъ одного помѣстья. Есть деревни болѣе чѣмъ во сто избъ, а есть и такія, въ которыхъ не болѣе двадцати хатъ. Деревней управляетъ въ Царствѣ Польскомъ старшина (Wojt), которымъ бываетъ обыкновенно самъ владѣлецъ или его управляющій; выбираютъ старшину, распредѣляютъ крестьянамъ обязанности и по своему взыскиваютъ съ нихъ за безпорядки. Такой административный составъ, созданный должно полагать, съ цѣлью поддержать національность, служитъ главной причиною несчастій края. Деревни раздѣляются на три разряда: 1) деревни, составляющія собственность помѣщика; 2) деревни, въ которыхъ живутъ казенные крестьяне и 3) деревни, населенныя колонистами (*). Въ первыхъ крестьянинъ не владѣеть ничѣмъ; всѣ постройки, стоящія на барской землѣ, составляютъ неотъемлимую собственность помѣщика, исключая развѣ хижину. Въ казенныхъ деревняхъ, крестьянинъ не только хозяинъ своего дома, но онъ и

(*). Нынѣ, съ введеніемъ реформы о крестьянахъ 19 февраля, административный порядокъ управленія измѣненъ совершенно. *Ред.*

владѣлецъ той земли, которую своимъ трудомъ, въ потѣ лица, обрабатываетъ. Къ третьему разряду, какъ уже сказано, принадлежатъ колонисты, составляющіе совсѣмъ отдѣльное вѣдомство. Въ деревняхъ не существуетъ ни торговли, ни промысла, и предметы самые необходимые въ жизни, можно достать только въ городахъ. Въ Польшѣ всякое жилище обозначается однимъ общепринятымъ словомъ *домъ* (dom). Крестьянскій домъ строится изъ глины и большихъ кусковъ деревъ горизонтально поставленныхъ и покрытыхъ кровельной соломой. Трудно описать нищету этихъ шалашей; часто огромныя семьи тѣснятся и гниютъ въ крошечномъ пространствѣ, гдѣ воздухъ дѣлается вреднымъ и зловоннымъ. Жиды также живутъ въ зараженныхъ и вонючихъ гнѣздахъ и какъ будто любятъ своей нищетой и грязью. Дома городскихъ жителей строятся изъ дерева, желѣза, кирпича и известкового раствора, самые высокіе изъ нихъ въ три этажа. Преобладаютъ вездѣ строенія деревянные, что и объясняетъ частые пожары. Замокъ, въ сущности не что иное, какъ дача, болѣе или мѣнѣе роскошная и привлекательная, выстроенная безъ опредѣленнаго стиля и не отличающаяся изысканнымъ вкусомъ. Внутренняя отдѣлка замковъ бываетъ роскошна и великолѣпна у аристократовъ; за то въ среднемъ кругу ея увидите сборъ всевозможныхъ предметовъ, а особенно поразить васъ причудливый фасонъ мебели, уродливость и неудобство которой трудно описать. Въ тѣхъ мѣстахъ Царства Польскаго, гдѣ дѣятельность жонда свободнѣе высказывается вслѣдствіе настоящихъ смуть, всѣ жилища носятъ отпечатокъ полнѣйшаго недостатка; это происходитъ отъ чрезмѣрныхъ требованій національнаго правительства. Всякое высокое обширное зданіе, съ аристократической наружностью, пріобрѣтаетъ право называться дворцомъ. Конечно, понятія о прекрасномъ относительно, но кто былъ разъ во Франціи и вынесъ живое воспоминаніе обо всемъ видѣнномъ, для того, надо сказать правду, польскій дворецъ покажется обширнымъ, холоднымъ и мрачнымъ сараемъ въ родѣ казармы. Можно смѣло сказать, что если бы подобный дворецъ находился въ одной изъ улицъ Парижа, то въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, никто бы не подумалъ и взглянуть на его архитектуру. Кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній, Польша совершенно лишена артистическаго значенія: въ числѣ этихъ исключеній, замѣчательенъ монументъ, поставленный потомками угасшаго рода Ягелловъ и Собѣскихъ (Sobieski). Что-же касается до католическихъ церквей, то теперь сохранились одни только развалины ихъ,

не заключающія въ себѣ никакого величія. При постройкѣ ихъ, сразу замѣтно, что никто не обращалъ вниманія на правильность разкѣровъ, и теперь самый привычный глазъ не отыщетъ ни одной формы въ готическомъ или византійскомъ вкусѣ. Вездѣ голый кирпичъ, колокола угрожаютъ паденіемъ, по разломаннымъ лѣстницамъ съ трудомъ можно ходить и вѣтеръ, врываясь въ разбитыя окна, жалобно стонетъ, гуляя подъ сводами во глубинѣ храма. Въ нѣкоторыхъ городкахъ духовенство (всегда изобрѣтательно) устроитъ нѣчто въ родѣ стѣны съ отверстіями, въ которыхъ колокола могутъ свободно двигаться, такъ что вмѣсто чистаго гармоническаго, слышающаго въ молитвѣ звука сверху, слухъ вашъ странно поражаетъ какое-то бряцанье внизу. Внутренняя обстановка церкви отталкиваетъ своей бѣдностью или лучше сказать грязью. Храмъ святой Маріи въ Краковѣ (о соборѣ я ужъ и не говорю) съ оловянными колоколами, мѣдной позолоченной короной и деревянными скульптурными украшеніями на престолахъ, считается богатѣйшей польской базиликой. Внутренность его походить на лавку съ разной ветошью. Здѣсь въ особенности можно удостовѣриться, какъ способенъ нравственно у насъ народъ, не имѣющій политическаго бытія. Если народъ можетъ безъ трепета осмотрѣть и даже поощрять тысячи прокаженныхъ и униженныхъ нищихъ, которые постоянно толпятся на паперты р.-католическихъ церквей, то это уже одно служить доказательствомъ, какъ низко стоитъ нація между государствами XIX столѣтія. Надо замѣтить что въ цѣломъ Царствѣ Польскомъ, такъ же какъ и въ Галиціи, всѣ зданія въ упадкѣ; въ стѣнахъ трещины, нины полуразвалились и давно необитаемы. Все что находится въ прямой зависимости отъ р.-католической или еврейской религіи, или же отъ туземнаго національнаго правленія, все то носить отпечатокъ гнуснаго скряжничества, тогда какъ казармы, школы, госпитали, полицейскія управленія, крѣпости, общественные дома, присутственныя мѣста, русскія церкви — содержаны отлично. Однимъ словомъ, Царство Польское обѣднѣло и находится въ самомъ жалкомъ состояніи, благодаря лѣности и неспособности своихъ-же гражданъ.

Глава вторая.

НАРОДЪ.

Прежде всего я утверждаю, что польскій народъ не существуетъ. Можно легко доказать, что если различные классы людей, составляющіе польское общество и имѣютъ сношенія вслѣдствіе социальныхъ вопросовъ, тѣмъ не мѣнѣе, между ними не существуетъ никакой нравственной связи, на основаніи того правила, что разнородные элементы не могутъ соединяться. Слѣдовательно польскій народъ есть въ этомъ случаѣ весьма не точный терминъ, поэтому въ настоящей статьѣ онъ будетъ употребляться въ условномъ значеніи. Народонаселеніе Польши просирается, отъ десяти до десяти миллионъ (*) дунгъ, которые можно приблизительно раздѣлить слѣдующимъ образомъ:

Духовенства	97,000
Дворянъ, богатыхъ и мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ	650,000
Гражданъ	{ чиновнаго люда 96,000 { торговыхъ и мѣщанъ 77,000
Служащій классъ и мастеровые	
Жидовъ	1,500,000
Крестьянъ	6,900,000
Всего	9,420,000

Типъ польскаго племени красивый. Мужчины высокіе, полные, выраженіе лица кроткое, хотя не всегда умное. У стариковъ лобъ вдавленный и строгое выраженіе глазъ. Женщины зажиточнаго сословія чрезвычайно хороши собой; видъ ихъ благороденъ, поразительно свѣжій цвѣтъ лица, гибкій тонкій станъ, ножка маленькая и великолѣпные волосы. Польская нація составляетъ два класса, рѣзко различающіеся одинъ отъ другого: классъ образованный и классъ непроевѣщенный. Къ первому — принадлежать: духовенство, дворянство и граждане, къ второму — ремесленники, крестьяне и жида. Католическое духовенство управляетъ духомъ польскаго народа чрезъ посредство женщинъ, которыя пользуются правами первенства и своимъ вліяніемъ поддерживаютъ до сихъ поръ старую систему еократіи. Во главѣ духовенства стали, своими чрезмѣрными притязаніями на права, — иезуиты, которые всюду воцарились и властвуютъ самоправно. Даже самое епис-

(*) Считаю тутъ народонаселеніе западной Галиціи и герцогства Познанскаго.
Ред.

конство, находится въ ихъ зависимости. За іезуитами слѣдуютъ доминиканы, предприимчивые и фанатическіе монахи; папа хорошо понялъ ихъ моральное направленіе, поручивъ имъ «святую инквизицію.» Послѣ доминикановъ слѣдуютъ всѣ остальные монашескіе чины, начиная съ францискановъ, вплоть до нищенствующаго духовнаго общества, т. е. канониковъ и прелатовъ, назначенныхъ для рассмотрѣнія дѣлъ по назначенію папы. Вслѣдъ за наемниками папы можно поставить епископовъ. Кстати не мѣшаетъ замѣтить, что начальникъ іезуитовъ имѣетъ резиденцію въ монастырѣ, который принадлежитъ церкви *Il Gesu* въ Римѣ. Эта церковь стала собственностью іезуитовъ со времени основанія этого ордена. Не стану рассказывать извѣстную всѣмъ длинную и бесплодную борьбу папства съ этимъ духовнымъ обществомъ хищниковъ. Борьба эта продолжалась даже и во время царствованія Пія IX, который такъ же какъ и его предшественники хотѣлъ избавиться тягостнаго ига послѣдователей Лойолы. Въ настоящее время всѣмъ и каждому извѣстно, что подлинный правитель католицизма не кто иной какъ генералъ іезуитовъ. Епископы хотя и не лишены вліянія на дѣла, поставлены въ такое щекотливое положеніе въ отношеніи папы и всего управленія, что изъ чувства деликатности должны оставаться въ довольно ничтожной роли. Все остальное духовенство: ксендзы, каноники, приходскіе ксендзы, викаріи и т. д. не болѣе какъ безгласное сословіе, жалкое, бѣдное, которое по простотѣ своей, чтобы не сказать болѣе, несетъ иго рабства отъ высшаго духовенства и папства. За то въ нравственномъ смыслѣ, духовенство этого класса довольно независимо; духовныя лица курятъ, посѣщаютъ театры, балы и разныя общественныя увеселенія, пьютъ публично вино, какъ испанскіе ксендзы. Одѣяніе ихъ мало отличается отъ свѣтскаго платья. Они служатъ орудіемъ высшаго духовенства и посредничествомъ своимъ изнуряютъ народъ налогами. Бѣдность и недостатокъ католическихъ церквей, происходятъ отъ чрезмѣрнаго поглощенія доходовъ ихъ динаріемъ святаго Петра, что мнѣ не разъ было говорено даже въ самыхъ религіозныхъ семействахъ. Случайные доходы не служатъ на поддерживаніе храмовъ; полуобвалившіеся колокола остаются не поднятыми, и вещи священныя для богослуженія, остаются безъ ремонта. Главнымъ образомъ стараются какъ-бы потуже набить сундуки папскаго двора. Изъ всего этого видно, что безмѣрный римскій эгоизмъ нигдѣ себѣ не измѣняетъ. *Папа зарантѣ вычелъ себѣ десятую часть отъ*

доходовъ инсуррекціонной войны, и никто не протестовалъ противъ такого вопіющаго факта.— Польское золото послужило помощью въ войнѣ противъ Гарибальди, въ тоже время Италия независимая— не сознавая что и для чего она дѣлаетъ, даетъ деньги полякамъ и тѣмъ поддерживаетъ кровопролитіе. На всендзовъ легко смотреть польскія женщины, перемѣняютъ духовниковъ смотри когда вздумается и даже часто по капризу. Въ нравственномъ вліяніи монастыри опаснѣе, такъ какъ они вмѣшиваются во все, даже въ практическую политику. Въ Галиціи іезуиты отличаются со всѣмъ особеннымъ обхожденіемъ. Тамъ они владѣютъ огромными землями, и помѣстья ихъ великолѣпны. Мы часто дѣлали въ ихъ имѣніяхъ войскамъ смотры, и складывали оружія на сохраненіе въ монастыри. Такъ мнѣ случилось разъ выслушивать назидательные совѣты іезуитовъ относительно ихъ плановъ и политическихъ видовъ, въ то время какъ я нѣсколько дней скрывался въ одномъ монастырѣ Д.... не далеко отъ Віе... Не смотря на ихъ обычную осторожность, святые отцы говорили со мной откровенно, и тѣмъ болѣе имѣли ко мнѣ довѣрія, что я встрѣтилъ между ними одного старика монаха, котораго знавалъ еще въ домѣ іезуитовъ въ Эксѣ (провинціи во Франціи), и который думалъ видѣть во мнѣ яраго приверженца польскаго дѣла. Впрочемъ присутствіе мое въ Польшѣ достаточно оправдывало это предположеніе.

Кто хорошо не знаетъ польскаго народа, тотъ видитъ въ лицѣ дворянства (какъ въ мѣлопомѣстныхъ, такъ равно и въ богатыхъ помѣщикахъ)— отборный, мыслящій классъ. Можно утвердить, что въ высшей аристократіи между магнатами (классъ въ настоящее время чрезвычайно сократившійся), встрѣчаются иногда люди съ прекрасными дарованіями, даже слишкомъ рѣзко выходящіе изъ обыкновенной среды; но такіе люди большую часть года проводятъ внѣ своего отечества: въ характерѣ ихъ нѣтъ неузнатнаго патріотизма, они хорошо понимаютъ, что Польша болѣе существовать не можетъ и избираютъ лучшее средство— удаляются. Кромѣ класса аристократовъ—милліонеровъ, которые остаются равнодушны въ вопросу объ образованіи народа, остальные дворяне находятся еще въ болѣе грубомъ невѣжествѣ и въ добавокъ такъ горды, что ихъ ничто не удивляетъ, и ничто не можетъ вызвать ихъ сочувствія: *Nil admirari*. Польское дворянство имѣетъ еще ту особенность, что оно, подобно варварскимъ племенамъ, съ своеобразными понятіями о собственности и ку-

глазахъ, не терпѣть имени безъ титула, не смотря на то, что всѣ ихъ герцоги, маркизы, графы и въ небольшомъ количествѣ, безъ сомнѣнія иностраннаго происхожденія и награждены титулами, не кѣмъ инымъ, какъ германскими императорами. Предразсудки польскаго дворянства неискоренимы. Никогда дворянинъ, кто-бы онъ ни былъ, бѣдный или богатый, не помирится съ мыслью, что всѣ люди должны быть равны предъ закономъ, какъ предъ смертью, для него слуга и крестьянинъ не болѣе какъ скотъ, который надо держать подъ палкой. Я видѣлъ своими глазами, какъ били палками крестьянъ въ самомъ разгарѣ мятежа (*), несмотря на страшныя послѣдствія, которыя несомнѣнно влекла за собой, подобная мѣра наказанія. Я бы могъ назвать фамилии, тѣхъ вельможъ-патріотовъ, которые присуждали своихъ слугъ, къ этимъ оскорбительнымъ и унижительнымъ казнямъ, если-бъ кто вздумалъ оспаривать и опровергать—фактъ, который я долгомъ считаю разобличить въ глазахъ всего евронеискаго общества (**), гдѣ болѣе что я твердо убѣжденъ, что всѣ подробности, касающіяся польскаго вопроса, возбуждаютъ вниманіе всѣхъ людей, слѣдящихъ за современными событіями и за ходомъ польскаго дѣла вособенности. Если бы французъ—мужикъ, такой ревностный защитникъ польскаго вопроса, зналъ что въ Польшѣ *благородные патріоты* бьютъ крестьянъ палками какъ собакъ, ихъ сочувствіе замѣтно бы ослабѣло. Но, къ несчастью, никто имъ этого не сообщаетъ и газета «Siccle» по прежнему продолжаетъ выставлать польскій народъ, какъ народъ угнетенный и справедливо домогающійся своихъ правъ.—Дворяне, по примѣру духовенства, не допускаютъ въ низкомъ сословіи здраваго разсудка, которымъ считаютъ себя одаренными свыше; однородность дворянскихъ и духовныхъ предразсудковъ поразительна, изъ чего слѣдуетъ, что дворянство и духовенство въ тѣсной связи, и что послѣднее своей любовью и дерзостью, кладетъ на *все* печать своего вліянія. Поляки такъ долго оставались идолопоклонниками, что они и въ католическую вѣру внесли фанатизмъ своей языческой религіи. Теперь можно себѣ представить, какую пользу извлекало духовенство изъ такого расположенія народа къ фанатизму. Пагубное ученіе іезуитовъ и монаховъ распространилось по всей странѣ. Дворяне стараются впадать въ льстивый іезуитскій тонъ и вѣжли-

(*) Надо обратить вниманіе, что принципъ самаго возстанія есть независимость и свобода. (Отъ переводчика).

(**) Не безпокойтесь, по крайней мѣрѣ за насъ: мы это видали тысячи разъ. Ред.

вость ихъ становится не естественна и даже притворна. Они лице-мѣры до глубины души, и большею частью слова ихъ противорѣчатъ мыслямъ. Въ средѣ польскаго общества, предрасудки возрасли до такихъ размѣровъ, что теперъ нѣтъ уже возможности вырвать ихъ съ корнемъ, тогда какъ, по мѣрѣ развитія общества, надо было ждать, что они мало по малу, совсѣмъ изгладятся. Несмотря однако на такой образъ мыслей, въ настоящее время чрезвычайно легко сдѣлаться польскимъ шляхтичемъ: для этого стоитъ только не зарабатывать хлѣбъ своими руками. При первыхъ признакахъ довольства и богатства, ремесленникъ превращается въ дворянина. Случалось даже встрѣчать обогатившихся различными предпріятіями жидовъ—перекрестовъ въ р.-католическую вѣру, которые пользовались дворянскими титулами. Генер. Лелевель, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ начальниковъ, былъ литейщикомъ въ Краковѣ, но съ тѣхъ поръ какъ революція обогатила его, и онъ имѣлъ возможность бросить свое ремесло, всѣ стали величать его дворяниномъ и оказывать различныя почести. Я бы могъ тоже перечислить многихъ евреевъ неофитовъ, которые, не смотря на то, что фамиліи ихъ не оканчиваются на аристократическій польскій ладъ, т. е. на *ски* или *вичъ*, пользуются въ Польшѣ большою популярностью. Странное дѣло, что у евреевъ сословные предрасудки еще болѣе вкоренились чѣмъ у кого-либо. Надо полагать что это явленіе происходитъ отъ ихъ непостижимой глупости! Въ Краковѣ одинъ французъ былъ выгнанъ изъ дому профессора музыки за утвержденіе, что купцы и ремесленники ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права хвастать дворянствомъ, такъ какъ это глупое хвастовство есть отчасти причина бѣдствій польскаго края. И такъ, убѣдившись, что между дворянствомъ и народомъ нравственной связи не существуетъ и существовать не можетъ, надо позаботиться измѣнить прежній порядокъ и, перебравъ до основанія все гнилое, прежнее общество, освѣжить или лучше сказать обновить его, для пользы и благополучія польской націи. Я сказалъ выше, что люди, случайно возвысившіеся изъ ничтожества, больше всѣхъ стараются задавать тонъ шляхтича и своей смѣсью и чванствомъ дѣлаются невыносимы. Они, то—унижаются и льстятъ, то становятся грубыми и дерзкими, а къ ясновельможнымъ панамъ и духовенству выказываютъ глубокое уваженіе и преданность. Есть ли возможность при такихъ основныхъ правилахъ развить демократическія и либеральныя идеи? Какимъ образомъ распространить ихъ? Мнѣ кажется это рѣшительно невозможно.—По игнорію та-

какъ развращенныхъ умовъ, всякое либеральное помышление есть уже расколъ, и человѣкъ съ демократическимъ направлениемъ есть врагъ монастырей, духовенства, дворянства и Бога; такого человѣка во что бы то ни стало, надо стараться вытѣснить. Только одни поляки—выходцы почерпнули за границей кое-какія прогрессивныя свѣденія, но такъ какъ выходцы эти составляютъ самую незначительную часть народа, то невозможно судить о польской націи и ея убѣжденіяхъ—по убѣжденіямъ встрѣчающихся во Франціи, Англіи и Испаніи эмигрантовъ. Нигдѣ въ Европѣ не знаютъ, какъ бѣдна промышленность въ Польшѣ. Здѣсь работникъ лѣнивъ и неспособенъ. Плотникъ едва понимаетъ первоначальное совокунленіе деревянныхъ матеріаловъ, кузнецъ съ трудомъ навариваетъ желѣзо и сталь, а каменщикъ едва-ли знаетъ, что известка соединяется съ глиной и пескомъ. Въ такомъ положеніи находятся и остальные ремесла и искусства. Все, что вы видите выставленнымъ въ магазинахъ, привозится изъ Вѣны, Петербурга или Берлина; а если въ Польшѣ встрѣчается хорошій мастеровой, то онъ или нѣмецъ, или русскій, или жидъ. Жиды составляютъ въ Польшѣ особую націю,—родъ факторовъ, исполняющихъ приказанія выше поставленныхъ людей. Жидъ изъ всего извлекаетъ пользу: онъ не стыдится никакихъ способовъ къ обогащенію и занимается своимъ промысломъ открыто. Увѣренный въ неспособности поляка ко всякому дѣлу, требующему смысленности и усидчиваго труда, онъ чувствуетъ себя необходимымъ въ Польшѣ, и если только онъ ловокъ и хитеръ, то онъ неутомимо занимается своимъ дѣломъ особенно если имѣетъ въ виду извлечь для себя, хотя небольшую выгоду. Стыдно сознаться въ такомъ поворномъ смѣненіи двухъ націй какъ поляки и жиды. Послѣдніе безнаказанно извлекаютъ пользу изъ лѣности поляковъ, которые даже и не замѣчаютъ этого. Нѣтъ ни одного дома, какъ бы онъ знатенъ и богатъ не былъ, гдѣ-бы не нашлось жиды,—повѣреннаго въ дѣлахъ и серьезныхъ операціяхъ. Жиды всюду втерлись и для всякаго сумѣли сдѣлаться полезными и необходимыми, преимущественно въ денежномъ отношеніи. Чтобы составить себѣ ясно понятіе о воцареніи жидовъ въ Царствѣ Польскомъ надо припомнить, что въ одномъ городѣ Мазовецкой губерніи (Мазеовіе) изъ 2,600 жителей—1,400 человѣкъ жидовъ. Безъ жидовъ Польша сдѣлалась бы необитаема; въ нихъ заключается все богатство края, и чрезъ нихъ только можно добывать предметы самне необходимыя для жизни, такъ какъ въ рукахъ евреевъ находятся всѣ отрасли

торговли. Тѣмъ не мѣнѣе польскіе жида нисколько не отличаются отъ арабскихъ; ихъ равно презираютъ какъ въ Польшѣ такъ и въ Африкѣ. Въ той и другой странѣ, племя Израелево умѣетъ однаково сносить побои униженія, если надѣется извлечь изъ нихъ для себя пользу. Иудейство всюду носить свой гнусный и мерзкій отпечатокъ, и его безъ преувеличенія можно сравнить со странствующимъ на плечахъ его рубищемъ. Грязные доскутья, тряпье, которое тащутъ за собой евреи по улицамъ Кракова и Варшавы, возбуждаютъ полное отвращеніе, превосходящее всякое описаніе. Впрочемъ надо сознаться, что въ отношеніи неопрятности, въ Польшѣ, евреи и христіане имѣютъ много общаго, и познакомившись съ этою стороною повороче, можно забыть, что эти люди живутъ въ краю образованномъ. Въ лучшихъ аристократическихъ домахъ, я встрѣчалъ молодыхъ людей съ самыми отвратительными привычками, что ясно доказывало всякое отсутствіе порядочнаго воспитанія. Вслѣдствіе такихъ причинъ, Польша и подвергнута больше болѣзнямъ, чѣмъ сосѣднія съ ней страны. Напримѣръ, колтунъ почти нигдѣ болѣе не встрѣчается, кромѣ Польши. Это одно изъ странныхъ одномѣстныхъ болѣзней; образуется вредный гной, устремляется въ волосы и до того ихъ слипляетъ, что въ послѣдствіи нѣтъ возможности ихъ распутать. Въ особенности подверженъ этой болѣзни низшій классъ, какъ ведущій самый неопрятный и грязный образъ жизни. Впрочемъ эта отвратительная чума не щадитъ ни возраста, ни сословія, ни пола; она очень заразительна (*) и сообщается легко.— Слуги не имѣютъ къ господамъ ни малѣйшей преданности, они ленивы, безпечны и въ характерѣ ихъ преобладаютъ двѣ рѣзкія черты: уклончивость и наглость. Горничныя имѣютъ претензію называться тоже *паннами*, а молодая бѣдная дѣвушка, поступившая въ чужой домъ въ услуженіе, тотчасъ начинаетъ называть себя *паней*, какъ называются гувернантки. Въ иныхъ домахъ эти пани обѣдаютъ за однимъ столомъ съ господами, въ другихъ— гордое дворянское достоинство такой вольности не дозволяетъ. Первое мѣсто изъ всѣхъ слугъ занимаетъ управитель и экономъ. Послѣ жида (который достаетъ деньги), это первое довѣренное лицо, управляющее рѣшительно всѣмъ. *Офиціантъ* или экономъ, такъ-же какъ и гувернантка, пользуется въ домѣ нѣкоторымъ уваженіемъ. Обязанность дворецкаго состоитъ въ томъ, что онъ одѣваетъ и брѣ-

(*) Этими именемъ обозначаются всѣ служачіе у помѣщика лица, управленіе, секретари и т. д.

еть барина и, по приказанію того же барина, въ случаѣ надобности, наказываетъ мужиковъ. Мысль, что слуги не *моди*, одаренные одинаковыми понятіями съ господами, такъ вбилась къ голову «польскаго пана, что на несчастную прислугу не обращаютъ никакого вниманія, — во время совершенія, наприм., туалета, входъ въ эту комнату послугъ дозволяется постоянно. Послѣдній обычай, неприятно поразилъ меня въ Краковѣ, тотчасъ послѣ моего прибытія въ Польшу. Въ Саксонскомъ отелѣ, прислуга, безъ различія пола, входили въ мою комнату, постоянно безъ спроса, и я не смотря на мое искреннее желаніе, къ несчастію, никакъ не могъ отъучить ее отъ такой дурной привычки, — привычки протекающей отъ равнодушія или вѣрнѣе сказать отъ общественной безнравственности господъ. За то нѣтъ края гдѣ бы вамъ хуже прислуживали и хуже кормили, какъ въ Польшѣ. Вы чувствуете недостатокъ во всемъ, кромѣ того яда, который поляки называютъ водкой. Хлѣбъ недопеченный изъ овсяной и ржаной муки вмѣстѣ, и если вы принуждены голодомъ проглотить кусокъ такого хлѣба, то вмѣсто того, чтобъ подкрѣпить свои силы, вы такъ разстроите желудокъ, что еще больше ослабѣте. На всѣ приказанія слуги отвѣчаютъ неопредѣленнымъ словомъ *заразъ* (сейчасъ), (или по? что) и тѣмъ еще болѣе выводятъ изъ терпѣнія голоднаго путешественника. Такое обращеніе объясняетъ, какъ много имѣютъ уваженія слуги къ господамъ и фактъ этотъ не говоритъ въ пользу ни тѣхъ ни другихъ. — Крестьянинъ понятливъ, хитеръ и впадаетъ въ двѣ крайности, или чрезвычайно откровененъ, или очень скрытенъ; это зависитъ отъ того, какъ съ нимъ обращался его баринъ. Мужикъ съ перваго разу поражить своей грубостью. Судя по первому впечатлѣнію, можно даже подумать, что онъ дѣйствительно похожъ на свота, но, познакомившись съ нимъ ближе, тотчасъ убѣдитесь въ противномъ. Онъ ожесточенъ нуждой и тяжкимъ трудомъ, но привыкъ терпѣливо сносить лишенія и отказываться отъ всѣхъ удовольствій. Только пляска для него необходима; безъ этого развлеченія мужикъ не можетъ обойтись, и въ деревняхъ, не смотря на инсуррекцію, по прежнему крестьяне и крестьянки танцуютъ свой національный танецъ *краковакъ*. — Въ высшемъ кругу общества, національное правительство запретило танцы на томъ основаніи, что народъ будто бы въ траурѣ, а на дѣлѣ изъ 10-ти милліоновъ жителей не болѣе одного милліона тщеславится своими слезами, остальные же такъ мало думаютъ объ инсуррекціи, какъ-бы дѣло касалось вовсе

не ихъ отечества. Государственные крестьяне, пользующіеся продуктами съ казенныхъ земель, составляютъ самую здоровую и процвѣтающую часть изъ всего народонаселенія; совершенное довольство и сознаніе собственнаго достоинства выражается на ихъ лицахъ; потому что они чувствуютъ себя свободными гражданами и утверждаютъ, что ничего общаго съ поляками не имѣютъ. Государственныхъ крестьянъ считается въ настоящее время болѣе 2,000,000, и число ихъ продолжаетъ ежедневно увеличиваться. Крестьяне, обрабатывающіе земли частныхъ мѣстныхъ владѣльцевъ, называютъ своихъ помѣщиковъ *полями*; себѣ же не считаютъ принадлежащими къ той націи. Когда же помѣщикъ строго спрашиваетъ мужика, *кто-же ты*, наконецъ? То мужикъ увертывается отъ вопроса такими уклончивыми отвѣтами и тѣлодвиженіями, что по неволѣ избегаетъ всякаго названія. Съ иностранцемъ мужикъ не такъ остороженъ, онъ ему прямо говоритъ, что онъ или австріецъ, или русскій, или прусакъ, а подобный фактъ не требуетъ изъясненія. Состояніе въ нѣсколько миллионныхъ злотыхъ, встрѣчается въ Польшѣ не рѣдко, между тѣмъ ежедневныя заработки крестьянина не превышаютъ 20-ти копѣекъ. Крімъ этого умѣреннаго дохода, у крестьянина рѣшительно ничего нѣтъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ еще несчастливъ; тогда барщина была еще во всей силѣ, но къ счастью для мужиковъ русское правительство позаботилось уничтожить это варварство. Во время уничтоженія барщины, дворяне сыграли неудачную комедію. Они разгласили, что сами домогались этой реформы, и по видимому съ благоговеніемъ приняли ее, но крестьяне, знающіе до глубины всѣ изгибы панскаго характера, поняли хитрость помѣщиковъ, потому, что подобная перемена нанесла сильный ущербъ ихъ карманамъ, а инне, которые попросту, такъ были поражены неожиданностью перемены, что громко выражали свое неудовольствіе и роптали на сокращеніе своихъ доходовъ. Самое поверхностное изученіе польскаго народа, приведетъ всѣхъ и каждаго къ тому убѣжденію, что эта нація, представленная самой себѣ, никогда не подвинется впередъ, и что въ теченіи многихъ лѣтъ, она не признаетъ нужнымъ никакого измѣненія ни во взглядахъ, ни въ образѣ жизни.— *Женщина-крестьянка* обречена на самыя тяжкія полевныя работы; она легко покоряется своей участи, добросовѣстно исполняетъ свои обязанности и трудится съ такою энергіей, что уже это одно, ставитъ ее нравственно несравненно выше мужички. Впрочемъ, не разъ было доказываемо, что поль-

свая женщина и въ другихъ отношеніяхъ занимаетъ первое мѣсто въ своемъ отечествѣ, и справедливо можетъ назваться *существомъ мыслимъ*. Женщины задумываютъ— или вѣрнѣе мечтаютъ, соединяя въ пустыхъ снахъ своего воображенія, всѣ необъяснимыя комбинаціи чувствъ, всѣ слабости, весь гнѣвъ, весь эгоизмъ— характеризующія ихъ женскую натуру. Въ Царствѣ Польскомъ, прекрасная половина рода человѣческаго, не признавая, надъ собой власти, дала полную свободу своему врожденному побужденію *властвовать*; ихъ женское тщеславіе дошло до изступленія, и требованія въ будущемъ безграничны; онѣ походятъ на дѣтей, требующихъ съ неба звѣзды. Привыкшія давно держать въ своихъ рукахъ скипетръ управленія всѣми умами, эти непопавшія существа обо всемъ позаботились, но за то потеряли свою женственность. Онѣ въ каждомъ случаѣ обращаютъ вниманіе на мелочи и желаютъ согласовать обстоятельства съ собственнымъ образомъ мыслей, ссылаясь на среду ихъ окружающую. Съ какимъ удовольствіемъ я вспоминаю вечера, проведенные мною у знаменитой графини П... Нельзя не цѣнить польскихъ женщинъ вообще и героинь въ особенности. Были три горячія патріотки, которыя дѣлали намъ честь, рассказывая о составленномъ ими заговорѣ, противъ *національнаго правительства*. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ какъ и въ другихъ вопросахъ женщины увлекались, и я самъ видѣлъ, какъ это увлеченіе доводило ихъ до крайнихъ предѣловъ негѣпности. Еслибъ польки знали, какъ много теряютъ онѣ прелести отъ тѣхъ усилій, которыя дѣлаютъ въ ущербъ своей женственности, онѣ навѣрно скоро бы разстались съ неапатическимъ высокожѣрнымъ и жеманнымъ тономъ— избавительницъ,— которыми никогда не могутъ быть уже потому именно, что онѣ женщины. По этимъ причинамъ, польская женщина не соответствуетъ своему прямому назначенію; мы не видимъ въ ней той робкой кротости, которая должна быть неразлучна съ подругой жизни мужнины; напротивъ, женщина превратилась въ *фата*, хвастающаго своимъ направленіемъ. Такія *мыслия* женщины стоятъ гораздо ниже француженокъ и итальянокъ. Но есть и прекрасныя исключенія. Разъ мнѣ было поручено набирать людей. Преслѣдуемый австрійскими жандармами, которые замѣтили меня на желѣзной дорогѣ, я былъ принужденъ скрываться ночью въ незнакомомъ краю и постучался въ первый, попавшійся мнѣ на встрѣчу замокъ. Казалось, судьба покровительствовала мнѣ; я попалъ къ Б..., о которой сохраняю самое пріятное воспоминаніе. Ни-

когда еще въ продолженіи всѣхъ монхъ отважныхъ странствованій не встрѣчалъ такого свѣтлаго ума и такой чудной хрустальной души. Прекрасная мать, настоящая христіанка, настоящая патриотка, она понимала всѣ причины бѣдствій края, и отъ всего сердца ими сокрушалась. Не смотря на слишкомъ короткое пребываніе въ ея домѣ, я былъ глубоко тронутъ прекрасными качествами этой несчастной женщины. Г-жа Б... недавно овдовѣла и носила еще трауръ по мужѣ, убитомъ въ дѣлѣ К... Польскія дамы не имѣютъ обыкновенія спрашивать у иностранца не оставилъ ли онъ въ своемъ отечествѣ мать или друга; онѣ завербуютъ его сейчасъ же, но не съ тѣмъ чтобы заставить забыть разлуку съ родной. Они начинаютъ напротивъ доказывать все преимущество Польши предъ Франціей и поляковъ и полекъ надъ французами и француженками. Здѣсь же я встрѣтилъ совершенно противное, и отъ души желаю, чтобы Богъ сохранилъ отъ дальнѣйшихъ несчастій гостепріимный кровъ достойной г-жи Б... Въ другихъ же домахъ, и почти вездѣ безъ исключенія, я попадалъ въ кругъ женщинъ необыкновенной холодности, полныхъ равнодушія, язвительно-посмѣшливаго тона, и не имѣющихъ уваженія ни къ чему. Однажды вечеромъ у г-жи Мм. *** читали громко въ газетѣ *Часъ* (Czas) одно несчастное приключеніе съ молодыми супругами, — г. Бобровскимъ и его женой. Эта чета ѣздила по какимъ-то дѣламъ въ Краковъ и возвращалась въ свой деревенскій домъ. Было около 10-ти часовъ вечера; ночь темная, и путешественники, полагаясь на кучера, преспокойно дремали въ каретѣ, какъ вдругъ изъ опушки лѣса, мимо котораго они проѣзжали, раздались два выстрѣла, а вслѣдъ за ними послѣдовала вблизи довольно частая перестрелка. Лошадь одну убили, кучера ранили и пули ежеминутно свистѣли мимо ушей г. Бобровскаго. Что же случилось? Австрійской патруль, подъ начальствомъ офицера, былъ въ засадѣ, въ небольшомъ лѣсу, выжидая транспорта оружія везомыхъ для инсургентовъ, а два часовые услыжавъ на дорогѣ конскій топотъ, не различили должно быть въ тѣмнотѣ кареты, и подали условный знакъ. Разгорячившійся австрійскій офицеръ не хотѣлъ слышать никакихъ объясненій и г-да Бобровскіе были приведены пѣшомъ въ Краковъ и заперты отдѣльно въ тюрьму, гдѣ помѣщались всевозможные заключенники. Только нѣсколько дней спустя послѣ этого случая освободили несчастныхъ мучениковъ. Г. Бобровскій обратился къ императору и энергично протестовалъ. По моему мнѣнію, въ этой драмѣ нѣтъ ни одной комической черты,

между тѣмъ все общество смѣялось до слезъ. Въ особенности нравился этотъ случай дамочкамъ и дѣвицамъ, которыя не могли удержать своихъ необузданныхъ порывовъ смѣха. Судите по *этому* объ ихъ нравственномъ воспитаніи! Въ теченіи пятилѣтняго безотлучнаго моего пребыванія на полѣ битвы, я ни разу не видѣлъ, чтобъ женщина перевязала рану или выказала малѣйшее участіе. Раненный въ свою очередь, я самъ о себѣ заботился до тѣхъ поръ, пока, возвращаясь изъ Россіи, не остановился у баронессы Н..., гдѣ за мной усердно ухаживали. Но надо прибавить, что баронесса была француженка и имѣла сильное желаніе выказать себя *героиней*.—Въ Польшѣ образованіе свѣтской женщины ограничивается знаніемъ музыки и нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, тогда какъ ученость мужчинъ не стоитъ и вниманія. Поляки не любятъ серьезныхъ занятій, въ чѣмъ я удостовѣрился при наборѣ молодыхъ людей въ инсurreкцію. У мелкаго дворянства или шляхты, знаніе иностранныхъ языковъ ограничивается фразой: «*prosze rąpa*» на всѣхъ діалектахъ, и за тѣмъ полнѣйшее невѣжество. Если я отклонился отъ своего разказа, то на томъ основаніи, что, по моему мнѣнію, *все* это имѣетъ радикальное отношеніе къ политикѣ. Можно только тогда серьезно изучать національные вопросы, когда вполне ознакомимся съ націей, а потому я продолжаю мое обозрѣніе.

Конецъ второй главы.

(Продолженіе впереди)

ОПИСАНІЕ

устройства и освященія Александрo-Невской церкви въ м. Креславлѣ, Витебской губерніи, Динабургскаго уѣзда.

14-го ноября прошедшаго года у насъ въ Креславлѣ происходило небывалое, въ своемъ родѣ, явленіе. Въ подтвержденіе необыкновенности этого явленія необходимо сказать кое-что о самомъ Креславлѣ, а равно о предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ устройству и освященію новой церкви обстоятельствахъ.

Въ Креславлѣ жидовскіе дома несравненно чище и опрятнѣе внутри и по наружности, чѣмъ въ тысячѣ другихъ литовско-бѣлорусскихъ мѣстечекъ, такъ что рѣдкій изъ нихъ, по національнымъ примѣтамъ, можно отличить отъ жилищъ христіанскихъ. Въ центрѣ самаго, съ виду веселенькаго, мѣстечка, среди базара, рука природы, быть можетъ еще послѣ потопа, образовала премоину, разсчитывая, что люди осушатъ ее, для собственной выгоды и здоровья, коль скоро прокопаютъ пятисаженную канавку къ Двинѣ. Но природа ошиблась: поселились здѣсь люди, для которыхъ болото оказалось привольнымъ, сподручнымъ, вѣгетативнымъ резервуаромъ, куда они могутъ безъ труда бросать навозъ, сметъ, соръ, гниль, падалъ и всякую гадость. Можетъ быть въ мысляхъ первобытныхъ жителей Креславля и существовалъ тайный проэктъ запрудить со временемъ болото насильно нечистотъ; но этотъ проэктъ не удался по настоящее время и едвали когда либо осуществился бы и Богъ вѣсть до конхъ поръ разливала бы безпримѣрное зловоніе, по всему мѣстечку и его окрестностямъ. Припильцы-владимірцы, увидавъ осенью, что имъ нѣтъ прямой переправы въ полковой штабъ, а обходъ болота слишкомъ длиненъ, и предвидя такое же неудобство весной, прорыли канавку по скату къ Двинѣ, только уже поздно, когда морозы сгустили болото; впрочемъ есть надежда, что это болото владимірцы докапаютъ, если простоятъ здѣсь хоть будущую весну; въ противномъ случаѣ ему грозитъ вѣчность: мѣстные жители теперь начали уже засорять спускъ, а весной и совсѣмъ запрудятъ.

За исключеніемъ этихъ оригинальностей, м. Креславль, расположенное на правомъ берегу р. Зап. Двины, по объѣмъ сторонамъ впадающей въ нее малой рѣчки, по мѣстоположенію и устройству своему, представляетъ одинъ изъ лучшихъ уголковъ сѣверо-западнаго края, — уголокъ, правда, ополяченный и оживленный, но и въ самомъ даже полячествѣ и жидовствѣ нетеряющій своей природной и отчасти искусственной красоты, особенно въ надеждѣ обновленія русью и православіемъ. Западная часть Креславля особенно живописна; здѣсь, на возвышенномъ холмѣ, стоитъ великолѣпный панскій домъ, окруженный съ трехъ сторонъ, по скатамъ горы, обширнымъ садомъ, который обнесень каменною стѣной, — каменною въ собственномъ смыслѣ, т. е. построенною, какъ и много другихъ здѣшнихъ зданій, не изъ кирпича, а изъ крупнаго булыжника. Западъ и сѣверъ возвышенностей отъ панскаго дома, по кру-

тытъ берегамъ рѣчекъ, природа украсила рощами, а Задвинье—боромъ. При подошвѣ панской горы устроенъ изъ липовыхъ деревь прекрасный паркъ, въ которомъ, на берегу чистаго пруда, стоятъ трехъ-этажный кирпичный домъ, занимаемый нынѣ владимірскаго полка лазаретомъ, которому лучшаго и удобнѣйшаго помѣщенія нигдѣ не найдти: отдѣльно, просторно, лѣтомъ благовожно, живительно. — Ничтожная рѣчонка-ручей домостроительнымъ предкомъ нынѣшняго владѣльца обращена въ полезную хозяйственную струю: на ней сооружены два моста, двѣ мельницы и винокурня изъ того же булыжнаго камня, устроены два пруда чистой кристаллою воды, населенной разнаго рода рыбой. Въ самомъ мѣстечкѣ на соответственномъ панской горѣ холмѣ, на самомъ, по обыкновенію, видномъ мѣстѣ, высятся огромный костель съ обширнымъ огородамъ, — обнесенные на половину каменною стѣной.

До послѣдняго времени въ этомъ, довольно многолюдномъ населеніи, не имѣлось ни одного православнаго храма. Чтобы пополнить этотъ вопіющій недостатокъ, правительство, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предписало устроить здѣсь православную церковь. — Но здѣшніе вельможные паны, владѣвшіе десятками тысячъ русскихъ *негровъ*, кровавый трудъ этого несчастнаго челоувѣчества, доведеннаго до состоянія двуногаго бѣдла, — съ особою энергіей посвящали на сооруженіе однихъ римскихъ костеловъ: для открытія православной церкви здѣсь отдѣлана была часть кирпичныхъ лавокъ, находящихся, правда, на самомъ базарѣ, но и на самомъ низменномъ и грязнѣйшемъ во всей окрестности мѣстѣ, вблизи вышеописаннаго, непросыхающаго во все лѣто, вонючаго болота. — Устроенная здѣсь церковь, самая убогая внутри, по наружности отличалась отъ прочихъ лавокъ однимъ только крестомъ; но чтобы видѣть его, надо было подойти къ самому зданію, тогда какъ римскій костель здѣшній открывается взору за нѣсколько верстъ. Въ послѣдствіи сооружена здѣсь и единовѣрческая, хотя деревянная, но довольно благовидная церковь на мѣстѣ лучшемъ базарнаго, далеко однакожъ недосигающая костельнаго великолѣпія. Рьянымъ фанатикамъ папизма и польской справы, для совершеннаго ополяченія мѣстнаго простонародья недостаточнымъ, видно, показалось процвѣтаніе здѣсь одного великолѣпнаго костела, и потому, вблизи его, они устроили, подъ предлогомъ больницы, женскій монастырь, гдѣ ретивыя сестрицы не столько занимались лѣченіемъ больныхъ и уходомъ за страждущими, сколько совращеніемъ нерѣдко пона-

давшихъ туда православныхъ и утвержденіемъ насильно отпадшихъ. — Въ этой преимущественно цѣли приспособлена была постройка всей больницы-монастыря: она состоитъ изъ двухъ-этажнаго дома, устроеннаго наподобіе буквы П; въ сѣверо-восточномъ углу здания существовалъ не большой костель, отличный отъ прочаго зданія наружною формою и значительно его превышающій. — Такъ какъ въ этомъ монастырѣ, по малочисленности подвижницъ-сестрицъ не было *de facto* монастыря, то и одной такой причины достаточно было бы въ упраздненію совершенно лишней обители; но въ этомъ пріютѣ смиренныхъ, по виду, отшельницъ и даже въ ихъ храмѣ завелъ порядочныя, не-монастырскія шашни: въ эту больницу монастырь стекались въ послѣднее время не болящія, а излишне здоровыя, — сюда, собирались на тайныя бесѣды и совѣты страждущіе распадениемъ мозговъ и помѣшанные на безумной фантазіи возстановленіи ойчизны; въ костельчикѣ, вмѣсто священныхъ псалмовъ, органъ аккомпанировалъ революціоннымъ гимнамъ, съ усердіемъ распѣваемымъ всѣми молещницами и молещницами; ксендзъ — плебанъ, чуть не выпритивалъ изъ кафедрны проповѣдуя не покаяніе, а повстаніе, вызывалъ охотниковъ до рухавки, требовалъ отъ послѣднихъ присяги, для принятія которой бралъ съ престола лежавшія на немъ рядомъ въ одну руку крестъ, а въ другую револьверъ, — сопоставленіе, какъ видите, оригинальное: крестъ и револьверъ, престолъ и револьверъ, священникъ и револьверъ, — жизнь и смерть, молитва и душегубство, а въ итогъ: богохуство, изувѣрство, поруганіе святыни.

Хоть и далеко отсюда жилъ въ то время чтимый всею Русью, отъ мала до велика, нашъ литовскій *архистратигъ*, зоркій глазъ его скоро увидалъ креславскія затѣи: пріѣхали изъ Вильны нежданнныя гости и нашли *все въ порядкѣ*; только револьверъ отыскали *не на своемъ мѣстѣ*, — не на престолѣ, какъ бы слѣдовало по законамъ безумія, а подъ престоломъ. — Пріѣхавшимъ слѣдствіемъ розысканія было то, что монастырекъ этотъ закрыть и передать въ вѣденіе православнаго духовенства, для помѣщенія причта и устройства изъ костела церкви.

Предположенная правительствомъ цѣль ознаменовалась только тѣмъ, что причтъ получилъ выгодныя квартиры, а устройство церкви отложено на неопредѣленное время. Правда, что составленъ былъ комитетъ и ассигнована сумма; но что дѣлалъ и сдѣлалъ этотъ комитетъ, неизвѣстно. Легко могло статься, что и здѣсь, какъ

въ м. Друѣ и другихъ мѣстахъ, предположенное зданіе скорѣе превратилось бы въ развалины, чѣмъ въ святыню. Богъ послалъ однакожъ сюда человѣка, повидному, менѣе всего, по образу жизни и службѣ своей, способнаго къ занятію постройками, и вотъ чрезъ три-четыре мѣсяца мы сами были свидѣтелями превращенія костела въ церковь. Въ началѣ прошедшаго мая, къ счастью нашему, прибылъ сюда на квартиры владимірскій пѣхотный полкъ. Достойный всеобщей признательности командиръ этого полка, полковникъ Александръ Никаноровичъ Берновъ, истинный тверской баринъ, принявъ на себя христоугодное титуло ктитора приходской церкви, поворотилъ дѣло по военному. Въ самое короткое время кляшторъ мнишекъ превращенъ въ прекраснѣйшее военное помѣщеніе и на вратахъ его красуется огромный русскій орелъ съ золотою надписью: „Штабъ такого-то полка“; бывшій костель, получивъ наружно форму православнаго храма, увѣнчанъ куполомъ и сіяющимъ крестомъ. Внутреннее устройство и убранство этой новоявленной святыни превосходить все здѣсь когда либо существовавшее въ православныхъ сельскихъ храмахъ: новый иконостасъ благолѣпенъ; запрестольный крестъ, подсвѣчники къ иконамъ, паникадило, хоругви, св. сосуды для богослуженія, облаченія на престолъ, жертвенникъ, напой для священнослужителей, — все это новое, благолѣпно православное, могущее украсить и городской соборъ. Кромѣ собственныхъ приношеній полковникъ Берновъ, имѣя обширныя связи, сношеніемъ съ своими родными, знакомыми, получилъ отъ нихъ разныя жертвы готовыми вещами и матеріалами. Последніе изъ нихъ усерднымъ собственноручнымъ трудомъ полковыхъ дамъ передѣланы въ церковную утварь: въ ризницу, въ облаченія для престола, жертвенника, напой, въ покровцы, воздухи, платы, — словомъ: церковь изобильно, на первый разъ, надѣлена всѣмъ необходимымъ для священнодѣйствій. Ктожъ все это устроилъ? Человѣкъ мимоходящій, кочевой, по всей вѣроятности, не успѣющій отдохнуть на мѣстѣ своего подвига и трудовъ, человѣкъ военный!..

Ктитору-войну желательно было и освященіе воздвигнутаго имъ храма устроить возможно-военное. Для достиженія такой цѣли, онъ предварительно испросилъ согласіе мѣстнаго архипастыря, чтобы въ соннѣ совершителей освященія первенствовалъ армейскій священнослужитель, дивнаго благочинный, протоіерей Константинъ Дорошкевичъ. Этотъ почтенный ветеранъ, замѣчательный

по своимъ медалямъ, мечамъ на орденъ св. Анны, кабинетному кресту на георгиевской лентѣ, — вполне довершилъ картину духовно-военнаго торжества примѣрнымъ священнослуженіемъ и особенно произнесеніемъ, подъ конецъ литургіи, патристическою бѣсѣдой, сказанною чистымъ звучнымъ голосомъ съ отличною декламацией.

Такъ какъ зданіе церкви съ двухъ сторонъ находится въ связи съ домою, и потому не было возможности сдѣлать положенное обхожденіе вокругъ храма, то, вмѣсто его, освятители и строитель, условились совершить крестный ходъ въ прежнюю церковь. Для большей торжественности шествія священнаго собора, по распоряженію строителя-воеводы, ведущая чрезъ рынокъ къ старому храму дорога усыпана была ельникомъ и уставлена вѣнками и музыкантами. Необыкновенное явленіе, кромѣ присутствовавшихъ православныхъ, собрало толпу спутниковъ хода изъ инновѣрцевъ и даже изъ евреевъ, а когда предстоятель, съ св. антиминсомъ на главѣ, вышелъ изъ старой церкви для обратнаго хода и полковая музыка заиграла гимнъ: „Коль славень нашъ Господь въ Сіонѣ“, почти все населеніе стеклось на священную процессію и провожало ее до новаго дома Божія. Весь чинъ богослуженія, при содѣйствіи прекраснаго хора полковыхъ пѣвчихъ, совершенъ былъ умилительно-назидательнымъ образомъ и заключился слѣдующею бѣсѣдой достойнаго предстоятеля.

„Что чувствовали блаженныя сестры праведнаго Лазаря въ тѣ великія минуты, когда Господь воскресилъ его изъ мертвыхъ? Онѣ, безъ всякаго сомнѣнія, преимущественно ощущали несказанную радость о возстаніи изъ гроба брата, неизреченную благодарность къ чудному Воскресителю уже смердѣвшаго тлѣніемъ покойника и крайнее удивленіе чуду оживленія четверодневнаго мертвеца.

„Тѣ же св. чувства радости и благодаренія Господу еще живѣе наполняютъ душу каждаго православно-русскаго человѣка при видѣ воскршенія въ здѣшней несчастной странѣ вселенскаго православія: ибо не брата, но мать видитъ воскршаемую. Взвѣсивъ на безчисленные, подобныя здѣшнему, громадныя памятники, сооруженныя поборниками папства на могилахъ православія, отраднѣе русскою душѣ, видѣть воскресеніе изъ вѣковыхъ могилъ родныхъ мертвецовъ.

скій ураганъ, поразившій прежде того единовѣрную сестру нашу Литву, разразился подземный трясъ, произведенный врагами, а не слугами Господа Іисуса, бичами чловѣчества іезуитами, и... здѣшніе свѣтильники православія угасли,— первобытные св. храмы православные рухнули и, подобно мертвецу Лазарю, погребены въ нѣдрахъ земныхъ не съ христіанскими гимнами, но съ злораднымъ поруганіемъ, съ варварскимъ кощунствомъ. Долго плакала, какъ Марія на гробѣ Лазаря, старшая сестра православія— всероссійская церковь о насильственной смерти православныхъ сестеръ своихъ, церковей литовскихъ и бѣлорусскихъ. Проливала она, св. матеръ наша, и доселѣ проливаетъ. неутѣшныя слезы о долговременномъ заточеніи здѣшнихъ чадъ ея въ плѣну римскомъ. И какъ не плакать, не рыдать? Тяжкій, прискорбный, горькій видъ для каждаго: исконная-законная царица въ изгнаніи; а прішлица на престолѣ! Госпожа загнана въ дебрь, въ блато срадное; служанка— на высотѣ холмовъ, на престолѣ окрестностей! Домовладычица въ рубищахъ, уничиженная, умаленная паче лилицъ, паче хижинъ чловѣческихъ; а рабыня иноземная и непопеченная, преувраженная и преиспещренная, дерзостно воздымаетъ къ облакамъ гордое чело свое! Чада родной матери разогнаны, разхищены, овцы извращены въ волки и преданы въ неволю чуждой наемницѣ!...

„О благословенны и препрославлены въ роды родовъ и во вѣки вѣковъ державные покровители православія, великіе моварианни Николай Премудрый и АЛЕКСАНДРЪ Премудро-Милосердый, указавшіе поле христіанскаго дѣланія и изведшіе достойныхъ дѣателей на жатву Христову! Вѣчное благословеніе св. церкви и почетное мѣсто въ бытописаніяхъ Россіи славнымъ дѣателямъ на поприщѣ православной вѣры и русской народности, обновителямъ Литвы и Бѣлороссіи!—Всегдашняя признательность и живѣйшая благодарность незабвенному обновителю св. храма сего, стоящаго достойно и на мѣстѣ свѣтлѣ: его прижѣрно-ревностными трудами водружено здѣсь, въ странѣ отчужденной и одичалой, первое благолѣпное знамя православія,—его чисто-христіанскимъ усердіемъ воздвигнута изъ праха и свѣтло благоуукрашена красная внѣшней и внутренней гнѣботою Невѣста Христова,—тѣмъ сладчайшая православному взору что она, во наружному виду своему, имѣетъ нѣкое подобіе 8 вѣковому храму подобной Ефросиніи Полоцкой. Доволь священныя стѣны св. храма сего будутъ оглашаться боголѣпнымъ православнымъ нѣніемъ,—

око́ль будетъ приноситься здѣсь святѣйшая безкровная жертва, ния марины Александра пребудеть священо и незабвенно, какъ перво-новника, поспѣшника обновленія и благоукрашенія сей святни. [люсть и благодать Божія да почіеть на всѣхъ ревнителяхъ право-авія, послужившихъ трудами и жертвами своими, подобно Миро-щицамъ, красотѣ новаго гроба Господня! Слава и хвала доблест-ому владимірскому полку, оставляющему здѣсь въ краткое время пре-ванія своего, такой прекрасный и долговѣчный памятникъ своего граничества!

„Господи Іисусе Христе, воскресивый Лазаря! Воззови изъ гро-овъ здѣ и всюду лежащія наши мертвыя и живыя мертвецы, воз-вигни изъ тлѣнія и забвенія бывшіе здѣ и ондѣ св. храмы право-лавныя, утверди ихъ на Тебѣ, живомъ камени, собери подъ крылѣ боже въ коюшѣ штенцы, расточенная чада ихъ, да будетъ едино стадо и динѣ пастырь, да будетъ во всѣхъ концахъ и удолияхъ любезнѣйша-о отечества нашего едино православіе и едина Россія!“

Незнаю, какое имѣетъ значеніе бесѣда эта въ духовно-литера-турнои отношеніи, (*) но мы слушали ее съ напряженнымъ вни-маніемъ и увлеченіемъ. Думаю что та проповѣдь не бесплодна, которая приводитъ слушателей въ восторгъ и самозабвеніе, а этой гдѣли нашъ проповѣдникъ достигъ вполне: по окончаніи всего ду-говнаго церемоніала, первое движеніе г. ктирора и всѣхъ присут-твовавшихъ было-благодарность о. предстоятелю, за его благо-говѣйное служеніе и въ особенности за рѣдео-слыханную бесѣду. На проповѣдника-патріота посыпались со всѣхъ сторонъ усердныя просьбы о сообщеніи списка бесѣды; но едва удалось побѣдить іерей-скую скромность витіи сослуживцамъ его.

Заключеніемъ всего торжества былъ великолѣпный въ двухъ за-лахъ обѣдъ у хлѣбосольнаго строителя для священно-служителей, офи-церовъ полка и всѣхъ почетныхъ посетителей. За обѣдомъ провоз-глашено было множество тостовъ, начиная съ державнаго отца Россіи, ангелу котораго посвященъ новый храмъ, и Его Августѣйшаго семей-ства, за бывшаго и настоящаго начальниковъ края, и кончая здра-виемъ хозяина и гостей.

Но человѣку русскому сердцемъ и душой; но любимому началь-

(*) Значеніе огромное, можно сказать, безпригѣрное. Это не слово, а вопли и стоны русскаго православнаго пастыря при видѣ могилъ и мертвецовъ русскихъ на землѣ, надъ которою прочталась язва польско-папская. *Ред.*

нику, желающему доставить своимъ подчиненнымъ благородное развлеченіе въ краткіе часы свободы и роздыха, не доконченнымъ оказалось и такое рѣдко-виданное торжество, и онъ приготовилъ для своихъ гостей и всѣхъ русскихъ обитателей Креслава прекраснѣе такъ сказать финалъ торжества: чудный фейерверкъ, иллюминацію ново-освященной церкви и открытіе офицерскаго клуба. Съ 7 часовъ вечера, обширная площадь около церкви биткомъ была набита толпою разнаго народа, въ ожиданіи чуда. Въ 8 часовъ съѣхались посѣтительницы и посѣтители клуба, устроеннаго чрезъ площадь противъ церкви. Немедленно засіялъ храмъ Божій множествомъ плашекъ по всѣмъ карнизамъ, а на одномъ изъ оконъ церкви заблестала величественный вензель Царя-Освободителя. Прекрасный фейерверкъ произвелъ необыкновенный эффектъ не только въ простонародьи, но даже въ зрителяхъ высшихъ классовъ. Вечеръ былъ туманный, а потому колеса, бураки, шутихи и другія штуки, разсыпывая множество искръ и разноцвѣтныхъ огней, превращали темную ночь въ ясный день, а визгливыя ракеты, улетающія облака тумана и тамъ разражаясь, производили какъ бы въ заоблачномъ пространствѣ, полугромъ и внезапное озареніе воздушной тьмы. Еще далеко не кончилась отличная иллюминація, какъ грекъ полковой музыки возвѣстилъ открытіе клуба, и умолкъ.... въ 4 часа утра! Все военное и мѣстное русское дворянство обоихъ половъ провело этотъ незабвенный вечеръ самымъ пріятнымъ образомъ и всякой и всякая унесли душевную благодарность незабвенному виновнику нашего сугубаго наслажденія.

Такъ начался, продолжался и кончился нашъ единственный, незабвенный день освященія русскаго храма въ ополченно-жидовскомъ селеніи на канунъ вступленія въ рождественскій постъ.

К. Полоцкой.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

ПОЪЗДКА Г. НАЧАЛЬНИКА СЪВЕРО- ЗАПАДНОЙ РОССІИ

по ковенской губерніи.

Въ теченіе семнадцати дней, считая съ 31 мая по 16 іюня включительно, его высокопревосходительство К. П. фонъ-Кауфманъ изволил осматривать Ковенскую губернію. За исключеніемъ Новоалександровскаго уѣзда, который по происхожденію и характеру населенія, а также и по смежности границъ, принадлежитъ скорѣе Виленской, чѣмъ Ковенской губерніи, остальные шесть уѣздовъ имѣли случай увидѣть у себя г. главнаго начальника края. Поѣздка, какъ сейчасъ увидимъ, не ограничилась однѣми между уѣздными большими дорогами; были и уклоненія отъ нихъ по проселкамъ. Городъ Вилкомиръ, древній православный Успенскій монастырь въ м. Сурдекахъ (Вилкомирскаго уѣзда), города Поневѣжъ и Шавли, православное село: Подубисъ, городъ Тельши, мѣстечки Таурогень и Юрбургъ (въ Россіенскомъ уѣздѣ) и наконецъ города Россіены и Ковна были главными пунктами осмотра. Кромѣ того, г. начальникъ края останавливался во всѣхъ мѣстечкахъ и почти во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между указанными пунктами, чтобы лично ознакомиться съ народомъ и съ тѣми многообразными условіями и отношеніями, которыми Ковенская губернія преизобилуетъ и которыми рѣзко отличается отъ остальныхъ губерній имперіи.

Но прежде всего припомнимъ нашимъ читателямъ, что такое Ковенская губернія. Относительно счастливыя климатическія условія, богатая и разнообразная растительность, благодарная почва, мѣстами превосходная обработка ея, хлѣба и фрукты сѣверной и отчасти южной полосы, соприкосновеніе съ иностранной границей, близость моря, судоходный Нѣманъ, сплавные его притоки, два шоссейныхъ пути, желѣзная дорога, телеграфныя нити отъ города до города, необыкновенно развитая пограничность и соотвѣтственно съ нею развитыя средства перевоза и сообщенія, какъ водянаго, такъ и сухопутнаго, — таково разнообразіе географическихъ и топографическихъ *условіи* для широкаго и всесторонняго развитія тѣхъ вліяній, которыя доселѣ были цивилизующими, и которыя переживалъ небольшой уголокъ Имперіи, извѣстный подъ именемъ Ковенской губерніи. Казалось бы, что самое послѣднее слово цивилизаціи могло найти себѣ выраженіе въ жизненныхъ формахъ этой губерніи. Но ничто не оправдываетъ такого предположенія. Стоитъ присмотрѣться къ памятникамъ прошлой и формамъ современной жизни въ Ковенской губерніи, чтобы по нимъ наглядно опредѣлить сроки, пути, цѣли и средства пережитой ею цивили-

лизації. Эта цивилизація захватила себѣ преобладаніе въ нашихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ въ теченіе трехъ предпоследнихъ столѣтій, а въ первой половинѣ текущаго столѣтія и сама себѣ не могла вынести. Монументальнымъ выраженіемъ ея преобладанія служатъ пышные каменные костелы и такія же монастырскія зданія XVI и XVII столѣтій. Чѣмъ старше костелы и монастыри, тѣмъ они роскошнѣе по постройкѣ и, на оборотъ, чѣмъ они моложе, тѣмъ меньше, проще, грубѣе и въ большинствѣ, на подобіе хлѣбныхъ магазиновъ государственныхъ крестьянъ, возведены изъ дикаго камня. Различныя по времени происхожденія, по величинѣ и по стилю постройки, старыя и новыя костелы сходствуютъ въ одномъ, а именно въ безвкусицѣ во внутренней отдѣлкѣ. Старыхъ памятниковъ немного; за то новыхъ костельныхъ построекъ, кажется, болѣе чѣмъ надобно. Изъ старыхъ назовемъ всѣ городскіе въ г. Ковнѣ, бывшій камальдульскій (нынѣ православный Можайскій монастырь), червонодворскій, велюньскій, росіенскій, тельшевскій и шавельскій. Внутри жмудскихъ уѣздовъ рѣдко, а по литовскимъ уѣздамъ почти вовсе нѣтъ большихъ костеловъ, кромѣ бывшихъ монастырскихъ. Литва не нуждалась въ нихъ, а Жмудь слѣдовало опоясать ими вдоль по побережью Нѣмана и со стороны прусской границы: закрѣпивъ Жмудь за католицизмомъ, не трудно было пріобрѣсть для него всю Литву. И такъ, наглядная исторія прошлаго въ современныхъ памятникахъ доказываетъ, что въ ту старину, когда православіе едва начинало одолѣвать язычество и еще не могло укрѣпиться на развалинахъ его, изъ-за Нѣмана вышло латинство, вынесло съ собою крѣпостное право, создало мѣстную панщизну, и съ помощію ея воздвигло большія костельныя и монастырскія зданія, чтобы громадною ихъ поразить и привлечь массы, едва тронутыя развитіемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ двойной гнетъ латинства и панщизны не щадилъ никакихъ усилій, чтобы заслонить собою исконное православіе и неумолимо истребить его памятники. А что эти послѣдніе заходили въ глубь Ковенской губерніи, въ томъ можно убѣдиться по письменнымъ историческимъ и по монументальнымъ памятникамъ. Можно, кажется, и не безъ основанія предполагать, что изъ православныхъ храмовъ далекой старины уцѣлѣли на своихъ мѣстахъ, но въ новѣйшихъ постройкахъ, сурдекскій монастырь и подубиская церковь. Но это были старинныя небольшія постройки, служившія только для молитвенныхъ и ни для какихъ иныхъ цѣлей. Онѣ исчезали предъ высокими, а иногда и вычурными костельными зданіями, изъ которыхъ, какъ изъ крѣпостей, поражалъ своего врага, во всѣхъ врага видающій и потому нетерпящій, латинскій католицизмъ. Но время пошло на него исторически: онъ ударился въ сторону, утратилъ обаятельное вліяніе на панщизну, покорился польщизнѣ, понизилъ себя до ея орудія и, разумѣется, долженъ былъ понизить своихъ служителей до фанатизма и невѣжества. Въ позднѣйшее время, когда латинизація окончательно отожде-

ствилась съ колонизаціею (*), для ея цѣлей не нужно было памятникъ, подобныхъ прежнимъ памятникамъ; напротивъ, можно было довольствоваться какими угодно костелами, лишь бы съ кальваріями, и съ возможностью ставить кресты и каллички на столбахъ и деревьяхъ, за костельными оградами, по кладбищамъ, на перепутьяхъ, по холмамъ, по дорогамъ, у жилыхъ домовъ, при клѣтахъ, амбарахъ и т. п.—Лишь бы такъ или иначе, въ какихъ бы то ни было формахъ, внести значеніе костела, а по колонизованный костель и зачарованные фанатизмомъ служители его поклонниковъ и усилить колонизацію,— такъ рассчитывали представители небольшой партіи, которая безнаказанно злоупотребила захватомъ политическаго преобладанія въ ущербъ всему племенному и государственному на Литвѣ и Жмуди. Но правда исторіи опрокинула расчеты захвата и привела къ необходимости на вѣки остановить незаконную пропаганду колонизованнаго и колонизирующаго латинства. Эта задача уже разрѣшена правительствомъ и возложена для исполненія на представителей мѣстной администраціи.

Но этимъ мы еще не очертили всѣхъ признаковъ былой цивилизаціи въ Ковенской губерніи. Посмотримъ, чѣмъ отозвалась она на народѣ. — Поодаль отъ замковъ и дворцовъ, съ костелами и безъ костеловъ, размѣщаются небольшія мѣстечки (нѣчто въ родѣ велико-русскихъ сель) и еще меньшія деревни. Это жилища земледѣльцевъ литовско-жмудскаго, бѣлорусскаго и великорусскаго происхожденія. Но крестьяне не вмѣщаются въ деревняхъ и мѣстечкахъ. Они живутъ еще вразсыпную, односельями, а такихъ односельцевъ множество. Говоря объ нихъ, мы будемъ разумѣть по преимуществу тѣ, которыя приневолены къ колонизованному латинству. Тамъ, гдѣ жилой домъ, съ хозяйственными постройками, съ палисадомъ и изгородью, походить на порядочную русскую избу, владѣеть домомъ и поземельнымъ участкомъ домохозяинъ-господарь, уже важный и гордый, какъ шляхтичъ, но нѣрѣдко богаче послѣдняго. Господарь этотъ—или отецъ семейства, или старшій, а нѣрѣдко и младшій, но любимый сынъ отца, который еще живъ, но за старостію самъ передалъ сыну господарство и, въ силу обычая, низшелъ въ батрачество. При господарѣ-домохозяинѣ живутъ его батраки и батрачки, или не состоящіе въ родствѣ съ нимъ, или, напротивъ, связанные ближайшими степенями родства, нѣрѣдко родные, или двоюродные, даже старшіе братья и сестры, но бѣдности батрачества безсемейные до сорокалѣтняго возраста. Эти господарскіе дома съ поземельными участками составляютъ своего рода центрики, въ которыхъ неумолимо господствуетъ господарь-домохозяинъ, на всемъ правѣ собственника-капиталиста, безспорно распоряжающагося способностями, трудомъ и средствами въ жизни обатраченныхъ родственниковъ. Какими семейными правами отличаются эти домохозяинскіе центрики и какія семейныя

(*) Посредствомъ польскаго языка въ костелахъ. *Ред.*

драмы переживаются въ нихъ, можно судить по книгамъ волостныхъ судовъ. Въ этихъ книгахъ попадаются жалобы батрака-отца на господаря-сына за то, что послѣдній билъ перваго полѣномъ по головъ. Но это не слишкомъ поражаетъ тамъ, гдѣ уголовному суду приходится судить такіе, для примѣра, случаи: на отца и сына одной семьи приносятъ жалобу двѣ, впрочемъ неродныя между собою, батрачки и требуютъ, чтобы судъ заставилъ отца и сына взять отъ нихъ и вскормить незаконно прижитыхъ съ ними младенцевъ, по крайней мѣрѣ, до того возраста, въ которомъ можно ходить па-стухомъ чужаго стада. Чаше всего и до суха не доходитъ подобныя преступленія; матери-батрачки идутъ на мировую за 25 руб. единовременной уплаты, или за три года прокорма матери съ ребенкомъ. Къ этимъ фактамъ прибавимъ мимоходомъ одну статистическую цифру: кромѣ незаконнорожденныхъ младенцевъ извѣстныхъ матерей, до 200 подкидышей поступаютъ ежегодно въ вѣдѣніе приказа общественного призрѣнія въ одной Ковенской губерніи. Непривлекательна картина этихъ нравовъ! Съ новымъ положеніемъ гражданскія отношенія крестьянъ измѣнились, мѣняются и семейныя, но нравы измѣняются развѣ съ новыми поколѣніями. Таковы домохозяйскія односелья.

Перейдемъ отъ нихъ къ тѣмъ состояніямъ, которыя можно назвать переходными отъ господарства къ батрачеству. Тамъ, гдѣ вокругъ или поодаль господарскаго односелья, поближе къ ручью, или къ рошѣ, стоитъ избушка съ огородомъ въ полдесятины, непрестанно трудится и кое-какъ всю жизнь перебивается бѣдный огородникъ. А тамъ, гдѣ лѣнится одинокая хижинка въ пять шесть квадратныхъ аршинъ въ вышину съ кровлею, коротаетъ недолгій досугъ безпраздничной жизни какой нибудь полуоборванный, нерѣдко обремененный семьею, изможенный отъ труда и горя, или одинокій и уже выродившійся физически, а нравственно полуодичалый кутникъ. Не безъ злобной зависти смотреть эти полусытые элементы сельскаго населенія на сосѣдей — господарей и по самой силѣ своего положенія не чужды всякаго неурядка, потому что чужды всякаго умственнаго и нравственнаго развитія. Сожительствуютъ они вблизи господарей, но собесѣдуютъ развѣ съ тѣми крестами и капличками, которыми окружаютъ свои жилища, нисколько не заботясь о томъ, что открыто виситъ на крестѣ, или что скрыто внутри каплички, привѣшенной къ столбу, или живому дереву. Полуодичалый не различаетъ, есть-ли въ домашнихъ пенатахъ его что-либо христіанское, кромѣ имени. Грубые фетиши язычества, пожалуй, немногимъ ниже произведеній жмудской деревянной скульптуры; по крайнѣй мѣрѣ, тѣ человекообразныя фигуры изъ дерева, которыя замѣняютъ подсвѣчники при гробахъ умершихъ, напоминаютъ статуи японскихъ божествъ. И досугъ-ли думать о вкусахъ въ ка-кихъ нибудь произведеніяхъ, когда у кутника нерѣдко нѣтъ не только птицы или поросенка, но и собаки-сторожа, потому что и сторожить нечего. Въ его лачужкѣ есть только пріютъ для ноч-

лега. Непрестанная забота не даетъ покою; нужно заботиться объ одеждѣ, заботиться о пищѣ, а иногда и о томъ, чтобы полакомить аппетитъ кускомъ соленого сала или мяса и добыть его изъ господарскихъ запасовъ цѣною тяжелой работы. Но это еще собственники. Нынѣшній переворотъ засталъ земледѣльческое большинство въ батрачествѣ, которое если не нуждается пониженски, то развѣ въ цвѣтѣ дѣтъ и сила, и то цѣною суровой, непрестанной и безсрочной барщины, отбываемой на домохозяина. Выхода изъ этого положенія нѣтъ, по крайней мѣрѣ, не было; ибо не было и еще нѣтъ никакихъ заработковъ внѣ участка домохозяйскаго.

Такъ разбилось и ударило въ затаенную рознь литовско-жмудское латинизованное крестьянство. Но не ограничилось этимъ влияние цивилизаціи, которая въ прежнее время приневолила къ себѣ народъ, тяготѣла и еще тяготѣть надъ нимъ тяжкимъ бременемъ. Послѣдствія ея сложны, засѣли глубоко и не скоро могутъ быть вырваны съ корнемъ. Обезпеченный до роскоши, домохозяинъ уже испорченъ этой роскошью. Онъ чуждается иной работы, кромѣ производства земледѣльческаго сырья. Небольшая часть этого производства расходуется на продовольствіе, а избытокъ за-дешево выторговываетъ и чрезъ десятки передаточныхъ рукъ втридорога продаетъ потребителю пронырливый паразитъ—еврей. Но этого не знаетъ, или знать не хочетъ домохозяинъ, нерѣдко незнающій уѣзднаго города. Все, что нужно ему съ чадами и домочадцами, у него есть дома; своя земля родить ему хлѣбъ, свой скотъ даетъ ему мясное продовольствіе и шерсть для тканей; льняное и шерстяное суровье вырабатывается изъ домашняго сырья руками домашнихъ же батраковъ. Только за шитье жмудякъ платитъ портному—еврею. Вотъ отъ чего во всей Ковенской губерніи нѣтъ ни одной фабрики, и всякій потребитель вынужденъ довольствоваться плохими иностранными фабриками, которые предлагаетъ еврей по цѣнѣ, какую создаетъ еврейская конкуренція. Точно также, кромѣ винокуренныхъ изъ картофеля, пивоваренныхъ и кирпичныхъ, въ цѣлой губерніи нѣтъ никакихъ заводовъ. При данномъ порядкѣ или безпорядкѣ отношеній они и не нужны. Каждый домохозяинскій дворъ есть и жилье, и пивоварня, и фабрика всего, что нужно для жизненнаго обихода,—можно бы сказать, что у домохозяина есть все свое, даже до церкви, ибо, кромѣ божищны, въ разныхъ мѣстахъ, стоитъ у него множество крестовъ и капищекъ на столбахъ и живыхъ деревьяхъ.

Но тамъ, гдѣ дѣло касается святыхъ, жмудякъ захоlustья по неволѣ подчиняется теоріи раздѣленія труда: производствомъ священныхъ изображеній занимается востельный сакристианъ (нѣчто въ родѣ прикостельнаго сторожа), а освященіе ихъ составляетъ прямой доходъ всендзовъ. Впрочемъ крестьянинъ мало заботится о числѣ и цѣлости разъ поставленныхъ крестовъ; онъ знаетъ только то, что они обошлись ему не дешево: надо было заплатить сакристиану за изображеніе, всендзу за освященіе, да всѣмъ приход-

скимъ всендзамъ и дѣдамъ (*), приготовить угощеніе въ праздники постановки и освященія *кмикса*. О наличности домашнихъ нечестовъ заботится всего болѣе домохозяйка ничѣмъ не ограниченная госпожа дома. Во что бы то ни стало, она ставитъ кресты и каплички или въ искупленіе «смертельнаго» грѣха, или въ память семейнаго событія, или въ ознаменованіе мнимого чуда, или во избавленіе отъ пожара, грома, градобитія, повѣтрій, дождей, засухъ, неурожая, падежа, болѣзней и т. д. Окруженная множествомъ знаковъ вишняго богопочтенія, привязанная къ костелу всей силой фанатически-религіознаго чувства, беззавѣтно покорная волѣ духовнаго отца, вооруженная множествомъ сподручныхъ индульгенцій, эпитимій при калваріяхъ, рожанцемъ на груди и *пачерожами* на устахъ, крестьянка-господиня на Жмуди съ сповойной совѣстью деспотствуетъ дома и едва ли имѣетъ какую нибудь долю разумнія, что есть непорочность узъ супружескихъ, что такое добрые семейные нравы, семейныя добродѣтели и пороки.

Если жмудскій крестьянинъ опляхетился и извратился подъ вліяніемъ панскихъ и шляхетскихъ нравовъ, то жмудская крестьянка испортилась чрезъ вліяніе латинскаго духовенства. Женщина на Жмуди есть и орудіе, и жертва латинизаціи; этой религіозной политикѣ, или политической религіи она обязана той глубокою невѣжествомъ, въ которой доселѣ невозмутимо пребываетъ. Послѣдствія такого положенія женщины, чрезъ вліяніе ея въ семьѣ, проходятъ въ глубь всей нравственности и отражаются на всей жизни жмудяковъ. Благодаря имъ, нравственный обликъ жмудяка рисуется скорѣе отталкивающимъ, чѣмъ привлекающимъ. Онъ смысленъ, смѣтливъ, немногорѣчивъ, съ виду всегда со всѣми и во всемъ соглашается, но онъ хитритъ и, не стѣсняясь словомъ, обманетъ, если то нужно. Вся его нравственная необузданность и формальная покорность практикуются всего нагляднее близъ тѣхъ мѣстечекъ, изъ которыхъ евреи сдѣлали складочныя мѣста контрабанды. Но не самъ жмудякъ виноватъ въ этихъ качествахъ; они сложились въ немъ подъ вліяніемъ колонизирующей религіи и край-

(*) Прикостельные дѣды произошли въ силу стараго обычая, набираются изъ безсемейныхъ старцевъ, живутъ въ прикостельныхъ домахъ или богадѣльняхъ, содержатся на счетъ десятины, собираемой или же съ прихожанъ. Эти дѣды составляютъ нѣчто въ родѣ батраковъ всендза, батрачествуютъ исключительно на всендза, въ смыслѣ обработки огородовъ, распространенія пропаганды и разноски вѣстей, которыя нужно всендзамъ, не компрометируя себя, распространить между прихожанами. Участь, а съ нею и воля такихъ прикостельныхъ батраковъ въ рукахъ всендза; за то и положеніе вполнѣ обезпечено. Стало бытъ, дѣды тѣ же безродные, но призрѣваемые, и такъ сказать штатные ниніе: обыкновенно число ихъ при приходскомъ костелѣ равно 12. Интересенъ способъ собранія десятины: сегодня дѣдъ приходитъ въ домъ и ставитъ свои пальцы, а на завтра беретъ ее вмѣстѣ съ пожертвованіемъ. Мы удержимся отъ объясненія, на что намекаетъ странный символъ добровольнаго пожертвованія. Дѣдъ слѣдственныхъ комиссій показывалъ, что дѣды до крайности фанатизованы, и тамъ, гдѣ всендзъ участвовалъ въ митейной организаціи, гибли орудіемъ и жертвою его косней.

ностей польскаго крѣпостнаго права. Первая тупила человѣка умственно и нравственно, а второе изнашивало матеріально и физически. По силѣ прежняго обычая, крѣпостное право укладывалось въ самыя безобразныя формы, благодаря арендаторству: арендаторъ, по условію, выбиралъ весь дѣйствительный доходъ въ пользу помѣщика, а свои выгоды вымучивалъ придарками въ срокамъ по разнымъ уплатамъ, такъ что арендаторство становилось чѣмъ-то въ родѣ древняго мытарства. Протестовать было нельзя, апеллировать не къ кому; крѣпостное право давило, а духовенство прислуживалось пану; куда же уйти отъ мытарства и фарисейства? Оставалось или идіотизироваться подобно батраку, или хитрить и обманывать пана и духовника, а отъ грѣха отдѣлываться добровольной эпитиміей, рожанцемъ или индульгенціей ближайшаго монастыря. Вотъ въ какую мрачную дѣйствительность втянула жмудяка та искусственно созданная, искусно навязанная и религиозными средствами закрѣпленная постановка, которая умышленно работала надъ разрушеніемъ всего гусударственнаго, племеннаго и семейнаго на Жмуди.

Мы уже видѣли общественныя отношенія крестьянъ нарушенными, общественныя и семейныя нравы порушенными; но это разрушеніе пошло еще далѣе. Тамъ, гдѣ нѣтъ семейныхъ нравовъ, не можетъ быть ни семейныхъ, ни племенныхъ преданій, ни даже сказокъ и былинъ, которыми съ младенчества такъ легко воспитывается народное чувство; разрушеніе коснулось всѣхъ произведеній творческаго духа. Изъ самородковъ его у жмудяковъ сохранились присловья и пословицы древнѣйшаго бытоваго происхожденія; но, не собранныя, теряются они рядомъ съ тѣми, которыя цѣликомъ заимствованы у сосѣдей, или недавно сложились, какъ отрицаніе и сарказмъ на всѣ навязываемыя формы жизни; ибо жмудякъ только съ виду некорялся имъ, а на дѣлѣ обходилъ ихъ, и такимъ образомъ привыкъ во всемъ скорѣе казаться, чѣмъ быть. Въ жмудской пѣснѣ безъ большаго труда угадывается племенное происхожденіе, но и оно порушено, потому что заслоено и заслонено католицизмомъ настолько, что въ пѣснѣ слышится католическій оттѣнокъ и однообразный костельный мотивъ. Даже въ пѣсняхъ и мелодіяхъ жмудякъ нуждается въ освобожденіи изъ-подъ гнета востельнаго.

Таково, повторяемъ, было вліяніе той цивилизаціи, которая доселѣ была преобладающею на Жмуди. Только съ этой точки зрѣнія можно уяснить причину наглядно замѣтной противоположности между мѣстной физической и нравственной природою: съ одной стороны, всѣ условія довольства, роскошь, картинность, привлекательность; а съ другой—выродившаяся въ большинствѣ народа, подавленность, тупость, равнодушіе, бѣдность и оборванность. Съ одной стороны все привлекаетъ, съ другой—все возбуждаетъ оттолкновеніе. Сравненіе этихъ сторонъ производить подъ часъ впечатлѣніе пытки. Насильственно навязанная цивилизація, еще во

время преобладанія своего, неравномѣрно подѣлилась между сословіями на Литвѣ и Жмуди: одни изъ своекорыстія увлеклись ею до отрицанія въ себѣ всего племеннаго и государственнаго, а другія насильственно и наружно покорились ей, затаивъ въ душѣ глубокую къ ней ненависть и столь же глубокую преданность тому, что уцѣлѣло изъ племеннаго и бытоваго. Вотъ причина того непонятнаго съ-разу явленія, что въ Ковенской губерніи доселѣ могутъ уживаться богатые условія для развитія правильныхъ гражданскихъ отношеній и рядомъ съ ними почти первообразъ грубѣйшаго бытоваго невѣжества. Не ясно-ли, что все польское не народно на Жмуди?—Стало быть, весь строй и всѣ формы быта, какъ непервичныя, ненародныя, навязанныя, и какъ всякая аномалія, должны миновать и измѣниться въ томъ направленіи, которое Высочайше предудказано положеніемъ 19-го февраля 1861 г. Въ настоящее время законъ этотъ примененъ къ гражданскимъ и общественнымъ отношеніямъ крестьянъ.

Но еще многое нужно для того, чтобы писанный законъ перешелъ въ жизнь народа. Народъ долженъ быть воспитанъ въ немъ,—и въ этомъ состоитъ вторая важнѣйшая задача мѣстной администраціи.

Но у администраціи есть и другія, не менѣ важныя задачи. Чтобы указать ихъ соберемъ еще черты Ковенской губерніи. Губернскій городъ каждой губерніи имѣетъ значеніе если не топографическаго, то такого жизненнаго центра, по особенностямъ котораго можно заключать о различіяхъ между губерніями. Въ Ковенской губерніи такого центра нѣтъ. Напротивъ въ ней есть нѣсколько пунктовъ, которые притягиваютъ къ себѣ ту или другую мѣстность, тѣми или другими влияніями въ большей или меньшей степени. Такъ географическимъ центромъ былъ и навсегда останется г. Попевѣжъ; кальвинское направленіе группируется въ его уѣздѣ около м. Биржъ; лютеранское исходитъ изъ м. Таурогева (въ Россіенскомъ уѣздѣ); до р.-католическаго центра, мѣстные клерикалы думали поднять и сдѣлать жмудскимъ Римомъ м. Ворни (въ Тельшевскомъ уѣздѣ, потому только, что тамъ жилъ тельшевскій римско-католическій епископъ. Такимъ образомъ городъ Ковна имѣлъ и имѣетъ значеніе губернскаго, административнаго и торговаго пункта, но значеніе центра жизненнаго онъ получить развѣ въ будущемъ, когда окрѣпнетъ, направленіе, данное новою системою управленія краемъ. Но, скажутъ намъ, эти центры существовали всегда и не имѣли серьезнаго значенія. Въ прошломъ, дѣйствительно, громадный и потому исключительный перевѣсъ принадлежалъ полонизованному латинству, которое безнаказанно и беззаконно давило всѣ направленія. Время беззаконности миновало; латинство должно установиться въ законныхъ предѣлахъ; но въ немъ замѣтны отзвукъ прошлаго.

Отъ привычки къ злоупотребленію, какъ отъ всякой привычки, отдѣлаться не легко. Но, кромѣ неновыхъ явленій, есть и новыя

ли, пожалуй, прежнія, по въ усиленной степени: разнородныя направленія, какъ будто въ отмѣстку за вынесенныя притѣсненія и потери, подъ-часъ выступаютъ съ странными претензіями болѣе гѣмъ прежде тѣснить другъ друга и пропагандироваться одно на счетъ другаго. Очевидно, что претензіи эти по существу своему могутъ быть только ничтожны, а по послѣдствіямъ только безплодны. И въ настоящей формѣ въ нихъ не видно серьезно-сознанной цѣли, нѣтъ обдуманнаго плана, часто нѣтъ связи; онѣ усилились вслѣдствіе реакціи противъ прошлаго, но тѣмъ не менѣе составляютъ болѣзненное ея послѣдствіе и потому незаконное. Переворотъ можетъ сопровождаться такими явленіями, по не долженъ терпѣть ихъ. Самъ по себѣ переворотъ не вызываетъ ихъ, потому что не касается тѣхъ направлений, которыя выступаютъ съ претензіями. Переворотъ не стѣсняетъ этихъ направлений, но не имѣетъ въ виду предоставлять имъ болѣе того, что разъ предоставлено закономъ. А между тѣмъ въ претензіяхъ ихъ замѣтно исканіе болѣе широкой постановки для себя. Будемъ называть это неновое, но болѣе замѣтное явленіе ошибкой, временнымъ заблужденіемъ, чѣмъ угодно; но тѣмъ не менѣе укажемъ на него, ибо и самое неумышленное отступленіе отъ закона сопровождается фальшивыми представленіями, питаетъ напрасныя надежды, и— что того хуже—зедерживаетъ правильное устройство узаконенныхъ вѣроисповѣдныхъ, гражданскихъ и сословныхъ отношеній. Подмѣтитъ зарожденія этихъ аномалій, своевременно предупредить и только въ крайнемъ случаѣ во время установить ихъ въ законныя нормы—такова третья задача мѣстной администраціи.

Но это еще не все. Стоитъ еще разъ присмотрѣться къ особенностямъ Ковенской губерніи. На пространствѣ 35,762 квадрат. версть въ Ковенской губерніи проживаетъ 1,051,628 душъ обоого пола, и въ числѣ ихъ: великороссіяне, бѣлоруссы, малоруссы, жмудины, литовцы, евреи, латыши, нѣмцы, поляки, татары, караимы, цыгане, греки, датчане, шведы, англичане, бельгійцы, французы, тосканцы и венгерцы. Заимствуемъ эти указанія изъ книги г. Д. Аванасьева (С.-Пб. 1861 г.), извѣстной подъ названіемъ: «*Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба, Ковенская губернія*». Въ этой книгѣ, на стр. 279 и 281, мы находимъ, что преобладающее племенное большинство составляютъ жмудины (53,400 семействъ), литовцы (39,713 сем.) и потомъ евреи (23,680 сем.). Славяне (8,483 сем.) и нѣмцы (3,330 сем.) составляютъ замѣтную часть населенія; остальные инородцы или заѣхавші на время. Изъ той же книги узнаемъ, что племеннымъ различіямъ соотвѣтствуютъ вѣроисповѣданія: въ Ковенской губерніи уживаются православныя, раскольничьи, р.-католики, лютеране, евреи, реформаты, англичане, караимы и магометане. Изъ нихъ преобладающее большинство (*) составляютъ р.-католики (24,264

(*) Тамъ же, стр. 277.

сем.) и евреи (23,593 сем.); за ними слѣдуетъ лютеране (7,521 сем.), раскольники (3,691 сем.), православные (1,900 сем.) и реформаты (1,459 сем.). Число семействъ, принадлежащихъ другимъ вѣроисповѣданіемъ, незначительно. Приведенныя нами цифры не соотвѣтствуютъ настоящей дѣйствительности, отчасти потому, что относятся къ 1857 году, но, главнымъ образомъ, по двумъ совершенно исключительнымъ и прямо мѣстнымъ причинамъ очень серьезнаго свойства. Ключъ къ уразумѣнію ихъ кроется въ условіяхъ прежней губительной цивилизаціи, а возможность ихъ объясняется предательствомъ прежней польской администраціи. Мы остановились на причинахъ, интересующихъ насъ, чтобы на нихъ показать, до какой степени злоумышленно и губительно рука руку мыла въ прежнее, по выраженію г. главнаго начальника края, «недоброе время».

Выше мы замѣтили, какъ и почему разрушились племенные, бытовья, бщественныя и гражданскія отношенія въ представительствѣхъ племеннаго большинства. Замѣтили также, что размножившееся батрачество оставалось и теперь еще нерѣдко остается безсемейнымъ до сорока-лѣтнаго возраста. Послѣдствія этого можно предугадать; но тѣ формы, въ которыхъ при разнообразныхъ условіяхъ примиренія съ совѣстію, они проявляются въ Литвѣ и на Жмуди, превосходятъ мѣру обыкновеннаго вѣроятія. Не забудемъ, что рѣчь идетъ о такой мѣстности, которая изобилуетъ условіями быстрого сообщенія и развитія. И въ этой же мѣстности *конкубинатъ* въ обыкновенныхъ его формахъ и съ обыкновенными его послѣдствіями, — каковы: размноженіе незаконнорожденныхъ батраковъ, не совсѣмъ обыкновенное число найденшей и подкидышей, а также и дѣтоубійство, — составляетъ еще слабѣйшее изъ преступленій этого рода. Стало быть, ни о семейственности въ ея правильныхъ формахъ и важныхъ значеніяхъ, ни о размноженіи, какъ оно опредѣляется Божескими, гражданскими, статистическими и физиологическими законами, на Литвѣ и Жмуди не можетъ быть и рѣчи. Пожелаемъ новому цивилизующему вліанію вытѣснить и преобразить унаслѣдованныя отъ прежней цивилизаціи безобразныя явленія и самую ея сущность. Да проститъ намъ прежняя цивилизація: отрицая ее, мы знаемъ, за что отрицаемъ ее въ Ковенской губерніи. И ей самой въ XIX вѣкѣ пора бы знать, за что и въ какой мѣрѣ она заслуживаетъ отрицаніе. Вышесказаннаго достаточно для того, чтобы судить, почему у литвиновъ и особенно у жмудиновъ цифра семей крайне невелика сравнительно съ цифрой поголовнаго счета мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Послѣ литвиновъ и жмудиновъ большинство остается за евреями. По отношенію къ нимъ цифры семей, точно также, какъ цифры поголовнаго счета, приводимыя въ извѣстныхъ статистическихъ сборникахъ, много ниже цифры наличнаго еврейскаго населенія. Съ обычной своей хитростью, евреи умѣютъ обходить нѣкоторые, конечно, невыгодныя для нихъ, требованія закона. Мы знаемъ тѣ изъ уловокъ, ко-

тория позволяли себѣ евреи при народной переписи и при рекрутскихъ наборахъ. Чтобы не говорить голословно, сошлемся на недавній фактъ нежданной переписи жителей г. Ковны, въ прошломъ апрѣлѣ, и на результаты, добытые ею. Администраціи вообще не мало дѣла съ евреями, и въ частности, по нашему мнѣнію, обыкновенныхъ средствъ, употребляемыхъ ею для собиранія статистическихъ свѣдѣній, не достаточно для того, чтобы имѣть дѣйствительную цифру поголовнаго и носемейнаго счета евреевъ. Цифры эти невыгодны, потому что влекутъ за собою расходъ на прамыя подати и повинности. Мы знаемъ, что еврейскія общества горько сѣтуютъ на «*Виленскій Вѣстникъ*» за указанія тѣхъ недостатковъ, которыми страдаетъ еврейское общество. Статистическія цифры семей въ прочихъ племенныхъ особахъ Ковенской губерніи, по всему вѣроятію, во столько ближе къ истинѣ, во сколько правдоподобно то, что жизненныя условія этихъ особей вырабатывались изъ рѣшительнаго отрицанія самаго бытія ихъ. Нетерпящая цивилизація не могла быть благосклонною къ правильнымъ условіямъ естественнаго ихъ размноженія. Это весьма вѣроятное заключеніе даетъ достаточно основаніе предположенію, что представители племенныхъ особей, составляющихъ большее или меньшее меньшинство, по необходимости воздерживались отъ семейной жизни.

И такъ всѣ, заимствованныя у г. Аванасьева цифры болѣе или менѣе невѣрны, но для нашей цѣли достаточно приблизительныхъ указаній. Приблизительныя цифры свидѣтельствуютъ, что Ковенская губернія представляетъ пеструю смѣсь племенныхъ различій, разновѣрія и разноязычія. Численныя отношенія этой пестроты мы выразили въ числахъ семействъ, потому что семейства составляютъ первое условіе правильнаго естественнаго размноженія. Очевидно, что въ Россіи трудно встрѣтить еще одну мѣстность, гдѣ бы нашлось столько разнородностей, сопоставленныхъ такъ близко, въ такихъ неравновѣрныхъ численныхъ отношеніяхъ и въ столь неодинаково счастливыхъ условіяхъ развитія. Присмотримся къ послѣдствіямъ такого положенія. Разноплеменность, разновѣріе и разноязычіе, однимъ словомъ, всѣ разнородности не могутъ не отражаться на семьѣ, на домашнемъ и общественномъ воспитаніи и на всей жизни населенія. Мы уже видѣли, въ какой мѣрѣ неискренно они сожительствуютъ. Посмотримъ, что происходило и происходитъ отъ этого. Сила обстоятельствъ, господствовавшихъ въ недавнее время, вызвала и воспитала неискренность. По чувству самохраненія предъ напоромъ разнородности, злоупотреблявшей численнымъ преобладаніемъ, всѣ прочія стали оттагиваться въ свою сторону и, разъ попытавшись оттянуться, не могли остановиться на этомъ: всякая устремила въ добываніе монополій, изъ-за нихъ вступала со всѣми во всякія сдѣлки, кое-какъ дѣлилась съ ними почвою и только тогда убѣждалась въ напрасной затратѣ силъ, когда по прежнему начинала заготовляться катастрофа мятежа. Во время катастрофы, какъ извѣстно, всѣ таготвія уступали пе-

редь тяготѣніемъ въ одну польскую сторону. Исторія не разъ убѣждалась, что тяготѣніе въ мятежную сторону умѣло набрасывать свою тѣнь на всѣ другія тяготѣнія, и, маскируясь такимъ образомъ передъ Европою, съ виду обманывало того, кому было выгодно казаться обманутымъ. Все это безспорно было и вмѣстѣ съ катастрофами повторялось во всѣхъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, но въ Ковенской сильнѣе, чѣмъ въ другихъ. Былое не разъ доказало, что разнородности избирали непрямые пути и ложныя средства, чтобы въ недавнее—недоброй памяти—прошлое время уходить и отставивать себя отъ насилловавшаго направленія. Между тѣмъ во избѣжаніе заблужденія стоило только воспользоваться тѣмъ выходомъ, который предопредѣленъ исторіею, обезпеченъ государствомъ и невозбранно открытъ для каждаго вѣрноподданнаго. Понятно, на какой выходъ указываемъ, и рѣшительно не понятно, для чего нужно было искать другого. Въ ходячихъ объясненіяхъ этой странности часто слышатся ссылки на то направленіе, отъ котораго уходили. Но, заставляя уходить, оно не предопредѣляло разныхъ выходовъ; напротивъ, оно косвенно указывало на единственный спасительный и законный выходъ: если это направленіе было преобладающимъ не по закону, а по злоупотребленію, то противоположное ему направленіе тѣмъ легче было найти въ направленіи, господствующемъ по закону. Однакожь разнородности, случайно или неслучайно, предпочитали не уступать беззаконному, не обращаться къ законному и, стало быть, искать чего-то третьяго, четвертаго и т. д. То же исканіе, по старой привычкѣ, обозначается и теперь. Чего же искать и гдѣ можно отыскать что нибудь? Въ государственномъ организмѣ и въ смыслѣ государственномъ не представляется разнородности, въ которой всѣ разнородности могли бы найти для себя условія роста и развитія. Если нѣтъ почвы для развитія разнородностей, то не можетъ быть ни путей, по которымъ могли бы привести, ни цѣлей, къ которымъ привели бы ихъ вожаки, никѣмъ непрошеные. Разнородности не могли не созрѣть до этого убѣжденія; но мѣшаютъ имъ старыя привычки къ политическому кочеванію по мечтательнымъ направленіямъ. Для блага края пора отказаться отъ этихъ привычекъ. Мы коснулись ихъ потому, что онѣ обнаружили въ время прошлаго мятежа и, стало быть, вмѣстѣ съ нимъ должны отойти въ область безвозвратнаго прошлаго. Съ привычками не легко разставаться, но въ виду новой системы управленія краемъ разстаться необходимо. Множество неуловимыхъ на бумагѣ фактовъ заставляетъ признать, что старыя привычки угнѣбли въ жизни. Мы усматриваемъ ихъ, и при томъ по Ковенской губерніи сильнѣе и смѣлѣе, чѣмъ по другимъ, въ томъ неоспоримомъ фактѣ, что дѣятельное участіе въ русскомъ дѣлѣ принадлежитъ почти однимъ русскимъ. Нельзя не видѣть, что мятежная разнородность и теперь тайкомъ противудѣйствуетъ, а остальные скорѣе соприсутствуютъ,—сочувственно или несочувственно,—тяжкой работѣ русскихъ, нежели дѣятельно уча-

гвуютъ въ ней. Нельзя не видѣть, что даже въ нынѣшнее время, два напоминающее о бывшемъ мятежѣ, даже въ нынѣшнее время, когда Высочайшей власти угодно было узаконить повсюдную разработку только однихъ русскихъ, законныхъ и государственныхъ ачалъ, одни русскіе у насъ неустанно трудятся, чтобы выполнить олю Государа Императора; а. представители прочихъ разнородностей, по старымъ привычкамъ, недоумѣваютъ, приступать-ли въ русской работѣ. Очевидно, они выжидаютъ, прочна-ли русская работа, не предстоитъ-ли ей рушиться колебаніями, за которыя заплачутся бы будущій мятежъ. Не трудно угадать, откуда происходятъ эти фиктивные сомнѣнія. Не трудно усмотрѣть въ нихъ старыя привычки—одной стороны вліять, съ другихъ сторонъ—легкомысленно подчиняться привычному вліанію. Польской сторогѣ не нужно привыкать и очень трудно отвыкать не оправдывать своихъ фикцій. Въ новыхъ сомнѣніяхъ слышна старая погудка на новый ладъ. Въ нихъ видится только новая маска, годная для обмана тѣхъ, которымъ кажется выгоднымъ казаться обманутыми. Странно, что и теперь нематежныя разнородности не хотятъ или боятся повѣрить, что «ни отступленій, ни колебаній», какъ выражается г. главный начальникъ края, «быть не можетъ». Не обвиняемъ ихъ за это нежеланіе, не обвиняемъ и за страхъ: онѣ или дурно пользуются уроками семидесятилѣтняго прошлаго, или слишкомъ запуганы ими. Намъ можно не винить, но въ то же время нельзя оставлять ихъ ни въ состояніи невѣдѣнія, ни подъ впечатлѣніями страха. Съ нашей стороны обязательно сообщить имъ вѣдѣніе, бодрость и мужество, которыми владѣютъ всѣ русскіе,—предвидимъ упрекъ за наши выводы и спѣшимъ оговориться.

Мы далеки отъ мысли набрасывать тѣни на кого бы то ни было. Мы говоримъ, напередъ зная всѣ возраженія, какія вслѣдъ за при- смірѣлой стороною мятежа, можно противопоставить нашимъ выводамъ. Но всѣ возраженія падаютъ сами собою. Беремъ на пробу любое изъ нихъ. Есть весьма распространное, но несовершенно основательное сужденіе, что въ мятежѣ виновата одна, такъ называемая *интеллигенція*. Разберемъ это положеніе. Дѣйствительно, она создала мятежъ; она грозила и намъ, когда предстояло усмирять мятежъ. Мы не забыли толковъ о «Московіи» и всякихъ толковъ о нашемъ азиатскомъ происхожденіи, о нашей природной неспособности, о нашей умственной апатичности, китайской неподвижности и т. д. Но того, что можно было говорить тогда, теперь повторять, не краснѣя, не слѣдуетъ. Факты мятежа и факты его усмиренія неотразимы. Пора бы убѣдиться въ несостоятельности *интеллигенции*, распротяться съ нею и открыто работать противъ нея. Но мы видимъ, что она еще успѣваетъ называть свои толи и свои страхи дѣлать чужими. Какъ это можетъ быть? Какой смыслъ въ этомъ явленіи? Оно не менѣе странно и гораздо болѣе неопозволительно, чѣмъ прежнее вліаніе *интеллигенции*. Мы знаемъ, она была всегда не многочисленна; каче-

ственные ея средства мы также видѣли; они не таковы, чтобы претворить въ себя или, по крайней мѣрѣ, затянуть съ собою всѣхъ въ свои стремленія; легко-ли напримѣръ найти лютеранскаго пастора, подобнаго тому, который въ Калишѣ открыто призывалъ прохожаго къ молитвѣ объ избавленіи польско-латинской церкви отъ угнетенія? Простые жмудяки и литвины,— мы знаемъ, — устояли предъ напоромъ *интеллигенціи*; Но вопросъ, очевидно, не можетъ стоять на почвѣ перечисленія разнородностей. Если станемъ перечислять ихъ, то окажется, что всѣ устояли предъ *интеллигенцією*. По нашему мнѣнію, данный вопросъ ставится и рѣшается только въ такой формѣ: какая *интеллигенція* могла бы поднять мятежъ напр. въ Тульской губерніи? Стало бытъ, та *интеллигенція*, за которой, по приведеннымъ выше фактамъ, нельзя признать высокой качественности, могла уловить для себя и дѣйствительно уловила какія нибудь возможности въ средѣ разнородностей, не смотря на то, что всѣ онѣ въ своихъ стремленіяхъ расходятся съ партією революціи. И мы расходимся съ нею, но расходимся также и со всѣми разнородностями въ выводахъ, къ которымъ приводить насъ уроки прошлаго. Возьмемъ напр. одинъ изъ такихъ уроковъ и покажемъ на немъ общій характеръ нашихъ выводовъ. Числовыя отношенія семействъ, принадлежащихъ разнородностямъ, свидѣтельствуютъ, что сумма семействъ, непричастныхъ мятежному направленію, превосходитъ цифру семействъ, подготовлявшихъ мятежъ, и оставляетъ далеко за собою цифру семействъ, участвовавшихъ въ немъ; тѣмъ не менѣе мятежъ подготовился и скончалъ свой краткій срокъ. Если мало уроковъ прошлаго, обратимся къ современнымъ фактамъ,— и они дадутъ тѣ же выводы, какіе дало намъ прошлое время. Такъ напр. для государственнаго дѣла въ здѣшнихъ губерніяхъ недавно сложилось особое названіе. Русскіе называютъ его русскимъ дѣломъ; за русскими и съ русскими—это названіе всегда на устахъ у представителей всѣхъ разнородностей; всѣ въ одинъ голосъ бесспорно повторяютъ, что въ настоящее время здѣсь совершается русское дѣло; стало бытъ, во первыхъ, до мятежа и во время его, не смотря на разнородности, здѣсь совершалось какое нибудь, только никакъ не русское дѣло; и, во вторыхъ, истинно русское дѣло иначе, чѣмъ совершается, совершаться и—главное, окончательно повершиться не можетъ. Всмотримся еще разъ, провѣримъ прошлое, разберемъ настоящее, и всѣ факты, взятые вмѣстѣ, подтверждаютъ наши выводы. Мятежи въ здѣшнихъ губерніяхъ повторялись періодически; по періодамъ мятежей считаются періоды бѣдствій въ здѣшнихъ губерніяхъ; современники бѣдствій тридцатыхъ годовъ еще не вымерли; вся мѣстность лучше насъ владѣетъ фактами, потому что безъ насъ переживала ихъ. И не смотря на все, только разнородности не замѣтили, что нынѣшнимъ взрослымъ поколѣніямъ разныхъ разнородностей,—тогда какъ нигдѣ въ Россіи не было и еще нѣтъ столькихъ казенныхъ, среднихъ и низшихъ, учебныхъ заве-

деній, сколько ихъ было и еще есть въ здѣшнихъ губерніяхъ? что этимъ взрослымъ поколѣніямъ отзывать незнаніемъ русскаго языка значить почти тоже, что наивно сознаваться въ равнодушій къ государственному языку, безъ котораго невозможно знаніе государственнаго дѣла.

И такъ, если прежде не знали здѣсь государственнаго дѣла, то опять тотъ же выводъ: значить, знали какое нибудь другое и никакъ не государственное дѣло. При такой ясности и неотразительности выводовъ остается ли возможность незнанія государственнаго дѣла и незнанія русскаго языка въ настоящемъ? Зачѣмъ же теперь тянуть въ стороны, зачѣмъ теперь слѣдовать прежнимъ привычкамъ и доврчиво поддаваться привычному вліянію *интеллигенции*? Она оказалась несостоятельною, она обусловила одни бѣдствія, она бессильна на благо, она всегда была и несомнѣнно умретъ такою. Въ этомъ убѣждаетъ ея настоящее, то же свидѣтельствуетъ ея прошлое. Съ нашей точки зрѣнія, она была бессильною и въ прошломъ. Если бы представители всѣхъ разнородностей, наравнѣ съ подданными господствующаго племени, принадлежали государству семейнымъ и общественнымъ воспитаніемъ, воспитаніемъ въ смыслѣ государственномъ, т. е. обладали бы знаніемъ государственнаго языка, государственныхъ законовъ, государственныхъ нуждъ, требованій и интересовъ, то мятежъ, не могъ бы подготовиться. Это ясно, и для будущаго, въ смыслѣ законоположенія, рѣшено и предписано. И такъ, можетъ-ли быть мѣсто прежней практикѣ прежнихъ привычекъ? И наконецъ, если эти привычки какъ нибудь отзываются не характеромъ и отпечаткомъ, но только современностью чему либо негосударственному, то мы склонны утверждать, что происхожденіемъ своимъ онѣ обязаны тому же негосударственному, т. е. мятежному, т. е. польскому началу. Довода успѣхи этого начала въ прошломъ до привычекъ въ немятежныхъ разнородностяхъ, мы убѣждены, что стоимъ на почвѣ фактовъ. Такіе громадныя и громкіе, но не славные успѣхи польскаго начала объясняются цѣлой системой польскаго воспитанія, которая въ прежнее время проникла и охватила собою всё учебно-воспитательныя казенныя заведенія. Она одолѣла ихъ полскимъ составомъ учебнаго сословія. Вотъ почему, не смотря на множество училищъ, переполненныхъ учащимися, прошлая мятежная катастрофа нашла себѣ поборниковъ на ученическихъ скамьяхъ казенныхъ училищъ. Подавленный мятежъ увлекъ въ погибель за собою все, чѣмъ внутренно разлагали здѣшнюю мѣстность школа и жизнь. Отъ обломковъ мятежа на мятежной почвѣ мѣстами уцѣлѣли злыя сѣмена и злые сѣятели; стало быть, еще могутъ выйти злыя плевелы. И такъ, всей почвѣ нужно переродиться и обновиться въ духѣ новой системы управленія краемъ. Пускай же всѣ разнородности откажутся отъ преджнихъ привычекъ и помогутъ общей государственной работѣ. Почва должна быть иначе воздѣлана, а сѣмена внимательно разобраны. Пускай же всѣ разнородности откажутся отъ прежнихъ

тяготѣній и сольются въ одномъ тяготѣннн къ работѣ въ смыслѣ русско-государственномъ. Государь Императоръ требуетъ отъ нихъ этого, отечество ожидаетъ, а современники и исторія будутъ судить за то, какъ и какъ скоро отнесутся они къ этой работѣ. Она есть смѣлое и законное требованіе исторической минуты. Она должна совершиться; напоминаемъ объ этомъ, только во благо самихъ разнообразностямъ. Мы сказали достаточно о законности этой работы, о незаконности старыхъ привычекъ и ненормальности разнородныхъ тяготѣній. Намъ остается сказать, до какой почвы и до какой работы мы договорились.

Правительство по прежнему предоставляетъ мѣстной разнородной почвѣ для новой безмятежной работы цѣлый составъ учебно-воспитательныхъ заведеній. Составъ ихъ видоизмѣнился, направленіе переродилось, уже слишкомъ три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ началось это перерожденіе. Наравнѣ съ другими отраслями администраціи и по училищамъ въ здѣшнихъ губерніяхъ начато исключительно одно русское дѣло. Жизнь должна измѣнить привычки возрастныхъ поколѣній; школа должна воспитать лучшія привычки въ поколѣніяхъ подростящихъ. Последовательный рядъ правительственныхъ мѣропріятій въ здѣшнихъ губерніяхъ и наконецъ Высочайшій рескриптъ 13-го прошлаго мая для цѣлой Россіи должны окончательно убѣдить всѣ разнородности, что съ нынѣшняго срока во всей Россіи будетъ совершаться исключительно одно русское дѣло. Относительно нашихъ училищъ Высочайшій рескриптъ 13-го мая имѣетъ особенно важное значеніе: коснувшись вопроса о народномъ образованіи вообще, онъ тѣмъ самымъ какъ бы дважды санкціонировалъ направленіе, введенное у насъ Высочайшими же повеленіями трехъ послѣднихъ лѣтъ. Удержать это направленіе во всей его чистотѣ, а учебныя заведенія на высотѣ служенія высокимъ цѣлямъ законнаго направленія есть дѣло спеціальнаго учебнаго вѣдомства. Но пока возрастныя поколѣнія будутъ отдѣляться отъ дурныхъ привычекъ, а подростящія будутъ воспитываться въ лучшихъ привычкахъ, необходимо очистить мѣстность отъ прежнихъ представителей учебно воспитательнаго дѣла, оберегать ее отъ вторженія всякихъ непрошенныхъ тяготѣній и дать законный просторъ единственному государственному тяготѣнію и его представителямъ. Въ этомъ состоитъ четвертая задача мѣстной администраціи.

Постараемся не обойти ни одной изъ важнѣйшихъ особенностей Ковенской губерніи. Въ прежнее время одна изъ нихъ, по малочисленности своихъ представителей оставалась почти внѣ законнаго обезпеченія и потому имѣла наименьшее значеніе. Выше приведенныя цифры показываютъ, что современный переворотъ застаётъ представителей господствующей въ государствѣ народности и господствующаго вѣроисповѣданія почти исчезающими въ массѣ представителей терпимыхъ вѣроисповѣданій и подчиненныхъ племенъ. Рѣчь идетъ вообще о русскихъ и православныхъ безъ различія со-

словій и состояній. Указанное въ прошломъ явленіе подавленности ихъ находить для себя нетрудное объясненіе.

Прежде всего напомнимъ, что такое состояніе было не первичнымъ. Изстари господствовало въ Ковенской губерніи русское православіе; господство его было продолжительнымъ. Припомнимъ, что въ Ковенской губерніи намель пріють для себя знаменитый изгнанникъ кн. Курбскій. О враждѣ и угнетеніи русскихъ и православныхъ не было и помину. Древнія связи литовскихъ князей съ русскими всего мѣнѣе предопрѣдѣляли вражду. Слѣдовательно, племенное большинство въ Ковенской губерніи само по себѣ не могло вынести изъ своей старины никакихъ ни преданій о враждѣ, ни причинъ для нея. Причины вражды даны не жизненными, но насильственно навязанными условіями и требованіями польскаго латинства. Неудержимо пропагандируя себя, оно увеличило составъ своихъ служителей выше мѣры требованія. На народныя требованія только ссылались, а въ дѣйствительности для своихъ политическихъ видовъ увеличивали ихъ составъ агитаторы польско-латинской политиво-религіозной доктрины. Впрочемъ, мы не имѣемъ въ виду заходить въ глубь исторической старины и доказывать наши положенія историческими фактами по документамъ. Трудъ этотъ нигде размѣровъ газетной статьи и не довольно сподрученъ: польское начало разрушало монументы, истребляло памятники и искажало исторію. Мы заинтересованы тѣмъ положеніемъ, въ которомъ нѣмѣшній переворотъ засталъ русскихъ и православныхъ въ Ковенской губерніи. Пояснимъ, какъ могло оно до такой степени понизиться во времена, близкія къ двумъ прошедшимъ мятежамъ.

Чрезмѣрный избытокъ р.-католическаго духовенства въ Ковенской губерніи, почти отъ нечего дѣлать, вопреки прямому закону, ловко пользовался отдаленностію православныхъ храмовъ и православнаго духовенства.. Объединяя свои цѣли съ цѣлями революціоннаго направленія, р.-католическое духовенство стремилось извести русскихъ и православныхъ. Оно исподоволь приучало ихъ къ совершенію требъ по римско-католическому обряду надъ большими и умирающими; потомъ стало назойливо *бтужмовать*, исповѣдывать и причащать взрослыхъ, насильственно крестить дѣтей смѣшанныхъ браковъ, противиться этимъ бракамъ и запрещать ихъ подъ страхомъ казни въ будущей жизни. Такимъ образомъ частичками и одиночками оно присоединяло православныхъ къ латинству, а устойчивыхъ тѣснило, разселяло и разсѣвало при помощи панщизны. Кто не жилъ въ здѣшнемъ краѣ, тотъ съ трудомъ повѣритъ, чтобы духовенство одного изъ христіанскихъ исповѣданій было способно такъ фамиліарно, или, по старинному выраженію, такъ «воровски» обходиться съ закономъ страны, въ подданствѣ которой находится. Но пусть вспомнятъ скептики, чему учило здѣшнее р.-католическое духовенство. Пусть вспомнятъ польскую теорію мессіанизма, или революціоннаго посланничества Польши. Пусть вспомнятъ, что посланничество это не въ шутку величалось божественнымъ и вичли-

во ухватилось за утопическую цѣль — охватить всё государства революціонными стремленіями. Пусть вспомнать, что эта нечистая задача обзывалась спасеніемъ цѣлаго міра, для цѣлей какой-то особенной по-польски понимаемой свободы. Фикціи дошли до того, что въ смыслѣ ихъ сама Пресвятая Дѣва чтится подъ именемъ Св. Матери одной только Польши и королевой польской. Кому не легко привести себѣ на память эти факты, тотъ, можетъ быть, не забылъ еще, что р.-католическое духовенство въ Россіи сложило польскую *революціонную обѣдню* *) и что изъ служителей этой обѣдни вышли предводители здѣшнихъ шаекъ и жандармы-вѣшатели. Теперь распространеніе былого зла пресѣчено, но зло не уничтожено: злое начало, злое воспитаніе, злые нравы, злыя привычки и наконецъ просто злоба за отнятія возможности беззаконничать, продолжаютъ существовать тайкомъ и втихомолку практикуются, и если не доходятъ до достиженія злыхъ цѣлей, то настойчиво и неутомимо сѣютъ рознь и тѣмъ парализуютъ всякое доброе начинаніе и влияніе. Таковы свойства описываемой нами минуты, ибо таковы свойства всякаго переворота. А между тѣмъ переворотъ имѣетъ цѣлю уподобить сѣверо-западные губерніи внутреннимъ русскимъ, т. е. сдѣлать первыя такими же вѣрнопопдаанными и вѣрнопреданными, какъ всё остальныя. Нуженъ же въ средѣ, нами очерченной, близкій и наглядный типъ этой вѣрнопреданности; нужны русскіе православные всѣхъ сословій и состояній, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Въ настоящемъ небольшомъ ихъ числѣ — типъ недовольно выразителенъ, и безпрепятственное его развитіе невозможно. Переворотъ засталъ русскихъ въ Ковенской губерніи въ ничтожномъ меньшинствѣ и потому, въ наиболѣе униженномъ положеніи. Объ этомъ положеніи и вспомнить тяжело. По закону полноправные представители господственнаго языка и вѣроисповѣданія, только изъ-за права терпимости ихъ въ средѣ разныхъ разнородностей, выносили матеріальныя лишенія всякаго рода и ту степень государственнаго униженія, что приходилось имъ отказываться отъ роднаго языка и даже скрывать преданность родной вѣрѣ обязательнымъ участіемъ въ р.-католическихъ религиозныхъ процессіяхъ. Преданность языку и вѣрѣ отцовъ, законамъ Государя и отечества, словомъ, преданность русскимъ началамъ должна была прятаться предъ незаконнымъ торжествомъ началъ польскихъ. Открытая преданность всему родному — страшно вымолвить! — не избавляла ни русскаго архіерея, ни русскаго воина отъ публичныхъ оскорбленій. Пускай вспомнать объ этомъ польское дворянство и р.-католическое духовенство. Никакими ширмами не замаскируются и не уйдутъ отъ потомства эти факты безстыдства предковъ. Оно такъ велико въ XIX вѣкѣ, такъ безпримѣрно, что не даетъ права надѣяться на возможность исправленія и примиренія съ русской законностью. И послѣ того рѣшаются увѣрять насъ въ воз-

*) См. „Вѣстникъ зап. Россіи за 1865—66 годъ кн. 8 отд. I.“

возможности примирения со стороны, олицетворяющей собою польское начало! Мы уже выше замѣтили, что оно отождествилось съ латинствомъ; а латинство— это та іерархическая власть, которая протестуетъ противъ всякой государственной власти. Стало быть, пока латинское духовенство будетъ въ нашихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ держаться началъ ультра-клерикальныхъ, а польское начало будетъ отождествено съ латинствомъ, русскія и польскія начала будутъ началами противоположными; имъ будетъ невѣроятно въ русскихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ; одно другому должно уступить; уступка должна быть въ пользу русскихъ началъ; таково требованіе исторіи. И такъ, пока не совершится эта уступка, русскія начала не могутъ успокоиться на своей почвѣ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Въ прошломъ русскія начала пытались быть уступчивыми въ пользу польскихъ; уступки приводили только къ мятежу, бѣдствіямъ и разореніямъ. Въ настоящее время эта правда такъ доказана, что прошедшее становится грѣхомъ отцовъ и дѣдовъ передъ дѣтьми и внуками. Допускать грѣхъ снова значило бы леткомысленно и малодушно поступаться государственною въ пользу не государственности, органическою цѣлостностію единой власти въ пользу собирательнаго *англомерата* признающихъ ее частей. Въ наше время это было бы фикціей похуже польскихъ фикцій. Мы изобличены въ этомъ за прошлое; насъ изобличили бы въ этомъ современныя событія у нашихъ сосѣдей. Тридцативосьмимилліонной Австріи тяжело столкновение съ восемнадцатимилліонной Пруссіей. Не отъ того ли, что у Австріи есть большія мѣста, которыя нужно прятать, есть скрытыя цѣли, которыя должны быть скрытыми? У насъ нѣтъ причины скрывать наши большія мѣста. Скрываться-ли громадной одноплеменной государственной массѣ предъ ничтожнымъ противугосударственнымъ меньшинствомъ? Мы выразумѣли наше положеніе. Зачѣмъ же хотять затануть насъ въ обманъ? Зачѣмъ насъ затягиваютъ въ него толками, даже криками о преданности русскому языку и русскимъ началамъ, съ которыми крикунамъ быть и жить не совмѣстно? Зачѣмъ они, толкуя вслухъ о преданности, тайкомъ и интригой отбиваютъ отъ исполненія законныхъ требованій власти, обходятъ ихъ, парализуютъ и сядутся доказывать, что они недолговѣчны? Зачѣмъ такъ заносчиво и кичливо смѣяться надъ тѣми, которые еще не вдали и, конечно, не вдадутся въ обманъ? Каковы бы ни были толки, мы убѣждены въ томъ, что во искупленіе грѣха отцовъ, въ вознагражденіе за пережитыя бѣдствія и, что всего важнѣе,— для цѣлей нынѣшней реформы законно теперь же поднять и усилить русскими православный элементъ новыми переселенцами въ Ковенскую губернію. Законность этой необходимости выступаетъ тѣмъ очевиднѣе, что въ Ковенской губерніи всякій русскій всякаго состоянія можетъ служить службу государству, ибо говорить по-русски, стало быть, знакомить Литву и Жмудь съ государственнымъ языкомъ. Начало этому важному дѣлу усиленія русскихъ положено. Число право-

славныхъ вмѣстѣ съ вновь прибывшими чиновниками и вновь поселенными крестьянами поднялось до 21 т. человекъ обоого пола, кромѣ войскъ. Но въ числѣ вновь прибывшихъ на службу большинство составляютъ безсемейные, стало быть легкіе на подъемъ и всегда готовые оставить новое мѣсто, трудную службу, трудовую и непокойную жизнь. Даже семейные недовольно прочны въ Ковенской губерніи; не всякій согласится жить въ захолустѣ и, вдали отъ немногихъ храмовъ, оставить дѣтей безъ церковно-православнаго воспитанія. Начало и въ этомъ отношеніи положено: вновь строящіеся храмы и походныя полковыя церкви почти удвоили прежнее число православныхъ храмовъ. Но всего 29 храмовъ вмѣстѣ съ кладбищенскими недостаточно на 35,762 квадрат. версты. Успѣхъ дѣла зависитъ не отъ одного числа храмовъ, но и отъ обстановки ихъ. Священникъ безъ діакона, съ двумя причетниками, однообразное двухголосное пѣніе, почти постоянно одно и то же бѣдное облаченіе, малочисленность прихожанъ и малолюдство молящихся, всего этого мало для подобающей обстановки. Для такихъ важныхъ дѣлъ мало правительственной инициативы, нужно участіе общественное, нужна дѣятельность православнаго Ковенскаго братства, которое какъ будто замерло, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не даетъ знать о себѣ. Нужно еще, повторяемъ, разрѣдить р.-католическое населеніе Ковенской губерніи русскимъ и православнымъ, крупнымъ и мелкимъ земствомъ. Это нужно, по крайности, во столько, во сколько дадутъ для того мѣста имѣнія польскихъ помѣщиковъ, которые непосредственнымъ участіемъ въ мятежѣ, или открытымъ содѣйствіемъ ему, сами себя лишили права на какое бы то ни было имѣніе въ Ковенской губерніи. И это важное дѣло начало съ 1863 года, 10-го декабря 1865 года узаконено, и теперь находится въ процессѣ практическаго разрѣшенія. Но до тѣхъ поръ, пока оно совершится, необходимо укрѣпить и развить прежнія начинанія, то есть изъ прежнихъ и прибывшихъ и малознакомыхъ между собою русскихъ составить одно цѣлое, а служащихъ чиновниковъ собрать въ одно общество, воспитать его, создать изъ него общественную силу и направить ее на непрерывное служеніе русскому дѣлу. Въ этомъ состоитъ пятая задача мѣстной администраціи.

И такъ рамки административной дѣятельности въ Ковенской губерніи обязательно шире тѣхъ, какими можетъ довольствоваться администрація во внутреннихъ губерніяхъ. Тамъ жизненное дѣло постоянно въ процессѣ естественнаго поступательнаго движенія. Тамъ весь составъ служебныхъ лицъ, развѣ по несчастному исключенію, не можетъ сливаться съ составомъ населенія. Тамъ задачи администраціи осложняются только тѣмъ, что въ настоящее время предстоитъ многое измѣнить по требованіямъ послѣднихъ государственныхъ преобразованій. Тамъ дѣло администраціи есть перестроеніе. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, и особенно въ Ковенской, должно совершиться пересозданіе. Стало быть, администраціи нельзя довольствоваться одними, такъ сказать, чиновниче-

кими средствами и приемами, одной служебной исполнительностью. Нужна служба высшего рода. Служба здѣсь имѣеть цѣль гражданскую оккупацию, или новую цивилизацию края. Для той цѣли нужно общество. Пока нѣтъ даже всѣхъ элементовъ для составленія общества, — пока, занятые службою, русскіе чиновники должны, во чтобы то ни стало, замѣнить собою общество, разумѣется, русское, — средствъ для рѣшенія исторической и правительственной задачи у насъ не много. Тѣмъ не менѣе не мы первые, не мы и послѣдніе должны сознать себя въ этомъ положеніи. Пусть единица для измѣренія нашихъ заслугъ велика, но тѣмъ не менѣе она совершенно законна. Формальная исполнительность, какъ и всюду, не можетъ имѣть никакого значенія; но и обыкновенной служебной мало. Правда, со стороны правительства она можетъ служить ручательствомъ за обезпеченность чиновниковъ въ матеріальномъ отношеніи. Но по самой силѣ обстоятельствъ, въ какихъ находятся сѣверо-западныя губерніи, такая обезпеченность недолговѣчна: въ XVI вѣкѣ и тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія въ сѣверо-западныхъ нашихъ губерніяхъ господствовалъ русскій языкъ; но прошлый мятежъ если и засталъ ихъ здѣсь, то въ такомъ положеніи, какового не пожелаетъ себѣ ни одинъ изъ служащихъ въ краѣ. Положеніе русскаго въ русскіхъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ должно измѣниться къ лучшему и неминуемо упрочиться. Вспомнимъ рескриптъ 13 прошлаго мая: по Высочайшей волѣ оно должно сдѣлаться одинаковымъ во всѣхъ російскихъ губерніяхъ. Стало быть, все то, что въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ есть истинно русскаго, должно быть не мертвымъ, но живымъ, и при томъ не орудіемъ, а органомъ правительственной мысли и воли. Безъ этого условія всякое распоряженіе, откуда бы ни исходило, останется внѣшнимъ и формальнымъ; а если не перейдетъ оно въ жизнь и не пересоздастъ ея, то не искоренитъ и тѣхъ стремленій, которыя сѣяли и сѣютъ рознь и вражду. За рѣшительность искорененія всякихъ плевелъ мятежа и за прочное ввѣдреніе здѣсь русскіхъ ручаются всѣ новыя мѣры правительства. «На то воля Государя, на то желаніе цѣлой Россіи, на то право государственное, на то и право историческое», — такъ выразился г. главный начальникъ края, обращаясь къ росіенскому дворянству. Какъ и какъ скоро историческое и юридическое сдѣлается фактическимъ, т. е. какъ и какъ скоро здѣшній край сдѣлается вполне русскимъ, за то отвѣчаютъ предъ Государемъ, отечествомъ и исторіею *всѣ, теперь служащіе* въ здѣшнихъ губерніяхъ. И такъ не наружный и формальный, но дѣйствительный успѣхъ русскаго дѣла есть законная единица для измѣренія заслугъ каждаго. Въ русскомъ дѣлѣ легко можетъ и непремѣнно долженъ всецѣло участвовать всякій русскій. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть ни поприща, сколько высокаго или низкаго, ни способностей столько счастливыхъ или недостаточныхъ, чтобы всякій русскій, — будетъ ли то военный, или гражданскій началь-

никъ большой отдѣльной части, или только скромный учитель простой народной школы, — чтобы всякій русскій не могъ вносить въ свое дѣло всѣхъ лучшихъ свойствъ русскихъ началъ. Таково мѣрило служебной исполнительности каждаго русскаго: такова и почва, на которой должны сойтись всѣ русскіе, чтобы создать изъ себя общество. Чиновнику какого бы то ни было вѣдомства не трудно быть такимъ членомъ общества, какового требуетъ дѣло. Ему нужно не дѣлиться на себя по разнороднымъ направленіямъ, но поднять себя до мужества *быть тѣмъ*, чѣмъ создала его русская природа, русская исторія и русская жизнь. Русское происхожденіе, русскія семейныя преданія, русское воспитаніе, русскіе нравы и обычаи, умственные и нравственные интересы, цѣли и стремленія, достаточно ручаются за то, что русскій никогда и нигдѣ не перестаетъ быть русскимъ. Но по силѣ мѣстныхъ условій, нужно позаботиться о томъ; чтобы все русское здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо носило на себѣ печать высокой качественности. Сумма честности, безукоризненной правдивости, добрыхъ нравовъ, трудолюбія самодѣятельности, и энергіи — такова печать и степень этой качественности. Отъ нея, или что тоже, отъ личныхъ качествъ каждаго изъ служащихъ болѣе, чѣмъ отъ формъ и достоинствъ учреждений и предписаній, зависитъ главнымъ образомъ успѣхъ нашего русскаго дѣла. Мы можемъ считать его тѣмъ болѣе достижимымъ, что сейчасъ приведенныя условія только съ виду могутъ казаться преувеличенными. Мы не имѣемъ въ виду преувеличенія. Высокая степень достигнутаго умственнаго и нравственнаго развитія есть подвигъ государственный. Для такихъ подвиговъ нужны исключительныя способности, счастливыя условія для ихъ развитія и не совсѣмъ обыкновенное поприще. Мы имѣемъ въ виду не исключенія. Мы настаиваемъ только на томъ, что необходимо и обязательно для всякой нравственной личности и на всякомъ поприщѣ. По силѣ мѣстныхъ обстоятельствъ, мы желали бы встрѣчать на всѣхъ мѣстныхъ поприщахъ только одни нравственныя личности. Желаніе велико, но здѣсь подается исполненію. Доказательствомъ тому служить общественное признаніе. Для насъ оно сказывается въ томъ выраженіи, которое само собою сложилось въ нашихъ губерніяхъ. У насъ часто слышится выраженіе *русскій дѣятель*. Издали оно можетъ казаться заносчивымъ и преувеличеннымъ, но въ мѣстномъ пониманіи означаетъ только такого русскаго человѣка, который, сверхъ служебныхъ обязанностей, еще что нибудь предпринимаетъ и добросовѣстно исполняетъ въ интересъ русскаго дѣла. Постоянно поддерживать и поднимать этихъ немногихъ и готовыхъ въ тоже время готовить новыхъ русскихъ дѣятелей, чтобы чрезъ нихъ изъ всѣхъ служащихъ создать сферу, внутри которой не только возни враждебной интриги, но и ничто нерусское не могло быть мыслимо, — такова та задача, которая безотлагательно и безповоротно предписывается предшествовавшими обстоятельствами и, которая какъ послѣднее слово

русскаго дѣла,—должна составлять предметъ постоянной административной заботы.

Отъ этихъ общихъ очертаній Ковенской губерніи перейдемъ къ главному предмету нашей статьи—къ поѣздѣ г. главнаго начальника края. Переходомъ послужить объясненіе, почему мы сочли себя въ правѣ предпослать ея описанію такое длинное вступленіе. Послѣдовать за его высокопревосходительствомъ на пространствѣ шести уѣздовъ, шагъ за шагомъ, въ теченіе семнадцати дней, значило бы составить цѣлый томъ, и въ немъ, кромѣ существенно-важнаго, пересказать параллели такихъ дѣйствій, распоряженій, приказаній и наставленій, которыя могли имѣть мѣсто въ каждомъ уѣздѣ и даже при осмотрѣ каждой губерніи. Но одно то, въ чемъ выразилось существенно важное значеніе поѣздки г. главнаго начальника края, превосходить размѣры обыкновенной газетной статьи. Чтобы по неволѣ довольствоваться ею, мы сочли себя уполномоченными предпочесть наше длинное отступленіе еще длиннѣйшему описанію тѣхъ, иногда мелкихъ, но въ связи съ другими немалозначительныхъ подробностей, которыми сопровождалась поѣздка. Скажемъ болѣе. Сама поѣздка обязала насъ предпослать ей длинное введеніе.

Обѣзжая губернію, начальникъ края лично ознакомился съ нею, именно и преимущественно по главнѣйшимъ ея особенностямъ, и съ точки зрѣнія этихъ особенностей указывалъ, какъ упорядочить и узаконить ихъ въ томъ направленіи, которое Высочайше указано и отъ котораго «отступить я не въ правѣ и по убѣжденію не способенъ», какъ однажды выразился Константинъ Петровичъ. Мы заключаемъ о такомъ, а не иномъ значеніи поѣздки по тѣмъ сторонамъ жизненной и административной дѣятельности, на которыя въ каждомъ уѣздѣ начальникъ края обращалъ особенное вниманіе. Постараемся сгруппировать факты поѣздки по приведеннымъ нами особенностямъ губерніи, чтобы самъ читатель могъ провѣрять по нимъ наше заключеніе.

По всему вѣроятію, г. главный начальникъ края имѣетъ достаточно основаній подозрѣвать ксендзовъ, а иныхъ прямо обвинять во враждебныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ правительственнымъ мѣропріятіямъ. При каждой встрѣчѣ съ ксендзами, на общихъ-ли представленіяхъ, или по одиночкѣ въ училищахъ, онъ обращался къ нимъ съ словами укора.

Есть много вѣроятіи предполагать, что большинство ксендзовъ на Жмуди еще не успѣло, или не хочетъ отдѣлаться отъ прежнихъ привычекъ и не перестаетъ тайкомъ служить прежнему направленію. И дѣйствительно, возьмемъ для примѣра современнаго выходки ксендзовъ въ Шавельскомъ уѣздѣ. Мы узнали объ нихъ потому, что сказано самимъ г. начальникомъ края на общемъ представленіи въ г. Шавляхъ. Обращаясь къ ксендзамъ уѣзда, онъ сказалъ: «У всѣхъ ксендзовъ приемы не хорошіе. Я сужу объ нихъ по тѣмъ фактамъ, которыми эти приемы сказываются въ народѣ:

гдѣ всендѣзъ не хорошъ, не исполняетъ своего долга, тамъ это сейчасъ обозначается на прихожанахъ,— всендѣзамъ прежде и больше всѣхъ слѣдовало бы подумать о своемъ собственномъ поведеніи. Я наконецъ вынужденъ высказывать это прямо и откровенно. Ксендзы не могутъ не знать, что мятежное направленіе въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ не должно быть мыслимо. Духовенство не можетъ не знать, въ чемъ состоятъ его прямыя духовныя обязанности. По смыслу ихъ, болѣе другихъ вѣроподданныхъ, ксендзы обязаны служить видамъ правительства. Ничего подобнаго я не вижу, особенно въ римско-католическомъ духовенствѣ Ковенской губерніи. Вы, господа деканы, виновнѣе другихъ ксендзовъ: вы должны отвѣчать за себя и за нихъ; они подчинены вамъ. Но вы сами не безупречны. Такъ, на примѣръ, вы, деканъ Борткевичъ, вы забыли свои вины предъ правительствомъ, но я ихъ помню. Вы были замѣшаны въ дѣлахъ по мятежу, были подъ арестомъ, были по многимъ соображеніямъ помилованы и оставлены на прежнемъ мѣстѣ. И не смотря на то, у васъ и вашихъ приходскихъ ксендзовъ замѣтны такія проявленія, которыхъ я допустить не могу. За это я сменяю васъ. Поведеніе вашихъ ксендзовъ просто негодно; они у васъ дѣлаютъ Богъ знаетъ что. Въ одномъ изъ приходоу вашего деканата ксендзъ позволилъ себѣ съ каедріи передъ народомъ сравнивать христіанскія вѣроисповѣданія, хулить православіе и издѣваться надъ нимъ. Развѣ это долгъ ксендзовъ? Развѣ въ этомъ состоятъ ихъ христіанскія обязанности? Развѣ это вы, какъ начальникъ, должны внушать подчиненнымъ? а вы и не знали объ этомъ? И за это вы, г. деканъ, будете отвѣчать. Я васъ смѣняю.— Вы заслужили это.— Во время мятежа вы помните, вы позволили себѣ читать возмутительный манифестъ. Я простилъ васъ. Я принялъ во вниманіе ваше объясненіе, что вы человѣкъ безхарактерный, котораго можно заставить читать, что угодно. Но честнаго человѣка нельзя заставить дѣлать то, что противно его долгу. Напрасно же ссылались вы на свое малодушіе. Вамъ не повѣрили, но васъ простили, какъ человѣка мелкаго. Вы понадѣялись на это и продолжали дѣйствовать въ прежнемъ направленіи. Мнѣ нѣтъ надобности терпѣть васъ долѣе. „*Обращаясь къ начальнику губерніи.*“ Прошу Васъ, графъ, написать епископу, чтобы немедленно назначилъ Борткевича викарнымъ въ другой деканатъ и вошелъ съ представленіемъ о томъ, кого полагаетъ назначить на его мѣсто, а если знаете достойнаго, уважите сами. „*Снова къ ксендзамъ.*“ И вы, деканъ, не подаете полезныхъ примѣровъ вашимъ ксендзамъ, вы не знаете вашихъ пастырскихъ обязанностей. Народъ хочетъ молиться за спасеніе жизни Государя Императора, а вы позволяете себѣ служить молебень съ разсвѣтомъ, когда нѣтъ никого въ костелѣ.» Каноникъ представилъ въ свое оправданіе то обстоятельство, что, занятый требами, не могъ позволить себѣ отсрочить богослуженія и по первой вѣсти о событіи отслужилъ молебень, но на первый праз-

никъ назначилъ торжественное богослуженіе, чтобы весь приходъ могъ принять въ немъ участіе. Тогда начальникъ края, обра-
щаясь снова къ католическому духовенству, прибавилъ: «Я надѣ-
юсь, что вы всѣ поняли, для чего говорю съ вами такимъ обра-
зомъ. Церковію шутить нельзя; ея вліяніе отзывается на народѣ.
А если ксендзы забыли объ этомъ и, увлекшись негодными стрем-
леніями, идутъ на переборъ своимъ обязанностямъ, то для блага
народа я не могу смотрѣть на это равнодушно. Что будетъ, если
народъ перестанетъ вѣрить вамъ? Отъ васъ зависитъ не доводить
его до этого. Подумайте объ этомъ внимательно, позаботьтесь хо-
рошенько. Съ моей стороны пощады не ждите. Я не могу и не
долженъ обѣщать ее. Вы слышали, что я сейчасъ сказалъ поль-
скому дворянству о тѣхъ мѣрахъ, на какія положеніе края вы-
нуждаетъ правительство. Эти мѣры касаются и васъ, и, въ слу-
чай малѣйшихъ уклоненій отъ вашихъ обязанностей, я не остано-
влюсь ни передъ чѣмъ, чтобы примѣнить ихъ къ вамъ во всей
ихъ строгости.»

Нѣчто подобное повторилось въ г. Тельшахъ. «Ваши ксен-
дзы, г. деканъ, фанатизируютъ народъ. Зачѣмъ вы допускаете ихъ
до вредной крайности? Этимъ вы вредите и ксендзамъ, и народу,
и себѣ, и отвѣтите за это предъ Богомъ, но прежде отвѣтите
предъ землею властію.»— Мы не повторяемъ всего буквально; мы
приводимъ только рельефное. Такъ въ м. Ворняхъ ксендзы встрѣ-
тили начальника края вмѣстѣ съ народомъ на самомъ вѣздѣ.
Молодому ксендзу, который былъ въ шайкѣ, но помилованъ за то,
что первый изъ всѣхъ мятежныхъ ксендзовъ явился съ повинной,
начальникъ края при всемъ народѣ замѣтилъ: «Правительство хо-
четъ блага народу, а вы противодействуете правительству; стало
быть, вы не спасаете, а губите народъ и себя.» Точно также въ
г. Россіенахъ начальникъ края сказалъ монахамъ доминиканскаго
ордена: «Больше того вреда, какой сдѣлало сдѣшнее и особенно
монастырское духовенство, оно не могло сдѣлать. Вмѣсто пропо-
вѣди слова Божія, оно по системѣ проповѣдывало политическій
развратъ; вмѣсто того, чтобы просвѣщать народъ, оно воспитыва-
ло его во злѣ; оно учило не тому, чему Христосъ училъ. Есть
нѣсколько ксендзовъ, которые ведутъ себя не дурно и исполняютъ
свои обязанности сносно. Я бываю радъ, когда укажутъ мнѣ на
нихъ; я искренно радъ похвалить ихъ. Не скрою отъ васъ, что
такія исключенія въ послѣднее время попадаютъ чаще. Это по-
даетъ мнѣ надежду, что и остальное духовенство исправится. Пусть
всѣ примкнутъ къ исключеніямъ. Я буду очень радъ этому. Вамъ
лично могу сказать спасибо за то, что приняли участіе въ пожер-
тованіяхъ на постройку православнаго храма (*). Тѣмъ не ме-

(*) Монахи внесли свою ленту на украшеніе вновь строящагося въ Россіе-
нахъ каменнаго храма; старый деревянный переносится на кладбище, а времен-
ная церковь помѣщается въ наемномъ домѣ.

нѣе хвалить вообще мнѣ незачто. Р.-католическое духовенство здѣсь силилось и силится создать какую-то нехристианскя-нерепящую политическую секту. И бывшее зло, и послѣдствія его лежатъ на отвѣтственности духовенства. Въ этомъ я давно убѣдился и на каждомъ шагу встрѣчаю подтвержденіе моему убѣденію.» Нерасположеніе свое къ р.-католическому духовенству г. главный начальникъ края выразилъ всего болѣе тѣмъ, что въ Ковнѣ не хотѣлъ принять епархіальное начальство, которому духовенство Ковенской губерніи обязано религіознымъ и политическимъ воспитаніемъ.

Разъ коснувшись представленій г. начальнику края по уѣздамъ, считаемъ умѣстнымъ привести въ отрывкѣ то, что было сказано имъ польскому и литовскому колонизованному дворянству:— По видимому, оно также не хотѣло или не успѣло заслужить довѣрія начальника края; по крайней мѣрѣ, въ каждомъ обращеніи своемъ къ мѣстному дворянству онъ считалъ не лишнимъ сближать прошедшее съ настоящимъ. Въ Поневѣжѣ его высокопревосходительство сказалъ слѣдующее: «Вашъ уѣздъ, господа, началъ итти въ Ковенской губерніи. Въ вашемъ уѣздѣ онъ и удержался долге. Здѣсь же нашелъ себѣ пріютъ и Сѣраковский. Эти явленія должны бы обратить на себя особенное вниманіе здѣшняго дворянства. Но то настроеніе умовъ, о которомъ могу заключить по ходу дѣлъ въ вашемъ уѣздѣ, не доказываетъ этого. А я ждалъ и ждалъ съ большимъ терпѣніемъ. Ссылаюсь на факты, мнѣ и вамъ извѣстные, и убѣждаюсь, что дворянство, называющее себя польскимъ, не думаетъ уступать предъ направленіемъ, которое Высочайшей власти угодно было указать мнѣ, какъ обязательное для меня, для васъ и для всего края. Большинство мѣстныхъ дворянъ удерживается отъ признанія, что здѣшний край былъ и съ нынѣшняго времени навсегда будетъ русскимъ. Повсюду этимъ соображеніямъ я не могу по чистой совѣсти сказать, чтобы настала пора забыть о прошломъ. Напротивъ, надо и, быть можетъ, еще долго удерживать нынѣшнее положеніе для того, чтобы нашъ уѣздъ сдѣлался такимъ, какимъ предназначила его исторія и какимъ повелѣваетъ ему быть Государь Императоръ, т. е. уѣздомъ русскимъ. Вамъ, господа, пора убѣдиться въ достоинствѣ тѣхъ мѣръ, какія Государемъ Императоромъ предписаны мнѣ въ послѣднее время. Ни отступленій, ни колебаній и никакого вопроса о томъ, будутъ-ли эти мѣры доведены до конца, быть не можетъ. Стало быть, отъ васъ зависитъ счастье ваше и вашего уѣзда. Обращаюсь особенно къ вамъ, г. предводитель (*Гр. Кейзерлингъ*), какъ къ представителю здѣшняго дворянства. Надѣюсь, что какъ вы, такъ и другіе уроженцы прибалтійскихъ губерній помогутъ мнѣ какъ можно скорѣе выполнить Высочайшую волю. Прошу васъ повторить мои слова дворянамъ, считающимъ себя

юляками, и пригласить ихъ перейти къ новымъ для нихъ начамъ. Чѣмъ скорѣе они это сдѣлаютъ, тѣмъ лучше.»

Мы позволили себѣ остановиться на этомъ, чтобы выиграть мѣсто для другихъ обращеній г. главнаго начальника къ дворянамъ, ю крайней мѣрѣ, въ отрывкахъ.

Къ шавельскому дворянству начальникъ края обратился съ такими словами:

«Недавно здѣсь было не хорошее время; недавно тайно и свободно развивалось здѣсь, потомъ мало-по-малу обнаруживалось и наконецъ открытымъ мятежомъ вышло совсѣмъ наружу чуждое сѣверо-западному краю недоброе польское начало. Дворянство было самымъ сильнымъ его пособникомъ и поборникомъ. Послѣдствія вамъ извѣстны. Здѣшнее дворянство лишилось довѣрія правительства. Правительство убѣдилось, что нельзя быть довѣрчивымъ къ польскому дворянству, потому что довѣрие влечетъ за собою тѣ ужасы, которыми сопровождался прошлый мятежь. И такъ само здѣшнее дворянство вызвало нынѣшнее положеніе и нынѣшнія мѣры правительства. И положеніе, и мѣры, какъ единственное ручательство за настоящее спокойствіе и будущее счастье края, будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока весь край не сдѣлается русскимъ. Цѣль мѣръ, вами вызванныхъ и испытываемыхъ, вамъ извѣстна. Вы и будете ихъ испытывать, пока эта единственно законная цѣль будетъ достигнута. Отъ васъ зависитъ ускорить тотъ срокъ, когда къ здѣшнему краю, какъ къ русскому, можно будетъ примѣнить всѣ тѣ благодѣтельные реформы, какія Высочайше дарованы внутреннимъ губерніямъ. Онѣ необходимы и особенно для вашей губерніи, обладающей всѣми средствами быстрого развитія. Но для нихъ нужно пока очень многое. И это многое въ васъ и отъ васъ. Задерживая примѣненіе новыхъ реформъ, вы вредите остальному населенію края. Вы знаете, сколько мѣръ было испытано правительствомъ и въ прежнее и въ послѣднее время, и всѣ онѣ только на половину достигали законной цѣли. Послѣдній результатъ этихъ мѣръ составляетъ Высочайшее повелѣніе 10 декабря прошлаго года. Государь Императоръ выразилъ въ немъ рѣшительную свою волю, чтобы здѣшній край сдѣлался русскимъ. Я долженъ выполнить эту волю; я ее выполняю; говорю это, какъ мое твердое и искреннее убѣжденіе. Вамъ извѣстно, что начато и сдѣлано въ смыслѣ этого повелѣнія. Я направляю на него всѣ силы администраціи. Въ этомъ ея настоящее дѣло. Высочайшій рескриптъ 13 прошлаго мая меня и васъ долженъ увѣрить въ этомъ. Онъ требуетъ именно той законной правды, перевѣсъ которой естественно на сторонѣ не польскаго, но русскаго начала; а только этому началу служить здѣшняя администрація. Когда убѣдитесь въ этомъ, я перестану напоминать о прошломъ.»

Благодаримъ, благодаримъ было отвѣтомъ на эти слова, а на слѣдующій день при прощаньи г. Эрджанъ, по уполномочію всего дворянства, произнесъ слѣдующее: «Слова вашего высокопревосхо-

дательства, вызвавшія единогласное нашего дворянства *благодаримъ*, не остались безъ послѣдствія. Мы сочли святою обязанностію, моля Всевышняго за многолѣтне царствованія Государа нашего, открыть вамъ искренное сознание въ готовности вѣрноподаническихъ чувствъ нашихъ, съ просьбою разширенія Монаршей милости надъ нами и скорѣйшаго забвенія сознаваемой нами вины.»

Россіенское дворянство, въ лицѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Повстанскаго, встрѣтило г. главнаго начальника янжесгѣдующимъ заявленіемъ: «ваше высокопревосходительство, мы глубоко чувствуемъ всю нашу вину предъ Государемъ и предъ Россією и надѣемся нашимъ поведеніемъ и нелицемѣрною преданностію въ будущемъ заслужить прощенье прежнимъ нашимъ преступнымъ замысламъ. Въ ознаменованіе этого мы собрали къ приѣзду вашего высокопревосходительства капиталъ для покупки 300 десятинъ земли на обезпеченіе вольныхъ людей 2-го разряда.» Произнеся эти слова, д. с. с. Повстанскій поднесъ г. главному начальнику подписной листъ.

«И слова сейчасъ слышанныя мною, и эти подписи,» такъ отвѣчалъ Константинъ Петровичъ, «и самый фактъ добраго дѣла — надѣлать землею вольныхъ людей 2-го разряда, доказываютъ мнѣ, что здѣшнее дворянство хочетъ вступить на правый путь, указываемый правительствомъ. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, могу предвидѣть начало тѣхъ правильныхъ отношеній, какія должны существовать между сословіями. И съ другой стороны, сознание въ винѣ есть немаловажный шагъ къ будущему исправленію. Но не могу скрыть отъ васъ, что возвратить разъ утраченное довѣріе правительства не легко. Но какъ ни трудно, возстановить его надо. Я первый вмѣстѣ съ вами буду радоваться, если увижу, что здѣшнее дворянство безповоротно рѣшилось выполнить волю правительства. Когда увижу это по дѣламъ, я буду съ радостію предстательствовать у подножія престола о забвеніи прошлаго, на сколько это возможно. Въ заявленіи вашемъ я вижу только первый шагъ; но такихъ шаговъ и еще болѣе рѣшительныхъ остается еще много въ будущемъ. Буду терпеливо ожидать ихъ. Мнѣ не нужно указывать вамъ, къ какой правительственной цѣли должны быть направлены эти шаги. Она ясно выражена Государемъ Императоромъ. Его воля, вы знаете, состоитъ въ томъ, чтобы здѣшній край былъ русскимъ. Въ этомъ конечная цѣль правительства, потому что этимъ условливается будущее процвѣтаніе и благо края; въ этомъ наконецъ единственное средство для того, чтобы безпорядки не повторались періодически. Опыты прошлаго остались навсегда поучительными. И въ прежнее время — поднимался и усмирался мятежъ; все успокоивалось и принимало видъ внѣшняго порядка; а между тѣмъ за этой наружностію укрывалось польское начало, по-прежнему развивалось въ свою дурную польскую сторону и снова влекло за собою послѣдствія, хорошо извѣстныя, т. е. бѣдствіе и раззореніе. Уроки прошлаго слишкомъ осязательны, чтобы невос-

ользоваться ими. Государь Императоръ удостовѣрился, что нельзя о прежнему довольствоваться наружною покорностію и признавать в польскимъ началомъ право на развитие въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Это значило бы вѣрять въ какую-то роковую необходимость періодическихъ мятежей въ здѣшнихъ губерніяхъ. Такой езыходности допустить нельзя. И вотъ исходъ изъ нея Высочайше утвержденъ 10 декабря 1865 г. Этотъ же исходъ данъ исторически найденъ политически: край былъ и долженъ быть навсегда русскимъ. На то воля Государя, на то желаніе всей Россіи, на то право государственное, на то и право историческое. И такъ объ исходѣ изъ нынѣшняго положенія дѣль въ польскую сторону не можетъ быть и рѣчи. Хорошій исходъ возможенъ только въ русскую сторону. Эти слова есть святая истина, которой и вамъ нельзя не признать такую. Я увѣренъ, что въ этомъ смыслѣ здѣшнее дворянство понимаетъ исходъ, о которомъ говорю. Таково, полагаю, и ваше желаніе. И только въ этомъ смыслѣ могу благодарить васъ, господа, за пожертвованіе въ пользу вольныхъ людей 2-го разряда. Не помню цифры ихъ и потому не могу судить, всѣ-ли они будутъ обезпечены. Россіицкіе крестьяне доставили мнѣ истинное утѣшеніе. По чувству человѣколюбія и благодарности къ правительству, въ память спасенія священной особы Государя Императора, крестьянскія волости, за исключеніемъ одной Юрбургской, согласились надѣлать изъ своихъ земель всѣхъ батраковъ. Желательно, чтобы вольные люди 2-го разряда также всѣ имѣли землю».

На другой день цифра вольныхъ людей, всего 2 т. семействъ была извѣстна г. главному начальнику края. Прощаясь съ дворянствомъ, онъ счелъ за нужное напомнить о заявленіи. «Я понялъ,» такъ закончилъ Константинъ Петровичъ, «что дворянство желаетъ обезпечить всѣхъ вольныхъ людей 2-го разряда. Предоставляю на вашу волю, какъ это сдѣлать. Количество земель, остающихся за надѣломъ, скоро приведется въ извѣстность. Повѣрочныя работы у васъ почти кончены, и я перевожу даже одну комиссію, чтобы ускорить работы въ другомъ уѣздѣ. Пора закончить со всѣми повѣрочными работами, чтобы скорѣе увидѣть здѣсь водвореніе русскаго помѣщичьяго начала. Съ этой стороны я очень благодаренъ г. Тарашкевичу за первую попытку въ этомъ родѣ. Я очень радъ поблагодарить васъ, г. Тарашкевичъ, за то, что вы продали свое имѣніе русскому помѣщику и, стало быть, самымъ дѣломъ доказали ваше поминаніе правительственныхъ распоряженій и вашу преданность русскимъ интересамъ. Я не могу скрывать отъ васъ, господа, — намъ съ вами не приходится обманывать другъ друга, — польское начало здѣсь неумѣстно; оно должно уступить свое мѣсто началу русскому. Въ этомъ нѣтъ преслѣдованія отдѣльныхъ личностей, но есть полное, всестороннее и всецѣлое преслѣдованіе польскаго начала. Это преслѣдованіе должно быть доведено до

конца, до послѣдней его капли. Надѣюсь, что мы будемъ достигать этого общими силами».

Если приведенные нами отрывки берутъ одну и ту же тему съ разныхъ сторонъ, то послѣднее обращеніе къ дворянству Ковенскаго уѣзда было послѣднимъ и прямымъ выводомъ изъ всего сказаннаго въ другихъ городахъ. «Все подвинулось въ губерніи, но для увѣренности, что подвинется и самое русское дѣло нужно, чтобы дворянство перестало быть большимъ мѣстомъ губерніи»....

Иныя рѣчи слышались въ обращеніи къ тому сословію, которое, не смотря на тяжелый гнетъ, не уступило предъ колонизаціей, и въ массахъ, за рѣдкими исключениями, во время мятежа осталось вѣрно правительству. Въ отношеніи къ нему, мятежъ, можно сказать, ускорилъ совершеніе переворота, подготовленнаго исторіей, и если крестьяне на Жмуди несовершенно сознали его благодѣянія, то до нѣкоторой степени поняли и оцѣнили его значеніе. По крайней мѣрѣ, не иное что выразилось для насъ въ томъ не сразу понятномъ явленіи, что жмудскія крестьянки, недовѣрчивыя къ схизматикамъ, толпами собирались на пути начальника края, а въ мѣстечкахъ, гдѣ онъ останавливался, приводили къ нему дѣтей въ венкахъ изъ васильковъ, усыпали дорогу его цвѣтами, заставляли дѣтей и сами бросались на перерывъ, цѣловать его руки и ноги. Не говоря и даже мало понимая порусски, онѣ усиливались дать понять, что разумѣють русскій языкъ, скоро будутъ говорить на немъ и отъ слова понимаютъ русскаго начальника края. Хлѣбъ-соль, цвѣты, праздничныя лица, крики *ура* и живая пестрота движущейся толпы — все это такого рода представленія начальству, которыя будутъ имѣть для народа воспитательное значеніе. На все, на что смотрѣлъ начальникъ края, народъ не забудетъ смотрѣть внимательнѣе. Заходилъ-ли начальникъ края въ училище, толпы окружали училище; обращался-ли къ толпамъ съ приглашеніемъ послать въ нихъ дѣвочекъ, толпы увѣряли, что посылаютъ будутъ, осматривалъ-ли волостное правленіе, разбираетъ и выслушивалъ тамъ старыя рѣшенія волостныхъ судовъ, крестьяне окружали правленіе и, конечно, изъ живаго факта выносили новое пониманіе того, что есть волостное правленіе, что значать старшина, старосты и судьи, что значить говорящій съ начальникомъ края грамотный писарь, и что не худо каждой семьѣ имѣть у себя такого домашняго грамотѣя. Мы хотимъ сказать, что во время поѣздки народъ не могъ не учиться, потому что слышалъ только правду и при томъ отъ представителя той власти, отъ которой ничего, кромѣ правды и блага, не произошло для него. Крестьянъ собственниковъ, получившихъ надѣлы, начальникъ края поздравлялъ съ Царской милостію; неполучившимъ надѣловъ общалъ ускорить работы повѣрочныхъ комиссій; казенныхъ поздравлялъ съ переходомъ въ вѣдомство мировыхъ учреждений, и всѣмъ одинаково наказывалъ чтить послѣ Бога Царя, молиться за него, отблагодарить Его строгимъ исполненіемъ законовъ, повинностей

начальству, обученіемъ дѣтей русскому языку, сбереженіемъ своей и уваженіемъ чужой собственности. Всему крестьянскому населенію губерніи Константинъ Петровичъ напомнилъ, что вилкомирскіе крестьяне постановили отводить огородные участки отставнымъ солдатамъ, а крестьяне россиенскаго уѣзда, въ память спасенія Царя - Освободителя, надѣлили обезземеленныхъ батраковъ. Въ то же время начальникъ края указывалъ народу на мировыхъ посредниковъ, какъ на естественныхъ его защитниковъ, судей и учителей: «Зачѣмъ вы меня просите», не разъ говорилъ онъ крестьянамъ, «у васъ есть посредники; они не откажутъ въ вашихъ просьбахъ, если просьбы законны; не разрѣшить посредникъ, онъ не передаетъ дѣло въ мировой сѣздъ; не покончить сѣздъ, покончить губернское присутствіе; а если эти начальства откажутъ, откажу и я, значить просьба незаконна». Такимъ образомъ значеніе и вліяніе мировыхъ посредниковъ усилится въ народѣ, и мы можемъ надѣяться, что мировые посредники воспользуются поѣздкой начальника края, чтобы довоспитать въ народѣ понятіе о правѣ всѣхъ членовъ семьи на поземельный участокъ, и потомъ дойдутъ до того, что всѣ крестьяне пожертвуютъ небольшими надѣлами въ пользу батраковъ и отставныхъ солдатъ.

Стоитъ припомнить, что выше говорили мы о положеніи жмудско-литовскаго крестьянства, и сравнить съ тѣмъ, что сейчасъ сказано. Одного такого разсказа достаточно, чтобы судить, сколько добра вносить съ собою русское начало. Оно еще не внесено и не окуплено окончательно; предстоитъ еще разверстаніе. Но всѣ существенные вопросы подняты, установлены и въ смыслѣ предписанія и закона разрѣшены. Остается перенести ихъ въ жизнь. Таковъ настоящій трудъ ближайшей администраціи. Надежды на то, что предписанія, касающіяся крестьянъ, скоро перейдутъ въ ихъ бытовья условія, г-нъ главный начальникъ края возлагаетъ на служащихъ по мировымъ учрежденіямъ. Эта часть администраціи замѣтно удовлетворила его ожиданія. Не можемъ не порадоваться за всѣхъ представителей мировыхъ учреждений. Нужно особенное гражданское мужество, чтобы, одолевая заботы, тяжесть и многосторонность труда и разбѣзжей жизни, одолевать еще множество разнородныхъ препятствій и за все это выносить тѣ наръванія, которымъ повѣрочныя комиссіи и мировые посредники подвергались и подвергаются въ нѣкоторыхъ печатныхъ органахъ извѣстнаго направленія. Эти русскіе чиновники всего болѣе вредятъ интригѣ, потому что искореняютъ всѣ ея подпоры и подмостки въ самой жизни. Мы знаемъ, что представители мировыхъ учреждений, за немногими исключеніями, успѣли заслужить любовь крестьянъ и довѣріе помѣщиковъ. Отдѣльные лица не могутъ быть недовольны дѣятельностію мировыхъ учреждений, ибо эта дѣятельность основана на прямомъ законѣ. Лица недовольны тѣми послѣдствіями, которыми отозвалось для нихъ законное примѣненіе положенія 19 февраля 1861 года.

Но главнымъ образомъ источникъ толковъ, толковъ противъ мировыхъ учрежденій кроется въ средѣ того же польскаго начала. Смирясь законною властію и разставаясь съ аномаліями своего преобладанія, оно не можетъ помириться съ тѣмъ, что въ историческомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, оно обойдено участіемъ. Устраненія отъ такого дѣла оно не можетъ простить ни себѣ, ни другимъ, но виновато въ этомъ оно само, и никакъ не составъ лицъ, служащихъ по мировымъ учрежденіямъ. Но защитники этого изжитаго принципа, по прежнимъ привычкамъ, не стѣсняются ничѣмъ; они не смотрятъ на то, что обвиненія противны здравому смыслу; имъ важно пустить въ ходъ кривотолки и поколебать общественное мнѣніе. Сколько такихъ кривотолковъ пущено было черезъ газеты. Винили повѣрочныя комиссіи въ раззореніи помѣщиковъ; но факты показали, что средняя оцѣнка почти всегда составляетъ среднюю цифру между бывшими оцѣнками люстраціонныхъ комиссій и помѣщичьихъ инвентарей, составленныхъ появленіемъ польскаго крѣпостнаго права: такъ напр., если инвентарная оцѣнка сороковыхъ годовъ составляла 3 руб. годоваго дохода съ десятины, а люстраціонная въ той же мѣстности 2 руб., то повѣрочныя комиссіи назначили 2 руб. 50 к. Такъ и теперь винятъ мировыхъ посредниковъ за то, будто они разорили помѣщичьи имѣнія, понизили ихъ цѣнность и тѣмъ создали важнѣйшее препятствіе къ водворенію русскихъ помѣщиковъ въ здѣшнихъ губерніяхъ. Но такъ ли это? Разорить имѣніе помѣщиковъ возможно было при крѣпостномъ правѣ, когда это право представляло собою оборотный капиталъ для экономическихъ затратъ владѣльца. Въ то время истощеніе матеріальныхъ средствъ крестьянъ неизбѣжно отражалось упадкомъ благосостоянія владѣльца, нынѣ же, когда крѣпостное право болѣе не существуетъ, экономическая постановка помѣщичьяго хозяйства измѣнилась. Переходъ къ вольнонаемному труду естественно обусловилъ измѣненіе въ цѣнности поземельнаго имущества, наконецъ нужно прибавить, что помѣщичьи земли, остающіяся за надѣломъ крестьянъ, находятся внѣ всякаго вліянія посредника. Гдѣ-же тутъ виновность мировыхъ дѣятелей, гдѣ же препятствіе для водворенія въ край русской собственности? Правда, что прежніе инвентари помѣщичьихъ имѣній пострадали во время мятежа: но въ этомъ случаѣ продавецъ долженъ истратить капиталъ на ихъ пополненіе, или покупатель заплатитъ во столько дешевле, во сколько удешевился инвентаръ. Все это просто и ясно; но нужна не ясность, но толки противъ ясности, за которыми проглядываютъ худо скрытые расчеты на выигрыши времени, на проволочку дѣла, и на интриги, чтобы дѣло не состоялось, если общественное мнѣніе поколеблется. Но, по счастью, дѣятели по крестьянскому дѣлу не обращаютъ вниманія на толки, прочитываютъ и выслушиваютъ ихъ съ улыбкою, а между тѣмъ воспитываютъ крестьянъ-собственниковъ для самоуправле-

нія, расчитываютъ государственныхъ крестьянъ по новымъ волостямъ, готовятся къ разверстанію и возложенной на нихъ оцѣнкѣ имѣній, слѣдующихъ въ обязательную продажу. Пожелаемъ же имъ всякаго терпѣнія. Еще годъ-два, дѣло подвинется, толки замолкнутъ и оконченное разверстаніе повершитъ монументъ вѣковѣчной славы, создаваемой мировыми учрежденіями.

Осматривая губернію, г. главный начальникъ края воздаль должное представителямъ мировыхъ утреждений. Но не будемъ забѣгать впередъ. Постараемся привести собственные слова его высокопревосходительства. Въ обращеніяхъ къ дворянству начальникъ края неоднократно упоминалъ о мировыхъ учрежденіяхъ, «къ которымъ», прибавляя онъ, «я отношусь всегда съ особеннымъ уваженіемъ.» У насъ нѣтъ возможности повторить все, что говорилось на мировыхъ сѣздахъ въ каждомъ городѣ, или лично съ предсѣдателями ихъ, или наконецъ съ тѣми мировыми посредниками, которые сопровождали начальника края, въ теченіе 17 дней. Мы представимъ нашимъ читателямъ сводъ изъ всего того, что удалось намъ самимъ слышать, по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ, на мировыхъ сѣздахъ, въ волостныхъ правленіяхъ, при осмотрѣ строящихся церквей и т. д. Читатель замѣтитъ вмѣстѣ съ нами, что начальникъ края возлагаетъ на мировыя учрежденія заботу не объ одномъ крестьянскомъ дѣлѣ, но и вообще о русскомъ дѣлѣ.— «Я знаю: ваша задача трудная; вы должны воспитать народъ. Польское начало развратило его беззаконіями. Вы должны перевоспитать его и научить понимать, что такое русскій законъ. Для этого мало вести дѣла во всей полнотѣ законнаго основанія; нужно еще разъяснять ихъ народу и примѣромъ показывать и возбуждать уваженіе къ Русскому Царю, къ русскому закону, къ русскому имени. Я знаю: подъ часъ вамъ приходится тяжело. Тяжело потому, что большая часть изъ васъ люди новые въ край; вопросы мѣняются безпрестанно; рѣшается одинъ, предъявляется другой, за нимъ третій и т. д.; тяжело и потому, что ваше дѣло совершается не на бумагѣ только, но и въ жизни; тяжело наконецъ потому, что вы сами недовольно знаете другъ друга. Но у васъ есть мировой сѣздъ; въ немъ вы сходитесь по службѣ, можете знакомиться, совѣтоваться и помогать другъ другу. Трудно много, и труда тяжелого. Но весь край въ этомъ положеніи. Дѣла много, но, благодаря Бога, есть и дѣлатели; между вами я знаю такихъ, которые энергически и безропотно несутъ двойныя и тройныя обязанности; этого требуютъ успѣхи русскаго дѣла; вложите же въ него всю душу. Намъ всѣмъ не выпало на долю собирать плоды нашихъ трудовъ; результаты нашего дѣла принадлежатъ будущему: наше ободреніе и побужденіе— въ совѣстливомъ трудѣ, въ неуспынной заботѣ, въ неодолимой энергіи, въ зоркомъ наблюденіи за исполненіемъ законныхъ требованій и, что самое главное, въ дружныхъ отноше-

«ніяхъ другъ въ другу и въ единодушiи. Это моя единственная
 «просьба и къ вамъ, и ко всѣмъ служащимъ.— Вы знаете, здѣсь
 «идетъ неустанная борьба съ польскимъ началомъ. Стало быть,
 «крупныя вражды въ другомъ мѣстѣ менѣе значать, чѣмъ на-
 «селенкiй разладъ здѣсь. Наши общiе враги сослѣдять его, по-
 «стараясь развить и, гдѣ только можно, подольить въ огонь
 «масла, да подсыплютъ соли для треску. При такихъ отноше-
 «нiяхъ между русскими наше дѣло замедлится. А намъ нужно
 «какъ можно скорѣе достигнуть того, чтобы польское начало бы-
 «ло совершенно изъято изъ жизни. Для проведенiя же русскаго
 «государственнаго начала у каждаго русскаго должно быть до-
 «статочно мужества для взаимныхъ уступокъ и для соединенной
 «черезъ то работы на пользу русскаго дѣла. Будь это единоду-
 «шия, дѣло пошло бы успѣшнѣе. Впрочемъ я долженъ сказать
 «большое вамъ спасибо, господа, за то, что вами сдѣлано. Ва-
 «ше дѣло должно идти впереди всѣхъ: вы должны быть первы-
 «ми и передовыми представителями русской интеллигенции. Вме-
 «денiемъ ея вы должны показать превосходство русскаго начала
 «передъ польскимъ. Беспристрастному наблюдателю очевидно, на
 «сколько одно выше другаго. Польское вводило себя насилiемъ
 «и оставило по себѣ невѣжество. Русское, напротивъ, даетъ
 «права народу, вноситъ законность, устанавливаетъ правильныя
 «отношенiя между сословiями, заботится объ ихъ воспитанiи,
 «строить школы, упорядочиваетъ въ настоящемъ, устраиваетъ
 «и для будущаго и тѣмъ приобрѣтаетъ общее довѣрiе. Въ на-
 «родѣ начало русское проходить черезъ васъ. Вотъ почему я
 «всегда отношусь съ уваженiемъ къ мировымъ учрежденiямъ и въ
 «нихъ вижу проводниковъ прочной русской интеллигенции. Миѣ
 «прiятно сказать вамъ, что ваше дѣло замѣтно подвигается и
 «большими шагами. Таковы: устройство семейнаго владѣнiя зем-
 «лею, надѣлъ возвращающихся отставныхъ солдатъ, начало на-
 «дѣла батраковъ и вольныхъ людей, распредѣленiе государ-
 «ственныхъ крестьянъ по волостямъ, содѣйствiе къ устройству и
 «открытiю училищъ, заботы объ ихъ обезпеченiи и объ успѣхахъ
 «дѣтей въ русскомъ языкѣ, и наконецъ то общее довѣрiе, кото-
 «рымъ пользуются мировыя учрежденiя между всѣми заинтересо-
 «ванными сословiями. Иначе и быть не можетъ. Большинство
 «посредниковъ знаетъ свое дѣло; правда, участки очень велики,
 «но, не смотря на то, посредники знаютъ ихъ, знаютъ и нужды
 «ввѣренныхъ имъ крестьянъ. Есть утѣшительное движенiе вне-
 «редъ и по другимъ частямъ администрации. Такъ я могу ука-
 «зать на земскую полицию; не только исправники, но и становые
 «почти въ полномъ составѣ имѣютъ достаточно задатковъ, что-
 «бы исполнять свои обязанности съ законной твердостiю и съ
 «тѣмъ уваженiемъ, съ которымъ полиция должна относиться
 «ко всѣмъ сословiямъ. Есть исключенiя между становыми. Нѣ-
 «которые изъ нихъ не умѣютъ вести себя и не довольно внима-

«тельно относятся къ дѣламъ, начинающимся по отношеніямъ ми-
 «ровыхъ сѣздовъ и мировыхъ посредниковъ. Я уже имѣлъ слу-
 «чай передавать, г. г. исправникамъ, чтобы земская полиція по-
 «ставляла себя въ болѣе правильныя отношенія къ мировымъ
 «учрежденіямъ. Здѣсь всё служить одному русскому дѣлу, стало
 «быть, должны помогать другъ другу и оказывать взаимное со-
 «дѣйствіе. Оно ручается за то, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе и
 «непрѣмѣнно достигнетъ цѣли, указанной правительствомъ. Сдѣ-
 «лано не мало, но предстоитъ сдѣлать еще болѣе. По вопросу
 «о народномъ здравіи я видѣлъ у государственныхъ крестьянъ
 «болѣе устройства, нежели у крестьянъ-собственниковъ. У госу-
 «дарственныхъ есть аптеки, ученые фельдшера и врачи. Но если,
 «какъ вы говорите, здѣшніе крестьяне предпочитаютъ медика
 «знахарю, а по мѣстечкамъ живутъ вольно практикующіе врачи,
 «то на первое время можно ограничиться этимъ. Но нельзя огра-
 «ничиться нынѣшнимъ числомъ школъ. Какъ ни хороши онѣ,
 «ихъ недостаточно для нашей цѣли. Надо, по крайней мѣрѣ,
 «удвоить число ихъ, а прежде того надо, чтобы въ нашихъ шко-
 «лахъ обучались и дѣвочки. Онѣ попадаютъ, но какъ рѣдкое
 «исключеніе. Это менѣе половины дѣла. Обученіе дѣвочекъ важ-
 «но особенно въ здѣшной губерніи. При томъ семейномъ влияніи,
 «которымъ пользуются жмудскія женщины, намъ прежде всего
 «важно воспитать женщинъ, только одно воспитаніе освободить
 «женщину, а чрезъ нее и всю семью изъ-подъ гнета фанатизма и
 «невѣжества. Полагаю, что и этотъ вопросъ въ рукахъ миро-
 «выхъ посредниковъ. Прошу васъ обратить на него самое серь-
 «езное вниманіе. Повторю еще разъ: многое убѣждаетъ меня,
 «что въ вашемъ дѣлѣ законъ примѣняется правильно. Только
 «правильное исполненіе узаконеній, а также циркуляровъ моего
 «предмѣстника и моихъ ручается за правильный и быстрый ис-
 «ходъ дѣла. Всякое послабленіе было бы вредно; оно дало бы
 «ходъ всякимъ неумѣстнымъ желаніямъ и несбыточнымъ надеж-
 «дамъ. До меня дошли слухи, что между польскими помѣщика-
 «ми ходятъ толки о какой-то реакціи въ Высочайше указан-
 «ной системѣ управленія краемъ. Ничего подобнаго не будетъ:
 «такова воля Государа Императора. Прошу васъ не обращать
 «вниманія на рассказы, не вѣрять никакимъ толкамъ, по прежне-
 «му неуклонно исполнять ваши обязанности и ни на шагъ не
 «отступать отъ правилъ, указанныхъ въ положеніи 19 февраля
 «1861 года и въ разъясненіяхъ, сообщенныхъ циркулярами мое-
 «го предмѣстника и моими. Они или составлены въ смыслѣ по-
 «ложенія или предварительно Высочайше одобрены и, стало
 «быть, имѣютъ силу закона. Мысли, выраженныя Государемъ
 «Императоромъ въ рескриптѣ 13-го мая, по поводу распростра-
 «вившихся въ Россіи пагубныхъ ученій, имѣютъ особенное значе-
 «ніе для здѣшняго края. Я видѣлъ здѣсь въ преобразованныхъ
 «гимназіяхъ и во вновь открытыхъ училищахъ, что дѣти обуча-

«ются хорошо и ведутся на основаніи здравыхъ началъ, согла- «сныхъ съ Высочайшими указаніями. Дѣла и отношенія «помѣщиковъ къ крестьянамъ-собственникамъ устанавливаются «также по Высочайшимъ указаніямъ; право собственности обез- «печено и охранено отъ всякихъ незаконныхъ притязаній. Я ста- «рался разъяснить это помѣщикамъ. Быть можетъ, они, счита- «себя поляками и недостаточно зная русскій языкъ, не хоро- «поняли меня, но я повторялъ не разъ, что пора бы понять и «усвоить себѣ направленіе дѣлъ въ здѣшнихъ губерніяхъ. Здѣсь «слава Богу, въ послѣднее трехлѣтіе, все шло такъ какъ Гос- «дарю Императору угодно было указать цѣлой Россіи. Рескриптъ «13 мая, можно сказать, есть полное признаніе всего, что здѣсь «дѣлается; онъ прямо освящаетъ порядокъ дѣлъ, существующій «во вѣренномъ мнѣ краѣ. Прошу васъ еще разъ вникнуть въ «точный смыслъ этого рескрипта. Онъ ободритъ васъ въ вашей «дѣятельности. Повторю вамъ еще разъ спасибо за нее; общимъ «ходомъ и направленіемъ дѣлъ я доволенъ, а на частныя про- «махи не указывало; я уже говорилъ объ нихъ; единодушіе, о «которомъ прошу и котораго требую, поможетъ вамъ испра- «вить ихъ.»

Не можемъ еще разъ не порадоваться внимательному и одо- «брительному участию г. главнаго начальника края къ дѣятельно- «сти лицъ, служащихъ по мировымъ учрежденіямъ. Предметъ ихъ «дѣятельности—живой народъ, составляющій такую политическую «единицу, на которую правительство довѣрчиво можетъ рассчиты- «вать. Сфера этой живой дѣятельности — порушенныя племенные «свойства, порушенныя бытовья, гражданскія, общественныя, се- «мейныя и хозяйственныя отношенія, порушенныя обычаи, нравы, «привычки и формы жизни, словомъ, цѣлый строй разстройства. «Средства дѣятельности — борьба со всякимъ нарушеніемъ закона «въ пользу всецѣлаго возстановленія его всѣми законными мѣра- «ми. Цѣль—воспитаніе народа въ законности и уваженіи «къ рус- «скому Царю, къ русскому закону, къ русскому имени.» Задача «многогранная и благодарная только въ будущемъ. Если мировыя «учрежденія служатъ дѣлу народнаго воспитанія въ живущихъ по- «коленіяхъ и въ сферѣ практической жизнедѣятельности, по тако- «му же дѣлу воспитанія, но для жизнедѣятельности поколеній под- «растающихъ и притомъ въ сферѣ умственныхъ и нравственныхъ «возрѣвній служатъ училища. Не даромъ въ Ковенской губерніи «служащіе по мировымъ учрежденіямъ состоятъ въ близкихъ и со- «чувственныхъ отношеніяхъ къ служащимъ по учебному вѣдом- «ству. У тѣхъ и другихъ есть поприще, на которомъ они должны «дружно сойтись и дружно работать. Воспитателямъ русской за- «конности въ народѣ трудно достигнуть цѣли безъ русской гра- «мотности въ народѣ; учителямъ грамотности не привлечь къ ней «дѣтей, если родители не отнесутся къ ней уважительно. Успѣхъ «дѣла зависитъ отъ сочувственныхъ отношеній съ той и другой

тороны. Если бы живой труд мировых учреждений навсегда стался при однихъ возрастныхъ поколѣнiяхъ, то онъ достигалъ бы дѣла медленно, по мѣрѣ того, какъ сама жизнь стала-бы поддаться пересозданiю; но возможно ли это безъ помощи школы? Такое теченiе дѣла утомляло бы напрасно повторенной затратой; трудъ поражалъ бы своей малой плодотворностью; часто опускались бы руки, если-бы плодъ труда не соответствовалъ усилямъ, на него употребленнымъ. Народныя училища устраняютъ эту недвижность труда мировыхъ учреждений. Грамотные выученники народныхъ училищъ пойдутъ въ жизнь съ задатками новыхъ правъ, съ знанiемъ Положенiя 19-го февраля, съ наклонностями ко всему законному. Такимъ образомъ новое положенiе крестьянъ-собственниковъ вызвало для себя и новыя учрежденiя. Мы говоримъ о народныхъ училищахъ въ Ковенской губерни, какъ о чемъ-то новомъ, потому что прежнiя немногiя казенныя приходскiя училища и десятка два сельскихъ школъ государственныхъ крестьянъ обучались преимущественно попольски и то по прежнимъ методамъ, съ хвалебными стихотворенiями въ пользу благодѣтельной розги. Въ настоящее время въ Ковенской губерни открыто 90 народныхъ училищъ на полномъ содержанiи самаго народа. Учебный округъ снабжаетъ ихъ только книгами. Изъ числа этихъ училищъ г. главный начальникъ видѣлъ до 40, потому что не только останавливался во всѣхъ на пути лежащихъ училищахъ, но и приказывалъ собирать наставниковъ и учениковъ ближайшихъ училищъ въ тѣ волостныя и сельскiя управленiя, водорыя приходилось ему осматривать.

Каждое училище онъ осматривалъ внимательно, спрашивалъ и заставлялъ при себѣ спрашивать дѣтей, вникалъ въ жизнь среды, окружающей училища, въ бытъ наставниковъ, интересовался ихъ происхожденiемъ, направленiемъ и подготовкою. Дѣти Жмудяковъ и литвиновъ читаютъ и пишутъ, понимаютъ прочитанное и написанное, знаютъ наизусть и умѣютъ передавать своими словами небольшiя стихотворенiя и басни, считаютъ на счетахъ, дѣлаютъ умственные вычисленiя и рѣшаютъ задачи на первыхъ четыре ариметическiя дѣйствiя съ простыми и именованными числами. Очевидно, успѣхъ замѣтитъ на Литвѣ, чѣмъ на Жмуди, потому что сельское населенiе на Жмуди мало знакомо съ русскимъ языкомъ. Въ одной литовской школѣ двѣнадцатилѣтнiй мальчикъ прочиталъ г. главному начальнику края небольшою рассказъ своего сочиненiя на русскомъ языкѣ. Не смотря на то, «что большинство народныхъ училищъ, замѣтилъ однажды Константинъ Петровичъ, существуетъ съ небольшимъ годъ, они представляютъ уже начало торжества русскаго дѣла.» Большинство наставниковъ и учителей сельскихъ школъ государственныхъ крестьянъ удостоились лестныхъ и одобрительныхъ отзывовъ. Трѣмъ изъ первыхъ: Арсеневу — наставнику аншскаго народнаго училища, Образцову — новожагоскаго и Ко-

марову— шавлянскаго его высокопревосходительство извольтъ выдать награды въ размѣрѣ полугодичнаго жалованья; сверхъ этого приказалъ перваго изъ нихъ представить къ надѣленію участкомъ земли отъ 40 до 50 десятинъ и войти съ представленіями о наградахъ тѣхъ изъ отличѣйшихъ наставниковъ, которыхъ не удалось ему видѣть. Сельскія школы государственныхъ крестьянъ многочисленнѣ народныхъ училищъ, потому что по происхожденію своему старше и обученіе въ нихъ сдѣлано обязательнымъ. Такимъ образомъ въ настоящее время народному образованію въ Ковенской губерніи предоставлено: 90 народныхъ училищъ крестьянъ-собственниковъ, 36 сельскихъ школъ государственныхъ крестьянъ, 12 училищъ при лютеранскихъ и 4 при реформатскихъ церквахъ, 22 приходскихъ (изъ нихъ 4 фундушевыя), и 4 двухклассныя уѣздныя училища, одно воспитательное заведеніе для найденнѣйшей и подкидышей и одинъ дѣтскій пріютъ, одна женская гимназія, 2 мужскихъ (въ гг. Ковнѣ и Шавляхъ) и прогимназія (въ г. Тельшахъ), всего 174 разнородныхъ училищъ, кромѣ еврейскихъ училищъ и частныхъ пансіоновъ. Всѣ гимназіи и прогимназіи г. главный начальникъ края осматривалъ въ подробности и употребилъ на каждую изъ нихъ отъ 4 до 5 часовъ. Всѣ начальники этихъ заведеній удостоились благодарности его высокопревосходительства и пожеланія успѣховъ въ будущемъ. Впрочемъ, мы только вскользь касаемся осмотра разнородныхъ училищъ въ Ковенской губерніи, потому что вопросъ о народномъ образованіи и о средствахъ, ему предоставленныхъ въ губерніи, занялъ г. главнаго начальника края на столько, что для передачи его въ подробности понадобилась бы цѣлая статья.

Въ Ковенской губерніи русскіе чиновники, прибывшіе на смѣну прежнихъ польскихъ, въ большей части административныхъ отраслей, уже смѣнили собою весь составъ польскихъ и только въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ составляютъ большинство.

Православные храмы, личный составъ русскихъ чиновниковъ, и разбросанныя по всѣмъ уѣздамъ поселенія православныхъ крестьянъ, были также предметомъ вниманія г. главнаго начальника края. По всему пути своему онъ осматривалъ всѣ прежніе, вновь строящіеся и временные храмы, лично знакомился со всѣми священниками, спрашивалъ о нуждахъ церквей, о составѣ прихожанъ и о различіяхъ въ настоящемъ ихъ положеніи съ прошлымъ. Выше мы уже замѣтили, что изъ древнѣйшихъ православныхъ храмовъ въ Ковенской губерніи уцѣлѣли сурдескій монастырь (въ Вилкомирскомъ) и подубисская церковь (въ Шавельскомъ уѣздѣ). Начальникъ края нарочно уклонялся отъ своего маршрута, чтобы осмотрѣть эти храмы. Такія же уклоненія были и въ Россіенскомъ уѣздѣ, нужно было взглянуть на пограничную таможенную стражу и на православные храмы: временный въ зданіи таурогенской таможни и небольшой, вновь выстроенный въ Васильчиковоу въ византійскомъ стилѣ, въ м. Юрбургѣ. Мы поль-

емся случаемъ, чтобы напомнить ревнителямъ православія только древнѣйшихъ его святыняхъ въ Ковенской губерніи. Постройка первой православной церкви въ м. Сурдежъ относится къ 1510 или къ 1520 году. Свято-Духовскій монастырь впервые открытъ былъ въ 1550 году иждивеніемъ Анны Ставецкой. Пожаръ 1797 года истребилъ церковь, ею построенную. Нынѣшняя небольшая каменная церковь окончена постройкою въ 1812 году. Подъ сводами ея находится колодезь, около котораго произошло, по преданію, явленіе чудотворной иконы сурдеской Богоматери, составляющей святыню монастыря. Небольшой одноэтажный флигель противъ западной церковной двери съ зимнею небольшою церковью и съ квартирами игумена и братіи, да еще флигель для богомольцевъ вдоль сѣверной стороны храма — таковы были постройки монастыря до послѣдняго времени. Отъ прежняго времени уцѣлѣли въ немъ старыя полотняныя антиминсы: 1626 года, священный Іовомъ Борелькимъ, 1761 года — митрополитомъ Археніемъ и 1776 года — митрополитомъ Гаврииломъ. Только въ недавнее время сурдескій монастырь отнесенъ къ литовской епархіи. Средства его были скудны. Всѣ надежды свои онъ полагалъ только на тѣхъ богомольцевъ, которые за 154 версты изъ Риги пріѣзжали поклоняться чудотворной иконѣ сурдеской Богоматери, поддерживали благолѣпіе иконостаса и снабжали храмъ утварью. Изъ этихъ приношеній мы можемъ упомянуть о дарохранительницѣ г. Кашкина, пожертвованной въ 1858 году, и о на престольныхъ евангеліяхъ гг. Бочаговыхъ и Овчинникова, — въ 1856 году. Живопись на иконостасѣ старинная, но или очень плохая, или крайне-обезобразенная реставраціями.

Послѣднее пополненіе храма относится къ 1853 году. Въ немъ приняли участіе также рижскіе доброты православія: Степанъ Федоровичъ Трифоновъ, Ѳеодоръ Яковлевичъ Калининковъ, Егоръ Петровичъ Алексѣевичъ, а работу производилъ какой-то Иванъ Петровичъ Назаровъ. До послѣдняго переворота не было даже монастырской ограды. Гр. М. Н. Муравьевъ ассигновалъ 10 т. р. на ограду и вообще на поддержку монастыря. Замѣчательно, что изъ ковенскихъ губернаторовъ впервые посѣтилъ Сурдеки гр. Н. М. Муравьевъ, а изъ генералъ-губернаторовъ К. П. фонъ Кауфманъ. По нашему мнѣнію, церковь монастырская не дурна, въ утвари и облаченіи не нуждается и на поправки имѣеть средства; но самый монастырь, также обезпеченный достаточнымъ количествомъ земли подъ пашнями, покосами, лѣсомъ и огородами, нуждается въ монашествующихъ и въ богомольцахъ. Изъ первыхъ мы застали только игумена (о. Ѳеодосія Кургановича) и казначея; остальные вакансіи свободны. Упоминаемъ объ этомъ, чтобы съ одной стороны укорить вновь прибывшихъ русскихъ за равнодушіе къ древнѣйшему памятнику православія въ Ковенской губерніи, а съ другой — чтобы пригласить монашествующихъ изъ внутреннихъ губерній посвятить себя на служеніе интересамъ

православія въ Ковенской губерніи. Въ прежнее время монастырь вытерпѣлъ немало. Польское начало не отказывало ему во вниманіи, настала пора русскихъ послужить монастырю по-русски. Мы упомянули о польскомъ вниманіи къ Сурдекамъ, чтобы по этому поводу рассказать одну латинскую притчу. Икона сурдекской Богоматери уважается и р.-католиками. Въ день празднованія ея 15 августа монастырь наполняется ими. За годъ до начала мятежа въ тотъ день случилось священнодѣйствовать въ монастырѣ преосвященному Александру, епископу ковенскому, который по званію викарія литовскаго занялъ по большей части въ Вильнѣ. Рѣдкость архіерейскаго служенія должна была привлечь большую массу богомольцевъ. Чтобы удержать ихъ, услужливые ксендзы распустили слухи о холерѣ въ Сурдекахъ и по всѣмъ дорогамъ разставили рогатки; но народъ сломалъ ихъ, и такимъ образомъ напрасно погибъ гудъ прикостельныхъ дѣдовъ. Во время мятежа народъ боялся посѣщать Сурдеки, а потому больныхъ привозили къ дѣлительной иконѣ только по ночамъ. Приведемъ еще одинъ примѣръ вниманія ксендзовъ къ Сурдекамъ. Противъ алтарной части храма они сочли были за нужное безъ всякаго разрѣшенія построить небольшую деревянную капличку, то же, что костельчикъ, ибо капличка была съ жертвенникомъ. Но капличка закрыта еще задолго до мятежа. — Рассказывая объ этомъ, не можемъ не прибавить, что этими фактами польско-латинскаго вниманія къ Сурдекамъ монастырь обязанъ единственно бывшему русскому невниманію. Теперь обстоятельства мѣняются къ лучшему. Приѣздъ начальника края подалъ примѣръ этого лучшаго. Сходъ подъ церковный, сводъ и самая площадь подъ сводомъ, гдѣ помѣщается колодезь со святою водою, слишкомъ тѣсны для того, чтобы богомольцы, и особенно въ праздничные дни, могли пользоваться ею, не тѣсня другъ друга. Г. главный начальникъ одобрилъ мысль о томъ, чтобы воду изъ подсводнаго колодца вывести въ особый бассейнъ у монастырской ограды и построить приличную часовню надъ бассейномъ. Первая жертва и на эту постройку принадлежитъ начальнику края; сопровождавшіе его прибавили свою лепту; остается надѣяться, что этотъ примѣръ найдетъ подражателей. Редакція *«Вилненскаго Вѣстника»* уже обѣщала быть передатчицей пожертвованій.

Подубиская, нынѣ деревянная, довольно обширная и прочная церковь относится первоначальною постройкою къ 1753 году. Она возобновлена въ 1862 году. До 1831 года въ Подубисѣ былъ базилианскій униатскій монастырь. Р.-католики и униаты настаиваютъ, что до основанія униатскаго монастыря не было православныхъ въ окрестностяхъ Подубисья. Но если унія была придумана, какъ переходная степень изъ православія въ католицизмъ, то подубискій униатскій монастырь, по нашему предположенію, могъ понадобиться именно для совращенія тѣхъ закоренѣлыхъ православныхъ, которые, живя въ Поневѣжскомъ уѣздѣ напр. со времени

Гурбскаго, мало-по-малу вынуждены были разсѣяться и по Шалескому уѣзду. Такое предположеніе даетъ покрайней мѣрѣ объясненіе, для какой цѣли въ Подубисьѣ попали уніаты. Въ послѣднее время церковь снабжена утварью и облаченіемъ: такъ рошѣ бывшихъ уніатскихъ, есть сосуды, присланные св. синодомъ, довольно богатое напрестольное евангеліе, пожертвованное .І. Куликовой, седмисвѣчникъ, принесенный въ даръ г. Эртеле, облаченія— Гр. П. В. Муравьевой, Г. И. Рюмина, А. Н. Грена г. д.— Повидимому, русскіе шавельцы болѣе вилкомирцевъ и оверѣйцевъ заботятся о нуждахъ мѣстнаго православія. Начальникъ края посѣтилъ мѣстнаго священника, въ его же хижинѣ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій о скорѣйшей постройкѣ ома для него, о снабженіи его фермою, обѣ устройствѣ сада коло храма, о поновленіи самаго храма и о будущемъ устройствѣ села Подубисья; а на прощаніи вручилъ священнику небольшую сумму, съ порученіемъ разузнать о поведеніи одной вдовы— атолички и передать ей эту сумму, если вдова того заслуживаетъ. Мы знаемъ, давалъ-ли когда либо богатый панъ ксендзу деньги на передачу русскому въ нуждѣ; но можемъ засвидѣтельствовать, что на пути въ Сурдеки, въ м. Роговкѣ, крестьяне-католики становили начальника края хлѣбомъ-солью и въ благодарность а Царскія милости, а можетъ быть, и за уваженіе его къ православной святынь, поднесли ему небольшую икону Богоматери, обложенную бархатомъ и въ серебрянной позолоченной ризѣ.

Статья наша затянулась и, не смотря на то, очень многого два касается. Нельзя не упомянуть о тѣхъ формахъ гостепріимства, съ которыми встрѣчали г. главнаго начальника края деревни, мѣстечки и города. Всѣ и всякій, въ мѣру и своего умѣнья возможности, старались наперерывъ свидѣтельствовать свою радость и свое желаніе видѣть у себя главнаго начальника края и засвидѣтельствовать передъ нимъ свою преданность Государю Императору и новой системѣ управленія краемъ. Г. Ковна превзошелъ всѣхъ и, съ первымъ пріѣздомъ Константина Петровича полѣ 4-го Апрѣля, соединилъ празднованіе чудеснаго спасенія Государя Императора.

Остается сказать о томъ впечатлѣніи, которое произвела Ковенская губернія на его высокопревосходительство. Мы позволимъ себѣ коснуться этого впечатлѣнія во столько, во сколько имѣтъ начальникъ края высказалъ его на представленіи дворянъ Ковенскаго уѣзда. — «Я объѣхалъ всю губернію», такъ началъ Константинъ Петровичъ, «нужно отдать справедливость тому, что я видѣлъ: дѣла подвинулись по всѣмъ частямъ администраціи; дѣла военныхъ и гражданскихъ управленій въ порядкѣ; земская полиція знаетъ и въ большинствѣ хорошо исполняетъ свое дѣло; мировыя учрежденія, къ которымъ отношусь съ особеннымъ уваженіемъ, успѣли очень много даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне почти не понимаютъ по-русски; школы ведутъ дѣ-

«ло отлично; если эти начинанія разовьются въ будущемъ, то «русское дѣло скоро подвинется. Только одно польское дворянство и съ нимъ рим.-католическое духовенство составляетъ большое мѣсто губерніи.»

16-го іюня съ вечернимъ поѣздомъ г. главный начальникъ края выѣхалъ изъ Ковны и Ковенской губерніи обратно въ Вильну.

(Изъ Вилensk. Вѣстника).

Письмо изъ Вильны въ Московскія вѣдомости.

4-го іюля 1866 г.

Рѣдко случалось, чтобы мы, съ такимъ нетерпѣніемъ какъ нынѣ, ожидали возвращенія сюда изъ Петербурга начальника края съ пріѣздомъ его мы узнаемъ о разрѣшеніи въ Петербургѣ вопроса быть или не быть здѣсь банку или, что то же, не быть въ западномъ краѣ начаткамъ русскаго землевладѣнія. Въ ожиданіи чѣмъ разрѣшится этотъ вопросъ, обращу сегодня вниманіе ваше на другой предметъ, на нѣкоторыя стороны католическаго вопроса въ здѣшнемъ краѣ, вопроса столь существеннаго, что безъ окончательной и разумной разработки его мы положительно не въ силахъ будемъ успѣшно подвигаться впередъ въ дѣлѣ обрусенія.

Здѣсь учреждена даже, какъ я знаю изъ достовѣрнаго источника, какая (*) то ревизіонная коммисія по дѣламъ латинскаго духовенства, въ составѣ которой есть лица всякаго рода, и военныя, и гражданскія, и ученныя, или, правильнѣе, учебнаго вѣдомства. Лица свѣдущія разказывали, что на коммисію возложено, между прочимъ, и всестороннее обсужденіе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли при религиозныхъ обрядахъ, въ молитвахъ замѣнить польскій языкъ русскимъ, или же, оставить дѣло это въ нынѣшнемъ его видѣ, при которомъ въ западномъ краѣ полонизмъ и латинство—синонимы.

Латинство стало дѣлаться синонимомъ полонизма съ сороковыхъ годовъ, подъ вліяніемъ съ одной стороны страха, навѣденнаго на польщизну, воссоединеніемъ униатовъ съ православною церковью, съ другой—подъ вліяніемъ усердныхъ хлопотъ по этому дѣлу самой зловерной для Россіи партіи эмиграціи—партіи Ламберова отела. Усердныя двадцати-пятилѣтнія домогательства нашего западнаго дворянства, при дѣятельномъ содѣйствіи есендзовъ, къ неразрывному соединенію латинства съ полонизмомъ, достигли желанной цѣли: спросите теперь въ нашемъ краѣ русскаго

(*) Не какая то,— а коммисія, учрежденная правительствомъ.

крестьянина-католика о его национальности, онъ отвѣтитъ вамъ, то онъ полякъ. Чтобы по возможности сдѣлать польщизну священной въ глазахъ простонародія, всендзы ловко пользовались ихъ свѣдѣствомъ, поддерживали и развивали всякаго рода повѣрья предрассудки, дѣйствующіе на умы въ интересахъ польщизны. дѣсь не рѣдкость встрѣтить не только крестьянина-католика, но мелкаго шляхтича безъ образованія, во глубинѣ души убѣжденнаго что Іисусъ Христосъ былъ полякъ, что онъ страдалъ и училъ въ Кальваріи (латинскій монастырь въ 7 верстахъ отъ Вильны), то при рожденіи Спасителя пришли поклониться Ему три польскіе короля. Остробрамская Божія Матерь, даже въ нѣкоторыхъ святыхъ молитвенникахъ польско-католической церкви, именуется «Королевой польской, великой княгиней литовской». Религіозная пропаганда, имѣвшая въ виду цѣли прямо политическія, достигла желаемыхъ результатовъ: нѣсколько сотъ тысячъ русскаго населенія западнаго края считаетъ себя теперь поляками. Правда, этого рода поляки въ послѣдній мятежъ оказались столь же враждебными къ дворянско-всендзовскимъ шайкамъ, какъ и люди православной вѣры; но было бы слишкомъ легкомысленно изъ нѣтопаго выводить заключеніе о будущемъ, въ особенности принимая въ соображеніе то капитальное обстоятельство, что съ окончательнымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, то есть съ упраздненіемъ существовавшихъ раздоровъ между паномъ и бывшимъ хлопомъ, самыя отношенія между ними необходимо измѣнятся....

Польщизна родилась, выросла и развилась нашими ошибками; или же благоденствуетъ она и нынѣ. Оружіе противъ насъ для объединенія латинства съ полонизмомъ дали ей мы сами. Послѣ мятежа 1831 года былъ возбужденъ вопросъ о замѣнѣ польскаго языка русскимъ, но онъ потерпѣлъ полнѣйшее фиаско: единокроеное намъ бѣлорусское населеніе р.-католической вѣры *принуждено* было нами продолжать молиться въ костелѣ и дома по-польски; православную вѣру нашу, выдержавшую побѣданосно столько вѣковыхъ испытаній и сохранившую свою первобытную чистоту, тогдашняя администрація признала, вѣроятно, столь шаткою, что опасалась видѣть въ народѣ основы ея подорванными отъ того только, что ему, народу этому, можетъ попасть въ руки католическій молитвенникъ на русскомъ языкѣ, или что всендзь произнесетъ съ амвона энергическую проповѣдь въ защиту главенства папы. Сфера политики кажется легкой только для людей не посвященныхъ въ нее, людей смотрящихъ на нее поверхностно, съ точки зрѣнія дилеттантовъ; легкой же кажется она потому, что допускаетъ, по видимому, крайне разнообразныя взгляды на одинъ и тотъ же предметъ, или, что часто тоже, допускаетъ празднословіе и многословіе по такимъ предметамъ, о которыхъ говорящій имѣетъ лишь смутныя понятія. Въ сущности же ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого взгляда. Задачи политическія разрѣшаются только по извѣстнымъ, добытымъ опытомъ и наукой, формуламъ, подоб-

нымъ тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ въ наукахъ точныхъ. Безъ знанія и пониманія этихъ формулъ или, что то же, безъ предварительной серьезной подготовки къ политической дѣятельности, дилеттантъ на этой сферѣ много напоминаетъ ученика, получившаго элементарное понятіе о космографіи, и смѣло разрѣшавшаго на этомъ основаніи самыя сложныя астрономическія вопросы. Если бы кто-нибудь имѣлъ легкомысліе пригласить такого ученика къ рѣшенію подобныхъ вопросовъ и на его сужденіяхъ сталъ основывать свои соображенія, быть можетъ онъ и польстился бы самолюбію мнимаго знатока дѣла, но и выводы получилъ бы отъ него въ родѣ тѣхъ, какіе намъ приходилось слышать иногда по вопросу религиозному западнаго края, когда одинъ господинъ пространно и съ увѣренностію развивалъ мысль, что въ р.-католицизмѣ этого края долженъ быть *сохраненъ польскій языкъ* на томъ основаніи, будто нѣкоторые выраженія католической церкви не переводимы на русскій языкъ или что они опоганяютъ его.

Нѣкоторые идутъ еще дальше этого. Такъ намъ приходилось слышать и слѣдующій куріозный доводъ: польскій языкъ, при религиозныхъ обрядахъ, долженъ быть сохраненъ, ибо съ имѣющимъ будто совершиться (?) постепеннымъ обращеніемъ въ православіе, онъ станетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія приобрѣтать характеръ *языка революціоннаго*, что, въ переводѣ по-русски, значитъ: надо чтобы латинство не только было здѣсь синонимомъ *половизма*, но чтобы оно дѣлалось еще и синонимомъ *мятежа*. Русская администрація, въ силу этой логики, сама должна рыть себѣ здѣсь яму, заботясь, чтобы латинское окатоличенное населеніе, считающее теперь себя польскимъ, но пока враждебное мятежу, стало дѣйствительно революціоннымъ элементомъ края, и въ случаѣ новаго мятежа или непріятельскаго вторженія, приняло сторону нашихъ враговъ.

Приводить ли вамъ другіе куріозы по разсматриваемому нами вопросу? Всѣ они болѣе или менѣе въ родѣ тѣхъ, которые мы привели сейчасъ. Есть впрочемъ мысли и болѣе здравыя, но ошибочныя, — вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ. Одинъ господинъ полагаетъ на примѣръ полезнымъ замѣнить польскій языкъ русскимъ съ тѣмъ, чтобы гимны, поющіеся теперь на польскомъ языкѣ, пѣть на будущее время на языкѣ латинскомъ. Гимны эти, какъ вы знаете, вовсе не существенная принадлежность католицизма, а мѣстный обычай, ведущійся въ *нѣкоторыхъ* католическихъ странахъ и принявшій здѣсь въ послѣднее время видъ практическаго примѣненія идеи Товянскаго къ церкви *польской*; гимны только терпятъ Римомъ, а вовсѣ не составляютъ необходимой принадлежности католическаго богослуженія; введены они здѣсь искони, вслѣдствіе того, что наши прѣжніе администраторы не достаточно знакомы были съ вопросомъ католическимъ. Если допустить пѣніе гимновъ на латинскомъ языкѣ, то не значитъ ли ввести такой силлогизмъ: пѣть гимны можно, но, какъ мы напередъ-

в допускать *пѣніе гимновъ революціонныхъ*, то ихъ надо пѣть не по-русски, а по-латыни (*). Не думайте впрочемъ, чтобъ и за русскій языкъ не было здѣсь голосовъ; они не только есть, но и принадлежать по большей части лицамъ, мнѣнія которыхъ имѣютъ авторитетъ.

Если бы наши дѣятели ознакомились ближе съ сущностью нашего сосудаственного управления, они узнали бы двѣ формулы, разработанныя и примѣненныя на практикѣ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, формулы, коворыя тамъ давно не могутъ быть и предметомъ сомнѣнія. Къ такимъ формуламъ принадлежать слѣдующія: *въротерпимость—необходимое условіе для благоустроеннаго государства; государство обязано, въ собственныхъ интересахъ стремиться ко всестороннему развитію въ своихъ предѣлахъ языка государственнаго*. Кто понялъ сущность этихъ старыхъ истинъ, въ томъ могло ли бы родиться сомнѣніе, слѣдуетъ ли польскій языкъ въ католицизмѣ замѣнить русскимъ? Такой человекъ сказалъ бы при спросѣ о языкѣ въ дѣлахъ латинской церкви въ западныхъ губерніяхъ: «если вы увѣряете, что западный край—край русскій, населенный нашими соотечественниками и оспариваемый у насъ Польшей, то какое же имѣете вы право или какое разумное основаніе насильно навязывать русскому населенію его въ дѣлѣ религіи именно тотъ языкъ, который служитъ представителемъ враждебнаго Россіи начала? Если бы невозможно было, почему-нибудь, ввести языкъ русскій, вводите китайскій, чухонскій, татарскій, *только не польскій*. Въ силу какой же логики требуете вы, подъ страхомъ штрафа, чтобы въ край не раздавалась польская рѣчь и въ то же время запрещаете въ костелахъ молиться по-русски? Введеніе русскаго языка отнять у польскаго латинства опасную его для насъ сторону, политическую; оно сдѣлаетъ р.-католическую церковь храмомъ, а не политическимъ клубомъ.»

Въ заключеніе приведу вамъ аргументъ, который приходилось слышать мнѣ не разъ и который съ перваго взгляда бросается въ глаза. Противники русскаго языка въ католицизмѣ приводятъ слѣдующій фактъ: въ кадетскихъ корпусахъ давно введено преподаваніе закона Божія на русскомъ языкѣ; но не всѣ офицеры подаки, вышедшіе изъ корпусовъ, оставили польскія мечтанія; нѣсколько человекъ даже дезертировало въ шайку. Но припомнимъ, что если преподаваніе закона Божія шло по-русски, кадеты тѣмъ не менѣе *момились по польскимъ молитвенникамъ*, слушали проповѣди на польскомъ языкѣ и, по всей вѣроятности, исповѣдовались по-польски. Какъ же требовать отъ нихъ, чтобъ они не считали себя поляками? Были, кромѣ того, и другія причины, часто адми-

(*) Напрасно авторъ думаетъ, что пѣніе гимновъ въ латинской церкви есть истинный обычай, многіе гимны, какъ напр. *Te Deum laudamus*, съ давнихъ временъ вошли въ кругъ латинскихъ богослужебныхъ книгъ и поются въ р. католическихъ церквахъ всего міра, поэтому запрещать ихъ не слѣдуетъ, но и пѣть по-польски переводить ихъ на языкъ русскій. Ред.

инстративныя и нынѣ уже не существующія, которыя въ свое время, именно въ 1861 г., возбудили въ офицерскомъ мірѣ мысли о возможности примѣненія принципа національностей въ дѣлу военной службы. Но что преподаваніе закона Божія на русскомъ языкѣ было острымъ ножомъ для польщизны, приведу слѣдующій фактъ: въ 1861 г., когда польщизна подняла высоко голову, начала уже дѣйствовать наступательно, въ двухъ кадетскихъ корпусахъ западнаго края латинскіе законоучители настаивали на преподаваніи, первоначально хотя бы въ низшихъ классахъ, закона Божія по-польски, по изданному въ то время руководству подъ псевдонимомъ *Хвалы-Бога*. Одинъ есендзь, *преподававшій до того 18 лѣтъ по-русски*, объявилъ, что онъ находитъ это нынѣ *противоположною дѣлу совѣсти*; другой есендзь получилъ отъ епископа своего предписаніе читать въ низшихъ классахъ катехизисъ по-польски, при чемъ ему препровождалось 300 экземпляровъ названнаго руководства. Дѣло замялось и не имѣло дальнѣйшаго хода. Не то ли же самое видѣли мы нинувшею осенью въ юго-западномъ краѣ, гдѣ духовенство пробовало было выказать упорное сопротивленіе требованіямъ власти о введеніи при преподаваніи въ училищахъ русскаго языка? Оно смотрѣло на дѣло посерьознѣе нашихъ мериаловъ, основательно видя во введеніи русскаго языка гибель своего фальшиваго дѣла и торжество начала государственнаго.

Размышленія „Московскихъ Вѣдомостей“ по поводу письма изъ Вильны.

Странное противорѣчіе! Терпѣть въ государствѣ разныя вѣроисповѣданія, покровительствовать имъ иногда даже въ ущербъ національной церкви, предоставлять иновѣрцамъ всѣ гражданскія и политическія права, допускать ихъ къ участию во всѣхъ дѣлахъ и интересахъ государства какъ полноправныхъ гражданъ, давать имъ власть и вліяніе, и все это дѣлать подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы люди пользующіеся хозяйскими правами въ странѣ оставались не только чужды ей, но при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ были даже врагами ей. Много золъ въ нашемъ быту объясняются изъ этого удивительнаго противорѣчія. Противорѣчіе есть логическій терминъ; но въ явленіяхъ жизни оно выражается тѣмъ что называется зломъ и бѣдствіемъ. Гдѣ въ основѣ явленій таится противорѣчіе, тамъ оно неизбѣжно бываетъ источникомъ затрудненій, замѣшательствъ и опасностей. Понятны всѣ степени религіозной нетерпимости; понятно какъ можно вовсе не допускать иновѣрія и иновѣрцамъ не давать политическихъ правъ; но не понятно какимъ образомъ можно предоставлять иновѣр-

свободу, а иновѣрцамъ политическую полноправность во всей силѣ того слова, подѣ тѣмъ условіемъ, чтобъ они обязательно считали себя иностранцами и не могли усвоить себѣ національность государства. Вотъ между прочимъ почему наше отечество, при столь естественныхъ условіяхъ могучаго національнаго развитія, доселѣ представляло собою такое безплодіе, а правительство его такъ часто ошибалось въ своихъ дѣлахъ; вотъ почему надъ нашими дѣлами висѣлъ постоянно туманъ недоразумѣній; вліятельныя сферы Россіи постоянно наполнялись людьми, которые по принципу были чужды и даже непріязненны ей. Надъ громадною массою русскаго народа висѣлъ міръ мнѣнія и дѣйствія исполненный не только обязательно чуждыхъ, но и враждебныхъ ему элементовъ.

Есть огромная разница между свободой и необходимостію. Это два принципа безконечно между собою различные, и поражающіе каждый явленія особаго рода и свойства. Все что идетъ отъ государства или поддерживается имъ, получаетъ характеръ необходимости, который не поверхностно только запечатлеваетъ собою дѣло, но проникаетъ его внутренно и претворяетъ его сущность. При нормальномъ порядкѣ вещей, людямъ не можетъ быть возбранено право употреблять между собою какою бы то ни было языкъ; но при нормальномъ же порядкѣ вещей, въ дѣломъ государствѣ можетъ быть только одинъ обязательный языкъ. Значеніе языка, какъ общественной силы, существенно измѣняется какъ только присоединяется къ нему условіе обязательности. Не безъ основанія можно сѣтовать, что у насъ въ высшихъ классахъ господствуетъ употребленіе французскаго языка; это признакъ положенія вещей не совсѣмъ нормальнаго. Но есть существенная разница между такимъ обычнымъ употребленіемъ чужаго языка, и употребленіемъ обязательнымъ, которое возводило бы его въ политическій принципъ. Если государство допускаетъ въ предѣлахъ своихъ различныя религіи, признаетъ ихъ, гарантируетъ имъ свободу, и предоставляетъ принадлежащимъ къ нимъ лицамъ всю полноту своихъ гражданскихъ правъ, то обязательно усвоивъ тотъ или другой чуждый языкъ, оно возводитъ его въ силу политическаго начала, которое не можетъ оставаться безъ соотвѣтственныхъ послѣдствій. Первымъ послѣдствіемъ будетъ то, что религія при такомъ условіи сама станетъ политическимъ началомъ, и за тѣмъ въ государствѣ по необходимости образуются положенія двусмысленныя и фальшивыя. Между его гражданами, равно пользующимися полнотою его правъ, образуются особыя національныя группы, опредѣляемыя въ своей національности религіозными вѣрованіями, и склонныя ко взаимному отчужденію не только въ церковномъ отношеніи; а общая національность государства становится въ немъ какъ бы партией. Исторія наша лучше всего свидѣтельствуетъ о свойствахъ плодовъ, приносимыхъ этою аномаліей.

Полякъ не есть терминъ этнографическій, какъ напримѣръ цыганъ; это терминъ политическій. Между полякомъ, особенно западныхъ губерніяхъ, и русскимъ нѣтъ племенной разницы. Поляки западнаго края во все не польскаго происхожденія. Если брать въ расчетъ генеалогію, то многія изъ нынѣшнихъ польскихъ фамилій западнаго края окажутся не менѣе русскими чѣмъ самыя коренныя русскія фамиліи. Итакъ, польская національность есть терминъ политическій. Гдѣ признается польская національность, там признается въ принципѣ польское государство, польское государство утратило свое существованіе почти за сто лѣтъ передъ симъ, и исторія свидѣтельствуетъ, что оно было мертвымъ тѣломъ еще задолго до своего раздѣла. Польская національность въ настоящее время, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ началомъ революціоннымъ, какъ протестомъ противъ существующаго государства. Слово полякъ ничего не значить или значить гражданинъ государства когда то бывшаго, теперь не существующаго и долженствующаго воскреснуть. Извѣстно что въ времена Польши, еще задолго до ея паденія, чувство польской національности не имѣло силы, и о польскомъ патриотизмѣ смѣшно было говорить. Польскій патриотизмъ развился въ нынѣшнихъ западныхъ губерніяхъ и сталъ силою подъ русскимъ владичествомъ, особенно въ теченіе нынѣшняго столѣтія. Во времена Польши западный край тяготѣлъ къ Россіи, и былъ болѣе русскимъ чѣмъ слалъ послѣ подъ русскимъ владичествомъ. Не странное ли это явленіе? Можно объяснить его разными случайностями. Но случайности дѣло проходящее. Разныя правительственныя системы сдѣлались въ этомъ краѣ: но постоянно обнаруживалось одно и то же явленіе; постоянно возрастала сила польскаго чувства въ мѣстной интеллигенціи, приобретала все большую напряженность и все сильнѣе овладѣвала умами и сердцами людей, сглаживая и покоряя себѣ всѣ различія. Этого мало: чѣмъ безнадежнѣе становились стремленія польскаго патриотизма, чѣмъ менѣе опоры давала имъ дѣйствительность, чѣмъ суровѣе и строже слышался ея голосъ, тѣмъ ярче становилось это чувство, и тѣмъ ядовитѣе. Отчего это? Причиною этому должно быть что-либо постоянно дѣйствующее и при томъ также возрастающее въ силѣ. Дѣло въ томъ, что польское національное чувство, такъ какъ оно сложилось теперь, есть болѣе продуктъ условій русской государственной жизни нежели результатъ польской исторіи. Еслибъ оно основывалось только на воспоминаніяхъ и преданіяхъ старой Польши, то оно было бы явленіемъ совершенно химерическимъ и не могло бы имѣть серіозной власти надъ умами. Стоить только прорести на картѣ границы старой Польши, чтобъ убѣдиться въ этомъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы въ настоящее время польское чувство не имѣло нѣкоторой дѣйствительной силы. Въ чемъ же заключается эта сила? Сила эта есть не что иное какъ извра-

ценное религиозное чувство, какъ религія ставшая не на свое гѣсто. Если польское государство есть химера, то церковь римскую химерой назвать нельзя. Это есть сила дѣйствительная, и сила эта пріобрѣла въ Россіи значеніе какого она нигдѣ не имѣетъ, — значеніе польской національности. Вотъ откуда взялось это сумасбродное, уродливое, исполненное фальшиваго мистицизма явленіе, которое въ настоящее время зовется польскою національністю. Вотъ откуда пагубное обаяніе этого чувства и страстность его порожа. На свѣтѣ нѣтъ ничего пагубнѣе ложно-направленнаго религиознаго чувства. Римско-католическая церковь всегда была склонна ко злоупотребленію религиознымъ чувствомъ, но вредное дѣйствіе католицизма въ Россіи происходитъ не столько отъ него самого, сколько отъ того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ нашею собственною правительственною системою. Та экзальтація польскаго національнаго чувства, которая объясняется дѣйствіемъ лженаправленной религіи, происходитъ единственно отъ того, что наше правительство съ одной стороны покровительствовало католицизму, какъ религіи исповѣдуемой нѣкоторою частію русскихъ подданныхъ, а съ другой допускало его существованіе не иначе какъ подъ условіемъ полнаго и обязательнаго сліянія съ національністю, которая имъ не признавалась во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Налагая запретъ на русскій языкъ, заставляя римско-католическую церковь употреблять исключительно польскій языкъ на мѣстахъ, гдѣ прежде стояло польское государство, правительство тѣмъ самымъ возводило этотъ языкъ въ обязательный политическій принципъ, страннымъ образомъ сообщало ему силу государственной необходимости, и въ то же время вынуждало допущенную имъ церковь служить органомъ національности, которая въ Россіи не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ революціоннымъ началомъ. Само по себѣ ничтожное и лишнее всякой реальной основы, чувство польской національности нашло себѣ эту основу въ церкви, съ которою его отождествили. Во времена Польши такого отождествленія не было; католическая церковь господствовала въ Польскомъ Королевствѣ, но національность польская не совпадала съ нею. Подъ русскимъ скипетромъ также не вдругъ совершилось это совпаденіе. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, превращеніе католицизма въ польскую національность не успѣло еще совершиться. Римская церковь оставалась тѣмъ чѣмъ она является въ другихъ странахъ, и соединеніе ея съ польскою національністю не выставлялось еще какъ принципъ. Но съ теченіемъ времени принципъ этотъ ясно выразился, и римская церковь западнаго края превратилась всецѣло въ польскій патріотизмъ. Латинскій священникъ сталъ видѣть въ себѣ болѣе польскаго политическаго агента нежели служителя своей церкви. Агентъ политическій по чувству и священникъ по сану, онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ на душу женщины. И здѣсь-то выработывалось мало-по-малу то болѣзненно-страстное, мистическое чувство,

которое всасывалось дѣтми съ молокомъ матери. Отсюда возникло фантастическое ученіе мессіанизма, отсюда эти революціонныя обѣдні, отсюда этотъ образъ Польши пострадавшей за грѣхъ человѣческаго рода и долженствующей воскреснуть. Не всѣ, конечно, увлекаются этими недѣльными мистическими фантазіями, но чувство, которое этими фантазіями порождено, отзывается во всѣхъ какъ слѣпая страсть, какъ безотчетная, непонятная, неотразимо влекущая сила.

Что же сдѣлать дабы расторгнуть это чудовищное соединеніе? Представляются два пути: либо изгнать р. католицизмъ изъ предѣловъ Россіи, возбранить публично отправленіе его богослуженія, закрыть его храмы, упразднить его духовенство, заставить всѣхъ р. католиковъ перейти въ православіе или покинуть страну; либо дать этой церкви независимое отъ польской національности существованіе, и рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ привести ее въ положеніе безвредное для государства. Предоставляемъ всякому рѣшить, удобно ли сдѣлать первое, и имѣются ли серіозныя затрудненія сдѣлать второе. Есть цѣлыя католическія населенія въ западномъ краѣ еще не совсѣмъ ополяченныя, населенія русскія и также литовскія усвоившія себѣ русскій языкъ и ничѣмъ не отличающіяся отъ первыхъ, — населенія крестьянскія, стало-быть находящіяся подъ опекой правительства. Слѣдуетъ ли отвѣчать этимъ людямъ, требующимъ теперь русскаго языка для своихъ религіозныхъ нуждъ: «вы, католики, стало-быть поляки», и окончательно, съ большею силою чѣмъ когда-либо, запечатлѣть то обязательное значеніе, которое пріобрѣлъ въ Россіи польскій языкъ и соединенная съ нимъ польская національность, или упразднить фальшивое правило оказавшееся столь пагубнымъ, и предоставить этимъ людямъ право именовать себя русскими?

Необходимость предоставленія всѣмъ русскимъ подданнымъ права на русскій языкъ давно уже признавала нашъ правительствомъ. Еще въ то время когда нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, въ качествѣ Наслѣдника Престола, завѣдывалъ военно-учебными заведеніями, возникла мысль о необходимости ввести въ эти заведенія преподаваніе римско-католическаго вѣроученія на русскомъ языкѣ вмѣсто польскаго. Въ прошломъ году, мѣра эта была распространена и на прочія учебныя заведенія, содержимыя правительствомъ. Что выразилось въ этой мѣрѣ? Не та ли мысль, что русское правительство не можетъ поддерживать какъ обязательный принципъ польскую національность, которая не имѣетъ никакихъ основаній считаться въ какомъ-либо отношеніи обязательною въ Россійской Имперіи? Пока мысль эта выразилась только упраздненіемъ польскаго языка въ преподаваніи закона Божія въ содержимыхъ правительствомъ школахъ, она не можетъ считаться исполненною. Пока дѣло остается на этомъ пунктѣ, возникаетъ новая аномалія, которая не можетъ не сопровождаться послѣдствіями крайне невыгодными. Не исполнивъ до конца той мысли, которую

ызвана вышеупомянутая мѣра, правительство лишило бы эту мѣру смысла. Непонятно, въ чему можетъ служить преподаваніе римско-католическаго катихизиса на русскомъ языкѣ, когда людямъ исповѣдующимъ эту религію возбранено прочесть публично *Отче нашъ* на русскомъ языкѣ. Вотъ что происходитъ въ настоящее время: воспитанники римско-католическаго исповѣданія, передъ началомъ класса, гдѣ теперь по-русски преподаются имъ догматы ихъ вѣры, читаютъ молитву, одинаковую какъ для православныхъ, такъ и для католиковъ, обязательно на польскомъ языкѣ; ихъ законоучитель, обязанный объяснять имъ въ классѣ отличительныя догматы ихъ вѣры по-русски, не можетъ, подѣ страхомъ строжайшей ответственности, допустить въ своей церкви ни одного слова по-русски. Оставлять дагѣе дѣла въ такомъ положеніи не значить ли дискредитировать правительство, ставя его въ столь явное противорѣчіе съ самимъ собою? Что кромѣ новаго раздраженія и ново-горечи можетъ произвести эта мѣра, если за нею вскорѣ не послѣдуетъ полное освобожденіе русскаго языка, и рядъ мѣръ, которыя имѣли бы своею цѣлю освободить допущенный въ Россіи римскій католицизмъ характера, а нашу правительственную систему отъ противорѣчій, которыхъ вредъ достаточно испытанъ?

Естественно спросить себя, какимъ убѣжденіемъ запретъ, павшій на русскій языкъ, до сихъ поръ поддерживается, несмотря на очевидный вредъ и несообразности. Кто бы подумалъ? Предлогомъ къ тому выставляется опасеніе, чтобъ эманципація русскаго языка не поколебала православной церкви и не совратила русскаго народа въ иновѣріе. И къ какимъ ухищреніямъ прибѣгаетъ аргументація для того, чтобъ отклонить правительство отъ пути, на который оно уже вышло! Вслѣдствіе того, что въ католическихъ державахъ будутъ пѣть: *Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный*, вмѣсто *Свѣтлы Боже, Свѣтлы Моцны, Свѣтлы Нестыртельны*, поколеблется въ Россіи православіе, и русскій народъ будетъ совращенъ въ латинство! Это именно тотъ самый аргументъ, которымъ добрый знакомецъ нашей публики, Шедо-Ферротти, старался въ прошломъ году смутить правительство въ принятомъ рѣшеніи ввести преподаваніе римско-католическаго катихизиса на русскомъ языкѣ. Еще забавнѣе опасенія, что проповѣди виленскихъ или минскихъ Боссюэтовъ совратятъ православныхъ въ латинство какъ только облекутся въ звуки русскаго языка. Господа разсуждающіе такимъ образомъ забываютъ даже то обстоятельство, что въ западномъ краѣ польскій языкъ, приспособленный къ бѣло-русскому слуху, равно понятенъ тамъ какъ православнымъ, такъ и католикамъ, и что если краснорѣчіе Ксендзовъ такъ обольстительно, то оно можетъ обнаружить это качество свое и на томъ языкѣ каковой они употребляютъ теперь для своихъ проповѣдей передъ сельскимъ людомъ. Вообще, нѣтъ ничего оскорбительнѣе для православной церкви какъ подобныя опасенія, которыя высказываются подѣ видомъ охраненія и защиты ея интересовъ, а въ сущности

обличают лишь невѣрие въ ея внутреннюю силу. Нѣтъ, православная церковь въ Россіи, которая помнитъ себя православною почти съ тѣхъ самыхъ поръ какъ запомнить себя, находилась бы внѣ всякой опасности даже при полной религіозной свободѣ, которая могла бы только оживить ее, пробудить въ нашемъ обществѣ церковные интересы, поднять проникающее религіозное чувство,— могла бы только способствовать къ раскрытію того, что составляет ея истинную сущность и что даже теперь, оставаясь подъ спудомъ, начинаетъ могущественно привлекать къ себѣ иновѣрцевъ во всѣхъ концахъ міра. Православной церкви въ Россіи грозитъ гораздо болѣе серьезная опасность отъ внутренняго усыпленія, отъ апатіи, отъ того несвободнаго положенія, въ которомъ она находится, отъ того отождествленія ея съ государствомъ, которое лишаетъ ее всякой самостоятельности, и отъ тѣхъ расколовъ, которые вслѣдствіе всего этого возникаютъ въ ея собственныхъ нѣдрахъ. Православная церковь болѣе всего подвергается теперь опасности отъ тѣхъ онаслывыхъ заботъ, которыми, подъ видомъ защиты, подавляютъ и мертвятъ ее.

Что касается до западнаго края, то вмѣсто ни на чемъ не основанныхъ опасеній за православіе отъ допущенія русскаго языка въ католическое богослуженіе и молитвословіе, лучше пожелать добраго осуществленія той мысли, которую, какъ слышно, имѣетъ въ виду тамошняя администрація,—именно открытія въ Вильнѣ духовно-православной академіи, которая вѣрнѣе нежели что-либо могла бы возвысить какъ православную церковь, такъ и вообще русскую народность въ томъ краѣ *). Возвышать и обезпечивать можно только положительными, а не отрицательными мѣрами, которыя нерѣдко ведутъ къ результатамъ совсѣмъ противнымъ.

*) Мы не разделяемъ этого мнѣнія. При существованіи вблизи Вильни, всего только на одніи сутки разстоянія, по желѣзной дорогѣ, с.-петербургской духовной академіи, учреждать здѣсь академію нѣтъ никакой надобности— только прекрасная и безцѣльная затрата большой суммы денегъ. Кромѣ того, ступишь ли въ эту академію студентовъ изъ воспитанниковъ западно-русскихъ, въ томъ числѣ и двухъ воссоединенныхъ семинарій, зловредно отразилось бы на ихъ воспитаніе относительно современнаго очищенія русскаго языка отъ мѣстныхъ провинціализмовъ и бѣлорусскаго акцента, отъ чего они, будучи административными уроженцами, не могутъ освободиться въ мѣстныхъ семинаріяхъ, да и лишены будутъ возможности чрезъ сообщеніе съ студентами, уроженцами великороссійскихъ губерній, воспитывающимися въ С.-Петербургской и Московской академіяхъ, проникаться истиннымъ русскимъ духомъ, русскимъ православіемъ, и русскими обычаями и такимъ образомъ, возможности много отразиться отъ административной жизни.

Связь исторіи русскаго языка съ исторіей латинскаго костела на Руси.

Не безызвѣстно стремленіе лучшей части греко-уніатскаго въ Галиціи духовенства къ освобожденію роднаго русскаго языка и своей церкви отъ вліянія польской рѣчи и латинской обрядности. Органомъ этого направленія служить львовская газета «Слово», состоящая подъ редакціей г. Дедицкаго. Чтобы познакомить читателей нашихъ съ новымъ движеніемъ галицкаго греко-уніатскаго духовенства, нѣкогда принадлежавшаго къ кievской митрополии, и съ его нынѣшнимъ литературнымъ языкомъ, такъ уже близкимъ къ нашему общерусскому, приводимъ отрывокъ изъ отвѣта А. Петрушевича безыменному критику на его рѣчь о русскомъ языкѣ, произнесенную въ засѣданіи галицкаго сейма 16-го января 1866 года. Сказанное г. Петрушевичемъ равно относится и къ юго-западной нашей Руси, которая тогда, отторгнутая отъ общаго русскаго отечества, раздѣляла бѣдственную участь галицкой Руси.

«Для чего же, господинове польскіи журналисты! провозносите и величаете вы ваше польское духовенство за его крѣпкое століе при вѣрѣ и обрядѣ своихъ отцевъ, языцѣ и народности, когда между тѣмъ такими же свойствами отличающагося русское духовенство, которое еще большого удостоается почитанія и похвалы, ибо оно гоненое вами, лишеное своимъ опольщившимся дворянствомъ, такъ сказать, своимъ героическимъ подвигомъ само ставитъ нынѣ въ оборонѣ русской народности, не стыдится того народа, изъ котораго произошло, котораго просвѣщаетъ и съ которымъ, не уважая на всѣ польскіи обѣщанія, такъ радо дѣлится его смутокъ и радость въ одной благой надеждѣ на личную будущность и на помощь Бога, что Онъ, Отецъ всѣхъ народовъ, не откажетъ своего благословенія для русскаго народнаго дѣла.»

«Такимъ способомъ спрошу еще разъ, что же великаго сдѣлала Польша на Руси галицкой черезъ пяти-вѣковое свое владѣніе? Это въ намѣреніи уничтоженія Руси посредствомъ своего латинскаго духовенства опольщила только русское дворянство, которое теперь въ союзѣ съ Польщею на ново начинаетъ на Галичѣ дѣло колонизаціи того русскаго народа и духовенства, котораго Польша за своего владѣнія, опершогося о церковь, попольщити не успѣла, а теперь снова яко прежде стоитъ передъ тою неодолимою стѣною, яко послѣднею незанятою барикадою, и посредствомъ всѣхъ польскихъ журналовъ выкидываетъ всю свою жолчь на такъ названную партію клирикальную, заступающую рускій народъ. *Нісc ігае et lacrimae.*»

«Быти можетъ, скажетъ нѣкто, будто я изъ недоброжелательства для католицизма опозоряю латинское духовенство, закидая ему несправедливо пропаганду польскаго языка на Руси, и тѣмъ

же ополячение нашего дворянства. Напротивъ тому приведу свидѣтельство самого большого польскаго поэта Адама Мицкевича (1) (*Rzecz o literaturze Słowiańsk. Poznań 1850. str. 207*): *Ja-koż to była potęgą i popchnęta ją na ziemie ruskie? Co to była za siła, która odparła aż za Dniepr mowę i nagrodowość ruską? Ta siła nie wszczęła się w samej Polsce, przyszła z daleka, i była wypadkiem zbiegu wielu okoliczności, niemających na pozor żadnego związku z historią polską. Kościół wziął na siebie dzieło rozniesienia szeroko języka polskiego. Дальше говорить Мицкевичъ о мисіонерскихъ дѣлахъ о. о. францискановъ и доминикановъ на христіанской уже Руси, наконецъ прибавляетъ: *Język polski zajął najprzód stanowisko na ołtarzu, stał się językiem modlitwy, a potem językiem domowym. We trzy wieki późnij Jezuitci, znalazłszy ten siew, z biegłością widoków, właściwą swemu zgromadzeniu, poszli go rzędnie uprawiać i na użytek obracać* (2). Въ продолженіи четырехъ вѣковъ воздвигли польскіи монахи разлчныхъ орденовъ во всѣхъ городахъ Руси великолѣпныи каменныи зданія своихъ костеловъ и кляшторовъ, вытѣсня изъ нихъ убогіи деревянныи церкви, въ которыхъ уже только простой народъ на богослуженіе собирался, въ отдаленныи предградія, куда еще введенны на Русь жида рускыхъ гражданъ выперати помагали. По той причинѣ справедливо сказалъ госп. Юліанъ Горонкевичъ, въ своей рѣчи на первомъ публичномъ засѣданіи рускаго собору въ Львовѣ, 15 Юня 1848 года: (3) *Fanatyzm Polski całą sztukę swojego wpływu wywarł na tęce Rusi, a tęca Rusi rozrąta i zgubiła Polskę* (Druk. Lwów. 1848)“.*

«Изъ приведеннаго мною уразумѣть мой критикъ, что исторія рускаго языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ исторіею латинско-польскаго. Польскіи мисіонеры не довольствовались тѣмъ, чтобы Русь греческаго вѣроисповѣданія признавала только папу римскаго видимой главою католическаго церкви, но принуждали Русь отказаться отъ греческо-славянскаго обряда, принуждали принять латинскій, съ

(1) «Какая власть подняла польскую народность и двинула ее на русскую землю? Что это за сила, которая отодвинула за Днѣпр русскую рѣчь и русскую народность? Эта сила получила свое начало не въ самой Польшѣ, она пришла издалека и была слѣдствіемъ стеченія многихъ обстоятельствъ, помидому не имѣющихъ ни какой связи съ исторіею Польши. Костель взял на себя дѣло широкаго развитія и распространенія польскаго языка».

Не по этой ли причинѣ, и такъ недавно у насъ, костель сильно возсталъ было противъ введенія въ гимназіи преподаванія римско-католическаго закона на рускомъ языкѣ? Ред.

(2) «Польскій языкъ первѣе получилъ мѣсто у олтара, сталъ языкомъ молитвы, и въ послѣдствіи языкомъ домашнимъ. Спусти три вѣка іезуити, навнав на этотъ постѣвъ, съ тонкостію политики и дальностію видовъ, свойственною ихъ ордену, занялись правильной обработкой его и приложеніемъ къ дѣлу».

(3) «Польскій фанатизмъ все свое вліяніе употребилъ на то, чтобы мучить Русь, а муки Руси истощили и погубили Польшу».

вторымъ нужно было Руси отъ польскаго духовенства слухати вальской проповѣди и обучатися молитвъ на польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ польское духовенство на Руси послужило для польскаго слова и народности въ земляхъ русскихъ, занявшихъ Польшу. Последствія таковой, по видимому религіиной, но при томъ польско-народной пропаганды, совершенной польскимъ духовенствомъ, были для насъ самыя жалостнѣйшія, понеже Русь, поддѣльная Польшѣ, лишилась своего богатаго дворянства, такъ что еперь только простой народъ и одна часть его интеллигенціи придерживается греческо-словенскаго вѣроисповѣданія, и нынѣ ни одного нѣтъ рускаго вельможи, который, принявши латинскій обрядъ, стался бы вѣрный своей народности, т. е. чтобы могъ благословенно сказать о себѣ: *«я остаюся вѣрнымъ сыномъ Руси, хотя осмѣлкую латинскому вѣроисповѣданью!»* Такъ должно и быть, ибо вѣра Христова и обрядъ ея греческій или латинскій, свободный отъ всякой политической и народно-пропаганды, не лишаетъ, кромѣ въ давней Польшѣ, христіанскіи народы отечественнаго ихъ языка, что больше стается неборимымъ заборомъ ихъ народности: но когда съ религіинымъ мисіонерствомъ соединяются политическіи цѣли, тогда понижается самая вѣра и страдаетъ народность (4). Сообразивши такое жалостное событіе, котораго было виновникомъ польское духовенство на Руси, легко розгадается истинный поводъ приращенія и уничтоженія униі въ Россіи при общей вѣротерпимости ея прочихъ вѣроисповѣданій, и настоящая причина международной вражды Польшѣ и Руси со времени столкновенія латинскаго и греческаго вѣроисповѣданія на русскихъ земляхъ. Нашъ слабосильный русинъ, похищенный такою народно-польскою пропагандою латинскаго духовенства, думая, что онъ такимъ способомъ измѣнилъ свое руское происхождение, называетъ себе нынѣ *Polakiem słowiańskiego obrzędu*, или, признаваясь до своего рускаго роду, именуется себе въ слѣдствіе полученнаго латинскаго крещенія, по примѣру Станислава Орѣховскаго, *gente Ruthenica et natione Polonum*. Дивное явленіе, что то не дѣялось въ давней польской Рѣчи посполитой! Человѣкъ родился изъ матери и отца русиномъ, но въ слѣдствіе втораго отрожденія водою и духомъ св. въ тайнѣ крещенія по латинскому обряду отрожденъ въ поляка! Видно, что въ давней Польшѣ были два крещенія, т. е. церковное и политическое, якъ было и двѣ униі, церковная (берестская) и политическая (любельская). Такимъ образомъ давняя Польша не совѣстилась и самую св. вѣру употребляти за средство для осягненія своихъ политическихъ цѣлей,

(4) Надобно замѣтить, что латинско-польскіи мисіонеры на Руси вступали противъ воли русскихъ языкъ, которые желали только, *ut omnes sint Catholici, non Latini*; слѣдовательно тѣ злоупотребили свое посланничество и мѣшали *sacra profanis* для своей вещественной пользы.

подобно тому, какъ еще въ наше время нѣкая часть сыновъ ея, въ угодиѣ польской политики въ службу Магомета, чтобы проливать кровь христіанскую. Видно, что *Польша еще не узнала*, ибо она все таки къ большому паденію клонится, пока не переимѣнитъ своей политики, осуждаемой всѣмъ словянскимъ міромъ.

А. Петрушевск.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ІОСАФАТЪ ОГРЫЗКО

И ПЕТЕРБУРГСКІЙ РЕВОЛЮЦІОННЫЙ РЖОНДЪ ВЪ ДѢЛѢ ПОСЛѢДНЯГО МЯТЕЖА.

Составилъ членъ Виленской Особой слѣдственной, по политическимъ дѣламъ Коммиссіи, Н. В. Гогель. Цѣна 40 коп. серебромъ безъ пересылки. Съ требованіями обращаться къ составителю въ г. Вильну, на Трокскую улицу, въ домъ графа Тышкевича, квартира № 1.

ЖАНІЕ 11-й кн. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 18⁶³/₆₆ ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

МАТЕРІАЛЫ ДЯ ІСТОРИИ УНИИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ. — 1) **Взысканіе** изъ митрополита кievской донесенія пресвитера Константина Григоревича униатскому протоколу Махаму Рагози объ отказѣ архимандрита Никифора Тура повиноваться протоколу. 1595 г. Стр. 19. — 2) **Послание** митрополита Михаила Рагозы къ воеводскому епископу Гедсону Балобану о соборномъ отлученіи его отъ церкви за ослушаніе и неприятіе унии. 1596 г. Стр. 21. — 3) **Жалоба** вилненск. протопопа Ив. Френковича на Стефана Куколя, что онъ безъ дозволенія митрополита произноситъ омовѣди въ вилненск. св. Троицкомъ монастырѣ. 1599 г. Стр. 23. — 4) **Свидѣтельствованіе** о допросѣ протопопа вилненской Пречистенской церкви и всего духовенства чланномъ членами магистрата о причинѣ внезапнаго прекращенія ими въ церквахъ богослуженія, и проч. 1595 г. Стр. 25. — 5) **Прощеніе** духовенства и мѣщанъ г. Гродна униатскому митрополиту, дабы дозволено было имъ совершать богослуженіе въ церквахъ по древнимъ греческимъ обрядамъ и проч. Стр. 28.

(ОКУМЕНТЪ касающійся евреевъ въ западной Россіи. — **Жалоба** мнискаго городского **Шавла Смеруны** на мнискихъ евреевъ объ опустошеніи и разграбленіи его сѣли **Острогичицы** и проч., 1627 г. Стр. 29.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ВЫДУБИЦКІЙ монастырь (продолженіе), съ 1690 по 1786 годъ. Стр. 53.
ДЕЯ эмиграціи до и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—63 г. (окончаніе).
тр. 110.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

Б г. Скарятину. Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

КН Посредника. Стр. 129.
богѣ Польши, соч. Фука, перев. съ французскаго (продолженіе), Глава 1—Польша; Глава 2—Народъ. Стр. 160.
ДЕНІЕ въ г. Краславѣ церкви во имя св. Александра Невскаго и коученіе о прот. (оромѣянца. Стр. 177.
ДЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ. — **Шефвандъ** г. главнаго начальника сѣверо-зап. Россіи по Ковенской губерніи. Стр. 187. — **Письмо** изъ Вильны въ «Московскія Вѣдомости». Стр. 228. — **Разсужденіе** «Московскихъ Вѣдомостей» по поводу этого письма. Стр. 292. — **Смѣна** исторіи русскаго языка съ исторіей латинскаго востока на Руси. Стр. 299.
МЕНЕ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

- № 17. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УНИИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ. — 1) **Ваше** письмо митрополита кievской донесенія пресвитера Константина Григоревича уни митрополиту Махалу Рагозѣ объ отказѣ архимандрита Никифора Тура новин митрополиту. 1595 г. Стр. 19. — 2) **Восланіе** митрополита Митхана Рагозовскому епископу Гедону Балобану о соборномъ отлученіи его отъ церкви званіе и принятіе уни. 1596 г. Стр. 21. — 3) **Жалоба** ижевск. протоиерея Пореевича на Стефана Буколу, что онъ безъ дозволенія митрополита проповѣди въ ижевск. св. Троицкомъ монастырѣ. 1599 г. Стр. 23. — 4) **Синдикъ** етвонская о допросѣ протоиерея ижевской Пречистевской церкви и всего духовенства членами магистрата о причинѣ внезапнаго прекращенія ими въ дебогослуженія, и проч. 1595 г. Стр. 25. — 5) **Промешіе** духовенства и мѣ Ратна униатскому митрополиту, дабы дозволено было имъ совершать богослуженія въ церквяхъ по древнимъ греческимъ обрядамъ и проч. Стр. 28.
- № 18. ДОКУМЕНТЪ касавшійся евреевъ въ западной Россіи. — **Жалоба** мниискаго мѣчана **Давида Сперуны** на мниискіхъ евреевъ объ опустошеніи и разграбленіи **Острожчицы** и проч. 1627 г. Стр. 29.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

КЛЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ монастырь (продолженіе), съ 1690 по 1786 годъ. Стр. 53.
ПОЛЬСКАЯ эмиграція до и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—63 г. (оконч.) Стр. 110.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

ОТВѢТЪ г. Смарыну. Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ЗАПИСКИ Посредника. Стр. 129.

НѢТЪ болѣе Польши, соч. Фука, перев. съ французскаго (продолженіе), Глава 1—Глава 2—Народъ. Стр. 160.

ОСВЯЩЕНІЕ въ г. Краславѣ церкви во имя св. Александра Невскаго и поученіе Дорощкѣвича. Стр. 177.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ. — **Письма** г. главнаго начальника сѣверо-зап. Россійской губерніи. Стр. 187. — **Письмо** изъ Вильны въ «Московскія Вѣдомости» о **Размысленіи** «Московскихъ Вѣдомостей» по поводу этого письма. Стр. 187. — **Связь** исторіи русскаго языка съ исторіей латинскаго костела на Русі. С. **ОБЪЯВЛЕНІЕ.**

ВЕЩАМИ

ЗНАМЯНОЙ РОСИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

1866.

СООБЩЕНИЕ

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18⁶⁵/₆₆.

ВНИЖА XII.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1866.

Дозволено Цензурою 22-го Октября 1866 года. Вильна.

I.

№ 19-й.

ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ УНИИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

1.

Увѣщательное письмо Пелаген Кипріяновны Гсцевичевны къ ея сыну, совратившемуся изъ православія въ унию.

Сыну моему Яну отъ Господа Бога всего добра
зычу (желаю).

Знову, з материнскимъ напомнѣнемъ становлюся пред-
тебѣ сына а то взламанию вѣры Православія старожитно-
го Греческаго ку нынѣшнимъ вѣкомъ Памяте послушенства
спрофонованаго костела Римскаго отпалесь, якожь не мень-
шую потѣху оттул (я) одержалемъ же тысячи слова мои
въ листѣ (письмѣ) першомъ надъ слоньце яснѣйше дарем-
но пряцовалесь (трудился) моцнѣйшее (силнѣйшее) бо-
вѣмъ (ибо) едино слово материнское а нижли сыновскихъ
прожныхъ безличбы (безчисла), То мовлю видячы же ся
платить хотѣло матце напоминающей, Алесь (но ты) неза-
платилъ, зачимъ розумѣю не ляда яко зупажу повстане где
кузрозуменю повторивши мои першіе слова. Нынѣ знов

указат не отменную старожитность нашего православія, а вашего кривославія, тутежь и на иншіе вѣры и оболочи лѣто ясное промѣнистое (лучезарное) мовлю въ манѣи (манія) потвары (клеветы) неправд легкомысленностей часомъ отъ пустопапныхъ дѣтей сталои матери указующихъ, распорошитъ (разсѣетъ) и указать такъ якоще я въ своемъ писанню бадаспъ, постановилемъ и то своихъ часов хотѣлъ зъ азбуки тя научить кдыжь з псевдологии не бачу пеце humanaum, пеце divinaum verum cognitionem (1), але тулко она вытригнула манѣю. А тая vanitas vanitatum (суета суеть) засмаковала, а преже бо за тымъ то укажу же имя ваше манѣя, а прозвище vanitas (суета); оно мѣнуеть а сее вашу правду указываетъ оба теды тые титулы сталости (постоянству) вашей належные, и мы зъ святое памяти мелентіямъ патрыархою Александрійскимъ даруемъ и умаціаемъ (укрѣпляемъ) На оныя слова в листѣ моемъ не уніатскимъ але православнымъ крещеніемъ тебесь мо обдали.

I. Спомянулесь проклятыхъ нурковъ намъ брыкыхъ а вамъ розумѣемъ о ходатайствѣ збавителя нашего близкихъ, не належе бо а ни тое а ни оное мѣлось быль указать але то довести, же нашихъ светое крещеніе ино вѣрцомъ помощно (полезно) если же помощно и добро, а чемужь то матце которая нимъ тебѣ облекла тыжь ее сталъ непотребнымъ, а то фундаментъ спасенія нашего вѣра и крещеніе, А ктожь та нимъ приоболокъ а зане отъ небесъ Богъ, яко светчить (свидѣтельствуеть) Августинъ (Ewan. Ioann. tract. 5) baptisandi potestatem dominus tibi tenuit ferius ministerium dedit (2) о томъ ведлугъ того розумѣня вѣрою крещеніемъ нашего православія погордивши

(1) Не вижу познанія ни отъ божественного, ни отъ человеческого.

(2) Власть крещенія хотя дана священнику, но Господь удержалъ ее у Себя.

презрѣвши) Богомъ гордишь (презираешь) и не отъ насъ
 хъ отпалъ але отъ Бога а не мѣлесь былъ того учинить
 ю и зато на крещеніи шлобовало (обѣтъ данъ) жесь мѣль
 ного шлюбу (обѣтъ) до смррти животе своего до держа
 и яко научаетъ Грыгорей (Homilia 29.) tunc enim veraci-
 er fideles sumus si quod verbis promittimus operibus comple-
 aus. Але ижесь то Богу не додержалъ и шлюбуючимъ за
 я зосталесь путь церкви Божре въ которой тѣжъ та
 ыль звялъ. Вѣдаю же речешъ крещеніемъ не горжу, а
 ое церкви не слушаю добро речешъ бо такъ есть бо Ав-
 устинъ (Contra Dion. Lib. 5) такъ свтую тьму разъяснилъ
 non omnes qui tenent baptismum tenent ecclesiam (1) хлѣбъ же
 я ты крещеніямъ церкви нашею але она о тебе знати не
 чочеть, затымъ ты держишь крещеніе, а в церкви неестесь
 прото ани ты оно пользуется. Мы зась окрестившися въ
 Гройцу единосущную естесмо въ той церкви отъ которое
 отъ даръ маемъ т. е. отъ своихъ светейшихъ восточ-
 ыхъ пастырей ты зась нынѣшнее маней не естесь с ы нъ
 режнее крещеніе, Але нашимъ есь ся и не придурилъ пре-
 о въ церкви нашей не естесь, а въ своей тенерешней не
 крещенъ презъ тотъ способъ, яко слышишь, розважай же
 къ хочешъ, албо зостать при матери правдивой которая
 обою болѣла, поругане, уплеване, бичоване и распяtie и
 агость твою крещеніемъ приодѣла, Албо при сей улюбе-
 юй, которая одерши ты з святое шаты (одежды) вывевши
 а лобъ з того соборного дому въ нераднѣй яко услышитъ
 юмъ упровадила где облупивши ты з цнотъ (добродѣтелей)
 ювлю лупежца (грабитель) з облупленнымъ гражданину по
 югословцехъ на странѣ далекой служить и ожидава-
 отъ (ожидаютъ): о тожъ маешь сыну слова, што писа-
 на въ першомъ параграфу листу моего до тебе.

(1) Ибо мы тогда только истинно вѣрны, если что обѣщаемъ на
 словахъ, то исполняемъ и на дѣлѣ (***). Не всѣ одержавшіе крещеніе
 держались въ церкви.

II. Противно есть постановленіе папезское светымъ отцемъ бывшихъ на семи соборахъ вселенскихъ.

Православная католическая вѣра Духомъ святымъ на Никейскомъ 1 и Константинопольскомъ 4 соборахъ достояніе есть укрутована (укреплена) и запечатана. А то в постановленіи гасла Але потомные папежи тымъ соборомъ святымъ спротивилися и грунтъ нарушили, печати поломали. И прото папежи суть протикники соборомъ святымъ и справа Духа светого. Хоть оно по ровнотѣ першы с тыхъ соборовъ науку мовлю никейского 1 и константинопольского 4 енералныхъ з твоимъ гоемымъ (халенымъ) трыденскимъ собрищемъ, обачишь если тогожъ Духа оваа послѣдняя сынгога (синагога) до запечатанія артыкуловъ мѣла, яко оныя першы святыя отцы они бовѣмъ (ибо) по Никейскомъ соборѣ собравшихъ до Константинополя contra Macedonum (противъ Македонія) першый законъ написалъ: *custodientiam esse fidem 318 patrum, qui apud Niceam Baptniae convenerunt et anathematisandam omnem haeresim* (1). Тужъ достаточнъ написавши символъ безъ онаго слова Духа святаго и отъ сына исходячого на увесь свѣтъ за ненарушоною печатію гасла подали. (Vide Garan: *summa Concilii fol. 87*) *Credimus in Spiritum Sanctam Dominum et Virificatorem ex Patre procedentem*, (2) где по нынѣшній день сбывши многихъ геретиковъ, претрвавши многихъ тырановъ тое святое печативцалѣ. церковь кгрецкая доховала (сохранила), а Римская спротоновала *et subserperunt 150 Episcopi, qui in eodem concilio convenerunt*. варовали мовлю светые свое уставы едностю з соборомъ Никейскимъ откуль две причине бытъ поведая первая, ижъ тойже Духъ Св. на томъ Константинопольск. соборѣ справовалъ что и на Никейскомъ; вторая,

(1) Да сохранится вѣра 318 отцевъ, собравшихся въ Никей востинской для анафематствованія всякой ереси.

(2) Вѣруемъ въ Духа святаго Господа и Животворца, отъ Отца исходящаго.

ке противъ оного Македонія геретика—духоборца тую печатъ або гасло кгрунтовнѣ не недостатечне зложили и всему свѣту подали ото маешь оныхъ светыхъ отцевъ зъезды и вѣру, читайже знову Флоренскій синодъ еслися обычаемъ оныхъ светыхъ отецъ починалъ вырозумѣи *haec sancto synodo Florentina definimus ut haec fidei veritas ab omnibus christianis credatur et suscipiatur, quia spiritus sanctus a Patre et filio eternaliter est* (1) двѣ тутъ справе противныхъ светому собору 4 Константинопольскому, повиненесь бачити першая же отпадаеть сей синодъ едности з Никейскимъ и Константинопольскимъ соборами, не перестерегаючи (не сохранивъ) и не наслѣдуючи ихъ вѣры, вторая значная противность у вызнаню (въ исповѣданіи) вѣры о светомъ дусѣ тамъ мовить—отъ одного отца исходящаго, а тутъ отъ отца и отъ сына, *qui spiritus Sanctus a Patre et Filio eternaliter est, oto non eternaliter*, (невѣчно) бо тамъ тые светые отцы противъ духоборца того ненаписали, а за тымъ ани вѣрили, тужъ ми допѣро польской свои глыбокіе розумы, албо слова, которые мовишь в листе не машъ у братшыковъ Духа светого, тамъ то лукавче Духъ святой пребываетъ, гдѣ уставы его цѣло и непорушно ховають? А хтожъ з светыхъ ото вамъ вжды примовлялъ—читайже Теофилакта колюмну (столбъ) церкви светое греческое *Sane latini male haec exponentes et minus recte intelligentes dicunt quod Spiritus etiam ex Filio procedat* (2) А што на то мовишь же ревоковалъ знову святой Теофилактъ тыхъ словъ гдѣсь еси знашолъ листъ его на Ватикану въ Рямѣ А хтожъ неправде кажетъ вѣрити ото у мене якось слышалъ соборъ константинопольскій кгрунтъ (основаніе) вѣры а не

(1) Опредѣляемъ этимъ святымъ флорентійскимъ синодомъ, чтобы всѣми христіянами была признана и принята та истина вѣры, что Духъ святой отъ Отца и Сына вѣчно есть.

(2) Нѣтъ сомнѣнія, что латиняне это худо излагають и неправильно понимаютъ, утверждая что Духъ святой отъ Отца и Сына происходитъ.

Ватиканъ А Дамаскинову ревоѡацію где знайдепгъ, кото-
 рый ясне написалъ ех *filio autem spiritam sanctum non dici-*
 тивъ але чему, кгрецкими слушами церковными подпиравъ
 а такъ валный соборъ такъ ясную всего свѣта вѣру пригля-
 дия Леоновъ 10-му папезови Римскому
 и гды спѣвано символонъ с
 придаткомъ словка и отъ Сына чему онъ то вызналъ же
 того светые отцы не вложили а кому треклятые приложили
 (речешъ же объяснили для герезыи, А хтожь пытаю (спра-
 шиваю) перво мѣлъ отъ герезыи, а за не онъ сторожь цер-
 ковный Леонъ, А чому се то онъ спротивилъ тому словку
 поневажъ (поелику) потребу повѣдаешъ) чему декретъ
 по долгой диспутации учинилъ абы того словка и отъ сына
 до крѣда (къ Вѣрую) не прукладади чему таблицы двѣ среб-
 рѣные вырывши крѣдо (Вѣрую) безъ придатку зъанафемю
 хто бы иначе учинилъ въ костелѣ прибить розказалъ а
 занезабѣгаючи тому объясненю онъ то чинилъ аза-
 невѣдало его внутренее око якие противники по отходѣ
 его Духу святому мѣли повстати (хочай Бароннумъ все на
 умоцънене столицы Римское (але несправедливе писалъ)
 еднакъ правду нехотючи рекъ въ томъ мѣсту) отожь твое
 объяснене и то што усилуешъ показать-же для герезыи.
 Правда же з герезыи, А которую новую тарчъ (щитъ) еше
 противъ того острого кгроту (стрѣла) слонячи той ясныи
 блудъ римскихъ ванихъ пастырей изнесешъ, азане покру-
 шила матка без личбы (безъ чцсла) заслоны з паучины зро-
 бленные ляментуючи (оплакивая) васъ сыновъ выродныхъ
 што ижъ она доказала а повтарат я не хочу але для корот-
 кости тымъ тот аргументъ мой змацняю (подверждаю) не
 машъ у унитовъ ницешънихъ Духа светого, бо се згодили
 з герезею о Духу светомъ двай початки ему даючи, за
 тымъ сакраментовъ (таинство) святыхъ немають и не мо-
 гутъ и познат правдивыми хрестияними кгдажъ голос вѣри
 превиринули, Не машъ и поровнания въ ихъ зборыщахъ ста-

новеню и науце святыми соборами оными на увесь светъ ясными, бо тамъ Духъ святой хотѣлъ такъ. А ту противникъ панежъ такъ розказал, прето противникомъ се Духа святого называетъ, нимагъ Legitime (законно) идучыхъ старшихъ у нихъ, тыко двираючысе кгвалтомъ (насилно) на тые врады вступаютъ, нерадитъ таковыми всеми Духъ светый которые ламлют справы Его, яко смѣлъ в заданю речы мои и в поровнани соборовъ святыхъ с вашими Флоренскими и трыденскими статутами: то маешъ первый нерадный домъ в которомъ чистости Духа светого немашъ, до котораго тебе манѣя запровадила Але ты предсе далей слухай.

III. Третья манѣи мовит Все у васъ добре сакрамента (таинства) добрые Вѣра добрая ено послушенства не отдаеъ единой головѣ всего свѣта римской бо Кирилъ Флявийнъ Афанасий Златоустый пастырые кгрецькые до оного се утекали и его за голову мѣли, А чи снимтисе чили (или) такъ за зламане вѣры господь Богъ розумъ твой роздѣлялъ, а чимже ты того подопрешъ (докажешъ) чи канонами которые бы тыхъ филаровъ (столбовъ) научали до Рыму и о помочь и на справу утекали (прибѣгать), але тамъ я тобѣ укажу што иншого, А ты ми бысь то мѣлъ найслушней указать положилесь на доводъ Паладия Возумена але и тые неинакшю причину бытия тыхъ свѣтильниковъ в римѣ быт кладуть толко фортуито казу (случайно) для герезын на своихъ столицахъ жыть не могли бѣгали по розныхъ сторонахъ а же папежъ цезара за златоустаго клялъ тогда то чинилъ яко сполный (общий) братъ яко листы (посланія) его светчать гласъ крове брата моего Исаакка воплетъ ко Богу бо на онъ часъ не такая едностъ по всемъ свѣтѣ трвала (существовала) якусьте вы склетили (сколотили), непротивна была соборомъ свѣтыя и Духу светому яко нынѣ тая ваша, невѣдали отцы свѣтые оные наонъ часъ Духа светого быти отъ сына, не вѣдали о пуркгацыи (объ очистилищѣ) Але за такого тые

отцы светые розумѣли быти папежа чимъ сами были, братомъ а не наномъ оный имъ былъ а за тымъ не отцемъ, милость братерская папезовъ побужала до писаня листовъ добродѣйствъ клятвъ а незверхность (начальство), мѣли они свои дыоцезыи такъ яко и онъ свою водлугъ канону святого никейского, александрійскій ровную моцъ (власть) мѣлъ такъ яко и рымскій, мовить канонъ шесый 1 светого Никейскаго собору *mos antiquus perdurat in Egipto vel Libia et Pendaroli ut Alexandrinus Episcopus harum omnium habet potestatem, quoniam quidem et Episcopo Romano parilis mos est* (1) По штожь тамъ (туда) афанасий утекалъ (уходилъ) чы по листъ (по посланіе) заклинальный, але онъ такуюжь моцъ (власть) мѣлъ яко и папезъ, затымъ повинны бы и другіе отцы восточные не до рымскаго але до александрійскаго патрыархи в потребахъ своихъ утекаться (обращаться) яко тойже канонъ учить але тое тамъ быте (пребываніе) ихъ сталосе *furtuito casu* (случайно) такъ яко слышимъ: а стороны нынѣшнихъ светейныхъ патрыарховъ нашихъ жесь ты з нами в згоде (въ согласіи) хочай то *litteretu patule* Але дай то чогожь большъ хочешъ то и знами кгдажь (когдажь) мы вси сталымъ сердцемъ вполечности (общеніи) светого Духа вѣри естесмо зе влохъ (изъ Итали) то зъ замалу гнилыи вѣтръ тую новину иринесъ (к) ражу ани ты ени я тыхъ басней ку замыдленю (затмѣнію) правды приимать не хотѣмъ что ижъ ея отступило, речы давши покой, на оную першую такъ отповѣдаю, а ижъ большихъ рацій (доводовъ) на подпоръ (подтвержденіе) свое манѣи не масте толко тые, Прето южь (уже) то вамъ не разъ не два але безъ личбы през друкъ (печать) отпорныхъ правдивыхъ сыновъ церкви Божое указано, абовемъ бы те тыхъ светыхъ отцовъ в риме зверхность папезскую умоцняешъ бо того с каноновъ не-

(1) Существуетъ древній обычай въ Египтѣ или Ливіи и Пентаполѣ, что александрійскій епископъ имѣеть власть надъ всѣми ими, потому что и епископъ римскій подобную власть имѣеть.

укажешь. Ани тежъ ныне годится .с противниками Духа свѣтото товарищѣть если тамъ было брацтво безъ блудовъ въ вѣре безъ вынослости пыхи (гордости), А нынешнее ваншее въ вышѣ подестю (обманѣ) догмат розно яко небо отъ земли тылко бы имъ за носы васъ водить а вамъ ихъ слухати до такое они васъ унѣи довели, абысте сполковали (общеніе имѣли) с беззаконными церемонѣялы, абысте видячи брыдкие (гадкие) ихъ злости, хитрости, штуки, волчыя покоры (смиреніе), на нихъ не волали (не вопили). То для того они васъ потребууютъ до манѣи, южъ певне (вѣрно) не для порады бо постарому прожние трутни, а если который противъ вѣрныхъ найдется ихъ же то инструментъ мехи некельного (адскаго) коваля (кузнеца). Отожъ маешь другую господу (притонъ) своее утечки.

IV. Babilion aut confusio sicut inquit Dns Chrisostomus. Confusio enim vocatus est id quod Babilion sonat (Т. 1. Homil. XXXX.) (1). Дотогожъ то ты дому вавилонскаго або (или) закалянаго (порочнаго) нарадами (вкушеніями) упроважень (увлечень) якожъ тобѣ писала, Але ты бачу оттуа Богу дякуешь (благодаришь) же ты въ тое замешане вправля (ввелъ), яко слышимъ свѣтото Хризостома (Златоуста) о вавилону, ты шолъ ешь зъ іерусалиму до вавилону, або такъ попросту, зъ обѣту царствія небеснаго до замешаня (смѣшенія) неприятеля душъ людскихъ, А хочешь вѣдати что тамъ въ той конфузии (смѣшенію) за кгоснодыни (хозяйки), ово я тобѣ снадне (обстоятельно) укажу, и видилемъ мовить невѣсту приоблеченую въ пурпуръ и кармазынъ и узолочена золотомъ маючи кубокъ въ рѣцѣ своей полный брыдливости (гадости) и плюгавства вшетеченства (празнободѣйства) своего, А на чолѣ своемъ имя написано вавилонъ matka вшетеченства (Апокалипс. гл. 17)

(1) Вавилонъ или смѣшеніе какъ говоритъ свѣтый Златоустъ, або смѣшеніе синонимъ Вавилону (Златоустъ Вавилономъ называетъ Римъ).

але то о старомъ бавлофалскомъ (языческомъ) рымѣ albo вавилонѣ мовить, о южъ ми ту непрескочишь, ово дамъ то-бѣ *interpretatora* (толкователя) тыхъ словъ доктора, а доктора такового на которомъ ты увесь естесь мовою а не вѣрою мовлю святаго, который пишеть: *sum in Babilono versaber ritrius essem colonus et iure quirikum viverem.* Ото маешь светого Еронима розумѣющаго презъ тую вшетечную невѣсту не старый рымъ ани цесарей поганскихъ, але нынешній костель (римскій) и старшаго своего въ немъ бо южъ цесари на тотъ часъ христіанскіе были и нодъ правомъ духовнымъ, але нераднымъ былъ въ рымѣ, тотъ мужъ бо дамасть папежъ ужъ былъ умерь. Насталъ якисъ верутный (отявленный) збрядень (злодей) же ажъ мусель (должень былъ) Еронимъ светой до іерусалиму зъ Вавилону albo *confusii* утекать. О томъ правда южъ вырозумѣешь же не зе злости бачу тя въ тымъ плюгавымъ дому з мерзеного кубка пьючого, але станового розуменя яко слышишь Гипполита котораго тежъ привелъ будто собѣ на помочь, Але и то неинакшее розумѣне о той *confusii* было и иншихъ безъ личбы святыхъ я и теперь ревностю материнскою отрапена знаючись въ томъ жель тя цнотливе (честно) сплодила в домахъ зацныхъ (знатныхъ) светыхъ выховала (воспитала) бачачи тя одошлого въ той мизерный домъ слезне упоминаю вернись до церкви светое а хтожъ неутекаетъ (неуходить) зъ вавилону а хтожъ отъ тыхъ окрутныхъ (жестокихъ) напоевъ здоровъ быть можетъ.

V. А на плонные (пустые) казки то маешь.

Пишетъ въ листе разъ Потеевъ предводителя вашего который мѣлъ з гайдукумъ въ ринку виденскомъ не такъ якъ ты мовишь жебы за ведомостю братскою тося тамъ стало, але напомнимане то Божое было, яко Сосипатръ философъ пишеть: *admonitionum duo sunt genera alterum ac-*

iter objurgans, alterum leniter curans (1). Хотѣлъ Богъ
 ымъ напомнемъ отвернути отъ его прелукавое доро-
 и, але онъ улюбилъ престорный путь серебряный, зо-
 отый, перловый ланцуховый ублажительный отъ всѣхъ
 ншихъ (другихъ), вшакъ (вѣдь) незнесъ того напомненя
 южого скромне и безъ пометы (мщенія), Але на всихъ му-
 ахъ мученый, неповѣдалъ (тотъ на мукахъ всихъ того
 неказалъ, што ты безъ мукъ кажешь) того што ты на
 братство кажешь О томъ покой бо южъ тамъ оба где имъ
 готовано, и вы мало за што дяковать (благодарить) тому
 предводителяви кгдажъ той васъ въ тачкахъ до конфузии
 смѣшенія, т. е. ада) отвезъ той васъ нерадницы при-
 казалъ, и же стали гонителями правды будете, за васъ при-
 сягъ, и выметачами нецухами прокураторами секутника-
 ми до того дому нерадного господарми зоставилъ, зачымъ
 не свстое нехай будетъ але трехлятое памяти.

VI. Пишешь ми же взываемъ на споры страдалцевъ
 сыновъ церкви светое мосе верне любимое братии мо-
 вишь, же се мосе псевдоложины глыбокое боячись не ста-
 новили, А с кимъ же то ты диспутовалъ поневажъ (по-
 злику) наши тамъ небыли, А штожъ то ты за трымфъ з
 выграное строилъ чы не стьялъ то ты на той часъ чеха
 чы не змѣрился то былъ локтемъ вѣтру и чы не с те-
 немъ (тѣнью) ся то ты потыкалъ (сражался), што есть най-
 маленшая на томъ свете давши тому троха покой повѣмъ
 ти о томъ (хоть его лепей а нижли я знаешь) Когожъ то
 вызывалъ на тую брань *In circumcisis qui blasphemasti Castram
 Domini* то належить визнавающему але што кроткий Давидъ
*nec pertimescam inquit corporis proceritatem cum insipientem noverim
 mentem tuam quem sciam te esse adversarium Deo*, еднымъ сло-
 вомъ яко онъ воинъ каменемъ далъ быть въ сердце му-
 сьль бысъ пасти Але што штуки ваши та суть стрѣлы до-

(1) Два есть рода внушений—одно сильное, а другое легкое.

бре видими albo ся южъ то прав
 ко мнѣ писалъ, А кому съ те
 вы слово додержали, але недивъ Богу невѣрнымъ бывши
 людемъ и говшемъ (напротивъ), а до того вѣдали добре же
 не на диспутацію ихъ взываете Але на посмевиско што-
 ся указало зъ баламутни твоей в концу кгдаyste, перепери
 жесте о то есь выигралъ намъ соборе вапомъ когось то
 переперъ своихъ же снатъ (вѣроятно) бахуровъ (жиден-
 ковъ) дурный лейзеръ, А штожъ тамъ за доводы и
 отводы лихне з недобрыми непевные (невѣрные) зъ не-
 справедливыми:

А то есь выигралъ Кура на костеле (1) а чокогожъ
 хочешъ скаржится (жаловаться) же съ тобою не диспу-
 туютъ, я тобѣ скажу, сумнене (совѣсть) не кажетъ, але
 ты чому и для чога диспутовать хочешъ, диспутуйся
 ото з ляментомъ (съ плачемъ) который вѣрный сынъ
 церкви Божое его а не геретыцы писалъ, з нимся то
 тамъ было старти (сразиться) не з своими бахурами
 оттуль то мой писаръ вашу унью манѣю назвалъ, вшах
 умѣешъ по латыне манѣя significet (значить) шаленство
 albo отступене розуму.

Задивоваламся тежъ кгда пишешъ о убогствѣ папе-
 жа, правда же есть убогий але въ цноты (въ добродѣ-
 тели) убогий але в повинность сторон бо зась дочастное
 (временное) намъ марное (суетное) маетности зъединое
 шкортации выборне обѣд и вечеру з своими двораны
 мети бы могъ въ день страшный въздаяния юж бысъ—
 сяты з своимъ богатствомъ недотиснулъ до его убозства
 а онъ южъ за злотомъ и Бога незнаеть за злотомъ самъ
 и Богомъ учинилъ.

А о своемъ митрополите изавите (езуиты) што намъ
 кажешъ законникъ (монахъ) у весь ся выдалъ абы за-

(1) Польская пословица.

конь (иночество) Василея помнажалъ правда же законникъ онъ той фарисей што искушалъ Христа и Василія якои си новой законъ множить въ чымъ Богъ ему судья въ якуюся гипокрызью удалъ, а чему то ее покоры (смирения) не зажилъ (невыказалъ) оно надъ попомъ покинувшимъ манью за Потѣя кгда бороду вырвалъ а ты его такъ барзо (много) покору залецаешъ, (прославляешъ) снать то о васъ Господъ нашъ Иисусъ Христосъ рекъ *Vos estis qui iustificatis vos coram hominibus Deus autem nouit corda vestra.*

А кого то тамъ маеть въ маньи повѣдаешъ же людей зацныхъ, учоныхъ неволочащихся отъ панства до панства з баламутнею. А якожь есте набыли маньи если не презъ волокиту съ панства презъ панства до панства, Кого ми з насъ укажешъ хто такъ бѣгаетъ якъ ваши недалеко имъ вавилонъ албо *confusio* недалеко бискупы, недалеко Киевъ, недалеко Мѣнскъ, Бѣлая русь а о околичныхъ мѣстечкахъ селахъ не мовлю, А добре чинять кгдажь такъ о нихъ розумѣемъ, *coelum non animum mutant qui trans mare currunt* (1). О наукахъ ихъ тежь маемъ певность же и завше учать, а николи въ розухъ истинный прийти не могутъ, то маешъ о манитахъ сыновъ вавилонскихъ, А о сынахъ сионскихъ которыхъ баламутами и волоцугами зовешъ чынишь то с таемное задрости (зависти) противъ цнотѣ (добродѣтели) воюючи, задрость бовѣмъ (ибо) цноте нераздѣльный товарищъ, мусятся преходити отъ града во градъ куды ихъ ваши выпихаютъ, потужьна есть вавилония яко самъ сынъ Божый мовить яще Мене избити и васъ ижденуть, не можетъ быть ученикъ надъ учителя, стиснены суть сыны сионские чекають (ждуть)

(1) Тѣ, которые за море бѣгутъ, не духъ, но небо смущаютъ. (говорится объ африканскомъ клирѣ, изъ числа котораго нѣкоторые еще въ 4 столѣтїи обращались въ Римъ съ жалобами на мѣстныхъ епископовъ).

инного вавилонъ градъ ве-
ликий жилище

Отожь маешь на аргумента пробащее або рачей
снедапе (закуска) А на обедъ ея въ короткомъ часе полен-
нымъ вчым тися недогодило пріймуи вдячне (благо-
дарно) отожь маешь и чацки (игрушки) детишныя ста-
лой матери указуючыя где южь тыхъ твоихъ завола-
ныхъ листовъ (пресловутыхъ) незычыла бымъ (нежелала-
бы) собъ а злаща (а осбенно). такихъ читати Еднакъ
закннувши жалосною печатю смутное сердце нерекъши
какъ Богу ее Азъ и дети яже ми далъ есть Господь, на-
вернися сыну мой мовлю тя до православия нашего,
кгдажь даремно вѣкъ той жыти будешъ если той путь
незнайдешъ который еси стратилъ што бышь разумъ-
ла о твоємъ сердцу же похочешъ ярость переломити до
чого и я молитвою моею спомагати тя не престану.
Мейся добре. 3 Слуцка. Месеца августа 31 дня (року
616) не попсованному.

Зычу всего добра тобъ

Матка

Пелагия Киприяновна Гецевичовна.

(Изъ архива б. уніятскихъ митрополитовъ при св. синодѣ № 239).

Сообщено М. О. Колловичемъ.

2.

Юдтвердительная грамота короля Сигизмунда III, данная виленского св. Троицкаго монастыря архимандриту Юсифу Рутскому на право возобновленія сгорѣвшей Пятницкой церкви въ Вильнѣ, съ передачею ее, со всѣми постройками и угодьями, въ вѣдѣніе Троицкаго монастыря. 1611 г.

Жикгимунт третій Божою милостію Король Польскій Великій Князь литовскій русскій прусскій жомойтскій мазовецкій уфлянтскій Вандальскій дедичный Король.

Ознаймуемъ Симъ листомъ нашимъ Всимъ вовець (вообще) кому о томъ вѣдати належитъ, иж што велебный вбозе отецъ патей потей архиепископъ Киевскій Гаицкій и вся руси, видечи мѣсто (городъ) наше виленское А внимъ церкви шпитали (богодѣльни) дома церквонные и шпитальные огнемъ кгвалтовнымъ погорѣлые, А не могучи такъ борзо (скоро) мѣти способу на збудованье (постройку) ихъ вложилъ на монастырь виленскій Светое живоначалное тройцы, Тоестъ на юсифа велямина рутского архимандрита и братъи того монастыра, абы коштомъ своимъ церковь мурованую (каменную) Богоявленья прозываемую Пятницкою на улицы великой Которая идетъ от ратуша до замьку лежачую збудовали, такъ же и цментаръ (кладбище) тое церкви Притымъ инъшые муры (каменные строенія) на тымже цминьтару которій былъ шпиталикъ оправили, а збудовавши и оправивши все архимандритъ и братя монастыря вышь помененого постерегали (наблюдали) абы церк-

вы помененой Богоявленя кдеи хвала Божья водлуть (по) устововъ церкви восточное священниковъ ихъ монастырскихъ, а мирскихъ за дозоромъ ихъ парадне отировавлася, зачимъ жебы (дабы) теж и доходы всѣ стыхъ домовъ и пивницъ которые на томъ цминътару побудованы сут або напегомъ будоватое будутъ, Такъ же теж и стыхъ мурковъ презнихъ забудованныхъ вкаторихъ передтымъ шпиталь былъ шли на монастырь помененый виленьскій светое тройцы вѣчными часы яко то ширей влисте в Бозе велебного отца митрополита тому монастыру даныхъ ширей описано и доложено есть, который листъ положивши переднами архимандритъ з братею монастыра Помененого светое тройцы виленьского били намъ чомомъ жебысемо то все листомъ нашимъ ствердили. Мы Госнодаръ видечи архиманъдрита и збратю того монастыра Способныхъ до помноженъя хвалы Божое, Уважачи (видя) теж муры (каменныя строенія) перегорелые муромъ оправовать а деревомъ што погорѣло згрунту (съ фундамента) будовать (строить) великого кошту потребуеть которого се они подняли для того все тое што кольвекъ (что нибудь) влисте отца митрополита есть выписано къ ведомости нашей Госнодорской припуществия и симъ листомъ нашимъ Привиллемъ спотвержаемъ вѣчне такъ ижъ маеть архиманъдритъ теперешний и напото мномонастыри Свето Тройцы будующий А единосць еперковью римскою заховаючи збратею того монастыра церковь Богоявленя прозываемою Потницкою изъ цминътаромъ церкви такъ яко вграницахъ своихъ, лежитъ бокомъ однимъ до каменницы урешеного волынского другимъ до Каспера шевца (сапожника), третимъ до ивана тупьки, впосесии (владѣнїи) своей мѣть пожитковъ (доходовъ) всякихъ которые тепер на томъ кгрунтѣ (землѣ) сутъ або потомъ до нихъ причинены будутъ уживатьъ, (пользоваться). Вчомъ жаденъ (никто) инший такъ духовный

ко и свѣцъкий имъ никакое переказы чинить немаеть
и nebudeть могчи вечными часы (времена), и нато дали
эсмо сесь нашъ листъ з подписом руки нашое, до кото-
рого Печат нашу великаго князства литовскаго притис-
луги розказалисмо (повелели), Писанъ у вильни лета бо-
кого нарожденья тысяча шестсот единастого. Мисѣца
августа первого дня

Sigismundus Rex.

М. П.

Остафи Воловичъ
Пробощъ Троцки
Писарь и референдарий.

Изъ архива виленскаго св. Духовскаго монастыря № 190. Ветхъ.
На листу александрийской бумаги. Печать королевская большая,
на красной облаткѣ. Писанъ древлерусскою скорописью.

3.

**Универсалъ короля Владислава IV, извѣщаю-
щій, что виленскому городничему Залескому
повелено передать во владѣніе православныхъ
церковные два плаца, на которыхъ сущест-
вовали прежде отнятыя уніятами православ-
ныя церкви: Пятницкая и Св. Іоанна-Крестите-
ля, съ правомъ построенія на нихъ церковей для
свободнаго совершенія богослуженія. 1633 г.**

(Переводъ съ польскаго).

Всемъ вообще и каждому особо, преимущественно же каш-
теланамъ, старшимъ владѣльцамъ, земскимъ и градскимъ

начальникамъ и всѣмъ гражданамъ великаго княжества литовскаго, духовнаго и свѣтскаго званія людямъ шляхетскаго сословія, а также градскимъ мѣщанскимъ властямъ: войтовской, бурмистровской, радной, лавнической и всему народу объявляемъ, что мы, на прошедшемъ счастливой нашей коронаціи сеймѣ, для успокоенія людей греческой неунитской религіи и примиренія ихъ съ людьми религіи греческой въ униі съ римскимъ костеломъ находящимися, пока, дастъ Богъ на будущемъ сеймѣ, не наступитъ окончательное успокоеніе— повелели нѣкоторыя находящіяся во нашихъ городахъ и имѣніяхъ церкви съ ихъ принадлежностями возвратитъ неунитамъ, а имянно въ Вильнѣ два плаца церковные для построенія на нихъ каменныхъ церквей съ правомъ свободаго въ нихъ богослуженія, одинъ, гдѣ была церковь св. П а р а с к е в и и, П я т н и ц к о ю называемая, а другой плаць Св. І о а н н а - К р е с т и т е л я, съ ихъ принадлежностями; для отнятія которыхъ отъ уни-товъ и передачи неунитамъ назначаемъ нашего виленскаго подсудка и городничаго Константина— Евстафія Залескаго, требуя и повелевая, дабы немедленно сказанные плацы съ ихъ принадлежностями отданы были во владѣніе людямъ греческой религіи неунитамъ и никакого препятствія сказанному нашему дворянину въ передачи ихъ неунитамъ не дѣлали и свободному богослуженію въ этихъ церквахъ не мѣшали.— Вопреки нашей этой воли ничего не дѣлать— повелеваемъ, подь страхомъ лишенія нашей милости.— Данъ въ Краковѣ дня 16 мца Марта 1633 года, царствованія нашего польскаго и шведскаго перваго года.

Vladislaus Rex.

М. П.

Станиславъ Нарушевичъ
Писарь.

Универсалъ этотъ, съ указомъ короля помянутому въ немъ дворянину находится въ копіи въ архивѣ виленскаго св. Духовскаго монастыря и записанъ въ описи подь № 14 и 15.

4.

Инвентарь виленской св. Пятницкой церкви. Около 1665 г.

(Переводъ съ польскаго).

По свидѣтельству документовъ св. Пятницкая церковь построена была на обширной площади и къ ней принадлежало много окрестныхъ плацовъ, на которыхъ строили свои дома виленскіе обыватели.

Во первыхъ церковь св. Пятницы каменная. Вовторыхъ строенія св. пятницкаго священника. Въ третьихъ Домъ Войтеха Съдѣльника. Въ четвертыхъ домъ Войтеха Здановича сапожника. Въ пятыхъ домъ фарный викарныхъ св. янскихъ ксендзовъ. Въ шестыхъ каменный домъ пана Станислава Дашкевича. Въ седмыхъ каменный шпиталь (богдѣльня) на церковной св. пятницкой землѣ построенный. Въ осьмыхъ, кромѣ выше сказанныхъ построекъ находится во кругъ церкви кладбище.

Принадлежность этихъ плацовъ и земли къ св. Пятницкой церкви опирается на нижеслѣдующихъ документахъ:

1) Грамота митрополита Михаила Рогозы, данная въ 1594 году 15 апрѣля Здановичу сапожнику на право построить на церковномъ плацу домъ, подтвержденная 19 іюня братствомъ этой церкви.

2) Привиллегія короля Сигизмунда III, данная въ 1611 г. августа 1, виленскимъ базиліанцамъ.

3) Обмежованіе митрополичьими и градскими депутатами земель и плацевъ св. Пятницкой церкви принадлежащихъ 1619 г. мая 26.

4) Арендное право 1648 года, выданное вилецкими базиліанами св. Янскимъ ксендзамъ-викаріямъ.

5) Духовное завѣщаніе Станислава Дашкевича 1662 г. марта 20 и наконецъ

9) Уступочный актъ священника Войшнаревича на каменный, принадлежащій св. Пятницкой церкви домъ. 1664 г. іюня 13.

Изъ архива виленскаго св. Духовскаго монастыря № 15, — на лоскутѣхъ бумаги.

5.

Постановленіе виленскаго св. Духовскаго братства о подискѣ на постройку новой церкви въ евьевскомъ монастырѣ 1634 г.

Во имя пресвятой единосущной и животворящей нераздѣльной Троицы славивому и поклоняемому въ честь и хвалу.

Мы о Христвѣ Братія и сестры крестоносного братства Виленскаго при церкви Святаго Духа духовные и свѣцкіе чинимъ вѣдомо, ижъ што святой памяти его милость князь Богданъ Огинскій Подкоморій Троцкій з ее милостью Панею Воловичевною Панею Малжонкою (супругою) Своею Яко ктиторове зо всимъ зацнымъ (знатномъ) потомствомъ своимъ уфундовали и надали Церкви и монастырь въ имѣнію своемъ Іевью, поддавши и привязавши подъ владзу и опѣку брацтва нашего Виленскаго Монастыря и церкви Святаго Духа. А же Церковь въ мястечку пры дорозѣ стоячая южъ бардзо старая, а до того взглядомъ множества людей, которые всякій годъ на праздники збиратися звыкли (обыкли), зачимъ на томже мѣсте умыслилисмо на новъ большую Вознесенія Господня збудовати (построить) въ которой вѣликой олтарь Вознесенія Господня, два тожъ олтары по бокамъ, меновите

Рождства пресветой Богородицы и светого Велико мученика Димитрія быти мають. При томъ ниже менованные особы стараючися о помноженію Хвалы Божей на тамтомъ мѣсцу в збудованію болшой церкви для одправованія Хвалы Божой чинимъ складку што кому господъ Богъ на серцу положить и за оказанемъ того нашего регестру пилне (весьма) просимъ абысцѣ щедробливыми и лосковыми въ датку быти рачили..... дати не одмовляли. Писанъ 1634 года мѣсяца мая 15 дня. Братя о Христъ Брацтва Виленскаго при Церкви Светого Духа духовные и свѣцкіе Иеромонахъ Никодымъ Писарь монастыря Братства Виленскаго рукою властною, С: Шиликъ... Рагина Воловичова Воеводина Смоленская, Богданова Окчинасова Подкоморина до уфондовація церкви дала копъ..... и проч.

(Слѣдуютъ подписи жертвователей).

Копія сего постановленія хранится въ архивѣ виленскаго св. Духовскаго монастыря. № 918/1008.

6.

Выписъ изъ градскихъ книгъ виленскаго воеводства жалобы настоятеля виленскаго св. Духовскаго монастыря о. Иеронима Волчанскаго на ксендза пробоща Георгія Барща и другихъ ксендзовъ и на виленскихъ оо. іезуитовъ о вооруженномъ нападеніи на свято Духовскій монастырь, разграбленіи его, причиненіи побоевъ монахамъ и разныхъ поруганіяхъ православнои вѣрѣ. 1736 года.

(Переводъ съ польскаго).

1736 года, мѣсяца юля 20 дня. На градскомъ урядѣ его кор. вели. виленскаго воеводства предъ нами Антонимъ—

Николаемъ Петрушевичемъ чапникомъ и подъявсводіемъ воеводства виленскаго жаловались, рассказывали и торжественно протестовали его преподобіе отецъ Иеронимъ Волчанскій старшій (настоятель), со всѣми преподобными отцами старогреческой вѣры, живущими при церкви св. Духа на преподобныхъ ксендзовъ Георгія Барца пробоща, Александра Капщица, Петра Гостомскаго и на всѣхъ преподобныхъ ихъ милостей ксендзовъ іезуитовъ при костелѣ св. Казимира въ Вильнѣ обитающихъ, о томъ, что не смотря на то что вѣра жалующихся отцевъ старо-греческихъ, съ давнихъ временъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ не только до уніи съ короною польскою пользовалась полною свободою исповѣданія и богослуженія во времена еще владычества великихъ князей русскихъ въ этихъ странахъ, потомъ литовскихъ и вмѣстѣ королей польскихъ, но и послѣ этой уніи польской короны съ великимъ княжествомъ литовскимъ во время владычества королей польскихъ, подтверждавшихъ давнія права и привилегіи относительно свободы древней греческой вѣры, безпрепятственнаго совершенія въ православныхъ церквахъ богослуженія и совершенія всякихъ христіанскихъ требъ, въ томъ числѣ исповѣданія и напутствованія св. тайнами больныхъ и погребенія умершихъ, построенія новыхъ и исправленія старыхъ церквей и монастырей, что также обезпечено сеймовыми конституціями, королевскими привилегіями, дипломами и пактами конвентами, по настоящее время подтверждаемыми присягою всѣхъ королей, при вступленіи ихъ на престоль. Самъ, наконецъ, нынѣ благополучно царствующій; найяснѣйшій нашъ, его милость, король Августъ III, по примѣру найяснѣйшихъ своихъ предѣстниковъ и блаженной памяти найяснѣйшаго своего отца ни въ чемъ не захотѣлъ нарушать древнихъ правъ, напротивъ во всемъ оныя подтвердилъ, о чемъ свидѣлствуютъ подлинныя документы и множество конституцій,

неприкосновенность этихъ правъ достаточно ограждающихъ. Которыя права вполне гарантируютъ цѣлость фундаментальной, свободу богослуженія и личную безопасность жалующихся отцевъ монаховъ св. Духовскаго монастыря, съ давнихъ временъ христіанскими панами въ г. Вильнѣ основаннаго и привилегіями найяснѣйшихъ королей ихъ милостей утвержденнаго. Не смотря на все это оо. іезуиты виленскіе, а именно его милость ксендзъ Кашчиць, ксендзъ Гостомскій, по приказанію своего старшаго (начальника), никѣмъ не званые, явились къ больному, недавно умершему пану Самуилу Толоканскому-Пашкевичу, дворянину его королевской милости, только что, по обрядамъ православной церкви, исповедавшемуся, приобщившемуся св. таинъ и принявшему св. елеопомазаніе спросили его не желаетъ ли онъ умереть въ истинной, преподанной Іисусомъ Христомъ и святыми апостолами вѣрѣ и получивъ отъ него отвѣтъ, что онъ не иначе желаетъ умереть какъ только въ той вѣрѣ, въ какой онъ родился и всю жизнь исповѣдывалъ и которую онъ считаетъ только одну истинною, отъ Христа Спасителя преподанною и въ греческой церкви всецѣло и ненарушимо сохранившуюся; съ тѣмъ и отошли изъ его дому, но ложно донесли мѣстному ксендзу оффиціалу (предсѣдатель дух. консисторіи), будто бы больноі Толоканскій объявилъ имъ о желаніи умереть въ римской вѣрѣ, вѣдствие чего ксендзъ оффиціальъ послалъ двухъ свѣтскихъ ксендзовъ для отогнанія отъ больнаго оо. благочестивыхъ монаховъ, и въ тоже время заявилъ о минимомъ его обращеніи въ латинство въ пресвѣтлый трибуналъ В. Кн. Литовскаго и во всѣ виленскія присутственныя мѣста, почему, 3 іюля сегожъ года, по распоряженію трибунала домъ умирающаго окружили стражей, а жалующихся отцевъ Герасима Долбинскаго и Никодима Томиловича и другихъ монаховъ, вышеказанныя отцы іезуиты ксендзы Кашчиць

и Гостомскій, ворвавшись въ комнату больного, толкали били и, выгоняя ихъ изъ дому, богохульными словами поносили и оскорбляли святость, признанной древними соборами истинною, православной вѣры и наконецъ страшными ругательными и странными словами поносили монашеское званіе и священническій санъ жалующихся. Между прочимъ, они, наругаясь надъ вѣрою и личною честью жалующихся, постоянно приговаривали: ваша вѣра хуже вѣры жидовской. Такое поруганіе и насиліе въ продолженіи двухъ дней претерпѣвали отъ іезуитовъ не только сказанные православные монахи, но и домашніе, и родственники покойнаго, а также и всѣ люди греческой православной вѣры, приходившіе навѣстить покойнаго, которые съ ругательствами и побоями изгоняемы были изъ его дома. Мало того, по наущенію ксендза оффиціала и іезуитовъ, трибунальная стража напала и на самый св. Духовскій монастырь и разныя въ немъ насилія, побой и грабѣжи совершила, о чѣмъ шире описано въ донесеніи виленскаго вознаго. Таковую жалобу жалующіеся отцы монахи св. Духовскаго монастыря просили вписать въ урядовыя книги, которая и есть вписана; изъ которыхъ книгъ и дана эта выпись, подъ урядовою (казенною) печатью, преподобному отцу Волочанскому старшему и всѣмъ преподобнымъ отцамъ старо-греческимъ виленскаго монастыря есть выдана. Datum ut supra.

М. П.

Correxit Sierzputowski.

Изъ архива св. Духовскаго монастыря № 620/272.

№ 20-й.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ
ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Рѣшеніе митрополитомъ кievскимъ Іосифомъ Солтаномъ, домогательства виленскихъ мѣщанъ о предоставленіи имъ права вводить священниковъ въ приходскія церкви и передавать имъ церковныя вѣдучи и имущество, 1511 г. (*).

Мы Іосифъ Божью милостью архиепископъ митрополитъ кievскій и всея росіи. чынимъ знакомито ны-

(* Предлагаемый вниманію читателей «Вѣстника Зап. Россіи» документъ весьма замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ:

1) Въ этомъ документѣ весьма характерично и, можно сказать, наивно обрисованы древнія отношенія церкви къ народу, притязанія мірянъ на вторженіе въ дѣла церковныя и доказательство незаконности этихъ притязаній, основанное митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ на доводахъ каноническихъ и практикъ церкви русской.

2) Не менѣе замѣчателенъ настоящій документъ и въ филологическомъ отношеніи. Языкъ его, для своей эпохи, почти безукоризненно—хорошъ. Это языкъ, на которомъ писали всѣ древнія грамоты русскія, и въ которомъ весьма мало полонизмовъ и латинизмовъ, испортившихъ впоследствии русскую письменность, особенно послѣ злосчастной религіозной уніи.

3) Но что особенно дѣлаетъ важнымъ настоящій документъ, такъ это его огромное значеніе историческое. Изъ него видно, что столица Литвы, а слѣдовательно и вся Литва, были до 16 вѣка чисто русскими православными; что притязанія на нихъ поляковъ и папистовъ слишкомъ запоздалы и мечтательны; что въ Вильнѣ также было тогда крѣпше православіе, такъ сильна русская народность, какъ въ Москвѣ и Кіевѣ; что въ одномъ только этомъ документѣ случайно поименовано *одинадцать* виленскихъ церквей православныхъ (а), хотя изъ другихъ документовъ древнѣйшихъ видно, что число ихъ простиралось до 30.

(а) *Николаевская* (перенесенія мощей, — упоминаются еще другія Николаевскія церкви. Есть основаніе думать, что это особая церковь; иначе не зачѣмъ было бы называть одну перенесенскою, а другія Николаевскими), *Козмодемьяновская*, *Воскресенская*, *Екатерининская*, *Михайловская*, *Іоанновская*, *Пятницкая*, *Рождественская*, *Спаская*, *Георгиевская*, *Пречистенская*.

нѣ и на потомъ у прышлый часъ для лѣншое (лучшей) твердости и памяти. Приходили кнамъ сынове нашего смирения панове бурмистры и прыставники мѣста вленского алексей *грыцевичъ* гаврыло *Максимовичъ* Богданъ *савичъ* харытонъ *хацутичъ* а ермола *слотовичъ* цко *Беликовичъ* Ивашко *войниловичъ* Игнатъ *исаевичъ* Яцко (Іакинеъ) *скиповичъ* сенко *синковичъ* левонъ *криловичъ* васко *максимовичъ* гринъ *поповичъ* и ишыи сними И мовили (говорили) намъ абыхмо ихъ дѣтей нашихъ утой мѣре и чти (чести) держали баже и предки нашы митрополити ихъ предковъ и ихъ самихъ мѣли, штося тычетъ (что касается) церквей божьихъ пописованя годового або коли свѣщенника которого богъ стого свѣта зберель ино намѣстникъ митрополій церкви божья пописоваеть А мы маемъ пры томъ быти опъ у свой ресстръ церковный вси рѣчи (вещи) церковныи и наклады (издержки) попишетъ ино мы тые рѣчи втоежъ слово и у книги нашы мѣстскіе вписовали для того абы тотъ скарбъ (имущество) церковный нашъ накладъ безвѣстно негинулъ бо вѣкоторыи лѣта того были есмо неосмотрели ино шкода (убытокъ) немалая в церкви бывала нетъ вѣдомо отъ кого и небощикъ (покойный) митрополитъ Макарей нехотѣлъ былъ намъ того пописованья допустити ино тогда опять гибель (потеря) в церкви божой бывала какже митрополитъ опять допустилъ насъ того смотрети и пописывати што на которомъ году а за котораго священника прибудеть або вбудеть ино вжо тымъ накладомъ шкоды небывало безвѣдома бо намъ мещаномъ стого жадное (никакой) корысти нѣтъ Нижли толко того смотрымъ штобы наклады церковныи безвѣдома негинули. И мы (митрополитъ) обмовившы о томъ з нашими духовныи совсимъ крылосомъ соборное церкви штожъ у правилахъ святыхъ отецъ того нетъ абы мирскіи люде касался

и о всякомъ церковномъ исправленью или церковью обладали нижлисе тая речъ видѣла намъ за подобно што всякому хрестиянину у шкодномъ (во вредномъ) дѣлѣ церковномъ и церкви божеей стеречи а наиболее тымъ котори которой церкви прыходъ мають и накладываютъ (несуть издержки). Того дѣла допустили есмо детей нашихъ пановъ мещанъ виленскихъ пры насъ и после насъ будучихъ митрополитехъ на слѣдникахъ нашихъ у каждый годъ або коли вкаторое церкви священникъ разболится, намѣстникъ нашъ маеть церковь божую осмотрати и пописывати у нашъ церковный реестръ А мещане два або тры меють пры томъ быти и втоежъ слово у свои книги мѣстские вписывати абы скарбъ церковный и накладъ безвѣстно не гинулъ а па которомъ году и за которого священника шкода в церквися станеть о томъ мають поведити намъ митрополиту мы обыскавши винного маемъ скарати (наказати). И тежъ мовили намъ дети наши мещане виленскии Предки дей твоее милости митрополити на нашу прозбу и тымъ церквамъ виленскимъ священники давали у томъ намъ ласку (милость) свою чынили которого дьяка или священника доброго обыскавши к порожней (пустой) церкви сылали есмо до митрополита за тымъ чоломъ бѣючы и его милость нашего чоломбѣтя незоставлявалъ тую церковь тому давати и тебе дей господина отца нашего просимъ абы твоя милость насъ втой ласце своей мѣлъ за кимъ коли мы будемъ просити а увидитсyalъ твоей милости годный ко сдужбѣ божей абы твоя милость тому тую церковь далъ. И мы и в томъ дѣле прозбы детей нашихъ незоставили коли которого священника Богъ стога свѣта збереть або пакъ мы вкаторого отъимемъ церковь за его вину а дети наши мещане межы себе найдуть которого дьяка доброго или попа втожъ часъ и снимъ сами к намъ

прийдуть або его злисты (съ письмами) своими пришлють просечы и причиняючися (ходатайствуя) за нимъ мы маемъ осмотрѣти и с брати з нашими духовными если онъ буде годный к той церкви божьей тогда ему тую церковь дадимъ а бутеть ли тотъ негодный той церкви божьей и мы иному (другому) дадимъ а если дети наши и мещане виленскни у подобный часъ такого попа и дьяка межи себе необыщуть и к намъ за часу (своевременно) не пришлють а мы з нашими духовными водле церковной уставы обравшы которого попа доброго ктой церкви годного ему церковь дадимъ и до мещанъ маемъ листъ (грамоту) нашъ писати о немъ к приходу тое церкви они мають его приняги и послушни быти по нашему благословенью а буде ли который попъ в которое церкви збытки (непристойности) чинить а не такса справовати (поступать) какъ на священника служить ино прихожане тое церкви мають намъ поведить о томъ и если они у праве нашомъ духовномъ в той рѣчы (дѣлѣ) доводъ справедли вый на него вчинять мы наподши винного церковь отъ такого отоймемъ и иному дадимъ. А жежъ мовили есмо сами с тыми детьми нашими мещаны виленскими што они не подлугъ уставы с того писма почали чинити в нашихъ лѣтѣхъ недавно коли которого священника Богъ с того свѣта збереть а они тое церкви и любъ к собѣ берутъ безвѣданья намѣстника нашего передъ смертью небожика предка нашего *ионы* митрополита Перенесенское церкви и куздемянское ключъ ксобѣ брали. И они вси передъ нами такъ мовили, ижбы то они здавна мѣли и за первшихъ митрополитовъ предковъ нашихъ коли который священникъ умреть и они тую церковь пересмотрѣвши и пописавшы ключъ ксобѣ бирали. Ино мы сами тому попу ключъ церковный дадимъ. Ино намъся видило ижъ то они не-

слушно (неправильно) чинили к церкви божое касался чымже имъ негодно было дати и хотячися доведати лѣпное певности (большой достовѣрности) Если будутъ преднии Митрополиты братья моя того имъ допустили и невозбраняли имъ того пытали (спрашивали) есмо ихъ комубы то было свѣдомо абы они ключы церковныи брали и потомъ подавали и они такъ мовили Тыхъ священниковъ давныхъ теперъ уже в церквахъ нетъ нижли только архимандритъ светое Тройцы *Изосима* тотъ памятуеть вжо и за пять митрополитовъ онъ о томъ вѣдаеть и ему самому ключъ светой тройцы мыж дали И я имъ такъ рекъ я о монастырь светое тройцы теперъ ничего не мовлю бо тотъ монастырь знашого подаванья отнять тепере королева Ея милость подаетъ (*), мовлю я о тые церкви што по мѣсту (въ городѣ) которыи в моемъ подаваню суть И дѣти наши мещане тыи выше писаныи такъ мовили и о тыхъ церквахъ томужъ архимандритъ *Изосиме* свѣдомо ижъ ключе церковныи мы себе дѣрживали и попомъ давали знапыхъ рукъ спускаемъ то на на него што онъ передъ твоею милостью поведить того хочемъ терпѣти. И мы тую речъ на архимандрита спустили какъ будетъ было заpredки нашихъ первый митрополитъ и мы хочемъ потому держати И *Изосима* передъ нами такъ поведилъ. Первей о монастырь светое Тройцы коли дей *Макарей* взялъ Намѣсництво на митрополью и онъ тотъ монастырь мнѣ далъ отъ себе и тогда до мещанъ послалъ абы они к нему прышли къ церкви хотячи передъ ними мнѣ тую церковь дати и они небордзо к нему прышли и онъ дей у другой разъ послалъ сстли вчасъ непридете я церковь подѣшы *Изосиме* дамъ и увяжу его (сдѣлаю ввводъ во владѣние) И они дей немешкаючи (немедленно) к нему прышли на монастырь *Максимъ Хо-*

(*) Елена Иоанновна, дочь московскаго царя Иоанна III, супруга польскаго короля Александра.

цута Матфей *созонъ* гаврило *Максимовичъ*. И макарий стоячы вцъркви такъ имъ мовилъ. Дети милыи я тотъ манастыръ держалъ отъ *семиона* Митрополита а не отъ васъ. А нынѣ тотъ манастыръ даю Изосиме. А вамъ детемъ моимъ почестность чыню дайте ему ключъ звонихъ рукъ для того ижъ тотъ манастыръ господарь король насебе былъ взялъ и максимъ первой какбы нехотѣлъ ключовъ взяти церковныхъ а потомъ взялъ и мнѣ далъ а нынѣ я тую церковь держу зкороловое ее милости подаванья а отыи църкви што по мѣсту (по городу) у митрополичомъ подаваньи того есми несвѣдомъ ижбы (чтобы) мещане ключы брали и штобы тоежъ потомъ они давали Нижли (только) то вѣдаю што церковь свѣтого Николы Перенесенье держалъ попъ неспокой и былъ неустроенъ пьянъ и макарей для того внего церковь отнял. И Федора уставщика в попы поставилъ и потому тую церковь далъ и писалъ до намѣстника своего антония попа воскресеньского велелъ его втую церковь увезати а до мене писалъ особно абыхъ я пры томже былъ и я дей со антониемъ до църкви ходилъ и какъ есмо вжо пописали половину рѣчей (вещей) церковныхъ ино прышолъ алексей *грыцевичъ* а куцко *Терпиловичъ* и тутже стояли въ църкви поки есмо вси рѣчы церковныи пописали и антоний попъ вышемшы ключъ зрукава своего и далъ мнѣ и такъ рекъ твоя милость дей старшый вѣдаешъ лѣпей (лучше) какъ священнику новому науку дати церковную твоя дей милость его навчы (наставъ) и ключъ ему дай И я вземшы ключъ во антония и попу Федору далъ, И благословениемъ митрополичьимъ ему есми науку мовилъ какъ маеть церковь божую держати и пасти по правиломъ святымъ а то дей было при *мъне* Митрополите, коли мацко попъ *никольскый* богу душу далъ и глѣзнъ далъ былъ тую церковь попу *полоцкъому* знову (опять) безмещанское прозбы и онъ невзялъ и

глѣзнь даль тую церковь Фоме уставщику молодому А при *иосифе Боморыновичу* и былъ есми намѣстникомъ ино екатрынскаго попа Фому Иосифъ в попы поставилъ и церковь ему даль светое Екатерины и домене писалъ абыхъ тую церковь посетилъ и его увезаль и я дей посетивши церковь и его есми увязаль и ключъ даль безъ мещанъ толко одинъ груша приходилъ для книгъ своихъ а потомъ иосифъ Митрополитъ даль церковь в городе нынешнему попу перенесенскому Тимофею и миѣ его велѣлъ увязати и я его увязаль и ключъ ему даль безъ мещанъ. Тыи попы и тепере живы ваша милость опытайте (допросите) ихъ. Ино и тые попы Тимофей а Фома передъ нами такъ повѣдали ижъ имъ митрополитъ Иосифъ тыи церкви подаваль безъ мещанское прозбы и вѣданья а изосима ихъ увязываль и ключы подаваль отъ митрополита И мещане такъ рекли пытай (спроси) твоя милость перенесенского попа хто ему ключы даль тое церкви и попь Тимофей такъ повѣдилъ даль ми тую церковь Иона Митрополитъ предалъ твоее милости на королевое прозбу и увязываль мене митрополичый *главоль* дворанинъ и увязчого даль есми пять злотыхъ А ключы церковныи и тогда ми дали мещане и я такъ рекъ я о тые ключы мещаномъ мовлю ижъ то они были вчynили (сдѣлали) пово и неслушно (неправильно) безъ митрополичьего вѣданья ключы были ксобѣ взяли послѣ поповы смерти чоужъ передо тымъ небывало абы мещане ключы брали и подавалъ И мещане такъ момили пытай твоя милость старыхъ поповъ Михайловского воскресенского Ивановского хто имъ ключы церковныи подаваль. Попъ Михайловский передъ нами такъ повѣдилъ мене дей впопы поставилъ Иона глезнь на мещанскую прозбу и церковь ми даль светого Михайла и писалъ до архимандрыта Макарья велевъ мене втую церковь увязати и макарей самъ неспѣлъ пойти и онъ послалъ Антония на свое мѣстце

и Антоней во церковь мя увязалъ и ключы ми далъ отъ митрополита Попъ григорей воскресеньскій такъ повѣдилъ коли антоней попъ воскресеньскій церковь оставилъ и хотѣлъ вчернцы пойти и макарей митрополить прислалъ подскарбъего своего Ивашка а писара своего Ивашкажѣ а дьякона Семнона и велѣлъ вцеркви вси речи пописати и далъ былъ тую церковь харитону попу Екатериньскому ино Матфей мещанинъ виленскій былъ до мене ласковъ (милостивъ), и онъ ходилъ до митрополита замною просячы о тую церковь и впомнокъ (нодарковъ) немаю митрополиту далъ и Макарей митрополить для Матфея мнѣ тую церковь далъ и увязалъ мене втую церковь антопей попъ и ключи ми далъ А мещанъ прытомъ небыло Попъ Ивановскій семнонъ такъ повѣдилъ коли былъ намѣстникомъ на митрополы Васиянъ владыка линьскій и мещане просили его замною абы мене впопы поставилъ и церковь ми далъ и онъ мене впопы поставилъ вновгородку (1) и церковь ми далъ светого Ивана и увязалъ мене отъ васияна Василей попъ пятницкій и ключы ми далъ Попъ ияковъ рожественскій поведалъ митрополить Иосифъ Болгориновичъ мнѣ церковь далъ а мещане замною просили митрополита а увязалъ мене певецъ митрополичій Ивашко Скалзубъ и ключъ ми далъ а мещанъ дей прытомъ небыло и какъ почалъ нисати тойже Ивашко церковныи речи ино прышолъ Куцко мещанинъ и тутъже стоя во церкви попъ фома Екатериньскій поведалъ коли дей братъ мой григорей попъ спаскій вмеръ и попъ Иванъ Козмодемянскій намѣстникъ митрополый тое церкви ключъ мнѣ далъ и велѣлъ мнѣ втое церкви пѣти поки кому митрополить дать и втое церкви пѣлъ поки митрополить далъ попу Мокею а Мокея втую церковь увязывалъ попъ Иванъ

(1) Нынѣшній уѣздный городъ Минской губерніи.

Козмадемянъскій и ключъ ему далъ. , А мещанъ притомъ небыло. Попъ спаскій климентей поведалъ коли дей спаского попа грыгорья вживотъ нестало ино мещане послали мене до Ионы митрополита и листъ (письмо) за мною писали просечы оную церковь абы мнѣ далъ и онъ дей мнѣ недалъ далъ мокею попу безъ мещанъское прозбы и увязати его велѣлъ намѣстнику своему козмодемянъскому. И коли попа Мокея вживотъ нестало ино писарь королевскій писалъ замною до митрополита о тую церковь, и ми митрополитъ на его прозбу мнѣ тую церковь далъ, и увязалъ мене втую церковь попъ Иванъ козмодемянъскій и ключи ми далъ а мещанъ притомъ небыло. Попъ Юревскій Матфей оповедалъ мнѣ, Иона митрополитъ далъ церковь светого юрья вновегородку безъ мещанъское прозбы и вѣданья и я нослалъ шурина своего до церкви и шуринъ втое церкви пель А какая прѣехалъ до церкви и митрополитъ казалъ (велѣлъ) мене втую церковь увязати попу Ивану козмодемянъскому И козмодемянъскій митрополиту мовилъ посылалъ дей есми до мещанъ абы прислали своихъ дву або трехъ какъ я ему церковь дамъ ино еще ихъ нѣтъ И митрополитъ дей такъ мовилъ поиди ты снимъ до церкви а ихъ обошли если они неприйдуть и ты и безъ нихъ церковь ему дай и увязы и козмодемянъскій пошолъ сомною а мещанъ есмо стретили а они идутъ отъ светое пятницы и снемся вси пошли есмо до церкви и козмодемянъскій попъ мнѣ тую церковь далъ отъ митрополита и увязалъ а мещане притомъ были церковными наклады (имущество) пописали. Попъ городскій денисей поведалъ коли дей козмодемянъскій попъ умеръ ино городскій попъ федоръ предокъ мой поехалъ до митрополита тое церкви просити козмы и деяна я снимъ поехалъ церкви просити а поехали есмо оба безъ мещанъскихъ листовъ (писемъ) толко занам писалъ попъ юревскій намѣстникъ митрополый И на-

ехали есмо митрополита вцерыне (цыринь—село въ Новогрудскомъ уѣздѣ) а онъ ко слущку едетъ и его милость намъ тыи церкви далъ и до намѣстника своего писалъ и юрьевскій намъ тыи подалъ церкви и увязалъ а мещанъ тогда никого небыло вцеркви коли мнѣ городъскую церковь дано. И тежъ опытывали есмо Пацка есковича старого боярына церковного и онъ такъ повѣдилъ я дей помню уже шестого митрополита а того есмо неслыхалъ ани видалъ абы мещане ключы церковныи брали и потомъ бы онижъ давали нижли толко закимъ они писывали спрзобю до митрополита за которымъ священникомъ або дякономъ о которую церковь прозную просечи и митрополитъ увидити его годного и тому онъ наихъ прозбу такому церковь даивалъ а увязати и ключы дати пошлетъ своего увяжчого Одное зимы митрополитъ Иона глѣзнъ вмѣнъску былъ а я внего Маршалкомъ былъ ино у виленскомъ мѣстѣ (городѣ) попа николскаго Фома вживоти нестало ино попь Фома сизренца приехалъ до митрополита тое церкви просити безмещанскихъ листовъ и митрополитъ ему тую церковь далъ увязати велелъ а потомъ попа пятницкого вживотѣ нестало ино приехалъ до митрополита попь василей знегневичъ (Новогрудскаго уѣзда) тое церкви просити безмещанскихъ листовъ и митрополитъ видячи годного священника тую церковь ему далъ и увязати велелъ архимандриту Макарыю и адмерли тыи священницы втыхъ церквахъ служачы. И мы выслушавши сведецтва изосимова и тыхъ всехъ священниковъ и боярына пацъка какже было запредковъ нашихъ митрополитовъ оподаванью ключа церковного ичтожъ мещане виленскіи ключа церковного немають и собѣ брати и потомъ давати. Какже вправилахъ святыхъ отецъ светые верховные апостолаы Петръ и Павелъ написали што ихъ мирстии людие ни пенязи ни у богу данеобладають

ничимъ же церковнымъ исправленнымъ и священникомъ и отъ церкви ничего неприемлють точию единою благословенія и прощенія бо всяко избраніе и уставленіе мирское не твердо есть хто коли мирскими властители избранъ и тѣми церковь нѣкую прійметъ не только не твердо есть таковое дѣло но изверженъе и отлученъе на носить на такового попа избраніе иерейское и подаванъе церквей и престоловъ божьихъ болей то святителя есть дѣло а мирские люди велицы и малые архиереомъ и ереомъ мають повиноватися и послушни быти во всемъ. И обмовившы тую речъ внашомъ духовномъ правѣ нашими духовными и нѣкоторыми и свѣтскими детьми нашими водле прозбы и жеданья (желанія) детей нашихъ мещанъ виленскихъ такъ есмо учинили зласки (помилости) нашею закаторымъ попомъ или дякомъ будутъ они насъ просити о которую церковь и увидится намъ годный мы ему дадимъ. А подаванья престола и ключъ церковны маемъ мы подавати митрополити ниже коли намѣстнику нашему узвелимъ которому попу церковь подати и увязати тогда онъ маеть детей нашихъ мещанъ обослати бурмистра того году абы они послали своихъ двухъ або трехъ до тое церкви и посполъ бы знаместникомъ нашимъ вси церковныи речы пересмотревши тому попу подали подъ свѣдомомъ ихъ пописыванья... штобъ напотомъ ничому гибели небыло а коли намѣстникъ нашъ детей нашихъ обошлетъ абы снимъ посполъ пошли къ церкви а они втотъ часъ снимъ не вхотятъ тогда намѣстникъ нашъ и безъ нихъ маеть того попа втую церковь увязати по нашему благословенью абы церковь божая безъ пѣтя нестояла. А коли который Свещенникъ разболится будетъ немоценъ (немощный) то намѣстникъ нашъ маеть обослати мещанъ абы снимъ пошли дотое церкви и посполъ снимъ всего пересмотрити штобы церковныи наклады вцалости были естли

будеть што згнило тогда притомъ же попѣ живомъ мають обискъ чинити и осмотривши церковный намѣстникъ нашъ маеть ксебе възяти и приказати которому отклирику тое церкви доглядати А естли тотъ попѣ зтое немочи устанеть (выздоровѣть) тогда маеть ключъ церковный зася тому попу отдати. Пакли (еслиже) его богъ стого свѣта збереть и намѣстникъ нашъ маеть приказати которому попу втой церкви служити натотъ часъ поки иншого ктой церкви оберемъ.

А притомъ были дети нашы панъ Авраамъ подскарбій великой земской а панъ Иванъ кошка околичный смоленской а панъ занко городничій виленский а намѣстникъ нашъ духовный..... архимандритъ троецкий а пона архимандрытъ лаврышевской а протопопъ виленской попѣ Тимофей и иншыи вси свещеницы и дьякони соборное церкви пречистое богоматеры. А писалъ писарь митропольий васко олехновъ сынъ мисунича. Писанъ у вили влето 7019 мѣсеца декабра предъ Божиимъ нароженемъ индиктъ 15.

Документъ этотъ въ современной копіи хранится въ архивѣ б. уніятскихъ митрополитовъ при св. Свподѣ. Связка 31, № 93. Писанъ славянскою скорописью, на обыкновенной писчей бумагѣ. Ветхъ.

II.

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(Окончаніе).

В.

Періодъ самосостоятельности Выдубицкаго монастыря, со времени отобранія его имѣній до нашего времени.

(Съ 1786 по 1866 годъ).

„Предусмѣвъ съ помощію Божію распорядить епархіи и монастыри въ большей части имперіи нашей на такомъ основаніи, которое съ первоначальными правилами благочестивой церкви христіанской и съ общою пользою сходствуетъ, писала императрица Екатерина Великая въ указѣ сенату, отъ 10 апрѣля, 1786 года, не могли мы въ одно время распространить оныхъ на епархіи и монастыри въ малой Россіи состоящіе, по неустроенному до того въ сей области управленію и по неимѣнію въ ней прежде всего ни вѣрной ревизіи, ниже точныхъ правилъ для збора доходовъ. Съ устроеніемъ же нынѣ трехъ намѣстничествъ малоросійскихъ кіевскаго, черниговскаго и новгородскаго-сѣверскаго, наравнѣ съ прочими губерніями имперіи нашей, приобретаемъ мы удобность ввести надлежащее единообразіе относительно содержанія архіерейскихъ домовъ и монастырей тамошнихъ, учреждая оное самымъ достаточнымъ образомъ, освобождая духовныхъ властей и чиновъ отъ несвойственныхъ имъ управленія деревнями, заботъ хозяйственныхъ, а всего болѣе, неприличныхъ духовному сану

хожденій въ судахъ по тяжбамъ и ссорамъ, стараясь отъ себя чести заимствовать всевозможную для общества пользу; почему и повелѣваемъ быть.... въ третьемъ классѣ Кіево Выдубицкому монастырю, который имѣеть служить больницею для прочихъ кіевскихъ монастырей“ (1). Въ дополнительномъ къ этому указу, данному въ тоже время на имя сената, Выдубицкому монастырю, въ замѣнъ отобранныхъ отъ него имѣній, назначено было изъ значейства ежегодное жалованье въ 965 руб. и 30 коп.; да кромѣ того, по смыслу прежняго указа, отведенъ былъ, по выбору монастыря, светный дворъ въ Васильевщинѣ и въ окрестностяхъ рѣки Ветв нѣсколько десятинъ выгонной земли съ рыбнымъ прудомъ. Послѣ прежней богатой и широкой обстановки, вотъ чѣмъ наконецъ приходилось ограничиться Выдубицкому монастырю, относительно средствъ своего существованія. Чтобы понять вполнѣ теперешнее затруднительное положеніе Выдубицкаго монастыря въ матеріальныхъ средствахъ его существованія, особенно на первыхъ порахъ отобранія отъ него имѣній, мы должны замѣнить тутъ что Выдубицкій монастырь, при ограниченности назначеннаго ему жалованья, долженъ былъ содержать въ своихъ стѣнахъ, не только тѣхъ своихъ монашествующихъ, которые вошли въ штатъ монастыря, но и тѣхъ, которые остались за штатомъ, и которые имѣли право остаться тутъ на правахъ больныхъ монашествующихъ. Мало того, такъ какъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, въ время введенія монастырскихъ штатовъ, было закрыто нѣсколько монастырей—Кіево-Софійскій (переименованный въ кафедральный соборъ съ особеннымъ штатомъ—), Петропавловскій, Межигорскій и другіе; то многіе изъ монашествующихъ этихъ монастырей, подъ предлогомъ болѣзни, также искали пристанища въ Выдубицкомъ монастырѣ; а къ нимъ присоединялись еще монашествующіе, бѣжавшіе изъ за-граничныхъ польскихъ монастырей, по причинѣ тамошнихъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. И Выдубицкій монастырь долженъ былъ дать, если не всѣмъ, то нѣкоторымъ изъ нихъ пріютъ — помѣщеніе и все необходимое содержаніе; а для больныхъ долженъ былъ заботиться и объ ихъ лѣченіи. Такимъ образомъ, расходовъ въ монастырѣ теперь очень недостаточно, — средствъ очень мало, особенно при тогдашней дороговизнѣ на жизненные принасы. Между тѣмъ, правительство почему то тогда, на

(1) Выд. мон. дѣло № 9.

ервыхъ порахъ, не обратило вниманія на предстоявшее положеніе Выдубицкаго монастыря, какъ на больницу, и ничего неприавило къ общимъ средствамъ содержанія всѣхъ монастырей. Положеніе Выдубицкаго монастыря было очень тяжелое: дѣло доходило до того, что игуменъ принужденъ былъ продавать нѣкоторыя церковныя вещи для удовлетворенія настоятельнымъ нуждамъ братіи. Но въ такомъ бѣдственномъ положеніи Выдубицкаго монастыря скрывалась сила, которая мало по малу открывалась, какъ съ экономико-хозяйственной сторонѣ жизни монастыря, такъ и въ духовно-нравственной. Теперешнее положеніе Выдубицкаго монастыря имѣло много общаго съ положеніемъ обѣднѣвшаго богача, который въ своей бѣдности почерпаетъ особенную энергію для поравленія своихъ дѣлъ, — а главное, — познакомившись самъ съ орькою нуждою, начинаетъ наконецъ больше сочувствовать чужой уждѣ, и вообще больше обращаетъ вниманія на религіозно-нравственную сторону человѣка, а особенно монаха. Такова въ общихъ чертахъ характеристика жизни Выдубицкаго монастыря въ амѣченный нами періодъ, особенно первой его половинѣ.

Благодаря энергической заботливости игумена Іеронима (1), выдубицкій монастырь и въ эти трудныя обстоятельства не унывалъ. Игуменъ Іеронимъ не отказывалъ въ необходимомъ братіи, на покрытіе расходовъ и неизбѣжныхъ долговъ изыскивалъ всевозможныя средства. Онъ между прочимъ неоднократно обращался къ частной благотворительности, и успѣвалъ въ этомъ: самъ митрополитъ Кіевскій Самуиль жертвовалъ неоднократно въ пользу больной братіи Выдубицкаго монастыря по 100 и больше рублей. Между тѣмъ, въ то время, по завѣщанію предшественника амуила митрополита, преосвященнаго Гавріила, находилась довольно значительная сумма, проценты которой назначались для благотворительныхъ цѣлей, по усмотрѣнію преемниковъ покойнаго. Іа эти проценты содержалась при старгородской Трехсвятительской церкви богадѣльня, которая, съ открытіемъ въ Кіевѣ богогодныхъ заведеній, оказывалась почти лишнею; въ ней тогда считалось меньше 10 душъ. Игуменъ выдубицкій Іеронимъ обративъ

(1) Въ лучшія времена, предъ отобраніемъ имѣній, игуменъ Іеронимъ значительно обстроилъ Выдубицкій монастырь, — а потомъ, дѣ можно было, насадилъ фруктовыя деревья, изъ которыхъ мноія остаются и до сего времени.

вниманіе на эту статью и, 4 марта 1790 года вошелъ съ прошеніемъ къ митрополиту Самуилу о назначеніи процентныхъ суммъ покойнаго митрополита Гавріила исключительно въ пользу большой братіи Выдубицкаго монастыря. Вслѣдствіе этого прошенія, по приказанію пресвященнаго была сдѣлана справка о числѣ призрѣваемыхъ въ Трехсвятительской богадѣльни, и въ ней оказалось только мужеска пола одинъ, а женска семь, на которыхъ употреблялось ежегодно только 75 руб. 84 к.,— „да и принимать впредь въ ту богадѣльню нищихъ, въ силу высочайшихъ утѣжденій о губерніяхъ, безъ вѣдома и разсмотрѣнія приказа общественнаго призрѣнія не можно было.“ „Того ради, писалось въ двекаторскомъ указѣ, данномъ на имя выдубицкаго игумена въ томъ же году,— на основаніи прописаннаго въ томъ вашемъ прошеніи оного покойнаго пресвященнаго митрополита завѣщанія и во уваженіе представленныхъ въ ономъ прошеніи обстоятельствъ, оставшіяся отъ ежегодно употребляемыхъ на показанныхъ нищихъ, сто двадцать четыре рубли и шестнадцать копѣекъ на будущее время для содержанія больныхъ и помощи требующихъ въ ономъ Выдубицкомъ монастырѣ находящихся монастырствующихъ, опредѣляются, чего дн и отдавать оныя ежегодно въ надлежащее время отъ академіи въ оной Выдубицкій монастырь..... и подтвердить, кромѣ надобности для оныхъ больныхъ и призрѣнія требующихъ ни на что другое и подъ какими видомъ не употреблять; въ богадѣльню же трехсвятительскую нищихъ впредь не принимать..... Относительно же содержанія опредѣленныхъ въ тотъ Выдубицкій монастырь и въ другія временно вышедшихъ изъ Польши по причинѣ нынѣшнихъ тамъ обстоятельствъ монастырствующихъ, имѣетъ быть учинено особое разсмотрѣніе.“ (1) Такъ Выдубицкій монастырь успѣвъ выхлопотать для себя ежегодное денежное вспомоствованіе изъ мѣстныхъ источниковъ, которымъ онъ пользовался еще вначалѣ настоящаго столѣтія. Вскорѣ послѣ того, Выдубицкому монастырю удалось выхлопотать для себя и другой источникъ содержанія, изъ государственныхъ источниковъ, болѣе 40 десятинъ земли, мельницъ и еще одно озеро. Отобравши въ казну монастырскія владѣнія, правительство нѣкоторыя изъ нихъ отдало въ прокормленіе и награду своимъ служилымъ людямъ, а нѣкоторыя отпускало въ аренду стороннимъ лицамъ. Само собой разумѣется, что на пер-

(1) Дѣло Выд. мон. № 40.

ихъ порахъ не могло найдтись достаточно арендаторовъ для заня-
 я всѣхъ монастырскихъ земель, особенно при запутанности вопроса
 границахъ этихъ земель, доходовъ съ нихъ и цѣнахъ. По этимъ
 причинамъ нѣсколько лѣтъ оставались никѣмъ незанятыми и окрест-
 ныя монастырскія земли, лежавшія при отведенныхъ Выдубицкому
 монастырю дворахъ выгонномъ и скотномъ. Пользуясь неопредѣ-
 нностию положенія этихъ земель, Выдубицкій монастырь нѣсколь-
 ко лѣтъ пользовался ими: въ Вагриновщинѣ, при своемъ скотномъ
 юрѣ, засѣвалъ нѣсколько десятинъ земли, — а въ приветанской
 гонной землѣ, въ урочищѣ Бѣловодѣ, нѣсколько лѣтъ косилъ тра-
 ву. Со временемъ дѣла уяснились; и Выдубицкому монастырю не-
 зя было самоправно пользоваться этими непризнаннымъ источни-
 комъ содержанія. Тогда естественно нужно было хлопотать о при-
 везѣ къ Выдубицкому монастырю еще нѣсколько десятинъ земли
 въ прежнее отведенной — тѣмъ болѣе, что къ тому было и доста-
 точное основаніе, именно то, что Выдубицкій монастырь былъ на
 обннныхъ положеніяхъ, какъ монастырь больничный. Для боль-
 ей прочности задуманнаго предпріятія, — выдубицкій игумень Іе-
 нимъ обратился къ пресвященному Самуилу съ просьбою хода-
 йствовать предъ гражданскою властію объ успѣхѣ дѣла. 1) Пре-
 священннй Самуилъ, живо принявъ къ сердцу незавидное положеніе
 монастыря и просьбу его братія, немедленно обратился съ письменнымъ
 ходатайствомъ по этому дѣлу къ правившему тогда тремя малороссій-
 скими губерніями генераль-губернатору, сенатору Михаилу Никити-
 ъ Кречетникову. Представивши ему печальное положеніе монасты-
 ря въ такомъ видѣ, въ какомъ оно было изложено въ выше при-
 еденномъ прошеніи, и высказавши скромное желаніе Выдубицкаго
 монастыря, митрополитъ наконецъ обратился къ генераль-губернатору
 въ такнни сердечными словами: „Сострадательное и человѣколюбивое
 Ваше Высокопревосходительства сердце подаетъ мнѣ твердую на-
 ежду, что таковое оноо игумена съ братією прошеніе принято будетъ
 въ благопрнзрительнымъ снисхожденіемъ добродѣтельной благочести-
 ой Вашей душѣ свойственнымъ. Оказанная Вамио Высокопревосхо-
 дительствоо милость воспламенитъ сердца обитающихъ въ томъ
 монастырѣ къ проліянію теплѣйшихъ ко Господу молитвъ о дра-
 цѣннѣйшемъ Вашемъ здравіи, а меня обяжетъ къ найчувстви-
 тельнѣйшей благодарности и усугубленію нелицемѣрнаго высокопо-

(1) Дѣло Выд. мон. № 43.

читанія и и искреннѣйшей преданности, съ коими всегда пребуду и емь (1). „Сердечное ходатайство Митрополита имѣло свою силу: генераль-губернаторъ Кречетниковъ немедленно обратился въ кievскую казенную палату съ предложеніемъ разъяснить ему положеніе дѣла и съ требованіемъ, впродѣ до окончательнаго рѣшенія его, предоставить Выдубицкому монастырю безпрепятственно пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ пользовался прежде; а между тѣмъ онъ ходатайствовалъ конфиденціальнымъ письмомъ у самой императрицы не отказать въ справедливой просьбѣ Выдубицкаго монастыря. Ходатайство генераль-губернатора Кречетникова, въ свою очередь, было принято: Выдубицкій монастырь получилъ пресное по высочайшей волѣ. „Михайло Никитичъ, писала Екатерина Великая къ Кречетникову, отъ 8 октября 1792 года; по разсмотрѣніи записки отъ васъ представленной, повелѣваемъ: Кіево-Выдубицкому монастырю, въ разсужденіи того, что онъ служитъ болышею для прочихъ кievскихъ монастырей и содержитъ сверхъ штатнаго своего положенія болыныхъ монаховъ, къ прежде отвѣденной тому монастырю вырѣнной земли оставить въ пользу его и прочую прикосновенную къ нему землю до сорока десятинъ простирающуюся, купно съ мельницею и прудомъ, которую онъ на откупъ имѣеть, исключя ея изъ оброка (2)“... Въ слѣдствіе этого Высочайшаго повелѣнія, указомъ казенной палаты предписано было уѣздному землемѣру—отмѣжевать Выдубицкому монастырю до 40 десятинъ земли, кромя уже отвѣденной ему,—а мельницу стоявшую на выдубицкомъ ветянскомъ прудѣ, которая была заарендована Выдубицкимъ монастыремъ по 1795 году, приказано было отдать монастырю, исключя ея изъ откупа. По желанію и указанію Выдубицкаго монастыря, эта земля была нарѣзана при выдубицкомъ багриновскомъ подворьѣ, называемомъ Вагриновскимъ селищемъ. Такимъ образомъ, съ 1793 года за Выдубицкимъ монастыремъ считались слѣдующія угодья: 1) скотный дворъ, разстояніемъ отъ монастыря въ двухъ верстахъ, при хutorѣ лыбедскомъ, именуемомъ при горѣ ориновской; земли подъ этимъ дворомъ, по снятому въ 1788 году плану, было 5 десятинъ и 1090 сажень. 2) Подворье, называемое Вагриново селище, лежащее близъ монастыря;

(1) Дѣло Выд. мнн. № 45.

(2) На подлинникѣ написано было собственною Ея Величества рукою: «Екатерина».

шли подъ этимъ подворьемъ, по снятому въ 1788 году плану, было 7 десятинъ и 1783 квадратныхъ сажень. 3) При этомъ одворья, по высочайшему именному повеленію 8 октября, 1792 года, отведено было пахатной земли—удобной 40 десятинъ и неудобной подъ чагарниками и кустарниками 2 десятины. 4) Выжняя земля, въ десяти верстахъ отъ монастыря при рѣчкѣ Ветѣ въ рыболовномъ озеромъ, прудомъ и мельницею; этой земли, по плану 1792 года, удобной и неудобной, было 53 десятины 1940 квадратныхъ сажень. Кромя того Выдубицкій монастырь въ 1794 году домогался получить въ арендное содержаніе на нѣсколько лѣтъ сѣнокосъ, лежавшій при рѣчкѣ Ветѣ,—и это ему, кажется, далось.

При такомъ ограниченномъ количествѣ своихъ угодій, сравнительно съ прежними владѣніями, Выдубицкій монастырь теперь дожилъ свою землю,—огораживалъ ее и гдѣ нужно было, расшищалъ,—заводилъ сады,—устраивалъ кирпичные заводы,—и такимъ образомъ извлекалъ изъ нее такіе доходы, какихъ, при прежнихъ обстоятельствахъ, онъ никогда бы не извлекалъ. Такъ, напримеръ, въ описи Выдубицкаго монастыря за 1791 годъ между прочимъ значится, что „при келяхъ монастырскихъ на задворку новъ было насажено минувшей весны орѣховъ грецкихъ, сливъ персиковъ, персиковъ, черешень, кои всѣ почти принялись, до 100 деревъ“. При конюшенномъ дворѣ монастырскій садъ тогда давалъ ежегоднаго дохода до 75 рублей, — въ одномъ мѣстѣ въ Югрияницкѣ открытый кирпичный матеріалъ отдавался теперь за откукъ въ годъ по 80 рублей, а въ другомъ мѣстѣ по 35. Вообще по старой привычкѣ, Выдубицкій монастырь и теперь не оставалъ отъ хозяйственныхъ занятій: братія Выдубицкаго монастыря попрежнему и теперь хлопотали, только, конечно, въ далекихъ вѣдѣніяхъ, о разведеніи садовъ, о расчисткѣ земли, о брашеніи сѣна, объ уборкѣ хлѣба, о пчелномъ заводѣ и прочее. Въ упомянутой нами описи Выдубицкаго монастыря значится, что въ 1791 году у него было въ ветлянскомъ владѣніи 20 копѣекъ пшеницы, 20 вѣсовъ ячменя, 12 вѣсовъ овса и 4 вѣсовъ гороху (1). Впрочемъ, въ рассматриваемый нами періодъ, съ отобраніемъ мѣстъ съ монастырскими землями и монастырскихъ подданныхъ, въ систему монастырскихъ хозяйствъ стала входить больше и больше

(1) Вид. мон. дѣло № 53.

система откупа, или аренды, которая гораздо меньше отнимала времени и силъ у монашествующей братіи, и гораздо меньше отвлекала ихъ отъ исполненія пріятныхъ обязанностей. Тоже самое нужно сказать и о хозяйствѣ Выдубицкаго монастыря разсказаемаго нами періода.

При новомъ монастырскомъ хозяйствѣ, матеріальныя средства монастырей больше и больше казались недостаточными; отсюда изъ монастырей слышались жалобы на скудное содержаніе, и наконецъ правительство обратило вниманіе на эти жалобы. Въ 1798 годъ всѣ казенныя палаты и въ частности кievская приглашала всѣ монастыри представить ей точныя свѣденія о наданныхъ каждому изъ нихъ отъ казны угодіяхъ, садахъ, огородахъ, мельницахъ, рыболовныхъ озерахъ, пасѣчныхъ мѣстахъ, подворьяхъ и пр., присовокупляя, что это нужно для соображенія, касательно доставленія архіерейскимъ домамъ и монастырямъ лучшихъ выгодъ, отводовъ и способности земель и другихъ угодій, по высочайшему повелѣнію 18 декабря 1797 года, данному святѣйшему синоду. Вместе съ этимъ потребовалось отъ каждаго изъ монастырей свѣденіе о томъ, сколько и чего изъ ближайшихъ казенныхъ оброчныхъ статей каждаго монастыря желаетъ „въ снабденіе себя принять“. Выдубицкій монастырь пожелалъ на этотъ разъ не многого, — именно онъ просилъ отдать ему: 1) мельницу Сериево, лежавшую близъ Хотомля; 2) сѣнокосъ, лежавшій въ урочищѣ Подъятье; или же, казавшійся ему, другой сѣнокосъ, лежавшій при потоцѣ Быстрицѣ, и 3) рыболовное озеро — Вондариху, лежавшее при Дѣвирѣ. Такая просьба, за подписью игумена выдубицкаго Асанасія и братіи, была отослана въ Дикастерію, а отсюда въ казенную палату; но здѣсь между прочими другими она была забракована, по причинѣ казенныхъ неумѣренныхъ желаній монастырей. Узнавши объ этомъ, Выдубицкій монастырь, изъ опасенія ничего не получить, внесъ въ казенную палату отъ 4 іюля, 1798 года, особое прошеніе, въ которомъ основательно просилъ надѣлать его, по крайней мѣрѣ, озеромъ Вондарихою. Эта просьба была принята, — и Выдубицкій монастырь получилъ озеро Вондариху. Отъ 30 сентября 1798 года казенная палата извѣщала Выдубицкій монастырь, что, съ утисненіемъ въ казенной палатѣ опредѣленія объ отдачѣ просимаго онымъ монастыремъ озера Вондарихи, съ около лежащими берегами, сколько потребно для ходу по онымъ невода, предписано указомъ губер-

скому землемѣру фонъ-Вейсъ-Фельду (1).“ Тѣмъ и покончено было свободнѣе Выдубицкаго монастыря недвижимою собственностію со стороны правительства. Съ того времени до нынѣ остаются за Выдубицкимъ монастыремъ тѣ же самыя его владѣнія, съ тою только особенностію, какъ намъ приходилось слышать отъ лицъ, соприсвоенныхъ къ дѣлу, что та же самая кіевская казенная палата, которая прежде закрѣпляла за Выдубицкимъ монастыремъ выше поименованныя его владѣнія, въ послѣднее время стала подъ разными предлогами ограничивать нѣкоторые изъ нихъ, чему однакоже намъ не хотѣлось бы вѣрить. — Съ того времени, въ Выдубицкомъ монастырѣ было немного особенныхъ перемѣнъ въ его внутренней жизни. Изъ нихъ можно упомянуть развѣ только о томъ, что въ 1798 году, при игуменѣ выдубицкомъ Аванасіи, по именному высочайшему указу отъ 18 декабря 1797 года, здѣсь учреждена была архимандрія для благолѣнія церковнаго служенія, такъ, впрочемъ, что игумены выдубицкіе, съ переименованіемъ ихъ въ архимандритовъ, должны были оставаться при игуменскихъ окладахъ; а въ 1842 году, тоже по высочайшему именному указу, — Выдубицкій монастырь переименованъ изъ 3-го кл. во 2-й классъ, съ присвоеннымъ ему штатомъ и окладомъ.

Съ 1786 года до настоящаго времени въ Выдубицкомъ монастырѣ очень часто перемѣнялись его настоятели: въ какіе нибудь 80 лѣтъ ихъ было здѣсь до 17 (2); рѣдкій изъ нихъ послужилъ Выдубицкой обители 10 лѣтъ. Кромѣ того, всѣ почти настоятели выдубицкіе занимали стороннія, много отвлекавшія отъ монастыря, должности: кто изъ нихъ былъ присутствующимъ въ кіевской Дикастеріи (игуменъ Іеронимъ); — кто былъ префектомъ кіевской Академіи (игуменъ Димитрій), — кто вице-ректоромъ Академіи (архиман-

(1) Дѣла Выд. мон. № 54.

(2) Въ хронологическомъ порядкѣ они такъ слѣдовали: 1) Игуменъ Іеронимъ 1784—1791. 2) Игуменъ Димитрій 1791—1793. 3) Игуменъ Θεодосій 1793—1798. 4) архимандритъ Аванасій 1798—1800. 5) архимандритъ Іеронимъ 1800—1805. 6) архимандритъ Іоаннъ 1805—1815. 7) архимандритъ Мелетій 1815—1820. 8) архимандритъ Иринеи 1820—1828. 9) архимандритъ Смарагдъ 1828—1830. 10) архимандритъ Лустийъ 1830—1836. 11) архимандритъ Іеремія 1836—1837. 12) архимандритъ Димитрій 1837—1841. 13) архимандритъ Евсевій 1841—1845. 14) архимандритъ Пареній 1845—1851. 15) архимандритъ Лаврентій 1851—1855. 16) архимандритъ Іоаннъ, исполнявшій должность 1855—1856. 17) архимандритъ Веніаминъ съ 1856 до нынѣ.

дритъ Асанацій), — а настоятельствовавшіе въ немъ съ 1818 по 1844 были обременены должностями ректоровъ семинаріи, чиновъ Ковкосторін и др. Отсюда само собою понятно, что такіе настоятели не могли много присматриваться къ нуждамъ монастыря и заботиться объ его благосостояніи. Изъ длиннаго ряда бывшихъ настоятелей Выдубицкаго монастыря едва можно указать только на двухъ-трехъ, какъ на особенныхъ радѣтелей Выдубицкой обители: кромѣ игумена Іеронима, такимъ былъ еще архимандритъ Парасеній; при немъ на деньги, пожертвованныя въ 1843 году генераломъ Павломъ Семеновымъ (25,000 руб. асс: на вѣчное поминовеніе его, его супруги и двухъ дочерей, похороненныхъ въ Выдубицкомъ монастырѣ), построенъ въ Выдубицкомъ монастырѣ каменный корпусъ, значенный, по волѣ завѣщателя, для призрѣнія больныхъ изъ братіи. Нужно отдать справедливость и теперешнему настоятелю Выдубицкаго монастыря о. архимандриту Веніамину, который уже 10 лѣтъ съ особеннымъ усердіемъ служитъ этой святой обители и умѣетъ поддерживать ея благолѣпіе. Большою подмогою для Выдубицкой обители въ матеріальномъ отношеніи, кромѣ приношеній богомольцевъ, посѣщающихъ Кіевъ, служитъ то, что онъ, почти съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, избранъ уснальщикомъ для знаменитыхъ покойниковъ (1), родственники которыхъ не сумѣ-

(1) Такихъ, болѣе или менѣе знаменитыхъ, покойниковъ до 1857 года было погребено въ Выдубицкомъ монастырѣ болѣе 100 между другими тутъ погребены 1) родъ Турчаниновыхъ. 2) Марія Капцевичева-княжна Прозоровская, 3) графиня Анна Толстая. 4) стат. сов. Николай Ергольскій, 5) дѣйст. стат. сов. Анна Подолінская, 6) родъ полковника Пороховщикова, 7) дѣйст. стат. сов. да Іуліяна Веселицкая, 8) родъ Лашкевичей, 9) дѣйст. стат. сов. Яковъ Пенкинъ, 10) родъ купцовъ Рябчиковыхъ, 11) подполковникъ Петръ Веселицкій, убитый при Бородинѣ, 12) Марія Высоцкая-княжна Баратова, 13) родъ князя, генерала отъ артиллеріи Льва Яшвиля 14) родъ кіевского градскаго головы Ходунова, 15) родъ стат. сов. Ивана Корбе, 16) родъ кіевского купца Вубнова, 17) генералъ маіоръ Панаевъ, 18) княгиня Марія Щербатова, 19) родъ чиновника 4 класса Александра Семеновы, 20) родъ протоіерея Янчуковскаго, 21) генералъ отъ кавалеріи Степана Репнинскаго, 22) генералъ лейтенантъ Александръ Эмме, 23) полковникъ Степанъ Маведонскій, 24) профессоръ академіи Яковъ Амфитеатровъ. Надъ могилами этихъ и другихъ покойниковъ стоятъ болѣе или менѣе цѣнные памятники, которые, при надлежащемъ досмотрѣ за ними, представляютъ, особенно въ лѣтнее время, умилительно трогательную картину.

на приношенія Выдубицкому монастырю — на поминъ хъ душъ. Въ 1856 году, въ Выдубицкомъ монастырѣ находилось такихъ приношеній разными банковыми билетами на сумму до 0,000 рублей серебромъ, часть процентовъ которыхъ назначалась въ пользу монастырскихъ церквей, а часть въ пользу братіи. Кромя того, сборъ денегъ за мѣста для могилъ покойниковъ и азныя другія приношенія при погребаніяхъ покойниковъ еще болѣе усиливаютъ теперь средства монастыря, — такъ что теперешнее его положеніе, сравнительно съ недалекииъ прошедшимъ, значительно улучшилось — тѣмъ болѣе, что онъ теперь измѣнилъ характеръ больничнаго монастыря и содержитъ въ своихъ стѣнахъ братіи столько почти, сколько положено по штату (1).

Въ заключеніе всего скажемъ еще нѣсколько словъ о религиозно-нравственной сторонѣ жизни Выдубицкаго монастыря въ разматриваемый нами періодъ. Мы думаемъ, что освобожденіе монастырей вообще и въ частности Выдубицкаго монастыря отъ его фрейвѣрныхъ хозяйственныхъ занятій не было безплоднымъ для религиозно-нравственной монастырской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, куда теперь могли направляться свободныя отъ постороннихъ занятій силы монастыря, какъ не на его прямую цѣль, на нравственные подвиги? Уединенность Выдубицкаго монастыря отъ шумной городской жизни и прекрасное его мѣстоположеніе всегда способствовала молящимся тутъ, къ самоуглубленію ихъ религіознаго духа и къ возвышенію религіозныхъ чувствъ къ Творцу природы. Въ послѣдствіи времени, когда въ стѣнахъ Выдубицкаго монастыря открытъ посмертный пріютъ для многихъ тружениковъ жизни, когда монашествующіе тутъ, между прочимъ, и по долгу благодарности должны были чаще и чаще обращаться въ молитвенныхъ мысляхъ и чувствахъ въ царство смерти, жизнь ихъ имѣла еще однимъ побужденіемъ болѣе къ болѣе строгому исполненію христіанскаго и монашескаго долга. Мы уже видѣли, что на первыхъ порахъ своей свободной отъ хозяйственныхъ занятій бѣдной жизни Выдубицкій монастырь проявилъ много религіозно-нравственнаго настроенія въ призрѣніи многихъ пришлыхъ страждущихъ и нестраждущихъ братій, съ которыми онъ дѣлился послѣдними

(1) Теперь въ Выдубицкомъ монастырѣ считается братіи, кромя архимандрита, 16 монашествующихъ, 28 послушниковъ, а служащихъ при монастырѣ и другихъ его заведеніяхъ до 40 душъ обоего пола.

своими бѣдными средствами, — и все это дѣлать безропотно, съ истиннымъ христіанскимъ самоотверженіемъ. Конечно, нравственная чистота душъ извѣстна только одному Сердцевѣрцу; но, судя по ея проявленіямъ, и мы кое что можемъ сказать о ней. На этомъ основаніи мы говоримъ рѣшительно, что религіозно-нравственная жизнь Выдубицкаго монастыря вообще, въ разсматриваемый нами періодъ, стояла гораздо выше, чѣмъ прежде. Въ послѣднее время, въ Выдубицкомъ монастырѣ являлось не мало такихъ лицъ, которые высотою своею монашеской аскетической жизни привлекали много православнаго народа въ стѣны монастыря. И теперь имя духовника Іоны, устроившаго тутъ, вблизи самаго монастыря, скитъ съ домовою церковью во имя святой Троицы дѣлается въ народѣ болѣе и болѣе приснопамятнымъ — болѣе и болѣе привлекаетъ православный людъ какъ къ этому самому иеродьячку, такъ и вообще къ святой обители Выдубицкой.

Особенная святыня Выдубицкаго монастыря, которая привлекаетъ сюда вниманіе богомольцевъ и развиваетъ въ нихъ религіозно-благоговѣйныя чувства, это богатая серебро-позолоченная рака съ частицами святыхъ мощей (1). Она сооружена, какъ видно изъ надписи на ней, усердіемъ и любовію іеродіакона выдубицкаго Пимена и добрыхотныхъ дателей, особенно щедротами и

(1) Въ этой ракѣ есть частицы мощей: Великаго мученика Георгія, Василя Великаго, Григорія Богослава, Іоанна Златоустаго, Равноапостольнаго Владимира, Великомученицы Варвары, Іоанна Дамаскина, священномученика Фоки, Космы безсребренника, Макарія діакона, Іакова Печерскаго, Сильвестра Печерскаго, Пимена постника, Ефрема Сирина, Нестора лѣтописца и Меркурія постника. Когда и кѣмъ наданы эти частицы святыхъ мощей Выдубицкому монастырю — неизвѣстно. Г. Похилевичъ, въ своемъ описаніи Выдубицкаго монастыря, говоритъ, помнится, что онѣ были наданы митрополитомъ Евгеніемъ. Можетъ быть и такъ; только несомнѣнно, что теперешняя рака устроена при митрополитѣ Евгеніи, какъ значитъ въ слѣдующей надписи на ней: «Благоустроена сія святая рака въ царствованіе августѣйшаго императора Божія Николая I, при ангелѣ кievскія церкви, митрополитѣ Евгеніи, при настоятелѣ же Выдубицкаго монастыря архимандритѣ Іустинѣ, усердіемъ и любовію іеродіакона Пимена и добрыхотныхъ дателей, а особливо с. п. б. купца Памфила Абакитова и кievскаго купца Алексѣя Ходунова, коимъ въ воздоаніе Самыи Господь Богъ предстательствомъ Св. вел. муч. Георгія да сотвори вѣчную память, 23 апрѣля 1834 года.

пербургскаго купца Памфила Абакумова и кievскаго купца Алек-
 ѣя Ходунова. Не мало также привлекають богомольцевъ въ Вы-
 дубицкій монастырь и двѣ особенно чтимыя иконы его: древній
 образъ Ченстоховской Божіей матери и страстной образъ Спаси-
 теля, данный Выдубицкому монастырю въ послѣднее время какими-
 то грекомъ. Предъ этими образами здѣсь еженедѣльно отпра-
 вляются акаѣисты: предъ образомъ Божьей Матери— акаѣистъ
 Богоматери, по субботамъ, а предъ страстнымъ образомъ Спаси-
 теля акаѣистъ страстямъ Христовымъ по пятницамъ. Не смотря
 на отдаленность Выдубицкаго монастыря отъ города, въ эти дни,
 даже въ зимнее время, не мало приходитъ сюда городскихъ бо-
 гомольцевъ; а дни христіанскаго поминовенія покойниковъ и осо-
 бенно храмовой день святаго великаго мученика Георгія привле-
 кають сюда такъ много народа, особенно кievскихъ горожанъ,
 какъ ни одинъ изъ храмовыхъ праздниковъ кievскихъ монасты-
 рей. Къ сожалѣнію, только—въ это время характеръ церковна-
 го торжества тутъ слишкомъ заглушается торжествомъ мірскаго су-
 етн, или, пожалуй, еще чего нибудь похуже.

Мы окончили историческое обозрѣніе Выдубицкаго монасты-
 ря. Въ общихъ чертахъ мы можемъ представить судьбу его въ
 слѣдующихъ чертахъ. Доисторическая судьба Выдубицкаго мона-
 стыря, предшествовавшая временамъ Всеволода Ярославича,—
 это было время его таинственнаго зарожденія, получивши же свое
 историческое начало, при своемъ знаменитомъ строителѣ, великомъ
 князѣ Всеволодѣ Ярославичѣ, онъ, съ того времени, началъ свою
 историческую жизнь, которая въ своемъ развитіи имѣла нѣсколь-
 ко фазъ. Въ первое время своей исторической жизни, Выдубиц-
 кій монастырь находился подъ опекою митрополитовъ кievскихъ и
 великихъ князей, которые щедро обезпечивали его въ матеріаль-
 номъ отношеніи. Разрушительное иго татарское на нѣкоторое вре-
 мя приостановило развитіе Выдубицкаго монастыря. Оправившись,
 чрезъ нѣсколько времени, отъ этого такъ сказать, физическаго
 пораженія Выдубицкій монастырь потомъ подвергся другому нрав-
 ственному игу, уни. Благодѣтельная судьба скоро вывела его и
 изъ этого труднаго искушенія, благодаря отческой опекѣ надъ
 нимъ кievскихъ митрополитовъ, онъ наконецъ началъ самосто-
 ятельную широкую жизнь. Къ сожалѣнію, окружающая его об-
 становка, дала направленіе его жизни, не совсѣмъ правильное.

Въ своей самостоятельной жизни, какъ часто бываетъ и въ самостоятельной жизни отдѣльной личности, Выдубицкій монастырь увлекся чрезъ мѣру матеріальными интересами, и упустилъ изъ виду свое главное назначеніе. Судьба остановила его ложное направленіе, отнявши отъ него то, что мѣшало его правильному развитію и тѣмъ самымъ указала ему другую, болѣе прямую, дорогу, которую онъ идетъ и доселѣ. Въ послѣднемъ случаѣ мы высказываемъ свое несогласіе съ мнѣніями тѣхъ, которые въ современной жизни всѣхъ монастырей вообще и въ частности и, пожалуй, въ жизни монастыря Выдубицкаго, находятъ совершенное уклоненіе отъ истиннаго назначенія монастырской жизни, образецъ которой обыкновенно поставляютъ въ аскетической жизни древнихъ монастырей. Не пускаясь на атому поводу въ длинныя объясненія, скажемъ только слѣдующее: растеніямъ суждено жить по преимуществу воздухомъ и воздушною влагою; но неразумно было бы по атому лишать ихъ почвы, которая необходима для укрѣпленія и питанія ихъ корней. Безразумно было бы лишать матеріальныхъ средствъ существованія и такія наши учрежденія, которыя хотя имѣютъ свою цѣль преимущественно жизнь религиозно-нравственную, духовную; но все таки существуетъ въ мірѣ на землѣ. Жаль только, что люди, какъ люди, съ своею свободою волею и съ своимъ слѣпымъ умомъ, не всегда умѣютъ держаться въ границахъ долга и умеренности!

Свящ. Павелъ Троицкій.

1866 года,
январь 27.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О КІЕВѢ.

О мѣстѣ кіевской церкви св. Андрея.

Какъ только задумаешь говорить о Кіевѣ въ отношеніи церковномъ, невольно обращаешься мыслію къ древнему преданію о св. апостолѣ Андрѣ: „вшедь на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помолився Богу, и слѣзъ съ горы сея, идѣже послѣ же бысть Кіевъ“.

На какомъ же именно мѣстѣ старокіевской горы поставленъ былъ крестъ св. Андрею? Объ этомъ, кажется мнѣ, не было уже преданія у кіевлянъ одинадцатаго вѣка; а еслибъ оно было, преподобный Несторъ не преминулъ бы упомянуть о немъ, по своей особенной любви къ обозначенію мѣстностей. А ему представлялся удобный для того случай въ лѣтописи подъ 1086 годомъ, гдѣ онъ писалъ: въ лѣто 6594, Всеволодъ заложилъ *церковь святого Андрея*, при Иванѣ преподобномъ митрополитѣ; створи и церкви той монастырь, въ немъ же пострижеса дщи его дѣвою, именемъ Ялька....“ Тутъ Несторъ непременно упомянулъ бы о мѣстѣ поставленія креста св. апостоломъ, если бы оно было извѣстно тогда по преданію, и если бы *на томъ мѣстѣ* поставлена была княземъ Всеволодомъ церковь во имя св. Андрея.

И такъ, изъ Несторова сказанія видно только то, что св. апостолъ Андрей молился и водрузилъ крестъ на той наддѣпровской горѣ, гдѣ впоследствии возникъ первоначальный градъ Кіевъ.

Бытіе помянутого *Ялчина* монастыря видно по лѣтописямъ до самаго нашествія Батыева; но нигдѣ не упомянуто о немъ такъ, чтобы можно было усмотрѣть его мѣстоположеніе, а въ позднѣйшіе вѣка и совсѣмъ о томъ не упоминается. При такой неизвѣстности о мѣстѣ этого монастыря, оно на чертежѣ древняго Кіева назначается гадательно, согласно съ тѣмъ соображеніемъ Иринея Фальковского, что этотъ монастырь былъ въ „недальнемъ разстояніи отъ Десятинной церкви“. (См. *Кіевскій Мѣсяцесловъ* на лѣто 1799-е). Того же мнѣнія былъ и Берлинскій (1). Такъ принимаетъ и г. Закревскій (2).

Новѣйшій описатель нынѣшней церкви св. Андрея Первозваннаго (см. *Кіевскій народный Календарь* на 1866 годъ) справедливо замѣчаетъ, что „въ настоящее время даже трудно указать мѣсто, гдѣ была Андреевская обитель. „Не смотря на то, онъ говоритъ, что эта древняя обитель была основана Всеволодомъ „*на томъ мѣстѣ*“, гдѣ св. апостолъ поставилъ крестъ“, и что церковь Крестовоздвиженскую князь Мстиславъ Романовичъ (т. е. не Романовичъ, а Мстиславичъ) поставилъ — „*нѣсколко ниже*“.

Кіевляне, жившіе послѣ нашествія татарскаго, дорожа древ-

(1) Ст. его *Описание Кіева* 1820 г.

(2) См. его *Лѣтопись и Описание города Кіева*. 1858 г.

нимъ преданіемъ о св. апостолѣ Андрѣѣ, желали опредѣлить себѣ то мѣсто, на которомъ поставленъ былъ ннѣ крестъ, какъ зачатное начало первопрестольнаго города Кіева и они признали его на томъ сѣверо-восточномъ концѣ старокіевской горы, на которомъ около ста лѣтъ уже красуется Елисаветинская церковь св. Андрея Первозваннаго: это мнѣніе стародавнихъ кіевлянъ обратилось для насъ въ вѣбвое преданіе, и его охотно признаешь, взойдя на ту прекрасную высоту наддѣпровскую.

Положеніе этого мѣста опредѣлялось въ первой половинѣ XVII-го вѣка двумя древними церквами, еще бывшими здѣсь въ ту пору, а именно: *Семеновскою* и *Крестовоздвиженскою*.

Указаніе на Симеоновскую церковь сохранилось въ житіи св. Владиміра, помѣщенномъ въ *Пчелѣ*, извѣстной по списку сдѣланному въ Круничъ-Полѣ 1679 года (1). Тамъ о св. Андрѣѣ Первозванномъ сказано: „пришедши на горы кіевскіи, благословивъ ихъ, и крестъ святой на нихъ, *идѣ теперь церковь св. Симеона стоитъ*, поставилъ.“ Изъ *Тературимы* Аванасія Кальнофойскаго, изданной въ Кіевѣ 1638 года, видно, что въ то время, въ числѣ шести старокіевскихъ церквей, стояла еще церковь св. Симеона „*надъ самымъ Кіевомъ*“ (т. е. Подоломъ). „Отъ нихъ (т. е. старокіевскихъ церквей)—говоритъ Кальнофойскій—*воротами*, мимо замка, на высокой горѣ воздвигнутаго, сходитъ дорога до плачевнаго *Кіева (Подола)*, ннѣ едва ли достойнаго и зываться именемъ прежняго Кіева.“ Тутъ разумѣется *Андреевскій* взвозъ, идущій на Подоль мимо горы Бисилевки, на которой стоялъ кіевскій замокъ.

Имѣя въ виду эти современныя указанія Пчелы и Тературимы на церковь св. Симеона, я полагаю несомнѣнно, что она стояла на томъ самомъ концѣ стараго Кіева, на которомъ ннѣ возвышается церковь Андреевская. Это подтверждается и упоминаніями древней кіевской лѣтописи о церкви и монастырѣ св. Симеона. Такъ подъ 1147 годомъ, гдѣ описано убіеніе князя Игоря Ольговича, сказано, что 19 сентября тѣло его отвезено было „на *Подолье*, на торговище“ и тамъ положено въ церкви св. Михаила (въ бошницѣ новгородской); а на разсвѣтѣ другаго дня итрополить послалъ туда Феодоровскаго игумена Онанью— „и от-

(1) См. въ книгѣ Бодянскаго: *О времени происхожденія славыскихъ писемъ*, 1855 г., примѣчаніе 109-е.

нѣ надъ нимъ обычныя пѣсни, везе на *конецъ града въ монастырь святому Семеону*, бѣ бо монастырь отца его и дѣла его Святослава, — тако положиша“.

Этотъ *конецъ града* и горы старокіевской назывался въ позднѣйшіе вѣка *Вздыхальною* или *Вздыхальницею*, а въ древнія времена *Копыревимъ концемъ*: онъ составлялъ тогда предмѣстье или предгородье древняго города Кіева, называемаго нерѣдко въ лѣтописаньи и просто, *горою*, по отношенію къ *Подолію*. Это видно изъ нѣсколькихъ мѣстъ кіевской лѣтописи. Напримѣръ подъ 1140 годомъ; „пойде Всеволодъ Ольговичъ изъ Вышегорода въ Кіеву, и пришедъ ста у *города въ Копыревъ конци*, и нача зажигати дворы, иже суть *предъ городомъ въ Копыревъ конци*“.

Подъ 1150 годомъ: „въ тоже время Святославъ Ольговичъ перенесе мощи брата своего Игоря, *отъ святого Семеона изъ Копырева конця*, въ Черниговъ“.

Подъ 1162 годомъ: „и вземъ и (*Изяслава*) Мстиславъ ле жива, посла въ монастырь *къ святому Семену, еже всть въ Копыреви конци*“.

А что кіевскій замокъ былъ именно на той горѣ, которая съ половины XVII-го вѣка зовется *Киселевскою* (по имени воеводы кіевского *Адама Киселя*), это не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Въ описи кіевскаго замка, составленной въ XVI-мъ вѣкѣ, ясно сказано о *замковой горѣ*, что у нея „отъ полуночное стороны, за брамою воеводскою, прилегла гора на име *Щековица*...; а съ другое стороны, отъ полудня, за драбскою брамою, только черезъ ровъ — прилегла гора на име *Клинецъ*, ровна съ замковою; а другая тамъ-же подалей вышча, на име *Вздыхальная*, але тая остра, можетъ быти унижена копанемъ“.

И такъ г. Закревскій сомнѣвался въ положеніи кіевскаго замка на горѣ Киселевкѣ и полагалъ его на горѣ *Вздыхальницѣ* (§ 8), называя его — „выстроеннымъ поляками“. (Кіевскій замокъ и строился и возобновлялся всегда русскими, а не поляками). Напрасно и церковь св. Симеона, стоявшая на горѣ *Вздыхальницѣ*, *надъ самимъ Подоломъ*, помѣщена у г. Закревскаго на самомъ Подолѣ, подъ горою *Щековицею*! А объ андреевскомъ взвозѣ у него сказано сперва, что онъ „одинъ изъ *древнѣйшихъ* (§ 8); а потомъ, что онъ „прорытъ въ *позднѣйшее* время“ (§§ 21 и 66). Я держусь перваго мнѣнія и думаю, что при началѣ этого кру-

таго взвоза стояла древняя церковь св. Симеона, на мѣстѣ нынѣшней Андреевской.

Посмотримъ теперь на другое опредѣленіе того мѣста, гдѣ поставленъ былъ крестъ св. апостоловъ Андреевъ. Въ старомъ *лѣтописи* южнорусскомъ XVII-го вѣка, сказано такъ: „Вшедши на гору, *подлѣ которой теперь брама кievская стояла отъ полудня и церковь Воздвиженія креста святого*, благословилъ и крестъ поставилъ“ (1).

Гора, возлѣ которой стоятъ ворота кievскія отъ полудня... Ясное дѣло, что это гора Вздыхальница, возлѣ которой стояли прежде ворота, называвшіяся въ XVII-мъ вѣкѣ кievскими, и церковь Воздвиженія.

Тутъ надо припомнить, что древнѣйшій валъ первоначальнаго города Кіева проходилъ нѣсколько выше нынѣшняго мѣста Андреевской церкви, такъ что это мѣсто и стоявшая здѣсь церковь св. Симеона была за валомъ, внѣ города.

Кievская брама, черезъ которую ѣздили по Андреевскому взвозу на Подоль, была именно *отъ полудня*. А что эти городскіе ворота назывались въ томъ вѣкѣ кievскими, это видно и изъ *Росписи Кіеву* 1682 года (2), гдѣ сказано такъ: *Кievскій выводъ* и проѣзжіе ворота, что ѣздить въ нижней Кіевъ городъ. *Въ Кievскихъ воротахъ* желѣзная рѣшетка большая невставлена, для того, что выводъ не въ отдѣлкѣ“.

Первый отъ этихъ воротъ земляной выводъ вала къ сторонѣ Днѣпра назывался *Воздвиженскимъ* — по имени церкви, бывшей тамъ еще и въ началѣ XVII-го вѣка, но вскорѣ потомъ разобранной. Въ Тератургимѣ 1638 года объ ней уже не упоминается въ числѣ старокievскихъ церквей.

Брестовоздвиженская церковь поставлена была не Мстиславомъ Романовичемъ, какъ было сказано у Берлинскаго и повторено у Закревскаго (§ 8, 9, 77), но *Мстиславомъ Мстиславовичемъ*, и не въ 1212 году, когда онъ лѣто и зиму подвизался противъ Чуди, а вѣроятно въ 1215 году, когда онъ нарочно пріѣзжалъ въ Кіевъ. Въ этой церкви онъ и погребенъ 1128 года (3).

(1) Въ *Густынской хроникѣ* сказано такъ: »И пришеде, идѣше нынѣ горы кievскія, ихъ же благослови и крестъ на нихъ водрузи, *недалече нынѣшней брамы отъ полудня*» (стр. 251).

(2) См. въ *Чтеніяхъ* 1858 г. кн. 2.

(3) Въ *Кievскомъ Синописи* сказано о Мстиславѣ Мстиславичѣ:

Объ ней несправедливо писали у насъ, будто въ древности она была *деревянная*, а уже впоследствии поставлена каменная. „Похованъ въ церкви Воздвиженія креста честнаго, которую самъ *змуровалъ* въ Кіевѣ“ — сказано въ старомъ лѣтописцѣ южно-русскомъ о Мстиславѣ Мстиславичѣ, — и это правдоподобіе. А стояла она на юговостокѣ отъ нынѣшней Андреевской церкви. На это указываетъ вышепомянутый Воздвиженскій выводъ землянаго вала; а также и остатки каменнаго зданія съ гробницею, выстѣпкою изъ бѣлаго камня, которыя открыты были (помнится мнѣ въ 1839 году), при планировкѣ улицы, идущей отъ Андреевской церкви къ Михайловскому монастырю.

Въ половинѣ XVII-го вѣка не было уже на Старомъ Кіевѣ ни Симеоновской, ни Крестовоздвиженской церкви. Тогда на завѣтной высотѣ построена была *деревянная церковь Андрея Первозваннаго*. Объ этой церкви совсѣмъ позабыто въ Кіевѣ и не-вспомнито, кажется, еще ни въ одномъ описаніи Кіева и церкви Андреевской. Извѣстіе объ ней сохранилось въ „*Путешествіи въ святую землю* московскаго священника Іоанна Лукьяна“ 1701, 1702 годовъ. При описаніи „преславнаго града Кіева“, путешественникъ говоритъ: „А гдѣ святыи апостоль Андрей крестъ поставилъ, тотъ холмъ въ городской стѣнѣ зѣло красовитъ; на томъ мѣстѣ стоитъ церковь деревянная ветха, во имя святаго апостола Андрея Первозваннаго“ (стр. 13).

Если та церковь была или казалась *ветхою* въ началѣ 1701 года, то она стояла на томъ мѣстѣ, конечно, около полувѣка. Такъ первая на Руси церковь во имя св. Бориса и Глѣба, поставлена была въ въ Вышгородѣ Ярославомъ 1-мъ, около 1020 года; а въ 1071-мъ году Изяславъ Ярославичъ, будучи въ Вышгородѣ, видѣ ту церковь ветху сущу“ и построилъ новую.

Объ той Андреевской церкви не упоминается въ Росписи Кіеву 1682 года; но тамъ же не упомянуто и объ *Георгиевской* деревянной церкви, построенной въ 1674 году, на развалинахъ древней. Строителемъ этой церкви былъ тогдашній воевода Кіев-

преставился въ Торску (*т. е. въ Торческѣ*) и погребоша его въ Кіевѣ, въ церквѣ Честнаго креста Господня, юже созда. Року отъ Рождества Христова 1211». Тутъ *1212-й* годъ — не созданія церкви, а Мстиславовой кончины, поставленный ошибочно вмѣсто 1228-го, по ошибкѣ польскаго историка, которымъ руководствовался сочинитель Кіевскаго Синописа.

скій князь *Юрій Петрович Трубецкой*. Примѣчая, что онъ построилъ ее въ память своего патрона, можно примѣнить этотъ древнерусскій христіанскій обычай и къ *построенію Андреевской* деревянной церкви, и принять предположительно, что она построена была въ 1656 году (1), тогдашнимъ воеводою кievскимъ *Андреемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ*, въ память своего святаго патрона.

Неизвѣстна намъ дальнѣйшая судьба этой церкви — сгорѣла она или же была разобрана при новой насыпкѣ старокievскихъ валовъ и того высокаго бастиона, на которомъ въ 1744 году императрица Елисавета собственноручно заложила нынѣшнюю церковь св. Андрея Первозваннаго.

Въ дополненіе къ сказанному выше о церкви св. Симеона можно упомянуть, что она поставлена была Святославоиъ Ярославичемъ, конечно тогда, какъ онъ княжилъ въ Кіевѣ, т. е. въ 1073. 1076 годахъ.

Кромѣ ея, въ Копыревѣ-концѣ была еще церковь, св. *Іоанна*, о которой извѣстно изъ лѣтописи кievской, подъ 1121 годомъ: „Того же лѣта заложи церкви святаго *Івана* въ Копыревѣ-конци“. Кто заложилъ? Разумѣется, *Владиміръ Мономахъ*, о которомъ говорится въ лѣтописи подъ тѣмъ годомъ; и не могло статься, чтобы онъ, воздвигавшій каменныя церкви въ Переясловѣ, въ Смоленскѣ, въ Суздаль, не поставилъ ни одной церкви въ Кіевѣ, будучи здѣсь на княженіи! Что же касалось до мѣста, гдѣ находилась Іоанновская церковь, то его можно положить также на горѣ Вздыхальницѣ, по указанію той—же лѣтописи на *огородѣ* этой церкви, бывшій со стороны уголья, называемаго Кожемяками. Подъ 1151 годомъ, лѣтописатель кievскій, обозначая подробно размѣщеніе вокругъ города полковъ, собранныхъ на отпоръ нашествію князя Юрія говорить: „повелѣна Володимеру (Мстиславичу) пойти съ Бередеи, и съ вежами и съ стады ихъ пойти во Олговѣ (т. е. къ *Олговой*—могили); и стаща межн дебрями отъ Олговы оли и въ огородъ святаго Іоана: а сѣмо оли и до Щьковицѣ“. Отсюда ясно для меня, что Бередеи стояли тогда по обѣимъ сторонамъ Замковой горы или Кле-

(1) Того же 1656 года, 21 декабря скончался въ Кіевѣ знаменитый въ здѣшней исторіи Василій Васильевичъ Бутурлинъ, и повезенъ былъ изъ Кіева братомъ его Андреемъ.

ювки: на западной сторонѣ — начиная отъ Олеговой могилы на Щековицѣ, по угодью Кожемяцкому, до огорода Иоанновскаго въ Кошыревѣ—концѣ; а на восточной сторонѣ — отъ Кошырева-конца, по Подолью, до Щековицы.

И такъ по моему соображенію, въ древнемъ городѣ Кіевѣ, при выѣздѣ изъ него на Подолье воротами *сѣверными* или *Кіевскими*, вправѣ отъ нихъ, стояла святославская церковь *св. Симеона*; а влѣвѣ (на томъ пространствѣ, гдѣ нынѣ узорочный садъ А. Н. Муравьева смежается съ дворомъ покойнаго М. А. Грабовскаго), могла быть Мономаховская церковь *св. Иоанна*, съ прилежащимъ къ ней огородомъ.

К. Е. В.

М. Максимовичъ.

10 апрѣля, 1866 г.
Михайлова—гора.

Городъ Слонимъ и примѣчательнѣйшія мѣста Слонимскаго уѣзда.

Объ основаніи города Слонима ничего неизвѣстно. Въ XI столѣтіи, Слонимъ принадлежалъ русскимъ князьямъ, вѣроятно туровскимъ, и былъ укрѣпленъ. Русскіе и литовскіе лѣтописцы съ Длугошемъ упоминають о сраженіи на поляхъ слонимскихъ въ 1040 году, между великимъ княземъ Ярославомъ I и литовцами; послѣдніе потерпѣли совершенное пораженіе и изъявили покорность на всемъ протяженіи до рѣки Нѣмана (1). Въ началѣ XII столѣтія (1103 г.), сынъ Монтвилловъ Эрдзвилль, предводительствуя литовцами, опустошилъ владѣнія русскихъ до Слонима; но спустя столѣтіе, въ 1200 году, князья южной Руси въ свою очередь разбили литовцевъ. Во время нашествія Батя, въ 1241 (по Старчевскому въ 1240 г.), Слонимъ разграбленъ монгольскимъ военачальникомъ Кайдакомъ; деревянный укрѣпленный замокъ срытъ до основанія; многіе жители погибли. Овладевъшею этою страню, въ томъ же году, по отступленіи монголовъ, Эрдзвилль сынъ Рынгольтовъ, безъ

(1) Старожытна Польска — *Балмискій* и *Литинскій*, т. III, 679. Справочный Энциклопедическій Словарь *Старчевскаго* 1855 года т. IX, часть II, стр. 482.

соинѣннѣмъ возобновили укрѣпленія (1). Спустя 10 лѣтъ, Левъ Даниловичъ галицкій отсталъ Слоиниѣ у Мендого. Послѣ этого событія городъ недолго остается во власти галицкой Руси, ибо черезъ шесть лѣтъ (1258), послѣ заключенія мира между Даниломъ Романовичемъ и Мендогомъ, Слоиниѣ съ окрестною страной принадлежить Литвѣ. Бѣжавшія изъ Шалавінъ отъ оружія крестоносцевъ многія прусскія семейства, приняты литовцами въ 1276 году; ихъ потомки поселены въ Слоиниѣ и окрестностяхъ (2); близъ Дзенціола крестьяне въ деревняхъ Норцевичи, Погири и Засеце до настоящаго времени говорятъ литовскииъ языкомъ.

Въ исходѣ XIII столѣтія, Слоиниѣ еще разъ возвращается къ князьямъ галицкой Руси и въ 1281 году имѣлъ своего князя Василька, признававшаго подданство Данилова племянника Іоанна Владиміра Васильковича, князя володимірскаго (владиміро-волинскаго). Гединиѣ, распространившій свою власть надъ галицкими удѣльными князьями до р. Припети, отдалъ Слоиниѣ и Корачевъ своему старшему сыну Монтвиду, умершему въ 1340 году (3). Вѣроятно въ то время Слоиниѣ, какъ мѣстонахождение князя, былъ уже значительнымъ городомъ и имѣлъ нѣсколько православныхъ церквей; вѣроятно также и то, что онъ подобно Гродну и Новогрудку, подвергался нападеніямъ рыцарей; по крайней мѣрѣ такой участи онъ не могъ избѣгнуть въ исходѣ XIV столѣтія, во время междоусобій Ягеллы съ Витольдомъ, при нашествіи Конрада Валленрода.

Дальнѣйшая судьба Слоиниа, до второй половины XVI столѣтія, намъ неизвѣстна; можно сказать только, что, благодаря продолжительному спокойствію и покровительству княжескихъ мѣстникоу, онъ постепенно возвышался, исцѣляя мало по малу застарѣлыя раны, особенно съ первыхъ лѣтъ упомянутого столѣтія, послѣ учрежденія Новогрудскаго воеводства въ 1500 году, когда сдѣланъ главнымъ городомъ уѣзда тогоже имени (4). Съ

(1) Тамъ же стр. 680 и 483. Въ хронологіи замѣчаемъ разницу: по Балинскому Эрдзвилль сжегъ замокъ въ 1241 г. и тотчасъ его возобновилъ; по Старчевскому— это событіе отнесено къ 1242 году, т. е. спустя два года по нашествіи татаръ на западную Русь.

(2) Стар. Польск. III, 680.

(3) Спр. Энц. Слов. 9. II, 482.

(4) Новогрудское воеводство составляли: Слуцкое княжество, Слоиницкій и Волковицкій уѣзды.

ѣхъ поръ въ Слонимѣ стала собираться шляхта для выбора депутатовъ, и составлялись рыцарскіе списки. Магдебургское право, риобрѣтенное въ 1532 году, окончательно освободило городъ отъ лянія земской власти и дозволило развиваться новоорганизованному ородскому сословію, подчиненному старостѣ. Не малое вліяніе на муниципальное развитіе Слонима обнаружило учрежденіе двухъ четырнадцати-дневныхъ ярмарокъ въ 1558 году, по ходатайству новогрудскаго воеводы и слонимскаго старосты Горностая. Ярмарки, становленныя въ дни св. Духа и на Рождество Христово, Сигизмундъ III (въ 1590 году), перевелъ на дни Вознесенія и св. Николая Чудотворца, 6 декабря (1).

Выгодное коммерческое положеніе на судоходной рѣкѣ, при покойствѣ страны, помогли городу окрѣпнуть, такъ что при новой организаціи великаго княжества Литовскаго, послѣдовавшей за соединеніемъ Литвы съ Польшою, Слонимъ сдѣлался центромъ судебной и административной дѣятельности цѣлаго уѣзда, въ немъ учреждены суды земскіе и городскіе, и по прежнему собирались сеймики.

Вскорѣ, въ 1591 году, вмѣстѣ съ подтвержденіемъ магдебургскаго права, городъ получилъ гербъ, изображавшій на голубомъ полѣ золотого льва съ двойнымъ крестомъ. Вѣроятно въ началѣ XVII столѣтія Слонимъ выходилъ уже изъ ряда обыкновенныхъ уѣздныхъ городовъ, если въ 1631 году назначенъ мѣстомъ генеральныхъ сеймовъ великаго княжества Литовскаго (*conventus generalis*). Собиравшіеся на эти сеймы въ теченіи 54 лѣтъ (до 1685 года) сенаторы и уѣздные депутаты воеводствъ: Виленскаго, Трокскаго, Смоленскаго, Полоцкаго, Новогрудскаго, Витебскаго, Брестскаго, Мстиславскаго, Черниговскаго и Лифляндскаго — судили и редили объ улучшеніи учреждений, о средствахъ къ благосостоянію областей и писали инструкціи для депутатовъ, назначенныхъ въ общій сеймъ Литвы съ Польшою.

Въ теченіи VХI вѣка неоднократно выходили королевскія постановленія относительно увеличенія городскихъ доходовъ, учрежденія цеховъ и проч. (2). Для устройства мостовой на улицахъ

(1) Стар. Польск. III, 612.

(2) Льготы Владислава IV. Стар. Польск. III, 682.

и ринка, въ 1641-мъ году, предоставлено ибнцанамъ собирать подати съ каждой привъзжавшей въ городъ телѣги, а для увеличенія городской казны обложены платою всё привозимые на торги продукты. Съ 1605 года (1) въ Слонимѣ существовалъ ткацкій цехъ; въ 1644 году, слонимскій староста и надворный литовскій маршалъ Казимиръ Левъ Сапѣга содѣйствовалъ къ учрежденію еще нѣсколькихъ цеховъ, въ составъ которыхъ вошли и ремесленники изъ татаръ.

Грозныя тучи, сопровождавшіяся такими несчастіями въ Литвѣ и Польшѣ при Янѣ-Казимирѣ, разразились въ Слонимѣ, какъ и во всѣхъ городахъ, страшными грабежами, пожарами и опустошеніями. Только жизнь Слонима сложилась изъ болѣе прочныхъ элементовъ, отъ чего по окончаніи войны, въ то время, когда замѣчается повсемѣстный упадокъ городского быта, изъ котораго нѣтъ города не оправившись до настоящаго времени, Слонимъ, благодаря своему крѣпкому организму, выдержавъ испытаніе, быстро вошелъ въ прежнюю колею своего благосостоянія, такъ что въ началѣ XVIII вѣка является въ ряду важнѣйшихъ городовъ соединенныхъ государствъ, какъ по количеству народонаселенія, такъ равно и по обширности торговли и своей благоденности. Это благосостояніе становится особенно рельефнымъ въ началѣ царствованія Станислава-Августа, когда слонимскій старостой былъ знаменитый гетманъ Михаилъ Огинскій, возвысившій и украсившій городъ дворцомъ, театромъ, садами и другими монументальными постройками. Дворецъ выстроенъ въ центрѣ города; за нимъ явился театръ для оперы и балета; красивый постоянный дворъ (arsteria) и нѣсколько домовъ для помѣщенія ремесленниковъ; при каждомъ новоустроенномъ домѣ разводился садъ. Положивъ начало соединенія Щары съ системою Днѣпра посредствомъ каналъ, Огинскій обезпечилъ за Слонимомъ развитіе торговли и промышленности, такъ что, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, Слонимъ не только привлекалъ купцовъ и капиталистовъ, но и въ нравственномъ отношеніи сталъ однимъ изъ центровъ Литовско-Польскаго государства. Ежегодно грузилось въ слонимской пристани и по Щарѣ мимо Слонима проходило нѣсколько сотенъ судовъ съ хлѣбомъ и разными товарами и множество древесныхъ плотовъ.

(1) Права ткацкаго цеха, устроеннаго Львомъ Сапѣгой; подтвердили Сигизмундъ III, 1609 и Янъ III Собѣвскій 1679. Стар. Польш. III. 682.

Во дворцѣ Огинскаго, ставнаго во главѣ одной изъ партіи конфедератовъ, собирались всѣ искавшіе его покровительства вельможи. Огинскій печаталъ свои мелкія стихотворенія въ собственной гшиографіи, заведенной при дворцѣ въ 1777 году (1).

Такое значеніе города и его выгодное положеніе въ отношеніи къ странѣ, возвращенной къ Россіи по послѣднему раздѣлу Польши, было поводомъ, что Слонимъ въ 1795 году, возведенъ въ званіе губернскаго города — Слонимской губерніи. Значеніе это Слонимъ утратилъ въ слѣдующемъ году, когда Слонимская и Виленская губерніи образовали одну губернію Литовскую (2).

Слонимъ теперъ одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ Россіи, и едва ли не самый лучший уѣздный городъ въ Гродненской губерніи — расположенъ на рѣкѣ Щарѣ, подъ $53^{\circ} 5' 18''$ сѣверной широты и подъ $22^{\circ} 58' 50''$ восточной (3), по сѣверо-восточному скату плоской возвышенности возвышается на 560 фут. надъ поверхностью моря. Рѣка Щара дѣлитъ городъ на двѣ неравныя части: лучшая часть лежитъ на лѣвомъ берегу, меньшая или правая сторона, по ту сторону Щары, называется Замостьемъ (форштатъ). Городу принадлежитъ выселокъ Каменка (въ 14 верстахъ), находящійся въ городскомъ лѣсу и помѣщающій лѣсную стражу, учрежденную изъ мѣщанъ. Рѣка Щара противъ Жировицкой улицы дѣлится на два рукава, которые образуютъ противъ города небольшой низменный островокъ. Значительное отклоненіе рѣки отъ города понудило бывшаго старосту Огинскаго прорыть подлѣ самаго города каналъ, носящій и по нынѣ его названіе. Нѣсколько ниже Замостья, съ правой стороны, въ р. Щару впадаетъ рѣка Исса. Обѣ рѣки текутъ въ плоскихъ берегахъ, не глубоко, и при галніи снѣговъ и дождливой погодѣ заливаютъ прилежащія къ нимъ низменныя пространства, отъ чего образуются болота, тряс-

(1) Стар. Польс. III. 683.

(2) Пол. Соб. Зап. т. XXIII, ст. 17418. О присоединеніи къ Россіи всей части в. к. Литовскаго. По силѣ изданныхъ 7 ноября 1775 года учрежденій, присоединяемую часть раздѣлить на двѣ губерніи — Виленскую и Слонимскую, назначивъ Вильно и Слонимъ губернскими городами (14 декабря 1795 года). Т. XXIV. Ст. 17,634. Декабря 11 дня 1696 года. Пунктъ VIII. Изъ опредѣленныхъ прежде губерній Виленской и Слонимской образовать одну Литовскую губернію съ губерн. город. Вильно.

(3) Записки воен. депо. XIII. По сѣв. вост. башнѣ костела Доминиканскаго.

ны—поддерживаемыя постояннымъ прибытіемъ воды изъ источниковъ, текущихъ по покатостямъ: Гржибова, Воробьевичи и Камюнки, и впадающихъ въ р. Щару.

За Замостьемъ по большой дорогѣ въ Вильну начинается котлина, которая, задерживая теченіе р. Иссы для образованія достаточнаго количества воды, приводящей въ дѣйствіе мельницу и суконную фабрику, еще болѣе способствуетъ къ образованію болотъ, идущихъ по направленію этой рѣки почти на три версты къ Альбертину, имѣнію помѣщика Пусловскаго.

Рѣка Щара, входящая въ систему Огинскаго канала, соединяющаго р. Припять съ р. Нѣманомъ, даетъ Слониму довольно важное коммерческое значеніе, не смотря даже и на то, что во мелководію русла, на этой рѣкѣ могутъ ходить только плоты и лодки, сидящіе въ водѣ не глубже трехъ футовъ, и при томъ въ круглый годъ, а только весной, когда масса водъ значительно увеличивается. Несмотря на это неудобство въ Слонимѣ образовалась одна изъ важнѣйшихъ пристаней въ губерніи.

Почтовые дороги—изъ Гродна на Волковыскъ и изъ Вильны на Лиду—соединяются въ Слонимѣ въ одну общую дорогу, которая въ Чеміолахъ выходитъ на варшавско-московское шоссе. Въ г. Несвижъ, Минской губерніи, и въ м. Зельву отъ Слонима отходятъ большіе коммуникаціонные и торговые пути; особенно важна для этого города послѣдняя дорога во время зельвянской ярмарки.

Въ городской чертѣ заключается: подъ городомъ 247,40 десятинъ, пахатной землей—841,16 десятинъ и луговъ 281,71 десят. Грунтъ земли песчано-глинистый, усыянный камнями различнаго величинны и формы, годными для мостовыхъ, шоссе и фундаментовъ. Около 47% пахатной земли считается плохую къ обработкѣ; луга также не выходятъ изъ разряда посредственныхъ; при томъ около третьей части луговъ болотистаго свойства.

Въ городѣ 14 улицъ и переулковъ, считая въ то число *Замостье* и *Оболонье*; мощеныхъ камней 10; 2 площади, 4 казбища, 5 садовъ, 175 огородовъ.

Православный Преображенскій соборъ на Панасовской улицѣ; р. католическая приходская церковь—на Замостьи; мужескій римско-католическій монастырь бернардиновъ—на Бернардинской; и женскій монастырь бернардиновъ—на Рынквой улицахъ, всѣ каменные; деревянная православная часовня и двѣ каменные римско-католическія каплицы. Для нехристіанскихъ исповѣданій—магоме-

анская деревянная мечеть, одна каменная еврейская синагога и 6 молитвенных домовъ (2 камен.).

Домовъ по статистическому комитету и свѣдѣніямъ полиціи: 66 амен. и 745 деревянныхъ (1); 176 лавокъ, 13 постоянныхъ дворовъ, скотобойня, фабрика и 6 заводовъ. Свободныхъ отъ постоя омовъ 6 каменныхъ и 20 деревянныхъ. По другимъ свѣдѣніямъ — омовъ каменныхъ 32, а деревянныхъ около 1,000, въ томъ числѣ стхихъ, почти полуразрушенныхъ домовъ около 300; прочныхъ 85; затѣмъ почти третья часть домовъ требуетъ починки и реновировки. Сверхъ того 2 трактира и 68 питейныхъ домовъ, . е. одинъ питейный домъ на 15 жилахъ.

По таблицамъ статистическаго комитета, народонаселеніе города Слонима, въ 1857 году, состояло изъ 9,523 душъ обоехъ по-ровъ; на сто мужчинъ приходилось 104,5 женщинъ, включая въ число мужчинъ и военно-служащихъ.

По 10-й ревизіи числятся: 2,904 муж., 3,777 женск. и 6,631 б. пол., т. е. народонаселеніе, показанное въ ревизіи менше правъ наличнаго числа душъ на $\frac{2}{5}$ или 42⁰/₁₀₀.

Слонимскій климатъ умѣренъ и здоровъ. Зима вообще не холодная, лѣто умѣренное.

Климатъ здѣшній не представляетъ ничего исключительнаго, обоннаго, несвойственнаго умѣренной полосѣ, соответствующей географическому положенію города. Правда, къ сѣверо-восточной части города примыкаютъ значительныя пространства болотъ; но протекающія поблизости р. Щара и впадающая въ нее р. Исса, носятъ съ собою вредное накопленіе зараженной отъ болотъ атмосферы. А потому нѣтъ причины думать, чтобы климатъ оказывалъ вредное вліяніе на жизнь слонимскаго гражданина. Вліяніе климата на здороваго человѣка здѣсь, какъ и вездѣ, отъ частыхъ переменъ атмосферы, сырости и стужи, обнаруживается разнаго рода рустудными болѣзнями, легко излечиваемыми при принятіи своевременныхъ медицинскихъ пособій.

Нравственность жителей города Слонима безукоризненная. Даже употребленіе вина, столь распространенное въ нашемъ народѣ, здѣсь обнаруживается въ симптомахъ вредныхъ для жизни человѣка.

(1) По статистическимъ таблицамъ 1857 года, показано: казенныхъ 12, церковныхъ 5, общественныхъ 22 и частныхъ 772—всего 11 домовъ. Въ теченіе 20 лѣтъ домовъ прибыло 200, т. е. число ихъ увеличилось на 32⁰/₁₀₀.

Пьютъ, да утѣрено. Бѣлая горячка (delirii tremetis) возмается рѣдко. О воровствѣ, убійствахъ и разнаго рода проступкахъ, въ официальной статистикѣ упоминается также немного случаевъ.

Хлѣбопашествомъ и отородничествомъ занимаются исключительно одни христіане, которые обрабатываютъ низменные мѣста едва-ликово какъ и гористыя безъ всякаго разбора, не пригибая къ свойствамъ почвы.

Разнаго рода ремесленниковъ полиція считаетъ до тысячи человекъ или около половины взрослыхъ мужескаго пола. Сюда относятся портные—болѣе 200, сапожники около 100, столяры въ таевоѣмъ числѣ, шапочники—50, каменщики—50, пекари и булочники—50. Вообще въ г. Слоныиѣ живетъ достаточное число ремесленниковъ, такъ что одинъ ремесленникъ приходится на 9 горжанъ (или около 11%).

Предметы ремеслъ не отличаются ни доброкачественностию, ни дешевизною. Къ числу ремесленниковъ, какъ людей употребляющихъ свой трудъ на услуги, мы причислимъ чиновниковъ около 100, врачей—8, цирюльниковъ—10, аптекарей—2, повивальныхъ бабокъ—3, музыкантовъ—10. Причисливъ сюда сословіе торгующее, получимъ для г. Слоныиы около полуторы тысячи лицъ, занимающихъ разнаго рода промыслами и услугами.

Изъ заведеній обрабатывающихъ сырыя произведенія въ г. Слоныиѣ существуютъ: суконная фабрика, 2 кожевныя, 2 кирпичныя, 2 гончарныя завода, водяная и вѣтерная мельница и 4 пивоварни. Въ этихъ заведеніяхъ въ теченіе года изготовляется соответствующихъ предметовъ на 25,500 руб. Суконная фабрика учреждена въ 1820 году графомъ Новосильцовымъ, а въ 1850 году закрыта. Черезъ три года фабрика вновь устроена евреемъ Блештейномъ, который передалъ ее нынѣшнему владѣльцу еврею Кушелю Куницѣ. Она помѣщается въ трехъ каменныхъ и одномъ деревянномъ донахъ, дѣйствуетъ силою воды въ р. Щарѣ и имѣетъ 12 станковъ.

Какъ пристань на р. Щарѣ, Слоныиѣ принимаетъ дѣятельное участіе въ торговлѣ. По огинскому каналу изъ слонимской пристани отправляются мѣстныя сельско-хозяйственныя произведенія, а въ Слоныиѣ привозятся разные хозяйственные товары и предметы роскоши.

Сухимъ путемъ товары доставляются изъ Москвы, Нижнего Новгорода—по московско-варшавскому шоссе, а также изъ С.-Петербур-

бурга, Вильны и Варшавы. Лавокъ 175; сверхъ того нѣтъся нѣсколько складовъ краснаго товара и галантерейныхъ предметовъ. Кушцовъ занимающихся торговлею 12, двое христіанъ и десять евреевъ; въ семействахъ этихъ кушцовъ числится болѣе 40 душъ. Липштейнъ, Миллеръ, Вольфъ-Шерешевскій, Розенблюмъ и Ланда, принимаютъ дѣятельное участіе въ зельвянской ярмаркѣ.

Зельвянская ярмарка оживляетъ здѣшнюю торговлю. Многіе купцы и торговцы, закупивъ товаръ въ Россіи, привозятъ его въ Зельву, отправляя оттуда часть непроданныхъ товаровъ въ слонимскіе владѣ, магазины и лавки. Что касается до слонимской ярмарки, на другой день праздника сошествія Св. Духа (Троицкой), учрежденной съ давнихъ временъ, то кругъ дѣйствія ея ограничивается азнаго рода сельскими произведеніями, хлѣбомъ, съѣстными припасами и скотомъ; привозъ простирается на сумму не свыше 9,000 руб., съ окрестныхъ деревень и мѣстечекъ собирается около 5,000 словѣкъ.

На почтовой дорогѣ въ Волковыскъ, въ 37 верстахъ отъ Слонима на берегу р. Зельвянки, расположено мѣстечко *Рожана*, въ каменныхъ лавкахъ посреди обширной площади; по одну сторону ея стоитъ каменная православная церковь, съ примыкающими къ ней каменными флигелями упраздненнаго монастыря базилиановъ, а по другую — обширная каменная р. католическая церковь, остроенная Львомъ Сапегою (1), съ бывшимъ монастыремъ доминикановъ. За мѣстечкомъ, по правой рукѣ отъ почтовой дороги въ Слонимъ, на высотѣ командующей надъ мѣстечкомъ, рисуется обширное полукруглое зданіе — бывший дворецъ Сапеговъ, прозванный послѣднимъ владѣльцемъ евреями, обратившимъ этотъ расхваленный дворецъ въ суконную фабрику.

Дворецъ построенъ во французскомъ вкусѣ съ портикомъ въ видѣ полукаруга, отъ котораго отходятъ флигеля на подобіе рыльцевъ.

Въ этомъ дворцѣ жили Сапегы, владѣвшіе обширѣйшими имѣніями не только въ одной Гродненской губерніи, но и во всемъ Литовскомъ государствѣ. Здѣсь при звукахъ музыки, Са-

(1) Тѣмъ самымъ, который воздвигъ монастырь картузіановъ въ Березѣ, надѣливъ его обширными имѣніями. При построеніи имъ первоначально въ 1660 году деревянномъ костелѣ, на мѣстѣ котораго въ послѣдствіи Сапега построилъ нынѣшнюю каменную церковь — открыта богадѣльня на 12 кроватей.

цегги угощали польскихъ королей и своихъ друзей, принимая ихъ съ великолѣпіемъ.

Со второй половины XVII столѣтія, эпохи столь несчастной для Литовскаго государства, резиденціи пышныхъ и богатыхъ литовскихъ вельможъ суждено было испытать рядъ грабежей, сколько отъ чужеземцевъ шведовъ, столько же и отъ своихъ бунтливыхъ соотчичей, недоброжелателей Сапеговъ.

Во времена Владислава Рожана была красивымъ и чистымъ городкомъ, рынокъ былъ застроенъ красивыми каменными домами; прямыя улицы были чисты; окрѣстные мѣста перерѣзывались хорошими дорогами.

Спустя 50 лѣтъ начинается рядъ опустошеній, низведшихъ Рожану на степень одного изъ бѣднѣйшихъ мѣстечекъ губерніи, въ 1698 году Рожану разорили конфедераты и возставшая противъ Сапѣговъ шляхта. На походѣ изъ Литвы за Припеть 14 апрѣля 1706 года, шведы нашли мѣстечко опустѣлымъ, оставленнымъ жителями и совершенно разореннымъ партией Огилскихъ (1). Однако богатые владѣльцы въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ успѣли снова украсить свою резиденцію и поднять упавшее благосостояніе жителей: канцлеръ великаго княжества литовскаго Александръ Сапега въ 1784 году принималъ въ своемъ дворцѣ Станислава-Августа почти съ такою же роскошью, съ какою принимали его предки (Иванъ и Левъ) Сигизмунда Владислава. Во дворцѣ въ то время находилась обширная бібліотека съ археологическимъ кабинетомъ, обогащеннымъ весьма интересными рукописями. Но черезъ два года въ рожанскомъ дворцѣ появилась еврейская суконная фабрика; Александръ Сапега, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ послѣдніе дни существованія Польши, перенесъ свою резиденцію въ Дерчинъ, а въ рожанскомъ дворцѣ помѣстилъ фабрику, отдавъ ее въ аренду еврею. Такимъ образомъ исчезли плоды бурной, прихотливой жизни, пропало и богатство, растраченное на непокрытые расходы.

Учрежденная въ Рожанѣ суконная фабрика первоначально обнаружилла сильную дѣятельность: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ учрежденія, она приготовляла шелковыя матеріи, дорогіе поасы, обои, сукно, байки, атласъ, столовыя скатерти большія, изи-

(1) Aderfeld II, 576. Балинскій III 694.

сваданныхъ рисунковъ, и даже украшенныя гербами, свѣчи, кареты и разныя экипажи. Но эта дѣятельность, какъ видно изъ перечня изготовляемыхъ предметовъ, была ненатуральная, предметы относящіеся къ роскоши не могли имѣть выгоднаго сбыта, въ странѣ нуждающейся еще въ предметахъ первой потребности. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ 30-ть лѣтъ пресловутая рожанская фабрика обращается въ скромную прядильню шерсти. Въ 1815 году на 12 станкахъ рожанская фабрика, при помощи 200 рабочихъ, приготавливала 12,200 аршинъ сукна, а теперь вырабатываетъ едва пятую долю.

Часть рожанской бібліотеки перенесена въ Деречинъ; въ 1819 году Нѣмцевичъ засталъ немного интереснаго въ бібліотекѣ, занимавшей одну комнату, по числу книгъ необширную и по содержанію незанимательную. Археологическій кабинетъ въ то время состоялъ еще изъ 232 томовъ рукописей, заключавшихъ переписку гетмановъ, министровъ и домашнихъ друзей Сапеговъ; рукописи эти, переплетенныя по годамъ, обнимали три столѣтія—отъ конца XIV до начала XVIII (1). Около того времени въ Рожанахъ было 185 домовъ, населенныхъ большею частію евреями, жившими мелочною торговлею; 30 лавокъ были почти пусты.

Теперь жители совершенно бѣдны, торговля ограничивается объѣмомъ сельскихъ произведеній на ярмаркахъ, ничѣмъ неотличающихся отъ торговъ; на трехъ существующихъ ярмаркахъ—товаровъ, скота и лошадей продается на сумму не свыше 5,000 руб. Кругъ дѣйствія суконной фабрики ограничивается приготовленіемъ пряжи на нѣсколько сотъ рублей.

Въ 46 верстахъ на сѣверъ отъ Рожанъ, на торговомъ пути изъ Слонима (31 вер.) въ Гродно, находится мѣстечко *Деречинъ* съ обширными каменными зданіями, упраздненнаго дворца Сапеговъ.

Казиміръ Ягелловичъ подарилъ *Деречинъ* за заслуги Василю Боночевичу, а великій князь Александръ подтвердилъ эту даровую запись сыну его Яцку Василювичу 6 сентября 1494 года (2).

Въ XVII столѣтіи *Деречинъ* принадлежалъ князьямъ Полубинскимъ.

Впослѣдствіи времени *Деречинъ* достался Сапегамъ. Въ не-

(1) Нѣмцевичъ стр. 348.

(2) Metryka Lit. III. Валинскій III 697.

ходъ прошлаго вѣка, послѣ 1784 года, Александръ Сапегъ выстроилъ дворецъ съ красивыми садами и перенесъ сюда свою резиденцію изъ Рожанъ, вмѣстѣ съ библиотекой и рукописями. Французъ Сапегъ украсилъ дворецъ картинной галлереей, а библиотеку и археологическій кабинетъ обогатилъ многими новыми книгами и рукописями.

Теперь Деречинъ довольно значительное мѣстечко Слонимскаго уѣзда. Большое одноэтажное зданіе, бывшій дворецъ Сапеговъ и два флигеля, остаются въ цѣлости и заняты офицерами квартирующей здѣсь батареи. Но какой контрастъ съ этими великолѣпными дворцами представляютъ окружающія ихъ мѣстечки и села; какое грустное сочетаніе непомѣрной роскоши и самой изумительной бѣдности представляетъ все прошедшее.....

На ручьѣ Викня, впадающемъ въ р. Щару, по почтовой дорогѣ соединяющей Слонимъ съ москowsко-брестскимъ шоссе, въ 9 верстахъ отъ уѣзднаго города, находится большое мѣстечко *Жировицы* или *Журовицы*, замѣчательное монастыремъ съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери.

Жировицкій Свято-Успенскій монастырь расположенъ въ концѣ мѣстечка между горами, отъ подошвы которыхъ на востокъ, на пространствѣ двухъ верствъ, разстилается болотистый лугъ, замкнутый славною р. Щарою; на западъ отъ монастыря раскинулась небольшая монастырская роща Викня, изъ которой выходитъ ручей того же имени, протекающій близъ самаго монастыря, образуящій собою три пруда и впадающій въ р. Щару.

Трехъ-этажное каменное зданіе монастыря представляетъ латинскую литеру Н, съ выдающеюся отъ поперечника частію. Двѣ части монастыря заняты духовнымъ уѣзднымъ училищемъ, а третья настоятелемъ и братією монастыря. Монастырь со всѣми принадлежащими къ нему пристройками со всѣхъ сторонъ окруженъ каменною оградой. На противоположномъ берегу Викни находится двухъ-этажное каменное зданіе, называемое старымъ монастыремъ.

Цервей четыре: а) Соборная монастырская церковь во имя *Успенія Божіей Матери*— каменная съ чудотворнымъ образомъ *Божіей Матери*; съ сѣверной и южной ея стороны примыкаютъ приделы: во имя *Покрова Пресвятыя Богородицы* и *Рождества Иоанна Предтечи*; рядомъ съ нею въ придельномъ каменномъ зданіи помѣщается теплая церковь во имя св. Нико-

мая. Въ саду монастырскомъ находятся двѣ небольшія церкви: *Явленіе Божіей Матери на камень* и *Воздвиженіе Честнаго Креста*. Наконецъ четвертая церковь кладбищенская, деревянная, во имя *св. Георгія*, помѣщается на горѣ. Напротивъ соборной церкви стоитъ каменная колокольня, а за нею монастырскій фольварокъ.

Годъ основанія жировицкаго монастыря съ достовѣрностію неизвѣстенъ. Въ XV столѣтіи здѣсь были дремучія лѣса, въ которыхъ въ 1480 году (или 1470), какъ гласитъ преданіе, пастухи открыли ликъ Божіей Матери, явленный на грунѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится алтарь церкви во имя Успѣнія Божіей Матери. На этомъ мѣстѣ владѣлецъ Александръ Солтанъ, соорудилъ деревянную православную церковь. Иванъ Солтанъ, потомокъ Александра, слонимскій маршалъ, украсившій церковь, надѣлилъ причтъ землею и разными угодьями.

Во время пожара истребившаго эту церковь, ликъ Божіей Матери перенесся самъ собою на гранитный камень, лежавшій на покатости небольшого возвышенія; мѣстное духовенство помѣстивъ икону сперва во временно-устроенный домикъ, а потомъ въ часовню; а Иванъ Солтанъ, на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной въ 1550 году, началъ строить болѣе обширную каменную церковь. На поклоненіе явленной иконѣ стекалось множество послѣдователей греческой вѣры.

Между тѣмъ въ исходѣ XVI столѣтія возникла унія, а съ нею послѣдовали гоненія православныхъ. Покровительствуемая польскимъ правительствомъ унія обратила особенное вниманіе на всѣ замѣчательныя въ церковномъ отношеніи православныя мѣста и храмы, въ числѣ которыхъ захватила и жировицкую церковь, со всѣми принадлежавшими къ ней угодьями. Съ тѣхъ поръ на долгое время прекратилось поклоненіе чудотворной иконѣ, покровительствовавшей всѣмъ прибѣгавшимъ съ вѣрою о помощи и заступничествѣ.

Въ первыхъ годахъ XVI столѣтія въ Жировицахъ и въ Битѣ уже существовали уніятскіе монастыри — едва ли не первыя въ возникшей унії. Въ самомъ дѣлѣ въ 1613 году первымъ настоятелемъ жировицкаго монастыря былъ Іоасафатъ Кунцевичъ, переведенный изъ бытенскаго монастыря; мѣстное преданіе даже указываетъ келію въ старомъ монастырскомъ зданіи, въ коей жилъ первый настоятель, — впоследствии полоцкій архіепископъ, убитый

въ Витебскѣ. Своимъ вліяніемъ и ревностію Кунцевичъ успѣлъ возбудить богатыхъ владѣльцевъ къ пожертвованіямъ на монастырь и возстановилъ въ новыхъ послѣдователяхъ почитаніе къ явленному образу; привлекаемые имъ богомольцы своими приношеніями и дарственными записями быстро умножали монастырскую казну и обогащали орденъ базильяновъ, сдѣлавшихъ Жировици однимъ изъ главныхъ пунктовъ своего ученія.

Особенно много сдѣлалъ для жировицкаго монастыря канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго Левъ Сапега, надѣлившій его обширными пространствами земли съ нѣсколькими деревнями и снабдившій богатою церковною утварью и большимъ колоколомъ. Мы не имѣемъ скѣднѣй о количествѣ этого надѣла; но готовы предполагать — что во второй половинѣ XVII столѣтія жировицкій монастырь своими богатствами не уступалъ р.-католическому монастырю картузіановъ и между униатскими занималъ въ Литвѣ первое мѣсто. На поклоненіе чудотворному образу Божіей Матери стали прибывать не только богомольцы странъ отдаленныхъ, но и многіе польскіе и русскіе вельможи и самые польскіе короли.

Въ 1655 году монастырь съ мѣстечкомъ были сожжены неприятелемъ, опустошившимъ окрестности (1). По водвореніи спокойствія, распоряженіемъ сейма (1661 года) мѣстечко было освобождено отъ военнаго постоя на вѣчныя времена и отъ податей на четыре года; въ то же время базильяне построили новый монастырь и въ 1672 году воздвигли церковь Явленія Божіей Матери на каменѣ. Монастырь быстро увеличилъ свое значеніе, обширныя средства и богатія приношенія способствовали базильянамъ, посредствомъ созываемыхъ здѣсь конгрегацій, ворочать умами униатовъ и распространять ученіе (2); базильяне при монастырѣ учредили училище, вскорѣ пріобрѣвшее извѣстность во всемъ Литовскомъ государствѣ, и завели типографію, въ которой печатали для униатовъ, такъ называемыя *кантики*, извѣстныя въ устахъ народа подъ именемъ жировицкихъ. Словомъ жировицкій монастырь въ соединенныхъ государствахъ между униатами пользовался такою же извѣстностію, какъ монастырь ченстоховскій между р. католиками. Такое значеніе за нимъ упрочилось послѣ торжественнаго возложенія на ликъ Бо-

(1) Stebelski: Chronologia II. 284.

(2) Первая конгрегація въ жировицахъ, а отъ начала униатская, была подъ предсѣдательствомъ митрополита Юсіфа Рутскаго, при протоархимандритѣ Рафанлѣ Корсаѣ.

жіей Матери драгоцінною короною, изготовленною въ Римѣ на иждивеніе Анны Радзивилль изъ дома Сангушевъ, 16 сентября 1730 года. Этотъ торжественный обрядъ совершалъ митрополитъ Афанасій Шептыцкій, съ епископами — владимірскимъ Теофиломъ Гodeбскимъ и пинскимъ Юріемъ Булгакомъ и многочисленнымъ духовенствомъ, при стеченіи 38,000 богомольцевъ, между которыми присутствовали многіе знатнѣйшіе польскіе вельможи. Празднество продолжалось 8 дней, число богомольцевъ въ каждый изъ послѣдующихъ дней простиралось отъ 3 до 30,000 (1).

Во второй половинѣ XVIII столѣтія въ Жировицахъ существовалъ: тѣ самыя церкви, какія существуютъ нынѣ: въ церкви Успѣнія, воздвигнутой 1628 г., по лѣвой сторонѣ алтаря, въ серебряныхъ позолоченныхъ ризахъ помѣщался образъ Божіей Матери, вырѣзанный на камнѣ, имѣющемъ два фута длины и 1 1/2 фута ширины; церковь или часовня (kaplica) во имя явленной на камнѣ Божіей Матери, воздвигнута (1672) на мѣстѣ появленія иконы. Гранитный камень, величиною въ 10 кубическихъ локтей, помѣщался за главнымъ алтаремъ; на немъ замѣтны слѣды ладони и сѣдалища; въ этихъ углубленіяхъ хранилась вода, а частицы камня почитались за самое дѣйствительное лекарство во многихъ болѣзняхъ. Въ другой часовнѣ Калваріи, нынѣ церковь Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста — въ великую пятницу совершалось торжественное богослуженіе; къ алтарю вели ступени, занимавшія половину церкви, по этимъ ступенямъ богомольцы поднимались на колѣняхъ къ алтарю и лобызали частицы мощей разныхъ святыхъ, вдѣланныя по срединѣ каждой ступѣни въ круглое, покрытое стекломъ углубленіе. На горкѣ возлѣ мѣстечка находилась церковь св. Георгія. Въ день Успѣнія Пресвятой Богородицы, собиралось нѣсколько тысячъ богомольцевъ. Балинскій въ архивѣ монастырскомъ, изъ книги съ записями важнѣйшихъ происшествій, имевъ знатныхъ посѣтителей, приношеній и чудесъ — почерпнулъ разказъ о чудесномъ воскресеніи одной дѣвицы *Регины Войнянки* (2).

(1) *Aquila grandis magnarum alarum in Zyrowiciano Solitudine per Theofilum Jetkiewicz 1730 Supraslij Typis.*

(2) Регина Войнянка впала въ летаргическій сонъ, не доѣзжая Жировиць, куда ее везли исхудалою съ искривленными членами; на третій день, когда тѣло ее хотѣли нести на кладбище, она проснулась и еще прожила нѣсколько лѣтъ въ динскомъ женскомъ монастырѣ. Балинскій III. 687.

Копія чудотворной Божіей Матери въ 1719 году помѣщена въ уніятской церкви въ Римѣ, во имя св. Сергія и Вакха, отданной уніятамъ еще въ 1639 году. Въ 1729 году настоятель базильянскаго монастыря въ Римѣ, Игнатій Кульчинскій выстроилъ въ этой церкви мраморный алтарь, на который 29-го октября архіепископомъ полоцкимъ Флоріаномъ Гребиницкимъ перенесена эта копія иконы, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени уніятскія церкви въ Римѣ носятъ названіе Madonna del Pascolo. Въ 1794 году средства римскаго уніятскаго монастыря были увеличены Іорданомъ Мицкевичемъ, прокураторомъ базильянскаго ордена въ Римѣ. Въ этой же церкви похороненъ уніятскій митрополитъ Рафаэль Корсакъ, умершій въ 1641 году.

Послѣ общаго воссоединенія уни въ 1839 г., жировицкій монастырь вмѣстѣ съ храмомъ возвращенъ въ православіе. До 1845 г. здѣсь же помѣщалась литовская консисторія, переведенная въ этомъ году въ Вильну и духовная семинарія съ уѣзднымъ училищемъ, основанная здѣсь, на мѣсто базильянской гимназій, въ 1828 году. Чудотворная икона доселѣ не престаётъ изливать благодатныя дары прибѣгающимъ къ ней съ вѣрою; въ храмовые праздники: рождество Іоанна Предтечи (24 іюня), Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября), св. Великомученика Георгія (23 апрѣля) стекается до шести тысячъ богомольцевъ, а въ дни Господскіе и Богородичныя собирается до 3,000 народа. Прихожанъ при монастырской церкви 1,812 душъ.

Количество земли и крестьянъ, принадлежавшихъ монастырю въ прошедшее время, съ точностію неизвѣстно. Въ 1828 г., по случаю открытія въ Жировицахъ литовской семинаріи, помѣщенной въ монастырскихъ зданіяхъ, монастырь временно переведенъ въ Бытенъ. Жировицкому монастырю въ это время принадлежало 4 фольварка съ 197 дворами (Жировицы, Булла, Вецкевичи и еще одинъ). Въ 1842 г. всѣ монастырскія имѣнія поступили въ распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ, а въ замѣнъ монастырю отведено земли 36½ дес. 1,880 сажень:

усадебной	43 дес.	1,400 саж.
пахатной	117 „	1,200 „
сѣнокосной	38 „	80 „
пастбищной	10 „	1,400 „
неудобной	9 „	400 „
и лѣсу	145 „	1,400 „

Земля обрабатывается вольно-наемными людьми и монастырскими служителями, коиъ по штату положено 17 человекъ.

Средній урожай самъ-семь. Распредѣленіе его по сортамъ продуктовъ весьма не равномерное, пшеницы родится иногда тринадцатое зерно, тогда какъ урожай картофеля едва покрываетъ издержки на посѣвъ, и рѣдко доходитъ до самъ-другъ. На содержаніе монашествующихъ, ремонтъ и содержаніе въ исправности церкви и монастыря, по Высочайшѣ утвержденному штату положено:

на содержаніе	1,365 руб.
„ ремонтъ и церковныя потребности	260 „
„ отопленіе, освѣщеніе, прислугу и экипажи	475 „
„ писмоводство	120 „
Итого	2,220 „

Кромѣ того въ монастырскую сумму поступають проценты:

- а) Изъ государственнаго заемнаго банка съ капитала завѣщаннаго покойною графиней Анною Алексѣевною Орловой Чесменскою 5,000 руб.
- б) Изъ виленскаго и гродненскаго приказовъ общественнаго призрѣнія отъ суммы 625 „
- в) Изъ долговъ дохода 200 „

Общій же валовой доходъ съ содержаніемъ отъ казны и съ процентами отъ капиталовъ (4%) простирается до 4,500 руб., а чистый доходъ до 3,500 руб.

Въ Жировицахъ въ храмовые праздники 24 іюня и 1 октября бывають ярмарки, оборотъ которыхъ не превосходитъ въ годъ 10,000 руб. серебромъ.

По р. Щарѣ, въ 20 верстахъ отъ Жировицъ по почтовой дорогѣ, расположено небольшое мѣстечко *Бытень*, съ упраздненными зданіями монастыря базилянговъ.

Бытенскій базилянскій монастырь возникъ въ началѣ XVII столѣтія, кажется нѣсколько прежде жировицкаго, и основанъ стараніемъ слонимскаго маршала Григорія Тризны и его жены Регины изъ фамилии Сапеговъ. Старшій сынъ Григорія Михайлъ Тризна, подскарбій великаго княжества литовскаго, въ 1640 г. завѣщалъ монастырю свое имѣніе Бытень. Правнучка его Тизенгаузъ, урожденная Шеміотъ, предъявила свои права на Бытень и завязала съ монастыремъ процессъ, выигранный въ 1779 г. ея сыномъ.

Настоятели бытенскаго монастыря были игумены, только въ 1640 г. Симеонъ Яцкевичъ Ставровскій, предпочитавшій скроевое званіе настоятеля митрополичей митрѣ, возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1655 г. Бытень опустошенъ и разграбленъ. По воссоединеніи уніатовъ бытенскій монастырь упраздненъ.

Въ Бытенѣ находится пристань на р. Шарѣ. Ярмарка 29 іюня ничтожна по своимъ оборотамъ.

По дорогѣ изъ Слонима въ Картузскую-Березу на р. Гривѣ находится небольшое мѣстечко *Коссовъ*.

М. Коссовъ въ XVI столѣтіи лежало на пограничной чертѣ брестскаго воеводства. Въ 1494 г. великій князь Александръ отдалъ Коссовъ въ потомственное владѣніе маршалу великаго княж. литовскаго Ивану Хрептовичу; это подтвердилъ король Сигизмундъ I въ 1510 году. Во второй половинѣ XVI столѣтія (1570—1577), коссовское имѣніе находилось во владѣніи князей Сангушковъ-Коширскихъ, происходившихъ отъ князей Бобринскихъ, а въ 1611 году перешло въ собственность Льва Сапеги. Юрій Флемингъ, купившій Коссовъ у Сапеговъ, отдалъ это имѣніе своей дочери Изабеллѣ, супругѣ генерала Чарторижскаго. Наконецъ Софія Замоиская, урожденная Чарторижская, продала Коссовъ Войцеху Пусловскому, слонимскому маршалу, который заложилъ въ Коссовѣ обширную фабрику.

Мѣстечко это нынѣ ничѣмъ незамѣчательно; существующія ярмарки (шесть) по своимъ оборотамъ не заслуживаютъ никакого вниманія.

Въ 2-хъ верстахъ на сѣверъ отъ Коссова находится господскій красивый дворъ нынѣшнихъ владѣльцевъ Пусловскихъ, выстроенный въ готическомъ вкусѣ, окруженный паркомъ. Въ 1529 году *Морачевщицзна* (Mogaczewszczyzna) принадлежала Ивану Хрептовичу; но впоследствии этотъ фольварокъ на правахъ арендныхъ отъ владѣльцевъ Коссова находился у Людвика Косовскаго. Флемингъ въ 1764 году выкупилъ Морачевщицзну за 54,500 злотыхъ, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ Коссовымъ фольварокъ достался Пусловскимъ.

Въ 45 верстахъ на сѣверъ отъ Слонима по почтовой дорогѣ, находится мѣстечко *Зденциоль*, въ окрестностяхъ котораго въ нѣсколькихъ деревняхъ живутъ потомки пруссовъ-бартовъ, гово-
ря-

цехъ литовскимъ языкомъ. Нѣкоторые ошибочно считаютъ ихъ статками ятвяговъ. Барты, какъ извѣстно, приняты Тройдеюшъ, были поселены частію въ Гроднѣ, частію въ окрестностяхъ Млонима.

II. Бобровскій.

(Матер. Грод. Губ.)

КРАТКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О Р.-КАТОЛИЧЕСКИХЪ ЕПАРХІЯХЪ— КІЕВСКОЙ И ЛУЦКОЙ (1).

I.

Когда именно была основана р. кіевская католическая епархія, точно неизвѣстно: полагають основаніе ея въ половинѣ четырнадцатаго вѣка,—другіе, какъ нап. Самуилъ Бандтке, въ 1433 году, а иные, какъ Нарбутъ, въ 1471 г. Это разногласіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что, въ видахъ пропоганды, номинальное (*in partibus*) достоинство кіевского р. католическаго епископа было учреждено гораздо раньше, чѣмъ устроилась кіевская р. католическая епархія на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ первые кіевскіе р. католическіе епископы (около семи) были ни больше ни меньше, какъ только номинальными, и первымъ дѣйствительнымъ епископомъ былъ только Климента, умершій въ 1471 году. Подобно тому, какъ нѣкогда европейскіе государи любили возводить свой родъ къ императору Августу, а нѣкоторыя аристократическія фамиліи усиливались доказать свое происхожденіе отъ знаменитыхъ римскихъ фамилій, и р. католическое духовенство часто указывало въ разныхъ странахъ начало р. католичества въ такіе времена, когда въ нихъ не могло быть еще и вопроса о католичествѣ. Усвоенное разъ, такое историческое заблужденіе переходило изъ рода въ родъ и, при недостаткѣ разумной критики, мало по малу принимало видъ общепризнанной истины. Въ наше время, время строгой критики, по-

(1) Эти свѣденія заимствованы изъ сочиненія графа Димитрія Толстаго «Le Catholicisme Romain en Russie т. 1, стр 289—300.

добные вымысли невозможны; и если теперь еще они имѣют ка- кой нибудь ходъ, то развѣ только у нѣкоторыхъ р. католиковъ фа- ватиковъ, поддерживающихъ такіа заблужденія по извѣстнымъ рас- четамъ. Вотъ почему и теперь въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ совре- менныхъ намъ езуитовъ можно находить мысли въ родѣ слѣду- ющихъ, напр. что “русскіе прежде, въ религіозномъ отношеніи, находились въ зависимости отъ папъ и различались отъ р. католиковъ только въ обрядахъ, а не въ догматахъ, что въ продолженіи многихъ столѣтій эта покорность русскихъ Риму была извѣстна всѣмъ и пр.”

Постоянными усиліями папъ въ продолженіи этого самаго времени, привести Россію къ признанію ихъ главани церкви, кажется до- статочно доказываютъ, что русскіе нисколько не были имъ под- чинены въ это время; но и такое очевидное доказательство ниско- лко не останавливаетъ р. католиковъ въ ихъ смѣлнхъ и ложныхъ вы- ходахъ. Такою неуистною ревностію къ р. католицизму отличались, въ концѣ XVI вѣка, особенно униаты—измѣнники православію; он- то и распустили ту басню: „что кievскій кафедральный свято-Со- фійскій соборъ, построенный княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, первоначально былъ р. католическою церковью и впоследствии ка- федральнымъ соборомъ кievскихъ р. католическихъ епископовъ“. Такіа подобные вымысли, противные всѣмъ историческимъ даннымъ, поз- волили въ сочиненія нѣкоторыхъ польскихъ историковъ, какъ напр. Нарушевича и другихъ, а отъ нихъ попали и въ сочиненія загра- ничныхъ писателей, которые мало знали исторію Россіи. Р.-като- лическое духовенство кievской епархіи особенно усиливалось соединитъ исторію своей церкви въ Россіи съ исторіею вышесказаннаго зна- нитаго кафедральнаго собора; поэтому то капитулъ кievскій въ 1731 году и просилъ папу усвоитъ ему печать (сceau) съ изобра- женіемъ святой Софій. Въ 1741 году папа въ отвѣтъ на его просьбу издалъ буллу, которою уполномочивалъ членовъ капи- тула употреблять осьмиконечный крестъ съ изображеніемъ посре- днѣ его орла, а по сторонамъ—образа святой Софій и святого Иосифа.

Когда православная вѣра, насажденная великимъ княземъ Владиміромъ, стала больше и больше распространяться и утвер- диться на Руси, папы очень досадовали на это, и не переставали изыскивать всевозможныа средства доставить тутъ успѣхъ р. като- личеству; съ цѣлью обратить православныхъ русскихъ въ р. като- личество. Папа Иннокентій IV, въ самомъ началѣ XIII вѣка,

чредяль тутъ изъ францисканцевъ и доминиканцевъ русскую мис-
ю, подъ названіемъ „Societas peregrinantium“. Въ это время
иссіонеры-доминиканцы устроили въ одноѣ изъ кварталовъ Кіева
а Подолѣ монастырь, который впоследствии, въ 1640 году,
ылъ великолѣпно обстроены; этотъ то монастырь, въ продолженіи
олаго времени, былъ единственною р. католическою церковью во
сей нинѣшней р. кіевской губерніи и въ восточной части Волыни.

Учрежденная впоследствии тутъ р. католическая епархія, подъ
азваніемъ кіевской, обнимала собою уѣзды Житомирскій и
вручскій (Волынской губ.), нѣсколько мѣстъ въ уѣздѣ Звениго-
одскомъ (Кіевской губ.) и южную часть Минской губерніи.
чрежденная среди православнаго населенія въ видахъ пропаганды,
одобно епархіямъ каменецкой и луцкой, кіевская епархія долго
граничивалась только немногими церквами. По свидѣтельству Нѣ-
ецкаго, такихъ церквей въ половинѣ пятнадцатаго вѣка тутъ бы-
о не болѣе семи, и только позже-ихъ было уже восемнадцать; въ
ислѣ ихъ было восемь монастырскихъ церквей. (1) Когда импе-
атрица Екатерина начала было рѣшительными мѣрами поддержи-
ать православіе въ Литвѣ, тогда и р. католическое духовенство съ
силенною ревностію принялось строить р. католическія церкви въ
блестяхъ сосѣднихъ Россіи; въ одноѣ 1777 году оно воздвигло
еперь въ кіевской епархіи до двѣнадцати храмовъ, такъ что теперь
р. католическихъ храмовъ было здѣсь до 31 на 27,459 жителей (2).
Прихожане р. католики, разбросанные по городамъ и деревнямъ,
ольшую частью были очень удалены отъ своихъ церквей. Изъ
евятнадцати монастырей разныхъ орденовъ, находившихся въ этой
пархіи, тринадцать были построены въ продолженіи второй поло-
ины восемнадцатаго вѣка, а нѣкоторые въ концѣ этого вѣка,
начать въ то время (3), когда почти не существовало склонности
къ монастырской жизни. Это новое доказательство того, что по-

(1) Христіанъ Готлибъ Фризіи, — о кіевскомъ епископствѣ. Вар-
шава, 1763 г., стр. 22—22.

(2) Генеральная визитація кіевской епархіи, учиненная при
епископѣ кіевскомъ и черниговскомъ Францискѣ Кандидѣ Оссолин-
скомъ въ 1777 году.

(3) Таблица, показывающая время основанія р. католическихъ мо-
настырей кіевской епархіи и число монаховъ, жившихъ тутъ въ
1793 году. Изъ таблицы этой видно, что монастыри эти большею
частью здѣсь возникли послѣ возвращенія волынской губерніи къ

добныя заведенія устроились теперь исключительно съ цѣлью пропаганды. Расположенные на правомъ берегу Днѣпра, противъ мѣстъ исключительно населенныхъ православными народами, гдѣ не было ни одной р. католической церкви, эти монастыри представляли собою укрѣпленные миссіонерскіе лагеря, хотя въ каждомъ изъ нихъ было небольшое число монаховъ (именно отъ трехъ до пяти.) и они какъ будто не имѣли миссіонерскаго характера. Приходскія р. католическія церкви, коихъ число здѣсь въ 1793 году возрасло до сорока, были раздѣлены на три деканатства: житомирское, овручское, фастовское или звенигородское. Всѣ церкви были расположены тоже по правому берегу Днѣпра, по направленію отъ сѣвера къ югу, напр., иванковская, макаровская, мошненская и стѣлянская. Такимъ образомъ, р. католичество въ этой странѣ подв-

Россіи: 1) Монастырь бернардинцевъ въ Чудновѣ, былъ основанъ въ 1760 году княземъ Сангушкомъ, въ немъ было 15 монаховъ; 2) монастырь бернардиновъ въ Житомирѣ, былъ основанъ въ 1760 г. житомирскимъ старостой Иваномъ Ильинскимъ, монаховъ было 12; 3) монастырь капуциновъ въ Ходорковѣ, былъ основанъ въ 1764 г. Казаномъ Росцищевскимъ, мон. было 4; 4) монастырь францисканцевъ въ Ивнѣ, былъ основанъ въ 1783 г. Чарнецкимъ, мон. 3; 5) монастырь тринитаріевъ въ Ржищевѣ, былъ основанъ въ 1765 г. Шеневскимъ, мон: 5; 6) монастырь кармелитовъ въ Ушоліцѣ, былъ основанъ въ 1766 г. Богушами, мон: 6; 7) монастырь августиновъ, былъ основанъ въ Народишѣ въ 1765 г. Пашшой; 8) монастырь августиновъ въ Коднѣ, былъ основанъ въ 1757 г. Глембовскими, мон. 3; 9) монастырь кармелитовъ—босоногихъ въ Бердичевѣ, былъ основанъ въ 1630 г. Тишкевичемъ, 24 мон.; 10) монастырь доминиканцевъ въ Любарѣ, былъ основанъ въ 1631 г. русскимъ воеводой Станиславомъ Любомирскимъ, монаховъ 8; 11) монастырь доминиканцевъ въ Чернобылѣ, былъ основанъ въ 1626 г. Сапѣгой, мон. 5; 12) монастырь доминиканцевъ въ Ходорковѣ, былъ основанъ въ 1751 г. Нитославскимъ, мон. 5; 13) монастырь доминиканцевъ въ Бышевѣ, былъ основанъ въ 1647 г. Чарнецкимъ, 3 мон.; 14) монастырь доминиканцевъ въ Овручѣ, былъ основанъ въ 1629 г., мон. 4; 15) монастырь доминиканцевъ въ Юрвицахъ, былъ основанъ въ 1771 г. Лосковымъ (онъ былъ первоначально назначенъ езуитамъ), монаховъ 5; 16) монастырь кармелитовъ въ Олицѣ, былъ основанъ въ 1769, мон. 5; 17) монастырь кармелитовъ въ Топорищахъ, былъ основанъ въ 1788 г., мон. 3; 18) монастырь капуциновъ въ Брусловѣ, былъ основанъ, въ 1780 г. Чацкимъ, мон. 3; 19) монастырь сестеръ милосердія въ Житомирѣ, былъ основанъ епископомъ вѣвскимъ Іосифомъ Залуцкимъ въ 1766 году, мон. 6.

алось на встрѣчу православію по всѣмъ правиламъ стратегии. Не предвидя скорого возвращенія къ Россіи лѣвыхъ береговъ Днѣпра, р. католическое духовенство спѣшило покрыть всю эту страну р. католическими костелами: на послѣднемъ сеймѣ было постановлено построить вдругъ 25 приходскихъ церквей въ королевскихъ земляхъ воеводства кіевскаго и брацлавскаго, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначать епископы; для каждой церкви тогда же опредѣлено было известное количество земли и ежегодной субсидіи по три тысячи флоринъ для поддержанія церкви и клира; но р. католическое духовенство этого плана уже не успѣло привести въ исполненіе (1). Изъ всего вышесказаннаго видно, что р. католическая пропаганда и къ концу XVIII вѣка не успѣла еще устроить организованной епархіи въ кіевскомъ округѣ. Кіевскіе р. католическіе епископы и капитулы не имѣли опредѣленной резиденціи, и въ Кіевѣ никогда не имѣли отдѣльной и постоянной кафедры; временно же кафедрою для нихъ служилъ тутъ доминиканскій монастырь. Въ XVII вѣкѣ этотъ городъ началъ примыкать къ Россіи, и въ 1686 году окончательно присоединился къ ней; это имѣло великое вліяніе на неустойчивое положеніе р. католической кафедры въ Кіевѣ. Въ 1684 году кафедра кіевскихъ р. католическихъ епископовъ была перенесена въ Люблинъ въ доминиканскій монастырь, гдѣ и оставалась до 1724 года, а въ этомъ году она была перенесена въ Житомиръ. Во время же войнъ и политическихъ безпорядковъ въ Южной Руси, она была переносима въ разныя мѣста: въ 1743 году она была въ Сокалѣ бѣльскаго воеводства въ монастырѣ францисканцевъ, въ 1743 и 1768 г. въ Чудновѣ Житомирскаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ города Житомира, въ Бердичевѣ въ монастырѣ кармелитовъ, въ Сербиновѣ, въ Фастовѣ, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Житомирскій р. католическій соборъ, начатый епископомъ Самуиломъ Ивановъ Ожгою, былъ оконченъ и посвященъ его предмѣстникомъ Казаномъ Солтыкомъ въ 1751 году. Со времени епископа Александра Соболевскаго (1636—1645 г.) кіевскіе, р. католическіе епископы присвоивали себѣ титулъ епископовъ черниговскихъ, вѣроятно въ подражаніе православнымъ епископамъ кіевскимъ и черниговскимъ, хотя во всей странѣ черниговской совершенно не было р. католиче-

(1) Сказаніе о епархіи кіевской и ея духовенствѣ, составленное въ 1793 году кіевскою генеральною р. католическою консисторіею, по требованію генераль-губернатора Изяславскаго Шереметьева.

скихъ церквей. (1) Это не пошѣшало однакоже епископу Андрею Залускому учредить даже достоинство архидіакона черниговскаго. (2)

Кіевскій капитулъ началъ устроиваться съ начала XVII вѣка епископъ Кристофъ Казимирскій въ 1618 году учредилъ 6 каноникатствъ, а Богуславъ Радосшевскій 6 прелатуръ. Число членовъ капитулу значительно увеличивалось особенно во второй половинѣ XVII вѣка, такъ что къ концу этого вѣка мы находимъ тутъ уже восемь прелатуръ и двѣнадцать каноникатствъ. Капитулъ не былъ богатъ недвижимыми имѣніями и другими средствами, которыя бы могли вознаграждать его членовъ за труды; потому прелаты и каноники, ограничиваясь только своими почетными титулами, нисколько не безпокоились о своихъ обязанностяхъ по должности членовъ капитула: они никогда не жили въ своей епархіи и при своей епископской каѳедрѣ, а проводили время большею частію въ Варшавѣ, или въ другихъ мѣстахъ. Въ 1726 году Ожга въ одной бумагѣ писалъ, что онъ не только давнымъ давно не видѣлъ ни одного изъ членовъ своего капитула, но что онъ давнымъ давно и не слышалъ ни объ одномъ изъ нихъ, и не зналъ гдѣ они проживали; въ заключеніе Ожга такъ писалъ своему капитулу: „пусть всякій знаетъ изъ членовъ нашего капитула, что наша каѳедра на Днѣпрѣ, а не на Вислѣ“ (3). Фризіи, писавшіи исторію р. кіевской католической епархіи, между прочимъ такъ характеризовалъ время епископства Ожги: „величайшимъ несчастіемъ для кіевской епархіи было то, что въ ней, въ продолженіи долгаго времени, пастыри не знали своихъ овецъ и овцы своихъ пастырей; капитулъ былъ внѣ епархіи и епархія вдали отъ капитула (4). Подобное положеніе епархіи и капитула нисколько не измѣнилось и впослѣдствіи, не смотря на неоднократныя предостереженія епископовъ противъ такихъ безпорядковъ; такъ въ 1746 году, изъ всѣхъ канониковъ и прелатовъ кіевского капитула, только одинъ былъ на своемъ посту (5).

(1) Постановленіе капитула кіевского каѳедральнаго собора.

(2) Фризіи, стр. 16.

(3) Постановленіе капитула кіевского каѳедральнаго собора.

(4) Фризіи, стр. 97.

(5) Въ бумагѣ, которую епископъ Ожга, отъ 22 апрѣля, 1776 года, адрессовалъ своему капитулу, онъ, между прочимъ, писалъ: „съ великою пастырскою скорбію мы смотримъ на нашу каѳедру“.

Р. католическая епархія въ Кіевѣ, какъ мы сказали, прежде существовала скорѣе номинально, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; но при всемъ томъ она имѣла всю обстановку дѣйствительной епископіи и притомъ епископіи почетной, не defacto впрочемъ, только на бумагѣ.

Семинарія была основана въ 1762 г. въ Житомирѣ только для 6 клериковъ, и была вверена езуитамъ, — до того было ничтожное число приходскихъ костеловъ въ то время!

II.

Луцкая р. католическая епархія, какъ полагаютъ, была основана въ 1375 году. Р. католическая луцкая епархія занимала обширное пространство: Волинь, Подляхю, Брацлавъ, Брестъ Литовскъ (потому то епископы луцкіе титуловались еще епископами брестскими) и Польшье (1). Волинь была колыбелью православной церкви въ Россіи: уже, въ концѣ X вѣка тутъ было православное епископство владимірское; въ началѣ XIII вѣка тутъ было основано еще епископство перемышльское, а въ началѣ XIV вѣка епископство луцкое. Во время основанія р. католической епархія въ Луцкѣ, все народонаселеніе въ этой странѣ было православное. Очевидно, по этому, что луцкая р. католическая епархія была основана исключительно въ видахъ пропаганды, хотя на всемъ ее пространствѣ и не было католиковъ. Въ 1340 году Волинь была подчинена Польшѣ, съ этого то времени и начались тутъ гоненія папистовъ противъ православныхъ: церкви православныя обращены въ р. католическіе храмы и пр. Это было причиною того, что православные жители этой страны въ 1343 году обращались къ татарскому хану съ просьбою освободить ихъ отъ религіознаго р. католическаго ига. Однакоже католики на это не обращали вниманія и продолжали свое дѣло. Чтобы

оставленную превелебными прелатами и канониками, изъ коихъ одинъ только превелебный каноникъ Якубовскій примѣрно исполняетъ свою должность; каноны повелѣваютъ, мы просимъ и увѣщаемъ, а между тѣмъ, въ продолженіи 15 лѣтъ, члены капитулы не держатся своихъ мѣстъ; наша резиденція остается въ пренебреженіи и мѣстная власть унижается, викаріи ни кого не могутъ привлечь къ каедрѣ, и забытая каедра горюетъ о своихъ безпорядкахъ. Акт.

(1) Сказаніе о жизни епископовъ Польши и великаго княжества Литовскаго, и о событіяхъ случившихъ въ ихъ времена до 1760 г. начало каедральныхъ костеловъ, соч. Франца Репницкаго, въ 4 кн. Познань 1761 г.

скорѣе достигнуть своихъ цѣлей, папа Григорій XI основалъ р. католическую епархію на Волыни, вся сила которой должна была состоять въ миссіонерствѣ.

Луцкій капитулъ состоялъ изъ шести канониковъ. При епископѣ Францѣ Кобельскомъ, въ 1755 году, было устроено тутъ и викаріатство. Луцкіе епископы часто были переводимы въ видѣ повышенія на виленскую кафедру. Въ луцкой епархіи было три семинаріи: 1) луцкая, основанная епископомъ Александромъ Выховскимъ, 2) олыцкая, основанная въ 1631 г. княземъ Радзивиломъ, великимъ канцлеромъ литовскимъ, на средства Зажерскаго, прелата олыцкаго, который завѣщалъ извѣстную сумму для основанія семинаріи на восемь клериковъ; вотъ почему это заведеніе получило названіе коллегіи Зажерскаго. Въ концѣ прошлаго вѣка эта семинарія была преобразована въ свѣтскую школу; 3) семинарія явовская, основанная епископомъ Станиславомъ Витвицкимъ въ 1685 г. Эта семинарія была ввѣрена ксендзамъ немонашествующимъ. Въ самыя цвѣтущія времена эти семинаріи, по причинѣ весьма ограниченнаго числа костеловъ среди сплошнаго православнаго населенія, имѣли очень ограниченное число учениковъ; вообще же положеніе ихъ ничѣмъ не отличалось отъ положенія подобныхъ заведеній въ другихъ литовскихъ пархіяхъ.

И такъ эти двѣ р. католическія епархіи возникли во время владычества надъ югозападною Росією Польши, не по надобности въ нихъ р. католической церкви, а съ цѣлью распространенія р. католичества въ этой искони православной странѣ. Слѣдовательно съ возвращеніемъ ее къ Россіи слѣдовало бы уничтожить тамъ и вторгнувшееся насильно р. католичество. Правда номинальная кievская р. католическая епархіа была закрыта, но луцкая, переименованная впоследствии въ житомирскую, къ сожаленію существуетъ и по настоящее время, ко вреду православія и русской народности.

Кiev. Е. В.

III.

КОЕ-КАКОЕ РАЗЛИЧІЕ МЕЖДУ ПАПСТВОМЪ И ПРАВОСЛАВІЕМЪ *).

Прочитавъ эту заголовку, быть можетъ, кто либо подумаетъ, что мы намѣрены говорить о тѣхъ коренныхъ разномысліяхъ, которыя существуютъ между христіанами восточнаго и западнаго вѣроисповѣданія; но такое предположеніе, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, окажется преждевременно и напрасно. Отступленіе доктрины римской церкви отъ ученія церкви Христовой, апостольской, соборной, примѣсь къ этому, сошедшему съ неба и ведущему къ небу, ученію лжемудрованной суетныхъ, анти-христіанскихъ, основанныхъ на мірскомъ властолюбіи и политическихъ расчетахъ, подлогъ постановленій соборныхъ и писаній отеческихъ, допущенный папствомъ съ своекорыстными цѣлями, — все это такъ ясно, такъ сильно и разносторонно указано, доказано, раскрыто и православными богословами, и лютеранскими, что намъ осталось бы повторять старое, всѣмъ извѣстное, если бы мы даже сдѣлали задачей настоящаго мышленія каноническое и догматическое разногласіе папства съ православіемъ. Потому, считая полемику съ папскимъ ученіемъ поконченною, вопросъ о несостоятельности папства рѣшеннымъ, мы обратимъ преимущественное вниманіе на тѣ внѣшніе приемы и примѣты папства, которыя сообщаютъ его миссіи характеръ вполне самоличный, — характеръ пропаганды, незамѣчаемой ни въ какомъ вѣроисповѣданіи.

*) Не опуская изъ виду папства вообще, мы по преимуществу имѣемъ въ предметѣ папство латино-польское.

Лишь только съ ученіемъ чисто духовнымъ сжѣшаются стреленія чисто внѣшнія, лишь только самодѣятельность разума будетъ сбиваема съ пути предзанятой мыслию, или парализована страстнымъ пожеланіемъ, ученіе является сжѣшаннымъ, разумъ судить превратно, словно невольникъ на цѣпи, влечется туда, куда толкаетъ его сторонняя сила. Когда церковь римская поставила на мѣстѣ Христова смиренія высокомеріе, на мѣстѣ равенства апостольской миссіи первенство власти римскаго епископа; когда она самоправно усвоила себѣ „власть отъ міра сего,“ накрыла крестъ тиарой, на мѣстѣ Христа поставила въ церкви папу, — естественно, она не могла созидаться, распространяться, утверждаться на истинѣ Христовой, лишилась той внутренней, естественной силы, которой не одолѣютъ никакая мощь, ни какіе перевороты міра. лишилась той благодати, той „лѣпоты Дщери Царевой, красота которой внутрь,“ того чудодѣйственнаго притяженія и прониженія „до раздѣленія души и тѣла,“ которое покоряетъ ужъ и сердце въ послушаніе Христово. Утративъ эту самородную, такъ сказать, крѣпость христіанства, эту божественную жизнь и свѣтъ папство вынуждено было замѣнить силу насиліемъ, жизнь *агитации*, свѣтъ блескомъ, — должно было то есть, вмѣсто внутреннихъ средствъ и приемовъ христіанской миссіи, прибѣгнуть къ средствамъ и приемамъ искусственнымъ, внѣшнимъ, человѣческимъ. болѣе чѣмъ на половину-нечистымъ.

Въ числѣ средствъ папской миссіи, мы прежде другихъ поставили насиліе, и поставили не случайно, а потому что оно всегда играло важнѣйшую роль въ дѣлѣ римской пропаганды всякій разъ, когда только тому не мѣшали обстоятельства, когда только можно было пустить въ ходъ насиліе удобно, безопасно и ненаказанно. Это весьма естественно. Власть самозванная, всегда завоевательная, честолюбивая, деспотическая, не можетъ иначе упрочить своихъ правъ, своихъ завоеваній, сдѣлать обязательными для другихъ свою волю, свои убѣжденія, какъ только путемъ репрессивнымъ, путемъ болѣе или менѣе обширнаго и явнаго насилія внѣшняго. Когда только правовѣрный востокъ, или точнѣе — вселенская церковь Христова отвергла незаконныя притязанія римскаго епископа на безконтрольное управленіе *всєю* церковью христіанскою, легатъ папскій дерзко подошелъ къ престолу Софіи и положилъ на немъ анагему своего повелителя — всѣмъ, непризнающимъ его власти. Начавъ свое „отщепенство“ отъ цер-

кви Христовой такимъ нахальствомъ и кощунствомъ, папство тѣмъ самымъ заявило будущую программу своихъ дѣйствій къ непокорнымъ его власти людямъ и народамъ, — программу, которая вытекаетъ изъ идеи незаконнаго преобладанія, и которой оно осталось вѣрнымъ въ теченіи девяти вѣковъ. Мы здѣсь задерживаемъ ту мрачную завѣсу исторіи, за которою скрываются безчисленные кровавые эпизоды папской миссіи — какъ потому, что не ищемъ драматическихъ эффектовъ, такъ и потому, что эти эпизоды болѣе или менѣе извѣстны всякому образованному человѣку, а особенно читателямъ Вѣстника западной Россіи, такъ часто и разносторонно трактовавшаго объ отношеніяхъ папства къ человѣчеству. За то мы тѣмъ съ большимъ восторгомъ открываемъ оборотную сторону медали, тѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ и торжественностью свидѣтельствуемъ предъ небомъ и землею о духовности и святости миссіи святато Христова православія. Эта миссія не запятнала чистоты своей брачной одежды ни одною каплею человѣческой крови, ни однажды не взылась за тотъ „мечъ,“ котораго мнимые преемники апостола Петра не выпускаютъ изъ рукъ, — никогда не вышла изъ предѣловъ нравственнаго воздѣйствія на души прозелитовъ, — изъ предѣловъ миссіи, завѣщанной словомъ и дѣломъ Небеснаго Учителя, Его учениковъ, ихъ преемниковъ, вселенскихъ учителей и святителей востока и запада, до отпаденія послѣдняго отъ церкви вселенской. Да, мірская власть папъ немислима безъ насилій, насиліе безъ мірской власти, а истинное христіанство, въ свою очередь, немисливо при насиліи, равно какъ и насиліе — при истинномъ христіанствѣ.

Если не болѣе сильное чѣмъ насиліе, то, покрайней мѣрѣ, болѣе распространенное и постоянное средство въ рукахъ папской пропаганды есть интрига политическая. Насиліе не всегда бываетъ впору и у мѣста, встрѣчаетъ болѣе или менѣе сильную реакцію, не всегда сопровождается ожидаемыми отъ него результатами, тогда какъ интрига есть пріемъ къ достиженію тѣхъ же цѣлей — всегда сподручный, менѣе замѣтный, поразительный, чаще удающійся. При достаточной сноровкѣ, опытности, ловкости, упругой волѣ, хитромъ умѣ, интрига проникаетъ въ самые сокровенные уголки душъ и жилищъ человѣческихъ, производитъ почти чудеса; вотому что изумляетъ зрителей тѣми явленіями, причины которыхъ сокрыты отъ ока умственнаго и физическаго. Искушаясь въ веденіи интриги вѣками, выработавъ знаменитѣй-

шихъ въ мѣрѣ профессоровъ этой науки, папство возведо искусство интриговать до степени натуры, обратило привычку въ природу. Для того, чтобы корни интриги проникли глубже, чтобы вѣтви ея раскинулись всемирнѣе, нужно достаточное число интригановъ, а папство скорѣе можетъ похвалиться ихъ избыткомъ, нежели посѣтовать на ихъ недостатокъ. Въ Ватиканѣ сидитъ большой паукъ, отъ него проведены невидимыя нити интриги по всей вселенной; по этимъ паутиннымъ нитямъ непрестанно снуютъ пауки разной величины, разныхъ цвѣтовъ и формаций, и ловятъ несмѣтное число мухъ — и бѣлыхъ и черныхъ, и бронзовыхъ и красныхъ. Этими пауками доселѣ поймано разныхъ мухъ болѣе 200,000,000. Переведемъ эту, по нашему мнѣнiю, неизбѣжную аллегорiю на языкъ исторiи. Папскую интригу ведетъ почти миллионъ самыхъ ловкихъ интригановъ. Нѣтъ такого уголка на земномъ шарѣ, кудабы они не проникли, гдѣ бы не посѣяли на Божьей нивѣ, вмѣстѣ съ Божьей пшеницей, папскихъ плевеловъ. Для преподаванiя этой агрономiи, существуетъ даже специальное въ Римѣ заведенiе, извѣстное подъ именемъ института или академiи „Пропаганды Вѣри.“ Изъ этого института вышло огромное число разныхъ паперовъ, доведенныхъ до *pes plus ultra* интрижного совершенства. Тамъ растутъ, множатся, потому наполняютъ землю и обладаютъ ею несмѣтныя полчища интригановъ — красныхъ, бѣлыхъ, черныхъ. Въ главѣ ихъ, конечно, стоятъ тѣ, которыхъ цвѣтъ неудовимъ, подобно цвѣту хамелеона; это цвѣтъ самый удобный для обмана разнаго зрѣнiя, для веденiя интриги, — это иезуиты, украшенiе папскихъ интригановъ, отборная и любимая гвардiя папы, главнѣйшая подпорка его свѣтской власти, рычагъ всесвѣтныхъ его притязанiй. Генераль этихъ гвардейцевъ такъ могучъ, такъ страшенъ, что предъ нимъ нерѣдко труситъ и лужавитъ самъ главнокомандующiй. Другiе отряды папской армiи — тоже не безъ дѣла. Въ ней, при самой торопливой наблюдательности, вы легко различите и авангардъ и арьергардъ, и кавалерiю и артилерiю, и пѣхоту, и саперовъ. Чтобы эти ратоборцы не были связаны ни какою осѣдлостью, никакими узами семейными, гражданскими, безбрачiе ихъ возведено въ догматъ. Папа слишкомъ ревнивъ къ симпатiямъ своихъ сподвижниковъ; онъ боялся, чтобы кто либо не возлюбилъ отца или мать, жену или дѣтя, больше его, онъ боялся, что бы какая либо привязанность слугъ

его не отвлекла ихъ отъ служенія единому на потребу папства, и потому поставилъ ихъ, вопреки законамъ божескимъ и человѣческимъ, внѣ всѣхъ условій, связей и отношеній гражданскихъ, соціальныхъ и семейныхъ. Папскій воинъ не долженъ имѣть ни родины, ни родныхъ, ни осѣдлости, ни отечества. Это для того, чтобъ онъ могъ, по манію своего повелителя, летѣть изъ Японіи въ Португалію, изъ Абиссиніи въ Камчатку, и проч., ничего не теряя, ни съ кѣмъ не разлучаясь, ни по комъ и ни по чемъ не жалѣя.

Чтожъ тутъ худаго, скажутъ люди заинтересованные въ дѣлѣ: таковы и должны быть миссіонеры христіанскіе, у нихъ и не должно быть никакихъ привязанностей, кромѣ любви ко Христу и благовѣстію Его ученія? Любовь къ Богу не исключаетъ ни какихъ другихъ законныхъ привязанностей, напротивъ — укрѣпляетъ ихъ и освящаетъ. Христосъ только запретилъ намъ любить кого либо, или что либо больше Его. Но папскіе миссіонеры, за весьма малыми исключеніями, не столько располагаются къ своимъ подвигамъ любовью ко Христу, сколько пристрастіемъ къ папѣ, не столько ищутъ распространенія христіанства, сколько умноженія прозелитовъ папства, подданныхъ ватиканскаго повелителя и миссіонерскихъ послушниковъ. Тотъ, кто имѣетъ ясное понятіе о характерѣ, приемахъ и цѣли папской миссіи, очень хорошо знаетъ тотъ произволъ, или точнѣе — тѣ святотатственные пробѣлы и наросты, которые допускаютъ папскіе миссіонеры въ ученіи Христовомъ, тѣ поблажки страстямъ, привычкамъ и обрядамъ прозелитовъ, посредствомъ которыхъ они облегчаютъ свою миссію, иго Христово и возложеніе его на себя новобранцами папства. Лишь бы прозелитъ увѣровалъ въ папу, съ его главенствомъ, намѣстичествомъ, свѣтской властью, а тамъ пусть себѣ полуязычествуетъ, полумусульманствуетъ, полужидеиствуетъ; миссіонеръ найдетъ въ своей эластичной совѣсти извиненіе всяческой униі, — иное *благоразумно* (*prudenter*) просмотритъ, другое даже *снисходительно* (*benigne*) благословитъ, „*ad maiorem Dei gloriam.*“ Китай, Индія, Японія, разные острова, на разныхъ океанахъ, весь шаръ земной, коротко знакомы съ полухристіанской доктриной папскихъ миссіонеровъ. Но къ чему намъ такъ далеко искать образчиковъ папской миссіонерской проповѣди, когда мы можемъ подмѣтить ихъ возлѣ себя. Папскіе миссіонеры такъ обращали жмудиновъ въ христіан-

ство, что они и доселѣ полуязычники, промѣнявшіе только криве-кривейто на *бискупа*, крече, вайделота, вайделотку — на *ксендза*, *мниха* и *мнишку*, — священныя рощи, холмы, долины, на кащлицы, кальваріи, — статуи Перкунаса, на Яна и проч. Жмудинь-язычникъ въ христіанствѣ, или христіанинъ въ язычествѣ, назовите какъ хотите. Папство у него только совпало съ язычествомъ и обратилось въ языческое латинство. Никто и не заботился о радикальномъ подрывѣ этого дуализма, о разрывѣ латинства съ язычествомъ, какъ ложнымъ принципомъ: *Семкине* — праздникъ пастуховъ приуроченъ къ празднику Троицы, сохранившему и доселѣ свое языческое названіе; праздникъ *Росы* перенесенъ на 23 апрѣля, а въ другихъ мѣстахъ на ночь съ 23-го на 24 іюня; *Хавтуросъ* соединился съ христіанскимъ поминовениемъ на Ѳоминой недѣли, такъ что даже сосѣдніе съ Литвой бѣлороссы и доселѣ говорятъ: „хадзѣмъ на хавтуры,“ разумѣя подъ ними поминовеніе умершихъ вообще и поминальное угощеніе въ частности. Память Бируты (жены Кейстута), самой упорной язычницы, чествуется жмудинами и доселѣ по латинскому обряду; Стрыйковскій самъ видѣлъ и описалъ множество совершаемыхъ ими языческихъ обрядовъ, а Ярошевичъ видитъ въ этой поблажкѣ язычеству „давнюю прѣктику римской миссіи.“ Вообще, изъ прежнихъ чистыхъ язычниковъ, на Жмуди образовались р. католическіе язычники; обожаніе природы продолжилось подъ другими только формами и символами (1). Но что удивительнаго, если папство мирится индѣ съ язычествомъ, мусульманствомъ и проч., когда оно могло примирить свою доктрину съ клятвопреступленіемъ, измѣной, петлей, отравой и проч.!

Проповѣдя папу, распространяя папство, миссіонеры его, конечно, не забываютъ и сами себя. Не многіе изъ нихъ служатъ своей миссіи съ безкорыстіемъ тѣхъ старыхъ слугъ, которые теперь переводатся. И усердіе этихъ немногихъ значительно блѣднѣетъ отъ пристрастія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ далекимъ вояжамъ, къ сильнымъ ощущеніямъ, отъ желанія видѣть или изучить невѣдомыя чудеса другой болѣе счастливой, или суровой природы, быть и нравы разныхъ дикарей и образованныхъ народовъ, — отъ нетерпѣнія, или необходимости примѣнить теорію пріобрѣтенной въ

(1) Смотр. статью: «Святая Жмудь,» Вѣст. зап. Россіи, 1865 г., кн. 8, отд. 11, стран. 225—233.

школъ „Пропаганды Вѣры“ лингвистики къ живой практикѣ. За такими миссіонерами слѣдуютъ тѣ, которые желаютъ прославиться на миссіонерскомъ поприщѣ, услужить папству, попасть въ его исторію, а, быть можетъ, и въ святцы. Остальные,—а ихъ огромное большинство,—дѣлятся на двѣ группы: честолюбцевъ и корыстолюбцевъ. Иногда тѣ и другіе совмѣщаются въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ, но побольшей части тѣ и другіе удерживаютъ свои индивидуальныя примѣты и идутъ разными путями и къ различнымъ цѣлямъ. Честолюбецъ ведетъ ловкую и упорную интригу между сильными земли—на мѣстѣ своей миссіи, приобретаетъ огромное вліяніе на политику страны, трубитъ на весь Римъ и міръ („urbs et orbis“) чрезъ подставныхъ, разумѣется, лицъ, или анонимныя статьи въ болѣе распространенныхъ ультрамонтанскихъ газетахъ, о своихъ миссіонерскихъ подвигахъ, о силѣ и дѣйственности своей проповѣди, о святости жизни, о чудесномъ избавленіи отъ невѣроятныхъ опасностей, наконецъ, достигаетъ того, къ чему стремился: получаетъ въ управленіе цѣлья государства, надѣваетъ кардинальскую мантию и мечтаетъ о папской тиарѣ. Корыстолюбецъ обращаетъ вниманіе преимущественно на матеріальныя выгоды, какія можетъ извлечь на мѣстѣ своей миссіи: обзаводится „savte“ (осторожно, изъ подъ руки) семействомъ, разводитъ богатую плантацію, обдѣлываетъ ее рабами—прозелитами, приобретаетъ, посредствомъ разныхъ мелкихъ услугъ, одолженій, медицинскихъ и агрономическихъ совѣтовъ, безграничное довѣріе туземцевъ, входитъ въ сношеніе съ капиталистами страны, пускаетъ въ оборотъ значительныя суммы и чрезъ десятокъ—другой лѣтъ возвращается въ Европу набобомъ и нерѣдко пролагаетъ золотую дорожку къ пурпуровой мантии.

Опять съ восторгомъ оборачиваемъ медаль на другую сторону и снова благоговѣемъ предъ миссією православной церкви. Эта миссія не раздѣляетъ съ папствомъ того убѣжденія, что цѣль оправдываетъ средства; недостойная святости цѣли интрига никогда не сквернила ея апостольскаго служенія Христу; православный миссіонеръ, подобно мученикамъ первыхъ вѣковъ христіанства, скорѣе положить душу свою за чистоту и полноту ученія Христова, нежели измѣнить въ немъ, изъ угожденія чьимъ либо страстямъ и обычаямъ, изъ боязни какихъ либо лишеній и опасностей, хоть одну іоту; всякую душу, уловленную въ наружное христіанство насильемъ или хитростью, православная миссія считаетъ недостойною

Христово стада, лишенною того именно свойства, безъ котораго христіанинъ есть только крещеный язычникъ, еврей, мусульманинъ, скорѣе оскверняющій и умаляющій, нежели умножающій и украшающій число истинно-вѣрующихъ христіанъ. Есть, правда, и въ числѣ папскихъ миссіонеровъ мученики и исповѣдники, пострадавшіе при исполненіи своей миссіи; но въ числѣ этихъ страдальцевъ, весьма немногихъ, которые „претерпѣли правды, или Христа ради,“ а больше такихъ, которые страдали *паты ради*, которые терпѣли гоненія, муки и смерть по упорству, вызванному честолюбіемъ, корыстолюбіемъ, досадою отъ неудающагося предпріятія, нетерпимостью характера, жестокостью миссіонерскихъ приемовъ и проч. Чтобы не затеряться въ отдаленности времени и мѣстъ, обратимъ, въ подтвержденіе этой истины, вниманіе на знакомыхъ и близкихъ къ намъ мучениковъ папства: Станислава, Іоасафата и іезуита Боболи. Первый пострадалъ за корыстолюбіе и превышеніе, или вѣрнѣе — злоупотребленіе своею властью, второй за изувѣрство, жестокость, жадность и властолюбіе, послѣдній, за самый нетерпимый фанатизмъ, дерзость и самоволіе въ отношеніи къ славянскому православію. Такихъ мучениковъ не представляетъ исторія церкви православной.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ рычаговъ въ механизмѣ и агитация римской пропаганды, она дѣйствуетъ и многими другими. быть можетъ, менѣе важными и замѣтными, но за то общепринятыми, популярными и, въ свою очередь, сильно вліяющими на успѣхъ папской миссіи, на уловленіе прозелитовъ папства и прикрѣпленіе ихъ къ подданству повелителя римской церкви. Въ числу такихъ второстепенныхъ пружинъ въ римской машинѣ, извѣстной подъ именемъ пропаганды, принадлежитъ воспитаніе и дѣятельность папскихъ миссіонеровъ и обстановка римской обрядности, или точнѣе — чувственность и аффектація латинской церковности, доходящая въ самомъ (по преимуществу) Римѣ до богохульства и идолослуженія.

Въ латинскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ вообще и въ „школѣ Пропаганды Вѣры“ по преимуществу, будущіе служители папы не столько учатся, сколько дрессируются. Мы сами чувствуемъ неадекватность этого термина, но вынѣсть съ тѣмъ сознаемъ и его неизбежность, — невозможность отыскать въ какомъ угодно лексиконѣ слово, точнѣе выражающее характеръ образованія и воспитанія папскихъ миссіонеровъ. При этомъ воспитаніи, развитіе силъ познавательныхъ, обогащеніе

души возможно большою массою полезныхъ знаній составляютъ дѣло почти второстепенное. Личная только любознательность, талантъ и неудержимое стремленіе къ самоусовершенствованію немногихъ недѣлимыхъ, могутъ образовать изъ членовъ латинскаго духовенства людей истинно-просвѣщенныхъ, ученыхъ; но и эти немногіе ученые скорѣе развились и образовались въ школѣ жизни, чѣмъ на скамьѣ образовательнаго заведенія. Только казуистика, — эта „кабала“ папства, только полемическое богословіе, — эта фехтовка, такъ сказать, богословская, преподавались и преподаются со всевозможною полнотою и безпощадностью. Такое вниманіе къ случайнымъ, второстепеннымъ частямъ богословія, въ ущербъ существеннымъ, важнѣйшимъ и самому цѣлому, объясняется весьма просто: нужно какъ можно выше поднять „святое католичество“ и какъ можно ниже уронить другія вѣроученія, особенно *христіанскія*, такъ какъ доказательство несостоятельности остальныхъ вѣрованій не требуетъ большой натуги и изобрѣтательности. Удары этой полемики всего сильнѣе, конечно, и безпощаднѣе направляются противъ того ученія, которое святѣе всѣхъ другихъ, и чистота, божественность и несокрушимость котораго служить и нѣмымъ укоромъ для другихъ, особенно папства, и предметомъ раздраженія и озлобленія его защитниковъ. По ихъ ученію, православіе — и „схизма, и хлопская и даже собачья вѣра;“ православная церковь — и „капище, и синагога діавольская;“ „въ православной ехвристиі сидитъ (1).....; въ православной церкви нельзя получить спасенія“ (чего мы не отрицаемъ даже у церкви папской) и проч., и проч. Такая масса невѣжества и богохульства, исходящая изъ порченнаго ума, изъ озлобленнаго сердца, съ самой ранней молодости, начинаетъ развѣдать душу, потемнять смыслъ, усыплять совѣсть, распалать страсти будущихъ миссіонеровъ папства, а отъ нихъ, по законамъ всякой другой эпидеміи, переходитъ и въ массы народныя, а особенно въ ту половину рода человѣческаго, которая болѣе живетъ сердцемъ и воображеніемъ, нежели разсудкомъ и сознательнымъ убѣжденіемъ, и которую холостые патеры, посредствомъ двойнаго вліянія, обращаютъ въ самыхъ неутомонныхъ со-

(1) Недержаемъ окончить этого богохульства, не такъ давно высказаннаго профессоромъ львовскаго университета, докторомъ богословія Черлужчанкевичемъ, и почерпнутаго имъ изъ богословія іезуита Перроннэ, признаннаго въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ учебникомъ.

трудницъ папской миссіи и самыхъ рьяныхъ соучастницъ своего фанатизма. Не цитируемъ здѣсь, въ подтвержденіе вѣрности нашего взгляда, ни фактовъ, ни положеній ультрамонтанской доктрины— какъ потому, что ими переполнены страницы исторіи и фоліантовъ іезуитской (по преимуществу) письменности, такъ и потому, что мы говоримъ о предметѣ слишкомъ извѣстномъ для того, чтобъ его нужно было разъяснять и подкрѣплять патужною аргументаціей, или точнѣе— щеголять напрасной ученостью.

Къ той же категоріи образованія относится и ораторское искусство. При изученіи его и примѣненіи къ практикѣ имѣется въ виду тоже не столько назиданіе и исправленіе христіанъ, распространеніе славы Христовой, царства Божія, сколько электризація ультрамонтанъ, умноженіе прозелитовъ и боготворителей папства. Вся задача учащихся и учащихся этому искусству состоитъ въ томъ, чтобъ научить и научиться сочинять проповѣди какъ можно блистательнѣе, поразительнѣе, фанатичнѣе, экзальтированнѣе, вкрадчивѣе, — словомъ—искуснѣе и казистѣе. Оттого, въ этихъ проповѣдяхъ больше шума, софизмовъ, эффектовъ, лести, трескучихъ, шлифованныхъ фразъ, смѣлыхъ до надутости троповъ и фигуръ, нечаянныхъ отступленій— вообще— мишуры краснорѣчія, драматизма гокилетического, нежели истины, простоты евангельской, помазанія, назиданія, теплоты и задушевности чувства— этихъ существенныхъ, этихъ единыхъ на потребу качества истиннаго церковно— христіанскаго краснорѣчія. Оттого, проповѣди большинства самыхъ знаменитыхъ проповѣдниковъ латинскихъ могли только, такъ сказать, ошеломить, поразить слушателя, возбудить въ немъ извѣстное страстное чувство: изумленіе, гнѣвъ, страхъ, досаду, негодованіе, раздраженіе, отчаяніе, порывы внѣшняго восторга и скоропреходящей печали; но весьма рѣдко возбуждали чувство раскаянія во грѣхахъ, чувство умиленія, любви духовной, незлобія, самоотверженія *христіанскаго*, райскаго отишія въ духѣ и отрѣшенія отъ мыслей и пожеланій житейскихъ. Большинство латинскихъ проповѣдниковъ ищетъ на каедрѣ церковной не столько славы Божіей, сколько личнаго прославленія, одобрительнаго шопота и перемигиванья между *собою* слушателей, ищущихъ въ проповѣди не назиданія душевнаго, а ораторскаго искусства. Выходя изъ храма, слушатели не стонуть, не возносятъ покаянныхъ взоровъ къ небу, не радуются „о Дусѣ Свя-

въ,“ не чувствуютъ въ своемъ сердцѣ всходовъ духовнаго сѣянiя и отишiя отъ бурь душевныхъ, не говорятъ: я отхожу зъ дона Божiя лучшимъ, нежели какимъ вошелъ въ него, въ перегонку другъ предъ другомъ, на разные мотивы (1), осторгаются талантомъ или искусствомъ оратора и, пожалуй, кзальтируются тою страстью, которую хотѣлось оратору внушить своимъ слушателямъ. Весьма немногіе латинскіе ораторы могутъ быть свободны отъ этого приговора ихъ краснорѣчію; самъ знаменитый Массильонъ весьма часто разсчитывалъ на эффекты, а нерѣдко и фокусъ-покусы. Всѣмъ извѣстно по мѣсто въ его проповѣди „о маломъ числѣ избранныхъ,“ которыми пошатнулъ онъ съ своихъ мѣстъ слушателей, тотъ звукъ грубный, который поразилъ ихъ какъ разъ въ то мгновеніе, когда ораторъ воскликнулъ: „вотъ трубы ангеловъ вызываютъ мертвыхъ изъ гробовъ.“ Достойно ли такое фиглярство проповѣди христіанской,—мѣста, гдѣ она произносится, вопросы эти не нуждаются въ отвѣтѣ. Не таковы проповѣди небснаго Учителя, Его учениковъ, великихъ учителей первыхъ вѣковъ христіанства, не исключая и западныхъ, пока не извратило ума ихъ и сердца честолюбіе, властолюбіе и корыстолюбіе. Не таковы проповѣди нашихъ православныхъ, смиренномудрыхъ учителей церковныхъ, возвѣщающихъ истины Христовы съ тою простотою и сердечностью, которыя, какъ роса на цвѣтокъ, ложатся тихо на душу слушателя и оживляютъ въ нихъ ростки христіанскихъ добродѣтелей, увядшихъ подъ зноемъ страстей; не таковы проповѣди тѣхъ учителей, которые говорятъ для Бога, для спасенiя и исправленiя ближнихъ, а особенно тѣхъ, весьма нерѣдкихъ между православными учителями, которые не трудятся надъ составленіемъ, а тѣмъ болѣе шлифовкой, полировкой и задавательностью своего учительскаго слова, и которые всей душой вѣрятъ словамъ Небснаго Учителя: „не заботьтесь въ тотъ часъ (когда нужно говорить въ собраніи) о томъ, какъ или что сказать, потому что

(1) «Алежъ урзнолъ (врѣзалъ, откололъ) казань! Ай да Францисекъ!» Нерѣдко къ этимъ и подобнымъ одобрительнымъ возгласамъ прибавляютъ: «нѣхъ (пусть) же ѣго вишцы дьяолъ везмонъ!» Такой, взятый изъ опыта, финалъ похвалы оратору какъ нельзя лучше характеризуетъ и проповѣдника, и проповѣдь, и вызванное ею чувство. Всѣмъ извѣстно, къ чему и какъ возбуждали ораторы польскіе въ 1862—64 годахъ.

вамъ будетъ внушено, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ.“

Едва ли не болѣе, — употребимъ вульгарный терминъ, — потѣютъ римско-католическіе проповѣдники надъ декламацией проповѣди и жестировкой при ея сказываніи, чѣмъ при самомъ ея составленіи. Хорошее проявленіе въ міръ чувствъ ораторской рѣчи, нѣкогда сознается вмѣстѣ съ Демосееномъ, едва ли не составляетъ первой, второй и послѣдней части краснорѣчія. Прекраснѣйшее поученіе, сказанное монотонно, бездушно, скороговоркой, — съ неподвижностью статуи, издающей звуки, убиваетъ большую половину его совершенствъ, много иѣмшаетъ его успѣху и наученію слушателей. Весьма часто дивная рѣчь кажется посредственною отъ того только, что она дурно сказана и, наоборотъ, самое слабѣе поученіе не рѣдко представляется образцовымъ отъ того только, что передано слушателямъ рельефно, удачно. Говоря объ этомъ дѣлѣ, нельзя не похвалить на нѣкоторыхъ нашихъ проповѣдниковъ, нельзя не укорить ихъ за полное пренебреженіе къ такому важному въ ораторской профессіи предмету, каково произношеніе рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не порадоваться тому, что большинство изъ сказывающихъ свои поученія съ тою скромностью, отчетливостью, задумчивостью, съ какими долженъ бесѣдовать отецъ съ дѣтьми, съ какими только и должны быть благовѣстваемы истины Христовы въ домѣ Вошеемъ. Что касается многосодержительности этихъ поученій, теплоты ихъ, назиданія, чистоты ученія, святости цѣлей, онѣ стоятъ въ такомъ же отношеніи къ проповѣдямъ латинскихъ учителей церковныхъ, въ какомъ стоятъ золото къ мишурѣ, живой цвѣтокъ къ искусственному, стекло къ алмазу. Но если значительное меньшинство нашихъ церковныхъ ораторовъ не всегда удовлетворяетъ требованіямъ безукоризненнаго сказыванія поученій, то огромное большинство латинскихъ впадаетъ въ другую крайность, — несравненно болѣе неумѣстную и даже предосудительную на кафедрѣ церковной. Характеръ, составъ, цѣль ихъ проповѣдей, сами по себѣ требуютъ декламации папыщенной, движений страстныхъ. Латинскіе проповѣдники едвали задаются вопросомъ: чѣмъ отличается произношеніе актера на сценѣ отъ произношенія оратора на кафедрѣ церковной, и цѣликомъ переносятъ условныя совершенства и безусловныя недостатки перваго на послѣднее. Сочиненная фізіономія, зазубренная декламация, рассчитанная жести-

овка составляют главнѣйшія приемы сказыванія поученій латинскими ораторами. Голосъ— то замогильный, глухой, подземный, гниащій, то вкрадчивый, ласкательный, мягкій, нѣжный, дрожащій, то грозный, повелительный, поражающій слухъ, какъ раскаты грома,— старается быть эхомъ того землянаго ощущенія, которое хочется оратору внушить своимъ слушателямъ; физиономія восторженная, то пасмурная, то грозная, то улыбающаяся, аккомпанируетъ декламации оратора; взоръ то ласкательный, то изгнанный, то блуждающій, то грозно и неподвижно уставленный на слушателя, то вдохновенно устремленный къ небу, то смиренно опущенный долу, силится соперничать съ краснорѣчіемъ слова; влудженія порывистыя, размахистыя, сентиментальное положеніе руки на сердце, угроза кулаками, метанье оратора, словно желаннаго выпрыгнуть изъ каѳедры, копировка всѣхъ тѣхъ страстныхъ движеній головы, рукъ и мышцъ, которыми сопровождается всегда и воплощается то либо другое ощущеніе въ быту житейскомъ, на сценѣ театральнѣй, — довершаютъ натуру исполненія ораторской рѣчи. Мы сказали: натуру, и сказали недаромъ. Прежде чѣмъ ораторъ достигнетъ такого совершенства (съ своей точки рѣчи) въ передачѣ своихъ проповѣдей, онъ долженъ много порудиться надъ сообщеніемъ ей всѣхъ тѣхъ качествъ декламации и жестировки, которыя мы сейчасъ напѣтили: много разъ онъ долженъ сказать свою проповѣдь предъ сихъ дѣлъ мастерами, воспользоваться ихъ критическими замѣчаніями, — десять разъ повторить предъ ними неудачный жестъ, плохо сказанную фразу, много разъ онъ долженъ провѣрять свою жестировку и выраженіе физиономіи предъ зеркаломъ, пока не достигнетъ *pas plus ultra* искусства дѣйствовать на слухъ и зрѣніе виѣшняго человѣка какъ можно обаятельнѣе, впечатлительнѣй, успѣшнѣе. Такое сказываніе проповѣди, дѣйствительно, исторгаетъ у невзыскательныхъ, невѣстственныхъ слушателей то чувство, тотъ одобрительный шопотъ, то удивленіе ораторскому таланту проповѣдника, которыхъ онъ, въ ютѣ лица, такъ добивался; но мы ему нисколько не завидуемъ и юдразжать ему никому, кромѣ актеровъ, не совѣтуемъ. Такое сказываніе рѣчи не только преступно на каѳедрѣ церковной, въ домѣ Божіемъ, но даже довольно рѣзко, падуто, размахисто, тривіально, и потому непринято, при передачѣ мыслей и ощущеній предъ людьми почтенными, въ хорошемъ обществѣ, въ порядочномъ домѣ человѣческомъ.

Таже искусственность, надутость, казистость, поддѣлка чувства управляетъ всѣми движеніями латинскихъ патеровъ и при богослуженіи, и въ сношеніяхъ ихъ съ мірянами, какъ религіозныхъ, такъ и житейскихъ. Не многіе, престарѣлые, благоговѣйные пастыри совершаютъ богослуженіе просто, безъ вычуръ и претензій; остальные также рисуются, аффектируютъ, прикрываютъ мишурною тою благоговѣнія пустоту чувства предъ престоломъ, какъ и на каедрѣ. Речитативъ богослуженія, доведенный до возможной патетичности, есть результатъ тойже натуги, тойже работы келейной, какъ и декламація проповѣди. Въ своихъ движеніяхъ предъ престоломъ латинскій священнослужитель есть тотъ же, въ своемъ родѣ, актеръ, какъ и въ тѣлодвиженіяхъ на каедрѣ. Нужно быть осблженнымъ привычкою, фанатизмомъ, заинтересованностью въ дѣлѣ, ли невѣжествомъ, чтобы не видѣть, не чувствовать той натяжки, той наружности благоговѣнія, съ которыми свѣщеннодѣйствуетъ большинство есендзовъ *опатовъ*, *канониковъ*, *декановъ*, *академиковъ* и пр. Эта сочиненная, подставная святость фізіономіи, эти сентиментальныя, рассчитанныя движенія, обороты, колѣнопреклоненія, переходы съ мѣста на мѣсто, эти воззрѣнія на небо, на *молитвы*, эти граціозныя подыатія рукъ, разведеніе и сведеніе ихъ при *словахъ*: *Dominius vobiscum* (Господь съ вами),— вся эта масса притворства, актерства есть плодъ продолжительнаго упражненія предъ зеркаломъ, есть продуктъ работы механической, а не настроенія душевнаго, не глубины чувства и сознанія святости мѣста и дѣла. Искусство это, какъ и всякое другое, тѣмъ выше и обаятельнѣе чѣмъ ближе къ натурѣ— и, надо отдать справедливость, нѣкоторые изъ латинскихъ священнослужителей достигли въ немъ такой высокой степени, что нужно обладать большою зоркостью, рѣдкимъ критическимъ тактомъ и чутьемъ эстетическимъ, чтобы замѣтить подлогъ, различить мишуру отъ золота,— то что кажется, отъ того, что есть. Едвали нужно и говорить, что священнодѣйствія церкви православной не нуждаются въ этомъ гримасничаньи, подобно тому какъ истинная красота, натуральный цвѣтокъ не нуждаются въ прикрасахъ искусственныхъ, какъ неподдѣльное чувство немисливо при сочиняемой фізіономіи и поддѣльномъ выраженіи его голосомъ и жестировкой. Оттого, священнослужители наши совершаютъ богослуженіе съ тою простотою, сердечностью, внутреннимъ благоговѣніемъ, съ какимъ должно быть совершаемо дѣло Божіе, оскорбляемое расчетами на аффектацію, сверниное пригѣсью къ нему поименованію

елавній суетныхъ, страстныхъ, человѣческихъ. Оттого, намъ грустно или видѣть богослуженіе весьма немногихъ знакомыхъ намъ православныхъ пастырей церкви въ западной Россіи, которые хотятъ частіи соперничать съ ексцезами въ эффектности священнодѣйствія сказыванія поученій. Мы вполне убѣждены, что и отъ этой, весьма слабой и весьма рѣдкой, наносной заразы, скоро исцѣлится наше смиренномудрое и богопросвѣщаемое духовенство, и что правозавная мысль обойдется безъ тѣхъ надуваній и ходулей, на которыхъ ставить ихъ религія, утратившая наполовину истинный характеръ христіанства и ищущая поддержки не въ его содержаніи, въ исполненіи, не ввнутри, а вовнѣ, — въ обаяніи внѣшняго челоука, въ интригѣ и насиліи. Да и самая манерность проповѣди и священнодѣйствія латинскаго, что такое, какъ не насиліе надъ стремленіядуха посредствомъ обмана и насилія, — подавленія чувствъ внѣшнихъ?

Если же на каедрѣ и даже предъ престоломъ Божиимъ латинскій священникъ хочетъ казаться, а не быть, ищетъ лавы своей, а Божіей, надутостью формы думаетъ прикрыть пустоту содержа; то что удивительнаго, если онъ вноситъ тоже грѣховодство, коедушіе, лукавство, напыщенность, суетсвятство и въ отношенія онъ къ другимъ — житейскія и пастырскія! При этихъ отношеніяхъ, эластичная совѣсть нисколько уже не стѣсняется ни святоью мѣста, ни важноью дѣла; правило — цѣль оправдываетъ едства, дѣлается исключительною нормою для дѣятельности пастыря и гражданина, надувательство ближняго своего — цѣлію жизни ловѣка. Какъ ни безобразна подобная программа дѣятельности тинскаго духовенства въ окружающей его средѣ, но мы должны прискорблемъ сознаться, что ее держится огромное большинство зныхъ патероувъ, и что ясность, чистота и безупречность отношеій пастыря къ пасомымъ лишь изрѣдка можетъ быть встрѣчаема немногихъ настоятеляхъ бѣднѣйшихъ приходоувъ, или въ старыхъ, стоящихъ надъ могилою. Заботясь не столько о духовномъ единіи съ паствою, сколько о преобладаніи надъ нею, римско-катоцескій пастырь видитъ въ пасомыхъ не столько дѣтей своихъ ховныхъ, сколько подчиненныхъ, считаетъ ихъ субъектами, приданными для разныхъ своихъ опытоувъ — политическихъ, гражданыхъ, матеріальныхъ, подавляетъ самодѣятельность ихъ духа своу властію, высокоуміемъ и ханжевствомъ. (1) Въ основѣ взаим-

(1) Замѣчательно мнѣніе г. Дольфуса, что „католическіе народы неспособны къ самоуправленію, ибо выработанныя въ нихъ като-

нихъ между ними отношеній весьма рѣдко лежитъ начало семейное, любовь христіанская, а по большой части страхъ или притворство съ одной и ловкость житейская съ другой стороны. По отношенію къ простому народу, ксендзъ, за весьма немногими исключеніями, является деспотомъ, который не прочь, при какойнибудь реакціи со стороны прихожанина, кромѣ угрозы смолой пекельной, огнемъ геескимъ, вѣчнымъ скрежетомъ зубовъ, и отъ физическихъ истязаній и матеріальныхъ взысканій; интимныя отношенія къ интеллигенціи предоставляли патеру полную свободу для подобныхъ эвекуцій. Держась отъ простоялюдя въ дали недосязаемой, являясь предъ нимъ въ рѣдкихъ роляхъ проповѣдника или требоисправителя, и притомъ неизмѣнно въ полномъ всеоружіи фзарисейства: съ серьезно-набожною миной, разнѣренной походкой, потушенными долу глазами, ловко пригнанными къ случаю заученными фразами, величавымъ обхожденіемъ, властительнымъ тономъ и тактомъ, — латинскій пастыръ всегда почти представляется для близорукихъ массъ чѣмъ то въ родѣ полубога, сіяющаго ореоломъ недосязаемаго величія и святости. Но тотъ же самый патеръ, въ сношеніяхъ съ лицами вліятельными, съ сильными міра сего, является совсѣмъ инымъ человекомъ. Смотря по характеру, привычкамъ и настроеніямъ общества и личностей, съ которыми приведетъ его въ соприкосновеніе пастырская миссія или житейская нужда, онъ разыгрываетъ свою роль съ рѣкимъ искусствомъ и разнообразіемъ. Чтобъ овладѣть ею окончательно, патеръ изучаетъ отъ *a* до *z* ея теорію, а потомъ долго и усердно занимается практикой; роль деспота несравненно легче роли интригана. Эта послѣдняя заставляетъ постоянно видоизмѣнять программу и методъ обхожденія и поведенія: съ людьми степенными нужно быть серьезнымъ, солиднымъ, трактовать о предметахъ важныхъ, разсчитать всякій шагъ, всякое движеніе, всякое слово; въ обществѣ веселомъ можно отпускать остроты, каламбуры, щегольнуть коллекціей анекдотовъ, не слишкомъ заботясь о выборѣ изъ нихъ болѣе скромныхъ, или наставительныхъ; въ обществѣ молодежи можно немножко пококетничать, новѣтриничать, поутрировать своимъ саномъ и даже, при недостаткѣ кавалеровъ, составить визави очаровательной паннѣ Анелъ; въ об-

лицизмомъ національныя особенности ведутъ ихъ къ затопленію человеческой личности во всевозможныхъ видахъ слѣпago подчиненія.“ Dolfus, „Liberte et Centralisation“, pag. 155—159.

дѣствѣ бутылъ можно перекинуть въ картишки, потягаться рюм-ой и стаканомъ, щегольнуть репертуаромъ скандалезнымъ сти-овъ, каламбуровъ, анекдотовъ; предъ старою ханжей нужно быть раведникомъ, держать правую руку на сердцѣ, поминутно у-грѣмлять глаза къ небу, говорить о блаженствѣ праведныхъ, о ухахъ вѣчныхъ, объ очищеніи своей совѣсти отъ пристрастія къ жннымъ сокровищамъ, о великой заслугѣ дѣль милосердія, осо-енно офары на костель Божій, на молитвы и поминовеніе умер-ныхъ, увѣрять, что эти жертвы не только проводятъ душу умер-аго безъ всякихъ мученій чрезъ чистилище, но и угашаютъ гонь пекальный, и проч.; предъ магнатомъ нужно быть „нижай-шимъ паробкомъ, нахолькомъ, смиреннымъ и нищимъ слугою Хри-стовымъ,“ нужно льстить и раболѣпствовать предъ нимъ до ослѣдней степени, извинять и, порою, возводить на степень обродѣтели самые вопіющіе его недостатки и пороки, — словомъ ужно разнообразить роль фарисея и интригана до безконечно-сти (1). Вотъ подлинный характеръ и обычные приемы боль-шинства папскихъ миссіонеровъ; вотъ свойства и причины того лянія латинскаго духовенства на общество, которое замѣчаютъ чень многіе изъ насъ, не замѣчая его уродливости, его причинъ, блей, его антихристіанскаго характера, и которое они желали и видѣть и въ православномъ духовенствѣ, не зная того, что ни вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ искаженія и духовной миссіи ященика, и святости православія, и чистоты добродѣтели, — елаютъ обратить миссію христіанскую въ мірскую интригу, элігію Христову — въ ремесло политическое, въ средство къ звлеченію возможно большихъ выгодъ вещественныхъ и преоб-аданія внѣшняго. Христосъ Богъ защищалъ своихъ истинныхъ гужителей отъ такого вліянія на общество въ теченіи двухъ очти тысячелѣтій, защититъ ихъ, вѣримъ, и до скончанія іра.

Правда, нельзя не сознаться, что иѣкоторые, хоть и весьма еперь немногіе, изъ членовъ нашего духовенства впадаютъ въ

(1) Говорятъ, что въ послѣднее время латинское духовенство индѣ ѣсколько упростило приемы своей миссіи—сдѣлалось натуральнѣе осторожнѣе. Если это правда, то на подобное явленіе, вызван-ое обстоятельствами, нужно смотрѣть или какъ на состояніе пе-еходное, случайное, или какъ на новый и, надо признаться, весь-а ловкій и опасный приемъ пропаганды.

противоположную крайность, — излишнюю простоту, грубоватость, небрежность, нелюдимость въ обхожденіи и нѣкоторыя другія слабости простолюдыя. Всѣ эти слабости и недостатки, которыми, съ такимъ злорадствомъ, колютъ глаза нашему духовенству неприванные суды не только чужіе, но часто и свои, — не такого качества и количества, чтобъ ихъ можно было поправу выставлять на видъ, а тѣмъ болѣе поставлять на ходули, чтобъ онѣ имѣли вліяніе на униженіе заслуженной чести *всею* нашего духовенства, а тѣмъ болѣе святости, чистоты и неприкосновенности нашего святаго православія. Эти слабости человѣческія никому и ничему не вредятъ, кромѣ тѣхъ, какъ мы сказали, весьма немногихъ недѣльныхъ изъ среды нашего духовенства, которые страдаютъ ими, и которые скорѣе заслуживаютъ состраданіе, христіанское участіе, нежели упрекъ и преслѣдованіе. Если взять во вниманіе среду, въ которую попадаютъ наши кандидаты священства съ самой ранней молодости, полное отсутствіе образованнаго общества, давленіе виѣшнихъ обстоятельствъ, унылость обстановки и монотонность перспективы, поминутное, въ теченіи многихъ лѣтъ, общеніе съ простолюдьемъ, какъ прихожанами и помощниками въ земледѣліи, или точнѣе „*плингодѣліи*“; то нужно еще изумляться, что нашъ священникъ (разумѣемъ сельскаго), такъ мало одичалъ, оробѣлъ, огрубѣлъ, разучился, опростолюдился, что у него достало ума и силы воли сберечь себя отъ паденія и унынія, что къ нему такъ мало прилипло мѣзмовъ окружающей его среды и обстановки. Что значать эти относительныя и рѣдкія, теперь почти вовсе исчезающія въ нашемъ духовенствѣ, слабости и недостатки виѣшніе въ сравненіи съ тою испорченностью духа, съ тѣмъ пресыщеніемъ тѣла, которыми отличается большинство латинскаго духовенства! Если проникнуть въ келейную жизнь безженныхъ латинскихъ патеровъ, распахнуть ихъ тогу фарисейскую, то мы увидимъ подъ этою блестящею драпировкой такія мерзости, о которыхъ, по выраженію Апостола, „стыдно и говорить“, то мы убѣдимся, что они имѣютъ поразительное сходство съ тѣми разукрашенными и раззолоченными гробницами, съ которыми сравниваетъ Спаситель праведность фарисеевъ, и которыя наполнены внутри глѣющими костями и гнилью. Съ такимъ безобразіемъ, конечно, нужно дальше прятаться отъ глаза и языка людскаго, чѣмъ съ слабостями нѣкоторыхъ нашихъ священниковъ, въ простотѣ сердца, незамѣчающихъ даже въ этихъ слабостяхъ

ничего предосудительнаго. И латинскіе пастеры — отличные мастера въ искусствѣ прятаться! Въ кодексахъ ихъ нравственныхъ правилъ существуетъ и такое: „*non caste, sed cavte*,“ то есть: (живи) не чисто, а осторожно, то есть: прячься подалеже отъ людей съ своими беззаконіями, а во мракѣ ночи, вдали отъ свидѣтелей, грѣши сколько душѣ угодно; лишь бы хорошъ ты былъ на выставкѣ, на показѣ, а въ кельи соперничай хоть съ сатаной; люди осудятъ, а Богъ милостивъ; на то есть разныя *индугенціи, офяры, отпущы, юбилеи и проч.*; да мы же притомъ и люди одинокіе.... Такое правило, съ такимъ комментариемъ находить очень много исполнителей въ средѣ латинскаго духовенства. Въ томъ родѣ беззаконія, на которое мы здѣсь иѣтимъ по преимуществу, нѣкоторые латинскіе наставники и блюстители нравственности пошли еще далѣе: они внушили, кому слѣдуетъ, ту теорію, что „ксендзъ грѣшитъ, ксендзъ и разрѣшитъ, что извѣстныя къ нему отношенія — не грѣхъ, не безчестіе, а подвигъ и похвала.“ Вслѣдствіе такихъ нравственныхъ инсинуацій жмудинка считаетъ преступныя отношенія къ ксендзу чуть не добродѣтелью; вслѣдствіе такой теоріи и практики, въ м. Ворняхъ (на Жмуди), бывшей столицѣ ксендзовства, — на половину — скажемъ мимоходомъ — населеннаго еврейми, между которыми незаконнорожденные рѣдкость, — самое большее, сравнительно съ другими приходами, съ такимъ же количествомъ прихожанъ, число незаконнорожденныхъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, процентъ ихъ относится къ цифрѣ законнорожденныхъ, какъ 25 : 1 (1). А если взять въ расчетъ живое участіе „папской арміи“ во всесвѣтныхъ революціяхъ, превращеніе ея храмовъ Божіихъ въ залы для пѣнія гимновъ, дышащихъ огнемъ и кровью, костельныхъ подваловъ — въ фабрики и склады боевыхъ припасовъ, — освященіе ея измѣны, клятвопреступленія, убійства, исполненіе своей миссіи не съ крестомъ въ рукахъ, а нерѣдко съ княжаломъ; револьверомъ, отравой: то куда нашему смиренному и незатѣйливому духовенству соперничать въ *добродѣтеляхъ* и миссіонерскихъ подвигахъ съ отважнымъ, небрезгающимъ никакою профессіей, никакими средствами, латинскимъ!

Мы недавно намекнули на индугенціи, отпущы, юбилеи и другія льготы, которыми латинская іерархія ущедряетъ читателей

(1) Смот. выше-подцитованную статью Вѣстника: «Святая Жмудь», стран. 223, съ подстрочнымъ примѣчаніемъ.

папы. На эти льготы латинство смотритъ, какъ на грѣхотпущеніе, грѣхоуничтоженіе, а мы имѣемъ основаніе смотрѣть на нихъ, какъ на грѣхопозволеніе, грѣхоумноженіе, какъ на потачку, на приманку къ грѣху, какъ на привилегіи грѣшныя. Мы считаемъ здѣсь оскорбительнымъ для истины даже разума, не только откровенія, бороться съ этимъ чудовищнымъ ученіемъ, а только скажемъ, что оно, въ ловкихъ рукахъ папскихъ миссіонеровъ, служитъ одной изъ главныхъ приманокъ къ принятію льготной доктрины папства, одною изъ популярнѣйшихъ и удобнѣйшихъ сѣтей къ уловленію и умноженію его прозелитовъ. Охотниковъ грѣшныя столько же, сколько людей; но грѣхъ оскорбляетъ нравственное чувство однихъ, устрашаетъ отвѣтственности предъ Богомъ другихъ грѣшниковъ. Для успокоенія и чуткой и робкой совѣсти своихъ исповѣдниковъ, папство гарантируетъ имъ полное право грѣшныя безнаказанно, не опасаясь ни неприятностей и страховъ чистилищныхъ, ни даже мукъ вѣчныхъ. Кому неприятно воспользоваться такою льготой грѣшныя, такимъ удобнымъ маршрутомъ и не всегда дорогой подорожной (1) въ райскія обители, — и вотъ прозелиты папства падаютъ на разныя индульгенціи, словно мотыльки на свѣчку. Моглабъ ихъ удержать отъ этой неосторожности разумная личная оцѣнка безобразности подобнаго ученія, могло бы помочь ихъ неразумію слово Божіе; но латинская догматика, для помраченія прозелитовъ папства полнѣйшимъ обскурантизмомъ, сокрыла отъ нихъ „глаголы живота вѣчнаго,“ въ укромныхъ кельяхъ папскихъ миссіонеровъ, и въ тоже время внушила къ нимъ послѣднимъ, какъ „почивающимъ на законѣ,“ какъ истолкователямъ св. Писанія, безграничное довѣріе всей латинствующей церкви, а особенно ея меньшей братіи. Эти истолкователи такъ далеко простерли свой произволь по части грѣхотпущенія, что паписту нѣтъ почти возможности попасть въ адъ. Стоитъ только дождаться юбилея, купить папскую индульгенцію, чтобы всѣ беззаконія изгладились изъ книги правосудія Божія; стоитъ только сходить на одну ступень, чтобы грѣхи нѣсколькихъ лѣтъ не помянулись въ вѣчности, стоитъ только прочитать извѣстное число извѣстныхъ молитвъ, быть окроплену въ извѣстномъ мѣстѣ, отъ извѣстныхъ лицъ св. водою, чтобы

(1) Подписанная только и аккредитованная папой весьма не дешева и не для всѣхъ доступна.

грѣховъ, содѣланныхъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, мѣсяцевъ, *кварталовъ* (3 мѣсяца), лѣтъ, какъ не бывало, — такъ что папство, при самомъ слабomъ исполненіи льготныхъ постановленій на счетъ грѣховодства, можетъ легко получить отпущеніе грѣховъ всей своей жизни, хотя бы она простиралась далѣе предѣловъ жизни Маеусаловой.

Ища вездѣ и во всемъ эффектовъ, вычурностей, желая по-минутно дѣйствовать на внѣшнія чувства своихъ послѣдователей, папство обставило внѣшность своей обрядности, наружную сторону своей доктрины такимъ множествомъ символическихъ предметовъ, такимъ драматизмомъ и пластикой, что одна перечень ихъ утомила бы самыхъ терпѣливыхъ и снисходительныхъ читателей нашихъ. Желая избавить ихъ отъ этой неприятности, мы будемъ обозрѣвать разомъ цѣлыя группы предметовъ и говорить объ нихъ какъ можно короче — въ томъ предположеніи, что мы трактуемъ о предметахъ болѣе или менѣе извѣстныхъ читателямъ Вѣстника, который неразъ уже касался этихъ предметовъ съ той либо съ другой стороны, вообще либо вчастности.

Когда вы проѣзжаете область или государство, въ которыхъ живутъ исповѣдники римско-католическаго вѣроученія, вы замѣтите внѣшніе признаки ихъ тамъ пребыванія, навязываемые странѣ даже и тогда, когда въ ней огромное большинство не римскаго исповѣданія, и когда это большинство не признаетъ ни нужды, ни законности этихъ признаковъ. Встрѣтится ли перекрестная дорога, высится ли красивый холмъ, раскинулась ли пріятная лужайка среди рощъ, пробивается ли изъ скалы горный источникъ, въѣзжаете ли вы въ городъ, мѣстечко или село, гдѣ есть костелъ и всендзъ, вы непременно замѣтите или крестъ, съ статуинымъ изображеніемъ (большинство) распятаго Спасителя, или статую Божіей Матери, Яна Непомуцена и другихъ, или каплицу (часовню). Такихъ каплицъ, совершенно лишнихъ, устроается иногда на извѣстной прекрасной мѣстности, возлѣ какого нибудь центральнаго пункта римскаго католичества, цѣлая группа. Это, такъ называемыя, кальваріи. Въ подвластныхъ Россіи областяхъ такихъ кальварій три: одна возлѣ Вильны (въ 6 верстахъ), другая на Жмуди, третья въ Царствѣ Польскомъ, возлѣ Ченстохова. Но латинство не ограничилось этими настоящими, такъ сказать, живыми примѣтами, приманками и притязаніями, оно упорно сберегаетъ и памятники болѣе или менѣе

древняго преобладанія своего въ краѣ, успѣховъ своей пропаганды въ ущербъ православію. Мы разумѣемъ здѣсь руины разныхъ кляшторовъ, костеловъ и другихъ остатковъ тяготѣнія надъ областями нашими принятой вѣры и народности, признаковъ былаго на нихъ нашествія ксендзовъ и пановъ (1). Характеръ, цѣль и значеніе всѣхъ этихъ выставокъ латинства очевидны: онѣ — и пропаганда, и символическая проповѣдь, и политическая демонстрація, и протестъ, или іереміада безъ словъ. Онѣ, кромѣ поддержанія римско-католической вѣры между наличными ея неповѣдниками, кромѣ постоянного напоминанія имъ и каждому мимоидущему „святого католицизма,“ имѣютъ въ виду сообщить странѣ латино-польскую физиономію, съ чуждыми и несродными ей примѣтами и обстановкой, и въ тоже время плѣнять взоры, а порою вызвать и поклоненіе латинской святынѣ и со стороны тѣхъ, для которыхъ она вовсе — несвятыня, или святыня чужая, — или заохотить сихъ послѣднихъ къ подражанію, какъ это и случилось съ крестами на распутіяхъ. О грубой пластичности всѣхъ этихъ издѣлій, о прямомъ боготвореніи ихъ наэлектризованными ксендзовскимъ фанатизмомъ папистами, о силѣ впечатлѣнія, производимаго на ихъ воображеніе статуейностію изображеній — мы не распространяемся изъ состраданія къ святынѣ христіанской, хоть и оскорбляющей чистоту и духовность христіанства и поневолѣ напоминающей заповѣдь: „не сотвори себѣ кумира.“

Статуи, стоящія на распутіяхъ, суть, если можно такъ выразиться, не болѣе пилгримовъ, или эмигрантовъ, — главная резиденція ихъ, отечество, выставка — домъ Божій. Едва ли мы оскорбляемъ истинное христіанство, когда, порою, сидя, задумавшись въ костелѣ, забываемъ, что присутствуемъ въ храмѣ христіанскомъ, а воображаемъ, что сидимъ въ пантеонѣ римскомъ и любуемся коллекціей божествъ — неязыческихъ. Ища эффектовъ въ самомъ даже эффектѣ, латинство недовольствуется наполненіемъ своихъ храмовъ статуями, а старается еще дѣйствовать на воображеніе присутствующаго въ храмѣ грознымъ либо сентиментальнымъ видомъ статуй, натянutoй и экзальтированной ея позою, вычурными

(1) Всѣ эти затѣи пропагандирующаго латинства описаны подробно въ статьѣ Вѣстника (1865 г. кн. II, отд. III, стр. 141—150) «Остатки латино-польскаго преобладанія въ западной Россіи.» Оттого прежній Виленск. Вѣст. такъ энергично отстаивалъ поддержку и неприкосновенность этихъ памятниковъ.

орнаментами и атрибутами папъ, пророковъ, апостоловъ и проч. Все это поражаетъ иногда глазъ, возбуждаетъ порой и чувство, но чувство земляное, непроникающее далѣе внѣшняго человѣка, не говорящее ничего назидательнаго нашему безсмертному духу. Для возбужденія чувства духовнаго — безъ примѣси, нуженъ и символъ болѣе духовный, менѣе грубый и пластичный, чѣмъ какая нибудь фигура, обтесанная изъ дерева, камня, вылитая изъ металла. Статуя есть только воспроизведеніе или очертаніе внѣшнихъ формъ предмета; далѣе вѣрности природѣ, пожалуй, граціи, она не простираетъ своихъ притязаній; можно воодушевить статую какою либо страстью, но не чувствомъ; послѣднее слишкомъ невещественно, духовно для того, чтобы пробилось сквозь глыбу камня, или обрубокъ дерева; можно удачно скопировать въ статуѣ страшнаго Зевеса, развратную Венеру, силача Геркулеса, пьянаго Вакха, красавицъ-богинь — съ грѣхомъ пополамъ — нимфъ и грацій; но изобразить въ статуѣ чувство раскаянія, незлобія, состраданія, умиленія, любви духовной, спокойствія совѣсти и проч. невозможно. Оттого, чѣмъ выше святость, духовность извѣстнаго лица, тѣмъ грубѣе и даже оскорбительнѣе для него и духовнаго чувства выходитъ статуиное его изображеніе; оттого, безукоризненныя статуи Спасителя возможны только въ видѣ распятаго на крестѣ человѣка, и то въ жертвоу его видѣ; тутъ вся забота въ вѣрной только копировкѣ мертваго, ничего уже неговорящаго, нечувствующаго тѣла, пригвожденнаго ко кресту; сдѣлать это не трудно, а для глаза болѣе ничего не нужно; чувство сострастія неповинному Страдалцу, сознание необъятности голгоѣской жертвы, негодованіе къ распинателямъ, одинаково возможны при воззрѣніи на Распятаго — будетъ ли Онъ изображенъ вполне, или даже не совсѣмъ вѣрно въ анатомическомъ и патологическомъ отношеніи. Въ какомъ отношеніи стоитъ изображеніе живописное къ статуиному, вопросъ этотъ едва ли нуждается въ отвѣтѣ; мы будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что живопись такъ относится къ вааянію, какъ душа къ тѣлу, или, по крайней мѣрѣ, какъ зрѣніе къ осязанію.

Латинство еще не такъ рѣзко оскорбляло бы святость библейскихъ лицъ и духовность христіанства, если бы статуи его стояли неподвижно на своихъ пьедесталахъ и, такъ сказать, не мѣшались въ религіозныя и обрядовыя отправленія. Но пластика латинская такъ далеко простерла свои похотѣнія, что на-

сначала статуи свои извѣстныя роли, при сценическомъ воспроизведеніи нѣкоторыхъ событій изъ жизни Христа Спасителя, — сдѣлала ихъ дѣйствующими лицами при исполненіи нѣкоторыхъ обрядностей церковныхъ. Мы не разумѣемъ здѣсь тѣхъ мистерій, которыми была богата когда-то обрядность и церкви православной, и которыя, какъ, на прииѣръ, воспроизведеніе страданій Господнихъ, латинская церковь довела до чудовищныхъ размѣровъ и невѣроятнаго кощунства; дѣйствующими лицами въ этихъ мистеріяхъ — живые люди, а не куклы. Мы не разумѣемъ даже и слишкомъ чувственнаго представленія лежащей въ страстную субботу во гробѣ статуи Искупителя, при возгласѣ: *gespente* (*воскресъ*), потрясающаго побѣдною хоругвию, во время свѣтлаго Воскресенія Христова: тутъ пластичность, такъ сказать, еднична и не производитъ въ душѣ того возмутительнаго чувства, которое потрясаетъ ее при зрѣлищѣ пѣлыхъ, смѣемъ такъ выразиться, кукольныхъ представленій важнѣйшихъ событій евангельскихъ, со всею ихъ обстановкой, не всегда удобной и уютной въ храмѣ Божиѣмъ. Такими представленіями по преимуществу ознаменовываются важнѣйшіе христіанскіе праздники: Рождество и Воскресеніе Христово. Во время ихъ досужее воображеніе режиссеровъ истощаетъ всю свою изобрѣтательность, все запасъ историко-библейскихъ свѣденій. Декоративное искусство тутъ играетъ главную роль. Чѣмъ богаче клишторь, костель, тѣмъ роскошнѣе, полнѣе, разнообразнѣе и ближе къ природѣ декорація. Репертуаръ этихъ представленій такъ обширенъ, что если бы мы рѣшились описать всѣ, хоть видѣнныя нами, въ названные выше праздники, костельныя зрѣлища, мы должны бы были составить огромный томъ *in folio*; поэтому остановимъ вниманіе на болѣе только популярныхъ и казистыхъ. Съ правой, или съ лѣвой стороны костела устроится что-то въ родѣ чулана; на сѣнѣ, въ ясляхъ, чаще въ люлькѣ, лежитъ кукла младенца; направо и налево стоятъ двѣ куклы побольше, одна женская, другая мужская; въ глубинѣ сцены парятъ ангелы, у порога пастухи; возлѣ яслей вошь и осель; барашекъ щиплетъ на лужку зеленую траву; это представленіе Рождества Христова. Если младенецъ лежитъ въ люлькѣ, то къ нему подходятъ (на колѣнахъ) по очереди набожные мушьяны, а особенно женщины, и качаютъ малютку съ колыбельнымъ припѣвомъ: „люляй, люляй, іезусеньку маленький;“ если младенецъ лежитъ въ ясляхъ, нерѣдко вы видите поклоняющихся ему трѣхъ

чернокожихъ, въ царскихъ коронахъ, фигуръ, подносящихъ ему квазі золото, ливанъ и смирну. Посрединѣ храма, чаще въ гротѣ, лежитъ статуя мертваго человѣка, во кругъ него, въ самомъ эффектно́мъ полумракѣ, въ разныхъ позахъ, дремлютъ стрегущіе гробницу воины; небо покрыто тучами, изрѣдка прорѣжется изъ за нихъ луна на ущербѣ, на землю порошитъ мелкій дождикъ; вотъ сверкнула молнія, грянулъ громъ (посредствомъ листоваго желѣза) и фигура мертваго человѣка взлетѣла на воздухъ, а воины, въ страшномъ испугѣ, попадали на землю (1); это, какъ видите, представленіе Воскресенія Христова. Чѣмъ разнообразнѣе и лучше эти декораціи, тѣмъ болѣе въ нихъ элементовъ театральнаго, тѣмъ меньше онѣ умістны въ домѣ Божіемъ, тѣмъ больше оскорбляютъ своею грубою пластичкой воспроизводимыя ими священныя лица и событія. А между тѣмъ, къ немалому изумленію людей, проникнутыхъ истинно-христіанскимъ чувствомъ и вѣденіемъ, — эти представленія восторгаютъ не только грубое воображеніе массъ, но даже видимо приходятся по вкусу самой латинствующей интеллигенціи, а что еще большѣе, привлекаютъ на костельныя представленія и православныхъ зрителей. Не въ видахъ ли этой пропаганды, въ областяхъ русскихъ и совершается костельная резурекція (воскресеніе) двумя—тремя часами ранѣе православной, — вопреки самому ясному сказанію библейскому о моментѣ этого событія (2).

Римско-католическія процессіи едва ли не больше всей виѣшности религіозной рассчитываютъ на пораженіе чувствъ и воображенія, на прикованіе народныхъ массъ къ ватиканскому подданству и удовлетвеніе прозелитовъ. Процессія есть что то въ родѣ церемональнаго марша папства, обстановленнаго всѣмъ тѣмъ, что производитъ сильный эффектъ, фанатизируетъ толпы народныя, очаровываетъ

(1) Въ тѣхъ костелахъ, гдѣ хотятъ представить эту драму натуральнѣе, или затрудняются устройствомъ механизма, вмѣсто деревянныхъ фигуръ, исполняютъ приличныя роли живые люди.

(2) Православныхъ такъ много приходило на костельную резурекцію, что латинскіе проповѣдники имѣли право дѣлать къ нимъ особыя обращенія. Пишущій это неразъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ знаменитый въ свое время прелатъ и проповѣдникъ, послѣ троекратнаго возгласа предъ поученіемъ—*Christus resurrexit*, прибавлялъ обыкновенно: «а для православныхъ: Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ».

слухъ и зрѣніе, силится доказать преимущество и даже господство въ краѣ доктрины папской предъ всѣми другими вѣрованіями христіанскими. Эта безконечная вереница патеровъ, оглашающихъ, на далекое разстояніе, воздухъ своими пѣснопѣніями; эти толпы разныхъ клириковъ, пригвѣвающихъ патерамъ и призванывающихъ всеобщему гулу колоколовъ извѣстной мѣстности; эта вереница подвижныхъ кіотовъ („олтаржиковъ“), несомыхъ разубранными дѣвушками, обставленныхъ флагами, кршижами и свѣчами; этотъ балахнѣвъ подъ которыми, безъ дождя и солнца, церемоніально выступаетъ предстоятельствующій въ сонмѣ разныхъ патеровъ, ведомнѣ подъ руки, при своихъ здоровыхъ ногахъ, и безъ всякой надобности несущій въ рукахъ тайны Христова; эти, наконецъ, безконечныя толпы народныя, экзальтируемыя пышностью представленія, и нарастающія нерѣдко на счетъ иновѣрцевъ, гдѣ они есть, — все это вмѣстѣ, что иное, какъ не выставка папскаго тщеславія, какъ не ловушка пропаганды, какъ не религіозное представленіе, нерѣдко имѣвшее цѣль и характеръ политической агитаціи или революціонной манифестаціи? Вотъ почему предъ началомъ кинувшаго мятежа польскаго религіозныя процессіи и всякія другія костельныя оваціи такъ сильно разрослись и въ качествѣ и въ количествѣ. Вотъ почему даже на родинѣ и, такъ сказать, главной резиденціи папства, — Италіи запрещены даже и такія процессіи, какова самая обязательная и, по убѣжденію папистовъ, законнѣйшая изъ нихъ, — процессія въ честь тѣла Христова.

Есть, правда, крестные ходы и въ церкви православной, но въ ней они имѣютъ характеръ чисто церковный и составляютъ существенную часть богослуженія въ извѣстные праздники. Такіе ходы исполнены глубокаго духовнаго значенія и нравственнаго назиданія. Такіе ходы не возбуждаютъ въ самой испорченной душѣ ни одной суетной мысли, ни одного страстнаго чувства; въ нихъ нѣтъ того шума, блеска, тщеславія („пыхи“), затѣйливости, демонстраціи, которыя составляютъ душу римско-католическихъ процессій, и лозунгъ которыхъ можно выразить словами извѣстной русской поговорки; „знай нашихъ“. Мы уже не говоримъ о шествіяхъ, выходяхъ, выносахъ того „чтилища“ римскаго, который „превозносится выше Бога“, котораго несутъ, какъ безногаго, въ царскіи тронѣ священники, на обуви котораго лобызаютъ крестъ Христова, предъ которыми повергается на колѣна не только приобщающій

римскаго епископа архієпископъ, но вмѣстѣ съ нимъ и самъ Христосъ, тѣло и кровь Котораго, съ божескимъ поклоненіемъ, подносятъ послѣдній первому, — и который, какъ бы въ подтвержденіе словъ апостола Павла: „въ храмѣ Божіемъ, какъ Богъ сядетъ, выдавая себя за Бога“, дерзаетъ, при своемъ посвященіи, своимъ грѣшнымъ тѣломъ, садиться на престолъ „Царя царствующихъ всѣхъ Бога“ и принимать отъ всей римской іерархіи божеское поклоненіе, какъ знакъ преемства своей власти отъ „смирившагося до крестной смерти Христа“. Истинный Глава церкви истинно христіанской сохранилъ ее отъ такого страшнаго самозванства, богохульства, идолослуженія.

Однимъ изъ самыхъ ловкихъ приѣмовъ латинской пропаганды къ уловленію прозелитовъ мы считаемъ церковную музыку и скамейки. Первая тѣшитъ слухъ молящихся и немолящихся даровымъ концертомъ, послѣднія какъ нельзя лучше удовлетворяютъ лѣни грѣшняго человѣка, а та и другія доставляютъ посѣтителямъ церкви тѣ удобства и наслажденія, какихъ не всегда отыщешь безмездно и въ домахъ человѣческихъ. Напрасно нѣкоторые считаютъ вопросъ о церковной музыкѣ вопросомъ спорнымъ. Вся сила меломановъ, защищающихъ умѣстность инструментальной музыки при церковномъ богослуженіи заключается въ словахъ псалмопѣвца: „хвалите Бога во струнахъ и органѣ“; но какъ состоятеленъ этотъ *единственный* аргументъ подобныхъ меломановъ, видно для всякаго, сколько нибудь понимающаго различіе церкви ветхо-завѣтной отъ ново-завѣтной, закона Моисеева, отъ закона Христова. Строитель и Законоположникъ церкви ново-завѣтной сказалъ: „древняя мимондоша“; Его церковь повторяетъ: „прейде сънь законная Благодати пришедшей“. Что разумѣть Спаситель подъ именемъ того древняго, которое теперь миновалось, устарѣло, которое, потому, сдѣлалось неумѣстнымъ, несвоевременнымъ, — очевидно. Слова эти Онъ относитъ къ религіозной обрядности церкви ветхо-завѣтной, а въ числѣ этой обрядности весьма видное мѣсто занимаетъ инструментальная музыка, перешедшая въ ветхо-завѣтное богослуженіе отъ богослуженія языческаго и едвали не изъ угожденія прозелитамъ изъ язычества и сообщенія еврейскому богослуженію той эффектности и наслажденія, которыхъ въ немъ недоставало, и отсутствіе которыхъ, для внѣшняго человѣка, чувствовалось такъ сильно и такъ много располагало чувственнаго израиля, и безъ того весьма неравнодушнаго къ аффектаціи языческой обрядности, къ совращенію въ язычество. Но

мы не видимъ ясныхъ слѣдовъ прямой принадлежности къ богослужбной обрядности еврейской церковной музыки, а тѣмъ болѣе не видимъ удержанія ея во времена позднѣйшія и настоящія. Если же читатели закона Моисеева одухотворились настолько, что изгнали музыку изъ своего богослуженія (1), не смотря даже на такую сильную поддержку, какую находятъ она въ ивѣніи псалмопѣвца Давида; то христіанамъ ли, для которыхъ иновалось ивно древняго поважнѣе „струнь и органовъ“, прибѣгать къ западной, отвергнутой Спасителемъ, натяжкѣ словъ царя Давида—ди того только, чтобы явиться чувственнѣе израильтягъ и привести въ свое богослуженіе элементъ чисто языческій! Оттого, ни въ теоріи, ни въ практикѣ церкви апостольской, восточной, мы не находимъ протекторства церковной музыки; оттого, мы снѣло считаемъ ее незаконнымъ вторженіемъ въ богослуженіе церкви западной и даже оскорбительнымъ и нечистымъ приеомъ для выраженія молитвы христіанской. Молитва есть изліяніе предъ Богомъ мысли и чувствованій *человѣка*, есть его бесѣда съ своимъ Творцемъ и Промыслителемъ; къ чему же тутъ посредство бездушной машины, на что пригодятся въ этой бесѣдѣ бессознательные звуки музыкальныхъ инструментовъ, когда нѣтъ лучше инструмента голоса человѣческаго, когда эта бесѣда должна быть разумнымъ и осмысленнымъ возношеніемъ къ Богу ума и сердца молящихся, а не ограженіемъ подъ сводами храма звуковъ, механически добываемымъ изъ машины, имѣющихъ чисто человѣкоугодное назначеніе и даже препятствующихъ молитвенному настроенію и сосредоточенію мысли и чувства на мѣстѣ, цѣли и предметъ молитвы. Такое развлеченіе еще больше усиливается отъ тѣхъ излишествъ и злоупотребленій, какія внесла практика латинской церкви въ церковную музыку. Для произведенія звуковъ, болѣе громогласныхъ, для доставленія большей улады уху слушателей, къ принятому въ костелахъ инструменту духовому—органу, весьма часто, въ большіе праздники, въ большихъ городахъ, присоединяется масса всевозможныхъ инструментовъ, не исключая и такихъ безсодержательныхъ, монотонныхъ и трескучихъ, каковы барабаны и металлическія побрякушки. Еслибъ этотъ оркестръ исполнялъ покрайней

(1) Употребленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ звука мѣдной трубки, есть ключъ, знакъ, а не молитвенное употребленіе музыки при богослуженіи, не аккомпаниментъ даже молитвѣ вокальной.

нѣръ такіа пѣсен, которыа составлены въ молитвенномъ настроеніи композитора, если бы мотивы ихъ возбуждали умиленіе, плачь о грѣхахъ, окрыляли мысль молящагося, парящую въ страны надзвѣдныя; а то эти мотивы, эти пѣсенъ таково землянаго, житейскаго содержанія, такъ часто напоминаютъ намъ страстные мотивы извѣстныхъ оперъ, такъ подобострастны и угодливы движеніямъ грѣшной души человѣческой, — что масса болѣею частію обращается въ инструментальный концертъ, храмъ Божій, въ музыкальную залу, а молящіеся христіаневъ меломановъ, дремлющихъ на удобныхъ скамейкахъ подъ упойтельные звуки страстной музыки. Еще болѣе вносится въ эту музыку грѣха, оскверненія въ домъ Божій, когда подъ священными его сводами раздаются рѣзвые звуки плясовой музыки: а это, какъ мы думаемъ, вы сами читатели, неразъ, съ изумленіемъ и негодованіемъ, подслушали въ костельной музыкѣ. Болитъ ухо, скорбитъ и возмущается душа, когда грянетъ органъ, завизжитъ, завопитъ масса инструментовъ, затрещатъ барабаны и литавры — какою нибудь раздражающій тушъ, при медленномъ, эффектномъ поднятіи и опусканіи завѣсъ на запрестольный образъ, когда загудитъ, задрожитъ послѣдняя басовая труба органа, съ побрякиваньемъ серебряными колокольчиками, при чтеніи болѣе торжественныхъ молитвъ и даже, о кошунство! при чтеніи молитвы Господней: „Отче нашъ“. Слушая все это, страдая невыразимо отъ всѣхъ этихъ фокусъ-покусовъ, мы неразъ, въ глубинѣ скорбнаго духа, вопіали: Корей, Дафаны и Авироны! убойтесь Бога, если не стыдитесь людей! А между тѣмъ „ухо людей сихъ такъ одобелѣло“, что на нихъ не производитъ должнаго впечатлѣнія смиренное и умирительное воспѣваніе Бога человѣческимъ голосомъ, что для возбужденія въ нихъ хоть какого нибудь ощущенія нуженъ шумъ и громъ всевозможныхъ машинъ. Если эти крѣпкоухіе думаютъ оправдать себя словами Давида: во струнахъ и органѣ; то отчего они не обратятъ вниманія на егоже слова: „гласомъ *моимъ* во Господу возвахъ, — услыши, Господи, гласъ *мой*“ и безчисленные другія, изъ которыхъ ясно видно, что молитвенное возношеніе должно исходить непосредственно изъ самаго чело-вѣка, и что въ этомъ возношеніи долженъ участвовать „весь чело-вѣкъ“, что мы должны „пѣть Богу разумно“. Правда, поютъ кое-что и въ латинскихъ храмахъ, поютъ даже извѣстную литанію (ектению) вся масса молящихся; но и это натужное пѣсно-пѣніе, усиливается всею силою аккордовъ органа, при всей своей

патетичности, не производит на душу незаинтересованного дѣла слушателя того нѣжнаго, свѣтлаго, безплотнаго, тихаго отраднаго ощущенія, какое должно быть слѣдствіемъ молитвенныхъ мелодій. При этой страшной массѣ всевозможныхъ звуковъ при этомъ ревѣ и визгѣ и людей и машинъ, и самому становитъ какъ будто страшно и больно. Эффектъ есть, но чисто внѣшній болѣзненный, подавляющій, а не умиляющій и восторгающій. Особенно энергично налегаютъ—бывало латино-поляки на молитву „просимъ тебя, Господи, уничтожить и искоренить (внѣшнихъ и выкозеницъ) враговъ церкви Твоей святой“, — разутья, конечно, подъ церковью святою—папство, а подъ врагами церкви всего ближе и вѣроятнѣе,—насъ—москалей, православныхъ.

Но если богослуженіе церкви восточной свободно, благодаря Богу, отъ чувственной аффектаціи инструментальной музыки, то оно не всегда свободно отъ недостатковъ музыки вокальной. Да и огромномъ большинствѣ нашихъ сельскихъ, а отчасти и городскихъ церквей, молитвенное пѣнопѣніе ниже посредственности, а особенно—ниже содержанія пѣнопѣній. Благо еще, что невзыскательное ухо нашего простолюдья пока не понимаетъ небрежности и дисгармоніи пѣнія тѣхъ дьячковъ-солистовъ, которые непереводятся и до сихъ поръ. Въ сѣверо-восточной Россіи не такъ еще чувствуется, не такъ еще опасно отсутствіе стройнаго хороваго пѣнія церковнаго, какъ въ западной. Въ послѣдней церковное пѣніе должно выдерживать конкуренцію съ органомъ, иначе переходъ отъ послѣдняго къ первому будетъ слишкомъ невыгоденъ для первого и чуть ли не для дѣла самаго православія. Рѣзкость этого перехода особенно чувствуется перешедшими отъ латинства къ православію. Въ такихъ приходахъ немедленно нужно образовывать возможно полные и безукоризненные пѣвческіе хоры, чего достигнуть весьма не трудно при настоящей свободѣ крестьянъ, при распространеніи повсемѣстно сельскихъ школахъ и при усердіи къ церковности православной сельскихъ прихожанъ. Да и вообще желалось бы, чтобы молитвенныя пѣнопѣнія были какъ можно безупречнѣе, мелодичнѣе, трогательнѣе,—какъ можно достойнѣе мѣста, въ которомъ воспѣваются, текста молитвы, которая поется. По нашему мнѣнію настоятъ въ піющая и даже священная необходимость измѣнить и самыя мотивы пѣнопѣній нашихъ пѣнопѣній церковныхъ; большинство ихъ страдаетъ какою то отрывочностью, въ нихъ мало молитвенной ноты. Отрѣштесь только на время отъ укоренившихся привычекъ, вдумайтесь

удержаніе молитвъ, вслушайтесь въ исполненіе ихъ посредствомъ употребительнаго теперь у насъ пѣнія, и вы замѣтите иногда прорѣчіе текста молитвы съ звуками выполненія, напริมѣръ, въ моахъ: Господи, помилуй, подай, Господи даже въ такихъ важныхъ богосодержимыхъ пѣснопѣніяхъ, каковы: иже херувимы, достойно, милость мира. Нужно только при этомъ, такъ сказать, омолианіи и оцерковленіи нашего пѣснопѣнія опасаться непопасть изъ алы въ Харибду, — изъ полной безыскусственности въ пѣвучестъную, театральную, подобострастную, возбуждающую, вмѣсто дуаго умиленія, вздоховъ покаянныхъ, отрѣшенія мысли и чувствъ отъ земнаго и устремленія ихъ „горѣ“, помыслы земляные, шенія плотянныя, грѣшныя, нѣжащія и услаждающія вишняго, меннаго человѣка, но ничего неговорящія внутреннему, вѣчному. юю страстностью, такую аффектаціей отличаются нѣкоторые ивы, въ нѣкоторыхъ концертахъ знаменитаго композитора наго Веделя. Такіе мотивы — прямое достояніе концертной залы; при оленіи такихъ концертовъ въ церкви подобные мотивы весьма леи весьма прилично проходитъ молчаніемъ. За то въ твореніяхъ тоже Веделя и многихъ другихъ нашихъ композиторовъ духовныхъ — зое богатство молитвенныхъ мелодій, также бездонное море дувной поэзіи, такое обиліе свѣтлыхъ мыслей, небесныхъ ощущеній и порѣваній, что скорѣе можно затрудняться выборомъ лучшихъ изъ многихъ неподражаемыхъ мелодій, чѣмъ недостаткомъ ѣ. Особенно безупречны и умилительны вокальныя композиціи рчанинова и большинство Бортиянскаго.

Не малою приманкою къ латинской церкви служатъ и скамейки, устроенныя, для ея посѣтителей. Онѣ какъ нельзя больше оветворяютъ идеѣ латинства, съ его вокальными наслажденіями, ептанными обѣдами, длинными проповѣдями и всяческою человѣкоодливостію. Правда, употребленіе въ церкви скамеекъ не проивно практикѣ восточной, а потому и нашей православной церкви; и въ нашей церкви цѣлыя чтенія, каковы: каѳизмы, сѣдальныя другія, получили названія свои отъ того, что во время ихъ сидѣли; возгласы: станемъ! прости! (выпрямьтесь) и другіе, предшествующіе важнѣйшимъ моментамъ нашего богослуженія, доказываютъ, что, до наступленія ихъ, молящіеся сидѣли. И наша церковь неизгнала совершенно скамеекъ и другихъ сѣдалищъ изъ своихъ храмовъ, а особенно изъ обителей, въ которыхъ богослуженіе иываетъ продолжительнѣе. Но эти скамейки у насъ ставятся въ

укромныхъ мѣстахъ: въ нишахъ, возлѣ порога, у стѣнъ за колоннами и проч., и предназначаются только для слабосильныхъ, престарѣлыхъ, больныхъ и утомляющихся, — а въ латинскихъ храмахъ, словно въ театрѣ, скамейки занимаютъ почти всю площадь церковную и наполнены людьми, которые весьма легко могли бы простоять на ногахъ цѣлый день, которые поднимаются при чтеніи одного только евангелія, и которые нерѣдко дремлютъ, подѣ убавкиванье органа, при другихъ частяхъ богослуженія, а особенно — во время проповѣди.

Впрочемъ, если латинская церковь распространила церковное сидѣнье и скамейки до излишества и злоупотребленія, то въ храмахъ православныхъ не мѣшало бы увеличить число ихъ тамъ, гдѣ ихъ слишкомъ мало и поставить тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Физическое истомленіе много препятствуетъ молитвенному настроенію духа людей слабыхъ, особенно женщинъ, а иногда и вовсе заставляеть ихъ, ко вреду душевному, оставлять богослуженіе, или усаживаться на полу церковномъ, что не всегда удобно, опротно и благопріостойно. Само собою разумѣется, что люди, немощамъ которыхъ дѣлается снисхожденіе, будутъ знать, когда молиться стоя и когда сидѣть.

Изъ всѣхъ частныхъ этого очерка видно, что папская пропаганда, для умноженія числа своихъ прозелитовъ, не упустила изъ виду ни одного средства, начиная отъ самаго грубаго насилия, до самой тонкой интриги, отъ самой изувѣрческой нетерпимости, до самаго грѣшнаго человекоугодія, потачки и подобострастія; что недостатокъ внутренней притягательности, жизненности и свѣтозарности, папство усиливается замѣнить внѣшнимъ блескомъ, вичурностью, чувственностью; что главная задача папства — не распространеніе царства Христова, не умноженіе истинныхъ христіанъ, а распространеніе царства папскаго, умноженіе рабовъ ватикана и судорожное стремленіе къ владычеству надъ всѣмъ міромъ христіанскимъ. Всѣми этими неправдами папская пропаганда, дѣйствительно, приобрѣла болѣе 200,000,000 прозелитовъ, но мы не завидуемъ этому несправедливому, хоть и огромному, приобретенію — какъ потому, что, въ дѣлѣ истины и святости, огромность цифры есть самая утлая и шаткая точка опоры (1), такъ и потому, что въ

(1) Язычниковъ болѣе 600,000,000 на земномъ шарѣ, а развѣ истина на ихъ сторонѣ; людей злыхъ во сто (можетъ быть) разъ больше, чѣмъ людей добрыхъ, а развѣ зло приобретаетъ отъ этого авторитетъ добра?

рядахъ прозелитовъ папскихъ, не смотря на всѣ усилія іезуитовъ, со дня на день происходитъ замѣтная убыль. Даже въ средѣ папскаго міра произошло охлажденіе къ доктринамъ римскаго первосвященника; вездѣ замѣчается сильная агитація противъ интригъ и притязаній папскихъ, противъ непогрѣшимости мнимаго главы христіанской церкви, законности его свѣтской власти, безбрачія духовенства и проч. Есть надежда, что, въ неслишкомъ отдаленномъ будущемъ, папскій катехизисъ сократятъ сами его исповѣдники пятью-шестью догматами; тогда только папство станетъ на прямой дорогѣ къ соединенію съ церковью истинно-христіанскою, — православною, вселенскою; иначе властолюбіе и тщеславіе епископа, — государя будетъ до скончанія міра идти вперерѣзъ этому вождѣнному единенію; папы будутъ требовать отъ инославныхъ христіанъ разныхъ уступокъ въ пользу своего лжеученія, не дѣлая въ пользу ученія праваго ни одной.

За то, благодаря Бога, святое православіе со дня на день обогащается читателями его святости и неповрежденности, получаетъ большее значеніе во всемъ мірѣ христіанскомъ. Всѣ истинно богомудрые люди, всѣ, незараженные предрасудками и упорствомъ латинства, почувствовали въ послѣднее время неудержимое влеченіе къ тому ученію, которое преподано Небеснымъ Учителемъ, распространено Его учениками, уяснено окончательно и узаконено 7-ю вселенскими соборами, и котораго неизмѣнно держится и доселѣ одна только восточная, православная церковь, какъ ближайшая и непосредственная наслѣдница христіанскаго ученія и преданія. Чуждая всякой пропаганды, съ негодованіемъ отвергающая всякій искусственный прозелитизмъ, церковь православная одною только божественностью и чистотою христіанскаго ученія обратила на себя вниманіе такихъ мыслителей, какъ Овербекъ, такихъ націй, каковы Англія и Соединенные американскіе штаты, которыя, не безъ внушенія Святаго Духа, занялись теперь серьезнымъ изученіемъ восточнаго христіанства, и которыя скоро, безъ сомнѣнія, убѣдятся въ его святости, скоро узнаютъ, что въ немъ только одномъ заключается христіанская истина, свободная отъ всякой примѣси человѣческихъ мудрованій, увлеченій и заблужденій, отъ всѣхъ болѣзненныхъ наростовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ страстямъ человѣческимъ и реакціи партій.

При настоящемъ случаѣ не можетъ пройти молчаніемъ и того движенія въ пользу православія, которое замѣчается теперь въ на-

родъ западной, а особенно сѣверозападной, Россіи. Цѣлыя тысячи отторгнутыхъ когда-то отъ православія насиліемъ воссоединились и постоянно воссоединяются съ нимъ его любовію. Цѣлые приходы латинянь, иногда съ своими даже пастырями, устремляются въ нѣдра той церкви, „которая вся чиста, въ которой нѣтъ скверны и порока“, омрачающихъ другія ученія и вырабатывающихъ даже служителей Божіихъ съ смертоноснымъ орудіемъ въ одной и крестомъ въ другой рукѣ, съ молитвою на устахъ и съ измѣною, ненавистью, клятвопреступленіемъ въ сердцѣ. Едва ли нужно и опровергать ту клевету, будто воссоединеніе съ православіемъ совершается не безъ насилій: развѣ православіе—папство, что ему нужно прибѣгать къ пріемамъ насильственнаго обращенія? Въ этомъ насиліи не открывается даже никакой надобности. Довольно только приподнять нѣсколько завѣсу исторіи, слегка указать на очевидную несостоятельность папскаго ученія, на практику латинскаго духовенства, на святость и неиспорченность православія, чтобы захотѣть къ перемѣнѣ папства на православіе всякаго, имѣющаго достаточный смыслъ и доброе сердце. Единственные сотрудники православныхъ миссіонеровъ—недостатки латинства и его представителей. Эти миссіонеры, можно сказать, лишь воспринимаютъ, а не обращаютъ въ православіе папистовъ, удержанныхъ отъ того доселѣ однимъ насиліемъ и хитростями есендзовъ и пановъ.

IV.

КСЕНДЗЪ МАЦКЕВИЧЪ, ПРЕДВОДИТЕЛЬ ШАЙКИ МЯТЕЖНИКОВЪ.

Во время послѣдняго возстанія въ сѣверо-западномъ краѣ, во главѣ самыхъ ярыхъ революціонеровъ, стоялъ ксендзъ Мацкевичъ — человекъ замѣчательный по своимъ дерзкимъ выходкамъ противъ правительства и звѣрскимъ поступкамъ съ тѣми, кто имѣлъ несчастье попасться въ его руки и вообще съ жителями, которые, оставаясь вѣрны своему долгу, отказывались принять участіе въ мятежѣ.

Ксендзъ Мацкевичъ, сынъ шляхтича Ковенской губерніи, первоначально воспитывался при родителяхъ, потомъ опредѣленъ въ виленскую гимназію, изъ которой, по окончаніи курса, перешелъ въ кievскій университетъ, а оттуда въ ворненскую р. католическую духовную семинарію. За тѣмъ вступивъ въ духовное званіе, въ продолженіи трехъ лѣтъ состоялъ викариемъ въ м. Крионовѣ, а послѣднія восемь лѣтъ былъ ксендзомъ филиалистомъ Поневѣжскаго уѣзда въ м. Подбрезѣ. Съ самаго начала поступленія въ духовное званіе, Мацкевичъ постоянно возбуждалъ въ поселянахъ нерасположеніе и вражду къ правительству, а въ 1863 году, когда вспыхнулъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, первый, въ Ковенской губерніи, поднялъ оружіе противъ правительства и примѣромъ своимъ одушевлялъ и прочихъ къ возстанію.

Пока Доленго, (капитанъ генеральнаго штаба Сѣраковскій) (*), титуловавшій себя воеводою литовскимъ и самогитскимъ, не вступилъ еще въ командованіе шайками, разбросанными въ поневежскихъ и вилькомирскихъ лѣсахъ, Мацкевичъ, назвавшись генера-

(*). Повѣшенъ въ Вильнѣ.

ломъ, принялъ на себя роль диктатора и заправлялъ всѣмъ возстаніемъ въ Ковенской губерніи. Пользуясь отсутствіемъ войскъ и прикрываясь необъятными лѣсами, онъ смѣло расхаживалъ съ своею шайкой, состоявшей изъ 250 человекъ пѣхоты и 150 конницы, довольно хорошо вооруженныхъ двухствольными охотничьими ружьями, саблями и пиками. Во время этихъ набѣговъ, онъ требовалъ чтобы въ мѣстечкахъ и селеніяхъ, чрезъ которыя проходилъ, его встрѣчали съ крестами и хоругвями и служили въ костелахъ молебствія. Въ болѣе поселенныхъ мѣстечкахъ принималъ депутаціи отъ жудиновъ и евреевъ, вмѣшивался въ управленіе земской полиціи, ревизовалъ канцеляріи становыхъ приставовъ, дѣлалъ высканія за неправильное, по его мнѣнію, теченіе дѣлъ короче, чинилъ судъ и расправу, налагалъ денежные штрафы, разстреливалъ и вѣшалъ. Тѣхъ которыхъ онъ приговаривалъ къ смерти, самъ же, какъ ксендзъ, исповѣдывалъ и приобщалъ св. таинъ.

Жудины, по природѣ, народъ весьма добродушный и набожный до ханжества; почти каждый мѣсяцъ исповѣдываются, а нѣкоторые изъ нихъ и каждую недѣлю— строго соблюдаютъ посты и церковный уставъ. Но не смотря на это, чувства истинно-религіозныя, христіанскія въ нихъ совершенно неразвиты, понятія о чести и правдѣ извращены и вообще они деморализованы ксендзами до такой степени, что любого изъ жудиновъ, можно склонить на самое гнусное преступленіе. Въ послѣднюю революцію мы видѣли ясное тому доказательство. Были случаи, официально заявленные, что ксендзы склоняли своихъ прихожанъ, для очищенія грѣховъ, отравлять русскихъ солдатъ. Въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ Россіи, простой народъ остался вѣренъ законному правительству, а жудины подняли оружіе противъ своего Государя, избавившаго ихъ, такъ еще недавно отъ крѣпостнаго угнетенія и рабства. Вотъ почему жмудское населеніе, развращаемое и фанатизируемое ксендзами, принимая живое участіе въ мятежѣ, вездѣ встрѣчало Мацкевича радушно, съ хлѣбомъ-солью, видѣло въ немъ своего избавителя и вѣрило его обѣщаніямъ о даровомъ надѣлѣ землею и отиѣнѣ податей. Одураченные такими приманками своихъ пастырей, жудины дѣлами значительныя пожертвованія для поддержанія мятежа, пополняли охотно ряды шаекъ новыми повстанцами, доставляли шайкамъ продовольствіе и продлили на долгое время мятежъ

въ Ковенской губерніи. Но смѣлыя походы Мацкевича не долго продолжались. Послѣ уничтоженія генераломъ Ганецкимъ шайки Доленги (Сѣраковскаго), Мацкевичъ принужденъ былъ укрываться въ лѣсахъ и только изрѣдка показывался въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣчалъ отсутствіе войскъ. Его рыанья рѣчи и увѣренія были прямо противоположны поступкамъ: въ ярыхъ воззваніяхъ къ народу, онъ убѣждалъ поголовно возстать на защиту своей *оичизны*, увѣряя что первый прольетъ за нее свою кровь, — а при встрѣчѣ съ русскими войсками, удиралъ безъ оглядки, бросая на произволъ судьбы свою шайку. Мацкевичъ проповѣдывалъ братскую любовь, и безъ милосердія вѣшалъ своихъ и чужихъ; хвалился безкорыстіемъ, а между тѣмъ грабилъ и собирался бѣжать за границу, прикарманивши болѣе 10,000 руб. жондовыхъ денегъ.

Въ продолженіи дѣсяти-мѣсячнаго странствованія съ шайкой по лѣсахъ, ксендзъ Мацкевичъ, въ стычкахъ съ русскими войсками, при сс. Пумпялявахъ, Тишкинахъ и Хомнахъ, потерпѣлъ поражения и принужденъ былъ укрываться въ непроходимыхъ пущахъ поневѣжскихъ лѣсовъ. Впослѣдствіи, когда настала суровая осень, шайка Мацкевича, удаленная отъ деревень и застѣнковъ, лишилась всякой возможности добывать продовольствіе. Холодъ и голодъ, охладилъ рыаныхъ патріотовъ. Первый Мацкевичъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ, бросилъ свою шайку и бѣжалъ въ невѣжскіе лѣса, съ намѣреніемъ перебраться за границу, но былъ захваченъ отрядомъ поручика Озерскаго, вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ Дафтузи и казначеемъ Родовичемъ и всѣ трое доставлены въ г. Ковно, гдѣ производилось надъ ними слѣдствіе и судъ.

Не лишнимъ считаю описать наружность ксендза Мацкевича: высокій крутой лобъ и выдавшіеся скулы, сѣроватыя волосы, зачесанные назадъ, торчали на головѣ какъ грива, умѣренная рыжеватая борода была подстрижена, а усы закручены къверху. Въ его фізіогноміи было что то хищное, звѣрское, онъ плохо скрывалъ избытокъ желчи и злобы, которыми все его существо, казалось, было преполнено, и когда онъ вступалъ въ разговоръ, зрачки его глазъ приходили въ движеніе, ноздри раздувались, лице подергивалось судорогами. Росту онъ былъ средняго, сухощавъ и довольно крѣпкаго сложенія.

Во время слѣдствія, Мацкевичъ постоянно разыгрывалъ коме-

дію, величалъ себя генераломъ польскихъ войскъ, жиудиновъ и литовцовъ называлъ: „мой народъ“ и ропталъ когда его на допросъ водили связаннаго, говоря: „неприлично такъ поступать съ генераломъ!“ На очныхъ ставкахъ съ своимъ отцомъ, Мацкевичъ кинулся къ его ногамъ, но когда отецъ сталъ его упрекать въ убійствахъ, грабежахъ и звѣрскихъ поступкахъ, онъ присоанившись отвѣчалъ:

— Отецъ, царство мое не отъ міра сего! И я никогда не буду раскаяваться, что возсталъ на защиту моего народа. Здѣсь я пострадаю, но за то награда моя въ жизни будущей!

Но всѣ эти выходки были однѣ фразы, комедія; въ послѣдствіи, какъ увидите изъ приложенной переписки, онъ просилъ о помилованіи, не имѣя на снисхожденіе ни малѣйшаго права.

На допросахъ въ слѣдственной комисіи, к. Мацкевичъ не старался скрывать ни своихъ мятежныхъ дѣйствій, ни участниковъ возстанія. Онъ съ нѣкоторымъ хвастовствомъ и цинизмомъ рассказывалъ о своихъ походахъ и выставлялъ себя какъ человѣка, взявшагося за оружіе для защиты угнетеннаго литовскаго народа. Вотъ какъ онъ выражается въ своемъ показаніи: „Имѣя приготовленный къ мятежу народъ, я поднялъ хоругвь возстанія и послѣ молѣбствія съ 250 повстанцами отправился въ лѣсъ. Стремленіемъ моимъ было возвратить моему литовскому народу права человѣчества, уничтоженные шляхтою и оставленные безъ вниманія администраціей (1). Заботою моею было проповѣдывать возстаніе въ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, сначала партизанское, а потомъ принудить правительство къ уступкѣ края Польшѣ, какъ часть ея владѣній, возстаніемъ чисто народнымъ. Организаторомъ я былъ не по принужденію, а по собственному убѣжденію. Но не довѣрая своимъ способностямъ, я просилъ Яблоновскаго (2), поставить собранный народъ на военную ногу.“

Средства къ возстанію; какъ показывалъ Мацкевичъ, заключались въ томъ капиталѣ, который онъ собралъ въ продолженіи двенадцати лѣтъ изъ доходовъ своего прихода. Средства эти не маловажны, если взять во вниманіе, что всякій ксендзъ всѣ при-

(1) Положеніе 19 февраля 1861 г. исполнѣ обличаетъ Мацкевича во лжи и клеветѣ.

(2) Яблоновскій бѣжалъ за границу.

ношенія прихожанъ на костель, безконтрольно прибираетъ въ рукавъ и распоряжается ими какъ своею собственностью.

„Пока не явился Доленго,“ „продолжаетъ Мацкевичъ,“ возстаніе литовское опиралось на мѣ. Въ апрѣль же Доленго организовалъ отдѣлы и далъ очень ловкое революціонное направленіе. Начальниками шаяекъ въ разное время были: Колышко, назначенный комитетомъ, Кушлейка, Люткевичъ (Людобронца), и Люціанъ Толочко сами назвались, а мною были назначены Гевговдъ, Цитовичъ, Битись, Лукашунасъ, Писарскій, Шимкевичъ, Помарнацкій, Адрианъ Лобановскій, Севримовичъ, Робаекъ, Ольшевскій и Шульць. Инструкторами шаяекъ были Родкевичъ, Кульчицкій и Янковскій (офицеры инженерной академіи), и два солдата Шимонъ Малашевскій и Францишекъ, фамиліи котораго не помню (1). Гражданское начальство назначалось отъ комитета. Воеводскимъ комиссаромъ былъ докторъ Козелковскій, а послѣ Сволькинъ (2). О послѣдовавшей гражданской организаціи я не старался узнавать, всѣ распоряженія жонда доходили до меня черезъ шефа штаба Ляковскаго (изъ Горцизны) и жандармовъ. Жандармами были: ковенскимъ — Ясинскій, росіенскимъ — Когновицкій, поневѣжскимъ Сова (Домбровскій), вилкомирскимъ Лукашевичъ (3). Болѣе я никого не зналъ, тѣмъ болѣе что приказомъ народнаго комитета, доставленнымъ мнѣ ковенскимъ уѣзднымъ солтысомъ Шилингомъ, предупреждено было, подъ наказаніемъ безглавія, не стараться узнавать о лицахъ составляющихъ провинціальный комитетъ. Мѣстопробываніе же этого комитета полагаю находилось въ Вильнѣ. Прежде мои рапорты отсылались черезъ жандармовъ того уѣзда, въ которомъ я находился,

(1) Изъ числа поименованныхъ лицъ, повѣшены Колышко и Лобановскій. Разстреляны: Битись и Милашевичъ. Кульчицкій самъ застрелился. Убиты въ стычкахъ: Люткевичъ, Цитовичъ и Шульць. Сосланы въ Сибирь въ каторжную работу: Гевговдъ, Шимкевичъ, Помарнацкій, Ольшевскій и Янковскій. Скрылись бѣгствомъ: Толочко, Лукашунасъ, Писарскій, Севримовичъ, Робаекъ и Родкевичъ.

(2) Козеловскій бѣжалъ, Сволькинъ высланъ въ каторжную работу.

(3) Сова (Домбровскій) разстрелянъ, Ясинскій — сосланъ въ Томскую губ., Ляковскій, Когновицкій и Лукашевичъ скрылись бѣгствомъ.

а послѣ назначенія меня воеводою, я самъ хотѣлъ войти въ сношеніе съ главнымъ правленіемъ находящимся въ Парижѣ.

О добываніи продовольствія для шаекъ и военныхъ снарядовъ, вотъ что показываетъ Мацкевичъ: „Продовольствіе получалъ я отъ народа, который охотно имѣ давалъ за слѣдующую плату. Отъ помѣщиковъ я бралъ насильно, подъ смертною казнью, въ случаѣ отказа, но это случалось рѣдко. Взято много отъ слѣдующихъ помѣщиковъ: Габріеля Храповицкаго, Шинига, Кулаковскаго, Борпиневскаго, Ясинскаго изъ Нѣвѣжниковъ и Кербедза. Порохъ, въ началѣ войны, я получалъ въ каждомъ мѣстечкѣ отъ евреевъ, черезъ посылаемыхъ мною солдатъ; но отъ кого именно — не спрашивалъ. Олово мы брали по шляхетскимъ дворамъ изъ гирь стѣнныхъ часовъ, или отъ машинъ на винокуренныхъ заводахъ и передивали на пули и грайкулки. Ближайшіе къ границамъ пруской и курляндской начальники шаекъ Кушейко и Люткевичъ получали огромные запасы военныхъ снарядовъ и всякой амуниціи, которую укрывали въ арсеналахъ, устроенныхъ въ лѣсныхъ пущахъ. По требованію дѣйствующихъ отрядовъ, они обязаны были выдавать военные снаряды; такъ напримѣръ, Люткевичъ далъ имѣ 8, а Кушлейко 12 гарнцовъ пороха. Въ оружіи мы имѣли недостатокъ. Я надѣялся и другіе также на общаніе комитета, а послѣ народнаго жонда, о доставленіи 10,000 оружія съ амуниціей. Поэтому, въ концѣ лѣта я старался распространять возстаніе, избѣгая сраженія, пока не получу оружія, которое и до сихъ поръ не доставлено. За этимъ оружіемъ я три раза приближался къ пруской границѣ съ шефомъ, гдѣ контрабандисты должны были намъ его доставить, но всякій разъ мы возвращались ни съ чѣмъ.

На вопросы слѣдственной комиссіи о повѣшенныхъ и разстрелянныхъ Мацкевичъ отвѣчалъ уклончиво, слагая, въ этомъ случаѣ, вину болѣе на шефа, Богновицкаго, Бжескаго и Бульковскаго (1), стараясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, обвинять жертвы въ разныхъ преступленіяхъ, чтобы тѣмъ придать нѣкоторую законность своеволю и насилію. „Сколько могу припомнить,“ „показываетъ Мацкевичъ,“ я казнилъ смертью двухъ воровъ, пойманныхъ на

(1) Бжескій и Бульковскій бѣжали за границу. Первый былъ слѣдственнымъ приставомъ, а второй служилъ при желѣзной дорогѣ.

цѣлѣ. Но не по моему суду, а болѣе шефа, люди же незнавшіе шефа, ни значенія его должности, все приписывали мнѣ. Далѣе казнены были три шляхтича за убійство шляхтича Норейки. Сначала они были наказаны Купшлейкою только тѣлесно; но когда семейство Норейки обратилось ко мнѣ съ жалобой, я приказалъ юзать убійцъ и доставить въ обозъ (лагерь). Доставленныхъ я представилъ шефу, а шефъ приказалъ нарядить военный судъ, по приговору котораго убійцы были казнены смертью. Подъ Пенчинами, участвуя въ военномъ судѣ надъ дезертиромъ Юревичемъ, я далъ мнѣніе, что онъ долженъ быть наказанъ смертію. Судъ производился надъ Юревичемъ заочно, но когда, черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, онъ былъ пойманъ и доставленъ въ обозъ, шефъ объявилъ ему, что завтра онъ долженъ умереть. На это я замѣтилъ, что если онъ долженъ умереть, какъ осужденный преступникъ, то лучше исполнить приговоръ суда сей часъ, чѣмъ завтра. На это шефъ согласился и мой отрядъ исполнилъ сенгенцію. Урбановичъ былъ приговоренъ къ повѣшенію за удаленіе изъ отряда жандармовъ безъ разрѣшенія своего начальства. Приговоръ исполненъ по моему приказанію. О протчихъ въ этомъ родѣ экзекуціяхъ не помню кромя одного. Шефъ заочно осудилъ шпіона, и когда его поймали понеувѣжскіе жандармы, то я приказалъ исполнить приговоръ въ лѣсу. Шляхтичъ Корево былъ приговоренъ къ повѣшенію жандармами, за преданіе русскимъ войскамъ двухъ повстанцовъ, которые, сбившись съ дороги, отыскивали обозъ шефа. При этой экзекуціи я только присутствовать. Противиться же поступкамъ жандармовъ, я не могъ по нашимъ законамъ, да и не хотѣлъ, тѣмъ болѣе, что этотъ человекъ слишкомъ заслуживалъ наказаніе. Самъ даже сынъ Коревы сказалъ: *что 20 лѣтъ уже какъ его отецъ, за преданность русскимъ, заслуживалъ это наказаніе.* Находя, въ этой измѣнѣ виновными и сосѣдей Коревы, я хотѣлъ было съечь всю околицу, но Когновицкій меня отговорилъ. „Впослѣдствіи когда возстаніе было совершенно подавлено и мѣстная администрація имѣла возможность повѣрить дѣйствія мятежниковъ, открыто много убійствъ совершенныхъ Мацкевичемъ и его шайкою; въ числѣ жертвъ были оставные солдаты, жители деревень и даже женщины.

Вотъ что показалъ Мацкевичъ о побѣгѣ своемъ за границу:
„Послѣ того какъ меня назначили воеводою, я счелъ необходи-

мнѣ самъ войти въ сношеніе съ главнымъ народнымъ правленіемъ, находящимся въ Парижѣ. Отправляясь за границу я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: Пѣхоту поручилъ поручику Рутковскому, а кавалерію Когновицкому и приказалъ держаться на границѣ Вилькомирскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ, запретивъ встрѣчаться съ москвою до моего возвращенія. Съ собою я взялъ адъютанта моего Дартузи и казначея Родовича. Адъютантъ какъ знающій хорошо французскій языкъ, былъ для меня нуженъ въ Парижѣ, а казначей какъ приверженный ко мнѣ родственникъ, на случай моей болѣзни, могъ бы ухаживать за мною. Сверхъ того, имѣя къ обоимъ довѣріе я былъ въ безопасности въ отношеніи моихъ вещей и денегъ. Конвой мой въ числѣ 45 человекъ, подъ начальствомъ Когновицкаго, я отправилъ изъ с. Поватувки за р. Невѣжу и тамъ въ лѣсахъ Быстрама, приказалъ собраться всей кавалеріи, а пѣхотѣ изъ лѣсовъ за невяжскихъ, отправиться въ болѣе безопасное мѣсто, о чемъ снести съ Когновицкимъ. Проводниковъ мнѣ доставилъ шефъ штаба; одинъ изъ нихъ былъ Корево (1), а другой незнакомый мнѣ. Они должны были отыскать для меня за Нѣманомъ другихъ проводниковъ, но кого именно я не спрашивалъ. Въ продолженіи всей ночи мы шли густымъ лѣсомъ, пробираясь черезъ сугробы снѣга почти до колѣнъ. На разсвѣтѣ мы достигли Нѣмана, гдѣ надѣялись найдти приготовленную переправу, но ошиблись въ расчетахъ, переправа, вѣроятно была устроена въ другомъ мѣстѣ и намъ нужно было продолжать путешествіе берегомъ рѣки. Будучи изнурены сильной усталостью, мы зашли въ небольшую избушку, которая стояла на возвышеніи, чтобы сколько нибудь отдохнуть, но едва мы расположились, какъ услышали говоръ московской рѣчи, а вслѣдъ за этимъ вошло нѣсколько вооруженныхъ солдатъ въ избу, чтобы зажечь трубки. Я сидѣлъ въ углу избушки, прижавшись къ стѣнѣ и дремалъ, а Дартузи и Родовичъ расположились около стола; увидѣвъ ихъ солдаты, грозно приступили къ нимъ и стали спрашивать кто они и откуда, одинъ даже сказалъ: *«не изъ Мацкевичевой ли они шайки!»* Въ то время когда шель такой разговоръ и все вниманіе было обращено на моего адъютанта и казначея, вооруженныхъ винжалами и револьверами, я незамѣтно всталъ и выбѣжалъ изъ избы. Замѣтивъ что теченіемъ

(1) Сынъ повѣшеннаго Мацкевичемъ.

оды съ горы снѣгъ, я, чтобы скрыть свои слѣды, поднялся водомойной на гору и побѣжалъ въ лѣсъ. Пройдя не болѣе версты, я почувствовалъ сильное утомленіе и одышку, такъ что не имѣя болѣе силъ идти я упалъ подъ деревомъ и прикривъ себя вѣтвями ели предался на волю Божию. Пролежавши въ такомъ положеніи съ четверть часа, я немного отдохнулъ и хотѣлъ было уже продолжать свой путь, какъ услышалъ трескъ и оворъ приближающихся солдатъ. Нѣчего было дѣлать, нужно было остаться и ожидать рѣшенія моей судьбы. Недолго я ожидалъ, послышались голоса: „*человѣкъ лежитъ, человѣкъ лежитъ!*“ и влѣдъ за этимъ наскочилъ на меня офицеръ такъ то я очутился подъ самую лошадью. Я не скрывалъ своего имени, меня подняли и привели къ избушкѣ, гдѣ я увидѣлъ моего адъютанта и казначея обезоруженныхъ и связанныхъ. При себѣ я имѣлъ собственныхъ денегъ 360 руб. сер. На содержаніе партіи собранные народомъ 1450 руб. сер. Отъ Кольшики принялъ 900 руб. сер. Отъ Доленги 1350 и отъ разныхъ обществъ 2300 руб. сер. Но какъ произведенные много изъ шляхты въ офицеры отказались отъ полученія жалованья и еще сами селали пожертвованія, то средства на содержаніе отрядовъ увеличались.“

При поимкѣ Мацкевича, были захвачены у него бумаги, состоящія изъ служебной переписки съ народными властями, письма отъ его любовницы и черновая прощальнаго слова къ шайкамъ. Прилагаю копіи, въ переводѣ съ польскаго, изъ нѣкоторыхъ болѣе интересныхъ:

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО (переводъ съ польскаго).

Благородные товарищи и братья!

Любите другъ друга, какъ я васъ любилъ. Будьте единодушны и въ согласіи. Одно только согласіе можетъ насъ сохранить, пусть же оно будетъ нашимъ оружіемъ. Прошу васъ и запрещаю, мои дорогіе, ни подъ какими предлогомъ не отлучаться изъ отрядовъ. Одинъ только Рутковский имѣетъ право по части продовольствія отлучаться и то на нѣсколько часовъ. Не знаю кто прибудетъ къ вамъ на мое мѣсто, если самъ начальникъ Витисъ, или изъ нашихъ, или его офицеровъ, примите ихъ и по-

винуйтесь имъ согласно ихъ званію. Не сердитесь, братья, за этотъ совѣтъ, пусть онъ будетъ доказательствомъ моей къ вамъ дружбы.

Гдѣ можно узнавайте о партизанахъ и привлекайте къ себѣ, или удостовѣряйтесь на слово что явятся по призыву. Виѣсть съ тѣмъ предупреждайте народъ, чтобы онъ по первому востребованію готовился къ общему возстанію, — кто бы ни былъ, господинъ ли или крестьянинъ. Не знаю долго ли я замѣшкаю за границей, но во всякомъ случаѣ, только особенной важности дѣла и благо общее можетъ меня задержать; но васъ, мои храбрые и непобѣдимые товарищи не оставлю. Если потребуютъ меня въ центральный комитетъ для отчета, то до времени моего возвращенія поручаю васъ шефу, но можетъ быть этого не случится. Слухи носятъ, что авангардъ Яблонскаго заказалъ въ известномъ домѣ обѣдъ на 300 человекъ, но я не могу этому вѣрить вопервыхъ потому, что по занимаемому мѣсту я бы получилъ объ этомъ официальное извѣстіе. Можетъ быть, теперешнее мое движеніе было поводомъ къ этимъ слухамъ. Во всякомъ случаѣ, братья, старайтесь, чтобы никто не зналъ о вашихъ намѣреніяхъ а если будете совѣтоваться, то въ тѣснѣйшемъ кружкѣ. Любимые братья! воздержитесь отъ тѣлесныхъ наказаній! Желаю и моихъ солдатахъ найти любовь и уваженіе къ вамъ. Еще разъ извиняюсь передъ вами за это остереженіе, а вы оправдаете меня передъ собою, потому что когда вся тяжесть революціи извлечена на меня, каждый неосмотрительный вашъ поступокъ, можетъ быть послѣднимъ для меня ударомъ, котораго опасаясь боюсь смерти.

Письмо любовницы Мацевича (1) (переводъ съ польскаго).

Честь и хвала Св. Маріи, какъ всегда такъ и нынѣ! Защитила она насъ отъ всякаго зла; москали только посмотрѣли на насъ и очень вѣжливо ушли, не входяли даже въ домъ пока я не возвратилась изъ костела, потомъ просили осмотрѣть домъ и постройки, посмотрѣли только для проформы и вѣжливо, извиняясь и благодаря ушли спокойно. Поистиннѣ не знаю, что это зна-

(1) Имя ея неизвѣстно.

тъ; въ иныхъ мѣстахъ грабятъ, а у насъ нѣтъ (1). Скажи, мнѣ мы заслужили такую благодать неба? Можетъ быть эти чудеса производятъ твои подвиги и молитвы? О, да сохранить тебѣ Пресвятая Дѣва для меня! Я буду хвалить Ее до конца моей жизни какъ сумѣю. Благодарю тебя за записочки; онѣ меня очень утѣшили, только не во всемъ я согласна, о чемъ ты пишешь. Для моего счастья мнѣ нужна твоя жизнь; иначе славная твоя смерть, будетъ и моею смертью. Но въ этомъ мы иногда не будемъ согласны, потому что для тебя слава и честь ставятъ счастье, а у меня нѣжное, любящее сердце. О, если бы это можно было согласить! изъ всего того что ты потребуешь, чего теперь не имѣю, но завтра при мнѣ, и сегодня посылю только двѣ пачки табаку, землянику и пирожное. Очень ждала бы тебя видѣть, но боюсь и не хочу подвергать жизнь мою опасности. Впрочемъ когда ты бываешь у меня, то я очень мучусь, что не могу обходиться съ тобою такъ, какъ бы желала; нужно прикидываться равнодушною, а я хотѣла бы обнять тебя, цѣловать, прижиматься къ тебѣ и хотя бы одинъ часъ, безопасно, провести на единѣ съ тобою..... О, какая упоительная мечта!.....

Москали обѣдали въ деревнѣ и говорятъ уже вышли. Праздникъ безъ тебя скученъ, очень прискорбно не видѣть тебя въ стѣлѣ, въ которомъ ты, въ продолженіи столькихъ лѣтъ была грашеніемъ и жизнью; казалось все въ траурѣ и мертво! Возвратится ли прошлое? Загорится ли еще яркимъ лучемъ моя звѣзда? До свиданія мой милѣйшій....

М. В.

НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ правленія Литвы. Вильна 18/11 мая 1863 года 1475.

Исправляющему должность войсковаго начальника Ковенскаго воеводства.

Потеря, какую край понесъ черезъ арестованіе раненаго начальника Ковенскаго воеводства (2), не должна ослаблять нашего

(1) Обыкновенное нареканіе поляковъ на русскихъ солдатъ: у насъ не грабили, а у другихъ говорятъ, грабили.»

(2) Рѣчь идетъ о Доленгѣ Сѣраковскомъ.

духа, но, напротивъ, воспламенять къ мщению, за испытанное бѣдствіе, къ упорнѣйшей еще борьбѣ съ непріятелемъ. Отдѣлъ надѣется, что народныя силы Ковенскаго воеводства, найдутъ въ тебѣ, гражданинъ, достойнаго наслѣдника, на мѣсто утраченнаго начальника, и что ты поведешь отряды къ побѣдоноснымъ битвамъ съ врагомъ.

Отдѣлъ поручаетъ тебѣ, гражданинъ, чтобы, кромѣ отрядовъ, которымъ командуешь, имѣлъ бы наблюдене за организаціей и другихъ отрядовъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Ковенскаго воеводства, чтобы о ихъ передвиженіяхъ ты зналъ и могъ ими управлять, по указанію надобности.

Увѣдомь, гражданинъ, немедленно о состояніи отрядовъ, которыми распоряжаешься и пришли описаніе стычекъ 7, 8 и 9 мая, а также о послѣдовавшихъ съ этого времени приключеніяхъ.

Поздравленіе и братство!

Правительственный комиссаръ Ковенскаго воеводства 18 сентября 1863 г. Ковно, № 449.

Начальнику отряда есендзу Мацкевичу.

Именемъ народнаго правленія свидѣтельствую тебѣ, гражданинъ, благодарность за твои геройскіе подвиги и непреклонную готовность въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ (1). Нибъ благодаря, Пресвятую Дѣву, нашу королеву, горизонтъ нашего дѣла болѣе проясняется, немного еще терпѣнія и нашъ триумфъ вѣрный (2)..... По поводу того что воевода Писарскій не даетъ тебѣ никакого извѣстія и, какъ видно, не дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ, прошу тебя, гражданинъ, обратить вниманіе на партію въ здѣшнемъ воеводствѣ; и пришли о нихъ подробное свѣдѣніе въ

(1) Неизвѣстно за какіе геройскіе подвиги и отважность благодарить правительственный комиссаръ. К. Мацкевичъ при всѣхъ встрѣчахъ съ русскими войсками потерпѣлъ поражение и если самъ не попалъ въ плѣнъ, то обязанъ своей осторожности, переходившей за предѣлы трусости и дремучимъ лѣсамъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, эти геройскіе подвиги заключаются въ томъ, что Мацкевичъ, пользуясь отсутствіемъ войскъ, грабилъ, жегъ и убивалъ беззащитныхъ жителей, нехотѣвшихъ принять участіе въ мятежѣ.

(2) Обыкновенная уловка поляковъ, поддерживать въ народѣ надежду на хорошей исходъ возстанія. Часто случалось, что разбитая шайка, читала въ народной газетѣ о томъ, что она одержала побѣду.

правление воеводства. На мѣсто неисправныхъ начальниковъ назнач другихъ, — приказы будутъ высылаться немедленно. Братское привѣтствіе. Римвидь.

НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

Вооруженная сила Ковенскаго воеводства 27 Іюля 1863 г.

Войсковому начальнику подбжескаго полка к. Мацкевичу (1).

Такъ какъ оказалось, что кавалерія партіи Кушлейко, разбѣгая безъ цѣли по лѣсамъ, производить буйства и шалости, то рошу тебя, гражданинъ, если можно, обезоружить ихъ и, назначивъ нашихъ кавалеристовъ, сформировать конныхъ стрѣлковъ по прилагаемой инструкціи), ввѣривъ оныхъ отдѣльному начальнику. По сформированіи выслать отряды на мѣста болѣе пригодныя, полагаю лучше всего въ Поневѣжскій уѣздъ. При томъ, также, предлагается назначеніе для начальника конныхъ стрѣлковъ.

Намѣстникъ воеводскій Игнатій изъ Гурцизы.

НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

Гражданскій начальникъ Поневѣжскаго уѣзда 26 сентября 1863 года.

Военному начальнику того же уѣзда.

Рапортами изъ разныхъ мѣстъ дошло до моего свѣдѣнія, что какъ твой обозъ, почтеннѣйшій предводитель, нуждается въ деньгахъ одеждѣ, въ слѣдствіе этого, я наскоро предпринялъ разныя мѣры и доношу тебѣ, предводитель, что, по востребованію, могу въ скоромъ времени располагать слѣдующими средствами: денегъ могу доставить болѣе 1000 руб.; бѣлья на 200 человекъ; твоей одежды въ заготовленіи не много, шьемъ *на валтъ* (на закатъ), кромѣ того есть пара ранцевъ и патронташей. Научай, если ты, предводитель, сблизился и не найдешь здѣсь нашихъ жандармовъ, то увѣдомь меня, черезъ приходскаго эндза.

Прошу тебя, предводитель, прикажи всѣмъ отрядамъ, находящимся въ нашемъ уѣздѣ, чтобы они среди дня не подвергали мѣщичьихъ домовъ несприятностямъ, отъ такихъ посѣщеній пользы никакой нѣтъ, а бѣды много. Всѣ требованія пусть произ-

(1) Такъ называлъ Доленго шайку Мацкевича.

водятся путемъ предписанныхъ народнымъ правленіемъ, т. е. посредствомъ гражданскихъ властей, а мы какъ продовольствіе, такъ и всѣ нужды отрядовъ, постараемся удовлетворить. Отряды же могутъ увѣдомлять гражданскія власти черезъ посланныхъ, которые должны быть переодѣты крестьянами. Равно прошу приказать Люткевичу, произвести слѣдствіе, о насиліи оказанномъ гражданской власти въ лицѣ приходскаго (ксендза) Валабинскаго и начальника IV округа, посланными изъ выше означеннаго общества. Я, какъ гражданскій начальникъ въ уѣздѣ, сносился по этому предмету съ предводителемъ отряда Люткевичемъ, но не получилъ никакого отвѣта и если не дождусь, то вынужденнымъ буду послать жалобу дальше, прося о взысканіи съ виновныхъ, и объ отставкѣ всѣхъ гражданскихъ властей; ибо, на что эти вѣсти годны, если онѣ, представляя народное правленіе, будутъ оскорбляемы и пренебрегаемы, самимъ неприличнымъ образомъ какими нибудь вертопрахами.

Гражданскій начальникъ Поневѣжскаго уѣзда Центавръ (псевдонимъ).

Начальнику отряда ксендзу Мацкевичу. Отъ начальника Яновскаго округа Ковенскаго воеводства, 8 октября 1863 года.

Полученную депешу на твое имя, гражданинъ, — равно и отзывъ ко мнѣ, въ которомъ помѣщены подробности не безъ интереса, — посылая увѣдомляю, что приготовилъ для тебя 180 руб. сер. Равно порядочный запасъ теплой одежды, сапоговъ и бѣлья. При чемъ добавляю, что движеніе твоего отряда около Янова (въ Ковенскомъ уѣздѣ), можетъ принести хорошія послѣдствія для нашего дѣла. Страна эта не осажденная московскимъ войскомъ, можетъ снабдить твой отрядъ всѣмъ необходимымъ.

Братское привѣтствіе.

Ординатору ковенскаго воеводства гражданину Мацкевичу.

Отъ комиссара Поневѣжскаго уѣзда 20 октября 1863 г. № 9.

Я получилъ прискорбное извѣстіе о пораженіи твоемъ, гражданинъ, возлѣ Ковно. Посылаю депешу полученную изъ Ковно и доношу, что пороху имѣю 100 бутылокъ и пистоны; также въ помянутомъ приходѣ (у ксендза) хранится 13 паръ сапоговъ, 5 тулуповъ и до 30 вальковъ. Посылая гражданину братское привѣтствіе, остаюсь съ почтеніемъ Яскула.

НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНИЕ.

Военный отдѣлъ 3 ноября 1830 г. № 150. Вильна.

Назначаемъ гражданина Мацкевича организаторомъ вооруженной силы Ковенскаго воеводства.

НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНИЕ.

Военный отдѣлъ 3 ноября 1863 г. № 153. Вильна.

Дневный приказъ.

По распоряженію литовскаго отдѣла, всендзь Мацкевичъ назначается организаторомъ вооруженной силы Ковенскаго воеводства. А также за отсутствіемъ начальника этого же воеводства, полковника Болеслава Яблонскаго, должны подчиняться приказаніямъ всендза Мацкевича.

Вѣрно: Правительственный комиссаръ Ковенскаго воеводства. Рымвидъ.

НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНИЕ.

Управленіе гражданское Ковенскаго воеводства 23 ноября 1863 г. № 581. Ковно.

Организатору вооруженной силы ковенскаго воеводства.

Посылаю тебѣ, гражданинъ, подлинный приказъ и копию дневнаго приказа отдѣла въ Литвѣ и увѣдомляю о введеніи нѣкоторыхъ правилъ, принятыхъ отдѣломъ относительно военной администраціи.

Отдѣлъ новелѣваетъ давать солдатамъ отпуски только въ случаѣ распушенія отрядовъ; въ этомъ случаѣ, не имѣетъ никакой индигавиты. Если бы мѣстныя условія заставили начальника распушить вой отрядъ, то солдатамъ выдавать отпускные билеты, чтобы временный отпускъ отряда не имѣлъ вида совершеннаго распушенія войскъ. Это распоряженіе не касается общаго возстанія и правилъ наго не измѣняетъ. При этомъ отдѣлъ предупреждаетъ тебя, гражданинъ, что московской поручикъ Четвериковъ, намѣренъ проникнуть въ твой лагерь съ цѣлью предать тебя; для этого, кажется, онъ имѣетъ поддѣланный билетъ народнаго правленія. Будь остороженъ въ приемѣ вновь поступающихъ людей.

Воеводское гражданское правленіе увѣдомляетъ тебя, гражданинъ, что п. Яблонскій назначенъ народнымъ правленіемъ войско-

вынъ начальникомъ Ковенскаго воеводства, а до прибытія его, ты долженъ быть его намѣстникомъ.

Поручаемъ тебѣ, гражданинъ, разбитыхъ изъ партіи Литвака собрать подъ свое начальство; мы увѣрены, что они охотно примутъ дѣльное твое начальство. Посылаемъ братское привѣтствіе.

Гражданскій начальникъ Ковенскаго воеводства XX.

НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ правленія Литвы, для доставленія оружія и амуниціи.

На требованія твои, гражданинъ, о доставленіи свѣдѣній, относительно оружія, объясняю настоящее положеніе дѣла, которымъ занимается теперь отдѣлъ. Правленіе Литвы, заключило контрактъ на доставку 10,000 винтовыхъ штуцеровъ. Все приготовлено для принятія оружія, но не имѣю свѣдѣній съ кѣмъ мнѣ сносятся на границѣ, а потому не знаю какъ мнѣ исполнить возложенное на меня порученіе.

По настоящему положенію дѣла, слѣдуетъ съ твоей стороны, гражданинъ, исполнить слѣдующія условія:

1. Поддерживать частое сношеніе съ начальникомъ Россійскаго уѣзда, отъ котораго будутъ присылаемы нужныя свѣдѣнія.

2. Чтобы не повредить нашему предпріятію, не слѣдуетъ переходить за черту опредѣленную отъ Россіи до Ворни, потому что между чертой и границей должны приниматься транспорты съ оружіемъ.

На основаніи данной мнѣ инструкціи, предъ самимъ началомъ дѣла, потребую отъ тебя, гражданинъ, 20 или 30 человекъ испытанной отваги; нужныхъ для первоначальной экзекуціи и для конвоирования транспортовъ.

Привѣтствіе и братство Ор....

Начальнику вооруженной силы ковенскаго вѣдства,
офицера подбжескаго полка рапортъ.

Когда я разлучился съ гражданиномъ Д, осталось при мнѣ 6 солдатъ, а теперь набралось 16 и въ этомъ числѣ 1 конный, котораго я отправилъ къ Б. Офицеръ этотъ отправляется къ гражданину, для полученія наставленія что мнѣ дѣлать, потому что одни желаютъ домой, а другіе просятъ отправить ихъ къ Писарскому,

который въ недалеки отъ насъ расположился лагеремъ и собралъ продовольствіе съ окрестныхъ дворовъ. Въ этомъ же лѣсу находится разбиты послѣ блаженной памяти Людобронскаго и расположились обозомъ возлѣ меня подъ покровительствомъ Здановича, въ числѣ 30 человѣкъ. Людей бродить довольно, но нѣкому собрать — мало имѣютъ довѣрія. Теперь они шлятся кучами по деревнямъ и застенкамъ, грабятъ и собираютъ продовольствіе, на что жалуются помѣщики и просятъ принять противъ этого мѣры. Я болѣе людей не принимаю; трудно добывать продовольствіе, всѣ дворы поселянъ и помѣщиковъ пусты, даже ключницъ москали разогнали.

(безъ подписи).

Въ дополненіе къ своимъ показаніямъ, Мацкевичъ въ особенной запискѣ, представленной въ слѣдственную комиссію, изложилъ свои дѣйствія въ видѣ исповѣди, стараясь всѣми неправдами обвинять администрацію въ несправедливыхъ дѣйствіяхъ противъ крестьянъ, вызвавшихъ возстаніе. Вотъ нѣкоторыя извлеченія изъ его записки:

„Что зналъ навѣрное о томъ говорилъ какъ о вещи вѣрной, въ чемъ сомнѣвался о томъ говорилъ сомнительно; за тѣмъ могу еще сказать: люблю мою Литву, для нее я посвятилъ слабыя мои силы. Не питалъ я ничего дурнаго противъ Императора Александра II, ни противъ русскаго народа. Говорю это не изъ боязни наказанія, а по истинному моему убѣжденію, какъ человѣкъ сознающій свои дѣянія.

Возбуждая народъ къ возстанію, всегда и вездѣ я дѣйствовалъ лично, не прибѣгая къ пособію другихъ. Кромѣ воскресенія и пятницы, я постоянно былъ въ разъѣздахъ. Встрѣчалъ ли я крестьянина или кого нибудь изъ податнаго состоянія, первую мою заботой было распросить о его бытѣ и положеніи. Въ разговорѣ я давалъ почувствовать что причина его бѣдствій есть российское правительство и что прійдетъ то время, когда народъ, поднявшись поголовно освободится. Подобныя рѣчи не требовали повтореній, особенно если это говорилъ священникъ, репутація котораго утвердилась въ народѣ, тогда естественно рѣчи его расходились съ быстротою электричества. Зная это, я старался быть тѣмъ чѣмъ священникъ обязанъ быть, а мнѣ легко было перелить мои убѣж-

денія въ массу народа (1). Я старался посѣщать каждое собраніе народа! крестины, свадьбу, похороны, это были для меня мѣста пропаганды. А какъ это дѣлалось на основаніяхъ справедливости, то народъ вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что полиція и администрація правительства притѣсняла жителей. Кто честенъ, тотъ обиженъ, а негодяи въ милости (2). И такъ если былъ кто моимъ сотрудникомъ по части пропаганды, такъ это полиція и административное управленіе (3). Кромѣ того, помѣщики также много мнѣ содѣйствовали своимъ безчеловѣчнымъ обращеніемъ съ крестьянами. Поэтому если я говорилъ, что паны и вообще шляхта ихъ бичи и что дастъ Богъ, прійдетъ время, когда мы сокрушимъ этотъ бичъ, то народъ возносилъ къ небу руки и обѣщаль мнѣ общую свою помощь (4). Зная хорошо жмудскій языкъ и владея краснорѣчіемъ, я никогда не пропускалъ случая говорить проповѣди. Тутъ не было никому пощады: священникъ ли онъ, панъ, шляхтичъ, чиновникъ или, даже, крестьянинъ—я каждому указывалъ нагую правду и призывалъ къ исправленію; а въ награду предсказывалъ свободу моего отечества. Упраздненные монастыри и изгнанные монахи, служили мнѣ поводомъ къ обвиненію правительства; а мѣры противъ общества трезвости и разныя по этому поводу гоненія, были убѣдительнымъ доказательствомъ, что правительство не заботилось о моемъ народѣ,

(1) Въ этомъ случаѣ Мацкевичъ вполне высказался. Какая наглость!—бунтуетъ народъ и при этомъ говорить: «что онъ старался быть тѣмъ, чѣмъ священникъ обязанъ быть!» Къ несчастію большая часть ксендзовъ до революціи и во время возстанія дѣйствовали такъ, и убѣждены, что обязанность служителей олтареи заключается въ томъ, чтобы своихъ прихожанъ деморализировать, склоняя на самыя гнусныя преступленія, отравленіе, убійство, поджоги, клятвопреступленіе и проч.

(2) Говоря это, не о себѣ ли разумѣлъ Мацкевичъ.

(3) До революціи всѣ почти чиновники полиціи и присутственныхъ мѣстъ сѣв. зап. края были польскаго происхожденія, содѣйствовавшіе за одно съ ксендзами и панами польскому мятежу. Въ этомъ случаѣ Мацкевичъ совершенно правъ, говоря: «что по части пропаганды сотоварищами его были полиція и административное управленіе.

(4) Опять наглая ложь! послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Мацкевичъ не могъ увѣрить, что правительство не заботится о благосостояніи народа. Милостію Господаря, бичъ крѣпостной зависимости былъ уже сокрушенъ.

желало его безнравственности и слѣдовательно гибели (1). Вотъ мои товарищи и сподручники возстанія: угнетеніе народа административнымъ управленіемъ, полиціей и панами помѣщиками. Съ началомъ демонстрацій въ краѣ, я еще болѣе началъ трудиться, убавляя народу, что пришло время поголовнаго возстанія; а лишь только вспыхнулъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, я сказалъ нѣсколько проповѣдей, совершилъ молебствіе и назначилъ день возстанія. На мой призывъ, молодежь оставила своихъ родителей и собралась съ оружіемъ въ рукахъ и съ твердымъ рѣшеніемъ въ душѣ защищать *оичизну*. И такъ народъ по чувству религіи (*опять религія?*), а шляхта для заслугъ или просто по модѣ, послѣдовала за мною. Я долженъ добавить что такого успѣха достигъ я не сразу, но двѣнадцати-лѣтнимъ трудомъ. А если мнѣ повѣрятъ, скажу, что и санъ священника я принялъ съ цѣлью имѣть доступъ къ моему народу и болѣе имѣть права на его довѣренность (2).“

„Въ обществѣ пановъ я не былъ терпимъ за рѣзкую противъ нихъ правду, которую я высказывалъ громко, чтобы и лакеи слышали и знали, что я не щаю и господъ, и передавали бы слышанное прочимъ крестьянамъ. Все это сдѣлало меня въ краѣ популярнымъ и ко мнѣ начали стекаться такъ называемые патриоты. Докторъ Шилингъ пригласилъ меня къ партіи возставшихъ и мимо моего желанія, сдѣлалъ меня уѣзднымъ начальникомъ; но это длилось только нѣсколько дней. Около этого времени я познакомился съ Длускимъ, двумя какими то польскими эмиссарами (кто они не спрашивалъ), Кошышкоу, Толочкомъ и другими молодыми дворянами изъ Вильны и Ковно. Всѣ они не очень мнѣ довѣряли и выдумывали себѣ разныя названія и псевдонимы; но я еще болѣе поте-

(1) Правительство скорѣе можно обвинять въ снисхожденіи и довѣренности въ латинству. Съ 1854 до 1863 года, безъ разрѣшенія правительства въ сѣв. зап. краѣ построено 409 костеловъ. Воздвигались они, по большей части, среди православнаго населенія, съ явной цѣлью распространенія польской пропаганды. Изъ словъ Мацкевича видно, какою довѣренностью пользовалось р. к. духовенство, ксендзы повсемѣстно готовили возмутительныя проповѣди, развѣзжали по околицамъ и открыто бунтовали народъ противъ правительства.

(2) Какое извращеніе понятій! принять санъ священника, чтобы удобнѣе бунтовать народъ. Мацкевичъ въ этомъ случаѣ неслужить исключеніемъ, многіе ксендзы обвиняемые въ народномъ возмущеніи, показали тоже самое.

рялъ довѣріе шляхты, когда, въ Кейданахъ, на похоронахъ блаженной памяти ксендза Петрашента, произнесъ импровизированную рѣчь. Когда же пришло время возстанія, я призвалъ Кошышку, подъ названіемъ Рутковского, изъ Кейданъ, какъ конструктора и онъ въ нѣсколько дней, обучилъ 40 парней, въ томъ числѣ и меня необходимымъ воинскимъ эволюціямъ. Не довѣряя своимъ способностямъ, я желалъ остаться священникомъ, а для командирова- нія собраннымъ народомъ пригласилъ Длусскаго. Но онъ желалъ болѣе начальствовать надъ шляхтою и пренебрегая крестьянами передалъ начальство надъ ними мнѣ; вотъ почему я сталъ въ главѣ народа не только какъ пропагандистъ но и какъ военачальникъ. Оправдалъ ли я довѣріе, пусть рѣшить безпристрастный судъ.“

Кромѣ выше приведенной записки, Мацкевичъ писалъ еще два письма, на имя военного начальника Ковенскаго уѣзда, полковника Ватеранова. Вотъ онъ въ переводѣ съ польскаго.

I.

Господинъ полковникъ!

Обнадеженный самимъ истинно человѣческимъ вашимъ обхо- деніемъ, обращаюсь къ вамъ не какъ къ чиновнику, но какъ къ че- ловѣку съ сердцемъ и умомъ.

Чистосердечное мое сознаніе, ясно показываетъ, что по вашимъ законамъ, меня ожидаетъ строгая отвѣтственность. Искренность моихъ отвѣтовъ доказываетъ, что я не увертывался и если провинил- ся, то въ томъ только, что попалъ на фальшивую дорогу, но не на дурную. За тѣмъ укажите мнѣ зло и дайте время для исправленія. Желаніе людямъ *добра*, дало мнѣ возможность и силы *взбунто- вать народъ*, какъ для пробужденія въ немъ самосознанія, такъ и для рѣшенія вопроса, съ кѣмъ онъ желаетъ соединиться, съ Рос- сіей или Польшей? Это народное право уже существуетъ въ Евро- пѣ и не иначе могло быть заявлено какъ черезъ самоосвобожденіе, что добывается только войною, которая должна была вспыхнуть въ Литвѣ, при востаніи въ Царствѣ Польскомъ. Таковы были мои политическіе взгляды. Но какъ Литвѣ не достааетъ многихъ условій для самостоятельной революціи, то чтобы въ будущемъ, добиться чего нибудь, я и хотѣлъ массою помогать Польшѣ требовать отъ нея помощи для литовской революціи и тѣмъ сня- кать для народа хотя временное утвержденіе правъ обывателей и без-

платный надѣлъ земли, которой, въ будущемъ могъ бы улучшить народное благосостояніе. Скажите г. полковникъ, если въ этомъ какое посягательство на власть или желаніе возвыситься, въ чемъ меня обвиняютъ въ комисіи? Я не имѣлъ права, но я житель этой страны и, любя мою родину, полагаю, что въ этомъ заключается моя обязанность. Моихъ убѣжденій я не могъ высказать ни въ одномъ изданіи, развѣ только за границей, но и за это осудили бы меня также какъ и за возстаніе. Вы, г. полковникъ приказываете мнѣ, чтобы я высказалъ и открылъ моихъ соучастниковъ? Но гдѣ же они? Могъ ли я волновать шляхту, священниковъ или народъ? Говорю нѣтъ. Съ помѣщиками я не ладилъ потому, что видѣлъ въ нихъ старую польскую шляхту, враждебную народу. Кромѣ того она болѣе оказывалась польскою чѣмъ литовскою. На священниковъ я также не могъ понадѣяться, потому что во многихъ или фанатизмъ, ненавидящій все польское и шляхту, и готовыхъ все принести въ жертву Литвѣ чрезъ терроризмъ и совершенное ниспроверженіе общественнаго порядка, или пресмыкающихся у ногъ шляхетскихъ, или наконецъ, совершенно равнодушныхъ ко всему. Въ массѣ же неразвитаго народа, я не могъ составить заговорщиковъ, и потому такъ дѣйствовалъ, что бы онъ не зная о пропагандѣ, вѣрилъ только въ возстаніе въ Литвѣ, лишь только оно вспыхнетъ въ Польшѣ.

Были ли члены гражданскаго революціоннаго правленія я не зналъ и не находилъ нужнымъ знать. Говорили что въ главѣ комитета стоитъ графъ Андрей Замойскій, я и тѣмъ довольствовался. Въ провинціальныхъ комитетахъ засѣдаетъ молодежь, доктора, чиновники и профессора, вовсе непонимающіе дѣла и народной революціи. Эти люди пренебрегали нами даже въ то время, когда мы уже годъ старались, а потому и я, съ своей стороны, считалъ въ правѣ ихъ презирать — тѣмъ болѣе, что послѣдними приказами меня назначили люстраторомъ, потомъ организаторомъ и наконецъ воеводою. Но это назначеніе послѣдовало въ то время, когда нечего было осматривать, организовать и нечѣмъ распоряжаться. Когда я былъ назначенъ воеводою, я призналъ необходимымъ освѣдомиться объ организаціи гражданской и обратился къ шефу штаба за объясненіемъ, а онъ призналъ нужнымъ, чтобы я пробрался во Францію, гдѣ находится центральный комитетъ и просилъ бы тамъ совѣта относительно административныхъ гражданскихъ властей, съ которыми я долженъ сноситься, какъ вести войну. Того только не прибавилъ, что нынѣшній гражданскій комитетъ состоитъ изъ людей неспособ-

ныхъ, незнающихъ своихъ обязанностей и разбѣянныхъ по всей Литвѣ.

Однакожь кое что мнѣ было извѣстито, а именно: что нововѣжскимъ уѣзднымъ начальникомъ былъ какой то Центавръ, а окружнымъ Яскулка. Перваго я никогда не видалъ, а второй вручилъ мнѣ 576 р. с. и рекомендовался окружнымъ. Гдѣ же эти господа живутъ и кто они я не спрашивалъ. Отомъ, что Центавръ былъ уѣзднымъ, знаю изъ слѣдующаго обстоятельства. Начальникъ жандармовъ Домбровскій (Сова) доставилъ мнѣ сообщеніе того Центавра, для произведенія слѣдствія объ оскорбленіи отрядомъ Люткевича гражданской власти въ лицѣ окружнаго и уѣздныхъ начальниковъ. Я послалъ Люткевичу бумагу, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ объясненіе или самъ прибылъ. Но какъ въ это время отрядъ Люткевича былъ разбитъ и самъ онъ убитъ, то по этой причинѣ слѣдствіе не состоялось и я не могъ узнать ближе объ окружномъ и уѣздныхъ. От томъ что Мицевичъ окружной я узналъ изъ маршрута, которой имѣлъ при себѣ мой адъютантъ Хохловскій, означенный на этой же запискѣ приходскимъ, былъ прежде въ партіи воеводской, а потомъ ковенской. Имени его не помню; онъ былъ пещистъ, брюнетъ. Мицевичъ, кажется Болеславъ, сторбленный, брюнетъ, первоначально былъ въ моей партіи, послѣ битвы подъ с. Миланами, бѣжалъ и съ тѣхъ поръ я объ немъ ничего не слыхалъ. Вообще изъ надписей видно, что многіе изъ организаціи находятся въ Ковнѣ и Вильнѣ и сообщались съ нами черезъ мѣстныхъ жандармовъ, учрежденныхъ въ каждомъ уѣздѣ и городѣ.

Вотъ на сколько я знаю о гражданской организаціи и если бы зналъ болѣе, то изъ состраданія къ страдающему моему народу, судьба котораго уже рѣшена, выдалъ бы всякаго, будь онъ мнѣ хоть другъ, братъ или родственникъ.

Въ заключеніе добавлю: если я виновенъ, то въ томъ только, что пошелъ фальшивымъ путемъ. За тѣмъ, ваше дѣло, полковникъ, указать мнѣ настоящій путь, по которому я пойду съ удовольствіемъ. Вы указали мнѣ уголовный законъ, по смыслу котораго, я долженъ умереть, какъ начальникъ шайки и самовольно казнившій смертью. Но я не иначе приговаривалъ къ смерти, какъ приравливался къ буквѣ закона, по инструкціи для польскихъ войскъ и кодекса уголовного права. Разъ только, я самъ принялъ законъ на Урбановичѣ, другіе случаи наказаній происходили по приказанію правительственнаго комиссара или воеводскаго. Если я виноватъ, то

въ томъ только что не противился; но какъ этимъ я ничего не могъ сдѣлать, то и не препятствовалъ.

Обращаясь къ закону, вами мнѣ указанному, какъ бы то нибыло, хотя я оскорбилъ правительстко, но власть Монарха, исходящая отъ Бога, должна уподобляться Богу. Богъ виновныхъ своихъ дѣтей не караетъ вѣчною гибелью, развѣ если они не общаются исправленія. Если же хотятъ раскаяться — не отъѣмлетъ своей благодати, но прощаетъ, какъ самъ сказалъ: „что выше ставитъ покаившагося, чѣмъ того, который не имѣлъ надобности исправляться.“ Примѣняя это къ суду и сердцу Государя, со смиреніемъ ожидаю приговора.

2.

Еще пишу, г. полковникъ, и прошу васъ объ моемъ народѣ. Если хотите чтобы не повторялось то что было, переселите шляхту за Нѣманъ или дайте народу одни права съ шляхтою. Отъ чего Литва рвется къ Польшѣ? Отъ того что соединилась въ нею не по принужденію, а добровольно (1). Дайте Литвѣ намѣстничество, пусть кто либо изъ великихъ князей поселится въ Вильнѣ и въ то время спросите: хочетъ ли Литва соединиться съ Польшей или Россіей? Въ настоящее время, если хотите прекратить возстаніе, пришлите кого нибудь повліятельнѣе и общайте амнистію, разумѣется не такую какъ мнѣ. Обратите также вниманіе на дѣсниковъ, они пособляя мятежникамъ, дѣлаютъ только бѣду моего народа. Вотъ послѣднія мои желанія и предположенія.

Почему вы, г. полковникъ, не донесли Государю, что я прибѣгаю къ отческому Его сердцу? Много съ того выйдетъ пользы, если убьютъ меня? Не болѣе ли приобрѣли бы вы славы, чтобы даровали мнѣ время для исправленія, какъ человѣку который пошелъ по фальшивой дорогѣ, но который ничего не сдѣлалъ злаго по желанію. Г. полковникъ, если есть средство сохраните мнѣ жизнь. Прошу васъ, полковникъ, сохраните мнѣ жизнь, а я буду вѣрно-подданнымъ Государя.“

Въ конфирмаціи, въ заключеніи сказано: „Временный Полевый Авдиторіатъ, призналъ подсудимаго ксендза Антонія Мацкевича виновнымъ въ принятіи самаго дѣятельнаго участія въ мятежѣ,

(1) Мацкевичъ, какъ большая часть поляковъ, не знаютъ своей исторіи. Литва была присоединена къ рѣчи посполитой насиліемъ и ухищреніями.

при чемъ еще до начала возстанія въ краѣ, онъ распространялъ въ народѣ революціонныя идеи и потомъ первый поднялъ знамя возстанія въ Литвѣ и, сформировавъ шайку, сдѣлался ея предводителемъ, прошелъ по разнымъ мѣстамъ Ковенской губерніи, вступалъ въ стычки съ войсками и возбудилъ мѣстное населеніе къ мятежу какъ словами убѣжденія, такъ мѣрами насилія и убійствомъ лицъ, несклонявшихся на сторону революціи, а наконецъ всѣми силами содѣйствовалъ успѣху возстанія, какъ въ званіи люстратора мятежничьихъ шаекъ, и въ послѣдніе дни возстанія, въ званіи организатора и главнаго начальника мятежничьихъ силъ Ковенской губерніи.

Посему Временный Полевой Аудиторіатъ полагаетъ подсудимаго ксендза Мацкевича, какъ принадлежащаго, по важности его преступленія, совершеніемъ убійствъ, къ 1-й категоріи преступниковъ, указанныхъ въ Высочайше утвержденныхъ 11 мая 1863 г. правилахъ, о порядкѣ наложенія взысканія на мятежниковъ, въ основаніи 3 пункта этихъ правилъ и согласно съ приговоромъ военнаго суда, — казнить смертию повѣшеніемъ.

Конfirmaція надъ ес. Мацкевичемъ приведена въ исполненіе 16 декабря въ 11 часовъ утра. Онъ былъ повѣшенъ въ Ковнѣ на площадѣ у вилеомірскаго шоссе, при стеченіи огромнаго числа народа — горожанъ и поселянъ изъ околныхъ деревень.

Народонаселеніе Ковенской губерніи, особенно въ Поневѣжскомъ, Новоалександровскомъ и Вилеомірскомъ уѣздахъ, до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаютъ о набѣгахъ, насиліяхъ и неистовствахъ ес. Мацкевича. Въ рѣдкой семьѣ не оплакиваютъ сына или отца, влѣтыхъ въ шайку обманомъ или насиліемъ, а потомъ убитыхъ или посланныхъ въ Сибирь. Всѣ селенія и застѣнки прилегающіе къ гѣсамъ, въ которыхъ укрывались шайки, ограблены и разорены; а сколько, кромѣ того, выселено семействъ въ Самарскую губернію, за открытое и упорное участіе въ мятежѣ и укрывательство повстанцевъ.

Жалокъ тотъ народъ, который имѣетъ пастырей подобныхъ Мацкевичу, затруднительное положеніе и того государства, гдѣ подъ фирмою христіанской религіи, гнѣздится латино-польская пропаганда, вырабатывающая, съ избыткомъ, личности подобныя Мацкевичу.

А. Стороженко.

Вильно. 1866 г.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

ОСВЯЩЕНІЕ ПОСТРОЕННЫХЪ И ЗАКЛАДКИ НОВЫХЪ ЦЕРКВЕЙ И ЧАСОВЕНЬ.

1.

Свенцянской благолинный доноситъ въ литовскую консисторію, что вновь построенная кладбищенская гангутская церковь освящена имъ по чиноположенію святой церкви 3 числа мин. іюля мѣсяца, съ сослужившими четырьмя священниками и діакономъ, при собраніи народа въ количествѣ около двухъ тысячъ душъ.— Мѣстнымъ священникомъ Іудіаномъ Балицкимъ произнесено было приличное событію слово.

Тотъ же благочинный рапортуетъ консисторіи, что 1) вновь устроенная часовня въ свенцянской военно-временной больницѣ освящена имъ по чиноположенію святой церкви 26 числа прошлаго іюня мѣсяца, при бытности военного начальника г. Свенцянь и уѣзда, исправляющаго должность свенцянскаго уѣзднаго предводителя дворянства Львова, многихъ чиновниковъ, служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ города Свенцянь, при немаломъ числѣ больныхъ, явившихся въ часовню изъ камеръ больничныхъ и при немаломъ стеченіи прочаго народа, и 2) часовня эта устроена на пожертвованія собранныя смотрителемъ больницы Судовцовымъ и гваріемъ Бокщанскимъ,— въ комнатѣ больничнаго дома— довольно обширной и прилично для того приготовленной.

2.

Высоколитовскій благочинный доноситъ консисторіи что освящена имъ *Рослянская* деревянная церковь, при собраніи многочисленнаго народа.

3.

Селецкій благочинный доноситъ консисторіи, что имъ совершено, 23 апрѣля, освященіе вновь отстроенной кладбищенской безезской церкви, по чиноположенію церковному; — постройка означенной церкви, по показанію мѣстнаго церковнаго совѣта, обошлась прихожанамъ въ 456 рублей.

Закладка церкви въ м. Лебедевѣ.

Вотъ, что сообщаютъ объ этомъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» «Не такъ давно мы были свидѣтелями народнаго торжества по случаю закладки церкви во имя св. Александра Невскаго въ м. Лебедевѣ, Вилейскаго уѣзда.

М. Лебедево лежитъ на почтовомъ трактѣ, между Минскомъ и Вильною, въ 11-ти верстахъ отъ станціи Молодечны; оно не отличается ничѣмъ отъ другихъ еврейскихъ мѣстечекъ въ здѣшнемъ краѣ: та же невѣроятная грязь на узкихъ улицахъ и площади, тѣ же со всѣхъ сторонъ ветхія еврейскія лачуги, корчма, двѣ-три мелочныя лавочки и нѣсколько узенькихъ улицъ съ такими же потертѣвшими и ветхими строеніями— вотъ все, что увидить проѣзжающій, если только захочетъ обратить вниманіе. Только болѣе наблюдательный глазъ замѣтитъ нѣсколько возвышающуюся изъ за строеній, окружающихъ площадь, потемнѣвшую отъ времени крышу съ крестомъ наверху—это православная церковь. Осматривая ее снаружи, вы не найдете въ ней того характера, который мы привыкли видѣть въ каждомъ изъ приходскихъ храмовъ нашей мирной сельской Россіи. Церковь эта не располагается такъ привольно на бархатномъ лугу, среди окружающихъ ее зеленѣющихъ березъ и липъ, ея куполы не возвышаются подъ облака, ея золоченый крестъ не блеститъ въ солнечное утро и торжественный звонъ ея колокола не раздастся въ свѣтлыхъ избахъ отдаленныхъ прихожанъ. Вы видите передъ собой низкое строеніе, темный крестъ, зелень и мохъ на крышѣ.... Вообще, она похожа скорѣе на кладбищенскую церковь небогатыхъ поселянъ, отодвинутую куда нибудь въ незамѣтный уголокъ, убогую, всѣми забытую до того времени, когда придется въ ней кому нибудь слезно помолиться и, пропѣвъ «со святыми упокой», проводить своего пріятеля въ холодную могилу.

Но вотъ 9 мая Лебедево какъ будто оживилось.

Съ ранняго утра православный людъ и пѣшкомъ, и верхомъ, и въ телѣжкахъ началъ стекаться со всѣхъ сторонъ въ мѣстечко, и скоро въ разныхъ мѣстахъ площади появились пестрыя группы прихожанъ, которые, не смотря на холодный порывистый вѣтеръ и падавшій снѣгъ, собравшись въ веселые кружки, толковали между собой въ ожиданіи призыва на мѣсто закладки новой церкви. Къ десяти часамъ утра начали съѣзжаться члены комитета и прочіе мѣстные чиновники, желавшіе быть свидѣтелями закладки: пріѣхалъ мировой посредникъ, окружной акцизный надзиратель г. Чириковъ, съ помощникомъ своимъ г. Ермалинскимъ, предводитель дворянства г. Снитко, вилейскій исправникъ г. Елагинъ, капитанъ

сандармовъ г. Шишкинъ, а наконецъ и военный начальникъ подполковникъ Малевскій-Малевичъ.

Недолго православные ожидали призыва къ молитвѣ: часу въ одиннадцатомъ раздался звонъ колокола и все тихо потянулось по направлению къ старой церкви. Мы также имѣли случай побывать, въ числѣ прочихъ, въ этой церкви и, къ сожалѣнію, намъ сдѣлалось грустно, когда мы увидѣли передъ собой голыя стѣны и низкій, давно выбѣленный, иконостасъ съ двумя только образами. Судя по количеству собравшагося народа, церковь не терпитъ недостатка въ прихожанахъ. Чему же приписать эту бѣдность храма: малой-ли къ о немъ заботѣ, или обстоятельствамъ времени?.. Но оставимъ это въ сторонѣ. Мы пріѣхали посмотреть на закладку новаго храма и были очень довольны, что намъ удалось помолиться въ старой церкви такою теплою молитвою, какою давно не молились, странствуя по мѣстечкамъ и уѣзднымъ городамъ здѣшняго края. Горжественное соборное богослуженіе, совершенное молодецкимъ благочиннымъ и двумя священниками, — лебедевскимъ и носилковскимъ, сопровождаемое стройнымъ пѣніемъ хора пѣвчихъ учительской молодецкой семинаріи, какъ нельзя болѣе соответствовало общему настроенію духа. Каждому хотѣлось сложить предъ алтарь свою усердную молитву, и каждый, казалось, переносился и мыслию, и сердцемъ въ небесную обитель, позабывая все земное и глубоко благговѣя предъ словомъ евангельской правды и предъ тихой гармоніей божественныхъ пѣсней... По окончаніи литургіи, прихожане подняли образа и хоругви, и все общество отправилось на площадку, гдѣ предполагалось начать воздвиженіе новой церкви.

Мѣсто для постройки этой церкви выбрано довольно удачно: твердый жироватый грунтъ достаточно крѣпокъ, чтобъ выдержать давленіе стѣнъ, а ровная и нѣсколько возвышенная площадка переноситъ приходской храмъ на гораздо выгоднѣйшее мѣсто сравнительно съ прежнимъ.

Планъ церкви былъ уже означенъ на мѣстности рвами, площадка разчищена и обставлена рядомъ зеленыхъ березъ. Духовенство, пѣвчіе, члены комитета и мѣстные чиновники помѣстились внутри будущаго храма, а народъ окружалъ со всѣхъ сторонъ ямы. По окончаніи молебствія съ колѣноприклоненіемъ, на мѣстѣ будущаго алтаря былъ водруженъ крестъ, украшенный зелеными вѣнками, наконецъ, о. благочинный, Кириллъ Троянъ, сказавъ православнымъ проповѣдь, вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ по сдѣланнымъ ступенькамъ спустился въ ровъ и положилъ первый камень въ основаніе храма; за нимъ послѣдовали председатель комитета и члены. Прихожане, придвинувшись къ рвамъ, съ любопытствомъ смотрѣли на это начало постройки.

По совершеніи закладки храма, всѣ присутствующіе отправились къ старой церкви, чтобъ выслушать благодарственный молебенъ

за Государя Императора и Царствующей домъ. Не надо говорить, что народъ, воодушевленный началомъ обновленія своего прихода—этимъ живымъ доказательствомъ заботы и попеченій о немъ правительства, съ умилениемъ возсылалъ свои молитвы къ Создателю и спѣшилъ пасть ницъ, когда хоръ пѣвчихъ молодецкой семинаріи дружно и стройно запѣлъ «многая лѣта».

Пять шесть дней тому назадъ мы имѣли случай видѣть работы по этой церкви. Фундаментъ уже оконченъ, и положено начало стѣнамъ. Надо надѣяться, что при томъ усердіи и трудѣ, съ какими занимается вилейскій комитетъ постройками, лебедская церковь въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ окончена.

— 06%.

Б.

Свендцкій благочинный рапортуетъ въ консисторію, что, на основаніи даннаго разрѣшенія, 5 іюля освящена имъ, по чиноназначенію церковному, закладка новой каменной церкви въ селѣ Доботовѣ, въ сослуженіи четырехъ ближайшихъ священниковъ, при бытности военнаго начальника города Свендцянъ и уѣзда, мирового посредника Потапова, уѣзднаго исправника маіора Шпеера, приставовъ 3 и 4 стана, при стеченіи народа православнаго и иновѣрнаго, въ количествѣ болѣе пятисотъ душъ.

Исправляющій должность радомковскаго благочиннаго донесъ консисторіи, что 21 мая, въ селѣ Роговѣ заложена каменная церковь, во имя Равноапостольныхъ Царей Константина и Елены.

Исправляющій должность мядзіольскаго благочиннаго донесъ консисторіи, что 11 числа іюня совершена имъ съ духовенствомъ мядзіольскаго благочинія закладка въ с. Маньковичахъ новой каменной церкви во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а 13 числа при деревнѣ Слободѣ, во имя святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго; на этихъ обонхъ торжествахъ, при многочисленномъ стеченіи народа безъ различія вѣроисповѣданій изъ всѣхъ окрестныхъ приходовъ, присутствовали гг. военный Вилейскаго уѣзда начальникъ, мировые посредники 1 и 2 участковъ, чиновникъ палаты государственныхъ имуществъ, предсѣдатель коммисіи Павловскій и приставъ 3 стана.

Деречинскій благочинный донесъ консисторіи, что въ 21 день мѣсяца іюня, въ м. *Езерницъ*, при многочисленномъ стеченіи народа изъ мѣстнаго прихода и сосѣдствующихъ, въ присутствіи гг. военнаго начальника города Слонима, исправника, мирового посредника 2-го участка и уѣзднаго архитектора, послѣ божественной литургіи въ приписной церкви въ деревни Збучной и крестного хода на мѣсто приготовленное къ основанію церкви, была уч-

ена, слонимскимъ благочиннымъ протоіереемъ Іосифомъ Соловьевемъ, въ сослуженіи его благочиннаго и трехъ священниковъ окрестныхъ церквей,— закладка каменной церкви во имя Святаго Николая, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была прежняя деревянная. При концѣ священнодѣйствія священникъ порѣдкой церкви Александръ Горячко произнесъ назидательное поученіе, причное случаю и времени; по совершенномъ же отпустѣ, провозглашено было многолѣтіе Благостивѣйшему Государю Императору и Всему Августѣйшему Дому, святѣйшему правительствующему синоду и митрополиту литовскому и виленскому Іосифу; также и главному начальнику сѣверо-пападнаго края.

6.

о закладкѣ часовни въ забржезскомъ приходѣ, опшмянскаго уѣзда, виленской губерніи и о пожертвованіяхъ на сооруженіе оной.

Сообщаемъ объ этомъ извѣстіе, полученное отъ мѣстнаго священника Игнатія Мороза, который пишетъ слѣдующее: въ 95 верстахъ отъ города Вильны, въ Опшмянскомъ уѣздѣ, въ приходѣ заезской Преображенской церкви, 23 апрѣля сего 1866 года слѣдана закладка каменной часовни во имя св. Побѣдоносца Великочленка Георгія. Конечно, закладка молитвеннаго дома Божія достна для сердца всякаго православнаго христіанина, въ камъ бы мѣстѣ этотъ домъ Божій ни былъ сооруженъ; но радость и тѣмъ болѣе отрадна для западно-русскаго—православнаго народа, что закладка часовни православной въ здѣшней странѣ—явленіе довольно рѣдкое. Если же объяснить причины, побудившія съ къ постройкѣ каменной часовни во имя св. Георгія, а не другою святаго; то въ сердцѣ всякаго православнаго христіанина возникнетъ еще болѣе благодарное чувство любви къ Богу, дивново святыхъ своихъ и утверждается вѣра въ предстательство ихъ о насъ грѣшныхъ.

По прибытіи моемъ въ 1855 году на приходъ, собираются ко мнѣ 26 ноября крестьяне деревни Демиловичъ и просятъ отслушать обѣдню и молебень св. Георгію за здравіе свсе и скота, съ есть обычай. Я, какъ и слѣдовало, исполнилъ ихъ желаніе; но замѣтилъ, что всѣ молятся съ большимъ благоговѣніемъ, жели обыкновенно, почти всѣ молящіеся ставятъ свѣчи предъ иконой св. Георгія и проч., сущности же дѣла не зналъ и ничего особеннаго не предполагалъ. На другой годъ въ этотъ же самый мѣсяцъ, повторилось то же, но мнѣ опять ничего особеннаго не предвидѣлось. Но когда уже и на третій годъ, 26 ноября случилось то же, то я подумалъ, что, вѣроятно, есть тому какая нибудь важ-

ная причина, что народъ придерживается одного числа, въ году, тѣмъ болѣе, что этотъ будничныи день народъ празднуетъ, какъ какойнибудь большой праздникъ. И вотъ, спросивъ стариковъ—прихожанъ о причинѣ празднованія ими этого дня, я услышалъ слѣдующий разсказъ:

Мы люди неграмотные, говорили дѣды, и года не помнимъ, а только хорошо помнимъ и знаемъ то, что въ нашей деревнѣ Денидовичахъ всѣми нами видѣнъ былъ доблестный воинъ, проѣзжавшій на сивой лошади и останавливавшійся при одномъ деревѣ, которое мы съ тѣхъ поръ называли сивая группа: мѣсто это знаютъ даже наши дѣти и внуки. Видѣнне это представлялось взорамъ нашимъ нѣсколько дней, и мы не знали сами, что намъ дѣлать потому именно, что когда придемъ на мѣсто, гдѣ проѣзжаетъ доблестный воинъ, то нѣтъ никого,—воротнися назадъ въ деревню, опять видѣнне представляется всѣмъ и каждому въ томъ же видѣ. Это даже очень встревожило насъ и наводило какой то страхъ на всѣхъ; но мы, кромѣ крестнаго знаменія и усердной молитвы, болѣе ничего не дѣлали и во всемъ положились на волю Божію. И дѣйствительно, сила молитвы сильнѣе всего на свѣтѣ, потому что она въ связи съ силою божественной!—Вотъ, Богъ,—видно,—выслъ нашей молитвъ; послѣ сверхъестественнаго видѣнія, поразившаго всѣхъ жителей деревни своимъ необыкновеннымъ явленіемъ и возбуждавшаго въ сердцахъ богобоязненныя чувства,—вскорѣ въ сонникъ видѣннѣ, представился тотъ же доблестный воинъ и въ томъ же видѣ, одному благочестивому крестьянину этой же деревни, по имени Антону Бобылю, уже нынѣ покойному, и говорить ему: Я избралъ вашу страну мѣстомъ своего пребыванія и хочу быть вашимъ защитникомъ и покровителемъ.—Въ городѣ Вильнѣ, при первомъ стробрамскомъ костелѣ, находится образъ Великомученика Георгія, но онъ тамъ не нуженъ; а потому вы купите эту икону такъ: но только отдайте ее въ православную церковь, а не римско-католическій костелъ; чѣмъ сновидѣнне и кончилось.—Старикъ на другой день разсказалъ объ этомъ сновидѣннѣ всѣмъ жителямъ деревни, которые, послѣ долгихъ между собою собесѣданій, рѣшили собрать, во всякаго двора, по нѣсколько рублей для покупки образа, а если это не устроится, то собранныя деньги—отдать на молитвословія въ городѣ Вильнѣ. Какъ порѣшили, такъ и дѣлали. Собравъ нѣсколько рублей денегъ и выбравъ изъ среди себя лучшихъ домохозяевъ, отправили въ Вильну для приведенія въ исполненіе своего приговора.—Посланныя лица прибыли въ Вильну, дѣйствительно нашли святую икону въ томъ мѣстѣ, какъ видѣлось во снѣ старнику и въ томъ видѣ, какъ видѣлось всѣмъ жителямъ деревни на конѣ и при деревѣ. Посему, съ невыразимою радостію купивъ оную икону и обновивъ ее по возможности, привезя въ свою деревню, водрузили на сивой группѣ, гдѣ было видѣнне, и отслуживъ тамъ молебень святому Побѣдоносцу Георгію, съ крестнымъ ходомъ, перенесли святую икону въ свой убогій храмъ.

з икона сія находится и до настоящаго времени и отъ нея по-
 ется помощь всѣмъ, съ вѣрою притекающимъ къ св. угоднику
 жию. Болѣе никакаго торжества никогда не было совершаемо;
 жители деревни Демидовичъ постановили разъ навсегда, и за-
 щали своему потомству, праздновать день перенесенія святой
 оны въ свой храмъ, до скончанія вѣка, дабы преданіе объ этомъ
 дномъ явленіи св. Георгія переходило изъ рода въ родъ. Это
 вериается и по нынѣ 26 ноября, въ каковой день всѣ жители
 ревни спѣшатъ въ храмъ Божій вознести теплыя молитвы къ По-
 телю всѣхъ благъ, Трору небесному и Его угоднику, святому
 бѣдоноспу и чудотворцу Георгію.

Узнавъ подробно о такомъ благодатномъ событіи, я вскорѣ
 спѣшилъ рассмотреть и разузнать все мною слышанное, на са-
 омъ томъ мѣстѣ, гдѣ было видѣніе, и внушилъ крестьянамъ по-
 авить на томъ мѣстѣ честный крестъ Господень; а въ глубинѣ ду-
 и своей утвердилъ мысль—построить на столь многознаменатель-
 омъ мѣстѣ часовню, дабы такія замѣчательныя событія неизглажи-
 лись изъ памяти людей и служили бы яснымъ доказательствомъ
 ого, что чудодѣйственная, спасительная благодать Божія неосудѣ-
 аемо пребываетъ въ св. церкви православной. Но желанія своего
 долго, долго не могъ привести въ исполненіе, потому что нужды
 риходской церкви, до крайности убогой, обращали на себя все
 ое вниманіе и тяготили мою душу. Въ настоящее же время, ког-
 а главныя нужды церкви покрылись щедротами Государя Им-
 ератора и другихъ благотворительныхъ лицъ, преимущественно
 е щедротами капитана гвардіи князя Н. А. Оболенскаго, пожер-
 вовавшаго, въ продолженіи сихъ двухъ лѣтъ, въ пользу забрез-
 кой церкви, деньгами и церковными вещами, на сумму 400 руб. се-
 ебромъ; то я рѣшился приступить къ постройкѣ, давно задуманной
 иною, часовни въ честь св. Георгія.— Пользуясь довѣренностію и
 расположеніемъ князя Оболенскаго, я открылъ этому воину христо-
 любивому то, что давно таилось въ глубинѣ моей души и успѣлъ
 привлечь на свою сторону своихъ прихожанъ; христоробивый князь
 южертвовалъ 167 рублей на постройку часовни во имя св. Георгія
 а прихожане довершаютъ это святое дѣло. Торжественная заклад-
 ка часовни совершена была мѣстнымъ благочиннымъ священникомъ
 А. Адамовичемъ, въ сослуженіи сосѣднихъ священниковъ, діакона
 и при многочисленномъ стеченіи народа.

(Лит. Эпар. Вѣд.).

7.

ЗАЛОЖЕНІЕ НОВОЙ КАМЕННОЙ ЦЕРКВИ въ с. узьменахъ (дисненскаго уѣзда).

Вотъ, что сообщаетъ объ этомъ священникъ чересской церкви,
 о. Іоаннъ Василевскій. Наконецъ и Дисненскій уѣздъ выступаетъ

съ церковно-строительною дѣятельностію. 26-го числа мѣсяца мая сего 1866 года, мы торжествовали первую закладку церкви, въ честь святителя Николая Чудотворца, въ селеніи Узьменахъ, Дисненскаго уѣзда. О времени закладки дисненскій уѣздный комитетъ извѣстилъ священника узьменской церкви Виктора Юревича, который въ свою очередь увѣдомилъ и просилъ окрестное духовенство прибыть для соборнаго служенія и освященія закладки. Закладку освящали чересской церкви священникъ Іоаннъ Василевскій съ священникомъ леонпольской церкви Александромъ Бартошевичемъ, григоровицкой—Конскантинномъ Усаковскимъ и діакономъ леонпольской церкви Стефаномъ Косецкимъ. Во время молитвословій надъ закладкою, въ выдолбленный камень положено было присутствующими много серебряныхъ монетъ, которыя были прикрыты латунною плиткою съ должною надписью, а поверхъ—другимъ камнемъ и залиты известью. По освященіи закладки, къ народу сказано было священникомъ Василевскимъ поученіе, послѣ чего провозглашены обычныя многолѣтствія. Торжество поучествовали посѣтити предсѣдатель комитета г. военный начальникъ, подполковникъ Даниловъ, гг. мировой посредникъ—Васенко; капитанъ жандармовъ—Дункель, дисненскій исправникъ—Луквицъ и судья Дисненскаго уѣзднаго суда—Боровскій. Старая церковь узьменская, во время Литургій, переполнена была богомольцами въ числѣ коихъ много было крестьянъ сосѣднихъ приходоу чересскаго, леонпольскаго и григоровицкаго, стекшихся возслать общія молитвы о ниспосланіи благословенія на мѣсто, избранное для новаго храма Божія. Ближайшій надзоръ за постройкою новозауженной церкви дисненскимъ комитетомъ порученъ капитану жандармовъ Дункелю, и по началу, вполне удовлетворительному во всѣхъ отношеніяхъ, по ревностной заботливости г. Дункеля, можно надѣяться на успѣшность, прочность и добросовѣстность начатаго дѣла.

8.

ЗАКЛАДКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ МОЛОДЕЧНѢ.

Велика наша матушка Россія,—и хотя она раскинулась на необъятномъ пространствѣ, но держится крѣпко и стройно, а все оттого, что связана-то она крѣпко—одними чувствами любви и преданности къ престолу и отечеству, да вѣрой православною! Такія мысли приходили мнѣ въ голову, когда случай привелъ меня быть участникомъ въ торжествѣ закладки православной церкви во имя угодника Божія св. Николая чудотворца въ м. Молодечнѣ. Это было 27 іюля въ день Тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы и, слѣдовательно, какъ нельзя болѣе приличный для настоящаго торжества. Около 10-ти часовъ утра народъ

уже толпился на площади, гдѣ предполагена была постройка храма; не смотря на самую горячую теперя пору для полевыхъ работъ, крестьянъ изъ окрестныхъ сселеній, мушницъ и женщинъ, собралось довольно много. Когда началась литургія въ церкви при молодецненской учительской семинаріи, всѣ мы: военный начальникъ Малевскій-Малевичъ, уѣздный предводитель дворянства Снитко, предсѣдатель мирового съѣзда Павловскій, мировые посредники Саковничъ, Ассауленко и другіе чиновники, прибывшіе изъ Вилейки и мѣстные поспѣшили въ церковь, въ которой по тѣснотѣ весь народъ помѣститься не могъ, многіе изъ крестьянъ оставались на дворѣ. По выслушаніи обѣдни и молебствія по случаю Тезоименитства Ея Величества, отсюда отправились мы съ крестьянмъ ходомъ на мѣсто закладки храма. Впереди нѣсколько крестьянъ несли церковныя хоругви, духовенство—четыре священника и два діакона въ полномъ облаченіи, со крестомъ и евангеліемъ, довольно стройное пѣніе небольшого хора, составленнаго изъ крестьянскихъ мальчиковъ (1), пестрая толпа крестьянъ мушницъ и женщинъ въ праздничныхъ нарядахъ, замыкавшія процессію, раскинувшіяся на большомъ протяженіи улицъ, все это при звонѣ колоколовъ, въ прекрасный іюльскій день придавало ей видъ торжественности. Когда же процессія остановилась, то въ срединѣ пространства, окопаннаго глубокими ямами для фундамента, подъ зданіе храма помѣстилось духовенство съ клиромъ и началось молебствіе. Здѣсь опять умильное зрѣлище: это водруженіе священнослужителями простаго деревяннаго креста, украшеннаго вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ, на мѣстѣ, предназначеномъ для алтаря создаемаго храма, этотъ народъ колѣнопреклоненный и молящійся, когда провозглашалось многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, когда потомъ каждый изъ присутствовавшихъ русскихъ чиновниковъ, слѣдуя православному обычаю, клалъ свою монету подъ первые камни церковнаго фундамента; многіе изъ крестьянъ наперерывъ спѣшили исполнить этотъ священный обычай. Произнесена при этомъ случаѣ мѣстнымъ священникомъ благочиннымъ, о Кирилломъ Троляномъ рѣчь замѣчательная по своему патріотическому направленію; въ ней, объяснивъ значеніе настоящаго торжества, онъ кратко, но весьма кстати и вразумительно сказалъ въ назиданіе крестьянамъ, какъ они должны быть глубоко признательны ко всѣмъ великимъ благодѣяніямъ своего Царя Освободителя. Между прочимъ упомянулъ онъ здѣсь, что эта закладка не первая, но уже десятая въ Вилейскомъ уѣздѣ, и что онъ во всѣхъ дѣлахъ церкви встрѣчалъ самое искреннее сочувствіе и содѣйствіе со стороны военнаго начальника г. Малевскаго-Малевича. По тому сосредоточенному вниманію, съ которымъ народъ слушалъ поученіе своего пастыря, видно было, что

(1) Воспитанники семинаріи на вакацію разъѣхались по домамъ. *Ред.*

о. Кириллъ владѣеть словомъ доступнымъ пониманію и сердцу крестьянина.

Отрадно было все это слышать и видѣть, потому что наши доброжелатели не дремлютъ; только единодушіемъ и энергическимъ содѣйствіемъ другъ другу мы можемъ тайныя козни ихъ дѣлать ничтожными и достигать желанныхъ цѣлей.

По окончаніи молебствія и по освященіи закладки, крестный ходъ возвратился въ церковь. Послѣ чего военный начальникъ пригласилъ крестьянъ къ столамъ, разставленнымъ на площади, гдѣ приготовлена была для нихъ вода и закуска. Войдя въ средину собравшихся къ столамъ крестьянъ и наливши чарку воды, г. Малевскій-Малевичъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государа Императора. Громкое и восторженное «ура» раздавалось на площади; потомъ провозгласилъ онъ тостъ за здоровье Августѣйшей императрицы, Государыни Императрицы и тоже повторилось громкое и единодушное «ура». За обѣдомъ,— къ которому приглашены были все духовенство, военный начальникъ Малевскій-Малевичъ, предводитель дворянства Снитко, предсѣдатель мирового съѣзда Павловскій, членъ повѣрочной комиссіи Сперанскій, мировые посредники Саковничъ и Ассауленко, вилейскій уѣздный почтмейстеръ Масловъ, начальникъ уѣздной команды капитанъ Павленковъ и другіе, изъ числа присутствовавшихъ на торжествѣ,— провозглашены были опять тосты за здоровье Государа Императора и Государыни Императрицы. Такъ какъ домъ, въ которомъ происходилъ этотъ обѣдъ, былъ на той же площади, гдѣ расположились за столами крестьяне, и окна были открыты, то наше единодушное «ура» подхватили крестьяне, и прокричали его по нѣскольку разъ, бросая вверхъ свои шапки. Провозглашенные нами здѣсь тосты за здоровье его сиятельства графа Михаила Николаевича Муравьева и его высокопревосходительства Константина Петровича фонъ-Кауфмана сопровожались такими же криками «ура» и въ домѣ и на площади.

Надобно замѣтить, что въ числѣ крестьянъ было много только что обращенныхъ въ православіе р. католиковъ, но всѣ—и старые и новые православные, всѣ они, какъ одна семья, отъ души веселились,— одни, составивши кружки, распѣвали свои народныя пѣсни, другіе—молодыя бабы и дѣвушки съ парнями то и дѣло пускались въ пляски, и веселыя пѣсни ихъ раздавались до поздняго вечера.

Такъ мы отпраздновали 27-го іюля въ м. Молодечнѣ, въ этой глуши, среди пустынныхъ болотъ и лѣсовъ; но изъ этого захохотала и вынесъ самыя пріятныя впечатлѣнія.

И. С.

31-го іюля 1866 г.

НАСТОЯЩЕЕ ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО.

Въ № 57 газеты *Вѣсть* корреспондентъ ея изъ Тамбовской губерніи г. Г. Бланкъ заключаетъ свою корреспонденцію воззваніемъ, чтобы насъ избавилъ Богъ отъ кое какого банка, особенно иностраннаго, отъ *непрочнаго* кредита и отъ распродажи нашего дворянскаго благороднаго званія. Желанія эти вызваны въ немъ совѣтами виленскаго корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей*, который убѣждаетъ, какъ можно скорѣе, устроить здѣсь землевладѣльческій банкъ, и чтобы привлечь въ нашъ край болѣе покупателей, то при извѣстныхъ условіяхъ, совѣтуетъ предоставлять имъ права потомственнаго дворянства. Послѣдній совѣтъ мотивированъ корреспондентомъ *Московскихъ Вѣдомостей* тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь дворянское достоинство не составляетъ такой рѣдкости, какъ внутри Россіи. Здѣсь, благодаря бывшимъ безурядицамъ шляхетско-польскаго владычества, вы на каждомъ шагу встрѣчаете дворянъ въ самыхъ низкихъ должностяхъ: здѣсь множество извозчиковъ, лакеевъ и дворниковъ изъ потомственныхъ дворянъ. Удобно-ли же будетъ крупному русскому землевладѣльцу не пользоваться почетнымъ титуломъ потомственнаго дворянина, когда у него прислуга будетъ состоять изъ дворянъ? Напрасно г. Г. Бланкъ извращаетъ мысль корреспондента *Москов. Вѣд.* и говоритъ, что онъ совѣтуетъ *продавать* сословное званіе русскаго дворянства вмѣстѣ съ польскими имѣніями. Тутъ дѣло идетъ совсѣмъ не о распродажѣ дворянскаго благороднаго званія, а о *наращеніи* имъ тѣхъ истинныхъ патріотовъ, которые внесутъ въ здѣшній край свои вещественные и умственные капиталы, чтобы сослужить великую службу своему отечеству закрѣпленіемъ за нимъ его древняго достоинства, которое цѣлые вѣка было отъ него оторвано злобой и лукавствомъ его враговъ. Повѣрьте, г. Бланкъ, что это служеніе русскихъ капиталистовъ, которые садутъ землевладѣльцами, будетъ никакъ не легче и нисколько не ниже тѣхъ самоотверженныхъ борцовъ, которые распространили нашу русскую цивилизацію во всѣ стороны. Имѣнія, въ которыхъ поселятся здѣсь русскіе, будутъ имѣть для обрусенія и укрѣпленія этого края за Россіей то же значеніе, какое здѣсь имѣли костелы для ополяченія края. Это нравственные *крѣпости*, подъ защитой которыхъ покойно разрастаются тѣ или другія начала.

Напрасно большая часть пишущихъ о реформѣ землевладѣнія въ западномъ краѣ смотритъ на нее исключительно съ экономической стороны и думаетъ, что только выгодами можно привлечь сюда русскихъ землевладѣльцевъ. Наибольшую пользу принесутъ тѣ русскіе землевладѣльцы, которые на эту покупку имѣній изъ польскихъ рукъ смотрятъ болѣе съ нравственной точки зрѣнія, — какъ на миссіонерство. Землевладѣльцы съ такого рода взглядомъ никогда не оставятъ края и никогда не войдутъ ни въ какія сдѣлки

съ польщиной и латинствомъ. Эти люди будутъ истинными опорами православно-русскихъ началъ въ краѣ, тогда какъ покупатели изъ за однихъ матеріальныхъ выгодъ больше всего будутъ и стараться объ однихъ только выгодахъ. Какъ же не дать званія дворянства какому нибудь почтенному русскому купцу, переселяющемуся въ здѣшній край съ своими капиталами, которые будутъ оплодотворять нравственнымъ и вещественнымъ благосостраіемъ цѣлыя тысячи народонаселенія? Положимъ, такихъ наградъ потребуется для 1000 лицъ. Чтоже будетъ значить эта цифра на весь Сѣверо-Западный край, когда въ немъ дворянское сословіе считается въ нѣсколько сотъ тысячъ. Вотъ цифры здѣшняго личнаго и потомственного дворянства по губерніямъ, взятія изъ статистическихъ таблицъ Россійской Имперіи, изданныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1863 году.

въ Виленской . . .	52,935 (*)
— Витебской . . .	29,712.
— Гродненской. . .	41,380.
— Ковенской . . .	90,510.
— Минской . . .	59,498.
— Могилевской . . .	37,048.

Кстати ужъ приведемъ и Югозападный край:

въ Кіевской . . .	56,355.
— Волинской . . .	72,141.
— Подольской . . .	27,381.

Итого. . . 466,960.

Въ этомъ числѣ однихъ потомственныхъ дворянъ слѣдующія цифры:

въ Виленской . . .	51,076.
— Витебской . . .	25,530.
— Гродненской. . .	37,019.
— Ковенской . . .	90,392.
— Минской . . .	54,575.
— Могилевской . . .	32,424.
— Кіевской . . .	9,230.
— Волинской . . .	52,563.
— Подольской . . .	21,896.

Всего. . . 374,627.

Всего дворянства личнаго и потомственного во всей Россіи 886,782, слѣд. большая половина въ западномъ краѣ, одного же потомственного дворянства въ цѣлой Россіи 649,973 чел., слѣд. и въ этой цифрѣ большая половина приходится на одинъ западный край.

Неправда ли, что здѣсь цѣлое дворянское гнѣздо?

(*) Въ 1830 году было только 3,000 дворянъ; но фабрикація фальшивыхъ дворянскихъ документовъ, существовавшая во всемъ краѣ, особенно же при канцеляріяхъ предводителей, дала самые блестящіе результаты!

Корреспонденція въ „Виленскій Вѣстникъ“

изъ Днѣпrensкаго уѣзда.

Въ 1-мъ мировомъ участіи есть селеніе Міоры (по географической картѣ Ново-Мѣры), въ довольно красивой мѣстности, при большомъ озерѣ того же названія; оно состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, принадлежащихъ помѣщикамъ и занятыхъ вольными съемщиками, окружено со всѣхъ сторонъ деревьями крестьянъ-собственникововъ; близъ него волостное правленіе, именующееся міорскимъ. Въ этомъ селеніи костель и мѣсто жительства ксендза. Въ 6-ти-верстномъ разстояніи отъ Міоръ находится с. Чересь съ православною церковью.

Писали и говорили, что въ здѣшней мѣстности былъ когда-то православный монастырь, но когда и гдѣ, никто положительно не знаетъ (1). Одни указывали на то мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ костель, другіе, въ нѣсколькихъ саженихъ отъ него, между тѣмъ какъ помѣщики утверждали, что настоящій костель существуетъ по актамъ болѣе 250 лѣтъ. Распрашивая, удалось мнѣ наконецъ попасть на 80-лѣтняго старичка крестьянина-собственника—православнаго, Василія Рачицкаго, изъ дер. Игнатки, который, вспоминая рассказы своего отца о существованіи здѣсь православія, а съ онымъ и церкви, объяснилъ, что таковая находилась по ту сторону озера, и когда была уничтожаема, то взятыя съ оной два колокола предназначены были на костель, но одинъ утонулъ въ озерѣ во время перевозки, а другой пошелъ въ дѣло.

Послѣ подобнаго разсказа, первую мысль мою было отправить къ костелу и, пригласивъ съ собою встрѣтившагося жандармскаго унтеръ-офицера, взлѣсть на колокольню, выстроенную, какъ свидѣтельствуеетъ надпись, въ 1828 году.

Посреди 3-хъ колоколовъ виситъ одинъ не большой, но и не малый, весь почернѣвшій отъ времени. Какова же была моя радость, когда начали показываться славянскія на немъ буквы. По совершенной очисткѣ, глазамъ моимъ представились слѣдующій славянскій надписи: *на верху колокола вокругъ*: «духа твоего святаго не отыми от нас помолитица человекѣлювче аллилуя;» *сбоку колокола*: «року АХМД мѣа ноіабріа в дніа, тот звон ест наданы от мене себестіана мирского суди земского брацлавского до черкви пресвіатой трончи въ маенности моеи намиріам стоіаочіа с костелом римским не вунни будучоа.»

Ксендзъ, другой годъ здѣсь живущій, и помѣщики, между коими есть и 60-лѣтніе старики, не могли объяснить, откуда достался этотъ колоколь костелу. Что сказать на это? Не само-ли Про-

(1) О Міорскомъ православномъ монастырѣ упоминается въ разныхъ историческихъ документахъ, приводимыхъ Бангльш-Каженскимъ въ его исторіи Уніа.
Ред.

видѣніе сохранило этотъ явный признакъ существованія въ этой мѣстности православія въ укоръ католицизму, стремящемуся къ его уничтоженію здѣсь. Отецъ крестьянина умеръ назадъ тому 40 лѣтъ, имѣя отъ роду 90 лѣтъ, поэтому уничтоженіе церкви можно отнести къ 1740 году, допустивъ, что это случилось на первыхъ годахъ его жизни.

Сверхъ того въ архивѣ чересской церкви найдена книга, веденная въ 1795 и 1796 г. на польскомъ языкѣ, благочиннымъ Брадлавскимъ Іоанномъ Заборовскимъ, подъ заглавіемъ: *регістръ приходами Чересскою прихода Заморской парафии юдталъ къ исходу утатамъ*. Это поименный списокъ лицъ обоаго пола, между которыми есть много фамилій и именъ принадлежащихъ крестьянамъ Міорской волости. Число деревень и застѣнковъ Заморской парафии Чересскаго прихода по тому списку показано 22, въ количествѣ 75 дворовъ. Во всѣхъ почти тѣхъ деревняхъ и именъ живутъ крестьяне, но ни одного двора въ оныхъ нѣтъ православнаго, а все р. католики. Изъ числа 260 дворовъ крестьянъ Міорской волости — православныхъ не болѣе 50 дворовъ. Не обидно ли такое угнетеніе православной вѣры католиками-папанами?

Этотъ же старикъ крестьянинъ говоритъ, что онъ слышалъ, что и самыя владѣльцы міорскіе были когда-то православные, но перешедшіе впослѣдствіи въ католицизмъ. Фамилій Мирскихъ въ Дисненскомъ уѣздѣ много, и всѣ они ведутъ свой родъ отъ Андрея Святопольгъ-Мирскаго, князя тверскаго, но герольдію въ княжескомъ достоинствѣ не утверждены, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ и именъ шляхта въ разговорѣ именуется есіонже (князь).

На крестьянъ въ здѣшней мѣстности, съ которыми я живу уже 3-й годъ, жаловаться нельзя; они вполне понимаютъ благодѣянія и милости Государя, благословляютъ Его, въ исполненіи повинностей аккуратны, на всякое доброе дѣло склонны, жаждутъ образованія, что видно изъ того, что на свой счетъ устраиваютъ училища и доставляютъ содержаніе православному наставнику.

Бывшіе на народномъ праздникѣ 17-го числа въ г. Диснѣ крестьяне-католики рассказывали мнѣ, какъ они были поражены служеніемъ нашего духовенства и стройнымъ пѣніемъ пѣвчихъ, что это имъ очень понравилось и что они съ нетерпѣніемъ ждутъ открытія у нихъ училища, дабы и ихъ дѣти могли также хвалить Бога; спрашивали о разныхъ догматахъ православной вѣры и съ любопытствомъ выслушивали разъясненіе, дѣлая довольно длинныя вопросы. Я счелъ необходимымъ сблизить ихъ съ нашимъ мѣстнымъ духовенствомъ и при содѣйствіи его можно надѣяться хорошихъ результатовъ, къ каковому уже давно дѣлается мною подготовка.

Мир. посредникъ Васенко.

29 апрѣля 1866 г.

МѢСТЕЧКО КЕЙДАНЫ.

Въ настоящее время, когда администрація Западнаго края, съ разрѣшенія высшаго правительства, радушно приглашаетъ всѣхъ русскихъ капиталистовъ къ покупкѣ имѣній въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, читатели не сочтутъ излишними тѣ свѣдѣнія, которыя могутъ знакомить ихъ съ полузабытой исторической стариной и съ современною дѣйствительностію тѣхъ мѣстъ, которыя ждутъ ихъ какъ новыхъ всельниковъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ ждутъ возрожденія всего, что когда-то лежало-здѣсь первичной основой гражданской и общественной жизни, но потомъ понемногу ширмовалось, оттъснялось, затемнялось и съ умысломъ истреблялось интригой, враждебной всему историческому. Но чему суждено жить исторически, то не умираетъ отъ насилія.

На этотъ разъ мы хотимъ остановить вниманіе нашихъ читателей на м. Кейданахъ, которое когда-то принадлежало арианину, потомъ чрезъ боковыя линіи перешло къ полькѣ, олатинилось, недавно досталось гр. Чапскому и недавно, за участіе его въ послѣднемъ мятежѣ, конфисковано.

Мѣстечко Кейданы лежитъ въ 48 верстахъ на ССВ отъ Ковны, на берегахъ притока Нѣмана, Невяжи, при впаденіи въ нее рѣчекъ Смильги съ лѣвой стороны и Абели съ правой.

Историческія извѣстія о Кейданахъ чрезвычайно отрывочны. При Ягайлѣ Кейданы составляли вотчину могущественнаго боярскаго рода Кишкочъ. Къ этому же времени, именно къ 1403 году (слѣдовательно до введенія христіанства на Жмуди), народное преданіе приписываетъ основаніе въ Кейданахъ христіанскаго храма какими-то пришельцами изъ-за моря.

Въ 1590 году Сигизмундъ III даровалъ Кейданахъ магдебургское право. Въ 1614 г. Кейданы перешли во владѣніе Радзивилловъ. Ревностные поборники кальвинизма, Радзивиллы давали пріютъ въ своихъ многочисленныхъ помѣстьяхъ, своимъ единовѣрцамъ, эмигрировавшимъ въ Литву, вслѣдствіе гоненій, изъ разныхъ странъ западной Европы. Въ Кейданахъ поселены были шотландскіе кальвинисты. Въ 1625 году Христофоръ Радзивиллъ I основалъ въ Кейданахъ кальвинское училище и снабдилъ его обширною бібліотекою. Сынъ его Янушъ, въ 1650 году, завелъ при училищѣ типографію. Мѣстная бумажная фабрика выдѣлывала превосходнаго качества бумагу. Образцы ея можно встрѣтить въ актахъ XVI и XVIII столѣтій, а узнать ее по надписи на листахъ водяными буквами: «Civitas Caiodunensis». При Янушѣ Радзивиллѣ, второю женою его, Марією Могилянкою, родомъ изъ Молдавіи (1), построена въ Кейданахъ православная церковь во имя Св. Андрея Первозваннаго и при ней основанъ монастырь. Въ 1710 г.

(1) Племянницей знаменитаго Петра Могилы— кievскаго митрополита. *Ред.*

съ пресѣченіемъ мужской линіи Радзивилловъ и переходомъ ихъ помѣстій въ женскую линію, въ лицѣ княгини нейбургской Людвиги, дозволено было кармелитамъ построить костель и монастырь въ Кейданахъ, вопреки постановленію, исходатайствованному Радзивиллами не строить въ Кейданахъ римско-католическихъ костеловъ. Водворившись въ Кейданахъ, кармелиты начали борьбу съ горстью мѣстныхъ кальвинистовъ тѣмъ, что отняли у нихъ прекрасный костель, воздвигнутый на красивѣйшемъ въ Кейданахъ мѣстѣ — на крутизнѣ надъ р. Невяжею. Число послѣдователей кальвинизма быстро стало уменьшаться, вслѣдствіе гоненій и притѣсненій, на которыя такъ изобрѣтательны пропандисты р. католицизма. Съ умноженіемъ въ мѣстечкѣ еврейскаго населенія исчезли изъ него и мѣщане христіане, а вмѣстѣ съ ними и промышленность. Нѣкогда въ цѣлой Литвѣ славився кейданскіе экипажи, а теперь едва-ль найдется въ Кейданахъ мастеръ, который въ состояніи сдѣлать одноколку.

Населеніе мѣстечка (2,500 душъ об. пол.), за исключеніемъ нѣсколькихъ русскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ семействъ, составляютъ евреи, = мѣщане разныхъ городовъ. Они строятъ дома въ Кейданахъ на условіи платить владѣльцу графу Чапскому вѣчный поземельный оброкъ и покупать вино и пиво исключительно на его заводахъ. Если принять въ расчетъ, что въ м. Кейданахъ, независимо отъ его постоянныхъ жителей, квартируетъ эскадронъ одного изъ кавалерійскихъ полковъ, что по четвергамъ бываютъ базары, что въ праздники здѣшніе храмы привлекаютъ толпы богомольцевъ 4-хъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и что Кейданы лежатъ на торномъ пути, то можно себѣ представить, какое огромное количество ведеръ вина и пива приготавлилось на заводахъ Чапскаго, какіе доходы получалъ онъ отъ этого, и какое нѣкое вино и пиво продавалъ въ качествѣ монополиста. Кейданскіе евреи, какъ и всякіе евреи, занимаются торговлей. Лавокъ и лавчонокъ въ мѣстечкѣ до 30; болѣе обширныя изъ нихъ — съ шерстяными и бумажными матеріями. Рассказываютъ, что до мятежа Кейданы торговали контрабандными товарами.

Изъ зданій въ Кейданахъ обращаютъ вниманіе только храмъ приходскій р. католическій костель (отнятый у кальвинистовъ) и филиальный ясвойнскаго прихода (деревянный), кальвинскій съ 4-мя башенками по угламъ и лютеранская кирка. Всѣ эти зданія и красивы и обширны; одна только православная церковь некрасива, необширна и, стоя въ сторонѣ на краю мѣстечка, смотритъ какъ-то сиротливо. И при р. католическихъ костелахъ, и при кальвинскомъ, и при лютеранской киркѣ имѣются удобныя помѣщенія для духовенства, православный же священникъ живетъ въ наемномъ домѣ.

Въ подвалѣ кальвинскаго костела покоятся бальзамированные останки Христофора и Януша Радзивилловъ въ незарытыхъ гробахъ. Тѣло Христофора уже разрушилось, тѣло Януша сохрани-

лось до сихъ поръ. Его черепъ разрубленъ пополамъ. Янушъ былъ убитъ своимъ пажемъ, подкупленнымъ іезуитами, который, сопровождая князя въ церковь, нанесъ ему ударъ по головѣ.

Въ бытность мою въ Кейданахъ весной 1864 года, мѣстечко представляло большее оживленіе нежели теперь: гимназія не была тогда еще упразднена, хотя и находилась въ упадкѣ. Передъ мятежемъ въ ней было до 400 учениковъ, а въ 1864 около 150. Кейданская гимназія имѣла нѣкоторыя особенности сравнительно съ другими западнорусскими гимназіями. Ученики сзывались къ сбору въ гимназію звономъ колокола, висѣвшаго на крышѣ зданія гимназіи въ маленькой колоколенкѣ. Быть гимназистовъ напоминалъ семинарскій бытъ. Жили они по нѣскольку человекъ (отъ 10 до 15) въ одной квартирѣ, подъ надзоромъ ученика, назначеннаго инспекторомъ гимназіи. Ученикъ этотъ назывался гувернеромъ, его же именовали и репетиторомъ. Ученическія квартиры ежедневно посѣщались надзирателемъ и однимъ изъ учителей. Нерѣдко заглядывали въ ученическія квартиры инспекторъ и директоръ гимназіи. Ученикамъ не дозволялось заниматься уроками позже 9 часовъ вечера и позже 6 часовъ отлучаться изъ квартиры безъ особаго на то разрѣшенія инспектора. Одни изъ учениковъ нанимали квартиры съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и столомъ и платили за то деньгами; другіе — сельскими произведеніями, наконецъ третьи нанимали только квартиру съ отопленіемъ, а провизіей, привозимой ихъ родителями изъ деревень, завѣдывали сами, ежедневно выдавали ее хозяйкѣ на приготовленіе завтрака, обѣда и ужина. Трудъ по выдѣлѣ провизіи ученики раздѣляли между собой, чередуясь еженедѣльно. Квартира, въ которой жили ученики реформатскаго вѣроисповѣданія, называлась аллюминатомъ и состояла подъ надзоромъ реформатскаго пастора.

Между учителями строго соблюдался странный обычай: учитель, по предмету котораго ученики VII класса сдали экзамень, долженъ былъ угощать своихъ сослуживцевъ завтракомъ, обѣдомъ или ужиномъ въ день, въ который экзамень происходилъ.

Такъ какъ Кейданы переходятъ въ вѣдѣніе ковенской палаты государственныхъ имуществъ, то желательно было бы, чтобы палата обратила вниманіе на библіотеку на мызѣ Чапскаго. Говорятъ, тамъ есть книги замѣчательныя, а, можетъ статься, отыщутся и старинные акты, относящіеся до Кейданъ. *И. Р.*

МАГНАТЫ И НИЩЕ.

Вліяніе богатаго сословія на окружающую среду, очевидно, не противорѣчитъ и здравой, общечеловѣческой логикѣ, потому что съ богатствомъ вѣроятнѣе предположить и высшее умственное развитіе и большія средства для проявленія этого развитія. При-

знавъ богатство за элементъ, вліяющій хотя бы въ самыхъ ограниченныхъ формахъ на частную жизнь, и примѣняя это вліяніе къ западному краю, мы невольно останавливаемся на фамиліяхъ Потоцкихъ, Браницкихъ, Радзивилловъ, Тышкевичей, Тизенгаузовъ и прочихъ большихъ пановъ, владѣющихъ огромными землями среди населенія, говорящаго русскимъ языкомъ и принадлежащаго къ великой русской семьѣ. Если дѣйствительно эти магнаты сознаютъ свое положеніе и преданы русской правдѣ, то не понятно, по чему хотя бы въ 1866 г. не обратить имъ вниманія на свой польскій дворовый штатъ, на тотъ штатъ, изъ рукъ котораго они получаютъ русскіе рубли и который, въ случаѣ какаго либо недочета въ рубляхъ, пишетъ прошеніе объ охраненіи его русскими законами. Между тѣмъ и въ 1866 г. этотъ дворовый штатъ продолжаетъ упражняться польщиною; управляющіе различныхъ наименованій продолжаютъ записывать на приходъ русскіе рубли попольски. Пришла же пора магнатамъ западнаго края дать примѣръ уваженія къ русскому языку; хочешь служить, говори, пиши и разумѣй порусски, не хочешь— вмѣсто тебя найму управителя, который пойметъ значеніе великаго гражданскаго переворота въ западныхъ губерніяхъ, и который уразумѣетъ, что здѣсь не можетъ быть терпима польщица, — вотъ слова, которыя давно бы должны выйти изъ устъ магнатовъ.

Всѣ русскіе (за исключеніемъ гг. редакторовъ газеты «Вѣсть», наивно добивающихся категорическихъ отвѣтовъ на вопросы самаго общаго и туманнаго свойства) уже поняли, какая хроническая язва медленно высасываетъ русскую кровь на западныхъ ея окраинахъ. Мы знаемъ по опыту, что латинскій славянизмъ портитъ русскую почву; эта аксіома не можетъ быть непонятною богатымъ землевладѣльцамъ западнаго края; магнатамъ, говорю, слѣдуетъ подать примѣръ разумнаго уврачеванія выше сказанной язвы.

Можно выставить и другой упрекъ капиталистамъ западнаго края; здѣсь весьма развиты такъ называемые кермаши. Почему они развились— это вопросъ политико-еврейской экономіи, мы же воснемся вопроса политико-христіанскаго, именно вопроса о замѣчательномъ отсутствіи богоугодныхъ и благотворительныхъ заведеній, чрезъ что на кермашахъ преизобилуетъ число слѣпыхъ, хромыхъ, нѣмыхъ и всякихъ калѣвъ, которые толпами приходятъ на кермаши, садятся у церквей или костеловъ и хоромъ поютъ польскія молитвы, вѣрнѣе же сказать, польскія пѣсни, сочиненныя ксендзами, въ родѣ пѣсни о мученіяхъ Кунцевича. Проходя мимо этихъ нищихъ, съ ихъ польскими пѣснями, оглашающими народныя торговыя площади— невольно умѣряешь шагъ; вдумываешься въ эту громко говорящую ксендзо-шляхетскую картину и невольно задаешь себѣ вопросъ, точно ли это святая Русь, надъ которою княжили Мономаховичи; точно ли это Русь Бѣлая

и Червоная, гдѣ сѣло славянское племя, незнавшее ни Рима, ни братьевъ своихъ поляковъ.

Видя въ этихъ группахъ нищихъ, толпу несчастныхъ жертвъ, выпущенныхъ ксендзами на защиту латинской польщины, нельзя однако не упрекнуть тѣхъ магнатовъ капиталистовъ, которые именуютъ себя христианами, между тѣмъ, такъ мало, чтобы не сказать ничего, не помогаютъ бѣднымъ. Можетъ быть, христианская добродѣтель въ этомъ случаѣ идетъ врозь съ политикою ксендзовъ, которымъ понравилось слышать польскія гвѣсни, гремящія на торговыхъ площадяхъ; въ такомъ случаѣ остается лишь въ тысячный разъ повторить, что въ западномъ краѣ латинское христианство сбилось съ истиннаго пути.

Благое дѣло было бы, если бы наши Шереметьевы, Демидовы, Воронцовы и другіе бояре-капиталисты помогли русскому дѣлу на западъ, жертвуя сумми для устройства здѣсь богоугодныхъ и благотворительныхъ заведеній; польза отъ этихъ жертвъ для края нечислима.

Василій Теплоу.

1 іюля 1866 г. Глубокое.

КАКАЯ ВУДУЩНОСТЬ ОЖИДАЕТЪ ПОЛЯКУЮЩІЙ ЛЮДЬ?

Отвѣтъ на предложенный нами вопросъ заслуживаетъ полнаго вниманія современнаго русскаго общества, имѣющаго нынѣ въ виду разоблаченныя козни полякующихъ и ихъ несбыточные замыслы въ будущемъ.

Мы намѣрены слегка обратить вниманіе на то, что, по мнѣнію нашему, ожидаетъ въ будущемъ нашихъ ясновельможныхъ *доброжелателей*, если они не перестанутъ по прежнему въ тайнѣ затѣвать противъ насъ новыя козни и вообще не измѣнять своихъ отношеній къ Россіи и къ русскому дѣлу. Своимъ поведеніемъ, они окончательно себя уронили въ глазахъ не только Россіи, но цѣлой Европы; имъ не представляется другаго исхода изъ своего тяжелаго положенія, какъ отрѣшиться отъ своей воображаемой національности, признать надъ собою побѣду здраваго смысла и за тѣмъ предать свое, такъ называемое, *польское дѣло* спасительному забвенію.

Вотъ программа, которая должна бы съ разу представиться для каждаго не предубѣжденнаго ума, будто русскій, французъ, татаринъ, или польскій шляхтичъ. Но захотятъ ли еали благопріятели принять такую благую систему дѣйствій? Въ этомъ приходится усумниться, и вотъ почему мы невольно задаемъ себѣ во-

прось: что же наконецъ ожидаетъ въ будущемъ это легкомысленное и безалаберное племя, и вообще—какой конецъ будетъ имѣть эта трагикомедія, называемая польскимъ вопросомъ?

Повторю, для бывшей когда-то Польши и тѣхъ, кои продолжаютъ, вопреки историческому смыслу, именовать себя до сихъ поръ поляками, благоразумнѣе всего было бы пуститься за одно съ Русью по естественному для славянства историческому теченію; но какъ подобнаго ничего, къ сожалѣнію, предполагать нельзя, то что же ожидаетъ, такъ называемыхъ, польскихъ патриотовъ?

Они, на зло своему потомству, продолжаютъ воспитывать дѣтей въ допотопныхъ шляхетскихъ понятіяхъ, не приучая ихъ съ малолѣтства говорить порусски, вселяя отвращеніе ко всему русскому и тѣмъ укореняя мысль, что они *поляки*—граждане не существующей отчизны, а не дѣти ихъ великаго и истиннаго отечества.

Какъ естественное послѣдствіе такого взгляда открываются, всѣ знакомыя намъ явленія: постоянное противодѣйствіе всякому полезному начинанію правительства, злорадство при всякой малѣйшей неудачѣ этихъ начинаній, самыя злостныя клеветы, уродливое направленіе въ воспитаніи молодого поколѣнія, съ единственною цѣлью сдѣлать изъ него подобныхъ настоящему изувѣровъ и многое другое— всего не перечесть.

Ясно, что правительство не можетъ и не должно терпѣть долѣе подобную язву въ истерзанномъ ею же Западномъ краѣ; но если *эту язву долѣе* переносить здѣсь нельзя; то слѣдуетъ ли изъ этого, что ее должно распространять на тѣ области Россіи, которыя до послѣдняго времени ей подвержены не были? На это считаемъ нужнымъ обратить особенное вниманіе читателей. Увы! Ни для кого уже теперь не тайна то растлѣвающее дѣйствіе, какое начинаютъ производить въ средѣ образованнаго общества внутреннихъ губерній, сосланные туда на жительство многіе паны и пани. Изъ разныхъ мѣстъ только и слышимъ, что тамъ-то давали обѣдъ въ честь сосланныхъ, тамъ устраивали ради ихъ какую нибудь безобразную манифестацію или пирушку, гдѣ прославлялось ихъ мученичество и предавался проклятію деспотизмъ, т. е. всякое дѣйствіе въ интересахъ Россіи; тамъ какая нибудь бонтоная, высокопоставленная дама, никогда отъ роду не державшая иголки въ рукахъ, садится въ своей гостиной въ пріемные дни, не иначе, какъ съ клочкомъ батиста въ рукахъ, предназначеннымъ *pour ses rangues exilés!*.... на рубашечки повстанческимъ дѣткамъ, и мало ли чего, къ сожалѣнію, не творится теперь на святой Руси, въ этой безхарактерной, падкой на всякую модную недѣлность средѣ! именуемой образованнымъ классомъ. Разумѣется, о патриотизмѣ, истинномъ долгѣ гражданскомъ, сочувствіи истиннымъ пользамъ русской земли не спрашивать въ этихъ напоенныхъ польской отравой кружкахъ. На каж-

дое сказанное отъ сердца слово, на каждое добросовѣстное возраженіе васъ закидаютъ фразами о прогрессѣ, гуманизмѣ, варварствѣ русскихъ, вандализмѣ, муравьевщинѣ и т. п., а бѣдныя, гонимыя паны обмыкновенно при такихъ спорахъ стоять въ нечтительномъ отдаленіи, съ понижшими главами и, въ видѣ нешмовинныхъ жертвъ, втихомолку считаютъ свое *пачурово стадо*.

Слышали мы недавно объ одномъ возмутительномъ событіи, гдѣ-то на югѣ Россіи, на одной изъ украинскихъ ярмарокъ. Приѣхало туда одно патриархальное деревенское семейство и встрѣтилось съ знакомыми городскими дамами, окруженными сонмомъ разныхъ львовъ и леопардовъ, объ чемъ то громко спорившихъ между собою. Увидя знакомыхъ, изъ блестящей группы отдѣлилась дѣвица и, не отвѣчая на привѣтствіе шедшихъ ей на встречу матери семейства и ея дочерей—прямо, въ присутствіи разнаго ярмарочнаго люда, озадачила ихъ вопросомъ: «*Вы за Польшу или Россію?*» Вѣдныя хуторянки оторопѣли, но, опоминившись, отвѣчали хоромъ, что о такомъ дѣлѣ нечего и спрашивать: *Мы столько любимъ своего Государя и столько обязаны ему и отечеству нашему* (это были, только что кончившія курсъ, казенно-воштные институтки), *что можемъ ли предпочесть имъ заклятыхъ враговъ.*— «Въ такомъ случаѣ мы съ вами незнакомы!» отвѣтила отъ лица прочихъ своихъ спутницъ пышная дѣвица и, бросивъ на хуторянокъ уничтожающій взглядъ, тотчасъ отвернулась и торжественно прошла мимо, увлекая за собою свой блестящій хвостъ. Истина этого происшествія не подлежитъ сомнѣнію; намъ рассказывалъ о немъ человекъ, недавно возвратившійся изъ Малороссіи.

Вотъ до чего дошло дѣло и сколько подобныхъ случаевъ бываетъ повсемѣстно. Если-бъ ихъ описывать, понадобилось бы нѣсколько стопъ бумаги, но достаточно и сказаннаго, чтобы понять, какъ опасенъ и вреденъ будетъ постоянный приливъ полякующаго люда изъ Западнаго края во внутреннія губерніи. Еще надобно сказать правду, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ среди бдительно слѣдящихъ за ними русскихъ властей и неуважающаго ихъ сельскаго населенія, имъ труднѣе ловить въ мутной водѣ рыбу, нежели тамъ, внутри Россіи, гдѣ полное раздолье представляетъ ихъ затѣямъ наше простодушіе. Здѣсь пока еще для нихъ взятки гладки и точекъ опоръ значительныхъ не представляется, а потому они *очень недовольны* настоящимъ своимъ положеніемъ. Судя по нашимъ наблюденіямъ, они одержимы теперь нравственно изнурительною лихорадкой, пароксизмы которой обнаруживаются сообразно съ тѣми ложными надеждами, которыми они такъ дѣтски предаются. Къ сожалѣнію, всѣ лопающіяся надежды эти также вѣрны, какъ *св. Казимиръ на бѣломъ конѣ.....* (*).

(*) Смотр. «Вѣстн. Вѣстн. № 34, корреспонденцію изъ Троянскаго уѣзда.
Ред.

Теперь пока мы убѣдились, что во внутреннихъ губерніяхъ они положительно вредны, здѣсь нетерпимы....

Куда же направятся полякующіе отъ ненавистной имъ русской власти и православной русской народности?

Жителямъ Царства Польскаго они совершенно чужды, да у тамошнихъ поляковъ, на счетъ здѣшнихъ, въ ходу поговорки и пословицы, доказывающія то полное пренебреженіе, которое они къ нимъ питаютъ.

Въ дугія европейскія государства?

Европа и безъ того до тошноты набита польскими выходцами куда же ей еще принимать къ себѣ такой наплывъ неспособныхъ къ работѣ людей, которые, расплодясь, загрузятъ ее пролетариатомъ и зачумятъ своими: *тоянищицкой*, *дугнищицкой*, *миссионичицкой* и другими бреднями. Нѣтъ, Европа ихъ не приметъ. Доказательство этому то, что самая гостеприимная для нихъ страна Швейцарія предлагаетъ уже имъ переселиться въ Азію. И прекрасно, въ добрый часъ! Тамъ они много найдутъ сродныхъ себѣ элементовъ, много матеріаловъ для разработки ожидаетъ тамъ нашихъ энергическихъ труженниковъ *великаго будованія*.

Въ средѣ кочующихъ азіатскихъ народовъ, они, конечно, свободно разовьютъ свои завѣтные *шизмы* и неблагодарные народы Европы узрять, къ позднему своему раскаянію, что не умѣли воспользоваться тѣми громадными, внутренними польскими силами, которыми поляки располагаютъ для цивилизаціи *чуждымъ имъ народностей*.

Не мы, можетъ быть, но потомство наше узрять во очю, какъ на развалинахъ Пальмиры и Вавилона воздвигнутся костелы, какъ тамъ, въ тѣни раскидистыхъ чинаръ, будутъ прогуливаться легіоны дервишей, виновать!—ксендзовъ, и, конечно, тамъ будетъ организована пресловутая панцизна со всѣми ея атрибутами—если *блуме* одолѣютъ; а возьмутъ верхъ *красные*. Такъ мы, быть можетъ, увидимъ какую нибудь *соціальную диковинку*.

Какое раздольное поприще выпадаетъ, какъ съ неба, самолюбивой, неугомонной шляхетской кастѣ!

Все это только предположенія, и даже, быть можетъ, утопія съ нашей стороны; на практикѣ же, какъ извѣстно всему свѣту—поляки дружны между собой бываютъ, покуда только *шеччуются* и сочиняютъ адскія потѣхи, а какъ придетъ дѣло къ дѣлу—они всѣ врознь, это ихъ прирожденный, вѣковѣчный нравственный недугъ, а потому, основываясь на непреложности этой хронической болѣзни, мы смѣло можемъ сдѣлать такое заключеніе, что наши полякующіе разбредутся по лицу всего свѣта благаго, будутъ вѣчно вздыхать по *ойчизнѣ* и ожидать своего *Мессію*.

Да не заподозрить насъ читатель, что мы лишь желали поглотиться въ настоящей нашей статьѣ надъ панствомъ в его тенденціями. По совѣсти, наша цѣль была та, чтобы вызвать людей

болѣе талантливыхъ къ уясненію этого предмета болѣе наглядно и убѣдительно, и тѣмъ заставить полаяющую братію уразумѣть наконецъ ясно ту горькую участь, которую они, готовятъ себѣ безразсуднымъ упорствомъ и тѣмъ отдаляютъ благодѣтельными реформы отъ Западнаго края, которыя повели бы насъ вмѣстѣ къ общему благу и всякому гражданскому преуспѣванію, коего блестящіе начатки мы уже видимъ въ велико-русскихъ губерніяхъ.

II. Колобакинъ.

Вил. Вѣстн.

В а к а.

Секв. им. гр. Ив. Т.

Присоединеніе къ православію и исповѣдь присоединившагося.

28-го августа, въ монастырѣ Св. Духа, князь Брониславъ Иеронимовичъ Друцкой-Любецкой присоединился къ православною вѣрѣ своихъ предковъ, принявъ имя Александра. Князь Александръ Иеронимовичъ — потомокъ того князя Павла Друцкаго-Любецкаго, который еще въ 1617 году былъ въ числѣ учредителей православнаго лужскаго братства для отпора нападенія католицизма и уни.

По поводу своего обращенія, князь Любецкой напечаталъ въ 186 № Виленскаго Вѣстника, подъ заглавіемъ: «Мое обращеніе въ православіе» ниже слѣдующую исповѣдь.

«Я принялъ православіе и сдѣлалъ это обдуманно, послѣ долгаго и зрѣлаго размышленія. Я возвратился къ вѣрѣ предковъ моихъ добровольно, по убѣжденію въ необходимости поступить такъ, чтобы остаться честнымъ человѣкомъ, вѣрнопопдавшимъ и мужемъ характера и свободной воли, а не ребенкомъ, котораго опутываетъ интрига и ведетъ постороннее вліяніе къ отставванію дѣла и личностей, вовсе ему чужихъ и даже враждебныхъ. Въ важныхъ вопросахъ жизни нельзя поступать такъ, потому что всѣ такъ поступаютъ; оставаться въ кругу идей ложныхъ, потому только, что никто первый не рискуетъ выйти изъ этого заколдованнаго круга. Слѣдуетъ въ этихъ случаяхъ дѣйствовать по своему крайнему разумѣнію: я такъ и поступилъ. Ни опасенія, ни матеріальные расчеты не имѣли на меня ни малѣйшаго вліянія. Послѣднее время прожито мною за границею; нынѣ я возвратился въ среду соотечественниковъ моихъ, чуждый какихъ бы то ни было опасеній. Свободный и хладнокровный, я рѣшился поступить такъ, какъ поступилъ. Остается указать на причины,

побудившія меня возвратиться къ православію моихъ предковъ, и смѣло подвергнуться обвиненіямъ и даже ненависти тѣхъ, умы которыхъ омрачены хитрымъ есендзовствомъ и глаза закрыты предубѣжденіями. Но прежде, чѣмъ кто либо станетъ меня осуждать, пусть онъ хладнокровно спроситъ у своей совѣсти, не согласится ли она съ моими доводами? Я думаю, что намъ, русскимъ по происхожденію, которыхъ предки были православными, возвратъ къ православію единственный путь, могущій принести пользу краю, поставить самихъ насъ на естественную почву и обезпечить личность нашу отъ эксплуатаціи въ пользу плановъ демократическо-католической эмиграціи. Довольно нашей крови и денегъ пошло на эти совершенно чужіе намъ планы. Пора перестать! Что же мы, землевладѣльцы и дворяне, за демагоги такіе и поддерживатели коммунизма? Нынче никто изъ насъ не поручится, умирая, за участь своихъ дѣтей и за оставляемое имъ достояніе; то и другое легко можетъ сдѣлаться добычею революціонеровъ, которымъ ничего не жалъ и которые ни передъ чѣмъ не останавливаются, потому что у нихъ въ настоящемъ и въ прошедшемъ ничего нѣтъ, а въ будущемъ, съ нашею помощію, они надѣются много приобрести. Благоразумно ли намъ быть за одно съ ними?

«Всматриваясь въ политическое положеніе, я вижу съ одной стороны могучую Россію, съ милліонами братскаго народа и Царемъ преобразователемъ и сѣятелемъ добра въ землѣ своей; съ другой стороны—Польшу, чужую намъ, западноруссамъ и литвинамъ, съ средневѣковымъ, отжившимъ свое время католицизмомъ, съ иезуитами и непогрѣшимостью папы, отъ котораго отрекаются собственные его подданные. Что намъ дала эта Польша?—Длинные годы неурядицы, обѣдненіе, анархію, упадокъ наукъ и забвеніе *нашей народности*. Языкъ, вѣра, обычаи нашихъ предковъ все замѣнено полонизмомъ и католицизмомъ; не давшими ни счастья въ прошедшемъ, ни залога на лучшее въ будущемъ. Можно ли колебаться, къ которой сторонѣ пристать? Государь и народъ русскій зовутъ насъ возвратиться въ одну дружно-братскую всероссійскую семью; удерживаетъ насъ одинъ католицизмъ...., но, подумайте: чтобы было съ Италіею, если-бы она послушала Пія IX, главы католицизма, передъ послѣднею борьбою? если-бы она убоилась его анафемы и не соединилась съ призывавшими ее друзьями? Князь Чарторыйскій говоритъ, включая насъ насильно въ число польскаго дворянства, «что мы не должны имѣть ни покоя, ни отдыха, пока Польша не будетъ восстановлена.» Къ чему намъ это? Что же, кромѣ костела, связываетъ насъ со всѣми этими революціонными бреднями? Когда же Польша была источникомъ Руси, или Литвы? Не мы ея, а она нами поддерживалась и существовала и насъ же назвала потомъ своею колоніею. И такъ, не лучше ли покончить съ этими притязаніями»

ми, перестать быть плантаторами на пользу польскихъ «tevergies,» и стать снова русскими, какъ были наши предки!

«Но можетъ быть возможно исполнить это, оставаясь въ католицизмѣ? Жаль католицизма, не правда ли? Я видѣлъ этотъ католицизмъ и дома у насъ, и по всей Европѣ. Это — огромное политическое зданіе, съ папою во главѣ и іезуитизмомъ въ сердцѣ. Какой вопросъ занимаетъ его? — сохраненіе власти Рима и преобладанія духовной власти папы надъ свѣтскою. Всѣ средства всѣми членами употребляются къ достиженію этой цѣли. Прежде средствами служили: инквизиція, пытки, костры, шпіонство, надсматривавшее за вашими молитвами и подслушивавшее ваши рѣчи. Вареоломеевская ночь, почти поголовное истребленіе альбигойцевъ, драгонады, Филиппъ II-й, Альба испанскій, Тилли австрійскій — это все дѣти католицизма. Давно ли папа похитилъ Мортару, чтобы насильно крестить его? Давно ли возстановлены іезуиты? Не доказываетъ ли это, что католицизмъ все тотъ же, ничѣмъ неизмѣняемый и ничего неуступающій, суровый монахъ, съ факеломъ въ рукѣ, поджигающій костеръ несчастья, обвиненнаго въ безбожїи потому только, что онъ усумнился въ непогрѣшимости папы и чистотѣ безбрачной жизни духовенства. Католицизмъ разрѣшаетъ клятву добровольно данную Государю — не-католику. Онъ обратился въ политическую секту, употребляющую и христіанство, между иными орудїями, для достиженія своихъ цѣлей. Слѣдуетъ отказаться отъ него; насъ удерживаетъ только страхъ: «что скажетъ общество» и недостатокъ гражданскаго мужества. Допустимъ, что мы теперь искренно станемъ русскими; но если мы сохранимъ католицизмъ, кто намъ поручится что ксендзы не вольютъ въ сердца дѣтей нашихъ ненависть, крамолу и бунтъ? Наши дѣти непременно послужатъ ксендзовству послушнымъ орудїемъ для новыхъ кровавыхъ попытокъ, если мы не оградимъ ихъ рѣшительнымъ шагомъ, — *примявъ православіе*. У насъ ничего нѣтъ и не должно быть общаго съ Польшою и р. католицизмомъ. Варшава намъ и нашимъ дѣтямъ городъ чужой и симпатичнымъ быть не можетъ. Судьба нашего края льнѣтъ снова и навсегда уже соединена Провидѣніемъ съ великою землею русскою. Поэтому я обратился въ православіе, чтобы доказать не на словахъ, а на дѣлѣ, что хочу быть русскимъ, выдти на новую дорогу и сочувствовать природному моему Государю во всѣхъ Его трудахъ и начинанїяхъ.»

Князь Александръ Друцкой-Любецкой.

30-го августа 1866 г.
Вильна.

Поляки на частной службѣ у русскихъ.

Въ «Кіевлянинѣ» напечатано слѣдующее заявленіе изъ Подольской губерніи:

«Посреди непрерывной заботливости правительства и послѣдовательнаго ряда мѣръ и распоряженій его, направленныхъ къ водворенію русскаго элемента въ западномъ краѣ, господства и первенства въ немъ русской народности, нѣкоторые русскіе поземельные владѣльцы, какъ бы на перекоръ этимъ распоряженіямъ, держали, держатъ и даже вновь принимаютъ въ свои имѣнія управляющихъ поляковъ, а эти послѣдніе отъ себя назначаютъ экономовъ, кассировъ и др., также поляковъ, какъ буд-то могло бы встрѣтиться затрудненіе въ принятіи на эти мѣста русскихъ людей. Такимъ образомъ, вредный для русскаго элемента полонизмъ находитъ мѣсто и пріютъ въ средѣ русскихъ же землевладѣльцевъ, тогда какъ навѣрное можно сказать, что почти безъ исключенія ни одинъ польскій помѣщикъ, по недоброжелательству къ русскимъ, и въ видахъ поддержанія преобладанія польскаго элемента, не приметъ къ себѣ управляющаго русскаго, поэтому и русскимъ помѣщикамъ, особенно въ виду помянутыхъ распоряженій правительства, никакъ не слѣдовало бы оставлять у себя, или вновь принимать на службу поляковъ, которые, пріютившись у нихъ и получая отъ нихъ выгодное содержаніе и средства къ жизни, остаются неизмѣнно-вѣрными своей закоренѣлой ненависти къ русскому народу, внутренне недоброжелательствуютъ заботливости правительства къ обрусенію здѣшняго края и легбютъ себя мечтою, будто бы русскіе дворяне, въ своихъ имѣніяхъ, никакъ не могутъ обойтись безъ поляковъ. Такихъ русскихъ помѣщиковъ, у которыхъ имѣютъ пріютъ и мѣста поляки, можно бы указать не мало въ одной подольской губерніи; но мы думаемъ, что они найдутся и въ другихъ губерніяхъ юго-западнаго края. Въ нѣкоторыхъ волостныхъ управленіяхъ крестьянъ-собственникововъ доселѣ удерживаются волостные писаря поляки, будто бы по желанію самихъ крестьянъ, тогда какъ въ дѣйствительности этого желанія вовсе не существуетъ, и если объ этомъ крестьяне молчатъ и не заявляютъ мѣстному начальству, то единственно изъ боязни и угрожденія своимъ старшимъ урядникамъ— волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ, которыхъ писаря-поляки, пользуясь ихъ простотою, безграмотностью и другими слабостями, успѣли прибрать въ свои руки и чрезъ нихъ дѣйствуютъ на умы крестьянъ, для закрѣпленія за собою занимаемыхъ мѣстъ. Между тѣмъ, можно безошибочно сказать, что эти писаря-поляки принадлежатъ къ враждебной правительству и русской народности польской партіи, недоброжелательны къ крестьянамъ, вредны для ихъ личныхъ и общественныхъ интересовъ и вообще неблагонадежны въ политическомъ отношеніи. Поэтому они не должны бы были

оставаться долѣе на своихъ мѣстахъ, безъ всякаго исключенія, тѣмъ болѣе, что замѣнить ихъ русскими православными людьми весьма легко, чѣмъ и крестьяне остались бы вполне довольны.»

Къ этимъ заключительнымъ словамъ корреспондента «Кіевлянинъ» съ своей стороны прибавляетъ, что поляки вновь нигдѣ во лостныя писарями не опредѣляются, хотя очень можетъ быть (но и то подѣ большимъ сомнѣніемъ), что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ держатся еще прежніе писаря-поляки.

Что такое великорусское племя?—изъ какихъ элементовъ составилось оно и какъ образовалось? *)

Многочисленный народъ, населяющій почти сплошною массою центральныя губерніи, отъ Западной-Двины и Днѣпра до Урала и далѣе, значительныя части Сибири, отъ предгорій Кавказа до Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, — народъ, численность котораго опредѣляютъ въ 40 милліоновъ, извѣстенъ подѣ именемъ *великоруссовъ*. Великоруссы образовали русское государство и составляютъ его основную силу,—силу тѣмъ болѣе значительную, что тутъ нѣтъ никакой разницы ни въ языкѣ, ни религіи, ни въ обычаяхъ, ни въ преданіяхъ. Великорусскій народъ—одинъ, нераздѣлимый, неразъединимый народъ. Судьба такого народа, его прошедшая жизнь, его развитіе не могутъ не заключать въ себѣ самаго живаго интереса.

Славянскія племена, образовавшія Русское Государство, занимали главнымъ образомъ берега Днѣпра, верховья Оки и Зап. Двины, берега Волхова и Ильмена; далѣе, на востокъ отъ нихъ, жили финскія племена: при истокахъ Дона—*Мещера*, въ среднихъ частяхъ Оки, гдѣ нынѣ городъ Муромъ—*Мурома*, на сѣверъ отъ Мурома, въ нынѣшней Владимірской губерніи отъ Суздаля къ озеру Плещееву, и далѣе по Ярославской губерніи—*Меря*; на сѣверо-западѣ отъ Мери, по Бѣлому озеру и по рѣкѣ Мологѣ, въ предѣлахъ Новгородской губерніи—*Весь*. Далѣе, на востокъ отъ Мещеры и Мурома, жила мордва, черемисы и др. племена. Всѣ эти племена оставили памятниками заселенія этихъ мѣстъ множество названій рѣкъ и заселенныхъ пунктовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуютъ и самыя остатки этихъ племенъ, частію въ

*) Заимствуемъ статью эту изъ «Русскаго Инвалида», она главнымъ образомъ, основана на запискѣ: Какъ образовалось великорусское племя, читанной г. Бѣлевымъ въ засѣданіи, 21-го апрѣля 1865 года, антропологическаго отд. общества люб. естествознанія при Императорскомъ московскомъ университетѣ (см. Извѣстія этого отдѣленія. Москва. 1865 г. Т. II). *Ред.*

первобытною, полудикомъ состояніи (мордва, черемисы), частию болѣе или менѣе обрусѣвшіе, напримѣръ, въ Тверской губерніи, крестьяне Вельегонскаго уѣзда (изъ племени Веси), въ Рязанской—мещерыки. Но племень мери и муроми уже не встрѣчается, и нельзя предположить, чтобы племена эти были истреблены, потому что нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, которыя бы показывали борьбу ихъ съ племенами славянскими. Гораздо вѣрнѣе предположить, что они совершенно слились съ перешедшими сюда славянами прильменскими и приднѣпровскими.

Кипучая дѣятельность новгородцевъ рано проложила себѣ путь на сѣверъ и востокъ; еще до призванія варяжскихъ князей, новгородцы дошли до Бѣлоозера и устроили здѣсь колонію; слѣдуя по теченію рѣкъ Шексны, Волги, Которости, они проникали въ землю Мери и положили здѣсь основаніе Ростову; городъ Муромъ также обязанъ своимъ устройствомъ славянскимъ колонизаторамъ. Новгородцы вели дѣятельную торговлю съ камскою Болгаріею и Перміею. Волжскіе болгаре приплывали на судахъ по Камѣ, Волгѣ и Окѣ въ Муромъ: здѣсь производился обширный мѣшовой торгъ воскомъ, медомъ, клеємъ, шелковыми издѣліями, жемчугомъ, звѣринными шкурами. На Волгѣ стояли города Атель и Булгары (*); сюда съѣзжались съ одной стороны купцы новгородскіе и кievскіе, а съ другой—персидскіе, арабскіе, армянскіе и самаркандскіе. вмѣстѣ съ торговнымъ движеніемъ шло дѣло и колонизація въ земляхъ Веси, Мери и Муромы; сначала поселеніе основывались около городовъ Бѣлозерска, Ростова и Мурома, потомъ они шли все далѣе. Славяно-русскіе переселенцы, по своей способности примѣняться къ обстоятельствамъ, скоро сходились съ туземцами, вступали въ брачныя союзы. Въ IX вѣкѣ Мери и Веси были уже ославянены на столько, что вмѣстѣ съ славянскими племенами участвовали въ призывѣ варяжскихъ князей. Прибывшіе князья заняли, между прочимъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ и Муромъ. Такимъ образомъ, къ славянско-финскому элементу въ этихъ странахъ присоединился еще элементъ норманскій, весьма незначительный, впрочемъ и не могшій имѣть никакого вліянія на сложившіяся здѣсь обстоятельства. Норманскіе князья скоро перешли на югъ, оставивъ въ занятыхъ ими прежде мѣстахъ небольшія дружины. Съ этихъ поръ, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, когда историческая жизнь Руси сосредоточивается на югѣ, мирное общеніе славянъ и финновъ все продолжаетъ развиваться. Финны перестали смотрѣть на славянъ какъ на пришельцевъ; они въ нихъ видѣли людей совершенно равныхъ себѣ, живущихъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, имѣющихъ одни и тѣ же интересы. Къ окончательному слитію тѣхъ и другихъ послужила христіанская религія.

(*) Столица болгарскаго царства—въ 146-ти верстахъ ниже Казани, на лѣвомъ берегу Волги. Развалины ея существуютъ и теперь.

Введеніе здѣсь христіанства встрѣчено было сильнымъ противодѣйствіемъ какъ со стороны колонистовъ, такъ и со стороны туземцевъ. Волненіе охватило всю землю Мери. Народъ, подущаемый волхвами, обращалъ свою ярость преимущественно противъ женщинъ, можетъ быть потому, что женщины ревностнѣе принимали евангельское ученіе. Въ 1024 и 1071 гг. голодъ постигъ Ростовскую область; волхвы учили, что «бабы держатъ жито и голодъ пуцають», и женщинъ избивали. Многие въ Ростовѣ, какъ говорить преданіе, будучи не въ силахъ противодѣйствовать евангельскому ученію, ушли въ отдаленныя приволжскія земли, чтобъ тамъ на свободѣ поклоняться своимъ прародительскимъ богамъ. Только безпримѣрная апостольская ревность первыхъ проповѣдниковъ побѣдила упорство язычниковъ: христіанство окончательно утвердилось здѣсь въ XII вѣкѣ. Христіанская религія, предписывая туземцамъ и колонистамъ одинаковыя понятія, нравы, образъ жизни, совершенно объединила ихъ, а языкъ здѣсь уже преобладалъ славянскій, такъ что, со введеніемъ христіанства, не представлялось и надобности дѣлать переводъ священнаго писанія на языкъ туземный.

Въ XII столѣтіи образуются два самостоятельныя русскія княжества: одно въ Муромѣ и Рязани, подъ властію Ярослава Святославича, а другое въ суздальско-ростовскомъ краю, подъ властію Юрія Владиміровича Долгорукова, изъ дома Мономахова. Эта перемѣна имѣла важныя послѣдствія въ этнографическомъ отношеніи: здѣсь явился новый элементъ— приднѣпровскіе славяне. Сюда пришли не однѣ дружины князей, но и многіе переселенцы, особенно изъ Чернигова, Смоленска и земли вятичей. Князья заботились о привлеченіи населенія на пустопорожныя земли въ своихъ владѣніяхъ, такъ какъ съ этимъ былъ связанъ ихъ существенный интересъ. Не мало побуждало къ переселенію въ этотъ край приднѣпровскихъ славяно-русовъ— нашествіе монголовъ въ XIII вѣкѣ. Изъ опустошеннаго, и на первый разъ обращеннаго въ татарское кочевье, Приднѣпровья, именно изъ переяславльскихъ и кievскихъ владѣній, тамошніе славяно-русы толпами потянулись на сѣверо-востокъ, въ рязанскія и суздальскія владѣнія; сюда пошли и князья, лишенные владѣній, и бояре, и горожане сожженныхъ городовъ, и поселане, которыхъ нивы были обращены въ пастбища татарскихъ коней. На это движеніе указываетъ лѣтопись, въ которой, подъ 1304 г., говорится о переселеніи къ берегамъ Волги черниговскаго боярина Родіона Нестеровича, съ цѣлымъ полкомъ княжатъ и дѣтей, числомъ въ 700 человекъ; но гораздо сильнѣйшія свидѣтельства объ этомъ движеніи на сѣверо-востокъ заключаются въ старыхъ народныхъ преданіяхъ. Всѣ народныя пѣсни и былины, самыя древнѣйшія, повѣствующія о древнѣйшихъ приднѣпровскихъ князьяхъ Олегѣ, Владимірѣ, о тамошнихъ народныхъ богатыряхъ и городахъ Киевѣ, Черниговѣ и Галичѣ и Волыни, до сего времени сохраняются въ народѣ, и поются, и рассказываютъ

ся стариками и старухами изъ крестьянъ и мѣщанъ въ здѣшнемъ краѣ, тогда какъ всѣ эти придиѣпровскія преданія давно уже утратились въ Придиѣпровьѣ, гдѣ старина въ пѣсняхъ и былинахъ народныхъ не восходитъ далѣе казачества. Все это ясно показываетъ, что лучшая и наибольшая часть стараго придиѣпровскаго славяно-русскаго населенія, во время татарскаго владычества, или позднѣе, при занятіи Галича и Волыни польскимъ королемъ Казиміромъ, перемѣстилась на сѣверо-востокъ въ здѣшній край, съ всѣми своими мѣстными древними народными преданіями, и, слившись съ здѣшнимъ прежнимъ славяно-русскимъ населеніемъ, передала ихъ своимъ потомкамъ, которые и хранятъ ихъ въ своей памяти, какъ общую народную святыню всей русскои земли и всего славянскаго племени на Руси. На то же передвиженіе придиѣпровскаго русскаго славянства на сѣверо-востокъ и преобразование его въ велико-русскій типъ указываютъ и древніе придиѣпровскіе законы, извѣстные подъ именемъ «Русской Правды». Законы эти, въ прежнее время общіе всей русскои землѣ и особенно сильныя въ Придиѣпровьѣ, теперь рѣшительно тамъ забыты, тогда какъ въ здѣшнемъ краѣ они болѣею частью сохраняются простонародьемъ въ юридическихъ обычаяхъ, которымъ неотклонно слѣдуетъ народъ, когда дѣло не доходитъ до официальнаго суда.

Выдвинутые обстоятельствами, переселенцы изъ Придиѣпровья, равно какъ и старыя славянскіе обитатели здѣшняго краѣ, прішедшіе въ разное время изъ Новгорода и изъ земли кривичей, далеко не были неподвижными домосѣдами въ здѣшнемъ краѣ, а напротивъ, пользуясь раздѣленіемъ здѣшней страны на нѣсколько отдѣльных и независимыхъ княжествъ, свободно переходили изъ одного княжества въ другое: бояре—отыскивая себѣ болѣе горватаго и ласковаго князя, а горожане и земледѣльцы-поселяне—пріискивая себѣ житія болѣе спокойнаго и привольнаго, и мѣге отягощеннаго поборами въ княжескую казну, гдѣ бы они свободнѣе и выгоднѣе могли обзавестись своимъ хозяйствомъ. Это передвиженіе, не всегда выгодное въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, имѣло громадное этнографическое значеніе: оно не дозволяло переселенцамъ изолироваться и принимать мѣстный типъ и характеръ, и едва-ли не болѣе всего способствовало образованію сплошнаго одинаковаго великорусскаго типа на пространствѣ всего здѣшняго краѣ, и окончательно ославила здѣшнихъ финновъ. Славянскіе колонисты изъ разныхъ краевъ и съ разными обычаями, передвигаясь свободно съ одного мѣста на другое и переходя изъ княжества въ княжество, такъ-сказать, обтирались другъ объ друга, увлекали за собою болѣе робкихъ и неворотливыхъ финновъ, и такимъ образомъ сглаживали племенные и мѣстныя неровности, и тѣмъ самымъ выработали своеобразный великорусскій типъ и какъ бы новое славянское племя, соединившее въ себѣ, годившіяся къ живому и живучему соединенію, от

гчительныя черты почти всѣхъ славянскихъ племенъ на Руси и финскихъ финскихъ старожиловъ, подъ преобладаніемъ русскаго элемента, утратившихъ въ послѣдствіи даже слѣды своего происхожденія. Мало этого, — свобода передвиженія и колонизаціи, вытекшая изъ первоначальнаго устройства Великаго Новгорода, всосавшаяся въ плоть и кровь первоначальныхъ здѣшнихъ колонистовъ изъ Новгородской земли, и отъ нихъ перешедшая и къ болѣе позднимъ пришельцамъ изъ Приднѣпровья и Волны, раскинула великорусское племя на огромныя пространства, на какія не раскидывалось ни одно изъ славянскихъ племенъ на Руси, даже и новгородцы. При посредствѣ свободы передвиженія, великорусское племя на югѣ обхватило берега Дона и его притоковъ, почти до Азовскаго моря и до предгорій Кавказа, на востокъ оно заселило берега Волги и ея притоковъ почти до Каспійскаго моря и проникло на Уралъ, а на сѣверо-востокъ пробралось въ Сибирь, и вездѣ или расчищало дорогу послѣдующимъ государственнымъ завоеваніямъ, или, при помощи колонизаціи, успѣвало мѣстныхъ инородцевъ передѣлывать сперва въ олурусскихъ, а потомъ и въ русскихъ людей, дозволяя имъ свободный доступъ въ свое общество, съ однимъ непрежннимъ условіемъ — принятія православной вѣры, которая у великорусскаго племени всегда считалась первымъ и невозвратнымъ шагомъ народа къ полному братству съ русскими (*).

ПИСЬМО ИЗЪ М. ПОРОЗОВА.

Будучи усерднымъ почитателемъ «Домашней Бесѣды», я никогда не пропускаю безъ вниманія самой, по видимому, незначительной въ ней замѣтки, въ той увѣренности, что найду тамъ всегда что либо или важно занимательное, или истинно-назидательное, или съ пользою обличительное. Вслѣдствіе такого пристальнаго съ моей стороны наблюденія за всѣмъ помѣщаемымъ въ «Домашней Бесѣдѣ», мнѣ пришлось усмотрѣть въ 40-мъ выпускѣ за ей годъ въ подстрочной выноскѣ, въ статьѣ «о продѣлкахъ іезуитовъ», маленькую несообразность. Тамъ, между прочимъ, сказано, что въ 1858 году, въ м. Порозовѣ, Волковецкаго уѣзда, обратилось изъ православія въ латинство до 100 лицъ. Смѣю доложить, что эта аднотация невѣрна въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, совращеніе порозовскихъ православныхъ случилось не въ 1858, а въ 1857 году; во вторыхъ, совратилось не до 100 лицъ, а перешелъ въ латинство за однимъ разомъ, исключая семейства церковнаго старосты и одного заштатнаго церковно-служителя, весь приходъ, простиравшійся до 500 душъ обоего пола. Такъ какъ,

(*). Обратите вниманіе на это обстоятельство, отдѣляющее православіе отъ русской народности. Ред.

за прибытіемъ моимъ въ Порозовъ въ 1858 году, большая часть перешедшихъ возвратилась въ православіе добровольно и мирно, вслѣдствіе однихъ лишь съ моею стороны наставленій и убѣжденій, то о таковыхъ не было мною официально доведено до свѣдѣній начальства: формальное же извѣщеніе поступило отъ меня только на счетъ оставшихся въ упорствѣ, коихъ, по именному списку, числилось 150 лицъ.

Я, какъ бывшій, съ 1858 по 1864 годъ, настоятелемъ порозовскаго прихода, и имѣвшій чрезъ все время моего управленія онымъ дѣятельное отношеніе къ мѣстнымъ совращенцамъ и ихъ совратителямъ, вполне знакомъ съ упомянутымъ дѣломъ. Почему, при посредствѣ «Домашней же Бесѣды», рѣшаюсь помянутую несообразность исправить, съ присовокупленіемъ маленькаго дополнительнаго поясненія обстоятельствъ того дѣла, которое, какъ полагаю, вѣрно достопочтенной редакціи по однимъ лишь слухамъ.

Вслѣдствіе принятой мною нормы дѣйствованія въ сферѣ слугъ совращенства, мнѣ удалось обнаружить, что, къ отпаденію порозовскихъ православныхъ отъ своей вѣры, были слѣдующія причины: матеріальное и моральное уничтоженіе ихъ предъ латинянами; опущенность и крайняя нищета церкви; наконецъ, явный наговоръ со стороны покойнаго нынѣ ксендза порозовскаго костела г. Олендзкаго, распускавшаго чрезъ своихъ сотрудниковъ слухи, что переходъ въ латинство разрѣшенъ для всѣхъ, кто пожелаетъ. Къ этому присоединялось возмутительное кощунство надъ православною вѣрою и ея обрядами, имѣвшее цѣлю въ основаніи поколебать убѣденіе православныхъ въ истинѣ и святости ихъ исповѣданія.

Относительно перваго, положеніе порозовскихъ православныхъ было невыносимо. Во-первыхъ, православные всегда подвергались стѣсненію и ограниченію во всѣхъ житейскихъ угодьяхъ. Препищество въ пользованіи лѣсомъ, лучшею землею, сѣнокосами и пастбищами было на сторонѣ римлянъ. Во-вторыхъ, въ правахъ общественныхъ православные были тоже послѣдними и терпѣли всевозможныя обиды. Латиняне, по своему большинству, въ дѣлахъ, судахъ и расправахъ, своимъ дѣлали поблажку, послабленіе, оказывали защиту и ходатайство; православные же всегда несли всю тяжесть отвѣтственности, часто даже незаслуженной. Исполненіе бытовыхъ обязанностей нерѣдко выпадало исключительно на долю православныхъ, потому только, что они были православные. На счетъ занятія православными какихъ либо должностей и говорить нечего,—ихъ называли неспособными къ тому. Начиная съ писаря и старшины, всѣ члены сельскаго управленія въ Порозовѣ прежде всегда выбирались изъ латинянъ, на что оказывали вліяніе мѣстный *пробошъ* чрезъ единомышленниковъ своихъ. На моей памяти выборъ въ добросовѣстные изъ православныхъ случился только однажды и то по нуждѣ; старшина же православный избранъ былъ едва уже въ послѣднее время, по вліянію волевоыскаго уѣзднаго военнаго начальника.

Но все это не столько еще было убійственно для духа православныхъ въ Порозовѣ, сколько посрамленіе религиозно-нравственное. Нужно знать, что въ Порозовѣ, по причинѣ латинскаго преобладанія, съ незапамятныхъ временъ, не было приходской церкви. Была вѣкъ-то устроена маленькая, безформенная, въ родѣ лачуги, но и та находилась въ самой грязной и отдаленной улицѣ, предназначенной для прогона скота въ лѣтнее время, гдѣ подъ исходъ имы, или осенью, отъ незначительнаго даже ненастья, нельзя было ни пройти, ни проѣхать. Вблизи этой церкви, бывшей чрезъ цѣны десятки лѣтъ безъ ограды, произошли то отъ наводненія, то отъ рукъ враговъ православія, рвы и обрывистые овраги, бывшие не разъ причиною скандаловъ, при выносѣ къ погребенію покойниковъ. Мало того, православный порозовскій храмъ, изветшалый и нельзя, почти нарочно обстроены былъ скотскими и хлѣбными сараями, откуда въ церковь, нерѣдко и во время богослуженія, доходилъ ревъ скота, внятный говоръ людей и стукъ отъ молотбы. Съ довершеніе всего, помянутая порозовская православная святыня опоставлена была рядомъ съ безобразною жидовскою школою и на пути, ведущемъ къ еврейскому кладбищу. О внутреннемъ устройствѣ порозовской церкви, какое было мною найдено, нечего и говорить. Если принять во вниманіе невѣроятную нищету, простиравшуюся до отсутствія и одного фунта свѣчей, — ветхость и неправильность всѣхъ вообще предметовъ богослужебныхъ и относящихся до благолѣпія, то церковь эта представляла ни болѣе, ни менѣе, какъ плачевное зрѣлище, наводящее на душу очевидца тягостное смущеніе и крушеніе духа.

Такое состояніе храма Божія въ Порозовѣ гармонировало съ состояніемъ и церковнаго фундуша, который еще въ недавнее время можно было считать нищенскимъ, плачевнымъ. По вредному вліянію латинянъ, — не знаю какъ теперь, — а прежде отведена была земля самая плохая, песчаная, каменистая, заросшая кустарниками, которая ни коимъ образомъ не могла ни быть въ употребленіи, ни приносить пользу. Почему и духовенство православное въ порозовскомъ шестиклассномъ приходѣ, получая скудное жалованье и не будучи въ состояніи содержать хозяйство, было въ бѣдности и пренебреженіи, жило заискиваньемъ чуждой помощи къ содержанію; жилаго дома и хозяйственныхъ службъ не было для причтеникакихъ. Священники, во все прежнее время, занимали помѣщеніе для себя въ домахъ зажиточнѣйшихъ евреевъ, а церковнослужители святались, гдѣ день, гдѣ ночь. Едва въ 1858 году, по усилннѣйшему отеческому ходатайству благодушнаго архипастыря брестскаго, преосвященнѣйшаго Игнатія, построены былъ отъ папаты гродненской, на счетъ казны, домъ; экономическихъ же строеній и по сіе время еще не существуетъ.

Прописанное положеніе церкви и православнаго духовенства въ Порозовѣ, въ продолженіи многихъ-многихъ лѣтъ, не могло не соблазнять кого бы то ни было, не только мѣстныхъ прихо-

жанъ, видѣвшихъ величайшій контрастъ въ сравненіи съ интересами костела и духовенства онаго. У латинянъ каменное зданіе великолѣпнѣйшей структуры, въ живописной позиціи мѣстечка, огромное богатство средствъ, богатѣйшій фондъ для духовенства, съ самыми прихотливыми угодами,—все обращало на себя вниманіе и удивленіе, поражаемо чувствомъ благоговѣнія и давало возможность враждебной для православія сторонѣ поддерживать свое достоинство съ честью, величаться своимъ видимымъ преимуществомъ, въ укоръ православнымъ. Не что иное, какъ эти обстоятельства были причиною того, что еще прежде были тоже случаи совращенія православныхъ въ латинство; такъ какъ и по настоящее время есть въ Порозовѣ до 25 фамилій, принадлежащихъ къ костелу, которыя, по документамъ мѣстной церкви, въ двадцатыхъ годахъ сего столѣтія, исповѣдывали православную вѣру.

Само собою разумѣется, что римляне, при всякомъ малѣйшемъ случаѣ, не пропускали оказіи упрекнуть православныхъ всестороннимъ униженіемъ; и дѣйствительно, нерѣдко порицали ихъ самымъ жестокимъ образомъ, называя *быдломъ*, *сызматиками*, носящими печать гнѣва Божія и проклятія. Тяжко было для православныхъ, когда особенно ксендзы поносныя свои на православіе рѣчи подтверждали и фактами. У нихъ было правиломъ никогда не принимать православныхъ свидѣтелями при бракахъ, воспріимниками при крещеніи младенцевъ, участниками въ похоронахъ и проч. Православныхъ старались отчуждать даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ снисхожденія для нихъ требовала если не честь, то совѣсть ксендзовъ. А они презирали и попирали православныхъ до такой степени, что, при посѣщеніи въ приходѣ *сизматическимъ* семействъ, не допускали ихъ до цѣлованія святаго креста. Нельзя не согласиться, что такимъ образомъ дѣйствуя въ отношеніи къ православнымъ, латинское духовенство мало помалу предрасположило ихъ не въ пользу ихъ отеческой вѣры, поколебало ихъ убѣжденія и подготовило паденіе, къ которому рѣшительный шагъ устроили въ костельный праздникъ св. Антонія Падуанскаго, въ 1857 году. Предъ этимъ праздникомъ, ксендзъ Олендзкій особенно распространялъ слухи, что православнымъ, какъ заблуждшимъ овцамъ, для спасенія души и для улучшенія горькой своей доли, нѣтъ другаго средства, какъ отречься отъ православія и принять римскую вѣру, къ чему для нихъ случай имѣетъ скоро наступить. Праздникъ именно наступалъ; къ предстоявшему торжеству ксендзъ Олендзкій нарочно пригласилъ огромную конгрегацію духовенства, особенно проповѣдниковъ, которые, при безчисленномъ стеченіи народа, должны были сказывать рѣчи, направляя силу оныхъ главнымъ образомъ къ осужденію православной вѣры и къ необходимости обращенія всѣхъ въ латинство, чрезъ исповѣдь у присутствовавшихъ на *отпустѣ* ксендзовъ. Планъ былъ исполненъ искусно, и успѣхъ былъ совершенный. Всѣ православные, бывшіе въ день праздника со всего прихода въ костель, плѣнились блескомъ и величіемъ тор-

жества, пышностью церемоній, силою проповѣдей и не устояли ни одинъ. Цѣлыми массами хлынули въ конфесіоналы, и съ тѣхъ поръ порозовская церковь осталась безчадною сиротою. Богослуженіе во всѣ воскресные и праздничные дни въ православномъ храмѣ совершалось одиночно, требъ не было никакихъ; всѣмъ занялись ксендзы, дерзко отстаивая свое мнимое право до моего прибытія.

Съ первой минуты вступленія моего на поприще борьбы съ вѣроломствомъ, я не могъ не понять, что мнѣ предстояла трудная задача устранить и прекратить интриги порозовскаго латинскаго духовенства, уничтожить искусные ковы фанатической пропаганды и исправить явный соблазнъ, который уже началъ расти и множиться и по другимъ мѣстамъ, и отъ котораго, при совершенномъ тогда волненіи умовъ, неблагонамѣренные люди ожидали общаго въ край вреда для православія. Почему, первымъ моимъ дѣломъ было всесторонно и положительно-вѣрно ознакомиться съ образомъ дѣйствія враговъ православія, съ приемами ихъ успѣшнаго вліянія на моихъ заблудшихъ прихожанъ, и съ образомъ мыслей, настроеніями и любимыми обычаями отпавшихъ отъ православія. Располагая всѣ мои послѣдующія дѣйствія по усвоенному плану въ отношеніи къ латинскимъ проискамъ, при предусмотрительности, терпѣніи, снисходительности и приваравливаніи въ отношеніи къ соvrращенцамъ, я направилъ ходъ дѣла къ тѣмъ результатамъ, для которыхъ былъ присланъ моимъ епархіальнымъ начальствомъ. Мало по-малу хитросплетенный узелъ вредныхъ латинскихъ замысловъ былъ мною развязанъ; противодѣйствія обнажены и пропаганда обезсилена; заблудшіе же мои прихожане разубѣждены и доведены до раскаянія въ своемъ заблужденіи.

Священникъ *Александръ Карпинскій.*

1865 г.

Октября 25.

— — —

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ, ОТЪ 31-го АВГУСТА 1866 Г., Г-мъ ГУБЕРНАТОРАМЪ.

Въ 178-мъ *Виленскаго Вѣстника*, по распоряженію моему, напечатанъ Высочайше утвержденный 10-го августа уставъ товарищества приобрѣтателей имѣній въ западныхъ губерніяхъ.

Товарищество имѣеть цѣлю способствовать лицамъ русскаго происхожденія къ приобрѣтенію поземельной собственности въ западномъ крайѣ, посредствомъ выдачи покущикамъ денежныхъ ссудъ. Основной капиталъ товарищества, въ количествѣ пяти

милліоновъ рублей, представляется правительствомъ. На усиленіе операций товарищества по выдачѣ ссуды обращаются полученныя чрезъ продажу казенныхъ имѣній и оброчныхъ статей деньги, которыя признается возможнымъ отдѣлить для этой цѣли.

Учрежденіемъ сего товарищества правительство оказываетъ существенное содѣйствіе къ приобрѣтенію лицами русскаго происхожденія имѣній въ западныхъ губерніяхъ. Правительство воспрещеніемъ лицамъ польскаго происхожденія приобрѣтать въ западныхъ губерніяхъ имѣнія устранило сильную конкуренцію польскихъ владѣльцевъ, затѣмъ не только предоставило льготы при покупкѣ имѣній русскими, но даже отдѣлило часть государственныхъ доходовъ для образованія основнаго капитала. Ссудная касса въ Вильнѣ будетъ открыта въ непродолжительномъ времени; въ то же время будетъ учреждена здѣсь частная контора для справокъ и посредничества при продажѣ и покупкѣ имѣній.

Въ настоящее время мѣстной въ край администраціи предстоитъ употребить всѣ усилія къ точному и скорому исполненію воли Государя Императора о водвореніи здѣсь русскихъ представителей землевладѣнія.

Цѣль эта выражена въ Высочайшихъ повелѣніяхъ 23-го іюля о продажѣ конфискованныхъ имѣній и казенныхъ земель, и 10-го декабря 1865 года объ обязательной продажѣ секвестрованныхъ и тѣхъ имѣній, владѣльцы коихъ удалены административнымъ порядкомъ изъ края, и на конецъ посредствомъ продажи имѣній по добровольному соглашенію на основаніи Высочайше утвержденнаго устава товарищества приобрѣтателей имѣній.

Въ настоящее время, когда, по волѣ Государя Императора, цѣлымъ рядомъ мѣропріятій по различнымъ отраслямъ управленія предоставляются всѣ средства, чтобы этотъ край былъ русскимъ не только по историческому его происхожденію, но и по всѣмъ условіямъ жизни народа и дѣйствующимъ учрежденіямъ, и какъ владѣльцы земельной собственности болѣе другихъ располагають средствами возстановить и упрочить русскій характеръ, издревле присущій этому краю, то и прошу ваше превосходительство съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за средствами къ водворенію русскихъ землевладѣльцевъ во вѣрнопой управленію вашему губерніи.

Хотя продажа имѣній по добровольному соглашенію и не зависитъ отъ администраціи, но внимательное наблюденіе за мѣрами, способствующими скорѣйшему водворенію русскихъ землевладѣльцевъ и полное содѣйствіе имъ со стороны мѣстныхъ властей могутъ принести этому дѣлу большую пользу. Что же касается конфискованныхъ имѣній и казенныхъ фермъ, то скорая продажа ихъ русскимъ находится въ прямой зависимости отъ дѣятельности мѣстной въ каждой губерніи администраціи.

На этомъ основаніи я увѣренъ, что раздѣленіе занятій по отдѣлкѣ конфискованныхъ имѣній между дистраціонными комис-

сіями и мировыми съѣздами, допущенное по сношенію моему съ министромъ государственныхъ имуществъ, значительно ускорить ходъ этихъ работъ. Немаловажнымъ затрудненіемъ въ продажѣ русскихъ конфискованныхъ имѣній служатъ также правила о выдѣлѣ частей, подлежащихъ конфискаціи; изъ общаго состава имѣній, и потому я приказалъ составить новыя правила съ возможными облегченіями и представить ихъ на утверженіе.

Желая устранить медленность при оцѣнкѣ имѣній для продажи съ публичнаго торга, я возложилъ эту обязанность на членовъ мировыхъ учреждений и ожидаю утвержденія въ законодательномъ порядкѣ представленнаго мною полнаго свода правилъ по сему предмету.

Для привлеченія купцовъ, желающихъ водвориться землевладельцами въ край, проектированы мною новыя льготы и преимущества.

Для ознакомленія публики съ составомъ имѣній, подлежащихъ обязательной продажѣ въ двухгодичный срокъ, печатаются и рассылаются во всеобщее свѣдѣніе списки ихъ.

Переходя къ мѣрамъ, установленнымъ уже съ цѣлію скорѣйшаго водворенія русскихъ землевладельцевъ, я считаю не лишнимъ указать на тѣ изъ нихъ, отъ исполненія которыхъ главнѣйше зависитъ успѣхъ этого дѣла, а именно: 1) на соблюденіе крайней осторожности судебными мѣстами при совершеніи крѣпостныхъ актовъ и на удостовѣреніе, согласно Высочайшаго повелѣнія 4-го февраля сего года, въ томъ, что покупающій имѣніе въ западныхъ губерніяхъ не есть лицо польскаго происхожденія; 2) на строгое наблюденіе, чтобы на основаніи Высочайшаго повелѣнія 10-го декабря, лица польскаго происхожденія не могли приобрѣтать имѣній всякимъ инымъ путемъ, кромѣ наслѣдства по закону, вслѣдствіе чего внимательно разсматривать всѣ представляемыя въ судебныя мѣста къ засвидѣтельствуванію сдѣлки, которыми стараются обойти законъ 10-го декабря, и 3) на скорѣйшее разсмотрѣніе долговыхъ претензій, предъявленныхъ къ конфискованнымъ имѣніямъ, и немедленное постановленіе судебныхныхъ по нимъ опредѣленій. По этому предмету я ожидаю отъ вашего превосходительства представленія вѣдомости, затребованной мною циркуляромъ 9-го сего августа.

Предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ, членамъ повѣрочныхъ комиссій и мировымъ посредникамъ подтвердить о безотлагательномъ производствѣ оцѣнки тѣхъ конфискованныхъ имѣній, въ которыхъ заключается менѣе 1,000 десятинъ, а лостраціоннымъ комиссіямъ о производствѣ оцѣнки и раздѣленія на участки конфискованныхъ имѣній большаго размѣра и о приведеніи въ извѣстность тѣхъ казенныхъ фермъ, которыя за надѣленіемъ крестьянъ могутъ быть предоставлены въ продажу; требуемыя мною вѣдомости объ успѣхѣ сихъ работъ должны быть мнѣ представляемы каждыя двѣ недѣли.

На палаты государственныхъ имуществъ инструкціею 15-го марта 1863 г. возложено завѣдываніе секвестрованными, а также и конфискованными имѣніями. Обязанность ея въ этомъ случаѣ не должна ограничиваться заботою только объ имѣніяхъ, состоящихъ въ хозяйственномъ управленіи: она обязана имѣть самый строгій надзоръ за тѣми имѣніями, которыя находятся въ арендномъ содержаніи. Правильные сѣвообороты, неистощеніе почвы усиленными посѣвами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ льна и другихъ подобныхъ произведеній, поддержаніе арендаторами хозяйственныхъ построекъ и жилыхъ домовъ, сохраненіе лѣсовъ и проч. должны составлять предметъ постоянной, неусыпной заботливости и контроля со стороны чиновниковъ, завѣдывающихъ этими имѣніями. Предлагаю вашему превосходительству сообщить палатѣ государственныхъ имуществъ, что, при малѣйшемъ невниманіи чиновниковъ, завѣдывающихъ имѣніями, къ исполненію ихъ обязанности и отступленіи отъ контрактовъ со стороны арендаторовъ, съ нихъ будетъ взыскано по всей строгости законовъ.

Наблюденіе въ семь случаѣ возлагаю на управляющаго палатою государственныхъ имуществъ. Съ передачею крестьянъ въ общія губерскія и уѣздныя учрежденія, занятія въ палатѣ значительно уменьшились, и потому члены палаты и управляющій могутъ личнымъ обзоромъ удостовѣряться, въ какомъ положеніи находятся означенныя имѣнія, въ какой степени исполняются условія контрактовъ арендаторами и внимательно ли наблюдаютъ назначенныя съ этою цѣлію чиновники.

Губернскому правленію прошу предложить по дѣламъ о продажѣ имѣній съ публичнаго торга за казенныя и частныя взысканія не допускать ни малѣйшей медленности. Оцѣнку сихъ имѣній поручать, согласно распоряженію моему отъ 9-го февраля сего года, членамъ мировыхъ учреждений. При назначеніи имѣнія въ продажу существенную важность и даже основаніе всему составляетъ правильная опись имѣнія и особенно приведеніе въ извѣстность количества земли. Въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ описаніе и оцѣнку составляла полиція, слѣдуетъ обращать вниманіе на исчисленіе дохода, а слѣдовательно стоимости имѣнія.

Изъ бывшихъ въ разсмотрѣніи моемъ случаевъ замѣтилъ, что при опредѣленіи дохода за послѣднія 10 лѣтъ недостаточно обращается вниманіе на перемены, происшедшія въ хозяйствѣ вообще всѣхъ имѣній со времени прекращенія обязательнаго труда крестьянъ.

При описи, оцѣнкѣ и продажѣ имѣній съ публичнаго торга руководствоваться Высочайше утвержденными имѣніями государственнаго совѣта 8-го февраля 1865 г. и 7-го февраля 1866 г.

Находя полезнымъ увеличить свѣдѣнія, публикуемыя объ имѣніяхъ, назначенныхъ къ продажѣ въ двухгодичный срокъ, прошу ваше превосходительство предложить предсѣдателямъ мировыхъ сѣздовъ представлять мнѣ, чрезъ губернское по крестья-

янскимъ дѣламъ присутствіе, подробныя описанія этихъ имѣній въ хозяйственномъ отношеніи по прилагаемому образцу (1), принятому къ руководству обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита при выдачѣ ссудъ подъ залогъ имѣній.

ПОѢЗДКА Г. ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА КРАЯ, ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА ФОНЪ-КАУФМАНА, ПО ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Его высокопревосходительство, г-нъ главный начальникъ края, выѣхавъ 3-го сентября для предположеннаго обозрѣнія Виленской и Минской губерній, былъ встрѣченъ въ 16 верстахъ отъ Вильны, въ м. Рукойнѣ, г-мъ виленскимъ губернаторомъ, военнымъ начальникомъ, предсѣдателемъ мирового съѣзда и другими уѣздными чиновниками; тутъ же находились представители и крестьяне рукойнской волости (присоединившіеся недавно къ православію), которые привѣтствовали его высокопревосходительство, по русскому обычаю, хлѣбомъ и солью. Поздоровавшись съ крестьянами и поблагодаривъ ихъ за хлѣбъ-соль, г. главный начальникъ края поздравилъ вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянъ съ духовнымъ ихъ обновленіемъ и присоединеніемъ къ вѣрѣ предковъ. За симъ всѣ присутствовавшіе отправились въ церковь, гдѣ совершена была божественная литургія.

О желаніи г. главнаго начальника края отслушать на дорогѣ обѣдню въ рукойнской церкви заранѣе было извѣстно, а потому къ означенному дню успѣли прибыть въ Рукойню виленскій благочинный, протоіерей Гомолицкій и приглашенные имъ священники вновь устроенныхъ въ Виленскомъ уѣздѣ церквей быстрицкой, шумской, островецкой, рудожинской и подберезской (2). Присутствіе послѣднихъ въ рукойнской волости и въ особенности много-уважаемаго о. Іоанна Стрѣлецкаго (3), имѣло особый смыслъ и придавало этому дню видъ какого-то небывалаго донинѣ торжества.

Священнодѣйствіе совершено было соборнѣ, при многочисленномъ стеченіи народа; стройность и возвышенная простота пра-

(1) Образецъ этотъ напечатанъ въ № 193 «Виленскаго Вѣстника», подъ заглавіемъ: Выписка изъ проекта правилъ оцѣнки, составленная временнымъ комитетомъ общества взаимнаго поземельнаго кредита.»

(2) Всѣ эти церкви, какъ и рукойнская, обращены изъ костеловъ, по случаю присоединенія прихожанъ къ православію.

(3) Отецъ Стрѣлецкій еще въ недавнее время былъ настоятелемъ подберезскаго р. к. костела, а нынѣ состоитъ тамъ же приходскимъ священникомъ по чину православной церкви.

вославнаго богослуженія, изъ котораго ни одно слово не было потеряно для слушателей, религиозное усердіе членовъ церковнаго братства, стоявшихъ все время по древнему обычаю съ зажженными свѣчами, произвели сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, изъ коихъ каждый живо чувствовалъ все превосходство и силу православія; къ тому же о. Стрѣлецкій произнесъ приличное случаю убѣдительное слово, которое въ устахъ его имѣло для всѣхъ особенное значеніе (1).

Изъ церкви г. главный начальникъ края посѣтилъ волостное правленіе, гдѣ представились ему, кромѣ мѣстнаго мирового посредника, губернской люстраторъ, помощникъ его, а также нѣкоторые другія лица, служащія по мировымъ учрежденіямъ. Изъ объясненій съ ними оказалось, что дѣйствія повѣрочныхъ комиссій какъ по Виленскому, такъ и по другимъ уѣздамъ почти уже совершенно окончены и вскорѣ послѣдуетъ закрытіе комиссій; что прилагается также особенное стараніе къ скорѣйшему производству люстраціонныхъ работъ, вполнѣ успѣшный ходъ которыхъ останавливаетъ однако же недостатокъ въ люстраціонныхъ чиновникахъ, какъ напримѣръ, въ Виленскомъ уѣздѣ, гдѣ на весь уѣздъ назначенъ одинъ только люстраторъ. Распросивъ затѣмъ мѣстнаго мирового посредника о ходѣ занятій въ волостномъ правленіи, г. главный начальникъ края пожелалъ, чтобы ему были представлены волостные судьи. Прочитавъ про себя нѣсколько рѣшеній волостнаго суда въ заведенной для того книгѣ и удостовѣрившись въ тождествѣ лицъ, подписавшихъ эти рѣшенія, г. главный начальникъ края пригласилъ каждого изъ судей разсказать сущность разрѣшенныхъ ими дѣлъ. Отвѣты были вполнѣ удовлетворительны и во всемъ сообразны съ достоинствомъ судей.

Въ разговорѣ съ судьями его высокопревосходительство между прочимъ спрашивалъ, посылаютъ ли крестьяне дѣтей своихъ въ школы и, узнавъ отъ нихъ, что въ рукоиновской школѣ находится теперь 32 мальчича и только одна дѣвочка, указывалъ имъ на необходимость посылать въ школу не только мальчичовъ, но и дѣвочекъ, отчего онѣ будутъ и умнѣе и полезнѣе въ домашнемъ быту. Выходя изъ волостнаго правленія въ школу, г. главный начальникъ края обратился еще разъ къ бывшимъ тутъ люстраторамъ и членамъ повѣрочной комиссіи, выразивъ имъ свое удовольствіе по поводу успѣшнаго хода порученныхъ имъ занятій и приглашая ихъ къ единодушнымъ дѣйствіямъ на пользу края; причемъ его высокопревосходительствомъ было замѣчено, какъ

(1) Въ числѣ присутствовавшихъ при богослуженіи былъ одинъ изъ такъ называемыхъ старовѣровъ, который тутъ же изъявилъ желаніе принять православіе съ семействомъ. Въ послѣднее время изъ числа проживающихъ около Вильны подобныя старовѣровъ уже до 120 человѣкъ заявили желаніе и присоединены къ первообытной церкви.

иногда вредят общему дѣлу встрѣчающіяся между служащими пререканія и неудовольствія, которыя легко устранить если вспомнить о важности лежащихъ на каждомъ обязанностей.

Въ школѣ г. главный начальникъ края провелъ около получаса. Повѣривъ успѣхи учениковъ старшаго отдѣленія, изъ коихъ нѣкоторые читали весьма порядочно и объяснялись толково, его высокопревосходительство изволилъ обратить вниманіе и на мальчиковъ младшаго отдѣленія. Выслушавъ ихъ уроки, г. главный начальникъ края указалъ на необходимость и пользу упражнять ихъ въ легкихъ изустныхъ счетахъ. Поручивъ учителю предложить тутъ же мальчикамъ вѣсколько легкихъ задачъ и предлагая таковыя лично, его высокопревосходительство убѣдилъ какъ присутствовавшихъ такъ и самаго учителя, что подобныя упражненія не только возможны, но и весьма полезны, приучая дѣтей къ сосредоточенію умственныхъ способностей, отчего они сдѣлаются болѣе понятливыми и приобрѣтутъ болѣе живости въ отвѣтахъ и соображеніи. Школою завѣдуетъ въ настоящее время священникъ, а обучаетъ грамотѣ дьячекъ рукоїнскаго прихода.

Во все время обозрѣнія волостнаго правленія и школы, крестьяне рукоїнской волости находились при этихъ домахъ. Выйдя къ нимъ, г. главный начальникъ края распрашивалъ о положеніи ихъ хозяйства, объ урожаѣ и наконецъ, сказалъ имъ, что они уже получили все, что имъ слѣдовало, и обеспечены, внушалъ имъ усердно трудиться надъ обработкою своихъ участковъ, беречь свое добро, не касаться чужаго и уважать законъ, который должно исполнять строго и ненарушимо. Онъ выразилъ имъ, что законъ ограждаетъ и охраняетъ всѣхъ ихъ, что нарушители закона поплачиваются имуществомъ и лично свободою, и что въ законѣ и трудѣ заключается все ихъ благо.

При этомъ г. главный начальникъ края отечески напоминалъ крестьянамъ, чтобы они не забывали никогда молиться за своего Освободителя, Августѣйшаго нашего Государя, которымъ они облагодѣйствованы, такъ какъ это священная ихъ обязанность.

Громкіе порывы видимо тронутыхъ этими словами крестьянъ и крики «ура» прерывали рѣчь г. начальника края. Вообще, добрый видъ крестьянъ, развязность ихъ и заявленное ими сочувствіе къ словамъ его высокопревосходительства произвели самое пріятное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, вполне увѣренныхъ, что духовное обновленіе рукоїнскихъ крестьянъ, подъ покровомъ родной нашей православной вѣры будетъ имѣть весьма благотворное вліяніе на улучшеніе нравственнаго и домашняго ихъ быта и сдѣлаетъ ихъ достойными гражданами русской земли.

Въ 11^{1/2} часовъ того же утра г. главный начальникъ края изволилъ отѣхать далѣе по дорогѣ въ Ошмянку.

Въ Ошмяны г. главный начальникъ края прибылъ около 3 часовъ пополудни.

Осмотрѣвъ почетный караулъ и поблагодаривъ нижнихъ чиновъ за молодецкую стоянку, его высокопревосходительство спрашивалъ представлявшихся ему офицеровъ 117-го Ярославскаго полка и другихъ, расположенныхъ въ Ошмянахъ войскъ, о состояніи ввѣренныхъ имъ частей. Затѣмъ, обратившись къ представителямъ отъ городскихъ сословій и крестьянъ, которые встрѣтили его высокопревосходительство съ хлѣбомъ и солью, напоминалъ послѣднимъ о милостяхъ Царскихъ и о томъ, что самая лучшая благодарность Царю есть строгое исполненіе его законовъ. Евреевъ спрашивалъ, чѣмъ они преимущественно занимаются, совѣтовалъ заниматься ремеслами и вообще больше трудиться, чѣмъ уллучился бы ихъ бытъ и выиграла самая нравственность населенія, а также посылать дѣтей въ устроенныя правительствомъ училища и приучить ихъ быть русскими. Военные и гражданскіе чиновники были представлены въ домѣ военнаго начальника, гдѣ его высокопревосходительство спрашивалъ каждаго изъ нихъ о состояніи ввѣреннаго ему управленія и ходѣ занятій. Засимъ, выразивъ желаніе присутствовать въ тотъ день на засѣданіи мирового съѣзда, г. главный начальникъ края, прощаясь съ чиновниками, повторилъ имъ тѣ слова, которыя неоднократно были уже имъ высказываемы: что гдѣ дѣло идетъ о пользѣ службы, тамъ не можетъ быть мѣста ни личнымъ неудовольствіямъ, ни пререканіямъ, и что дѣло правительства и общественной пользы должно быть ведено съ полнымъ единодушіемъ и безпристрастіемъ. Въѣстъ съ гражданскими чинами представлялось нѣсколько лицъ римско-католическаго духовенства. Получивъ при самомъ въѣздѣ въ Ошмяны донесеніе о противозаконныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ изъ ихъ сотоварищей-ксендзовъ, его высокопревосходительство счелъ нужнымъ напомнить имъ, что подобныя дѣйствія не могутъ внушать къ нимъ довѣрія и приглашалъ декановъ къ добросовѣстному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей; при чемъ добавилъ, что за всѣ упущенія противъ установленныхъ правилъ въ приходахъ, кромѣ приходскихъ ксендзовъ, лежитъ также отвѣтственность и на деканахъ, и что послѣдніе будутъ всякій разъ привлекаемы къ отвѣтственности за противозаконные поступки подвѣдомственныхъ имъ ксендзовъ.

Въ тотъ же день осмотрѣны г. главнымъ начальникомъ края церковь, больница, городской острогъ и двухклассное уѣздное училище, а вечеромъ происходило засѣданіе мирового съѣзда.

Церковь въ Ошмянахъ опрятная, но приходитъ уже въ ветхость. Она недостаточно помѣстительна для города, построена изъ слишкомъ тонкаго лѣсу, холодная; колокольня такъ непрочна, что не рѣшаются поднять приобрѣтенный для церкви колоколъ

вѣсомъ не болѣе 30 пудовъ. Обновленный въ 1864 году иконостасъ смотритъ благолѣпно; ощущается недостатокъ въ утвари и ризахъ. Въ церкви находится икона Спасителя, вывезенная однимъ изъ защитниковъ Севастополя, которая была съ нимъ во время штурма и прострѣлена двумя пулями. Икона эта чтится нижними чинами. Сознана необходимость постройки въ Ошмянахъ новаго каменнаго храма; выбрано уже приличное мѣсто и составлены проектъ и смѣта; но постройка эта не можетъ еще осуществиться, — къ ней приступать, когда будетъ ассигнована нужная на этотъ предметъ сумма.

Въ больницѣ найдены нѣкоторыя упущенія. Бѣлье, назначенное для холерныхъ больныхъ, не отдѣлено отъ остальнаго и при мытьѣ его не соблюдаются признанныя необходимыми мѣры предосторожности.

По недостаточности строительныхъ капиталовъ, тюремный замокъ не исправленъ и произвелъ на г. главнаго начальника края непріятное впечатлѣніе.

Уѣздное училище открыто только въ прошломъ году, а потому въ немъ едва 20 учениковъ, изъ коихъ въ первомъ классѣ 11 и во второмъ 9. Въ училищѣ нѣтъ ни одного еврея, ни магометанина, не смотря на то, что послѣднихъ въ уѣздѣ 572 души. Будучи вообще доволенъ порядкомъ въ училищѣ, но найдя число учащихся весьма малымъ, г. главный начальникъ края выразилъ надежду, что число учениковъ въ послѣдствіи увеличится, иначе расходы казны на содержаніе училища должны быть признаны бесполезными.

Относительно положенія и хода крестьянскаго дѣла предстояло ближе ознакомиться съ гг. служащими по мировымъ учрежденіямъ, съ ихъ взглядомъ на дѣло и повѣрить результаты ихъ дѣятельности. Засѣданіе сѣзда, гдѣ каждый долженъ высказывать свое мнѣніе по текущимъ дѣламъ, а въ случаѣ разногласія и подкрѣплять оное надлежащими доводами, представляло для этой цѣли весьма удобный случай.

Сѣздъ посредниковъ 3-го сентября, въ которомъ обсуждались нѣкоторыя тяжбы дѣла, не лишенъ былъ интереса и для постороннихъ. Разсматривалась жалоба одного помѣщика на рѣшеніе мирового посредника, при чемъ присутствовали самъ помѣщикъ, его повѣренный и противная сторона — крестьянинъ мельникъ и свидѣтели его. Дѣло касалось небольшого участка луга до 1800 кв. саж., присужденнаго мировымъ посредникомъ въ пользу крестьянина, на основаніи представленныхъ послѣднимъ доказательствъ, что этимъ лугомъ постоянно владѣлъ не только онъ, но и отецъ его, нынѣ уже умершій. По запутанности и сбивчивости показаній дѣло требовало внимательнаго изслѣдованія и сличенія плановъ, и хотя изъ представленныхъ доказательствъ,

показаній свидѣтелей и личныхъ объясненій сторонъ, явно было что право на сторонѣ крестьянина, но съѣздъ основалъ свое рѣшеніе объ оставленіи безъ послѣдствій жалобы помѣщика только на томъ обстоятельстве, что спорный участокъ луга показанъ на планѣ повѣрочною комиссіей въ числѣ надѣла поманутаго крестьянина, и что съѣздъ не имѣетъ права входить въ разбирательство постановленій повѣрочной комиссіи; помѣщику же представлено жаловаться губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Во время обсуждения дѣла крестьяне держали себя спокойно, съ достоинствомъ, объяснялись только и чистою русскою рѣчью. Разсматривались въ засѣданіи еще и другія дѣла, но безъ сторонъ и, свидѣтелей, преимущественно служебныя: заявлена также со стороны одного крестьянина жалоба на помѣщика за неуплату ему за работу денегъ, но ему объяснено, что жалоба эта не подлежитъ обсужденію съѣзда, а разбирательству мѣстнаго мирового посредника, который тутъ же записалъ означенную жалобу. Затѣмъ съѣздъ приступилъ къ разрѣшенію слѣдующаго дѣла:

Палата государственныхъ имуществъ препроводила въ мировой съѣздъ прошеніе одной крестьянки, которая жаловалась на несправедливое отобраніе у нея и передачу другому крестьянину земельного участка. Прошеніе это было передано для дознанія мировому посреднику. Оказалось что земля отобрана по постановленію бывшаго сельскаго схода съ утвержденія палаты и что постановленіе это дѣйствительно неправильно, но какъ оно утверждено палатою, то мировой съѣздъ по обсужденіи сего предмета съ разныхъ сторонъ пришелъ единогласно къ убѣжденію, что это дѣло не подлежитъ рѣшенію съѣзда и что вообще въ подобнаго рода случаяхъ палатѣ государственныхъ имуществъ можетъ быть сообщено только заключеніе съѣзда; перевершать же постановленія бывшихъ сельскихъ сходовъ, утвержденныхъ, на основаніи прежняго закона, палатою государственныхъ имуществъ, мировой съѣздъ считаетъ себя не вправе. Мнѣніе это положено принять въ руководство и на будущее время при поступленіи жалобъ крестьянъ на постановленія бывшихъ сельскихъ сходовъ.

Г. главный начальникъ края остался совершенно доволенъ правильнымъ и законнымъ обсужденіемъ дѣлъ на мировомъ съѣздѣ и представленными ему предсѣдателемъ, статскимъ совѣтникомъ Поповымъ, обстоятельными свѣдѣніями о дѣйствіяхъ повѣрочныхъ комиссій и вообще о положеніи крестьянскаго дѣла въ Опшянскомъ уѣздѣ. Усмотрѣвъ между прочимъ изъ отчета г. Попова, что въ 19 волостяхъ пзъ остатковъ разныхъ суммъ образованы вспомогательныя кассы для выдачи ссудъ крестьянамъ, г. главный начальникъ края выразилъ желаніе, чтобы подобныя кассы были, по возможности, заведены во всѣхъ прочихъ волостяхъ. Вообще его высокопревосходительство изволилъ найти, что

озложенны на г. мировыхъ посредниковъ обязанности исполняются ими усердно, съ знаніемъ дѣла, и получаютъ хорошее управленіе со стороны предсѣдателя съѣзда г. Попова, который заслужилъ особенную благодарность его высокопревосходительства. По окончаніи засѣданія г. главный начальникъ края еще долго азговаривалъ съ предсѣдателемъ и присутствовавшими. Главнымъ содержаніемъ этого разговора были: направленіе крестьянъ къ совершенной законности въ ихъ общественномъ быту, къ улучшенію ихъ хозяйства, къ распространенію между ними грамотности, къ утвержденію уваженія къ чужой собственности и правильныхъ понятій объ ихъ обязанностяхъ, а равно къ законному покровительству такимъ между ними учрежденіямъ, которыя, какъ наприимѣръ вспомогательныя кассы, обезпечиваютъ ихъ на ерныи день и способствуютъ самостоятельному развитію ихъ руда.

На другой день г. главный начальникъ края изволилъ посѣтитъ лежація по пути отъ Ошмянъ къ Вилейкѣ мм. Крево и Моргоны, а вечеромъ прибылъ въ Вилейку.

(Окончаніе будетъ.)

ОБЪѢЗДЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТОМЪ БЕЗАКОМЪ.

15-го іюня генераль-адъютантъ Безакъ предпринялъ объездъ вѣренныхъ его управленію губерній и началъ съ Волынской. Какъ и въ прошломъ году, онъ не ограничивался обзорніемъ присутственныхъ мѣстъ и дѣлопроизводства, но осматривалъ также училища и старинныя историческія церкви, даже развалины ихъ. Онъ началъ осмотръ съ Житомира. При посѣщеніи тамошней р. католической семинаріи, генераль-губернаторъ заставлялъ учениковъ дѣлать переводы съ латинскаго на русскій языкъ, и знаніе русскаго языка оказалось при этомъ недостаточнымъ. Напротивъ того, въ гимназіи только выговоръ учениковъ найденъ былъ неудовлетворительнымъ, и то въ низшихъ классахъ. Каюникъ Баратынскій предлагалъ гимназистамъ-католикамъ вопросы порусски, и ученики отвѣчали тоже порусски; всѣ присутствовавшіе, пишутъ въ *Кіевлянинѣ*, были удивлены правильностью уѣчи какъ преподавателя, такъ и воспитанниковъ, изъ коихъ нѣкоторые произносятъ совершенно правильно и почти безъ малѣйшаго оттѣнка мѣстнаго говора. Тоже замѣчено было и въ ровенской гимназіи. Въ Ровнѣ генераль-губернаторъ дѣлалъ ревизію трехъ мировыхъ съѣздовъ: мѣстнаго ровенскаго и вызванныхъ

туда заславскаго и острогжскаго. Повидимому, пишутъ въ *Киелянинъ*, генераль-губернаторъ остался доволенъ работами всѣхъ трехъ сѣздовъ; въ двухъ уѣздахъ, Ровенскомъ и Острогскомъ, землѣрные работы окончены, а въ Заславскомъ оканчиваются. Напротивъ того, въ Житомирѣ онъ остался не доволенъ медленностію, съ которою велось крестьянское дѣло; точно также онъ нашелъ медленность въ дѣлахъ военно-судной комиссіи въ Житомирѣ. Выѣхавъ изъ Ровна, генераль-адъютантъ Безахъ останавливался только на самое короткое время въ мѣстечкѣ Клевани, для свиданія съ княземъ Трубецкимъ, приобретающимъ киеванское имѣніе. 20-го іюня вечеромъ генераль-губернаторъ пріѣхалъ въ Луцкъ. На другой день, въ 8 часовъ утра, начался приемъ просителей. Какъ въ Ровнѣ большинство поданныхъ начальнику края просьбъ заключали въ себѣ ходатайства по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ, такъ здѣсь значительное большинство просьбъ были жалобы на мировой сѣздъ. Мѣстные помѣщики густою толпой наполняли залу въ квартирѣ генераль-губернатора и, представляя по одиночкѣ свои просьбы, объяснялись съ замѣтнымъ воодушевленіемъ и самоувѣренностію. Все это, сообщая *Киелянину*, походило на сговоръ, на условленный образъ дѣйствія. Характеристическою чертой всѣхъ поданныхъ начальнику края какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ жалобъ на мировыя учрежденія были ссылки на *Высочайшій рескриптъ 13-ю мая и Положеніе 19-ю февраля 1861 г., съ умолчаніемъ о всѣхъ помянутыхъ въ промежутокъ этого времени законоположеніяхъ по крестьянскому дѣлу*, какъ будто ихъ вовсе не существовало. Въ этихъ жалобахъ мировыя учрежденія, поставившія свои рѣшенія на основаніи означенныхъ законоположеній, обвинялись въ дѣйствіяхъ противозаконныхъ и несогласныхъ съ указанными въ рескриптѣ началами. Увлеченія доходили до того, что въ Ровнѣ одинъ помѣщикъ, подписавшій актъ безъ всякихъ возраженій и изъявившій согласіе на сдѣланное мировымъ сѣздомъ пониженіе, послѣ того какъ выкупной актъ прошелъ всѣ мѣстныя инстанціи и былъ отправленъ въ выкупное учрежденіе, въ поданной генераль-губернатору просьбѣ домогался уничтоженія акта и оставленія крестьянъ въ его имѣніи на тѣхъ основаніяхъ, какія были опредѣлены въ прежней уставной грамотѣ. Тѣмъ не менѣе начальникомъ края не только были приняты, но и внимательно разсмотрѣны всѣ эти жалобы. Изъ числа жалобщиковъ одинъ, принадлежащій къ наиболее значительнымъ въ уѣздѣ землевладѣльцамъ, г. С., былъ приглашенъ генераль-губернаторамъ въ засѣданіе и тамъ объяснилъ свое дѣло. Онъ обвинялъ мировой сѣздъ въ неправильномъ отводѣ крестьянамъ инвентарной земли, и доказательства свои основывалъ на экономическихъ инвентаряхъ и планахъ съ 1810 по 1835 г., по обходилъ молчаніемъ инвентари 1847 г., которые послужили основаніемъ для поземельнаго надѣла крестьянъ. По подобнымъ жа-

лобамъ очевидно не могло быть сдѣлано удовлетворенія, хотя въ *Кіевлянинѣ* и умалчиваютъ объ этомъ, равно какъ и о томъ— всѣ ли жалобы были также мало основательны.

При разсмотрѣніи дѣлъ луцкаго и дубенскаго мировыхъ сѣздовъ оказалось, что луцкій далеко отсталъ отъ другихъ въ дѣлѣ выкупной операціи. Здѣсь дѣло это едва только начато, тогда какъ въ дубенскомъ $\frac{2}{3}$ актовъ уже окончены. Впрочемъ въ Луцкомъ уѣздѣ, преимущественно передъ другими, крестьянская реформа систематически была извращена польскимъ составомъ мировыхъ дѣателей, говоритъ *Кіевлянинъ*. Что касается до дубенскаго сѣзда, то работы его, по свидѣтельству *Кіевлянина*, отличаются основательностью, замѣчательною отчетливостью, полнотой и совершеннымъ знаніемъ дѣла. «Здѣсь оно въ надежныхъ и твердыхъ рукахъ и къ назначенному генераль-губернаторомъ сроку, 1-го ноября, будетъ несомнѣнно окончено.» Въ общемъ итогъ крестьяне выкупаютъ земли болѣе слишкомъ на 3% противъ показаннаго по инвентарямъ и на 8% противъ опредѣленнаго по прежнимъ грамотамъ: платежей же за выкупаемую землю опредѣлено на 24% менѣе противъ исчисленныхъ по грамотамъ. При всемъ томъ отказы крестьянъ отъ выкупа инвентарной земли, составляющіе 8% на все количество выкупной земли, указываютъ на несоразмѣрное въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ опредѣленіе выкупныхъ платежей. Во Владимірскомъ уѣздѣ, куда г. начальникъ края пріѣхалъ 22-го іюня, особенное его вниманіе обратили на себя развалины знаменитаго Успенскаго собора, построеніе котораго относится къ XII вѣку и который, обрушившись въ 1780 г., съ того времени не возобновленъ. При осмотрѣ развалинъ Успенскаго собора, начальникъ края строителю православныхъ церквей Волынской губерніи капитану Эртелю, выразилъ свое желаніе сохранить эти развалины отъ дальнѣйшаго истребленія временемъ. При этомъ была заявлена мысль о возобновленіи храма изъ суммъ, отпущенныхъ правительствомъ на устройство православныхъ церквей въ западномъ краѣ, или посредствомъ сбора пожертвованій по всей Россіи. Корреспондентъ *Кіевлянина* не сомнѣвается, что повсемѣстная подписка дастъ средства возвести храмъ древняго Владиміра въ размѣрахъ и великолѣпнѣи достойныхъ его, и выражаетъ увѣренность, что съ помощію повсемѣстной подписки дѣло его возсозданія пошло бы быстро и успѣшно. «Въ сопровождавшемъ генераль-губернатора въ поѣздѣ его по Волынской губерніи капитанѣ Эртелѣ, пишетъ онъ, мы видѣли горячую преданность порученному ему дѣлу. Съ любовію художника и страстью археолога, онъ изслѣдываетъ памятники древней русской цивилизаціи на Волыни и собираетъ историческія преданія о нихъ въ народѣ. Мы увѣрены, что дѣло сооруженія православныхъ церквей въ Волынской губерніи будетъ многимъ обязано такому дѣателю.»

Ревизія владимірскаго и ковельскаго мировыхъ сѣздовъ, про-

изводившаяся разомъ, показала, что дѣло въ нихъ сдѣлано едва на половину; остается большая половина, которая должна бы быть окончена въ настоящемъ году. При усиленныхъ средствахъ, которыя открыты для этихъ сѣздовъ (при каждомъ изъ нихъ учреждено по два повѣрочныхъ отдѣленія), можно надѣяться, что работы и здѣсь будутъ кончены къ назначенному сроку. «Повѣрочныя работы по этимъ двумъ сѣздамъ страдаютъ общими многимъ мировымъ сѣздамъ Волынской губерніи недостатками: не рѣдко поверхностными изслѣдованіями инвентарной земли, отсутствіемъ подробныхъ справокъ съ инвентарями 1847 г., недостаточностію разслѣдованій о вѣрности показаній въ грамотахъ разрядовъ крестьянскихъ хозяйствъ и непримѣненіемъ 170 ст. мѣст. полож. о сравненіи съ инвентарными повинностями. Вообще въ дѣятельности этихъ сѣздовъ остается многого желать въ отношеніи какъ скорости, такъ и качества работъ.»

Изъ Владиміра-Волынскаго начальникъ югозападнаго края проѣхалъ въ Радзивиловъ, гдѣ онъ имѣлъ 24-го іюня свиданіе съ богатыми бродскими банкирами Кальерами, отцомъ и сыномъ, по предмету устройства желѣзной дороги отъ Львова къ нашей границѣ въ Волочискѣ. Банкиры Кальеры состоятъ въ числѣ главныхъ компаніоновъ львовско-бродской дороги, постройка которой рѣшена уже австрійскимъ правительствомъ. Разстояніе отъ Львова на Тарнополь къ нашей границѣ у Волочиска не менѣе 105 верстъ, отъ Львова же въ Броды 60 верстъ. Съ половины пути львовско-бродской дороги отъ Буска, вѣтвь на Тарнополь къ Волочиску составить не болѣе 75 верстъ. Разстояніе это такъ незначительно, а выгоды соединенія львовской дороги съ проектированной вѣтвью нашей строящейся кіево-балтской дороги отъ Станиславчика къ Волочиску такъ очевидны, что не можетъ быть сомнѣнія въ скорой постройкѣ Австріей львовско-тарнопольской вѣтви къ Волочиску, какъ только начнется сооруженіе нашей вѣтви. Бродскіе банкиры утверждаютъ, что австрійское правительство заявляетъ полную готовность принять участіе въ составленіи компаніи для сооруженія львовско-волочискской дороги.

25-го числа генераль-адъютантъ Безакъ проѣхалъ въ Почаевъ,— мѣстечко знаменитое старинною своею лаврой. Къ сожалѣнію, о внутреннемъ состояніи святой обители корреспондентъ *Кіевлянина* сообщаетъ невыгодное понятіе: онъ говоритъ, что въ средѣ монашествующихъ поддерживается какойто странный антагонизмъ между уроженцами мѣстными и внутреннихъ губерній.

Разсмотрѣнныя здѣсь работы кременецкаго мирового сѣзда, отличавшагося, по словамъ корреспондента *Кіевлянина*, дурнымъ личнымъ составомъ, лишь нынѣ переимѣненнымъ, оказались неудовлетворительными. Этотъ сѣздъ сдѣлалъ не болѣе одной трети предстоящаго ему дѣла, и работы его «поражаютъ своею неполнотою и поверхностностію.» Кромѣ переимѣнъ въ личномъ

оставѣ, при кременецкомъ сѣздѣ образовано второе повѣрочное отдѣленіе.

Оставивъ Почаевъ, генераль Безакъ, на пути къ подольской границѣ, былъ въ старинномъ родовомъ имѣніи Мнишковъ, Вишневецъ (1), въ которомъ между прочимъ одинъ крестьянскій мальчикъ, обучающійся у тамошняго священника, поднесъ ему слѣдующее письмо:

«Ваше высокопревосходительство!

«Благодаримъ сперва премилосерднаго Господа и потомъ, въ лицѣ вашемъ, дражайшаго и возлюбленнѣйшаго Государа за то, что намъ отверзли темныя очи,— мы умѣемъ руководить теперь не риломъ только и сохой, а и перомъ.

«Но для чего жъ это?

«Для того, чтобы мы были вѣрными чадами православной матери нашей церкви и такими же сынами отечества.

«Хотя безжалостно, но и справедливо называютъ насъ чернью; но это имя мало-помалу изглаждается уже изъ насъ— счастливецъ, родившихся въ такъ благодѣтельное время; а если и еще будемъ такъ называться, то развѣ по рукамъ и работамъ, но уже не по уму и сердцу.

«Не привыкшіе еще долго разсуждать за малолѣтствомъ, мы и въ этомъ возрастѣ чувствуемъ однакожъ, что за всѣ блага, доставляемыя намъ Батюшкой Царемъ, Онъ за три-четыре года увидитъ въ насъ вѣрнѣйшихъ, а если нужно будетъ, то храбрѣйшихъ малороссовъ.

«Благодаримъ и ваше высокопревосходительство за заботы о насъ и посѣщеніе насъ! Не имѣя никакого другаго для насъ дара, мы общаемъ помолиться за васъ.»

Отсюда г. начальникъ края переѣхалъ въ Подольскую губернію, гдѣ 27-го іюня, въ мѣстечкѣ *Черный-Островъ*, осматривалъ дворянское четырехъ-классное училище. Экзаменуя учениковъ, онъ нашелъ ихъ по нѣкоторымъ предметамъ слабыми, но много слѣвшими въ русскомъ языкѣ, такъ что въ самомъ произношеніи ихъ незамѣтно никакого мѣстнаго акцента; даже ученики римско-католическаго исповѣданія объясняли свой катехизисъ на чистомъ русскомъ языкѣ. По прибытіи того же числа въ Проскуровъ, начальникъ края приступилъ къ ревизіи дѣйствій созданныхъ туда мировыхъ сѣздовъ: проскуровскаго, летичевского и староконстантиновскаго, Волынской губерніи. Предсѣдатели летичевского и проскуровскаго мировыхъ сѣздовъ заявили, что выкупное дѣло въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года имѣетъ быть окончено въ обоихъ уѣздахъ. Предсѣдатель старо-константиновскаго сѣзда выразилъ увѣренность, что и въ этомъ уѣздѣ всѣ вы-

(1) Не безъ удивленія прочли мы въ *Кіевлянинѣ* извѣстіе будто самозванецъ выискался съ Мариною Мнишекъ въ Вишневецъ. Всѣмъ извѣстно что это бракосочетаніе происходило въ Москвѣ. *Ред.*

купные акты будут составлены и объявлены въ нынѣшнемъ году. 29-го числа генералъ Безакъ прїѣхалъ въ Каменецъ-Подольскъ. Онъ остался доволенъ каменецкими мировыми дѣтелями, которые къ прїѣзду его окончили составленіе всѣхъ выкупныхъ актовъ, такъ что освободившіеся у нихъ отъ занятій землемѣры могли быть немедленно командированы въ другіе сѣзды, въ нихъ нуждавшіеся. Предсѣдатели сѣздовъ и повѣрочныхъ отдѣленій Новоушицкаго и Могилевскаго уѣздовъ, гдѣ дѣло преимущественно останавливалось за недостаткомъ землемѣровъ, заявили главному начальнику края, что у нихъ составленіе выкупныхъ актовъ также въ нынѣшнемъ году приведено будетъ къ окончанію. Въ Каменцѣ г. начальникъ края привалъ на мѣстѣ мѣры къ приведенію въ исполненіе высочайшаго повеленія объ упраздненіи подольской римско-католической епархіи. По указаніямъ и съ согласія епископа Фіалковскаго, составленъ проектъ подробныхъ распоряженій о закрытіи этой епархіи съ присоединеніемъ ея церкви къ епархіи луцко-житомірской и съ упраздненіемъ каменецкаго капитула, духовной консисторіи и р. католической семинаріи, переводимой въ Житомиръ. Въ присутствіи генерала Безака происходилъ торжественный актъ въ каменецкой гимназіи. При полученіи распоряженія о преподаваніи р. католическаго катихизиса не на польскомъ, а на русскомъ языкѣ, нѣкоторые духовныя лица р. католическаго вѣроисповѣданія уклонились въ Каменцѣ, по разнымъ причинамъ, отъ принятія на себя этой обязанности; но нынѣшній законоучитель каменецкой гимназіи сказалъ своему епископу, что божественный законъ Христа Спасителя не измѣняется ни на какомъ языкѣ, и что онъ охотно готовъ преподавать его на русскомъ, какъ и на всякомъ другомъ. Нынѣ оказалось, что успѣхи каменецкихъ учениковъ-католиковъ ни мало не пострадали отъ преподаванія имъ закона Божія порусски.

Г. генералъ-губернаторъ пробывъ въ Каменцѣ до 3-го іюля и отправился оттуда въ Винницу, куда были собраны восемь предсѣдателей мировыхъ сѣздовъ. Здѣсь онъ также приглашалъ просителей по крестьянскому дѣлу присутствовать, вмѣстѣ съ мировыми дѣтелями, при докладѣ поданныхъ жалобъ, выслушивая взаимныя словесныя объясненія и письменныя справки, и разрѣшая дѣла въ присутствіи обѣихъ сторонъ. Дѣйствіями мировыхъ учрежденій г. начальникъ края остался доволенъ и получилъ удостовѣреніе, что въ теченіе нынѣшняго года выкупная операція будетъ окончена. Близъ Винницы генералъ Безакъ обозрѣвалъ въ подробности работы 33-й пѣхотной дивизіи по устройству желѣзной дороги. Когда войска прибыли на мѣсто, подрядчики не только не доставили имъ достаточнаго числа инструментовъ но даже тѣ, которые розданы были на руки, оказались въ значительной части негодными. Но, благодаря распорядительности начальниковъ войскъ, общему усердію офицеровъ и находчивости

солдадь, недостатки эти были восполнены; негодныя тачки и лошады передѣланы или вновь устроены въ ротакъ, а гдѣ недоставало чугунныхъ колесъ, тамъ, въ ожиданіи ихъ, тачки двинулись на деревянныхъ, самими солдатами обдѣланныхъ,— и работа закипѣла. Сытная пища, здоровый, мужественный, веселый видъ солдатъ и кипучая, успѣшная работа, пишутъ въ *Киевлянинѣ*, не могли не восхитить главнаго начальника края, который объѣхалъ всѣ роты, кромѣ двухъ, остававшихся за болотомъ, куда невозможно было проѣхать; но эти роты, пожелавъ видѣть божандующаго войсками, добѣжали къ нему бѣглымъ шагомъ на разстояніи шести верстъ. »Двадцать вѣковъ тому назадъ, закиваетъ корреспондентъ *Киевлянина*, римскіе легіоны также скромно переходили съ полей битвы къ устройству внутреннихъ сообщений въ имперіи, не подозрѣвая, что исторія сохранить блестящую страницу для ихъ гражданскихъ доблестей и трудовъ.» 6-го іюля главный начальникъ края давалъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовали приглашенные имъ: начальникъ 33-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Хитрово, помощникъ его генераль-майоръ Косюра, начальникъ штаба дивизіи, всѣ полковые командиры, инженерные офицеры, предводители дворянства Ямпольскаго и Винницкаго уѣздовъ, восемь предсѣдателей мировыхъ сѣздовъ и многіе другіе военные и гражданскіе чины, а изъ русскихъ помѣщиковъ— тайный совѣтникъ Н. И. Пироговъ и г. Львовъ, недавно пріобрѣвшій покупкой имѣніе въ здѣшнемъ краѣ. На этомъ обѣдѣ, послѣ тоста за Государя Императора, весь Августѣйшій Домъ и принцессу Марію Дагмару генераломъ Безакомъ произнесена была, между прочимъ, слѣдующая рѣчь:

»Приглашаю васъ, господа, выпить бокалъ вина за устройство и преуспѣяніе дорогаго для Россіи ея югозападнаго края на началахъ Августѣйшею волею Монарха намъ указанныхъ. Я вижу сегодня у себя въ гостяхъ начальство 33-й пѣхотной дивизіи, представителей мировыхъ учреждений восьми уѣздовъ Подольской губерніи и нѣкоторыхъ русскихъ помѣщиковъ, почтившихъ меня своимъ посѣщеніемъ. Обыкновенно войско не принимаетъ участія въ устройствѣ края, но въ нынѣшнемъ году на 5-ю 11-го и 33-ю дивизіи выпала по Высочайшему повелѣнію, завидная доля положить начало одному изъ важнѣйшихъ дѣлъ въ странѣ, и именно сооруженію желѣзной дороги. Я осмотрѣлъ въ подробностяхъ работы 33-й пѣхотной дивизіи и былъ восхищенъ здоровымъ, мужественнымъ видомъ солдатъ, ихъ усердіемъ и попечительностью объ нихъ всѣхъ начальствующихъ лицъ и ротныхъ командировъ. Мнѣ пріятно было также убѣдиться, что инженерные офицеры дѣйствуютъ дружно съ начальниками войскъ. Жаль только, что подрядчикъ Гладнъ не успѣлъ преодолѣть встрѣчныхъ имъ препятствій для своевременной доставки годныхъ инструментовъ и въ достаточномъ снабженіи ими войскъ. За

всѣмъ тѣмъ можно сказать, что войско приняло положительное участіе въ устройствѣ здѣшняго края.

«Теперь, довершивъ повѣрку мировыхъ учреждений въ Волынской и Подольской губерніяхъ, я могу сказать, что нужно еще нѣсколько мѣсяцевъ терпѣнія, чтобы великое крестьянское дѣло, осуществленное на точныхъ указаніяхъ Высочайше утвержденныхъ постановленій, было окончено. Оно, безъ сомнѣнія, наиболѣе послужитъ къ прочному устройству страны, но для этого крайне необходимо, чтобы законъ объ охраненіи собственности каждаго не подвергался никакимъ нарушеніямъ. Предсѣдательствуя во многихъ мировыхъ учрежденіяхъ, я вмѣняю въ непремѣнную обязанность всѣмъ мировымъ посредникамъ непрерывно помнить и изучать Высочайшій рескриптъ 13-го мая, на имя предсѣдателя комитета министровъ данный; прошу и здѣшнихъ дѣятелей строго взыскивать съ крестьянъ, нарушающихъ право собственности помѣщиковъ о чемъ поступило ко мнѣ много жалобъ. Надѣюсь, что, съ окончаніемъ повѣрки грамотъ, мировые посредники получатъ болѣе досуга для наблюденія за должнымъ порядкомъ.

«Въ Подольской губерніи, покамѣсть, мало русскихъ помѣщиковъ; позволяю себѣ думать, что нынѣшнее время есть переходное къ лучшему, и что съ окончаніемъ крестьянскаго дѣла число русскихъ землевладѣльцевъ увеличится скоро, и они получатъ на здѣшней благодарной почвѣ возможность улучшить свое положеніе и упрочить благосостояніе своихъ дѣтей.»

Въ Винницѣ существовала слѣдственная коммиссія по политическимъ преступленіямъ. Она была упразднена генераломъ Безакомъ; военные суды и слѣдственныя коммиссіи нынѣ совсѣмъ закрыты въ городахъ: Каменецъ-Подольскѣ, Винницѣ, Ровнѣ и Житомирѣ, остаются лишь слѣдственная коммиссія въ Заславѣ и военный судъ въ Кіевѣ. Во время своей бытности въ Винницѣ генералъ Безакъ нашелъ возможнымъ освободить послѣднихъ крестьянъ, содержавшихся подъ арестомъ за неповиновеніе или отказъ во взносѣ выкупныхъ платежей, такъ что въ настоящее время нѣтъ ни одного арестованнаго крестьянина по проступкамъ этого рода въ цѣломъ краѣ. 7-го іюля онъ выѣхалъ по дорогѣ въ Кіевъ.

ОБРАЩЕНІЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАГО ЕПИСКОПА.

Утѣшительное явленіе русской жизни за границей — это благородная, всѣми уважаемая дѣятельность нашихъ русскихъ священниковъ: дѣятельность мудрая, умѣренная, плодотворная, какъ родное православіе. Кто изъ заграничныхъ православныхъ не

знаеть дѣятельности о. Васильева въ Парижѣ, краснорѣчія о. Попова въ Лондонѣ, о которомъ еще недавно писалъ князь Орловъ, доброты, привлекающей всѣхъ, о. Янышева въ Висбаденѣ? Отцу Базарову въ Штутгартѣ суждено было совершить дѣло высокоутѣшительное, небывалое со времени присоединенія уніатовъ въ 1839 г., — обращеніе въ православіе одного изъ іерарховъ римской церкви. Это было совершено по сообщенію съ св. синодомъ въ присутствіи Королевы Виртембергской Ольги Николаевны и Великой Княжны Вѣры Константиновны въ Штутгартѣ. Извѣстно, что около 20 лѣтъ тому назадъ, Печоринъ, кн. Гагаринъ, Балабинъ, Джунковскій, Мартиновъ и другіе русскіе перешли въ папизмъ. Но никто изъ нихъ, кромѣ Джунковскаго, не возвысился въ римской іерархіи. Въ послѣднее время онъ управлялъ одною изъ 17-ти римскихъ епархій въ Великобританіи и также сѣверомъ Швеціи, Норвегіи, Феррейскими островами, Исландіей, Гренландіей и полярною Америкой, съ титуломъ апостольскаго префекта арктическихъ странъ и съ архіерейскою юрисдикціей. Мы слышали, что о. Базаровъ написалъ для *Православнаго Обзорнія* (изд. въ Москвѣ) подробности о его жизни, полной дѣятельности и успѣховъ въ римской церкви, и о возвратѣ его въ родное православіе. Отправляясь за границу въ началѣ сороковыхъ годовъ, Джунковскій имѣлъ въ виду работать къ соединенію церквей и ознакомить Европу съ православіемъ. Тогда подпавшій латинскому вліянію, онъ возвращается теперь къ своей цѣли, умудрившись опытомъ и послуживъ христіанству дѣянiami, которыя уже написаны на скрижаляхъ римской церковной исторіи. Еще недавно изданная въ свѣтъ книга: *Пій ІХ, какъ церковный владыка и король*, упоминаетъ основанныя Джунковскимъ полярныя миссіи съ возстановленіемъ семи древнихъ епархій и построеніемъ многихъ церквей, какъ одно изъ главныхъ дѣлъ понтификата Пія ІХ.

Степанъ Степановичъ Джунковскій—коренной русскій. Фамилія его принадлежитъ роду, пролившему кровь за родной край и православную церковь во времена Богдана Хмѣльницкаго, въ борьбѣ съ поляками; многіе изъ предковъ его были служителями церкви въ Малороссіи, а пращуръ его, казацкій полковникъ Джунковскій, основалъ Острожскій монастырь. Объ этомъ упоминаетъ Амвросій въ *Исторіи русской іерархіи*. Дѣдъ Джунковскаго, близкій родственникъ гетмана Полуботка, былъ священникомъ. Отецъ его, тайный совѣтникъ Джунковскій былъ человѣкъ замѣчательный въ свое время. Еще во времена Екатерины II, служа при посольствѣ въ Лондонѣ, онъ обогатилъ свой умъ обширными познаніями, и между прочимъ посѣщалъ съ этою дѣлю Кембриджскій университетъ; потомъ онъ былъ преподавателемъ при великихъ князьяхъ, дочеряхъ императора Павла, и директоромъ департамента государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій (и колоній), который распался въ 1828 году, при отставкѣ его, на три министерства. Кромѣ того г. Джунковскій состоялъ въ продолженіе 30

лѣтъ въ должности непремѣннаго секретаря Вольнаго Экономическаго Общества и былъ директоромъ Библейскаго Общества. Онъ издалъ много книгъ. Въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* Плюшара помѣщена его биографія. Особенно отличала его преданность къ вѣрѣ и православію. Всѣ дѣтя его были исполнены тѣмъ же духомъ. Сынъ его, молодой Джунковскій, приобщался почти ежемѣсячно. Онъ учился въ петербургскомъ университетѣ и, окончивъ курсъ, получилъ въ 1842 году съ званіемъ кандидата первую университетскую медаль. Въ это время часто по вечерамъ у него бывали пренія о религиозныхъ предметахъ. Среди жара одного изъ этихъ преній, ему пришла мысль ѣхать за границу для распространенія православія. Министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, далъ ему рекомендательныя письма къ русскимъ посланникамъ, хотя онъ ѣхалъ путешествовать не на казенный счетъ. Въ Берлинѣ онъ слушалъ лекціи богослова Неандра и лекціи философіи у Шеллинга. Въ Оксфордѣ Пьюзей, Ньюманъ, Пальмеръ, въ Эдинбургѣ Чальмерсъ были его друзьями. Онъ скоро оставилъ протестантскія вліянія и занялся вопросомъ между церковью Востока и Запада. Онъ поѣхалъ въ Римъ за тѣмъ только чтобы говѣть. Въ Римѣ встрѣтились на пути его іезуиты и тайные католики— русскіе: дѣло кончилось переходомъ его въ папизмъ. Жертвуя для этого отечествомъ, родными, карьерой, онъ былъ встрѣченъ полнымъ довѣріемъ. Онъ изучилъ въ подробности богословіе, былъ сдѣланъ священникомъ и назначенъ духовникомъ почти всѣхъ парижскихъ женскихъ монастырей для постныхъ дней такъ-называемыхъ *Quatre temps*: это время, въ которое повѣряется поведеніе обыкновенныхъ духовниковъ и разбираются жалобы на нихъ монахинь. Въ то же время поручили ему трудиться въ журналѣ *l'Univers*, гдѣ въ 1851 и 1852 году почти каждый № имѣлъ его статью. Наконецъ онъ постоянно говорилъ проповѣди то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ въ Парижѣ, въ Аміенѣ и другихъ городахъ. Скромное имя *Père Etienne* начало дѣлаться извѣстнымъ по Франціи. Но время іезуитскихъ обѣтовъ приближалось, а Джунковскій не хотѣлъ ихъ произносить, не хотѣлъ другой награды, кромѣ реформъ въ римско-католической церкви, о которыхъ давно уже помышлялъ. По его ходатайству въ богословскіе учебники внесена *зава* противъ бунта, составленная изъ Св. Писанія и отцовъ церкви. Съ тѣхъ поръ не только у іезуитовъ, но и въ р.-католическихъ семинаріяхъ всего міра учатъ написанныя Джунковскимъ правила противъ бунта: *De obedientia et reverentia erga auctoritatem civilem*. Говорятъ, что эта статья была одною изъ причинъ возстановленія іезуитовъ въ Австріи. Наконецъ въ 1853 году, не смотря на длинное письмо іезуитскаго генерала Ротгана, увѣрявшаго Джунковскаго, что іезуиты не мѣшались въ политику, не оправдываютъ средствъ для цѣли и не противятся обрядамъ Востока, онъ все таки отказался произнести торжественный обѣтъ, который дол-

женъ былъ окончательно и навсегда приковать его къ иезуитскому ордену. Впрочемъ, Джунковскій, не взирая на свое сопротивление, получилъ отъ иезуитовъ свидѣтельство уваженія къ нему и рекомендацію къ архіепископу парижскому. Здѣсь открылось новое, болѣе успѣшное поле дѣятельности для Джунковскаго. Въ короткое время онъ основалъ службу для пѣмцевъ и исповѣдь на семи языкахъ въ церкви св. Женеьевы, былъ избранъ въ члены восточнаго общества и управлялъ духовными миссіями въ окрестностяхъ Парижа, содѣйствовалъ, какъ духовникъ, основанію монастыря Св. Павла въ заведеніи для слѣпыхъ, и съ особеннымъ рвеніемъ и любовью проповѣдывалъ слово Божіе бѣднѣйшему и до сихъ поръ совершенно оставленному населенію Парижа, извѣстному подъ общимъ названіемъ *Les Chiffonniers*, за что и получилъ отъ папы званіе апостольскаго миссіонера. Между тѣмъ имя его становилось такъ популярно во Франціи, что знаменитый аббатъ Мишонъ, издатель *Presse religieuse*, просилъ его быть цензоромъ его журнала, гдѣ писалъ и аббатъ Теммѣ; журналы еженедѣльно говорили объ отцѣ Стефанѣ, который сдѣлался также извѣстенъ и своими сочиненіями, издавъ между прочимъ, полатины и погречески, собраніе текстовъ отцовъ церкви въ пользу папы. Вскорѣ по полученіи званія апостольскаго миссіонера Джунковскій отправился въ Римъ, снова предлагалъ планы церковной реформы, но получилъ только изъявленіе довѣренности, вслѣдствіе которой его назначили ревнителемъ общества миссіонеровъ и строителемъ церкви въ Лондонѣ, и также дали порученіе къ герцогинѣ пармской, императору австрійскому, почти всѣмъ архіереямъ Богеміи, Венгрии и пр., по дѣлу конкордата и реформы монастырей. Все начатое было окончено въ шесть мѣсяцевъ съ величайшимъ успѣхомъ. Джунковскій досталъ для папы 300,000 франковъ и получилъ титулъ апостольскаго префекта съ архіерейскою властію и порученіе въ Ганноверъ для возстановленія оснабрюкской епархіи, основанной Карломъ Великимъ и падшей предъ силою протестантизма. Успѣхъ въ этомъ дѣлѣ доставилъ ему управленіе полярными странами въ видѣ римскихъ католиковъ. Въ продолженіе 8 лѣтъ, какъ свидѣтельствуя многочисленныя документы, напечатанные въ Римѣ, во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, онъ возстановилъ семь епархій среднихъ вѣковъ, основалъ миссію, построилъ церкви въ Норвежской Лапландіи, въ Исландіи, на островахъ Феррейскихъ, Шотландскихъ и Оркнейскихъ. Не страшась трудовъ и лишеній, каждый годъ объѣзжалъ онъ свои миссіи. Будучи поддержанъ правительствомъ и народнымъ мнѣніемъ, онъ вездѣ соединялъ съ проповѣдью христіанскою поощреніе хозяйства, развитіе промышленности и наукъ. Въ Стокгольмѣ онъ проповѣдывалъ при дворѣ шведскомъ, то есть объимъ королевамъ, и издалъ исландскія древности и множество собственныхъ сочиненій на датскомъ языкѣ. Въ то же время онъ исполнялъ разныя порученія Рима и ѣздилъ туда каждые два года

съ отчетами къ папѣ; при каждомъ отчетѣ Джунковскій развивалъ мысль о необходимости реформъ въ римской церкви и о безнравственности безбрачнаго духовенства, даже въ миссіяхъ; но ему отвѣчали что измѣнять и улучшать ничего нельзя, а надо *утѣшать*. Тогда Джунковскій, написалъ диссертацию противъ римскаго безбрачія, рѣшился въ 1861 г. жениться самъ; онъ вступилъ въ бракъ съ англичанкою изъ знаменитаго рода Монтгомери, полною вѣры, и самъ извѣстилъ о своей женитбѣ папу. Отъ папы послѣдовало приказаніе разлучить его съ женою, что было немедленно исполнено. Тогда, живя два года въ уединеніи, Джунковскій, потерявшій надежду на реформы въ римской церкви, началъ изучать, среди своей огромной библіотеки, православную церковь. Около этого времени онъ издалъ огромный словарь миссій (2 части in 4°) и писалъ статьи въ защиту Россіи. При чтеніи этихъ статей, П. А. Плетневъ, бывшій его ректоръ, писалъ между прочимъ Джунковскому: «Мнѣ особенно пріятно было видѣть, что среди столь долгихъ странствованій своихъ, вы сохранили теплую любовь къ отечеству и теперь употребляете свои свѣдѣнія и дарованія на поддержаніе чести его и достоинства. Помогли вамъ Господь твердо идти по избранной вами дорогѣ правды и гражданскаго мужества.»

Черезъ два года Джунковскій написалъ окружное посланіе (Encyclique) къ своимъ собратіямъ, находящимся подъ властью (jurisdiction) римской каедры, которое скоро поступить въ печать. Въ то же время онъ написалъ диссертацию о реформѣ италіанской церкви и получилъ чрезвычайно трогательные отзывы изъ Италіи отъ знаменитыхъ лицъ, читавшихъ эту рукопись. Намъ, русскимъ, пріятно видѣть, что, проведя столько лѣтъ вдали отъ родины, имѣя постоянно дѣло съ иностранцами, изучая столько языковъ, Джунковскій не потерялъ привычки писать и говорить совершенно правильно по русски. Въ немъ видѣнъ чисто русскій человекъ— прямой и добродушный, съ горячею душой, съ энергическимъ умомъ, но кроткій и любящій, какъ истинный христіанинъ. Будучи въ Штутгартѣ, онъ началъ писать на русскомъ языкѣ о православіи— письма къ священнику Базарову; въ это же время онъ отправилъ прошеніе на имя высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора, какъ первенствующаго члена св. синода, о принятіи его въ родное православіе. Затѣмъ послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на возвращеніе Джунковскаго въ Россію. Супруга Джунковскаго, узнавъ объ этомъ счастливомъ оборотѣ дѣла, послѣшила возвратиться въ уважаемому своему мужу, и послѣ многихъ горькихъ исптаній, нашла утѣшеніе и нравственную поддержку въ почтенныхъ русскихъ священникахъ въ Штутгартѣ и Висбаденѣ.

Всѣ мысли Джунковскаго сосредоточены на томъ, чтобы взяться снова за дѣло въ пользу православія, которое занимало его еще 1841 г. Божественный Промыслъ какъ бы приготовлялъ его двадцать лѣтъ къ этого рода дѣятельности.

Высказавъ нѣсколько подробностей о жизни этого замѣчательнаго человѣка, съ которымъ счастливый случай свелъ насъ за границей, мы беремъ на себя смѣлость прибавить, что чѣмъ скромнѣе и деликатнѣе было его прошеніе, тѣмъ съ большимъ великодушіемъ и съ большею довѣренностію можно пользоваться его услугами. Мы съ своей стороны думаемъ, что Джунковскому, такъ много поработавшему для Рима, предстоитъ теперь загладить много усиленною энергіей въ пользу православія.

Теперь англійская церковь находится какъ бы на распутіи среди Рима и восточной церкви. Римъ дѣйствуетъ неуклонно и энергически.... а мы? Мы молчимъ.... Никто лучше Джунковскаго не можетъ быть приготовленъ къ этому дѣлу (1). Н. П.

(Совремн. Литон.)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА С. С. ДЖУНКОВСКАГО.

Въ Русскомъ Инвалидѣ напечатано любопытное письмо извѣстнаго уже нашимъ читателямъ С. С. Джунковскаго, недавно возвратившагося въ нѣдра православной Церкви.

„Какъ нѣкогда солдатъ возвращался послѣ 24-хъ лѣтъ въ родную избу, къ роднымъ святымъ иконамъ, колеблясь между надеждою и страхомъ: найдеть ли братскій привѣтъ?—такъ и я возвратился на родину, но безъ всякаго страха, а съ крѣпкою надеждою на Бога. Иногда старшій солдатъ, — инвалидъ, не находилъ никого изъ родной семьи, только развалившуюся избу и отъ времени почернѣвшія святые иконы. Но я возвратился полный жизни, жаждущій загладить каждымъ годомъ усиленной опытомъ дѣятельности для отечества—каждое десятилѣтіе дѣятельности для другихъ, и нашель мою избу, святую Русь, не развалившуюся хижиною, но полною величія и будущности, а св. икону—православіе, какъ прибѣжище спасенія, не только для Россіи, но для запада. Въ самомъ дѣлѣ, какъ говорилъ Фонденель, что книга Подражанія Иисусу Христу—лучшее сочиненіе, когда-либо писанное человѣкомъ, ибо Евангеліе писано Богомъ, такъ можно сказать: освобожденіе крестьянъ въ Россіи—лучшее дѣло, совершенное когда либо человѣкомъ, ибо спасеніе міра совершено Богомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Христосъ былъ распятъ между кающимся и некающимся разбойникомъ, такъ святая истина православія распята между не кающимся Римомъ и кающимися церквами. Видѣлъ я предъ отъѣздомъ источники Волги и Днѣпра,

(1) А еще болѣе къ миссіи въ американскихъ соединенныхъ штатахъ, которые еще прежде и задушевнѣе заявили желаніе соединиться съ православною церковью.

вытекающіе каплями и потомъ дѣлающіеся огромными рѣками. Такъ разовьется и православіе, которое я сперва понималъ только въ тѣсномъ смыслѣ его, а теперь понимаю въ обширномъ, какъ исцѣленіе для всѣхъ отъ закваски саддукейской—отрицанія и фарисейской—іезуитизма, что начинаютъ уже понимать вездѣ на западѣ, тогда какъ за 24 года едва ли не одинъ Хомяковъ понималъ это. Русская откровенность и русская любовь, какъ вино и елей добраго самарянина въ разсказѣ евангельскомъ, польются тогда на матеріализмъ и эгоизмъ запада и повѣютъ животворящимъ, свѣжимъ воздухомъ: а какъ русскій человекъ добро помнить, то и совершится призваніе Россіи заплатить за цивилизацію запада, всегда полезную намъ, миротворческою вѣрою. Какъ же не радоваться при этихъ мысляхъ русскому, при возвратѣ на родину послѣ 24-хъ лѣтъ жизни на чужбинѣ? Именно эта-то жизнь на чужбинѣ, не какъ туриста, не какъ посольскаго чиновника, но совершенно принявшаго въ себя жизнь, вѣру и народность тѣхъ, въ средѣ которыхъ я дѣйствовалъ, заставляетъ меня любить Россію и православіе. Дѣло здѣсь не въ пропагандѣ для другихъ на западѣ, что могло бы быть даже смѣшнымъ, но дѣло въ томъ, чтобы понимать всю цѣну счастья быть въ настоящее время русскимъ и гордиться православіемъ, а не искать утѣшеній въ отрицаніи и іезуитизмѣ, которые были несчастьемъ для запада.

„Но оставимъ говорить фактамъ, вмѣсто выраженія чувствъ, весьма простительныхъ при возвратѣ на родину, послѣ 24-хъ лѣтъ разлуки. Вѣдь между любящими не обходится безъ изліянія чувствъ, безъ поцѣлуя, даже послѣ одного дня разлуки!

„Красныя рубашки и шапки съ павлиньими перьями рабочихъ на первой русской станціи могутъ смущать иностранцевъ, какъ насъ смущаютъ фраки англійскихъ и норвежскихъ мужиковъ при паханьи полей, но, признаюсь, сердце мое порадовалось въ одно время и родной одеждѣ, и тому, что не стыдятся дать ей характеръ формы рабочихъ на станціи, тѣмъ болѣе, что эта одежда и чище и удобнѣе рабочихъ на желѣзной дорогѣ—за границею. Рельсы желѣзной дороги, устроенныя иначе, чѣмъ прусскія, такъ что прусскіе вагоны не могутъ пользоваться нашею желѣзною дорогою, и вездѣ разрушаемые лѣса, чтобы предупредить, какъ бывало въ польскомъ бунтѣ, скопища мятежниковъ, утѣшили меня мыслью о бдительности правительства. Въ Ковнѣ и Вильнѣ, но не далѣе, спрашивали офицеры паспорта весьма вѣжливо. Я вспомнилъ, что въ сѣверо-американской республикѣ дѣлали еще болѣе затрудненій во время бунта южныхъ штатовъ. Необходимость—законъ, а собственная защита—необходимость. Ковна напоминала мнѣ, между прочимъ, польскую богатую даму, которая жила со мною въ одномъ отелѣ въ Швейцаріи. Постоянно за table d'hot'омъ она бранила своего мужа, который оставался въ Ковнѣ, говорила прямо, что желаетъ развода и хочетъ выйти замужъ за другого, а своего мужа постоянно возбуждала къ бунту. Онъ послушался и теперь

уже въ Сибири, а она вышла замужъ за швейцарца. Въ Вильнѣ былъ со мной пассажиръ изъ Минска; разговорившись съ нимъ, я вспомнилъ, между прочимъ, замѣчательный случай, бывшій двадцать лѣтъ назадъ. Въ 1845 году, именно предъ путешествіемъ Государя Николая Павловича въ Римъ, явилась въ Парижѣ, подъ именемъ минской игуменьи, нѣкто Макрина Мечиславская. Иезуиты тотчасъ же издали, для общаго назиданія, книжонку, въ которой весьма подробно описывались самыя ужасныя мученичества ея и семи сестеръ. Мое русское сердце тогда взволновалось. Говорили, что русское духовенство, будто бы, жарило, топило, морозило этихъ такъ называемыхъ мученицъ. Европа содрогнулась. Въ верхней палатѣ англійскаго парламента римско-католическій лордъ Клифордъ требовалъ войны противъ Россіи, и оставляя свое мѣсто, сказалъ: «я не возвращусь въ парламентъ до тѣхъ поръ, пока не отомстятъ Россіи.» Два польскіе ксендза развозили Макрину по городамъ Франціи и Италіи, собирая деньги. Папа далъ ей монастырь. Но пришлось, наконецъ мнѣ развѣдать дѣло: старикъ лордъ Клифордъ, какъ оригинальный англичанинъ, разорился для Макрины, но все-таки хотѣлъ видѣть и семь мученицъ. Пришилъ онъ меня объ этомъ, когда я поѣхалъ въ Вѣну съ порученіямъ Рима. Нунцій Віале Прела отвѣчалъ мнѣ прямо, что это—плаутовство. Въ Парижѣ я справился у польскихъ ксендзовъ: по моему званію, они не могли мнѣ говорить ложь и прямо отвѣчали, что все это выдумка, кромѣ нѣсколькихъ фактовъ. «Такъ объявите же, что это ложь!» замѣтилъ я.—О, нѣтъ!—отвѣчали мнѣ,—римскую церковь нельзя компрометировать.—Лордъ Клифордъ повелъ меня служить обѣдню въ монастырь подлѣ Sancta Maria Maggiore, гдѣ Макрина была игуменьей. Я далъ ей св. причастіе, она угощала меня, но сама не смѣла уже подтверждать свои сказки. Лордъ Клифордъ, умирая, оставилъ мнѣ въ завѣщаніи значительныя деньги, для отысканія семи мученицъ, но княгиня Зинаида Волконская, какъ она сама рассказывала мнѣ, убѣдила его вычеркнуть этотъ пунктъ изъ духовной, ибо все дѣло было—сказка. Вотъ одна изъ тысячи современныхъ сказокъ, которыя изъ муки дѣлали слона, чтобы возбуждать западъ противъ Россіи, пользуясь нашею самою большою слабостію—бояться, что-то скажутъ о Россіи французы или нѣмцы. Почему англичане никогда не заботятся о томъ, что о нихъ говорятъ другіе? Потому, что знаютъ, что лучшее средство, чтобы насъ уважали, это уважать самого себя, заслуживать уваженіе, а не искуать его. Въ отношеніи же къ Риму, сколько бы ни дѣлала добра Россія, мой двадцати-четырехъ-лѣтній опытъ положительно говоритъ, что Римъ, какъ папизмъ, всегда будетъ ненавидѣть насъ. Римскій *non possumus*, *мы не можемъ*, всегда будетъ враждебенъ всякими средствами всякому, кто не подчиняется ему безусловно. Это размышленіе пришло мнѣ на память, когда, проѣзжая западныя губерніи, я слышалъ, что Лядуховскій, архіерей познанскій, замѣнилъ Фелинскаго, архіерея варшавскаго. Какъ это

могло статься? А вотъ какъ: когда, послѣ разговора барона Мейендорфа съ Пиемъ ІХ по случаю новаго года, дипломатическія сношенія съ Римомъ прекратились, нѣкоторые видѣли въ этомъ торжество Россіи, пользу ея для болѣе энергическаго дѣйствія противъ Рима въ Польшѣ и даже финансовую выгоду отъ сокращенія расходовъ. Поляки же и друзья ихъ въ Римѣ видѣли въ этомъ торжестве Рима надъ Россіею, потому что прежде не одна Россія, но и Пруссія могли съ большимъ трудомъ добиться, не имѣя папскаго нунція у себя, имѣть своихъ посланниковъ въ Римѣ, тѣмъ болѣе, что послы римско-католическихъ державъ въ Римѣ смотрѣли всегда подозрительно на представителей не католическихъ державъ. Что еще важнѣе, поляки Рима видѣли въ этомъ прекращеніи сношеній не только торжество папы надъ Россіею, но и торжество ихъ надъ папою; ибо эти поляки болѣе тридцати лѣтъ добивались, чтобы папа прекратилъ дипломатическія сношенія съ Россіею, дабы избавиться отъ надзора русскаго посольства. Все это мнѣ казалось мелочью въ сравненіи съ тѣмъ, что должно было послѣдовать, ибо Римъ никогда не уступаетъ съ виду, не приготовивъ сперва скрытыя мѣры. Что я предвидѣлъ, то и сбылось. Распространили нарочно слухъ, что для замѣны дипломатическихъ сношеній съ Россіею поручать римскому нунцію въ Вѣнѣ слѣдить за дѣлами римской церкви въ Россіи. Этотъ ложный слухъ былъ распространенъ съ цѣлію скрыть настоящій планъ дѣйствій, составленный поляками за границею, а именно воспользоваться ихъ торжествомъ при папѣ и устроить свои дѣла. Прежде всего стало извѣстно, что капитулъ познанскій избралъ единогласно угроженца русской Польши, папскаго нунція въ Брюсселѣ, Мечислава Лядуховскаго, въ архіереи Познани и Гнѣзна. Каковъ бы тонкій и хитрый дипломатъ ни былъ Лядуховскій, какимъ именно я и звалъ его въ юности лично, онъ не можетъ скрыть своихъ польскихъ политическихъ намѣреній, по самому тому же факту, что избранъ духовенствомъ, которому во время польскаго бунта король прусскій справедливо дѣлалъ упреки за приверженность къ этому бунту. Что еще важнѣе, короткое пребываніе Лядуховскаго въ Римѣ передъ пріѣздомъ его въ Познань имѣло слѣдствіемъ папскую буллу, какъ говорятъ журналы, основанную на прекращеніи дипломатическихъ сношеній папы съ Россіею и возстановляющую въ лицѣ Лядуховскаго всѣ права примаса Польши до ея раздѣла, то-есть власть полномочную надъ духовенствомъ не только прусской, но и австрійской и русской Польши и даже западныхъ, чисто русскихъ губерній, нѣкогда вѣроломно отнятыхъ Польшею, и также власть политическую, ибо примасъ Польши имѣлъ власть королевскую во время междуцарствія. Какъ-бы то ни было, но дѣйствія Лядуховскаго, разумѣется, скрытыя, въ русской Польшѣ и западныхъ губерніяхъ противъ православія несомнѣнны. Но ничто тайное не скроется...

„Близъ Пскова нѣкоторые пассажиры, вовсе мнѣ незнакомые, услышавъ мое имя, радостно привѣтствовали меня и выражали свои

чувства; будучи еще въ Ливерпулѣ, получилъ я поздравленія и выраженія готовности къ услугамъ отъ одного протоіерея петербургскаго, который зналъ меня только по журналамъ.

„Проѣзжая Царское-Село, я призадумался, ибо въ 1830 году поступилъ первый въ тамошній александровскій кадетскій корпусъ, при основаніи его, и послѣ въ 1-й кадетскій, и если бы не оставилъ его, по болѣзни, для университета, то вѣроятно, не оставилъ бы и православія и не былъ бы 24 года внѣ драгоцѣннаго отечества. Отъ природы больной, я однако въ моихъ миссіяхъ среди полярныхъ постоянныхъ бурь, среди ночей двухмѣсячныхъ, когда въ ясную погоду только луна и звѣзды сіяли въ полдень, оставаясь часто безъ пищи, спавъ нерѣдко на голомъ льду, я перенесъ, благодаря Бога, болѣе, чѣмъ, быть можетъ, пришлось бы перенести въ военной службѣ! Такъ какъ совѣсть моя ясно говоритъ мнѣ, что я всегда слѣдовалъ тому, въ чемъ былъ вполне убѣжденъ, и что мнѣ казалось болѣе приятнымъ Богу и болѣе полезнымъ ближнему, то надѣюсь, что Богъ не безъ высшей цѣли позволилъ мои долгія испытанія и что Онъ поможетъ, не теряя моего времени, посвятить ихъ православію и отечеству.

Въ Петербургѣ я былъ встрѣченъ родными, которыхъ любовь только усилилась пространствомъ и временемъ разлуки. Въ св. сунодѣ я переписывался съ высокопреосвященнымъ митрополитомъ и г. оберъ-прокуроромъ. Митрополитъ встрѣтилъ меня, какъ самый любящій отецъ самаго любящаго сына. Узналъ я отсюда, что митрополитъ постоянно справлялся обо всемъ, до меня касающемся, съ нѣжнымъ материнскимъ участіемъ. Какая разніца съ папою, который хотя на словахъ любилъ меня, но всегда хотѣлъ услугъ отъ меня для себя!..

Англійскій епископъ въ Россіи.

Въ *Крон. Вѣстн.* читаемъ: 22-го мая, въ кронштадтской англиканской церкви происходила довольно рѣдкая церемонія. Въ этотъ день, въ 6 часовъ вечера, милордомъ-епископомъ Моррей и Россъ, докторомъ Иденомъ (Eden) конфирмованы были 14 лицъ обоюга пола, принадлежащихъ къ приходу здѣшней англиканской церкви. Извѣстно, что въ епископальной англиканской церкви конфирмація производится не иначе, какъ епископомъ церкви; а такъ какъ въ Россію англійскіе епископы пріѣзжаютъ весьма рѣдко, то въ большей части случаевъ англичане, живущіе въ Россіи, ѣздятъ въ Англію для совершения этого обряда. Вотъ почему совершеніе обряда конфирмаціи въ Кронштадтѣ нельзя не отнести къ числу замѣчательныхъ явленій въ жизни нашего города. Кромѣ того самая личность доктора богословія Роберта Идена, посѣтившаго нашъ городъ, пользуется такою популярностью и значеніемъ въ средѣ

высшаго духовенства Англїи, что мы полагаемъ, что читателямъ нашимъ будетъ не безынтересно узнать нѣкоторыя подробности объ этомъ посѣщенїи.

«Робертъ Иденъ принадлежитъ къ хорошей фамилиі английскаго нетитулованнаго дворянства (gentry). Онъ началъ свое воспитаніе въ вестминстерской школѣ, въ Лондонѣ, оттуда перешелъ въ Оксфордъ, гдѣ получилъ званіе бакалавра of arst. Въ послѣдствїи, занимаясь исключительно богословіемъ, молодой Иденъ получилъ званіе доктора богословія церкви Христовой въ Оксфордѣ (Christ-Church Oxford) и посвященъ въ санъ священника англиканской епископальной церкви (High Church) въ 1828 году; въ епископы посвященъ въ 1851 г. и въ настоящее время управляетъ епископствомъ Моррей и Россъ, съ званіемъ лорда-примаса англиканской церкви въ Шотландїи. Милордъ-епископъ Моррей и Россъ очень расположенъ къ идеямъ сближенія православной церкви съ англиканской епископальной.

«Прїѣхавъ въ Россїю, съ цѣлю посѣтить англиканскія церкви въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ и конфирмовать молодыхъ людей, еще не совершившихъ этого обряда, милордъ-епископъ очень интересовался обрядами нашей церкви и въ Москвѣ посѣтилъ высокопресвященнаго митрополита Филарета и сдѣлалъ поѣздку въ Троицко-Сергіевскую лавру.

«Свиданіе съ высокопресвященнымъ Филаретомъ, Москва съ своими соборами и монастырями и Троицкая лавра сдѣлали глубокое впечатлѣніе на англійскаго епископа, и онъ съ восторгомъ рассказываетъ о своей интересной поѣздкѣ въ Россїю. Докторъ Робертъ Иденъ, хотя и имѣетъ болѣе 60 лѣтъ отъ роду, но еще замѣчательно бодръ. Онъ высокъ ростомъ, живъ и ловокъ во всѣхъ своихъ движенїяхъ и обладаетъ одною изъ самыхъ счастливыхъ, открытыхъ и симпатическихъ наружностей, которыя съ разу располагаютъ къ себѣ и заставляютъ смотрѣть на человѣка съ уваженіемъ и симпатїей. Глаза милорда-епископа необыкновенно выразительны и своимъ блескомъ придаютъ его физиономїи какую-то особенную живость, смѣшанную съ добродушіемъ и тонкостью проницательнаго ума. Разговоръ его оживленъ, веселъ и остроуменъ безъ примѣса педантизма и напускной важности. Въ его манерахъ видна привычка жить въ свѣтѣ и лучшемъ обществѣ.

«На другой день, въ понедѣльникъ, 22-го мая, милордъ-епископъ Моррей и Россъ осматривалъ Кронштадтъ, нашу морскую библіотеку, зданіе морскаго собранія и посѣтилъ гавани и рейдъ. Кронштадтское морское начальство отдало въ распоряженіе его катеръ и маленькій паровой барказъ «Колдунчикъ». На рейдѣ епископъ Моррей посѣтилъ фортъ Константинъ и винтовый фрегатъ «Свѣтлана»; въ гавани осматривалъ два монитора, парходный заводъ и новые доки. По видимому все это очень интересовало милорда-епископа, и онъ, смѣясь, говорилъ, что самъ отчасти при-

надлежитъ къ флоту, такъ какъ братъ его, адмиралъ Иденъ, давно уже находится въ числѣ лордовъ адмиралтейства.

«Вообще, какъ кажется, Кронштадтъ произвелъ хорошее впечатлѣніе на почетнаго гостя, посѣтившаго нашъ городъ, и поѣздка эта останется навсегда пріятнымъ воспоминаніемъ для тѣхъ лицъ, которыя имѣли честь сопровождать милорда-епископа Моррей и Россъ. Погода во время этой прогулки по рейду была превосходная. Въ 3 часа милордъ-епископъ оставилъ Кронштадтъ».

По поводу обращенія князя Друцкаго-Любецкаго въ православіе.

Въ «Витебскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» пишутъ: Мы считаемъ священнымъ долгомъ напомнить, что нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, благовременно, отторгнутымъ насиліемъ нѣкогда властвовавшаго надъ Бѣлоруссіею польскаго правительства, чадамъ православной церкви обратиться, въ лицѣ ихъ настоящихъ потомковъ, къ святому православію и тѣмъ самымъ доказать искренность и твердость своихъ убѣжденій въ дѣлахъ государственныхъ интересовъ, защитить своихъ дѣтей и внуковъ отъ вреднаго и противузаконнаго вліянія ксендзовъ и разъ навсегда избавить ихъ отъ эксплуатаціи польскихъ революціонеровъ въ пользу столько же химерныхъ, сколько и совершенно чуждыхъ имъ плановъ. Пора, давно пора покинуть ложный стыдъ—показаться малодушными въ глазахъ закостѣлыхъ изуверовъ, пора пренебречь мнѣніемъ фанатическихъ полекъ, столько же невѣжественныхъ въ вѣрѣ, сколько и въ исторіи нашего края, пора понять, что недостаточно только называть себя русскимъ, что нужно быть имъ столько же по плоти, сколько и по духу. Не отталкивайте же, ополченные братья, широко раскрытыхъ объятий нашей общей матери Россіи, и на зовъ Государя и всего народа русскаго спѣшите возвратиться въ родную вамъ могучую всероссійскую семью.

Мы вправѣ ожидать прежде другихъ возврата въ лоно православія тѣхъ, предки коихъ не только были русскими и православными, но занимали даже почетнѣйшія мѣста въ рядахъ нашего доблестнаго духовенства,—были архіереями, архимандритами, настоятелями и настоятельницами православныхъ монастырей.... Мы ждемъ васъ: Бароновичи, Блотницкіе, Богомольцы, Борзобогатые, Бужинскіе, Бѣликовичи, Вѣлькевичи, Вишневскіе, Высоцкіе, Вержбицкіе, Гласки, Горскіе, Заборовскіе, Загорскіе, Комаровскіе, Канарскіе, Конисскіе, Корсаки, Коссовы, Коховскіе, Крайскіе, Красинскіе, Красовскіе, Круковскіе, Куцевичи, Лабунскіе, Левандовскіе, Лопацинскіе, Людинскіе, Мѣрославскіе, Мокрицкіе, Медвѣцкіе, Огинскіе, Оранскіе, Орловскіе, Островскіе, Рагозы, Ришинскіе, Самовичи, Сангушни, Са-

пѣги, Скольскіе, Смогоржевскіе, Солтаны, Селлявы, Тышкевичи, Хрептовичи, Чайковскіе, Четвертинскіе, Шишки, Шумскіе, Яворскіе и многіе другіе, коихъ не называемъ, но кои тѣмъ не менѣе извѣстны и имена коихъ также встрѣчаются во многихъ историческихъ актахъ Западной Россіи.

Уже нѣсколько десятковъ тысячъ народа разныхъ губерній сѣверо-западнаго края, покинувъ насильственно навязанное предкамъ ихъ латинство, возвратились въ лоно православной церкви, вошли въ великую русскую семью и тѣмъ положили твердую основу будущей счастливой и покойной жизни для своихъ дѣтей. Не отставайте же и вы, потомки нѣкогда доблестныхъ русскихъ дѣателей, отъ разумнаго движенія народныхъ массъ, скорѣе прийте неволью потерянное предками вашими славное имя русскаго и святую православную вѣру его.

О кончинѣ графа М. Н. Муравьева.

Въ Лужскомъ уѣздѣ имѣніе Сырецъ составляетъ родовую вотчину Муравьевыхъ, гдѣ покойный графъ отдыхалъ отъ заботъ и трудовъ. Здѣсь онъ, среди семьи и близкихъ знакомыхъ, былъ самымъ радужнымъ хозяиномъ. Онъ такъ цѣнилъ этимъ наследственнымъ приютомъ, по его собственнымъ словамъ, до трехсотъ лѣтъ состоящимъ въ его родѣ, что въ послѣднее время сдѣлалъ все возможное для его устройства, причемъ крестьяне ближайшей деревни, бывъ отдалены отъ дома лишь на 120 саж., получили до 400 руб. на дворъ; всѣ постройки возобновлены, сады увеличены, водопроводъ и всѣхъ родовъ земледѣльческія машины и орудія, казалось, не оставляли желать ничего лучшаго для сельской жизни помѣщика. Но графъ Михаилъ Николаевичъ думалъ иначе: онъ желалъ увѣнчать все сдѣланное постройкою особой домовою церкви; мѣсто, имъ назначенное, вблизи дома, была глинистая гора, и, не смотря на всѣ затрудненія, опоясанная двумя дорожками, сбѣгавшими къ мосту, обратилась въ стройное, возвышенное подножіе св. храма, составлявшаго послѣднюю цѣль именитаго владѣльца.

Едва постройка церкви была кончена, какъ назначено освященіе, и 26-го августа, къ величайшему удовольствію покойнаго графа Михаила Николаевича, это торжественное событіе совершилось, при многочисленномъ стеченіи народа и явномъ благословеніи Божию, въ прекрасный, теплый и свѣтлый день, какихъ въ эту пору года на нашемъ сѣверѣ такъ немного. Все было весело, радостно, все ликовало, отъ хозяина до послѣдняго пришельца.

По возвращеніи въ домъ, послѣ искреннихъ поздравленій хозяину съ исполненіемъ столь давняго и пламеннаго желанія, принимавшему всѣ изъявленія съ искреннею радостію, ему, какъ почетному мировому судѣ, былъ поднесенъ узаконенный знакъ это-

го званія. Надобно было видѣть трогательное умиленіе графа чтобы судить о томъ внутреннемъ настроеніи, какимъ Богу угодно было поддерживать слабѣвшія силы старца, полного заслугъ Царю и отечеству. Знакъ былъ представленъ предсѣдателемъ мирового съѣзда и предводителемъ дворянства. Покойный графъ, обратясь къ первому изъ нихъ сказалъ: «Да, этотъ знакъ избранія, вась, какъ старшаго, прошу возложить на меня». Кто бы подумалъ, что въ эту минуту не только дни, но и часы маститаго, но бодрого и веселаго старца были уже изочтены до конца!

Это было въ пятницу; субботу и воскресенье, графъ былъ такъ здоровъ и такъ хорошо расположенъ; что не оставалось желать ничего для него лучшаго. Въ воскресенье, отходя по обыкновенію ко сну, онъ разговаривалъ съ своимъ старымъ камердинеромъ Василиемъ, 34 года ему служившимъ, и повторилъ какъ всегда свою обычную фразу: «разбудить въ 6 часовъ». Камердинеръ напомнилъ о пріемѣ порошка на ночь, но графъ сказалъ: «Нѣтъ, сегодня мнѣ такъ хорошо, приму утромъ». Легъ, закрылся и старый слуга откланявшись вышелъ.

Въ 4½ часа человекъ, спавшій близъ спальни, слышалъ его кашель.

Въ 6 ровно вошелъ камердинеръ и, конечно въ тысячный разъ своихъ утреннихъ входовъ проговорилъ: «Михаилъ Николаевичъ—6 часовъ». Отвѣта нѣтъ. Онъ ближе къ кровати: «Михаилъ Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ!». Тоже молчаніе. Онъ за руку—концы пальцевъ холодны; онъ рукою по лбу—тепелъ, но глаза сомкнуты. Старикъ задрожалъ и безъ памяти побрелъ въ спальню старшаго сына. Скоро собралась вся семья и видятъ, что ни подушка, ни одѣяло, ничто съ мѣста не тронуто; точь въ точь какъ легъ съ вечера, такъ и въ 7 часовъ утра лежалъ предъ ними ихъ драгоценный ликъ, но уже хладѣющій.

Когда подняли, одна сторона лица была краснѣе. Призванный докторъ объявилъ, что это ударъ отъ разрыва мозговыхъ жилъ. Ровно чрезъ сутки тѣло тронулось, привезли гробъ, перенесли въ ту же церковь. Нельзя не припомнить, что одному изъ своихъ близкихъ, уѣзжавшему послѣ освященія въ Петербургъ, онъ говорилъ: «Ну хорошо, поѣзжай, но помни, что 29-го наша паннихида по усопшимъ воинамъ, погибшимъ отъ мятежа въ нашихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ»!

Графъ Михаилъ Николаевичъ былъ первымъ, за кого въ этотъ день молились въ церкви, такъ усердно имъ самимъ уготованной.

!Въ четвергъ, въ 7 ч. утра, мы провожали покойника до г. Луги, гдѣ печальная колесница встрѣчена на паромѣ чрезъ рѣку, спущена и поднята народомъ. По совершеніи литіи на берегу городскимъ духовенствомъ, тотъ же народъ довезъ гробъ до станціи желѣзной дороги, въ сопровожденіи артиллеріи въ пѣшемъ строю и мѣстной воинской команды. (Съверн. Почт.).

Послѣдніе дни графа М. Н. Муравьева.

Мы находимъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*, и отчасти въ *Сѣверной Почтѣ*, слѣдующія свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни графа М. Н. Муравьева. Графъ Михаилъ Николаевичъ выѣхалъ изъ Петербурга 21-го августа въ свое имѣніе Лужскаго уѣзда, Сырецъ, для освященія храма, воздвигнутаго имъ въ память воиновъ, павшихъ при усмирении послѣдняго мятежа въ западныхъ губерніяхъ. Постройка этой церкви начата имъ была въ бытность его еще главнымъ начальникомъ сѣверо-западнаго края, и въ послѣднее время онъ былъ особенно озабоченъ скорѣйшимъ окончаніемъ этого дѣла, желая освятить храмъ тотчасъ по окончаніи занятій въ слѣдственной комиссіи, по дѣлу о покушеніи 4-го апрѣля. Все время отъ дня пріѣзда въ имѣніе до освященія. — 24-го августа, проведено было графомъ въ приготовленіяхъ къ освященію, которое онъ желалъ сдѣлать съ особеннымъ торжествомъ. 25-го августа все было готово, и на столѣ, въ церкви, сложена была вся церковная утварь, часть которой была пожертвована разными лицами. Особенно великолѣпны были евангелія, благословеніе двухъ маститыхъ архипастырей: московскаго—Филарета и литовскаго—Иосифа. Наконецъ насталъ давно ожидаемый день 26-го числа, къ которому съѣхалось все семейство графа и лица ему близкія. Освященіе произведено было при большомъ стеченіи народа, котораго насчитывали до 3.000 человекъ. По окончаніи торжественнаго обряда и принесеніи графу поздравленій съ освященіемъ церкви, а также и съ совпавшимъ въ одинъ день, днемъ его супружества, начался праздникъ для поселенъ на луку, окружающемъ церковь, а вечеромъ садъ былъ освѣщенъ красивою иллюминаціей и сожженъ былъ фейерверкъ. Въ этотъ же день мѣстные предводитель дворянства и редсѣдатель мирового съѣзда, поднесли покойному графу, какъ почетному мировому судѣ, знакъ, установленный для этого званія. Гости, свѣтскіе и духовные, съѣхавшіеся къ торжеству освященія, пробыли въ Сырцѣ до слѣдующаго утра, послѣ чего у графа оставались лишь самые близкіе родственники. Не смотря на утомленіе предшествовавшихъ дней, графъ Михаилъ Николаевичъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и бодрымъ и предполагалъ выѣхать 29-го числа, отслуживъ утромъ паннихиду по убиеннымъ во время польскаго мятежа. 28-го, утромъ, графъ Михаилъ Николаевичъ былъ у обѣдни во вновь освященномъ храмѣ и чувствовалъ себя на столько вѣрнымъ, что все время простоялъ. По окончаніи обѣдни, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, онъ сажалъ въ воспоминаніе дня освященія храма, кругомъ его деревья. До послѣдняго дня занимался онъ дѣлами слѣдственной комиссіи, которую намѣревался закрыть 31-го числа; бумаги ежедневно присылались къ нему изъ Петербурга, и еще 28-го числа, вставъ по обыкновенію въ 5 часовъ, онъ слушалъ докладъ по комиссіи и

кладъ на бумагахъ резолюціи. Вечеромъ, 28-го графъ наговорившись о событіяхъ 1863 года въ Литвѣ, излагалъ объ этомъ дѣль свое мнѣніе и указывалъ причины развитія мятежа. Было уже почти 12 ч., когда графъ всталъ и началъ прощаться, напомнивъ всѣмъ, что на слѣдующій день нужно рано встать, чтобы быть на паннихидѣ. Прощаясь, онъ, противъ обыкновенія, цѣловался, говоря, что прощается въ Сырцѣ, такъ какъ на слѣдующій день назначенъ былъ выѣздъ въ Петербургъ. Ложась спать, онъ приказалъ слугѣ своему, находившемуся при немъ 36 лѣтъ безотлучно, разбудить себя въ 5 часовъ (1), сказавъ ему: надо завтра быть при паннихидѣ, а въ 11 часовъ выѣдемъ. Графъ спалъ въ комнатѣ, расположенной рядомъ съ своимъ кабинетомъ, гдѣ на ночь помѣщался слуга. Утромъ, 29-го числа, въ 6 часовъ, слуга вошелъ въ комнату графа Михаила Николаевича и началъ его будить. Замѣтивъ, что графъ на голосъ его не отзывается, онъ взялъ его за руку, но былъ пораженъ, почувствовавъ ее холодною, а призванный немедленно домашній докторъ, г. Варенуха, удостовѣрилъ, что всякая помощь оказывается невозможною. Оконечности были холодныя, тѣло сохраняло еще теплоту. Графъ казался спящимъ: онъ лежалъ на правомъ боку, подложивъ подъ голову лѣвую руку; правая рука свободно лажала на груди; глаза были закрыты, ноги же сохраняли положеніе спящаго человѣка, но вытянувшись судорожно. На столѣ лежала ложка съ непринятымъ графомъ порошкомъ, къ которому онъ обращался въ случаѣ сильнаго кашля ночью. Слуга слышалъ, какъ графъ еще въ пятомъ часу утра кашлялъ. По мнѣнію г. Варенухи, смерть произошла во время сна внезапно, отъ остраго паралича сердца, или отъ разрыва разрыхлѣвшей ткани его или сосудовъ. Впрочемъ покойный графъ давно страдалъ кашлемъ и одышкою, которые однакожъ не сильно беспокоили его въ послѣднее время.

Извѣстіе о кончинѣ графа Муравьева мгновенно распространилось по окрестнымъ деревнямъ, и крестьяне толпами приходили поклониться его праху. Выносъ тѣла въ церковь послѣдовалъ 30-го августа. 1-го сентября потянулось печальное шествіе изъ села въ Лугу, отстоящую въ 18-ти верстахъ отъ Сырца. Крестьяне наперерывъ просили разрѣшенія запрягать своихъ лошадей въ дроги. Съ парома у Луги дроги уже до самой станціи железной дороги везли крестьяне. У заставы встрѣтило и проводило гробъ до станціи городское духовенство, а равно и расположенныя тамъ войска, изъ коихъ артиллерійская батарея находилась въ сѣверо-западномъ краѣ въ 1863—65 годахъ.

(1) Здѣсь есть разница въ цифрахъ съ предыдущемъ описаніемъ: не знаемъ котормя изъ нихъ достовѣрнѣе. *Ред.*

Погребеніе Графа Муравьева.

2-го сентября, въ Александро-Невской лаврѣ совершено погребеніе графа Михаила Николаевича Муравьева. Государю Императору угодно было почтить память усопшаго Своимъ присутствіемъ. Государя Великіе Князья, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Владимиръ Александровичъ, Принцъ Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій, Герцогъ Георгъ Мекленбургъ Стрелицкій, почти всѣ находящіеся въ С.-Петербургѣ члены государственнаго совѣта и министры и значительное число другихъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, также присутствовали при печальномъ обрядѣ. Въ строй находились почетный караулъ отъ пермскаго, имени покойнаго графа Муравьева полка, лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ и бригада артиллеріи. При выносѣ гроба изъ церкви, Государь Императоръ изволилъ находиться верхомъ передъ строемъ войскъ. Ближайшіе родственники и прежніе сослуживцы усопшаго несли гробъ до могилы. Раздался троекратный почетный залпъ и земля приняла въ свои нѣдра одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей нашего времени.

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ родился въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія.

Въ 1812 году, въ возрастѣ еще почти отроческомъ, онъ былъ произведенъ въ офицеры и тяжело раненъ въ приснопамятной бородинской битвѣ. Съ тѣхъ поръ, по день своей кончины, онъ не прекращалъ своей служебной дѣятельности. Въ разное время, на разныхъ поприщахъ, проявились тѣ самыя свойства и способности, та сила воли и энергія дѣйствій, которыми были ознаменованы, въ наше время, послѣдніе годы его жизни. Графъ Муравьевъ былъ вице-губернаторомъ въ Могилевѣ, губернаторомъ въ Могилевѣ, Гроднѣ и Курскѣ, директоромъ департамента податей и сборовъ, директоромъ межеваго корпуса, сенаторомъ, членомъ государственнаго совѣта, министромъ государственныхъ имуществъ, предсѣдателемъ департамента удѣловъ, затѣмъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ его сильная рука быстро подавила мятежъ 1863 г., наконецъ предсѣдателемъ особой слѣдственной комиссіи, учрежденной по поводу преступнаго покушенія 4-го апрѣля.

Графъ Муравьевъ обладалъ замѣчательнымъ умомъ, самыми разнообразными и притомъ обширными познаніями, необыкновенною памятью и способностью къ настойчивому и неутомимому труду, еще болѣе необычайною. Аналитическій складъ его ума облегчалъ ему точное изученіе всѣхъ предметовъ, къ которымъ обращались его занятія, и эта же самая способность къ анализу была постояннымъ побужденіемъ къ тѣмъ преобразованіямъ, которыя онъ предпринималъ или старался вводить въ разныхъ частяхъ управленія, въ разное время ввѣрившихся его попеченію. Съ этими

блистательными способностями государственнаго дѣятеля онъ соединялъ, что быть можетъ менѣе извѣстно, рѣдкое добродушіе въ домашнемъ и семейномъ быту. Въ тѣ немногія минуты, когда онъ считалъ себя свободнымъ отъ служебныхъ заботъ и обязанностей, въ немъ встрѣчался радушный хозяинъ, пріятный и всегда поучительный собесѣдникъ.

Графъ Муравьевъ скончался скоропостижно, въ ночь съ 28-го на 29-е августа, въ своемъ имѣніи—селѣ Сырцѣ, Лугскаго уѣзда С.-Петербургской губерніи. Наканунѣ его кончины была освящена, въ его присутствіи, устроенная его попеченіемъ церковь. Такимъ образомъ завершилась исполненіемъ христіанской благочестивой мысли жизнь, преисполненная трудовъ на поприщѣ служенія престолу и отечеству.

(Съв. Почта).

Браткій очеркъ служебной дѣятельности графа Михаила Николаевича Муравьева.

Незабвенныя заслуги покойнаго графа Муравьева по водворенію спокойствія въ сѣверо-западномъ краѣ достойно оцѣнены всею Россією. Память о дѣятельности Михаила Николаевича въ краѣ, взволнованномъ польскими крамолами, память о дѣятелѣ разумномъ, энергическомъ и самотверженно преданномъ нашимъ общимъ русскимъ интересамъ, никогда не изгладится изъ народныхъ воспоминаній.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ родился въ 1796 году. Окончивъ курсъ образованія въ московскомъ университетѣ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, онъ въ 1811 году поступилъ на службу колонно-вожатымъ (на правахъ подпрапорщика) и въ слѣдующемъ, 1812 году, произведенъ въ прапорщики въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части (что нынѣ генеральный штабъ). Получивъ весьма основательное образованіе, Михаилъ Николаевичъ, въ достопамятную годину отечественной войны, посвятить себя исключительно боевой дѣятельности. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, онъ, еще шестнадцать лѣтъ отъ роду, былъ назначенъ состоять при главномъ штабѣ дѣйствующей арміи. Вскорѣ судьба доставила ему сдучай обнаружить свои дарованія и кровью запечатлѣть преданность отечеству. Какъ офицеръ генеральнаго штаба, онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ знаменитомъ бординскомъ сраженіи, гдѣ былъ тяжело раненъ ядромъ въ лѣвую ногу. За оказанныя въ этомъ сраженіи отличія прапорщикъ Муравьевъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ (что нынѣ съ мечами).

Едва оправившись отъ болѣзни послѣ полученной раны, подпоручикъ Муравьевъ снова явился въ рядахъ арміи и, въ качес-

твѣ состоявшаго при начальникѣ главнаго штаба Его Величества, принималъ участіе въ сраженіи подъ Дрезденомъ въ 1813 году.

Въ началѣ 1815 года подпоручикъ Муравьевъ былъ командированъ съ особымъ порученіемъ на кавказскую линію, гдѣ и оставался почти до конца года. Дальнѣйшая, собственно военная служба Михаила Николаевича, вслѣдствіе разстроеннаго его здоровья, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Въ 1820 году, послѣ довольно продолжительнаго лѣченія, подполковникъ Муравьевъ долженъ былъ оставить службу и выйти въ отставку за раню. Но не долго оставался въ бездѣйствіи Михаилъ Николаевичъ: въ 1826 г. онъ снова поступилъ на службу, посвятивъ себя исключительно административной дѣятельности.

Поступивъ на службу въ 1826 году, подполковникъ Муравьевъ былъ первоначально зачисленъ съ состояніемъ по арміи, но въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ переименованіемъ въ чинъ коллежскаго совѣтника, назначенъ витебскимъ вице-губернаторомъ.

Съ этого времени, съ 1827 по 1834 годъ, въ теченіе семи лѣтъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ оставался на службѣ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ— въ краѣ, гдѣ почти чрезъ тридцать лѣтъ ему пришлось такъ блистательно заявить свою энергію и знаніе края, выполняя предначертанія Государа Императора. Въ этомъ краѣ Михаилъ Николаевичъ, какъ сказано, былъ первоначально витебскимъ вице-губернаторомъ, потомъ моголевскимъ (въ 1828 г.) и наконецъ гродненскимъ губернаторомъ (въ 1831 г.). Стажавъ репутацію разумнаго гражданскаго администратора, Михаилъ Николаевичъ успѣлъ, вовремя принятыми благоразумными мѣрами, предотвратить распространеніе польскихъ волненій отъ Моголевской губерніи. Затѣмъ, временно состоя при графѣ Толстомъ, главнокомандовавшемъ резервною арміею, своимъ знаніемъ сѣверо-западнаго края, дѣйствительный статскій совѣтникъ Муравьевъ оказалъ большую помощь успѣшному подавленію польскаго мятежа 1831 года въ предѣлахъ этого края.

Въ 1835 году генераль-маіоръ Муравьевъ (переименованный въ этотъ чинъ еще въ 1832 году) былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ г. Курска и курскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ вызванъ на время въ С.-Петербургъ, гдѣ и принималъ весьма дѣятельное участіе въ комитетѣ объ учрежденіи новаго управленія казенными поселянами. Въ 1839 году Михаилъ Николаевичъ былъ назначенъ директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ и вскорѣ затѣмъ пожалованъ въ тайные совѣтники, вмѣстѣ съ назначеніемъ присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ (въ 1842 г.). Въ томъ же году тайный совѣтникъ Муравьевъ назначенъ управляющимъ межевымъ корпусомъ. Съ этихъ поръ полезная дѣятельность Михаила Николаевича получаетъ гораздо большее развитіе, и въ 1849 году мы видимъ генераль-лейтенанта Муравьева уже членомъ государственнаго совѣта. Въ 1856 году генераль-отъ-инфантеріи Му-

равьевъ, оставаясь попрежнему директоромъ жежеваго корпуса, былъ назначенъ предсѣвателемъ департамента удѣловъ, а въ слѣдующемъ году министромъ государственныхъ имуществъ.

Обширный и разнообразный кругъ дѣятельности Михаила Николаевича вызвалъ полную энергію, которою былъ одаренъ этотъ государственный дѣятель.

Въ 1862 году генераль отъ инфантеріи Муравьевъ, согласно прошенію его, по разстроенному здоровью, былъ всемилостивѣйше уволенъ отъ должности министра государственныхъ имуществъ.

Въ среднѣ слѣдующаго, 1863 года, генераль отъ-инфантеріи Муравьевъ былъ назначенъ виленскимъ военнымъ губернаторомъ и генераль-губернаторомъ гродненскимъ, ковенскимъ и минскимъ и командующимъ войсками виленскаго военного округа, съ правами и властью командира отдѣльнаго корпуса въ военное время и съ подчиненіемъ ему на томъ же основаніи губерній Витебской и Могилевской, съ войсками, въ оныхъ расположенными. Время этого назначенія генерала Муравьева совпадаетъ съ развитіемъ польскаго мятежа въ сѣверо-западномъ краѣ. Мы не будемъ здѣсь говорить о заслугахъ графа Муравьева по усмиренію польскаго волненія и водворенію въ этомъ искони-русскомъ краѣ спокойствія, и еще разъ повторимъ: заслуги его не умрутъ въ памяти русскаго народа.

Во время своей незабвенной дѣятельности въ сѣверо-западномъ краѣ генераль Муравьевъ получилъ слѣдующія награды: орденъ св. Андрея Первозваннаго, назначеніе шефомъ 101-го пѣхотнаго Пермскаго полка и наконецъ графское достоинство Россійской Имперіи.

Въ 1865 году графъ Муравьевъ, согласно его прошенію, уволенъ отъ званія генераль-губернатора и командующаго войсками виленскаго военного округа.

Послѣ краткаго очерка служебной дѣятельности графа Муравьева, считаемъ долгомъ упомянуть объ ученыхъ занятіяхъ покойнаго графа.

Михаилъ Николаевичъ, среди своихъ многосложныхъ государственныхъ занятій, удѣлялъ много времени и занятіямъ ученымъ. Одно время онъ былъ вице-предсѣвателемъ Императорскаго русскаго географическаго общества, а затѣмъ избранъ почетнымъ членомъ этого ученаго собранія. Кромѣ того графъ Муравьевъ былъ почетнымъ членомъ академіи наукъ и Императорскихъ университетовъ: московскаго, харьковскаго и кіевскаго (св. Владиміра), Императорской публичной бібліотеки, Императорскаго московскаго общества испытателей природы, одессаго общества исторіи и древностей, бывшаго горыгорецкаго земледѣльческаго института, и проч.

(Рус. Инв.)

НОЧЬ СЪ 28-го НА 29-е АВГУСТА 1866 ГОДА.

(По поводу воячки графа М. Н. Муравьева.)

Въ эту роковую ночь почилъ спомъ смертныиъ, отъ многотрудной жизни, человекъ, стяжавшій нравственное безсмертiе; въ эту роковую ночь Россiя понесла великую утрату, потому что въ эту ночь не стало одного изъ лучшихъ ея сыновъ, не стало мужа русской силы, рѣдкаго ума, непреклонной воли, изумительной дѣятельности, — страшнаго врагамъ и незабвеннаго для истинныхъ друзей православной Россiи. Мы не называемъ этого мужа по имени, потому что Россiя знаетъ и никогда не забудетъ, кого она лишилась въ ужасную ночь съ 28-го на 29-е августа 1866 года.

Очеркъ разносторонней, продолжительной и многослѣдной дѣятельности графа Михаила Николаевича Муравьева составитъ одну изъ незабвенныхъ и поучительнѣйшихъ страницъ исторiи западной Россiи. Мы сочли бы святотатствомъ попытку обрисовать въ вѣстоющей милюетной замѣткѣ всѣ фазисы жизни этого великаго человека. Это трудъ капитальный, это счастье, увы! не для насъ. Но мы можемъ, мы должны, хоть слегка, хоть мимоходомъ, коснуться той его предпоследней службы, которую онъ сослужилъ вѣрвѣ, царю и отечеству въ западномъ краѣ Россiи, и которая развивалась и окончилась на нашихъ глазахъ. Кто знаетъ, что было бы съ этимъ многострадальнымъ краемъ, какъ долго, какъ далеко протянулось бы его отчужденiе отъ семьи русской, какъ долго гноились бы его язвы, если бы выборъ смирителя польской крамоли въ 1863 году былъ сдѣланъ не такъ удачно, если бы вдохновенная свыше мысль русскаго Монарха не остановилась въ эту смутную эпоху на томъ человекѣ, который, — выразимся словами евангелiя, — былъ „единнымъ на потребу,“ былъ, можетъ быть, и призванъ къ бытiю для этой потребности провидящей о православной Россiи благостью Божiей. Слава и благодаренiе Царю небесному и Царю земному!

При одномъ извѣстiи о назначенiи графа Муравьева начальникомъ сѣверо-западнаго края на столько же градусовъ понизились надежды *шановныхъ*, на сколько поднялись ожиданiя преданныхъ Царю и отечеству сыновъ Россiи. Казалось бы — ничего особеннаго не случилось: не пришли новыя отряды войскъ, не доставлены свѣжiя боевыя орудiя и снаряды, численность русской

силы увеличивалась одной только единицей; но какъ, должно быть, крупна была эта единица, какое огромное приращеніе сдѣлала она къ этой силѣ, когда такъ сильно приуныли враги и такъ замѣтно приободрились друзья Россіи! И не напрасно было отчаяніе первыхъ и восторгъ послѣднихъ! Лишь только появился среди восторженной Вильны вождѣльннй ея гость — хозяинъ, уцекинеры начѣли искать лѣсовъ болѣе непроходимыхъ, болотъ менѣе доступныхъ, русскіе смѣлѣе взглянули на мѣръ Божій, бодрѣе пошли по пути чести и долга, безстрашнѣе смотрѣли въ лицо бинжалщикамъ и вѣшателямъ, полурусскіе нашли удобнѣйшимъ казаться вполне русскими, не скупиться на адреса, заискиванья, униженія; чуждые странѣ наросты начали постепенно отваливаться, нерусскія примѣты ступшевываться, край быстро началъ принимать русскую фizioномію, заговорилъ русской рѣчью, зажилъ русской жизнью, сбросилъ польско-жидовское рубище, обновился, переродился.

Чтобы достигнуть подобныхъ результатовъ, нужны были: неуспнная дѣятельность, широкій умъ, упругая воля, непоколебимый патріотизмъ со стороны правителя западной Россіи. Всѣ эти качества, въ высшей ихъ степени, были сосредоточены въ лицѣ покойнаго графа Муравьева. Одной рукой онъ разбивалъ, истреблялъ шайки крамольниковъ, разрушалъ чуждые странѣ памятники прошлой пропаганды, врачевалъ застарѣлую латино-польскую болѣзнь края, другой сѣялъ сѣмена новой русской жизни, воздвигалъ изъ праха забвенія поруганнаго святнни русской вѣры и народности, поднималъ нравственное значеніе и матерьяльное довольство русскаго въ краѣ элемента, проводилъ въ страну токи новой, свѣжей русской жизни. Мы не исчисляемъ здѣсь частныхъ этой дѣятельности какъ потому, что онѣ всѣмъ извѣстны, такъ и потому, что онѣ увѣковѣчены въ Сборникѣ, изданномъ генераломъ Цыловымъ, который и поручаемъ вниманію людей русскихъ.

Вдыхая русскую жизнь въ страну ополченную и олатиненную, графъ Муравьевъ счелъ нужнымъ призвать и насъ къ сильной дѣятельности на пользу области, ввѣренной его правленію. Довѣріе къ покойному графу, жажда новой дѣятельности, при новой обстановкѣ, — заставили насъ безъ раздумья покинуть страну, столь счастливую въ климатическомъ, экономическомъ и нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, какъ Кіевъ. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ мы оправдали его ожиданія, какъ истолкованы предъ

нимъ наши намѣренія и дѣйствія; знаемъ только — и никогда не забудемъ того, что дѣло наше крѣпко приходилось по мысли и сердцу покойному графу Муравьеву. Теперь, когда обоюдная скромность не препятствуетъ искренности заявленія подлинныхъ ощущеній, когда уста, изрекшія намъ слово ободренія и одобренія, запечатлѣны смертію, — мы считаемъ долгомъ признательности подѣлиться этимъ словомъ съ нашими читателями. Вотъ что писалъ изъ Петербурга въ Кіевъ (1) Михаилъ Николаевичъ редакціи „Вѣстника западной Россіи.“ „Мнѣ весьма пріятно пожелать, чтобъ издаваемый ими (редакторами) журналъ, — *первый* изъ нашихъ журналовъ, открыто и благородно вступившій въ борьбу съ врагами Россіи и обличающій постоянно обманъ и ложь, на которыхъ крамольное польское племя основываетъ свои противозаконныя притязанія на нарушеніе цѣлости и единства любезнаго нашего отечества, — что бы журналъ этотъ и на будущее время продолжалъ также честно и успѣшно трудиться въ пользу православія и русской народности.“ Болѣе компетентнаго судьи и цѣнителя нашей дѣятельности, чѣмъ графъ Муравьевъ, нѣтъ во всей Россіи; болѣе, потому, лестной и незабвенной аттестаціи нашему труду мы не смѣемъ и желать; эта аттестація есть лучшая награда наша, есть источникъ той бодрости, въ которой мы часто нуждались на опасномъ и тернистомъ пути нашемъ, — той вѣры въ себя, въ пользу нашего дѣла, которая порой, при реакціи враговъ и лжебратій, изсякала въ нашемъ скорбномъ духѣ.

Мы недаромъ назвали сейчасъ — *лжебратіи*: они едва ли не вреднѣе и опаснѣе для Россіи враговъ. Для отысканія ихъ, вразумленія и обузданія нужно несравненно больше зоркости, единодушія, самоотверженія и энергіи, чѣмъ для одолѣнія враговъ. Отъ врага домашняго даже не защищаются; онъ можетъ поразить насъ когда и куда угодно; Каракозовъ могъ направить свой ударъ прямо въ то сердце, для котораго бьются всѣ сердца русскія. Враги наши это чувствовали и особенно усиливались растлить и ослабить Россію всяческимъ отрицаніемъ, воспитать въ ней побольше враговъ домашнихъ, которые расчистили бы дорогу въ революціи, указали большыя мѣста Россіи и пособляли врагамъ внѣшнимъ — наносятъ ей раны и вѣрнѣе и глубже. Но

(1) 14-го мая 1864 г. за № 6306.

расчетъ ихъ, конечно, оказался слишкомъ преувеличеннымъ. Лишь только могучая рука смирителя всендзо-шляхетскаго буйства раздавила враговъ внѣшнихъ, — враги домашніе устыдились, устрашились и разсѣялись: кое только какіе отрывки отжившей своей вѣкъ безобразной организаціи остались грустнымъ памятникомъ минувшаго наноснаго растлѣнія нравственнаго. Съ 64-го года замѣтно слабѣетъ качество и количество отрицаній и отрицателей; 4-го апрѣля 66-го года можно считать днемъ издыханія русскаго нигилизма; — такимъ образомъ, графъ Муравьевъ, поражая враговъ чужихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вразумлялъ и обуздывалъ и враговъ домашнихъ. Нравственная сила такъ велика и широка, что подавляя извѣстное зло, она подавляетъ въ то же время всѣ его отрасли и проявленія, съ которыми, какъ будто и не входила въ соприкосновеніе. Но вотъ Промыслу угодно было избрать смирителя враговъ чуждыхъ, обличителемъ и указателемъ враговъ домашнихъ, и эта служба Царю и отечеству была послѣднею въ жизни человѣка, оказавшаго имъ незабвенныя услуги: окончаніе этой службы совпало съ окончаніемъ земнаго бытія графа Михаила Николаевича Муравьева.

За подвиги и услуги, оказанныя Россіи въ послѣдніе годы жизни, графъ Муравьевъ пользовался такимъ благоговѣніемъ русскаго народа, которому не представляетъ образчика никакая исторія никакой націи. По случаю разныхъ обстоятельствъ его жизни и частной и общественной, онъ столько получалъ привѣтствій, заявленій, адрессовъ, столько принималъ депутацій и разныхъ внѣшнихъ знаковъ уваженія, памяти и признательности, что исчисленіе ихъ выходитъ изъ объема настоящей журнальной замѣтки. Но признательная Россія должна увѣковѣчить память великаго государственнаго мужа монументомъ болѣе прочнымъ и всеобщимъ. Памятникъ графу М. Н. Муравьеву, сочетавшему въ своемъ лицѣ и Минина и Пожарскаго, какъ нельзя больше совпалъ бы съ желаніями и ожиданіями народа русскаго. Такой памятникъ всего умѣстнѣе въ Вильнѣ и именно — на лучшей и центральной площади предъ кафедральнымъ соборомъ виленскимъ, составляющимъ и лучшее украшеніе православной Вильны и новый памятникъ ея обновителю и ревнителю въ краѣ русскаго вѣры и народности.

**Корреспонденція въ „Вѣстникъ западной Россіи“
изъ Жолевы (въ Галиціи).**

Новѣйшія извѣстія очень неблагопріятны для Руси. Графъ Агеноръ Голуховскій, говорятъ, не только назначенъ намѣстникомъ и организаторомъ Галиціи (*), но и получилъ особеннаго рода полномочіе. Лахи радуются, торжествуютъ, — приготовляются иллюминаціи, факельцуги, фейерверки, манифестаціи. Полонія ѣдутъ, — прочь русины, прочь нѣмцы! Уже заблаговременно прочать въ отставку всѣхъ значительнѣйшихъ русиновъ и кое-какихъ не полякующихъ нѣмцевъ. Куземскій, Петрушевичъ, Головацкій, Яновскій, Кульчицкій — прочь, въ отставку! Мѣста ихъ нужны для поляковъ и полякующихъ! — прочь съ легальными чиновниками! ихъ мѣсто займутъ люди принадлежавшіе къ бывшему тайному ржонду. И устроится во имя австрійскаго императора новый, но уже явный, законный польскій народный ржондъ! прошумѣли сеймовые толки, крики и споры! узетѣли надежды Руси, что цесарь не подтвердитъ рѣшеній большинства сейма; императоръ не удостоилъ вниманія трехмилліоннаго народа. Ни одному желанію Руси не удовлетворено. Галиція не раздѣлена, а плотно связана, и отдана во власть поляковъ, языкъ ея не введенъ ни въ школы, ни въ управленіе и совсѣмъ будетъ выброшенъ изъ гражданскаго обихода, — народность русская попрана. Русины устроили было политику свою такъ, чтобы интересы ихъ соглашались бы по возможности съ интересами династіи. Нынѣ все дѣлается наперекоръ этой политикѣ. Лахи перехитрили всѣхъ. Аристократія ихъ и иезуитство завладѣли министерствами. Рѣшенія польскаго большинства сеймоваго одобряются одно за другимъ. Поляки организуются, кричатъ: „война Москвѣ и схизмѣ, погибель русинамъ!“ Вотъ гдѣ начало рѣшенія восточнаго вопроса! Уже началась война противъ Россіи, все равно Великой, Бѣлой, Малой, Черной и Червоной, — но война противъ Россіи! *Спаси люди Твоя, Господи, и благослови достоиніе Твое.*

(*) Изъ газетъ извѣстно, что онъ уже прибылъ въ Львовъ и вступилъ въ должность намѣстника.

ЗАМѢТКА О ВИЛЕНСКОЙ КАЛЬВАРИИ НА ВЕРКОВСКИХЪ ГОРАХЪ.

Мы уже замѣчали неоднократно въ нашемъ журналѣ, что почти всѣ, разныхъ видовъ и названій, религіозныя р. католическія памятники, разсыянные на всемъ пространствѣ западной Россіи, кромѣ пропагандическаго, имѣютъ еще и политическое значеніе; въ число такого рода памятниковъ мы отнесли и здѣшнюю Кальварію, со всѣми окружающими ее каплицами, и мы были вполнѣ правы. Вотъ что говорится о цѣли устройства Кальваріи въ одномъ документѣ, сохранившемся въ XIII томѣ актовъ виленской капитулы, подъ 1662 годомъ §§. 1340 и 1343, который мы здѣсь помещаемъ буквальною выпискою изъ 2-го тома рукописной книги вил. каноника Гербурта: „*Materiał historyczny do dziejow rocznych, czyli Kroniki Litewsko-Katolickiego Kosciola, a szczegolniey Wilenskiej Dycezyi. etc. etc.*“

(ПОДЛИННИКЪ).

Stuchali też następnych punktow przez Jasnie Wielmożnego Pasterza osobiście po bratersku i łaskawie przekładanych. 1-mo Że na wiekuiste dziękczynienie boskiemu majestatowi za odebrane łaski w tych czasach największego zamieszania р. wydobycie i oczyszczenie Katedry Wilenskiej od obrzydłości wrogow, Kalwarye, czyli znamiona męki Panskiej w dobrach stołu biskupiego Werkach fundować i nadać myśli, żada-

(ПЕРЕВОДЪ).

Слушали (капитула) также слѣдующіе пункты, лично, братски и милостиво предложенныя его преосвященствомъ архипастыремъ. 1) Что во вѣчное благодареніе престолу Всевышняго за одержимыя благодѣянія, въ настоящія времена величайшихъ смуть, чрезъ освобожденіе и очищеніе отъ мерзостей непріятельскихъ виленской катедры думаетъ построить и надѣлать угодами Кальварію, или знамена страстей Господнихъ въ сто-

jąc na to zgodzenia się Kapituły. §. 1340, karta 312.

(ДАЛЪЕ).

Akt urzędowy konsensu kapituły na fundacyę w Werkach Kalwaryi przez Jasnie Wielmożnego Pasterza.

„Piam et sanctam intentionem, pro acceptis, his turbulentissimis et fere desperatis Rpcae Polonae et M. Duc. Littu. temporibus, a elementissimo Numine sempiterno beneficiis; praecipue pro uindicatu et a barbaris faedifragiis hostis Moschi Metropoli Ciuitate et Ecclesia Catholici Vilnae abominatione expurgata, in perennem gratitudinem, et benignissimo Numini sempiterno gratias actionem, memoriam passionis Domini nostri Jesu Christi delineationem ac descriptionem genuinam Caluariae „na górach Werkowskich, około mili od Wilna odległych i sprowadzenia tamże z czasem zakonników, po dojrzałey rozprawdzie przez samegoż Fundatora wybrać się mających; aby na budowanie kaplic tajemniczych i klasztoru obręb 7-miu włók około gór tamże położonych, z gruntów tychże dobr wieczy-

ловомъ бискупскомъ и итѣи Веркахъ и просить на то согласія капитулы.

Актъ офіціального согласія капитулы на основаніе въ Веркахъ Кальваріи чрезъ преосвященнаго архипастыря.

По благочестивому и святому внушенію, на вѣчное прославленіе и благодареніе милосердному и безсмертному Богу за ниспосланныя отъ Него, въ эти смутныя и почти отчаянныя для Польской Республики и Великаго Княжества Литовскаго времена, благодѣнія; въ особенности за побѣду и очищеніе отъ варварскихъ мерзостей вѣроломныхъ враговъ москалей столичнаго города Вильны (*) и католическаго костела (**) воспоминаніе страстей Господа нашего Иисуса Христа первобытное начертаніе и изображеніе Кальваріи на верковскихъ горахъ, около мили отъ Вильны отстоящихъ....., и вызова туда со временемъ монаховъ, по тщательному выбору и зрѣлому размышленію самого же основателя; чтобы на построеніе таинственныхъ каплицъ и кляштора пространство 7 уволокъ земли, у

(*) Говорится о занятіи Гродна, Вильны и другихъ городовъ войсками Алексѣя Михайловича во время войны его съ Польшею, кончившейся андруссовскимъ миромъ въ 1665 году.

(**) Въ подлинникѣ нѣтъ глагола, но очевидно должно читать востроить, означеновать и т. п.

ście wyłączyć, rozgraniczyć, odmierzyć i wyznaczyć; więc kapituła z dziekczynieniem przyjmując ten zamiar na gorliwie chwały Bożey pomnożenie zupełnie się nań zgodzili, wyznaczając biskupa suffragana Tyzenkę z Officialem Słupskim, oraz kanonikami Girskim i Beynartem kommissarzami do takowego granic Kalwaryi wumiaru. §. 1343, karta 313.

тѣхъ же горъ лежащей, отъ тѣхъ же имѣній отдѣлать и размѣжевать, отмѣрять и назначить. Вслѣдствіе чего капитула, принимая съ благодарностью такое намѣреніе къ усердному умноженію хвалы Богу, изъявляетъ совершенное свое согласіе и назначаетъ бискупа-суфрагана Тызенку съ офиціаломъ Слупскимъ, а также съ канониками Гирскимъ и Бейнартомъ комиссарами для такого размѣжеванія границъ подъ Калварію.

Послѣ этого, можетъ ли быть терпима на русской землѣ эта Кальварія, составляющая памятникъ, воздвигнутый нашими врагами, вслѣдствіе неудачной попытки со стороны Россіи возвратить эту землю къ древнему своему достоянію.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ редакціи „Вѣстника западной Россіи“ продаются нижеслѣдующія книги и брошюры.

- 1) *ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ*, изд. 1864 г. въ Кіевѣ, цѣна съ пересылкой, выписывающимъ отъ 1—5 экз. по 60 коп. за экземпляръ; отъ 5—10 экз. по 50 коп.; отъ 10—25 экз. по 40 коп.; отъ 25—50 экз. по 35 коп.; отъ 50—500 экз. по 30 коп.; отъ 500 и болѣе по 25 копѣекъ. Безъ пересылки сбавляется 5% съ означенныхъ цѣнъ.

Эта исторія Польши въ особенности рекомендуется для учебныхъ заведеній какъ лучшей и единственный учебникъ на русскомъ языкѣ.

- 2) *ЖИЗНЬ ЮСАФАТА КУНЦЕВИЧА*, изд. 1865 г., въ Вильнѣ.

Цѣна съ пересылкой отъ 1—5 экз. 40 коп.; отъ 5—25

экз. по 30 коп.; отъ 25—50 экз. по 25 коп.; отъ 50—100 экз. по 20 коп.; безъ пересылки уступается 5%.
 Весьма интересная и замѣчательная эта книжка переведена за границей на французскій языкъ и издана, въ настоящемъ году, въ Берлинѣ.

- 3) 2-й ВЫПУСКЪ *СБОРНИКА* документовъ, уясняющихъ отношеніе латино-польской пропаганды въ западной Россіи къ православію и русской народности.

Цѣна съ пересылкою :

Выписывающему 1 экземпляръ	70	коп.
Отъ 1 — 10 — — —	60	—
Отъ 10 — 100 — — —	50	—
Отъ 100 — 500 — — —	40	—
Отъ 500 — 1000 — — —	35	—
Отъ 1000 и даѣе — — —	30	—

Обращаться съ требованіями къ редактору—издателю „Вѣстника западной Россіи“, Ксенофону Говорскому, въ г. Вильну, и къ книгопродавцамъ—комисіонерамъ этого журнала.

О П Е Ч А Т К И.

Въ статью: „Отвѣтъ г. Скарятину“ (книж. 11, Отд. III), кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ опечатокъ, вкрались и слѣдующія:
 На стран. 8, строк. 1 напечатано—наторію, а нужно читать: исторію.

На стран. 20, строк. 7 напечатано—письма „съ дороги“, а нужно читать: письма „съ дороги“ въ такомъ же родѣ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ УНИИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.—

- 1) **Увѣщательное** письмо Пелагеи Кипріяновны Гецевичевны къ ея сыну, совратившемуся изъ православія въ унию. Стр. 41.— 2) **Подтвердительная** грамота Сигизмунда III, данная виленскому св. Троицкому монастырю на право возобновленія сгорѣвшей Пятницкой церкви въ Вильнѣ. 1611 г. Стр. 55.— 3) **Универсалъ** Владислава IV о передачѣ православнымъ двухъ церковныхъ плацевъ въ г. Вильнѣ, на которыхъ существовали церкви Пятницкая и св. Іоанна Крестителя. Стр. 57.— 4) **Инвентарь** виленской Пятницкой церкви въ 1655 г. Стр. 59.— 5) **Постановленіе** виленскаго Св. Духовскаго братства о сборѣ приношеній на постройку новой церкви въ евьевскомъ монастырѣ. 1634 г. Стр. 60.— **Жалоба** настоятеля виленскаго Св. Духовскаго монастыря о Іеронима Волчанскаго на виленскихъ іезуитовъ и другихъ всендзовъ о вооруженномъ нападеніи на монастырь, разграбленіи его и причиненіи побоевъ монахамъ и разныхъ насилій. 1736 г. Стр. 61.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.— Рѣшеніе митрополитомъ кievскимъ *Іосифомъ Солтаномъ* домогательства Виленскихъ мѣщанъ о предоставленіи имъ права избранія и ввода священниковъ въ приходскія церкви и проч. 1511 г. Стр. 65.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ЗО-ВЫДУБИЦКІЙ монастырь (окончаніе). *Св. Троицкаго*. Стр. 141.

ЕОЛОГИЧЕСКІЯ записки о Кіевѣ. *М. Максимовича*. Стр. 154.

ОДЪ Слоניםъ и примѣчательнѣйшія мѣста Слоניםкаго уѣзда. *П. Бобровскаго*. Стр. 161.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

КАКОЕ различіе между папствомъ и православіемъ. Стр. 21.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

НДЗЪ МАЦКЕВИЧЪ, предводитель шайки мятежниковъ. *А. Стороженка*. Стр. 243.

ЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.— **Освященіе** построенныхъ и закладка новыхъ церквей и часовень. Стр. 267.— **Настоящее** дворянское гвѣздо. Стр. 277.— **Мѣстечко** Кейданы. Стр. 271.— **Корреспонденція** изъ Дисненскаго уѣзда. Стр. 279.— **Магнаты** и нищіе. Стр. 283.— **Какая** будущность ожидаетъ полякующій людъ? Стр. 285.— **Присоединеніе** къ православію и исповѣдь присоединившагося. Стр. 289.— **Поляки** на частной службѣ у русскихъ. Стр. 292.— **Что такое** великорусское племя. Стр. 293.— **Письмо** изъ м. Порозово. Стр. 297.— **Циркулярное** предложеніе г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края гг. губернаторамъ. Стр. 301.— **Повѣдка** г. главнаго начальника края генералъ-адъютанта-Фонъ Кауфмана по Виленской губерніи. Стр. 306.— **Объездъ** юго-западнаго края генералъ-адъютантомъ Безакомъ. Стр. 311.— **Обращеніе** въ православіе р. католическаго епископа Джуковскаго и отрывокъ изъ письма его въ „Русскій Инвалидъ.“ Стр. 318.— **Английскій** епископъ въ Россіи. Стр. 327.— **По поводу** обращенія князя Друцкаго-Любецкаго въ православіе. Стр. 318.— **О кончинѣ** графа М. Н. Муравьева. Стр. 330.— **Последніе** дни графа М. Н. Муравьева. Стр. 332.— **Погребеніе** графа М. Н. Муравьева. Стр. 334.— **Краткій очеркъ** служебной дѣятельности графа Михаила Николаевича Муравьева. Стр. 335.

ЧЪ съ 28-го на 29 Августа 1866 года (размышленія редакціи Вѣстника западной Россіи по поводу кончины гр. М. Н. Муравьева). Стр. 339.

РРЕСПОНДЕНЦІЯ изъ Жолквы (въ Галиціи) въ редакцію Вѣстника зап. Россіи. Стр. 342.

ДѢТКА о виленской Кальваріи на верховскихъ горахъ. Стр. 344.

ВЪВЛЕНІЕ. Стр. 345.

Handwritten text, possibly a signature or name, written vertically on the right side of the page.

Маму
дубова на
сия Гунда
гранулы
спиде спиде
манарента

ei
ii
er
re
do

Манде
виринченви
манит е
сир, макъ
итомъ гора
емло то
мае бунта
сиродомби
сия ео. —

8

Wm. C. Spencer

9

СОДЕРЖАНИЕ 12-й кн. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1866 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

№ 19. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ УНИИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

- 1) **Увѣщательное** письмо Пелагеи Кипріяновны Гедевичевны къ ея свѣтѣшшему въ православіи въ унию. Стр. 41.— 2) **Подтвердительный** Сигизмунда III, данная виленскому св. Троицкому монастырю на право во вѣки спорившей Пятницкой церкви въ Вильнѣ. 1611 г. Стр. 55.— 3) **Указъ** Владислава IV о передачѣ православнымъ двухъ церковныхъ имѣній въ г. на которыхъ существовали церкви Пятницкая и св. Іоанна Крестителя. Стр. 57.— 4) **Штатутарь** виленской Пятницкой церкви въ 1655 г. Стр. 59.— 5) **Изъясненіе** виленскаго св. Духовскаго братства о сборѣ приношеній на иконостасъ церкви въ евьевскомъ монастырѣ. 1634 г. Стр. 60.— **Жалоба** виленскаго св. Духовскаго монастыря о Іеронима Волчанскаго на вѣнчаніе убитыхъ и другихъ ксендзовъ о вооруженномъ нападеніи на монастырь, рѣшеніи его и причиненіи побоевъ монахамъ и разныхъ насилій. 1736 г. Стр. 61.
- № 20. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.— митрополитомъ кievскимъ *Исидоромъ Сотакомъ* домогательства Виленскихъ епископовъ о предоставленіи имъ права избранія и ввода священниковъ въ приходскія церкви. 1511 г. Стр. 65.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

- КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ** монастырь (окончаніе). *Св. Троицкаго*. Стр. 141.
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ записки о Кіевѣ. *М. Максимовича*. Стр. 154.
ГОРОДЪ Слонимъ в примѣнительнѣйшихъ мѣстахъ Слонимскаго уѣзда. *П. Бобровскаго*.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

КОРКАВОЕ раздѣленіе между папствомъ и православіемъ. Стр. 21.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

- БСЕНДЪ** МАЦКЕВИЧЪ, предводитель шайки мятежниковъ. *А. Стожолка*. Стр. 265.
ИЗВѢЩЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.— **Освященіе** пострѣнныхъ и закладка новыхъ церквей и часовенъ. Стр. 267.— **Настоящее** дворническое гнѣздо. Стр. 277.— **Мѣсто** Безданы. Стр. 271.— **Корреспонденція** изъ Дисненскаго уѣзда. Стр. 281.— **Магнаты** и нищія. Стр. 283.— **Какая** будущность ожидаетъ полякувъ въ Россіи. Стр. 285.— **Присоединеніе** къ православію и исповѣдь присоединившагося къ православію племени. Стр. 289.— **Полюби** на частной службѣ у русскихъ. Стр. 292.— **Что** такое корусское племя. Стр. 293.— **Испѣваніе** изъ м. Порозово. Стр. 297.— **Штатутарь** предложеніе г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края г. губернатора. Стр. 301.— **Полюби** г. главнаго начальника края генераль-адъютанта Кауфмана по Виленской губерніи. Стр. 305.— **Объѣздъ** юго-западнаго края генераль-адъютантомъ Белакомъ. Стр. 311.— **Обращеніе** въ православіе р. католіка епископа Джунковскаго и отрывокъ изъ письма его въ „Русскій Инвалидъ“. Стр. 318.— **Англійскій** епископъ въ Россіи. Стр. 327.— **По поводу** вѣнчанія князя Друцкаго-Любца въ православіе. Стр. 318.— **О мѣнчинѣ** М. Н. Муравьева. Стр. 330.— **Последніе** дни графа М. Н. Муравьева. Стр. 332.— **Погрѣбеніе** графа М. Н. Муравьева. Стр. 334.— **Краткій очеркъ** общественной дѣятельности графа Михаила Николаевича Муравьева. Стр. 335.
- НОЧЬ** съ 28-го на 29 Августа 1866 года (размышленія редакціи Вѣстника западной Россіи по поводу кончины гр. М. Н. Муравьева). Стр. 339.
- КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ** изъ Жолкви (въ Галиціи) въ редакцію Вѣстника западной Россіи. Стр. 341.
- ЗАМѢТКА** о виленской Кальваріи на верховскихъ горахъ. Стр. 344.
- ОБЪЯВЛЕНІЕ**. Стр. 345.

APR 19 1933

